ИСТОРІЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

ИСТОРІЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ

ВЪ

ЕЯ ПИСАТЕЛЯХЪ И ИЗСЛѢДОВАНІЯХЪ НОВѢЙШИХЪ УЧЕНЫХЪ.

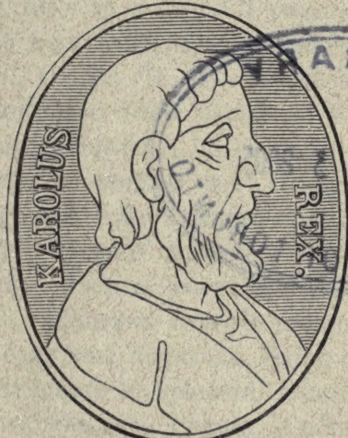
М. СТАСЮЛЕВИЧА.

II

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ:

От Карла Великаго до Крестовыхъ походовъ. 771 — 1096 г.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.



С.-Петербургъ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 лин., 7.

1886.

Оригиналъ помѣщеннаго нами въ заглавіи медальона Карла Великаго (Karolus rex) найденъ Пертцемъ въ 1827 г., въ одномъ изъ Парижскихъ музеевъ на древней хартіи, данной монастырю С.-Дени, и снимокъ съ него приложенъ къ его же третьему изданію «Жизни Карла Великаго», Эгингарда. Берлинъ 1863.

Изъ предисловія къ первому изданію.

Въ новомъ періодѣ среднихъ вѣковъ, содержаніе котораго составляетъ второй томъ, мы имѣемъ предъ собою писателей, рѣзко отличающихся по своему характеру отъ историковъ предшествующаго періода. Это обстоятельство и другія соображенія заставили меня значительно отступить отъ пріемовъ, которымъ я слѣдовалъ въ первомъ томѣ. Я долженъ былъ начать съ того, что измѣнилъ самое расположеніе частей; сначала, имѣя въ виду болѣе равномѣрность, нежели общепринятое раздѣленіе исторіи среднихъ вѣковъ на періоды, я предположилъ довести второй томъ до конца XII столѣтія, т.-е. до средины крестовыхъ походовъ, и включить туда же исторію Востока; но важность эпохи Карла В., Оттона В. и въ особенности Гильдебранда, заставила меня ограничиться одною западною Европою и притомъ въ размѣрѣ общепринятаго раздѣленія на періоды, т.-е. до начала крестовыхъ походовъ. Зато, во второмъ томѣ, извѣстія изъ писателей не имѣютъ болѣе той отрывочности, какъ то было въ первомъ томѣ. Новая историческая форма второго періода, а именно, біографія, доставила мнѣ возможность помѣстить важнѣйшіе памятники даже вполнѣ; такъ, жизнь Карла В., Людовика Благочестиваго, Альфреда В., архіепископа Бруно, императрицы Аделаиды, Одилона Клюнійскаго, Генриха IV и мн. др., приведена въ цѣлости. Важнѣйшія хроники, какъ Ліутпранда, Видукинда, Титмара, Рикера, Адама, Ламберта и д. помѣщены въ большихъ извлеченіяхъ и притомъ не иначе, какъ съ подробнымъ анализомъ содержанія всего лѣтописца, какъ предъ началомъ отрывка, такъ и послѣ, до конца хроники. Я обратилъ особенное вниманіе на прологи лѣтописцевъ, потому что они всего лучше характеризуютъ писателя и объясняютъ, какъ понимали въ то

время историческое искусство. Не мало помѣщено мною также законодательныхъ памятниковъ, писемъ и произведеній народной литературы того времени: такъ, приведены важнѣйшіе капитуляріи Карла В., Карла Лысаго, статутъ папы Николая II, письма Алкуина, Григорія VII, извлеченія изъ древней и новой Эдды, поэмы о Нибелунгахъ и т. д.

Въ остальномъ я держался прежняго порядка: въ концѣ каждой статьи у меня помѣщается біографическій и библіографическій указатель съ изложеніемъ важнѣйшихъ событій жизни автора, его отношеній къ своей эпохѣ, перечисленіе лучшихъ изданій, переводовъ и критики его сочиненій и т. д. Годы, помѣщенные въ оглавленіи статьи тѣмъ же шрифтомъ, относятся ко времени описываемаго событія или жизни лица; годъ же, помѣщенный въ скобкахъ подъ оглавленіемъ непосредственно, указываетъ на время, въ которое писалъ авторъ; такимъ образомъ читатель съ перваго взгляда можетъ видѣть, насколько близокъ или далекъ былъ историкъ къ описываемому имъ событію.

Въ концѣ тома нынѣшній разъ я счелъ необходимымъ помѣстить нѣсколько родословныхъ таблицъ для объясненія степеней родства лицъ, упоминаемыхъ лѣтописцами. Таблица № 1 имѣетъ преимущественно въ виду писателей IX вѣка и хронику монаха Рикера (ст. 40); таблица же № 2 приноровлена главнымъ образомъ къ „Антаподозису“ Ліутпранда (ст. 23, 27, 29 и 31), хотя она необходима для чтенія и другихъ писателей X вѣка.

Сверхъ того, приложена „Карта св. Римской имперіи, ея вассаловъ и сосѣдей“; желая сдѣлать свою карту болѣе пригодною для чтенія лѣтописцевъ, я принужденъ былъ, чтобы увеличить масштабъ, избрать только ту часть западной Европы, которая была во второмъ періодѣ главнымъ театромъ дѣйствія и наиболѣе подверглась территоріальнымъ измѣненіямъ, т.-е. Германію, Италію, западную Францію и Славянскую марку; для Англіи же и Испаніи можно пользоваться картою перваго тома, отъ 711 года. Вслѣдствіе того я имѣлъ возможность помѣстить на новой картѣ до 400 городовъ, мѣстечекъ, монастырей и зàмковъ. Самая карта составлена мною по той работѣ Киперта, которая приложена къ исторіи Германіи В. Гизебрехта, но помѣчены только тѣ мѣста, которыя упоминаются въ лѣтописцахъ. Города, поставленные въ скобкахъ, какъ Мюнхенъ, Брюссель и др., обозначены только для удобства оріентированія на картахъ новой географіи. Особенно подробно я старался опредѣлить Славянскую марку, потому что она была главнымъ театромъ дѣйствія отъ Карла В. до крестовыхъ походовъ, и можно даже сказать, что въ IX, X и XI вѣ-

кахъ она служила Палестиною Германіи: въ теченіе трехъ столѣтій, отъ Карла В. до Гейнриха IV, туда направлялись безпрерывные походы, имѣвшіе такой же священный характеръ, какъ и позднѣйшіе крестовые походы, потому что дѣло шло о распространеніи христіанства на сѣверѣ. Это мѣсто карты необходимо въ особенности при чтеніи Титмара, Гельмольда, Адама Бременскаго и Випона.

Я не считалъ возможнымъ комментировать каждую страницу отдѣльно, какъ будто бы ничего не было сказано выше; зато самое размѣщеніе статей сдѣлано мною такъ, что одна служитъ объясненіемъ другой; если, наприм., для того, кто читаетъ исторію завоеванія Англіи у Матвѣя Парижскаго, покажется пропускомъ съ моей стороны то, что я при упоминовеніи лѣтописцемъ какого-то Эдгара не объясняю тутъ же, что эта была за личность, то я имѣлъ на то основаніе, потому что выше у Роберта Васэ и друг. не только то объяснено, но и мною приложена генеалогическая таблица. Кромѣ того, предъ каждою эпохой я помѣстилъ историческій обзоръ, объясняющій многое, что непонятно въ отдѣльномъ лѣтописцѣ. Если бы я рѣшился комментировать каждую страницу, то мнѣ пришлось бы множество разъ повторить одно и то же, а иную страницу обратить въ цѣлое изслѣдованіе. Наконецъ, я не могъ и думать составить такіе комментаріи, которые сдѣлали бы излишнимъ и учебникъ, и преподавателя; большую часть комментарій я долженъ былъ предоставить именно дѣятельности послѣдняго.

Слѣдующій томъ, къ которому я приступлю теперь, будетъ обнимать собою самый важный періодъ среднихъ вѣковъ—крестовые походы, XII и XIII столѣтія.

М. С.

25 марта 1864 года.

ВТОРОЙ ПЕРІОДЪ

ОТЪ КАРЛА ВЕЛИКАГО ДО КРЕСТОВЫХЪ ПОХОДОВЪ:

IX-е, X-е и XI-е СТОЛѢТІЯ.

(768 — 1096 г.).

Историческій очеркъ періода.

Второй періодъ исторіи среднихъ вѣковъ, обнимая собою пространство слѣдующихъ по порядку триста лѣтъ, заключается между двумя великими эпохами западной образованности, временемъ Карла Великаго и началомъ крестовыхъ походовъ (768—1096 г.). Все чрезвычайное разнообразіе событій этого огромнаго промежутка времени было направлено, однако, къ одной цѣли, если судить по тѣмъ результатамъ, къ которому пришло западно-европейское общество предъ началомъ войнъ, предпринятыхъ для освобожденія Гроба Господня, въ XII и XIII столѣтіяхъ. Эти результаты прямо указываютъ на то, что и политическіе люди, начиная съ Карла Великаго и до самаго Григорія VII Гильдебранда, и первокласные умы, и инстинкты народныхъ массъ въ тотъ періодъ устремлялись, помимо своихъ личныхъ страстей, къ тому, чтобы вывести общество изъ хаоса, въ которомъ оно находилось при концѣ VIII вѣка, и создать возможный по средствамъ того времени порядокъ. Всеобщія усилія и правительствъ, и народовъ, заключились созданіемъ такъ называемой *феодальной системы*, связавшей іерархическими отношеніями общество, не имѣвшее въ себѣ данныхъ ни для какихъ политическихъ и гражданскихъ гарантій нашего времени. Вся работа IX, X и XI столѣтій была устремлена такимъ образомъ къ устройству подобнаго феодальнаго государства, въ которомъ соединялось величайшее единство, о какомъ мы не имѣемъ болѣе понятія въ наше время, съ величайшею дробностью, для которой мы у себя не нашли бы также примѣра. Вся западная Европа, состоящая нынѣ изъ нѣсколькихъ самостоятельныхъ политическихъ тѣлъ, получила тогда одного священнаго римскаго императора, и въ то же время владѣтель послѣдняго зàмка въ нѣсколько пядей земли пользовался всѣми правами верховнаго властителя.

Такая двойственность политической формы государства, выработавшаяся окончательно къ XII вѣку, поддерживалась и вытекала изъ двойственности элементовъ западнаго европейскаго общества. Преданія римской имперіи, уцѣлѣвшія въ законодательныхъ памятникахъ и произведеніяхъ классической литературы, и духъ католичества, поддерживали единство; съ другой стороны, различіе расъ,

мѣстность интересовъ, происходившая, отъ отсутствія общей цивилизаціи, требовали мелкой, самостоятельной жизни для каждаго пригорка, для каждой лощины земли.

Карлъ В. почти полувѣковымъ трудомъ доставилъ торжество римскимъ идеямъ и католическимъ: къ началу IX вѣка онъ соединилъ почти всю нынѣшнюю Германію, Францію, Италію, кромѣ южной, и Испанію до р. Эбро въ одну имперію; Англія хотя имѣла отдѣльныхъ королей, но уважала имя Карла В., и начатыя имъ сношенія съ шотландскими горцами привели бы скоро и Англію къ подчиненію. Власть Карла опиралась, однако, не на одно завоеваніе и древнее наслѣдство отъ римскихъ императоровъ; она была еще болѣе вселенскою потому, что была освящена римскимъ епископомъ, имѣвшимъ притязаніе на вселенское господство. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Карлъ не могъ не удовлетворить и различію расъ, поставивъ въ каждой области графовъ и раздѣливъ имперію между сыновьями. При слабыхъ его преемникахъ и при многочисленности членовъ фамиліи, изъ самаго устройства Карловой монархіи должно было произойти ея распаденіе. Дѣти, внуки и правнуки изъ фамиліи Карловинговъ носили имена императоровъ, но въ 877 г. внукъ Карла В., Карлъ II Лысый, призналъ наслѣдственность правительственныхъ должностей, а по сверженіи его правнука, Карла III Толстаго, въ 888 г., отдѣльныя группы по народностямъ избрали себѣ національныхъ королей, и Карлова монархія распалась на три большія (Германія, Италія и Франція) и пять малыхъ королевствъ (двѣ Бургундіи, Кастилія, Аррагонія и Наварра). Такое распаденіе сопровождалось новымъ переселеніемъ народовъ съ сѣвера, а именно, норманновъ, успѣвшихъ во Франціи, а потомъ и въ Италіи, основать герцогства. Впрочемъ вторженіе норманновъ скорѣе помогло осуществленію идеи Карла В., нежели остановило ихъ: французскіе норманны въ XI столѣтіи завоевали тѣ части западной Европы, которыя не успѣлъ присоединить Карлъ В.: а именно, они овладѣли южною Италіею, и въ 1066 г. Вильгельмъ, герцогъ Нормандіи, покорилъ Англію; чрезъ это завоеваніе феодальныя связи привлекли къ распавшейся Карловой монархіи и тѣ послѣднія оконечности западной Европы, которыя ушли отъ рукъ Карла В.: Между тѣмъ, маркграфы испанскіе, провозгласивъ себя независимыми королями Наварры, Кастиліи и Аррагоніи къ концу XI вѣка отняли у мусульманъ болѣе половины Испаніи, а короли германскіе распространили свою власть на сѣверъ въ странахъ славянскихъ почти до самой Вислы.

Но по смерти Карла III имперія не прекратила существованія: въ концѣ IX в. и въ первой половинѣ X вѣка, итальянскіе короли и бургундскіе носили по очереди императорскую корону; ихъ раздоры дали поводъ королямъ германскимъ перенести этотъ титулъ на себя, и Оттонъ Великій въ 962 г. возстановляетъ имперію, соединяя Италію и Германію; попытка его овладѣть Франціею, гдѣ еще оставались потомки Карла В., только ускорила ихъ паденіе, и въ 987 г. Франція противопоставила новымъ притязаніямъ на римское единство національную династію Капетинговъ.

Среди этихъ раздоровъ королей другъ съ другомъ и въ то же

время среди борьбы ихъ внутри государства съ мѣстными владѣтелями, всѣ, не только политическія, но и нравственныя связи общества ослабѣли, такъ что къ началу XI вѣка западная Европа представляла страшный хаосъ, который могъ родить одну мысль о близости свѣтопреставленія. Въ эту опасную минуту для образованности, когда варварство и неурядица достигли послѣднихъ предѣловъ, когда попытки преемниковъ Оттона I, какъ, наприм., Гейнриха III, устроить прочный порядокъ оказались безуспѣшными, является на папскомъ престолѣ во второй половинѣ XI стол. Григорій VII Гильдебрандъ. Его идея основать вселенскую христіанскую монархію подъ тіарою папы вызвала упорное сопротивленіе со стороны представителей свѣтской власти, и, какъ всякая утопія, осталась безъ практическихъ результатовъ. Но то, что не погибло въ дѣятельности Григорія VII и произвело переворотъ въ общественныхъ отношеніяхъ, не зависѣло отъ его воли и было даже противно его главной цѣли. Онъ, ища себѣ опоры противъ феодальнаго насилія, возстановилъ народныя массы противъ существовавшей тогда свѣтской власти, и призвалъ ихъ къ участію въ устройствѣ законности и порядка. Такимъ образомъ къ концу XI вѣка, внѣ феодальнаго государства, начала являться рядомъ съ нимъ новая сила, которая до того времени лежала сплошною массою, не имѣвшею правъ гражданства въ феодальной іерархіи. Это было среднее сословіе (tiers-état). Недоставало только повода къ поднятію новой силы для одной общей цѣли, которая была бы одинаково пригодна, какъ для членовъ феодальнаго государства, такъ и для простолюдина. Такою цѣлію и сдѣлалось освобожденіе Гроба Господня, хотя въ результатѣ оказалось, что освобожденіе Гроба Господня было сопряжено вмѣстѣ съ освобожденіемъ массъ отъ феодальнаго ига, и повело къ включенію средняго сословія въ феодальное общество.

Потому время крестовыхъ походовъ составляетъ собою третій и послѣдній періодъ исторіи среднихъ вѣковъ, когда феодализмъ, принявъ въ свою среду значительную часть народа, какъ третье сословіе (откуда происходитъ названіе tiers-état) къ двумъ прежнимъ сословіямъ феодальныхъ свѣтскихъ и духовныхъ бароновъ, достигъ полнаго и блестящаго развитія, сопровождавшагося необыкновеннымъ успѣхомъ интеллектуальныхъ, промышленныхъ и торговыхъ силъ: въ XII и XIII стол. появились университеты, богатая народная литература, рыцарство съ своими новыми общественными понятіями, купеческія конторы итальянскихъ и нѣмецкихъ городовъ съ своею всемірною торговлею и колоссальными богатствами.

Этотъ порядокъ третьяго періода былъ результатомъ томительной трехвѣковой борьбы предшествовавшаго ему отдѣла времени, которое подраздѣляется по главнымъ представителямъ его на три главныя эпохи: 1) вѣкъ Карла В.—IX-е столѣтіе; 2) вѣкъ Оттона В.—X-е столѣтіе; и 3) вѣкъ Григорія VII Гильдебранда—XI-е столѣтіе.

I.

ВѢКЪ КАРЛА ВЕЛИКАГО

И

РАСПАДЕНІЕ ЕГО МОНАРХІИ.

(IX-е СТОЛѢТІЕ).

Историческій очеркъ эпохи.

Предъ вступленіемъ на престолъ Карла В., тѣ германскія королевства, которыя были основаны на развалинахъ з. р. имперіи, послѣ 300-лѣтняго существованія увидѣли себя въ томъ же разстроенномъ состояніи, въ какомъ находился ихъ прежній врагъ, западная римская имперія, въ эпоху своего паденія. Внутри этихъ королевствъ, основныя учрежденія составляли хаосъ изъ римскаго законодательства и германскаго обычнаго права; извнѣ имъ угрожали опасные враги и государства, и религіи: съ сѣвера, ихъ собственные языческіе соотечественники, саксы; съ юга—мусульмане. *Карлъ В.* (768—814) покорилъ саксовъ, отнялъ до Эбро Испанію у мавровъ, ввелъ однообразное внутреннее устройство, и символомъ новаго единства всей западной Европы избралъ титулъ римскаго императора (800 г.).

Одна Англія не вошла въ составъ Карловой монархіи, и потому она едва могла устоять противъ натиска сѣверныхъ варваровъ, норманновъ, которые по смерти Карла В. воспользовались отчасти распаденіемъ его монархіи. Современникъ Карла В.. одинъ изъ эптарховъ Британніи, *Эгбертъ* (800—837) соединилъ въ 827 г. всю Англію въ одно государство; но при его преемникахъ (Этельвульфъ, 837 г.; Этельбальдъ, 858 г.; Этельбертъ, 860 г.; и Этельредъ, 866—871 г.), норманны, пользуясь ихъ слабостью, успѣли овладѣть многими мѣстностями, а при сынѣ Этельреда, *Альфредѣ Великомъ* (871 — 900) завоевали почти все королевство. Альфредъ В., освободивъ страну отъ чужеземцевъ, обратилъ все вниманіе на устройство страны, и въ исторіи англійской образованности занялъ тоже мѣсто, какъ и Карлъ В., на материкѣ.

При смерти Карла В., Италія была отдѣлена имъ въ пользу Пипина, младшаго сына, отъ остальной имперіи, которую наслѣдовалъ *Лудовикъ I Благочестивый* (814—840). Въ правленіе Лудовика начались раздоры его съ дѣтьми по поводу раздѣленія государства и вслѣдствіе рожденія Карла Лысаго отъ второго брака. Дѣти Лудовика, Лотарь Итальянскій, Лудовикъ Германскій и Пипинъ Аквитанскій, возстали противъ отца, а по смерти его вооружились противъ старшаго брата *Лотаря I* (840—855). Послѣ битвы при Фонтеноа и страсбургскаго союза Карла Лысаго съ Лудовикомъ Герм.

противъ императора Лотаря I и Пипина II Аквитанскаго, братья примирились и раздѣлили въ Вердюнѣ (843 г.) всю имперію на три части: Лотарь I съ титуломъ императора получилъ Италію и узкую полосу между Франціею и Германіею до Нѣмецкаго моря; Лудовикъ—Германію, и Карлъ Лысый—Францію съ Аквитаніею. Но независимо отъ того, отдѣльные графы горныхъ провинцій провозгласили себя независимыми королями: такъ, около Альпъ образовались два королевства, Цисъ-юранская и Трансъ-юранская Бургундія, и за Пиринеями: Кастилія, Аррагонія и Наварра.

По смерти Лотаря I, и его часть подраздѣлилась между тремя сыновьями: *Лудовикъ III* съ титуломъ императора (855 — 875) получилъ Италію; Карлъ—Провансъ, и Лотарь II—сѣверную часть имперіи Лотаря I, названную по его имени Лотарингіею (Lotharii regnum). Отъ потомства Лотаря I къ 875 г. остался въ живыхъ побочный сынъ Лотаря II и его наложницы Бертрады, вызвавшей первую борьбу папъ съ королями при папѣ Николаѣ I, Гуго. Тогда Карловинги Франціи и Германіи раздѣлили между собою долю Лотаря I: *Карлъ II Лысый* (во Франціи отъ 840 — 877, какъ императоръ отъ 875 — 877 г.) получилъ Италію съ титуломъ императора; по смерти же его и титулъ, и страна, перешли къ германскимъ Карловингамъ (у Лудовика II Германскаго было три сына: Лудовикъ III, Карломанъ и Карлъ III Толстой; именно, *Карломанъ* (877—884) захватилъ Италію, а Лудовикъ III остался въ Германіи). Бездѣтная смерть обоихъ братьевъ соединила Италію и Германію въ рукахъ самаго младшаго ихъ брата, *Карла III Толстаго* (884—888). Между тѣмъ, и во Франціи, по смерти Карла II Лысаго, его преемника Лудовика II Косноязычнаго (877—879) и его сыновей: Лудовика III и Карломана (879 — 884), остался малолѣтній братъ послѣднихъ, Карлъ Простой; тогда бароны Франціи предложили и французскую корону Карлу III Толстому, который такимъ образомъ возстановилъ единство почти всей монархіи Карла В. (884). Вторженіе норманновъ, ихъ знаменитая осада Парижа и постыдный договоръ Карла III съ варварами, побудили всѣ чины имперіи на сеймѣ въ Трибурѣ низложить императора (888 г.). Каждая національность избрала себѣ, помимо Карловинговъ, своего короля, и имперія Карла В. распалась на тѣ же три части: во *Франціи* былъ избранъ *Одо*, графъ Парижскій, знаменитый защитникъ Парижа; въ Германіи — *Арнульфъ* герцогъ Каринтіи, побочный сынъ Карломана, племянникъ Карла III Толстаго; а въ Италіи *Беренгаръ I*, герцогъ Фріоульскій.

Такое политическое распаденіе Карловой монархіи совпадало съ глубокимъ различіемъ, которое представляли въ своемъ языкѣ, нравахъ и обычаяхъ три главныя западныя расы: *романская* въ Италіи, *галльская* во Франціи, и *германская* по сю сторону Рейна; двѣ Бургундіи, лежавшія на предѣлахъ тѣхъ трехъ главныхъ національностей, были ихъ смѣсью и скоро раздѣлились между ними. Одно маркграфство Испанія, по особеннымъ условіямъ своего положенія, достигло самостоятельности и образовало отдѣльную національность—испанскую, въ основѣ которой легли элементы романскаго языка. Въ IX стол., потомки Пелагіо, вестготскаго короля, основавшаго на с-з.

Овiедское, или Леонское королевство, и отложившiеся маркграфы Наварры ведутъ успѣшную борьбу съ Кордовскимъ калифатомъ и распространяютъ свои владѣнiя на его счетъ почти до р. Таго. Изъ королей Овiедскихъ особенно замѣчателенъ въ этомъ отношенiи Альфонсъ III Великiй (866—910).

Короли Овiедо или Леона:	**Короли Наварры:**
718. Пелагiо.	836. Санхо, первый графъ.
| |	853. Гарсiя, графъ.
791. Альфонсъ II.	857. Гарсiя Хименесъ, перв. король.
842. Рамиро I.	880—905. Фортунъ.
850. Ордоньо I.	
866—910. Альфонсъ III. В.	

Успѣхи вестготскаго и франкскаго племени въ Испанiи основывались сколько на личной предпрiимчивости правителей, столько и на деморализацiи кордовскаго правительства. Преемники основателя его Абдеррахмана I (756—788) хотя и прославили себя покровительствомъ наукъ и искусствъ, но ихъ дворъ и система управленiя носили на себѣ всѣ слѣды восточнаго происхожденiя. Калифъ, въ одно и то же время неограниченный повелитель и орудiе въ рукахъ евнуховъ сераля, долженъ былъ рано или поздно уронить свою власть и довести государство до того распаденiя, которое постигло калифатъ въ XI столѣтiи. Въ эту эпоху, а именновъ IX стол., первое мѣсто по славѣ и блеску господства мавровъ въ Испанiи принадлежитъ правленiю Абдеррахмана или Абдерама II (822—852).

Кордовскiе калифы:

Абдеррахманъ I. 756—788.
Гакамъ I. 788—822.
Абдеррахманъ II. 822—852.
Мугаммедъ I. 852—886.
Аль-Музиръ. 888—889.
Абдаллахъ. 889—912.

1. — Жизнь Карла Великаго императора. 742 — 814.

(Въ 820 г.).

Предисловіе біографа.

Предпринимая описать общественную и домашнюю жизнь (vitam et conversationem), равно какъ и значительную часть подвиговъ своего государя и воспитателя Карла, наилучшаго и заслуженно знаменитаго короля, я имѣлъ въ виду быть возможно болѣе краткимъ, но заботился и о томъ, чтобы не опустить ничего изъ дошедшихъ до меня свѣденій, а вмѣстѣ не обременить излишними подробностями тѣхъ, кто не любитъ читать новѣйшихъ сочиненій; едва ли, однако, есть какая нибудь возможность неудовольствія такихъ лицъ, которымъ надоѣдаютъ даже и древнія произведенія писателей, обладавшихъ и краснорѣчіемъ, и ученостью. Хотя я не сомнѣваюсь, что и кромѣ меня найдется не мало людей досужныхъ и образованныхъ, которые не считаютъ современное до того ничтожнымъ, чтобы въ немъ предать забвенію и осудить на молчаніе все, какъ недостойное памяти; но и эти люди, увлеченные любовью къ вѣковѣчному, желаютъ лучше описывать знаменитыя дѣянія другихъ, нежели спасти славу своего имени отъ забвенія потомства. Все это, какъ я полагаю, не должно было удерживать меня отъ предпринятаго мною труда, такъ какъ, я увѣренъ, никто не могъ бы описать съ такою достовѣрностью, какъ я, все, что пережито мною, и что я позналъ, какъ говорится, наглядною вѣрою (oculata fide); сверхъ того, мнѣ не могло быть извѣстно, будетъ ли современное намъ описано кѣмъ нибудь другимъ, или нѣтъ. Я предпочелъ бы даже вмѣстѣ съ другими писать объ одномъ и томъ же предметѣ и передать его потомству, лишь бы не допустить погибнуть во мракѣ забвенія славной жизни и знаменитыхъ дѣяній, едва ли даже возможныхъ для людей нынѣшняго времени,—дѣяній наилучшаго и величайшаго въ эту эпоху короля. Но была еще и другая причина, думаю, не менѣе основательная, и которая одна по себѣ могла принудить меня взяться за трудъ: это, именно, заботы Карла обо мнѣ, и постоянная дружба, со времени моего пребыванія при дворѣ, его и дѣтей; онъ меня такъ привязалъ къ себѣ и сдѣлалъ меня такимъ должникомъ и при жизни, и за могилой, что я справедливо былъ бы обвиненъ въ неблагодарности и осужденъ, еслибы, позабывъ всѣ его благодѣянія, прошелъ молчаніемъ блестящіе и знаменитые подвиги человѣка, сдѣлавшаго мнѣ столько добра,—какъ будто бы онъ никогда не существовалъ, и какъ будто бы его жизнь не заслуживаетъ ни литературнаго воспоминанія, ни похвальнаго должнаго слова. Конечно, для полнаго осуществленія предпринятаго мною недостаточно моихъ слабыхъ и ничтожныхъ силъ: оно было бы въ состояніи затруднить самое Тулліановское (т.-е. Цицерона) краснорѣчіе.

Итакъ, представляю тебѣ, о, читатель! мой трудъ, назначенный для сохраненія памяти о славномъ и великомъ мужѣ; въ этомъ трудѣ

ты будешь удивляться только его подвигамъ, да еще, можетъ быть, тому, что я, варваръ (т.-е. германецъ) весьма мало знакомый съ латинскою рѣчью, подумалъ, что могу порядочно и толково написать что-нибудь по-латынѣ, и дошелъ до такого безстыдства, что, повидимому, пренебрегъ тѣмъ, что сказалъ Цицеронъ о латинскихъ писателяхъ, какъ мы то читаемъ въ его *Книгѣ тускуланскихъ бесѣдъ* [1]): „Взять на себя облеченіе въ литературную форму своихъ размышленій и не умѣть ни расположить ихъ, ни отдѣлать, ни обставить интересно для читателя можетъ одинъ человѣкъ невоздержный на досугъ и писательство (hominis est intemperanter abutentis et otio, et literis)". Такое изреченіе великаго оратора было бы въ состояніи остановить меня, если бы я еще прежде не рѣшился лучше испытать на себѣ судъ людской и пожертвовать своею литературною репутаціею, нежели, щадя самого себя, не сохранить памяти о столь великомъ мужѣ.

---

4. [2]) Не считая удобнымъ говорить о рожденіи [3]), дѣтствѣ и даже отрочествѣ Карла, такъ какъ нѣтъ для того никакихъ письменныхъ показаній, ни очевидцевъ, которые взяли бы на себя сообщить о томъ свѣдѣнія, я, отложивъ въ сторону недостовѣрно извѣстное, рѣшился приступить прямо къ изложенію и объясненію дѣяній Карла, его характера и прочихъ сторонъ жизни. А именно, я начну съ его внутренней и внѣшней дѣятельности; далѣе, скажу о характерѣ и наклонностяхъ, и, наконецъ, перейду къ его администраціи и смерти, не опуская въ своемъ повѣствованіи ничего, что заслуживаетъ быть извѣстнымъ, и о чемъ необходимо знать.

5. Изъ всѣхъ войнъ, которыя велъ Карлъ, самая первая была война аквитанская (769 г.), начатая еще его отцомъ, но неоконченная; онъ предпринялъ ее въ надеждѣ скоро окончить, еще при жизни брата (Карломана), котораго даже просилъ явиться къ нему на помощь. Хотя братъ и обманулъ его своими обѣщаніями, но онъ, не смотря на то, дѣятельно продолжалъ предпринятый походъ и рѣшился окончить дѣло не прежде, пока своимъ постоянствомъ и твердостью не достигнетъ того, чего домогался. Карлъ принудилъ Гунольда, который, по смерти Вайфарія, занялъ Аквитанію и сдѣлалъ попытку къ возобновленію почти уже оконченной войны, оставить

---

[1]) Гл. 3.

[2]) Мы опускаемъ здѣсь первыя три главы, гдѣ авторъ дѣлаетъ краткій обзоръ событій, предшествовавшихъ единодержавію Карла; онѣ переведены у насъ выше, см. т. I, въ статьѣ 81, подъ заглавіемъ: „Лѣнивые короли".

[3]) На основаніи другихъ показаній, Карлъ В. родился 742 г., съ чѣмъ, впрочемъ, согласны извѣстія, сообщаемыя самимъ Эгингардомъ (гл. 30) о смерти Карла на 72 году отъ рожденія, въ 814 г. Въ одномъ старинномъ календарѣ IX вѣка, составленномъ въ монастырѣ Лоршъ, 2-ое января отмѣчено днемъ рожденія Карла. Мѣсто же его рожденія совершенно неизвѣстно и оспаривается многими городами: Парижъ, Ингельгеймъ, Вормсъ, Карлсбергъ въ Баваріи и мн., др., дѣлаютъ на то притязанія, не подкрѣпляемыя, впрочемъ никакими положительными свидѣтельствами.

эту страну и бѣжать въ Гасконію (Wasconia). Не оставляя Гунольда и тамъ въ покоѣ, Карлъ перешелъ рѣку Гаронну и потребовалъ черезъ пословъ у Лупа, герцога Гасконіи, выдачи бѣглеца; въ случаѣ, если Лупъ замедлитъ удовлетвореніемъ его требованію, Карлъ грозилъ ему войною. Но Лупъ, слѣдуя болѣе здравымъ совѣтамъ, не только выдалъ Гунольда, но и самъ, вмѣстѣ со всею областью, призналъ надъ собою власть Карла (769 г.).

6. По окончаніи этой войны и по устройствѣ дѣлъ въ Аквитаніи, когда братъ его, бывшій соправителемъ, умеръ, Карлъ началъ войну съ лонгобардами, вслѣдствіе настоянія и просьбъ римскаго епископа Адріана. Такая же война еще прежде (756 г.) была ведена его отцемъ (Пипиномъ Короткимъ), по приглашенію папы Стефана, и стоила ему большихъ усилій, потому что нѣкоторые изъ знатнѣйшихъ франковъ, съ кѣмъ онъ обыкновенно совѣщался, были до того несогласны съ его волею, что, не стѣсняясь (libera voce), объявили свое намѣреніе оставить короля и возвратиться домой. Тѣмъ не менѣе, война была тогда объявлена королю (лонгобардовъ) Айстульфу, и въ короткое время окончена. Хотя причина войны у Карла и у его отца была подобная, или, лучше сказать, одна и таже, но при всемъ томъ обѣ войны были ведены не съ одинаковыми трудностями и имѣли совершенно различныя послѣдствія. Пипинъ заставилъ короля Айстульфа, послѣ нѣсколькихъ дней осады Тицина (н. Павія), дать заложниковъ и возвратить отнятые у жителей Рима города и крѣпости, взявъ съ него клятву не покушаться на новое ихъ завоеваніе. Карлъ же, начавъ войну, не прежде остановился, какъ принудивъ сдаться Дезидерія, утомленнаго продолжительною осадою, а сына его, Адальгиза, на котораго всѣ возлагали свои надежды, оставить не только государство, но и Италію (774 г.); все отнятое у жителей Рима Карлъ возвратилъ имъ; Руодгавза, намѣстника Фріоульскаго герцогства (Forojuliani ducatus), замышлявшаго новое возстаніе, усмирилъ (776 г.); всю Италію подчинилъ свой власти, и покоренной землѣ далъ въ короли своего сына Пипина. Я охотно описалъ бы при этомъ случаѣ, какъ затруднителенъ былъ переходъ Карла чрезъ Альпы, при его походѣ въ Италію, и съ какимъ трудомъ приходилось франкамъ достигать неприступныхъ горныхъ вершинъ, утесовъ, высящихся до облаковъ, и обрывистыхъ скалъ, если бы не предположилъ въ этомъ трудѣ обратить больше вниманія на частную жизнь Карла, нежели на веденныя имъ войны. Конецъ войны лонгобардской былъ тотъ, что Италія покорилась, король Дезидерій и его сынъ Адальгизъ были изгнаны навсегда изъ Италіи, а земли, отнятыя у королей лонгобардскихъ, возвращены Адріану, правителю (rectori) римской церкви (т.-е. папѣ).

7. По окончаніи дѣлъ съ Дезидеріемъ, саксонская война, какъ бы на время пріостановившаяся, возобновилась съ прежнею силою. Изъ всѣхъ войнъ, предпринятыхъ франками, ни одна не была ведена такъ упорно, жестоко и съ такими потерями, потому что саксы, какъ почти всѣ народы, населявшіе Германію, свирѣпые по нравамъ, преданные служенію злымъ духамъ (daemonum) и враждебные нашей религіи, не считали безчестнымъ нарушать и осквернять божескія и

человѣческія права. Были и другія причины, которыя содѣйствовали ежедневному нарушенію мира: наши границы и ихъ, на ровныхъ мѣстахъ, были почти вездѣ смежныя, за исключеніемъ немногихъ пунктовъ, гдѣ франкскія поля отдѣлялись ясно отъ саксонскихъ или обширными лѣсами, или промежуточными хребтами горъ; на сопредѣльныхъ же границахъ смѣнялись по-очередно убійства, грабежи и и пожары. Такими злодѣяніями саксовъ франки были раздражены до того, что, наконецъ, сочли необходимымъ не только платить имъ зломъ за зло, но и предпринять противъ нихъ открытую войну. Итакъ, началась съ ними война, которая продолжалась 33 года (772—804 г.), при сильнѣйшемъ ожесточеніи съ той и другой стороны, но все же къ большему вреду саксовъ, нежели франковъ. Она могла бы окончиться и ранѣе, если бы не вѣроломства саксовъ. Трудно исчислить, сколько разъ они, побѣжденные, съ мольбою о помилованіи, покорялись королю, обѣщая исполнить предписанное имъ, выдавая немедленно требуемыхъ заложниковъ, принимая отправляемыхъ къ нимъ пословъ; сколько разъ они были до такой степени усмиряемы и размягчаемы, что давали даже обѣщаніе оставить поклоненіе злымъ духамъ и выражали желаніе принять христіанскую религію. Но сколько разъ они соглашались на это, столько же разъ съ поспѣшностью и нарушили свое слово, такъ что трудно было бы сказать навѣрное, къ какой изъ этихъ двухъ религій они имѣли болѣе склонности; не проходило года со времени объявленія войны, чтобы саксы не успѣли обнаружить своего непостоянства. Но твердость короля и его настойчивость, равныя и въ счастіи, и въ несчастіи, не могли быть побѣждены ихъ измѣнчивостью: онъ оставался непреклоннымъ въ томъ, что разъ началъ, и не допускалъ, того, чтобы какая-нибудь изъ ихъ продѣлокъ въ томъ родѣ оставалась безнаказанною: или предводительствуя самъ лично, или посылая войско подъ начальствомъ своихъ графовъ, онъ мстилъ за измѣну и взыскивалъ съ нихъ соотвѣтственное удовлетвореніе, пока, наконецъ, поразивъ всѣхъ, которые оказывали сопротивленіе и подчинивъ ихъ своей власти, не перевелъ 10 тысячъ человѣкъ изъ тѣхъ, которые жили по обоимъ берегамъ Эльбы, вмѣстѣ съ ихъ женами и дѣтьми, и не разселилъ ихъ по различнымъ частямъ Галліи и Германіи. По предложеніи этой мѣры королемъ и по принятіи ея саксами, война, тянувшаяся столько лѣтъ, была, какъ извѣстно, окончена, съ тѣмъ, чтобы саксы, отказавшись отъ служенія злымъ духамъ и бросивъ обряды отцовъ, приняли христіанскую вѣру и таинства религіи, и, соединившись съ франками, составили вмѣстѣ съ ними одинъ народъ.

8. Хотя саксонская война тянулась долгое время, но самъ Карлъ лично сразился съ непріятелемъ не болѣе двухъ разъ [1]); однажды у горы, называемой Осненги, при мѣстѣ, извѣстномъ подъ именемъ Теотмелла (н. Детмольдъ), а въ другой разъ у рѣчки Газы [2]); оба

---

[1]) Біографъ, говоря такъ, разумѣетъ одни генеральныя сраженія, какъ то видно изъ его-же послѣдующихъ словъ этой главы.

[2]) Близъ Оснабрюка; въ средніе вѣка это мѣсто называлось Schlachtvörderberg, а нынѣ die Clus.

эти сраженія произошли въ теченіе одного мѣсяца, на разстояніи нѣскольких дней. Въ обѣихъ этихъ битвахъ непріятель былъ до того пораженъ и разбитъ, что не осмѣливался болѣе ни вызывать короля на бой, ни отражать его нападенія, если самое мѣсто не представляло удобствъ къ защитѣ. Однако, въ эту войну погибло много знатныхъ людей, занимавшихъ высокія должности, какъ со стороны саксовъ, такъ и франковъ. Наконецъ, война прекратилась послѣ 33 лѣтъ борьбы (804 г.); но въ продолженіе этого времени было, кромѣ того, объявлено франкамъ столько тягостныхъ войнъ съ различныхъ сторонъ, и всѣ такъ удачно окончены, благодаря искусной дѣятельности короля, что, размышляя о всемъ случившемся, справедливо можно недоумѣвать: чему должно болѣе удивляться въ королѣ, его ли терпѣнію, съ которымъ онъ переносилъ труды, или его счастью. Саксонская война началась за два года передъ итальянскою, и при безпрерывномъ ея продолженіи ничего не было опущено изъ вниманія въ другихъ войнахъ, и ни въ чемъ не обнаружилось послабленія, не смотря на всю обременительность борьбы. Причина того заключается въ томъ, что король, превосходя умомъ и характеромъ всѣхъ современныхъ ему властителей народовъ, во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ и въ ихъ выполненіи не отступалъ назадъ по страху трудностей или опасностей, но, умѣя терпѣть и выносить все, сообразно обстоятельствамъ, не падалъ духомъ въ несчастьи, и среди удачъ не поддавался ложному и льстивому счастью.

9. Между тѣмъ какъ велась дѣятельная и почти безпрерывная борьба съ саксами, Карлъ, расположивъ въ удобныхъ мѣстахъ гарнизоны по ихъ границамъ, отправился (778 г.) съ огромными военными силами въ Испанію, перешелъ вершины Пиринеевъ, и овладѣвъ всѣми городами, къ которымъ только подступалъ, а крѣпости принудивъ къ сдачѣ, благополучно и безъ потерь возвратился съ войскомъ; только въ самомъ проходѣ Пиринеевъ на обратномъ пути пришлось ему нѣсколько испытать гасконское вѣроломство. Когда войско двигалось растянутымъ строемъ, какъ то требовала мѣстность и расположеніе тѣснинъ, гасконцы, устроивъ засаду на вершинахъ горъ—мѣсто же то при густотѣ лѣсовъ, которые растутъ тамъ въ изобиліи, весьма удобно для засады—напали сверху на заднюю часть обоза и на отрядъ, прикрывавшій его, опрокинули его въ долину, и, завязавъ бой, избили всѣхъ до одного, разграбили обозъ, и подъ покровомъ наступившей ночи съ быстротою разсѣялись въ различныя стороны. Въ этомъ дѣлѣ гасконцамъ помогли и легкость ихъ вооруженія, и положеніе мѣстности, на которой происходилъ бой; напротивъ того, тяжелое вооруженіе и неровность поля битвы ставили франковъ во всѣхъ отношеніяхъ ниже гасконцевъ. Въ этомъ сраженіи пали Эггигардъ, королевскій стольникъ (regiae mensae praepositus), Ансельмъ пфальцграфъ (comes palatii), и правитель Бретани (Brittanici limitis praefectus) Роландъ (Hruodlandus). И это дѣло не могло быть отомщено на мѣстѣ, потому что непріятель, исполнивъ свое намѣреніе, разсѣялся такъ, что о немъ не осталось и слуха, гдѣ его искать [1]).

[1]) См. ниже, въ ст. 7, „Пѣснь о Роландѣ“.

10. Карлъ усмирилъ (786 г.) также и бретонцевъ (Brittones), жившихъ на западѣ, въ отдаленной части Галліи по берегамъ океана; они оказали неповиновеніе ему, и онъ отправилъ противъ нихъ войско, которое принудило ихъ дать заложниковъ и обѣщаніе выполнять все, что будетъ повелѣно. Самъ же послѣ того вступилъ въ Италію, и пройдя чрезъ Римъ подошелъ къ Капуѣ, городу Кампаніи, гдѣ и расположился лагеремъ, угрожая войною беневентинцамъ, если они не сдадутся. Но герцогъ этого народа, Арагизъ, предотвратилъ войну, отправивъ на встрѣчу королю сыновей своихъ, Румольда и Гримольда, съ большою суммою денегъ и съ просьбою взять ихъ въ заложники, самъ же обѣщалъ вмѣстѣ съ народомъ исполнять всякія повелѣнія, исключая, если Карлъ потребуетъ отъ него явиться лично. Король, обращая болѣе вниманія на пользу народа, нежели на упорство одного лица, принялъ предложенныхъ ему заложниковъ, и вслѣдствіе полученной имъ большой суммы денегъ согласился не требовать отъ Арагиза явиться лично. Даже изъ сыновей былъ удержанъ заложникомъ только одинъ младшій, а старшаго онъ отпустилъ и, отправивъ пословъ для истребованія и принятія присяги въ вѣрности у беневентинцевъ вмѣстѣ съ Арагизомъ, возвратился въ Римъ; проведя тамъ нѣсколько дней для поклоненія святымъ мѣстамъ, Карлъ прибылъ въ Галлію.

11. Вслѣдъ за этимъ (788 г.) внезапно началась баварская война и имѣла скорый конецъ. Причиною ея было высокомѣріе и безразсудство герцога Тассилона; подъ вліяніемъ своей жены (Ліутберги), дочери короля Дезидерія, которая разсчитывала при помощи мужа отмстить изгнаніе отца, онъ попытался, заключивъ союзъ съ гуннами, восточными сосѣдями байоваровъ (жители Баваріи), не только оказать неповиновеніе, но и объявить войну королю. Раздраженный Карлъ не могъ перенести такой дерзости, которая ему казалась чрезмѣрною, и вслѣдствіе того, собравъ отвсюду войско, напалъ на Баварію, и самъ съ огромною арміей подошелъ къ рѣкѣ Леху. Эта рѣка отдѣляетъ байоваровъ отъ аламанновъ. Расположившись лагеремъ на ея берегахъ, Карлъ, не вступая въ самую область, попытался чрезъ пословъ развѣдать о намѣреніяхъ герцога. Но Тассилонъ и самъ не считалъ полезнымъ ни для себя, ни для своего народа, дальнѣйшее сопротивленіе, изъявилъ королю покорность и далъ требуемыхъ заложниковъ, а въ числѣ ихъ и сына своего Теодона; сверхъ того герцогъ клятвенно обѣщалъ, что не согласится, не смотря ни на какія увѣщанія, возстать противу власти Карла. Такимъ образомъ, былъ положенъ скорый конецъ войнѣ, которая, казалось, приметъ большіе размѣры. Однако, Тассилонъ былъ вскорѣ послѣ того призванъ къ королю и не получилъ свободы возвратиться, а провинція, которою онъ владѣлъ, не была болѣе вручена управленію другого герцога, но отдана нѣсколькимъ графамъ.

12. По окончаніи всѣхъ этихъ безпокойствъ, открылась борьба съ славянами (Sclavis), которые по нашему называются вильцы (Wilzi), а по своему, то есть на своемъ языкѣ, велатабы (Welatabi). Въ этомъ походѣ, въ числѣ прочихъ народовъ, слѣдующихъ по приказу за королевскими знаменами, участвовали и саксы, въ качествѣ союзни-

ковъ, хотя и съ притворною, мало преданною покорностью. Причина войны заключалась въ томъ, что абодриты, нѣкогда союзники франковъ, оскорбляли ихъ безпрерывными набѣгами и не могли быть удержаны одними приказаніями. Отъ западнаго океана протягивается на востокъ заливъ [1]); длина его неизвѣстна, а ширина нигдѣ не превышаетъ 100 тысячъ шаговъ, и во многихъ мѣстахъ еще уже. По берегамъ этого залива живетъ множество народовъ, а именно: даны (жители Даніи), свеоны (жители Швеціи), которыхъ мы называемъ норманнами; они занимаютъ сѣверный берегъ и всѣ острова по его протяженію. Но восточный берегъ населяютъ славяне, аисты (Aisti, т.-е. эсты, жители Эстоніи, названные у Тацита, Germ. 45, Aestyi), и другіе различные народы; между ними первое мѣсто занимаютъ велатабы, которымъ въ то время король объявилъ войну. Въ одинъ походъ, предводительствуя лично войскомъ, Карлъ такъ поразилъ и укротилъ ихъ, что они другой разъ не считали полезнымъ отказываться отъ повиновенія (789 г.).

13. Изъ всѣхъ войнъ, какія были предприняты Карломъ, если исключить саксонскую, то самою важною была та, которая послѣдовала за войною съ славянами, а именно, противъ аваровъ или гунновъ. Эта война потребовала отъ него и бо́льшихъ усилій, и гораздо большихъ издержекъ (majori apparatu). Но лично Карлъ сдѣлалъ только одинъ походъ въ Паннонію—именно, эту страну и населялъ тотъ народъ; прочіе же походы онъ поручалъ своему сыну Пипину, областнымъ правителямъ, даже графамъ и посламъ. Благодаря дѣятельнымъ распоряженіямъ этихъ лицъ, въ восьмой годъ наконецъ войнѣ положенъ былъ предѣлъ. Сколько было дано битвъ, сколько пролито крови, можно судить потому, что въ Панноніи не оставлено въ живыхъ ни одного человѣка, а мѣсто, гдѣ было королевское жилище Кагана, опустошено до того, что тамъ не осталось и слѣдовъ человѣческой жизни. Вся знать гунновъ погибла въ этой войнѣ, и вся ихъ слава исчезла. Всѣ деньги и накопленныя продолжительнымъ временемъ богатства разграблены, такъ что никто не запомнитъ, чтобы была объявлена франкамъ какая нибудь война, въ которой они могли бы болѣе пріобрѣсть и обогатиться. До того времени франки считались почти бѣдными, а теперь они нашли столько золота и серебра въ королевскомъ дворцѣ, и въ битвахъ овладѣвали такою драгоцѣнною добычею, что по справедливости можно считать, что франки законно исторгли у гунновъ то, что прежде гунны исторгали незаконно у другихъ народовъ. Въ этой войнѣ погибло только двое изъ знатныхъ франковъ, Эрикъ, герцогъ Фріоульскій, у приморскаго города Ѳарсатики (н. Теркачъ, близъ Фіуме), въ Либурніи, захваченный въ расплохъ засадою, сдѣланною городскими жителями, и Герольдъ, правитель Баваріи, который былъ убитъ, неизвѣстно кѣмъ, въ Панноніи, въ то самое время, когда, готовясь къ бою съ гуннами, строилъ войско, объѣзжалъ ряды и увѣщевалъ каждаго по одиночкѣ; вмѣстѣ съ нимъ было убито еще двое, сопровождавшихъ его. Впрочемъ, для франковъ эта война не стоила много крови и имѣла счаст-

---

[1]) Авторъ говоритъ такимъ образомъ о Балтійскомъ морѣ.

ливый конецъ, хотя по своимъ размѣрамъ тянулась долѣе обыкновеннаго (799 г.).

14. Послѣ того окончилась и саксонская война (804 г.), принеся результаты, соотвѣтственные своей продолжительности. Войны богемская и линонская (boemanicum et linonicum) [1]), открывшіяся вслѣдъ за тѣмъ, не могли продолжаться долго; обѣ окончились скоро, подъ предводительствомъ Карла Юнаго [2]). Послѣдняя война была предпринята противъ норманновъ, называемыхъ данами; сначала они вели жизнь пиратовъ, а потомъ, заведя большой флотъ, начали опустошать берега Галліи и Германіи. Ихъ король Готфридъ до того былъ обольщенъ пустою надеждою, что думалъ о подчиненіи своей власти всей Германіи, а Фризію и Саксонію считалъ не иначе, какъ своими провинціями; абодритовъ же, своихъ сосѣдей, уже покорилъ и сдѣлалъ своими данниками. Онъ хвастался даже, что въ скоромъ времени нападетъ съ огромными силами на Ахенъ (Aquasgrani), гдѣ была королевская столица (regis comitatus); и его словамъ, хотя и тщеславнымъ, не совсѣмъ не вѣрили, даже думали, что онъ предприметъ что нибудь подобное, еслибы внезапная смерть не предупредила его. Онъ былъ убитъ собственнымъ тѣлохранителемъ, и тѣмъ ускорилъ конецъ и собственной жизни, и начатой имъ войны.

15. Вотъ тѣ войны, которыя велъ король, въ различныхъ частяхъ своихъ земель, съ величайшимъ благоразуміемъ и счастьемъ, въ теченіе 47 лѣтъ—а онъ именно столько лѣтъ и царствовалъ. Этими войнами королевство франковъ, которое онъ получилъ уже послѣ отца Пипина великимъ и сильнымъ, было имъ расширено такъ значительно, что, можно сказать, онъ прибавилъ почти половину. До Карла государство состояло не больше, какъ изъ той части Галліи, которая лежитъ между Рейномъ и Лоарою, Океаномъ и Балеарскимъ (т. е. частью Средиземнаго) моремъ, и изъ части Германіи, которая расположена между Саксоніей и Дунаемъ, Рейномъ и рѣкою Салою, отдѣляющею турингов̆ъ отъ сорабовъ, и которая населена такъ называемыми австразійскими франками (Franci orientales); сверхъ того подъ властью франкскаго королевства находились аламанны и байоаріи (бавары). Карлъ же вслѣдствіе упомянутыхъ войнъ овладѣлъ сначала Аквитаніею, Гасконіею, всѣмъ хребтомъ Пиринейскихъ горъ, и далѣе до рѣки Эбро, которая вытекаетъ изъ области наваррцевъ, и, орошая плодоноснѣйшія поля Испаніи, впадаетъ у стѣнъ Дертозы въ Балеарское море; потомъ завоевалъ всю Испанію, которая отъ г. Августы Преторіи (н. Аоста) до нижней Калабріи, гдѣ, какъ извѣстно, проходитъ граница между владѣніями грековъ и беневентинцевъ, простирается на тысячу и болѣе миль въ длину; за тѣмъ Саксонію, которая составляетъ не малую часть Германіи, и по лагаютъ, въ ширину будетъ вдвое болѣе всей страны, населяемой ф ранками, а въ длину равняется съ нею; далѣе, обѣ Панноніи, и лежащую на томъ берегу Дуная Дакію, Истрію, Либурнію и Далмацію, исклю-

[1]) *Линоны* были однимъ изъ славянскихъ племенъ и жили между Эльбою и Одеромъ.

[2]) Старшій сынъ Карлъ В., умершій при его жизни.

чая приморскіе города, которыми владѣть допустилъ Константинопольскаго императора изъ дружбы къ нему и вслѣдствіе заключеннаго съ нимъ союза. Наконецъ, Карлъ покорилъ всѣ варварскіе и дикіе народы, которые населяютъ Германію между рѣками Рейномъ и Вислою, Океаномъ и Дунаемъ, сходные по языку, но по нравамъ и обычаямъ весьма различные; и онъ смирилъ ихъ такъ, что они были принуждены сдѣлаться его данниками. Между ними главные суть: велатабы, сорабы, абодриты, богемцы (Boemanni) — и съ ними онъ велъ потому войну; другихъ же, число которыхъ гораздо больше, принялъ просто въ подданство.

16. Карлъ увеличилъ славу своего царствованія пріобрѣтенною имъ дружбою нѣкоторыхъ королей и народовъ. Такъ онъ вступилъ въ такія тѣсныя отношенія съ Гадефонсомъ [1]), королемъ Галисіи и Астуріи, что этотъ послѣдній, отправляя къ Карлу письмо или пословъ, приказывалъ называть себя въ этихъ случаяхъ не иначе какъ *преданнымъ* ему (proprium suum). Даже королей скоттовъ (т.-е. шотландскихъ) онъ умѣлъ своею щедростью подчинить своей волѣ такъ, что они его величали не иначе какъ господиномъ, а о себѣ говорили, какъ о подданныхъ и рабахъ. Существуютъ письма отъ нихъ къ Карлу, въ которыхъ выражена подобная преданность ихъ королю. Ааронъ [2]), король персовъ, владѣвшій всѣмъ востокомъ, за исключеніемъ Индіи, былъ такъ дружественно расположенъ къ Карлу, что предпочиталъ его любовь пріязни всѣхъ королей и князей на земномъ шарѣ, и считалъ его одного достойнымъ уваженія и даровъ. Впослѣдствіи, когда послы Карла, отправленные имъ съ дарами къ святѣйшему Гробу Господа и Спасителя нашего въ мѣста его воскресенія, явились къ Аарону и изложили ему желаніе своего государя, Ааронъ не только разрѣшилъ все, о чемъ его просили, но и уступилъ во власть Карла (ut illius potestati adscriberetur, concessit) самую святыню и мѣсто спасенія; при возвращеніи пословъ, Ааронъ, присоединивъ къ нимъ своихъ, вручилъ имъ для Карла въ числѣ одѣяній, ароматовъ и другихъ богатствъ востока огромные дары, а не за долго передъ тѣмъ послалъ ему слона, о которомъ тотъ просилъ его, хотя и самъ Ааронъ имѣлъ въ то время одного. Даже константинопольскіе императоры, Никифоръ, Михаилъ и Левъ, ища весьма охотно его дружбы и союза, отправляли къ нему часто пословъ. Когда же принятый Карломъ титулъ императора возбудилъ въ нихъ сильное подозрѣніе, какъ будто бы Карлъ тѣмъ самымъ обнаруживаетъ замыслы отнять у нихъ имперію, онъ вступилъ съ ними въ тѣсный союзъ, чтобы между обѣими сторонами не было никакого повода къ разрыву. Греки и римляне всегда смотрѣли недовѣрчиво на могущество франковъ, откуда произошла та греческая поговорка: ΤΟΝ ΦΡΑΝΚΟΝ ΦΙΛΟΝ ΕΧΙΣ, ΓΙΤΟΝΑ ΟΥΚ ΕΧΙΣ [3]).

---

[1]) Альфонсъ II, 791—842.

[2]) Гарунъ-аль-Рашидъ, калифъ багдадскій.

[3]) Т.-е. „франка другомъ имѣй, сосѣдомъ не имѣй“. Греческія ει и η авторъ произносилъ какъ ι.

17. Будучи столь великимъ въ дѣлѣ расширенія государства и покоренія чуждыхъ народовъ и озабоченный подобнаго рода трудами, Карлъ, однако, успѣлъ положить начало многому для пользы и украшенія государства въ различныхъ мѣстахъ, и даже отчасти привелъ къ окончанію. Въ числѣ такихъ предпріятій по справедливости могутъ занимать первое мѣсто: соборъ (basilica) св. Богородицы въ Ахенѣ удивительной работы, и мостъ въ Майнцѣ, черезъ Рейнъ, въ 500 шаговъ длины—такова ширина рѣки въ томъ мѣстѣ. Но мостъ сгорѣлъ за годъ до его смерти, и не могъ быть возобновленъ по случаю скорой кончины Карла, между тѣмъ, онъ имѣлъ намѣреніе построить каменный на мѣсто деревяннаго. Карлъ положилъ основаніе и дворцамъ отличной архитектуры: одинъ недалеко отъ Майнца, близъ виллы называемой Ингельгеймъ, а другой въ Неймагенѣ (Noviomagi), на рѣкѣ Ваалѣ, которая омываетъ южныя части острова Батавовъ. Но особенно Карлъ заботился о томъ, чтобы отдавать приказанія епископамъ и священникамъ, на которыхъ было возложено попеченіе о церквахъ, чтобы они возстановляли повсюду тѣ храмы, объ упадкѣ которыхъ доходили до него извѣстія, и отправлялъ пословъ для наблюденія за исполненіемъ его приказаній. Строилъ также и флотъ для норманнской войны, снаряжая съ этою цѣлью суда по рѣкамъ, которыя изъ Галліи и Германіи текутъ въ Сѣверный океанъ. А такъ какъ норманны постоянно опустошали берега Галліи и Германіи, то Карлъ во всѣхъ портахъ и устьяхъ рѣкъ, которыя были судоходны, устроилъ стоянки и сторожевыя суда, и такими мѣрами воспрепятствовалъ вторженію непріятеля. То же самое было сдѣлано на югѣ по берегамъ Нарбоннской и Септиманской провинцій, даже по всему прибрежью Италіи до Рима, противъ мавровъ, не за долго передъ тѣмъ начавшихъ грабежи. И такимъ образомъ въ его время ни Италія отъ мавровъ, ни Галлія и Германія отъ норманновъ, не понесли важныхъ потерь, исключая двухъ случаевъ, когда Чивита-Веккія (Centumcellae), городъ Этруріи, была взята измѣною и опустошена маврами, и во Фризіи нѣсколько островов у германскаго берега были ограблены норманнами.

18. Такова была, какъ извѣстно, дѣятельность Карла въ охраненіи, расширеніи и вмѣстѣ украшеніи своего государства. Должно удивляться и его талантамъ, и высокой твердости его духа во всѣхъ случаяхъ жизни, и въ благопріятныхъ, и во враждебныхъ ему.

Теперь я начну разсказъ *о другихъ обстоятельствахъ, относящихся къ его внутренней и домашней жизни.*

По смерти отца, раздѣливъ государство съ братомъ, Карлъ съ такимъ терпѣніемъ переносилъ его коварство и злобу, что всѣ удивлялись, какъ все это можетъ не возбуждать его гнѣва. Потомъ, женившись по убѣжденію матери на дочери Дезидерія, короля лонгобардскаго, онъ развелся съ нею по прошествіи года, неизвѣстно по какой причинѣ, и взялъ въ жены Гильдегарду изъ швабскаго племени, знатнаго происхожденія; отъ нея онъ имѣлъ трехъ сыновей, Карла, Пипина и Лудовика, и столько же дочерей, Гертруду, Берту и Гизелу. Кромѣ того, Карлъ имѣлъ еще трехъ дочерей, Теодераду, Гильтруду и Руодгайду; первыхъ двухъ отъ жены Фастрады изъ пле-

мени австразійскихъ франковъ, а третью отъ какой-то наложницы, имени которой не припомню. По смерти Фастрады, онъ женился на Ліудгардѣ, изъ Аламанніи, но не имѣлъ отъ нея дѣтей. По смерти Ліудгарды Карлъ имѣлъ трехъ наложницъ: Герзуинду изъ Саксоніи, давшую ему дочь Адальтруду, Регину, которая родила ему Дрого и Гуго, и Адалинду, родившую Теодорика. Мать Карла, Бертрада, дожила до старости и пользовалась у него большимъ уваженіемъ; онъ весьма чтилъ ее, и между ними никогда не происходило ссоры, кромѣ случая, когда онъ развелся съ дочерью Дезидерія, короля лонгобардовъ, на которой Карлъ женился по ея настоянію. Она умерла послѣ смерти Гильдегарды, послѣ того какъ уже видѣла въ домѣ своего сына трехъ внуковъ и столько же внучекъ; Карлъ похоронилъ ее съ большими почестями въ томъ самомъ храмѣ въ Сенъ-Дени (apud sanctum Dionisium), гдѣ былъ положенъ его отецъ. У Карла была единственная сестра, по имени Гизела, отданная съ дѣтскихъ лѣтъ на служеніе Богу, и онъ почиталъ ее наравнѣ съ матерью; она умерла за нѣсколько лѣтъ до его смерти, въ томъ же самомъ монастырѣ, гдѣ и жила.

19. Дѣтей своихъ Карлъ воспитывалъ такъ, что какъ сыновья, такъ и дочери, сначала занимались тѣми науками (liberalibus studiis), надъ которыми онъ и самъ трудился. Потомъ, по обычаю франковъ, онъ приказалъ обучать своихъ сыновей, какъ только-что позволилъ ихъ возрастъ, ѣздить верхомъ, владѣть оружіемъ и охотиться, а дочерей приказано было занимать пряжею льна за прялкой и веретеномъ, и, чтобы онѣ не коснѣли въ праздности, заставлять ихъ трудиться и назидать на всякое добро. Изъ своихъ дѣтей онъ потерялъ еще до своей смерти двухъ сыновей и одну дочь: самаго старшаго, Карла († 811), Пипина, поставленнаго королемъ Италіи († 810) и Гертруду († 810), старшую изъ дочерей, сговоренную за греческаго императора Константина. Пипинъ оставилъ послѣ себя одного сына Бернгарда и пять дочерей: Аделаиду, Атулу, Гунтраду, Бертаиду и Теодераду. Король далъ имъ большое доказательство своей великой милости и по смерти сына уступилъ внуку наслѣдство отца, а внучекъ взялъ на воспитаніе вмѣстѣ съ своими дочерьми. Карлъ по великодушію, которымъ особенно отличался, никогда не могъ переносить равнодушно смерти своихъ сыновей и дочерей, и при своемъ мягкосердечіи, которымъ не менѣе славился, доходилъ до слезъ. При извѣстіи о смерти римскаго первосвященника, Адріана, бывшаго однимъ изъ главныхъ его друзей, Карлъ оплакивалъ его такъ, какъ будто бы онъ потерялъ дорогого сына или брата. Онъ былъ весьма доступенъ для дружбы: легко принималъ въ число друзей, оставался постояннымъ и свято сохранялъ уваженіе къ тѣмъ, съ кѣмъ однажды вступилъ въ близкія отношенія. О воспитаніи сыновей и дочерей Карлъ заботился такъ, что, будучи дома, никогда не обѣдалъ безъ нихъ, никогда не отправлялся въ путь иначе, какъ вмѣстѣ съ ними: сыновья ѣхали подлѣ него верхомъ, а дочери слѣдовали позади, и ихъ поѣздъ охранялся особо для того назначеннымъ отрядомъ изъ числа тѣлохранителей. Дочери были весьма красивы и такъ имъ любимы, что—удивительно сказать—онъ не хотѣлъ ни одной

изъ нихъ выдать ни за своего, ни за чужестранца, но держалъ всѣхъ у себя дома до самой смерти, говоря, что онъ не можетъ безъ нихъ жить. И вслѣдствіе того, будучи во всемъ счастливымъ, Карлъ съ этой стороны испыталъ злобу превратной судьбы; но онъ умѣлъ дѣлать видъ, какъ будто не существовало никакого слуха или подозрѣнія на счетъ которой-нибудь изъ дочерей [1]).

20. У Карла былъ сынъ, по имени Пипинъ, рожденный отъ наложницы, о которой я отлагалъ упомянуть, между прочимъ, до сихъ поръ, весьма красивый съ лица, но обезображенный горбомъ. Когда отецъ, предпринявъ войну противъ гунновъ, зимовалъ въ Баваріи, онъ, сказавшись больнымъ, составилъ заговоръ противъ отца вмѣстѣ съ нѣсколькими изъ знатныхъ франковъ, увлекшихъ его пустыми обѣщаніями возвести на престолъ. По открытіи заговора и по наказаніи участниковъ, Карлъ дозволилъ Пипину, собразно его желанію, предаться религіозной жизни и постричься въ Прюмскомъ монастырѣ [2]). Еще и прежде того былъ составленъ большой заговоръ противъ Карла въ Германіи, виновники котораго были частью ослѣплены, а остальные безъ поврежденія членовъ отправлены въ ссылку; ни одинъ изъ нихъ не былъ умерщвленъ, за исключеніемъ трехъ, которыхъ нельзя было иначе взять, потому что они защищались, обнаживъ мечи, и даже убили нѣсколькихъ. Но причина и происхожденіе этихъ заговоровъ заключалась въ жестокосердіи Фастрады, и въ тѣхъ обоихъ случаяхъ крамола произошла вслѣдствіе того, что Карлъ, уступая тому жестокосердію жены, слишкомъ далеко отступилъ отъ свойственнаго ему добродушія и кротости. Впрочемъ, онъ въ теченіе всей своей жизни обращался съ каждымъ и дома, и внѣ, съ величайшею любовью и снисхожденіемъ, такъ что никогда никто не упрекнулъ его и въ малѣйшей несправедливой жестокости, кѣмъ-нибудь замѣченной.

21. Карлъ любилъ чужестранцевъ и оказывалъ большія заботы при ихъ пріемѣ, такъ-что многочисленность ихъ казалась не безъ справедливости обременительною не только для двора, но и для цѣлаго государства. Но онъ, по величію своей души, не давалъ большого вѣса такимъ соображеніямъ, потому что и величайшія невыгоды въ этомъ случаѣ вознаграждались славою щедрости и цѣною добраго имени.

22. Карлъ былъ широкаго и сильнаго сложенія, высокъ ростомъ, но не превышалъ мѣры, ибо, какъ извѣстно, вышина его равнялась семи футамъ; голова закругленная къ верху; глаза весьма большіе и живые, носъ нѣсколько болѣе умѣреннаго, красивая сѣдина лицо

---

[1]) Дворъ Карла Великаго вообще не отличался строгою нравственностью, и хотя въ XII столѣтіи Карлъ былъ причисленъ къ лику святыхъ, но въ ближайшемъ къ нему поколѣніи, вскорѣ послѣ его смерти, явилось преданіе о снѣ одного монаха, который видѣлъ Карла Великаго въ аду, наказаннаго за распущенность жизни. Намекъ, высказанный Эгингардомъ, породилъ другія легенды, въ которыхъ нашъ авторъ самъ играетъ не выгодную роль вмѣстѣ съ дочерью Карла, Эммою.

[2]) Прюмскій монастырь (Prumia), около Трира, основанъ бенедиктинцами въ 721 году.

веселое и улыбающееся. Все это много содѣйствовало увеличенію обаянія его фигуры и достоинства, сидѣлъ-ли онъ, или стоялъ; хотя шея его, казалось, была велика и толста, а животъ выступалъ впередъ, но пропорціональность остальныхъ частей тѣла скрывала эти недостатки. Походка Карла была твердая, все очертаніе тѣла мужественное, голосъ хотя звучный, но не совсѣмъ соотвѣтственный величинѣ стана; здоровье цвѣтущее, исключая того, что, передъ смертью, послѣдніе четыре года часто страдалъ лихорадкою, и, наконецъ, даже прихрамывалъ на одну ногу. И при этомъ онъ дѣйствовалъ болѣе по своему произволу, нежели по совѣту врачей, которыхъ онъ ненавидѣлъ за то, что они убѣждали его отказаться отъ жареной пищи, которую онъ любилъ, и ограничиться вареною. Карлъ усердно упражнялся въ верховой ѣздѣ и на охотѣ, что у него было привычкой его народа: едва ли на землѣ найдется какая нація, которая въ этомъ искусствѣ могла бы сравниться съ франками. Карлъ очень любилъ пользоваться паровыми ваннами при горячихъ источникахъ, часто упражнялъ свое тѣло въ плаваніи, и достигъ въ немъ такого искусства, что, по справедливости, никто не могъ его превзойти. По любви къ ваннамъ онъ построилъ въ Ахенѣ дворецъ и тамъ жилъ постоянно, до самой кончины, всѣ послѣдніе годы своей жизни. И онъ приглашалъ въ ванны не только сыновей, но и знатныхъ, и друзей, а иногда даже своихъ тѣлохранителей и всю свиту, такъ что, случалось, что сто и болѣе человѣкъ мылись вмѣстѣ.

23. Карлъ носилъ національную одежду, то есть, франкскую. На тѣло онъ надѣвалъ полотняную рубашку и полотняные исподни; сверху тунику, обшитую шелковой бахрамой, и панталоны; далѣе, ноги были обвернуты въ полотно до колѣна [1]) и обуты въ башмаки; зимою онъ покрывалъ грудь и плечи пелериной (thorace), сшитой изъ шкуръ выдры и соболя; сверхъ всего носилъ зеленоватый плащъ и былъ всегда подпоясанъ мечемъ, рукоять и перевязь котораго дѣлалась изъ серебра или золота. Иногда онъ подпоясывался мечемъ, украшеннымъ драгоцѣнными камнями, но это только въ высокоторжественные дни, или когда приходили чужеземные послы. Иностранною же одеждой, какъ бы она ни была красива, онъ пренебрегалъ, и никогда не позволялъ одѣвать ею себя, исключая тѣхъ случаевъ въ Римѣ, какъ однажды, по просьбѣ первосвятителя Адріана, а другой разъ Льва, его преемника, онъ возложилъ на себя длинную тунику и хламиду, и обулся въ башмаки, сшитые по римски. Но вовремя торжествъ онъ носилъ одежды, затканныя золотомъ, и обувь, выложенную драгоцѣнными камнями, съ плащемъ, застегнутымъ золотою пряжкою, и въ золотой коронѣ съ камнями; въ обыкновенные же дни, его нарядъ мало отличался отъ обыкновенной одежды простолюдина.

24. Вообще умѣренный въ пищѣ и питьѣ, Карлъ былъ еще умѣреннѣе въ отношеніи напитковъ, потому что ненавидѣлъ пьянство во всякомъ, не говоря о самомъ себѣ или о своихъ. Но въ пищѣ

---

[1]) *Fasciolis crura—тряпицами голени.* Такъ обуваются наши крестьяне до сихъ поръ и эта часть обуви носитъ названіе *онучъ.*

не могъ быть одинаково воздержнымъ, и часто жаловался на то, что постъ вреденъ его здоровью. Онъ рѣдко давалъ обѣды, только по большимъ торжествамъ, и тогда созывалъ большое число гостей. Обыкновенный обѣдъ состоялъ изъ четырехъ блюдъ, кромѣ жаркого, которое обыкновенно сами охотники подавали прямо на вертелѣ, и жаркое онъ предпочиталъ всякому другому кушанью. За обѣдомъ Карлъ слушалъ какую-нибудь музыку или чтеніе: ему читались разсказы о дѣяніяхъ древнихъ; его пріятно занимали также и сочиненія св. Августина, въ особенности же то изъ нихъ, которое озаглавлено: *De civitate Dei*. Относительно вина и другихъ напитковъ, Карлъ былъ воздерженъ до того, что за столомъ пилъ не болѣе трехъ разъ. Лѣтомъ послѣ полуденнаго обѣда онъ съѣдалъ нѣсколько яблокъ и одинъ разъ запивалъ; потомъ, раздѣвшись и разувшись, какъ на ночь, отдыхалъ часа два-три. Ночью спалъ такъ, что не только его сонъ прерывался раза четыре-пять, но онъ даже вставалъ съ постели. Во время одѣванія и обуванія онъ допускалъ присутствовать при этомъ не только друзей, но даже если пфальцграфъ имѣлъ какой-нибудь споръ, который нельзя было рѣшить безъ него, то приказывалъ вводить къ себѣ тяжущіяся стороны и, выслушавъ, произносилъ приговоръ, какъ бы онъ сидѣлъ на судейскомъ мѣстѣ; и не это одно: въ это время онъ распоряжался на цѣлый день, что нужно было сдѣлать, или что поручить для исполненія министрамъ.

25. Карлъ обладалъ большимъ краснорѣчіемъ, и могъ съ легкостью выражать все, что́ бы ни захотѣлъ. Онъ не ограничивался однимъ отечественнымъ языкомъ, и много трудился надъ изученіемъ иностранныхъ языковъ; между прочимъ, онъ владѣлъ латинскимъ языкомъ такъ, что могъ выражаться на немъ какъ на родномъ языкѣ; но по-гречески болѣе понималъ, нежели говорилъ. Вообще онъ говорилъ такъ превосходно, что его можно было принять за учителя. Съ большимъ прилежаніемъ занимался науками (artes liberales), и, высоко почитая ученыхъ, оказывалъ имъ великія почести. Грамматику онъ слушалъ у Петра Пизанскаго, діакона, человѣка преклонныхъ лѣтъ; въ другихъ же предметахъ имѣлъ наставника Альбина, по прозванію Алкуина, также діакона, изъ Британіи, саксонскаго уроженца, мужа весьма ученаго во всѣхъ отношеніяхъ. Карлъ употребилъ много времени и труда, обучаясь у него риторикѣ, діалектикѣ, а въ особенности астрономіи. Онъ занимался искусствомъ дѣлать вычисленія, и въ особеннымъ любознаніемъ и проницательностію наблюдалъ за теченіемъ звѣздъ. Дѣлалъ попытки и писать, и съ этою цѣлью имѣлъ обыкновеніе держать въ кровати подъ подушкой таблички и тетрадь, чтобы въ свободное время пріучать руку выводить буквы; но трудъ его, какъ поздно начатый, имѣлъ мало успѣха.

26. Проникнутый съ дѣтства христіанскою религіей, Карлъ чтилъ ее свято и благочестиво, а потому выстроилъ въ Ахенѣ соборъ чрезвычайной красоты, и одарилъ его золотомъ, серебромъ, паникадилами, рѣшетками и вратами, вылитыми изъ отличной мѣди. Не имѣя возможности достать для его постройки колоннъ и мрамора, онъ постарался привезти матеріалъ изъ Рима и Равенны. Ревностно посѣщалъ церковь и утромъ, и вечеромъ, ночью и за обѣднею, на-

сколько ему позволяло здоровье, и особенно старался о томъ, чтобы все, совершавшееся въ ней, отправлялось съ величайшимъ почтеніемъ; очень часто онъ уговаривалъ церковныхъ служителей не позволять приносить въ церковь что-нибудь неприличное и нечистое и оставлять въ ней. Ахенскій соборъ былъ надѣленъ священными золотыми и серебряными сосудами и ризами въ такомъ количествѣ, что при богослуженіи даже привратники, составляющіе самую низкую ступень церковнаго чина, не имѣли надобности ходить въ обыкновенной одеждѣ. Имъ-же тщательно былъ устроенъ порядокъ чтенія и пѣснопѣнія, ибо онъ имѣлъ довольно искусства и въ томъ, и въ другомъ, хотя самъ никогда не читалъ всенародно и пѣлъ не иначе, какъ про себя, или въ хорѣ съ другими.

27. Онъ много заботился о вспомоществованіи бѣднымъ и доброхотной милостынѣ, которую греки называютъ *eletmosyna*, и не только въ своемъ отечествѣ и въ своемъ государствѣ, но и за морями, въ Сиріи, Египтѣ, Африкѣ, Іерусалимѣ, Александріи и Карѳагенѣ, гдѣ только узнавалъ о бѣдности христіанъ, и, сострадая ихъ нуждамъ, посылалъ деньги; съ этою цѣлью онъ особенно заботился о снисканіи дружбы заморскихъ королей, чтобы доставить тѣмъ помощь и облегченіе христіанамъ, живущимъ подъ ихъ владычествомъ. Въ Римѣ изъ всѣхъ его святыхъ и почитаемыхъ мѣстъ Карлъ уважалъ болѣе всего церковь блаженнаго апостола Петра, въ сокровищницы которой имъ пожертвованы огромныя богатства въ золотѣ, серебрѣ и драгоцѣнныхъ каменьяхъ. Первосвятителямъ было отправлено множество безчисленныхъ даровъ, и Карлъ во время своего управленія ни о чемъ не заботился такъ, какъ о томъ, чтобы его стараніями Римъ возвратилъ древнее значеніе, а церковь св. Петра могла бы чрезъ него быть не только безопасною и сохранною, но украшенною и одаренною преимущественно предъ всѣми прочими церквами. Но не смотря на все то, Карлъ въ теченіе 47 лѣтъ, которыя управлялъ государствомъ, отправлялся въ Римъ всего четыре раза для исполненія обѣтовъ и на поклоненіе.

28. Но не эти однѣ причины побудили его предпринять свое послѣднее путешествіе въ Римъ (800 г.); римляне, нанеся тяжкія оскорбленія первосвятителю Льву (III, папа), а именно выколовъ глаза и урѣзавъ языкъ, заставили его тѣмъ просить помощи у короля. Вотъ почему Карлъ, прибывъ въ Римъ для возстановленія потрясеннаго порядка церкви, провелъ тамъ цѣлую зиму. Въ то время онъ получилъ званіе *Императора* и *Августа*, къ чему имѣлъ сначала такое отвращеніе, что, по его увѣренію, не пошелъ бы въ тотъ день въ церковь, не смотря на высокоторжественность праздника (Рождества Христова), если бы могъ предвидѣть намѣреніе первосвятителя [1]). Онъ перенесъ съ великимъ терпѣніемъ ненависть римскихъ (византійскихъ) императоровъ, раздраженныхъ противъ него за принятое имъ званіе, и побѣдилъ ихъ упорство своимъ великодушіемъ, которымъ онъ, внѣ всякаго сомнѣнія, былъ гораздо выше ихъ, посы-

---

[1]) Ср. это показаніе Эгингарда съ словами Алкуина, см. ниже его письмо къ Карлу В., въ ст. 4.

далъ къ нимъ часто посольства и въ грамотахъ называлъ ихъ своими братьями.

29. По принятіи императорскаго титула, Карлъ, видя большіе недостатки въ законодательствахъ его народа — а франки имѣютъ двоякій законъ (т.-е. салическій и рипуарскій), весьма различный во многихъ пунктахъ—задумалъ присоединить то, чего недостаетъ, примирить противорѣчащее и исправить несправедливое и устарѣлое; но онъ ничего другого не сдѣлалъ, какъ только присоединилъ къ законамъ нѣсколько главъ (capitula) и то не вполнѣ законченныхъ. Но за то онъ приказалъ собрать и изложить письменно устные законы всѣхъ народовъ [1]), находившихся подъ его властью. Также повелѣлъ записать и сохранить для памяти варварскія (т.-е. германскія) древнѣйшія пѣсни, въ которыхъ воспѣвались дѣянія и войны прежнихъ королей. Началъ составлять грамматику родного (т.-е. германскаго, языка. Далъ также отечественныя названія мѣсяцамъ, а до того времени франки употребляли смѣшанно и латинскія, и варварскія слова. Двѣнадцать вѣтровъ получили отъ него отечественныя наименованія, между тѣмъ, какъ прежде едва четыре вѣтра имѣли свои имена. Изъ мѣсяцевъ, *январь* — былъ названъ Wintarmanoth (Wintermonat, зимній мѣсяцъ); *февраль* — Hornung (отъ Hor, грязь); *мартъ* — Lentzinmanoth; *апрѣль* — Ostarmanoth; *май*—Winnemanoth; *іюнь* — Brachmanoth; *іюль* — Heuvimanoth; *августъ*—Aranmanoth; *сентябрь*—Witumanoth (отъ Witu, дерево, т.-е. мѣсяцъ лѣсныхъ порубокъ); *октябрь*—Windumemanoth (т.-е. мѣсяцъ виноградной уборки, отъ windemon, лат. vindemiare); *ноябрь*—Herbistmanoth; и *декабрь*—Heilagmanoth. Вѣтрамъ же были даны слѣдующія наименованія: *восточный* (subsolanus)—Ostroniwint; *юго-восточный* (eurus)—Ostsundroni; *юго-юго-восточный* (euroaustrum)—Sundostroni; *южный* (austrum)—Sundroni; *юго-югозападный* (austroafricum)—Sundwestroni; *юго-западный* (Africus)—Westsundroni; *западный* (Zephyrus) — Westroni; *сѣверо-западный* Chorus)—Westnordroni; *сѣверо-сѣверозападный* (Circius) — Nordwestroni; *сѣверный* (Septemtrio)—Hordroni; *сѣверо-восточный* (Aquilo)—Nordostroni; и *востоко-сѣверовосточный* (Vulturnus) Ostnordroni.

30. Въ концѣ своей жизни (813 г.), Карлъ удрученный и болѣзнью, и старостью, призвалъ къ себѣ сына Лудовика (Hludovicum), короля Аквитаніи, который одинъ пережилъ изъ сыновей Гильдегарды, и, сдѣлавъ торжественное собраніе знатныхъ франковъ изъ всей Галліи, назначилъ его, по всеобщему согласію, своимъ соправителемъ и наслѣдникомъ королевскаго и императорскаго титула, возложилъ на его голову корону и приказалъ называть Императоромъ и Августомъ. Это послѣднее предложеніе было принято всѣми съ большою охотою, ибо оно казалось внушеннымъ ему свыше. Оно возвысило величіе Карла, и внушило не мало страху чужеземнымъ народамъ. Отпустивъ затѣмъ сына въ Аквитанію, король, по своему обычаю, не смотря на старость, отправился на охоту по близости ахенскаго дворца. Проведя въ этомъ занятіи остатокъ осени, около перваго ноября, онъ возвратился въ Ахенъ. Расположившись тамъ на зиму, Карлъ схва-

---

[1]) Саксовъ, туринговъ и фризовъ.

тилъ сильную лихорадку и слегъ въ январѣ мѣсяцѣ (814 г.). Какъ обыкновенно въ лихорадкахъ, онъ наложилъ на себя діэту, въ надеждѣ такимъ воздержаніемъ прогнать или, по крайней мѣрѣ, ослабить болѣзнь; но когда къ лихорадкѣ присоединилась боль въ боку, которую греки называютъ *pleuresin*, а онъ по прежнему воздерживался отъ пищи и поддерживалъ тѣло, употребляя изрѣдка питье, смерть постигла его въ седьмой день болѣзни, по принятіи имъ причащенія, на 72-мъ году его жизни, въ 47-мъ году отъ начала его правленія, 28 января (814 г.), въ третьемъ часу дня (9 час. утра).

31. Тѣло его было торжественнымъ образомъ омыто, одѣто, и при великомъ плачѣ всего народа, внесено въ церковь и предано погребенію (humatum). Сначала не знали, гдѣ его положить, потому что онъ при жизни не сдѣлалъ никакихъ распоряженій относительно этого; но наконецъ всѣмъ пришло на мысль, что нигдѣ нельзя приличнѣе погребсти его, какъ въ томъ самомъ соборѣ, который онъ построилъ въ томъ же городѣ и своимъ иждивеніемъ, по любви къ Богу и Господу нашему Іисусу Христу, и въ честь святой и предвѣчной Дѣвы Богородицы. Тамъ онъ и былъ погребенъ въ самый день смерти, а надъ могилою поставили золоченую арку съ его изображеніемъ [1]) и надписью. Надпись же была слѣдующая:

ПОДЪ СИМЪ ПАМЯТНИКОМЪ
ПОЛОЖЕНО ТѢЛО
КАРЛА ВЕЛИКАГО И ПРАВОСЛАВНАГО ИМПЕРАТОРА.
ОНЪ ЗНАТНО РАСШИРИЛЪ КОРОЛЕВСТВО ФРАНКОВЪ
И СЧАСТЛИВО ПРАВИЛЪ XLVII ЛѢТЪ.
УМЕРЪ СЕМИДЕСЯТИЛѢТНИМЪ
ВЪ ГОДЪ ГОСПОДЕНЬ DCCC. XIV. ИНДИКТА VII. V. КАЛ. ФЕВР.

32. При приближеніи его конца являлось много предзнаменованій, и не только другіе, но и самъ онъ понималъ ихъ значеніе. Въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ его жизни происходили безпрерывныя солнечныя и лунныя затмѣнія, и на солнцѣ цѣлыхъ семь дней сряду замѣчали темныя пятна. Портикъ, который былъ построенъ съ величайшимъ трудомъ между соборомъ и королевскимъ жилищемъ, внезапно упалъ и разрушился до основанія. Также и мостъ на Рейнѣ у Майнца, который онъ самъ строилъ въ теченіе 10 лѣтъ изъ дерева съ великими трудами и отличною отдѣлкой, такъ-что казалось онъ простоитъ вѣчно, сгорѣлъ въ три часа отъ несчастнаго случая, и кромѣ мѣстъ, покрытыхъ водою, отъ него не осталось ни одной

---

[1]) Это изображеніе описано подробно въ хроникѣ St. Denis, помѣщенной въ сборникѣ Буке, т. V, стр. 310—311: En un trosne fu assis, l'espée ceinte, le texte des evangiles entre ses mains apoié sur ses genols. En tele maniere fu assis en son trone que il a les espaules par derrières un petit enclinées, et la face honestement dreciée contre mont. Dedans sa couronne qui a une chaine d'or qui est atachiée sus son chief, est une partie de la sainte crois: destus fu des emperiaux garnimens, et sa face couverte d'un suaire, par desous la couronne; ses septres et une escrins d'or que li apostoilles Lyons sacra, est mis devant lui. Si est sa sepouture emplie de tresors et des richeces et de diverses odours et de precieuses espices.

щепки. Во время послѣдняго его похода въ Саксонію противъ Готфрида, короля дановъ, въ одинъ день, когда, предъ восходомъ солнца, оставивъ лагерь, Карлъ пустился въ путь, онъ увидѣлъ внезапно упавшее съ неба пламя, пролетѣвшее съ большимъ блескомъ по безоблачнымъ пространствамъ отъ правой руки къ лѣвой. Пока всѣ изумлялись, что̀ бы могло это означать, подъ Карломъ упала лошадь на переднія ноги и сбросила его на землю съ такою силою, что лопнула застежка у плаща и перевязь съ мечемъ разорвалась; подоспѣвшая прислуга должна была снять съ него оружіе, и безъ ея помощи онъ не могъ бы подняться. Копье, которое онъ твердо держалъ въ рукѣ, вылетѣло съ такою силою, что упало дальше, чѣмъ на 20 футовъ. Ко всему этому присоединялись частыя сотрясенія ахенскаго дворца, и въ домахъ, гдѣ онъ бывалъ, слышали трескъ балокъ; соборъ, въ которомъ онъ былъ послѣ погребенъ, испыталъ на себѣ ударъ молніи, и золотое яблоко, которымъ украшалась вершина купола, было разбито и отброшено на прилегавшій къ собору домъ епископа (pontificis). Въ этомъ же соборѣ, на ободѣ, который опоясывалъ внутреннюю часть зданія между верхнимъ и нижнимъ сводомъ, была надпись, сдѣланная красною краской, называвшая строителя храма, и послѣдній стихъ которой кончался словами: KAROLUS PRINCEPS. Было замѣчено нѣкоторыми, что въ самый годъ его смерти за нѣсколько мѣсяцевъ, буквы, составлявшія слово PRINCEPS, до того исчезли, что ихъ едва можно было разобрать. Но Карлъ или показывалъ видъ, или на самомъ дѣлѣ пренебрегалъ всѣмъ этимъ, какъ будто бы ничто изъ вышесказаннаго не имѣло ни малѣйшаго отношенія къ нему.

33. Карлъ началъ составлять духовное завѣщаніе, въ которомъ онъ желалъ опредѣлить часть въ своемъ наслѣдствѣ дочерей и дѣтей, рожденныхъ отъ наложницъ, но, начавъ это дѣло поздно, не могъ окончить. Раздѣлъ же драгоцѣнныхъ вещей, денегъ, платья и другого добра между друзьями и своими министрами Карлъ сдѣлалъ еще за три года до смерти, взявъ съ нихъ слово, что, послѣ его кончины, этотъ раздѣлъ, одобренный ими, сохраненъ будетъ ненарушимо. Подробности этого раздѣленія были изложены письменно, и буквальное содержаніе того документа таково:

„Во имя всемогущаго Господа нашего Бога, Отца и Сына и св. Духа! Опись и раздѣлъ сокровищъ и денегъ, находящихся въ настоящее время въ кладовыхъ, какъ то учинено преславнымъ и благочестивѣйшимъ государемъ Карломъ, императоромъ и августомъ, въ годъ отъ воплощенія Господа нашего Іисуса Христа 811, въ царствованіе его во Франціи 43, въ Италіи 37, императорства же въ 11, 4 индикта, и какъ имъ приказано сдѣлать по благочестивомъ и мудромъ обсужденіи, а по волѣ божіей исполнено. Этимъ распоряженіемъ Карлъ желалъ главнымъ образомъ обезпечить, чтобы была не только произведена въ извѣстной формѣ та раздача милостыни изъ его казны, которая обыкновенно у всѣхъ христіанъ дѣлается при торжественныхъ событіяхъ изъ ихъ имущества, но чтобы и его наслѣдники, отложивъ всякое недоумѣніе относительно того, что̀ кому принадлежитъ, ясно знали и, безъ распрей и спора, могли справед-

ливо подѣлиться. Въ этомъ намѣреніи и съ этою цѣлью, онъ раздѣлилъ все имущество и добро, состоявшее въ золотѣ, серебрѣ, драгоцѣнныхъ камняхъ и королевскихъ одеждахъ, сколько, какъ было сказано, окажется въ тотъ день въ его кладовыхъ, сначала на три части, а потомъ подраздѣлилъ ихъ, такъ-что изъ первыхъ двухъ вышла 21 доля, а третья часть осталась цѣлою. Раздѣленіе же двухъ частей на 21 долю было сдѣлано потому, что въ его королевствѣ считалось 21 епископскій городъ, и каждая часть должна была чрезъ посредство его наслѣдниковъ и друзей достаться каждому епископу, подъ именемъ элемозины (милостыни); архіепископъ, который управляетъ своею церковью, принявъ часть, слѣдующую его церкви, долженъ подѣлиться съ подвѣдомственными ему приходами такъ, чтобы третья часть пошла на его собственную церковь, а двѣ трети на приходскія (suffraganei). Доли, образовавшіяся изъ раздѣленія двухъ первыхъ частей по числу 21 метропольныхъ городовъ, лежатъ каждая отдѣльно, на своемъ мѣстѣ, съ надписью города, которому предназначена. Имена городовъ, которымъ назначены подобныя элемозины или щедроты, суть слѣдующія: Римъ, Равенна, Миланъ, Фріоуль (Forum Julii, н. Чивидале-дель-Фріули), Градо (Gradus, на о. Изонцо), Кельнъ, Майнцъ, Ювава, Зальцбургъ тожъ, Триръ, Сенонъ (н. Sens), Везонцій (н. Безансонъ), Ліонъ, Ротомагъ (н. Rouen), Реми (н. Reims), Арелатъ (н. Arles), Вьенна (н. Vienne), Дарантазія (н. Moutiers, въ Савойи), Эбродунъ (н. Embrun, въ Дофине), Бурдигала (н. Bordeaux), Туронъ (н. Tours), и Битуриги (н. Bourges). Та же часть, которую Карлъ желалъ сохранить въ цѣлости, по распредѣленіи и запечатаніи тѣхъ двухъ, должна остаться на ежедневное употребленіе, такъ-какъ на ней не лежало никакого обязательства, до тѣхъ поръ пока Карлъ будетъ живъ, или сочтетъ такое употребленіе необходимымъ для себя. Послѣ же смерти его, въ случаѣ добровольнаго удаленія отъ свѣта, эта часть должна быть подраздѣлена на 4 доли и одна изъ нихъ будетъ присоединена къ тѣмъ упомянутымъ 21 доли, другая отдастся сыновьямъ и дочерямъ, внукамъ и внучкамъ по справедливому раздѣлу между ними; третья, по христіанскому обычаю, назначается бѣднымъ; четвертая же раздается подъ именемъ элемозины дворцовымъ прислужникамъ и прислужницамъ. Къ этой третьей главной части, состоявшей, какъ и тѣ, изъ золота и серебра, онъ желалъ присоединить всякія чаши изъ мѣди, желѣза и другихъ металловъ, посуду, оружія, одежды, дорогія и дешевыя, рухлядь для всякаго употребленія, какъ-то, занавѣски, покрывала, ковры, войлоки, кожи, попоны, и все, что будетъ найдено въ тотъ день въ кладовыхъ и шкапахъ, съ тѣмъ, чтобы увеличить число раздѣленій этой части и дать большему числу людей элемозину. Капеллу, то-есть церковное управленіе, и въ ней все, что онъ самъ накопилъ, и что получилъ по наслѣдству, приказалъ сохранить въ цѣлости и не подвергать никакому дѣленію. Если же гдѣ-нибудь окажется сосудъ или книга или другое какое украшеніе, которое заподлинно не было имъ подарено капеллѣ, то такую вещь предоставляется пріобрѣсти тому, кто ее купитъ, по справедливой оцѣнкѣ. Точно также онъ распорядился о книгахъ, которыя самъ накопилъ въ огромномъ количествѣ для сво-

ей библіотеки, и опредѣлилъ, что ихъ можетъ купить всякій по настоящей цѣнѣ, а вырученныя деньги раздать бѣднымъ. Кромѣ другихъ богатствъ и денегъ, извѣстно, что есть три серебряныхъ стола и одинъ золотой замѣчательнаго вѣса и величины. О нихъ Карлъ опредѣлилъ и постановилъ: одинъ, формы четыреугольной, съ изображеніемъ города Константинополя, отправить вмѣстѣ съ прочими для того назначенными дарами въ Римъ для храма блаженнаго Петра апостола, а другой, украшенный изображеніемъ города Рима—епископу церкви въ Равеннѣ. Третій же, который превосходитъ всѣ и работою, и тяжеловѣсностью, и состоитъ изъ трехъ досокъ съ тщательнымъ и точнымъ изображеніемъ всего міра, вмѣстѣ съ тѣмъ золотымъ столомъ, по числу четвертымъ, опредѣлилъ назначить для увеличенія доли, которая раздѣлится между его наслѣдниками и пойдетъ на элемозину. Это опредѣленіе и распоряженіе сдѣлалъ и утвердилъ Карлъ предъ епископами, аббатами и графами, которые тогда случились, и имена которыхъ слѣдуютъ. *Епископы*: Гильдебальдъ (кельнскій), Рикульфъ (майнцскій), Арно (зальцбурскій), Вольфарій (реймскій), Берноинъ (безансонскій), Линдрадъ (ліонскій), Іоаннъ (арльскій), Теодульфъ (орлеанскій), Іессе (амьенскій), Гейто (базельскій), Вальтгавдъ (люттихскій). *Аббаты*: Фредугизъ (С.-Бертинскій, около С.-Омера), Адалунгъ (св. Ведаста, около Арраса), Энгельбертъ (св. Рикье, около Аббевилля), Ирмино (С. Жермень, въ Парижѣ). *Графы:* Валахо, Мегингеръ, Отульфъ, Стефанъ, Унруохъ, Бургардъ, Мегингартъ, Гатто, Гигвинъ, Эдо, Эркангарій, Герольдъ, Беро, Гильдигеръ, Роккульфъ".

Сынъ Карла, Лудовикъ, наслѣдовавшій ему по повелѣнію Божію, разсмотрѣвъ эту записку (breviarium), позаботился съ величайшимъ благочестіемъ исполнить послѣ его смерти все предписанное имъ.

Окончилъ.

Эгингардъ.

Vita Karoli magni. Изд. Pertz, Monum. II, стр. 443—463.

Эгингардъ (Einhardus или Eginhardus, какъ начали писать съ XI вѣка, род. около 770 г.—ум. 25 іюля 844 г.) [1] въ своемъ *Предисловіи* къ „Жизни Карла В." (см. выше на ст. 12), самъ даетъ намъ понятіе о своихъ личныхъ отношеніяхъ къ описываемому имъ предмету и о тѣхъ препятствіяхъ, которыя авторъ долженъ былъ встрѣтить въ господствовавшей тогда литературной рутинѣ. Дошедшія до насъ его письма, замѣтки, писанныя на первыхъ манускриптахъ сочиненія Эгингарда, и оффиціальные документы времени Карла В., служатъ единственнымъ источникомъ для описанія жизни его и той роли, которую онъ занималъ въ современномъ ему обществѣ. Такъ, аббатъ монастыря Рейхенау [2] (на Констанцкомъ озерѣ) помѣщаетъ предъ манускриптомъ „Жизни Карла В." слѣдующее извѣстіе о первоначальной судьбѣ Эгингарда: „Эйнгардъ

---

[1]) См. замѣтки объ Эгингардѣ въ томѣ I, подъ ст. 81 и 87.

[2]) Ошибочно называемый Страбономъ; ум. въ 849 г.

родился въ Остъ-Франконіи, въ Майнцскомъ округѣ и получилъ первое образованіе въ Фульдскомъ монастырѣ (н. въ Гессенъ-Касселѣ, близъ истоковъ р. Фульды), подъ руководствомъ св. мученика Бонифація (?). Оттуда аббатъ Баугольфъ (управлявшій отъ 779 до 802 г.) перевелъ его во дворецъ Карла, который старался отыскать во всемъ своемъ государствѣ людей талантливыхъ и образовать ихъ, а Эйнгардъ отличался болѣе удивительными способностями, предвѣщавшими его будущую ученость, нежели знатностью происхожденія. Будучи малъ ростомъ и невидной наружности, Эйнгардъ, за свой умъ и правдолюбіе, пріобрѣлъ такую славу при дворѣ Карла, что между всѣми служителями короля не было ни одного, съ кѣмъ этотъ могущественный и мудрѣйшій государь былъ бы въ болѣе близкихъ отношеніяхъ". За исключеніемъ анахронизма о Бонифаціѣ, который умеръ еще до рожденія Эгингарда, а именно въ 755 году, краткія извѣстія, приводимыя аббатомъ Рейхенау, правдоподобны и оправдываются другими свидѣтельствами. Въ 782 году, Алкуинъ основалъ Палатинскую школу, когда могъ въ нее вступить 12-лѣтній Эгингардъ, и подъ его-то руководствомъ молодой человѣкъ отлично изучилъ въ послѣдствіи римскую литературу; произведенія Цицерона, Виргилія, въ особенности Светонія, были ему знакомы коротко наравнѣ съ произведеніями отцовъ церкви. Онъ зналъ хорошо греческій языкъ, грамматику, ариѳметику, такъ что современники считали его ученѣйшимъ человѣкомъ той эпохи. Легенда опредѣляетъ оффиціальное положеніе Эгингарда при дворѣ званіемъ капеллана и секретаря Карла В.; но прозваніе, данное Эгингарду, лучше объясняетъ родъ его занятій. По обычаю того времени, Карлъ и всѣ приближенные получали классическія имена древности, сообразно дѣятельности, въ которой кто отличился. Карлъ назывался *Давидомъ*, Алкуинъ—*Флаккомъ*, Ангильбертъ—Гомеромъ и т. д. Эгингардъ получилъ имя *Веселеила,* того библейскаго художника, о которомъ Моисей сказалъ (Исходъ, гл. XXV, ст. 31, 32, 33): „И наполни его Духа Божія, премудрости, и разума, и умѣній всѣхъ, артитектонствовати (строить) во всѣхъ дѣлесѣхъ древодѣланія, творити злато, и сребро, и мѣдь, и ваяти камени, и дѣлати древо, и творити по всему дѣлу премудрости". Очевидно, главная должность Эгингарда соотвѣтствовала тому, что́ мы нынѣ разумѣемъ подъ министромъ публичныхъ зданій. Отрывочныя извѣстія о постройкѣ ахенскаго дворца и собора, гдѣ упоминается имя Эгингарда, оправдываютъ такую догадку. Политическая его дѣятельность была весьма ограниченна, но за то проявлялась въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ Карлъ нуждался въ людяхъ болѣе преданныхъ ему и его семейству. Такъ, въ 806 г., Эгингардъ ѣздилъ въ Римъ, чтобы получить согласіе папы на предположенное Карломъ раздѣленіе государства въ случаѣ его смерти. Въ 813 г., на Ахенскомъ сеймѣ, Эгингардъ убѣдилъ Карла признать сына Лудовика соправителемъ. По смерти Карла, Эгингардъ удержалъ свое положеніе домашняго друга и при Лудовикѣ Благочестивомъ, сотоварищѣ по Палатинской школѣ, и на сестрѣ котораго, Эммѣ, онъ былъ женатъ. Еще въ 815 г., молодой король далъ ему и его женѣ, въ знакъ своего расположенія, городъ Михаельштадъ, въ Оденвальдѣ, и Мулингеймъ, въ Майнцскомъ округѣ. Около этого времени Эгингардъ поступилъ въ духовное званіе, что дало поводъ Лудовику наградить его снова: онъ получилъ отъ короля аббатства близъ Гента и Руана, церковь Іоанна Крестителя въ Павіи и землю около Фридеслара въ Гессенѣ. Кромѣ того, Лудовикъ Благочестивый, назначивъ сына Лотаря соправителемъ, далъ ему въ совѣтники и руководители Эгингарда. Но открывшаяся борьба Лудовика съ дѣтьми произвела такое тяжелое впечатлѣніе на Эгин-

гарда, что онъ съ того времени удалился въ свой Михаельштадтъ вмѣстѣ съ женою, которая не оставляла его и по поступленіи въ духовное званіе, какъ сестра, и съ 820 г. получилъ мистическое направленіе, которое отразилось и на его сочиненіяхъ, послѣдовавшихъ за этимъ годомъ.

Во время междоусобія Лудовика съ дѣтьми, Эгингардъ долженъ былъ, однако, принимать на себя роль посредника и писалъ нерѣдко Лотарю, но все было напрасно; съ 830 г. онъ удалился навсегда въ основанный имъ незадолго монастырь Зелигенштадтъ (на берегу Майна, на сѣв. отъ Дармштадта). Къ постигшей его болѣзни присоединилась смерть Эммы въ 836 г., и Эгингардъ провелъ послѣдніе годы своей жизни въ совершенной неизвѣстности до самаго 844 г., когда онъ умеръ и былъ похороненъ въ Зелигенштадтѣ рядомъ съ своею женою. Ихъ могилу показывали тамъ до начала нынѣшняго столѣтія.

Литературная дѣятельность Эгингарда заключается между 815 и 830 годами, но блестящая ея эпоха ограничивается только первыми пятью годами, отъ 815 до 820 года, когда были имъ написаны: 1) *Жизнь Карла В.*—сочиненіе, составляющее эпоху въ исторической литературѣ, и 2) *Исторія саксовъ*; послѣднее сочиненіе не дошло до насъ, и его приписываютъ Эгингарду только потому, что на него ссылается историкъ XI вѣка, Адамъ Бременскій (см. о немъ ниже въ отдѣлѣ III). Первый же его трудъ, дошедшій до насъ во многихъ рукописяхъ, по своему содержанію и по формѣ принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ произведеній среднихъ вѣковъ. „Жизнь Карла В." была писана Эгингардомъ вскорѣ послѣ смерти Карла, когда автору было уже 45 лѣтъ отъ роду, и во всякомъ случаѣ ранѣе 820 года, потому что она помѣщена въ найденномъ катологѣ аббатства Рейхенау, который былъ составленъ 821 года. Это сочиненіе доказываетъ глубокое знаніе классической литературы древности; Эгингардъ старался подражать въ особенности Светонію, заимствуя у него цѣликомъ даже цѣлыя выраженія, и потому „Жизнь Карла В." остается главнымъ памятникомъ попытки возрожденія древней литературы. — Вторая эпоха литературной дѣятельности Эгингарда, подъ вліяніемъ политическихъ общественныхъ бѣдствій того времени, носитъ на себѣ мистическій характеръ и подражательный. Около 830 г., онъ изготовилъ *Annales a mundi exordio ad a. Chr. 829*; эта хроника была ничѣмъ другимъ, какъ копіею съ Annales Laureshamenses до 788 г., продолженныхъ въ томъ же стилѣ до 829 г. Въ тоже время было написано имъ другое сочиненіе: *De translatione ss. mart. Marcellini et Petri*, по поводу перенесенія этихъ мощей изъ Италіи въ монастырь Эгингарда. Бóльшая часть писемъ Эгингарда изъ числа 63, дошедшихъ до насъ, относятся къ этой же второй эпохѣ, и потому не имѣетъ поличическаго значенія.— *Изданія*: Annales—у Pertz, Monum. I, 135—218; Vita Karoli Magni—у Pertz, Monum. II, 443—463; Translatio и Epistolae изданы вмѣстѣ съ первыми двумя и при французскомъ переводѣ у Teulet, Oeuvres complets d'Eginhard, réunies pour la premiére fois et traduites en francais. Par. 1840—43. 2 vol. (ц. 18 фр.). Послѣднее отдѣльное изданіе: Einhardi Vita Karoli Magni in usum scholarum ex Monumentis Germ. ed. Pertz. Hannov. 1863 (ц. 75 пф.). Нѣмецкій переводъ Абеля помѣщенъ въ Lieferung 8: Die Gecshichtsschreiber der deutschen Vorzeit. Berl. 1850 (ц. 50 пф.).—*Изслѣдованія*: Schlegler, Kritische Untersuchung des Lebens Eginhards. Bamberg. 1836.

2.—О значенiи дѣятельности Карла Великаго и характеръ его законодательства.

(Въ 1829 г.).

Начало *девятаго вѣка* открываетъ собою вторую, великую эпоху исторiи цивилизацiи Францiи, а вмѣстѣ съ нею и всей западной Европы, и вступая въ нее, мы встрѣчаемъ на первомъ шагу генiальнаго человѣка. Но Карлъ Великiй (Charlemagne) не былъ ни основателемъ своей династiи, ни виновникомъ ея возвышенiя; онъ получилъ отъ своего отца, Пипина (Pepin), власть совершенно упроченную. Вступленiе Пипина на престолъ было въ свое время общественною революцiею. Когда Карлъ Великiй сдѣлался королемъ франковъ (771 г.), эта революцiя была довершена, и ему даже не было необходимости защищать ее. А, между тѣмъ, не Пипинъ, а Карлъ Великiй далъ свое имя всей династiи, и всякiй разъ, когда о немъ разсуждаютъ, думаютъ о значенiи его времени; Карлъ Великiй представляется каждому основателемъ и славою своей династiи. Таково уже преимущество великаго человѣка! Никто не удивляется, никто не оспариваетъ у Карла Великаго право назвать своимъ именемъ и свой домъ, и свою эпоху. Его превозносятъ даже до ослѣпленiя, онъ—генiй, ему—вся слава; и въ то же время безпрестанно повторяютъ, что онъ собственно ничего не сдѣлалъ, ничего не основалъ; что его имперiя, его законы, всѣ его дѣла, погибли вмѣстѣ съ нимъ. Подобныя общiя историческiя сентенцiи вызываютъ собою массу избитыхъ мѣстъ морали о безсилiи великихъ людей, о ихъ безполезности, о тщетѣ ихъ замысловъ, о ничтожности слѣда, оставляемаго ими въ томъ мiрѣ, который они избороздили во всѣхъ направленiяхъ.

Но справедливо-ли все это? Неужели назначенiе великихъ людей состоитъ только въ томъ, чтобъ тяготѣть надъ человѣчествомъ и возбуждать его изумленiе? Дорого стоило бы мiру такое зрѣлище; неужели, по паденiи занавѣса, ничего не остается? Должно-ли смотрѣть на могущественныхъ и знаменитыхъ колонновожатыхъ своего вѣка и своей нацiи, какъ на безплодный бичъ, или, по крайней мѣрѣ, какъ на обременительную роскошь? Нельзя-ли сказать того еще болѣе въ особенности о Карлѣ?

Съ перваго взгляда, такiя сомнѣнiя кажутся справедливыми, и всѣ тѣ общiя мѣста, повидимому, не лишены основанiя. Побѣды, завоеванiя, учрежденiя, реформы, планы, величiе, слава Карла Великаго исчезли вмѣстѣ съ нимъ; его можно назвать метеоромъ, внезапно вышедшимъ изъ мрака варварства для того, чтобы также быстро погрузиться и потухнуть во мракѣ феодализма. Но надобно остерегаться подобныхъ поспѣшныхъ заключенiй; чтобы понять внутреннiй смыслъ великихъ событiй и оцѣнить дѣятельность великихъ людей, надобно проникнуться сущностью дѣла.

Въ дѣятельности каждаго великаго человѣка есть двѣ стороны; онъ выполняетъ двѣ роли, и потому въ его поприщѣ можно отличить двѣ эпохи. Онъ лучше всякого другого понимаетъ потребности

своего времени, настоятельныя, дѣйствительныя потребности, то, что̀ необходимо современному ему обществу для его существованія и дальнѣйшаго развитія. Онъ, говорю я, понимаетъ это лучше всякаго другого; но это не все: онъ лучше всякаго другого съумѣетъ овладѣть всѣми общественными силами и направить ихъ къ должной цѣли. На этомъ основываются его власть и слава; вслѣдствіе того же, его понимаютъ, при первомъ появленіи, одобряютъ и слѣдуютъ, всѣ предлагаютъ ему свои услуги и помогаютъ дѣйствовать для общаго блага.

Но, къ несчастью, онъ на этомъ не останавливается: по удовлетвореніи дѣйствительныхъ и всеобщихъ нуждъ своего времени, мысль и воля великаго человѣка идетъ далѣе. Великій человѣкъ бросается впередъ, далѣе самой дѣйствительности, начинаетъ преслѣдовать свои личныя воззрѣнія; его увлекаютъ соображенія, болѣе или менѣе обширныя, болѣе или менѣе благовидныя, но эти соображенія уже не основываются, подобно его прежнимъ подвигамъ, на дѣйствительномъ положеніи вещей, на всеобщемъ сочувствіи, на опредѣленныхъ стремленіяхъ общества, и потому дѣлаются чуждыми всѣмъ и произвольными; однимъ словомъ, великій человѣкъ обнаруживаетъ желаніе расширить безконечно предѣлъ своей дѣятельности и овладѣть будущимъ, какъ онъ владѣлъ настоящимъ. Съ этой минуты начинается господство эгоизма и фантазёрство: нѣкоторое время, по довѣрію, которое вызывалось прошедшимъ, всѣ продолжаютъ слѣдовать за великимъ человѣкомъ; въ него вѣрятъ, ему повинуются; поддаются, такъ сказать, его фантазіямъ, и льстецы даже удивляются имъ и прославляютъ ихъ, какъ высокіе замыслы. Между тѣмъ, общество, которое никогда не можетъ жить долго въ разлукѣ съ истиною, начинаетъ наконецъ замѣчать, что его завлекаютъ туда, куда оно не имѣетъ вовсе намѣренія идти, и злоупотребляютъ его терпѣніемъ. До того времени великій человѣкъ прилагалъ весь свой умъ, всю свою могучую волю на служеніе общественной мысли и всеобщимъ стремленіямъ; съ этой минуты онъ начинаетъ употреблять публичную силу на служеніе собственной мысли и собственныхъ желаній; онъ *одинъ* знаетъ, что онъ дѣлаетъ. Сначала въ обществѣ обнаруживается безпокойство; но затѣмъ скоро слѣдуетъ утомленіе; за нимъ еще идутъ нѣкоторое время, но лѣниво и неохотно; потомъ начинаютъ роптать, жаловаться; затѣмъ обнаруживается разрывъ; великій человѣкъ остается одинъ и падаетъ; тогда падаетъ вмѣстѣ съ нимъ и та часть его подвига, которую онъ замышлялъ и желалъ одинъ, часть чисто личнаго и произвольнаго характера.

Дѣятельность Карла Великаго представляетъ въ себѣ три существенно различныя стороны; ее можно разсматривать съ трехъ главныхъ точекъ зрѣнія: 1) какъ воителя и завоевателя; 2) какъ администратора и законодателя; 3) какъ покровителя наукъ, искусствъ и вообще интеллектуальнаго развитія. Карлъ Великій основывалъ внѣшнюю власть на силѣ, и внутреннее преобладаніе на администраціи и законѣ.

Войны Карла Великаго существенно отличаются отъ войнъ предшествовавшей династіи: это не были уже схватки одного племени

съ другимъ, ни походы, предпринятые съ исключительною цѣлью овладѣнія и грабежа; это были войны систематическія, политическія, вызванныя планами правительства, предписанныя извѣстною необходимостью. Каково же было внутреннее значеніе походовъ Карла Великаго? Извѣстно, что на пространствѣ римской имперіи утвердились различныя германскія племена, готы, бургунды, франки, лонгобарды и т. д. Изъ всѣхъ этихъ племенъ или союзовъ, франки были самымъ сильнымъ, и положеніе ихъ въ новомъ мѣстѣ жительства было центральное. Всѣ тѣ племена не имѣли между собою никакой политической связи и находились въ постоянной войнѣ. Между тѣмъ—сознавали-ли они то, или вовсе не сознавали—ихъ положеніе во многихъ отношеніяхъ было сходно и представляло общіе интересы. Начиная съ VIII вѣка, эти новые властители западной Европы, такъ сказать, римскіе германцы, были въ свою очередь тѣснимы съ сѣверо-запада, вдоль Рейна и Дуная, новыми племенами германскими и славянскими, стремившимися овладѣть тою же самою территоріею, и съ юга, арабами, овладѣвшими всѣми берегами Средиземнаго моря; такимъ образомъ, новыя государства, едва успѣвшія возродиться на развалинахъ римской имперіи, были угрожаемы новымъ вторженіемъ съ двухъ сторонъ, которое могло привести ихъ къ скорому паденію.

Что же сдѣлалъ Карлъ Великій? Противъ такого двойного вторженія, противъ новыхъ вселъниковъ, толпившихся на всѣхъ границахъ имперіи, онъ соединилъ все населеніе территоріи, и древнее, и новое, и римлянъ, и недавно утвердившихся германцевъ. Таковъ былъ ходъ его войнъ. Онъ началъ съ подчиненія себѣ той части римскаго населенія, которая пыталась свергнуть иго варваровъ, какъ напримѣръ, аквитанцевъ въ южной Галліи, и той части германскихъ племенъ, которые пришли послѣдними и не успѣли довершить своего завоеванія, какъ, наприм., лонгобардовъ въ Италіи. Онъ останавливаетъ въ нихъ разнообразныя побужденія, продолжавшія еще ихъ воодушевлять, соединяетъ ихъ въ одно подъ преобладаніемъ франковъ, и обращаетъ ихъ силы противъ двойного вторженія, которое угрожало всѣмъ съ юга и сѣвера-востока.

Побѣда дала другое направленіе войнѣ и изъ оборонительной сдѣлала наступательною: Карлъ перенесъ борьбу на территорію тѣхъ самыхъ народовъ, которые пытались дѣлать вторженія; онъ старался и поработить враждебныя племена, и истребить ихъ религіозныя вѣрованія. Это придало особый характеръ правительству и имперіи, учрежденной Карломъ В.: война оборонительная и завоеваніе требовали обширнаго и грознаго единства.

По смерти Карла, завоеваніе останавливается, единство исчезаетъ, имперія распадается вполнѣ; но будетъ ли справедливо утверждать, что военная дѣятельность Карла пропала безслѣдно, что Карлъ ничего не основалъ? На это можно отвѣчать прежде всего вопросомъ: измѣнилось ли состояніе управляемыхъ имъ народовъ послѣ его смерти; то двойное вторженіе, которое прежде угрожало ихъ территоріи, національности, съ юга и сѣвера, возобновилось ли оно попрежнему; саксы, славяне, авары, арабы продолжали ли держать въ страхѣ ладѣтелей римской территоріи? Ничего уже подобнаго не было бо-

лѣе. Конечно, имперія Карла Великаго распалась, но она распалась на отдѣльныя государства, которыя образовали собою барьеръ на всѣхъ пунктахъ, гдѣ угрожала какая-нибудь опасность. До Карла, границы Германіи, Италіи, Испаніи находились въ состояніи какого-то колебанія; не было никакой постоянной, организованной силы, и потому онъ былъ принужденъ безпрерывно переноситься отъ одной границы къ другой, чтобы противопоставить вторженіямъ силу своихъ подвижныхъ и временныхъ армій. По смерти Карла, возвысились на границахъ настоящіе политическіе барьеры, государства, хотя еще не вполнѣ организованныя, но дѣйствительныя и прочныя: Лотарингія, Германія, Италія, двѣ Бургундіи, Наварра, начинаютъ свое существованіе именно съ этой эпохи, и какъ бы ни была превратна ихъ судьба, но онѣ имѣли жизнь и совершенно достаточно силы къ тому, чтобы служить отпоромъ для новыхъ вторженій. Вотъ, потому вторженія прекратились съ того времени, или, лучше сказать, могли повторяться только морскимъ путемъ; они были еще ужасны, но только для однихъ частей пораженныхъ этими вторженіями, которыя притомъ не могли производиться болѣе громадными массами и не влекли за собою большихъ послѣдствій.

Итакъ, хотя владычество Карла исчезло вмѣстѣ съ нимъ, но было бы несправедливо сказать, что онъ ничего не основалъ: онъ основалъ именно всѣ тѣ государства, которыя образовались изъ развалинъ его имперіи. Въ томъ, что совершилъ Карлъ, измѣнилась форма, но фундаментъ его работы уцѣлѣлъ. Таковъ вообще характеръ дѣятельности великихъ людей. Карлъ Великій, какъ правитель и законодатель, представляетъ намъ то же самое зрѣлище.

Его администрація можетъ быть разсматриваема съ двухъ сторонъ, какъ мѣстная и центральная.

Въ провинціяхъ, власть императора распоряжалась чрезъ посредство двоякаго рода агентовъ: мѣстныхъ и постоянныхъ, присланныхъ издалека и временныхъ.

Къ первому классу относились: 1) герцоги, графы, вице-графы, сотники, присяжные (scabini), жившіе на мѣстѣ, назначаемые самимъ императоромъ или довѣренными у него лицами, и имѣвшіе предписаніе дѣйствовать его именемъ при собираніи войска, отправленіи суда, поддержаніи порядка, сборѣ податей; 2) бенефиціалы, или вассалы императора, которые получали иногда наслѣдственно, чаще пожизненно, а еще чаще безъ всякаго точнаго опредѣленія и правила, земли, домены, на пространствѣ которыхъ они обладали извѣстною юрисдикціею и почти всѣми правами верховной власти, пользуясь ими отчасти собственнымъ именемъ, а отчасти именемъ императора. Ничего не было ни довольно опредѣленнаго, ни довольно яснаго въ положеніи бенефиціаловъ и характерѣ ихъ власти: они были въ одно и то же время назначаемы и независимы, были собственниками и фермерами; въ нихъ преобладалъ поочередно то тотъ, то другой характеръ. Но во всякомъ случаѣ они были, безъ сомнѣнія, въ сношеніяхъ съ Карломъ, и онъ пользовался ими для приведенія повсюду власти своей въ исполненіе.

Надъ такими мѣстными властями, были-ли то чиновники или

бенефиціалы, стояли *missi dominici*, временные ревизоры, имѣвшіе обязанность, отъ имени императора, наблюдать за состояніемъ провинцій, уполномоченные проникать во внутренности земель, какъ уступленныхъ, такъ и свободныхъ, облеченные правомъ уничтожать злоупотребленія и требовать къ отчету ихъ владѣтелей. *Missi dominici* были для Карла Великаго, по крайней мѣрѣ въ провинціяхъ, основнымъ орудіемъ администраціи и средствомъ къ соблюденію порядка.

Что касается до центральнаго правительства, то помимо личности Карла и его ближайшихъ совѣтниковъ, составлявшихъ собственно правительство, въ немъ занимали весьма важное мѣсто *народныя собранія*, если судить по наружнымъ его аттрибутамъ и увѣреніямъ почти всѣхъ новѣйшихъ историковъ. При Карлѣ Великомъ, народныя собранія были дѣйствительно часты и обнаруживали большую дѣятельность. Отъ 770 г. до 813, въ теченіе 43 лѣтъ, они были собираемы 35 разъ. Но что происходило въ ихъ средѣ? каково было ихъ политическое значеніе? Это весьма важный вопросъ.

Для разрѣшенія его мы имѣемъ весьма любопытный памятникъ: одинъ изъ современниковъ и совѣтниковъ Карла, его двоюродный братъ, Адельгардъ, аббатъ въ Корби (близь Амьеня), написалъ цѣлый трактатъ, подъ заглавіемъ: *De ordine Palatii* (т.-е. О порядкѣ двора), назначенный для ознакомленія съ центромъ администраціи Карла Великаго и въ особенности съ народными собраніями. Этотъ трактатъ въ оригиналѣ потерянъ; но, около конца IX вѣка (въ 882 г.) Гинкмаръ, архіепископъ реймскій, сдѣлалъ изъ него огромную выписку, почти въ цѣлости, въ одномъ письмѣ или рукописной инструкціи, по требованію нѣсколькихъ вельможъ, которые просили у него совѣта для назиданія Карломана, одного изъ сыновей Лудовика-Заики. Безъ сомнѣнія, ни одинъ документъ не можетъ внушать большаго довѣрія; вотъ что сказано тамъ:

„Въ обычаѣ того времени было дѣлать каждый годъ по два собранія.......; и въ томъ, и въ другомъ, чтобы не показалось кому, что собраніе сдѣлано *безъ причины* [1]), подвергались на обсужденіе и разсмотрѣніе знатныхъ, по повелѣнію короля, параграфы закона, называемые *capitula*; король составлялъ ихъ самъ или по внушенію Бога, или по необходимости, которая обнаруживалась въ промежуткѣ двухъ собраній“.

Итакъ, предложеніе капитулярій, или, говоря новѣйшимъ языкомъ, иниціатива закона принадлежала императору. При Карлѣ это и немогло быть иначе: иниціатива, естественно, должна находиться въ рукахъ того, кто хочетъ приводить въ порядокъ, преобразовывать, и именно одинъ Карлъ имѣлъ такія намѣренія. Впрочемъ, я увѣренъ, что и члены собранія могли дѣлать, съ своей стороны, всякаго рода предложенія, какія могли имъ казаться необходимыми;

---

[1]) *Ne quasi sine causa convocari viderentur*. Это выраженіе показываетъ, что большая часть членовъ собранія смотрѣла на свою обязанность присутствовать, какъ на бремя: что они мало интересовались своимъ участіемъ въ законодательной власти, и что Карлъ давалъ имъ нѣкоторую работу только для того, чтобы оправдать причину ихъ созванія, но самъ не подчинялся ихъ приговору.

недовѣріе и конституціонныя продѣлки нашего времени, безъ сомнѣнія, не были извѣстны Карлу Великому, какъ слишкомъ увѣренному въ своемъ могуществѣ, чтобы опасаться свободы преній; въ этихъ собраніяхъ онъ видѣлъ болѣе административное средство, нежели ограниченіе своей власти. Но возвратимся къ тексту Гинкмара.

„Получивъ отъ Карла сообщенія, они разсуждали день, два или три, даже и болѣе, смотря по важности дѣлъ. Дворцовые вѣстники, ходя взадъ и впередъ, представляли королю ихъ запросы и приносили имъ отвѣты; ни одинъ посторонній не допускался въ среду ихъ собранія, пока результаты совѣщаній не могли быть представлены на разсмотрѣніе великому государю, и онъ, съ мудростью, которую наградилъ его Богъ, давалъ свое рѣшеніе, чему всѣ повиновались“.

И такъ, послѣднее рѣшеніе зависѣло всегда отъ одного короля; собраніе могло только объяснить ему дѣло и давать совѣты. Гинкмаръ продолжаетъ далѣе:

„Такъ это дѣлалось съ однимъ, двумя, или и большимъ числомъ капитулярій, пока, съ божіею помощью, не устроивалось все, что требовало время.

„Между тѣмъ, какъ дѣла обсуждались такимъ образомъ безъ короля, самъ государь, оставаясь среди толпы, сошедшейся для собранія, занимался принятіемъ подарковъ, привѣтствовалъ болѣе значительныхъ людей, бесѣдовалъ съ тѣми, съ которыми рѣдко видѣлся, оказывалъ особое вниманіе старикамъ, шутилъ съ молодыми; и такъ обращался онъ одинаково, какъ съ духовными, такъ и со свѣтскими. Въ то же время, если тѣ, которые занимались вопросами, предложенными на ихъ обсужденіе, выражали желаніе видѣть короля, онъ являлся къ нимъ, оставался такъ долго, какъ они того желали, и при этомъ случаѣ совѣщавшіеся выражали ему со всею откровенностью свои мнѣнія о различныхъ предметахъ, вызывавшихъ дружескія пренія между ними. Я долженъ упомянуть, что при хорошей погодѣ все это происходило подъ открытымъ небомъ; въ случаѣ же дурной — въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ зданіяхъ, гдѣ присутствовали одни тѣ, которымъ предстояло обсуждать предложенія короля, и которые такимъ образомъ отдѣлялись отъ множества постороннихъ лицъ, явившихся на собраніе; въ послѣднемъ случаѣ, люди—менѣе значительные не имѣли доступа. Мѣста, назначенныя для собраній вельможъ, раздѣлялись на двѣ части, такъ что епископы, аббаты и клерики, достигшіе извѣстныхъ степеней, могли соединиться, не смѣшиваясь съ свѣтскими лицами. Точно также были отдѣлены графы и другіе государственные сановники; съ утра, въ сторонѣ отъ остальной толпы, иногда въ присутствіи короля, а иногда и безъ него, они начинали сходиться, пока не собрались всѣ; за тѣмъ, вышеназванные вельможи, духовные съ одной стороны, свѣтскіе съ другой — отправлялись въ назначенное имъ зало, гдѣ имъ были приготовлены почетныя мѣста для сидѣнья. Когда свѣтскіе и духовные вельможи отдѣлялись такимъ образомъ отъ толпы, имъ предоставлялось засѣдать вмѣстѣ или отдѣльно, смотря по ходу обсуживаемыхъ дѣлъ, были-ли они чисто-духовныя, или свѣтскія, или наконецъ смѣшанныя. Точно также они имѣли право, если хотѣли, по-

звать къ себѣ кого-нибудь или для того, чтобы потребовать себѣ пищи, или вообще спросить что-нибудь, и получивъ желаемое, выслать вонъ изъ собранія. Такъ происходило обсужденіе дѣлъ, предоставленныхъ королемъ ихъ суду.

„Другое занятіе короля состояло въ томъ, чтобы разспрашивать каждаго о томъ, что онъ можетъ ему донести или сообщить о той части государства, изъ которой кто явился. Это было не только дозволено всѣмъ, но даже строго внушалось, чтобы каждый, въ промежуткѣ двухъ собраній, развѣдывалъ обо всемъ, что происходитъ внутри и внѣ государства; и должно было развѣдывать, какъ у своихъ, такъ и у чужихъ, какъ у враговъ, такъ и у друзей, иногда отправляя лазутчиковъ и вообще не заботясь много о выборѣ средствъ къ пріобрѣтенію свѣденій. Король желалъ знать, не ропщетъ-ли и не волнуется-ли народъ въ какой-нибудь части, или въ отдаленномъ углу государства, и какія могли быть тому причины, не произошло-ли гдѣ-нибудь безпорядка, изслѣдованіемъ котораго должно было бы заняться собраніе, и т. п. Король разузнавалъ, не стремится-ли къ возмущенію какая-нибудь изъ покоренныхъ націй, и изъ возмутившихся нѣтъ-ли изъявляющихъ готовность смириться; не угрожаетъ-ли какая-нибудь независимая нація опасностью нападенія на государство и т. д. По всякому подобному поводу, въ особенности же, если гдѣ-нибудь угрожалъ безпорядокъ или опасность, онъ спрашивалъ главнымъ образомъ о причинѣ и поводѣ“ [1]).

Нѣтъ надобности много распространяться, чтобы дать понятіе объ истинномъ характерѣ народныхъ собраній того времени; Гинкмаръ изображаетъ ихъ весьма отчетливо въ своей картинѣ: самъ Карлъ на первомъ планѣ; онъ центръ и душа всего; по его волѣ собраніе и соединяется, и разсуждаетъ; онъ разузнаетъ о состояніи страны, предлагаетъ и утверждаетъ законы, вездѣ его воля, и отъ него исходитъ первый толчекъ; каждое дѣло начинается у него, съ тѣмъ, чтобы возвратиться къ нему. Вовсе нѣтъ рѣчи о широкой общественной свободѣ, ни о настоящей политической жизни; народное собраніе является весьма сильнымъ органомъ правительства.

Впрочемъ, этотъ органъ и не былъ безплоденъ: независимо отъ того, что Карлъ В. почерпалъ въ народныхъ собраніяхъ силу для устройства текущихъ дѣлъ, на нихъ же обыкновенно составлялись и утверждались такъ называемые *капитуляріи*. Обыкновенно подъ этимъ наименованіемъ разумѣютъ законы Карла Великаго; но такое мнѣніе ошибочно. Капитуляріями назывались вообще всѣ *capitula*, небольшіе параграфы, постановленія, законы франкскихъ королей. Вторая династія, Карловингская, оставила намъ 1697 такихъ капитулярій; сюда не относятся капитуляріи, изданные Карловингами, правившими въ Германіи и Италіи.

Эти капитуляріи дошли до насъ въ двухъ особыхъ отдѣлахъ. Одни, настоящіе государственные акты, съ указаніемъ или безъ указанія времени изданія, были сначала разсѣяны въ манускриптахъ; но еще въ теченіе IX вѣка ихъ соединили въ одинъ сборникъ и

---

[1]) *Hincm.*, Opp.: De Ordine palatii, t. II, стр. 201—215.

раздѣлили на семь книгъ. Первыя четыре книги были дѣломъ Анзегиза, аббата фонтенельскаго, одного изъ совѣтниковъ Карла В., и умершаго въ 833 г.; онъ соединилъ и привелъ въ порядокъ капитуляріи Карла и частью Лудовика Благочестиваго.

Первая книга содержитъ 162 капитулярія Карла В., и всѣ они относятся къ церковнымъ дѣламъ.

Вторая книга—48 капит. Лудовика Благочестиваго, того же содержанія.

Третья—91 капит. Карла В., по дѣламъ свѣтскимъ.

Четвертая—77 капит. Лудовика Благ., того же содержанія.

Къ этимъ четыремъ книгамъ, пріобрѣвшимъ еще со времени перваго своего появленія такую силу, что Карлъ Лысый въ своихъ собственныхъ капитуляріяхъ ссылается на нихъ, какъ на оффиціальный кодексъ, майнцскій дьяконъ, по имени Бенедиктъ, присоединилъ, около 842 г., по требованію своего архіепископа Оггера, три новыхъ книги, слѣдов. 5, 6 и 7 цѣлаго собранія.

Пятая—405 капитулярій.

Шестая—436.

Седьмая—478.

Всего вмѣстѣ—1697 капитулярій.

Но независимо отъ капитулярій опущенныхъ Анзегизомъ или изданныхъ позже него, три книги дьякона Бенедикта заключаютъ въ себѣ множество актовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ законами королей Карловингскихъ; тамъ встрѣчаются, напримѣръ, отрывки изъ римскаго права, заимствованные изъ кодекса Ѳеодосія, сборника вестготовъ (Breviarium), кодекса Юстиніана, Юліана, и пр. Можно найти значительные отрывки даже изъ прославленнаго сборника, извѣстнаго подъ именемъ Лже-декреталій, мнимыхъ каноновъ и другихъ распоряженій первыхъ папъ, которыя тогда только-что начинали распространяться, и которыя Бенедиктъ пустилъ въ ходъ, такъ что многіе ученые приписывали ему самую поддѣлку.

Наконецъ, кромѣ тѣхъ семи книгъ, въ позднѣйшее время явилось къ нимъ четыре книги дополненій, составленныхъ неизвѣстными авторами; они доводятъ общую цифру капитулярій до 2100. Капитуляріи издавались въ свѣтъ нѣсколько разъ, и лучшее изданіе ихъ принадлежитъ, безъ сомнѣнія, Балузію, въ 2 томахъ, in-fol., Парижъ 1677. Это изданіе можно даже назвать, безъ всякаго сравненія превосходнымъ: „изъ всѣхъ источниковъ средневѣкового права, сказалъ недавно Савиньи (Ист. рим. пр. въ сред. вѣка, II, стр. 91, замѣч. 36, нѣмецк. изд.), ни одинъ не былъ такъ обработанъ и такъ удобно расположенъ для пользованія, какъ капитуляріи въ ихъ превосходномъ изданіи Балузія“. Дѣйствительно, это изданіе гораздо полнѣе и тщательнѣе, нежели Линденброга, Питу, Герольда, Дю-Тиллье и др. Балузій собралъ огромное число рукописей; онъ соединилъ отрывки и цѣлые капитуляріи до него никѣмъ не изданные; его работа представляетъ обширное и хорошее собраніе текста; но собственно этимъ и ограничивается все его достоинство. При текстѣ нѣтъ никакого разбора, никакого критическаго изслѣдованія; Балузій издалъ текстъ, какимъ онъ его нашелъ, не заботясь о томъ, что

переписчики могли затемнить и наполнить ошибками древній текстъ.

Приступимъ теперь къ самому изслѣдованію капитулярій.

Нельзя не быть поражену съ перваго раза тѣмъ сбивчивымъ представленіемъ, которое соединяютъ съ названіемъ капитулярій: его относятъ безъ различія, ко всѣмъ актамъ, помѣщеннымъ въ собраніи Балузія, а между тѣмъ они представляютъ существенное различіе другъ отъ друга. Представимъ себѣ, что нѣсколько вѣковъ спустя, кто нибудь собралъ бы всѣ распоряженія современнаго намъ правительства, положимъ, напримѣръ, французской администраціи послѣдняго царствованія, и соединивъ ихъ безъ всякаго порядка въ одно цѣлое, далъ бы этому сборнику названіе законодательства, кодекса той эпохи. Очевидно, это былъ бы нелѣпый и обманчивый хаосъ; законы, указы, опредѣленія, привилегіи, приговоры, циркуляры, все это было бы тамъ сопоставлено, уравнено, смѣшано, что именно и случилось съ капитуляріями. Я постараюсь разложить сборникъ Балузія, размѣщая въ порядкѣ, по характеру и предмету, всѣ акты, которые, помѣщены тамъ; мы увидимъ, до какой степени они разнообразны.

Тамъ встрѣчаются подъ именемъ капитулярій:

1) Древнѣйшіе національные законы, неразсмотрѣнные и вновь изданные, напримѣръ, салическій законъ.

2) Извлеченіе изъ древняго закона салическаго, лонгобардскаго, баварскаго и т. д., извлеченія, объявленныя очевидно съ частною цѣлью, для извѣстнаго мѣста и извѣстнаго времени, и по поводу особенной необходимости, на которую теперь ничто намъ не указываетъ.

3) Прибавленіе къ древнимъ законамъ, салическому, лонгобардскому, баварскому и т. д. Повидимому, эти прибавленія дѣлались съ особенною формальностью и торжественностью; такъ, одному прибавленію къ закону салическому, въ древней рукописи, предшествуютъ слѣдующія слова:

„Слѣдуютъ параграфы, которые государь Карлъ Великій, императоръ, приказалъ написать въ своемъ совѣтѣ и повелѣлъ помѣстить вмѣстѣ съ прочими законами“.

Законодатель даже требовалъ весьма положительно согласія народа на этотъ случай; въ 803 г., именно въ тотъ самый годъ, когда были изданы прибавленія къ салическому закону, Карлъ Великій далъ слѣдующую инструкцію своимъ *missi*:

„Спросить народъ относительно параграфовъ, недавно присоединенныхъ къ закону; и когда всѣ согласятся, то пусть заявятъ свое согласіе на тѣ параграфы и приложатъ свою подпись“.

4) Извленіе изъ постановленій соборовъ и цѣлаго каноническаго законодательства: таковъ большой капитулярій изданный въ Ахенѣ, 789 г. [1]), и множество параграфовъ, разсѣянныхъ по другимъ капитуляріямъ.

5) Новые законы, изъ которыхъ одни составлены въ народномъ

---

[1]) См. у насъ самый капитулярій въ переводѣ, ниже, въ ст. 3.

собраніи, при содѣйствіи вельможъ свѣтскихъ и духовныхъ, соединенныхъ вмѣстѣ, или однихъ духовныхъ, или однихъ свѣтскихъ; другіе же, повидимому, были дѣломъ одного императора и соотвѣтствовали тому, что мы нынѣ называемъ указами. Это различіе не всегда выражено ясно, но, всматриваясь ближе, мы можемъ всегда его замѣтить.

6) Чисто инструкціи, данныя Карломъ Великимъ своимъ *missi*, при отправленіи ихъ въ провинцію, и заключавшія въ себѣ правила, какъ держать себя, какъ дѣлать слѣдствія, съ цѣлью употреблять этихъ *missi*, какъ посредниковъ, какъ средство сообщенія народа съ императоромъ. Акты подобнаго рода, чуждые, по крайней мѣрѣ отчасти, законодательнаго духа, встрѣчаются безпрерывно среди капитулярій: къ нимъ примѣшиваются иногда совершенно посторонніе параграфы.

7) Отвѣты, данные Карломъ Великимъ на вопросы, съ которыми къ нему обращались графы, епископы, *missi dominici*, по поводу затрудненій, представлявшихся имъ въ дѣлахъ административныхъ. Онъ рѣшаетъ эти затрудненія, которыя иногда касаются предметовъ собственно законодательныхъ, иногда административныхъ, а иногда и совершенно частныхъ.

8) Вопросы, которые предполагалъ самъ Карлъ Великій сдѣлать епископамъ, графамъ, когда они явятся въ народное собраніе. Онъ, очевидно, приготовилъ ихъ заранѣе, чтобы имѣть для себя въ виду, что онъ хотѣлъ узнать, и о чемъ хотѣлъ спросить. Эти вопросы, составляющіе самый любопытный отдѣлъ въ сборникѣ, имѣютъ вообще характеръ упрека и назиданія для тѣхъ, къ кому они обращены. Вотъ образчики подобныхъ вопросовъ; они могутъ дать понятіе о независимости образа мыслей Карла Великаго и о его здравомъ смыслѣ:

„Отчего происходитъ то, что на походѣ, или въ войнѣ, когда дѣло идетъ о защитѣ отечества, одинъ не хочетъ помогать другому“?

„Откуда являются тѣ безпрестанные процессы, въ которыхъ каждый хочетъ овладѣть тѣмъ, что онъ видитъ у своего ближняго“?

„Спросить, по какому поводу и въ какихъ мѣстностяхъ, духовные дѣлаютъ препятствіе свѣтскимъ, и свѣтскіе духовнымъ, при отправленіи каждымъ своихъ обязанностей. Изслѣдовать и обсудить, въ какой степени епископъ или аббатъ долженъ вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла, и графъ или всякій другой свѣтскій въ дѣла духовныя. Спросить ихъ самымъ настоятельнымъ образомъ о смыслѣ словъ апостола: „никто изъ служителей божіихъ не долженъ утруждать себя свѣтскими дѣлами“. Къ кому эти слова могутъ относиться“?

„Спросить у епископовъ и аббатовъ откровенно объясненія, что они хотятъ сказать тѣми словами, которыя они такъ часто повторяютъ: *отказаться отъ міра*; и какъ отличить тѣхъ, которые отказались отъ міра, отъ тѣхъ, которые пребываютъ въ мірѣ: не тѣмъ ли, что первые не носятъ оружія и не публично женаты“?

„Спросить также, отказался ли тотъ отъ свѣта, который заботится каждый день, всѣми возможными средствами, увеличить свое имущество, то обѣщая блаженство царства небеснаго, то угрожая

вѣчными муками ада; или, именемъ Бога, или какого нибудь святого, похищая чье нибудь имущество, у богатаго и у бѣднаго простодушнаго и недальновиднаго, до того, что законные наслѣдники лишаются имѣній; и большею частью, вслѣдствіе бѣдности ихъ поразившей, наталкиваются на всякаго рода безпорядки и преступленія и совершаютъ по необходимости разбой".

Безъ сомнѣнія, подобнаго рода вопросы ни мало не походятъ на букву закона.

9) Нѣкоторые изъ капитулярій не могутъ быть названы даже и вопросами; это—простыя замѣтки, такъ сказать, *memoranda*, которыя Карлъ Великій, повидимому, писалъ для самого себя, и чтобы не забыть ту или другую мѣру, которую онъ предполагалъ принять. Такъ, мы читаемъ, вслѣдъ за капитуляріемъ, или наставленіемъ для *missi dominici*, отъ 803 г., слѣдующіе два параграфа:

„Намъ нужно приказать тѣмъ, которые приводятъ намъ лошадей въ даръ, изображать ихъ имя на каждой лошади".

„Намъ нужно приказать вездѣ, гдѣ найдутся намѣстники, причиняющіе зло, или допускающіе его, изгнать ихъ и поставить лучшихъ".

Подобныхъ замѣтокъ найдется множество примѣровъ.

10) Другіе параграфы заключаютъ въ себѣ приговоры, опредѣленія, собранныя, вѣроятно, съ тою цѣлью, чтобы положить ихъ въ основаніе суда. Такъ, мы читаемъ въ одномъ капитуляріи, отъ 803 г.:

„*О человѣкѣ, который убилъ раба.* Онъ приказалъ ему убить своихъ господъ, двухъ дѣтей, изъ нихъ одинъ былъ 9, а другой 11 лѣтъ; затѣмъ, и послѣ того, когда рабъ умертвилъ дѣтей своихъ господъ, онъ приказалъ бросить его самого въ ровь. Было присуждено, чтобы вышеназванный человѣкъ заплатилъ виру за ребенка 9 лѣтъ, двойную за одиннадцатилѣтняго, тройную за раба, который по наущенію его сдѣлался убійцею, и сверхъ того въ нашу казну".

Очевидно, дѣло идетъ о приговорѣ, произнесенномъ по какому-то отдѣльному событію, и помѣщенномъ въ число капитулярій для руководства въ другихъ подобныхъ случаяхъ.

11) Въ сборникѣ встрѣчаются также акты чисто политико-экономическіе, хозяйственные, акты, относящіеся къ устройству собственныхъ помѣстій Карла Великаго, и входящіе по этому предмету въ величайшія подробности. Знаменитый капитулярій подъ заглавіемъ: *De villis* [1]), служитъ обращикомъ того. Многіе отдѣльные параграфы носятъ на себѣ тотъ же характеръ.

12) Наконецъ, независимо отъ исчисленныхъ мною актовъ и весьма разнообразныхъ, капитуляріи содержатъ въ себѣ акты чисто политическіе, случайныя мѣры, назначенія, рекомендаціи, протоколы. Возьмемъ, напримѣръ, капитулярій, изданный 794 г. на собраніи во Франкфуртѣ; въ 54 параграфахъ, изъ которыхъ онъ состоитъ, можно найти:

§ 1. Грамоту о помилованіи Тассилона, герцога Баваріи, возмутившагося противъ Карла Великаго.

---

[1]) См. переводъ текста этого капитулярія у насъ, ниже, въ ст. 3.

§ 6. Рѣшеніе распри епископа вьеннскаго и архіепископа арльскаго, и опредѣленіе границъ діоцезовъ Тарантезы, Эмбрюна и Э. Тутъ же и письма папы по этому дѣлу; опредѣлено обсудить дѣло снова.

§ 7. Оправданіе и примиреніе епископа Петра.

§ 8. Сверженіе мнимаго епископа Гербода, поставленіе котораго было сомнительно.

§ 53. Карлъ Великій уполномочивается собраніемъ епископовъ, съ согласія папы, удержать при себѣ епископа Гильдебольда, для управленія церковными дѣлами.

§ 54. Карлъ представляетъ Алкуина расположенію и молитвамъ собранія.

Во всемъ этомъ нѣтъ ничего законодательнаго.

Но вникнемъ глубже въ предметъ, обратимся къ внутреннему содержанію капитулярій, изслѣдуемъ параграфы, изъ которыхъ состоитъ каждый капитулярій: мы встрѣтимъ тоже разнообразіе, тотъ же хаосъ. Я разлагаю на 8 частей всѣ 65 капитулярій Карла Великаго, размѣщая ихъ въ 8 отдѣлахъ, сообразно съ характеромъ внутренняго содержанія: 1) законодательство моральное, 2) политическое, 3) уголовное, 4) гражданское, 5) церковное, 6) каноническое, 7) хозяйственное, 8) и отдѣльные случаи.

1. *Законодательство моральное.* Я отношу къ этому отдѣлу параграфы. которые не имѣютъ ничего ни повелѣвающаго, ни запрещающаго, которые, говоря правду, не могутъ быть даже названы закономъ: это — простые совѣты, предупрежденія, правила чисто-нравственныя, какъ напримѣръ:

„Скупость состоитъ въ томъ, чтобы желать то, чѣмъ владѣютъ другіе, и ничего не давать изъ того, чѣмъ владѣютъ сами; по словамъ апостола, она есть корень всѣхъ золъ“ (Capit. an. 806, § 15).

„Тѣ ищутъ постыдной прибыли, кто, въ виду одной прибыли и различными ухищреніями, старается накопить всякаго рода богатства“ (Тоже § 16).

„Надобно быть гостепріимнымъ“ (Capit. an. 794, § 33).

„Не дозволяйте себѣ грабежа, незаконнаго брака, лжесвидѣтельства, какъ мы всегда убѣждали относительно этого, и какъ то запрещаетъ законъ божій» (Capit. an. 789, § 36).

Законодатель идетъ далѣе: онъ считаетъ себя отвѣтственнымъ за поведеніе отдѣльныхъ лицъ, и оправдывается, говоря, что онъ не имѣетъ къ тому силъ:

„Необходимо, говоритъ онъ, чтобы каждый самъ старался хорошо вести себя, по своему разуму и средствамъ, служа Богу и идя указанными имъ стезями; потому что государь императоръ не можетъ усмотрѣть за каждымъ въ отдѣльности, съ должнымъ вниманіемъ, и удержать каждаго въ предѣлахъ закона“ (Capit. an. 802, § 3).

Не чистая ли это мораль? Подобнаго рода распоряженія не встрѣчаются ни въ законахъ обществъ рождающихся, ни въ кодексахъ развитыхъ націй. Ни въ законѣ салическомъ, ни въ современномъ законодательствѣ мы не найдемъ ничего подобнаго: они не обращаются къ свободѣ человѣка съ совѣтами; въ нихъ заключаются или запреще-

нія, или предписанія. Но при переходѣ отъ первобытнаго варварства къ цивилизаціи, законодательство принимаетъ иной характеръ; въ немъ мы встрѣчаемъ мораль, которая, въ теченіе извѣстной эпохи, дѣлается предметомъ законодательства. Искусные законодатели, основатели или реформаторы общества, понимаютъ всю силу, какую можетъ имѣть надъ людьми идея долга; инстинктъ генія предваряетъ ихъ, что безъ помощи этой идеи, безъ добровольнаго содѣйствія человѣческой воли, общество не можетъ ни поддерживаться, ни развиваться спокойно; вотъ, потому они заботятся провести эту идею въ духъ человѣка всѣми путями, и такимъ образомъ, въ ихъ рукахъ законодательство является чѣмъ-то въ родѣ проповѣди, средствомъ назиданія. Исторія всѣхъ народовъ, грековъ, евреевъ и др. подтверждаетъ справедливость того: вездѣ, между эпохою первобытнаго законодательства, которое является чисто уголовнымъ, запретительнымъ, назначеннымъ подавлять злоупотребленіе силы, и эпохою юридическаго законодательства, которое уже имѣетъ довѣріе къ нравственности, разсудку недѣлимыхъ, и потому относитъ чистую мораль къ области свободы, вездѣ, между такими двумя эпохами встрѣчается переходная эпоха, когда мораль дѣлаютъ предметомъ законодательства, когда законодательство беретъ на себя предписаніе и обученіе нравственности. Общество франко-гальское именно было въ такомъ состояніи, когда имъ управлялъ Карлъ Великій, и въ этомъ-то заключается одна изъ причинъ тѣсной его связи съ церковью, единственною силою, способною въ то время назидать и обучать нравственному.

Къ моральному законодательству того времени должно отнести всѣ распоряженія, касавшіяся интеллектуальнаго развитія человѣка: всѣ указы Карла Великаго о школахъ, о распространеніи книгъ, исправленіи книгъ церковныхъ и т. д.

II. *Законодательство политическое*. Оно составляетъ значительную часть капитулярій и состоитъ изъ 290 параграфовъ. Мы располагаемъ ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Законы и мѣры всякаго рода со стороны Карла Великаго къ обезпеченію выполненія его указовъ на всемъ пространствѣ государства; наприм., всѣ распоряженія относительно ихъ назначенія, или руководительства его различныхъ агентовъ, графовъ, герцоговъ, намѣстниковъ, сотниковъ и т. д.; такія распоряженія многочисленны и повторяются безпрерывно.

2) Судебная администрація, мѣстное судопроизводство, формы, которымъ должно слѣдовать при этомъ, военная служба и т. д.

3) Полицейскія распоряженія, весьма разнообразныя и доходящія до величайшихъ подробностей; провинція, войско, церковь, купцы, нищіе, публичныя мѣста, внутренность императорскаго дворца—служатъ поочереди ихъ предметомъ. Тамъ встрѣчается, напримѣръ, попытка установить цѣны продуктовъ, настоящая *такса:*

„Благочестивѣйшій государь нашъ, король, опредѣлилъ съ согласія св. сvнода, чтобы никто, ни духовный, ни свѣтскій, не могъ, ни въ изобильное время, ни при дороговизнѣ, продавать съѣстные припасы дороже цѣны, недавно опредѣленной по мѣрѣ: мѣра овса—де-

нарій; ячменя—два денарія; ржи — три денарія; пшеницы — четыре денарія. Если кто хочетъ продавать печенымъ хлѣбомъ, онъ долженъ брать денарій за 12 пшеничныхъ булокъ, каждая въ 2 фунта; 15 ржаныхъ, 20 ячменныхъ и 25 овсянныхъ того же вѣса также за денарій, и т. д. (Capit. an. 974, § 2).

Уничтоженіе нищенства и такса для бѣдныхъ были также предметомъ полицейскихъ распоряженій:

„Относительно нищихъ, скитающихся по странѣ, мы желаемъ, чтобы каждый изъ нашихъ вѣрноподданныхъ кормилъ своихъ бѣдныхъ, или въ своихъ помѣстьяхъ, или въ собственномъ домѣ, и не допускать ихъ искать милостыни въ другомъ мѣстѣ. Если же найдутся такіе, которые не захотятъ трудиться своими руками, пусть никто имъ ничего не даетъ“. (Capit. an. 806, § 10).

Распоряженіе относительно внутренней полиціи двора даютъ намъ весьма оригинальное понятіе о безпорядкахъ и насиліяхъ, которые совершались въ немъ:

„Мы желаемъ и повелѣваемъ, чтобы никто изъ служащихъ въ нашемъ дворцѣ не осмѣливался принимать къ себѣ никого, кто ищетъ убѣжища и старается скрыться, вслѣдствіе воровства, убійства, блуда или другого преступленія; если какой нибудь свободный человѣкъ нарушитъ наше запрещеніе и скроетъ подобнаго преступника въ нашемъ дворцѣ, то онъ осуждается нести его на своихъ плечахъ до публичной площади, и тамъ онъ будетъ привязанъ вмѣстѣ съ нимъ къ столбу... Если кто нибудь встрѣтитъ дерущихся людей въ нашемъ дворцѣ, и не будетъ въ состояніи, или не захочетъ положить конецъ ихъ дракѣ, то онъ понесетъ на себѣ часть пени за убытокъ, который они могли сдѣлать и т. д. (Capit. an. 800, § 3 и 4).

Капитуляріи наполнены множествомъ подобныхъ распоряженій; полиція имѣла, очевидно, при Карлѣ Великомъ, большую важность.

4) Къ политическому законодательству должно отнести всѣ распоряженія о разграниченіи власти свѣтской и духовной и ихъ отношеніи. Карлъ много пользовался духовенствомъ; оно было главнымъ орудіемъ его правительства; но онъ хотѣлъ его услугъ, безъ того, чтобы быть его слугою: капитуляріи свидѣтельствуютъ о его заботахъ управлять самимъ духовенствомъ и держать его въ своей власти.

5) Наконецъ, къ числу политическихъ законовъ должно отнести, повидимому, и распоряженія, касавшіяся управленія бенефиціями, розданными Карломъ Великимъ, и его отношеній къ бенефиціаламъ. Безъ сомнѣнія, въ глазахъ правительства это было весьма важнымъ дѣломъ, и Карлъ Великій устремляетъ на него все вниманіе своихъ *missi*.

Общій характеръ политическаго законодательства, во всѣхъ своихъ подробностяхъ, представляетъ рядъ безпрерывныхъ и неутомимыхъ усилій поддержать порядокъ и единство.

III. *Уголовное законодательство.* Вообще оно состоитъ въ повтореніи или извлеченіи изъ древнихъ законовъ салическаго, рипуарскаго, лонгобардскаго, баварскаго и пр. Наказаніе, прекращеніе злоупотребленій силы—вотъ, единственный предметъ, существенный характеръ тѣхъ законовъ. Тутъ было меньше работы, чѣмъ во всѣхъ

другихъ отношеніяхъ. Новыя распоряженія Карла Великаго клонились вообще къ смягченію древняго законодательства, и особенно жестокости наказаній, которымъ подвергались рабы. Но въ извѣстныхъ случаяхъ, Карлъ не только не смягчалъ наказанія, но еще усиливалъ: когда, наприм., оно являлось въ его рукахъ орудіемъ политики. Такъ, смертная казнь, столь рѣдкая въ законахъ варварскихъ, является почти въ каждомъ параграфѣ капитулярія 789 г,. направленнаго къ тому, чтобы удержать и обратить саксовъ; почти всякое нарушеніе порядка, всякое обращеніе къ идолопоклонству наказывалось смертью. За подобными исключеніями, уголовное законодательство Карла Великаго представляетъ мало оригинальнаго и интереснаго.

IV. *Гражданское законодательство*. О немъ можно сказать то же самое: древніе законы и обычаи продолжаютъ сохранять свою силу; Карлу Великому представлялось мало случаевъ къ вмѣшательству. Впрочемъ, онъ обращалъ большое вниманіе, и безъ сомнѣнія по настоянію духовенства, на отношенія лицъ, и въ особенности на отношенія мужа къ женѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ ту эпоху брачныя связи были чудовищно неправильны: мужъ бралъ и бросалъ жену весьма просто, безъ всякихъ почти формальностей. Отсюда проистекалъ величайшій безпорядокъ и въ общественной нравственности, и въ состояніи семейства: потому гражданскіе законы должны были обратить вниманіе на исправленіе нравовъ; и Карлъ Великій понималъ эту необходимость. Вслѣдствіе того, въ его капитуляріяхъ помѣщено множество параграфовъ, предписывающихъ извѣстныя условія браку, степень родства, обязанности мужа въ отношеніи жены, обязательство вдовъ и т. п. Большая часть этихъ распоряженій заимствована изъ каноническаго законодательства; но побужденіе и источникъ ихъ не были чисто религіозными: въ нихъ играли большую роль интересы гражданской жизни и необходимость основать и упорядочить семейныя отношенія.

V. *Законодательство религіозное* обнимало собою распоряженія не только касательно духовенства, однихъ служителей церкви, но и вообще всѣхъ вѣрныхъ христіанскаго народа и его отношенія къ духовнымъ. Этимъ оно и отличается отъ каноническаго законодательства, имѣющаго въ виду одно церковное общество и взаимныя отношенія духовныхъ. Вотъ образчики нѣкоторыхъ распоряженій Карла Великаго изъ законодательства религіознаго:

„Должно остерегаться оказывать почтеніе именамъ лжемучениковъ и памяти сомнительныхъ святыхъ“ (Capit. an. 789, § 41).

„Никто не долженъ вѣрить, что Богу можно молиться только на трехъ языкахъ (вѣроятно, на латинскомъ, греческомъ и германскомъ), потому что къ нему можно обращаться на всѣхъ языкахъ, и желаніе человѣка будетъ исполнено, если его просьба справедлива“ (Capit. an. 794, § 50).

„Проповѣдь должна быть произносима такъ, чтобы простой народъ могъ хорошо все понимать“ (Capit. an. 813, § 14).

Такія распоряженія представляютъ вообще много здраваго смысла, независимости взгляда, что трудно было бы ожидать встрѣтить въ такую эпоху.

VI. *Законодательство каноническое* одно занимаетъ самое обширное мѣсто въ капитуляріяхъ; и это весьма просто: епископы были главными совѣтниками Карла Великаго, они засѣдали въ наибольшемъ числѣ въ народныхъ собраніяхъ, и потому обращали болѣе всего вниманія на свои дѣла. Вслѣдствіе того, народныя собранія разсматривались вообще какъ соборы, и опредѣленія, постановляемыя на нихъ, входили въ собраніе каноновъ. Всѣ такія опредѣленія издавались въ интересѣ епископской власти. При вступленіи династіи Карловинговъ, епископальная аристократія хотя и преобладала, но была совершенно распущена: Карлъ Великій возсоздалъ ее; подъ его рукою, она пріобрѣла правильное устройство, утраченное единство, и сдѣлалась, на нѣсколько вѣковъ, преобладающимъ началомъ церкви.

VII. *Законодательство хозяйственное* содержитъ въ себѣ одни распоряженія относительно устройства собственныхъ имѣній, фермъ Карла Великаго. Одинъ капитулярій, подъ заглавіемъ: *De villis,* въ цѣлости состоитъ изъ различныхъ инструкцій, съ которыми онъ обращался въ различныя эпохи своего правленія, къ управляющимъ своихъ помѣстьевъ, и которыя, безъ всякаго основанія, были соединены въ формѣ отдѣльнаго капитулярія [1]).

VIII. *Законодательство случайное* маловажно: къ нему относится всего какихъ нибудь 12 параграфовъ.

Изъ всего сказаннаго очевидно, что законадательство Карла Великаго не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, что мы привыкли въ наше время разумѣть подъ сводомъ законовъ, и что Карлъ Великій, въ своихъ капитуляріяхъ, имѣлъ въ виду вовсе не одни юридическія цѣли. Капитуляріи представляютъ намъ собраніе актовъ правительства того времени, оффиціальной дѣятельности, которую обнаруживала власть Карла Великаго. Вѣрно также и то, что сборникъ капитулярій, дошедшій до насъ, далеко не исчерпываетъ всѣхъ подобныхъ актовъ, и что намъ недостаетъ весьма многаго. Есть цѣлые годы, отъ которыхъ мы вовсе не имѣемъ капитулярій; и въ дошедшихъ до насъ извѣстіяхъ встрѣчаются намеки на такія распоряженія, которыя не дошли до насъ. Сборникъ Балузія заключаетъ въ себѣ одни отрывки; это — оббитые обломки, и притомъ не только одного законодательства, но вообще всей правительственной дѣятельности Карла Великаго. Вотъ точка зрѣнія, на которую долженъ стать каждый, кто хотѣлъ бы избрать капитуляріи предметомъ точнаго изученія, понять ихъ вполнѣ и объяснить.

Гизо.

Истор. цив. во Фр. II, 20 и 21 лекц.

О Гизо и его сочиненіяхъ см. въ томъ I, на стр. 17. Между сочиненіями Гизо, кромѣ вышеупомянутыхъ, особенно замѣчательны: 1) Sir Robert Peel. 1 v.;—2) Histoire de la révolution d'Angleterre depuis l'avénement de Charles I jusqu' à la mort de R. Cromwell (1625—1660). 6 vol.;—3) Etudes sur l'histoire de la révolution d'Angleterre. 2 vol.;—4) Essais sur l'histoire de France. 1 vol.;

---

[1]) См. текстъ капитулярія *De villis*, ниже, въ ст. 3. I.

—5) Histoire des origines du gouvernement représentatif et des institutions politique de l'Europe jusqu' au XIV siècle. 2 vol.;—6) Corneille et son temps. 1 vol.;—7) Shakspeare et son temps. 1 vol.;—8) Abailard et Héloise, essai historique par M. et M-me Guisot. 1 vol.;—9) De la democratie en France 1 vol.;—10) Correspondanse et Ecrits de Washington, trad. de l'anglais et mis en ordre. 4 vol.

3.—Извлеченіе изъ капитулярій Карла Великаго.

(Въ концѣ VIII и началѣ IX в.).

I. Капитулярій объ императорскихъ помѣстьяхъ.

(Capitulare de vills imperialibus).

(812 г.).

§ 1. Мы желаемъ, чтобы наши помѣстья (villae), которыми мы владѣемъ для собственнаго пользованія, служили въ цѣлости однимъ намъ и никому другому.

§ 2. Чтобы нашъ домъ (familia) хорошо содержался, и чтобы никто не могъ привести его въ бѣдственное состояніе.

§ 3. Чтобы управляющіе (judices) не могли налагать никакой службы въ свою пользу на нашихъ домочадцевъ (familia), никакой полевой работы (corvadas), ни выгонять на порубку лѣса, ни принуждать къ какому нибудь труду для себя, ни получать съ нихъ какіе нибудь подарки, какъ-то: лошадь, быка, корову, свинью, овцу, поросенка, ягненка, и ничего другого, кромѣ молока, овощей, яблокъ, курицъ и яицъ.

§ 4. Если кто нибудь изъ домочадцевъ на нашей землѣ причинилъ намъ убытокъ воровствомъ или небрежностью, то отвѣчаетъ за то головою; въ прочихъ же случаяхъ будетъ, по закону, тѣлесно наказанъ, если только это не смертоубійство и не поджогъ, за что требуется, возмездіе. Другіе же люди пусть судятся по закону, какому кто подчиняется. Для удовлетворенія же насъ, какъ я сказалъ, мои домочадцы наказываются тѣлесно. Франки же, живущіе на нашихъ собственныхъ земляхъ (fiscis) или въ нашихъ помѣстьяхъ, судятся за всякое преступленіе по своему закону, и пеня за убытокъ идетъ въ нашу пользу, будетъ-ли она взята натурою или деньгами, по соотвѣтствующей цѣнѣ.

§ 5. Когда наши управляющіе приступаютъ къ нашимъ работамъ, посѣву, запашкѣ, жатвѣ, сѣнокосу, или сбору плодовъ, то каждый долженъ во время работъ смотрѣть на своемъ мѣстѣ и распоряжаться такъ, чтобы все было хорошо и цѣло. Если же ихъ не будетъ дома, или имъ нельзя явиться въ иное мѣсто, то пусть отправятъ для наблюденія за нашими интересами или хорошаго чело-

вѣка изъ домашнихъ, или другого испытаннаго человѣка; и управляющій долженъ внимательно осмотрѣть за тѣмъ, чтобы для такого дѣла былъ отправленъ вѣрный человѣкъ.

§ 6. Мы желаемъ, чтобы наши управляющіе со всѣхъ хозяйственныхъ доходовъ отдавали десятую часть въ церкви, построенныя въ нашихъ помѣстьяхъ, но не давать ничего другимъ церквамъ, если только изстари не было уже такъ заведено. Въ тѣхъ же церквахъ служителями не могутъ быть посторонніе, а только изъ нашихъ, или изъ домочадцевъ, или изъ моей капеллы.

§ 7. Всякій управляющій долженъ отправлять свою службу, какъ ему то было предписано. И если необходимость потребуетъ отъ него большей службы, то пусть онъ то зачтетъ, если служба должна увеличиться, и даже занимать ночь.

§ 8. Наши управляющіе должны убирать наши виноградники, которые находятся въ ихъ распоряженіи, и дѣлать то исправно, а вино сливать въ хорошіе сосуды и хорошенько посмотрѣть, чтобы оно никакимъ образомъ не утекло. Другое же простое вино слить въ заготовленные боченки съ тѣмъ, чтобы ихъ можно было доставить на господскія мызы. Если же вина будетъ заготовлено болѣе, нежели сколько нужно для отправки на наши мызы, то дать намъ о томъ знать, чтобы получить отъ насъ на такой случай распоряженіе. Пусть отпускаютъ изъ нашихъ виноградниковъ лозы для нашего же употребленія. Сборъ вина съ тѣхъ мызъ, которыя къ тому обязаны, складывать въ наши погреба.

§ 9. Мы желаемъ, чтобы каждый управляющій въ своихъ дѣлахъ употреблялъ бы для измѣренія мѣрки, полумѣрки, осьмушки и коробы (modius, sextarius, situla et corbus) того же размѣра, какой мы имѣемъ при дворѣ.

§ 10. Пусть наши старосты (majores), лѣсничіи, конюхи, погребщики, десятскіе, сборщики и другіе служащіе несутъ подати и представляютъ повинности съ своихъ домовъ: за ручными же ихъ работами пусть внимательно наблюдаютъ управляющіе. Если какой нибудь староста имѣетъ бенефицію, то пусть посылаетъ своего помощника, который долженъ выполнить за него и ручную работу и всякую другую службу.

§ 11. Ни одинъ управляющій не долженъ брать въ лѣсъ нашихъ людей ни для себя, ни для своихъ собакъ.

§ 12. Ни одинъ управляющій не долженъ давать отъ себя земли нашимъ гостямъ въ нашихъ помѣстьяхъ.

§ 13. Обратить вниманіе на то, чтобы жеребцы, т.-е. waraniones (боевыя лошади), никакимъ образомъ не застаивались на мѣстѣ и чрезъ то не портились. Если же окажется жеребецъ негодный или старый, то дать намъ знать о томъ заблаговременно, прежде нежели наступитъ время, когда выпускаютъ кобылицъ.

§ 14. Хорошенько смотрѣть за нашими кобылицами, и во-время отлучать жеребятъ; если же ихъ наберется много, то отдѣлять и составлять изъ нихъ особое стадо.

§ 15. Непремѣнно пригонять ко двору нашихъ жеребятъ къ зимнему празднику св. Мартина (12 ноября).

§ 16. Мы желаемъ, чтобы все то, что я или королева или нашъ чиновникъ, сенешаль (sinescalcus) или кравчій прикажетъ, отъ моего имени или отъ имени королевы, какому нибудь управляющему, то онъ долженъ все исполнить, по приказанному, къ тому же самому собранію (placitum). Если кто по небрежности не исполнитъ приказаннаго, то обязанъ воздержаться отъ питья, пока не явится ко мнѣ или къ королевѣ и не получитъ отъ насъ прощенія. И если самъ управляющій будетъ находиться въ войнѣ, или на караулѣ (wacta, откуда н. вахта), или въ посылкѣ или гдѣ бы то ни было, и будетъ дано приказаніе его помощникамъ, и они его не выполнятъ, то обязуются придти пѣшкомъ во дворецъ и воздерживаться отъ мяса и питья, пока не объяснятъ причины неисполненія; и тогда они отвѣтятъ за то спиною, или какъ будетъ то угодно мнѣ или королевѣ.

§ 17. Сколько у кого находится мызъ подъ надзоромъ, столько долженъ онъ имѣть отборныхъ людей, которые смотрѣли бы за нашими пчелами.

§ 18. При мельницахъ имѣть гусей и курицъ по размѣру мельницы, и чѣмъ больше, тѣмъ лучше.

§ 19. При нашихъ мучныхъ анбарахъ, на главныхъ (capitaneis) мызахъ, содержать не менѣе 100 куръ и не менѣе 30 гусей. На небольшихъ же мызахъ не менѣе 50 куръ и 12 гусей.

§ 20. Каждый управляющій долженъ всякій годъ въ изобиліи отправлять фрукты на мызы, и кромѣ того три-четыре раза и болѣе посмотрѣть за ними, чтобы не испортились.

§ 21. Каждый управляющій долженъ имѣть на-готовѣ пруды на нашихъ мызахъ, гдѣ они дѣлались прежде, и гдѣ можетъ увеличить, пусть увеличиваетъ. Гдѣ же и прежде не было, но могло бы быть, пусть открываетъ вновь.

§ 22. Винныхъ кабачковъ съ вывѣсками имѣть не менѣе трехъ или четырехъ.

§ 23. На каждой мызѣ управляющіе должны имѣть, какъ можно больше, коровниковъ, свинярень, овчарень и хлѣвовъ, и никто не смѣетъ быть безъ нихъ. Кромѣ того, они должны имѣть рабочихъ коровъ для отправленія службы нашими служителями, и въ достаточномъ числѣ для господскихъ работъ телѣгъ съ коровьимъ ярмомъ (vaccaritiae vel carrucae). Для работъ же употреблять не хромыхъ коровъ или лошадей. И, какъ я сказалъ, чтобы не было недостатка въ телѣгахъ съ ярмомъ.

§ 24. Все, что назначается для нашего стола, то каждый управляющій долженъ имѣть въ отличномъ видѣ, тщательно и чисто приготовленнымъ.

§ 25. Старшины не должны имѣть подъ своимъ надзоромъ болѣе, нежели сколько могутъ осмотрѣть въ одинъ день и обойти.

§ 26. Наши мызы должны имѣть постоянно огонь и охраняться стражею. Если посольство будетъ идти ко двору или возвращаться, то никакъ не давать ему квартиръ на нашихъ мызахъ, если не будетъ особаго на то приказанія отъ меня, или отъ королевы.

§ 27. Мы желаемъ, чтобы ежегодно въ посту, въ вербное воскресенье, называемое *Осанной*, сообразно нашему предписанію, отправ-

ляли къ намъ деньги съ имѣній, а къ тому времени мы уже успѣемъ просмотрѣть отчетъ за прошедшій годъ (сравн. ниже, § 62).

§ 29. Если кто нибудь изъ моихъ людей будетъ аппелировать, то управляющій долженъ не допускать его идти ко мнѣ съ жалобою, чтобы онъ такимъ образомъ не терялъ рабочихъ дней. Захочетъ ли рабъ другимъ образомъ искать своего права, то его старшій (magister) долженъ употребить всѣ усилія, чтобы доставить ему возможность къ тому. Если нельзя дѣло рѣшить на мѣстѣ, то все же не дозволять рабу идти куда нибудь, но старшій долженъ насъ увѣдомить о томъ лично, или чрезъ посланнаго.

§ 31. Управляющіе должны поставлять ежегодно пряжу и другія бабьи повинности, въ опредѣленное время и сполна, давая намъ знать, какъ все собрано, и отчего явились недоимки.

§ 32. Всякій управляющій долженъ смотрѣть за тѣмъ, чтобы имѣть на-готовѣ, или достать откуда нибудь, хорошія сѣмена, самыя лучшія.

§ 33. Отобравъ на сѣмена, и окончивъ посѣвъ, все, что останется въ экономіи, сохранять до нашего распоряженія, и потомъ, по нашему приказанію, остатокъ будетъ или проданъ, или отложенъ.

§ 34. Вообще нужно съ особеннымъ вниманіемъ наблюдать, чтобы все, что обдѣлывается или приготовляется руками, какъ-то, свинина, сушеное мясо, колбасы (sulcia), свѣжая солонина, вино, уксусъ, настойки (moratum), наливки (vinum coctum), рыбій жиръ (garum), горчица, сыръ (formaticum, откуда фран. formage или fromage, т.-е. то, что обдѣлывается въ форму), масло, солодъ (bracios), пиво (cervisas), медъ (medum), соты, воскъ, мука, чтобы все это было изготовляемо и обдѣлываемо съ величайшею чистотою.

§ 35. Мы желаемъ, чтобы отбирались жирнѣйшіе изъ барановъ и свиней на сало, и чтобы на каждой мызѣ имѣлось не менѣе двухъ быковъ, особо откормленныхъ, какъ для сала, такъ и для доставленія намъ.

§ 36. Наши лѣса и рощи должны быть хорошо охраняемы; ѓдѣ нужно вычистить мѣсто, пусть вычистятъ, но не слѣдуетъ допускать покрытія полей кустарникомъ, гдѣ слѣдуетъ быть лѣсу, тамъ не дозволять большой порубки или какого вреда. Наши заповѣдныя чащи (feramina) въ лѣсахъ заботливо охранять; равномѣрно, имѣть на-готовѣ къ нашему пріѣзду соколовъ и кречетовъ. Управляющіе, или наши старшины, или ихъ люди, если свиньи ихъ пущены на откормленіе въ наши лѣса, сами первые должны доставлять намъ десятину, чтобы и другимъ подать хорошій примѣръ: пусть впослѣдствіи и другіе выплачиваютъ десятину сполна.

§ 37. Чтобы поля и засѣвы наши были хорошо отбыты (ut bene conponant), а наши луга въ свое время тщательно охраняемы.

§ 38. Имѣть всегда въ достаточномъ количествѣ откормленныхъ гусей и каплуновъ на готовѣ или для нашего стола, или для отправленія къ намъ.

§ 39. Предписываемъ собирать ежегодно курицъ и яйца съ дворовыхъ и пахатниковъ (servientes et mansuarii); излишекъ оттуда продавать.

§ 40. Каждый управляющій обязуется непремѣнно имѣть, въ знакъ зажиточности (pro dignitatis causa), лебедей, павлиновъ, фазановъ, утокъ, голубей, горлицъ.

§ 41. Хорошо охранять постройки на нашихъ дворахъ и окрестныя рощи; имѣть хорошо заготовленные котлы и кадки для мѣсива (pistrina seu torcularia), чтобы наши прислужники могли хорошо и чисто выполнять свою службу.

§ 42. На каждой мызѣ имѣть въ магазинахъ: кровати, занавѣски, перины, простыни (batlimas нѣм. слово въ латинской формѣ: Bettleinen), одѣяла, скатерти на столъ, чаши мѣдныя, оловянныя, желѣзныя, деревянныя, кочерги, цѣпи для подвязки котловъ, очаги, долота, топоры, буравы, ломы и прочіе снаряды, для того чтобы не было необходимости искать или одолжать того у другихъ. Имѣть также на-готовѣ оружіе для непріятеля, и чтобы оно было въ исправности; по возвращеніи изъ похода возвращать его въ магазинъ.

§ 43. Сообразно предписанію, выдавать въ опредѣленное время на дѣвичью половину (genitiae, отъ γυναίκιον) рабочіе матеріалы, какъ-то: воскъ, шерсть, крашенину, гребни для шерсти, мыло, мазь, посуду и другія мелочи, къ тому необходимыя.

§ 44. Изъ постныхъ яствъ (de quadragesimale), отсылать ежегодно для нашего употребленія двѣ части сбора овощей, рыбной ловли, сыра, масла, меду, горчицы, уксусу, гороху, бобовъ, сушеныхъ травъ, кореньевъ, воску, мыла и другихъ мелочей; объ остаткѣ, какъ мы выше сказали, немедленно донести, и ни въ какомъ случаѣ не позволять себѣ того, что дѣлалось до сихъ поръ; по присланнымъ двумъ частямъ мы будемъ въ состояніи судить о той третьей, которая осталась.

§ 45. Каждый управляющій въ своемъ хозяйствѣ долженъ имѣть хорошихъ ремесленниковъ, а именно: кузнецовъ, серебрянныхъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ, скорняковъ, токарей, плотниковъ, оружейниковъ, рыбаковъ, птицеловoвъ, мыловаровъ, пивоваровъ, умѣющихъ дѣлать сидру и всякіе другіе вкусные напитки; хлѣбопековъ, которые приготовляли бы для насъ пеклеванный хлѣбъ (similam); умѣющихъ вязать сѣти, какъ для охоты, такъ и для рыбной ловли и на птицъ, и другихъ всякаго рода мастеровъ, которыхъ названіе было бы долго исчислять.

§ 46. Наши загороженныя рощи, которыя на народномъ языкѣ называются *brogili* (или brolia, латиниз. форма нѣмецк. Brühl), заботливо охранять и въ свое время чинить, не ожидая ни въ какомъ случаѣ, чтобы пришлось изгороду снова ставить. Того же правила держаться вообще относительно зданій.

§ 47. Наши ловчіе и сокольничьи, равно какъ и прочіе служители, имѣющіе постоянныя обязанности при нашемъ дворѣ, должны составлять въ нашихъ мызахъ совѣтъ, къ которому мы или королева могли обращаться съ письменными приказаніями, на случай посылки кого нибудь по собственнымъ дѣламъ, или если нашъ министръ двора (siniscalcus, Senechal) и кравчій прикажутъ что нибудь съ нашихъ словъ.

§ 48. Держать въ порядкѣ на нашихъ мызахъ толчеи (torcularia).

Пусть позаботятся управляющіе, чтобы виноградъ нашъ никто не осмѣливался давить голыми ногами; это нужно дѣлать чисто и прилично.

§ 49. Женское отдѣленіе (genitia отъ греч. γυναίκιον) должно быть хорошо устроено, а именно, въ отношеніи чулановъ, чердаковъ и подваловъ; оно должно быть прочно огорожено и имѣть надежные ворота, какъ тому слѣдуетъ быть въ нашихъ владѣніяхъ.

§ 50. Каждый управляющій долженъ смотрѣть, сколько жеребцовъ должно стоять въ одной конюшнѣ, и сколько конюховъ могутъ помѣститься съ ними. Конюхи, остающіеся безъ дѣла и имѣющіе въ томъ же округѣ бенефицію (т.-е. землю, данную для пользованія), пусть живутъ изъ своихъ бенефицій, Точно также и крѣпостные (fiscalini), имѣющіе сдворокъ (mansa, т.-е. домъ съ огородомъ), пусть тѣмъ и живутъ. Кто же не имѣетъ того, тотъ получаетъ мѣсячину (provenda) изъ господскихъ анбаровъ.

51. Пусть каждый управляющій смотритъ, чтобы дурные люди никакимъ образомъ не прятали подъ землею нашъ сѣменной хлѣбъ, и не могли бы укрыть въ какомь другомъ мѣстѣ, а чрезъ это всходъ можетъ быть рѣдокъ. Равномѣрно, должно наблюдать, чтобы они никогда не могли заговаривать полей (т.-е. посредствомъ колдовства).

52. Мы желаемъ, чтобы управляющіе творили правый и нелицемѣрный судъ всякого рода людямъ, какъ нашимъ крѣпостнымъ или рабамъ, такъ и всельникамъ (ingenuis), пребывающимъ на нашей землѣ или на нашихъ мызахъ.

53. Каждый управляющій долженъ наблюдать за тѣмъ, чтобы наши люди его округа никакимъ образомъ не дѣлались ни разбойниками, ни колдунами.

54. Каждый управляющій пусть смотритъ, чтобы наши домочадцы (familia nostra) хорошо прилежали дѣлу, и въ свободное время не скитались по рынкамъ.

55. Мы желаемъ, чтобы управляющіе все, что прибудетъ или сохранится или отложится, записывали въ одну книгу (breve), а все, что истратятъ, въ другую; а о томъ, что будетъ въ остаткѣ, донесутъ намъ рапортомъ (per brevem).

56. Каждый управляющій въ своемъ округѣ долженъ дѣлать часто пріемные дни (audientias), заниматься разбирательствомъ дѣлъ, и заботиться о правильной жизни нашихъ домочадцевъ.

57. Если кто изъ рабовъ нашихъ захочетъ донести намъ на своего старшаго (magistrum) по нашему дѣлу, не преграждать ему дороги къ намъ. Если же управляющій узнаетъ, что его подчиненные хотятъ итти ко двору жаловаться на него самого, тогда онъ самъ долженъ отправить ко двору объясненіе противъ нихъ, чтобы жалоба ихъ, дойдя до нашего слуха, не раздражила насъ. Притомъ, мы будемъ такъ знать, по дѣлу они пришли, или по пустому.

58. Если управляющимъ будутъ поручены наши щенки, пусть кормятъ ихъ изъ своего, или поручаютъ своимъ подчиненнымъ, старостамъ, десятскимъ или кашеварамъ (cellelarius), чтобы они хорошо кормили изъ своихъ доходовъ; развѣ только случайно, по нашему приказанію, или по приказанію королевы, будетъ назначено кормить

щенковъ на нашей мызѣ и изъ нашихъ доходовъ. И въ такомъ случаѣ управляющій отряжаетъ для этого дѣла нарочнаго, который бы заботился ихъ кормить, и выдѣляетъ ему нужное для прокормленія, чтобы этому человѣку не было необходимости каждый день бѣгать домой.

§ 59. Каждый управляющій долженъ выдавать на каждый день воску по 3 фунта, и мыла по 8 секстаріевъ; сверхъ того, къ празднику св. Андрея, гдѣ бы мы ни были съ своимъ семействомъ, по 6 фунтовъ воску, и въ половинѣ поста тоже количество.

§ 60. Ни въ какомъ случаѣ не назначать старостъ изъ людей, имѣющихъ вліяніе, но изъ людей бѣдныхъ, но вѣрныхъ.

§ 61. Каждый управляющій, во время своей службы, долженъ представлять ко двору свой солодъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ приводить мастеровъ, которые могли бы тамъ варить хорошее пиво.

§ 62. Чтобы мы могли знать, чѣмъ и въ какомъ количествѣ мы владѣемъ своимъ имуществомъ, наши управляющіе обязаны ко дню Рождества Христова, ежегодно, представлять намъ отчетъ о каждомъ предметѣ отдѣльно и въ порядкѣ, по всему нашему хозяйству, а именно: сколько обработано земли быками нашихъ пахатниковъ, сколько оброчными, сколько взято за охоту въ заповѣдныхъ чащахъ безъ позволенія, сколько другихъ различныхъ штрафовъ; сколько съ мельницъ, сколько съ лѣсовъ, сколько съ полей, съ мостовъ и перевозовъ; сколько съ рынковъ, сколько съ виноградниковъ, сколько съ тѣхъ, которые поставляютъ вино; сколько съ сѣна, сколько съ дерева, лучины, осей и другого матеріала; сколько съ выгоновъ (proterrarium), съ овощей, съ шерсти, полотна, съ древесныхъ плодовъ, съ орѣховъ, крупныхъ и мелкихъ, съ садовъ, съ рыбныхъ садковъ, съ красильныхъ фабрикъ, съ кожъ, съ роговъ, съ меду и воску, съ жиру и сала или мыла; съ наливки меду и уксусу; съ пива, съ молодого и стараго вина, съ молодого и стараго хлѣба, съ куръ, яицъ, гусей, рыбъ, съ кузнецовъ, оружейниковъ, скорняковъ, столяровъ, токарей, сѣдельниковъ, съ желѣзныхъ и свинцовыхъ рудъ, которыя отданы на откупъ, съ жеребцовъ и съ кобылицъ.

§ 63. Если мы требуемъ всего этого, то наши управляющіе не должны тѣмъ слишкомъ оскорбляться, потому что мы только желаемъ, чтобы и они требовали отъ своихъ подчиненныхъ безпрекословнаго исполненія дѣла. И все, что каждому должно имѣть въ своемъ домѣ и въ своихъ владѣніяхъ, пусть все это имѣютъ на нашихъ мызахъ и наши управляющіе.

§ 64. Чтобы походныя телѣги и крытыя повозки находились въ исправности, и чтобы ящики на нихъ были хорошо покрыты кожей, и кожа должна быть такъ хорошо сшита, чтобы ихъ можно было, въ случаѣ надобности, перевозить по водѣ со всѣмъ заключающимся въ нихъ, не опасаясь промочить, и такимъ образомъ, наша поклажа, какъ мы сказали, могла бы безъ поврежденія перевозиться. Мы желаемъ также, чтобы съ каждою телѣгою доставлялась намъ мука, а именно, 12 мѣръ, а на другихъ телѣгахъ вино, также по 12 мѣрокъ нашей мѣры. И при каждой телѣгѣ долженъ быть щитъ, копье, колчанъ и лукъ.

§ 65. Рыбу изъ нашихъ садковъ продавать, а остальную затѣмъ сажать въ садки, чтобы имѣть всегда ее подъ-рукою. Если же мы не посѣтимъ нашихъ имѣній, то продавать и это, и обращать такимъ образомъ въ нашъ доходъ.

§ 66. О козахъ и козлахъ, о ихъ рогахъ и шкурахъ, давать намъ отчетъ, и доставлять намъ отъ нихъ жирную и свѣжую ветчину.

§ 67. О пустопорожнихъ мѣстахъ и пріобрѣтенныхъ крѣпостныхъ (de mancipiis adquisitis), если таковые имѣются, а для ихъ поселенія не будетъ мѣста, давать намъ знать.

§ 68. Мы желаемъ, чтобы управляющіе имѣли всегда на-готовѣ хорошія бочки, обтянутыя желѣзомъ, которыя они могли бы доставить намъ въ лагерь или ко двору; но изъ кожи не дѣлать боченковъ.

§ 69. Мы ожидаемъ во всякое время извѣстій о волкахъ, сколько ихъ поймано, а шкуры ихъ доставлять намъ. Въ мѣсяцѣ маѣ искать волчатъ и ловить ихъ отравою (pulvere), сѣтями, ямами и собаками.

§ 70. Мы желаемъ, чтобы въ нашихъ садахъ были всевозможные цвѣты, какъ-то: lilium, rosas, fenigrecum, costum, salviam, rutam, abrotanum, cucumeres, pepones, cucurbitas, faciolum, ciminum, ros marinum, careium, cicerum italicum, squillam, gladiolum, dragantea, anesum, coloquentides, solsequiam, ameum silum, lactucas, git, eruca alba, nasturtium, parduna, puledium, olisatum, petresilinum, apium, lejusticum, savinam, onetum, fenicolum, intubas, diptamnum, sinape, satureiam, sisimbrium, mentam, mentastrum, tonozitam, neptam, febrefugiam, papaver, betas, vulgigina, mismalvas, malvas, carvitas, pastenacas, adripias, blidas, ravacaulos, caulos, aniones, porros, radices, ascalonicas, cepas, olia, warentiam, cardones, fabas majores, pisos mauriscos, coriandrum, cerfolium, lacteridas, sclareiam. Садовникъ долженъ имѣть надъ своимъ домомъ Jovis barbam. Изъ деревьевъ мы желаемъ имѣть у себя яблоки всѣхъ сортовъ, груши всѣхъ сортовъ, сливы всѣхъ сортовъ, sorbarios, mespilarios, castanearios также всѣхъ сортовъ; cotoniarios, avellanarios, amandalarios, morarios, lauros, finos, ficus, nucarios, cererarios всѣхъ сортовъ. Названія яблокъ: gormaringa, geroldinga, crevedella, spirauca, dulcia, acriores; одни для сохраненія на зиму, другіе для немедленнаго употребленія и скороспѣлые. Грушъ, годныхъ для сохраненія, три или четыре рода, сладкихъ, отварныхъ и позднихъ.

Кончается капитулярій государевъ.

Pertz: Monum. Germ. t. I, Legum. 181—187 стр.

Лучшее и спеціальное изслѣдованіе объ этомъ капитуляріи: *Karl Anton*, Geschichte der teutschen Landwirtschaft von den ältesten Zeiten bis zum Ende des XV Jahrh. Göritz. 1799. t. I, 172 стр. и до конца.

II. Капитулярій о церковномъ порядкѣ.

(Capitulare ecclesiasticum).

(789 г.).

Въ безконечное царствованіе Господа нашего Іисуса Храста, Я, Карлъ, божіею милостію и его милосердіемъ, король и правитель (rector) королевства франковъ, усердный защитникъ и скромный помощникъ святой церкви, всѣмъ чинамъ (ordinibus) духовнаго благочестія и властямъ свѣтскаго могущества, во имя вѣчнаго Бога, Господа Христа, желаніе постояннаго мира и блаженства привѣтъ!

Мирно размышляли мы благочестивымъ умомъ, вмѣстѣ съ пастырями и нашими совѣтниками, объ изобильной милости Господа Христа къ намъ и къ нашему народу, и о томъ, какъ необходимо непрестанно вызывать Его благость не только сердцемъ и устами, но и безпрерывнымъ упражненіемъ въ добрыхъ дѣлахъ, такъ какъ Онъ надѣлилъ наше царствованіе всякими почестями и удостоилъ подъ своимъ покровительствомъ сохранить на-вѣки и насъ, и нашу страну. Посему намъ было угодно обратиться къ вашей опытности, о, пастыри церкви Христовой, руководители стада ея и яркіе свѣточи міра, чтобы вы съ заботливымъ бдѣніемъ ревностными убѣжденіями старались привести народъ божій къ пастбищамъ жизни вѣчной, и потщились силою добрыхъ примѣровъ и назиданія ввести заблудшихся овецъ въ крѣпкую ограду церкви, дабы коварный волкъ не пожралъ кого-нибудь переступившаго за черту каноническихъ правилъ, или вышедшаго за предѣлы отческихъ преданій вселенскихъ соборовъ, чего Боже избави. Потому должно усовѣщивать, убѣждать и даже принуждать каждаго, чтобы онъ оставался въ твердой вѣрѣ и неутомимомъ послѣдованіи правилъ отцовъ: въ этомъ дѣлѣ, знайте, ваша святость можетъ помочь нашимъ усиліямъ. Съ этою цѣлью мы и отправили къ вамъ нашихъ *missi*, чтобы они, властью нашего имени, вмѣстѣ съ вами исправили все, что̀ слѣдуетъ исправить. Мы присоединили къ нашей инструкціи нѣкоторыя главы изъ опредѣленій каноновъ, которыя намъ показались необходимыми. Прошу, чтобы кто-нибудь не осудилъ притязаніе наше благочестивыми убѣжденіями исправлять ошибки, уничтожать лишнее, справедливое внушать; пусть примутъ все то благодушно. Ибо мы читали въ книгѣ царствъ, какъ святой Осія, обходя данное ему Богомъ государство, исправляя его и назидая, старался обратить къ поклоненію истинному Богу. Говоря такъ, я не хочу уравнять себя съ его святостью, но, думаю, что намъ во всемъ слѣдуетъ подражать примѣрамъ святыхъ, и, по мѣрѣ силъ своихъ, содѣйствовать къ утвержденію доброй жизни, во славу и хвалу Господа нашего Іисуса Христа. Посему, какъ я сказалъ, мы повелѣли начертать нѣсколько параграфовъ, чтобы вы позаботились имѣть ихъ въ виду и знали, что для васъ необходимо, чтобы какъ то, такъ и другое, съ равносильнымъ усердіемъ проповѣдывать. Не опустите ничего, что могло бы и содѣйствовать вашей святости, и быть полезнымъ народу божьему; такимъ образомъ и всемогущій Богъ

вознаградитъ вѣчнымъ блаженствомъ и ваши труды, и послушаніе подданныхъ.

Ко всѣмъ:

§ 1. Нѣкоторые, бывъ отлучены отъ церкви за преступленія своимъ собственнымъ епископомъ, воспринимаются предосудительнымъ образомъ другими духовными или свѣтскими: но это запрещено святыми соборами въ Никеѣ, Халкедонѣ, Антіохіи и Сардикѣ.

Къ епископамъ:

§ 2. На томъ же соборѣ постановлено, чтобы тѣ, которые являются для посвященія, посвящались послѣ того, какъ ихъ вѣра и жизнь будутъ тщательно изслѣдованы епископомъ.

Ко всѣмъ:

§ 3. На томъ же соборѣ, и на Антіохійскомъ, равно какъ и на Халкедонскомъ запрещено: бѣглыхъ церковнослужителей и странниковъ принимать и посвящать безъ рекомендаціи и безъ дозволенія ихъ епископа или аббата.

§ 4. На томъ же соборѣ запрещено священникамъ и дьяконамъ, и всему клиру держать въ своемъ домѣ женщину, подозрѣнія ради, кромѣ матери или сестры, или такихъ, которыя не могутъ навлечь подозрѣнія.

§ 5. На томъ же соборѣ, и въ декретахъ папы Льва, и въ такъ называемыхъ апостольскихъ канонахъ, и въ самомъ законѣ Божіемъ, всѣмъ строго запрещено давать деньги въ ростъ.

Къ епископамъ:

§ 6. До нашего слуха дошло, что нѣкоторые священники служатъ обѣдню и не пріобщаютъ: это безусловно запрещено въ апостольскихъ канонахъ. И какимъ образомъ такой священникъ, который не пріобщалъ, можетъ справедливо сказать: *мы вкусили, Господи, таинствъ?* О всемъ этомъ вы можете читать въ главахъ постановленія Никейскаго собора и во всѣхъ синодальныхъ опредѣленіяхъ св. отцовъ.

§ 8. На Антіохійскомъ соборѣ постановлено: подчиненные епископы (suffragani) повинуются главному (metropolitanum episcopum) и не дерзаютъ вводить въ своихъ приходахъ ничего новаго безъ вѣдома и совѣта сего главнаго епископа, ни главный епископъ безъ ихъ совѣта.

Къ священникамъ:

§ 9. На томъ же соборѣ постановлено, чтобы епископы (corepiscopi) знали свою мѣру, и ничего не предпринимали безъ согласія епископа, въ приходѣ котораго живутъ.

Ко всему духовенству:

§ 10. На томъ же соборѣ: ни епископъ, ни кто другой изъ духовенства, безъ вѣдома или грамоты другихъ епископовъ, или глав-

наго епископа, не смѣетъ аппеллировать по своему дѣлу къ королю, и его дѣло должно быть разсмотрѣно на соборѣ епископовъ.

Къ епископамъ:

§ 12. На томъ же соборѣ: епископъ долженъ заботиться о той церкви, въ которой поставленъ.

§ 13. На томъ же соборѣ и на Халкедонскомъ: провинціальные епископы съ главнымъ своимъ епископомъ должны дѣлать два раза въ годъ собранія по дѣламъ своей церкви.

§ 14. На соборѣ въ Лаодикеѣ и на Африканскомъ запрещается монахамъ и духовнымъ заходить въ харчевню для ѣды и питья.

Ко всѣмъ:

§ 16. На томъ же соборѣ: не выдумывать неизвѣстныхъ именъ ангеловъ и именовать только тѣхъ, которыхъ мы признаемъ: а именно, Михаила, Гавріила и Рафаила.

Къ духовенству и монахамъ:

§ 17. На томъ же соборѣ: не слѣдуетъ допускать женщинъ входить въ алтарь.

Къ священникамъ:

§ 18. На томъ же соборѣ: не терпѣть составителей зелій, колдуновъ, заговорщиковъ и заговорщицъ (т. е. отъ болѣзней и т. п.)

§ 20. На томъ же соборѣ: каноники должны читать книги только въ церкви.

Къ духовнымъ и монахамъ:

§ 21. На соборѣ Халкедонскомъ запрещено поставлять епископа или кого-нибудь изъ духовенства за деньги: потому что нужно низвести и того, кто поставлялъ, и того, кого поставили, и кто былъ посредникомъ между ними.

Ко всѣмъ:

§ 23. На томъ же соборѣ въ двухъ главахъ и въ декретахъ папы Льва запрещено монаху и клерику заниматься свѣтскими дѣлами. И никто не долженъ убѣждать чужого раба вступить въ клерики, или монахи, безъ согласія и воли его господина.

Къ священникамъ:

§ 24. На томъ же соборѣ въ двухъ главахъ и на соборѣ въ Сардикѣ запрещено епископамъ и клерикамъ переселяться изъ одного города въ другой.

Ко всѣмъ:

§ 25. На томъ же соборѣ: никто не долженъ быть посвящаемъ безъ опредѣленнаго мѣста (absolute), но по объявленіи и поселеніи на томъ мѣстѣ, для котораго посвящается.

Къ монахамъ и всему духовенству:

§ 26. На томъ же соборѣ: клерики и монахи должны выполнить слово и обѣтъ, данные Богу.

Къ священникамъ:

§ 27. Въ декретахъ папы Иннокентія сказано о томъ же: монахъ, по возвышеніи своемъ въ духовный санъ, не можетъ отказаться отъ монашескихъ обѣтовъ.

Ко всѣмъ:

§ 28. На томъ же соборѣ: если клерики имѣютъ между собою тяжбу, то судятся своимъ епископомъ, а не свѣтскимъ судомъ.

§ 29. На томъ же соборѣ: ни клерики, ни монахи, не смѣютъ дѣлать заговора или козни противъ своего пастыря.

§ 31. На томъ же соборѣ: мѣста, однажды посвященныя Богу, какъ монастыри, остаются навсегда монастырями и не могутъ обращаться въ свѣтское жилище.

§ 32. На соборѣ Карѳагенскомъ: настоятельно проповѣдывать всѣмъ вѣру въ св. Троицу, воплощеніе Христа, его страсти, воскресеніе и вознесеніе на небо.

§ 33. На томъ же соборѣ: запрещать корысть, чтобы никто не вступалъ въ чужое владѣніе и не переходилъ за предѣлы отцовской земли.

§ 38. На томъ же соборѣ: кто одолжилъ деньги, тотъ деньгами и получаетъ; если же далъ вещью, то вещью же и вознаграждается въ той мѣрѣ, какъ далъ.

§ 40. На Африканскомъ соборѣ: дѣвы, посвященныя Богу, должны быть подъ строгимъ присмотромъ вѣрныхъ людей.

Къ епископамъ:

§ 41. На томъ же соборѣ: неприлично епископу пренебрегать каѳедральною церковью своего прихода, и чаще посѣщать какую-нибудь другую церковь своего діоцеза.

§ 42. На томъ же соборѣ: не оказывать почтенія лжемученикамъ и памяти сомнительныхъ святыхъ.

Ко всѣмъ:

§ 43. На томъ же соборѣ: ни жена, отпущенная мужемъ, при жизни мужа, не можетъ выйти замужъ, ни мужъ, до смерти первой жены, не можетъ жениться вторично.

§ 45. На томъ же соборѣ, въ двухъ главахъ: негодные люди не имѣютъ права обвинять. Если кому разъ доказано, что онъ солгалъ, то онъ лишается права говорить вторично.

§ 46. На томъ же соборѣ: не посвящать дѣвственницъ ранѣе 25-ти лѣтъ, если нѣтъ къ тому какой-нибудь необходимости.

§ 47. На соборѣ Гангарскомъ: не дозволять красть или похищать просфоры (ablata), назначенныя для бѣдныхъ.

Ко всѣмъ духовнымъ:

§ 48. На томъ же соборѣ: не освобождать безъ разумной причины отъ церковныхъ постовъ.

Къ епископамъ:

§ 50. На соборѣ Неокесарійскомъ: ни одинъ священникъ не долженъ быть поставленъ въ этомъ званіи ранѣе 30-лѣтняго возраста, потому что и Господь Іисусъ не проповѣдывалъ до 30 лѣтъ.

Ко всѣмъ:

§ 51. Въ декретахъ папы Сириція: никто не долженъ брать въ жены чужой невѣсты.

§ 53. Въ декретахъ папы Иннокентія: по совершеніи таинствъ Христа, всѣ должны быть въ мирѣ.

Къ епископамъ и священникамъ:

§ 55. Тамъ же: никто изъ священниковъ не можетъ не знать правилъ св. каноновъ.

Къ епископамъ:

§ 59. Въ декретахъ папы Гелазія: ни одинъ епископъ не долженъ посвящать вдовъ.

Ко всѣмъ:

§ 61. Да будетъ миръ и единодушіе со всѣмъ христіанскимъ народомъ, между епископами, аббатами, графами, судьями, и между всѣми, какъ старшими, такъ и младшими; потому что Богу ничто не угодно кромѣ мира, ни даже святое приношеніе на алтарѣ, какъ то мы читаемъ въ евангеліи словами самого Господа; ибо сказано въ законѣ: „Возлюби ближняго своего, какъ самого себя". Тоже и въ евангеліи: „Блаженны миротворцы, потому что сынами Божіими назовутся". И въ другомъ мѣстѣ: „Тѣмъ познаютъ всѣ, что вы мои ученики, если возлюбите другъ друга". Такимъ образомъ, отличаются дѣти божіи отъ дѣтей діавола; дѣти діавола помышляютъ непрестанно сѣять ссоры и несогласія; дѣти же Бога заботятся о мирѣ и любви.

§ 62. Кому дана власть судить, пусть судитъ по правдѣ, какъ то сказано: „Судите по правдѣ, о, сыны человѣческіе". Не для взятки, потому что взятка ослѣпляетъ сердце самыхъ разумныхъ и извращаетъ рѣчь справедливаго. Не изъ лести, не по лицепріятію, какъ сказано во Второзаконіи: „Судите справедливо; будетъ ли свой (cives), или чужестранецъ, не различайте лицъ, потому что судъ божій". Прежде всего, судьи должны поучать законамъ, составленнымъ мудрыми, чтобы люди, по невѣжеству, не отклонялись отъ пути правды. Притомъ, если человѣкъ признаетъ справедливость суда, то онъ боится уклониться отъ него, изъ лести предъ кѣмъ-нибудь, изъ любви къ другу, изъ страха предъ сильными или вслѣдствіе подкупа.

Вообще намъ кажется, что болѣе почтенно для судей выслушивать дѣла и произносить приговоры на-тощакъ.

§ 64. Въ законѣ божіемъ мы читаемъ слѣдующее запрещеніе: „Не колдуйте"; и во Второзаконіи сказано: „Никто не можетъ заниматься предвѣщаніями, угадываніями сновъ, или наблюденіемъ за полетомъ птицъ". Тоже и о деревьяхъ, камняхъ и источникахъ, при которыхъ нѣкоторые глупцы дѣлаютъ свои наблюденія; мы повелѣваемъ, чтобы этотъ проклятый и ненавистный Богу обычай истреблялся и уничтожался повсюду, гдѣ только встрѣтится.

§ 65. Должно проповѣдывать всѣмъ, какое великое зло ненависть или зависть, потому что и въ законѣ сказано: „Не возненавидь брата твоего въ сердцѣ своемъ, но при всѣхъ упрекни его". Тоже и Іоаннъ евангелистъ: „Кто ненавидитъ брата своего—убійца есть". Тоже и въ евангеліи: „Если согрѣшитъ противъ тебя братъ твой, поди и укори его съ глазу-на-глазъ"; и многое подобное читается тамъ. О скупости же мы читаемъ у апостола: „Должно опасаться скупости, потому что она есть служеніе идоламъ". Тоже сказано о корысти, этомъ корнѣ всѣхъ золъ. Такъ, въ законѣ: „Не пожелай вещи ближняго твоего.

Къ епископамъ и ко всѣмъ:

§ 66. Запрещаются смертоубійства въ предѣлахъ родины, какъ то сказано и въ заповѣдяхъ Господнихъ, ради лести, корысти и грабежа. Гдѣ случится подобное, предавать убійцу, сообразно нашимъ предписаніямъ, по закону, въ руки судей. И не лишать никого жизни, безъ приговора суда.

Ко всѣмъ:

§ 68. Убѣждайте всѣми средствами, чтобы дѣти почитали родителей своихъ, ибо самъ Господь сказалъ: „Чти отца твоего и мать твою, да будешь долголѣтенъ на землѣ, которую дастъ тебѣ Господь Богъ твой".

Къ священникамъ:

§ 69. Пусть епископы въ своемъ приходѣ внимательно наблюдаютъ за священниками, ихъ вѣрою, крещеніемъ и отправленіемъ службы; крещеніе должно совершаться по-каѳолически; священники должны сами хорошо понимать молитвы за обѣдней, читать псалмы съ достоинствомъ и, по раздѣленію ихъ на стихи, разумѣть Господню молитву, и читать ее понятно для всѣхъ, чтобы каждый зналъ, чего просить у Бога; и чтобы слова: *Слава Отцу*, пѣлись всѣми съ должнымъ благоговѣніемъ; и самъ священникъ, вмѣстѣ со святыми апостолами и народомъ божіимъ въ одинъ голосъ возглашалъ: *Святъ, Святъ, Святъ*. Всѣми мѣрами внушать священникамъ и дьяконамъ, чтобы они не носили оружія и болѣе довѣряли защитѣ Бога, нежели меча.

Одно къ священникамъ, другое къ народу:

§ 70. Намъ угодно также напомнить вашему степенству (reverentiam vestram), чтобы каждый изъ васъ наблюдалъ въ своемъ приходѣ за тѣмъ, чтобы церковь божія всѣми почиталась; чтобы алтарямъ оказывалось уваженіе; чтобы церковь и алтари не осквернялись вбѣжавшими собаками; чтобы священные сосуды содержались съ большимъ почтеніемъ; чтобы таинство причастія приготовлялось людьми достойными и съ уваженіемъ сохранялось; чтобы не допускать въ церкви мірскихъ разговоровъ и болтовни, потому что божій храмъ есть домъ молитвы, а не вертепъ разбойниковъ; и чтобы всѣ приходящіе во храмъ направляли свой духъ къ торжественному богослуженію и не выходили до полученія пастырскаго благословенія.

Къ священникамъ:

§ 71. Умоляемъ также, ваше степенство (vestram almitatem), и о томъ, чтобы служители алтаря Господня украшали свою службу добрыми нравами; заклинаемъ теперь и всѣ каноническіе ордена повиновенія, и всѣ монастырскія общины, чтобы они вели хорошую и одобрительную жизнь, какъ самъ Господь повелѣлъ въ евангеліи: „Да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ людьми, и да видятъ ваши добрыя дѣла, и прославятъ Отца вашего, который на небесахъ"; пусть вашъ хорошій образъ жизни привлечетъ многихъ на службу Богу. И пусть священники собираютъ около себя и приближаютъ къ себѣ не только дѣтей рабскаго сословія, но и сыновей благородныхъ. И пусть они устраиваютъ читательныя школы для мальчиковъ (scolae legentium puerorum). Имѣть при каждомъ монастырѣ и епископствѣ хорошо исправленные псалмы, ноты, пѣсни, грамматики и другія каѳолическія книги; потому что часто иные желаютъ просить о чемъ нибудь Бога, и худо просятъ по неисправленнымъ книгамъ. Не допускайте вашихъ учениковъ портить тѣ книги при чтеніи ихъ или перепискѣ. И если нужно переписать евангелія, или псалтирь, или обѣдню, то пусть займутся тѣмъ взрослые люди и со всѣмъ тщаніемъ.

Ко всѣмъ:

§ 73. Пусть какъ въ городахъ, такъ и въ монастыряхъ, какъ при отдачѣ, такъ и при полученіи, употребляютъ вѣрныя и точныя мѣры, какъ поучаетъ насъ тому и законъ божій. Такъ Господь говоритъ устами Соломона: „Вѣсъ и вѣсъ, мѣру и мѣру возненавидѣла душа моя".

§ 74. И то кажется намъ справедливымъ и почтеннымъ, чтобы гости, странники и бѣдные имѣли въ различныхъ мѣстахъ убѣжища, постановленныя правилами и канонами; потому что и Господь въ великій день воздаянія скажетъ: „Я былъ странникъ, и вы приняли меня". И апостолъ, восхваляя гостепріимство, сказалъ: „Они угодили тѣмъ Богу, что гостепріимно встрѣтили ангеловъ".

Къ епископамъ и аббатамъ:

§ 75. До насъ дошло, что нѣкоторыя аббатиссы, въ противность обычаю святой Господней церкви, даютъ благословеніе мужчинамъ съ наложеніемъ рукъ на голову и знаменіемъ св. Креста, и даже посвящаютъ дѣвъ съ пастырскимъ благословеніемъ. Знайте, святѣйшіе отцы, что вамъ должно строго запрещать подобное въ вашихъ приходахъ.

Къ клерикамъ:

§ 76. Слѣдуетъ всѣми мѣрами преслѣдовать и исправлять тѣхъ клериковъ, которые выдаютъ себя, по одеждѣ или по имени, за монаховъ, а на дѣлѣ вовсе не монахи; они должны быть или настоящими монахами, или настоящими канониками.

Ко всѣмъ:

§ 77. Не должно ни вѣрить, ни читать поддѣльныя сочиненія, разсказы сомнительной вѣрности, и вообще все, что противъ каѳолической вѣры, сквернѣйшія и ложныя посланія, которыя въ прошедшемъ году разносились бродягами, увѣрявшими, что эти посланія упали съ неба; тѣмъ самымъ они ввели иныхъ въ заблужденіе. Все такое сожигать, чтобы народъ подобными сочиненіями не былъ вовлеченъ въ заблужденіе. Можно читать и передавать одни каноническія книги, каѳолическіе трактаты и сказанія святыхъ отцевъ.

Къ епископамъ и ко всѣмъ:

§ 80. Мы опредѣляемъ, какъ то постановлено и въ законѣ Божіемъ, чтобы рабы не трудились въ воскресные дни; и блаженной памяти мой родитель въ своихъ синодальныхъ указахъ постановилъ, чтобы въ воскресные дни мужчины не занимались деревенскими работами, ни въ виноградникахъ, ни на полѣ, ни на сѣнокосѣ, ни въ лѣсу, ни на каменоломнѣ, ни на постройкѣ, ни въ огородѣ, чтобы не требовались на судъ, ни на охоту. Въ трехъ только случаяхъ дозволяется запрягать лошадей въ телѣгу и по воскреснымъ днямъ: въ случаѣ требованія военной подводы (ostilia carra), въ случаѣ доставки съѣстныхъ припасовъ, и въ случаѣ, если будетъ необходимо отвести чье-нибудь тѣло на кладбище. Точно также и женщины не могутъ заниматься ручными работами, чинить платье, шить или вышивать по канвѣ (acupictile facere, т.-е. дѣлать рисунки иглою); ни чистить шерсть, ни клепать на рѣкѣ бѣлье (linum battare), ни мыть платье при всѣхъ, ни стричь овецъ. Пусть всѣми соблюдаются Господни дни съ честью и тишиною. Но въ церковь должны всѣ ходить на торжественную службу, чтобы прославить Бога за всѣ блага, которыми онъ надѣлилъ насъ на этотъ день.

Ко всѣмъ:

§ 81. Возлюбленные и почтенные пастыри и правители церквей Господнихъ! наблюдайте за тѣмъ, чтобы священники, отсылаемые

вами въ приходъ для служенія Богу, вѣрно и достойно назидали народъ; не дозволяйте никому проповѣдывать народу выдуманное изъ головы, новое, не каноническое, и не основанное на священномъ писаніи. Да и сами вы назидайте въ полезномъ, лестномъ и справедливомъ, что ведетъ къ вѣчной жизни, и другихъ учите проповѣдывать тоже самое.

Прежде всего нужно проповѣдывать всѣмъ вообще, чтобы вѣрили, что Отецъ, Сынъ и св. Духъ—одинъ всемогущій Богъ, вѣчный, нераздѣльный, который сотворилъ небо и землю, море и все, что въ нихъ есть, и что единая божественность (deitas), сущность и величіе въ трехъ лицахъ Отца, и Сына, и св. Духа.

Также проповѣдуйте, какимъ образомъ Сынъ Божій воплотился отъ св. Духа и Маріи приснодѣвы (semper virgine), для спасенія и возстановленія рода человѣческаго, пострадалъ, погребенъ, въ третій день воскресъ и вознесся на небеса; и какъ Онъ снова придетъ въ божественномъ величіи судить людей по ихъ заслугамъ, и какъ нечестивые за свои злодѣянія будутъ ввергнуты вмѣстѣ съ дьяволомъ въ огнь вѣчный, а праведные вмѣстѣ съ Христомъ и святыми ангелами отойдутъ въ вѣчную жизнь.

Также тщательно нужно поучать о воскрешеніи мертвыхъ, чтобы всѣ знали и вѣрили, что они получатъ воздаяніе за заслуги въ тѣхъ же самыхъ дѣлахъ.

Также тщательно нужно всѣмъ проповѣдывать, за какіе именно грѣхи будутъ они преданы вѣчному пламени вмѣстѣ съ дьяволомъ. У апостола мы читаемъ объ этомъ: „очевидно, дѣла нашей плоти суть: блудъ, оскверненіе, сластолюбіе, идолослуженіе, отравленіе, вражда, ссора, борьба, гнѣвъ, злоба, драка, несогласіе, ереси, расколы, зависть, убійство, пьянство, обжорство, и тому подобное: говорю вамъ, что кто творитъ сказанное мною, не наслѣдуетъ царства небеснаго“. И вы старайтесь запрещать то, что запретилъ великій проповѣдникъ церкви, называя каждый порокъ по имени, и дайте вмѣстѣ съ тѣмъ понять, какъ ужасно то, чѣмъ онъ кончилъ: „Кто совершаетъ подобное, не наслѣдуетъ царства небеснаго“.

Но главнымъ образомъ назидайте всѣхъ въ любви къ Богу и ближнему, въ вѣрѣ и надеждѣ на Бога, въ смиреніи и терпѣніи, непорочности и воздержаніи, благоразумии и милосердіи, милостыни и покаяніи во грѣхахъ своихъ, и поучайте должникамъ нашимъ, по словамъ молитвы Господней, отпускать долги ихъ: пусть знаютъ, что всякій, кто все это исполняетъ, наслѣдуетъ царство небесное.

Мы тѣмъ настоятельнѣе вмѣняемъ Вашему Степенству въ обязанность подобное поученіе, что знаемъ, въ скоромъ времени появятся лжеучители, какъ то предсказалъ самъ Господь въ евангеліи, и о чемъ свидѣтельствуетъ апостолъ Павелъ въ посланіи къ Тимоѳею. Потому, мои возлюбленные, приготовимся всѣмъ сердцемъ къ познанію истины, чтобы быть въ силахъ бороться съ противящимися ей, и чтобы милосердое слово Божіе расло, распространялось и расширялось вмѣстѣ со святою церковью, во спасеніе душъ нашихъ, и во славу и хвалу имени Господа нашего Іисуса Христа. Миръ пропо-

вѣдующимъ, милость внемлящимъ, слава Господу нашему Іисусу Христу. Аминь.

Въ годъ воплощенія 789, Индикта 12, царствованія нашего 21, данъ указъ этого посланія, въ Ахенѣ, на народномъ собраніи (palatio publico). Грамота утверждена въ десятый день предъ апрѣльскими календами.

Pertz: Mon. Germ. t. I Leg., 53—67 стр.

III. Капитулярій о занятіяхъ науками.

(Encyclica de literis colendis).

(787 г.).

Карлъ, милостью божіей король франковъ и лонгобардовъ, и патрицій Рима, Баугульфу аббату и всей общинѣ, отправивъ къ нимъ предварительно своихъ молитвенниковъ (oratores), посылаемъ во имя всемогущаго Бога свой ласковый привѣтъ!

Да будетъ вѣдомо вашему благочестію въ Бозѣ, мы вмѣстѣ съ своими вѣрными опредѣлили считать полезнымъ, чтобы въ епископствахъ и въ монастыряхъ, врученныхъ, милостью Христа, нашему управленію, кромѣ исполненія правилъ монастырской жизни и религіозныхъ упражненій, прилежали къ размышленію о наукахъ и ихъ изученію, каждый по своимъ способностямъ, какъ онъ можетъ учиться, при помощи Божіей; какъ монастырскія правила содѣйствуютъ чистотѣ нравовъ, такъ обученіе и ученіе украшаютъ нашу рѣчь; пусть тотъ, кто желаетъ угодить Богу правильною жизнью, не пренебрегаетъ и тѣмъ, чтобы угодить Ему правильнымъ словомъ. Ибо сказано въ писаніи: „Или по словамъ твоимъ оправдаешься, или по словамъ твоимъ осудишься“. Конечно, хорошій поступокъ лучше, чѣмъ хорошее знаніе, однакожъ, нужно прежде знать дѣло, чтобы его сдѣлать (quamvis enim melius sit bene facere, quam nosse, prius tamen est nosse quam facere). Такимъ образомъ, каждый долженъ предварительно изучить то, что онъ желаетъ привести въ исполненіе: чтобы плодотворно было каждое дѣло, пусть знаютъ, какой опасности можетъ подвергнуть душу языкъ, даже и воздавая похвалу Богу, безъ предосторожностей противъ ошибокъ. Если всякому слѣдуетъ избѣгать ложнаго, то тѣмъ болѣе должны заботиться о томъ, по мѣрѣ силъ своихъ, тѣ, которые только для того и поставлены, чтобы исключительно служить истинѣ.

Къ намъ приносили въ послѣдніе годы изъ нѣкоторыхъ монастырей посланія, въ которыхъ говорилось, что братія, живущая въ нихъ, поминаетъ наше имя въ своихъ святыхъ и благочестивыхъ молитвахъ; но мы замѣтили, что въ большей части такихъ посланій внутренній смыслъ рѣчи хорошъ, но сама рѣчь необработана; внутреннее вѣрно продиктовано благочестіемъ, но, въ отношеніи внѣшнемъ, невѣжественный языкъ былъ не въ силахъ выражаться безъ ошибокъ. Вотъ потому-то мы и начали бояться, что, если братія такъ

мало смыслитъ въ искуствѣ письма, то еще гораздо менѣе, можетъ быть, она смыслитъ въ чтеніи священнаго писанія. А мы всѣ хорошо знаемъ, что, какъ ни опасны ошибки въ словахъ, но еще опаснѣе ошибки въ уразумѣніи смысла. Почему и убѣждаемъ васъ не только не пренебрегать научными занятіями, но, со всею скромностію и благимъ предъ Богомъ намѣреніемъ, предаваться имъ прилежно, чтобы вы могли тѣмъ легче и вѣрнѣе проникать въ таинства священнаго писанія. Такъ какъ на его страницахъ встрѣчаются аллегоріи, тропы и тому подобное, то, безъ сомнѣнія, только тотъ пойметъ все это духовно, кто былъ предварительно наставленъ въ области науки. Но для такого дѣла избирайте такихъ людей, которые имѣли бы способность и охоту учиться сами, и вмѣстѣ желаніе учить другихъ. Все это должно дѣлать только съ такимъ намѣреніемъ, какое внушается нашимъ благочестіемъ, потому что мы желаемъ, чтобы вы, какъ то и приличествуетъ воинству церкви, были бы въ одно и тоже время и внутри благочестивы, и внѣ учены, чисты жизнью и краснорѣчивы; чтобы всякій, кто пригласилъ бы васъ къ себѣ имени божьяго ради и для назиданія въ бесѣдѣ, былъ бы наставленъ однимъ взглядомъ на васъ и возвратился бы радостно, благодаря всемогущаго Бога, почерпнувъ для себя вашей мудрости, которую онъ могъ услышать и въ чтеніи, и въ вашемъ пѣніи.

Если желаешь пріобрѣсть нашу благосклонность, то не забудь разослать копію съ этого письма ко всѣмъ подвѣдомственнымъ тебѣ сопастырямъ (coepiscopos) и по всѣмъ монастырямъ. И чтобы ни одинъ монахъ внѣ монастыря не занимался разбирательствомъ дѣлъ, и не скитался по народнымъ собраніямъ и торжищамъ. Читающему добраго здоровья!

Pertz: Mon. Germ. t. I Leg., 52—53 стр.

IV. Капитулярій Падерборнскій объ областяхъ Саксоніи.

(Capitulare Paderbrunnense da partibus Saxoniae).

(785 г.).

Во-первыхъ, всѣ согласно опредѣлили, чтобы церкви Христовы, устраиваемыя въ Саксоніи и посвящаемыя Богу, были бы не менѣе, но еще болѣе, и торжественнѣе украшены, нежели прежнія капища идоловъ.

§ 2. Если кто убѣжитъ въ церковь, никто не смѣетъ силою выгонять его оттуда, и онъ пользуется миромъ до представленія въ собраніе; и въ честь Бога и святыхъ Его, сохраняется ему жизнь и всѣ члены.

§ 3. Кто вторгнется силою въ церковь и унесетъ оттуда что нибудь, или предастъ церковь пламени, смертью умретъ.

§ 4. Кто въ великомъ посту съѣстъ, изъ презрѣнія къ христіанству, мясо, смертью умретъ. Однако священникъ долженъ обратить вниманіе, не по необходимости ли кто нибудь ѣлъ мясо.

§ 5. Кто убьетъ епископа, священника или дьякона, наказывается смертью.

§ 6. Если кто, обманутый дьяволомъ, по обычаю язычниковъ, повѣритъ, что мужчина или женщина занимается колдовствомъ и ѣдятъ людей, и сожжетъ ее, или дастъ ея мясо ѣсть другимъ, или самъ ее съѣстъ, то смертію наказанъ будетъ.

§ 7. Если кто, по обычаю язычниковъ, предастъ пламени тѣло покойнаго, и кости его обратитъ въ пепелъ, то смертью умретъ.

§ 9. Если кто принесетъ человѣка въ жертву дьяволу, и, по обычаю язычниковъ, вступитъ въ сношеніе съ злыми духами, смертью умретъ.

§ 10. Если кто окажется невѣрнымъ государю королю, будетъ наказанъ смертью.

§ 12. Если кто похититъ дочь своего господина, смертью умретъ.

§ 20. Если кто вступитъ въ запрещенный или неприличный бракъ, то благородный платитъ 60 солидовъ, свободный — 30, а простолюдинъ (litus)—15.

§ 26. Никому изъ людей не преграждать дороги къ намъ, если онъ ищетъ суда; и кто нарушитъ это, заплатитъ намъ штрафъ.

§ 34. Запрещаемъ всѣмъ вообще саксонцамъ собираться въ народныя собранія, развѣ *missus* созоветъ ихъ отъ нашего имени. Но каждый графъ въ своемъ округѣ пусть творитъ судъ и расправу. И пусть священники наблюдаютъ, чтобы это не происходило иначе.

Изъ Капитулярій Карла Великаго.

Pertz: Mon. Germ. t. I Leg., 48—50 стр.

О капитуляріяхъ, ихъ значеніи и изданіяхъ см. выше, ст. 2, стр. 40. Лучшее и новѣйшее изданіе капитулярій какъ Карла В., такъ и его предшественниковъ и преемниковъ, сдѣлалъ *Pertz*: Monum. Germ. Leges. I и II т. (въ общемъ порядкѣ III и IV).

4.—Изъ переписки Алкуина.

(Въ концѣ VIII и нач. IX в.).

I. Письмо къ Карлу Великому.

(Ad domnum regem).

(796 г.).

Содержаніе: Поздравляетъ съ побѣдою надъ аварами и объясняетъ, какъ должно ихъ наставлять въ вѣрѣ, и какой долженъ быть устроенъ при этомъ порядокъ.

Великому государю и всеславному во Христѣ, благочестивѣйшему Карлу, королю Германіи, Галліи и Италіи, и проповѣдникамъ слова Господня, смиренный и ничтожный сынъ (filiolus) святой матери церкви—вѣчной славы во Христѣ и здравія!

Слава и хвала Богу Отцу и Господу нашему Іисусу Христу! Ми-

лостью Духа святого, за благочестіе и преданность святой вѣрѣ и за добрыя дѣла, королевство Вашего Христіанства (Vestrae Christianitatis) и признаніе истиннаго Бога расширились; многіе изъ самыхъ отдаленныхъ народовъ направлены на путь истины отъ заблужденій нечестія. Какая будетъ слава о тебѣ, о благополучнѣйшій король, когда, въ день послѣдняго воздаянія, всѣ тѣ, которые твоею заботою отъ идолопоклонства обращены къ познанію истиннаго Бога, станутъ за тобою, предстоящимъ одесную на судилищѣ Господа нашего Іисуса Христа! Таковой подвигъ увеличитъ цѣну вѣчнаго блаженства. Съ какимъ благочестіемъ и съ какою любовью ты трудился, ради распространенія имени Христова, смягчить суровость несчастнаго народа саксовъ словомъ истиннаго спасенія! Но ихъ обращеніе, повидимому, и до сихъ поръ не удостоилось благодати, и потому многіе изъ нихъ остаются погрязшими вмѣстѣ съ діаволомъ въ мерзостяхъ отвратительныхъ обычаевъ. Ты же, почитатель истины и спасенія душъ, вознагражденъ теперь Христомъ, за твою добрую волю, еще большею славою и большею хвалою. Онъ подчинилъ твоему скипетру, подъятому на его прославленіе, народы и племена гунновъ (т.-е. аваровъ), страшныхъ издавна своимъ звѣрствомъ и силою; онъ наложилъ своею благодатью ярмо святой вѣры на ихъ гордую выю, и пролилъ свѣтъ истины предъ очами ихъ ума, ослѣпленнаго отъ вѣка.

Но теперь ваше премудрое и богоугодное благочестіе должно позаботиться о прісканіи для новаго народа проповѣдниковъ благочестивыхъ, свѣдущихъ въ наукѣ св. вѣры и проникнутыхъ евангельскими правилами: пусть они подражаютъ въ проповѣди слова божія святымъ апостоламъ, которые имѣли обычай предлагать своимъ слушателямъ, при первомъ ихъ посвященіи въ таинства вѣры, млеко, т.-е. мягкія правила, какъ то выразилъ апостолъ Павелъ: „И я, братья, не могу говорить вамъ, какъ существамъ духовныхъ, но какъ плотскимъ. Подобно младенцамъ во Христѣ, я предложилъ вамъ напиться молока, а не пищу. Вы бы еще не возмогли, да и теперь еще не можете“ (I, Кор. III, 1, 2). Такъ указалъ на это всемірный проповѣдникъ, а его устами говорилъ Христосъ: именно, чтобы при первомъ обращеніи народовъ къ вѣрѣ питать ихъ мягкими правилами, какъ новорожденныхъ питаютъ молокомъ; иначе суровыя правила сдѣлаютъ то, что неокрѣпшій духъ изблюетъ все, что выпьетъ. Потому-то и самъ Господь Христосъ въ евангеліи отвѣчалъ спросившимъ его, почему его ученики не соблюдаютъ постовъ, говоря: „Никто не вливаетъ новаго вина въ старые мѣхи; иначе мѣхи разорвутся, и вино выльется, и мѣхи погибнутъ“ (Матв. IX, 17). Иное дѣло, какъ говоритъ блаженный Іеронимъ, дѣвственная чистота души, незапятнанной никакимъ прикосновеніемъ прежняго грѣха, и иное— чистота души, которой коснулась уже мерзость страстей [1]).

---

[1]) Повидимому, Алкуинъ хочетъ сказать послѣднею мыслью, что новообращенные менѣе грѣховны, нежели обращенные и согрѣшившіе послѣ того, а потому первые не нуждаются въ строгихъ правилахъ церкви, какъ-то посты и т. п.

Принявъ все это во вниманіе, ваше святое благочестіе въ своемъ премудромъ предвидѣніи должно разсмотрѣть, будетъ-ли хорошо, при первомъ обращеніи къ вѣрѣ, налагать бремя десятины на грубый народъ, такъ чтобы каждый домъ платилъ сполна; слѣдуетъ обстоятельно подумать о томъ: развѣ апостолы, самимъ Богомъ Христомъ наставленные и посланные для проповѣдыванія міру, спрашивали десятину или требовали ее? Мы знаемъ, что сборъ десятины съ имущества—дѣло весьма хорошее; но все же лучше отказаться отъ десятины, нежели погубить вѣру. Мы сами, рожденные, воспитанные и наставленные въ каѳолической вѣрѣ, и мы едва соглашаемся вполнѣ на десятину съ нашего имущества. Во сколько же разъ болѣе воспротивится всякой щедротѣ ихъ слабая вѣра, дѣтскій умъ и духъ жадный? Конечно, по утвержденіи вѣры, по укрѣпленіи въ нихъ обычаевъ христіанства, имъ, какъ людямъ болѣе совершеннымъ, можно будетъ предложить и болѣе строгія правила, которыя тогда уже не испугаютъ христіанскою религіей умы, успѣвшіе окрѣпнуть [1]).

Особенное вниманіе нужно обратить на то, чтобы наставленіе въ вѣрѣ и совершенія таинства крещеніе происходило въ установленномъ порядкѣ: ни къ чему не послужитъ омовеніе тѣла св. крещеніемъ, если ему не предшествуетъ въ душѣ, обладающей уже разумомъ, познаніе каѳолической вѣры...... Вотъ тотъ порядокъ, какъ я думаю, которому должно слѣдовать въ наставленіи вѣрѣ человѣка взрослаго, и который былъ поставленъ блаж. Августиномъ въ книгѣ, озаглавленной: *De catechizandis rudibus*. Сначала, человѣкъ наставляется въ безсмертіи души, въ будущей жизни, въ воздаяніи добрыхъ и худыхъ дѣлъ и въ вѣчности этого воздаянія. За тѣмъ ему объясняется, за какіе грѣхи и злодѣянія, какія предназначены вѣчныя муки съ діаволомъ, и за какія добрыя дѣла и благодѣянія наслѣдуется безконечная слава со Христомъ. Послѣ того, слѣдуетъ весьма тщательно обучать вѣрѣ въ св. Троицу, и изложить о пришествіи въ этотъ міръ Сына божія, Господа нашего Іисуса Христа, для спасенія рода человѣческаго. Наконецъ, духъ новичка долженъ укрѣпиться въ таинствѣ Его страданій, въ истинѣ воскресенія и славѣ вознесенія на небо, и въ будущее Его пришествіе для суда надъ всѣми людьми; и въ воскрешеніе нашихъ тѣлъ, и въ вѣчность, какъ мы сказали, мукъ для грѣшниковъ и наградъ для праведныхъ. По приготовленіи и укрѣпленіи въ такой вѣрѣ, человѣкъ долженъ быть крещенъ. И такимъ образомъ, слѣдуетъ, въ свое время, давать какъ можно чаще евангельскія наставленія, прилежно ихъ проповѣдуя, пока не окрѣпнетъ человѣкъ и не сдѣлается достойнымъ обиталищемъ для Духа святого; и да будетъ Сынъ божій въ дѣлахъ милосердія также совершенъ, какъ совершенъ Отецъ, который и царствуетъ въ всесовершенной троицѣ и преблагословенномъ единствѣ, Богъ и Господь во вѣки вѣковъ. *Аминь*.

---

[1]) Это письмо Алкуина служитъ однимъ изъ самыхъ лучшихъ памятниковъ, рисующихъ вполнѣ духъ представителей западнаго духовенства того времени и ихъ политику „начинать съ молока, чтобы послѣ удобнѣе было наложить десятину“.

II. Письмо къ Карлу Великому.

(796 г.).

Содержаніе: Поздравляетъ короля съ его успѣхами; проситъ дозволенія послать за книгами въ Англію; говоритъ о пользѣ занятій науками и о необходимости ихъ для учениковъ Палатной школы.

Благочестивѣйшему государю, превосходнѣйшему и всякой почести достойнѣйшему королю *Давиду* [1]—*Флаккъ* Альбинъ (или Алкуинъ) желаетъ истиннаго блаженства и вѣчнаго спасенія во Христѣ.

Сладость вашего святого благоволенія напояетъ жажду моей груди ежечасно и даже ежеминутно; образъ вашъ, на который я обыкновенно взиралъ съ такою любовью, пріятно шевелитъ мускулы моей памяти, и ваше имя, вашъ взглядъ хранится въ моемъ сердцѣ, какъ залогъ неизмѣримыхъ богатствъ. Велико было мое наслажденіе услышать о вашей радости, по поводу пріятнѣйшаго счастія; и я, какъ вы знаете, отправилъ къ вамъ съ поздравленіемъ вѣстника (puerulum), одного изъ кліентовъ моего ничтожества; по той же причинѣ я воздалъ хвалу и благодареніе за здравіе вашего высочества (Vestrae Sublimitatis) Господу нашему Іисусу Христу. И не я одинъ, послѣдній и ничтожный рабъ (servulus) нашего Спасителя, долженъ сорадоваться преуспѣнію и превознесенію вашей свѣтлѣйшей власти; но и вся святая церковь, въ единодушной благодати, должна будетъ воздать хвалу всемогущему Господу Богу, который, въ своемъ милосердіи, послалъ намъ столь благочестиваго, мудраго и разумнаго правителя и защитника, въ эти послѣднія времена міра и при тѣхъ опасностяхъ, которыя угрожаютъ христіанскому народу: ты исправляешь злыхъ, поддерживаешь справедливыхъ, превозносишь святое, распространяешь съ радостью имя всевышняго Господа Бога по всѣмъ концамъ міра, и зажигаешь свѣтъ каѳолической вѣры въ послѣднихъ предѣлахъ вселенной. Вотъ, о сладчайшій Давидъ, твоя слава, твоя хвала и награда на день страшнаго суда и на вѣчное сожительство со святыми: ты заботливо старался исправить народъ, ввѣренный Богомъ вашему высочеству, и вывесть на свѣтъ истинной вѣры тѣ души, которыя оставались долгое время ослѣпленными во мракѣ невѣжества. Никогда не пропадала за Богомъ награда за добрую волю и добрыя усилія: чѣмъ кто больше трудится, сообразно съ божіей волей, тѣмъ болѣе будетъ награжденъ въ царствѣ небесномъ. Время здѣшней жизни быстро бѣжитъ, убѣгаетъ и не возвращается никогда; но неизрекаемое милосердіе божіе позаботилось о родѣ человѣческомъ и опредѣлило ему трудиться кратковременно, а награждаться вѣчно. Потому, время земной жизни для насъ драгоцѣн-

---

[1]) *Давиду*, т.-е. Карлу Великому: какъ онъ, такъ и всѣ его приближенные, по любви къ классической древности, замѣняли свои варварскія имена литературными именами Рима и Греціи; Алкуинъ назывался *Гораціемъ Флаккомъ*.

но: не потеряемъ по небрежности той вѣчной награды, которой мы можемъ достигнуть кратковременною добродѣтельною жизнію. Не возлюбимъ чего-нибудь преходящаго на землѣ такъ, какъ можно будетъ только на небѣ любить то вѣчное блаженство: кто желаетъ достигнуть его тамъ, долженъ здѣсь заслужить все добрыми дѣлами. Всякому безъ различія открыты врата царства небеснаго; но войдетъ въ нихъ только тотъ, кто станетъ предъ ними съ многочисленными плодами добрыхъ дѣлъ.

Я же, Флаккъ, сообразно вашей волѣ и вашимъ убѣжденіямъ, тружусь теперь, подъ кровомъ св. Мартина [1]), надъ тѣмъ, чтобы однихъ услаждать медомъ священнаго писанія, другихъ упоять чистымъ, старымъ виномъ древней науки: однихъ я начинаю питать яблоками грамматическихъ тонкостей, а нѣкоторыхъ стараюсь просвѣтить наукою о звѣздахъ, съ вершины какого-нибудь высокаго зданія. Трудясь много надъ многимъ для того, чтобы воспитать многихъ на пользу св. божіей церкви для украшенія вашей *императорской* [2]) власти (imperialis regni vestri), я забочусь, да не будетъ тщетна милость ко мнѣ всемогущаго Бога, и щедрость вашего благодушія да не будетъ безплодна. Но мнѣ, вашему ничтожному рабу, недостаетъ обстоятельныхъ учебныхъ рувоводствъ (exquisitiores eruditionis scholasticae libelli), которыя я имѣлъ въ отечествѣ (т.-е. въ Англіи), по доброму и благочестивому старанію моего наставника [3]), а нѣкоторыя пріобрѣлъ своимъ собственнымъ пóтомъ. Говорю же о томъ вашему высочеству въ надеждѣ, не будетъ-ли угодно вамъ, при вашемъ стремленіи ко всякой мудрости, чтобы я послалъ нѣкоторыхъ изъ своихъ учениковъ привезти намъ оттуда самое необходимое и пересадить такимъ образомъ цвѣты Британіи во Францію: пусть сады растутъ не въ одной странѣ Іорка (in Euborica), пусть и въ окрестностяхъ Тура (in Turonica) разведется рай съ плодами яблонь, пусть зефиръ колышетъ сады рѣки Лоары, и потекутъ ароматы, и вновь повторится, что сказано въ Пѣсни Пѣсней, откуда я и заимствовалъ свое сравненіе: „Пусть придетъ мой возлюбленный въ свой садъ и вкуситъ плоды своихъ яблонь“. И скажетъ онъ своимъ ученикамъ: „Ѣшьте, друзья мои, пейте и упивайтесь, дорогіе. Я сплю, но сердце мое бодрствуетъ“ (П. П. V, 1, 2). Или вотъ еще воззваніе пророка Исаіи, побуждающее къ изученію мудрости: „Всѣ страждующіе приходите къ источнику: и вы, которые не имѣете серебра, торопитесь, берите и ѣшьте: приходите, берите, безъ серебра и безъ промѣна, млеко и вино“ (Ис. LV, 1).

---

[1]) Т.-е. въ монастырѣ св. Мартина въ Турѣ, куда удалился Алкуинъ въ послѣдніе годы своей жизни, и гдѣ онъ устроилъ школу.

[2]) Обращаетъ на себя вниманіе титулъ, употребленный Алкуиномъ почти за 5 лѣтъ до коронованія Карла императорскою короною; какъ видно, современники Карла давно уже смотрѣли на него, какъ на преемника римскихъ императоровъ, и коронація 801 г. была одною только формальностью.

[3]) Эльбертъ, архіепископъ Іоркскій.

Вашимъ благороднымъ стремленіямъ не безъизвѣстно, какъ на каждой страницѣ священнаго писанія мы убѣждаемся къ изученію мудрости: ничто не ведетъ такъ къ блаженной жизни, ничто не бываетъ пріятнѣе для упражненія, ничто не дѣйствуетъ сильнѣе противъ порока, ничто не можетъ быть достохвальнѣе, какъ бы ни было велико достоинство человѣка; а по изреченіяхъ философовъ, ничто такъ не необходимо для управленія народомъ, для устроенія жизни по правиламъ нравственности, какъ именно мудрость, порядокъ и наука. Вотъ потому-то и мудрѣйшій Соломонъ воздаетъ всему этому хвалу, говоря: „Мудрость лучше всѣхъ драгоцѣнностей, и ничто желаемое не можетъ сравниться съ нею. Она превозноситъ смиренныхъ, и превознесенныхъ украшаетъ. Ею цари правятъ, и законодатели утверждаютъ правду. Ею князья властвуютъ, и сильные творятъ судъ; блаженны, которые сохраняютъ пути ея и ежедневно стоятъ на стражѣ у ея воротъ" (Притч. VIII, 11 и слѣд.). Я всегда убѣждалъ, государь король, юношей, находящихся при дворѣ вашего величества, всѣми силами изучать начала такой мудрости, и ежедневными трудами усвоивать ихъ себѣ, потому что мудрость оказываетъ услуги и цвѣтущему возрасту, дѣлаетъ его достойнымъ достиженія почтенной сѣдины, и мудростью же можно достигнуть вѣчнаго блаженства. Я же не устану сѣять сѣмена мудрости, посредствомъ своего умишка (ingenioli), между вашими слугами, и въ этой странѣ (т.-е. въ Турени, куда удалился Алкуинъ), помня извѣстную мысль: „На утрѣ посѣвай сѣмя твое, и вечеромъ да не остановится рука твоя; ибо не знаешь, что̀ лучше взойдетъ: то или это. А если оба взойдутъ, тѣмъ лучше." (Экклез. XI, 6).

На утрѣ моей жизни, въ цвѣтущую эпоху возраста, я сѣялъ въ Британіи. Теперь же, вечеромъ, когда начинаетъ во мнѣ стынуть кровь, я не перестаю сѣять во Франціи. И если Богу будетъ угодно, я желалъ бы, чтобъ оба посѣва взошли. Для моего разбитаго тѣла остается утѣшаться словами св. Іеронима, высказанными въ его письмѣ къ Непотіану: „Въ старцахъ измѣняются почти всѣ тѣлесныя силы, и только одна мудрость растетъ, когда все прочее начало уже умирать" (Пис. 52). Немного ниже онъ прибавляетъ: „Старость тѣхъ людей, которые наставляли свою юность честнымъ трудомъ, и днемъ и ночью помышляли о Богѣ, съ возрастомъ дѣлается ученѣе, отъ практики опытнѣе, съ теченіемъ времени премудрѣе, и пожинаетъ сладкіе плоды своего изученія древнихъ". Въ этомъ письмѣ о „похвалѣ мудрости и занятіяхъ древними писателями" всякій, кто пожелаетъ, можетъ прочесть и понять, до какой степени древніе заботились объ украшеніи себя мудростью. Я знаю ваше стараніе, любезное Богу и достойное хвалы, всегда пользоваться мудростью и радоваться о ней; вы заботитесь непрестанно украсить благородство своего временнаго происхожденія еще бо̀льшимъ благородствомъ ума. И да сохранитъ васъ въ этой мудрости Господь нашъ Іисусъ Христосъ, который самъ есть слава и мудрость божія, да превознесетъ и да приведетъ Онъ васъ къ вѣчному и блаженному созерцанію своей славы.

III. Письмо къ наслѣднику Карла В., Карлу Юному [1]).

(Между 800 и 811 годами).

Содержаніе: Убѣждаетъ молодого Карла заботиться о пріобрѣтеніи правительственныхъ добродѣтелей и подражать примѣру своего отца.

Государю, по заслугамъ славному и достойнѣйшему королевскихъ почестей, Карлу сыну—отъ Альбина торжественный во Христѣ привѣтъ!

Радуюсь, возлюбленный сынъ, о святости вашей воли, о которой я слышалъ отъ вашего слуги, Осульфа, а именно о частой раздачѣ благостыни и о смиреніи вашемъ. Знайте, что все подобное благоугодно Богу и можетъ тебѣ снискать у его милосердія вѣчное благословеніе. Ты же, сынъ мой, сынъ возлюбленный, оказывай постоянное почтеніе всемогущему Богу, сколько можешь, и въ добрыхъ дѣлахъ, и въ благочестіи; слѣдуй во всемъ честномъ и здравомъ примѣру твоего августѣйшаго отца, чтобы божественное милосердіе Христа Бога передало тебѣ его благословеніе, какъ наслѣдственный даръ.

Выслушивай кротко просьбы бѣдныхъ, и дѣла ихъ обсуживай справедливо; не дозволяй судьямъ судить подвластныхъ тебѣ, за подарки и взятки, потому что „взятки, какъ сказано въ писаніи, ослѣпляютъ сердца мудрыхъ и извращаютъ слова справедливыхъ“ (Исх. XXIII, 8). Оказывайте уваженіе служителямъ Христа, но только тѣмъ, которые во-истину служители божіи, потому что есть между ними и такіе, которые „приходятъ въ овечьихъ шкурахъ, а подъ ними хищные волки“; но Истина говоритъ: „По плодамъ ихъ познаете ихъ“ (Матѳ. VII, 15, 16). Держите при себѣ совѣтниковъ мудрыхъ, богобоязненныхъ, не льстивыхъ; льстецъ, какъ говорится, сладкій врагъ (blandus inimicus), и часто вовлекаетъ въ погибель поддающихся ему. Будьте благоразумны въ своихъ размышленіяхъ и воздержны въ рѣчахъ, возлагайте надежду на Бога: Онъ никогда не оставляетъ полагающихся на него.

О, еслибы я могъ чаще посылать вашему высочеству (Almitati Vestrae) наставительныя письма, какъ просилъ меня о томъ вашъ августѣйшій братъ, Лудовикъ, что я уже дѣлалъ, и божіею помощью продолжаю до сихъ поръ; онъ читаетъ мои письма съ большимъ смиреніемъ. Для меня нѣтъ бо̀льшей радости, какъ услышать что нибудь доброе о вашихъ нравахъ, какъ то и достойно васъ. Это—даръ божій и благодѣяніе для государства, когда властители народовъ христіанскихъ отличаются превосходною нравственностью и живутъ съ людьми, угождая Богу. Отсюда, будь увѣренъ, происходитъ небесное благословеніе на народъ и государство; и да удостоитъ Богъ ваше высочество такого благословенія на вѣчныя времена. Расцвѣ-

---

[1]) Карлъ былъ старшій сынъ Карла Великаго, отъ Гильдегарды, род. въ 772 г., ум. 811 г. Онъ былъ коронованъ вмѣстѣ съ отцомъ, 800 г., въ Римѣ, какъ то полагаютъ на основаніи „Жизнеоп. папы Льва III“, составленнаго Анастасіемъ библіотекаремъ.

тай, укрѣпляйся и усиливайся, подвизаясь во всякомъ добрѣ и преуспѣяніи, на возвеличеніе своей святой церкви, о, сынъ мой возлюбленный.

IV. Письмо къ Карлу Великому.

(800 г.).

Содержаніе: Посылаетъ въ подарокъ, по случаю коронаціи, книги священнаго писанія, исправленныя имъ и соединенныя въ одно цѣлое.

Желанному государю и по заслугамъ возлюбленному королю Давиду—Альбинъ желаетъ въ настоящей жизни благополучія и вѣчнаго блаженства во Христѣ.

Давно уже я размышлялъ, какой подарокъ можетъ найти моя преданность, который содѣйствовалъ бы увеличенію блеска вашей *императорской* власти (imperialis potentiae) [1]) и обогатилъ бы ваши богатѣйшія сокровищницы; я не хотѣлъ, чтобы мой умишко коснѣлъ въ бездѣйствіи, когда другіе со всѣхъ сторонъ представляютъ свои дары, и чтобы вѣстникъ моего ничтожества предсталъ съ пустыми руками предъ лице вашего величества (Beatitudinis Vestrae); наконецъ, по внушенію св. Духа, я нашелъ то, что мнѣ прилично поднести, и что̀ можетъ быть пріятно вашей премудрости. Изъ священнѣйшей заботливости вашего благочестія несомнѣнно явствуетъ, сколько чрезъ васъ совершено Духомъ святымъ для благополучія церкви; мольбы всѣхъ вѣрныхъ должны быть направлены къ тому, чтобы просить о распространеніи вашей власти во всей силѣ, чтобы она внутри была любима вѣрными Богу и внѣ страшна для Господнихъ враговъ. Разсуждая такъ съ собою, я нашелъ, что ничто не можетъ быть достойнѣе вашего миролюбія, какъ подарокъ священныхъ книгъ: эти-то книги, продиктованныя св. Духомъ, по распоряженію Бога Христа, для спасенія рода человѣческаго, и написанныя перомъ (calamo) небесной благодати, я соединилъ въ одинъ священнѣйшій томъ (corpus) и тщательно исправилъ; эти-то книги и посылаю теперь вашей свѣтлѣйшей власти чрезъ свѣтлѣйшаго вашего сына и вѣрнаго вамъ слугу, чтобы онъ могъ предстать съ полными руками, на пріятнѣйшую службу вашему достоинству: задержанный болѣзнью и получивъ, божіею помощью, облегченіе, онъ немедленно поспѣшитъ отправиться къ вашему благочестію.... Онъ будетъ служить благочестивѣйшему государю какъ то подобаетъ; я же помолюсь за возлюбленнаго своего господина, сколько удостоитъ св. Духъ посѣтить мое сердце. Если моя привязанность къ вамъ пріищетъ что нибудь еще лучшее, то я со всею готовностью представлю то вамъ для возвеличенія вашего достоинства.

---

[1]) Надобно замѣтить, что это письмо было писано Алкуиномъ, по крайней мѣрѣ за мѣсяцъ до коронованія Карла В. императоромъ.

V. Письмо къ государю королю.

(Неизвѣстн. года).

Содержаніе: Объясняетъ различіе между словами: *aeternum* и *sempiternum*, *perpetuum* и *immortale*, *saeculum*, *aevum* и *tempus* [1]).

Королю Давиду, превосходнѣйшему правителю, величайшему побѣдителю—Флаккъ Альбинъ желаетъ здравія.

Нашъ Кандидъ (вѣроятно, одинъ изъ приближенныхъ Карла Великого, которымъ онъ пользовался часто для сношеній съ Алкуиномъ), возвращаясь къ вамъ отъ насъ, предложилъ намъ вопросы относительно значенія нѣкоторыхъ названій. Я замедлилъ отвѣтомъ по этому поводу, чтобы имѣть время тщательно подумать о томъ. Но этотъ слишкомъ ревностный исполнитель вашей воли самымъ докучливымъ образомъ требовалъ отъ меня поспѣшить отвѣтомъ. Вотъ почему я былъ вынужденъ набросать на скорую руку, безъ всякой обдѣлки, нѣсколько замѣтокъ о значеніи тѣхъ названій, подвергая вашему суду все изложенное мною, какъ то я дѣлаю со всѣмъ тѣмъ, что мною говорится или пишется. Ибо почтительное повиновеніе заслуживаетъ похвалы, если оно одобряется авторитетомъ повелителя. Вотъ тѣ вопросы, которые были намъ предложены чрезъ Кандида: въ чемъ состоитъ различіе между словами *aeternum* (вѣчное) и *sempiternum* (всегдашнее), *perpetuum* (безпрерывное) и *immortale* (безсмертное), *saeculum* (опредѣленное время), *aevum* (вѣкъ) и *tempus* (время вообще). Прежде всего нужно знать, что *aeternum* и *sempiternum* означаютъ одно и тоже: только *aeternum*—слово простое, *sempiternum*—сложное, а именно изъ нарѣчія *semper* (всегда) и *aeternum*. Потому все, что вѣчно, можетъ быть названо и всегдашнимъ; и наоборотъ, все всегдашнее—вѣчно. *Perpetuum* же, повидимому, происходитъ отъ слова *perpes* и обозначаетъ собою то, что не прерывается никакимъ промежуткомъ и всегда сохраняетъ положеніе, въ которомъ находится. Между же *aeternum* и *immortale* то различіе, что все вѣчное безсмертно; но было бы ошибочно сказать, что все безсмертное вѣчно. Между *aevum* и *saeculum* то различіе, что подъ *aevum* разумѣется нѣчто вѣчное, а *saeculum* имѣетъ отношеніе къ временному. Но мы увидимъ ниже различіе этихъ словъ. Подъ *immortale* разумѣется такая природа, которая не можетъ умереть, но которая однако не всегда бываетъ *immutabilis*, то-есть, неизмѣняемою: такъ напримѣръ, душа человѣка сотворена безсмертною, но всеконечно она не можетъ быть названа неизмѣняемою, потому что можетъ измѣняться отъ худого къ хорошему, отъ хорошаго къ худому, отъ худого къ худшему, отъ хорошаго къ лучшему, какъ сказано и въ писаніи: „Идутъ святые отъ добродѣтели къ добродѣтели“ (Psal. LXXXIII, 8). Одинъ Богъ истинно безсмертенъ и не-

---

[1]) Это письмо было отвѣтомъ Алкуина Карлу Великому на заданные имъ вопросы относительно различія представленныхъ имъ синонимовъ, часто повторяющихся въ книгахъ священнаго писанія.

измѣняемъ, потому что онъ одинъ истинно и собственно вѣченъ, и потому что всегда существуетъ; о немъ апостолъ сказалъ: „Онъ одинъ имѣетъ безсмертіе“ (I, Тим. IV, 16). Апостолъ сказалъ: *безсмертный*, вмѣсто *неизмѣняемый*, потому что измѣняемое, умирая, перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ оно было, и начинаетъ быть тѣмъ, чѣмъ оно не было...

Но что значитъ у апостола: „Прежде *временъ* вѣчныхъ“ (Рим. XVI, 25, и II. Тим. I, 9)? Если сказать: *время*, то какъ же его назвать *вѣчнымъ*: время существуетъ только въ сотворенномъ. Можетъ быть онъ хотѣлъ тѣмъ сказать: *прежде всѣхъ временъ*. Но онъ предпочелъ сказать *aeterna*, а не *omnia*, вѣроятно потому, что время не можетъ начинаться во времени, и такимъ образомъ aeterna tempora обозначаютъ *aevum*. Между же *aevum* и *tempus* то различіе, что первое постоянно, а второе измѣняемо. *Saeculum* называется то, что началось послѣ сотворенія тварей, и въ чемъ замѣтны переходы отъ одного къ другому; мнѣ кажется, что *saeculum* и *tempora* начались вмѣстѣ. Но во многихъ мѣстахъ, и даже въ свящ. Писаніи, *saeculum* пишется вмѣсто *sempiternum*, наприм.: „Ибо въ вѣкъ (in saeculum) милость Его“ (Псал. CV, 1 и CXVII, 1 и слѣд.). *Saeculum* есть текущій порядокъ міра, который, выходя изъ прошедшаго, идетъ къ будущему; потому *saecula* можно сказать о временахъ, послѣдующихъ другъ за другомъ. Но есть различіе, когда говорятъ: *a saeculo* (отъ вѣка), *in saeculo* (въ вѣкѣ) и *in saeculum saeculi* (во вѣки вѣковъ). Адамъ, напримѣръ, былъ *a saeculo*, т.-е. въ началѣ временъ; прочіе же отцы, Ной, Авраамъ, были *in saeculo*, а не *a saeculo*, такъ какъ и весь родъ человѣческій есть, былъ и будетъ *in saeculo*. *In saeculum saeculi* означаетъ будущій вѣкъ, вѣкъ, который будетъ послѣ этого; говорится также *in saecula saeculorum*......

Мы различаемъ три времени; прошедшее, настоящее и будущее; но собственно для насъ не существуетъ настоящаго, потому что мы имѣемъ одно прошедшее и будущее. Пока я выговариваю первый слогъ слова, второй его слогъ есть для меня будущее; когда же я выговорю второй слогъ, первый сдѣлался прошедшимъ. Для Бога же нѣтъ ни прошедшаго, ни будущаго, одно настоящее, какъ Онъ сказалъ своему рабу Моисею: Ego sum, qui sum. Но, пускаясь въ дальнѣйшія утонченности, ты замѣтишь, что два слова: *Deus aeternus* (вѣчный Богъ), сами по себѣ не вѣчны, но вѣчно только то, что ими обозначается. Вообще, слова, которыми мы говоримъ, суть не что иное, какъ знаки вещей, воспринимаемыхъ умомъ, служащіе для передачи нашего воспріятія другимъ.....

Но такъ какъ я приближаюсь къ *концу* письма, то мнѣ кажется, было бы кстати сказать что нибудь о значеніи *конца* вообще. Есть такіе случаи, когда слово *конецъ* употребляютъ для выраженія того, что будетъ *безъ конца*; такъ, въ евангеліи сказано: „Когда возлюбилъ тѣхъ, которые были въ мірѣ, *до конца* возлюбилъ ихъ“ (Іоан. XIII, 1), т.-е. возлюбилъ на вѣчныя времена. Въ другихъ случаяхъ, *конецъ* обозначаетъ совершенство: *Конецъ* закона есть Христосъ“ (Римл. X, 4), т.-е. совершенный законъ. Иногда же этимъ словомъ называютъ самого Христа; такъ въ заглавіи нѣкоторыхъ псалмовъ

стоитъ: In finem David (Псал. LI, 11 и друг.), т.-е. in Christum. А иногда *конецъ* означаетъ дѣйствительно конецъ; такъ у Даніила: „Въ *конецъ* же дней тѣхъ" (Дан. IV, 31). Но не упрекни меня за многословіе и длинноту письма, потому что длина времени, а болѣе то, чего именно время не имѣетъ, требуетъ многихъ словъ для того, чтобы доказать то, что едва можетъ быть доказано. Впрочемъ, мое перо (calamus), омоченное въ источникѣ благодати, съ наслажденіемъ бесѣдуетъ съ тѣмъ, кому все доброе доставляетъ наслажденіе, кому и Богъ да пошлетъ вѣчныя утѣхи.

Det tibi perpetuam clemens in saecla salutem
Et decus imperii, David amate, Deus.

Изъ писемъ Алкуина.

Fl. Albini, seu Alcuini, abbatis et Caroli Magni Imp. magistri Opera omnia ed. Migne. Томъ I, Письмо: 33, 43, 120, 131 и 162.

Алкуинъ или *Флаккъ Альбинъ* (Alcuinus, seu Flaccus Albinus) родился въ Англіи въ г. Іоркѣ, около 735 г., умеръ въ монастырѣ св. Мартина, во Франціи въ г. Турѣ, 19 мая 804 года. Въ VIII вѣкѣ Англія была центромъ ученой образованности, благодаря сліянію христіанскихъ идей съ остатками кельтическихъ наукъ: Какъ въ древнія времена изъ Галліи отправлялись въ Іоркъ для изученія образованности друидовъ, такъ въ томъ же самомъ городѣ была основана при монастырѣ знаменитая школа, въ которой обучался и молодой Алкуинъ, подъ руководствомъ архіепископа Эльберта. Вотъ что говоритъ самъ Алкуинъ въ своихъ воспоминаніяхъ о мѣстѣ своего обученія: „Ученый Эльбертъ напоялъ загрубѣлые умы прямо изъ источника различныхъ наукъ; однимъ онъ старался сообщить искусство и правила грамматики, предъ другими поднималъ волны риторики, иныхъ упражнялъ въ преніяхъ судебныхъ, другихъ въ пѣсняхъ Аоніи. Многіе научались у него играть на флейтѣ Касталіи или ударять ногою о вершину Парнасса; другіе знакомились чрезъ него съ гармоніею небеснаго свода, путями солнца и луны, пятью поясами полюса, семью планетами, законами теченія звѣздъ: ихъ восходомъ и закатомъ, движеніемъ моря, землетрясеніями, природою человѣка, звѣрей, птицъ и всего населенія лѣсовъ; онъ раскрывалъ предъ ними различныя качества и сочетанія чиселъ: научалъ съ достовѣрностью высчитывать время пасхи, и въ особенности объяснялъ таинственное въ св. писаніи" (О святителяхъ и святыхъ церкви Іоркской, стихъ 1431—1447). Таково было разнообразное содержаніе обученія Алкуина въ школѣ.

Преемникъ Эльберта, Эадванъ, отправилъ Алкуина въ Римъ для полученія палліума, въ 780 г. Это путешествіе въ Италію рѣшило участь Алкуина: онъ встрѣтился въ Пармѣ съ Карломъ Великимъ; по своей страсти соединять около себя всѣхъ ученыхъ міра, Карлъ уговорилъ Алкуина переселиться къ нему [1]);

---

[1]) Ср. объ Алкуинѣ слова монаха Сангалленскаго, I, 2, помѣщенныя ниже, въ ст. 6.

получивъ согласіе архіепископа, Алкуинъ въ 782 г. явился къ Карлу и устроилъ при дворѣ его знаменитую Палатинскую школу, которою онъ и управлялъ до 796 г. Все семейство Карла и самъ король были его учениками; изъ этой же школы вышли всѣ литературныя знаменитости того времени, въ томъ числѣ и Эгингардъ. Дѣятельность Алкуина не ограничивалась однимъ преподаваніемъ наукъ: онъ съ такою же ревностью заботился объ основаніи школъ при другихъ монастыряхъ и о собираніи и исправленіи манускриптовъ. Утомленный продолжительными трудами, онъ удалился отъ двора въ 796 г. и основалъ новую школу въ Турени при монастырѣ св. Мартина. Но и въ этотъ послѣдній періодъ своей дѣятельности онъ не прерывалъ сношеній съ Карломъ Великимъ и велъ съ нимъ ученую, по тому времени, переписку.—Литературная дѣятельность Алкуина была чрезвычайно обширна: кромѣ многочисленныхъ сочиненій, богословскаго содержанія, гдѣ онъ комментируетъ св. Писаніе, защищаетъ догматы вѣры противъ еретиковъ и объясняетъ части литургіи, Алкуинъ оставилъ много произведеній философскаго, историческаго и поэтическаго содержаніи. Изъ философскихъ его трактатовъ особенно замѣчательны: 1) De virtutibus et vitiis (о добродѣтели и порокѣ), посвященное графу Гвидо; и 2) De ratione animae (о природѣ души), написанное для одной изъ женщинъ, посѣщавшихъ его Палатинскую школу. Къ этому же отдѣлу нужно отнести его трактаты о грамматикѣ, правописаніи, риторикѣ и діалектикѣ, и лекціи, читанныя въ школѣ. Къ историческимъ сочиненіямъ Алкуина принадлежатъ жизнеописанія святыхъ; изъ нихъ особенно замѣчательна жизнь св. Виллиброда. По древнимъ каталогамъ видно, что Алкуинъ писалъ исторію Карла Великаго, особенно по отношенію его къ саксамъ, но это сочиненіе не дошло до насъ. Между поэтическими произведеніями Алкуина первое мѣсто принадлежитъ поэмѣ: De pontificibus et sanctis ecclesiae Eboracensis (о святителяхъ и святыхъ церкви Іоркской), въ 1657 экзаметрахъ.

Полное собраніе сочиненій Алкуина сдѣлалъ *Froben*, Alcuini Opera omnia. Ratisbonae. 1776. 4 части въ 2 томахъ; и *Migne*, Patrologiae cursus completus, въ двухъ томахъ, по общему счету изданія т. C и CI.—Изъ спеціальныхъ изслѣдованій объ Алкуинѣ особенно замѣчательно: Alcuins Leben, ein Beitrag zur Staats-Kirchen-und Culturgeschichte der Karolingischen Zeit. Halle. 1829 г., покойнаго Лоренца, профессора исторіи въ бывшемъ Педагогическомъ институтѣ въ С.-Петербургѣ. Ср. *Monnier*, Alcuin et son influence litter., relig. et polit. chez les Francs. Par. 1853.

5. — Преподаваніе наукъ въ палатинской школѣ Алкуина.

(Между 782—796 г.)

I. Алкуинъ и Пипинъ [1]).

(Pippini regalis et nobilissimi juvenis Disputatio cum Albino scholastico).

(около 790 г.).

Пипинъ. Что такое буква?—*Алкуинъ.* Стражъ исторіи.

П. Что такое слово?—*А.* Измѣнникъ души.

П. Кто рождаетъ слово?—*А.* Языкъ.

П. Что такое языкъ?—*А.* Бичъ воздуха.

П. Что такое воздухъ?—*А.* Хранитель жизни.

П. Что такое жизнь?—*А.* Для счастливыхъ радость, для несчастныхъ горе, ожиданіе смерти.

П. Что такое смерть? — *А.* Неизбѣжное обстоятельство, неизвѣстная дорога, плачъ для оставшихся въ живыхъ, приведеніе въ исполненіе завѣщаній, разбойникъ для человѣка.

П. Что такое человѣкъ?—*А.* Рабъ старости, мимо проходящій путникъ, гость въ своемъ домѣ.

П. На кого похожъ человѣкъ?—*А.* На шаръ.

П. Какъ помѣщенъ человѣкъ?—*А.* Какъ лампада на вѣтру.

П. Какъ онъ окруженъ?—*А.* Шестью стѣнами.

П. Какими?—*А.* Сверху, снизу, спереди, сзади, съ права и слѣва.

П. Сколько съ нимъ происходитъ перемѣнъ?—*А.* Шесть.

П. Какія именно?—*А.* Голодъ и насыщеніе; покой и трудъ; бодрствованіе и сонъ.

П. Что такое сонъ?—*А.* Образъ смерти.

П. Что составляетъ свободу человѣка?—*А.* Невинность.

П. Что такое голова?—*А.* Вершина тѣла.

П. Что такое тѣло?—*А.* Жилище души.

П. Что такое волоса?—*А.* Одежда головы.

П. Что такое борода?—*А.* Отличіе половъ и почетъ зрѣлаго возраста.

П. Что такое мозгъ?—*А.* Хранитель памяти.

П. Что такое глаза?—*А.* Вожди тѣла, вмѣстилище свѣта, истолкователи души.

П. Что такое ноздри?—*А.* Проводники запаха.

П. Что такое уши?—*А.* Собиратели звуковъ.

П. Что такое лобъ?—*А.* Образъ души.

П. Что такое ротъ?—*А.* Питатель тѣла.

П. Что такое зубы?—*А.* Жернова.

---

[1]) Сынъ Карла Великаго, король итальянскій, род. 776 г. ум. 810 г.

Далѣе слѣдуетъ длинный рядъ вопросовъ объ остальныхъ частяхъ тѣла съ отвѣтами того же рода; затѣмъ ученикъ и учитель обращаются къ изученію внѣшней природы.

П. Что такое небо?—*А.* Вращающаяся сфера (sphaera volubilis), неизмѣримый сводъ.

П. Что такое свѣтъ?—*А.* Поверхность (facies) всѣхъ предметовъ.

П. Что такое день?—*А.* Возбужденіе къ труду.

П. Что такое солнце?—*А.* Сіяніе шара, краса небесъ, счастіе природы, честь дня, распредѣлитель часовъ.

П. Что такое луна?—*А.* Глазъ ночи, подательница росы, предвѣстница непогоды.

П. Что такое звѣзды? — *А.* Пестрота неба, направительница мореходовъ, краса ночи.

П. Что такое дождь? — *А.* Зачатіе земли, кончающееся рожденіемъ плодовъ.

П. Что такое туманъ? — *А.* Ночь среди дня, тяжесть для глазъ.

П. Что такое вѣтеръ? — *А.* Волненіе воздуха, приводащее въ движеніе воду и осушающее землю.

П. Что такое земля? — *А.* Мать рождающихся, кормилица живущихъ, келья жизни, пожирательница всего.

П. Что такое вода? — *А.* Подпора жизни, омовеніе нечистотъ.

П. Что такое снѣгъ? — *А.* Сухая вода.

П. Что такое зима? — *А.* Изгнанница лѣта.

П. Что такое весна? — *А.* Живописецъ земли.

П. Что такое лѣто? — *А.* Облаченіе земли и спѣлость плодовъ.

П. Что такое осень. — *А.* Житница года.

П. Что такое годъ? — *А.* Колесница міра.

П. Кто ее везетъ? — *А.* Ночь и день, холодъ и жаръ.

П. Кто ея возницы? — *А.* Солнце и луна.

П. Сколько они имѣютъ дворцовъ? — *А.* Двѣнадцать.

П. Кто въ нихъ распоряжается? — *А.* Овенъ, Телецъ, Близнецы, Ракъ, Левъ, Дѣва, Вѣсы, Скорпіонъ, Стрѣлецъ, Козерогъ, Водолей, Рыбы.

П. Сколько дней живетъ годъ въ каждомъ изъ этихъ дворцовъ?— *А.* Солнце 30 дней и 10 съ половиною часовъ, а луна двумя днями и восемью часами меньше.

П. Я боюсь, учитель, пускаться въ море. — *А.* Кто же тебя побуждаетъ къ тому?

П. Любопытство. — *А.* Если ты боишься, я сяду съ тобой и послѣдую, куда бы ты ни отправился.

П. Если бы я зналъ, что такое корабль, я устроилъ бы такой для тебя, чтобы ты отправился со мною. — *А.* Корабль есть странствующій домъ, всегдашняя гостинница, путникъ, неоставляющій слѣда, сосѣдъ береговъ.

П. Что такое берегъ?—*А.* Стѣна земли.

П. Что такое трава?—*А.* Одежда земли.

П. Что такое коренья?—*А.* Друзья медиковъ и слава поваровъ.

П. Что дѣлаетъ горькое сладкимъ?—*А.* Голодъ.

П. Что не утомляетъ человѣка? — *А.* Прибыль.

П. Что такое сонъ на-яву? — *А.* Надежда.

П. Что такое надежда? — *А.* Освѣженіе труда, сомнительное состояніе.

П. Что такое дружба?—*А.* Равенство друзей (по другой редакціи, душъ: amicorum—animorum).

П. Что такое вѣра?—*А.* Увѣренность въ томъ, чего не знаешь, и что считаешь чудеснымъ.

П. Что такое чудесное?—*А.* Я видѣлъ, напримѣръ, человѣка на ногахъ, прогуливающагося мертвеца, который никогда не существовалъ.

П. Какъ это возможно, объясни мнѣ? — *А.* Отраженіе въ водѣ.

П. Почему же я самъ не понялъ того, когда столько разъ видѣлъ?—*А.* Такъ какъ ты добронравенъ и одаренъ природнымъ умомъ, то я тебѣ предложу нѣсколько примѣровъ чудеснаго; постарайся, не можешь-ли ихъ самъ разгадать.

П. Хорошо; но если я скажу не такъ, какъ слѣдуетъ, поправь меня. — *А.* Изволь! Одинъ незнакомецъ говорилъ со мною безъ языка и голоса; его никогда не было и не будетъ; я его никогда не слыхалъ и не зналъ.

П. Быть можетъ, мой наставникъ, это былъ тяжелый сонъ?—*А.* Именно такъ, мой сынъ. Послушай еще: я видѣлъ, мертвое родило живое, и дыханіе живого истребило мертвое.

П. Отъ тренія дерева рождается огонь, пожирающій дерево. — *А.* Такъ. Я видѣлъ мертвыхъ, много болтающихъ.

П. Это бываетъ, когда ихъ повѣсятъ на воздухѣ. — *А.* Такъ. Я видѣлъ огонь, негаснувшій въ водѣ.

П. Думаю, что ты говоришь объ известкѣ.—*А.* Ты вѣрно думаешь, Я видѣлъ мертваго, который сидитъ на живомъ, и отъ смѣха мертваго умеръ живой.

П. Это знаютъ наши повара. — *А.* Да; но положи палецъ на ротъ, чтобы дѣти не услышали, что́ это такое... Я видѣлъ человѣка, который держалъ въ рукахъ восемь, уронилъ семь, а осталось шесть.

П. Это знаютъ и школьники...—*А.* Я видѣлъ летящую женщину съ желѣзнымъ носомъ, деревяннымъ тѣломъ и пернатымъ хвостомъ; она несла за собою смерть.

П. Копье воина.—*А.* Что такое воинъ?

П. Стѣна государства, страхъ непріятеля, служба, полная славы.—*А.* Что вмѣстѣ существуетъ и не существуетъ?

П. Ничто.—*А.* Какъ же это можетъ быть?

П. По имени существуетъ, а на дѣлѣ нѣтъ. — *А.* Кто бываетъ нѣмымъ вѣстникомъ?

П. То, что я держу въ рукѣ. — *А.* Что же ты держишь въ рукѣ?

П. Твое письмо.—*А.* И читай его благополучно, мой сынъ.

Alcuini Opera omnia. Ed. Migne, t. II, 975—979 стр.

II. Алкуинъ и ученики.

Лекціи объ истинной философіи.

(Disputatio de vera philosophia).

Ученикъ. О, премудрый наставникъ, мы слышали отъ тебя, что философія есть наставница всякой добродѣтели, и она одна, между всѣми временными богатствами, никогда не оставляла въ бѣдности своего обладателя. Мы сознаемся, ты возбудилъ насъ такими рѣчами къ достиженію такого высшаго благополучія; мы желаемъ теперь знать, въ чемъ состоитъ ея сущность, и по какой лѣстницѣ можно подняться до нея. Нашъ возрастъ еще нѣженъ, и если ты намъ не подашь руки, мы не взойдемъ одни. Мы понимаемъ, что душа наша помѣщена въ сердцѣ, какъ глаза въ головѣ. Но глаза могутъ различать ясно предметы только при помощи солнца или какого-нибудь другого свѣта; всякій знаетъ, что безъ свѣта мы и съ глазами оставались бы въ темнотѣ. Точно также и мудрость бываетъ доступна нашей душѣ, когда кто-нибудь ее просвѣтитъ.

Учитель. Вы сдѣлали, мои дѣти, хорошее сравненіе души съ глазами. Но Тотъ, *кто просвѣщаетъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ* (Іоан. I, 9), просвѣтитъ и ваши умы для воспринятія философіи, которая никогда, какъ вы сказали, не оставляла своего обладателя нищимъ.

Ученикъ. Знаемъ, наставникъ, знаемъ навѣрное, что просить надобно у Того, кто подаетъ щедро и никому не препятствуетъ. Но насъ нужно наставить и вести подъ руку, пока не разовьется въ насъ сила. Конечно, кремень имѣетъ въ себѣ огонь, выскакивающій при ударѣ, какъ и уму человѣка прирожденъ свѣтъ науки; но пока на него не посыплются удары свѣдущаго человѣка, искра будетъ также скрываться, какъ она скрывается въ кремнѣ.

Учитель. Мнѣ легко будетъ показать вамъ путь къ мудрости, когда вы полюбите ее для Бога, ради душевной чистоты, ради познанія истины и ради ея самой, а не ради человѣческой славы, временныхъ наградъ и лживыхъ обольщеній богатствами; чѣмъ кто болѣе любитъ послѣднее, тѣмъ онъ далѣе блуждаетъ отъ свѣта науки: такъ, пьяный не можетъ переступить порога своего дома...

Ученикъ. Веди же насъ, гони и приведи божественными путями разума на вершину совершенства; хотя и неровнымъ шагомъ, но мы послѣдуемъ за тобою.

Учитель. О, человѣкъ, разумная тварь, безсмертная лучшею своею частью, образъ своего Творца, скажи, зачѣмъ ты теряешь свои богатства и стараешься пріобрѣсти чужія? къ чему ты ищешь внизу и не смотришь выше?

Ученикъ. Но, что̀ свое, и что̀ чужое?

Учитель. Чужое — что ищется внѣ, какъ напримѣръ, накопленіе богатствъ; свое—что внутри, украшеніе себя мудростью. Къ чему же, о, смертные, вы ищете внѣ, когда имѣете то, что ищете, внутри.

Ученикъ. Мы ищемъ счастія.

Учитель. Хорошо дѣлаете, если ищете постояннаго, а не преходящаго. Посмотрите, какою горечью окроплено земное счастье; никому оно не достается въ цѣлости, никому оно не остается вѣрнымъ, потому что въ этой жизни нѣтъ ничего неизмѣняемаго. Что прекраснѣе свѣта? но и онъ затмѣвается наступившимъ мракомъ. Что прелестнѣе лѣтомъ цвѣтовъ? Но и они погибаютъ отъ зимняго холода. Что отраднѣе здоровья тѣла? Но кто пользуется имъ постоянно? Что пріятнѣе покойнаго мира? но взрывы печальныхъ распрей и его нарушаютъ.

Ученикъ. Мы никогда не сомнѣвались въ томъ, что все это такъ и бываетъ, какъ ты сказалъ. Но, скажи, почему это такъ?

Учитель. Чтобы изъ великаго вы познали малое.

Ученикъ. Какимъ образомъ?

Учитель. Если небо и земля, которыми всѣ любуются и пользуются, представляютъ постоянныя перемѣны, то тѣмъ болѣе должно представляться проходящимъ пользованіе чѣмъ-нибудь отдѣльнымъ. И къ чему любить то, что не можетъ оставаться съ нами. Къ чему слава, почести, богатства? Вы читали о богатствахъ Креза, славѣ Александра, величіи Помпея? А что изъ всего этого можетъ помочь осужденнымъ на погибель?.. Гораздо лучше украшать себя внутри, чѣмъ извнѣ, и просвѣщать безсмертную душу.

Ученикъ. Какія же могутъ быть украшенія души?

Учитель. Прежде всего мудрость, и къ ея-то пріобрѣтенію я убѣждаю васъ стремиться.

Ученикъ. Откуда же мы знаемъ, что мудрость вѣчна? И если все исчисленное тобою преходяще, то почему же и наука не можетъ пройти?

Учитель. Думаете-ли вы, что душа безсмертна?

Ученикъ. Не только думаемъ, но и навѣрное знаемъ.

Учитель. А мудрость украшаетъ душу?

Ученикъ. Безъ сомнѣнія.

Учитель. Слѣдовательно, онѣ обѣ безсмертны, и душа, и мудрость. Вотъ, богатства часто оставляютъ человѣка, и почести уменьшаются; развѣ вы этого не видали?

Ученикъ. Мы видимъ, что даже и могущество государствъ не вѣчно.

Учитель. Что же значатъ богатства безъ мудрости?

Ученикъ. Тоже, что и тѣло безъ души, какъ сказалъ Соломонъ: „Что приносятъ глупому его богатства, когда онъ не можетъ купить на нихъ ума?“

Учитель. Не мудрость-ли возвышаетъ смиреннаго, и нищаго поднимаетъ изъ ничтожества, чтобы посадить его съ царями, и поддерживаетъ престолъ славы?

Ученикъ. Все это такъ, но она широка, и трудно ея пріобрѣтеніе.

Учитель. Но какой воинъ увѣнчивается безъ битвы? какой земледѣлецъ безъ труда добываетъ хлѣбъ? Развѣ не знаете старой пословицы: корень ученія горекъ, но плоды его сладки...

Ученикъ. Но покажи же намъ первыя ступени мудрости, чтобы Божіею и твоею помощью мы могли послѣ перейти отъ низшихъ къ высшимъ.

Учитель. Мы читаемъ у Соломона, устами котораго говорила сама мудрость: „Мудрость построила себѣ домъ и вырубила для него *семь* столбовъ". Хотя собственно это выраженіе относится къ божественной премудрости, которая построила себѣ въ дѣвственной утробѣ домъ, т.-е. тѣло, и подкрѣпило его семью дарами Духа святого; это и есть церковь, прославленная тѣми дарами; но и книжная мудрость (sapientia liberalium literarum) точно также утверждается на семи столбахъ, и не иначе можно довести до совершенства свое познаніе, какъ поднявшись на тѣ столбы, или лучше сказать, ступени...

Ученикъ. Веди же насъ и изведи когда нибудь изъ норы невѣжества, чтобы мы могли возсѣсть на вѣтви мудрости, данной тебѣ Богомъ; оттуда мы увидимъ свѣтъ правды; покажи же намъ, какъ ты часто то обѣщалъ, семь ступеней науки.

Учитель. Тѣхъ ступеней, о которыхъ вы спрашиваете, семь, и о еслибы для переступленія ихъ вы обнаружили такую же жажду, какую теперь показываете для того, чтобы взглянуть на нихъ; вотъ онѣ: *грамматика*, *риторика*, *діалектика*, *ариѳметика*, *геометрія*, *музыка* и *астрологія*. Надъ ними потрудились всѣ философы, ими они просвѣтились, превзошли славою царей и восхваляются на вѣчныя времена; этими же науками святые наставники и защитники нашей каѳолической вѣры одерживали верхъ надъ всѣми ересіархами во время публичныхъ диспутовъ съ ними. Пусть по нимъ пройдется и ваша молодость, о любезныя дѣти, пока болѣе зрѣлый возрастъ и новыя душевныя силы не дозволятъ вамъ приступить къ вершинѣ всего — священному писанію. Вооружившись такимъ образомъ, вы выступите послѣ неодолимыми защитниками и утвердителями истинъ вѣры.

Тамъ же, стран. 850—854.

III. Алкуинъ и два ученика, одинъ саксъ, другой франкъ.

Лекціи изъ грамматики.

(Alcuini Enchiridium).

Были въ школѣ наставника Альбина два ученика, одинъ франкъ, другой саксъ, еще недавно вступившіе въ густыя дебри грамматики; потому они и рѣшились изучать на память нѣкоторыя изъ ея правилъ посредствомъ вопросовъ и отвѣтовъ.

И сначала *франкъ* обратился къ саксу: Ну, саксъ, отвѣчай на мой вопросъ, такъ какъ ты старше меня лѣтами: мнѣ четырнадцать, а тебѣ, я полагаю, пятнадцать лѣтъ.—На это отвѣчалъ *саксъ*: Изволь, но съ условіемъ, если ты спросишь свысока, или зайдешь въ философію, то я обращусь къ наставнику. — *Учитель* замѣтилъ: Я одобряю, дѣти, ваше намѣреніе и охотно помогу вамъ. Но прежде скажите, съ чего, вы полагаете, должна начаться ваша бесѣда?

Учен. Съ чего же, господинъ наставникъ, какъ не съ буквы?—

Учит. Это было бы вѣрно, еслибы вы не упомянули передъ тѣмъ о философіи. Бесѣду должно начать съ изслѣдованія о звукѣ, ради котораго изобрѣтены буквы; а еще прежде того должно задать вопросъ: какимъ способомъ вообще должна быть ведена эта бесѣда (disputatio)?

Учен. Это уже ты, наставникъ, объясни намъ пожалуйста самъ: признаемся, мы вовсе не знаемъ, въ какомъ порядкѣ должно вести бесѣду.—*Учит.* Каждый разговоръ и бесѣда (collocutio disputatioque) должны состоять изъ трехъ отдѣловъ по тѣмъ тремъ сторонамъ, которыя представляются въ предметахъ: 1) о вещи (res); 2) о ея смыслѣ (intellectus), и 3) о ея названіи (voces). *Вещь* есть то, что мы воспринимаемъ разумомъ души; *смыслъ*—то значеніе, которое мы придаемъ вещамъ; *названіе*,—чѣмъ мы обозначаемъ постигнутую вещь; для названія вещей, какъ я сказалъ, были изобрѣтены буквы.

Учен. Такъ какъ ты объяснилъ намъ порядокъ бесѣды, то пожалуйста объясни и различныя формы названія вещей. — *Учит.* Есть четыре рода произнесенія названій: articulata, inarticulata, literata illiterata. *Articulata* называются тѣ, которыя въ соединеніи другъ съ другомъ представляютъ смыслъ; напр. Arma virumque cano etc. *Inarticulata*, которыя не представляютъ никакого смысла, какъ наприм., crepitus mugitus. *Literata*, которыя могутъ быть написаны; *illiterata*, которыхъ нельзя написать.

Учен. Откуда происходитъ слово *vox*, названіе?—*Учит.* Отъ глагола *vocare*, называть. Вотъ все, о чемъ вы спрашивали. Теперь, дѣти, начинайте съ буквы, litera.

Франкъ: Скажи мнѣ прежде, саксъ, откуда происходитъ слово *litera*, буква?—*Саксъ*: Я думаю, что *litera* есть сокращенная форма отъ *legitera* (leg+itera) и означаетъ то, что буква служитъ для читающихъ (legentibus) путемъ (iter).

Фр. Дай опредѣленіе буквы, *Сак.*—Буква есть малѣйшая часть произнесеннаго звука.

Учен. Нѣтъ-ли, наставникъ, другого опредѣленія буквы.—*Учит.* Есть, но въ томъ же смыслѣ: буквы есть недѣлимое, потому что рѣчь состоитъ изъ частей, части изъ слоговъ, и слоги подраздѣляются на буквы, но букву раздѣлить нельзя.

Учен. Отчего буквы называются элементами?—*Учит.* Потому что, какъ элементы въ своемъ соединеніи составляютъ тѣло, такъ поглощенныя вмѣстѣ буквы образуютъ звукъ.

Фр. Представь мнѣ, товарищъ, раздѣленіе буквъ. — *Сак.* Буквы бываютъ гласныя и согласныя, и согласныя подраздѣляются на полугласныя и нѣмыя.

Фр. На чемъ основывается такое раздѣленіе?—*Сак.* Гласныя произносятся отдѣльно и сами по себѣ составляютъ слогъ; согласныя же не могутъ быть ни выговорены, ни составить слова.

Учен. Нѣтъ-ли, наставникъ, другого основанія такого раздѣленія?—*Учит.* Есть: гласныя составляютъ душу, а согласныя—тѣло; душа приводитъ въ движеніе и себя, и тѣло; тѣло же неподвижно и бездушно. Таковы бываютъ согласныя безъ гласныхъ: онѣ могутъ

быть написаны сами по себѣ, но не могутъ быть безъ гласныхъ выговорены, и не имѣютъ смысла.......

Фр. Какое различіе между полугласными и нѣмыми? — *Сак.* На сколько полугласныя уступаютъ гласнымъ, на столько онѣ превосходятъ нѣмыя буквы: полугласныя начинаются гласною буквою и возвращаются къ ней, потому онѣ благозвучны, и потому гораздо чаще выраженія оканчиваются полугласными, а не нѣмыми. Нѣмыя же выходятъ отъ себя и кончаются гласною, почему онѣ и не благозвучны.

Фр. Я помню, на основаніи Доната [1]), въ каждой буквѣ надобно обращать вниманіе: 1) на ее названіе (nomen), 2) фигуру (figuram) и 3) свойство (potestatem). О названіяхъ и фигурахъ не будемъ говорить; скажи мнѣ о свойствѣ и начни съ гласныхъ. *Сак.* У латиновъ гласныхъ 5, потому что шестая гласная *y* заимствована для греческихъ словъ, какъ и согласная *z*.......

Фр. Не имѣютъ-ли нѣкоторыя изъ согласныхъ особаго свойства?— *Сак.* Имѣютъ, потому что у каждой есть свое свойство, названіе и фигура; нѣкоторыя же изъ нихъ, плавныя, совсѣмъ теряютъ свойство согласныхъ; даже измѣняютъ въ прозѣ удареніе.

Фр. Какія именно?—*Сак.* *L*, *R*, *M*, *N*. Даже и *S* имѣетъ особое свойство. *H* есть знакъ придыханія. *X* и *Z*—двойныя буквы. Впрочемъ, я полагаю, что разсужденіе обо всемъ этомъ принадлежитъ тонкостямъ метрики, которой мы еще не обучались, а потому не спрашивай меня объ этомъ; перейдемъ лучше къ вопросу о слогахъ......

Алкуинъ.

Тамъ же, стран. 854—855.

Объ Алкуинѣ и его сочиненіяхъ см. выше примѣчаніе къ ст. 4.

6.—Народныя легенды о Карлѣ Великомъ, ближайшія къ нему по времени.

(884 г.).

Предисловіе автора, въ которомъ онъ обращается къ правнуку Карла Великаго, Карлу III Толстому, остается утраченнымъ въ найденныхъ до сихъ поръ манускриптахъ.

Первая книга.

1. Когда всемогущій владыка всего сотвореннаго и устроитель государствъ и временъ обратилъ, въ лицѣ римлянъ, желѣзныя и глиняныя ноги той чудесной статуи [2]) въ прахъ; онъ воздвигъ у франковъ, въ лицѣ преславнаго Карла (т. е. Великаго), новую не менѣе

[1]) Эл. Донатъ—римскій грамматикъ IV вѣка, наставникъ св. Іеронима.

[2]) Въ этомъ приступѣ заключается намекъ на пророчество Даніила, II, 31 и слѣд., и примѣненіе его къ паденію з. р. имперіи и возстановленію ея Карломъ Великимъ.

чудесную статую съ золотою головой. Когда Карлъ началъ свое единовластіе въ западныхъ странахъ міра, а науки пришли повсюду почти въ забвеніе, вслѣдствіе чего всѣ охладѣли къ служенію истинному Богу, случилось, что два скотта изъ Ирландіи высадились вмѣстѣ съ бретонскими купцами на берега Галліи; это были люди въ высшей степени свѣдущіе какъ въ мірскихъ наукахъ, такъ и въ священномъ писаніи. Они не выставляли на показъ никакого продажнаго товара, но, когда около нихъ собиралась жадная до покупокъ толпа, кричали: „кто желаетъ пріобрѣсть мудрость, пусть придетъ къ намъ и получитъ; именно у насъ можно купить ее". Если они объявляли цѣну на мудрость, то только потому что видѣли, какъ народъ предпочиталъ торговать дорогіе товары тому, что предлагается даромъ; такимъ образомъ, они имѣли въ виду тѣмъ или заманить людей покупать мудрость вмѣстѣ съ прочими товарами, или, какъ-то доказали послѣдствія, вызвать удивленіе и обратить на себя вниманіе тѣмъ возгласомъ. Однимъ словомъ, они кричали до того, пока не нашлись люди, которые были удивлены тѣмъ, или сочли ихъ за сумасшедшихъ, и довели о нихъ до свѣдѣнія короля Карла, который постоянно обнаруживалъ великую любовь и сильное стремленіе къ мудрости. Онъ потребовалъ ихъ немедленно къ себѣ и спросилъ, справедливы ли дошедшіе до него слухи, что они возятъ съ собою мудрость. Они отвѣчали: „да, мы обладаемъ ею и готовы сообщить ее каждому, кто именемъ Бога достойнымъ образомъ будетъ о ней просить". И когда Карлъ спрашивалъ далѣе, что они потребуютъ за то, они объявили: „удобное помѣщеніе и любознательныхъ учениковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, что неизбѣжно для всякаго странника, именно, пищу и одежду". Услышавъ такой отвѣтъ, Карлъ чрезвычайно обрадовался, и сначала продержалъ ихъ у себя нѣкоторое время, а впослѣдствіи, когда ему нужно было предпринять походъ, онъ приказалъ одному изъ нихъ, по имени Клименту, поселиться въ Галліи и поручилъ его надзору большое число мальчиковъ болѣе или менѣе знатнаго происхожденія, а также и изъ простолюдиновъ; сверхъ того онъ распорядился, чтобы имъ было доставлено все необходимое, какъ то имъ понадобится, и далъ имъ въ пользованіе жилые дома. Другого же, по имени .... [1]), онъ отправилъ въ Италію и указалъ ему для жительства монастырь св. Августина около Павіи, съ тѣмъ чтобы тамъ могли у него собираться всѣ, которые имѣютъ склонность къ ученію.

2. Когда услышалъ обо всемъ этомъ Альбинъ [2]), родомъ изъ англовъ, а именно, какъ охотно принимаетъ у себя благочестивый король Карлъ людей мудрыхъ, онъ также сѣлъ на корабль и явился къ нему. Альбинъ владѣлъ священнымъ писаніемъ въ полномъ его объемѣ и превосходилъ въ этомъ отношеніи всѣхъ знатоковъ новѣй-

---

[1]) Въ рукописяхъ недостаетъ имени второго лица; на основаніи капитулярія отъ 824 г. (см. Mon. Leg., I, 249), предполагаютъ, что это былъ Дунгалъ.

[2]) Онъ извѣстенъ болѣе подъ именемъ Алкуина.

шаго времени: онъ былъ ученикомъ высоученаго Бэды [1]), изложившаго св. писаніе наилучшимъ образомъ, послѣ св. Григорія [2]). Король Карлъ держалъ его при себѣ безотлучно до самаго конца своей жизни, исключая тѣхъ случаевъ, когда онъ ходилъ на войну, и желалъ, чтобы его называли ученикомъ Альбина, а Альбина его учителемъ. Карлъ далъ ему аббатство св. Мартина Турскаго, съ тѣмъ, чтобы онъ могъ тамъ наслаждаться покоемъ въ отсутствіе короля и обучать стекавшихся къ нему учениковъ. И плоды его обученія были такъ обильны, что нынѣшніе галлы, или франки, могутъ сравниться съ древними римлянами или аѳинянами.

3. Когда побѣдоносный Карлъ, послѣ продолжительнаго отсутствія, возвратился въ Галлію, онъ призвалъ къ себѣ учениковъ, порученныхъ Клименту, и потребовалъ ихъ письма и сочиненія. Дѣти бѣднаго и низкаго состоянія представили ему свои труды, которые были, сверхъ всякаго ожиданія, проникнуты духомъ мудрости, а знатные должны были явиться съ пустымъ и безполезнымъ товаромъ. Карлъ, этотъ премудрый король, поступилъ при этомъ случаѣ подобно вѣчному судіи; онъ отдѣлилъ прилежныхъ, поставилъ ихъ по правую руку и говорилъ слѣдующимъ образомъ: „примите великую благодарность, дѣти мои, за то, что вы постарались по мѣрѣ Своихъ силъ, выполнить данное мною приказаніе для вашей пользы. старайтесь точно также достигнуть совершенства, и я тогда дамъ вамъ лучшіе епископства и монастыри; и вы будете всегда пользоваться большимъ почетомъ въ моихъ глазахъ“. Затѣмъ онъ обратилъ свое лицо съ выраженіемъ величайшаго неудовольствія къ стоящимъ на-лѣво, смутилъ ихъ огненнымъ взглядомъ, и скорѣе прогремѣлъ, нежели проговорилъ имъ слѣдующія слова, исполненныя страшнаго гнѣва: „вы, высокорожденные, вы, княжескія дѣти, вы смазливые и пригожіе людишки, разсчитывающіе на свое происхожденіе и свое богатство, вы, презирая мои повелѣнія и свой знатный родъ, пренебрегли науками и благополучно проводили свое время въ игрѣ, бездѣльничествѣ и пустозвонствѣ“. Послѣ такого вступленія, Карлъ поднялъ къ небу свое высокое чело и никѣмъ еще непобѣжденную десницу и громогласно произнесъ свою обыкновенную клятву: „Клянусь Богомъ небеснымъ! я немного дамъ за ваше знатное происхожденіе и красивыя личики; пусть этому удивляются другіе. Но знайте одно: если вы немедленно не вознаградите свою прежнюю лѣность удвоеннымъ стараніемъ, то вамъ нельзя ожидать отъ Карла ничего хорошаго“.

4. Одного изъ такихъ бѣдныхъ, который особенно отличался въ искусствѣ письма, онъ взялъ въ свою *капеллу*. Такъ обыкновенно называли короли франковъ своихъ придворныхъ духовныхъ по одѣянію *(cappa*, откуда *capella)* св. Мартина, которое они брали постоянно съ собою на войну для защиты себя и для побѣды надъ

---

[1]) Это—анахронизмъ: Алкуинъ только родился около 735 года, а Бэда умеръ въ 731 г. См. объ Алкуинѣ выше примѣч. къ ст. 4, а о Бэдѣ въ томѣ I, стр. 536 и 710. примѣч. къ ст. 66 и 79.

[2]) См. о немъ въ томѣ I, примѣч. къ ст. 52.

врагомъ. Однажды объявили королю Карлу о смерти какого-то епископа, и онъ, какъ мужъ, пекшійся всегда и обо всемъ, спросилъ, оставилъ ли покойный что-нибудь изъ своего имущества, или совершилъ ли какіе нибудь-подвиги, чѣмъ было бы его помянуть. Посланный отвѣчалъ на это: „Государь, ничего, кромѣ двухъ фунтовъ серебра";—при этихъ словахъ тотъ юноша вздохнулъ и, не имѣя силъ затаить въ своей груди душевное волненіе, высказался, противъ собственной воли, такъ громко, что король услышалъ: „Ну, немного накопилъ епископъ на такую длинную и далекую дорогу"! Карлъ, который любилъ всегда и все зрѣло обдумать, сначала помолчалъ, и потомъ обратился къ нему съ словами: „А увѣренъ ли ты, если бы тебѣ досталось такое епископство, что ты лучше позаботишься о той дальней дорогѣ"? Юноша жадно проглотилъ едва только выговоренныя королемъ слова, какъ неспѣлый виноградъ, попавшій въ ротъ голодному человѣку, упалъ къ его ногамъ и произнесъ: „Государь, это лежитъ въ божьей волѣ и въ твоей власти". И король ему отвѣчалъ: „Стань за этой занавѣской, которая виситъ за мною, и послушай, сколько людей будутъ оспаривать у тебя эту честь". Дѣйствительно, придворные, которые всегда спекулируютъ на несчастіе или смерть другого, едва только услышали о смерти епископа, какъ начали немедленно, завидуя другъ другу, хлопотать чрезъ приближенныхъ къ императору о пріобрѣтеніи мѣста покойнаго епископа. Но Карлъ оставался неотступно при своемъ опредѣленіи и отказалъ всѣмъ, говоря, что онъ не хочетъ нарушить слова, даннаго имъ тому юношѣ. Наконецъ, сама королева Гильдегарда (жена Карла Великаго) подослала къ королю князей имперіи, и въ заключеніе пришла къ нему лично просить епископства для одного изъ своихъ духовныхъ. Когда онъ ласково выслушалъ ея просьбу и сказалъ, что онъ не желаетъ, да и не можетъ ни въ чемъ ей отказать, но въ то же время хочетъ сдержать слово, данное имъ тому писцу; тогда она пришла въ гнѣвъ, какъ то дѣлаютъ обыкновенно всѣ жены, когда онѣ желаютъ, чтобы ихъ идеямъ и ихъ волѣ было оказано предпочтеніе предъ волею ихъ мужей; впрочемъ, она на первый разъ скрыла свой гнѣвъ, громкій ея голосъ сдѣлался плачевнымъ, и она попыталась нѣжными гримасами смягчить твердую волю короля, говоря при этомъ: „Государь мой и король, къ чему ты желаешь отдать епископство мальчику, чтобы онъ его погубилъ? Я тебя умоляю, мой добрѣйшій властитель, ты моя гордость, ты мое прибѣжище, отдай то мѣсто твоему вѣрному слугѣ, за котораго я тебя прошу". Тогда тотъ юноша, которому король приказалъ стоять за занавѣскою и слушать, какъ его будутъ просить, обхватилъ короля вмѣстѣ съ занавѣской и жалобно сталъ просить его; „Государь мой и король, стой твердо на своемъ, чтобы никто не вырвалъ изъ твоихъ рукъ власти, дарованной тебѣ Богомъ". Тогда Карлъ, этотъ непоколебимый мужъ въ правдѣ, вызвалъ юношу къ себѣ и сказалъ ему: „Получи то епископство, но позаботься хорошенько о томъ, чтобы послать на тотъ свѣтъ передъ собой и предо мной бо̀льшую дань и приготовить лучшія средства на то длинное и неизбѣжное путешествіе".

5. Въ свитѣ короля былъ какой то бѣдный, презираемый всѣми,

духовный, весьма не далекій и въ наукахъ. Но благочестивый Карлъ чувствовалъ состраданіе къ его жалкой наружности, и хотя всѣ ненавидѣли его и притѣсняли всѣми мѣрами, но король никогда не рѣшался прогнать или удалить его изъ своей свиты. Случилось, что королю дали знать, наканунѣ дня памяти св. Мартина, о смерти какого-то епископа. Король позвалъ къ себѣ одного изъ своихъ капеллановъ, у котораго не было недостатка ни въ высокомъ происхожденіи, ни въ учености, и отдалъ ему епископство. Онъ вышелъ изъ себя отъ радости, пригласилъ съ большою торжественностью въ свой домъ множество придворныхъ вмѣстѣ со многими изъ тѣхъ, которые явились изъ того епископства, и задалъ имъ великолѣпный ужинъ. Наѣвшись до сыта и напившись виномъ до пьяна, онъ не поспѣлъ явиться въ такую святую ночь на литургію. А въ то время былъ обычай, что начальникъ капеллы за день впередъ назначалъ каждому, какой припѣвъ (responsorium) онъ долженъ будетъ пѣть во время ночного бдѣнія. Тому, который почти уже держалъ епископство въ своихъ рукахъ, былъ опредѣленъ слѣдующій припѣвъ: *Господи, если я Твоему народу* [1]) и т. д. Но такъ какъ его не было въ церкви, и послѣ чтенія сначала всѣ сохраняли молчаніе, потомъ всякій толкалъ другого, чтобы запѣть припѣвъ, но всякій говорилъ, что у него есть свой, тогда императоръ сказалъ: „Пусть же наконецъ кто нибудь запоетъ!“ Въ отвѣтъ на это запѣлъ именно тотъ клерикъ, презираемый всѣми, но вдохновенный въ ту минуту свыше и поощряемый королевскимъ приглашеніемъ. Добродушный Карлъ, не вѣря, чтобы онъ могъ допѣть все до конца, далъ приказаніе поддерживать его. Когда такимъ образомъ запѣли другіе, а тотъ несчастный ни у кого не могъ разслышать стиха, вдругъ онъ затянулъ на голосъ припѣва молитву Господню (Отче нашъ) и очень хорошо запѣлъ. Его хотѣли остановить, но мудрый Карлъ пожелалъ узнать, какъ онъ доберется до конца и запретилъ мѣшать ему. Но онъ кончилъ стихъ словами: *Да пріидетъ царствіе Твое*, и другіе, хотя-не-хотя, должны были поправить его и пропѣть далѣе: *Да будетъ воля Твоя.* Заутреня окончилась; король удалился въ свои палаты и ушелъ въ опочивальню, чтобы согрѣться и нарядиться въ честь высокаго праздника. За тѣмъ онъ приказалъ позвать къ себѣ того стараго слугу, но новаго пѣвца, и спросилъ его: „Кто тебѣ назначилъ твой припѣвъ?“ Тотъ испуганный, отвѣчалъ ему: „Государь, вы приказали, чтобы кто нибудь пѣлъ“. И король—такъ обыкновенно называли императора старые люди — сказалъ ему: „Ну, хорошо“; и прибавилъ къ тому: „Но кто научилъ тебя тому стиху?“ На этотъ вопросъ онъ отвѣчалъ ему словами, которыми обыкновенно въ то время угождали и смягчали маленькіе люди людей знатныхъ, и даже просто льстили, но полагаютъ, что онъ былъ подкрѣпленъ

---

[1]) Часть той литургіи состояла въ чтеніи жизни св. Мартина, которое по временамъ прерывалось припѣвомъ, котораго первыя слова и приводитъ нашъ авторъ. Текстъ всего припѣва былъ слѣдующій: „Господи, если я Твоему народу нуженъ, то я охотно приму на себя труды для него. *Да будетъ воля Твоя!*“

помощью свыше: „Всемилостивый государь, августѣйшій король [2])! Такъ какъ я не могъ ни у кого развѣдать настоящаго стиха, то и подумалъ въ своемъ сердцѣ, если я не попаду въ тактъ, то получу нагоняй отъ вашей свѣтлости. Вотъ потому я и рѣшился запѣть то, что по принятому обычаю въ концѣ совпадаетъ съ предпослѣдними словами припѣва“. Добрый императоръ засмѣялся на это и сказалъ ему въ присутствіи своихъ князей: „Тотъ высокомѣрный дошелъ до такого безстрашія и неуваженія къ Богу и другу господню, что не хотѣлъ обуздать своихъ страстей и на одну даже ночь, чтобы придти и пропѣть припѣвъ, который, какъ я слышалъ, былъ ему предназначенъ; по божескому суду и моему приговору, онъ долженъ лишиться епископства, а ты, кому Богъ даруетъ его, и я предоставляю, позаботься о томъ, чтобы управлять епископствомъ сообразно каноническимъ и апостольскимъ предписаніямъ“.

6. Точно также, по смерти другого епископа, императоръ поставилъ на его мѣсто молодого человѣка. Когда этотъ вышелъ отъ него съ радостью чтобы пуститься въ дорогу, и служители, соотвѣтственно его епископскому званію, подвели коня къ самымъ ступенямъ лѣстницы, молодой человѣкъ оскорбился тѣмъ, что съ нимъ обращаются, какъ съ дряхлымъ старцемъ, и вспрыгнулъ на коня съ земли съ такою силою, что едва удержался, чтобы не перевалиться на другую сторону. Все это видѣлъ король въ окошко своего покоя и, приказавъ немедленно позвать его къ себѣ, сказалъ ему: „Послушай, добрый человѣкъ, ты скоръ и ловокъ, быстръ и легокъ на ногу, а какъ ты знаешь, спокойствіе нашего государства нарушается со всѣхъ сторонъ шумомъ войны. Вотъ потому мнѣ нужно имѣть такого духовнаго въ своей свитѣ; останься лучше со мною и раздѣляй мои труды, пока ты будешь съ тою же легкостью вскакивать на коня“.

7) Когда я говорилъ *о припѣвѣ* (responsorium), я совсѣмъ забылъ сказать вообще о порядкѣ церковнаго *чтенія* (lectio); объ этомъ я могу здѣсь вкратцѣ приложить. Въ церкви высокоученаго Карла никто не зналъ впередъ, что ему достанется читать, никто не смѣлъ отмѣчать конца воскомъ или дѣлать значка ногтемъ, но каждый старался изучить то, что ему слѣдовало читать, до такой степени, что, еслибы вызвали кого читать неожиданнымъ образомъ, всякій безошибочно зналъ свое дѣло. Король указывалъ пальцемъ или посохомъ, или назначалъ чрезъ кого нибудь, кого онъ посылалъ къ сидѣвшимъ близъ него, то лицо, которое должно было читать дальше, а послѣднія слова предъидущаго онъ произносилъ собственнымъ голосомъ. Всѣ смотрѣли на него такъ внимательно, что никто, при поданномъ имъ знакѣ, хотя бы чтеніе остановилось въ концѣ предложенія или въ срединѣ, не дерзалъ начать выше или ниже, какъ бы ни казалось ему безсмысленнымъ начало или конецъ чтенія. Такимъ образомъ, при дворѣ Карла всѣ отлично знали читать, даже и тѣ, которые не понимали содержанія. Ни одинъ иностранецъ, и никто изъ лицъ ему извѣстныхъ, если только не умѣлъ хорошо чи-

---

[1]) Въ подлинникѣ: Laete domine, laetifice rex!—извѣстное привѣтствіе, съ которымъ обращались древніе римляне къ императорамъ.

тать и пѣть, не осмѣливался просить короля о принятіи его въ число своихъ духовныхъ.

8. Случилось однажды императору зайти на пути въ большую церковь, и какой-то странствующій священникъ, не знавшій дисциплины Карла, примѣшался незванный къ хору; но онъ ничему подобному не учился и оставался стоять нѣмымъ и одураченнымъ среди другихъ пѣвцовъ. Регентъ поднялъ свой жезлъ и грозилъ ему, если онъ не хочетъ пѣть. Тотъ не зналъ, что ему дѣлать и куда дѣться, а выйти онъ не смѣлъ, а потому, поворачивая свою шею во всѣ стороны, сталъ разѣвать широко ротъ, чтобы по возможности ближе придать себѣ видъ поющаго человѣка. Никто не могъ удержаться отъ смѣха, но храбрый императоръ, спокойное выраженіе котораго не нарушалось и болѣе важными обстоятельствами, представился, что онъ не замѣчаетъ вынужденныя его гримасы, и въ строгомъ порядкѣ ожидалъ конца службы. Послѣ того онъ подозвалъ къ себѣ того несчастнаго, страхъ котораго все еще продолжался, и утѣшилъ его словами: „Прими, добрый человѣкъ, мою величайшую благодарность за твое пѣніе и труды“; а чтобы помочь его бѣдности, онъ приказалъ выдать ему фунтъ серебра....

9. Такимъ образомъ преславный Карлъ видѣлъ, какъ во всемъ его государствѣ науки пришли въ цвѣтущее состояніе; но все еще онъ соболѣзновалъ, что не можетъ достигнуть той высоты образованія, на которой стояло время древнихъ отцовъ церкви, и употребивъ на то усилія почти сверхъ силъ человѣческихъ, онъ воскликнулъ однажды въ отчаяніи: „О, еслибы я имѣлъ у себя хоть 12 человѣкъ такихъ свѣдѣній, какими обладали Іеронимъ и Августинъ!“ Но высокоученый Альбинъ (Алкуинъ), который совершенно справедливо считалъ себя еще большимъ невѣждой по сравненію съ ними, обнаружилъ вслѣдствіе того весьма живое неудовольствіе, хотя далъ замѣтить то слегка, и отвѣчалъ ему такъ, какъ только могъ кто нибудь изъ смертныхъ говорить грозному Карлу: „Творецъ неба и земли не имѣлъ болѣе подобныхъ тѣмъ отцамъ, а ты желаешь имѣть двѣнадцать?“.

Въ послѣдующей главѣ 10 авторъ говоритъ подробно о попыткахъ Карла В. усовершенствовать въ Галліи церковное пѣніе, чрезъ посредство учителей, присланныхъ папою, и молодыхъ людей, отправленныхъ въ Римъ для изученія того же дѣла.

11. Карлъ, столько же богобоязненный, какъ и умѣренный, имѣлъ привычку, во время постовъ, по окончаніи обѣдни и вечерни, ѣсть въ два часа, не нарушая тѣмъ правилъ поста, потому что онъ, по предписанію господню, не ѣлъ отъ одного часа до другого (т.-е. одинъ разъ въ день). Но одинъ епископъ, бывшій въ противность предостереженію того мудраго мужа (т.-е. Соломона) слишкомъ правдивымъ и слишкомъ глупымъ, началъ упрекать Карла крайне неосторожнымъ образомъ. Мудрый Карлъ скрылъ свое неудовольствіе, смиренно выслушалъ упрекъ, и отвѣчалъ: „Ты правъ, любезный епископъ; но я повелѣваю тебѣ не ѣсть ничего, пока послѣдній изъ

слугъ моего двора не кончитъ своего стола". Такимъ образомъ, пока ѣлъ Карлъ, ему прислуживали герцоги и князья, или короли чужеземныхъ народовъ. Послѣ его стола, они сами сѣли за столъ, и имъ прислуживали графы и намѣстники, или высшіе чины всякаго рода. За ними слѣдовали кавалеры, потомъ различные придворные чины, далѣе слуги, и наконецъ слуги самихъ слугъ, такъ что послѣдніе сѣли за столъ около полуночи. Благодушный Карлъ продержалъ того епископа такимъ образомъ до самаго конца поста, и потомъ сказалъ ему: «Теперь, я думаю, ты понялъ, епископъ, что я не изъ невоздержности, но по разумной причинѣ ѣмъ до вечера".

12. Другого епископа онъ просилъ однажды о благословеніи пищи, тотъ мазнулъ крестомъ по хлѣбу, да еще себѣ первому отрѣзалъ кусокъ, прежде нежели предложилъ свѣтлѣйшему Карлу. Но Карлъ ему отвѣтилъ на это: „Возьми себѣ весь хлѣбъ", и пристыдилъ его за неприличное благословеніе.

13. Карлъ съ намѣреніемъ не предоставлялъ ни одному графу болѣе видного графства для управленія, исключая тѣхъ, которые занимали границы, сосѣднія съ варварами; точно также онъ не отдавалъ ни одному епископу королевскаго аббатства или церкви, если только того не требовали особенныя обстоятельства. На вопросы своихъ совѣтниковъ и приближенныхъ о причинѣ того, онъ отвѣчалъ: „Поступая такъ, я могу при помощи того или другого имѣнія, или мызы, или маленькаго аббатства, или церкви обезпечить себѣ вѣрность такого же хорошаго или даже и лучшаго вассала, нежели иной графъ, или епископъ". Но по особеннымъ причинамъ, иныхъ онъ много одѣлялъ: такъ, наприм., Удальрика, брата великой Гильдегарды, матери королей и императоровъ. По смерти Гильдегарды, Карлъ отнялъ у него его лены, за какой-то проступокъ, и одинъ легкомысленный человѣкъ въ присутствіи такого сострадательнаго короля, воскликнулъ по этому поводу: „Вотъ, Удальрикъ и потерялъ свои лены на востокѣ, и на западѣ, потому что его сестра умерла!" Тогда Карлъ заплакалъ и немедленно возстановилъ его во всѣхъ прежнихъ почестяхъ. Впрочемъ, онъ распространялъ свою доброхотную руку и на убѣжища святыхъ, какъ-то будетъ явствовать изъ послѣдующаго.

14. Во время одного изъ походовъ Карла, на его пути лежало одно епископство, и онъ не могъ его обойти. Епископъ выражалъ желаніе принять его, какъ подобаетъ, и употребилъ съ своей стороны на то всевозможныя усилія. Но Карлъ прибылъ однажды неожиданно, и епископъ засуетился, какъ косатка, туда и сюда, приказалъ вымести не только церкви и дома, но и дворы, даже улицы, и послѣ того вышелъ къ нему на встрѣчу усталый и измученный. Благочестивый Карлъ замѣтилъ это, осмотрѣлъ все внимательнымъ глазомъ, и обратился къ епископу: „Ты отличный хозяинъ: къ моему приходу ты приказываешь все отдѣлать начисто". Тотъ задрожалъ, какъ будто бы онъ услышалъ божественный голосъ, схватилъ побѣдоносную десницу Карла, поцѣловалъ ее и, скрывая свое неудовольствіе, какъ только могъ, возразилъ королю: „Государь, такъ и слѣдуетъ, чтобы вездѣ, куда бы ты ни приходилъ, было все *очищено до*

дна [1])». Карлъ, мудрѣйшій изъ королей, понялъ настоящій смыслъ словъ и отвѣчалъ: „Я умѣю *очистить*, но я умѣю и снова *наполнить*". За тѣмъ онъ прибавилъ: „Возьми себѣ то королевское имѣніе, которое лежитъ подлѣ твоего епископства, и сохрани его для себя и своихъ преемниковъ на вѣчныя времена".

15. На томъ же пути, Карлъ неожиданно явился къ одному епископу, города котораго нельзя было избѣжать. Мяса не хотѣлъ онъ ѣсть въ тотъ день, потому что была пятница, а рыбы не могъ тотчасъ достать епископъ, по положенію самой мѣстности, и потому предложилъ отличный сыръ, пожелтѣвшій отъ жиру. Карлъ, обнаруживавшій всегда одинаковую умѣренность въ пищѣ, не хотѣлъ ставить епископа въ затруднительное положеніе и не требовалъ ничего больше; взялъ свой ножъ, отбросилъ верхнюю корку, которая ему показалась отвратительною, и началъ ѣсть бѣлую часть сыра. Епископъ же, стоявшій подлѣ него для услуги, подошелъ и сказалъ: „Зачѣмъ же ты это дѣлаешь, государь императоръ? То, что ты бросаешь, и есть именно самое лучшее". Карлъ, чуждый всякой хитрости, не предполагая потому, чтобы и другой могъ его обмануть, откусилъ частицу корки, по совѣту епископа, и проглотилъ ее, какъ кусокъ масла. Ему понравился совѣтъ епископа, и онъ сказалъ: „Ты правъ, мой любезный хозяинъ, и потому, присоединилъ онъ, не забудь посылать мнѣ въ Ахенъ ежегодно по два воза такого сыру". Епископъ испугался, считая такое порученіе невозможнымъ, и считалъ себя въ опасности потерять мѣсто и должность. «Государь, возразилъ онъ, конечно, я могу доставлять сыръ, но я не могу распознать, какой кусокъ хорошъ, какъ этотъ, и какой не хорошъ; потому я боюсь получить съ вашей стороны выговоръ". Карлъ, для котораго не было ничего такого новаго и необыкновеннаго, что могло бы остаться скрытымъ и темнымъ, отвѣчалъ епископу: „Ну, такъ ты разрѣжь каждый кругъ сыру пополамъ, и который найдешь такимъ хорошимъ, какъ этотъ, сложи вмѣстѣ и приколи деревянными шпильками, а потомъ, положи въ бочку, и отправь ко мнѣ, остальные же удержи для себя, своего духовенства и домашнихъ". Такъ это продолжалось два года, безъ всякихъ замѣчаній со стороны короля; но въ третій годъ епископъ явился самъ, чтобы лично представить сыръ, который онъ привезъ издалека съ величайшимъ трудомъ. Тогда Карлъ, исполненный чувства правды, какимъ онъ всегда былъ, сжалился надъ его заботами и трудами и подарилъ ему для его епископства превосходную мызу, какъ для него самого, такъ и для его преемниковъ, чтобы онъ самъ и его люди могли пользоваться оттуда хлѣбомъ и виномъ.

16. Разсказавъ такимъ образомъ, какъ мудрый Карлъ возвышалъ смиренныхъ, я намѣренъ изложить, какъ онъ смирялъ гордыхъ. Былъ

---

[1]) Въ словахъ: *очищено до дна*, было оскорбительное для Карла двусмысліе; эти слова выражали или то, что все должно быть *выметено*, или то, что все должно быть *спрятано*. Какъ видно, въ монастыряхъ боялись привычки Карла отбирать оттуда все, что ему нравилось, или казалось лишнимъ; справедливость того подтверждается 15 главою.

одинъ епископъ, чрезвычайно тщеславный и большой охотникъ до пріобрѣтенія пустыхъ вещей. Когда благоразумный Карлъ успѣлъ это замѣтить, онъ приказалъ одному торговцу изъ евреевъ, который часто ходилъ въ Палестину и оттуда привозилъ моремъ множество рѣдкостей и чужеземныхъ товаровъ, обмануть какимъ нибудь образомъ того епископа. Еврей поймалъ простую мышь, набальзамировалъ ее всякими специями и предложилъ епископу купить ее у него. „изъ Іудеи, говорилъ онъ, я привезъ съ собою это драгоцѣнное и невиданное животное". Тотъ чрезвычайно обрадовался и предложилъ ему за такую дорогую вещь три фунта серебра. Еврей воскликнулъ на это: „Хороша цѣна за такую дорогую вещь! Лучше я брошу ее въ самую глубину моря, нежели уступить кому нибудь за такую ничтожную и постыдную цѣну". Епископъ, человѣкъ весьма богатый и никогда ничего не дававшій бѣднымъ, обѣщалъ ему 10 фунтовъ за несравненное сокровище. Хитрый купецъ представлялся весьма недовольнымъ и сказалъ: „Да сохранитъ меня Богъ Авраама согласиться на такую потерю трудовъ и денегъ". Жадный епископъ, страстно желавшій пріобрѣсть ту драгоцѣнность, предложилъ 20 фунтовъ, но еврей съ сердцемъ завернулъ мышь въ дорогую шелковую ткань и началъ уходить. Этимъ онъ провелъ епископа—и его слѣдовало хорошенько провести—епископъ позвалъ еврея назадъ и отмѣрилъ ему полную мѣру серебра, только чтобы пріобрѣсть то сокровище. Но купецъ и при этомъ заставилъ себя сначала просить и согласился послѣ долгихъ отказовъ; полученное серебро еврей отнесъ къ императору и разсказалъ ему все, какъ было. Вскорѣ за тѣмъ король созвалъ для совѣщанія всѣхъ епископовъ и знатныхъ людей той земли, и послѣ разсужденія о многихъ важныхъ предметахъ, онъ приказалъ подать тѣ деньги и положить ихъ посреди собранія. Тогда король произнесъ: „Вы, епископы, наши отцы и попечители, вы должны были бы служить бѣднымъ, или лучше, Христу въ нихъ пребывающему, а не гоняться за пустяками. Между тѣмъ, вы во всемъ поступаете наоборотъ и предаетесь корысти и тщеславію болѣе всѣхъ другихъ смертныхъ. Посмотрите, продолжалъ онъ, сколько одинъ изъ васъ далъ за обыкновенную набальзамированную мышь". Но виновный, пойманный въ такомъ постыдномъ дѣлѣ, бросился къ его ногамъ и началъ умолять о прощеніи за свой проступокъ. Король выговорилъ ему за его глупость, по заслугамъ, и пристыженнымъ отпустилъ домой.

Въ слѣдующей 17 главѣ приводится еще одинъ примѣръ чрезмѣрнаго честолюбія какого-то епископа.]

18. Но я весьма боюсь, о, государь и императоръ Карлъ (т-е. III, Толстый, къ которому и обращается авторъ, такъ какъ весь трудъ былъ имъ составленъ по его порученію), что я, своимъ стараніемъ исполнить ваше повелѣніе, наживу себѣ враговъ во всѣхъ сословіяхъ, и особенно между епископами. Впрочемъ, объ этомъ я не много и забочусь, если только не потеряю вашего покровительства. Благочестивый императоръ Карлъ (т.-е. Великій) далъ приказаніе, чтобы всѣ епископы въ его обширномъ государствѣ или говорили

проповѣди въ главномъ соборѣ своей епископской резиденціи, въ опредѣленный имъ самимъ день, или въ противномъ случаѣ лишались своего достоинства. Но что я говорю: *достоинства!* апостолъ утверждаетъ: „Кто домогается епископскаго мѣста, тотъ домогается возможности дѣлать *добрыя дѣла*". Скажу вамъ, однако, по секрету, что на дѣлѣ при этомъ ищутъ исключительно почестей, а о добрыхъ дѣлахъ не думаютъ нисколько. Тотъ вышеупомянутый епископъ (обнаружившій чрезмѣрное честолюбіе) былъ чрезвычайно встревоженъ приказаніемъ Карла, такъ какъ онъ ни къ чему другому не былъ способенъ, какъ тратиться и великолѣпно жить. Но изъ страха потерять епископство, а вмѣстѣ съ нимъ и средства къ расточительной жизни, онъ пригласилъ на одинъ праздникъ двухъ знатныхъ придворныхъ, и, по прочтеніи евангелія, взошелъ на каѳедру, какъ будто бы съ намѣреніемъ говорить народу рѣчь. При такомъ неожиданномъ зрѣлищѣ всѣ съ удивленіемъ сбѣжались въ церковь, и вмѣстѣ съ другими явился какой-то рыжій бѣднякъ, съ колпакомъ на головѣ, потому что шляпы у него не было, а онъ стыдился цвѣта своихъ волосъ. Тогда тотъ епископъ по имени, а не на дѣлѣ—закричалъ церковному сторожу или привратнику—у древнихъ римлянъ такіе люди назывались *aedilicii*: „Приведи ко мнѣ этого человѣка въ колпакѣ, что стоитъ у дверей". Привратникъ поспѣшилъ исполнить приказаніе своего господина, схватилъ несчастнаго и началъ тащить его къ епископу. Бѣднякъ боялся тяжкаго наказанія за то, что осмѣлился стоять въ храмѣ божіемъ съ покрытою головою, и сопротивлялся изо всѣхъ силъ, какъ будто его вели къ самому строгому судьѣ. Епископъ смотрѣлъ на все это съ верху, и, то поощряя своего слугу, то ругая того несчастнаго, закричалъ, какъ проповѣдникъ, громкимъ голосомъ: „Держи его крѣпче! не дай же ему убѣжать! Хочешь, или не хочешь, а ты долженъ быть здѣсь". Наконецъ, когда тотъ, уступая силѣ или просто изъ страху, подошелъ, епископъ продолжалъ: „Подойди ближе!... еще ближе!". За тѣмъ онъ сорвалъ съ его головы колпакъ и обратился къ народу съ словами: „Посмотрите-ка, добрые люди, какіе рыжіе волоса у этого дурака!". Послѣ того онъ воротился въ алтарь и продолжалъ отправлять богослуженіе или, лучше сказать: походило на то, что онъ будто бы отправлялъ. По окончаніи обѣдни всѣ они вступили въ зало, убранное великолѣпными коврами и занавѣсами, гдѣ былъ приготовленъ дорогой столъ, уставленный золотыми, серебряными и обдѣланными въ драгоцѣнные каменья сосудами, такъ что и пресыщенный почувствовалъ бы аппетитъ. Самъ же онъ возсѣдалъ на пуховыхъ подушкахъ, покрытыхъ драгоцѣннѣйшею шелковою тканью и убранныхъ императорскимъ пурпуромъ, такъ что ему недоставало только скипетра и королевскаго титула; его окружала толпа блестящихъ кавалеровъ, и въ сравненіи съ ними оказывались ничтожными тѣ знатные при дворѣ, я хочу сказать, тѣ, которые составляютъ свиту побѣдоноснаго Карла. Послѣ удивительно богатаго стола, какой не часто встрѣчается и у королей, тѣ двое хотѣли проститься, но епископъ, чтобы представить имъ свою роскошь въ полномъ блескѣ, позвалъ искуснѣйшихъ пѣвцовъ съ музыкальными инструментами;

ихъ голосъ и звукъ инструментовъ могъ бы смягчить самое жестокое сердце и замедлить даже быстрое теченіе Рейна. Изъ напитковъ были поданы самые разнообразные сорты, изготовленные со всевозможными пряными кореньями и приправою; но чаши, перевитыя цвѣтами и обдѣланныя въ золото и каменья, отражая огненный свѣтъ, оставались не выпитыми въ ихъ рукахъ, такъ какъ желудокъ былъ переполненъ. Хлѣбопеки, мясники и повара готовили между тѣмъ, вооруженные всѣмъ своимъ искусствомъ, различныя лакомства для ихъ отягченнаго желудка, чтобы возбудить нихъ новый аппетитъ — яства были такія, какихъ и для великаго Карла никогда не приготовляли. На слѣдующее утро, когда епископъ нѣсколько проспался и опомнился, ему самому стало страшно за мотовство, которое онъ обнаружилъ наканунѣ въ присутствіи сподвижниковъ императора, и онъ призвалъ ихъ къ себѣ, одарилъ по-королевски, и заклиналъ ихъ сказать о немъ грозному Карлу только хорошее и выгодное, и вмѣстѣ увѣрить его, что онъ въ присутствіи народа говорилъ проповѣдь въ церкви. Когда они возвратились, и императоръ спросилъ: „Зачѣмъ епископъ приглашалъ ихъ, они, упавъ къ его ногамъ, сказали: „Ради вашего имени, государь, онъ оказалъ намъ почести, какихъ мы далеко не заслуживаемъ“. И къ этому прибавили; „Этотъ превосходный пастырь доказываетъ полную преданность вамъ и тѣмъ, кто окружаетъ васъ; онъ безъ всякаго сомнѣнія заслуживаетъ быть первымъ епископомъ. Если вы удостоите вѣры насъ ничтожныхъ людей, то мы клянемся, ваше высочество, что мы слышали, какъ онъ говорилъ проповѣдь во всеуслышаніе“. Но императоръ, знавшій его невѣжество, спросилъ далѣе о содержаніи проповѣди, и они, не смѣя его обманывать, разсказали ему все по порядку. Тогда Карлъ понялъ, что епископъ пытался сказать проповѣдь изъ страха, чтобы не потерять мѣста, и оставилъ за нимъ епископство, хотя онъ того и не заслуживалъ.

19. Вскорѣ послѣ того, на одномъ праздникѣ, молодой человѣкъ, родственникъ короля, пропѣлъ особенно хорошо: *аллилуйя*, и императоръ замѣтилъ тому же епископу: „Хорошо пропѣлъ нынѣшній разъ нашъ клерикъ“. Епископъ, по своей ограниченности, принялъ это за иронію, и не зная, что пѣвчій былъ въ родствѣ съ императоромъ, отвѣчалъ: „Такъ могъ бы проревѣть мужикъ на своихъ быковъ за плугомъ“. На такой безстыдный отвѣтъ императоръ возразилъ однимъ молніеноснымъ взглядомъ, такъ что тотъ уничтожился, какъ оглушенный.

20. Въ другомъ небольшомъ городкѣ находился епископъ, который еще при жизни хотѣлъ имѣть божескія почести, вмѣсто того чтобы самому молить апостоловъ и мучениковъ о ихъ предстательствѣ у Бога. Сначала онъ скрывалъ настоящій предметъ своего честолюбія и ограничивался тѣмъ, что объявилъ себя божьимъ святымъ, чтобы не внушить отвращенія и не напомнить идолопоклонства. Былъ у него вассалъ, человѣкъ пользовавшійся большимъ уваженіемъ между своими, и при этомъ весьма ловкій и дѣятельный; но епископъ не давалъ ему лена, и даже не подарилъ ни разу ласковымъ словомъ. Вассалъ не могъ придумать, за что бы взяться,

чтобы уничтожить нерасположеніе епископа къ себѣ, и наконецъ напалъ на мысль, что онъ могъ бы склонить его въ свою пользу, если бы распустилъ слухъ, что онъ сдѣлалъ чудо его именемъ. Разъ, отправляясь къ епископу, онъ взялъ съ собою на сворѣ двухъ собакъ, называемыхъ борзыми, которыя при своей быстротѣ могутъ легко ловить лисицъ и другихъ небольшихъ звѣрей, и даже схватываютъ налету перепеловъ и другихъ птицъ; дорогой онъ увидалъ лисицу, сторожившую у норы полевыхъ мышей, и спустилъ на нее собакъ. Онѣ бросились на нее со всѣхъ ногъ и схватили ее на разстояніи полета стрѣлы. Онъ пустился за ними и вырвалъ у нихъ лису живую и неповрежденную ни ихъ зубами, ни лапами, собакъ же спряталъ и съ торжествомъ отправился къ своему господину, говоря ему униженно: „Посмотри, государь, какой я, человѣкъ бѣдный, могъ достать тебѣ подарокъ". Епископъ засмѣялся немного и спросилъ его, какъ могъ онъ поймать этого звѣрька живьемъ. Тотъ подошелъ къ нему ближе, и клянясь благорасположеніемъ самого господина, что онъ не утаитъ отъ него правды, сказалъ: „Государь, я я ѣхалъ по полю и увидѣлъ невдалекѣ лисицу; тогда я, опустивъ поводья погнался за нею, но она летѣла съ такою быстротою, что я едва могъ ее видѣть. Въ эту минуту я поднялъ руку и сталъ заклинать: во имя Река (имя того епископа), моего государя, остановись и не трогайся съ мѣста. И чтожъ?! она остановилась, какъ вкопанная, пока я не взялъ ее, какъ безпомощную овцу" [1]). Тогда епископъ, возгордясь въ своемъ пустомъ тщеславіи, сказалъ предъ всѣми присутствующими: „Теперь обнаружилась моя святость, какъ день, теперь я вижу, кто я, теперь я знаю, что меня ожидаетъ еще впереди". И съ того времени епископъ оказывалъ величайшее расположеніе тому, кого онъ ненавидѣлъ до тѣхъ поръ, даже болѣе, чѣмъ всѣмъ другимъ изъ своихъ приближенныхъ.

Въ послѣдующихъ главахъ, отъ 21 до 25, авторъ дѣлаетъ большое отступленіе, въ которомъ разсказываетъ о различныхъ случаяхъ борьбы людей съ нечистымъ духомъ и соблазнахъ, которые представляются со стороны послѣдняго для погибели человѣческаго рода; примѣры заимствованы авторомъ не только изъ отечественныхъ и мѣстныхъ преданій, но и изъ преданій итальянскихъ, которыя дали ему поводъ возвратиться къ главному предмету, т.-е. къ жизни Карла Великаго, вслѣдствіе его отношеній къ папамъ.

26. Между тѣмъ какъ весь остальной родъ человѣческій приводится въ соблазнъ дьяволомъ и его служителями, при помощи ихъ различныхъ продѣлокъ, утѣшительно видѣть, какъ даже въ наше время, полное опасностей и гибели, остается непоколебимымъ слово Господа, который, награждая св. Петра за твердое исполненіе Его имени, сказалъ: „Ты—Петръ (камень), и на этомъ камнѣ созижду мою церковь, и врата адовы не одолѣютъ ея". Подобно тому, какъ между соперниками всегда свирѣпствуетъ вражда и ненависть, такъ то было искони между

---

[1]) Въ подлинникѣ стоитъ: *яйцо*, а не *овца*;, но это очевидно ошибка переписчика, тѣмъ болѣе понятная, что въ латинскомъ языкѣ оба эти слова мало различаются другъ отъ друга; *ovum* и *ovem*.

римлянами (т.-е. жителями города Рима), и они всегда возставали и даже вооружались противъ всякаго значительнаго человѣка, который, въ то или другое время, восходилъ на папскій престолъ. Вслѣдствіе того же нѣкоторые изъ нихъ, ослѣпленные ненавистью, обвинили въ смертельномъ преступленіи папу Льва, блаженной памяти, о которомъ мы упоминали выше [1]), и попытались ослѣпить его. Но по волѣ божіей они воздержались отъ того, пораженные ужасомъ подобнаго преступленія, и потому не вырвали ему глазъ, но изрѣзали лицо ножами. Левъ послалъ тайно къ императору Михаилу, въ Константинополь, своихъ довѣренныхъ, но тотъ отказалъ ему въ помощи, объявляя: «Папа имѣетъ самъ свое государство, и даже лучше нашего; потому пусть собственными силами справляется съ своими врагами". Тогда святой отецъ, по внушенію свыше, опредѣлилъ апостольскою властью вознести на новую степень славы того, кто уже на дѣлѣ былъ властителемъ и вождемъ большей части народовъ, и облечь его въ санъ императора, Цезаря и Августа; вслѣдствіе того онъ пригласилъ въ Римъ побѣдоноснаго Карла. Карлъ, всегда готовый къ походамъ и войнѣ, немедленно и безотлагательно пустился въ дорогу съ своими служителями и свитою, не зная впрочемъ о причинѣ папскаго приглашенія; такъ, глава міра отправился въ городъ, бывшій нѣкогда главою земного шара. Когда развращенный народъ узналъ о его неожиданномъ приходѣ, всѣ начали прятаться по угламъ и ямамъ, какъ засовываются птицы, при видѣ господина, который скликаетъ ихъ? Но такъ какъ отъ поисковъ и мудрости Карла нельзя нигдѣ уйти на землѣ, то они были схвачены и приведены въ оковахъ въ церковь святого Петра. Тамъ, безнаказанный отецъ Левъ взялъ евангеліе нашего Господа Іисуса Христа, возложилъ себѣ на главу и произнесъ предъ Карломъ и его витязями и въ присутствіи своихъ гонителей слѣдующую клятву: „Какъ я неповиненъ въ преступленіи, которое они возводятъ на меня ложно, такъ, въ день страшнаго суда, да предстану я съ евангеліемъ". Но между арестованными нашлись очень многіе, которые стали просить о дозволеніи доказать клятвою на гробницѣ св. Петра, что они въ томъ преступленіи противъ папы не принимали никакого участія. Но папа, знакомый съ ихъ изворотливостью, сказалъ Карлу: „Умоляю тебя побѣдоносный божій герой, не дозволяй имъ пускаться на хитрости. Они очень хорошо знаютъ, что ни одного святого нельзя такъ легко упросить о прощеніи, какъ св. Петра. Потому прикажи подъ гробами святыхъ искать кровавые слѣды, пока не окажется надпись, сдѣланная въ память трехлѣтняго младенца Панкратія. Если они поклянутся надъ тѣмъ мѣстомъ, тогда ты имъ можешь повѣрить". Все было сдѣлано, какъ потребовалъ папа. Когда большая толпа народа съ самоувѣренностью подошла къ тому мѣсту, одни повалились на полъ, а другіе, одержимые злыми духами, начали бредить. И грозный Карлъ обратился къ своимъ: „Смотрите: ни одинъ изъ нихъ не уцѣлѣлъ". Потому всѣ были схвачены и осуждены или на смерть въ различныхъ видахъ, или удалены въ

[1]) Но въ существующихъ манускриптахъ нѣтъ выше никакого разсказа о Львѣ.

ссылку. Пока Карлъ оставался тамъ нѣсколько дней для того, чтобы дать отдохнуть своему войску, апостолическій отецъ созвалъ въ Римъ, сколько могъ, народу изъ сосѣднихъ странъ, и предъ нимъ, ровно какъ въ присутствіи непобѣдимыхъ спутниковъ преславнаго Карла, провозгласилъ его, когда онъ ничего подобнаго не подозрѣвалъ, императоромъ и защитникомъ римской церкви. Отказаться отъ того онъ не могъ, потому что считалъ то божескимъ опредѣленіемъ, и принялъ новый санъ неохотно, полагая, что греки, воспаленные сильнѣйшею завистью, замыслятъ зло противъ королевства франковъ, и будутъ весьма опасаться, чтобы Карлъ, какъ въ то время говорили, не напалъ неожиданно и не покорилъ ихъ имперіи своей власти. Еще прежде приходили къ Карлу послы византійскаго короля и говорили ему отъ имени своего государя, что онъ желаетъ остаться его вѣрнымъ другомъ, и еслибы не было такъ велико разстояніе, то назвалъ бы его своимъ сыномъ и пришелъ бы помочь ему въ нуждѣ; но уже тогда мужественный Карлъ не могъ потушить въ груди пылавшее пламя и воскликнулъ: „О, еслибы между нами не было этой небольшой морской бездны! Тогда, быть можетъ, мы раздѣлили бы богатство Востока, или сообща владѣли бы имъ въ ровныхъ частяхъ“. Обыкновенно, разсказываютъ это другіе, не знающіе жалкаго положенія Африки, объ африканскихъ короляхъ. Невинность же святого папы Льва доказалъ Податель всѣхъ благъ тѣмъ, что онъ, послѣ того жестокаго увѣчья, которымъ его хотѣли наказать, получилъ еще болѣе свѣтлое зрѣніе, нежели имѣлъ прежде; только въ память такого чуда осталась удивительная черта, подобная тончайшей нити на его бѣлоснѣжномъ зрачкѣ.

Въ 27 гл. отступленіе о морѣ, отдѣляющемъ грековъ отъ франковъ, и о живущихъ около народахъ.

28. Когда воинственный Карлъ наконецъ успокоился, все же онъ не хотѣлъ оставаться празднымъ и началъ трудиться для Бога. Онъ предпринялъ именно постройку церкви въ своемъ отечествѣ, по собственному плану, которая должна была превзойти всѣ древнія зданія римлянъ, и въ короткое время увидѣлъ цѣль свою достигнутою. Для этой постройки Карлъ пригласилъ изъ-за моря отъ всѣхъ странъ художниковъ и мастеровъ всякаго рода, и поставилъ надъ ними начальникомъ одного аббата, на котораго былъ возложенъ надзоръ для лучшаго выполненія, а дурныхъ его замысловъ король не зналъ. Едва императоръ удалился куда-то, какъ аббатъ началъ за деньги освобождать каждаго, кого хотѣлъ, а тѣхъ, которые не могли откупиться, или не были освобождены своими господами, онъ притѣснялъ жесточайшимъ образомъ, подобно тому, какъ египтяне казнили тяжкими работами народъ божій, такъ что аббатъ не позволялъ отдыхать никогда, или очень мало. Когда онъ подобнымъ обманомъ накопилъ неслыханное количество золота, серебра и шелковыхъ тканей, менѣе важныя вещи развѣсилъ въ своемъ покоѣ, а драгоцѣнныя уложилъ въ коробы и сундуки, ему неожиданно объявили, что его домъ обхватило пламенемъ. Онъ спѣшитъ туда, проникаетъ чрезъ пламя въ покои, гдѣ стояли сундуки, наполненные золотомъ, и такъ какъ ему

не хотѣлось выйти съ однимъ сундукомъ, онъ схватилъ на каждое плечо по одному и поспѣшилъ къ выходу. Въ эту минуту повалилась огромная балка, обожженная огнемъ, прямо на него, и спалила земнымъ пламенемъ его тѣло, а душу его отправила въ то пламя, которое зажжено не человѣческими руками. Такъ судъ божій сторожилъ за благочестиваго Карла, когда онъ самъ, задержанный государственными дѣлами, не могъ наблюдать за работами.

Въ 29 гл. разсказанъ подобный же случай божьяго суда надъ литейщикомъ колоколовъ, обманувшимъ Карла Великаго.

30. Въ тѣ времена существовали слѣдующія распоряженія о всякаго рода постройкахъ: если гдѣ предпринималась, по императорскому указу, какая нибудь работа, постройка моста или корабля, или парома, или чистка грязной дороги, мощеніе или убивка, о всемъ подобномъ заботились графы чрезъ своихъ намѣстниковъ или чиновниковъ, когда дѣло было не важное; но отъ важныхъ построекъ, или новыхъ, не смѣлъ уклоняться ни одинъ герцогъ, ни графъ, ни епископъ, ни аббатъ. Доказательствомъ тому служатъ и теперь развалины моста въ Майнцѣ, постройка котораго была довершена общими усиліями всей Европы; но мостъ погибъ отъ коварства злонамѣренныхъ людей, которые хотѣли наживать себѣ несправедливымъ образомъ деньги отъ платы за перевозъ въ лодкахъ. Когда нужно было украсить церковь, принадлежавшую непосредственно какому нибудь королевскому помѣстью, рѣзною работой или стѣнными картинами, то такое дѣло возлагалось на ближайшихъ епископовъ или аббатовъ. Если же церковь строилась за-ново, то всѣ епископы, герцоги, графы, аббаты и другіе настоятели королевскихъ церквей, со всѣми, которые имѣли отъ короля бенефиціи должны были тщательно слѣдить за работою отъ фундамента до самой кровли. Это можно замѣтить не только на вышеупомянутой церкви божіей, но и на дворцѣ въ Ахенѣ, равно какъ и на пристройкахъ для людей всякаго рода, которыя по распоряженію мудраго Карла были расположены около дворца такъ, что онъ чрезъ рѣшетку своего терема могъ видѣть все, что не было замѣтно для входившихъ и выходившихъ оттуда. Покои для его вельможъ были помѣщены такъ высоко, что подъ ними могли укрыться отъ снѣга и дождя, отъ холода и жары не только вассалы его сподвижниковъ и ихъ слуги, но и люди всякаго рода; притомъ никто изъ нихъ не могъ утаиться отъ взоровъ проницательцаго Карла. Впрочемъ, подробное описаніе самаго зданія я, скромный монахъ, предоставляю вашимъ высокоученымъ секретарямъ, и обращусь къ разсказу о божьемъ судѣ, который совершился при постройкѣ.

Вся 32, 23 и 33 главы наполнены преданіями о божескомъ наказаніи, постигшемъ корыстолюбивыхъ строителей, въ родѣ того, которое авторъ привелъ выше, говоря о постройкѣ храма. За тѣмъ, въ заключеніе первой книги, авторъ обращается къ описанію современнаго Карлу Великому одѣянія франковъ.

34. Одѣяніе древнихъ франковъ состояло въ башмакахъ, украшенныхъ снаружи золотомъ и снабженныхъ длинными шнурами въ

три локтя, пурпуровыми перевязями около ногъ и сверху полотняные штаны того же цвѣта, но убранные красивыми нашивками. По перевязямъ и штанамъ идутъ крестообразно тѣ длинные шнурки, сзади и спереди [1]). Потомъ, рубашка изъ бѣлаго полотна и сверху перевязь для меча. Мечъ лежалъ въ ножнахъ, обтянутыхъ сначала кожей, а сверху бѣлымъ, крѣпко навощеннымъ полотномъ, для большей прочности, а посрединѣ блестящій крестикъ на погибель язычникамъ. Послѣднюю часть ихъ одѣянія составлялъ темный или голубой плащъ, четвероугольный и съ подкладкой, выкроенный такъ, чтобы могъ висѣть съ плечъ сзади и спереди до полу, а по бокамъ чуть-чуть до колѣнъ. Наконецъ, въ правой рукѣ франки носили палицу изъ прямого дерева съ узлами, равномѣрно расположенными, весьма красивую, крѣпкую и внушающую ужасъ, съ рукояткой изъ золота или серебра съ красивыми насѣчками. Я, человѣкъ тихій и подвижный не болѣе черепахи, видѣлъ въ такомъ нарядѣ — а самъ я никогда не ходилъ къ франкамъ—главу всѣхъ франковъ (авторъ говоритъ такъ о Лудовикѣ Благочестивомъ, сынѣ Карла Великаго), какъ онъ блисталъ собою въ монастырѣ св. Галла, и съ нимъ два златокудрые плода отъ его чреслъ (т.-е. два его сына), изъ которыхъ старшій (Лотарь) былъ ростомъ съ отца, младшій же (Лудовикъ Нѣмецкій) еще подросталъ на славу и защиту своего народа. Но такова уже природа человѣческаго духа: едва франки перемѣшались въ войскѣ съ галлами, какъ начали украшаться ихъ пурпуровыми военными плащами, и оставили изъ любви къ новизнѣ свой старый нарядъ, подражая въ одеждѣ галламъ. Сначала, суровый Карлъ разрѣшилъ нововведеніе, потому что ему оно казалось болѣе выгоднымъ для походовъ. Но когда онъ замѣтилъ, что фризы, злоупотребляя этимъ обстоятельствомъ, продаютъ тѣ короткіе плащи по той же цѣнѣ, какъ и прежніе большіе, тогда онъ запретилъ покупать что нибудь другое, кромѣ тѣхъ широкихъ и длинныхъ плащей, замѣтивъ при этомъ: „На что могутъ годиться эти лоскутки? въ постели я не могу ими покрываться; на лошади они не защищаютъ ни отъ дождя, ни отъ вѣтра, и если мнѣ случится отойти въ сторону, то у меня перезябнутъ ноги“.

Вторая книга.

Въ *предисловіи* (недошедшемъ до насъ) къ этому ничтожному труду, я обѣщалъ слѣдовать въ своемъ разсказѣ авторитету только трехъ мужей, заслуживающихъ довѣрія. Но восемь дней тому назадъ, лучшій изъ нихъ, *Веринбертъ*, умеръ, и сегодня, именно 30 мая, мы, осиротѣвшіе дѣти и ученики, поминаемъ его, а потому я и заключаю свою книгу (т.-е. первую), которую я писалъ со словъ этого пастыря, говоря о благочестіи государя Карла и его попеченіи о церквахъ. Слѣдующую же книгу (т.-е. вторую) о военныхъ дѣяніяхъ бран-

---

[1]) Обувь древнихъ франковъ напоминаетъ своими составными частями обувь нашихъ поселянъ: лапти съ длинными оборами—башмаки съ шнурами, перевязи—онучи; оборы крестообразно забинтовываютъ онучи и нижнюю часть штановъ.

волюбиваго Карла я изложу по разсказамъ *Адальберта*, отца того Веринберта, который, вмѣстѣ съ своимъ господиномъ Керольдомъ сдѣлалъ походъ противъ гунновъ, саксовъ и славянъ, и который въ своихъ преклонныхъ лѣтахъ воспиталъ меня, тогда еще мальчика, несмотря на мое отвращеніе къ наукѣ, и наконецъ, когда я сдѣлалъ попытки къ бѣгству, принудилъ силою обучаться.

1. Такъ какъ мнѣ приходится теперь писать по показаніямъ человѣка свѣтскаго (т.-е. необразованнаго; понятіе *свѣтскаго* человѣка было въ то время по отношенію къ наукамъ синонимомъ человѣка невѣжественнаго) и мало вращавшагося въ письменномъ дѣлѣ, то мнѣ кажется неизлишнимъ, по моей обязанности писателя, привести на память нѣчто о древнихъ временахъ. Послѣ того, какъ богоненавистникъ Юліанъ (т.-е. Апостатъ) погибъ божіимъ опредѣленіемъ въ персидской войнѣ, и отъ римской имперіи отпали не только заморскія провинціи (т.-е. Азія и Африка), но и ближайшія, какъ-то Паннонія, Норикъ, Ретія или Германія, и франки, и галлы, и когда короли галловъ или франковъ, вслѣдствіе умерщвленія св. Дезидерія, епископа вьеннскаго, и изгнанія святыхъ вселъниковъ, а именно Колумбана и Галла, начали клониться къ упадку, въ то время вторгся народъ гунновъ (т.-е. аваровъ, которыхъ принимали за прямыхъ потомковъ гунновъ временъ Аттилы). Сначала гунны производили грабежи у франковъ и аквитановъ, въ Галліи и Испаніи, а потомъ соединивъ свои силы, разнесли, подобно пожару, далеко свои опустошенія, а что успѣвало спастись, то уносили съ собою въ свой неприступный притонъ. Вотъ каковы были ихъ укрѣпленія, по словамъ вышеупомянутаго Адальберта: „Земля гунновъ, говорилъ онъ мнѣ, была опоясана девятью *кругами*". А такъ какъ я подъ кругами разумѣлъ обыкновенные плетни изъ ивняку, то и спросилъ его: „Чему же тутъ, мой учитель, удивляться?" — Онъ вовторилъ: „Она была укрѣплена девятью *заборами*". Но я подъ заборомъ представлялъ себѣ то, чѣмъ огораживаются засѣянныя поля, и снова задалъ вопросъ; тогда онъ мнѣ отвѣчалъ: „Каждый кругъ былъ такъ великъ, то-есть, обнималъ такое пространство, какъ отъ Цюриха до Констанца; стѣна была выстроена изъ дуба, бука и сосны такой толщины, что отъ одного края до другого была шириною въ 20 футовъ и столько же въ высоту; внутренняя пустота была наполнена камнями и вязкою глиною, а поверхность вала уложена толстымъ дерномъ. По краямъ насаженъ мелкій кустарникъ; его, какъ то можно часто видѣть, подрубали и разстилали по землѣ, такъ что онъ давалъ новые отростки. Внутри такой ограды были расположены мѣстечки и деревни на разстояніи человѣческаго голоса. Противъ каждой деревни были продѣланы въ той неприступной стѣнѣ узкіе ворота, чрезъ которые могли бы выходить на грабежъ не только жившіе по краямъ, но и внутри страны. Далѣе, между вторымъ кругомъ, выстроеннымъ на подобіе перваго, и третьимъ лежало пространство въ 10 нѣмецкихъ миль, равныхъ 40 итальянскимъ, и такъ далѣе до девятаго круга; но каждый слѣдующій былъ уже предъидущихъ. Отъ одной стѣны до другой шли укрѣпленія и жилища на такомъ разстояніи другъ отъ друга, что изъ каждаго можно было

услышать сигнальный рожокъ. Въ эти-то укрѣпленія стаскивали они въ теченіи 200 лѣтъ, и даже болѣе, всѣ богатства запада, и такъ какъ при этомъ готы и вандалы нарушали вообще спокойствіе, то западный міръ весь обратился въ развалины. Не смотря, однако, на на то, побѣдоносный Карлъ усмирилъ ихъ въ теченіе восьми лѣтъ до того, что отъ нихъ не осталось и малѣйшихъ слѣдовъ. На булгаровъ его рука не распространилась потому, что казалось невѣроятнымъ, чтобы они, по разрушеніи гуннскаго царства, могли причинить вредъ франкамъ. Добычу, найденную имъ въ Панноніи, Карлъ щедро раздѣлилъ между епископами и монастырями.

Во 2, 3 и 4 главахъ авторъ сообщаетъ два-три ничтожныхъ случая изъ войны Карла В. съ саксами, и затѣмъ переходитъ къ дипломатическимъ его сношеніямъ съ восточными странами.

5. При такихъ военныхъ занятіяхъ, великодушный Карлъ не упускалъ изъ виду отправлять то того, то другого, съ письмами и подарками къ отдаленнѣйшимъ государямъ, которые повсюду оказывали ему знаки почтенія. Такъ, съ самаго театра саксонской войны онъ отправилъ посла къ Константинопольскому королю, и этотъ спрашивалъ, спокойно-ли государство его сына, Карла, или оно подвергается нападеніямъ сосѣднихъ народовъ. Когда старшій изъ посольства отвѣчалъ, что оно вообще наслаждается миромъ, и только одинъ народъ, по-имени саксы, безпокоятъ границы франковъ частыми грабежами, тогда императоръ, погрязшій въ праздности и неспособный къ войнѣ, отвѣчалъ: „О, къ чему, мой сынъ, такъ много трудиться для борьбы съ ничтожнымъ непріятелемъ, безъ имени и силы?! Я дарю тебѣ этотъ народъ со всѣмъ, что ему принадлежитъ“. Посланникъ, по возвращеніи домой, разсказалъ все воинственному Карлу, и онъ, усмѣхнувшись, замѣтилъ; „Король оказалъ бы тебѣ лучшую услугу, если бы онъ тебѣ подарилъ, по крайней мѣрѣ, полотняные штаны на такую дальнюю дорогу“.

6. Я не долженъ умолчать объ умѣ того же самаго посланника, проучившаго какого-то мудреца Греціи. Случилось ему на пути въ Грецію заѣхать вмѣстѣ съ своими спутниками въ королевскій городъ; всѣ они были размѣщены по отдѣльнымъ квартирамъ, а онъ поставленъ былъ къ одному епископу, который терзалъ себя постомъ и молитвою, и измучилъ посланника почти постояннымъ голодомъ; наконецъ, весною, когда погода сдѣлалась мягче, онъ представился королю (т.-е. императору). Этотъ спросилъ его, чѣмъ онъ пользовался у епископа. Посланникъ, вздохнувъ изъ глубины души, отвѣчалъ: „Уже слишкомъ святъ вашъ епископъ, до того, что можетъ обойтись и безъ Бога“. Король возразилъ съ удивленіемъ: „Но какъ же можно быть святымъ безъ Бога?“ На это отвѣтилъ тотъ: „Въ Писаніи сказано: *Богъ есть любовь*, а этого-то и нѣтъ у епископа“. Король пригласилъ его затѣмъ къ столу и помѣстилъ между князьями. Эти послѣдніе постановили закономъ, чтобы никто, иностранецъ-ли онъ или туземецъ, не смѣлъ за королевскимъ столомъ перевернуть куска мяса или его часть на другую сторону, но долженъ ѣсть съ верху, какъ ему было подано. Посланнику подали на блюдѣ рѣчную

рыбу, облитую фаршированнымъ соусомъ; когда гость, не зная обычаевъ страны, повернулъ рыбу на другую сторону, всѣ поднялись съ мѣстъ и объявили королю: „Государь, вы обезчещены такъ, какъ не былъ ни одинъ изъ вашихъ предшественниковъ". Король вздохнулъ и сказалъ посланнику: „Я не могу защитить тебя, чтобы спасти отъ неминуемой смерти. Но проси у меня чего хочешь другого, и я тебѣ ни въ чемъ не откажу". Тотъ нѣсколько подумалъ и сказалъ такъ громко, что всѣ услышали: „Я заклинаю васъ, государь императоръ, согласиться на одну мою небольшую просьбу, какъ-то вы мнѣ и обѣщали". Король отвѣчалъ: „Требуй, чего желаешь, и получишь, но я не могу нарушить греческихъ законовъ и подарить тебѣ жизнь". Тогда посланникъ объявилъ: „Такъ какъ я долженъ умереть, то прошу тебя объ одномъ: пусть выколятъ глаза тому, кто видѣлъ, что я перевернулъ рыбу". Испуганный такимъ требованіемъ, король началъ клясться Христомъ, что онъ самъ не видалъ того, но слышалъ по словамъ другихъ. За нимъ начала оправдываться и королева: „Клянусь подательницей всякихъ радостей Богородицей, св. Маріею, я также не замѣтила того". Ей подражали и другіе князья, другъ передъ другомъ, чтобы избавиться отъ опасности: одинъ клялся небеснымъ ключеносцемъ, другой учителемъ язычниковъ, остальные ангельскими силами и всѣмъ сонмомъ святыхъ, лишь бы только страшными заклинаніями оправдать себя отъ обвиненія. Такъ провелъ тотъ умный франкъ тщеславную Элладу въ ея собственномъ домѣ, и возвратился къ себѣ съ торжествомъ живъ и здоровъ........

Въ заключеніи этой главы и въ послѣдующихъ главахъ 6—12, авторъ разсказываетъ въ томъ же родѣ исторію посольства византійскаго, персидскаго и африканскаго, примѣшиваетъ туда разсказъ о Лудовикѣ Нѣмецкомъ и о заговорѣ Пипина противъ Карла, и наконецъ возвращается къ главному предмету.

13. Около того времени, когда императоръ поднялъ въ послѣдній разъ руку на гунновъ и принудилъ другіе народы къ подчиненію своей власти, вторженіе норманновъ причинило величайшую тревогу между галлами и франками. Побѣдоносный Карлъ уже думалъ, послѣ своего возвращенія изъ похода, напасть на ихъ родину съ сухого пути, хотя это стоило бы большихъ трудовъ и было бы весьма затруднительно. Но Провидѣніе не допустило его до того, или чтобы, какъ сказано въ писаніи Израиля, тѣмъ испытать его, или чтобъ наказать насъ за наши грѣхи, всѣ его попытки остались безплодными, и чтобы объяснить однимъ примѣромъ тѣ бѣдствія, которыя постигли все войско, скажу, что при походѣ одного отдѣльнаго аббата въ одну ночь пало отъ язвы 50 паръ быковъ. Такимъ образомъ, Карлъ, мудрѣйшій изъ всѣхъ людей, чтобы не плыть противъ теченія и не сопротивляться запрету писанія, отказался отъ предпріятія. Однажды ему случилось долгое время ѣздить по своему обширному государству; въ это время, Готфридъ, король норманновъ, ободренный его отсутствіемъ, напалъ на предѣлы франковъ и избралъ страну р. Мозеля центромъ своего государства. Но въ одинъ день, когда на охотѣ онъ хотѣлъ вырвать у сокола утку, подбѣжалъ

къ нему его сынъ, мать котораго онъ убилъ, чтобы взять себѣ другую жену, и закололь его. Послѣ этого событія, какъ послѣ смерти Олоферна, никто не осмѣливался разсчитывать ни на свою храбрость, ни на свое оружіе, но искалъ спасенія въ бѣгствѣ; такимъ образомъ, земля франковъ освободилась безъ всякихъ усилій съ своей стороны, такъ что не могла, подобно неблагодарному Израилю, возгордиться предъ Богомъ. Но побѣдоносный и непобѣдимый Карлъ, хотя, конечно и воздавалъ хвалу Богу за такой праведный судъ, но тѣмъ не менѣе горько жаловался, что вслѣдствіе его отсутствія одинъ изъ норманновъ ушелъ изъ его рукъ. „О, горе! восклицалъ онъ, мнѣ не удалось видѣть, какъ христіанскій народъ отдѣлалъ бы эти собачьи головы“.

14. Однажды и случилось такъ, что Карлъ при своемъ объѣздѣ явился въ какой-то городъ нарбоннской Галліи. Когда онъ сидѣлъ за столомъ, въ гавани появились норманскіе лазутчики, высматривая добычу, но никто о нихъ не зналъ. Всѣ смотрѣли на корабли, и одни приняли ихъ за еврейскихъ, другіе за африканскихъ, а третьи за британскихъ купцовъ; но премудрый Карлъ немедленно узналъ по ихъ вооруженію и по ловкости движенія, что это не купцы, а враги, и сказалъ своимъ: „Эти корабли набиты не товаромъ, и несутъ на себѣ злѣйшихъ непріятелей“. При этихъ словахъ всѣ поспѣшили къ кораблямъ, одинъ обгоняя другого; но напрасно: едва норманны узнали, что тутъ находится *онъ*, Карлъ-Молотъ, какъ они его называли, то быстро обратились въ бѣгство, избѣгая не только оружія, но и взора преслѣдовавшихъ; они боялись, что ихъ мечи онѣмѣютъ и разлетятся на куски. Но благочестивый Карлъ, мужъ правдивый и богобоязливый, всталъ изъ-за стола и подошелъ къ окошку, которое смотрѣло на востокъ. Тутъ онъ плакалъ долгое время, и такъ какъ никто не дерзалъ заговорить съ нимъ, то онъ тогда самъ сказалъ своимъ воинственнымъ вождямъ, чтобы объяснить имъ свое поведеніе и слезы: „Знаете-ли, о мои возлюбленные, о чемъ я плакалъ? Не о томъ, говорилъ онъ, что я боюсь, чтобы эти глупцы, эти ничтожные люди, могли мнѣ быть опасны; но меня огорчаетъ то, что они при моей жизни осмѣлились коснуться этихъ береговъ; и я горюю теперь, потому что предвижу, сколько бѣдствій они причинятъ моимъ преемникамъ и ихъ подданнымъ“. Но чтобы это впредь не случалось, да спасетъ насъ отъ того покровительство Господа нашего Іисуса Христа, и да отразитъ норманновъ вашъ (т.-е. Карла Толстаго) мечъ, въ ихъ крови закаленный, въ соединеніи съ оружіемъ сына вашего брата Карломана [1]); конечно это оружіе было запятнано вашею кровью, но теперь оно заржавѣло, не въ слѣдствіе трусости, не по недостатку въ средствахъ и тѣснотѣ границъ вашего вѣрнѣйшаго Арнольда (т.-е. Арнульфа, побочнаго сына того Карломана); впрочемъ, по вашему призыву и по приказу высшей власти, оно можетъ очень легко быть отточено и отчищено, какъ бывало то прежде. Эта отрасль процвѣтетъ теперь рядомъ съ нѣж-

[1]) Карломанъ былъ отецъ Арнульфа или Арнольда, котораго тѣснилъ Карлъ Толстый, и который наконецъ свергъ его въ 887 г.

нымъ вашимъ отпрыскомъ, въ лицѣ Беннолина [1]), совершенно отдѣльно отъ плодоноснаго корня Лудовика (т.-е. Благочестиваго), единственно подъ верхомъ вашего покрова. Покамѣстъ, я вставлю въ исторіи вашего соименника кое-что о вашемъ прапрадѣдѣ Пипинѣ (т.-е. Короткомъ), чему, божеское провидѣніе будетъ милостиво къ намъ, могли бы подражать, или маленькій Карлъ или Лудовикъ (т.-е. дѣти Карла III Толстаго).

Слѣдующія главы до послѣдней изъ нихъ, 21 главы составляютъ потому большое отступленіе, въ которомъ авторъ говоритъ о правленіи Пипина Короткаго, Лудовика Нѣмецкаго, Лудовика Благочестиваго, изрѣдка упоминая о Карлѣ Великомъ; въ 21 главѣ вторая книга прерывается на половинѣ фразы; конецъ ея и вся третья книга остаются и до сихъ поръ потерянными для насъ.

Монахъ Сангалленскій.

De gestis Karoli Magni libri II. У Pertz, Monum, II, 731—763 стр.

Монахъ Сангалленскій (Monachus Sangallensis) жилъ и писалъ въ правленіе Карла III Толстаго, въ 880 годахъ. Имя его неизвѣстно; до нашего времени авторомъ сочиненія „О дѣяніяхъ Карла Великаго„ считали монаха того же монастыря Ноткера Косноязычнаго (Notkerus Balbulus) единственно на основаніи его ученой репутаціи, но Пертцъ опровергнулъ это предположеніе. О жизни автора мы знаемъ изъ его же немногихъ словъ. Сангалленскій монастырь (н. городъ St. Gall, въ швейцарскомъ кантонѣ того же имени), основанный св. Галломъ, ирландскимъ выходцемъ, въ VI вѣкѣ, былъ однимъ изъ центровъ образованности въ Карловингскую эпоху. Въ половинѣ IX вѣка монастыремъ управлялъ Веринбертъ, сынъ Адальберта, сподвижника Карла Великаго, сражавшагося съ гуннами, славянами и саксами, подъ начальствомъ Герольда, брата жены Карла Великаго, Гильдегарды. Адальбертъ удалился по смерти Карла Великаго въ монастырь Рейхенау на Констанцскомъ озерѣ и взялъ къ себѣ на воспитаніе мальчика, будущаго автора „Дѣяній Карла Великаго“. Придя въ возрастъ, авторъ поступилъ въ Сангалленскій монастырь, куда въ 883 году заѣхалъ Карлъ III Толстый и былъ такъ увлеченъ разсказами ветерановъ о подвигахъ своего прадѣда, что поручилъ автору изложить письменно все слышанное имъ. Авторъ составилъ три книги: первая посвящалась дѣламъ церкви и образованія, вторая — военнымъ предпріятіямъ, и третья—частной жизни Карла Великаго. Но предисловіе, конецъ второй книги и вся третья потеряны.

Это сочиненіе не можетъ быть разсматриваемо строго, какъ историческій источникъ, потому что авторъ не обращаетъ вниманія на хронологію и даже рѣдко называетъ по именамъ лица, о которыхъ говоритъ; но за то авторъ даетъ намъ живое понятіе о томъ, какъ представлялся Карлъ въ воображеніи ближайшаго къ нему потомства, и рисуетъ превосходную картину нравовъ своей эпохи. Потому монахъ Сангалленскій можетъ служить дополненіемъ къ труду Эгингарда, носящаго на себѣ чисто-историческій характеръ. До самыхъ крестовыхъ походовъ „Дѣянія Карла Великаго“ были любимымъ чтеніемъ средневѣковаго общества; но въ концѣ XI и въ началѣ XII в. это сочиненіе ка-

[1]) Побочный сынъ Карла Толстаго, Беннолинъ или Бернгардъ.

залось современникамъ неудовлетворительнымъ для воображенія: отдаленность времени дозволяла большій разгулъ для фантазіи, и потому нуженъ былъ новый сборникъ для ходившихъ въ народѣ легендъ о Карлѣ Великомъ. Этотъ сборникъ былъ приписанъ сподвижнику Карла Великаго Турпину, архіепископу Реймсскому († 880 г.) и сдѣлался извѣстнымъ подъ заглавіемъ: Historia de vita Karoli Magni et Rolandi ejus nepotis. Но эта исторія жизни Карла Великаго и Роланда, его племянника, не можетъ имѣть никакого значенія для IX вѣка, потому что, принадлежа къ циклу рыцарской поэзіи крестовой эпохи, она рисуетъ рыцарскіе нравы и избираетъ имя Карла Великаго и Роланда для опредѣленія ими современнаго себѣ идеала, а не того времени, которому они дѣйствительно принадлежали.

Сочиненіе монаха Сангалленскаго издано у Пертца, во второмъ томѣ его Monumenta съ критическимъ предисловіемъ. Нѣмецкій переводъ Ваттенбаха (Berl. 1850) помѣщенъ въ Geschichtschreiber d. deutsch. Vorzeit. Liefer. 10 (ц. 60 пф.). Критическая оцѣнка его у Wattenbach, Deutschlands Geschichtsquellen, стр. 111.

7.—Извлеченіе изъ поэмы:

Пѣснь о Роландѣ.

(около 1066 г.).

Чтобы дать понятіе объ отношеніи приводимаго нами эпизода, въ которомъ описывается смерть Роланда, къ цѣлому предмету поэмы, составленной не ранѣе XI вѣка на старо-французскомъ языкѣ, мы предпосылаемъ краткое изложеніе общаго ея содержанія:

Во время войны Карла Великаго съ маврами, Марсиль, правитель Сарагоссы, былъ вынужденъ просить у него мира. Король посылаетъ къ нему одного изъ своихъ приближенныхъ Ганелона, врага Роланда, который изъ мести продаетъ интересы франковъ. Сговорившись съ маврами, онъ склонилъ Карла Великаго оставить въ арріергардѣ Роланда и другихъ паладиновъ (героевъ), какъ-то, Оливье, Турпина, архіепископа реймсскаго и др., зная, что мавры въ тѣснинахъ Пиринеевъ безъ труда истребятъ небольшой отрядъ франковъ. „Горы высокія, восклицаетъ поэтъ, долины мрачныя, скалы черныя, тѣснины зловѣщія. Тяжело французамъ; на 15 миль слышны ихъ шаги, когда они приближались къ землѣ великой (т.-е. Франціи). Наконецъ, завидѣли они Гасконію, землю ихъ государя; тогда вспомнили свои феоды и свою прежнюю славу, и дѣвъ, и благородныхъ супругъ; не было человѣка, который бы не плакалъ отъ жалости. А больше всѣхъ горевалъ Карлъ, въ заботѣ о племянникѣ (Роландѣ), оставшемся въ тѣснинахъ; жаль ему стало его, и онъ не могъ воздержаться отъ слезъ“. Между тѣмъ, Марсиль съ 400,000 вассаловъ, графовъ, эмировъ, приближается къ арьергарду. Оливье, забравшись на сосну, предупреждаетъ Роланда и проситъ его затрубить, чтобы Карлъ вернулся на помощь; но Роландъ, опасаясь быть обвиненнымъ въ трусливости, не соглашается на просьбу Оливье; непріятель подходитъ ближе; Роландъ изготовляется къ бою; архіепископъ Турпинъ благословляетъ французовъ, и сраженіе началось.

Чудная битва, страшная битва [1])! Оливье и Роландъ поражаютъ твердою, сильной рукою! Архіепископъ Турпинъ сыплетъ по тысячѣ ударовъ! двѣнадцать пэровъ (pair, т.-е. равный, какъ назывались сильнѣйшіе бароны) отъ нихъ не отстаютъ; французы бьются всѣ какъ одинъ; язычники падаютъ тысячами и сотнями; кто не обратится въ бѣгство, не уйдетъ отъ смерти, хотя-не-хотя, но каждый оставитъ тамъ свою жизнь! Французы теряютъ своихъ лучшихъ юношей, которые не увидятъ больше ни своего отца, ни своихъ родственниковъ, ни Карла Великаго, который ждетъ ихъ по ту сторону горнаго прохода!

Во Франціи свирѣпствуютъ страшныя бури; съ вихремъ громъ и вѣтеръ, дождь и градъ безъ конца; молнія сверкаетъ то изрѣдка, то ударъ за ударомъ; земля колеблется; отъ церкви св. Михаила въ Парижѣ до Сана (Sens), отъ Безансона до гавани Гвитзандъ (н. Wissant, близь Булоня, въ то время важный портъ), нѣтъ зданія, у котораго не разсѣлись бы стѣны; въ полдень глубокій мракъ; только и свѣтитъ, когда разверзнется небо! Нѣтъ человѣка, который не пришелъ бы въ ужасъ! многіе говорятъ: „это свѣтопреставленіе, это наступаетъ конецъ міру". Они ошибаются: они не знаютъ того, что то была великая скорбь по случаю смерти Роланда!

Французы поражали мужественно и храбро! Язычники умирали тысячами и толпами. Изо ста тысячъ и двухъ не могло спастись! „Да, восклицаетъ Роландъ, наши люди храбры, никто во вселенной не имѣетъ лучшихъ! И въ *Дѣяніяхъ франковъ* (Gesta Francorum) написано, что нашъ императоръ обладаетъ храбрыми". Роландъ и Оливье разъѣзжаютъ по полю, чтобы воодушевить своихъ; всѣ плачутъ слезами скорби и сожалѣнія о своихъ родныхъ, которыхъ они любили всѣмъ сердцемъ.

Король Марсиль нападаетъ на нихъ съ великою силою. Онъ двигается по долинѣ съ своей безчисленной арміею, собранной имъ; онъ раздѣлилъ ее на 30 полковъ; ихъ шлемы, окаймленные щиты и кирасы горятъ золотомъ и драгоцѣнными камнями. Семь тысячъ рожковъ играютъ маршъ; великій шумъ несется по цѣлой долинѣ.

„Да, заговорилъ Роландъ, Оливье, мой товарищъ, мой другъ, насъ поклялся извести Ганелонъ; его измѣна не можетъ укрыться, императоръ жестоко отмститъ за насъ! намъ предстоитъ битва тяжкая и упорная: никогда еще не видали такого множества народу! Я буду поражать *дюрандалемъ* [2]), своимъ мечемъ, вы бейте, товарищъ, своимъ *готеклеромъ* (Hauteclaire)! Они бывали съ нами не въ одномъ добромъ дѣлѣ; мы выиграли съ ними много битвъ, о нихъ не сложатъ дурной пѣсни.

Впередъ!

Марсиль предвидитъ бѣды своему народу, и вотъ онъ приказываетъ трубить въ трубы и рога; за тѣмъ онъ трогается вмѣстѣ съ своею многочисленною арміею. Впереди гарцуетъ сарацинъ Абизмъ; это самый негодный изъ всего сброду: онъ весь запятнанъ преступленіями и низкими поступками; онъ не вѣруетъ въ Бога, Сына св.

---

[1]) Битва происходила въ 778 г.

[2]) Ср. у насъ, томъ I, сказанное въ ст. 63.

Маріи; онъ черенъ, какъ высушенная горошина; измѣна и убійство ему лучше золота цѣлой Галисіи! никто не видалъ, чтобы онъ шутилъ или смѣялся. Но онъ полонъ отваги и гордости; за то онъ и любимецъ негоднаго короля Марсиля; онъ имѣетъ на знамени дракона, вокругъ котораго строится войско. Никогда онъ не будетъ любъ архіепископу Турпину; едва лишь его тотъ завидитъ, какъ уже ищетъ нанести ему ударъ, и говоритъ про себя: „Этотъ сарацинъ, мнѣ кажется, порядочный еретикъ: хорошо бы пойти его убить; никогда я не любилъ ни подлаго, ни подлости".

Архіепископъ открываетъ битву на своемъ конѣ, который прежде принадлежалъ королю, убитому имъ въ Даніи. Конь живой и быстрый; ноги у него стройныя, лядвеи плоскія, грудь узкая, а задъ широкій, ребра продолговатыя, крестецъ высокій, хвостъ бѣлый, а грива гнѣдая, глазъ маленькій, голова вся лысая; нѣтъ такой твари, съ которой можно было бы сравнить этого коня. Архіепископъ бодро пришпориваетъ его; хочется ему не опустить случая напасть на Абизма; онъ наноситъ ему ударъ по его княжескому щиту, покрытому камнями, аметистами, топазами и блестящими карбункулами. Турпинъ поражаетъ его безпощадно; щитъ, послѣ удара, не стоилъ и денарія; копье пронзаетъ тѣло язычника насквозь и повергаетъ его мертвымъ на землю. А французы говорятъ: „Вотъ здоровый ударъ! архіепископъ хорошо подвизается на защиту креста".

Когда французы видятъ, что столько язычниковъ, и что ими покрыты поля со всѣхъ сторонъ, они просятъ Оливье и Роланда и двѣнадцать пэровъ принять ихъ подъ свою защиту. Турпинъ говоритъ имъ тогда: „Господа бароны, не питайте дурныхъ замысловъ! Именемъ Бога прошу васъ не уступайте ни пяди, чтобы добрые люди не сложили о насъ дурной пѣсни. Лучше погибнемъ въ борьбѣ! Такъ намъ указано, умремъ здѣсь! Пройдетъ еще день, и насъ не будетъ въ живыхъ; но ручаюсь вамъ за одно: вамъ открыто царствіе небесное, гдѣ вы возсядете со святыми". При этихъ словахъ французы возрадовались и всѣ закричали: *Monjoie*!

Былъ тамъ еще одинъ сарацинъ изъ Сарагоссы, владѣтель половины этого города: это—Климборинъ, человѣкъ недобрый. Онъ-то и принималъ клятву отъ графа Ганелона, поцѣловалъ его въ уста и далъ ему свой мечъ и свой карбункулъ. Онъ покроетъ стыдомъ „великую страну" (т.-е. Францію) и лишитъ императора короны. На своемъ конѣ, по имени Барбамушъ, онъ легче ястреба и ласточки; онъ пришпориваетъ коня, опускаетъ поводья и летитъ нанести ударъ Анжелье Гасконскому. Ни щитъ, ни кираса не могутъ защитить его; язычникъ пронзаетъ насквозь его тѣло остріемъ меча и повергаетъ мертвымъ на землю, крича: „Такъ и нужно ихъ поражать: бейте язычники, прорвемъ ихъ ряды!". А французы говорятъ: „Что́ за потеря для насъ этотъ герой!".

Графъ Роландъ призываетъ Оливье: „Господинъ мой и товарищъ, говоритъ онъ ему, Анжелье умеръ; у насъ не было болѣе мужественнаго всадника". Оливье ему отвѣчаетъ: „Помоги мнѣ, Боже, отмстить за него!" Онъ пришпориваетъ коня золотыми шпорами, потрясаетъ готевлеромъ, сталь котораго была облита кровью, мужественно летитъ

поразить язычника, наноситъ ударъ, и сарацинъ падаетъ. Дьяволы уносятъ его душу. Потомъ Оливье убиваетъ герцога Алфайена и сноситъ голову Эскабабизу; выбиваетъ изъ сѣдла семерыхъ арабовъ: они не будутъ больше годны для службы! „Ну, говоритъ Роландъ, мой товарищъ прогнѣвался; видно, хочетъ сравниться со мной, когда наноситъ такіе удары; за эти-то удары мы и имѣемъ почетъ у короля". Потомъ онъ кричитъ изо всей силы: „Бейте ихъ, рыцари!".

Появляется съ другой стороны язычникъ Валдабрунъ: онъ возвелъ короля Марсиля; у него на морѣ ходятъ 400 судовъ; нѣтъ матроса, который не хотѣлъ бы поступить къ нему на службу. Онъ овладѣлъ нѣкогда Іерусалимомъ при помощи измѣны, осквернилъ храмъ Соломона и убилъ патріарха предъ купелью. Онъ также принималъ клятву отъ Ганелона и далъ ему свой мечъ и 1000 монетъ. На своей лошади Грамимондѣ онъ—легче сокола, шпоритъ коня своими острыми шпорами и наноситъ ударъ герцогу Санхо; потомъ ломаетъ его щитъ, разрываетъ панцырь, пронзаетъ тѣло до рукоятки меча, и копьемъ ссаживаетъ мертвымъ изъ сѣдла: „Бейте, язычники, кричитъ онъ; мы побѣдимъ ихъ безъ труда!" А французы говорятъ: „Что́ за потеря для насъ этотъ герой!".

Вы поймете великое горе графа Роланда, когда онъ увидѣлъ Санхо бездыханнымъ. Онъ пришпориваетъ коня, быстро летитъ на врага, замахивается дюрандалемъ, болѣе чистаго золота драгоцѣннымъ, поражаетъ мужественно изъ всей силы по шлему съ золотыми насѣчками, разрубаетъ голову, кирасу и тѣло и доброе сѣдло, обдѣланное въ золото, и спину коня, и убиваетъ ихъ обоихъ. Язычники говорятъ: „Проклятый ударъ!" Роландъ отвѣчаетъ: „Я не могу любить вашихъ; вамъ предшествуетъ наглость и преступленіе!"

Случился тутъ африканецъ, пришедшій изъ Африки; это какой-то невѣрный, сынъ короля Малкуда; вся упряжь у него изъ чеканеннаго золота; на солнцѣ онъ горитъ посреди другихъ, конь его называется „Прыжокъ-безъ-слѣда" (Saut-Perdu); ни одна тварь не можетъ бѣжать быстрѣе его. Невѣрный поражаетъ Анзеиса по щиту и пронзаетъ на немъ позолоченное серебро и лазурь, прокалываетъ желѣзную сѣтку панцыря, и всаживаетъ въ его тѣло острое копье вмѣстѣ съ древкомъ. Графъ умеръ, и дни его кончились. А французы говорятъ: „Бѣдный баронъ!"

Архіепископъ Турпинъ былъ на полѣ битвы; ни одинъ изъ постриженныхъ, кто служитъ обѣдню, не имѣлъ подобной тѣлесной ловкости; онъ говоритъ язычнику: „Пусть Богъ воздастъ тебѣ это зло; ты убилъ человѣка, по которомъ сердце мое тоскуетъ!". Онъ гонитъ своего добраго коня, бьетъ по толедскому щиту и повергаетъ язычника мертвымъ на зеленый лугъ.

Выѣзжаетъ съ другой стороны язычникъ Грандонъ, сынъ Капуэла короля Каппадокіи, на конѣ Маринорѣ; конь мчится легче, чѣмъ летитъ; всадникъ опускаетъ поводья, колетъ шпорами и поражаетъ Герина изо всей силы; онъ прокладываетъ ему щитъ изъ серебра позолоченнаго, висѣвшій у него на шеѣ, проникаетъ кирасу, прокалываетъ его тѣло копьемъ съ голубымъ флагомъ, и повергаетъ мертвымъ у подножія высокой скалы. Онъ убиваетъ его товарища

Герера и Беренгара, и Гюйона изъ С. Антуаня, а потомъ поражаетъ богатаго герцога Аустора, владѣвшаго Валансомъ и Анверомъ на Ронѣ; онъ положилъ его за-мертво; язычники въ великой радости. А французы говорятъ: „Какой намъ ущербъ!"

Графъ поднимаетъ свой окровавленный мечъ; онъ понялъ, что французы отчаяваются; сердце его отъ горя надрывается. Онъ говоритъ язычнику: „Пусть Богъ воздастъ тебѣ за все это зло: ты убилъ человѣка, за котораго я заставлю тебя заплатить дорого". Онъ пришпориваетъ коня, и конь мчится изо всѣхъ силъ. Кто кому заплатитъ?! Вотъ они встрѣтились.

Грандонъ былъ мужественный и храбрый воинъ; онъ встрѣчаетъ на своемъ пути Роланда; никогда онъ его не видалъ, но узнаетъ, однако, его по гордому челу, по красотѣ его тѣла, по взгляду и осанкѣ. Не могъ онъ удержаться отъ страха; хочетъ убѣжать, но не можетъ. Графъ поражаетъ его такъ сильно, что разрубаетъ его шлемъ до самаго носа, потомъ носъ, ротъ, зубы, все туловище вмѣстѣ съ панцыремъ, и серебренное сѣдло; мечъ уходитъ еще глубоко въ спину лошади: и конь, и всадникъ, убиты безвозвратно: испанцы въ отчаяніи, а французы говорятъ: „Хорошо онъ бьетъ, нашъ защитникъ!"

Чудная битва, великая битва! французы поражаютъ своими копьями, заостренными темною сталью. На полѣ раздаются стоны; лежатъ люди убитые, раненые, облитые кровью; лежатъ другъ на другѣ, иной на спинѣ, другой лицомъ внизъ. Сарацины не могутъ дольше держаться; нехотя, должны они отступать, а французы напираютъ на нихъ всей силой.

Впередъ!

Чудная битва, битва живая! французы дерутся храбро и яростно, рубятъ руки, ноги, крестцы, и рвутъ одежды съ живымъ мясомъ; по зеленому лугу струится алая кровь. Великая страна (т.-е. Францiя), Магометъ тебя проклялъ; изъ всѣхъ народовъ твой народъ самый смѣлый! Нѣтъ сарацина, который не кричалъ бы: „Марсиль, поспѣши нашъ король, намъ нужна помощь!"

Графъ Роландъ говоритъ Оливье: „Мой государь и товарищъ, съ вашего позволенiя, архiепископъ славный всадникъ! Нѣтъ лучшаго на землѣ, ни подъ небомъ; онъ умѣетъ поражать и копьемъ, и дротикомъ". Оливье отвѣчаетъ: „Пойдемъ же ему помогать". Стычка жестокая, и битва живо идетъ; христiане рѣжутся страшно. Кто видѣлъ, какъ Роландъ и Оливье бились и сражались мечами, тотъ будетъ помнить этихъ могучихъ воиновъ. Архiепископъ поражаетъ дротикомъ. Можно сосчитать тѣхъ, кого онъ убилъ; число ихъ записано въ лѣтописяхъ; „Дѣянiя" говорятъ: больше четырехъ тысячъ.

Первыя четыре аттаки удались христiанамъ; но пятое столкновенiе было для нихъ пагубно. Всѣ французскiе всадники убиты, исключая 60, которыхъ сохранилъ Богъ, и которые дорого продадутъ себя, прежде нежели погибнутъ.

Впередъ!

Графъ Роландъ видитъ великую потерю между своими; онъ подзываетъ товарища Оливье: „Мой прекрасный и любезный товарищъ, говоритъ онъ ему, заклинаю Богомъ, который покровительствуетъ вамъ, посмотрите на этихъ воиновъ, распростертыхъ на землѣ. Мы должны оплакивать милую Францію, прекрасную, которая лишается такихъ бароновъ. О! король, нашъ другъ, зачѣмъ васъ нѣтъ съ нами? Братъ Оливье, что же намъ дѣлать? Какъ мы дадимъ ему знать о томъ?“ Оливье отвѣчаетъ: „Я не знаю, какъ его позвать; смерть лучше срама“.

Впередъ!

«А! восклицаетъ Роландъ, я затрублю въ свой *олифантъ*, и Карлъ, который проходитъ ущелья, услышитъ меня; я ручаюсь вамъ, что французы вернутся“.—„О! закричалъ Оливье, но это значитъ покрыть стыдомъ всѣхъ вашихъ родныхъ, и этотъ стыдъ не прекратится во всю ихъ жизнь. Я вамъ говорилъ прежде: трубите, но вы ничего не сдѣлали; если вы теперь сдѣлаете это, то сдѣлаете не по моему совѣту; и если вы затрубите, это не будетъ храбро; смотрите у васъ обѣ руки въ крови“.—„Это правда, говоритъ Роландъ, но я наносилъ знатные удары врагу!“

Впередъ!

„Да, восклицаетъ Роландъ: дѣло слишкомъ тяжелое; я затрублю, и король Карлъ услышитъ меня“. Оливье возражаетъ: „Это не будетъ храбро! когда я вамъ говорилъ, товарищъ, вы не удостоили послушаться меня. Если-бы король былъ здѣсь, мы не испытали бы такого пораженія. Тѣ, которые лежатъ тамъ убитыми, не должны нести на себѣ стыда“. Онъ прибавляетъ еще: „Клянусь своею бородою, если бы я могъ увидать свою милую сестру Ауду, никогда вамъ не быть бы въ ея объятіяхъ.

Впередъ!

„Но, говоритъ Роландъ, за что вы обрушаете свой гнѣвъ на меня?“ И Оливье отвѣчаетъ: „Товарищъ, въ томъ ваша вина; разсудительная храбрость не есть безуміе, и скромность лучше гордости: эти французы пали вслѣдствіе вашего неблагоразумія, да и мы никогда не послужимъ Карлу. Еслибы вы послушались меня, нашъ государь былъ бы здѣсь, мы выиграли бы дѣло, и король Марсиль былъ бы въ плѣну или убитъ. Ваша отвага, Роландъ, обратилась на насъ. Карлу Великому мы больше не слуги, а подобнаго ему человѣка не будетъ до страшнаго суда. Вы здѣсь умрете, а Франціи будетъ стыдно; сегодня вы лишаетесь ея; еще до вечера потеря будетъ великая“.

Впередъ!

Архіепископъ слышитъ ихъ споръ; онъ пришпориваетъ коня шпорами чистаго золота, подъѣзжаетъ къ нимъ и старается примирить: „Государь Роландъ и вы, государь Оливье, Богомъ заклинаю, не спорьте; дѣйствительно лучше, чтобъ король пришелъ: онъ можетъ отмстить за насъ. Эти испанцы не должны вернуться. Когда при-

дутъ наши французы, они найдутъ насъ мертвыми и изрубленными; они положутъ насъ въ гробахъ на муловъ, прольютъ слезу печали и сожалѣнія и погребутъ на монастырскомъ кладбищѣ, и ни волки, ни свиньи, ни собаки не съѣдятъ насъ". Роландъ отвѣчаетъ: „Государь, вы очень хорошо говорите".

Впередъ!

Роландъ подноситъ *олифантъ* ко рту, прикладываетъ его крѣпко къ губамъ, и трубитъ изо всей силы. Высокія горы вторятъ звуки рога. Раскатъ слышенъ на 30 льё. Карлъ слышитъ его и всѣ товарищи съ нимъ. „А!, восклицаетъ король, наши люди дерутся". Но Ганелонъ возражаетъ ему: „Если бы кто-нибудь другой сказалъ это, я счелъ бы такія слова большою ложью".

Впередъ!

Графъ Роландъ трубитъ въ свой *олифантъ* съ такимъ усиліемъ и натугой, что алая кровь потекла изъ горла, и на лбу лопнула жила. Звукъ изъ рога громогласный. Карлъ идетъ по ущельямъ и слышитъ его. Слышитъ герцогъ Нэмъ (Naimes), и французы слышатъ. „Но, говоритъ король, я слышу рогъ Роланда! Никогда не затрубилъ бы онъ безъ битвы". Ганелонъ отвѣчаетъ: „Нѣтъ тутъ никакой битвы; вы очень стары и сѣды; говоря такъ, вы походите на ребенка! Развѣ вамъ неизвѣстно высокомѣріе Роланда; удивительно, что Богъ такъ долготерпѣливъ къ нему; безъ всякаго вашего приказанія онъ овладѣлъ Неаполемъ; сарацины, находившіеся тамъ, успѣли скрыться; шесть изъ ихъ предводителей предстали предъ Роланда.... [1]); потомъ онъ приказалъ обмыть водою раны тѣхъ витязей, чтобъ не видать было крови. Изъ-за какого-нибудь зайца онъ будетъ трубить цѣлый день, и теперь тѣшится предъ своими пэрами. Во всей вселенной нѣтъ человѣка, который бы осмѣлился его образумить. Поѣдемъ же дальше; къ чему тутъ останавливаться? Великая страна еще порядочно далеко отъ насъ".

Впередъ!

У графа Роланда губы въ крови; на лбу лопнула жила; онъ трубитъ въ *олифантъ*, и ему больно и тяжело. Карлъ слышитъ его, и французы слышатъ. „О, говоритъ король, рогъ трубитъ изо всѣхъ силъ". Герцогъ Нэмъ отвѣчалъ: „Это герой изнываетъ; тамъ битва. Клянусь совѣстью, тотъ, кто отговаривалъ васъ, измѣнникъ. Примите мѣры, кликните бранный кличъ, и спѣшите на помощь къ своему благородному родственнику. Вы слышите ясно, что Роландъ пришелъ въ отчаяніе".

Императоръ приказываетъ трубить въ рога; французы спускаются съ горъ, надѣваютъ свои панцыри и шлемы, берутъ въ руки золотые мечи; у нихъ щиты и дротики огромные и здоровые, значки на копьяхъ бѣлые, голубые и красные. Всѣ бароны садятся на

---

[1]) Во всѣхъ манускриптахъ въ этомъ мѣстѣ встрѣчается пропускъ нѣсколькихъ стиховъ; изъ послѣдующаго очевидно, что Роландъ измѣною убилъ тѣхъ вождей, сдавшихся ему добровольно, въ чемъ, вѣроятно, и обвинялъ его Ганелонъ.

своихъ бѣгуновъ и пришпориваютъ ихъ; проходя по ущельямъ они говорятъ между собою: „Если мы застанемъ Роланда въ живыхъ, вмѣстѣ съ нимъ мы сдѣлаемъ славное дѣло"! Но все было тщетно! Они опоздали.

Мракъ разсѣевается; день; вооруженіе горитъ на солнцѣ; панцыри и каски отражаютъ лучи; щиты раскрашены разноцвѣтными красками, а мечи и копья со значками раззолочены. Ѣдетъ императоръ гнѣвно, а французы опечалились и призадумались. Нѣтъ никого, кто горько не плакалъ бы, всѣ тревожатся о Роландѣ. Король велитъ схватить графа Ганелона; его отвели въ обозъ, и король говоритъ Безгуну, начальнику прислуги: „Стереги его хорошенько; этотъ негодяй измѣнилъ моему дому". Безгунъ беретъ его и ставитъ при немъ сто поваровъ, и хорошихъ, и худыхъ; они вырываютъ ему бороду и усы, волосъ за волосомъ; каждый отпускаетъ ему по четыре кулака; они бьютъ его палками, накладываютъ на шею цѣпь и сковываютъ его, какъ медвѣдя. Для посрамленія, его садятъ на осла и стерегутъ, пока не потребуетъ его Карлъ.

Впередъ!

Горы высоки, мрачны, громадны, долины глубокія, быстрыя воды; трубы звучатъ и впереди, и позади; всѣ онѣ отвѣчаютъ *олифанту*. Ѣдетъ императоръ гнѣвно, а французы опечалились и призадумались; всѣ плачутъ, рыдаютъ, Бога молятъ сохранить Роланда до прибытія ихъ на поле битвы; соединившись съ нимъ, они обѣщаютъ мужественно биться. Но все тщетно; они слишкомъ опоздали; они не могутъ поспѣть во-время.

Впередъ!

Король Карлъ ѣдетъ въ сильномъ гнѣвѣ; по его панцырю стелется сѣдая его борода. Всѣ бароны Франціи шпорятъ своихъ лошадей, и каждый досадуетъ, что онъ не съ Роландомъ полководцемъ, который бьется съ испанцами; если онъ раненъ, то нѣтъ имъ надежды, чтобъ другіе спаслись! Боже! съ нимъ шестьдесятъ витязей, лучше которыхъ не было ни у одного короля, ни у одного полководца.

Впередъ!

Роландъ смотритъ на горы и сосновый лѣсъ; видитъ онъ распростертыхъ французовъ и оплакиваетъ ихъ, какъ благородный витязь: „Господа бароны, говоритъ, да будетъ къ вамъ Богъ милосердъ, да вмѣститъ онъ всѣ ваши души въ раю, гдѣ онѣ опочатъ среди цвѣтовъ святыхъ. Никогда не видалъ я лучшихъ воиновъ; издавна вы помогали мнѣ завоевывать Карлу пространныя государства! Для какой жестокой кончины вскормилъ васъ императоръ! Французская земля, прелестная страна, вы овдовѣли сегодня со смертью храбрѣйшихъ воиновъ! Французскіе бароны, вы погибли моею виной! Я не могу васъ спасти; да поможетъ вамъ Богъ, который никогда не обманывалъ! Оливье, братъ мой, я не посрамлю васъ: я умру съ горя, если не найду здѣсь смерти! Государь и товарищъ, вернемся на бой!"

Графъ Роландъ появляется снова среди битвы, размахиваетъ *дюрандалемъ* и храбро поражаетъ; онъ разрѣзываетъ на-двое Фодрона изъ Пина и 24 сарацина, вооруженныхъ наилучшимъ образомъ; никогда еще человѣкъ не защищался лучше. Какъ олень бѣжитъ предъ собаками, такъ предъ Роландомъ несутся язычники, а архіепископъ говоритъ: „Вы работаете добропорядочно! Такую силу и долженъ имѣть хорошо вооруженный витязь на добромъ конѣ; онъ долженъ быть мужественъ и гордъ во время боя, или иначе онъ не стоитъ четырехъ солидовъ: пусть такой лучше монахомъ въ одномъ изъ монастырей молится ежедневно о нашихъ грѣхахъ“. Роландъ отвѣчаетъ: „Бейте, никому пощады“! При этихъ словахъ, французы возобновляютъ бой; велика потеря между христіанами. Французы знаютъ, что въ такой битвѣ не будетъ спасенія; а потому они защищаются, какъ гордые львы.

Вотъ Марсиль; онъ на своемъ конѣ имѣетъ видъ благороднаго воина; конь его зовется Геньонъ; онъ пришпориваетъ его и устремляетъ на Бёва, владѣтели Боня (Beaune) и Дижона; съ перваго удара пробиваетъ ему щитъ, панцырь, и опрокидываетъ мертвымъ, безъ раны. Потомъ онъ убиваетъ Ивоара и Ивона, а вмѣстѣ съ ними и Герара Русилльонскаго. Графъ Роландъ, случившійся неподалеку, говоритъ язычнику: „Да поразитъ тебя Богъ за то, что ты убилъ моихъ сподвижниковъ! Ты не уйдешь, не расплатившись со мною, и узнаешь, какъ зовутъ мой мечъ“. Затѣмъ онъ устремляется на него, какъ на благороднаго воина, отрубаетъ ему кисть правой руки, потомъ срѣзываетъ голову Журфалею, бѣлокурому сыну короля Марсиля. Язычники вопятъ: „Помоги намъ, Магометъ, нашъ богъ, отмсти за насъ Карлу! Онъ послалъ насъ въ эту страну невѣрныхъ, которые не побѣгутъ, ни даже для спасенія жизни“. Говорятъ они другъ другу: „О, будемъ спасаться“! При этихъ словахъ, спасаются сто тысячъ; зови ихъ сколько хочешь, они не вернутся.

Впередъ!

Но все тщетно. Хотя Марсиль убѣжалъ, за то остался его дядя, Марганисъ, владѣющій за своего брата Карѳагеномъ и Эѳіопіею, проклятою землей; черные, которыми онъ повелѣваетъ, съ большими носами и широкими ушами; ихъ больше 50 тысячъ; они тщеславно и яростно наскакиваютъ, крича кликъ языческій. „Да, говоритъ Роландъ, насъ ждетъ здѣсь мученичество, и я знаю, что намъ недолго жить; но, да будетъ тотъ трусъ, кто дешево продастъ свою жизнь; бейте, господа, вашими блестящими мечами и оспаривайте свою жизнь и свою смерть; да не постыдится насъ прекрасная Франція! Когда придетъ Карлъ на это побоище, онъ увидитъ, какъ мы бились съ язычниками и найдетъ 15 ихъ тѣлъ на наше одно; онъ только благословитъ насъ за то“.

Впередъ!

Когда Роландъ завидѣлъ этотъ проклятый народъ чернѣе чернилъ, одни только зубы и бѣлы: „Да, говоритъ графъ, я увѣренъ, что мы навѣрное сегодня погибнемъ; бейте, французы, я вамъ со-

вѣтую то“. А Оливье прибавляетъ: „Горе тому, кто останется позади всѣхъ“! При этихъ словахъ французы возобновляютъ дѣло.

Впередъ!

Когда язычники увидѣли, что французовъ убываетъ, они ободрились духомъ и возгордились; молвятъ они: „Неправъ императоръ“. Морганисъ на гнѣдомъ конѣ, вонзая въ него золотыя шпоры, поражаетъ Оливье сзади, посреди спины, прорываетъ его бѣлый панцырь и всаживаетъ ему въ грудь копье, со словами: „Вамъ достался хорошій ударъ! Вы недовольны тѣмъ, что Карлъ Великій оставилъ васъ въ проходахъ! Если онъ и сдѣлалъ намъ зло, такъ не будетъ тѣмъ хвастаться, потому что на васъ одномъ я хорошо отмстилъ за всѣхъ нашихъ“! Оливье чувствуетъ, что онъ пораженъ на смерть; онъ все еще держитъ свой *готеклеръ* изъ темной стали; имъ поражаетъ онъ въ золотой шлемъ Марганиса; сбиваетъ съ него цвѣты и кристаллы, раскалываетъ голову до зубовъ, и новымъ размахомъ повергаетъ его мертвымъ, со словами: „Будь ты проклятъ, язычникъ! Я знаю, что Карлъ также теряетъ при этомъ, но ты не воротишься разсказывать своей женѣ, ни кому другому въ томъ королевствѣ, изъ котораго ты пришелъ, и хвастаться, что ты меня убилъ за денарій; больше ты не сдѣлаешь зла ни мнѣ, ни другимъ“. Затѣмъ онъ зоветъ Роланда на помощь.

Впередъ!

Оливье чувствуетъ, что онъ раненъ смертельно; ему не предстоитъ другого случая отмстить за себя; и онъ бросается въ самую схватку, и бьетъ храбро, ломая копья, щиты, руки и ноги, сѣдла и бока. Кто видѣлъ, какъ онъ крошилъ сарацинъ и клалъ одинъ трупъ на другой, тотъ не забудетъ добраго витязя. Оливье помнитъ кличъ Карла Великаго: онъ звучно и громко кричитъ: Monjoie! и взываетъ къ Роланду, своему другу и пэру: „Государь и товарищъ, говоритъ онъ ему, подойдите ко мнѣ; къ нашему великому горю, намъ предстоитъ сегодня разлука“.

Впередъ!

Роландъ смотритъ Оливье въ лицо; поблѣднѣло оно, потускло, поблекло. Алая кровь течетъ по всему его тѣлу и скатывается на землю ручейками. „Боже, говоритъ графъ, что-же теперь дѣлать! государь и товарищъ, несчастливъ ты при всемъ твоемъ благородствѣ; никогда никто не замѣнитъ тебя! О, прекрасная Франція, ты лишишься сегодня добрыхъ витязей, смѣшаешься и отощаешь. Велика будетъ жалость императора“. Съ этими словали онъ обмираетъ на своемъ конѣ.

Впередъ!

Роландъ обмеръ, сидя на своемъ конѣ; а Оливье раненъ смертельно, до того истекъ кровью, что у него помутилось въ глазахъ; ни вблизи, ни издалека, онъ не можетъ видѣть такъ, чтобы узнать кого-нибудь; встрѣтивъ своего сподвижника, онъ поражаетъ его по раззолоченной каскѣ и раскалываетъ ее до носу, но не тронувъ го-

ловы. При этомъ ударѣ, Роландъ взглядываетъ на него и говоритъ ему дружески и кротко: „Государь и товарищъ, неужели вы сдѣлали это нарочно? предъ вами Роландъ, тотъ Роландъ, который васъ такъ любитъ! вы не можете никакъ во мнѣ сомнѣваться.“ — „Я слышу вашъ голосъ, отвѣчаетъ Оливье, но не вижу. Да поможетъ вамъ Богъ! я ударилъ васъ! простите меня“! Роландъ возражаетъ: „Я не раненъ и прощаю вамъ здѣсь и предъ Богомъ“. При этихъ словахъ, они склоняются другъ къ другу; посреди объятій смерть разлучаетъ ихъ.

Оливье чувствуетъ, что конецъ пришелъ; оба глаза закатываются, онъ теряетъ зрѣніе и слухъ, сходитъ съ лошади и ложится на землю; громкимъ голосомъ кается въ грѣхахъ, всплеснувъ руками, протягиваетъ ихъ къ небу, и молитъ Бога, чтобы онъ удѣлилъ ему рай и благословилъ Карла и Францію и, прежде всѣхъ смертныхъ, Роланда. Сердце у него падаетъ, шлемъ склоняется на грудь, и онъ вытягивается во всю длину на землѣ. Умеръ, герой, ничего отъ него не осталось. Храбрый Роландъ плачетъ и стонетъ; никогда на землѣ вы не услышите человѣка, болѣе удрученнаго горемъ.

Когда Роландъ видитъ своего друга скончавшимся и ницъ распростертымъ на землѣ, онъ начинаетъ съ кротостью выражать свое горе: „Государь и товарищъ, вы были отважны на свою погибель! Мы прожили столько годовъ и дней вмѣстѣ, и никогда ты мнѣ не сдѣлалъ зла, ни я не оскорбилъ тебя! Теперь, когда ты умеръ, мнѣ больно оставаться въ-живыхъ!“ При этихъ словахъ Роландъ теряетъ чувства, сидя на своемъ конѣ Велльантифѣ (Veillantif); но онъ укрѣпилъ себя въ золотыхъ стременахъ и потому не могъ упасть, въ какую бы сторону ни наклонился.

Прежде нежели Роландъ пришелъ въ себя и совершенно очнулся, ему представилось страшное зрѣлище: французы всѣ легли мертвыми, онъ ихъ всѣхъ потерялъ, кромѣ архіепископа и Готье изъ Люза (de Luz), который спускался съ горъ, гдѣ онъ ратоборствовалъ съ испанцами; всѣ его люди убиты побѣдоносными язычниками; хотя-не-хотя, онъ бѣжитъ съ того возвышенія и требуетъ помощи Роланда: „О, благородный графъ, доблестный мужъ, гдѣ ты? Подлѣ тебя я безстрашенъ! Это я, Готье, побѣдитель Маельгута, племянника Дроона, сѣдовласаго старца; за свою храбрость я всегда былъ твоимъ любимцемъ! мой клинокъ сломался, мой щитъ пробитъ, мой панцырь разорванъ! Дротикъ пронзилъ мое тѣло, я умру, но дорого продамъ свою жизнь“! Роландъ услышалъ его; онъ шпоритъ коня и подъѣзжаетъ къ нему.

Впередъ!

Роландъ былъ опасенъ въ своемъ отчаяніи; онъ бросается въ схватку и начинаетъ снова осыпать врага ударами; онъ убиваетъ двадцать сарацинъ, Готье шесть, а архіепископъ пять. А язычники говорятъ: „О, жестокіе люди! смотрите, господа, чтобы они не ушли отъ насъ живыми; трусъ будетъ тотъ кто дастъ имъ спастись“. Тогда они начинаютъ ревѣть, кричать, и со всѣхъ сторонъ нападаютъ на нихъ.

Впередъ!

Графъ Роландъ—знатный воинъ, Готье—добрый витязь, и архіепископъ—испытанный герой. Никто не хочетъ ничего предоставлять другому; они бьютъ язычниковъ въ схваткѣ. Является еще 1000 сарацинъ пѣшихъ и 40 тысячъ конныхъ, но, повѣрьте мнѣ, они не смѣютъ приблизиться. Они бросаютъ въ нихъ издалека свои дротики, копья, мечи и стрѣлы. Съ первыхъ ударовъ они убиваютъ Готье; у Турпина Реймсскаго щитъ пробитъ и сломанъ шлемъ; они ранили его въ голову и разорвали кольчугу; въ тѣлѣ у него четыре дротика; лошадь его убита подъ нимъ. Это великое несчастіе, что архіепископъ упалъ.

Впередъ!

Турпинъ Реймсскій, почувствовавъ себя сбитымъ и раненымъ четырьмя дротиками, бодро поднимается; храбрый ищетъ, гдѣ Роландъ, потомъ бѣжитъ къ нему и говоритъ одно слово: „Я не побѣжденъ! добрый воинъ никогда не сдается живымъ!“ Онъ извлекаетъ *альмасъ*, свой мечъ темной стали, и въ схваткѣ сыплетъ тысячу ударовъ и больше. Карлъ говорилъ послѣ, что онъ никого не щадилъ, и около него было найдено 400 труповъ, одни израненные, другіе перерубленные пополамъ, а иные безъ головы.

Графъ Роландъ бьется благородно, а по тѣлу его струится потъ отъ жары; голова у него болитъ и ломитъ, потому что онъ разорвалъ себѣ жилу на лбу, трубя въ *олифантъ*. Между тѣмъ, онъ хочетъ знать, придетъ-ли Карлъ; онъ беретъ рогъ, но звукъ раздался слабо. Императоръ останавливается и слушаетъ: „Господа, говоритъ онъ, наши дѣла идутъ худо; мы лишимся сегодня нашего племянника Роланда; я слышу по звуку трубы, что онъ не проживетъ долго. Кто хочетъ поспѣть, пусть скачетъ скорѣе! трубите въ рога, во всѣ, сколько ихъ есть въ войскѣ!“ Шестьдесятъ тысячъ роговъ протрубили такъ, что горы и долины завторили имъ. Язычники слышатъ и не радуются тому. Они говорятъ другъ другу: „Намъ придется еще имѣть дѣло съ Карломъ!“

Впередъ!

И язычники говорятъ: „Идетъ императоръ! слышите звуки французскихъ роговъ? Если явится Карлъ, Боже, какое жестокое намъ будетъ пораженіе! Мы потеряемъ при этомъ нашу землю Испанію. Если Роландъ уцѣлѣетъ, война возобновится“! Тогда они собираются въ числѣ 400, покрытыхъ шлемами, лучшихъ воиновъ изъ всей арміи; страшно аттакуютъ они Роланда; было въ тотъ часъ графу довольно работы окрестъ себя.

Впередъ!

Графъ Роландъ, при ихъ приближеніи, показалъ себя еще болѣе храбрымъ, мужественнымъ и неустрашимымъ; не взять имъ его живьемъ. Верхомъ на конѣ *Велльантифѣ*, вонзая въ него шпоры чистѣйшаго золота, онъ въ сопровожденіи архіепископа Турпина, начинаетъ съ ними со всѣми схватку. И говоритъ одинъ другому:

„Такъ, такъ, бейте, мой другъ! мы слышали рога французовъ; приближается Карлъ, могучій король.“

Графъ Роландъ никогда не любитъ ни трусовъ, ни хвастуновъ, ни злыхъ людей, ни витязей, которыхъ нельзя было бы назвать добрыми воинами; и говоритъ онъ Турпину: „Государь мой, вы пѣшій, а я на конѣ; я сойду съ коня изъ любви къ вамъ; мы раздѣлимъ пополамъ и горе, и радость: я не промѣняю васъ ни на одного смертнаго; отдадимъ язычникамъ ударъ за ударъ. Никакой мечъ не бьетъ, какъ *дюрандаль!*“ А архіепископъ ему въ отвѣтъ: „Трусъ тотъ, кто не умѣетъ бить! Карлъ придетъ и отомститъ за насъ.“

Язычники восклицаютъ: „Горе намъ! въ злополучный день мы явились сюда; мы потеряли многихъ изъ своихъ вельможъ и своихъ пэровъ, Карлъ грозный наступаетъ съ огромной арміей! до насъ долетаютъ громкіе звуки французскихъ роговъ и далекое эхо ихъ клича: *Monjoie!* У графа Роланда такая великая сила, что ни одинъ человѣкъ во плоти не побѣдитъ его. Закидаемъ его чѣмъ-ни-попало, пусть онъ останется на мѣстѣ“. И они мечутъ вила, дротики, копья и пернатыя стрѣлы. Щитъ Роланда пробитъ и изломанъ; кольчуга разорвана, но до тѣла не дошла. Однако, *Велльантифъ*, проколотый въ двадцати мѣстахъ, падаетъ мертвымъ подъ графомъ. Затѣмъ язычники спасаются и оставляютъ Роланда на мѣстѣ схватки; но онъ сбитъ съ коня.

Впередъ!

Бѣгутъ злобные и разъяренные язычники, скачутъ по направленію къ Испаніи. Графъ Роландъ не можетъ ихъ преслѣдовать: онъ потерялъ своего коня Велльантифа; хочешь-не-хочешь, а нужно спѣшиться. Спѣшитъ онъ на помощь къ архіепископу Турпину; снимаетъ съ его головы золотой шлемъ и легкій, бѣлый панцырь; разрываетъ тунику и кусками ея перевязываетъ широкія раны; потомъ прижимаетъ его къ своей груди, кладетъ потихоньку на зеленую траву и съ глубокимъ смиреніемъ молитъ его: „О, благородный мужъ, дайте мнѣ съ вами проститься; наши возлюбленные сподвижники пали; но мы не должны забывать ихъ! Я пойду ихъ отыскивать и положу передъ вами.“ И архіепископъ говоритъ: „идите и возвращайтесь; слава Богу, поле сраженія остается за вами и за мной“!

Роландъ удаляется и ходитъ одинъ по полю битвы; онъ ищетъ въ долинахъ, и находитъ Герера и Герина, своего сподвижника; онъ находитъ также Беренгара и Оттона, Анзеиса, Санхо и Герара, руссильонскаго старца. Роландъ беретъ каждаго по-одиночкѣ, приноситъ къ архіепископу, и кладетъ ихъ трупы въ рядъ у его ногъ. Архіепископъ не можетъ удержаться отъ слезъ, поднимаетъ руку, даетъ благословеніе и говоритъ затѣмъ: „Васъ, господа, постигло горе, душа ваша въ рукахъ преславнаго Бога! да помѣститъ Онъ васъ въ раю среди святого цвѣтника! Смерть моя исполняетъ меня ужаса: я не увижу больше могучаго императора.“

Роландъ возвращается и идетъ снова обыскивать поле сраженія; найдя своего сподвижника Оливье, онъ крѣпко прижимаетъ его къ сердцу и, какъ только можетъ, возвращается съ трупомъ къ архі-

епископу: онъ кладетъ трупъ на щитъ рядомъ съ другими, и архіепископъ благословляетъ ихъ и разрѣшаетъ. Тогда развертывается вполнѣ горе, и сердцемъ овладѣваетъ жалость. „А, восклицаетъ Роландъ, прекрасный мой сподвижникъ, Оливье, вы были сыномъ могущественнаго герцога Ренье, который владѣлъ всею Маркою (т. е. пограничнымъ графствомъ) до вала Рунера; нужно-ли было сломить копье, разбить въ куски щитъ, побѣдить и укротить дерзость, дать добрый совѣтъ честному человѣку, на это не было витязя лучшаго васъ."

Графъ Роландъ, видя мертвыми своихъ пэровъ и Оливье, котораго онъ любилъ, сколько могъ, почувствовалъ себя взволнованнымъ, началъ плакать и лице его исказилось, имъ овладѣло такое горе, больше котораго уже и не можетъ быть; невольно падаетъ онъ на землю въ обморокъ; а архіепископъ говоритъ: „Вы, витязь, довольно несчастны."

Увидѣвъ Роланда безъ чувствъ, архіепископъ былъ пораженъ такимъ горемъ, какого онъ не испытывалъ во всю жизнь; онъ протянулъ руку и взялъ *олифантъ*. По долинѣ Ронсевальской протекаетъ ручеекъ; Турпинъ хочетъ пойти къ нему, чтобы принести воды Роланду; идетъ онъ медленно, весь качается; слабъ; не можетъ идти, силы нѣтъ, много истрачено крови, не прошелъ онъ и десятины, какъ сердце у него захватило, и онъ упалъ ницъ въ предсмертныхъ страданіяхъ.

Графъ Роландъ приходитъ въ себя; становится на ноги, но онъ въ большомъ горѣ! Онъ смотритъ вверхъ, онъ смотритъ внизъ, онъ видитъ, на зеленой муравѣ, кромѣ его сподвижниковъ, лежитъ благородный баронъ, а именно архіепископъ, котораго Господь поставилъ на землѣ отъ своего имени; графъ исповѣдуетъ свои грѣхи, поднимаетъ глаза, протягиваетъ руки къ небу и молитъ Бога о помѣщеніи Турпина въ раю. Турпинъ умеръ, добрый воинъ Карла; онъ былъ во всѣ времена твердый ревнитель въ борьбѣ съ язычниками и своими подвигами, и своими прекрасными рѣчами. Да ниспошлетъ ему Богъ свое благословеніе.

Графъ Роландъ видитъ архіепископа распростертымъ на землѣ; изъ его тѣла вывалились внутренности, изъ головы вытекъ мозгъ. Роландъ скрещиваетъ ему на груди его бѣлыя, нѣжныя руки, и причитываетъ надъ нимъ, по обычаю своей страны: „О, благородный мужъ, витязь честнаго дома, я поручаю тебя въ этотъ день преславному Отцу небесному; ни одинъ человѣкъ не будетъ лучшимъ служителемъ; со времени апостоловъ не было подобнаго пророка для поддержанія закона и овладѣнія душами. Да не испытаетъ мукъ ваша душа, и да будутъ ей отверсты двери рая.

Роландъ чувствуетъ приближеніе своей смерти; изъ его ушей вытекаетъ мозгъ; онъ молитъ Бога за своихъ пэровъ и поручаетъ самого себя архангелу Гавріилу. Беретъ самъ *олифантъ*, а другою рукою овладѣваетъ своимъ мечемъ, *дюрандалемъ*. Но стрѣлы онъ не могъ пустить изъ арбалета. Идетъ онъ всторону Испаніи, идетъ по нивѣ, всходитъ на пригорокъ. Подъ прекраснымъ деревомъ стоятъ четыре мраморные уступа; падаетъ тамъ Роландъ лицомъ на зе-

леную мураву и теряетъ чувства, потому что смерть къ нему приближается.

Стоятъ высокія горы, а на нихъ растетъ высокій лѣсъ. Есть тамъ четыре уступа изъ блестящаго мрамора. На зеленой муравѣ лежитъ Роландъ въ забытьи. Сарацинъ слѣдилъ за нимъ и подкарауливалъ его, прикинувшись мертвымъ среди другихъ труповъ, съ лицомъ и тѣломъ, покрытыми кровью. Онъ вскакиваетъ и торопится бѣжать. Храбръ и силенъ сарацинъ!

Въ своей самоувѣренности и смертельной ярости, онъ схватилъ Роланда за тѣло и оружіе, сказавъ; „Побѣжденъ племянникъ Карла; этотъ мечъ я отнесу въ Аравію!" Онъ тащитъ мечъ, но Роландъ чувствуетъ, въ чемъ дѣло. Онъ замѣчаетъ, что у него берутъ мечъ, открываетъ глаза и говоритъ язычнику: „Клянусь моею совѣстью, ты не изъ числа нашихъ". Онъ беретъ *олифантъ*, котораго ему не хотѣлось бы лишиться; поражаетъ язычника по каскѣ позолоченной, проламываетъ сталь, голову и кость; выпускаетъ ему глаза изъ головы, кладетъ его мертвымъ къ своимъ ногамъ, и послѣ того говоритъ ему: „Негодяй, какъ ты могъ быть до того безстрашнымъ, чтобы дотронуться до меня, имѣлъ-ли бы ты на то право, или нѣтъ; нѣтъ человѣка, который не призналъ бы тебя безумнымъ! Я отломалъ толстый конецъ у своего *олифанта*; съ него свалилось золото и кристалъ!"

Роландъ чувствуетъ, что онъ больше ничего не видитъ; онъ приподнимается, собирается съ силами; но на лицѣ его пропала вся краска. Передъ нимъ черная скала; съ досады онъ наноситъ ей 10 ударовъ; сталь звенитъ, но не ломится и не притупляется. „О, восклицаетъ графъ, святая Марія, помоги мнѣ! мой добрый *дюрандаль*, вы несчастны! хотя мнѣ больше нечего дѣлать съ вами, но вы мнѣ, какъ всегда, дороги! Сколько битвъ я выигралъ съ вами! сколько покорилъ великихъ странъ, въ которыхъ теперь царствуетъ сѣдобородый Карлъ! Да не владѣетъ вами никто, кто будетъ искать спасенія въ бѣгствѣ! Вы были долго въ рукахъ добраго воина; никогда не увидитъ ему подобнаго Франція, свободная Франція!"

Роландъ бьетъ по уступамъ мраморнымъ; сталь звенитъ, но не ломится и не притупляется. Когда онъ видитъ, что нельзя отъ него отломить ни кусочка, онъ начинаетъ про себя оплакивать свой мечъ: „О, мой *дюрандаль*, какъ ты свѣтелъ и ясенъ, какъ ты горишь и играешь на солнцѣ! Карлъ былъ въ долинахъ Морены, когда Богъ съ высоты неба возвѣстилъ ему чрезъ ангела, чтобы онъ тебя отдалъ первому графу. И благородный, великій король меня имъ подпоясалъ. Имъ-то я завоевалъ ему Нормандію и Бретань, я завоевалъ ему Пуату и Мень, я завоевалъ ему Провансъ, Аквитанію, Ломбардію и Романію; я завоевалъ ему Баварію и всю Фландрію; Аллеманію, Польшу, Константинополь и Саксонію я подчинилъ его волѣ; я завоевалъ ему Шотландію, Валлисъ, Ирландію и Англію, въ которой онъ любилъ оставаться; имъ же я завоевалъ всѣ страны и земли, которыми владѣетъ сѣдобородый Карлъ. Объ этомъ-то мечѣ я тоскую и тревожусь. Пусть лучше умру я, лишь бы онъ не достался язычникамъ! Да не посрамитъ Богъ—Отецъ Франціи"!

Бьетъ Роландъ по сѣрой скалѣ, и раскалываетъ ее такъ, что я

не умѣю вамъ и сказать [1]). Мечъ звенитъ, но не гнется и не ломится; полетѣлъ только къ небу. Когда графъ увидѣлъ, что ему не сломать его, онъ началъ про-себя его оплакивать: „О, *дюрандаль*, какъ ты прекрасенъ и непороченъ! Сколько мощей въ твоей рукояткѣ позолоченной: зубъ св. Петра, и кровь св. Бааля, и волоса господина св. Діонисія, и часть одежды св. Маріи! Было бы несправедливо, если бы тобою овладѣли язычники; вамъ должны служить христіане. Да не достанетесь вы въ руки труса! Съ вами я завоевалъ много великихъ странъ, которыми владѣетъ Карлъ сѣдобородый, и которыми онъ силенъ и богатъ!“

Но Роландъ чувствуетъ, что смерть имъ овладѣваетъ, и съ головы спускается къ сердцу. Онъ спѣшитъ подъ сосну, ложится ницъ на зеленой муравѣ; кладетъ на себя свой мечъ и *олифантъ*, и поворачиваетъ голову въ сторону язычниковъ, потому что благородный графъ желаетъ, чтобы Карлъ Великій и его люди сказали, что онъ умеръ побѣдителемъ. Онъ исповѣдываетъ свои грѣхи, и важные и неважные, и за эти грѣхи приноситъ Богу свою перчатку.

Впередъ!

Роландъ чувствуетъ, что его время прошло! Онъ лежитъ на острой скалѣ, обращенный къ Испаніи; одной рукой бьетъ онъ себя въ грудь и приговариваетъ: „Боже, я приношу тебѣ покаяніе во всѣхъ своихъ грѣхахъ, въ большихъ и малыхъ, которые я совершилъ съ того часа, въ который родился, по сей день, когда все покончилось“. Правую перчатку онъ протянулъ къ Богу, и ангелы спустились къ нему.

Впередъ!

Лежитъ витязь Роландъ подъ сосною, а лицо его обращено къ Испаніи; приводитъ онъ себѣ на память старыя дѣла: вспоминаетъ онъ о завоеванныхъ имъ государствахъ, о прекрасной Франціи, о своихъ домочадцахъ, о Карлѣ Великомъ, своемъ государѣ, который его воскормилъ; не можетъ воздержаться отъ вздоховъ и слезъ! Но онъ не забываетъ и о себѣ, исповѣдываетъ снова свои грѣхи и молитъ Бога о прощеніи. „Отецъ истинный, ты не знаешь неправды, ты воскресилъ св. Лазаря изъ мертвыхъ и спасъ Даніила отъ львовъ, спаси и мою душу отъ опасностей, угрожающихъ мнѣ за грѣхи, совершенные мною въ теченіи жизни!“. Онъ жертвуетъ Богу свою правую перчатку, и св. Гавріилъ принимаетъ ее изъ его рукъ. Роландъ облокотился, сложилъ руки и скончался. Богъ послалъ своего ангела Херувима и св. Михаила, по прозванію, „въ-опасностяхъ“; св. Гавріилъ соединился съ ними, и они уносятъ душу графа въ рай.

---

[1]) Въ Пиринеяхъ и до сихъ поръ одна огромная разсѣлина въ скалѣ, отъ 40 до 60 метровъ ширины, сто метровъ высоты и въ 1000 метровъ длины, носитъ на себѣ имя Роланда. Народное преданіе приписываетъ ея происхожденіе именно тому удару дюрандаля, о которомъ упоминаетъ древній поэтъ.

Въ заключеніи поэма разсказываетъ о страшной мести Карла за смерть Роланда и его возвращеніе въ Ахенъ, гдѣ его встрѣтила сестра Оливье, Ауда, и спрашивала о своемъ женихѣ. Услышавъ о смерти Роланда, она была такъ поражена, несмотря на утѣшеніе Карла, что пала мертвою. Конецъ поэмы представляетъ судъ надъ Ганелономъ: судебный поединокъ съ Тьерри заключается пораженіемъ измѣнника.

Терульдъ.

La Chanson de Roland.

Терульдъ (Therould, а по друг. Turould), монахъ англо-норманскій, современникъ и воспитатель Вильгельма Завоевателя, жилъ въ XI вѣкѣ и собралъ пѣсни, ходившія въ народѣ о Карлѣ Великомъ. Въ Гастингской битвѣ (1066 г.), сподвижники Вильгельма пѣли стихи изъ этой поэмы, и въ средніе вѣка она пользовалась необыкновенною популярностью. Но, подобно подложной хроникѣ Турпина, ею болѣе характеризуется XI вѣкъ, нежели девятый; она была прелюдіею къ крестовымъ походамъ и возбуждала христіанъ противъ невѣрныхъ.—Лучшее ея изданіе и критическое изслѣдованіе сдѣлалъ *Génin*, La Chanson de Roland. 1 vol. Par. 1850.

8.—Юность Лудовика Благочестиваго и послѣдніе годы его жизни. 778 — 814; 838 — 840.

(Послѣ 840 г.).

Прологъ біографа.

Сохраняя воспоминанія о добрыхъ и дурныхъ дѣяніяхъ древнихъ людей, въ особенности же государей, мы доставляемъ читателямъ двойную пользу. Отчасти такія воспоминанія служатъ средствомъ къ ихъ самоусовершенствованію и утвержденію въ добрѣ, отчасти же предостереженіемъ на будущее время. Такъ какъ люди знатные, подобно сторожевымъ башнямъ, стоятъ на вершинѣ общества и потому не могутъ укрыться отъ взоровъ, то и молва о нихъ, распространяясь далеко, бываетъ слышна со всѣхъ сторонъ, и черты ихъ жизни приводятся тѣмъ охотнѣе, чѣмъ они болѣе старались подражать великимъ людямъ. Справедливость того подтверждается сочиненіями древнихъ, которые хотѣли наставить потомство, какими путями каждый изъ государей совершилъ свою земную жизнь. Подражая имъ, и я желалъ исполнить свои обязанности въ отношеніи современниковъ и не оставить въ невѣденіи грядущія поколѣнія, а потому и предпринялъ описать своею, хотя бы и малоученою, рукою, дѣянія и жизнь богоугоднаго и православнаго императора Лудовика. Говоря безъ всякой лести, я долженъ признаться, что такая задача выше силъ не только такого ограниченнаго ума, какъ мой, но и самыхъ великихъ людей. Изъ наставленій божества мы познаемъ,

что святая мудрость, умѣренность, правосудіе и добродѣтель служатъ лучшими благами человѣческой жизни; и Лудовикъ былъ до того съ ними неразлученъ, что не знаешь, въ комъ другомъ они могли бы болѣе изумлять насъ. Дѣйствительно, что можетъ быть умѣреннѣе его умѣренности, которую можно назвать другими словами, трезвостью и воздержаніемъ. И онъ подчинялся имъ до того, что та древняя и до небесъ превозносимая поговорка: *не слишкомъ*, тѣсно связалась съ его именемъ. Его приводила въ восторгъ мудрость, которой онъ научился въ священномъ писаніи, гдѣ сказано: „Знай, начало премудрости есть страхъ господень". Съ какою любовью заботился онъ о правосудіи, о томъ могутъ свидѣтельствовать тѣ, которые знаютъ ревность, сожигавшую его, о томъ, чтобы каждый исполнялъ обязанности своего званія, и любилъ Бога больше всего, а ближнихъ, какъ самого себя. Добродѣтель была имъ усвоена до того, что, не смотря на многія тяжелыя испытанія, причиненныя ему своими и чужими, его силы, непобѣдимыя божіею помощью, не были переломлены великою тяжестью нанесенныхъ ему оскорбленій. На него падаетъ одна вина за дѣтей, потому что онъ былъ слишкомъ благодушенъ Но мы скажемъ съ апостоломъ: „Да простятся ему его прегрѣшенія" (2 Коринѳ. 12, 13). Справедливо ли это, или ложно, каждый можетъ въ томъ убѣдиться, прочтя эту книгу. А то, что́ я описалъ, до начала вступленія Лудовика на императорскій престолъ (т.-е. до 814 г.), почерпнуто мною изъ разсказовъ благороднаго и благочестиваго монаха Адемара, который жилъ съ нимъ въ одно время и былъ вмѣстѣ воспитанъ; позднѣйшее же затѣмъ я изложилъ такъ, какъ то самъ видѣлъ и слышалъ, находясь лично при дворѣ.

Въ первыхъ двухъ главахъ, авторъ дѣлаетъ бѣглый обзоръ правленія Карла В. до возвращенія его изъ похода противъ мавровъ, когда на обратномъ пути былъ пораженъ въ ронсевальской долинѣ арріергардъ арміи франковъ, предводительствуемый Роландомъ и другими, въ 778 г.

3. По возвращеніи своемъ (т.-е. изъ Испаніи), король Карлъ нашелъ свою жену Гильдегарду [1]) уже разрѣшившеюся двумя сыновьями, изъ которыхъ одинъ былъ немедленно похищенъ смертью, такъ что онъ умеръ почти прежде нежели родился; другой-же, выйдя счастливо изъ утробы матери, началъ кормиться чѣмъ кормятся обыкновенно дѣти. Они родились же въ 778 году отъ рождества Господа нашего Іисуса Христа. Того изъ нихъ, который подавалъ надежду на жизнь, отецъ приказалъ, по возрожденіи его въ таинствѣ крещенія, назвать Лудовикомъ, и отдалъ ему то государство, которое было для него назначено еще при рожденіи. Но такъ какъ премудрый и проницательный король Карлъ зналъ, что государство, какъ и тѣло, можетъ быть поражено то тою, то другою болѣзнью, если не предохранитъ

---

[1]) Гильдегарда была оставлена предъ началомъ похода беременною на королевской мызѣ Кассиногилъ, на правомъ берегу Дордоны.

его отъ того умъ и сила, какъ врачъ награждаетъ здоровьемъ, то потому онъ вступилъ въ тѣсныя отношенія съ епископами, что и было необходимо. Кромѣ того онъ поставилъ во всей Аквитаніи графовъ, аббатовъ и многихъ другихъ, обыкновенно называемыхъ вассалами, и при томъ изъ племени франковъ; противъ ихъ ума и храбрости не устояла бы никакая сила и ловкость. Имъ-то онъ и поручилъ заботы о странѣ (т.-е. Аквитаніи), какъ ему то казалось полезнымъ, охраненіе границъ и завѣдываніе королевскими помѣстьями. И въ городѣ Битурикахъ (н. Bourges) поставилъ онъ сначала Гумберта, а потомъ вскорѣ графа Стурбія; въ Пиктавіѣ (н. Poitou)—Аббо; въ Петрагорикѣ (н. Perigueux)—Видбода; въ Овернѣ—Стерія; въ Валлагіи (въ Севеннахъ, съ глав. гор. Puy) — Булла; въ Тулузѣ—Горза; въ Бурдигалѣ (н. Бордо) — Сигвина; въ провинціи Альбигойцевъ—Гаймона; въ Лемовикахъ (н. Limoge)—Родгара.

4. Когда все это было устроено надлежащимъ образомъ, Карлъ перешелъ Лоару съ остальными войсками и отправился въ Лутецію, которая называется иначе Парижемъ (780 г.). Но нѣсколько времени спустя ему пришло на мысль посмотрѣть на Римъ, единственнаго властителя міра, поклониться князю апостоловъ и наставнику народовъ и представить имъ себя и своего сына. Опираясь на такихъ помощниковъ, которымъ дана власть на небѣ и на землѣ, онъ думалъ держать въ повиновеніи покоренныхъ и преодолѣть трудности войны, если таковыя представятся; онъ полагалъ въ тоже время, что для него будетъ не малая помощь, если онъ и его сынъ примутъ на себя знаки королевскаго достоинства отъ намѣстника апостоловъ, и его пастырское благословеніе. Божіимъ соизволеніемъ его планы были вполнѣ осуществлены, и его сынъ Лудовикъ, находившійся еще въ колыбели, былъ украшенъ королевскою діадемою отъ рукъ достопочтеннаго папы Адріана, при благословеніи, какъ то слѣдовало будущему властителю (781 г.). Послѣ того, какъ все, что слѣдовало ожидать отъ Рима, было достигнуто, Карлъ возвратился съ миромъ во Францію, вмѣстѣ съ своими сыновьями и войскомъ: Лудовика же онъ отправилъ въ Аквитанію для управленія страною, давъ ему въ опекуны Арнольда, и приставилъ надлежащимъ образомъ другихъ служителей, необходимыхъ для дѣтскаго воспитанія. До города Орлеана Лудовикъ ѣхалъ на колесахъ; при выѣздѣ же оттуда, онъ былъ облеченъ въ оружіе, соразмѣрное его возрасту, посаженъ на лошадь и съ божьею помощью отведенъ въ Аквитанію. Когда онъ прожилъ тамъ нѣсколько лѣтъ, а именно четыре, преславный король нанесъ нѣсколько тяжелыхъ ударовъ саксамъ. Но безпокоясь, чтобы аквитанскій народъ не забылся, вслѣдствіе его долгаго отсутствія, и чтобы сынъ при такомъ нѣжномъ возрастѣ не усвоилъ себѣ чужихъ нравовъ, а нравы, усвоенные въ дѣтствѣ, съ трудомъ теряются въ слѣдующемъ возрастѣ, потому онъ послалъ за сыномъ, который уже хорошо ѣздилъ на лошади, и приказалъ ему явиться къ себѣ со всѣмъ войскомъ; остались одни маркграфы, защищавшіе границы государства, съ тѣмъ чтобы отражать всякое нападеніе непріятеля, если бы онъ показался. Лудовикъ повиновался отцу, какъ только могъ, и настигъ его въ Падерборнѣ вмѣстѣ съ своими сверстниками, въ га-

сконскомъ одѣяніи, а именно въ кругломъ плащѣ, съ широкими рукавами, въ штанахъ съ буффами, въ сапогахъ со шпорами, и съ дротикомъ въ рукѣ. Такъ было приказано отцомъ, и Карлу это доставляло удовольствіе. Онъ остался съ королемъ и вмѣстѣ съ нимъ достигъ Эресбурга (н. Штадтбергъ-на-Димелѣ), когда солнце, спустившись съ высоты небесъ, умѣрило свой жаръ при осеннемъ закатѣ. Когда же это время года начало приближаться къ концу, Лудовикъ, съ дозволенія отца, отправился на зиму въ Ахенъ.

5. Тогда же, Горзо, герцогъ Тулузы, былъ заключенъ хитростью одного гасконца, по имени Адельрика (сынъ бывшаго герцога Аквитаніи, Лупа), и только связавъ себя клятвою, получилъ свободу. Чтобы смыть такое пятно, король Людовикъ и вельможи, составлявшіе совѣтъ для управленія общественными дѣлами, опредѣлили сдѣлать всеобщее собраніе государственнымъ чиновъ въ одномъ мѣстечкѣ Септиманіи, называемомъ Готентодъ. Но гасконецъ, сознавая свое преступленіе, медлилъ являться и, только успокоенный полученіемъ заложниковъ, прибылъ въ собраніе. Изъ опасенія за судьбу заложниковъ, ему не только не сдѣлали никакого зла, но еще наградили подарками; вслѣдствіе того онъ выдалъ нашихъ, получилъ своихъ и возвратился домой.

Слѣдующимъ же лѣтомъ, Людовикъ, по приказанію отца, явился въ Вормсъ, но одинъ, безъ войска, и оставался съ нимъ на зимнихъ квартирахъ. Оттуда пришло приказаніе къ вышеупомянутому Адельрику отъ обоихъ королей, чтобы защищать себя предъ ними; его схватили, а такъ-какъ онъ, не смотря на всѣ усилія очистить себя отъ взводимыхъ на него обвиненій, былъ обвиненъ, то его и осудили на вѣчное изгнаніе. Горзо же, по небрежности котораго королю франковъ было нанесено такое безчестіе, былъ лишенъ герцогства, а на его мѣсто поставили Вильгельма; онъ нашелъ гасконцевъ—народъ, по своей природѣ, легкомысленный—надутыми чванствомъ, вслѣдствіе того счастливаго исхода дѣлъ, и въ высшей степени раздраженными извѣстіемъ о наказаніи Адельрика. Хитростью и мужествомъ онъ подчинилъ ихъ въ короткое время и возстановилъ въ народѣ спокойствіе. Король же Людовикъ въ томъ же самомъ году (790) сдѣлалъ всеобщее собраніе въ Тулузѣ, и пока происходили совѣщанія, Абутауръ, герцогъ сарациновъ (т.-е. мавровъ), и другіе сосѣди королевства Аквитанскаго прислали туда пословъ съ просьбою о мирѣ и съ королевскими подарками. Когда подарки были приняты по соизволенію короля, послы возвратились домой.

6. На слѣдующій годъ (791), король Людовикъ пошелъ къ отцу въ Ингельгеймъ и оттуда вмѣстѣ съ нимъ въ Ренесбургъ (н. Regensburg или Ratisbonne). Такъ какъ онъ достигъ уже юношескаго возраста, то тамъ былъ препоясанъ мечемъ и сопровождалъ своего отца, отправившагося съ войскомъ противъ аваровъ, до Гунеберга, гдѣ получилъ приказаніе идти назадъ и оставаться у королевы Фастрады (жены Карла В.) до возвращенія отца. Съ нею провелъ онъ время до начала зимы, между тѣмъ какъ отецъ продолжалъ начатый имъ походъ. Когда же Карлъ возвратился изъ похода, онъ получилъ приказаніе идти въ Аквитанію и оттуда, собравъ какъ можно больше

войска, спѣшить на помощь къ своему брату Пипину (т.-е. королю Италіи). Послушный отцу, онъ удалился осенью въ Аквитанію и, устроивъ все необходимое для защиты государства, потянулся съ войскомъ по скаламъ и обрывамъ горы Цинизія (н. Mont-Cenis) въ Италію, праздновалъ Рождество Христово въ Равеннѣ и прибылъ наконецъ къ брату. Соединенными силами они напали на провинцію Беневентъ [1]), опустошили все, куда ни являлись, и овладѣли одною крѣпостью (793). По прошествіи зимы, оба они возвратились счастливо къ отцу; только одно извѣстіе омрачило ихъ великую радость: они узнали что ихъ побочный братъ Пипинъ [2]), вмѣстѣ со многими вельможами, соучастниками преступленія, составилъ заговоръ противъ ихъ общаго отца, и за то они были наказаны смертью. Быстро прошли они изъ Италіи въ Баварію и настигли отца въ мѣстечкѣ, называемомъ Зальцъ, гдѣ и были имъ ласково приняты. Остальное время осени и зимы Людовикъ провелъ съ отцемъ, потому что послѣдній много заботился о томъ, чтобы молодой король не остался невѣждою въ военномъ дѣлѣ, и чтобы чужеземные нравы, приставшіе къ нему, не причинили ему безчестія. Когда въ началѣ весны (795 г.) отецъ отпускалъ его назадъ, то спросилъ Людовика, почему онъ, будучи королемъ, находится въ денежныхъ обстоятельствахъ, до того затруднительныхъ, что не можетъ сдѣлать отцу, безъ особаго приказанія, ни одного подарка, и Карлъ узналъ отъ Людовика, что такъ-какъ всѣ знатные думаютъ о своихъ личныхъ выгодахъ, то государственная казна остается въ полномъ пренебрежени и величайшемъ безпорядкѣ, и государственныя имущества обращаются въ частную собственность; самъ ж е юдовикъ считается государемъ только по имени, а на дѣлѣ терпитъ нужду во всемъ. Императоръ хотѣлъ помочь этому злу, но боялся, что если сынъ его отниметъ у нихъ то, что прежде имъ далъ, то у знатныхъ уменьшится любовь къ нему, и потому онъ послалъ Виллеберта, впослѣдствіи архіепископа въ Ротомагѣ (н. Rouen), и графа Ричарда, завѣдывавшаго его помѣстьями, съ приказаніемъ возвратить государственной казнѣ тѣ мызы, которыя до того времени служили для королевскихъ потребностей (796 г.).

7. Получивъ такимъ образомъ тѣ мызы, Людовикъ обнаружилъ столько же ума, сколько и добросердечія, которое въ немъ было не поддѣльное. А именно, онъ постановилъ, такъ-какъ онъ желалъ проводить зимнее время въ четырехъ мѣстностяхъ, чтобы каждая изъ нихъ содержала его черезъ три года въ четвертый, и такими мѣстностями были: *Теодуадъ* (н. Doué), *Кассиногилъ* (на прав. берегу Дордонны), *Андіакъ* (н. Angeac), и *Эврогилъ* (близъ Клермона, на сѣв. отъ Puys-de-Dome). Эти мѣста, по возвращеніи къ нимъ короля въ четвертый годъ, могли потому представлять достаточныя средства для королевскаго содержанія. Распорядившись съ такимъ умомъ, онъ повелѣлъ, чтобы народъ впредь не поставлялъ той натуральной по-

---

[1]) Герцогъ лонгобардскій Аригизъ, зять короля Дезидерія, не подчинился Карлу: это и было причиною войны.

[2]) Самый старшій сынъ Карла отъ его наложницы Гимильтруды.

винности для войска, которую обыкновенно называютъ *foderus* (латинизированная форма германскаго слова *Futter*, провіантъ). Хотя военные люди дурно смотрѣли на это распоряженіе, но не смотря на все, этотъ сострадательный мужъ, въ виду бѣдствія тѣхъ, которые отправляли повинность, и жестокости другихъ, требовавшихъ ее ко взаимному вреду, нашелъ справедливымъ, чтобы его люди получали содержаніе отъ него же, и не могъ дозволить того, чтобы огромное количество провіанта ставило въ опасность его людей. Въ то же время онъ, въ своей щедрости, уничтожилъ сборъ виномъ и хлѣбомъ въ области Альби, что чрезвычайно ее угнетало. Въ ту пору онъ имѣлъ при себѣ Мегингора, посланнаго къ нему отцомъ, человѣка мудраго и предпріимчиваго, который понималъ, что можетъ принести честь и пользу королю. Какъ понравились такія распоряженія отцу, это видно изъ того, что, подражая сыну, онъ опредѣлилъ, чтобы и во Франціи болѣе не собирались натуральныя подати на войско, и вмѣстѣ съ тѣмъ предписалъ многія другія улучшенія; сыну же онъ пожелалъ успѣха въ его послѣдующихъ начинаніяхъ.

8. На слѣдующій годъ (798), король прибылъ въ Тулузу и сдѣлалъ тамъ всеобщее собраніе. Тамъ же онъ принялъ и отпустилъ съ миромъ пословъ герцога Галисіи, Адефонса, который отправилъ ихъ для скрѣпленія дружбы. Также были приняты и отпущены послы Багалука (настоящее его имя: Балуль-бенъ Маклукъ), герцога сарациновъ, владѣвшаго горною страною, сосѣднею съ Аквитаніею. Въ то же время, опасаясь увлеченій плоти, онъ, по совѣту своихъ, взялъ Гермингарду какъ будущую королеву въ жены; она происходила отъ знатныхъ родителей, такъ какъ была дочерью графа Инграмма. Около того же времени, онъ приказалъ повсюду построить линію укрѣпленій, по границамъ Аквитаніи: а именно, городъ Авзою (н. Vich), крѣпость Кардону (на с.-в. отъ Барселоны), Кастассерру (настоящее названіе Зеидъ), и укрѣпилъ другія оставленныя мѣста, населилъ ихъ и вручилъ защиту страны графу Бoруллу, отдѣливъ ему достаточное количество войска.

9. По прошествіи зимы (799 г.), король, его отецъ, прислалъ за нимъ; онъ долженъ былъ привести къ нему какъ можно больше войска, такъ-какъ Карлъ отправлялся въ походъ противъ саксовъ. Людовикъ немедленно тронулся и прибылъ въ Ахенъ; оттуда Карлъ вмѣстѣ съ сыномъ пошелъ въ Фрейнерсгеймъ (на лѣв. берегу Рейна, близь сліянія его съ Липпе), гдѣ сдѣлалъ государственное собраніе на берегу Рейна. Въ землѣ саксовъ онъ оставался при отцѣ до праздника св. Мартина (2 ноября). Тогда они вмѣстѣ оставили саксовъ, а Людовикъ, по прошествіи большей части зимы, удалился въ Аквитанію.

10. Слѣдующимъ лѣтомъ (800 г.) король Карлъ послалъ за сыномъ и приглашалъ его отправиться вмѣстѣ въ Италію; но Карлъ, перемѣнивъ свое намѣреніе, приказалъ ему оставаться дома. Пока король ходилъ въ Римъ и тамъ былъ украшенъ императорскою короной, Людовикъ воротился въ Тулузу, а оттуда прошелъ въ Испанію.

Въ послѣдующихъ главахъ, отъ 10 до 14, авторъ излагаетъ весьма коротко, въ видя перечня, ежегодные походы Людовика противъ мавровъ, не представляющіе ни малѣйшаго интереса, отъ 800 года до 810 г., когда Людовикъ сдѣлалъ первую попытку проникнуть за рѣку Эбро, отдѣлявшую въ то время владѣнія христіанъ отъ мусульманъ. Эти походы прерывались только возстаніемъ гасконцевъ и продолжавшимися отзывами молодого короля къ отцу для помощи противъ саксовъ.

15. На слѣдующій годъ (810), король Людовикъ опять снарядился въ походъ противъ Испаніи. Но отецъ отклонилъ его отъ намѣренія принять личное начальство надъ войскомъ. Именно, онъ приказалъ въ это время строить противъ норманновъ корабли на всѣхъ рѣкахъ, впадающихъ въ море, и возложилъ на сына надзоръ за работами по рѣкамъ Ронѣ, Гароннѣ и Силидѣ (?). Карлъ отправилъ къ нему посломъ Ингоберта, который долженъ былъ занять мѣсто Людовика въ его отсутствіе и повести войско противъ непріятеля. Пока король, по случаю возложеннаго на него порученія, оставался въ Аквитаніи, войско его счастливо прибыло къ г. Барселонѣ; послѣ взаимнаго совѣщанія о томъ, какимъ образомъ напасть въ тайнѣ и неожиданно на непріятеля, они составили слѣдующій планъ: положено было изготовить корабли, разложивъ каждый на четыре части, такъ, чтобы каждую изъ четырехъ частей могли протащить двѣ лошади или два мула, и чтобы можно было послѣ легко сложить ихъ вмѣстѣ и сколотить заранѣе приготовленными гвоздями и молотками; щели же между составными частями должны были залиться впередъ изготовленными смолою и воскомъ, когда достигнутъ берега рѣки. Снарядившись такимъ образомъ, большая часть войска потянулась подъ предводительствомъ вышеупомянутаго Ингоберта, къ Тортозѣ. Тѣ же, которые были предназначены для той работы, Гадемаръ, Беро и другіе, сдѣлавъ трехдневный переходъ—а они не имѣли палатокъ, оставались подъ открытымъ небомъ, не смѣя разводить огня, изъ опасенія, что дымъ выдастъ ихъ, днемъ прятались въ лѣсахъ, а ночью подвигались по немножку—они успѣли въ четвертый день спустить сложенные корабли на р. Эбро; всадники же переплыли на лошадяхъ. Этотъ планъ имѣлъ бы огромный успѣхъ, еслибы только не былъ открытъ. Пока Абадуинъ, герцогъ Тортозы, сторожилъ берегъ рѣки, чтобы воспрепятствовать нашимъ переходъ, та часть христіанскаго войска, о которой мы сказали выше, успѣла переправиться черезъ рѣку въ верхнихъ ея теченіяхъ; но какой-то мавръ, сошедшій въ рѣку купаться, замѣтилъ на водѣ плывшій конскій пометъ. Увидавъ это—а эти люди необыкновенно сметливы—онъ подплылъ, взялъ въ руки пометъ и поднесъ его къ носу; понюхавъ, онъ закричалъ: „Послушайте, товарищи, я совѣтую вамъ, берегитесь; этотъ пометъ вовсе не отъ дикаго осла и вообще не отъ звѣря, который питается кореньями; это конскій пометъ; признаки овса и вообще корма лошадей и муловъ. Будьте потому осторожны. Въ верхнихъ теченіяхъ рѣки намъ приготовляютъ засаду“. По этимъ словамъ двое сѣли на лошадей и отправились на рекогносцировку. Едва они завидѣли нашихъ, какъ донесли обо всемъ Абадуину. Испуганные сарацины бро-

сили лагерь и обратились въ бѣгство, а наши овладѣли ихъ лагеремъ и провели ночь въ ихъ палаткахъ. Но на слѣдующій день Абадуинъ возвратился съ собраннымъ войскомъ и вызвалъ нашихъ на битву. Бывъ несравненно слабѣе числомъ, наши возложили надежду на Бога, и, принудивъ непріятеля обратиться въ бѣгство, устлали дорогу трупами бѣжавшихъ: рѣзня прекратилась не прежде, какъ исчезло солнце, а съ нимъ и дневной свѣтъ; земля покрылась тѣнью, и загорѣлись звѣзды, какъ бы въ утѣху ей. За тѣмъ наши помощью Христа возвратились къ своимъ съ великою радостью и многочисленными богатствами. И другая часть войска, послѣ продолжительной осады города, также возвратилась домой.

Въ послѣдующихъ трехъ главахъ, 16, 17 и 18, авторъ разсказываетъ коротко походъ самого Людовика противъ мавровъ (811 г.), заключившійся взятіемъ Тортозы, и противъ гасконцевъ, возстаніе которыхъ было усмирено въ 812 году.

19. По усмиреніи гасконцевъ, король и войско съ божіею помощью возвратились домой (812 г.). Благочестивыя наклонности короля обнаружились еще съ ранней молодости, но въ это время онъ столько заботился о богослуженіи и возвеличеніи святой церкви, что, смотря на его дѣянія, его можно было назвать скорѣе священникомъ, нежели королемъ. До него, все духовенство Аквитаніи, живя подъ властью тирановъ, посвящало свое время болѣе верховой ѣздѣ, военной службѣ, метанію копій, нежели божественной службѣ. Но по настоянію короля были приглашены отвсюду наставники, и искусство чтенія и пѣнія, равно какъ и науки свѣтскія и духовныя процвѣли съ такою быстротою, что это казалось невѣроятнымъ. Въ особенности же оказывалъ онъ свою любовь тѣмъ, которые, оставивъ для Бога все сказанное, посвящали себя созерцательной жизни. До его правленія въ Аквитаніи, монашеское сословіе пришло въ совершенный упадокъ; при немъ оно достигло снова такого цвѣтущаго состоянія, что онъ самъ, подражая полезному примѣру своего дяди Карломана (сынъ Пипина Короткаго), хотѣлъ чрезъ то достигнуть высоты богоспасаемой жизни. Но приведеніе въ исполненіе такого желанія встрѣтило противодѣйствіе со стороны Карла или, скорѣе, было воспрепятствовано божественнымъ Провидѣніемъ, которое не хотѣло допустить, чтобы такой благочестивый мужъ пропадалъ для другихъ, заботясь о своемъ личномъ спасеніи, когда чрезъ него и подъ его управленіемъ многіе могутъ спастись. Такимъ образомъ, во время его царствованія, имъ были возстановлены многіе монастыри, а другіе выстроены съизнова (затѣмъ авторъ приводитъ длинный списокъ такихъ монастырей, въ числѣ 26, кончающійся словами: „и многіе другіе“). Его примѣру слѣдовали не только многіе епископы, но даже и свѣтскіе люди, возстановляя павшіе монастыри и споря другъ съ другомъ въ постройкѣ новыхъ. Аквитанія достигла даже такого цвѣтущаго и счастливаго состоянія, что, когда король объѣзжалъ страну или оставался дома, едва ли можно было найти одного человѣка, который явился бы съ жалобою на претерпѣнную имъ несправедливость. Три раза въ недѣлю король засѣдалъ въ

судѣ. Однажды императоръ Карлъ послалъ къ сыну своего секретаря Эрхамбольда для сообщенія приказаній; посланный, возвратившись, разсказалъ отцу объ учрежденіяхъ Людовика, и Карлъ обрадовался до того, что, проливая слезы отъ волненія, сказалъ своимъ приближеннымъ: „Друзья, поздравимъ себя съ тѣмъ, что зрѣлая мудрость этого юноши превзошла нашу мудрость. Если мой сынъ былъ хорошимъ слугою своего господина, вѣрнымъ охранителемъ и умнымъ распорядителемъ, нашедшимъ средства къ увеличенію порученнаго ему таланта, то онъ назначенъ быть главою семейства въ своемъ домѣ“.

20. Около этого времени (813 г.), такъ какъ Пипинъ, король Италіи, умеръ еще прежде (8 іюля, 810 г.), а не задолго предъ тѣмъ (4 дек. 811 г.) отошелъ отъ міра сего и его братъ Карлъ, то Людовикъ получилъ надежду наслѣдовать власть во всемъ государствѣ. Онъ послалъ къ отцу своего сокольничьяго Геррика спросить его о нѣкоторыхъ важныхъ дѣлахъ; но когда посланный оставался во дворцѣ, ожидая отвѣта, его начали убѣждать какъ франки, такъ и алеманны, чтобы король пришелъ къ отцу и остался при немъ для утѣшенія его, такъ-какъ, говорили они, имъ казалось, что отецъ, при своихъ преклонныхъ лѣтахъ, тяжело перенося жестокую потерю дѣтей, можетъ въ непродолжительномъ времени скончаться. Геррикъ передалъ все это королю, а король своему совѣту; многіе и даже почти всѣ сочли это приглашеніе весьма основательнымъ. Но по внушенію свыше и чтобы не встревожить отца, Лудовикъ не торопился воспользоваться приглашеніемъ. Но божество, изъ страха и любви къ которому онъ не хотѣлъ поступить такъ, устроило все премудро; оно всегда возвышаетъ преданныхъ ему болѣе, нежели какъ то можно ожидать. Когда къ Людовику явились покоренные имъ съ просьбою о мирѣ, онъ исполнилъ ихъ просьбу съ охотою, и опредѣлилъ на то двухлѣтній срокъ

Между тѣмъ, императоръ Карлъ, видя, что онъ старѣется, и опасаясь, чтобы, по смерти его, государство, приведенное имъ съ божіею помощью въ порядокъ, не пришло въ замѣшательство, а именно, чтобы оно не потряслось отъ внѣшнихъ вторженій или не распалось отъ внутреннихъ междоусобій, послалъ за своимъ сыномъ и приказалъ позвать его къ себѣ изъ Аквитаніи. При прибытіи Людовика, онъ принялъ его дружелюбно, удержалъ его при себѣ все лѣто и наставлялъ во всемъ, что ему было необходимо знать; показывалъ, какъ ему должно жить, какъ править, какъ устроивать государство, и какъ сохранить устроенный порядокъ. Наконецъ, онъ самъ увѣнчалъ его императорскою короною и возвѣстилъ ему, что по волѣ Бога въ его рукахъ должна сосредоточиться верховная власть. Исполнивъ все это, Карлъ позволилъ ему возвратиться домой. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ (813 г.) Людовикъ простился съ отцомъ и отправился въ Аквитанію. Но отецъ началъ испытывать частыя и сильныя боли, какія являются обыкновенно при приближеніи смерти. Подобными знаками, какъ своими вѣстниками, смерть всегда говоритъ о своемъ скоромъ появленіи. Наконецъ жизнь, истощенная въ борьбѣ съ тяжкими страданіями, начала отступать, и Карлъ

долженъ былъ слечь; приближаясь къ смерти со дня на день, съ часу на часъ, онъ кончилъ жизнь, распорядившись письменно о раздѣленіи своего имущества, и государство франковъ покрылось глубокою печалью. Но на его преемникѣ подтвердилась истина писанія, утѣшительная для тѣхъ, которые опасаются въ такія тяжелыя минуты: „Умеръ праведный человѣкъ, но такъ, какъ будто бы онъ не умиралъ, потому что оставилъ наслѣдника сына во всемъ себѣ подобнаго“. Благочестивый императоръ Карлъ скончался 28 января, въ годъ отъ рождества Господа нашего Іисуса Христа 814.

Начиная съ 21-й главы и до 57-й, авторъ излагаетъ самостоятельное правленіе Людовика Благочестиваго, какъ императора, отъ 814 года до 838 г. Но первый періодъ его правленія, отъ 814 г. до 829 г., изложенъ авторомъ въ формѣ сокращенія хроники Эгингарда подъ тѣми же самыми годами, и потому не имѣетъ особеннаго достоинства; только въ исторіи второго періода, эпохи борьбы Людовика съ дѣтьми, авторъ является самостоятельнымъ писателемъ; впрочемъ, событія отъ 829 г. до 838 г. изложены весьма сухо и притомъ сбивчиво въ хронологическомъ отношеніи; за то послѣдніе два года жизни Людовика (838—840 г.) описаны весьма обстоятельно и представляютъ живой интересъ по своимъ подробностямъ, характеризующимъ то время. Къ 838 году борьба Людовика съ дѣтьми прекратилась, и Людовикъ, на собраніи государственныхъ чиновъ въ Стреміакѣ (н. Cremieux, близъ Ліона), вмѣстѣ съ своими сыновьями старался возстановить порядокъ, нарушенный междоусобными войнами; „послѣ того, заключаетъ авторъ, императоръ отпустилъ своихъ сыновей (Пипина Аквитанскаго и Людовика Нѣмецкаго, а Лотарь Итальянскій не могъ по болѣзни участвовать въ томъ собраніи) и народъ, и послѣ осенней охоты, около праздника св. Мартина, прибылъ въ Ахенъ, гдѣ оставался всю зиму, потому что, по старинному обычаю, для него всегда дорогому, онъ хотѣлъ тамъ праздновать Рождество Господа и Пасху“.

58. Во время праздника Пасхи (838 г.) явилось страшное и печальное небесное знаменіе, а именно, комета въ созвѣздіи Дѣвы, въ той части знака, гдѣ подъ одѣяніемъ соединяются хвостъ Водяной-Змѣи и Воронъ. Эта звѣзда, двигаясь не на востокъ, какъ другія семь планетъ, прошла въ 25 дней — что именно и удивительно— знаки Льва, Рака и Близнецовъ, и наконецъ близъ головы Овна расположила свое пылающее ядро у ногъ Возницы, съ длиннымъ хвостомъ, протягивавшимся во всѣ стороны. Когда императоръ, много занимавшійся этимъ дѣломъ, увидѣлъ звѣзду въ первый разъ, онъ прежде, нежели отправился спать, приказалъ призвать къ себѣ одно лице—а это лице и былъ я, пищущій эти строки, о которомъ думали, что онъ знаетъ науку о звѣздахъ [1])—и спросилъ, что я объ этомъ думаю. Когда же я потребовалъ у императора времени для наблюденія за звѣздою, чтобы основательнѣе изслѣдовать истину, и обѣщалъ на слѣдующее утро извѣстить его обо всемъ, что открою, онъ, замѣтивъ, что я ищу—какъ то и было справедливо—предлога,

---

[1]) Эта случайная замѣтка автора, имя котораго осталось неизвѣстнымъ, подала поводъ прозвать его *Астрономомъ*, какъ онъ и продолжаетъ называться въ исторической литературѣ.

чтобы не быть вынуждену на печальный отвѣтъ, сказалъ мнѣ: „Поди въ этотъ домъ рядомъ и извѣсти меня о томъ, что ты замѣтишь; я знаю, что этой звѣзды я никогда не видалъ до сихъ поръ по вечерамъ, ни ты не показывалъ ее мнѣ; но я убѣжденъ, что это та комета, о которой мы за день передъ тѣмъ говорили съ тобой". Когда я, послѣ нѣсколькихъ возраженій съ своей стороны, смолкъ, онъ возражалъ мнѣ далѣе: „Ты объ одномъ умалчиваешь: а именно, что это знаменіе указываетъ на предстоящую перемѣну въ имперіи и на смерть правителя". На это я ему отвѣчалъ, ссылаясь на пророка, который говоритъ: „Вы не должны страшиться небесныхъ знаменій, какъ того страшатся язычники" (Iерем. 10,2). Король же, при возвышенности своей души и мудрости, говорилъ мнѣ: „Мы не должны никого бояться, кромѣ Того, кто сотворилъ и насъ, и эту звѣзду. Но мы не можемъ не удивляться, и не восхвалять Бога, который подобными знаменіями старается вывести насъ, нераскаянныхъ грѣшниковъ, изъ нашего коснѣнія. Такъ какъ это знаменіе касается меня и всѣхъ прочихъ, то мы всѣ должны, по мѣрѣ своихъ познаній и средствъ, исправиться, чтобы, вслѣдствіе неготовности къ покаянію, не явиться недостойными Того, кто предлагаетъ намъ свое милосердіе". Послѣ этихъ словъ онъ выпилъ вина и приказалъ всѣмъ сдѣлать то же самое; за тѣмъ онъ отпустилъ всѣхъ по домамъ. Но самъ онъ, какъ мнѣ разсказывали, провелъ всю ночь безъ сна до самаго утра въ пѣснопѣніяхъ и молитвѣ къ Богу. На зарѣ же онъ позвалъ служителей двора и приказалъ раздать щедрую милостыню бѣднымъ и служителямъ божіимъ, равно какъ монахамъ и каноникамъ; въ то же время повелѣлъ отслужить какъ можно больше молебновъ, не столько ради собственнаго здравія, сколько ради благосостоянія ввѣренной ему церкви. Когда все было выполнено надлежащимъ образомъ и сообразно его приказаніямъ, онъ отправился на охоту въ Арденны. Охота вышла особенно счастливая, и вообще все, что онъ предпринималъ въ то время, увѣнчалось наилучшимъ успѣхомъ.

59. Кромѣ того, императоръ, уступая настоятельнымъ просьбамъ императрицы (второй жены, Юдиѳи) и императорскихъ служителей, надѣлилъ въ Ахенѣ частью государства своего возлюбленнаго сына Карла (т.-е. Лысаго, рожденнаго отъ Юдиѳи въ 819 г.); но такъ какъ эта часть была выдѣлена несправедливымъ образомъ, то мы должны пройти это событіе молчаніемъ [1]). Братья, услышавъ о томъ, пришли въ негодованіе и совѣщались другъ съ другомъ...

Въ послѣдующихъ главахъ, 60, 61 и въ началѣ 62, авторъ говоритъ о новомъ раздѣленіи имперіи, со включеніемъ Карла Лысаго, которое повело къ новому возстанію Людовика Нѣмецкаго противъ отца, продолжавшемуся до самой смерти императора въ 840 г. Людовикъ Нѣм., оставленный Лотаремъ, котораго отецъ склонилъ на свою сторону уступкою суприматіи надъ братьями

---

[1]) Людовикъ для надѣленія сына отъ второго брака, долженъ былъ лишить другихъ сыновей отъ перваго брака части прежнихъ ихъ владѣній, что не могъ не осудить и нашъ авторъ, не смотря на всю привязанность къ императору.

долженъ былъ бѣжать въ свои владѣнія, а императоръ, воспользовавшись смертью Пипина Аквитанскаго (838 г.), отдалъ и его владѣніе Карлу Лысому, не смотря на то, что аквитанцы хотѣли имѣть своимъ королемъ сына умершаго Пипина, Пипина II.

62. Когда такимъ образомъ его сынъ (т.-е. Людовикъ Нѣмецкій) убѣжалъ (840 г.), императоръ повелѣлъ сдѣлать всеобщее собраніе въ городѣ вангіоновъ, который нынѣ называется Вормаціею (н. Worms). Такъ какъ онъ былъ во враждѣ съ Людовикомъ (Нѣмецкимъ), а другой его сынъ Карлъ (Лысый) оставался въ Аквитаніи, то императоръ послалъ въ Италію за сыномъ Лотаремъ и приказалъ явиться ему на собраніе, говоря, что онъ желаетъ посовѣтоваться съ нимъ о послѣднемъ дѣлѣ (т.-е. о возстаніи Людовика) и о многихъ другихъ. Около этого времени, во вторникъ, въ день св. Марка (840 г.), произошло удивительное солнечное затмѣніе, и съ исчезновеніемъ свѣта наступила такая тьма, что не было никакого отличія отъ настоящей ночи. Весь распорядокъ звѣздъ былъ видѣнъ ясно, и ни одна звѣзда не потерпѣла отъ слабости солнечнаго свѣта; луна же, находясь противъ солнца и подвигаясь мало-по-малу на востокъ, въ то время какъ солнце освѣщало съ западной стороны, имѣла серпообразную форму, какую она представляетъ въ первой или во второй четверти. Это знаменіе, хотя и вытекающее изъ порядка природы, имѣло большое значеніе по плачевнымъ событіямъ, которыя послѣдовали за нимъ. Этимъ знаменіемъ было возвѣщено, что то великое свѣтило смертныхъ, поставленное въ домѣ божіемъ для освѣщенія всѣхъ, а именно, нашъ императоръ блаженной памяти, будетъ въ непродолжительномъ времени восхищено отъ земныхъ дѣлъ, а міръ, съ его утратою, повергнется во мракъ бѣдствія и печали. Дѣйствительно съ того времени полное отвращеніе отъ пищи начало его ослаблять, желудокъ же отъ ѣды и питья побуждался ко рвотѣ; императоръ переносилъ страданія отъ частаго удушья въ груди и былъ потрясаемъ безпрерывнымъ кашлемъ: все это вмѣстѣ разрушало его силы, а когда природа начинаетъ терять свои отправленія, жизнь необходимо исчезаетъ. Замѣтивъ то, король приказалъ устроить себѣ на одномъ островѣ близь Майнца лѣтнее жилище въ видѣ палатки, и тамъ слегъ, совершенно усталый и разслабленный.

63. Кто въ состояніи описать теперь его заботы о благѣ церкви, его муки при мысли объ угрожающихъ ей опасностяхъ? Кто можетъ изобразить потоки слезъ, пролитыхъ имъ для снисканія божественной благодати? Онъ горевалъ не о томъ, что долженъ умереть, но его сокрушало будущее, которое онъ предвидѣлъ; онъ считалъ себя жалкимъ существомъ, жизнь котораго завершалась такимъ горестнымъ и печальнымъ образомъ. Для утѣшенія его къ нему явились многіе достопочтенные епископы и другіе служители божіи; между ними были Гети, достопочтенный епископъ трирскій, Отгаръ, архіепископъ майнцскій, и Дрого, братъ императора, епископъ Метца, и дворцовый архипастырь; послѣднему онъ довѣрялъ себя и все свое тѣмъ болѣе, чѣмъ ближе состоялъ съ нимъ въ родствѣ. Чрезъ его посредство Людовикъ ежедневно приносилъ Богу покаянія съ

уничиженнымъ духомъ и смиреннымъ сердцемъ, которое такъ благоугодно Богу. Сорокъ дней Тѣло нашего Господа было его единственною пищею; и онъ восхвалялъ потому правосудіе Господа, говоря: „Праведенъ ты, Господи, принудивъ меня теперь довольствоваться только этимъ, потому что я пропускалъ посты въ назначенное на то время“. На своего же почтеннаго брата Дрого онъ возложилъ порученіе призвать къ себѣ всѣхъ слугъ своихъ и разложить на части сокровища, состоявшія изъ королевскихъ украшеній, какъ-то: короны и оружія, сосудовъ, книгъ и церковныхъ одѣяній. При этомъ онъ указалъ ему, сообразно своимъ желаніямъ, что́ должны получить церкви, что́ назначается бѣднымъ, и что́, наконецъ, передается его сыновьямъ, а именно: Лотарю и Карлу (т.-е. Лысому). Лотарю, именно, предоставлялась корона и мечъ, обдѣланный въ золото и драгоцѣнные камни, но съ условіемъ, чтобы онъ оставался вѣрнымъ Карлу и Юдиѳи, и, уступивъ Карлу цѣлую часть государства, ту, которую онъ, императоръ, передъ Богомъ и полнымъ собраніемъ придворныхъ вельможъ, вмѣстѣ съ нимъ и въ его присутствіи, отдалъ Карлу, принялъ Карла подъ свое покровительство. Устроивъ все такимъ образомъ, Людовикъ возблагодарилъ Бога, видя, что изъ земныхъ богатствъ онъ не владѣетъ больше ничѣмъ. Достопочтенный епископъ Дрого и съ нимъ всѣ прочіе прославляли Бога за все совершившееся, смотря, какъ Людовикъ, всегда сопровождаемый всѣми добродѣтелями вкупѣ, старался сдѣлать, чтобы его жизнь была пріятною жертвою Богу, и принесъ ее съ тою твердостью, которую можно сравнить съ хвостомъ жертвеннаго вола; но одно обстоятельство смущало ихъ радость. Они именно боялись, чтобы императоръ не умеръ въ ненависти къ своему сыну (т.-е. Людовику Нѣмецкому); они знали, что часто надрѣзываемыя или прижигаемыя огнемъ раны причиняютъ больному тѣмъ сильнѣйшія боли; но зная въ то же время доказанное и непоколебимое терпѣніе императора, они поручили его брату Дрого, голосъ котораго онъ привыкъ не мало уважать, напомнить тихонько о томъ Людовику. Сначала императоръ излилъ всю горечь своего сердца, но потомъ опомнился и, собравъ всѣ силы, началъ высчитывать, какія и сколь великія огорченія причинилъ ему его сынъ, и чего онъ заслужилъ, поступая противу естества и заповѣди господней. „Но, продолжалъ императоръ, такъ-какъ онъ не хотѣлъ явиться сюда для своего оправданія, то я прощаю ему, насколько то отъ меня зависитъ, все, что онъ сдѣлалъ противу меня, и будьте того свидѣтелями вы и Богъ. Ваше дѣло ему напомнить, что онъ свелъ въ могилу сѣдину своего отца, съ опечаленнымъ сердцемъ, и презрѣлъ заповѣдью нашего общаго отца Бога и его угрозами“.

Возвѣстивъ это такимъ образомъ и сказавъ то—было же это вечеромъ въ субботу — онъ повелѣлъ, чтобы всю ночь происходило предъ нимъ всенощное бдѣніе, и чтобы на грудь ему была положена часть Христова креста; пока у него доставало силъ, онъ клалъ безпрестанно крестное знаменіе на чело и грудь, когда же силы его оставляли, онъ приказывалъ дѣлать то же самое своему брату Дрого. Такъ оставался онъ всю ночь въ полномъ тѣлесномъ разслабленіи, но умъ его сохранялъ всю ясность. На слѣдующее утро, въ воскре-

сенье, онъ приказалъ поставить у себя алтарь и служить на немъ самому Дрого; потомъ сообразно обычаю, принялъ святое причастіе изъ своихъ рукъ, и затѣмъ сдѣлалъ глотокъ теплаго напитка. Вкусивъ такимъ образомъ, Людовикъ просилъ брата и другихъ присутствовавшихъ позаботиться о подкрѣпленіи своего тѣла, а самъ обѣщалъ подождать ихъ, пока они будутъ подкрѣпляться. Но когда наступило время отхода, онъ далъ знакъ Дрого, нажавъ перстомъ другіе пальцы, какъ онъ обыкновенно дѣлалъ, когда желалъ что-нибудь выразить своему брату; этотъ подошелъ къ умирающему вмѣстѣ съ прочими пресвитерами, и тогда Людовикъ словами и знаками, какъ могъ, поручилъ себя ихъ молитвамъ, просилъ благословенія и требовалъ совершить все, что дѣлалось въ предсмертную минуту каждаго человѣка. Пока они занялись тѣмъ, Людовикъ — это мнѣ разсказывали многіе—поворотилъ лицо на лѣвую сторону и гнѣвно, съ напряженіемъ всѣхъ силъ, кричалъ: *hutz, hutz!* то-есть: прочь! Очевидно, что онъ замѣтилъ злого духа, общество котораго онъ не желалъ терпѣть ни при жизни, ни при смерти. Затѣмъ онъ возвелъ свои глаза къ небу, и чѣмъ болѣе потухалъ его взглядъ, тѣмъ радостнѣе взиралъ онъ наверхъ, такъ что по его лицу проскользнула улыбка. Такъ достигъ онъ конца своей жизни, и, какъ мы убѣждены, счастливо успокоился, ибо правдиво сказалъ праведный учитель: „Не можетъ умереть худо, кто хорошо жилъ". Людовикъ умеръ двадцатаго іюня, имѣя отъ роду шестьдесятъ-четыре года; Аквитаніею правилъ онъ 37 лѣтъ, а какъ императоръ царствовалъ двадцать-семь лѣтъ (840 г.).

Когда его душа отлетѣла, Дрого, братъ императора и епископъ въ Метцѣ, вмѣстѣ съ другими епископами, аббатами, графами, императорскими вассалами и множествомъ духовенства и народа, отвезъ тѣло императора съ великими почестями въ Метцъ и поставилъ въ церкви св. Арнульфа (родоначальникъ династіи Карловинговъ, изъ фамиліи Тонанція-Ферреоли, и епископъ г. Метца), гдѣ была погребена и его мать (Гильдегарда, первая жена Карла Великаго).

Астрономъ.

Vita s. Hludovici imperatoris. 778—840.
У Pertz, Monum. II, 607—648 стр.

Астрономъ (Astronomus) — такъ прозвали впослѣдствіи неизвѣстнаго автора „Жизни Людовика императора", на основаніи его же собственныхъ словъ, приведенныхъ имъ въ гл. 58 (см. выше, на стр. 135). Изъ этихъ же словъ, можно вывести только одно заключеніе о самомъ авторѣ: онъ былъ однимъ изъ приближенныхъ лицъ императора и занимался вмѣстѣ съ нимъ астрономіею и даже астрологіею, какъ видно изъ разсказаннаго имъ случая. Его трудъ превосходитъ всѣ прочія біографіи Людовика своею полнотою и представляетъ даже нѣкоторое безпристрастіе, не смотря на всю любовь къ лицу императора. Вся біографія раздѣляется на три части: первая часть самая важная, ибо обнимаетъ собою время правленія Людовика, какъ короля Аквитаніи, отъ 778 до 814 г., опущенное другими біографами, и заключаетъ драгоцѣнныя подробности о состояніи провинцій при Карлѣ Великомъ; вторая часть, отъ 814 г. до 830 г., совершенно ничтожна, какъ простое сокращеніе хроники

Эгингардта; третья часть, отъ 830 до 840 г., пріобрѣтаетъ снова интересъ: авторъ пишетъ о томъ, что онъ видѣлъ и слышалъ отъ очевидцевъ; но въ особенности важно его описаніе послѣднихъ двухъ лѣтъ, отъ 838 до 840 г. *Изданіе:* Pertz, Monum. Germ. II, 607—648. *Критика:* Wattenbach, Deutschlands Geschichtsq. 114 стр. *Переводы:* Нѣмецк. Jasmund (Berl. 1860) въ Geschichtsschr. d. d. Vorzeit. Liefer. 11.

Жизнь Людовика Благочестиваго.

(Въ 836 г.).

1. Подъ властью Господа нашего Іисуса Христа, да продлится она во-вѣки, годъ отъ его рождества 813, сорокъ же пятый правленія нашего преславнаго и правовѣрнаго императора Карла, происшедшаго изъ рода св. Арнульфа, Христова епископа [1]), какъ мы то познали изъ отцовскихъ преданій, и какъ о томъ свидѣтельствуютъ многочисленныя исторіи.

Св. Арнульфъ, бывшій въ юности герцогомъ, родилъ герцога Анзегиса; герцогъ Анзегисъ родилъ герцога Пипина старшаго (т.-е. Геристаля); герцогъ Пипинъ старшій родилъ герцога Карла старшаго (т.-е. Мартелла); герцогъ Карлъ старшій родилъ Пипина, котораго папа Стефанъ поставилъ и помазалъ королемъ (т.-е. Короткаго); король Пипинъ старшій родилъ Карла (742 г.), котораго папа Левъ (III) поставилъ и помазалъ императоромъ, въ церкви, гдѣ покоится святое тѣло Петра, князя апостоловъ, въ самый день Рождества Господа нашего Іисуса Христа (800 г.).

2. Карлъ, еще во время своего юношества, женился на дѣвицѣ изъ благороднаго рода швабовъ, по-имени Гильдегардѣ, изъ рода Готфрида, герцога Алеманніи. Герцогъ Готфридъ родилъ Гуокинга; Гуокингъ родилъ Неби, Неби Имму, а Имма родила покойную королеву Гильдегарду. Вступивъ съ нею въ бракъ, вышеупомянутый императоръ родилъ трехъ сыновей; изъ нихъ одинъ назывался по имени своего отца Карломъ, другой Пипиномъ—онъ былъ королемъ Италіи—а третій Людовикомъ—онъ былъ королемъ Аквитаніи. Долго жилъ съ ними ихъ отецъ счастливо, и поучалъ ихъ наукамъ и мірскимъ законамъ.

3. Младшій его сынъ (род. 778 г.) съ юности привыкъ всегда почитать и любить Бога, и раздѣлялъ все, что имѣлъ, ради имени господня, между бѣдными. Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ лучшій изъ дѣтей Карла, какъ то случалось всегда отъ начала міра, что младшія дѣти превосходили своими добродѣтелями старшихъ братьевъ. Истина того подтвердилась въ первый разъ на сыновьяхъ нашихъ прародителей, именно на томъ, котораго Господь въ своемъ благо-

---

[1]) *Арнульфъ*, епископъ города Метца, съ 614 г., родоначальникъ Карловинговъ, изъ древней римской фамиліи Тонанція-Ферреоли.

вѣствованіи называетъ Авелемъ Справедливымъ. Авраамъ имѣлъ двухъ сыновей, но младшій былъ лучше старшаго; Исаакъ имѣлъ также двухъ сыновей, но избраннымъ былъ младшій. Іессій имѣлъ многихъ сыновей, но младшій, пасшій овецъ, былъ повелѣніемъ господнимъ помазанъ и поставленъ во главѣ всего Израиля. Его сѣмя удостоилось произвести изъ себя предвозвѣщаннаго Христа. Но было бы длинно приводить дальнѣйшіе примѣры того и другого подобнаго.

4. Когда вышеупомянутый Людовикъ достигъ зрѣлаго возраста, онъ женился на дочери весьма благороднаго герцога Ингорама, племянника святого епископа Руотганга. Дѣвица же эта называлась Ирмингарда, которую Людовикъ, по совѣту и съ согласія своего отца, сдѣлалъ королевою. Еще при жизни отца онъ имѣлъ отъ нея трехъ сыновей, Лотаря, Пипина, а третій назывался, какъ онъ самъ, Людовикомъ.

5. Императоръ же Карлъ Великій правилъ хорошо и полезно, и любилъ свое государство. Въ сорокъ второй годъ его правленія умеръ его сынъ Пипинъ, тридцати-трехъ лѣтъ отъ роду (810 г.). На слѣдующій годъ умеръ и первородный изъ дѣтей Гильдегарды. Людовикъ былъ единственнымъ, который остался въ живыхъ для принятія на себя правленія.

6. Но когда императоръ почувствовалъ приближеніе послѣдняго дня—а онъ былъ уже очень старъ — онъ призвалъ къ себѣ сына Людовика со всѣмъ войскомъ, епископами, аббатами, герцогами, графами и намѣстниками; вмѣстѣ съ ними держалъ общій совѣтъ во дворцѣ, въ Ахенѣ, съ миромъ и честью, убѣждалъ ихъ сохранить вѣрность своему сыну, и спрашивалъ ихъ всѣхъ, отъ мала до велика, будетъ ли имъ угодно, чтобы онъ передалъ своему сыну Людовику императорское достоинство. И всѣ они отвѣчали радостнымъ одобреніемъ, и да будетъ на то воля господня. За тѣмъ въ ближайшее воскресенье онъ облачился въ королевскія одежды и надѣлъ на голову корону: вышелъ же онъ разодѣтый и украшенный, какъ то ему и подобало. И пошелъ онъ въ церковь, построенную имъ самимъ сверху до низу, и сталъ предъ алтаремъ, который былъ выше прочихъ алтарей и посвященъ Господу нашему Іисусу Христу; на этотъ алтарь онъ приказалъ поставить золотую корону, а другую держалъ на своей головѣ. Послѣ того, когда онъ и сынъ его долго молились, Карлъ обратился къ нему въ присутствіи цѣлой толпы епископовъ и благородныхъ, и убѣждалъ прежде всего любить и бояться всемогущаго Бога, во всемъ слѣдовать его заповѣдямъ, заботиться о божьихъ храмахъ и избѣгать всѣхъ злыхъ людей. Въ отношеніи братьевъ и сестеръ младшихъ, племянниковъ и прочихъ родственниковъ, Карлъ повелѣвалъ ему быть неизмѣнно сострадательнымъ. Кромѣ того, ему было предписано почитать пастырей церкви, какъ отцовъ, народъ любить какъ родныхъ дѣтей, людей заносчивыхъ и дурныхъ принуждать къ слѣдованію по пути добра, быть утѣхою монастырей и отцомъ бѣдныхъ; поставлять на мѣста вѣрныхъ и богобоязненныхъ слугъ, которые ненавидѣли бы злыя дѣла; никого не лишать чести безъ суда, и самому являться во всякое время, предъ людьми и Богомъ съ безукоризненною совѣстью. Сказавъ все это и

многое другое сыну, онъ спросилъ его въ присутствіи всего народа, желаетъ ли онъ повиноваться его повелѣніямъ. Людовикъ же возразилъ на это, что онъ намѣренъ съ радостью повиноваться, и съ божіею помощью вѣрно исполнитъ всѣ предписанія, которыя далъ ему его отецъ.

Тогда отецъ повелѣлъ ему взять своею рукою корону, которая лежала на алтарѣ какъ и надѣть себѣ на голову въ воспоминаніе всѣхъ данныхъ отцемъ повелѣній. Онъ же исполнилъ завѣщанное отцемъ. Затѣмъ они выслушали обѣдню и отправились вмѣстѣ во дворецъ. Сынъ поддерживалъ отца какъ туда, такъ и назадъ, и вообще онъ долго поступалъ такимъ образомъ, пока былъ при отцѣ. Нѣсколько дней спустя, отецъ, почтивъ его многочисленными и дорогими подарками, отпустилъ назадъ въ Аквитанію. Но предъ разставаньемъ они обнялись и поцѣловались и, радуясь взаимной любви, начали даже плакать. Людовикъ отправился въ Аквитанію, а императоръ продолжалъ съ честью править имперіею и носить свое званіе, какъ то ему подобало.

7. Послѣ разлуки съ сыномъ, императоръ ничѣмъ другимъ не занимался, посвящалъ все время на молитву, подвиги милосердія и исправленіе книгъ. Еще въ послѣдній день своей жизни онъ исправлялъ наилучшимъ образомъ, по греческому и еврейскому тексту, четыре евангелія о Христѣ, названные по именамъ Матѳія, Марка, Луки и Іоанна. На слѣдующій же годъ, сорокъ-шестой своего правленія, въ мѣсяцѣ январѣ, получилъ императоръ лихорадку послѣ ванны. Но болѣзнь съ каждымъ днемъ увеличивалась, такъ что онъ не могъ ни ѣсть, ни пить, и только глоталъ воду для освѣженія тѣла; тогда въ седьмой день, когда боли сдѣлались невыносимыми, онъ пригласилъ къ себѣ епископа Гильдебальда (Кёльнскаго), бывшаго съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, для подкрѣпленія и приготовленія къ смерти причащеніемъ тѣла и крови Христа. Онъ прострадалъ еще этотъ день и слѣдующую ночь. На слѣдующее же утро, когда разсвѣло, онъ, въ полномъ сознаніи того, что дѣлаетъ, поднялъ руку и почувствовалъ такую силу, что могъ сдѣлать знаменіе креста на челѣ, перекрестилъ грудь и все тѣло. Наконецъ, онъ протянулъ ноги вмѣстѣ, сложилъ руки на груди, закрылъ глаза и запѣлъ слабымъ голосомъ стихъ: „Въ руки твои, Отецъ, предаю мой духъ“. За тѣмъ онъ мирно отошелъ, въ глубокой старости, отягченный лѣтами; и въ тотъ же день, его тѣло поставлено въ церкви, построенной имъ самимъ въ ахенскомъ дворцѣ, 72 лѣтъ отъ роду, седьмаго индиктіона (28 января 814 г.).

8. По смерти преславнаго императора Карла, сынъ его поспѣшилъ изъ Аквитаніи, прибылъ во дворецъ въ Ахенѣ и безъ всякаго сопротивленія овладѣлъ всѣми землями, которыя Богъ вручилъ его отцу. Это произошло въ годъ отъ рождества нашего Господа 814, въ первый его правленія. Послѣ смерти отца, онъ сдѣлалъ собраніе въ своемъ дворцѣ и приказалъ немедленно представить себѣ, въ присутствіи всѣхъ, всѣ сокровища Карла, состоявшія въ золотѣ, серебрѣ, драгоцѣнныхъ каменьяхъ и всякаго рода утвари. Сестрамъ своимъ онъ отдалъ ихъ законную часть, а остальное роздалъ за

упокой души своего отца. Наибольшую часть сокровищъ онъ отправилъ въ Римъ, при блаженномъ папѣ Львѣ, а все остальное раздѣлилъ между странниками, духовными, бѣдными, вдовами и сиротами, не оставивъ себѣ ничего, кромѣ треугольнаго серебрянаго стола, какъ будто бы онъ былъ сложенъ изъ трехъ щитовъ; этотъ столъ удержалъ онъ изъ любви къ отцу, взамѣнъ другихъ драгоцѣнностей, который онъ уступилъ въ память отца.

9. Затѣмъ явились къ нему посланники изъ всѣхъ странъ и областей, отъ чужеземныхъ народовъ и другихъ, находившихся подъ владычествомъ его отца; они обѣщали сохранять миръ и вѣрность и свободно повиноваться безъ всякаго принужденія. Между прочими. явились посланники отъ грековъ вмѣстѣ съ Амальгаромъ, епископомъ трирскимъ, отправленнымъ еще при блаженной памяти Карлѣ къ князю константинопольскому, имени котораго теперь не припомню [1]). Когда они прибыли, на престолѣ отца былъ уже Людовикъ, какъ того восхотѣлъ Господь Богъ. Онъ встрѣтилъ ихъ милостиво, принялъ отъ нихъ подарки съ благодарностью и обращался съ ними дружески все время, пока они оставались у него. Нѣсколько дней спустя онъ одарилъ ихъ съ большими почестями и отпустилъ обратно на родину, пославъ предъ ними вѣстниковъ позаботиться обо всемъ, что было имъ потребно, при проѣздѣ чрезъ его государство.

10. Въ томъ же году, вышеупомянутый императоръ приказалъ возобновить всѣ распоряженія, сдѣланныя его предками относительно господнихъ церквей, и подкрѣпилъ ихъ собственноручною подписью.

11. Между тѣмъ явились послы отъ беневентинцевъ и, предавъ всю область Беневента [2]) его власти, обѣщали платить ежегодно дань въ нѣсколько тысячъ золотыхъ, что они дѣлали до настоящаго дня.

12. Въ это же время явился къ нему Бернгардъ, сынъ его брата Пипина, и, подчинившись ему какъ вассалъ, клялся въ вѣрности. Людовикъ же принялъ его милостиво и почтилъ великими и знатными подарками, а затѣмъ позволилъ ему безпрекословно возвратиться въ Италію.

13. Въ тоже время отправилъ государь во всѣ части своей имперіи пословъ для изслѣдованія и разсмотрѣнія, не совершилъ-ли кто гдѣ нибудь неправды, и повелѣлъ немедленно представить ему, императору, всякаго, кого они найдутъ и кто можетъ подобное утверждать и доказать несомнѣннымъ образомъ. Они отправились и нашли безчисленное множество людей угнетенныхъ; одни были лишены отцовскаго наслѣдія, другіе—свободы: таковы были дѣянія несправедливыхъ слугъ, графовъ и намѣстниковъ, питавшихъ дурные за-

---

[1]) Карлъ В. отправилъ Амальрика посломъ въ Константинополь, еще весною 813 года, къ императору Михаилу для переговоровъ о мирѣ. Но Михаила уже смѣнилъ Левъ, который отправилъ отъ себя къ Карлу В. своихъ пословъ, которые не застали Карла въ живыхъ.

[2]) Въ Беневентѣ правилъ тогда лонгобардскій герцогъ Гримоальдъ, сына Аригиза.

мыслы. Всѣ подобныя распоряженія, сдѣланныя преступнымъ образомъ, въ правленіе его отца, руками несправедливыхъ его слугъ, онъ повелѣлъ уничтожить. Притѣсненнымъ же было выдано ихъ отцовское наслѣдіе; противозаконно порабощенные получили свободу, какъ о томъ было возвѣщено особыми грамотами съ собственноручною подписью. И такъ онъ поступалъ всегда.

(Въ 14 и 15 гл. коротко упоминается о посольствѣ норманновъ къ Людовику и о счастливой войнѣ его съ славянами, 816 г.).

16. За тѣмъ каждый возвратился домой. Въ томъ же году (816 г.) умеръ Папа Левъ и ему наслѣдовалъ Стефанъ. Получивъ первосвященство, онъ приказалъ всему римскому народу дать Людовику присягу въ вѣрности, и отправилъ къ этому государю пословъ извѣстить его о желаніи видѣться съ нимъ, гдѣ ему то будетъ удобно. Когда Людовикъ услышалъ о томъ, онъ весьма обрадовался и повелѣлъ своимъ вѣстникамъ поспѣшить съ привѣтствіями на встрѣчу папѣ и приготовить все для услуги ему. За вѣстниками отправился и самъ Людовикъ встрѣчать папу: когда они съѣхались на огромной равнинѣ Реймса, то оба сошли съ лошадей; государь бросился три раза всѣмъ тѣломъ къ ногамъ верховнаго епископа и, поднявшись въ третій разъ, привѣтствовалъ папу слѣдующими словами: „Да будетъ благословенъ грядущій во имя господне; Господь есть Богъ, просвѣщающій насъ“ [1]). И папа отвѣчалъ: „Благословенъ нашъ Господь Богъ, сподобившій мои очи увидѣть второго короля Давида“. Они обнялись и облобызали другъ друга въ мирѣ; за тѣмъ отправились въ церковь; послѣ продолжительной молитвы, папа поднялся и вмѣстѣ съ своимъ духовенствомъ возгласилъ громкимъ голосомъ королевскій гимнъ.

17. Затѣмъ папа почтилъ его великими и многочисленными дарами, равно и королеву Ирмингарду, всѣхъ знатныхъ и служителей. Въ ближайшее же воскресенье, папа, въ церкви, предъ обѣднею, въ присутствіи духовенства и всего народа, поставилъ и помазалъ Людовика императоромъ, и возложилъ на его главу золотую корону удивительной работы, украшенную драгоцѣннѣйшими камнями, которую онъ привезъ съ собою. Также и королеву Ирмингарду онъ привѣтствовалъ, какъ императрицу, и надѣлъ на ея главу корону. Пока папа оставался при Людовикѣ, они ежедневно совѣщались объ улучшеніи господнихъ церквей. Послѣ же осыпавъ папу великими и безчисленными дарами, втрое большими тѣхъ, какіе самъ получилъ отъ него—такъ онъ поступалъ обыкновенно, любя болѣе давать, нежели принимать — императоръ отпустилъ его въ Римъ въ сопровожденіи своихъ пословъ, которымъ было приказано повсюду оказывать папѣ почтительнѣйшія услуги.

18. Но нѣсколько дней спустя по прибытіи въ Римъ, папа умеръ. Впослѣдствіи оказалось чрезъ откровеніе божіе въ разныхъ чудесахъ, что онъ во время земной жизни былъ истиннымъ почитателемъ Господа. Ему наслѣдовалъ папа Пасхалисъ (817 г.).

19. Возвращаясь оттуда, императоръ прибылъ въ мѣсто своего

---

[1]) Псалм. 118, 26, 27.

пребыванія, въ Ахенъ. И со дня на день возростали въ немъ святыя добродѣтели, которыя было бы трудно перечислить.

Людовикъ былъ умѣренно высокаго роста, но довольно высокъ, съ свѣтлыми глазами, открытымъ лицомъ; носъ у него длинный и прямой; губы не слишкомъ толсты, ни слишкомъ тонки: высокая грудь; широкія плечи, сильныя мышцы, такъ-что никто не могъ съ нимъ равняться ни въ стрѣляніи изъ лука, ни въ метаніи копья; руки его были длинны, пальцы прямые, ноги длинныя и относительно тонкія; ступня большая; голосъ мужественный. Въ латинскомъ и греческомъ языкахъ былъ онъ хорошо обученъ; впрочемъ по-гречески онъ болѣе понималъ, нежели говорилъ; но за то латинскимъ владѣлъ, какъ роднымъ языкомъ. Во всѣхъ писаніяхъ онъ отлично понималъ не только духовный и нравственный смыслъ, но и смыслъ таинственный. Но онъ пренебрегалъ народными сказаніями, которымъ его обучали въ молодости, и не желалъ ни читать ихъ, ни слушать, ни обучаться. Онъ былъ крѣпкаго сложенія, гибокъ и подвиженъ: не скоръ на гнѣвъ, но за то быстръ на милость. Какъ часто онъ ни ходилъ на молитву въ церковь, всякій разъ онъ становился на колѣни и прикасался лбомъ къ полу, долго оставаясь въ такомъ положеніи и иногда проливая слезы; всегда украшали его добрые нравы. Онъ былъ необыкновенно щедръ—ни въ старыхъ книгахъ, ни въ новое время, ни о чемъ подобномъ не слыхали—королевскія мызы, которыми владѣли его отецъ, дѣдъ и прадѣдъ, онъ роздалъ своимъ вѣрнымъ въ вѣчное владѣніе и укрѣпилъ грамотами съ приложеніемъ оттиска своего перстня и съ собственноручною подписью. Въ пищѣ и питьѣ былъ умѣренъ, въ одеждѣ простъ. Никогда не украшался онъ золотымъ одѣяніемъ, исключая торжественныхъ случаевъ, какъ то обыкновенно дѣлали его предки. Въ подобные дни, сверхъ рубашки и шитыхъ золотомъ штановъ, онъ носилъ золотую тунику, золотую перевязь и позолоченный мечъ, золотыя поножи и прошитый золотомъ плащъ; на головѣ была золотая корона, а въ рукѣ онъ держалъ золотой скипетръ. Онъ никогда не хохоталъ громко, и даже когда при большихъ торжествахъ являлись за его столомъ актеры, шуты и мимики съ пѣвцами и музыкантами, для народнаго увеселенія, и когда народъ смѣялся мѣстами въ его присутствіи, онъ ни разу не смѣялся до того, чтобы можно было видѣть его бѣлые зубы. Ежедневно предъ обѣдомъ онъ надѣлялъ бѣдныхъ милостынею, и гдѣ лишь только оставался, тамъ устроивалъ около себя страннопріимное убѣжище. Въ мѣсяцѣ же августѣ, когда бываютъ самые жирные олени, онъ предавался охотѣ, пока не наступало время для кабановъ.

20. Все это онъ дѣлалъ съ большимъ благоразуміемъ и осмотрительностью, не безъ оглядки; развѣ только одно, что онъ можетъ быть довѣрялъ своимъ совѣтникамъ болѣе, чѣмъ то слѣдовало бы: но и въ этомъ отношеніи вина падала на его любовь къ церковному пѣнію и усердной молитвѣ, и на одно обстоятельство, источникъ котораго находился не въ немъ. Еще гораздо прежде него существовалъ одинъ пагубный обычай, вслѣдствіе котораго на важнѣйшія епископскія мѣста поставлялись самые послѣдніе рабы; отсюда проистекло величайшее зло для христіанскаго народа, какъ то доказы-

ваетъ исторія королей послѣ Іеровоама, сына Набада, бывшаго рабомъ у короля Соломона, и послѣ котораго онъ захватилъ въ свои руки власть надъ десятью колѣнами дѣтей Израиля. Писаніе говоритъ о немъ слѣдующее: „Послѣ этого происшествія, Іеровоамъ не оставилъ своего дурного пути, но еще болѣе совращался и назначалъ въ должность первосвященника людей изъ самаго низшаго класса народа. Къ кому онъ благоволилъ, руку того наполнялъ, и тотъ дѣлался первосвященникомъ. И это послужило къ увеличенію грѣховъ дома Іеровоама, такъ что онъ погибъ и стерся съ лица земли [1])". Ибо такіе люди, когда они достигли верха власти, не смотря на то, что прежде обнаруживали доброту и простосердечіе, дѣлались вдругъ раздражительными, задорными, лживыми, упрямыми, заносчивыми, съ угрозами обращались съ своими подчиненными, и такими способами думали внушить къ себѣ страхъ и уваженіе. Своихъ презрѣнныхъ родственниковъ они старались извлечь изъ-подъ ига свойственнаго имъ рабства и дать имъ свободу. Потомъ они давали имъ нѣкоторое образованіе, и однихъ женили на знатныхъ госпожахъ, а сыновей знатныхъ фамилій принуждали соединяться бракомъ съ своими родственниками. Такимъ образомъ, они не оставляли никого въ покоѣ, кромѣ тѣхъ, которые стояли съ ними въ подобной связи; прочимъ же приходилось жить въ печали, воздыханіи и слезахъ. Родственники же вышесказанныхъ лицъ, если только они успѣли получить какое нибудь образованіе, осмѣивали старцевъ знатнаго происхожденія и презирали ихъ, дѣлались сами высокомѣрны, непостоянны, невоздержны, безстыдны, непочтительны: вообще, мало въ комъ было хорошаго. Отбросивъ такимъ образомъ святой страхъ предъ своимъ Господомъ Богомъ, они не хотѣли исполнять каноническихъ правилъ, извѣстныхъ подъ именемъ „Апостольскаго собора", гдѣ положительно сказано: „Если епископъ имѣетъ бѣдныхъ родственниковъ, то онъ долженъ одѣлять ихъ наравнѣ съ прочими бѣдными, чтобы въ противномъ случаѣ не погибло церковное имущество". Книги св. Григорія, подъ заглавіемъ: „О заботахъ духовнаго пастыря", они не хотятъ и знать. Никто не повѣритъ, какъ они ведутъ себя, кромѣ тѣхъ, которые постоянно отъ нихъ страдаютъ. Ихъ же родственники, если только они чему нибудь обучены, принимаются въ духовное званіе, и это обстоятельство представляетъ одинаковую опасность, какъ для посвящающаго, такъ и для посвящаемыхъ. Если нѣкоторые изъ нихъ и не безъ познаній, то безнравственность ихъ далеко превосходитъ ихъ ученость. И случается часто, что пастырь въ церкви не смѣетъ называть по каноническимъ правиламъ людей небрежныхъ и вредныхъ вслѣдствіе ихъ родственныхъ связей; многіе начинаютъ презирать духовное званіе, потому что въ него облекаются подобные люди. И да уничтожитъ и истребитъ всемогущій Богъ въ своемъ милосердіи этотъ пагубный обычай у королей и князей, отнынѣ и во вѣки, и да прекратится онъ въ народѣ Христовомъ! Аминь.

21. Вышеупомянутый императоръ назначилъ (817 г.) своего сына Лотаря преемникомъ всѣхъ владѣній, дарованныхъ ему Богомъ, и

---

[1]) I Кн. Цар. 13,33.

наслѣдникомъ имени и власти отца. Но это раздражило остальныхъ **сыновей.**

Послѣдующія главы, отъ 22 до 40, описываютъ въ самыхъ сжатыхъ чертахъ періодъ раздора Людовика Благочестиваго съ дѣтьми и второй бракъ Людовика съ Юдиѳью; рожденіе Карла Лысаго послужило къ увеличенію распрей; заботы Людовика надѣлить землями послѣдняго сына на счетъ дѣтей отъ перваго брака сблизили младшихъ братьевъ съ Лотаремъ и заставили ихъ соединиться вмѣстѣ противъ отца. Это новое возстаніе дѣтей, 832 г., авторъ описываетъ снова обстоятельно, оставляя сухую форму хроники, и вмѣстѣ съ тѣмъ выражаетъ свои личныя симпатіи и антипатіи къ борющимся сторонамъ.

40. Когда Людовикъ прибылъ во Франкфуртъ (832 г.), туда же явился и его сынъ Лотарь, прося дозволенія очиститься предъ отцомъ и доказать, что его братъ Людовикъ (т.-е. Нѣмецкій, получившій при раздѣлѣ Баварію) надѣлалъ отцу заботъ и непріятностей (авторъ говоритъ о послѣднемъ возстаніи Людовика Нѣмецкаго противу отца, которое только-что было усмирено послѣднимъ), противъ его воли и безъ всякаго участія съ его стороны; но нѣкоторые знаютъ, на сколько его клятва была справедлива.

41. Между тѣмъ, пока король оставался во Франкфуртѣ, пришло извѣстіе, что его сынъ Пипинъ (получившій при раздѣлѣ Аквитанію), сдѣлалъ попытку возстать противъ отца. Вслѣдствіе того Людовикъ поспѣшилъ къ городу Лимодіи (н. Limoges) противу Пипина и приказалъ сыну явиться во Францію, вмѣстѣ съ женою и дѣтьми. Сначала сынъ повиновался приказанію отца и дошелъ до города Теотуада (н. Тіонвилль); но оттуда поворотилъ назадъ и удалился въ Аквитанію. Императоръ же вернулся въ свою резиденцію Ахенъ и оставался тамъ короткое время. Оттуда онъ пошелъ къ городу Вормацію (н. Worms), предъ началомъ великаго поста. Послѣ же Пасхи, онъ услышалъ, что дѣти снова идутъ на него съ враждебными намѣреніями. Тогда онъ собралъ войско и пошелъ на нихъ по огромной равнинѣ, которая стелется между Аргенторіей (н. Страсбургъ) и Базиліей (н. Базель), и до настоящаго времени называется „Полемъ-Обмана"; на этомъ-то мѣстѣ, вѣрность большей части людей покрылась стыдомъ. Дѣти вышли къ нему на-встрѣчу въ сопровожденіи папы Григорія: но св. отецъ ни на что изъ ихъ требованій не соглашался. Нѣсколько дней спустя императоръ и папа имѣли свиданіе; долго они говорили другъ съ другомъ, и папа почтилъ императора великими и безчисленными подарками. По возвращеніи каждаго въ свою палатку, императоръ препроводилъ къ папѣ королевскіе дары чрезъ посредство почтеннаго аббата и священника Адалунга. Между тѣмъ, нѣкоторые дали совѣтъ оставить императора и перейти къ его сыновьямъ; такъ совѣтовали въ особенности тѣ, которые уже прежде оскорбляли Людовика; въ одну ночь большая часть войска бросила короля, оставила палатки и удалилась къ его сыновьямъ. На слѣдующее утро, нѣкоторые изъ оставшихся вѣрными, явились къ императору; но онъ обратился къ нимъ съ приказаніемъ: „Идите къ моимъ сыновьямъ: я не хочу, чтобы кто-нибудь изъ-за меня потерялъ жизнь или пролилъ кровь". И они пошли отъ него, утопая въ слезахъ. При

этомъ же случаѣ, сыновья разлучили его съ женою (т.-е. Юдиѳью), давъ клятвенное удостовѣреніе, что они не лишатъ ея ни жизни, ни языка. Но они отправили ее немедленно въ Италію, въ городъ Тортону, съ тѣмъ, чтобы держать ее тамъ подъ стражею. Вскорѣ за тѣмъ они овладѣли отцомъ и увели его съ собою; потомъ разстались: Пипинъ пошелъ въ Аквитанію, а Людовикъ (Нѣмецкій) въ Баварію.

43. Лотарь же повезъ отца съ собою въ Компендій (н. Compiègne), и вмѣстѣ съ епископами и другими причинилъ ему много оскорбленій. Они принуждали его удалиться въ монастырь и провести тамъ всю жизнь. Но онъ воспротивился и не далъ на то своего согласія. А епископы тѣснили его жестоко, и въ особенности тѣ изъ нихъ, которыхъ онъ самъ возвысилъ до такихъ почестей изъ состоянія послѣдняго рабства; къ нимъ присоединились также и тѣ, которые достигли своего званія, бывъ чужеземцами.

44. Они выискали одного презрѣннаго и жестокаго человѣка, по имени Эбо, епископа г. Реймса [1]), вышедшаго изъ состоянія рабовъ, съ тѣмъ, чтобы онъ безчеловѣчно мучилъ императора. Неслыханное говорили они ему, неслыханно поступали съ нимъ, всякій разъ, когда посѣщали его: они отняли у него мечъ, и по приговору своихъ рабовъ онъ былъ облеченъ въ власяницу. Такъ исполнилось слово пророка Іереміи: „Рабы властвуютъ надъ нами" (Іерем. 5, 8). О какъ ты его отблагодарилъ! Онъ тебя сдѣлалъ свободнымъ, но не благороднымъ, такъ какъ послѣднее невозможно. Сдѣлавъ тебя свободнымъ, онъ облекъ тебя въ пурпуръ и палліумъ, а ты облекаешь его въ власяницу. Онъ возвелъ тебя, безъ всякихъ заслугъ, на епископскій престолъ, а ты хочешь, на основаніи беззаконнаго приговора, низвести его съ престола отцовъ. Жестокій! какъ ты могъ забыть повелѣніе Господа: „Рабъ не болѣе своего господина" (Матв. 10, 24). Зачѣмъ ты презрѣлъ повелѣніемъ того апостола, который былъ восхищенъ до третьяго неба, чтобы услышать отъ ангеловъ то, что онъ долженъ былъ предписать людямъ? А его предписаніе гласитъ такъ: „Всякая душа да будетъ покорна высшимъ властямъ; ибо нѣтъ власти не отъ Бога" (Римлян. 13, 1). А другой апостолъ сказалъ: „Бога бойтесь, царя чтите; слуги со всякимъ страхомъ повинуйтесь господамъ, не только добрымъ и кроткимъ, но и суровымъ; ибо то угодно Богу" (I Петр. 2, 17, 18). Ты же Бога не убоялся и короля не почтилъ. Если же выполняющій все это пріобрѣтаетъ божескую благодать, то, конечно, пренебрегающій тѣмъ вызоветъ противъ себя гнѣвъ божій. Жестокій, кто былъ твоимъ совѣтникомъ и руководителемъ!... О, Господи Іисусе Христе, гдѣ былъ тогда твой ангелъ, который ночью въ Египтѣ избилъ всѣхъ перворожденныхъ? и тотъ, который въ одну ночь, при неправедномъ королѣ Сеннахеримѣ, умертвилъ въ лагерѣ ассиріянъ 185 тысячъ, по свидѣтельству пророка Исаіи? Или тотъ, который поразилъ младшаго Ирода, среди его рѣчи, такъ-что онъ былъ съѣденъ червями? И ты земля, носившая его въ то время, зачѣмъ ты не разверзла твою пасть, чтобы проглотить его, какъ ты сдѣлала то съ Даѳаномъ и Авирономъ? Развѣ

[1]) Ср. объ Эбо ниже, въ ст. 10.

ты не знаешь того тройного закона, который гласитъ: „Ослу нуженъ кормъ, плеть и ноша, а рабу—хлѣбъ, наказаніе и работа“ (Іис. Сир. 33, 25). Это къ тебѣ относятся слова пророка Захаріи: „Ты не долженъ жить, такъ какъ ты лжешь во имя Господа. Богъ обличилъ твое ничтожество и другому предоставилъ свое царство и свою славу. Корыстью и ложью ты осудилъ себя на погибель въ своемъ ничтожествѣ. Да преслѣдуютъ тебя бѣдствія во всѣ дни твоей жизни“.

Твое ничтожество отъ корысти и лжи растетъ со дня на день, какъ небольшое число отъ умноженія доходитъ до громадной цифры. Жестокій твой каноническій приговоръ еще не приведенъ въ исполненіе, но слѣдовало бы его исполнить къ увеличенію твоего срама. Твои предки были пастухи, а не совѣтники королей. Ты лишилъ, по приговору другихъ, Іессу его пастырскаго достоинства [1]), а теперь ты опять возстановилъ его. Или теперь, или тогда, твой приговоръ былъ ложенъ; ты подражаешь тому, о комъ поэтъ говоритъ въ шестой книгѣ Энеиды (за тѣмъ авторъ цитуетъ изъ Виргилія пять стиховъ, 617—621). Что̀ еще прибавить? Если бы я имѣлъ языкъ изъ желѣза, а губы изъ мѣди, то и тогда было бы для меня невозможно изобличить и исчислить всѣ твои пороки. Еслибы кто захотѣлъ воспѣть въ стихахъ твои злодѣянія, то ему пришлось бы помнить больше, чѣмъ Гомеру и минціанскому Марону (т.-е. Виргилію) вмѣстѣ съ Овидіемъ.

Но испытанія благочестиваго государя, причиненныя ему недостойными людьми, полагаютъ, были насланы съ тѣмъ, чтобы обнаружить его кротость, какъ было тѣмъ же путемъ доказано терпѣніе блаженнаго Іова, хотя было большое различіе между ихъ преслѣдователями. Тѣ, которые подвергли мукамъ блаженнаго Іова, были короли, какъ о томъ мы читаемъ въ книгѣ блаженнаго Товіи; а тѣ, которые оскорбляли Людовика, были законными рабами его и его отца.

45. Изъ Компендія (Компьеня) они отвели благочестиваго государя въ Ахенъ. Когда же услышалъ объ этомъ его соименный сынъ (т. е. Людовикъ Нѣмецкій), онъ тотчасъ оставилъ Баварію, поспѣшая съ великою скорбью къ отцу. Едва онъ прибылъ во Франкфуртъ, какъ немедленно отправилъ оттуда пословъ, аббата и священника Гоцбальда и пфальцграфа Моргарда, съ настоятельнымъ требованіемъ приговорить отца къ болѣе легкому наказанію. Но братъ его дурно принялъ такое предложеніе. Когда же послы отправились въ обратный путь, Лотарь немедленно послалъ къ отцу людей, съ тѣмъ чтобы никого не допускали видѣться съ нимъ.

Затѣмъ Людовикъ (Нѣмецкій) поспѣшилъ въ Ахенъ, и подошелъ уже къ Могонціи (Майнцу), какъ тамъ его встрѣтилъ братъ. Они имѣли горячій разговоръ о случившемся, такъ какъ всѣ прибывшіе съ Лотаремъ были несправедливымъ образомъ противники его отца, а спутники Людовика (Нѣмецкаго) оставались вѣрными ему и его отцу. Оттуда Лотарь возвратился въ Ахенъ и праздновалъ тамъ

[1]) Іесса былъ одинъ изъ враговъ Людовика Благочестиваго, и принималъ участіе въ прежнихъ возстаніяхъ его сыновей, за что и лишился своего званія.

Рождество Господне, между тѣмъ какъ его отецъ оставался въ плѣну.

47. Послѣ праздника Богоявленія (834 г.), Людовикъ снова отправилъ пословъ къ отцу, почтеннаго аббата и пресвитера Гримальда и благороднаго вѣрнаго герцога Гебгарда. Когда они прибыли въ Ахенъ, Лотарь дозволилъ имъ видѣть отца въ присутствіи сторожившихъ его, изъ которыхъ одинъ былъ епископъ Отгаръ, а другой—вѣроломный Ричардъ. Когда послы предстали предъ государя, они униженно бросились къ его ногамъ. Затѣмъ они привѣтствовали его отъ имени его сына Людовика. Секретнаго порученія они не хотѣли ему передавать въ присутствіи приставовъ, но нѣкоторыми знаками дали ему понять, что его сынъ, Людовикъ, не одобряетъ его наказанія.

Когда послы удалились, Лотарь немедленно принудилъ отца вмѣстѣ съ нимъ возвратиться въ Компендій, куда онъ и отправился охотно вмѣстѣ съ сыномъ. Но когда услышалъ о томъ его сынъ Людовикъ, онъ собралъ войско и послѣдовалъ за нимъ; такъ-какъ онъ былъ близокъ отъ нихъ, то Лотарь освободилъ отца и удалился отъ него вмѣстѣ съ своими нечестивыми совѣтниками. Сынъ же его Людовикъ прибылъ къ нему, принялъ его съ почестями, отвелъ въ его резиденцію, Ахенъ, и божіимъ соизволеніемъ возвратилъ ему царство и достоинство. И тамъ они праздновали вмѣстѣ св. Пасху Господню. Когда же услышалъ о томъ Эбо, онъ обратился въ бѣгство, но былъ пойманъ, представленъ государю и осужденъ имъ на заточеніе.

48. Въ томъ же году (835), двадцать-первомъ его правленія, Людовикъ даровалъ прощеніе всѣмъ, которые оставили его въ несчастіи. И это не было ему ни трудно, ни тяжело, какъ благочестивѣйшему императору, который и прежде прощалъ врагамъ своимъ, во исполненіе словъ евангелиста, сказавшаго: «Прощайте и прощены будете» (Лук. 6, 37). Ему же готовилъ великую и прекрасную награду тотъ, кто заповѣдывалъ то, ибо кого Господь любитъ, того и наказуетъ....

49. Но прежде всего должно обратить вниманіе на то, чтобы впередъ рабы не были его совѣтниками; они, гдѣ могутъ, стараются больше всего о томъ, чтобы притѣснить знатныхъ и возвысить себя чрезъ родственныя связи. Но такіе люди недостойны своего высокаго званія, и рѣдко случалось при его отцѣ, блаженной памяти, чтобы кто-нибудь изъ подобнаго сословія былъ возвышенъ до такихъ почестей. Такихъ онъ строго проучалъ, чтобы они не превозносились. Слѣдовать подобному примѣру составляетъ въ настоящее время настоятельную необходимость. При его кротости въ эпоху тяжелаго испытанія, подобные люди тѣснились около него, и онъ осыпалъ ихъ всевозможными благами, безъ всякихъ заслугъ съ ихъ стороны. А что они дѣлали съ своими подчиненными, о томъ всякій знаетъ, не должно и спрашивать.

50. Когда императоръ возвратилъ свою утраченную власть, они отправили пословъ въ Италію, чтобы привезти назадъ жену (Юдиѳь), столь часто огорчаемую клеветами. Они встрѣтили ее съ почестями и

отвели съ радостью и торжествомъ къ государю, который тогда былъ въ Ахенѣ.

51. Лотарь же утвердился въ городѣ Кавиллонѣ (н. Châlons), гдѣ онъ надѣлалъ много зла, разграбляя божіи храмы и предавая мукамъ приверженцевъ отца, гдѣ только ему удавалось захватить ихъ, кромѣ пословъ. Сверхъ того, онъ приказалъ посадить въ винную бочку монахиню Гербиргу, сестру герцога Бернгарда, и бросить въ рѣку Арарь (н. Saône), о которой сказалъ поэтъ (Виргилій, Эклог. I. 63):

Парѳянинъ пьетъ арарскія волны, германецъ изъ Тигра.

И послѣ продолжительныхъ мученій, онъ умертвилъ ее по приговору женъ своихъ недостойныхъ совѣтниковъ, исполняя тѣмъ предсказанія псалмопѣвца (Псал. 18, 27): «И съ чистыми ты чистъ, и съ развращенными развращенъ».

52. Затѣмъ императоръ отправилъ къ нему пословъ почтеннаго аббата Маркварда съ другими вѣрными ему лицами, вручилъ ему письмо съ увѣщаніями, въ которомъ требовалъ главнымъ образомъ отъ него привести себѣ на память повелѣніе всемогущаго Бога и его собственныя, оставить дурную жизнь и подумать, какое строгое наказаніе ожидаетъ его неповиновеніе заповѣдямъ господнимъ. Между такими заповѣдями Богъ изрекъ: «Чти отца своего и матерь» и: «Кто клянетъ отца или матерь, тотъ смертію умретъ». Такую заповѣдь Господь далъ не чрезъ пророковъ или апостоловъ, но самъ начерталъ и повелѣлъ ей повиноваться. А какой тяжкій грѣхъ пренебрегать этою заповѣдью, онъ показалъ то самъ во Второзаконіи (V кн. Моис. 21, 18—21), гдѣ сказано: «Кто имѣетъ упрямаго и непослушнаго сына, который не повинуется голосу отца и матери, и не слушаетъ ихъ, когда они наказываютъ, то должны они схватить его и привести къ старѣйшинамъ народа, и предъ дверями суда и предъ старѣйшинами сказать: этотъ нашъ сынъ упрямъ и непослушенъ, не повинуется нашему голосу. Тогда всѣ люди того города должны побить его каменьями, чтобы онъ умеръ, и ты долженъ такимъ образомъ удалить злого отъ себя, чтобъ весь Израиль слышалъ о томъ и трепеталъ».

53. Лотарь, выслушавъ неохотно вышеназванныхъ пословъ, пришелъ въ гнѣвъ отъ ихъ рѣчей и угрожалъ имъ; но его угрозы до сихъ поръ не были выполнены, да и никогда не будутъ. Послы же возвратились къ императору и передали ему все слышанное ими. Отецъ былъ огорченъ такимъ извѣстіемъ, собралъ большое множество народу и пошелъ на него туда, гдѣ, какъ ему говорили, онъ находился. Къ нему присоединились его сыновья, Пипинъ съ запада, а Лудовикъ съ востока, и оба привели большое войско для помощи отцу. И они подошли къ городу Орлеану, гдѣ по близости былъ и Лотарь съ своими нечестивыми совѣтниками, о которыхъ было говорено выше; но Лотарь не хотѣлъ повиноваться убѣжденіямъ отца, и воспользовался ночью, чтобы скрыться отъ него бѣгствомъ. Императоръ же отправилъ вслѣдъ за нимъ пословъ, Бадарада, саксонскаго епископа, благороднаго и вѣрнаго герцога Гергарда и муд-

раго Беренгарія, своего родственника. Когда они явились къ Лотарю, епископъ началъ, во имя всемогущаго Бога и всѣхъ святыхъ, требовать отъ него, чтобы онъ отказался отъ сообщества своихъ нечестивыхъ совѣтниковъ; такимъ образомъ императоръ могъ бы убѣдиться, божья-ли то воля, чтобы междоусобіе продолжалось, или нѣтъ. За рѣчью епископа говорили герцоги, какъ имъ было предписано. Въ отвѣтъ на это Лотарь просилъ ихъ удалиться на короткое время, и снова позвалъ къ себѣ, прося дать ему совѣтъ, какъ слѣдуетъ поступить. Они же его убѣдили представить себя вмѣстѣ съ своими клевретами на милость отца, и обѣщали ему миръ. Онъ согласился прійти вмѣстѣ съ своими. Послы же воротились къ государю и разсказали ему о случившемся.

54. За ними явился и Лотарь туда, гдѣ находился его отецъ; императоръ сидѣлъ въ своей палаткѣ, поставленной на возвышеніи въ открытомъ полѣ, такъ чтобы его могло видѣть все войско, и его вѣрные сыновья стояли подлѣ него. Тогда пришелъ Лотарь и бросился къ ногамъ своего отца, а за нимъ и его робкій тесть, Гуго [1]). Послѣ того, Матфридъ и всѣ прочіе, бывшіе главными виновниками всего случившагося, поднявшись съ земли, раскаявались въ своемъ тяжкомъ преступленіи.

И Лотарь клялся предъ своимъ отцемъ сохранять вѣрность, повиноваться его повелѣніямъ, идти въ Италію, оставаться тамъ, и безъ приказанія отца никогда не покидать этой страны. За нимъ клялись и прочіе. И благочестивый императоръ даровалъ имъ прощеніе, если они останутся вѣрными клятвѣ, отпустилъ ихъ и предоставилъ имъ все отцовское наслѣдство и прочее, чѣмъ они владѣли, кромѣ того, что онъ самъ далъ имъ отъ себя. Они удалились, и Лотарь отправился въ Италію вмѣстѣ съ своими недостойными клевретами; но вскорѣ умеръ Матфридъ, главный виновникъ тѣхъ несчастій, и многіе другіе, а тѣ, которые остались въ-живыхъ, впали въ лихорадку.

55. Императоръ же удалился оттуда и пошелъ въ Теодъ (н. Тіонвилль), гдѣ и провелъ всю зиму. Послѣ святокъ на слѣдующій годъ (835), Людовикъ сдѣлалъ большое собраніе народа, и туда явился тотъ грубый простолюдинъ Эбо, котораго епископы не смѣли низложить безъ дальнѣйшихъ разсужденій, такъ-какъ они боялись, что онъ можетъ ихъ выдать. Потому они совѣтовали ему объявить, что онъ не считаетъ себя способнымъ продолжать свои духовныя обязанности; онъ послушался ихъ и былъ свободно отпущенъ. Но не такъ слѣдовало бы поступить: гораздо лучше было бы поразить его справедливымъ приговоромъ св. отцовъ, нежели прикрыть религіею лжеблагочестіе.

56. Въ томъ же году (835) императоръ удалился въ ліонскую страну, куда къ нему пришли его сыновья, Пипинъ и Людовикъ, оба младшіе. Тамъ императоръ оставался съ своими дѣтьми, пока не воротились послы, отправленные имъ къ Лотарю въ Италію. Послѣ то-

---

[1]) Лотарь женился еще въ 821 г. на дочери какого-то графа Гуго, который своею трусостью вошелъ въ пословицу у своихъ современниковъ.

го императоръ пошелъ въ Ахенъ, Пипинъ въ Аквитанію, а Людовикъ въ восточныя страны.

57. Въ томъ же году (835) умеръ на дорогѣ Беренгарій, вѣрный и мудрый герцогъ, о которомъ долго жалѣли императоръ и его дѣти. Теперь — двадцать-второй годъ правленія нашего государя, благочестиваго императора Людовика; да сохранитъ его на-долго счастливымъ и защититъ въ этомъ мірѣ Тотъ, кого прославляютъ во всѣ вѣка, и въ жизни будущей да приведетъ Онъ его въ общеніе всѣхъ своихъ святыхъ. Аминь.

Теганъ.

Vita Hludowici imperatoris. 813—835. У Pertz, Monum. II, 585—604 стр.

Теганъ (Theganus), какъ видно изъ его словъ, самъ пережилъ описанную имъ эпоху правленія Лудовика Благочестиваго. Подробности жизни автора совершенно неизвѣстны, и мы даже не знали бы его имени, еслибъ аббатъ въ Рейхенау, Валафридъ Страбонъ, современникъ Тегана, не помѣстилъ на пріобрѣтенномъ имъ манускриптѣ „Жизни Лудовика императора", слѣдующей замѣтки: „Это сочиненіе написалъ, въ формѣ хроники, Теганъ, родомъ франкъ провинціальный епископъ (chorepiscopus) Трирской церкви, но весьма коротко и болѣе правдолюбиво, нежели интересно". Но именно это послѣднее обстоятельство, разсматриваемое въ IX вѣкѣ, какъ недостатокъ, и дѣлаетъ трудъ Тегана важнымъ историческимъ источникомъ, тѣмъ болѣе, что для смутнаго времени борьбы Лудовика съ дѣтьми онъ остается единственнымъ писателемъ-очевидцемъ. Теганъ для нашего времени можетъ быть вмѣстѣ и интересенъ, не смотря на замѣчаніе Валафрида, какъ человѣкъ, страстно привязанный къ Людовику; если страсть и ослѣпляла его въ отношеніи своего предмета, то, съ другой стороны она вызвала въ немъ откровенныя сужденія о противникахъ, дѣйствительная порочность которыхъ доставляла ему возможность не прибѣгать къ нареканіямъ и оставаться вѣрнымъ правдѣ, какъ въ томъ сознается и Валафридъ *Изданія.* Pertz, Monum. Germaniae, II, 585—604 стр., и Bouquet, Recueil, VI, 73—86 стр., съ весьма хорошими коментаріями. *Переводы*: Нѣмецк. Jasmund. Berl. 1850 (вмѣстѣ съ Астрономомъ) въ Geschichtshr. d. d. Vorzeit. Liefer. 11; французъ. у Гизо, Collect. III, 275—309 стр. *Критика:* Bähr, Geschichte der römischen Literatur im karoling. Zeitalter. Carlsr. 1840, стр. 221.

10.—Людовикъ Благочестивый и норманны. 825 г.

(въ 826 г.).

Главные біографы Лудовика Благочестиваго, какъ Теганъ и Астрономъ, говорятъ весьма коротко объ отношеніяхъ его къ норманнамъ, не смотря на то, что при немъ совершилось весьма важное событіе, а именно, первое мирное поселеніе этихъ пришельцевъ въ предѣлахъ имперіи и начало принятія ими христіанской вѣры. Вотъ все, что нашелъ необходимымъ сказать Теганъ по

поводу крещенія Гаральда, датскаго норманна, и надѣленія его Фрисландіею, подъ 825 годомъ: „Въ слѣдующемъ году (825), случилось Людовику быть въ королевскомъ дворцѣ Ингельгеймѣ (на Рейнѣ, близъ Майнца), и къ нему пришелъ туда Геріольтъ изъ данаевъ (т. е. Гаральдъ изъ дановъ, или датскихъ норманновъ); король воспринялъ его отъ святой купели, а жена его была воспринята императрицею Юдиѳью. Императоръ далъ ему бóльшую часть Фрисландіи, одарилъ его почетными подарками и отпустилъ съ миромъ въ сопровожденіи своихъ пословъ“ (гл. 33). Это важное событіе, вызвавшее небольшую замѣтку біографа-лѣтописца, обратило на себя все вниманіе біографа-поэта, который и посвятилъ на его описаніе цѣлую книгу своей поэмы, почти въ 800 стиховъ. Описавъ въ предъидущихъ книгахъ важнѣйшіе подвиги Людовика для распространенія католичества, поэтъ избралъ крещеніе Гаральда, какъ вѣнецъ всѣхъ религіозныхъ подвиговъ императора и этимъ событіемъ заключилъ свою поэму.

Наконецъ, усиліями благочестиваго короля (т. е. Людовика) христіанская вѣра въ его государствѣ возрасла повсюду до небесъ. Со всѣхъ сторонъ стекались толпами народы и племена, послужившіе и увѣровавшіе въ Бога, чтобы взглянуть на короля. Но оставалось еще одно племя, у котораго змій-искуситель сохранилъ наслѣдственно ложь древняго времени, похитившую этотъ народъ у Бога; издавна коснѣя въ грѣховномъ язычествѣ, онъ поклонялся, вмѣсто Творца, пустымъ истуканамъ—земному праху. Нептунъ считается у нихъ богомъ, а вмѣсто Спасителя они оказываютъ божескія почести Юпитеру. Это племя, по старинному, называется *данами;* такъ ихъ называютъ и теперь; на языкѣ же франковъ ихъ часто зовутъ *норманнами;* это народъ живой, ловкій и искусный въ дѣлѣ военномъ. Объ этомъ народѣ ходятъ повсюду различные слухи; на корабляхъ онъ хлѣбъ добываетъ, и жизнь ведетъ на моряхъ. Они красивы съ вида лицомъ, статны ростомъ, происходятъ оттуда же, оттуда въ пѣсняхъ родъ свой ведутъ франкскіе люди. Исполненный любви къ Богу и сжалясь надъ ними по древнему родству, императоръ усердно старается привести ихъ къ Богу. Давно уже болитъ его сердце, что этотъ единственный народъ изъ стада господня погибаетъ безъ всякаго назиданія въ вѣрѣ. Вездѣ онъ разспрашиваетъ, ищетъ вокругъ, кого бы послать, чтобы возвратить ко Господу давно затерянное сокровище. Эбо, реймсскій епископъ [1]), избирается на этотъ подвигъ, чтобы зажечь въ нихъ вѣру христову. Самъ Людовикъ воспиталъ его съ дѣтства, и благородныя науки изощрили его умъ. Къ нему-то и обратился императоръ, давая своему слугѣ и правила, и святой приказъ: „Иди, мужъ благочестивый, говорилъ онъ Эбо, и постарайся ласковой рѣчью смягчить свирѣпый народъ, какъ тебѣ то позволятъ время и обстоятельства; скажи ему: Богъ обитаетъ высоты; Онъ міръ сотворилъ и все, что живетъ на землѣ, въ водѣ и воздухѣ. Онъ сотворилъ и нашего прародителя, поселилъ его въ раю, съ тѣмъ, чтобы онъ ему послужилъ во вѣки-вѣковъ, и

---

[1]) Ср. у Тегана, выше, на стр. 152 и предъидущ.

творецъ оградилъ его отъ всякаго зла. Но онъ палъ, нарушивъ заповѣдь господню: и злоба дьявола погубила весь родъ, отъ него происшедшій. Съ того времени жатва расла и множились звѣри въ поляхъ и лѣсахъ; но люди служили не Богу, а издѣлію рукъ. Наконецъ, потопъ поглотилъ всѣхъ своими волнами, и едва немногіе спаслися въ ковчегѣ. Такъ, снова отъ пары размножились люди, но немногіе изъ нихъ служили истинному Богу, остальной же народъ, проникнутый ядомъ, отклонился отъ пути праотцовъ, и поклонялся истуканамъ. Снова сжалился Богъ, и послалъ сына на землю, своего соправителя въ царствѣ небесномъ, сидящаго съ нимъ на престолѣ. Онъ возстановилъ связь человѣка съ божествомъ, и освободилъ человѣчество отъ первороднаго грѣха. Онъ могъ бы, вмѣстѣ съ отцомъ, по своему могуществу, спасти нашу землю, но по любви предпочелъ подвергнуться смерти. Онъ умеръ добровольно распятый на крестѣ, чтобы открыть честнымъ подвижникамъ царство небесное. Теперь Онъ сидитъ одесную отца, раздѣляя престолъ съ нимъ, и взываетъ къ вѣрнымъ слугамъ: „Поспѣшайте ко мнѣ, вы наслѣдуете царство небесное“. Своимъ избранникамъ Онъ повелѣлъ созвать грѣшниковъ и одарить ихъ по обычаю даромъ крещенія. Никто не получитъ царства небеснаго, кто не исполнитъ повелѣній единороднаго сына, а именно, кто не оставитъ служенія тяжкому грѣху и не приметъ дара, сообщаемаго таинствомъ крещенія. И такъ, любезный мой Эбо, старайся народъ обратить къ вѣрѣ христовой: это наше призванье; такъ мы и церковь почтимъ. Пусть суетное бросятъ: поклоненіе мѣднымъ издѣльямъ унижаетъ человѣка, ибо въ немъ живетъ разумъ. Что имъ за помощь Нептунъ, Юпитеръ, кусокъ металла, руками обдѣланный? Глупцы, покланяются они пустому и молятся глухимъ и нѣмымъ, принося адскимъ духамъ жертвы, которыя слѣдовало принести Богу. Намъ запрещено умилостивлять Господа кровью животныхъ; Богу угодна одна кроткая молитва. Довольно времени погибло за смертнымъ грѣхомъ, теперь пора уже оставить службу идоламъ. Но, клонится къ вечеру день, послѣдній часъ призываетъ ихъ: имъ оставлено мѣсто въ виноградникѣ Господа. Стряхнемъ съ себя праздную лѣность, пока свѣтитъ день и человѣкъ можетъ искать Бога, чтобы внезапно насъ ночь не застала, и чтобы они по заслугамъ не были низвергнуты во тьму кромѣшную. Возьми же съ собой, святой Эбо, Писаніе, въ которомъ заключенъ святой завѣтъ ветхой и новой вѣры, и читай его усердно. Почерпни изъ этого освященнаго источника то питье, насладившись которымъ они познали бы истиннаго Бога. Бесѣдуй съ ними серьезно, когда представится случай; пусть познаютъ ту мерзость, которой они такъ долго служили. Однимъ словомъ, иди отъ насъ прямо къ королю Гаральду, и передай ему мои слова: Мы, подвигнутые любовью къ Богу и ученіемъ св. вѣры, возвѣщаемъ ему слѣдующее: хочетъ-ли онъ послушать дружескаго совѣта и смиренно склониться на нашу рѣчь? Мы желаемъ, чтобы онъ скорѣе оставилъ старыя заблужденія и обратился ко Христу; да восприметъ онъ въ сердцѣ своемъ Господа, чья есть сила, и который сотворилъ его самого. Прочь дьявольскіе истуканы, исчезни жестокій Юпитеръ; пусть онъ оставитъ Нептуна и напра-

вится въ церковь! Я молю Бога о томъ, чтобы онъ надѣлилъ его дарами крещенья святого и возложилъ на его главу крестъ христовъ. Я только даю совѣтъ, и онъ не долженъ думать, что я покушаюсь на его власть; я желаю подчинить Богу его созданіе. Согласенъ онъ, тогда пусть поспѣшитъ въ нашъ дворецъ и приметъ святое крещеніе отъ источника истины. Послѣ же крещенія и причастія онъ возвратится съ оружіемъ въ свое государство, живя въ любви ко Господу. Насъ побуждаетъ святая вѣра возвѣстить ему заповѣди господни, и я хочу теперь же все это исполнить". Затѣмъ, король повелѣваетъ снабдить Эбо великими подарками. „Иди же, и поможетъ тебѣ Богъ" сказалъ въ заключеніе Лудовикъ.

Въ этомъ мѣстѣ, поэтъ прерываетъ свой главный разсказъ и говоритъ о походѣ Людовика противъ возмутившихся бретонцевъ, въ которомъ принималъ участіе самъ авторъ въ полномъ вооруженіи, не смотря на свое званіе аббата, что вызвало, какъ онъ самъ сознается, смѣхъ Пипина Аквитанскаго, его друга, и совѣтъ: „Ты-бы, братъ, оставилъ оружіе, сказалъ ему Пипинъ: твое дѣло писать". Затѣмъ авторъ возвращается къ миссіи Эбо.

Между тѣмъ, благочестивый Эбо, устремляя свой путь на сѣверъ (т.-е. въ Данію), совершаетъ святой подвигъ, достойный имени Господа. Онъ дошелъ даже до твоего дворца, о Гаральдъ, и наполнилъ твое сердце ученіемъ Христа. Гаральдъ началъ вѣрить божественнымъ наставленіямъ и рѣчамъ короля, и даже самъ проповѣдывалъ народу. „О, святой мужъ, говорилъ онъ Эбо; словамъ должны соотвѣтствовать дѣла; возвратись къ королю и скажи ему отъ меня: я охотно желаю увидѣть государство франковъ, посмотрѣть на вѣру императора, на его оружіе, на его столъ, на всякія христіанскія украшенія, на поклоненіе Богу, о которомъ ты проповѣдуешь, и въ котораго ты вѣруешь. Если твой Христосъ поможетъ мнѣ исполнить всѣ мои желанія, то я сейчасъ приступлю къ дѣлу. Но пока должны оставаться на мѣстѣ всѣ алтари, построенные нами богамъ; я хочу видѣть прежде храмъ, построенный Богу. Если твой Богъ выше нашихъ, и если Онъ за мою молитву надѣлитъ меня дарами, то тогда охотно буду повиноваться Христу и, сломавъ металлическіе истуканы, брошу ихъ въ пламя". Затѣмъ Гаральдъ велитъ принести подарки, какіе только можно было достать въ странѣ дановъ, и награждаетъ ими святого мужа.

Радостно спѣшитъ Эбо домой, ревнуя о будущемъ обращеніи, и сообщаетъ королю счастливую вѣсть о томъ, что Гаральдъ, могущественный повелитель дановъ, соглашается самъ принять крещеніе. Тогда благочестивый Людовикъ возноситъ усердныя мольбы всемогущему Богу за ниспосылаемое благо, и повелѣваетъ на всемъ пространствѣ имперіи обратиться съ молитвою къ Господу, дабы Христосъ, искупившій смертью все человѣчество, спасъ и норманновъ отъ злого врага. Послѣ того, благочестивый повелитель съ миромъ поспѣшно идетъ въ Ингельгеймъ, и съ нимъ супруга (Юдиѳь) и сынъ (Карлъ Лысый).

Ингельгеймъ омывается рейнской волною, и лежитъ среди садовъ и цвѣтущихъ луговъ; тамъ-то и построенъ на сотнѣ столбовъ коро-

левскій дворецъ; внутри его множество переходовъ; они перекрещиваются тысячами; тысячи комнатъ украшены руками лучшихъ мастеровъ. Во дворцѣ стоитъ церковь Господа Бога, убранная металломъ: окошки изъ мѣди, а двери изъ золота. По стѣнамъ расписаны великія дѣянія Бога и подвиги славныхъ людей, такъ хорошо, что сразу можно узнать содержаніе картинъ. На лѣвой сторонѣ двери показывается, какъ первые люди жили въ раю, гдѣ ихъ помѣстилъ Господь Богъ; какъ змѣй-искуситель соблазнилъ добродушную Еву, какъ она вовлекла мужа, и какъ онъ самъ потомъ вкусилъ отъ запрещеннаго плода. Какъ они послѣ грѣхопаденія, при приближеніи Господа, закрылись фиговыми листьями, и какъ потомъ въ потѣ лица обрабатывали землю. Какъ при первомъ жертвоприношеніи братъ убилъ брата изъ зависти, не мечемъ, но дерзкой рукою. Далѣе, картины изображаютъ слѣдующія поколѣнія въ ихъ порядкѣ, назидая тѣмъ о случившемся. Какъ по заслугамъ потопъ затопилъ всю землю вокругъ, и все человѣчество впало въ погибель. Какъ милосердіемъ божіимъ спаслись немногіе въ ковчегѣ, и какую услугу имъ оказали воронъ и голубь. Затѣмъ видны дѣянія Авраама и его рода, Іосифъ, братья его и судьба Фараона; какъ Моисей освободилъ свой народъ изъ египетскаго плѣна, какъ онъ погубилъ египтянъ, и какъ Израиль ушелъ. Какъ Господь далъ законъ, написанный на двухъ скрижаляхъ, какъ явился источникъ изъ скалы, и какъ хлѣбъ падалъ съ неба. Какъ давно забытая обѣтованная земля была завоевана, страна, въ которой явился народу Спаситель Христосъ. Далѣе, слѣдуютъ пророки и могущественные короли съ ихъ славными дѣяніями: подвигъ Давида, дѣла Соломона, могущественнаго государя, и храмъ, построенный божіей помощью. Еще дальше, великіе вожди народовъ и знаменитѣйшіе изъ первосвященниковъ. На правой сторонѣ двери изображены изъ жизни Христа дѣянія совершенныя имъ въ то время, когда онъ былъ посланъ на землю творцемъ. Какъ наклонился ангелъ къ уху Маріи и привѣтствовалъ ее словами: „О, дѣва господня!“ Рождество Христа, издавна предсказанное пророками, и божество, спеленованное въ ясляхъ. Какъ пастухи узнали повелѣніе господне, какъ маги удостоились лицезрѣть Господа. Какъ Иродъ, подозрѣвая, что Христосъ вытѣснитъ его, въ ярости избиваетъ младенцевъ и обрекаетъ смерти. Какъ Іосифъ удалился въ Египетъ и спасъ ребенка, какъ выросъ ребенокъ и былъ въ послушаніи, какъ искалъ онъ креститься, тотъ, который самъ пришелъ, чтобы кровью своею освободить издревле погибшихъ. Какъ потомъ Христосъ, какъ человѣкъ, перенесъ тягчайшіе посты, какъ побѣдилъ онъ сатану одною своею добродѣтелью. Какъ онъ свѣтъ назидалъ святыми дарами отца; какъ онъ вновь воскрешалъ тѣла умершихъ людей, какъ съ злымъ духомъ боролся и изгналъ его совершенно. Какъ Онъ, преданный Іудою, Онъ, божество, согласился принять смерть, какъ человѣкъ, отъ нечестивой черни. Какъ воскреснувъ явился нѣкоторымъ ученикамъ, и какъ предъ глазами всего міра вознесся на небо, какъ Богъ. Такими-то изображеніями украшенъ храмъ божій богато, искусной рукою. Но, кромѣ того, и дворецъ короля расписанъ отличными картинами подвиговъ знаменитыхъ людей. Вотъ, дѣянія Кира, и нѣ-

сколько битвъ изъ времени Нина; при этомъ еще какой-то славный подвигъ. А тамъ изображенъ король раздраженный противъ рѣки, которой онъ мститъ за смерть любимаго коня. Потомъ тоже лицо воюетъ съ страною женщинъ (т.-е. амазонокъ), и одна изъ нихъ бросаетъ его голову въ сосудъ, наполненный его же кровью. Не забыты также постыдныя дѣянія тиранна Фалариса, какъ онъ придумалъ жестоко казнить непослушный народъ. Какъ Перилаъ, кузнецъ, помогаетъ ему и отливаетъ изъ мѣди быка, внутри котораго злодѣй намѣренъ сожигать людскія тѣла. Впрочемъ, тираннъ посадилъ въ желудокъ звѣря самого мастера, и, такимъ образомъ художникъ погибъ отъ собственнаго художества. Потомъ, какъ Ромулъ и Ремъ основываютъ Римъ, и первый убиваетъ злодѣйскою рукою своего брата. Какъ Аннибалъ, закаленный въ войнѣ, лишился глаза; какъ Александръ завоевалъ весь міръ, и какъ возрасло римское могущество до небесъ. Съ другой стороны, изображены подвиги предковъ, уже обращенныхъ въ христіанство: франки съ гордостью примкнули свои дѣянія къ дѣяніямъ владыкъ римскаго міра. Вотъ Константинъ, оставившій добровольно Римъ, основываетъ себѣ новую столицу въ Константинополѣ; а тамъ портретъ Θеодосія Счастливаго, и при этомъ изображеніе его дѣяній. Потомъ Карлъ старшій (т.-е. Мартеллъ), побѣдитель фризовъ, и его подвиги. И ты, Пипинъ [1]), владѣтель Аквитаніи, любимецъ Марса, и ты являешься тутъ во всемъ блескѣ. Вотъ и Карлъ Мудрый (Великій) съ открытымъ лицомъ, съ головой, высоко поднятой и украшенной короною. Подъ нимъ стоитъ саксонское войско, изготовленное къ бою; но онъ его разбиваетъ, и покоряетъ саксовъ своей власти.

Такими-то и другими подобными картинами разукрашено жилище короля; взоръ отдыхаетъ на немъ, и кто разъ взглянетъ, тотъ уже чувствуетъ радость. Въ этомъ дворцѣ благочестивый императоръ творилъ, по обычаю, судъ и расправу, заботясь о дѣлахъ своей имперіи. Но вотъ ужъ плывутъ корабли, ихъ до сотни, по рейнскимъ волнамъ; надъ ними высятся бѣлые паруса; корабли нагружены дарами народа дановъ; первый корабль везетъ на себѣ короля Гаральда. Это—онъ ѣдетъ къ тебѣ, Людовикъ; тебѣ предназначены дары, за то, что ты превознесъ по достоинству церковную славу. Вотъ они подплываютъ къ берегу; вотъ ужъ и въ гавань вошли. Благочестивый Лудовикъ замѣчаетъ ихъ съ высоты замка и шлетъ Матфрида немедленно съ толпою юношей, привѣтствовать радушно гостей. Онъ посылаетъ и множество лошадей, взнузданныхъ и покрытыхъ попоной, чтобы привезти во дворецъ чужеземцевъ, которыхъ онъ прежде никогда не видалъ. Гаральдъ ѣдетъ на франкскомъ конѣ, за нимъ слѣдуетъ супруга со всею свитою. Императоръ принимаетъ гостей радостно въ высокомъ чертогѣ, заботится о ихъ угощеніи и приглашаетъ къ столу. Тогда заговорилъ Гаральдъ почтительно, обращаясь къ высокому королю: „О, императоръ, я хочу тебѣ разсказать о причинѣ, приведшей меня въ твой дворецъ, меня и мой домъ, и всѣхъ моихъ приближенныхъ, если только твоему

---

[1]) Сынъ Людовика Благочестиваго; поэтъ былъ его вассаломъ и вмѣстѣ другомъ.

высочеству будетъ угодно склонить ко мнѣ свой слухъ. Издавна, слѣдуя вѣрно обычаямъ предковъ, я до сегодня строго держался народныхъ преданій. Моимъ богамъ и богинямъ я приносилъ обильныя жертвы съ мольбою, и дѣлалъ обѣты: я думалъ, что ихъ расположеніе защититъ наслѣдіе отцовъ, и людей, и страну, и мой домъ, не допуститъ голода, бѣдствій, и отъ великаго зла сохранитъ, обращая все въ пользу. Но твой Эбо святой, недавно навѣдавшій страны норманновъ, къ намъ обратился съ иными дѣлами. Онъ объявилъ, что творецъ земли, моря и неба — Богъ живой, и ему подобаетъ всякая слава; изъ праха земного Онъ сотворилъ двухъ людей, и такъ начался на землѣ человѣческій родъ. Этотъ же самый Богъ ниспослалъ намъ на землю Сына, изъ бедръ котораго вытекла кровь и вода. Это очистило міръ отъ сквернъ всякаго рода и открыло ему путь въ небесное царство. Іисусомъ Христомъ зовутъ Сына божія: его искупленіемъ осчастливлены всѣ вѣрующіе народы. Кто же не увѣруетъ въ то, что Онъ владѣтель небесный, не будетъ участникомъ дара крещенія и будетъ низвергнутъ въ тьму окромешную, гдѣ и погибнетъ въ сообществѣ адскихъ духовъ. Кто же хочетъ на небѣ возсѣсть, гдѣ только добро, а зло далеко, долженъ признать его человѣкомъ и Богомъ и въ чистомъ источникѣ члены омыть: три раза долженъ онъ погрузиться въ волну примиренія съ Богомъ. Тотъ есть единственный Богъ, хотя и зовутъ его тремя именами, но честь и слава таже ему и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Все же другое, что́ изъ металла рукою обдѣлано, по слову епископа, прахъ, истуканы! О, императоръ, эту-то вѣру, сказалъ мнѣ такъ Эбо, епископъ святой, своими устами, ты и носишь въ груди. Имъ просвѣщенный, увѣровалъ въ Бога и я, презирая ложныхъ боговъ. Вотъ потому-то я поспѣшилъ къ тебѣ, сѣвъ на корабль, чтобъ раздѣлить съ тобою ту вѣру, которой ты самъ преисполненъ".

Императоръ ему отвѣчалъ: „Я исполню, Гаральдъ, охотно желаніе твое и воздамъ хвалу Господу Богу. Ты, долго служа искусителю-змѣю, самъ пожелалъ по внушенію Христа воспринять его вѣру. Приготовьте же, императоръ велитъ вамъ, все, что по обычаю нужно для обряда крещенья: бѣлыя одежды, какъ то подобаетъ носить христіанамъ, воды ключевой и елей для помазанія". Когда все устроено было, и къ таинству всѣ приготовились, императоръ вмѣстѣ съ Гаральдомъ спѣшитъ въ божій храмъ. Самъ Людовикъ во славу господню воспринялъ Гаральда изъ водъ, и собственноручно облекъ его въ бѣлыя ризы. Прекрасная императрица (induperatrix) Юдиѳь воспринимала супругу Гаральда изъ купели святой, облачивъ ее также въ одежды. Потомъ, императоръ Лотарь, сынъ великаго Людовика, воспринялъ изъ купели сына Гаральда. Королевскихъ вельможъ восприняли вельможи императора, облачивъ въ одѣянье, а прочихъ другихъ воспринялъ народъ. О, великій Людовикъ, какое ты стадо привелъ ко Господу Богу, какой ѳиміамъ воскурилъ ты Христу! Заслуги твои, о король, навсегда сохранятся: то, что ты похитилъ у волка, то Богъ пріобрѣлъ. Гаральдъ, возрожденный, въ бѣлыхъ одеждахъ, идетъ въ чертоги съ крестнымъ отцомъ. Императоръ великій ему предлагаетъ дары, какіе можно найти только въ такой странѣ, ка-

кова страна франковъ: дивную ткань, украшенную каменьями и пурпуромъ съ золотою каймою; свой собственный мечъ, богатый, на золотой перевязи; золотыя поручни на обѣ руки, и поясъ, унизанный перлами; на главу, по обычаю, возлагаетъ драгоцѣнную корону, на ноги даетъ золотыя шпоры, на плеча надѣваетъ мантію, залитую сзади золотомъ, и на руки бѣлыя поручни (tegmina). Подобные же подарки были вручены Юдиѳью супругѣ Гаральда, вмѣстѣ съ другими украшеніями, а именно—платье съ золотомъ и драгоцѣнными каменьями, какое могла выткать одна Минерва; золотые обручи съ каменьями на голову, украшеніе на грудь; цѣпь золотую на шею; браслеты на руки, какъ носятъ женщины; широкій поясъ изъ золота и каменьевъ на талью, и золотое покрывало. Точно также и Лотарь украшаетъ сына Гаральда; свита его одѣта по-франски: самъ императоръ надѣлилъ ее щедро всякаго рода одеждой.

Наконецъ, настало время обѣдни; звонъ, по обычаю, призываетъ въ божію церковь. Духовенство наполняетъ храмъ въ своихъ красныхъ, искусно изготовленныхъ, одѣяніяхъ. Тамъ стоятъ толпами священники, живущіе по правилу Климента, и блестящіе ряды благочестивыхъ церковнослужителей. Теутонъ, по обычаю, располагаетъ хоръ пѣвчихъ; приходитъ и Адальвитъ, держа въ рукѣ жезлъ, разгоняетъ толпящихся и очищаетъ дорогу императору, супругѣ, ихъ сыну и вельможамъ. Императоръ, частый посѣтитель божественной службы, идетъ по широкому двору, въ одеждѣ, убранной золотомъ и сіяющей драгоцѣнными каменьями; идетъ онъ съ радостью въ сердцѣ, а поддерживаютъ его съ обѣихъ сторонъ слуги: Гильтвинъ держитъ его подъ правую руку, Элизахаръ подъ лѣвую; Герунгъ идетъ впереди, держа, по обычаю, въ рукахъ прутъ; онъ смотритъ на каждое мѣсто, гдѣ ступитъ король, грядущій съ золотою короной на помазанной главѣ. За нимъ идетъ Лотарь благочестивый, потомъ въ бѣломъ одѣяніи Гаральдъ, и прочая толпа въ своихъ подаренныхъ блестящихъ одеждахъ. Впереди отца, въ золотыхъ украшеніяхъ, ступаетъ милый ребенокъ Карлъ (т.-е. Лысый), и мраморъ звучитъ подъ ногами его. Далѣе, слѣдуетъ Юдиѳь, великая королева, въ блестящихъ одеждахъ; ее ведутъ двое вельможъ, Матфридъ и Гуго, оказывая всѣ почести супругѣ коронованнаго государя; оба они въ золотыхъ одеждахъ. За нею непосредственно идетъ супруга Гаральда, радуясь о подаркахъ, которыми наградила ее императрица. Тутъ же шелъ и Фридугизъ, а за нимъ толпа его просвѣщенныхъ учениковъ, чистыхъ вѣрой и бѣлой одеждой. За всѣми ними подвигалась въ порядкѣ толпа, облеченная въ праздничныя одежды щедростью короля. Когда король, тихо ступая, вошелъ въ церковь, онъ обратился къ Богу съ обычной молитвой. Въ ту минуту, Теутонъ подалъ громкій знакъ трубою; за нимъ послѣдовалъ клиръ и всѣ хоры. Дивится Гаральдъ, дивится супруга его, дивятся его сыновья и сподвижники съ ними о славѣ господней. Ихъ поражаетъ и клиръ, и храмъ божій, и господни служители, и самая служба. Но больше всего дивятся они могуществу того короля, котораго властью все приводилось въ движенье. О, мой Гаральдъ, скажи, умоляю, вѣра императора не кажется ли тебѣ выше твоего ничтожнаго идолопоклон-

ства? Разбей свои истуканы, изготовленные изъ золота и серебра; лучше сдѣлай изъ нихъ украшенія для себя и своихъ. Если же они изъ желѣза, то употреби ихъ на обработку полей, и закажи изъ нихъ кузнецу для хозяйства снаряды: плугъ изъ желѣза, бороздя землю, больше пользы приноситъ, чѣмъ боги желѣзные съ своимъ колдовствомъ. Вотъ истинный Богъ, кому поклоняются франки и ихъ благочестивый императоръ; служи ему, а не Юпитеру. Изъ Юпитера же надѣлай горшковъ и котловъ; пусть они стоятъ на огнѣ, который горѣлъ для ихъ первообраза. Спусти и Нептуна поплавать, какъ то ему подобаетъ!

Между тѣмъ, для хозяина дома дѣлаютъ всѣ приготовленія къ столу: различныя явства и мѣха съ драгоцѣнными винами. Петръ, глава пекарей, и Гунто, глава поваровъ, суетятся, разставляя въ порядкѣ столы. На столы стелятъ чистыя скатерти, бѣлыя, какъ снѣгъ, и на мраморѣ разставляютъ блюда. Одинъ рѣжетъ хлѣбъ, другой—мясо; на столахъ стоитъ золотая посуда. Глава кравчихъ, Огтонъ, малый проворный, готовитъ напитки, Бахуса даръ.

Когда же достойно закончилась божественная служба, король направилъ свои стопы тою же дорогой въ чертоги. Самъ онъ, блистая золотомъ, съ женою и сыномъ и съ прочею свитой шелъ впереди, за нимъ же слѣдовало блестящее духовенство. Такъ, въ торжественномъ ходѣ шелъ благочестивый императоръ домой, гдѣ его ожидало торжество, достойное главы имперіи. Лудовикъ возлегаетъ на ложе; рядомъ съ нимъ располагается прекрасная Юдиѳь, поцѣловавъ предварительно колѣно супруга; императоръ Лотарь и Гаральдъ, гость королевскій, ложатся также по указанію короля. Дивятся даны всему угощенію, дивятся оружію императора и прислуги и красивымъ пажамъ. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ день былъ и для франковъ, и для возрожденныхъ дановъ, торжественнымъ днемъ, котораго они долго не забудутъ.

На зарѣ слѣдующаго дня, когда стали тухнуть звѣзды и солнце пригрѣло землю, императоръ повелѣваетъ франкамъ готовиться къ привычной имъ охотѣ, и приглашаетъ вмѣстѣ Гаральда. Недалеко отъ дворца лежитъ островъ, омываемый волнами Рейна; на немъ растетъ вѣчно зеленая трава и густой лѣсъ; въ лѣсу живутъ дикіе звѣри различныхъ породъ, находя для себя невозмутимое убѣжище въ своихъ логовищахъ. Толпы охотниковъ и стаи собакъ наполняютъ островъ со всѣхъ сторонъ. По лугу скачетъ императоръ на быстромъ конѣ, а Видо сопровождаетъ его съ колчаномъ, наполненнымъ стрѣлами. Со всѣхъ сторонъ толпятся юноши и дѣти, и посреди ихъ Лотарь на быстромъ скакунѣ. Гаральдъ, императорскій гость и его даны стекаются отвсюду и весело смотрятъ на это прекрасное зрѣлище; великолѣпная Юдиѳь, благочестивая супруга императора, богато одѣтая, садится на благороднаго коня; первостепенные вельможи и толпа знатныхъ предшествуютъ и послѣдуютъ за государыней, изъ уваженія къ своему благочестивому монарху. По лѣсу раздается усиленный лай собакъ; тутъ кричитъ народъ; тамъ оглашается лѣсъ вторящими звукомъ роговъ. Дикіе звѣри оставляютъ свои логовища и бѣгутъ въ непроходимыя мѣста; но ничто не можетъ спасти

ихъ, ни лѣсъ, ни вода. Подбитъ олень изъ стада своихъ рогатыхъ товарищей; въ прахъ повалился вепрь, проколотый копьемъ. Императоръ, воодушевленный весельемъ, убиваетъ собственноручно множество животныхъ. Пылкій Лотарь, во всемъ цвѣтѣ юности и силъ, кладетъ на мѣстѣ медвѣдей; другіе охотники, разсѣянные по лугамъ, бьютъ всякаго рода звѣрей.

Вдругъ молодая лань, преслѣдуемая горячо стаей собакъ, выскочивъ изъ густой чащи, пустилась по кустарникамъ; а тамъ стояли въ то время знатные, съ ними Юдиѳь, супруга императора, и молодой Карлъ, еще ребенокъ. Животное промчалось съ скоростью вѣтра, возлагая надежду на одну быстроту своихъ ногъ; оно погибло, если не найдетъ спасенія въ бѣгствѣ. Юный Карлъ замѣтилъ лань; ему захотѣлось преслѣдовать ее, подобно отцу; онъ умоляетъ дать ему лошадь, проситъ оружія, лукъ и легкія стрѣлы, и горитъ желаніемъ летѣть по слѣдамъ лани, какъ то дѣлалъ его отецъ. Но напрасно онъ удвоиваетъ свои просьбы; его прекрасная мать не пускаетъ и не даетъ позволенія удаляться. Дитя раздражено, и еслибъ не учитель, заботамъ котораго онъ былъ порученъ, и еслибъ не мать, Карлъ пустился бы бѣгомъ за ланью. Между тѣмъ, другіе юноши поскакали въ догонку, поймали лань и привели невредимою къ принцу. Тогда ребенокъ схватилъ оружіе, соотвѣтственное его силамъ, и поразилъ дрожащее животное въ спину. Въ юномъ Карлѣ соединяются всѣ прелести дѣтства, а добродѣтели его отца и дѣда еще болѣе увеличиваютъ ихъ достоинства. Такъ, въ древности Аполлонъ, проходя по вершинамъ делосскихъ горъ, наполнялъ гордою радостью сердце своей матери, Латоны.

Но вотъ императоръ, его августѣйшій отецъ, и вмѣстѣ съ нимъ охотники, отягощенные добычею, начинаютъ собираться домой. Между тѣмъ, предупредительная Юдиѳь приказала построить посреди лѣса и накрыть зеленый шалашъ; изъ общипанныхъ вѣтвей сдѣлали ограду и сверху завѣсили полотномъ. Сама императрица приготовила изъ дерна сидѣнье для благочестиваго супруга и приказала подать все для утоленія голода. Обмывъ свои руки, императоръ и его прекрасная супруга возлегли на золотомъ ложѣ, а Лотарь и ихъ любезный гость Гаральдъ, по приказанію короля, расположились рядомъ; остальные разсѣлись по травѣ и успокоили свои усталые члены подъ навѣсомъ деревьевъ. Сжаривъ внутренности убитыхъ на охотѣ животныхъ, начиненныя жиромъ, подали ихъ на столъ королю. Голодъ утоленный мгновенно исчезъ; взялись за кубки, и жажда также скоро была прогнана благороднымъ напиткомъ. Сердца храбрыхъ забились сильнѣй отъ вина, и весело всѣ возвратились въ королевскій чертогъ. Придя во дворецъ, всѣ опять виномъ оживили сердца; между тѣмъ, наступило время вечерни. Отправивъ и это съ подобающей честью и страхомъ, каждый снова пошелъ въ королевсій чертогъ.

Между тѣмъ прибыли юноши съ добычей, спѣша показать ее императору: тысячи оленей, головы и зады медвѣдей, все это тащилось съ тріумфомъ; козы и лани неслись парами. Между служителями началъ дѣлить всю добычу благочестивый король, какъ то и прежде бывало; духовнымъ также достались на долю куски недур-

ные. Во все это время, гость нашъ, Гаральдъ, который уже видѣлъ столько великаго, думалъ о многомъ въ сердцѣ своемъ. Онъ смотрѣлъ, какъ правитъ король, и дивился тому, какъ все государство, и вѣра, и служеніе Богу, какъ все это шло въ строгомъ порядкѣ и чинѣ. Наконецъ, побѣдивъ въ себѣ робость, напалъ онъ на мысль, внушенную Богомъ. Вѣрой проникнутый, онъ подошелъ къ королю, и, добровольно упавъ на колѣни, промолвилъ:

„О, императоръ могучій, Господа ты почитатель, своихъ людей повелитель, которыхъ самъ Богъ поручилъ твоей власти. Ты благороденъ, кротокъ, отважeнъ и милосердъ, вмѣстѣ воинственъ и миролюбивъ, богатъ на сокровища, щедръ для бѣдныхъ; милостивъ всякому, кто подъ тобой... Самъ я увѣрился, что ты стоишь во главѣ добродѣтельныхъ и носишь по-правдѣ корону въ странѣ христіанской. Какъ передъ именемъ Бога ничтожны всѣ идолы вмѣстѣ, такъ имя твое для меня выше всякой власти земной. Можетъ быть, кто нибудь и сравнится съ тобой въ могуществѣ, славѣ военной, но любовью къ Господу Богу ты побѣдишь всѣ народы". Такъ говоря, Гаральдъ сложилъ свои руки и передалъ во власть короля и свое государство. „Прими императоръ, сказалъ онъ ему, меня и мое государство; я посвящаю себя добровольно на службу тебѣ". Императоръ беретъ, въ свои руки, руки Гаральда, и съ миромъ два королевства, дановъ и франковъ, слилися въ одно. Послѣ того, по обычаю старому франковъ, императоръ даритъ коня и вмѣстѣ оружіе, какъ то подобало. Снова пошло пированье и праздникъ великій во славу сліянія франковъ и дановъ. Гаральдъ, сдѣлавшись *вѣрнымъ* Лудовика, получилъ отъ щедротъ императора всякаго рода дары; онъ ему далъ сосѣднюю марку имперіи [1]), богатую хлѣбомъ, виномъ драгоцѣннымъ. А чтобы служба господня могла отправляться съ достоинствомъ, онъ ему подарилъ сосуды священные, ризы, далъ и священниковъ, и книги церковныя для службы божественной. Вмѣстѣ послалъ и монаховъ, которые вызвались сами направить народы на путь къ небесному царству. Но какъ ни велики были посулы Лудовика, дѣла превзошли обѣщанія.

Между тѣмъ, люди грузили на барку подарки и яствы; вѣтеръ искалъ парусовъ, и медлить было опасно: время бурь начало приближаться. Но вотъ корабли изготовлены, парусъ натянутъ, и торжествевно шествуетъ въ гавань Гаральдъ. Сынъ короля и племянникъ остались на мѣстѣ служить императору, живя по обычаю франковъ. Гаральдъ же, снабженный всякаго рода провизіей и надѣленный оружіемъ, съ миромъ поплылъ по бурному морю домой.

Какую, Лудовикъ, добычу ты приготовилъ Творцу всемогущему: знаменитая страна дановъ соединена отнынѣ съ твоимъ государствомъ. То, чего не могли достигнуть ни Римъ, ни оружіе франковъ, ты достигаешь всего именемъ Господа Бога. Даже органъ, котораго прежде не видѣли франки, которымъ гордились земли пелазговъ (т.-е. грековъ), и чѣмъ Византія стояла выше тебя, императоръ,

---

[1]) Фрисландію.

и это *теперь* [1]) ты имѣешь въ ахенской церкви придворной. Радуйся Франція, кланяйся низко Лудовику: ему одному ты обязана такимъ драгоцѣннымъ подаркомъ. Дай Вседержитель, создавшій небо и землю, чтобъ имя его пронеслося со славою въ дальнія страны. Я же, пѣвецъ этой пѣсни, долженъ подъ стражей сидѣть за вину, въ которой и каюсь, въ Страсбургѣ, гдѣ высится храмъ, посвященный тебѣ, Пресвятая Дѣва Марія.

Затѣмъ поэтъ дѣлаетъ большое отступленіе съ описаніемъ страсбургской церкви и чудесъ, совершавшихся въ ней, и снова обращается къ Богородицѣ.

Велика твоя слава и сила, о, Дѣва святая, если ты намъ возмогла Отца вселенной родить! Помоги недостойному мнѣ, облегчи мою ссылку, умоляю тебя горячо; когда же окончится время юдоли земной, посели меня въ царствѣ небесномъ, Пречистая Дѣва.

О, императоръ! этотъ ничтожнѣйшій трудъ, на грубой свирѣли воспѣтый, посылаетъ тебѣ изъ ссылки Эрмольдъ, бѣдный, несчастный, покинутый всѣми. Я не имѣю подарковъ, достойныхъ тебя, и подношу тебѣ пѣсню.... (слѣдуетъ обращеніе къ Спасителю). Можетъ быть, обратившись къ свидѣтелямъ болѣе вѣрнымъ, ты, императоръ, узнаешь, что я не совсѣмъ въ своей винѣ виноватъ; впрочемъ, я не намѣренъ себя извинять за ошибки, по причинѣ которыхъ, несчастный, былъ сосланъ въ изгнаніе. Но любовь безпредѣльная милуетъ грѣшника, и я умоляю тебя не забыть меня въ заточеніи. И ты, о, Юдиѳь, знаменитая своей красотою, ты, раздѣляя съ супругомъ престолъ за свои добродѣтели, не оставь меня падшаго, дай утѣшенье несчастному, разорви мои цѣпи, и Богъ всемогущій тебѣ ниспошлетъ счастіе, богатство, славу, здоровье во вѣки вѣковъ.

Эрмольдъ-Черный.

Carminis in honorem Hludovici libri IV.
Пѣснь четвертая.

Эрмольдъ-Черный (Ermoldus Nigellus, abbas Anienensis), бенедиктинскій монахъ и аббатъ Аніанскаго монастыря близъ Монпеллье, самъ въ своихъ сочиненіяхъ сообщаетъ намъ нѣкоторыя извѣстія о своемъ лицѣ и общественныхъ отношеніяхъ. Онъ родился въ Аквитаніи, и, судя по живости его характера и наклонности къ шуткѣ, принадлежалъ къ романской расѣ. Получивъ аббатство, Эрмольдъ обнаружилъ болѣе наклонности къ свѣтской и придворной жизни: близость двора Пипина Аквитанскаго, сына Людовика Благочестиваго, открыла ему настоящее поприще, а веселый шутливый нравъ сдружилъ легко аббата съ молодымъ королемъ, который взялъ его съ собою даже во время своего похода въ Бретань, 824 г. Людовикъ Благочестивый дурно смотрѣлъ на сближеніе сына съ Эрмольдомъ, и когда, вѣроятно, слухъ о ихъ похожденіяхъ раздражилъ отца, императоръ сослалъ аббата для исправленія Страсбургъ. Оттуда-то, желая умилостивить императора и подѣйствовать особенно на его жену Юдиѳь,

---

[1]) Органъ былъ поставленъ въ 826 г. и привелъ всѣхъ въ изумленіе; ссылка на это событіе, занимавшее умы современниковъ, опредѣляетъ потому время написанія поэмы не ранѣе 826 года.

онъ и написалъ свою „Поэму въ честь Людовика императора въ IV книгахъ". Но онъ, видно, не такъ скоро достигъ своей цѣли, потому что былъ вынужденъ еще посылать двѣ элегіи къ своему другу, королю Пипину, и только тогда получилъ прощеніе. Судя по документамъ, въ которыхъ встрѣчается его имя, можно заключить, что Эрмольдъ дожилъ до времени правленія Карла Лысаго (послѣ 840 года). Приведенное выше его произведеніе служитъ драгоцѣннымъ памятникомъ, изображающимъ въ самыхъ живыхъ краскахъ лагерную и придворную жизнь того времени, и потому является важнымъ пополненіемъ историческихъ хроникъ.—*Изданіе:* Pertz, Monum. Germ. II, 464—523 стр.; Bouquet, Recueil, VI, 1—66 стр.; Migne, Patrologiae cursus, CV, 551—640 стр. *Переводы:* Нѣмецк. Pfund. Berl. 1856. (ц. 80 пф.), въ Geschichtsschr. d. d. Vorz. Lief. 26; франц. у Гизо, Collect. IV. *Критика:* Histoire littéraire de la France, IV, p. 520; Wattenbach, Deutschlands Geschichtsquel. p. 113.

11.—Междоусобія дѣтей Людовика I императора. 841 и 842 гг.

(Въ 843 г.).

Предисловіе автора.

Вотъ уже прошло два года [1]), какъ вы, мой государь и король (авторъ обращается такимъ образомъ къ младшему сыну Людовика Благочестиваго, Карлу II Лысому), и всѣ ваши приверженцы преслѣдуетесь братомъ (т.-е. императоромъ Лотаремъ I, старшимъ сыномъ Людовика Благочестиваго) безъ всякой вины съ своей стороны. Вы помните сами, еще до прибытія нашего въ Каделонскій городъ (н. Chalons-sur-Marne), я получилъ отъ васъ приказаніе изложить письменно исторію своего времени. Признаюсь, мнѣ было бы пріятно такое порученіе, когда бы я имѣлъ достаточно свободнаго времени для достойнаго его исполненія; но теперь, если въ моемъ трудѣ окажутся недостатки и пропуски, которыхъ слѣдовало бы избѣгнуть по важности описываемаго предмета, я долженъ буду просить у васъ и вашихъ друзей снисхожденія, тѣмъ болѣе, что вамъ извѣстно, какъ мнѣ приходилось и писать эту исторію, и въ то же время отвлекаться вмѣстѣ съ вами потокомъ событій на арену дѣйствія. Я имѣлъ сначала намѣреніе не касаться событій правленія вашего благочестиваго отца (т.-е. Людовика Багочестиваго); но въ такомъ случаѣ моимъ читателямъ было бы не ясно происхожденіе вашихъ междоусобій, а потому я долженъ вкратцѣ сказать о томъ, что̀ могло привести къ нимъ, судя по случившемуся еще въ царствованіе того императора. При томъ мнѣ казалось неприличнымъ пройти молча-

---

[1]) Такъ какъ междоусобія дѣтей Людовика начались еще въ 840 году, то изъ этихъ словъ должно заключить, что авторъ началъ свое сочиненіе въ 842 году.

ніемъ и дѣянія вашего дѣда блаженной памяти (т.-е. Карла Великаго).

Вслѣдствіе такихъ соображеній, авторъ посвящаетъ первую главу своей *первой книги* краткому панегирику памяти Карла Великаго, а въ остальныхъ семи главахъ дѣлаетъ мастерской очеркъ правленія Людовика Благочестиваго (814—840), составленный имъ, очевидно, по біографіи Астронома (см. выше, статья 8), и потому, въ отношеніи содержанія, незаключающій въ себѣ почти ничего новаго. Цѣль автора состояла въ томъ, чтобы показать, какимъ образомъ раздѣленіе имперіи, предпринятое Людовикомъ, должно было сдѣлаться главною причиною междоусобія дѣтей послѣ его смерти, и какъ Лотарь, бывшій чаще всѣхъ виною возстанія противъ отца, явился врагомъ своихъ братьевъ. Но такая мысль была внушена автору его привязанностью къ памяти Людовика Благочестиваго и дружбою къ любимому его сыну, Карлу II Лысому, для котораго писалось самое сочиненіе. Этой мысли противорѣчатъ всѣ факты: Людовикъ Благочестивый умеръ въ совершенномъ мирѣ съ Лотаремъ и во враждѣ съ Лудовикомъ Нѣмецкимъ (см. у Астронома, выше статья 8); Людовикъ же Нѣмецкій возсталъ противъ отца за его попытки надѣлить Карла Лысаго на счетъ остальныхъ братьевъ (чего не могъ одобрить даже самъ Астрономъ) и за беззаконное лишеніе сыновей Пипина Аквитанскаго отцовскаго наслѣдія въ пользу того же Карла Лысаго; потому въ минуту смерти Людовика Благочестиваго, Людовикъ Нѣмецкій образовалъ союзъ съ Пипиномъ II, претендентомъ Аквитаніи, а Карлъ II Лысый и Лотарь соединились противъ нихъ вмѣстѣ съ отцомъ. Смерть отца измѣнила всѣ отношенія. Людовикъ Нѣмецкій, врагъ Карла Лысаго, вступаетъ съ нимъ въ союзъ и отказывается отъ Пипина II; Лотарь врагъ Пипина, принимаетъ его сторону и поддерживаетъ его противъ Карла Лысаго. Собственно говоря, Лотарь продолжалъ войну съ Людовикомъ Нѣмецкимъ, начатую еще при жизни отца и въ интересахъ послѣдняго; одинъ Карлъ Лысый измѣнилъ свои отношенія, и, вѣроятно, съ цѣлью свергнуть съ себя опеку Лотаря, на которую осудилъ его отецъ. Но нашъ авторъ, по вышеуказаннымъ причинамъ, объясняетъ послѣдовавшія за смертью Людовика Благочестиваго междоусобія дѣтей его единственно безграничнымъ честолюбіемъ Лотаря, несправедливо притѣснявшаго своихъ братьевъ. Вторая книга, послѣ краткаго вступленія, излагаетъ самыя междоусобія, какъ они начались послѣ смерти отца, т.-е. послѣ 20 іюня 840 г.

Вторая книга.

Я указалъ, по мѣрѣ своихъ силъ, гдѣ находились главныя причины вашихъ (т.-е. Карла Лысаго и Людовика Нѣмецкаго съ Лотаремъ и Пипиномъ II) междоусобій, и теперь всякій, кто пожелалъ бы знать, почему, по смерти вашего отца, Лотарь началъ преслѣдовать васъ и всѣхъ вашихъ, легко увидитъ и пойметъ, честно-ли и благородно-ли дѣйствовалъ онъ въ этомъ случаѣ [1]. Теперь же я

[1] Изъ біографовъ Людовика Благочестиваго, и даже изъ самаго ихъ сокращенія, сдѣланнаго нашимъ авторомъ въ первой своей книгѣ, ясно видно, что Лотарь по смерти отца не сдѣлалъ ничего другого, какъ только продолжалъ войну съ Людови-

постараюсь, на сколько хватитъ памяти и силъ, изобразить, съ какимъ ревніемъ и съ какою настойчивостью Лотарь приводилъ свой планъ въ исполненіе. Но я прошу васъ принять въ соображеніе тѣ препятствія, которыя даже и я, при всемъ своемъ ничтожествѣ, встрѣчалъ въ такое смутное время, чтобы извинить мнѣ недостатки, могущіе встрѣтиться въ моемъ трудѣ.

1. Когда Лотарь (бывшій въ Италіи) услышалъ, что умеръ его отецъ (840 г.), онъ отправилъ немедленно гонцовъ во всѣ стороны, но особенно во Францію (т.-е. Нейстрію, принадлежавшую Карлу Лысому), и приказалъ вездѣ объявлять, что онъ скоро самъ придетъ въ государство, уже прежде уступленное ему, и вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщалъ не только сохранить каждому полученное имъ отъ отца, но еще и увеличить. Въ тоже время Лотарь повелѣлъ людей сомнительной вѣрности обязать присягою и потребовать отъ нихъ, чтобы они при первой возможности вышли къ нему на-встрѣчу; тѣмъ же, которые откажутся, угрожать смертью. Самъ же остался по ту сторону Альпъ (т.-е. въ Италіи), чтобы посмотрѣть, какъ пойдетъ его дѣло. Увидя же, что со всѣхъ сторонъ къ нему стремятся массами, одни побуждаемые надеждою, другіе страхомъ, онъ получилъ увѣренность въ своей силѣ и блестящей будущности, которая его ожидала, сдѣлался смѣлѣе и отважнѣе и началъ обдумывать, какими средствами можно было бы *овладѣть безъ всякаго труда всею имперіею* [1]). Такъ какъ Лудовикъ былъ къ нему всего *ближе* [2]), то Лотарь счелъ болѣе благоразумнымъ сначала напасть на него, и направилъ всѣ свои силы для того, чтобы однимъ ударомъ уничтожить Людовика. Между тѣмъ, къ Карлу въ Аквитанію онъ отправилъ весьма обдуманно пословъ, и увѣрялъ его, что онъ сохранитъ къ нему навсегда дружбу, какъ того желалъ отецъ, и какъ то онъ признаетъ своею обязанностью, но въ то же время просилъ *не тѣснить* [3]) племянника (т.-е. Пипина II), пока они не устроятъ дѣла Аквитаніи, по обоюдному согласію. Послѣ того, Лотарь направилъ свой походъ на городъ вангіоновъ (н. Worms). Тамъ Людовикъ (Нѣмецкій) оставилъ часть своего войска для охраненія города, а самъ удалился въ походъ противъ возмутившихся саксовъ. Но Лотарь безъ труда обратилъ этотъ

комъ Нѣмецкимъ, помогая противъ него своему отцу. За нѣсколько дней до извѣстія о смерти отца, Лотарь получилъ отъ него приказаніе спѣшить изъ Италіи къ нему, по поводу войны съ Людовикомъ Нѣмецкимъ.

[1]) Вотъ какъ авторъ мотивируетъ вторженіе Лотаря во владѣнія своихъ братьевъ какъ бы забывая, что отецъ вытребовалъ Лотаря изъ Италіи для нападенія на Людовика Нѣмецкаго.

[2]) Нападеніе Лотаря на Людовика, прежде нежели на Карла, объясняется у автора *близостью* перваго, хотя владѣнія Карла въ Аквитаніи и Провансѣ были гораздо ближе къ Италіи, нежели Баварія, принадлежавшая Людовику.

[3]) Такимъ образомъ, авторъ, противъ своей воли, измѣняетъ себѣ и противорѣчитъ: требуя не тѣснить Пипина II, Лотарь защищаетъ законныя права своего племянника, нарушенныя Людовикомъ Благочестивымъ, по интригамъ партіи Юдиѳи; это обстоятельство и должно было сдѣлаться причиною сближенія Карла съ Людовикомъ противъ Лотаря.

гарнизонъ въ бѣгство, перешелъ съ войскомъ Рейнъ и направилъ свой путь на Франкфуртъ. Тутъ неожиданно столкнулись другъ съ другомъ Лотарь и Людовикъ; заключивъ перемиріе на одну ночь, братья, воодушевленные, впрочемъ, далеко не братскими чувствами, расположились лагеремъ, одинъ близъ Франкфурта, другой при сліяніи Майна съ Рейномъ (т.-е. противъ города Майнца). Такъ какъ Людовикъ обнаружилъ рѣшимость сопротивляться до послѣдней крайности, и Лотарь потерялъ надежду подчинить его своей власти, не прибѣгая къ оружію, то послѣдній, разсчитывая со-временемъ достигнуть цѣли безъ особенныхъ усилій, предложилъ Людовику сойтись для новыхъ переговоровъ на томъ же самомъ мѣстѣ, 11 ноября; если же и тогда они не рѣшатъ дѣла мирнымъ путемъ, тогда пусть оружіе рѣшитъ, кто изъ нихъ болѣе правъ. Такимъ образомъ, отложивъ на будущее время приведеніе въ исполненіе своихъ плановъ относительно Людовика, Лотарь пошелъ подчинить своей власти Карла.

2. Около этого времени (въ августѣ или сентябрѣ 840 г.), Карлъ пришелъ въ Битурики (н. Bourges), гдѣ приверженцы Пипина (II) сговорились провозгласить своего претендента королемъ. Получивъ вѣрныя извѣстія объ образѣ дѣйствій Лотаря, Карлъ поспѣшно отправилъ къ нему послами Нитгара (самого автора этой исторіи) и Адельгара, поручивъ заклинать его и умолять объ обоюдномъ сохраненіи клятвенныхъ обѣщаній и не нарушать того, что̀ опредѣлилъ отецъ. „Пусть онъ, говорилъ Карлъ посламъ, позаботится о судьбѣ своего брата и *сына*, не трогаетъ моей собственности и утвердитъ за мною то, что предоставилъ мнѣ мой отецъ съ согласія самого Лотаря; за это, если Лотарь исполнитъ мою просьбу, я обѣщаю, съ своей стороны, быть ему вѣрнымъ и послушнымъ, какъ то повелѣваетъ моя обязанность въ отношеніи старѣйшаго брата. Пусть также Лотарь *проститъ мнѣ отъ всего сердца все, что я сдѣлалъ противъ него* [1]), и я умоляю его не безпокоить моихъ людей и не враждовать противъ моего государства, даннаго мнѣ Богомъ. Я желаю мира и согласія, какъ лучшаго, чего я могу пожелать для себя и для своихъ, а потому и обѣщаю сохранять миръ. Если же мой братъ не захочетъ тому повѣрить, то я готовъ дать ему вѣрное поручительство". Хотя, повидимому, Лотарь принялъ посольство милостиво, но ограничился только тѣмъ, что поручилъ посламъ передать его привѣтствіе Карлу, объявивъ, что дальнѣйшія объясненія онъ сообщитъ чрезъ своихъ пословъ. Но вотъ что: когда послы Карла отказались нарушить клятву и, не смотря ни на какія предложенія, не хотѣли перейти на его сторону, онъ лишилъ ихъ почестей, предоставленныхъ имъ его отцемъ, и такимъ образомъ, самъ того не подозрѣвая, далъ ясно понять, какія питаетъ онъ намѣренія и чувства къ брату. Между тѣмъ, всѣ живущіе между Маасомъ и Сеною отправили къ Карлу людей съ просьбою явиться къ нимъ прежде, нежели Лотарь успѣетъ завладѣть ихъ страною, и обѣщали до его прихода не пред-

---

[1]) Наконецъ, авторъ прямо высказываетъ, что нападеніе Лотаря на Карла было послѣдствіемъ враждебныхъ дѣйствій послѣдняго, чего нельзя заключить изъ вышесказаннаго имъ о причинахъ войны Лотаря съ братьями.

принимать ничего. Поэтому Карлъ вмѣстѣ съ немногими изъ своихъ бросился поспѣшно изъ Аквитаніи и, прибывъ въ г. Кариіакъ (н. Kiercy), привѣтствовалъ тѣхъ, которые явились къ нему съ горъ Карбонарійскихъ (лѣсныя горы въ восточныхъ частяхъ Брабанта, начиная отъ г. Левена до г. Нивелль) и изъ другихъ мѣстностей. Гизлебертъ, Бово и еще нѣкоторые, увлеченные Одульфомъ, пренебрегли клятвою и отложились отъ Карла (сентябрь, 840 года).

Въ послѣдующихъ семи главахъ, отъ 3 до 9, авторъ подробно описываетъ ходъ открывшейся затѣмъ явной борьбы Карла съ Лотаремъ, отъ конца 840 до весны 841 года; она вся состояла въ маневрахъ съ той и съ другой стороны, при чемъ то Карлъ овладѣвалъ тою или другою страною и преслѣдовалъ приверженцевъ брата, то Лотарь повторялъ ту же самую исторію; наконецъ, послѣ Пасхи 841 г., Людовикъ Нѣмецкій предлагаетъ соединить свои силы съ войскомъ Карла Лысаго; не смотря на всѣ усилія Лотаря, не допустить того, враги его успѣли соединиться, и ровно годъ спустя по смерти Людовика, къ половинѣ іюня 841 года, отправили вмѣстѣ посольство къ Лотарю съ предложеніемъ мирно окончить свое междоусобіе. Это была рѣшительная минута въ борьбѣ братьевъ, которая и привела ихъ наконецъ къ жестокой битвѣ при Фонтеноа 25 іюня 841 года: лучшее мѣсто во всей исторіи нашего автора, который былъ самъ участникомъ битвы.

10. Лотарь отвергнулъ всѣ мирныя предложенія, сдѣланныя его братьями (т.-е. Людовикомъ Нѣмецкимъ и Карломъ Лысымъ, въ іюнѣ 841 г.); онъ далъ имъ знать, что желаетъ битвы и болѣе ничего, и самъ немедленно поднялся, чтобы идти на встрѣчу Пипину (II), который подвигался изъ Аквитаніи. Когда Лудовикъ и его приверженцы узнали о томъ, ими овладѣло страшное негодованіе; не смотря на свое утомленіе длинными переходами (т.-е. изъ Баваріи на соединеніе съ Карломъ Лысымъ), борьбою и другими затрудненіями, особенно вслѣдствіе недостатка лошадей, они рѣшились лучше подвергнуться всевозможнымъ бѣдствіямъ, нежели запятнать свое имя и оставить потомству постыдное воспоминаніе о томъ, что братъ бросилъ брата безъ всякой помощи. Отложивъ въ сторону свою усталость, они начали воодушевлять другъ друга, и скорымъ маршемъ пошли впередъ, чтобы нагнать Лотаря. Когда при Алціодорѣ (н. Auxerre) совершенно неожиданно оба войска очутились въ виду другъ друга, Лотарь, опасаясь, чтобы оба брата не напали на него немедленно, поспѣшно снялся съ лагеря. Братья, замѣтивъ то, оставили часть войска для прикрытія своего обоза, собрали около себя полки и выступили Лотарю на встрѣчу. Но обѣ стороны отправили обоюдно парламентеровъ и заключили на одну ночь перемиріе. Между ихъ лагерями было около трехъ миль; въ промежуткѣ лежало небольшое болото и лѣсистое возвышеніе, представлявшее собою защиту для обоихъ противниковъ. На разсвѣтѣ слѣдующаго дня, Людовикъ и Карлъ отправили снова пословъ къ Лотарю; имъ больно, говорили они, что Лотарь отвергаетъ миръ и настаиваетъ на битвѣ; если же онъ непремѣнно хочетъ того, и иначе не можетъ быть, то пусть, по крайней мѣрѣ, битва произойдетъ безъ всякаго обмана и хитрости, а именно: пусть въ обоихъ лагеряхъ будетъ объявленъ всеобщій постъ и мо-

литва, и послѣ того пусть каждому будетъ предоставлена полная свобода перейти на какую сторону онъ пожелаетъ, для чего и назначить время и мѣсто; такимъ образомъ, уничтоживъ всякое насиліе съ той и съ другой стороны, можно будетъ вступить въ битву безъ всякаго обмана и измѣны; если Лотарь на это согласенъ, то послы должны принести присягу, если же нѣтъ, они должны просить его согласиться и дать клятву. Лотарь обѣщалъ, какъ то у него дѣлалось обыкновенно, отвѣчать на все это чрезъ своихъ пословъ, а между тѣмъ, едва только удалились послы братьевъ, онъ поднялся съ лагеря и потянулся къ мѣсту, называемому Фонтанетъ (н. Fontenoi), чтобы тамъ стать въ крѣпкой позиціи. Въ тотъ же день пустились въ походъ и братья, преслѣдуя Лотаря, нагнали его и расположились лагеремъ при мѣстечкѣ Тавріакѣ (н. Tury). На слѣдующій день, оба войска выступили изъ лагеря, приготовляясь къ битвѣ; но Людовикъ и Карлъ снова отправили пословъ къ Лотарю, и, напоминая ему объ узахъ братской любви, соединяющихъ ихъ, умоляли дать миръ церкви божіей и всему христіанскому народу и не лишать ихъ земель, которыми надѣлилъ ихъ отецъ съ его же согласія; пусть онъ, говорили они, сохранитъ свое, что далъ ему отецъ не по заслугамъ, а по своему добросердечію. Братья предлагали ему въ даръ все, что найдется цѣннаго въ лагерѣ, кромѣ лошадей и оружія; если и этого мало, то каждый изъ нихъ уступаетъ ему часть своего государства, одинъ до Карбонарійскихъ горъ, другой до Рейна; если же онъ и на это не согласится, то пусть вся Франція будетъ раздѣлена на равныя части, и та часть, которую онъ выберетъ, поступитъ въ его подданство. Лотарь отвѣчалъ и на это, по своему обычаю, что онъ сообщитъ свои мнѣнія объ этихъ предложеніяхъ чрезъ собственныхъ пословъ; и вслѣдъ за тѣмъ дѣйствительно отправилъ Дрого, Гуго и Гериберта сказать имъ, что ему до сихъ поръ никогда не дѣлалось такихъ предложеній, и что потому ему необходимо время, чтобы обдумать ихъ; а дѣло собственно состояло въ томъ, что Пипинъ (II) не успѣлъ соединиться съ нимъ, и онъ надѣялся отсрочкою выиграть необходимое для того время. Между тѣмъ, онъ приказалъ Рикуину, Гирменальду и Фридриху клятвенно увѣрить братьевъ, что своимъ предложеніемъ перемирія онъ не ищетъ ничего, кромѣ общаго блага, спокойствія братьевъ и всего народа, какъ къ тому его обязываетъ долгъ въ отношеніи братьевъ и всѣхъ христіанъ. Обманутые такими увѣреніями, Карлъ и Людовикъ, подтвердивъ клятвою перемиріе, возвратились въ лагерь и оставались тамъ этотъ день (23 іюня), весь слѣдующій и третій день до второго часа, что приходилось 25 іюня. На слѣдующее утро (24 іюня), они хотѣли праздновать Ивановъ день. Въ Ивановъ день Лотарь дождался своего племянника, прибывшаго къ нему на помощь, и потому послалъ сказать своимъ братьямъ: такъ какъ они знаютъ, что ему предоставленъ титулъ императора со всею властью, съ нимъ сопряженною, то пусть они подумаютъ и позаботятся о томъ, чтобы онъ могъ исполнить тяжелыя и высокія обязанности своего званія; впрочемъ, онъ вовсе не имѣетъ въ виду выгодъ исключительно своихъ и выгодъ Пипина. Когда же пословъ спросили, желаетъ-ли Лотарь принять сдѣланныя ему предложенія,

и какой далъ имъ на это опредѣленный отвѣтъ, они возразили, что относительно всего этого имъ не дано никакихъ порученій. Такъ какъ подобнымъ объявленіемъ была отнята всякая надежда на справедливость и миролюбіе со стороны Лотаря, то братья поручили ему сообщить, что, если онъ не перемѣнитъ намѣренія и, не принявъ ни одного изъ сдѣланныхъ предложеній, не дастъ никакого отвѣта до второго часа слѣдующаго дня—а это было 25 іюня—то они предадутъ дѣло суду божьему, къ которому Лотарь принудилъ ихъ противу воли. Вѣрный своему характеру, Лотарь высокомѣрно отвергъ всякую сдѣлку и отвѣчалъ, что онъ знаетъ, какъ ему дѣйствовать.— Пока я все это писалъ въ монастырѣ св. Флудуальда, на Лоарѣ, вдругъ сдѣлалось солнечное затмѣніе, 18 октября, въ первомъ часу дня, въ знакѣ Рака.—Послѣ такого отрицательнаго отвѣта, Карлъ и Людовикъ поднялись съ своимъ войскомъ на разсвѣтѣ 25 іюня; съ третью частью своихъ силъ они овладѣли холмомъ, сосѣднимъ лагерю Лотаря, и ожидали его нападенія до второго часа, сообразно данной ихъ посламъ клятвѣ. Съ наступленіемъ второго часа, появился Лотарь, и при Бургундскомъ ручьѣ (н. Andrie) началась битва. Лотарь столкнулся съ Людовикомъ при мѣстечкѣ Бриттасъ (н. Bretignolles), былъ разбитъ и обращенъ въ бѣгство; но та часть войска, которая сражалась подъ начальствомъ Карла при мѣстечкѣ Фагитѣ (н. le-Fay), въ свою очередь обратила тылъ; только тотъ отрядъ, который при Соленнатѣ (н. Goulenne) напалъ подъ предводительствомъ герцога Аделарда и другихъ, которымъ и я съ божіею помощью оказалъ не малыя услуги, стояли твердо, такъ что побѣда долго оставалась нерѣшительною, но наконецъ всѣ приверженцы Лотаря обратились въ бѣгство.

И этою битвою, данною и проигранною Лотаремъ, я заключаю вторую книгу своей исторіи.

Третья книга.

Если мнѣ грустно слушать печальные разсказы о нашемъ поколѣніи, то еще болѣе грустно самому мнѣ писать о томъ; потому я предполагалъ, дойдя до желаннаго конца второй книги, тѣмъ и заключить свой трудъ. Но чтобы кто другой, введенный какимъ нибудь образомъ въ обманъ, не предпринялъ написать исторію нашего времени, я рѣшился прибавить еще третью книгу.

1. Послѣ сраженія, какъ мы описали, Карлъ и Людовикъ начали совѣщаться на самомъ полѣ битвы, какъ поступить въ отношеніи непріятеля. Одни, раздраженные гнѣвомъ, совѣтовали преслѣдовать его, другіе же, а съ ними короли, побуждаемые состраданіемъ къ брату и народу, желали отъ чистаго сердца, чтобы враги, проученные божіимъ судомъ и пораженіемъ, отклонились отъ своихъ беззаконныхъ замысловъ и съ божіею помощью соединились съ ними воедино. Потому и совѣтовали они, въ настоящемъ случаѣ, дать мѣсто милосердію всемогущаго Бога. Когда и остальные пришли къ тому же убѣжденію, Карлъ и Людовикъ прекратили битву и разграбленіе,

и около полудня возвратились въ лагерь совѣщаться о дальнѣйшемъ. Хотя количество добычи и пролитой крови было ужасно, но милосердіе королей и ихъ народа представлялось тѣмъ болѣе удивительнымъ и достойнымъ. По нѣкоторымъ причинамъ, они рѣшились праздновать воскресенье тамъ же. По окончаніи обѣдни занялись погребеніемъ всѣхъ безъ различія, друзей и недруговъ, вѣрныхъ и измѣнниковъ, и позаботились о раненыхъ и полуживыхъ. Затѣмъ отправили гонцовъ вслѣдъ за бѣжавшими и предложили имъ всѣмъ прощеніе, если они изъявятъ желаніе возвратиться къ прежней вѣрности. Послѣ того короли и ихъ войска выразили сожалѣніе о братѣ и о христіанскомъ народѣ, и обратились къ епископамъ съ вопросомъ, какъ должно имъ поступать далѣе въ настоящемъ дѣлѣ. Всѣ епископы собрались на совѣтъ и въ общемъ собраніи говорили: „Борьба шла за правду и право; побѣда была одержана очевидно божескимъ соизволеніемъ, а потому и совѣтники, и исполнители, должны быть принимаемы за служителей и орудіе Бога; но кто въ этомъ дѣлѣ дѣйствовалъ по гнѣву, ненависти, славолюбію или по какому нибудь другому грѣховному побужденію, и давалъ совѣты, или обнажалъ мечъ, тотъ долженъ въ душѣ принести покаяніе въ содѣянномъ имъ преступленіи и получить воздаяніе по мѣрѣ своей вины". Для прославленія же и возвеличенія такого проявленія божественной правды и для прощенія грѣховъ падшимъ братьямъ, чтобы они получили разрѣшеніе у Бога, и вмѣстѣ для того, чтобы Господь явился намъ и на будущее время помощникомъ и спасителемъ, какъ онъ былъ до сихъ поръ во всякомъ правомъ дѣлѣ, ради всего этого былъ предписанъ трехдневный постъ, который выдержали всѣ съ радостью и торжествомъ.

2. По выполненіи того, Людовикъ рѣшился возвратиться на Рейнъ, а Карлъ счелъ за лучшее, по различнымъ причинамъ, въ особенности же для подчиненія себѣ Пипина (II), повернуть въ Аквитанію.

Окончаніе второй главы и послѣдующія за тѣмъ, третья и четвертая глава, заняты подробнымъ изложеніемъ мѣръ, предпринятыхъ Карломъ Лысымъ для подчиненія себѣ приверженцевъ Лотаря и для истребленія противной партіи; такъ прошло все лѣто, отъ 25 іюня 841 г., осень и зима до 14 февраля 842 года, когда Лотарь, послѣ многихъ и неудачныхъ попытокъ склонить на свою сторону Карла Лысаго, снова выступилъ противъ братьевъ, и тѣмъ принудилъ ихъ вступить въ болѣе тѣсный союзъ, который они и заключили самымъ торжественнымъ образомъ въ Страсбургѣ. Описаніе страсбургскаго договора, составляетъ, какъ и битва при Фонтеноа, самое капитальное мѣсто въ исторіи нашего автора.

5. Такимъ образомъ, Людовикъ и Карлъ сошлись, 14 февраля (842 г.), въ городѣ, извѣстномъ прежде подъ именемъ Аргентуріи (т.-е. Аргенторатъ), а нынѣ его называютъ обыкновенно Страсбургомъ, и дали другъ другу торжественную клятву, какъ она читается ниже, Людовикъ на *романскомъ* языкѣ, а Карлъ на *тевтонскомъ*. Но прежде нежели была произнесена клятва, они сказали рѣчь собравшемуся народу, одинъ по-нѣмецки, а другой по-романски.

Людовикъ началъ, какъ старшій, и говорилъ такъ [1]): „Вы знаете, какъ часто преслѣдовалъ Лотарь этого моего брата, по смерти отца, и какъ онъ старался окончательно погубить его; ни братская любовь, ни христіанское чувство, и никакое другое средство не могли склонить его къ сохраненію справедливаго мира съ нами, потому мы рѣшились наконецъ предать дѣло суду божьему и ожидать отъ него рѣшенія, какого каждый заслуживаетъ. Какъ вамъ извѣстно, мы вышли побѣдителями изъ божьяго суда; онъ былъ побѣжденъ, и его приверженцы разсѣялись, куда могли. Но побуждаемые братскою любовью и изъ жалости къ христіанскому народу, мы не хотѣли его истребить; какъ прежде, такъ и теперь, мы убѣждали предоставить каждому свое право. Онъ не хотѣлъ однако подчиниться божескому приговору, и продолжалъ враждовать противъ меня и моего брата и опустошать наши земли огнемъ, грабежемъ и убійствомъ. Потому мы, доведенные наконецъ до крайности, сошлись вмѣстѣ и опредѣлили въ вашемъ присутствіи произнести клятву, чтобы вы не могли сомнѣваться въ нашей вѣрности и братской любви. И все это мы дѣлаемъ руководимые не беззаконными страстями, но желаніемъ, если Богъ пошлетъ намъ миръ и спокойствіе, обезпечить благосостояніе нашего государства. Если же я — чего упаси Боже — попытаюсь нарушить клятву, данную мною брату, то каждый изъ васъ освобождается отъ повиновенія и присяги, которую вы мнѣ дали“. Когда и Карлъ повторилъ тѣ же самыя слова на романскомъ языкѣ, Людовикъ, какъ старшій, первый произнесъ клятву въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Pro Deo amur et pro christian poblo et nostro commun salvament, dist di in avant, in quant Deus savir et prodir me dunat, si salvaraeio cist meon fradre Karlo, et in adiudha et in cadhuna cosa, si cum om per dreit son fradra salvar d'ist, in o quid il mi altresi fazet, et ab Ludher nul plaid numquam prindrai, qui meon val cist meon fradre Karle in damno sit» [2]).

---

[1]) Эту рѣчь авторъ приводитъ на латинскомъ языкѣ, и потому можно думать, что онъ не имѣлъ предъ собою оригинала и только резюмировалъ на память, такъ-какъ нижеслѣдующую клятву братьевъ онъ привелъ на оригинальномъ языкѣ того времени и слѣдовательно имѣлъ предъ глазами текстъ.

[2]) Это почти единственный письменный образчикъ живого языка, которымъ говорили народы юго-западной Европы въ IX вѣкѣ, сложившагося изъ древняго національнаго языка и *римской* рѣчи, почему этотъ языкъ и называется *романскимъ*. См. подробнѣе у *Fr. Diez*, Altromaniche Sprachdenkmäle, berichtigt und erklärt nebst einer Abhandlung über den epischen Vers. Bonn. 1846.—Вотъ отношеніе, въ которомъ стоитъ романскій языкъ той эпохи къ латинскому и къ современному намъ французскому языку: *pro*—pour; —*Deo*—Dieu; —*amur*—amour; —*christian*—chretien;—*poblo*—peuple;—*salvament*—salut; —*dist di*—de isto die (съ сего дня);—*savir et prodir*—savoir et pouvoir;—*dunat*—donne; - *cadhuna*—usque ad unum (во всемъ);—*cosa*, chose;—*om*—homo (человѣкъ) откуда франц. *on*;—*per*—par;—*dreit*—droit; —*d'ist*—doit; —*fazet*—faciat; —*ab*—apud (у); —*Ludher*—Lothair; — *plaid*—placitum (переговоры, сношеніе);—*prindrai*—prendre;—*vol*—volonté;—*damno*—damnum (вредъ).— Буквальный переводъ: „Ради божьей любви и ради христіанскаго

Когда же кончилъ Людовикъ, Карлъ произнесъ подобную же клятву на тевтонскомъ языкѣ:

«In Godes minna ind in thes christianes folches ind unser bedhero gealtnissi, fon thesemo dage frammordes, so fram so mir Got gewizci indi madh furgibit, so haldih tesan minon bruodher, soso man mit rehtu sinan bruher scal, in thiu, thaz er mig sosoma duo; indi mit Ludheren in nohhein in thing ne geganga, the minan willon imo ce scadhen werhen» [1]).

Клятва же, которую произнесли войска, каждое на своемъ языкѣ, выражалась на романскомъ языкѣ слѣдующимъ образомъ:

«Si Lodhuwigs sagrament, quae son fradre Karlo jurat, conservat, et Karlus meos sendra (лат. senior) de suo part non lo stanit (т.-е. tenet), si io returnar non lint pois, ne io ne neuls cui eo returnar int pois, in nulla adjudha contra Lodhuwig nun li iver» [2]).

А на тевтонскомъ языкѣ:

«Oba Karl then eid, then er sineno bruodher Ludhuwige gesuor, geleistit, indi Ludhuwig min herro then er imo gesuor, forbrihchit, ob ih inan es irwenden ne mag, noh ih noh thero nohhein then ih es irwenden mag, widhar Karle imo ce follusti ne wirdhic» [3]).

По совершеніи всего этого, Людовикъ спустился внизъ по Рейну, мимо Спирона (н. Шпейеръ), а Карлъ перешелъ Вогезы и чрезъ Виццунбургъ (н. Вейссенбургъ) прибылъ въ Вормсъ. Лѣто, въ которое произошла вышеописанная битва, было очень холодное, и всѣ фрукты поспѣли поздно; но осень и зима прошли, какъ обыкновенно. Въ самый день (т.-е. 14 февраля), когда братья и знатнѣйшіе изъ народа заключили вышеупомянутый договоръ, наступилъ великій холодъ и выпалъ большой снѣгъ. Въ мѣсяцѣ же декабрѣ, январѣ, и февралѣ до самаго времени собранія (т.-е. въ Страсбургѣ) была видна комета: она поднималась вверхъ мимо знака Рыбъ и исчезла послѣ того дня (т.-е. 14 февраля) между знаками темнаго Арктура и того, который одними называется Лирой, а другими Андромедой.

народа и нашего общаго спасенія, отъ сего дня и впередъ, насколько Богъ дастъ мнѣ смысла и силы, такъ буду защищать этого моего брата Карла, и помогая ему, и всякими другими способами, какъ то должно по правдѣ защищать брата, съ тѣмъ чтобы и онъ мнѣ сдѣлалъ то же самое, и съ Лотаремъ не вступлю никогда ни въ какія сношенія, которыя, завѣдомо мнѣ, будутъ вредны этому моему брату Карлу".

[1]) Вотъ отношеніе, въ которомъ стоитъ древняя тевтонская рѣчь къ современной нѣмецкой: *Godes*—Gottes;—*minna*—Minne;—*folches*—Volkes;—*gealtnissi* отъ gehalten;—*gewizci*—Gewissen;—*madh*—Macht;—*bruodher*—Bruder;—*thing*—Ding;—*scadhen*—Schaden.—См. выше переводъ съ романскаго текста, въ концѣ примѣч. 1.

[2]) Т.-е.: „Если Людовикъ клятву, которою онъ своему брату Карлу клялся, сохранитъ, а Карлъ, мой государь, съ своей стороны того не сдержитъ, а я не буду въ состояніи его удержать и въ томъ ему воспрепятствовать, то никакой помощи противъ Людовика не окажу ему".

[3]) См. выше переводъ съ романскаго текста, въ примѣч. 3; перемѣнены только собственныя имена: гдѣ *Людовикъ*, тамъ *Карлъ*, и наоборотъ.

Когда оба брата прибыли въ Вормсъ, они выбрали пословъ и отправили ихъ къ Лотарю и къ саксамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они положили ожидать какъ ихъ возвращенія, такъ и прибытія Карломана (т.-е. старшаго сына Людовика Нѣмецкаго), между Вормсомъ и Майнцомъ.

6. Здѣсь будетъ не лишне сказать нѣсколько словъ о добрыхъ и достойныхъ памяти качествахъ братьевъ (т.-е. Карла Лысаго и Людовика Нѣмецкаго) и о ихъ взаимномъ согласіи. Оба они были средняго роста, красивы собою, въ одинаковой степени образованы и ловки въ тѣлесныхъ упражненіяхъ; оба храбры, щедры, разсудительны и краснорѣчивы; но ихъ святое и достойное уваженія единство было выше всѣхъ тѣхъ упомянутыхъ добродѣтелей. Они всегда были вмѣстѣ, и каждый дарилъ другому, по братской любви, все, что имѣлъ цѣннаго и дорогого. Въ одномъ домѣ они ѣли и спали; частныя и общественныя дѣла обсуждали вмѣстѣ, и ни одинъ не требовалъ ничего у другого, что, по его убѣжденію, не было бы полезно и годно для того. Для тѣлесныхъ упражненій они часто устраивали воинскія игры. Тогда они сходились на особо избранномъ съ этою цѣлью мѣстѣ, и въ присутствіи тѣснившагося со всѣхъ сторонъ народа, большіе отряды саксовъ, гасконцевъ, австразіевъ и бретонцевъ бросались быстро другъ на друга съ обѣихъ сторонъ; затѣмъ одни изъ нихъ поворачивали своихъ лошадей, и прикрывшись щитами, искали спасенія въ бѣгствѣ отъ напора врага, который преслѣдовалъ бѣгущихъ; наконецъ, оба короля, окруженные отборнымъ юношествомъ, кидались другъ на друга, уставивъ копья впередъ, и, подражая колебанію настоящей битвы, то та, то другая сторона обращалась въ бѣгство. Зрѣлище было удивительное по своему блеску и господствовавшему порядку: такъ что, при всей многочисленности участвовавшихъ и при разнообразіи народностей, никто не осмѣливался нанести другому рану или обидѣть его браннымъ словомъ, что обыкновенно случается даже при самомъ малочисленномъ сборищѣ и притомъ состоящемъ изъ людей, знакомыхъ другъ съ другомъ.

Въ послѣдней главѣ (7) третьей книги, авторъ разсказываетъ коротко, какъ Лотарь не хотѣлъ даже и выслушать пословъ, вслѣдствіе чего братья предприняли снова походъ противъ него, разбили его приверженцевъ, защищавшихъ переходъ черезъ Мозель, и принудили тѣмъ Лотаря удалиться совершенно изъ своего государства въ Провансъ, гдѣ онъ и утвердился на Ронѣ.

Четвертая книга.

Какъ я сказалъ, мнѣ должно радоваться не только тому, что я, наконецъ, имѣю возможность отдохнуть отъ этой работы, но еще болѣе мнѣ пріятно, вслѣдствіе нѣкоторыхъ причинъ и неудовольствій, думать постоянно и серьезно о томъ, какимъ образомъ могъ бы я совершенно освободиться отъ общественныхъ дѣлъ. Но моя судьба переноситъ меня то туда, то сюда, и къ моей бѣдѣ вертитъ мною

безъ сострадания, въ это смутное время; такъ-что я не знаю, въ какой гавани спокойствія могу теперь укрыться [1]). Между тѣмъ, почему же мнѣ не употребить свободнаго времени, какъ то и было приказано, на письменное изложеніе воспоминаній о подвигахъ нашихъ государей и ихъ вельможъ? Потому-то я и хочу начать четвертую книгу своей исторіи; если впослѣдствіи у меня недостанетъ силъ на то, то по крайней мѣрѣ теперь я постараюсь, по мѣрѣ своихъ средствъ, разсѣять облако заблужденій и лжи.

1. Когда Людовикъ и Карлъ получили вѣрныя извѣстія объ окончательномъ удаленіи Лотаря изъ государства, они отправились (мартъ, 842 г.) въ Ахенъ, который былъ въ то время столицею Франціи (т. е. Нейстріи), и на слѣдующій день послѣ прибытія совѣщались, какъ должно распорядиться съ народомъ и государствомъ, покинутыми ихъ братомъ. Немедленно было предложено передать это дѣло на обсужденіе епископовъ и пресвитеровъ, находящихся тамъ въ большомъ числѣ; при помощи ихъ совѣта хотѣли узнать, какъ слѣдуетъ божіею помощью утвердить и укрѣпить все совершившееся. Это предложеніе было принято, и дѣло передали духовнымъ. Духовенство прослѣдило все совершонное Лотаремъ съ самаго начала: какъ онъ изгналъ своего отца изъ государства, какъ принуждалъ къ вѣроломству христіанскій народъ, какъ самъ нарушилъ клятву, данную отцу и братьямъ, сколько разъ искалъ погубить и лишить наслѣдства братьевъ, по смерти отца, сколько испытала церковь божія насилій, разврата, пожара и стыда вслѣдствіе его недостойнаго корыстолюбія, какъ мало онъ показалъ способности къ управленію государствомъ, и какъ, наконецъ, никто не можетъ указать ничего добраго въ его царствованіи. На основаніи этихъ причинъ, онъ, не незаслуженно, но по справедливому приговору божественнаго суда, потерялъ сначала битву, а потомъ и государство. Это мнѣніе было выражено всѣми единогласно, а именно, что наказаніе господне постигло его по собственнымъ грѣхамъ и что нынѣ перстъ божій указываетъ передать лучшимъ братьямъ его государство, чтобы оно лучше могло управляться. Но духовенство не хотѣло вручить власти братьямъ, безъ того, чтобы не сдѣлать имъ всенароднаго вопроса: какъ они намѣрены управлять государствомъ, по образцу-ли низложеннаго брата, или по волѣ божіей? Когда же короли отвѣчали, что они будутъ править и царствовать, на сколько Богъ дастъ имъ разума и силъ, по Его волѣ, епископы провозгласили: „И по волѣ божіей мы просимъ, убѣждаемъ и повелѣваемъ вамъ (т.-е. Карлу и Людовику) принять это государство и править имъ по волѣ господней“. Тогда каждый изъ братьевъ избралъ по 12 человѣкъ (въ числѣ которыхъ былъ и я) для раздѣленія государства, и какъ они присудятъ раздѣлить страну между двумя, такъ короли и согласятся

---

[1]) Авторъ намекаетъ на новыя тревоги, которыя ему предстояли, по случаю его назначенія членомъ коммиссіи раздѣленія имперіи между братьями, о чемъ см. ниже гл. 1. Безъ сомнѣнія, такое близкое участіе въ послѣдующихъ событіяхъ 842 года заставило нашего автора снова взяться за перо и присоединить четвертую книгу къ первымъ тремъ.

на то; при дѣленіи же было принято за основаніе не плодородіе мѣстностей и не равенство частей, но то, чтобы отдѣльныя части одного и того же короля лежали другъ возлѣ друга и удобно соединялись. На основаніи того, Людовикъ получилъ всю Францію [1]) . . . .
Карлъ же . . . .

2. Когда это было окончено, каждый изъ королей обратился съ привѣтствіемъ къ тѣмъ различнымъ народностямъ, которыя слѣдовали за ними, и взялъ съ нихъ клятву въ вѣрности на будущее время. Карлъ пошелъ за р. Маасъ устраивать свое государство; Людовикъ же направился на Кёльнъ по поводу саксонскихъ дѣлъ. Но я намѣренъ при этомъ сказать нѣсколько подробнѣе объ исторіи саксовъ, такъ какъ она представляется мнѣ чрезвычайно важною [2]). Еще императоръ Карлъ, справедливо названный у всѣхъ народовъ Великимъ, обратилъ, какъ всякому извѣстно, саксовъ изъ идолопоклонства въ истинную христіанскую вѣру. Съ самаго начала они обнаруживали, при многихъ случаяхъ, достоинство и великую храбрость. Весь народъ саксовъ раздѣленъ на три сословія: одни на ихъ языкѣ называются *edhilingi*, другіе *frilingi*, третьи *lazzi*, то есть, благородные, свободные и рабы [3]). Во время борьбы Лотаря съ братьями «благородные» раздѣлились на двѣ партіи, изъ которыхъ одна держала сторону Лотаря а другая — Лудовика. Когда Лотарь, въ своемъ печальномъ настоящемъ положеніи, увидѣлъ, что, вслѣдствіе побѣды его братьевъ, народъ (какъ видно изъ этого мѣста, лѣтописцы очень часто называли народомъ отдѣльное сословіе, а иногда войско), бывшій на его сторонѣ, началъ угрожать отложеніемъ, тогда побуждаемый крайностью, онъ рѣшился искать союзниковъ и помощниковъ всѣми средствами, какія были у него подъ

---

[1]) Въ этомъ мѣстѣ и за словами „Карлъ же", въ манускриптахъ недостаетъ нѣсколько строкъ. Хотя это раздѣленіе и было уничтожено вскорѣ Вердюнскимъ договоромъ, но тѣмъ не менѣе нельзя не сожалѣть о пропускѣ, потому что раздѣленіе было сдѣлано людьми опытными и на основаніяхъ раціональныхъ и государственнаго интереса; потому подробности дѣленія могли бы служить данными для заключеній политическихъ, этнографическихъ и филологическихъ, указавъ черту отдѣлявшую племена и языки.

[2]) Это отступленіе автора неоцѣненно: оно даетъ намъ на отдѣльномъ случаѣ понять истинное значеніе борьбы дѣтей Людовика, какъ явленія, тѣсно связаннаго съ сословными и даже съ соціальными интересами того времени; такъ, въ Саксоніи, какъ видно у автора, эта борьба произвела цѣлую революцію между поземельными собственниками.

[3]) *Edhilinc*, по діалект. *adalinc*, происходитъ отъ *Adal*, родъ, корень котораго *athan* означаетъ *рождать*; это было сословіе, права котораго пріобрѣтались происхожденіемъ.—*Frilingi* отъ *fri*, свободный; свобода этого сословія относилась къ его поземельной собственности, освобожденной отъ податей и налоговъ.—*Lazzi* или *latzi*, отъ прилагат. *laz*, лѣнивый, медленный, откуда новѣйш. letzter, послѣдній; такъ назывались лично свободные, но несшіе подати; при Каролингихъ они впали даже и въ личную зависимость de facto, а потому нашъ авторъ переводитъ это названіе послѣдняго сословія словомъ: *рабы*.

рукою. Съ этою цѣлью онъ раздѣлилъ государственную собственность между частными людьми и отдалъ имъ во владѣніе; другимъ роздалъ привилегіи, а инымъ обѣщалъ въ случаѣ побѣды тоже самое; для того онъ отправилъ къ саксамъ пословъ и приказалъ дать надежду «фрилингамъ» и «лаццамъ», число которыхъ было весьма велико, на возвращеніе древняго закона, которымъ они пользовались еще во времена своего язычества, если только они примутъ его сторону [1]). Приведенные въ восторгъ такимъ обѣщаніемъ, они (т.-е. мелкіе собственники, фрилинги, и рабы, лацци) дали себѣ новое названіе: *stellingi* [2]), собрали огромное войско, выгнали почти всѣхъ своихъ господъ изъ страны и начали жить по древнему порядку, каждый по закону, какой ему былъ угоденъ. Сверхъ того, Лотарь призвалъ къ себѣ на помощь норманновъ и далъ имъ во владѣніе часть христіанскихъ земель и свободу грабить прочіе христіанскіе народы. Вслѣдствіе того Людовикъ былъ весьма озабоченъ тѣмъ, что норманны и славяне, сосѣдніе съ саксами, могутъ соединиться съ тѣми «стеллингами», вторгнуться съ завоевательною цѣлью въ имперію и истребить христіанскую вѣру въ тѣхъ странахъ; вотъ потому-то, какъ мы сказали выше, Людовикъ поспѣшно отправился [3])......... и старался всѣми мѣрами предохранить имперію отъ всякаго несчастія, чтобы то ужасное зло не разразилось надъ святою церковію.

Послѣ того Людовикъ чрезъ Тіонвилль, а Карлъ чрезъ Реймсъ, оба прибыли въ г. Виридунъ (н. Verdun) для взаимныхъ совѣщаній, какія мѣры принять въ будущемъ.

Въ послѣдующей, третьей главѣ, авторъ возвращается къ Лотарю, который послѣ страсбургскаго договора братьевъ и пораженія его приверженцевъ даже и въ Саксоніи, рѣшился самъ просить мира у братьевъ; по этому случаю авторъ описываетъ предварительные переговоры сторонъ, посольство Лотаря къ братьямъ и отвѣтъ послѣднихъ; наконецъ враги рѣшаются кончить дѣло личнымъ свиданіемъ, и Лотарь отправляется къ Людовику и Карлу, которые находились въ то время близъ г. Мадаско (н. Macon на р. Санѣ) и ождали брата. Если страсбургскій договоръ былъ заключенъ 14 февраля 842 г., то въ мартѣ и апрѣлѣ того же года братья занимались устройствомъ новопріобрѣтеныхъ земель и покореніемъ партизановъ Лотаря, какъ напр. въ Саксоніи: въ маѣ мѣсяцѣ могли начаться переговоры Лотаря съ братьями, и только въ іюнѣ 842 г., ровно два года спустя по смерти Людовика Благочестиваго и годъ послѣ битвы при Фонтеноа, братья увидѣлись въ первый разъ и положили

---

[1]) Слѣдовательно Лотарь прибѣгнулъ къ вооруженію нисшихъ сословій противъ высшаго и долженъ былъ произвести демократическое движеніе; очевидно, Людовикъ явится защитникомъ аристократіи; все это нисколько не мѣшало имъ при другихъ случаяхъ защищать прямо противоположные интересы.

[2]) По Дю-Канжу (Glossar), *Stelling* состоитъ изъ *stel*, старый, *lling*, сынъ, т.-е. „дѣти стараго закона". Какова бы ни была этимологія этого названія, „стеллинги" напоминаютъ собою багаудовъ послѣдняго времени римской имперіи (см. у насъ т. I, стр. 75).

[3]) Пропускъ въ текстѣ.

начало тому порядку вещей, который былъ окончательно утвержденъ только въ 843 г., по Вердюнскому договору, но трудъ нашего автора останавливается на октябрѣ 842 гбда.

4. Такимъ образомъ, въ половинѣ іюня мѣсяца (842 г.), Лотарь, Людовикъ и Карлъ, въ сопровожденіи равнаго числа знатныхъ, сошлись вмѣстѣ при г. Мадаско (н. Macon) на острову, называемомъ Ансилла: они клялись другъ другу, начиная съ этого дня и впредь, сохранять миръ, и на всеобщемъ собраніи, какъ опредѣлятъ ихъ послы, раздѣлить всю имперію, за исключеніемъ Лонгобардіи, Баваріи и Аквитаніи [1]), на три части; Лотарь будетъ имѣть право выбора изъ этихъ частей, а за тѣмъ каждый долженъ, получивъ свою часть, помогать во всѣ дни своей жизни брату сохранить свое владѣніе, подъ условіемъ, что всякій поступитъ точно также въ отношеніи другого. Послѣ того обмѣнявшись привѣтствіями, они разошлись съ миромъ по своимъ лагерямъ, съ тѣмъ, чтобы на слѣдующій день совѣщаться объ остальномъ. И хотя съ большимъ трудомъ, но наконецъ они пришли къ рѣшенію, что до съѣзда, назначеннаго на первое октября, каждый король долженъ жить мирно въ своемъ государствѣ, гдѣ ему то будетъ угодно. Король Людовикъ удалился въ Саксонію, а Карлъ въ Аквитанію для устройства этихъ земель; Лотарь же, зная, на какую часть падетъ его выборъ, отправился на охоту въ Арденнскій-лѣсъ и лишилъ всѣхъ знатныхъ ихъ имѣній и почетныхъ званій, за то, что они, поставленные въ необходимость, когда онъ оставилъ государство, отложились отъ него. Людовикъ напалъ съ честью на мятежниковъ въ Саксоніи, называемыхъ, какъ мы сказали, „стеллингами“, и покорилъ ихъ, но не иначе, какъ предавъ всѣхъ смерти, по закону. Карлъ же загналъ своего племянника Пипина (II) въ Аквитанію; но такъ какъ онъ весьма искусно укрывался, то Карлу ничего не оставалось дѣлать, какъ вручить защиту страны герцогу Варину (въ Оверни) и другимъ, оставшимся ему вѣрными. Во тоже время Эгфридъ, графъ Тулузы, захватилъ въ плѣнъ высланныхъ противъ него приверженцевъ Пипина, множество же другихъ осталось на мѣстѣ сраженія.

Послѣ того Карлъ отправился на сѣверъ, по случаю свиданія, которое онъ назначилъ Людовику въ Вормсѣ [2]). Когда же, 30 сентября, онъ проѣзжалъ мимо Метца, Лотарь уже находился въ Тіонвиллѣ, куда онъ перебрался въ противность заключеннымъ условіямъ, съ цѣлью быть ближе къ мѣсту собранія (т.-е. пословъ той

---

[1]) Изъ основаній этого дѣленія видно, что династическіе интересы Карловинговъ были тѣсно связаны съ національными интересами; Италія, Германія и Галлія романская выключаются изъ дѣленія и получаютъ свои династіи; обширная же страна лежавшая между ними разсматривается какъ добыча и дѣлится подобно частному помѣстью.

[2]) Авторъ говоритъ въ этомъ мѣстѣ очень сжато и потому недовольно ясно: въ Маконѣ, братья избрали довѣренныхъ, которые и должны были собраться въ Метцѣ, 1 октября, но короли должны были оставаться въ отдаленіи, чтобы не стѣснять свободы дѣйствій коммиссіи, занимавшейся раздѣленіемъ государства.

и другой стороны, которое было назначено на 1 октября для раздѣленія государства). Вслѣдствіе того посламъ со стороны Людовика и Карла, отправленнымъ для раздѣленія государства, показалось не безопаснымъ заниматься въ Метцѣ раздѣломъ, когда ихъ государи стоятъ въ Вормсѣ, а Лотарь въ Тіонвиллѣ, такъ какъ Вормсъ отстоитъ отъ Метца почти на 17, а селеніе Тіонвилль всего на 8 миль. Они думали, что Лотарь часто обнаруживалъ готовность обманывать своихъ братьевъ, и потому было бы смѣло довѣряться ему безъ всякаго поручительства. Вслѣдствіе того Карлъ, заботясь о ихъ безопасности, послалъ сказать Лотарю, что, такъ какъ онъ въ противность уговору явился въ Тіонвилль и утвердилъ тамъ свое пребываніе, то если желаетъ, чтобы его послы и послы брата остались въ Метцѣ, онъ долженъ дать заложниковъ, чтобы они имѣли увѣренность въ безопасности своихъ; если же онъ на это несогласенъ, то пусть отправитъ своихъ посланныхъ къ нимъ въ Вормсъ и они дадутъ ему заложниковъ, сколько онъ пожелаетъ; наконецъ, третье предложеніе состояло въ томъ, что короли должны были избрать мѣста жительства на равномъ разстояніи отъ Метца; если же и это не будетъ ему угодно, то послѣ должны сойтись въ какой нибудь мѣстности, лежащей по срединѣ, и по его выбору; во всякомъ случаѣ, онъ не долженъ легкомысленно пренебрегать безопасностью столькихъ знатныхъ мужей. Въ самомъ дѣлѣ, для этой коммиссіи было выбрано изъ среды *народа* (это выраженіе опять должно понимать въ духѣ того времени, т.-е. изъ среды высшаго сословія) восемдесятъ человѣкъ, всѣ знатнаго происхожденія, и потеря которыхъ была бы огромнымъ несчастіемъ для него (т.-е. Карла) и для его брата. Наконецъ, къ обоюдной выгодѣ рѣшили такъ, чтобы послы братьевъ, числомъ 110 человѣкъ, безъ всякихъ заложниковъ, сошлись въ Конфлуентѣ (н. Кобленцъ, при сліяніи Мозеля и Рейна), и тамъ совершили бы раздѣленіе государства, по праву и справедливости.

5 [1]). И когда они собрались, 18 октября (842 г.), то, во избѣжаніе ссоры между ихъ людьми, одна часть пословъ, со стороны Людовика и Карла, размѣстилась на восточномъ берегу Рейна (т.-е. гдѣ нынѣ прусская крѣпость Эренбрейтштейнъ), а посланники Лотаря на западномъ (т.-е. гдѣ расположенъ самый городъ Кобленцъ). Каждый день они сходились для взаимныхъ совѣщаній въ монастырѣ св. Кастора (н. церковь того же святого, на набережной города). Такъ-какъ послы Людовика и Карла предложили нѣсколько вопросовъ по поводу раздѣленія имперіи, то начали искать, нѣтъ ли кого нибудь между ними, кто имѣлъ бы обстоятельныя свѣдѣнія о всей имперіи. Но не нашлось ни одного такого, и явился вопросъ: почему послы, въ промежутокъ времени отъ іюня до октября, не объѣздили государства и не приготовились къ своей трудной работѣ? На это отвѣчали, что Лотарь вовсе не желалъ того, а послы Карла и Людовика объявили, что, не имѣя точныхъ познаній объ

[1]) Эта глава особенно драгоцѣнна по рѣдкимъ подробностямъ дипломатіи того времени, не уступающей своими пріемами никакому другому времени.

имперіи, они не могутъ составить справедливаго раздѣленія. Далѣе они возражали: какъ можно давать клятву произвести дѣленіе, по мѣрѣ знанія дѣла и средствъ, когда извѣстно, что такое дѣленіе невозможно безъ знакомства съ имперіею. Вслѣдствіе того, дѣло было перенесено на рѣшеніе епископовъ. Когда всѣ епископы собрались для совѣщанія въ церкви св. Кастора, то тѣ изъ нихъ, которые были на сторонѣ Лотаря, говорили: „Если клятва будетъ и не совсѣмъ безгрѣшна, то послѣ можно принести покаяніе; все же лучше сдѣлать хотя какъ нибудь, нежели продолжать терпѣть разграбленіе церквей, пожары, убійства, распутство и тому подобное". Но тѣ, которые стояли на сторонѣ Карла и Людовика, возразили: къ чему же грѣшить противу Бога тѣмъ или другимъ способомъ, когда можно избѣжать и того и другого; гораздо лучше заключить пока миръ, а между тѣмъ разослать пословъ по всей имперіи для изученія ея; тогда можно будетъ дать справедливую клятву произвести дѣленіе по праву и справедливости, и потомъ сдержать ее; такъ, говорили они, мы избѣгнемъ всякой зависти и другихъ пороковъ, если только не помѣшаетъ ослѣпленіе. Вслѣдствіе того, они не хотѣли ни сами дѣйствовать противу клятвы, ни допустить другихъ до того. Но такъ какъ они не могли сговориться, то и разошлись по домамъ. Однако имъ удалось еще разъ сойтись въ одномъ домѣ, и сторонники Лотаря объявили, что они готовы заняться дѣленіемъ, какъ клялись въ томъ; но сторонники Людовика и Карла продолжали настаивать на томъ, что и они считали бы себя готовыми, если бы могли сдѣлать дѣло по смыслу клятвы. Наконецъ, когда никто безъ согласія своего государя не рѣшался ни на что, то они опредѣлили заключить миръ, пока не узнаютъ, которое изъ предложеній будетъ принято ихъ государями. Такъ-какъ полагали, что это можетъ быть рѣшено къ 13 ноября, то они и разошлись, заключивъ миръ именно до этого дня.—Въ этотъ день почти во всей Галліи произошло сильное землетрясеніе, и въ этотъ же день нашли тѣло знаменитаго Ангельберта, похороненнаго въ Центулѣ (монастырь св. Рикье, St. Riquier, на Соммѣ, близъ ея устья, на правомъ берегу) за 29 лѣтъ предъ тѣмъ, нисколько не испортившимся, хотя оно не было набальзамировано. Этотъ мужъ происходилъ изъ знатнаго рода; Мадельгаудъ, Ричардъ и онъ были братья и пользовались большимъ уваженіемъ со стороны Карла Великаго. Ангельбертъ же, женившись на дочери императора Бертѣ, имѣлъ двухъ сыновей: Гарнида и меня, называемаго Ниттардомъ (авторъ нашей исторіи). Онъ построилъ въ Центулѣ удивительную церковь въ честь всемогущаго Бога и св. Рикарія (St Riquier), и съ достоинствомъ управлялъ ввѣренною ему братіею. Окончивъ жизнь свою благополучно въ мірѣ, онъ и теперь покоится въ Центулѣ. Послѣ этого краткаго отступленія, возвращаюсь къ своему разсказу.

6. Когда, какъ было сказано выше, послы возвратились къ своимъ королямъ и извѣстили ихъ о случившемся, то по недостатку средствъ и по случаю приближенія зимняго времени, а болѣе потому, что знатные изъ народа вовсе не желали возобновленія борьбы, братья принуждены были согласиться на заключеніе мира, который продолжится

до Иванова дня (24 іюня, 843 г.) и еще 20 дней послѣ того (т.-е. до 13 іюня, 843 г., слѣдовательно всего на 8 мѣсяцевъ, считая отъ дня заключенія мира, 13 ноября 842 г.). Для окончанія этого дѣла, со всѣхъ сторонъ съѣхались знатные и клялись что короли сохранятъ взаимный миръ, и что ничего не будетъ упущено для справедливаго раздѣленія имперіи; Лотарь же удерживаетъ за собою право выбора, какъ-то было клятвенно опредѣлено. Затѣмъ каждый отправился, куда хотѣлъ. Лотарь пошелъ на зиму въ Ахенъ, Людовикъ въ Баварію, а Карлъ въ г. Каризіакъ (н. Kiercy) для празднованія своей свадьбы.

Конецъ этой главы занятъ изложеніемъ частныхъ мѣръ Карла и Людовика, для устройства своихъ государствъ. Свадьба Карла и Гирментруды, дочери графа Бозо, праздновалась 14 декабря 842 г; по случаю такого поздняго времени года, съ 842 на 843 г., авторъ заключаетъ эту главу замѣткою о зимѣ: „Зима же эта, говоритъ онъ, была необыкновенно сурова и продолжительна [1]), породила много болѣзней и произвела дурныя послѣдствія для земледѣлія, скотоводства и въ особенности для пчеловодства“. Такая метеорологическая замѣтка дала новый поводъ автору присоединить послѣднюю главу, въ заключеніе своей четвертой книги, съ размышленіями въ духѣ того времени о связи физическихъ явленій съ нравственнымъ порядкомъ вещей.

7. Изъ этого обстоятельства (т. е. изъ суровости зимы съ 842 на 843 г. и ея дурныхъ послѣдствій) каждый легко можетъ увидѣть, какъ наказывается человѣкъ за свое безуміе, и до какой степени развращена наша общественная и частная жизнь, если всемогущій Творецъ въ своемъ гнѣвѣ дошелъ до того, что направилъ всѣ стихіи противъ такого безумія. Я могу справедливость того доказать многими примѣрами, извѣстными каждому человѣку. Въ самомъ дѣлѣ, при великомъ Карлѣ, блаженной памяти, умершемъ почти 30 лѣтъ тому назадъ (слѣдовательно, авторъ пишетъ въ 843 г.), повсюду господствовали миръ и согласіе, такъ-какъ народъ слѣдовалъ въ своей жизни по прямому, то-есть, истинному и боговдохновенному пути: нынѣ же повсюду господствуютъ вражда и раздоры, ибо каждый желаетъ итти особенною дорогою, сообразно своимъ личнымъ стремленіямъ. И въ то время вездѣ было изобиліе и радость, теперь же ничего нѣтъ кромѣ бѣдствія и печали. И какъ прежде стихіи являлись благосклонными для всего, такъ теперь онѣ враждуютъ и наносятъ намъ вредъ, какъ сказано о томъ въ писаніи, дарованномъ въ нашу пользу божественною благодатью: „И земля будетъ бороться съ нечестивыми“. Въ то же самое время, 20 марта, произошло лунное затмѣніе, и ночью выпалъ большой снѣгъ, что опечалило всѣхъ, какъ справедливое наказаніе со стороны Господа. Я сообщаю объ этомъ потому, что съ того времени начали распро-

---

[1]) Изъ этого замѣчанія автора можно положительно заключить, что онъ окончилъ свой трудъ не ранѣе марта или даже апрѣля 843 года.

страняться повсюду грабежи и всевозможные разбои, а суровость времени отняла и послѣднюю надежду на лучшее.

Графъ Нитгардъ.

Historiarum libri IV. 814—843 a. У Pertz, Monum. II, 649—672 стр.

Нитгардъ (Nithardus), авторъ „Четырехъ книгъ исторіи" своего времени, не только принадлежалъ къ числу высшей аристократіи франковъ, но и находился въ близкомъ родствѣ съ королевскимъ домомъ: онъ былъ сынъ извѣстнаго своею знаменитою ученостью Ангильберта, друга Карла В., женатаго на его дочери Бертѣ. Такое общественное положеніе поставило молодого графа Нитгарда въ самыя выгодныя условія для будущаго историка: онъ получилъ отличное классическое образованіе, и его стиль носитъ на себѣ всѣ слѣды близкаго знакомства съ лучшими писателями древности; по своему рожденію онъ жилъ среди главныхъ дѣйствующихъ лицъ, а по уму игралъ важную роль во всѣхъ событіяхъ того времени. Но его дружба съ своимъ двоюроднымъ братомъ Карломъ II Лысымъ вызвала въ Нитгардѣ пристрастіе къ одной изъ борющихся сторонъ. Онъ началъ свой трудъ въ 841 г. и въ видѣ мемуаровъ довелъ до весны 843 г. Неизвѣстно, почему авторъ не продолжалъ своихъ мемуаровъ; что ему помѣшала не смерть, это видно изъ замѣтки какого-то составителя хроники монастыря Центула, называющей Нитгарда аббатомъ того монастыря; вѣроятно, Нитгардъ кончилъ свою жизнь въ духовномъ званіи: въ своихъ мемуарахъ онъ часто жалуется на суету міра и выражаетъ желаніе оставить свѣтъ. Но во всякомъ случаѣ, его „Исторія" была имъ писана, какъ свѣтскимъ человѣкомъ, и это одно обстоятельство обращаетъ на нее особенное вниманіе въ такую эпоху, когда литературныя занятія, какъ выразился Пипинъ аквитанскій, смѣясь надъ Эрмольдомъ (см. выше на стр. 156), считались исключительнымъ дѣломъ клерика. Состояніе писателя-міряника отразилось замѣтно на самомъ его языкѣ, способѣ сужденія и всемъ характерѣ труда. *Изданія:* Pertz, Mon. Germ. II, 649 — 672; Bouquet, Rec. VI, 67 — 72. *Переводы:* Нѣмецк. Jasmund (Berl. 1851) въ Geschichtsschreib. d. d. Vorzeit, Lfg. 13 (ц. 50 пф.); франц. у Guizot, Coll. III. 433 — 497. *Критика:* Petavius, De Nithardo, etc. Par. 1613; перепечатано у Bouquet, Rec. VII, 1 — 10; Bähr, Geschichte der römisch. Literat. im karoling. Zeitalter. Carlsr. 1840. 224 — 227 стр. О договорѣ братьевъ въ Страсбургѣ см. изслѣдованіе Як. Гримма, помѣщенное у Pertz, Monum. II, стр. 666. О вердюнскомъ договорѣ, заключенномъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя, какъ кончилъ свой трудъ Нитгардъ, см. превосходный трудъ вообще для этой эпохи: *Böhmer*, Regesta chronologica-diplomatica Karolorum. Frankfurt. 1833.

12.—Отношеніе папъ къ свѣтской власти при преемникахъ Карла В.

Процессъ Лотаря II. 864—869 г.

(Въ 906 г.).

Въ годъ воплощенія господня 855. Лотарь (I, императоръ, старшій сынъ Людовика Благоч.), созвавъ всѣхъ знатнѣйшихъ людей своей страны, раздѣлилъ свое государство между своими сыновьями: *Людовикъ* (II) получилъ Италію съ титуломъ императора, его соименный сынъ наслѣдовалъ страну, которая носитъ его названіе (т. е. *Lotharii regnum*, откуда Лотарингія); наконецъ, *Карлъ*, самый младшій, пріобрѣлъ Провансъ. Распорядившись такимъ образомъ и устроивъ всѣ дѣла, Лотарь (I) простился съ своими, покинувъ всѣхъ, и отправился въ Прумскій монастырь (Prumia) [1]). Тамъ онъ постригся, принялъ монашескую одежду и кончилъ свои дни 29 сентября въ облаченіи своего ордена.

Въ годъ в. г. 856. Король Лотарь (II) взялъ въ жены королеву *Титбергу;* этотъ союзъ породилъ великое бѣдствіе не только для него самого, но и для всего его государства, какъ то будетъ совершенно ясно изъ послѣдующаго.

Въ годъ в. г. 858. Король Карлъ, сынъ императора Лотаря, правившій Провансомъ, умеръ, и, по поводу наслѣдства его владѣній, произошло великое междоусобіе короля Лотаря (II) съ его дядею Карломъ (т.-е. II, Лысымъ).

Въ годъ в. г. 859. Лотарь (II) надѣлилъ аббата Губерта герцогствомъ между Юрою и Юпитеровою-горою (н. Большой С. Бернаръ), потому что онъ вполнѣ разсчитывалъ на его вѣрность, бывъ женатымъ на его сестрѣ Титбергѣ.

Подъ годами 860, 861, 862 и 863 авторъ хроники отмѣчаетъ постороннія событія, касавшіяся Людовика Нѣмецкаго и Карла Лысаго, упуская изъ виду Лотаря II.

Въ годъ в. г. 864. Король Лотарь началъ отъискивать предлоги къ разводу съ королевою Титбергою, которую онъ возненавидѣлъ изъ-за *Вальдрады*, своей наложницы, извѣстной ему еще въ молодости, когда онъ жилъ у отца. Вальдрада любила его съ величайшею страстью, внушенною ей дьяволомъ. Потому король, сначала секретно чрезъ пословъ, а потомъ и лично, сдѣлалъ коварныя предложенія Гунтару, епископу города Кельна, бывшему въ то время архикапелланомъ, по поводу развода, а чтобы легче склонить его на свою сторону, король обѣщалъ жениться на племянницѣ самого епископа, лишь бы онъ, чрезъ посредство своихъ и чужихъ епископовъ, согласился развести его съ Титбергою, подъ извѣстными причинами. Гунтаръ, какъ человѣкъ легкомысленный и необдуманный, предался этому дѣлу со всею ревностью, и къ этому побуждала его одна сует-

---

[1]) Близъ Трира.

ная надежда, какъ то впослѣдствіи обнаружилось. Потомъ онъ отправляется по поводу этого же обстоятельства къ Титгауду, епископу трирскому, человѣку недальнему и мало свѣдущему въ священномъ Писаніи, а еще менѣе въ каноническихъ правилахъ; представляетъ ему цитаты изъ обоихъ Завѣтовъ, которыя онъ толкуетъ совершенно иначе, нежели какъ то учитъ церковь, и влечетъ за собою этого недальновиднаго человѣка въ пропасть, оказывая ту услугу, которую оказываетъ слѣпой слѣпому. И такъ, все удалось, что было нужно для такого ослѣпленія. Они созвали соборъ въ Метцѣ, поставили предъ нимъ королеву, пригласивъ ее на основаніи каноновъ, ввели свидѣтелей, представили письменныя доказательства, изъ которыхъ явствовала ея вина, и завѣрили всѣхъ, что сама Титберга призналась въ преступныхъ связяхъ съ своимъ роднымъ братомъ. Вслѣдъ затѣмъ прочли предписаніе св. отцовъ о кровосмѣсителяхъ, по которымъ такія лица не только разводились съ мужемъ, но имъ запрещался всякій бракъ и налагалось покаяніе по мѣрѣ вины; посредствомъ такого-то сплетенія лжи король увидѣлъ, наконецъ, исполненіе своихъ давнишнихъ желаній.

Вскорѣ затѣмъ они назначили вторичный соборъ въ Ахенѣ, къ которому король и обратился съ письменною жалобою. Тамъ было написано, что король, по поводу извѣстной женщины, называемой Титбергою, былъ обманутъ честолюбіемъ вѣроломныхъ людей, и даже—это онъ повторилъ съ особеннымъ удареніемъ—былъ принужденъ приговоромъ епископовъ къ разводу; но если Титберга была бы достойна брачнаго ложа и не была бы запятнана кровосмѣшеніемъ, за что и осуждена всенародно, на основаніи собственнаго признанія, то онъ согласился бы оставить ее при себѣ; далѣе, онъ объявлялъ, что онъ невоздерженъ и при своей молодости не можетъ оставаться безъ брачныхъ связей. Тогда были принесены акты различныхъ соборовъ, отобрано въ нихъ все, что говорилось о кровосмѣшеніи, и по прочтеніи того составился слѣдующій окончательный приговоръ: „Мы признаемъ ее недостойною, незаконною, и неодобренною Богомъ женою, такъ какъ она, по собственному признанію, обвинена въ кровосмѣшеніи. Потому мы разрѣшаемъ нашему преславному государю, такъ какъ не только мы, но и власть каноновъ воспрещаетъ ему бракъ съ кровосмѣсительницею,—хотя и несообразную съ законами связь, но допущенную Богомъ, за его благочестивую преданность господней службѣ и за побѣдоносную защиту имперіи, какъ на то даетъ согласіе и апостолъ, говоря: „Лучше жениться, чѣмъ горѣть страстью (I Коринѳ. 7, 9)“. Послѣ всего этого, Вальдрада начала являться публично, окруженная многочисленною свитою, и весь королевскій дворъ громко называлъ ее королевою. Племянница же епископа Гунтара была приведена къ королю, и, какъ разсказываютъ, претерпѣла одинъ срамъ и затѣмъ съ насмѣшками была возвращена къ своему дяди. Но, по настоянію братьевъ королевы Титберги, все это было доведено до свѣдѣнія папы *Николая* (I), который въ то время (съ 858 г.) стоялъ во главѣ римской церкви.

Въ годъ в. г. 865. Агано и Родоальдъ (итальянскіе епископы) были отправлены послами отъ апостольскаго престола въ Галлію для

изслѣдованія, такъ-ли дѣйствительно происходило дѣло, какъ то было донесено первосвятителю; прибывъ во Францію (т.-е. въ Лотарингію), они были подкуплены деньгами и потому склонились въ пользу болѣе неправыхъ, чѣмъ правыхъ. Но когда они предстали предъ короля, объясняя ему цѣль своего посѣщенія, то получили отъ него въ отвѣтъ, что онъ не сдѣлалъ ничего другого, какъ то, что ему предписали епископы его государства на всеобщемъ соборѣ. Послы же дали королю совѣтъ отправить въ Римъ тѣхъ епископовъ, которые предсѣдательствовали на соборѣ для устнаго и письменнаго оправданія предъ вселенскимъ папою. Затѣмъ они, награжденные большими подарками, возвратились въ Римъ и объявили своему верховному владыкѣ обо всемъ, что они слышали и видѣли въ Галліи, присоединивъ къ тому, что въ государствѣ Лотаря они не нашли ни одного просвѣщеннаго епископа, который имѣлъ бы основательныя познанія въ каноническомъ правѣ. Между тѣмъ, архіепископъ Титгаудъ и Гунтаръ отправились въ Римъ съ намѣреніемъ, какъ представить невиннымъ Лотаря въ упомянутомъ дѣлѣ, такъ вмѣстѣ и доказать, что они сами, въ совокупности съ прочими соепископами, дѣйствовали только на основаніи церковныхъ и апостольскихъ постановленій, и ихъ слѣдовало бы считать безумцами, если бы они осмѣлились обмануть ложью престолъ св. Петра, который ни въ чемъ не погрѣшаетъ, и не можетъ быть обманутъ какою-нибудь ересью. Допущенные къ папѣ Николаю (I), они представили ему протоколъ, заключавшій синодальныя постановленія, утвержденныя на соборахъ въ Ахенѣ и Медіоматрикѣ (н. Метцъ). Когда нотарій прочелъ это въ присутствіи всѣхъ, верховный владыка спросилъ, могутъ-ли они теперь лично подтвердить сказанное въ протоколѣ? Они отвѣчали, что невозможно опровергать того на словахъ, что они собственноручно скрѣпили. Такимъ образомъ, не давая увѣренія лично и не отказываясь, они были отпущены по домамъ до новаго призыва. По прошествіи нѣсколькихъ дней, ихъ пригласили на соборъ, созванный папою, гдѣ протоколъ, доставленный ими, былъ осужденъ и преданъ проклятію, а они сами, съ согласія всѣхъ епископовъ, пресвитеровъ и дьяковъ, были низложены и лишены всякаго церковнаго достоинства. Обезчещенные такимъ постыднымъ образомъ, они обратились къ брату короля Лотаря, императору Людовику (II), находившемуся въ то время въ земляхъ беневентскихъ, подавъ при этомъ письменную и словесную жалобу на то, что ихъ низложили несправедливо, что тѣмъ нанесена обида всей святой церкви и самому императору, такъ-какъ никогда не было слыхано, чтобы какой-нибудь архіепископъ былъ свергнутъ безъ согласія государя и прочихъ архіепископовъ. Они присоединяли къ этому еще и многое другое, возводя на папу обвиненія, которыя я считаю излишнимъ приводить здѣсь, въ надеждѣ, что чрезъ заступничество императора и его вмѣшательство они успѣютъ очистить себя отъ обвиненій и вмѣстѣ возвратятъ свое прежнее достоинство. Но ихъ надежда была обманута, хотя императоръ желалъ отъ всего сердца помочь имъ. Титгаудъ, покорно перенося обрушившееся на него низведеніе, не касался ничего, что относилось къ богослуженію, по прежнему его званію; но

Гунтаръ, напротивъ, кичась своимъ упорствомъ, презиралъ апостолическимъ отлученіемъ и не отказывался отъ снятаго съ него званія. Оба они возвратились во Францію, покрытые достаточнымъ стыдомъ. Явившись во второй и третій разъ къ апостольскому престолу съ просьбою о возстановленіи ихъ чести и званія, они впали, наконецъ, въ болѣзнь, во время пребыванія въ Италіи, и умерли на чужбинѣ, какъ отлученные; потому что были пріобщены св. тайнъ только наравнѣ съ простыми мірянами.

Въ годъ в. г. 866. Былъ посланъ во Францію Арсеній, канцлеръ и совѣтникъ папы Николая, вмѣсто самого папы; прибывъ туда, Арсеній обнаружилъ такую власть и вліяніе, какъ будто бы онъ былъ первостепеннымъ епископомъ. Созвавъ, именно, епископовъ на соборъ, онъ отправилъ къ королю Лотарю предложеніе избрать одно изъ двухъ: или примириться съ своею женою, прекративъ всѣ сношенія съ наложницею Вальдрадою, или, въ противномъ случаѣ, онъ и всѣ, поддерживающіе его въ преступныхъ намѣреніяхъ, будутъ поражены мечемъ отлученія. Поставленный въ такое затруднительное положеніе, Лотарь, худо-ли, хорошо-ли, былъ вынужденъ соединиться съ своею женою Титбергою, давъ въ тоже время клятву держать ее впередъ, какъ то слѣдуетъ законную жену, по всѣмъ правиламъ справедливости, не удаляя ее отъ себя и не вводя къ себѣ въ домъ никого другого, въ теченіе всей своей жизни. Затѣмъ Арсеній повелѣлъ, чтобы Вальдрада, по волѣ Бога и св. Петра и по предписанію своего господина папы, отправилась въ Римъ и дала отвѣтъ. Епископамъ же всѣмъ онъ объявилъ, что Энгильдруда, жена графа Бозо (брата, какъ полагаютъ, Губерта и Титберги, обвиненныхъ въ кровосмѣшеніи), была отлучена апостольскимъ престоломъ отъ церкви за то, что оставила своего мужа и ушла въ Галлію вмѣстѣ съ своимъ вассаломъ; это отлученіе онъ повторилъ вмѣстѣ со всѣми присутствовавшими епископами.

Послѣ того, Энгильдруда предстала предъ Арсенія въ городѣ Вормсѣ, гдѣ этотъ епископъ встрѣтился съ королемъ Лудовикомъ (Нѣмецкимъ). Она, въ присутствіи его пословъ, дала слѣдующую клятву: „Я, Энгильдруда, дочь покойнаго графа Матфрида и бывшая жена графа Бозо, клянусь вамъ, мой господинъ Арсеній, посланникъ и канцлеръ великаго, святого, каѳолическаго и апостолическаго престола, а чрезъ васъ и моему господину Николаю, верховному владыкѣ и вселенскому папѣ, во имя Отца и Сына и св. Духа, надъ этими четырьмя евангеліями Господа Христа, которыя я цѣлую, и на которыя возлагаю свою руку, что я, отложивъ всякую вражду, оказанную своему мужу Бозо, какъ заблудшая овца, возвращусь къ святой каѳолической и апостолической церкви съ обязательствомъ, которое на меня возложилъ государь Николай, верховный владыко и вселенскій папа, отправиться съ вами или послѣ васъ въ итальянское государство и все, предписанное имъ, исполнить неотлагательно“. Но все же она не исполнила такую страшную клятву. А именно, она отправилась вмѣстѣ съ Арсеніемъ до Дуная, а тамъ увѣрила его, что желаетъ навѣстить одного своего родственника, чтобы достать у него лошадь, и обѣщала возвратиться къ нему въ г. Августу

(н. Аугсбургъ). Прикрывшись такимъ предлогомъ, она повернула назадъ и воротилась изъ Алеманніи во Францію; когда Арсеній узналъ о томъ, онъ отправилъ посланіе ко всѣмъ архіепископамъ, епископамъ и пресвитерамъ, и ко всѣмъ вѣрнымъ св. господней церкви, пребывающимъ въ Галліи, Германіи и Нейстріи, заклиная ихъ властью всемогущаго Бога и блаженныхъ князей апостоловъ, Петра и Павла, равно какъ и господина епископа и вселенскаго папы Николая, не принимать ее въ своей эпархіи и во всѣхъ своихъ церквахъ проповѣдывать, что она совершенно отлучена и изгнана изъ христіанскаго общества, какъ осужденная за богопротивныя преступленія, пока не принесетъ покаянія предъ государемъ папою.

Упомянувъ объ этомъ событіи въ главныхъ чертахъ, возвращаюсь къ плачевнымъ дѣламъ короля Лотаря. Посланникъ апостолическаго престола, исполнивъ свое порученіе въ Галліи, возвратился въ Римъ, откуда былъ присланъ. И опять усиліями Вальдрады и ея клевретовъ сердце короля было воспалено противъ Титберги; ненависть овладѣла имъ, и снова вышелъ на наружу огонь, скрывшійся подъ остывшимъ пепломъ вражды раздора. Титберга была попрежнему презираема, преслѣдуема, удалена; появились жалобы на ея невѣрность, и начали придумывать всевозможныя причины, чтобы наказать ее за виновность. Тогда она, предвидя опасность, угрожавшую ея жизни, убѣжала тайно и, прибывъ къ Карлу (II, Лысому), отдала себя подъ его защиту; едва лишь узналъ о томъ папа Николай, по дошедшимъ до него слухамъ, какъ отправилъ къ нему одобрительное посланіе слѣдующаго содержанія: „Мы полагаемъ, что между всѣми благочестивыми сподвижниками св. церкви и мужественными защитниками истины, никто не былъ болѣе озабоченъ униженіемъ преславной королевы Титберги, никто не оказалъ болѣе сожалѣнія къ ея бѣдствіямъ, какъ ваше благочестивое сердце“. Послѣ нѣсколькихъ другихъ поощрительныхъ словъ, папа присоединилъ еще: „Мы желаемъ довести до свѣдѣнія вашей свѣтлости, какъ король Лотарь притѣснялъ всѣми мѣрами свою жену Титбергу и подвергалъ ее безчисленнымъ мученіямъ въ противность данной имъ присяги, такъ что она теперь должна по-неволѣ писать намъ, что желала бы отказаться и отъ королевскаго сана, и отъ брачныхъ узъ, довольствуясь уединеніемъ частной жизни. Мы писали ей, что ея желаніе можетъ быть исполнено только въ томъ случаѣ, если мужъ ея Лотарь рѣшится на подобную же участь. Между тѣмъ нами получено извѣстіе отъ многихъ, что Лотарь намѣренъ созвать собраніе и предать Титбергу суду. Его намѣреніе состоитъ въ томъ, чтобы совершенно развестись съ нею, и, если ему удастся, доказать клеветою или какою-нибудь хитро-сплетенною ложью, что она не была его законною женою. Въ противномъ случаѣ, онъ соглашается принять ее въ свой домъ, какъ жену, но немедленно обвинить ее въ невѣрности и предоставить рѣшеніе дѣла поединку между кѣмъ-нибудь изъ своихъ людей и приверженцевъ Титберги. Если падетъ защитникъ королевы, тогда онъ полагаетъ немедленно предать ее смерти. Но въ какой степени все это противно божескимъ законамъ, я надѣюсь, ваша великая мудрость можетъ усмотрѣть то сама. Но и мы, съ своей сто-

роны, намѣрены въ непродолжительномъ времени представить нѣкоторыя соображенія, и прежде всего увѣрить, что Титберга по поводу происшедшаго раздора не имѣетъ права требовать перерѣшенія дѣла, потому что то, что было уже разъ надлежащимъ образомъ порѣшено съ присоединеніемъ клятвы, то не можетъ быть взято назадъ, если не будетъ на то высшей воли. Далѣе, такъ какъ она искала убѣжища у церкви и требовала церковнаго суда, то ее нельзя подвергнуть никакому свѣтскому суду. Но мы были призваны судьею обѣими сторонами, а именно, и Лотаремъ, и Титбергою, и разсматривали дѣло обоихъ, а потому невозможно обратиться съ тѣмъ же дѣломъ къ какому-нибудь другому судьѣ: и въ святыхъ церковныхъ законахъ не дозволяется аппеллировать отъ судьи, избранному по обоюдному согласію; даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда допускается аппелляція, она дозволена только отъ нисшаго судьи къ высшему. А такъ-какъ нѣтъ власти, которая стояла бы выше власти апостольскаго престола, слѣдившаго за дѣломъ ихъ обоихъ, то мы и не знаемъ, кому можетъ быть дозволено судить приговоры папы и измѣнять его опредѣленіе“. Сказавъ еще нѣсколько словъ, Николай продолжаетъ такъ: „Кто же не видитъ, что жалоба Лотаря на невѣрность Титберги совершенно несправедлива? А именно, если она, такъ онъ утверждаетъ, не жена ему, то какъ же онъ можетъ обвинить ее въ супружеской невѣрности: если она ничья жена, то не могла нарушить никакого брака; если же Лотарь продолжаетъ обвинять ее въ невѣрности и готовитъ ей наказаніе за то, то онъ необходимо долженъ признать ее своею женою“. Нѣсколько ниже затѣмъ, папа продолжаетъ такъ: „Сверхъ того, еслибы и было должно рѣшить вопросъ о самомъ брачномъ союзѣ или о жалобахъ на супружескую невѣрность, то, очевидно, Титберга никакимъ образомъ не можетъ начать иска противъ Лотаря, ни быть подвергнута суду на законныхъ основаніяхъ, если предварительно не возвратится на время подъ его власть и вмѣстѣ не сохранитъ свободы сноситься съ своими приверженцами. Эти послѣдніе должны выбрать для суда такое мѣсто, гдѣ не было бы опасности подвергнуться насилію со стороны большинства и гдѣ не было бы трудно доставить свидѣтелей и прочихъ лицъ, которыя предписаны, на случай подобнаго рода тяжбы, святыми канонами и достопочтенными римскими законами. Впрочемъ мы говоримъ это не съ тѣмъ, чтобы такъ это и было сдѣлано, потому что, какъ мы выше сказали, безъ нашего соизволенія и безъ нашего согласія ничего не можетъ быть предпринято“.

Этотъ же самый святѣйшій епископъ, воспаленный тою же ревностью о Господѣ, какая воодушевляла нѣкогда первосвященника Финееса (4, Моис. 25, 11), отлучилъ Вальдраду въ церкви Петра, въ самый день очищенія св. Богородицы Маріи (т.-е. 2 февраля 866 г.), и лишилъ ее всякаго общенія въ христіанами; въ то же время онъ отправилъ посланіе (отъ 13 іюня 866 г.) ко всѣмъ епископамъ, обрѣтающимся въ Германіи и Галліи, съ объясненіемъ причинъ и формы отлученія. Краткости ради я намѣренъ привести его не столько слово въ слово, сколько излагая одно общее содержаніе:

„Сперва мы намѣревались произнести менѣе строгій приговоръ

надъ преступною и упорствующею въ своей нераскаянности Вальдрадою, и подвергнуть ее менѣе тяжкому наказанію по сравненію съ тѣмъ, чего она заслуживала за свои тяжкіе грѣхи, еслибы она не рѣшилась въ своей закоснѣлости пребывать постоянно въ грязи своего несчастія. А потому, такъ какъ она пренебрегла нашими предостереженіями и частными увѣщаніями, не признавъ до сихъ поръ своей виновности и не принеся покаянія, и не подумала испросить чрезъ наше посольство прощенія у насъ, когда мы взяли на себя разсмотрѣніе ея дѣла, наконецъ, вмѣсто того, чтобы прямою дорогою обратиться къ намъ и искать заступничества блаженнаго апостола Петра, возвратилась къ сатанѣ, и до сихъ поръ не прекращаетъ своихъ козней противъ Титберги, ища погубить ее;—вслѣдствіе всего того, вмѣстѣ съ апостоломъ (Римл. 2, 5), мы изрекаемъ то, что всегда можетъ быть примѣнено къ ней и ей подобнымъ, а именно, что она своимъ загрубѣлымъ и нераскаяннымъ сердцемъ сама призываетъ на себя гнѣвъ въ день гнѣва. А потому мы, за ея дѣла, отлучаемъ ее отъ пріобщенія драгоцѣннымъ тѣломъ и кровью Господа, и по приговору св. Духа, блаженныхъ апостоловъ Петра и Павла и нашей умѣренности, лишаемъ всякаго общенія съ святою церковью, равно какъ и всѣхъ ея единомышленниковъ, друзей и покровителей, пока она не дастъ удовлетворенія святой церкви, въ особенности же намъ, несущимъ главные заботы о ней и слѣдившимъ за ея дѣломъ отъ самаго начала, пока она наконецъ, оставивъ свои дурныя намѣренія, не послѣдуетъ нашему совѣту. Мы напоминаемъ, что этотъ приговоръ былъ произнесенъ нами 2 февраля, и препровожденъ вамъ письменно; а дабы наши усилія не остались безъ послѣдствій, ваше братство не упуститъ поднять духовное оружіе противъ упомянутой браконарушительницы и всѣхъ ея сообщниковъ, и громогласно объявить о томъ въ своемъ приходѣ, какъ самой отлученной, такъ и ея покровителямъ, пока она не согласится подчиниться извѣстному покаянію, соотвѣтственно особому нашему распоряженію“.

Тотъ же достопочтенный пастырь отправилъ и къ королю Лотарю посланіе слѣдующаго содержанія:

„Услышавъ отъ нашего возвратившагося посла, что ты обнаружилъ, такъ сказать, начало своего исправленія, мы воздали Богу должную хвалу и приготовились выразить и тебѣ подобающую благодарность. Но, къ сожалѣнію, вскорѣ затѣмъ пришло противоположное извѣстіе, и мы перемѣнили свое намѣреніе. Мы увидѣли себя вынужденными заговорить другимъ языкомъ, и въ то время, когда нашъ языкъ былъ готовъ произнести благодарность, мы должны были употребить его на выраженіе нашего горя и на упреки. Мы узнали, что ты, который уже давно причиняешь вредъ церкви господней, по прежнему упорствуешь въ томъ, и по прежнему мараешь себя грязью, въ которой еще прежде утопалъ. Тебѣ, кажется, мало нарушить одни законы брака, ты хочешь сверхъ того, запутавъ душу другихъ въ сѣти злобы, повергнуть ихъ въ погибель. Тутъ нечему и удивляться, потому что ты, стоя на такой высотѣ, примѣромъ своего разврата можешь увлечь многія тысячи людей. А то увѣреніе, которое дала Титберга въ пользу Вальдрады, признавъ ее твоею за-

конною женою, останется безъ всякихъ послѣдствій, было ли оно сдѣлано добровольно или насильственно, потому что въ этомъ случаѣ никто и не нуждается въ такомъ признаніи съ ея стороны. Мы полагаемъ и признаемъ справедливымъ, чтобы ты, и въ случаѣ смерти Титберги, не смѣлъ ни по какому закону и ни по какому опредѣленію брать въ жены Вальдраду. Потому, если бы Вальдрада и сдѣлалась когда-нибудь твоею женою, церковь божія не имѣетъ никакой надобности въ покаяніи Титберги. Мы знаемъ одно, что по опредѣленію Бога, который придетъ судить нарушителей брака, ни мы, ни церковь господня не оставятъ тебя безнаказаннымъ, если ты когда-нибудь, по смерти Титберги, женишься на Вальдрадѣ". Послѣ нѣсколькихъ словъ за тѣмъ, папа продолжаетъ: „Потому обращайся съ величайшею преданностью съ своею женою Титбергою, какъ съ своею собственною плотью, люби ее и уважай, и ни въ какомъ случаѣ не удаляй отъ себя; упрашивай ее, если она захотѣла бы тебя оставить, образумливай и старайся отклонить ее всѣми мѣрами отъ такого намѣренія. Если она по чувству стыдливости ищетъ развода и проситъ разорвать брачный союзъ, то это по той причинѣ, о которой сказалъ апостолъ, говоря: „Жена не властна въ своей плоти, но мужъ" (I Коринѳ. 7, 4); но если и ты желаешь развода, то мы утвердимъ это, лишь бы только разводъ былъ сдѣланъ справедливо. Въ писаніи сказано именно: „Что Богъ соединилъ, то человѣкъ не разлучаетъ", (Матѳ. 19, 6), а потому Богъ, а не человѣкъ разлучаетъ, когда брачные узы разрываются, по взаимному согласію обоихъ супруговъ и ради любви къ Богу (папа имѣетъ въ виду разводъ для поступленія въ монастырь, а разводу съ такою цѣлью противился Лотарь). Если и ты ищешь развода съ подобною цѣлью, то мы дадимъ тебѣ его отъ всего сердца и немедленно изъявимъ свое согласіе, но мы будемъ противиться всякому другому способу раздѣленія васъ. Далѣе, если ты упрекаешь ее въ безплодіи, то подумай о девятидесятилѣтней Сарѣ, объ Аннѣ и Елисаветѣ; можетъ быть твоя бездѣтность происходитъ не отъ ея безплодности, а отъ твоей несправедливости. Потому, преславный король, довольствуйся своею собственною женою, и не ищи другого сожительства. Уважь нашъ совѣтъ, послѣдуй нашимъ убѣжденіямъ, какъ убѣжденіямъ нѣжнаго отца, и воздержи твое сердце, твой языкъ и твою плоть отъ всего безнравственнаго, избѣгая главнымъ образомъ сообщества твоей давно отвергнутой наложницы Вальдрады и предавъ вѣчному забвенію прежнія отношенія къ ней. Она отлучена, и пока лично не явится къ намъ, останется исключенною изъ общества христіанъ, какъ о томъ уже знаетъ весь западъ и какъ о томъ чрезъ нашихъ пословъ будетъ теперь извѣщенъ весь востокъ и другія страны земли. А потому и ты долженъ остерегаться подвергнуться вмѣстѣ съ нею одному и тому же осужденію, и за свою страсть къ ея лицу и кратковременныя наслажденія наложить на себя оковы вѣчнаго осужденія". Выразивъ еще нѣсколько мыслей, папа заключаетъ свое письмо слѣдующимъ образомъ: „Но довольно и того, что мы теперь тебѣ пишемъ и говоримъ, осуждая между нами въ суровыхъ словахъ твои увлеченія; на будущее время, смотри самъ, чтобы мы, по слову Писанія,

не заговорили противъ тебя двумя или тремя языками, или, лучше сказать, смотри, чтобы мы не сказали о тебѣ чего-нибудь церкви, и чтобы ты тогда, чего мы вовсе не желаемъ, не уподобился язычнику".

Обо всемъ этомъ многомъ мы предприняли сказать немногое, съ цѣлью познакомить съ дѣломъ тѣхъ, которые о немъ ничего не знаютъ, и вмѣстѣ не утомить подробностями другихъ, которымъ это дѣло знакомо. Въ послѣдствіи на своемъ мѣстѣ будетъ показано, какой исходъ имѣла эта болѣзнь, чреватая бѣдствіями, такъ какъ она воспротивилась апостолическому противоядію, и какія потери испытала имперія вслѣдствіе этой смертоносный язвы, по предсказанію того святѣйшаго папы, вдохновленнаго Духомъ Святымъ.

Авторъ хроники заключаетъ описаніе 866 года отступленіемъ о войнѣ Людовика Нѣмецкаго съ Карломъ Лысымъ за границы, объ усмиреніи возстанія аббата Губерта, брата Титберги, Лотаремъ, и о войнѣ Карла Лысаго съ королемъ бретонцевъ, Саломономъ. Подъ 867 г., описывается нападеніе нормана Гастингса на лоарскія страны и умервщленіе ими Роберта Сильнаго, герцога Анжу, на мѣсто котораго былъ поставленъ аббатъ Гуго, по малолѣтству дѣтей Роберта, Одо и Роберта, родоначальниковъ будущихъ Капетинговъ; подъ тѣмъ же годомъ разсказаны вторженіе сарацинъ въ Италіи и война съ ними Лудовика II и Лотаря II, который потерялъ въ походѣ большую часть войска, что авторъ и приписалъ его дурному отношенію къ папскому престолу.

Въ годъ в. г. 868. Святѣйшій и Богомъ благословленный папа Николай, послѣ многихъ трудовъ во имя Христа и тяжкой борьбы за неприкосновенность св. церкви, отошелъ въ царство небесное (онъ умеръ собственно еще въ 867 г. 13 ноября; нашъ авторъ вообще весьма неточенъ въ своихъ хронологическихъ показаніяхъ), чтобы за вѣрное исполненіе возложенныхъ на него обязанностей получить отъ всеблагого Господа неувядаемый вѣнецъ славы. Мы могли бы многое сказать о его богоугодныхъ подвигахъ, если бы, краткости ради, не предположили себѣ ограничиться связнымъ изложеніемъ причинъ событій, не пускаясь въ ихъ подробности. Со времени блаженнаго Григорія (I, Великаго, 604 г.) и до настоящаго дня, не было ни одного епископа изъ всѣхъ, возводимыхъ въ Римѣ въ это достоинство, который могъ бы сравниться съ нимъ. Онъ держалъ въ рукахъ королей и тиранновъ и тяготѣлъ надъ ними своею властью, такъ что онъ казался владыкою вселенной; съ кроткими и богоязненными епископами онъ былъ привѣтливъ, ласковъ и мягокъ, съ нечестивыми и со сбившимися съ истиннаго пути грозенъ и строгъ, такъ что можно было бы справедливо подумать, что въ немъ воспрянулъ пробужденный Богомъ второй Илія нашего времени, если и не по плоти, то по его духу и добродѣтели.

Этому мужу блаженной памяти наслѣдовалъ въ епископскомъ достоинствѣ Адріанъ (II.). Когда король Лотарь получилъ достовѣрное извѣстіе о томъ, онъ отправилъ къ нему письмо слѣдующаго содержанія:

„Нашъ слухъ былъ болѣзненно пораженъ тою несчастною и теперь уже несомнѣнною вѣстью о томъ, что государь Николай блаженной

памяти отошелъ по призыву Христа, отъ здѣшней юдоли, чтобы какъ мы думаемъ, воспринять вмѣстѣ со святыми драгоцѣнный вѣнецъ. Хотя всѣ вѣрные во Христѣ оплакиваютъ такого епископа, и все духовное сословіе опечалено потерею мудрѣйшаго изъ папъ, но мы оплакивали еще болѣе то обстоятельство, что, благодаря клеветѣ и ложнымъ жалобамъ нашихъ завистниковъ, мы были уронены на вѣсахъ справедливости добрѣйшаго нашего отца; и мы съ печалью повторяемъ, что у него, при всей его святости, имѣли болѣе силы сплетни нашихъ враговъ и ихъ ухищреніе, нежели наша простая и открытая защита. Мы неослабно обращались къ нему и письменно и словесно и повторяли ту-же всепокорную попытку чрезъ нашихъ пословъ, прося по божескимъ и человѣческимъ законамъ выслушать и насъ, и нашихъ обвинителей, даже являлись къ нему лично: но всегда были отвергаемы". Послѣ нѣсколькихъ словъ, онъ опять продолжаетъ: „Но такъ какъ всемогущій Богъ, стоящій выше всѣхъ пастырей міра, возвелъ на святой престолъ свѣтило нашего духовенства, то мы весьма желали бы, если дозволитъ время, увидѣться съ вами и, оживившись вашею достойною божества рѣчью, внять вашимъ словамъ, сладчайшимъ меда". Въ концѣ письма сказано: „Между тѣмъ, мы умоляемъ васъ всѣми мѣрами извѣстить наше высочество о вашемъ желанномъ здравіи и сдѣлать намъ милость назвать насъ дорогимъ своимъ сыномъ".

На это ему отвѣчалъ папа, что престолъ св. Петра всегда готовъ принять надлежащее удовлетвореніе и никогда не отказывалъ въ томъ, что справедливо предписывается божескими и человѣческими законами. Если онъ считаетъ себя правымъ, то ему стоитъ только съ полною увѣренностью обратиться къ апостолическому престолу для снисканія испрашиваемаго благословенія; если онъ даже и признаетъ за собою вину, то и въ этомъ случаѣ ему слѣдуетъ безотлагательно спѣшить, чтобы, для своего спасенія, принести соотвѣтствующее покаяніе.

Авторъ хроники заключаетъ описаніе 868 года разказомъ объ обращеніи Болгаріи въ христіанство папскими миссіонерами, поддержанными Лудовикомъ Нѣмецкимъ.

Въ годъ в. г. 869. Лотарь отправился въ Римъ, гдѣ и былъ принятъ папою Адріаномъ съ почетомъ. Когда спросилъ его епископъ, слѣдовалъ-ли онъ со всею строгостью увѣщаніямъ благочестиваго отца государя Николая и сдержалъ-ли во всей силѣ данную, клятву, онъ отвѣчалъ, обольщенный тѣмъ, кто не знаетъ истины и называется не только лжецомъ, но и отцомъ всякой лжи, что онъ все исполнилъ какъ было на него то возложено Богомъ. И такъ какъ знатные вельможи, явившіеся съ нимъ, показали тоже самое, и не нашлось никого, кто возразилъ бы или осмѣлился законнымъ образомъ указать правду въ противность королю, то вселенскій папа возгласилъ слѣдующимъ образомъ: „Если ихъ показанія истинны, то мы съ полною радостью сердца приносимъ всяческія благодаренія Господу Богу. Теперь тебѣ остается, мой дорогой сынъ, подойти къ алтарю св. Петра, гдѣ мы принесемъ Богу спасительную жертву для спасенія

не столько твоего тѣла, сколько души, и ты долженъ вмѣстѣ съ нами причаститься, чтобы вступить въ общеніе съ членами церкви христовой, отъ которой ты казался отсѣченнымъ". По окончаніи обѣдни, верховный владыка пригласилъ короля приблизиться къ трапезѣ Христа, и держа въ рукахъ тѣло и кровь господню, обратился къ нему съ словами: „Если ты считаешь себя невиновнымъ въ нарушеніи брака, которое было тебѣ воспрещено государемъ Николаемъ, и если ты имѣешь твердое намѣреніе во всѣ дни твоей жизни не приближать къ себѣ давно уже отвергнутую наложницу Вальдраду, то приступи смѣло и пріобщись святымъ тайнамъ, которыя да послужатъ тебѣ къ полученію прощенія грѣховъ; если же совѣсть тебя упрекаетъ и говоритъ тебѣ, что твоя рана не зажила, и что ты имѣешь намѣреніе погрязнуть снова въ порокѣ, то не дерзай взять причастіе, чтобы не обратилось тебѣ въ проклятіе то, что по божественному милосердію служитъ другимъ во спасеніе". Но онъ, безразсудный, окаменѣлый и вмѣстѣ ослѣпленный, пріобщился изъ рукъ епископа тѣла и крови господней, не боясь того, что сказано въ писаніи: „Ужасно впасть въ руки Бога живого" (Евр. 10, 31). „Ибо кто недостойно ѣстъ и пьетъ, тотъ ѣстъ и пьетъ въ свое осужденіе" (I Кор. 11, 29). Затѣмъ папа обратился къ спутникамъ и приверженцамъ короля, и началъ пріобщать ихъ говоря: „Если ты не потворствовалъ твоему государю и королю Лотарю въ взводимомъ на него нарушеніи брака и не содѣйствовалъ, а съ Вальдрадою и прочими отреченными апостолическою церковью не сообщался, то да послужитъ тебѣ сіе тѣло и сія кровь нашего Господа Іисуса Христа въ жизнь вѣчную". Тѣ изъ нихъ, которые сознавали себя виноватыми и тѣмъ не менѣе осмѣлились въ своей продерзости принять таинство подъ такою страшною клятвою, были осуждены судомъ божіимъ и лишились жизни прежде, нежели наступило начало новаго года; немногіе, уклонившіеся отъ пріобщенія, едва успѣли избѣгнуть смерти.

Самъ же Лотарь, по удаленіи своемъ изъ Рима, былъ постигнутъ болѣнью, и, прибывъ въ Плаценцію кончилъ свои дни 9 августа. Въ войскѣ же короля открылась такая смертность, что можно было подумать, лучшія силы и цвѣтъ благороднаго сословія пали не отъ язвы, а были истреблены мечемъ непріятеля; дѣйствительно, въ то время на непріятелей было такое изобиліе, что они выростали, какъ колосья на полѣ, и какъ пчелиный рой кипѣли по границамъ имперіи.

Когда Карлъ (Лысый) получилъ извѣстіе о смерти Лотаря, онъ поспѣшилъ овладѣть его землями, и при своемъ прибытіи въ Метцъ былъ весьма радушно принятъ и возведенъ въ короли архіепископомъ того города, Адвенціемъ, и другими знатными лицами. Оттуда онъ отправился въ Ахенъ, такъ какъ этотъ городъ считался столицею; туда явилась къ нему огромная масса людей.

Въ это время ни въ Трирѣ, ни въ Кельнѣ не было епископовъ, потому что, какъ мы сказали выше, ихъ епископы умерли въ Италіи. Король (Карлъ Лысый), по совѣщаніи съ своими вельможами, назначилъ въ Триръ епископомъ Бертульфа, племянника вышеупомяну-

таго епископа Адвенція. Если Бертульфъ достигъ епископскаго званія, то это случилось вслѣдствіе ходатайства и просьбъ Адвенція, пользовавшагося большимъ авторитетомъ у короля, такъ какъ онъ изъ честолюбія содѣйствовалъ ему къ достиженію престола. Въ тоже время король попытался посадить на епископскій престолъ въ Кёльнѣ Гильдуина, и приказалъ Франку, епископу тунгернскаго діоцеза (н. Tongern, близъ Люттиха), посвятить его въ духовные въ ахенской церкви.

Пока все это происходило въ королевствѣ Лотаря, король Людовикъ (Нѣмецкій), одержимый недугомъ, лежалъ на одрѣ болѣзни въ странѣ баваровъ. Услышавъ, какъ его братъ овладѣлъ упомянутымъ королевствомъ, онъ былъ очень огорченъ и поспѣшно отправилъ къ нему пословъ съ настоятельною просьбою отказаться отъ такого поспѣшнаго поступка и не присвоивать себѣ незаконно того, что, по праву наслѣдства, принадлежитъ имъ обоимъ; потому онъ предлагаетъ ему оставить государство, пока Богъ не возвратитъ ему здоровья, и онъ будетъ въ состояніи переговорить съ нимъ для окончательнаго рѣшенія вопроса о томъ государствѣ, сообразно съ законами справедливости. Отправивъ пословъ съ такимъ порученіемъ, Людовикъ въ тоже время послалъ тайно майнцскаго епископа Ліудберта въ Кельнъ, съ тѣмъ чтобы онъ пустилъ въ ходъ всѣ хитрости и предупредилъ посвященіе Гильдуина, поставивъ епископомъ кого нибудь изъ мѣстныхъ духовныхъ, избраннаго жителями города. Ліудбертъ, въ сопровожденіи другихъ епископовъ, отправился прямо въ крѣпость Діуцу (н. Deutz, противъ Кельна, на правомъ берегу Рейна), и такъ какъ онъ боялся, что на него могутъ напасть приверженцы Карла, то не переѣзжалъ Рейна, а только послалъ сказать чрезъ своихъ гонцовъ, чтобы высшее духовенство и знатнѣйшіе изъ горожанъ явились бы къ нему въ крѣпость. Когда они прибыли по его зову, епископъ объявилъ имъ, какъ было ему приказано королемъ, чтобы они вступили другъ съ другомъ въ совѣщаніе и поспѣшно избрали бы изъ среды себя представителя своей церкви, и въ заключеніе сказалъ, что онъ и посланъ для того, чтобы рукоположить, кого они изберутъ въ эту должность по общему согласію. На это возразили ему, что епископство отдано Гильдуину, что онъ уже посвященъ въ духовный санъ, и почти всѣ дали свое рукобитіе въ знакъ признанія его власти надъ собою, и что они никакимъ образомъ не могутъ выбрать другого. На это онъ имъ отвѣчалъ: „Если вы не желаете воспользоваться предоставляемымъ вамъ отъ короля правомъ выбора, то теперь во власти короля находится дать вамъ епископомъ того, кого онъ пожелаетъ; знайте же, что не пройдетъ и трехъ дней, какъ вы будете имѣть другого епископа, а не Гильдуина". Услышавъ это, они единодушно избрали епископомъ Виллиберта, достойнѣйшаго человѣка, котораго упомянутый епископъ и рукоположилъ вмѣстѣ съ своими соепископами, не смотря на его отказъ и противодѣйствіе. Послѣ того, Ліутбертъ со всѣмъ духовенствомъ и народомъ переплылъ Рейнъ, возвелъ съ почестями Виллиберта на престолъ, и исполнивъ все, предписанное правилами, удалился оттуда съ величайшею поспѣшностью. Когда

Карлъ узналъ объ этомъ посвященіи, онъ пришелъ въ ярость и немедленно отправился въ Кельнъ; между тѣмъ, пока дѣйствовали такимъ образомъ послы Людовика въ Кельнѣ, Гильдуинъ оставался въ королевскомъ дворцѣ въ Ахенѣ. Епископъ Виллибертъ и всѣ, участвовавшіе въ его избраніи, удалились за Рейнъ и тѣмъ избѣжали королевскаго гнѣва. Король же, не найдя никого, на комъ онъ могъ бы выместить свое оскорбленіе, возвратился тою же дорогой, которою пришелъ. Между тѣмъ, къ нему явились вторично послы отъ Людовика съ просьбою очистить королевство; когда же онъ не хотѣлъ уступать, Людовикъ отправилъ къ нему архіепископа Ліутберта и епископа Альтфрида изъ Саксоніи (изъ Гильдесгейма), человѣка весьма умнаго и поручилъ имъ предложить ему на выборъ, или немедленно оставить государство, или приготовиться къ войнѣ съ братомъ. Послы наступали на него такъ настойчиво и твердо, что онъ отказался отъ своихъ притязаній и удалился въ собственное государство. Затѣмъ, короли избрали мѣстомъ своихъ совѣщаній о раздѣленіи государства г. Марсану (н. Meersen), по близости рѣки Мааса.

Въ годъ в. г. 870. Людовикъ и Карлъ сошлись съ своими вельможами въ Марсанѣ и раздѣлили королевство Лотаря между собою по-ровну. Мы считаемъ излишнимъ приводить подробности самаго дѣлѣнія, такъ какъ это извѣстно всякому [1]).

Аббатъ Регино.

Хроника, 855—870 г. У Pertz, Monum, I. 537—612 стр.

Аббатъ Регино (Regino Prumiensis abbas, † 915 г.) жилъ въ концѣ IX и въ первые годы X вѣка; въ 892 г., онъ сдѣлался аббатомъ одного изъ главныхъ монастырей Германіи, именно въ Прюмѣ, на рѣкѣ того же имени, близъ Трира. Монастырь былъ основанъ въ 763 г. Пипиномъ Короткимъ и, благодаря усердію Карловинговъ, былъ знаменитъ и своими богатствами, и своею школою. Лотарь I кончилъ тамъ свою жизнь; впослѣдствіи умеръ тамъ и Гуго, сынъ Лотаря II и Вальдрады. О прежней жизни Регино мы знаемъ только одно, что онъ родился близъ Мангейма, и былъ потому первымъ лѣтописцемъ, писавшимъ на нѣмецкой землѣ. Въ 900 г., по интригамъ враговъ, онъ лишился аббатства и ушелъ въ Триръ, гдѣ и написалъ свою хронику, доведенную имъ до 907 года, и посвященную Адальберу, епископу Аугсбургскому, воспитателю Людовика Дитяти. Вся хроника дѣлится на двѣ части: 1) „Время воплощенія“ отъ Р. Х. до смерти Карла Мартелла; и 2) „Дѣянія франкскихъ королей“ до 907 г. Первая часть не имѣетъ никакого значенія, какъ сокращеніе другихъ извѣстныхъ хроникъ,—вторая же часть важна по многимъ документамъ, которые онъ помѣстилъ въ своей хроникѣ, такъ, по поводу процесса Лотаря II; но помимо того хроника изобилуетъ ошибками, и всѣ извѣстія ея могутъ быть приняты только по повѣркѣ ихъ другими лѣтописцами.—*Изданія*: Pertz, Monum.

---

[1]) По этому дѣленію, Людовикъ получилъ округи Кельна, Трира, Утрехта, Страсбурга и Базеля; Карлъ же—Ліона, Вьенни, Люттиха, Тула, Вердюна, Камбре и др.

I, 537—612 стр. *Переводы:* Нѣмецк. Dümmler. Berl. 1857, въ Geschichts. d. d. Vorzeit. Lief 30 (ц. 90 пф.)—*Критика:* Bähr, Gesch. der römischen Liter. i Karoling. Zeitalt. 184—186; 535—538 стр.

---

13. — Кьерсійскій капитулярій Карла II Лысаго.

(Въ 877 г.).

„Этотъ капитулярій изданъ государемъ Карломъ, преславнымъ императоромъ, по соглашенію его съ своими вѣрными (т.-е. баронами), въ Кьерси (Carisiacum), въ годъ воплощенія Господня 877, его же королевскаго правленія 37, и императорскаго 2, іюня 12 дня, X индикта. Нѣкоторыя изъ главъ онъ постановилъ самъ, а относительно другихъ приказалъ подать мнѣніе своимъ вѣрнымъ“.

1. О чествованіи и почитаніи Бога и святыхъ храмовъ, которые по волѣ божіей находятся подъ властью и защитою нашего правленія, съ господней помощью постановляемъ, чтобы какъ-то, чѣмъ они почтены, одарены и обогащены при блаженной памяти государѣ и родителѣ нашемъ (Людовикѣ Благочестивомъ), такъ и то, чѣмъ почтены и обогащены и нашими щедротами, сохранялось въ цѣлости и на будущее время; и чтобы священники и служители божіи сохраняли церковную власть и приличныя своему достоинству привилегіи; чтобы они распоряжались наравнѣ съ свѣтскими правителями, дабы могли достойнымъ образомъ проходить свое служеніе и во всемъ поступать разумно и правдиво; подобнымъ образомъ, все это вышесказанное, съ помощью Божіей, да соблюдетъ и сынъ нашъ.

Отвѣтъ. Первую главу въ такомъ видѣ, въ какомъ мы постановили ее по внушенію божію, всѣ мы одобряемъ и хотимъ соблюдать.

II. Постановляемъ, чтобы нашъ сынъ и наши вѣрные монастырь, построенный нами въ Компендіѣ (н. Компьень), въ честь святой Маріи, Матери божіей, такимъ же образомъ чествовали, какъ мы тому показали примѣръ, и чтобы всѣ вѣрные, по любви къ Богу и намъ, благочестиво и ненарушимо сохраняли, какъ привилегію, утвержденную государемъ папой и всѣми епископами, такъ и императорскій декретъ, и да утвердитъ ихъ нашъ сынъ.

Отвѣтъ. О второй главѣ мы даемъ подобное же мнѣніе.

III. Предлагаемъ вамъ избрать лица, сверхъ тѣхъ, которыхъ мы уже назначили, чтобы мы могли пользоваться ихъ совѣтомъ и помощью по случаю предстоящаго намъ путешествія.

Отвѣтъ. Относительно третьей главы мы даемъ такое мнѣніе, что вамъ принадлежитъ власть сдѣлать то, что вы находите, по внушенію божію, лучшимъ для защиты и безопасности государства и охраненія вашего сына вашими вѣрными, какъ епископами, такъ и аббатами и графами, и мы признаемъ такое ваше распоряженіе нужнымъ. Мы не можемъ и не должны противиться ему, и не знаемъ, какъ могли бы мы сами сдѣлать лучше.

IV. Какимъ образомъ мы можемъ быть обезпечены, доколѣ, по милости божіей, не возвратимся назадъ, относительно того, что спокойствіе нашего государства никѣмъ не нарушится, сколько благоволитъ вамъ помочь въ томъ Богъ и сколько это дѣло въ вашей власти; чѣмъ мы можемъ быть обезпечены со стороны нашего сына и вашей, и чѣмъ вы можете быть обезпечены со стороны нашего сына, и онъ съ вашей стороны, и какъ вы можете положиться взаимно другъ на друга?

Отвѣтъ. Относительно четвертой главы, въ которой вы говорите о гарантіяхъ себѣ со стороны вашего сына, мы даемъ такое мнѣніе: такъ какъ, благодареніе Богу, вы и родили, и воспитали вашего сына, и подъ вашимъ попеченіемъ, по волѣ божіей, онъ достигъ настоящаго возраста, то никто изъ насъ не можетъ, и не долженъ, и не знаетъ хранить его здоровье лучше, нежели вы, и въ вашей волѣ и распоряженіи, послѣ Бога и святыхъ Его, находится его безопасность и честь. И какимъ образомъ вы можете обезопасить себя съ его стороны, то, согласно съ волей божіей и для пользы святой церкви и вашего государства, это въ вашемъ распоряженіи. Относительно же того, что вы написали, какъ вы можете быть обезпечены съ нашей стороны, доколѣ, по милости божіей, не возвратитесь сюда, что спокойствіе вашего государства никѣмъ не нарушится, то, сколько благоволитъ намъ помочь Богъ и сколько будетъ зависѣть это отъ нашей власти, отвѣчаемъ, что для этого существуютъ договоры, которые мы заключили съ вами, и есть клятва, которую мы, духовные и свѣтскіе, дали вамъ въ Кьерси, и также грамота (perdonatio), которую намъ, вашимъ вѣрнымъ, пожаловала и подписала ваша власть; наконецъ, есть присяга и обязательство, данныя вамъ въ селеніи Гундульфѣ [1]), вслѣдствіе смерти Лотаря (II), сообразно грамотѣ папы Адріана (II) и Людовика, вашего племянника. Есть также договоръ, который мы подписали въ Реймсѣ, обязавшись сохранять вамъ вѣрность, заботиться о государствѣ и защищать его, вашу супругу и вашего сына, котораго вы имѣете, и будете имѣть, если Богъ еще дастъ вамъ сыновей. Все это мы выполняемъ теперь и будемъ выполнять и, съ помощью божіей, хотимъ выполнять до конца нашей жизни, потому вы вполнѣ можете положиться на насъ.

Если же кто нибудь уклонится отъ исполненія упомянутыхъ договоровъ или клятвъ, то по разуму и обычаю такой долженъ быть исправленъ и возвращенъ къ повиновенію. Если же найдутся между вашими вѣрными такіе, которые не давали присяги, то, въ случаѣ надобности, можно отъ нихъ того потребовать. Ваши вѣрные пришли къ вамъ послѣ смерти вашего брата. Какую клятву они дали, вы знаете. Тотъ изъ нихъ, кто исполнялъ эту клятву донынѣ, долженъ исполнять и на будущее время. А если кто нибудь нарушилъ клятву, то по разуму и обычаю долженъ исправиться и исполнять снова. О томъ же, что вы написали въ той же главѣ, какимъ образомъ *мы* можемъ быть спокойны со стороны вашего сына, даемъ такой отвѣтъ, что отъ сына вашего, котораго, по милости божіей и вашему рас-

[1]) Нынѣ Gondreville, близъ г. Тула, въ сѣв. Франціи.

поряженію, хотимъ имѣть на будущее время послѣ васъ за старѣйшаго, мы не требуемъ никакого другого ручательства, кромѣ того, чтобы онъ, какъ вы постановили и опредѣлили въ вашемъ капитуляріѣ, каждаго изъ насъ сохранялъ въ своей должности и званіи. О томъ же, какъ *онъ* можетъ быть безопасенъ съ нашей стороны, мы отвѣчаемъ тоже, что отвѣчали и въ Реймсѣ, а именно, если Богъ и вы поставили его управлять государствомъ и возвысили въ извѣстный санъ, то мы хотимъ быть ему вѣрными, какъ должны по справедливости быть вѣрными государю. А о томъ, что вы написали тамъ же и выразили намъ на словахъ, какъ мы можемъ положиться другъ на друга, полагаемъ достаточнымъ того, что мы словесно дали обѣщаніе, по волѣ божіей, для вашей безопасности и чести и пользы святой церкви и вашего государства и охраненія вашихъ вѣрныхъ, быть единодушными, сколько каждый изъ насъ въ своемъ званіи и должности, по милости божіей, съумѣетъ и сможетъ, вѣрить другъ другу и взаимно помогать.

V. Предлагаемъ, чтобы сынъ нашъ, прежде нашего отъѣзда, утвердилъ то, что отъ своихъ щедротъ мы уступили въ собственность возлюбленной нашей супругѣ; но какимъ образомъ мы можемъ быть обезпечены относительно всего, что мы по бенефиціальному праву уступили, или уступимъ ей, въ такомъ случаѣ, если помремъ, а она переживетъ насъ, и сынъ нашъ и наши вѣрные съ подобающею честью будутъ-ли стараться беречь ее и все ея имѣніе?

Отв. Что касается пятой главы, въ которой вы говорите о чести и безопасности вашей возлюбленной супруги, государыни нашей, и о сбереженіи ея имѣнія, которое вы дали ей, или дадите, и объ утвержденіи того вашимъ сыномъ, даемъ такое мнѣніе, что, какъ вы распорядитесь, такъ и готовъ поступать вашъ сынъ, и мы, на сколько съумѣемъ и сможемъ, будемъ готовы къ тому-же.

VI. Вопрошаемъ относительно нашихъ дочерей, какой почестью, по волѣ божіей и какой защитой и помощью онѣ должны пользоваться? Также, съ какой безопасностью наша младшая дочь можетъ пользоваться тѣмъ, что мы ей подарили и подаримъ? Если Богъ дастъ достичь ей совершеннолѣтняго возраста, то она должна быть въ распоряженіи матери, и никто противъ ея воли не можетъ заставить ее выйти замужъ, или возложить на себя монашескую одежду.

Отв. Подобнымъ образомъ и относительно вашихъ дочерей и младшей вашей дочери вашъ сынъ будетъ соблюдать вашу волю, какъ вы изложили ее въ вашемъ капитуляріѣ, и мы, на сколько съумѣемъ и сможемъ, будемъ способствовать къ выполненію этой воли.

VII. Предлагаемъ подать мнѣніе о способѣ собиранія войскъ, и о томъ, какимъ образомъ будетъ поступлено, если наши племянники [1]), подражая поступкамъ своего отца, замыслятъ что нибудь гибельное противъ насъ, или противъ нашего государства, или во

---

[1]) Т.-е. дѣти Людовика Нѣмецкаго.

время нашего пути, или послѣ того, какъ мы волею божіею достигнемъ предположеннаго мѣста.

Отв. О собираніи войскъ и о помощи мы даемъ такое мнѣніе, что если какой либо изъ вашихъ племянниковъ захочетъ сдѣлать вамъ какое нибудь затрудненіе, или въ дорогѣ, или въ Италіи, то въ вашемъ распоряженіи войска, которыя останутся въ государствѣ, и тѣ, которыя послѣ васъ будутъ призваны къ вамъ на помощь.

VIII. Надобно обсудить, какъ поступать въ томъ случаѣ, если прежде чѣмъ мы возвратимся, откроются вакансіи на мѣста (honores).

Отв. Если прежде, чѣмъ вы, съ помощью божіей, возвратитесь, помретъ какой либо архіепископъ, то его престоломъ долженъ управлять сосѣдній епископъ съ графомъ, доколѣ не дойдетъ до васъ извѣстіе о его смерти. Если въ это время помретъ епископъ, то архіепископъ долженъ опредѣлить на его мѣсто, на основаніи священныхъ каноновъ, блюстителя, который бы вмѣстѣ съ графомъ охранялъ эту церковь отъ разграбленія до тѣхъ поръ, пока смерть этого епископа не будетъ вамъ извѣстна. Если помретъ аббатъ, или аббатисса, то этотъ монастырь долженъ охранять тотъ епископъ, въ области котораго онъ находится, вмѣстѣ съ графомъ, до тѣхъ поръ, пока не будетъ вашего на то распоряженія.

IX. Если помретъ графъ, сынъ котораго былъ бы съ нами въ пути, то нашъ сынъ съ остальными нашими вѣрными долженъ избрать одного изъ его близкихъ или родныхъ, который бы управлялъ этимъ графствомъ вмѣстѣ съ нашими чиновниками и епископомъ того графства до тѣхъ поръ, пока мы не извѣстимся о смерти графа. Если у него останется малолѣтній сынъ, то онъ долженъ управлять этимъ графствомъ вмѣстѣ съ чиновниками этого графства и епископомъ, въ области котораго оно находится, пока не дойдетъ до насъ извѣстіе. А если у него не будетъ сына, то нашъ сынъ съ остальными нашими вѣрными долженъ избрать кого нибудь, чтобъ онъ вмѣстѣ съ чиновниками этого графства и епископомъ управлялъ этимъ графствомъ, доколѣ не будетъ нашего распоряженія—и никто не долженъ оскорбляться, если намъ будетъ угодно отдать это графство не тому, кто временно управлялъ имъ. Подобнымъ образомъ надобно поступать и относительно нашихъ вассаловъ. Мы хотимъ и строго приказываемъ, чтобы какъ епископы, такъ аббаты и графы, и остальные наши вѣрные съ своими людьми старались поступать точно также; сосѣдній же епископъ и графъ, какъ епископствами, такъ и аббатствами, должны управлять такъ, чтобы никто не расхитилъ церковныхъ вещей, или имѣнія, и чтобы никому не было препятствій дѣлать имъ пожертвованія. Если кто осмѣлится на то, будетъ наказанъ по свѣтскимъ законамъ, дастъ удовлетвореніе по церковнымъ законамъ въ пользу той церкви, которую онъ оскорбилъ, и подвергнется нашей опалѣ по мѣрѣ вины и какъ намъ то заблагоразсудится.

Отв. Эта глава не нуждается въ отвѣтѣ, потому что составлена и опредѣлена вашимъ благоразуміемъ.

X. Если кто нибудь изъ нашихъ вѣрныхъ послѣ нашей смерти,

изъ любви къ Богу и намъ, захочетъ отказаться отъ міра и будетъ имѣть сына, или такого родственника, который можетъ быть полезнымъ государству, то онъ можетъ передать свои владѣнія (honores) по своему благоусмотрѣнію. А если онъ вздумаетъ жить на покоѣ въ своемъ аллодіальномъ участкѣ [1]), то никто не долженъ позволять себѣ чѣмъ бы то ни было препятствовать ему, и ничего другого съ него требовать не должно, кромѣ того только, чтобы онъ шелъ на защиту отечества.

XI. Хотя какимъ нибудь образомъ пришла бы вѣсть нашему сыну или нашимъ вѣрнымъ о нашей смерти, и хотя бы она показалась маловѣроятною, однако, вѣрные наши должны собраться и, согласно съ волей божіей, разумно исполнить все, заповѣданное нами.

XII. Если нечаянно застигнетъ насъ смерть на пути, предпринятомъ для поклоненія Богу и святымъ, то наши распредѣлители милостыни (eleemosynarii), согласно распоряженію, которое мы имѣемъ для нихъ на этотъ случай, должны обсудить дѣло вмѣстѣ. А наши книги, которыя находятся въ нашемъ книгохранилищѣ, нижепоименованныя лица должны раздѣлить, по нашему указанію, между монастырями св. Діонисія и святой Маріи въ Компендіѣ и нашимъ сыномъ; эти лица суть: Гинкмаръ, достопочтенный архіепископъ, епископъ Франкъ, епископъ Одо, аббатъ Гаузлинъ, графъ Арнульфъ, графъ Бернардъ, графъ Конрадъ, графъ Адалельмъ. Подобнымъ же образомъ они должны поступить съ вещами, назначенными для милостыни отъ нашей супруги, если она помретъ. Въ противномъ же случаѣ, они должны все беречь, доколѣ, по благоволенію божію, мы не спросимъ.

XIII. Надобно опредѣлить, какую часть имперіи долженъ надѣяться получить нашъ сынъ, если насъ постигнетъ смерть; и если Богъ дастъ намъ другого сына, то какую часть долженъ получить онъ. Если же какой нибудь изъ нашихъ племянниковъ будетъ предъявлять свои притязанія, или не будетъ, то поступать такъ, какъ намъ со временемъ будетъ угодно.

XIV. Постановляемъ, чтобы сынъ нашъ во время нашего путешествія приготовился къ тому, чтобы, когда съ помощью божіей мы возвратимся, могъ ѣхать въ Римъ, на служеніе въ честь Бога и его святыхъ апостоловъ, сколько то будетъ необходимо и, съ помощью божіей, вѣнчаться королевскою короною.

XV. Опредѣляемъ, какимъ образомъ долженъ управлять государствомъ нашъ сынъ и кто будетъ въ числѣ тѣхъ лицъ, помощью которыхъ онъ могъ бы пользоваться, и кто попеременно долженъ находиться при немъ, а именно: изъ епископовъ должны быть при немъ постоянно или Ингилувинъ, или Рейнельмъ, или Одо, или Гильдебольдъ; изъ аббатовъ, если не будетъ иной нужды, должны быть постоянно съ нимъ Вельфъ, Гаузлинъ и Фалько; а изъ графовъ должны быть попеременно или Теодерикъ, или Балдуинъ, или Конрадъ, или Адалельмъ, и какъ можно чаще, для нашей пользы, Бозо

---

[1]) Въ этомъ мѣстѣ законодатель совершенно опредѣленно выражаетъ различіе, существовавшее въ IX вѣкѣ между аллодомъ и бенефиціею. См. ниже, въ ст. 26.

и Бернардъ. Если онъ отправится на Мозель, то съ нимъ должны быть, вмѣстѣ съ поименованными выше, епископъ Франкъ, епископъ Іоаннъ, графъ Арнульфъ, Гислебертъ, Летардъ, Матфридъ, Видрикъ, Готбердъ, Адальбертъ, Ингельгеръ, Райнеръ. Если же онъ переправится черезъ Сену, то должны быть при немъ аббатъ Гуго, епископъ Вальтеръ, епископъ Вала, епископъ Гислебертъ и остальные наши вѣрные этой части государства, вмѣстѣ съ вышепоименованными. Тоже постановляемъ и о другихъ нашихъ вѣрныхъ, потому что подобное же распоряженіе необходимо будетъ сдѣлать въ каждой части государства.

XVI. Если вдругъ въ какой нибудь части государства произойдетъ что нибудь чрезвычайное, то намъ кажется, что сынъ нашъ не о всѣхъ нашихъ вѣрныхъ можетъ одинаково заботиться, потому что онъ молодъ; но не смотря на то, какъ мы и сами съ помощью божіей очень часто дѣлали, взявъ съ собою лучшихъ мужей изъ нашихъ вѣрныхъ, онъ долженъ нечаянно напасть на нашихъ враговъ и мужественно внушить имъ страхъ; а тѣ, которые не могутъ съ нимъ идти, должны послать съ нимъ избранныхъ воиновъ, если будетъ нужда.

XVII. Адалардъ пфальцъ-графъ долженъ владѣть при немъ печатью. И если, по какой нибудь уважительной причинѣ, самъ онъ будетъ въ отсутствіи, то долженъ исполнять его обязанность Герардъ, или Фридрихъ, или одинъ изъ тѣхъ, которые находятся при немъ въ качествѣ свитскихъ (scariti); и гдѣ бы они ни были, должны заботиться о сохраненіи мира.

XVIII. Равнымъ образомъ и графы въ своихъ графствахъ должны смотрѣть за хищниками и порочными людьми, какъ для того, чтобы сохранить спокойствіе, такъ и для того, чтобы остановить зло и извѣщать о врагѣ всѣхъ, кого должны, чтобы каждый заблаговременно былъ готовъ и чтобы, если будетъ нужда, могъ отправиться на службу намъ и Богу. И наши *missi*, которые поставлены по всему нашему государству, не должны пренебрегать исполненіемъ своего долга, если то будетъ для нихъ возможно.

XIX. Если поднимется въ нашемъ государствѣ война, которую графъ самъ собою не можетъ покончить, то нашъ сынъ долженъ стараться вмѣстѣ съ нашими вѣрными какъ можно скорѣе остановить ее, прежде чѣмъ зло можетъ распространиться по всему государству.

XX. Опредѣляемъ, чтобы сынъ нашъ съ нашими вѣрными пребывалъ въ той части государства, гдѣ будетъ большая опасность, и чтобы никто въ нашихъ виллахъ или въ виллахъ нашей жены не собиралъ оброка, и никто не смѣлъ бы разорять людей нашихъ и постороннихъ, и чтобы бенефиціи и виллы тѣхъ лицъ, которыя отправляются съ нами, оставались неприкосновенными. Если кто-нибудь рѣшится нарушить наше повелѣніе, тотъ долженъ заплатить тройную пеню, по сравненію съ тѣмъ, кто нарушаетъ законъ въ обыкновенныхъ случаяхъ. И тѣ, которые въ виллахъ епископовъ, аббатовъ или другихъ нашихъ вѣрныхъ учинили бы грабительство, должны подвергнуться наказаніямъ опредѣленнымъ въ капитуляріяхъ нашихъ предшественниковъ и въ нашемъ капитуляріѣ.

XXI. Никто не смѣетъ оказывать неуваженія къ указамъ, изданнымъ отъ нашего имени, или отъ имени нашего сына, или отъ имени тѣхъ, которыхъ мы оставляемъ въ государствѣ съ нимъ, и никто не долженъ ослушаться того, что ему приказано. Если кто рѣшится на это, тотъ долженъ подвергнуться наказанію, опредѣленному въ капитуляріѣ дѣда и государя родителя нашего (т.-е. Карла В. и Людовика Благоч.).

XXII. Считаемъ также долгомъ убѣждать и увѣщевать, чтобы никто изъ тѣхъ нашихъ вѣрныхъ, которые останутся съ нашимъ сыномъ, не скрывалъ своихъ мыслей; но чтобы всякій говорилъ такъ, какъ покажется ему правильнѣе, и чтобы послѣ совѣщаній утверждали то, что будетъ казаться лучшимъ.

XXIII. Предлагаемъ на разсужденіе, какимъ образомъ наши вѣрные могли бы обратно получить ту страну, которая по необходимости нѣкогда была утверждена клятвою за бретонцами, потому что никто изъ тѣхъ, кѣмъ она была подписана, не остался въ живыхъ.

XXIV. Позаботьтесь о королевствѣ Аквитанскомъ.

XXV. Опредѣляемъ, чтобы послѣ насъ съ тѣми вещами, которыя для насъ предназначены, отправились въ путь сначала епископъ Виллебертъ, потомъ епископъ Арнольдъ, и наконецъ епископъ Вала. Опредѣляемъ, чтобы какъ сынъ нашъ, такъ и другіе наши вѣрные, старались извѣщать насъ о всемъ, что случится въ государствѣ новаго или дурного чрезъ конныхъ или пѣшихъ гонцовъ, потому что мы будемъ всегда заботиться о вашемъ благополучіи, какъ о своемъ. И если бы наши племянники, дѣти нашего брата, подражая примѣру своего отца, захотѣли преслѣдовать и напасть на насъ, то наши вѣрные не должны ожидать нашего имъ приказанія спѣшить къ намъ, но должны сами торопиться идти къ намъ на помощь тотчасъ же, какъ узнаютъ объ этомъ, какъ можно скорѣе, и чтобы всѣ и всегда были къ тому на готовѣ (varniti).

XXVI. Предлагаемъ, въ доказательство нашей любви и заботъ о вашей чести, достроить начатый нами замокъ (castellum) въ Компендіѣ.

XXVII. Позаботьтесь о городѣ Парижѣ и о замкахъ за Сеною и Лоарою по обѣ стороны, и въ особенности о замкѣ св. Діонисія, какъ и кѣмъ они должны быть устроиваемы.

XXVIII. Что мы постановили относительно Вульфрамка, Гавзмара и золотыхъ дѣлъ мастера Гадеберта, такъ то пусть и будетъ.

XXIX. Распорядитесь о монетѣ.

XXX. Опредѣляемъ, какъ и какимъ образомъ можно было бы изгнать норманновъ.

XXXI. Относительно Бозо, Бернарда, Видо и другихъ лицъ, принадлежащихъ къ этому же званію, и относительно ремесленниковъ и другихъ купцовъ, постановляемъ, чтобы евреи взносили десятую, а христіане одиннадцатую часть.

XXXII. Опредѣляемъ въ какихъ изъ нашихъ дворцовъ не долженъ жить нашъ сынъ, если не будетъ необходимости, и въ какихъ мѣстахъ онъ не долженъ заниматься охотой. Кьерсійскій дворецъ

съ лѣсами со всѣмъ исключается. Сильвійскій съ Ланскою областью также. Компендій съ Кавзіей также. Салмоиційскій дворецъ также. Въ Одрейской виллѣ не долженъ охотиться на кабановъ, а на другихъ животныхъ здѣсь онъ можетъ охотиться только мимоходомъ. Въ Аттинійской виллѣ можетъ охотиться немного. Въ Вернѣ можетъ охотиться только на кабановъ. Арденны совершенно исключаются; тамъ онъ можетъ охотиться только мимоходомъ; тоже относительно виллъ, назначенныхъ для нашей службы. Въ Лигуріи онъ можетъ охотиться на кабановъ и другихъ звѣрей. Аристаллій съ рощей совершенно исключается. Въ Ленсѣ и Варѣ и Астенидѣ можетъ охотиться вообще на звѣрей и на кабановъ. Въ Ригитузитѣ, въ Скадебольтѣ, въ Лаунифѣ можетъ охотиться только по пути и какъ можно меньше. Въ Кризійскомъ лѣсу также. Въ Лисгѣ можетъ охотиться только на кабановъ.

XXXIII. Опредѣляемъ, чтобы Адалельмъ тщательно смотрѣлъ за лѣсами и зналъ, сколько и гдѣ сынъ нашъ убьетъ кабановъ и звѣрей.

„Вышеозначеннаго мѣсяца 14 числа, послѣ того, какъ государь императоръ Карлъ объявилъ вообще народу о своемъ отъѣздѣ въ Римъ и сдѣлалъ распоряженіе относительно пребыванія своего сына въ государствѣ и относительно тѣхъ лицъ, совѣтомъ и помощью которыхъ онъ могъ бы пользоваться въ особенныхъ и обыкновенныхъ случаяхъ, и позаботился о томъ, какъ могутъ быть изгнаны изъ государства норманны и послѣ того не допущены, и какъ остановить войну, еслибы она вспыхнула въ какой нибудь части государства, и послѣ того, какъ сдѣлалъ относительно общихъ и частныхъ случаевъ общія и частныя распоряженія, которыя передалъ своему сыну и своимъ вѣрнымъ—какъ тѣмъ, которые оставались въ этомъ государствѣ, такъ и тѣмъ, которыхъ онъ бралъ съ собой, послѣ всего этого онъ сказалъ, что изъ всѣхъ этихъ главъ онъ выбралъ нѣкоторыя для того, чтобы прочесть ихъ во всеуслышаніе. И тогда приказалъ канцлеру Гаузлену прочитать народу нижеслѣдующія главы:

Эти главы постановилъ Карлъ императоръ и приказалъ немедленно объявить ихъ въ Кьерси.

I. О чествованіи и почитаніи Бога и святыхъ храмовъ, которые, по волѣ божіей, находятся подъ властью и защитой нашего правленія, съ господней помощью постановляемъ, чтобы какъ то, чѣмъ они почтены, награждены и обогащены при блаженной памяти государѣ и родителѣ нашемъ, такъ и то, чѣмъ почтены и обогащены нашей щедростью, сохранялось въ цѣлости и на будущее время, и чтобы священники и служители божіи пользовались церковною властью и приличными своему достоинству привилегіями, чтобы они могли распоряжаться наравнѣ съ свѣтскими правителями, дабы достойнымъ образомъ проходить свое служеніе, во всемъ поступать разумно и

правдиво, и подобнымъ образомъ все это вышесказанное, съ помощью божіей, да соблюдетъ и сынъ нашъ.

Кромѣ этой первой главы, повторившей почти буквально первую главу самаго капитулярія (см. выше на стр. 197), Карлъ Лысый заблагоразсудилъ извлечь для всенароднаго прочтенія только VIII и IX главу капитулярія, какъ самыя важныя, гдѣ говорится о преемствѣ бенефицій (см. выше на стр. 200); всѣ же остальныя главы не были представлены собранію.

„По прочтеніи этихъ избранныхъ главъ, Карлъ далъ божіею и своею милостью позволеніе всѣмъ разойтисъ по домамъ, кромѣ тѣхъ, кого нужно было удержать на нѣсколько дней при себѣ во вниманіе къ особеннымъ причинамъ, или по случаю награжденія ихъ бенефиціями“.

Изъ Капитулярій Карла II Лысаго.

У Baluze, II, 259—270 стр.

О Капитуляріяхъ вообше см. выше въ ст. 2, на стр. 38 — Капитулярій данный въ Кьерси (близь г. Лана), 877 г., принадлежитъ къ числу не только важнѣйшихъ актовъ правленія Карла II Лысаго, но и вообще всего, что было сдѣлано законодательною властью въ IX вѣкѣ. На него смотрятъ, какъ на начало внутренняго распаденія монархіи Карла В., послужившаго основой феодальной системѣ (см. о томъ ниже, въ ст. 26), хотя въ сущности этотъ капитулярій только придалъ законность тому, что давно уже существовало на фактѣ, а именно, обращенію временныхъ бенефицій и государственныхъ должностей въ наслѣдственное право (см. главу IX капитулярія). Кромѣ того капитулярій въ Кьерси даетъ намъ самую полную картину государственнаго механизма того времени. Вотъ обстоятельства, при которыхъ Карлъ Лысый обнародовалъ свой капитулярій. Въ 875 г., со смертью императора Людовика II (сына Лотаря I), прекратилась старшая линія Карловинговъ въ Италіи. Германскіе Карловинги, въ лицѣ Людовика I Нѣмецкаго и его дѣтей: Людовика II, Карломана и Карла Толстаго, и французскіе Карловинги, въ лицѣ Карла II Лысаго, составили себѣ партію въ Италіи. Карлъ II Лысый, имѣя на своей сторонѣ папу, предупредилъ соперниковъ; Карломанъ былъ разбитъ, и въ 876 г., Карлъ II короновался императорскою короною. Но онъ немедленно возвратился во Францію, опасаясь вражды брата и его сыновей. Вслѣдъ за его прибытіемъ въ Галлію явились послы отъ папы съ извѣщеніемъ, что партія Карломана одерживаетъ верхъ, и что вторженіе сарацинъ угрожаетъ самому папскому престолу; это обстоятельство побудило Карла II Лысаго предпринять вторичный походъ въ Италію; но желая обезпечить себя и сына Людовика Косноязычнаго на время своего отсутствія, Карлъ Лысый сдѣлалъ народное собраніе въ Кьерси, 12 іюня 877 г. Обязавъ своихъ вассаловъ присягою, онъ отправился въ Италію въ половинѣ іюля, но еще на дорогѣ узналъ почти въ одно и тоже время, что папа, державшій его сторону, изгнанъ изъ Рима сторонниками Карломана, а позади его, не смотря на капитулярій, составился заговоръ, въ которомъ приняла участіе даже его жена Рихильда. Вслѣдствіе того Карлъ Лысый поспѣшилъ во Францію, но на дорогѣза болѣлъ и вскорѣ умеръ, какъ полагали, отъ отравы. Такимъ образомъ, Кьерсійскій капитулярій, не обезпечивъ Карла Лысаго, послужилъ обезпеченіемъ правъ однихъ вассаловъ, которые на основаніи его сдѣлались наслѣдственными и могли строить себѣ

укрѣпленные замки.—Подробный разборъ Кьерсійскаго капитулярія находится у *Fauriel*, Histoire de la Gaule méridionale etc. Par. 1836. т. IV, на стр. 37, и слѣд.; и у Guizot, Hist. de la civil. en France. II, стр. 171; послѣднее см. у насъ ниже въ ст. 15.

14.—Время Карла III Толстаго и распаденіе Карловой монархіи. 887 г.

(Въ 907 г.).

Начиная съ 877 г., когда умеръ Карлъ II Лысый, и въ теченіе послѣдующихъ десяти лѣтъ, до 887 г., открывается необыкновенная смертность между членами фамиліи Карловинговъ; такъ что въ 884 г., отъ многочисленнаго потомства трехъ сыновей Людовика Благочестиваго, Лотаря I, Людовика Нѣмецкаго и Карла II Лысаго, остался въ живыхъ одинъ младшій сынъ Людовика Нѣмецкаго, *Карлъ III Толстый,* соединившій Германію и Италію, и младшій внукъ Карла II Лысаго, *Карломанъ*, при которомъ норманны, прибывшіе изъ Даніи, подъ предводительствомъ конунговъ Готфрида и Сигфрида, еще въ 882 г. обращенные въ христіанство и поселенные Карломъ III въ Фрисландіи, напали на Францію и взяли съ Карломана 12 тысячъ фунтовъ серебра. Въ 884 г., Карломанъ былъ убитъ на охотѣ вепремъ, и такъ какъ норманны вслѣдствіе того требовали новой дани и угрожали нападеніемъ, то глава французской аристократіи аббатъ Гуго, герцогъ Анжу (см. выше на стр. 192), предложилъ и эту послѣднюю часть Карловой монархіи Карлу III Толстому. Такимъ образомъ, Карлъ III соединилъ въ 884 г. всю монархію въ одно цѣлое, какъ единственный законный представитель фамиліи Карловинговъ. Онъ имѣлъ своимъ соперникомъ только одного Гуго, сына Лотаря и Вальдрады, потомство которыхъ было навсегда лишено наслѣдства еще при папѣ Николаѣ I (см. выше ст. 12); а такъ какъ его сестра Гизела была замужемъ за Готфридомъ, конунгомъ норманновъ, то потому онъ и основалъ планъ своего возстанія на этомъ родствѣ, и былъ главнымъ виновникомъ тѣхъ ужасныхъ вторженій норманновъ, которые обозначили собою правленіе Карла III и привели монархію Карла Великаго къ окончательному распаденію. Потому нашъ авторъ хроники и начинаетъ исторію правленія Карла III изложеніемъ попытки Гуго возвратить при помощи норманновъ утраченное имъ наслѣдство, Лотарингію.

Въ годъ воплощенія господня 885. Гуго, имѣя въ виду возмутиться противъ императора (т.-е. Карла III Толстаго), посылаетъ тайно къ Готфриду въ Фрисландію, такъ какъ онъ былъ съ нимъ въ родствѣ чрезъ сестру, на которой женился Готфридъ, и предлагаетъ ему отправить кого нибудь на родину (т.-е. въ Данію), собрать тамъ сильное войско со всѣхъ сторонъ, и помочь ему всѣми силами возвратить отцовское королевство (т.-е. Лотарингію, которую по смерти Лотаря, въ 870 г.—см. выше на стр. 196—раздѣлили между собою

Людовикъ Нѣмецкій и Карлъ II Лысый, не признавъ правъ его сына Гуго). Въ случаѣ же, если его помощью и усердіемъ онъ будетъ имѣть успѣхъ, то онъ обѣщаетъ Готфриду половину своего королевства въ награду. Упоенный такими лестными обѣщаніями, какъ какою нибудь отравой, Готфридъ ищетъ предлога и случая на благовидномъ основаніи нарушить данную клятву въ вѣрности императору. Онъ посылаетъ къ нему Герольфа и Гардольфа, графовъ Фрисландіи, съ извѣщеніемъ, что если онъ желаетъ, чтобы Готфридъ продолжалъ быть вѣрнымъ и защищалъ порученные ему границы имперіи отъ нападенія своихъ соотечественниковъ, то въ такомъ случаѣ пусть онъ ему подаритъ гг. Конфлуентъ (Кобленцъ), Андренакъ (Андернахъ) и Синцику (Зинцигъ на рѣкѣ Аръ; первые же два города на Рейнѣ), вмѣстѣ съ другими королевскими помѣстьями, назначенными для употребленія императора, по обилію своихъ виноградниковъ; ибо, продолжалъ Готфридъ, страна, которою онъ надѣленъ отъ щедротъ императора (т.-е. Фрисландія), не даетъ никакого вина. Готфридъ при этомъ имѣлъ въ виду, если онъ получитъ желаемое, то въ такомъ случаѣ введетъ норманновъ въ самое сердце имперіи и потомъ поступитъ по обстоятельствамъ; если же ему будетъ отказано, то онъ, какъ бы оскорбленный отказомъ, будетъ имѣть лучшую причину, за недостаткомъ справедливой, поссориться и произвести возстаніе. Императоръ, замѣтивъ такое коварство и ихъ общій заговоръ, совѣщался съ Гейнрихомъ, человѣкомъ большого ума (мы знаемъ о немъ только то, что онъ былъ предводитель австразійской арміи), какимъ образомъ освободиться бы отъ врага, котораго онъ помѣстилъ въ отдаленныхъ предѣлахъ имперіи; такъ какъ тѣ страны, по многочисленности своихъ рѣкъ и непроходимыхъ болотъ, вовсе недоступны для войска, то было рѣшено погубить его лучше хитростью, нежели открытою силою. Карлъ (III) отпустилъ пословъ, не давъ имъ опредѣленнаго отвѣта, и позволилъ возвратиться къ Готфриду съ увѣреніемъ, что собственные его послы дадутъ ему обстоятельное объясненіе, къ удовольствію ихъ обоихъ, но онъ долженъ сохранять по прежнему вѣрность. Затѣмъ Карлъ отправляетъ къ Готфриду Гейнриха и вмѣстѣ съ нимъ, для лучшаго прикрытія обмана [1]), Виллиберта, достопочтеннаго епископа г. Кельна. Гейнрихъ даетъ своимъ людямъ секретное приказаніе идти по Саксоніи не сомкнутою массою, но по одиночкѣ, и собраться въ опредѣленный день въ опредѣленномъ мѣстѣ, какъ онъ съ ними условился; самъ же онъ съ немногими спутниками явился въ Кельнъ, взялъ съ собою упомянутаго епископа и немедленно отправился въ Батавію (что у древнихъ называлось insula Batavorum и въ то время составляло часть герц. Фрисландіи). Едва Готфридъ узналъ о ихъ прибытіи, какъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу при мѣстечкѣ Гериспикѣ (н. Heerwen), гдѣ раздѣляются Рейнъ и Ваалъ, выходя изъ общаго русла, и,

---

[1]) Эти мѣры послѣднихъ Карловинговъ противъ конунговъ норманскихъ напоминаютъ собою мѣры древней римской имперіи противъ конунговъ варварскихъ, и посольство Карла III было совершенною копіею посольства Өеодосія II къ Аттилѣ; см. выше томъ I, стр. 242.

расходясь на большое пространство, омываютъ своими волнами провинцію Батавію. На этотъ-то островъ и прибыли епископъ вмѣстѣ съ графомъ, выслушали Готфрида во всемъ, и на многое отвѣчали отъ имени императора. Между тѣмъ солнце склонилось къ западу; прекративъ бесѣду, они оставили островъ и разошлись по домамъ съ тѣмъ, чтобы завтра снова сойтись. Гейнрихъ предложилъ епископу отозвать съ острова Гизелу, жену Готфрида, и постараться уговорить ее на слѣдующее утро къ миру, а самъ онъ хотѣлъ будо-бы переговорить съ Готфридомъ о дѣлѣ графа Эверарда, у котораго онъ силою отнялъ его владѣнія. Затѣмъ онъ подговорилъ Эверарда явиться среди ихъ съ жалобою на несправедливость Готфрида, и если этотъ дикарь и варваръ вздумаетъ оскорбить его дерзкимъ словомъ, то немедленно обнажить мечъ и со всего размаху ударить по головѣ, а люди Гейнриха добьютъ его, прежде нежели онъ успѣетъ подняться съ земли. Дѣйствительно, Готфридъ умеръ, послѣ того какъ сначала нанесъ ему ударъ Эверардъ, а за нимъ прокололи его насквозь спутники Гейнриха; всѣ остальные норманны, находившіеся на островѣ, были также изрублены. Нѣсколько дней спустя, по совѣту того же Гейнриха, Гуго былъ заманенъ обѣщаніями на мызу Гундольфъ (н. Gondreville, близъ г. Тула) и захваченъ въ плѣнъ; по приказанію императора, Гейнрихъ выкололъ ему глаза и наказалъ безчестьемъ всѣхъ его приверженцевъ. Послѣ того, его сослали въ монастырь св. Галла (н. Сангалленъ, въ Швейцаріи), въ Алеманніи, а оттуда препроводили на его родину; въ послѣднее же время, при королѣ Свентибольдѣ [1]), онъ былъ *моею* рукою постриженъ въ монастырѣ Прумѣ, гдѣ я, не смотря на свое ничтожество, былъ тогда стражемъ (т.-е. аббатомъ) паствы господней, и гдѣ нѣсколько лѣтъ спустя онъ умеръ и былъ погребенъ.

Подъ 886 г., авторъ хроники разсказываетъ о вторженіи норманновъ въ Лотарингію, очевидно вслѣдствіе сдѣланнаго уже прежде приглашенія со стороны Гуго и для отмщенія смерти Готфрида; въ этомъ году они ограничились тѣмъ, что утвердились въ г. Ловонѣ (н. Loewen, въ Голландіи), лежащемъ на границѣ Лотарингіи и Нейстріи, откуда на слѣдующій годъ сдѣлали морской набѣгъ, вошли въ устье Сены и осадили Парижъ, защищаемый графомъ парижскимъ Одо; эта знаменитая осада Парижа была однимъ изъ важнѣйшихъ событій конца IX вѣка и рѣшила участь какъ новѣйшей Франціи, такъ и Карловинговъ: Карлъ III потерялъ всѣ три короны, а защитникъ Парижа Одо, родоначальникъ Капетинговъ, положилъ начало новому государству и новой династіи.

Въ годъ в. г. 887. Норманны оставили г. Ловонъ (н. Loewen), вторглись въ р. Сену, остановились при Парижѣ, раскинули свой лагерь и обложили городъ [2]); рано весною императоръ посылаетъ

[1]) Свентибольдъ былъ сынъ короля Арнульфа, побочнаго сына Карломана, брата Карла III Толстаго (см. о немъ ниже, стат. 23), и правилъ Лотарингіею между 895 и 899 г., когда жилъ нашъ авторъ.

[2]) Нашъ авторъ разсказываетъ изъ всей осады Парижа только эпизодъ, касавшійся одного изъ ему знакомыхъ лицъ; но обстоятельное описаніе осады Парижа оставилъ намъ очевидецъ ея Аббо, см. ниже, стат. 17.

противъ нихъ герцога Гейнриха съ войскомъ, но онъ не имѣетъ успѣха, потому что, какъ говорятъ, норманны были въ числѣ 30 тысячъ, и все отличные воины. Осенью, прежде нежели были сжаты поля, тотъ же Гейнрихъ съ арміею обоихъ государствъ (т.-е. Австразіи и Нейстріи) идетъ къ Парижу, и, разставивъ кругомъ и около свои полки, самъ, въ сопровожденіи небольшой свиты, подходитъ ближе, осматриваетъ укрѣпленія, расположеніе мѣстности и ищетъ болѣе удобнаго мѣста, на которомъ его войско могло бы схватиться съ непріятелемъ, безъ большой потери для себя. Норманны же съ своей стороны, услышавъ о приближеніи непріятеля, окопали лагерь рвомъ, въ одинъ футъ шириною и три фута глубины, и прикрыли его вѣтвями и соломою, а для себя оставили нѣсколько мѣстъ для перехода. Часть же этихъ разбойниковъ, спрятанныхъ по дорогѣ, увидѣвъ приближеніе Гейнриха, выскочила изъ засады, вызывала его на бой и раздражала бранью. Гейнрихъ не могъ перенести, при своемъ самолюбіи, такого поруганія, напалъ на нихъ и, когда его конь попалъ въ тотъ ровъ, онъ полетѣлъ вмѣстѣ съ нимъ; враги поспѣшно подбѣжали къ нему, прикололи его къ землѣ, прежде нежели онъ успѣлъ подняться, выставили его бездыханнаго въ виду всего войска, отобрали оружіе и овладѣли частью его вооруженія. Когда полки Карла III произвели нападеніе, имъ едва удалось отбить его тѣло, которое и было отправлено въ Суассонъ, гдѣ и погребли его въ церкви св. Медарда. Вслѣдствіе потери предводителя войско возвратилось домой.

Въ это же время умеръ аббатъ Гуго (см. о немъ выше, стр. 192 и 206) въ Орлеанѣ; это былъ человѣкъ большого ума и обладалъ огромною властью; его похоронили въ монастырѣ св. Германа въ Аутисіодорѣ (н. St. Germain d'Auxerre). Его же герцогство (т.-е. Анжу), которымъ онъ владѣлъ и управлялъ со славою, императоръ передалъ Одо, сыну Роберта (см. выше, стр. 192), а Одо въ то время былъ графомъ Парижа и вмѣстѣ съ Гоцелиномъ, епископомъ того же города, защищалъ всѣми силами Парижъ противу безпрерывныхъ аттакъ осаждавшихъ его норманновъ.

Въ эти дни отошелъ отъ міра упомянутый епископъ Гоцелинъ, именно вслѣдствіе бѣдствій той осады, а на его мѣсто императоръ поставилъ Гаширика.

За тѣмъ императоръ лично посѣтилъ Галлію, подошелъ къ Парижу съ безчисленнымъ войскомъ, разбилъ лагерь въ виду непріятеля, но не совершилъ ничего, что было бы достойно императорскаго величія. Онъ уступилъ норманнамъ на разграбленіе области и страны, лежащія по ту сторону Сены, потому что жители ихъ не оказывали ему повиновенія [1]), а самъ удалился и пошелъ прямо въ Аквитанію.

---

[1]) Области, лежавшія по ту сторону верхнихъ теченій Сены, составляли древнюю Бургундію. Тамъ, еще вскорѣ по смерти Карла Лысаго, въ 878 г., возсталъ противъ Карла III графъ Прованса *Бозо*, женатый на Эрмингардѣ, дочери Людовика II Итальянскаго (старшаго сына Лотаря I), и провозгласилъ себя королемъ Бургундіи: это было первое независимое государство на развалинахъ имперіи Карла Великаго, которымъ началось ея распаденіе.

Но прежде того Карлъ прогналъ отъ себя съ позоромъ Ліудварда, епископа города Верчелли, которымъ онъ весьма дорожилъ, и который былъ его единственнымъ совѣтникомъ въ общественныхъ дѣлахъ; императоръ обвинялъ его въ беззаконной и тайной связи съ королевою. Нѣсколько дней спустя онъ призвалъ свою жену Рикарду—такъ называлась императрица—по этому же самому дѣлу въ собраніе членовъ, и, удивительное дѣло, она объявила всенародно, что, не смотря на свое 10-лѣтнее замужество, она остается и до сихъ поръ дѣвственницею . . . Гордясь тѣмъ, она предложила мужу, если онъ хочетъ, доказать то божьимъ судомъ, или посредствомъ поединка, или раскаленнымъ желѣзомъ: была же она богобоязненная женщина. Когда утвердили ея разводъ, она удалилась на службу Богу въ монастырь, построенный ею на собственныхъ земляхъ (Анделау, въ Эльзасѣ, гдѣ она была причислена къ лику святыхъ).

Послѣ этихъ событій Карлъ началъ обнаруживать тѣлесные и душевные недуги. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, въ день кончины св. Мартина (11 ноября), онъ прибылъ въ Трибурію (н. Требуръ, на правомъ берегу Рейна, нѣсколько выше Майнца), и созвалъ тамъ государственные чины. Когда вельможи имперіи увидѣли, что его оставили не только физическія силы, но и разсудокъ, они вручили, по собственному побужденію, управленіе имперіею *Арнульфу*, сыну Карломана (Карломанъ былъ братъ Карла III Толстаго, и Арнульфъ былъ его побочный сынъ, которому онъ далъ въ управленіе Каринтію); вслѣдствіе такого внезапнаго заговора, всѣ отложились отъ императора, такъ что черезъ три дня не осталось при немъ почти никого, кто могъ бы исполнять обыкновенныя обязанности, предписываемыя человѣколюбіемъ. Даже столъ и напитки доставлялись ему на счетъ Ліудберта, епископа (майнцскаго). Это было событіе, достойное глубокихъ размышленій, и поразительное для всякаго, кто наблюдаетъ за превратностью человѣческой судьбы. Въ самомъ дѣлѣ, прежде благопріятное стеченіе обстоятельствъ соединило во власти Карла столь многія и столь великія королевства, безъ всякаго труда, безъ поту и безъ тяжелой борьбы, такъ что послѣ Карла Великаго не было ни одного франкскаго короля, который могъ бы сравниться съ нимъ въ величіи, могуществѣ и богатствѣ; и вдругъ теперь несчастный рокъ отнимаетъ у него позорнымъ образомъ все, что дало ему счастіе, и что, благопріятствуемый обстоятельствами, онъ достославно соединилъ; какъ будто судьба желала на немъ показать непрочность всего человѣческаго. Обратившись изъ императора въ нищаго, Карлъ послалъ къ Арнульфу слезно просить, такъ какъ онъ въ своемъ отчаянномъ положеніи думаетъ не объ императорскомъ санѣ, а о ежедневномъ пропитаніи, дать ему столько средствъ, сколько необходимо для настоящей жизни; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отправилъ своего сына Бернарда, прижитаго имъ съ наложницею, предложить Арнульфу подарки и увѣрить его въ своемъ повиновеніи. Жалко было видѣть, какъ богатѣйшій императоръ лишился не только утѣхи счастія, но даже терпѣлъ недостатокъ въ удовлетвореніи послѣднихъ потребностей. Король Арнульфъ далъ ему для

содержанія нѣсколько помѣстій въ Алеманніи, а самъ, устроивъ счастливо дѣла франковъ, возвратился въ Баварію.

Въ этомъ же году умеръ Витгаръ, епископъ Аугсбурга, а Адальберъ, мужъ знатнаго происхожденія, великой души и ума, получилъ его престолъ и наслѣдовалъ ему въ епископскомъ званіи [1]).

Въ годъ в. г. 888. Императоръ Карлъ, Третій этого имени и достоинства, почилъ 12 января и былъ погребенъ въ монастырѣ Аугеа (н. Reichenau, на Боденскомъ озерѣ). Онъ былъ государь христолюбивый, богобоязненный, всѣмъ сердцемъ слѣдовалъ заповѣдямъ божіимъ, безпрекословно повиновался церковнымъ опредѣленіямъ, былъ щедръ на милостыню, не пропускалъ молитвъ и пѣнія псалмовъ, неутомимо служилъ Богу, всю свою надежду возлагалъ на божественное провидѣніе, которое наградило его такимъ счастіемъ, что онъ успѣлъ соединить, въ самое короткое время, безъ всякой борьбы и сопротивленія, всѣ земли франковъ, которыя были пріобрѣтены его предками послѣ многихъ кровопролитій. Если же въ концѣ своей жизни онъ былъ лишенъ всѣхъ своихъ достоинствъ и всего имущества, то это, мы полагаемъ, было только испытаніемъ, назначеннымъ не только для назиданія, но—что гораздо болѣе—для примѣра: дѣйствительно, онъ переносилъ свое несчастіе съ большимъ терпѣніемъ, воздавая Творцу хвалу, какъ въ счастіи, такъ и въ несчастіи, и за то онъ или уже получилъ вѣнецъ жизни вѣчной, которымъ Богъ надѣляетъ всѣхъ угодныхъ себѣ, или безъ сомнѣнія получитъ.

Послѣ смерти Карла, государства, повиновавшіяся его слову, разложились на части, какъ бы не имѣя для себя общаго законнаго наслѣдника, и не обратились къ своему естественному повелителю (т.-е. Арнульфу), но каждая часть избрала изъ среды себя собственнаго короля. Это обстоятельство вызвало великія войны, не потому, чтобы франкамъ не доставало такихъ князей, которые не имѣли бы довольно благородства, храбрости и мудрости для управленія всѣми королевствами, но именно потому, что равенство ихъ рода, достоинства и силы вызвало соперничество; никто не превосходилъ другихъ настолько, чтобы подчинить остальныхъ своей власти. Франція произвела бы отличныхъ правителей изъ среды себя, еслибы судьба не вложила имъ оружія въ руки для соперничества въ силѣ, къ обоюдной ихъ погибели.

Такимъ образомъ, одна часть итальянскаго народа поставила своимъ королемъ Беренгарія, сына Эверарда, владѣвшаго герцогствомъ Форіюланскимъ (отъ главн. города Forum Julii, нынѣ Cividale del Friuli, близь Удино), а другая часть избрала Видо (или Гвидо), сына Ламберта герцога Сполетанскаго (н. Сполетто). Изъ этого междоусобія возникла для обѣихъ сторонъ великая потеря и великое пролитіе человѣческой крови, а, по выраженію Господа, „всякое

---

[1]) Весьма важная замѣтка со стороны автора, потому что она даетъ возможность опредѣлить время составленія хроники: авторъ писалъ свою хронику для Адальбера, который, какъ извѣстно, умеръ въ 909 г., слѣдовательно хроника могла быть окончена не позже 908 года.

царство, раздѣлившееся само въ себѣ опустѣетъ" (Матѳ. 12, 25). Наконецъ, Видо остался побѣдителемъ и изгналъ Беренгарія изъ государства. Изгнанный Беренгарій обратился къ Арнульфу и просилъ у него помощи противъ врага. Какъ поступилъ Арнульфъ и какъ два раза прошелся съ войскомъ по Италіи, объ этомъ будетъ разсказано въ свое время. (см. ниже, ст. 23).

Между тѣмъ собрались народы Галліи и, съ согласія Арнульфа, единодушно избрали королемъ герцога *Одо*, сына Роберта, о которомъ мы недавно упоминали (см. выше, подъ годомъ 887, на стр. 209), дѣятельнаго человѣка, который предъ всѣми другими отличался красотою, ростомъ, большою физическою силою и мудростью; онъ правилъ мужественно и показалъ себя неутомимымъ защитникомъ противу опустошеній норманновъ.

Въ то же время Рудольфъ, сынъ Конрада (женатаго на сестрѣ Эрмингарды, дочери Людовика II Итальянскаго, бывшей замужемъ за Бозономъ, королемъ нижней Бургундіи; самъ же Конрадъ былъ братъ Юдиѳи, жены Карла Лысаго), племянникъ аббата Гуго, о которомъ мы упоминали выше (см. подъ годомъ 887, на стр. 209), овладѣлъ страною между Юрою и Пеннинскими Альпами, возложилъ на свою голову корону въ церкви св. Маврикія (н. St. Maurice, въ кантонѣ Ваатландъ), и провозгласилъ себя королемъ (это королевство называлось Верхнею Бургундіею, въ отличіе отъ Нижней, гдѣ былъ королемъ Бозо (см. выше, примѣчаніе 1, на стр. 209). За тѣмъ онъ разослалъ пословъ по всей Лотарингіи и убѣжденіями склонилъ сердца епископовъ и знатныхъ въ свою пользу. Когда былъ извѣщенъ о томъ Арнульфъ, онъ бросился на него, и Рудольфъ бѣжалъ тѣснинами, ища въ горахъ спасенія своей жизни. Арнульфъ равно какъ и сынъ его Свентибольдъ преслѣдовали его всю жизнь, но не могли ничего сдѣлать, потому что, какъ мы замѣтили выше, при непроходимости страны, по которой могли бродить одни козы, сомкнутыя массы войскъ должны были держаться въ отдаленіи.

Въ томъ же году, норманны, осаждавшіе Парижъ, сдѣлали удивительное дѣло и неслыханное, не только въ наши времена, но даже и въ самыя древнія. Убѣдившись, что нельзя взять городъ силою, они начали употреблять всѣ хитрости, чтобы, оставивъ городъ въ сторонѣ, перевести флотъ и все войско въ Сену выше Парижа, и потомъ по рѣкѣ Іоннѣ, безъ всякаго препятствія, вторгнуться въ бургундскія страны. Но такъ какъ жители города не допускали подняться вверхъ по рѣкѣ, то норманны вытащили корабли на берегъ, проволокли ихъ шаговъ 2000 по сушѣ и, избѣгнувъ такимъ образомъ опасности, снова спустили ихъ въ рѣку; послѣ краткаго плаванія, они оставили Сену, поспѣшно вошли въ Іонну и расположились при г. Сенонѣ (н. Sens). Тамъ они разбили свой лагерь, осаждая городъ шесть мѣсяцевъ, и опустошили Бургундію огнемъ и мечемъ. Но такъ какъ жители оказали ими сильное сопротивленіе, при помощи божіей, то они и не могли овладѣть городомъ, хотя въ потѣ лица употребляли всѣ средства и все свое искусство. Во время дѣйствій осады, Эверардъ, духовный владыка этого города, человѣкъ святой и полный мудрости, разрѣшился отъ земныхъ узъ и

отошелъ въ небесное отечество; на его же мѣсто былъ поставленъ Вальтеръ, племянникъ Вальтера епископа Орлеанскаго; но онъ во многомъ уступалъ своему предшественнику и по своимъ нравамъ, и по своей религіозности, и по знанію философіи.

Аббатъ Регино.
Хроника—885-888 г.

См. о Регино и его сочиненіяхъ выше, въ примѣчаніи къ ст. 12 на стр. 196.

15.—О внутреннемъ и внѣшнемъ распаденіи монархіи Карла Великаго.

(Въ 1829 г.).

Въ одной хроникѣ того же самаго вѣка, когда умеръ Карлъ Великій († 814 г.), разсказывается извѣстная сцена, какъ плакалъ императоръ, увидя, что норманны еще при его жизни осмѣливаются появляться у береговъ южной Франціи [1]). По особенному случаю, мы можемъ въ точности опредѣлить время, въ которое было записано извѣстіе объ этомъ анекдотѣ: а именно, около іюня мѣсяца 884 г., слѣдовательно, спустя 70 лѣтъ послѣ смерти Карла Великаго, по разсказамъ человѣка, который лично участвовалъ во многихъ походахъ его противъ саксовъ, славянъ, аваровъ и пр. Оставляя въ сторонѣ слезы, которыя, безъ сомнѣнія, авторъ прибавилъ отъ себя, изъ этого извѣстія мы видимъ, что, при концѣ своей жизни, Карлъ Великій былъ озабоченъ опасностями, угрожавшими со всѣхъ сторонъ его имперіи. Нѣкоторыя другія, менѣе опредѣлительныя извѣстія указываютъ въ немъ то же самое безпокойство. Между тѣмъ, безъ сомнѣнія онъ вовсе не предвидѣлъ, какъ мало самая имперія переживетъ его, и какой степени достигнетъ ея разложеніе.

Я не намѣренъ разсказывать теперь событія, и желаю представить только главные кризисы этого разложенія и указать его причины. Оно совершилось между смертію Карла Великаго, въ 814 г., и вступленіемъ на престолъ Гуго Капета, въ 987 г. Все это время употреблено было на совершеніе колоссальной работы. Паденіемъ династіи Карловингской и возвышеніемъ Капетинговъ она была довершена.

При смерти Карла Великаго, его имперія простиралась, съ сѣверовостока на юго-западъ, отъ Эльбы въ Германіи до Эбро въ Испаніи; съ сѣвера на югъ, она находилась между Сѣвернымъ моремъ и Калабріею, почти до оконечности Италіи. Его власть, безъ сомнѣ-

---

[1]) См. подробный разсказъ о томъ, выше у монаха Сангалленскаго, въ статьѣ 6, на стр. 108.

нія, была очень неравна на этой обширной территоріи; во многихъ мѣстахъ не повиновались ему, даже вовсе не говорили о немъ, но и онъ безпокоился мало: тѣмъ не менѣе таковы были предѣлы его имперіи.

По прошествіи двадцати девяти лѣтъ, въ 843 г., на основаніи Вердюнскаго договора, сыновья Людовика Благочестиваго: Лотарь, Карлъ Лысый и Людовикъ Нѣмецкій, раздѣлили между собою эту имперію на три королевства:

1) Королевство *Франція* (Карлъ Лысый, отъ 840 до 877 г.). Оно заключало страны, лежащія между Шельдою, Маасомъ, Сонаю, Роною, Средиземнымъ моремъ, Эбро и Атлантическимъ океаномъ.

2) Королевство *Германія* (Людовикъ Нѣмецкій, отъ 840 до 875 г.). Оно заключало страны, лежащія между Рейномъ, Сѣвернымъ моремъ, Эльбою и Альпами.

3) Королевство *Италія* (Лотарь I, императоръ, отъ 840 до 855 г.). Оно заключало: 1) Италію, кромѣ Калабріи; 2) страны, лежащія между Роною, Сонаю и Маасомъ на западѣ, Рейномъ и Альпами на востокѣ, то-есть, Провансъ, Дофине, Савоію, Швейцарію, Франшъ-Конте, часть Бургундіи, Лотарингію, Эльзасъ и часть Нидерландъ.

Не надобно думать, что каждое изъ этихъ королевствъ составляло одно плотное тѣло: въ королевствѣ Франціи, которымъ мы займемся спеціально, было два государя: Пипинъ II въ Аквитаніи (съ 835 г.), и Номеноэ въ Бретани (съ 840 г.) приняли оба королевскій титулъ, и отняли у Карла Лысаго верховную власть надъ значительною частію территоріи.

Раздѣленіе продолжалось; спустя сорокъ лѣтъ послѣ сего, въ 888 г. со смертію Карла Толстаго, послѣдняго изъ Карловинговъ, который соединилъ на короткое время всѣ государства Карла Великаго, вотъ что произошло: вмѣсто трехъ королевствъ, мы видимъ ихъ семь:

1) Королевство *Франція* (Карлъ Простой, 893—929). Оно заключало страны, лежащія между Шельдою, Маасомъ, Сонаю, Роною, Пиренеями и Атлантическимъ океаномъ, и часть Испанской Мархіи, по ту сторону Пиренеевъ, образующую графство Барцелонское.

2) Королевство *Наварра* (Фортунъ монахъ, 880—905) заключало почти всю Испанскую Мархію между Пиренеями и Эбро.

3) Королевство *Провансъ* или *Бургундія цисъ-юранская* (Людовикъ Слѣпой) заключало страны, лежащія между Сонаю, Роною, Альпами, Юрою и Средиземнымъ моремъ.

4) Королевство *Бургундія трансъ-юранская* (Рудольфъ I) заключало страны, лежащія между Юрою, альпами Аппенинскими и Рейсомъ, то-есть, Швейцарію, Валлисъ, Женевскую страну, Шабле и Бюгей (Bugey).

5) Королевство *Лотарингія* (Свентибольдъ, 895—900) заключало страны, лежащія между Рейномъ, Маасомъ и Шельдою.

6) Королевство *Германія* (Арнульфъ, 888—899) заключало страны, лежащія между Рейномъ, Сѣвернымъ моремъ, Эльбою, Одеромъ и Альпами.

7) Королевство *Италія* (Беренгарій I, 888—924) заключало всю

Италію, кромѣ королевства Неаполитанскаго, составлявшаго тогда княжества Беневентское и Калабрійское.

Обращаюсь къ внутреннему состоянію королевства Франціи. Въ 843 г., два только государя: король Аквитанскій и герцогъ Бретанскій, раздѣляли съ Карломъ Лысымъ его территорію. Въ 888 г,. раздѣленіе простерлось далѣе, потому что оно не могло остановиться. Всякому извѣстно, что владѣтели доменовъ и государственныхъ должностей, то-есть, бенефиціалы, герцоги, графы, виконты, сотники и другіе правители провинцій или округовъ, постоянно стремились сдѣлаться независимыми и наслѣдственными, утвердить за собою въ непрерывную собственность свои земли и свои должности. Въ 877 г. мы находимъ слѣдующій капитулярій Карла Лысаго [1]):

„Если послѣ нашей смерти, кто нибудь изъ нашихъ вѣрныхъ изъ любви къ Богу и нашей особѣ захочетъ отказаться отъ свѣта, онъ, имѣя сына или другого родственника, способнаго служить общественному дѣлу, пусть будетъ воленъ передать ему свои бенефиціи и почести, когда ему будетъ угодно".

И въ другой статьѣ:

„Если графъ этого королевства умретъ, а сынъ его при насъ, мы хотимъ, чтобы нашъ сынъ, вмѣстѣ съ нашими вѣрными, ближайшими родственниками покойнаго графа, также съ другими чиновниками упомянутаго графства, и епископъ, въ епархіи котораго оно будетъ находиться, заботились объ управленіи его до тѣхъ поръ, пока смерть графа будетъ возвѣщена намъ, и мы можемъ доставитъ сыну его, находящемуся при насъ, почести, которыми отецъ былъ пожалованъ. Если сынъ покойнаго графа еще малолѣтенъ, епископъ и другіе чиновники пусть управляютъ графствомъ до тѣхъ поръ, пока, извѣщенные о смерти отца, мы не пожалуемъ тѣхъ же самыхъ почестей".

И такъ, наслѣдственность бенефицій и должностей королевскихъ освящается закономъ: но она была уже прежде написана въ нравахъ, и множество памятниковъ свидѣтельствуютъ, что въ то время, при смерти провинціальнаго правителя, если король пытался отдать его графство кому нибудь другому, а не его потомкамъ, то не только обнаруживалось сопротивленіе личнаго интереса, но такая мѣра считалась нарушеніемъ права, полною несправедливостью. Вильгельмъ и Энгельшалькъ, при Лудовикѣ Косноязычномъ, владѣли двумя графствами на границахъ Баваріи: по смерти ихъ, эти должности были отданы графу Арбо, въ ущербъ правъ ихъ сыновей: „Эти дѣти и ихъ родственники, принимая то за явную несправедливость, сказали, что такъ поступать нельзя, и что или они погибнутъ отъ меча, или Арбо оставитъ ихъ фамильное графство" [2]).

Это новое начало принесло свои плоды: къ концу IX вѣка, двадцать-девять провинцій, или ихъ округовъ, преобразовались въ маленькія государства, которыхъ прежніе правители сдѣлались, подъ названіемъ герцоговъ, графовъ, виконтовъ, настоящими верховными

---

[1]) См. полный его текстъ у насъ выше, въ ст. 13, на стр. 200.

[2]) Annal. Fuld., a. 884; Recueil des historiens de France, t. VIII, p. 48.

властителями. Двадцать-девять леновъ, которые впослѣдствіи играли роль въ нашей исторіи, образовались именно въ эту эпоху [1]).

Важность этихъ новыхъ государствъ была неравна, и степень независимости ихъ неодинакова; нѣкоторыя поддерживаютъ еще съ королемъ Франціи довольно близкія отношенія; другія находятся подъ покровительствомъ какого нибудь могущественнаго сосѣда; извѣстные узы соединяютъ ихъ, и отсюда происходятъ извѣстныя взаимныя отношенія, которыя должны со временемъ сдѣлаться основою феодальнаго общества. Но главную черту ихъ быта тѣмъ не менѣе составляетъ уединеніе, независимость; они, очевидно, образуютъ собою столько же маленькихъ государствъ, родившихся изъ раздѣленія большой территоріи, сколько мѣстныхъ управленій зародилось прежде на счетъ власти центральной.

Отъ конца IX вѣка перейдемъ вдругъ къ концу X вѣка, къ эпохѣ, совершеннаго паденія Карловинговъ, уступившихъ свое мѣсто Капетингамъ: вмѣсто прежнихъ семи королевствъ, древняя имперія Карла Великаго состояла уже только изъ четырехъ:

1. Королевство *Провансъ* и *Бургундія трансъ-юранская* — соединены были въ 935 г. Рудольфомъ II королемъ Бургундіи трансъюранской, и образовали одно королевство Арльское, управляемое съ 937 по 993 годъ Конрадомъ Миролюбивымъ.

2. Королевство *Лотарингія*, отъ котораго отдѣлилось нѣсколько большихъ леновъ, уже было только герцогствомъ, которымъ съ 984 до 1026 г. владѣлъ Тьерри I.

3. Оттонъ Великій соединилъ въ 962 г. королевство *Италію* съ имперіею *Германскою*.

4. Внутри королевства *Франціи* раздѣленіе продолжалось: вмѣсто двадцати девяти малыхъ государствъ или леновъ, которыя встрѣчаемъ въ концѣ IX вѣка, мы находимъ въ концѣ X пятьдесятъ-девять вполнѣ установившихся. И это внутреннее раздѣленіе никакъ не было, какъ при Меровингахъ, чѣмъ нибудь случайнымъ, преходящимъ, слѣдствіемъ одной неопредѣленности правъ собственности и власти: это былъ прочный и законченный порядокъ. Тѣ пятьдесятъ-девять герцогствъ, графствъ, виконствъ, владѣльческихъ земель, имѣли долгое политическое существованіе; государи ихъ преемственно наслѣдовали; законы, обычаи правильно установлялись. Можно было писать и дѣйствительно писали ихъ отдѣльныя исторіи, которыя въ продолженіе долгаго времени составляли исторію французскую.

---

[1]) 1) Duché de Gascogne; 2) Vicomté de Béarn; 3) Comté de Toulouse; 4) marquisat de Septimanie; 5) comté de Barcelone; 6) comté de Carcassonne; 7) vicomté de Narbonne; 8) comté de Roussillon; 9) comté d'Urgel; 10) comté de Poitiers; 11) comté d'Auvergne; 12) duché d'Aquitaine; 13) comte d'Angoulème; 14) comté de Périgord; 15) vicomté de Limoges; 16) seigneurie de Bourbon; 17) comté de Lyonnais; 18) seigneurie de Beaujolais; 19) duché de Bourgogne; 20) comté de Châlons; 21) *duché de France*; 22) comté de Vexin; 23) comté de Verman; 24) comté de Valois; 25) comté de Ponthieu; 26) comté de Boulogne; 27) comté d'Anjou; 28) comté du Maine; 29) comté de Brétagne.

Такова внѣшняя сторона постепеннаго раздѣленія имперіи Карла Великаго, начавшагося въ первой половинѣ IX вѣка, завершеннаго въ концѣ X вѣка. Оно было для нѣкоторыхъ изъ современниковъ предметомъ великой печали и ужаса: какъ въ паденіи древней римской имперіи, просвѣщенные умы видѣли при этомъ новое вторженіе варварства и хаоса. Флоръ, діаконъ Ліонской церкви, въ царствованіе Людовика Благочестиваго и Карла Лысаго, оплакивалъ паденіе Карловой монархіи въ формѣ элегіи:

„Прекрасная имперія цвѣла подъ блестящею діадемой; былъ одинъ государь и одинъ народъ; всѣ города имѣли судей и законы. Ревность пастырей поддерживалась частыми соборами; молодые люди безпрестанно читали священныя книги, и умъ дѣтей образовывался на изученіи литературы. Любовь съ одной стороны, страхъ съ другой, вездѣ поддерживали доброе согласіе. А потому и нація франковъ блистала въ глазахъ цѣлаго міра. Иностранныя королевства, греки, варвары и сенатъ Лаціума отправляли къ ней посольства. Поколѣніе Ромула, самый Римъ, метрополія королевствъ, подчинялся этой націи; тамъ глава ея, поддерживаемый помощію Христа, получилъ діадему апостольскимъ даромъ. Счастлива имперія, еслибы только она понимала свое счастье, имѣвшая въ Римѣ опору, и въ небесномъ ключеносцѣ своего основателя. Нынѣ разрушившись, это великое государство потеряло вмѣстѣ свой блескъ и имя имперіи; то, что недавно еще было прочно соединено, раздѣлилось на три части; нѣтъ никого, въ комъ можно было видѣть императора; вмѣсто короля, королевъ, и вмѣсто королевства, его обломки. Общаго блага не существуетъ: каждый занятъ своими интересами; думаютъ о всемъ, одинъ Богъ забытъ. Пастыри господни, привыкшіе собираться вмѣстѣ, не могутъ имѣть церковныхъ соборовъ посреди такого хаоса. Нѣтъ болѣе народныхъ собраній, ни законовъ; напрасно посольство прибудетъ туда, гдѣ совсѣмъ нѣтъ двора. Что станется съ сосѣдними народами по Дунаю, Рейну, Ронѣ, Луарѣ и По? Всѣ, прежде соединенные узами согласія, теперь, когда союзъ разрушенъ, будутъ терзаемы мрачными раздорами. Чѣмъ кончитъ гнѣвъ божій со всѣми этими бѣдствіями? Едва найдешь такихъ, которые подумали бы о томъ съ ужасомъ, и размышляя о происшедшемъ, были бы тѣмъ опечалены: многіе даже радуются распаденію имперіи, и называютъ миромъ порядокъ вещей, который не представляетъ ни одного изъ благъ мира“ [1]).

Два факта обнаруживаются въ этой небольшой поэмѣ: съ одной стороны, печаль, которую наводитъ на просвѣщенныхъ людей раздѣленіе имперіи, съ другой—удовольствіе большинства; народы чувствовали, что они, такъ сказать, предоставляются самимъ себѣ, и избавляются отъ ига. Очевидно, причина распаденія была всеобщая и неизбѣжная. Связь, которую воля и побѣда Карла В. установили между такимъ множествомъ націи и отдаленными территоріями, единство отечества и власти, были искуственны и не могли долго существовать.

---

[1]) Recueils des historiens des Gaules et de la France, t. VII, 302 и слѣд.

Какія были причины этого событія? Какъ совершилось раздѣленіе, какую внутреннюю реформу произвело оно въ западномъ обществѣ? На этотъ вопросъ было представлено множество рѣшеній, но равно неудовлетворительныхъ. Паденіе имперіи Карла В. приписывали неспособности его преемниковъ, Людовика Благочестиваго, Карла Лысаго, Карла Толстаго, Карла Простого; еслибы, говорятъ, они имѣли умъ и характеръ основателя имперіи, она продолжала бы свое славное существованіе. Другіе приписывали ея паденіе жадности герцоговъ, графовъ, виконтовъ, бенефиціаловъ, и другихъ королевскихъ чиновниковъ всякаго рода: они хотѣли сдѣлаться независимыми, верховными правителями; они похитили власть, раздѣлили государство. Нѣкоторые наконецъ утверждаютъ, что норманны виновны въ ея паденіи; продолжительность ихъ набѣговъ и бѣдность, въ которую впали народы, были причиною всего зла. Объясненія очевидно узкія и неосновательныя. Одно изъ нихъ имѣетъ еще болѣе значенія и заслуживаетъ серьезнаго изслѣдованія; именно то, которое недавно развито Августиномъ Тьерри въ его *Письмахъ объ исторіи Франціи* и особенно при второмъ ихъ изданіи [1]). Я не принимаю его теоріи вполнѣ и не считаю ее достаточною для объясненія причинъ событія; но въ его изслѣдованіи много ума, и, безъ всякаго сомнѣнія, много истины.

По мнѣнію Тьерри, раздѣленіе имперіи Карла В. было результатомъ разнообразія племенъ. Со смертію Карла В., когда тяжелая рука, державшая вмѣстѣ столько различныхъ народовъ, пала, они сначала отдѣлились другъ отъ друга, потомъ сгруппировались по своей внутренней природѣ, то есть, по происхожденію, языку, нравамъ; и подъ этимъ вліяніемъ совершилось образованіе новыхъ государствъ. Таково въ главныхъ чертахъ объясненіе, которое Тьерри даетъ этому великому событію. Вотъ какъ онъ толкуетъ отдѣльные факты и въ какомъ порядкѣ представляетъ весь процессъ переворота. Я сообщу, можетъ быть, его идеямъ форму нѣсколько болѣе точную, систематическую, чѣмъ какую мы находимъ въ самыхъ его письмахъ, но, въ сущности, я ничего не присовокуплю къ нимъ и ничего не отниму отъ нихъ.

Между смертію Карла В. и восшествіемъ Гуго Капета, Тьерри различаетъ двѣ большія эпохи. Первая простирается отъ смерти Карла В. до смерти Карла Толстаго, послѣ котораго семь королевствъ (Тьерри насчитываетъ ихъ девять) раздѣлили между собою территорію имперіи. Вторая отъ конца IX вѣка до конца X, а именно до восшествія на престолъ Гуго Капета. Этимъ двумъ эпохамъ соотвѣтствуютъ два вида распаденія, двѣ революціи, различныя по предмету и характеру, хотя происходящія отъ тѣхъ же самыхъ причинъ и стремящіяся къ одной и той же цѣли.

Къ первой эпохѣ принадлежитъ національная борьба племенъ; всѣ великія событія, наполняющія ее, изъясняются тѣмъ совершенно естественно. Главнѣйшая изъ нихъ, безъ сомнѣнія, распря Людовика Благочестиваго съ его сыновьями, и распря его сыновей между собою.

---

[1]) См. полный текстъ Авг. Тьерри у насъ въ переводѣ, ниже, въ статьѣ 37.

Какой ихъ истинный характеръ? Отвѣчая на это, мы не можемъ не согласиться съ Тьерри, что при всемъ разнообразіи событій, они тѣмъ не менѣе носятъ одинъ характеръ: а именно, постоянныя усилія разрушить единство имперіи направлены къ тому, чтобы основаніемъ дѣленія служило *племенное* различіе. Во всѣхъ событіяхъ, совершившихся между 814 и 888 г., какъ и въ тѣхъ двухъ вышепоименованныхъ, Тьерри видитъ вліяніе одной и той же причины, и ею объясняетъ образованіе девяти королевствъ, которыя сложились на развалинахъ имперіи. Онъ насчитываетъ ихъ девять потому, что относитъ Аквитанію и Бретань къ числу королевствъ, хотя въ концѣ IX вѣка графы бретанскіе и герцоги аквитанскіе вовсе не носили королевскаго титула.

Начало X вѣка открываетъ собою вторую эпоху и новую революцію. Дѣло идетъ уже не о раздѣленіи государствъ по племенамъ: эта работа пришла къ концу. Франкская Галлія видитъ себя подъ верховною властію чужеземцевъ; народонаселеніе ея смѣшано; большинство состоитъ изъ галловъ, а потомки Карла В. были чистыми германцами. Изгнать Карловинговъ, замѣнить ихъ государями болѣе національнаго происхожденія, таково было, по мнѣнію Тьерри, отъ 888 до 987 г., постоянное усиліе населенія собственной Франціи; въ этомъ заключалась тайна всѣхъ перемѣнъ, всѣхъ распрей X вѣка, и особенно: 1) борьбы избраннаго короля Одо (Eudes) противъ законнаго короля Карла Простого; 2) борьбы Гуго Великаго, герцога Франціи, противъ Людовика Заморскаго, и 3) окончательнаго паденія Людовика V и восшествія на престолъ Гуго Капета.

Такимъ образомъ, по теоріи Авг. Тьерри, исторія Франціи отъ Карла В. до Гуго Капета представляетъ въ себѣ два великія событія: 1) раздѣленіе народовъ по различію племенъ; 2) изгнаніе династіи чисто-германскаго происхожденія и замѣненіе ея государями галло-франкскими, то есть, національными. Таково построеніе этой системы; въ ней мы удивляемся рѣдкому пониманію происшествій, короткому знакомству съ положеніемъ лицъ и общественными нравами; но при всемъ томъ, не будетъ трудно, если я не ошибаюсь, показать всю неполноту и крайнюю ея односторонность

1. Въ различныхъ союзахъ и сближеніяхъ, совершавшихся въ царствованіе Людовика Благочестиваго и его дѣтей, народы сливались и раздѣлялись далеко не всегда по племенамъ: много другихъ причинъ руководили ихъ движеніями, и племенные интересы занимали при этомъ часто только второстепенное мѣсто. Для доказательства, я укажу на факты, которые приводитъ самъ Тьерри. Въ войнахъ Людовика съ его сыновьями, народы чисто германскаго происхожденія являются защитниками императора и имперіи; въ междоусобіяхъ же его дѣтей они идутъ противъ нее, и среди ея защитниковъ за Лотаремъ идутъ римляне, галлы, готы, бургунды, франки; вовсе не всѣ королевства соединялись противъ императорскихъ притязаній Лотаря, потому что, напримѣръ, король Аквитанскій, Пипинъ II, соединяется съ нимъ противъ Людовика Нѣмецкаго и Карла Лысаго. Очевидно, географическое положеніе, личные интересы, множество временныхъ и особенныхъ причинъ оказывали на эти союзы вліяніе,

часто болѣе рѣшительное, чѣмъ племенное происхожденіе и родство націй.

2. Это родство также мало имѣетъ вліянія на самое формированіе королевствъ: королевства Бургундія цисъ-юранская и трансъюранская доказываютъ то ясно; всѣ племена смѣшаны въ нихъ, и границы ихъ опредѣлены совсѣмъ другими побужденіями.

3. Еще менѣе могло племенное происхожденіе играть роль въ образованіи малыхъ государствъ, герцогствъ, графствъ, владѣтельныхъ земель и пр., на которыя дѣлилось каждое королевство. Тутъ нѣтъ никакой борьбы родовой, національной, а распаденіе существуетъ, какъ и между великими массами населеній, изъ которыхъ сложились королевства.

Итакъ не одно разнообразіе племенъ, а и другія причины содѣйствовали къ разложенію имперіи Карла В. и образованію новыхъ государствъ. Первое, безъ сомнѣнія, много помогло; но нельзя его считать главною, господствующею причиною, потому что тѣ же явленія происходили какъ тамъ, гдѣ оно не имѣло не мѣста, такъ и тамъ, гдѣ оно оказывало вліяніе. Главную причину предстоитъ еще искать. Такъ какъ разнообразіе племенъ не можетъ быть принято за причину, то постараемся найти ее въ другомъ мѣстѣ.

Въ Галліи римской и въ ея населеніи древнемъ и новомъ, въ эпоху великаго переселенія народовъ, были двѣ первобытныя ассоціаціи германскаго происхожденія: *колѣно*, управляемое началами личной свободы, и *дружина*, устройство которой было основано на военномъ и аристократическомъ покровительствѣ; впослѣдствіи времени оба эти учрежденія, по переселеніи на римскую почву, распались, потому что не соотвѣтствовали новому положенію завоевателей, обратившихся въ собственниковъ и разсѣянныхъ по обширной территоріи.

Въ тоже время рушилось и римское общество; по крайней мѣрѣ, его главная организація, государственное управленіе, пала отъ нашествія варваровъ. Такимъ образомъ въ началѣ VIII вѣка, и общество римское и общество германское равно погибли въ Галліи франкской, обуреваемой всевозможными родами анархіи.

Попытка Карла В. была воскресить ихъ вмѣстѣ; онъ создалъ новую римскую имперію съ ея единствомъ, учреждая, съ одной стороны, римскую администрацію, съ другой, національныя германскія собранія и военное покровительство. Онъ воспользовался всякими ассоціаціями, всѣми правительственными органами, извѣстными въ имперіи и Германіи, которые были только разстроены, ослабли, съ тѣмъ, чтобы укрѣпить ихъ въ свою пользу. Онъ былъ вмѣстѣ и начальникъ войска, и предсѣдатель національныхъ собраній, и императоръ. Карлъ имѣлъ кратковременный успѣхъ и лично для себя. Это было воскрешеніе, такъ сказать, галваническое: начало императорской администраціи, начало дружины, и обычаи свободнаго колѣна Германіи, въ приложеніи ихъ па дѣлѣ, были равно неисполнимы. Для основанія великаго общества должно, съ одной стороны, найти его элементы въ духѣ людей, съ другой, въ общественныхъ отношеніяхъ. Но моральное и соціальное состояніе народовъ

въ ту эпоху противилось всякому соединенію, всякому единичному и обширному правительству. Люди имѣли мало идей да и тѣ были весьма ограничены. Отношенія общественныя становились рѣдки и узки. Горизонтъ мысли и горизонтъ жизни были крайне необширны. При такихъ условіяхъ великое общество невозможно. Что можно принять за естественныя, необходимыя узы его? съ одной стороны, количество и обширность отношеній, съ другой—масса и широта идей, посредствомъ которыхъ люди сообщаются и сносятся. Въ странѣ и эпохѣ, гдѣ нѣтъ ни отношеній, ни многочисленныхъ и обширныхъ идей, очевидно, узы великаго общества, великаго государства, невозможны. Таковъ былъ именно характеръ того времени, о которомъ мы говоримъ. Основныя условія обширнаго общества тамъ вовсе и не существовали. Маленькія общества, мѣстныя правительства, общества и правительства, соотвѣтственныя самимъ идеямъ и соціальнымъ отношеніямъ—вотъ, что одно было возможно. Дѣйствительно, это одно и успѣло основаться.

Элементы для такихъ маленькихъ обществъ и маленькихъ правительствъ вполнѣ существовали. Владѣтели бенефицій, полученныхъ ими отъ короля, или отъ раздѣленія завоеванныхъ земель, графы, герцоги, правители провинцій, были разсѣяны тамъ-и-сямъ по территоріи. Они сдѣлались естественными центрами соотвѣтствующихъ имъ обществъ. Вокругъ нихъ добровольно или насильственно соединялись изъ окрестностей жители, свободные и рабы; такимъ образомъ, сложились тѣ маленькія государства, тѣ лены, о которыхъ мы говорили выше. Въ этомъ-то и заключается главная и истинная причина распаденія имперіи Карла В. Верховная власть и нація разложились, потому что единство для нихъ было невозможно; все сдѣлалось мѣстнымъ, ибо не было ничего общаго въ интересахъ и умахъ. Законы, суды, орудія порядка, войны, тиранніи, привилегіи, все сосредоточилось на небольшихъ тирриторіяхъ, потому что ничто не могло ни управляться, ни поддерживаться въ обширныхъ размѣрахъ. Но когда это великое броженіе различныхъ соціальныхъ условій и различныхъ властей достигло своихъ предѣловъ, когда маленькія общества, зародившіяся въ ту эпоху, одѣлись въ нѣсколько правильную форму, и, худо-ли хорошо, но опредѣленную іерархическими отношеніями, соединившими ихъ, этотъ результатъ завоеванія и возрождающейся цивилизаціи получилъ названіе феодальнаго устройства. Въ концѣ X вѣка, съ прекращеніемъ рода Карловинговъ, такой переворотъ, можно сказать, былъ довершенъ: съ того времени начинается вѣкъ такъ называемой феодальной образованности.

Гизо.

Hist. de la civil. en France. II, 24 лекція.

О Гизо и его сочиненіяхъ см. выше, въ т. I. на стр. 17.—Ср. этотъ взглядъ Гизо со взглядомъ Авг. Тьерри, помѣщенномъ ниже въ статьѣ 37.

16. — Основанiе Норманскаго герцогства во Францiи. 885 г.

(Въ 1825 г.).

Между первымъ появленiемъ норманновъ у береговъ Галлiи при Карлѣ Великомъ и послѣднею ихъ высадкою при Карлѣ Простомъ прошло около ста лѣтъ. Въ этотъ промежутокъ времени совершилось распаденiе Карловой монархiи, сопровождавшееся цѣлымъ рядомъ общественныхъ бѣдствiй всякаго рода. Отъ территорiи Галлiя оторвались не только тѣ страны, которыя искони отдѣлялись отъ нея своими естественными границами, но даже и внутри ея самой произошло мелкое подраздѣленiе, вызванное различiемъ географическаго положенiя, мѣстныхъ преданiй и языка или нарѣчiй. Стремленiе къ отдѣльному политическому существованiю началось съ Бретани, независимой при первой франкской династiи и покоренной при второй: съ первой половины IX вѣка она становится отдѣльнымъ государствомъ [1]). Ею управляли свои короли, не только независимые отъ чужого владычества, но даже завоеватели, отнявшiе у внука Карла В. города Реннъ, Ваннъ и Нантъ. Пятьдесятъ лѣтъ спустя, древнее королевство визиготовъ, то-есть страны между Лоарой, Роной и Пиринеями, послѣ долгихъ, удачныхъ и неудачныхъ, сопротивленiй владычеству франковъ, составили отдѣльное цѣлое подъ названiемъ Аквитанiи, или Гвiенни; по другую же сторону Роны образовалось новое государство изъ Прованса съ присоединенiемъ южной части древняго королевства бургундовъ. Въ то же время области, прилежащiя Рейну, куда германскiя вторженiя внесли языкъ нѣмецкiй, составили отдѣльную страну отъ земель на западъ, гдѣ говорили языкомъ романскимъ. Одно промежуточное пространство, стѣсненное этими новыми государствами, то-есть земли между Лоарой, Маасомъ, Шельдой и границей бретанской, осталось королевствомъ собственно галло-франковъ. Оно занимало протяженiе прежняго Неостеррика, или Нейстрiи древнихъ франковъ; но въ IX вѣкѣ называли Нейстрiей только западную приморскую страну, а названiе Остер-рикъ, или Австразiя, прежде относившееся ко всей Германiи, незамѣтно было отнесено къ берегамъ Дуная.

Это новое королевство, настоящая колыбель нынѣшней Францiи, содержало смѣшанное народонаселенiе; частiю германское, частiю галльское, или романское: поэтому сосѣднiе народы называли его различно, соотвѣтственно тому, какъ смотрѣли на обитателей Галлiи. Итальянцы, испанцы, англичане и народы скандинавскiе видѣли тамъ только франковъ; но аллеманы, присвоивая исключительно себѣ это почетное германское имя, отказывали въ немъ своимъ западнымъ сосѣдямъ и называли ихъ валлонами, или вельсками (*Wallons ou Welsches*). Въ самой странѣ существовало также различiе: землевла-

---

[1]) При Карлѣ Лысомъ владѣтель Бретани, Номеноэ, провозгласилъ себя независимымъ королемъ.

дѣлецъ, окруженный своими вассалами и своими поселянами, исключительно занятый оружіемъ или охотой и слѣдовательно жившій по обычаю древнихъ франковъ, принималъ заимствованное изъ нарѣчія прежнихъ завоевателей названіе франка, или барона. Люди же, неимѣвшіе господскихъ владѣній, жили сплошными массами, по обычаямъ римскимъ, въ городахъ, селахъ и деревняхъ и отъ этого образа жизни назывались горожанами (*vilains*) или обывателями (manants). Были горожане слывшіе свободными, и крѣпостные; но свобода первыхъ, всегда угрожаемая и насилуемая баронами, была неопредѣленна и невѣрна. Въ такомъ положеніи существовало королевство Франція, какъ относительно своего пространства, такъ и разныхъ своихъ обитателей, когда оно подверглось великому, послѣднему вторженію скандинавскихъ пиратовъ, заключившему долгій рядъ этихъ набѣговъ завоеваніемъ цѣлой области. Для опредѣленія причинъ такого знаменитаго событія, надобно перейдти къ исторіи сѣвера.

Въ концѣ IX столѣтія, Гаральдъ Гарфагеръ, то-есть прекрасноволосый, присоединилъ силою оружія къ своему участку остальную Норвегію и сталъ королемъ надъ всею страною. Такое уничтоженіе многихъ небольшихъ независимыхъ владѣній совершилось не безъ сопротивленія: не только бились съ ожесточеніемъ за поземельное обладаніе, но и послѣ покоренія страны множество людей предпочли скорѣе покинуть родину и скитаться по морямъ, нежели повиноваться новому королю. Большая часть такихъ изгнанниковъ стала разбойничать на сѣверныхъ моряхъ грабила острова и прибрежья и возбуждала своихъ единоземцевъ къ возмущеніямъ. По этой политической причинѣ, завоеватель Норвегіи сдѣлался ожесточеннѣйшимъ врагомъ пиратовъ. Съ многочисленнымъ флотомъ, онъ преслѣдовалъ ихъ вдоль всѣхъ береговъ своего королевства и даже на водахъ Оркадскихъ и Гебридскихъ острововъ, топилъ ихъ корабли, разорялъ пристанища, занятыя ими на многихъ островахъ океана. Сверхъ того онъ запретилъ, строгими постановленіями, пиратство и всякое насиліе вооруженною рукою въ своемъ королевствѣ [1]).

Съ незапамятныхъ временъ велся между викингами (морскими королями) обычай пользоваться по всѣмъ прибрежьямъ, безъ различія странъ, правомъ поборовъ, называемымъ ими страндгугъ (*strandhug*), или сборомъ припасовъ. Когда моряки, при маломъ запасѣ у себя продовольствія, замѣчали на какомъ нибудь берегу плохо охраняемыя стада, они причаливали, вооруженной рукой захватывали животныхъ, убивали, потрошили ихъ и безплатно запасались мясомъ или платили ничтожную цѣну, по своей волѣ. Страндгугъ былъ бичомъ селеній и ужасомъ жителей. Его производили даже люди, неупражнявшіеся въ морскихъ разбояхъ, но по своему могуществу и богатству увѣренные въ безнаказанности [2]).

При дворѣ Гаральда, между ярлами, или первостепенными вождями, былъ нѣкто Ронгвальдъ, любимецъ короля, усердно ему слу-

---

[1]) Mallet, Histoire du Danemarck, t. I, p. 223.

[2]) Depping. Histoire des expeditions maritimes des Normands, II, ch. VIII, p. 57.

жившій во всѣхъ войнахъ. У Ронгвальда было много сыновей, знаменитыхъ храбростью, и изъ нихъ славнѣйшимъ былъ Рольфъ, котораго, для благозвучія свойственнаго многимъ именамъ тевтонскимъ, называли Роллой (или Роллономъ). По огромному своему росту, не находя для себя коня изъ мелкой породы лошадей своей родины, онъ всегда ходилъ пѣшкомъ и получилъ прозваніе Гангъ-Роллы (Gang-Roll), то-есть, Ролла-Ходокъ. Однажды этотъ сынъ Ронгвальда, возвращаясь со многими товарищами изъ плаванія по Балтикѣ, передъ высадкою въ Норвегію, присталъ къ Вигену и тамъ, по нуждѣ ли въ припасахъ, или желая воспользоваться случаемъ, произвелъ насильственный поборъ (strandhug). Въ тѣхъ же мѣстахъ, по случаю, находился и король Гаральдъ, которому жители принесли жалобу. Не принимая въ уваженіе личности виновника грабежа, король немедленно собралъ судейскій совѣтъ (thing), чтобъ судить Роллу по закону. Прежде нежели обвиняемый явился передъ собраніе, которому надлежало приговорить его къ изгнанію, жена Рогнвальда прибѣгла къ королю, прося пощады своему сыну: Гаральдъ остался непреклоннымъ. Тогда эта женщина, одушевленная гнѣвомъ и материнскимъ горемъ, начала говорить по вдохновенію, какъ это водилось у скандинавовъ, когда что либо ихъ сильно возбуждало. Она сказала, въ стихахъ, королю слѣдующее: „Ты изгоняешь изъ страны, какъ врага, человѣка благороднаго. Слушай же мои слова: опасенъ разъяренный волкъ—бѣда стадамъ, пасущимся близь лѣса“.

Не смотря на эти загадочныя угрозы, приговоръ состоялся, и Ролла былъ на всегда изгнанъ изъ отчизны. Онъ собралъ нѣсколько кораблей и поплылъ къ Гебридамъ. На этихъ островахъ нашли убѣжище нѣкоторые изъ скандинавовъ, покинувшихъ Норвегію вслѣдствіе завоеваній короля Гаральда. Почти всѣ они были люди родовитые и знаменитые военными подвигами. Вновь прибывшій изгнанникъ присоединился къ нимъ для участія въ морскихъ разбояхъ. Собравъ всѣ свои корабли, они составили довольно многочисленный флотъ, который управлялся не однимъ военачальникомъ, а всѣми главными товарищами. Въ числѣ ихъ Ролла пользовался только тѣмъ преимуществомъ, которое соотвѣтствовало его достоинствамъ и славному имени.

Отплывъ отъ Гебридовъ, флотъ обогнулъ сѣверную оконечность Шотландіи, направился къ юго-востоку и вошелъ въ Галлію устьемъ Шельды; но какъ эта часть страны, отъ природы бѣдная, была уже не разъ опустошаема и представляла мало для добычи, то пираты опять пустились въ море, держались на югъ, вошли въ устье Сены, и поднялись (895 г.) до Жюмьежа, въ пяти лье отъ Руана. Въ то время окончательно опредѣлились границы королевства Франціи, втѣсненной въ пространство между Лоарой и Маасомъ. Послѣ долгихъ, внутреннихъ раздоровъ за поземельныя владѣнія, настала въ этомъ королевствѣ перемѣна политическая, осуществившаяся, черезъ сто лѣтъ, низверженіемъ второй франкской династіи. Король французовъ, потомокъ Карла Великаго, названный по прадѣду также Карломъ, походилъ на своего родоначальника только именемъ. Онъ оспаривалъ тогда свою корону у соперника вовсе не королевскаго происхожденія.

Оба воюющіе вождя, король династическій и король выборный, смотря по успѣху ихъ оружія, поочередно владѣли страною; но ни тотъ, ни ни другой не былъ достаточно могущественъ для защиты страны отъ вторженія норманновъ: всѣ силы королевства напрягались, съ обѣихъ сторонъ, на междоусобную войну. Пираты, не встрѣчая противъ себя никакого войска, безпрепятственно грабили и жгли по обоимъ берегамъ Сены [1]).

Гулъ этого погрома вскорѣ достигъ Руана: жители ужаснулись, не имѣя надежды защитить городскія стѣны, частію разрушенныя еще въ прежнія нашествія, а помощи ожидать было не откуда. При этомъ общемъ унынiи, архіепископъ руанскій, человѣкъ благоразумный и твердый, для спасенія своей паствы, рѣшился вступить въ переговоры о сдачѣ города прежде перваго непріятельскаго приступа. Не смотря на ненависть сѣверныхъ язычниковъ къ христіанскому духовенству, доходившую до кровожадности, архіепископъ прибылъ въ непріятельскій станъ, находившійся близь Жюмьежа, и говорилъ съ норвежцами черезъ переводчика. Онъ такъ успѣшно работалъ словомъ и дѣломъ, столько обѣщалъ, столько давалъ, говоритъ старинный лѣтописецъ, что выхлопоталъ перемиріе съ Роллой и его товарищами: имъ былъ обезпеченъ свободный доступъ въ городъ, а они обѣщали городу безопасность. Норвежцы совершенно мирно пристали къ берегу Сены, близъ церкви св. Морена. Вожди ихъ обошли городъ по всѣмъ направленіямъ, осмотрѣли укрѣпленія, водоемы, набережныя: все имъ понравилось, и они избрали Руанъ своимъ главнымъ складочнымъ и оборонительнымъ мѣстомъ.

Принявъ во владѣніе этотъ городъ, норманскіе начальники, съ главными своими силами, опять поплыли вверхъ по Сенѣ и устроили себѣ укрѣпленный лагерь при впаденіи въ эту рѣку Эры. Здѣсь они стали выжидать приближенія шедшаго противъ нихъ французскаго войска. Король Карлъ, или Шарлъ, по романскому выговору, распоряжаясь тогда въ королевствѣ безъ соперника, рѣшился на огромное усиліе и спѣшилъ отразить нашествіе норманов. Войска, предводительствуемыя герцогомъ французскимъ Рагенольдомъ (Rahgenold), или Реньйо (Regnauld), шли вдоль Эры и стали на правомъ берегу, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ непріятельскаго лагеря. Въ числѣ графовъ, по приказанію короля, поднявшихъ знамена на битву противъ язычниковъ, былъ одинъ обращенный въ христіанство язычникъ, прежде знаменитый морской король Гастингъ. За двадцать лѣтъ назадъ, этотъ усталый искатель приключеній примирился съ королевствомъ французскимъ, получивъ въ свое управленіе графство Шартрское. На французскомъ совѣтѣ, собравшемся для разсужденій о предстоящихъ дѣйствіяхъ, былъ и Гастингъ. Спрошенный въ свою очередь, онъ подалъ совѣтъ: прежде сраженія вступить въ переговоры съ непріятелемъ. Это мнѣніе, хотя и подозрительное для нѣкоторыхъ изъ французскихъ вождей, взяло перевѣсъ, и Гастингъ, сопровождаемый двумя посланными, знавшими датскій языкъ, отправился на переговоры съ норвежцами.

---

[1]) См. о томъ ниже, въ ст. 38.

Трое уполномоченныхъ слѣдовали по теченію Эры до мѣста, противъ котораго норманское товарищество устроило свои окопы. Остановившись и возвысивъ голосъ, чтобъ быть услышаннымъ на другомъ берегу рѣки, графъ Шартрскій крикнулъ: „Гей, храбрые воины! какъ зовутъ вашего сеньйора?—У насъ нѣтъ господина, отвѣчали норманны, мы всѣ ро́вня.—Зачѣмъ же вы прибыли въ эту страну и что́ вы хотите?—Хотимъ покорить себѣ жителей и землю. А ты кто, ты, хорошо говорящій по-нашему“? Графъ продолжалъ: „Слыхали ли вы о славномъ морскомъ королѣ Гастингѣ, воевавшемъ это королевство и объѣзжавшемъ моря на многихъ коробляхъ?—Конечно, слыхали, сказали норманны. Гастингъ началъ хорошо, а кончилъ худо.—Не хотите ли вы покориться королю Карлу, за вашу службу и вѣрность онъ наградитъ васъ почестями и владѣніями?—Нисколько, нисколько! Мы не хотимъ покоряться никому, а что́ завоюемъ, то будетъ наше. Ступай. Можешь пересказать это королю“.

Гастингъ возвратился съ этимъ отвѣтомъ и въ послѣдовавшемъ за тѣмъ совѣщаніи совѣтовалъ не предпринимать нападенія на окопы язычниковъ. „Вотъ совѣтъ предателя“! крикнулъ сеньоръ Ролланъ; а за нимъ повторили тоже и многіе другіе. Старый морской король, по чувству ли негодованія за оскорбленіе, или по безмолвному сознанію въ своей неправости, немедленно покинулъ не только войско, но и свое Шартрское графство, и удалился неизвѣстно куда. Но предусмотрительность его оправдалась: при нападеніи на укрѣпленный лагерь, войска были совершенно разбиты, а герцогъ Франціи убитъ рыбакомъ изъ Руана, сражавшимся за норвежцевъ.

Ролла и его товарищи открыли себѣ этою побѣдою свободное плаваніе вверхъ по Сенѣ, достигли Парижа и осадили этотъ городъ, но не могли его взять. Одинъ изъ главныхъ ихъ вождей былъ захваченъ осажденными, остальные, чтобъ его, выручить заключили съ королемъ Шарлемъ перемиріе на годъ и отправились на грабежъ сѣверныхъ областей, не принадлежавшихъ уже Франціи. Къ концу перемирія (900 г.) они поспѣшили возвратиться въ Руанъ и оттуда пустились къ Байё, внезапно взяли этотъ городъ, убили въ немъ графа и часть жителей. Этотъ графъ, по имени Беранжеръ, имѣлъ прекрасную дочь, которая, при раздѣлѣ добычи, досталась Роллѣ. Скандинавъ взялъ ее себѣ въ жены, по обрядамъ своей вѣры и закону своей отчизны.

Эврэ и многіе другіе окрестные города были также захвачены норманнами, которые такимъ-образомъ распространили свое владычество на бо̀льшую часть территоріи, называвшейся тогда стариннымъ именемъ Нейстріи. Руководимые нѣкоторымъ политическимъ здравымъ смысломъ, норвежцы переставали разбойничать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ уже не встрѣчали сопротивленія, и начали довольствоваться правильною данью съ городовъ и селеній. По тому же здравому смыслу, они рѣшились подчиниться верховному начальнику, облеченному постоянною властью; выборъ товарищества палъ на Роллу, котораго они сдѣлали своимъ королемъ, говоритъ древній лѣтописецъ; но этотъ титулъ, данный ему, вѣроятно, на сѣверномъ нарѣчіи, вскорѣ замѣненъ былъ французскими титулами дюка (гер-

цога) или конта (графа). Хотя новый герцогъ былъ язычникъ, но полюбился туземцамъ. Прежде они проклинали его за разбои, а потомъ стали любить, какъ покровителя, охранявшаго ихъ и отъ новыхъ нападеній съ моря, и отъ бѣдствій междоусобной войны, опустошавшей остальную Францію [1]).

Основавъ отдѣльное территоріальное владѣніе, норманны стали продолжать войну противъ французовъ еще съ большею послѣдовательностью. Они соединились съ другими скандинавами, вѣроятно датскаго происхожденія, завладѣвшими устьями Лоары, и положили одновременно разграбить всю страну между Сеной и Лоарой: опустошеніе простерлось даже въ Бургундію и Овернь. Парижъ вторично осажденный норманнами, отбился такъ же, какъ Шартръ, Дижонъ и другія укрѣпленныя мѣста; но множество городовъ открытыхъ были разграблены и даже истреблены. Наконецъ, въ 912 году, шестнадцать лѣтъ послѣ занятія Руана, французы всѣхъ сословій, измученные непрерывными нападеніями норманновъ, начали требовать, чтобъ война эта была кончена, во что бы то ни стало. Епископы, графы и бароны указывали королю на эту необходимость; горожане и поселяне, при проѣздахъ короля, вопили о мирѣ. Старинный писатель сохранилъ намъ выраженія народнаго ропота: „Что̀ теперь видимъ повсюду? Разоренныя церкви, убитыхъ людей. По слабости короля, норманны дѣлаютъ во Франціи что̀ хотятъ; отъ Блуа до Санлиса нѣтъ десятины хлѣбнаго посѣва, и никто не смѣетъ работать ни на пашнѣ, ни въ виноградникахъ. Если не покончится война, будетъ дороговизна и голодъ“. Король Шарль, по прозванію Простой, или Глупый [2]) которому исторія сохранила первое прозвище, имѣлъ на этотъ разъ столько ума, что послушался народнаго голоса. Можетъ быть, уступая этому общему желанію, онъ имѣлъ и политическій разсчетъ искать мира и союза съ норманнами, чтобы найдти въ нихъ опору противъ своихъ тайныхъ враговъ, желавшихъ его низложенія съ престола. Онъ позвалъ на великое собраніе своихъ бароновъ и епископовъ и, по обычаю того времени, просилъ у нихъ помощи и совѣта. Всѣ рѣшили заключить перемиріе и вести переговоры о мирѣ (912 г.).

Архіепископъ руанскій былъ способнѣйшимъ человѣкомъ для устройства этого дѣла: не смотря на разность вѣры, онъ имѣлъ на Роллу вліяніе, въ родѣ того, какое имѣли епископы V вѣка на завоевателей имперіи. Послѣ норманскаго вторженія, онъ не прекращалъ своихъ сношеній съ другими епископами и баронами Франціи; можетъ быть онъ даже участвовалъ въ ихъ совѣщаніяхъ. Во всякомъ случаѣ, онъ охотно принялъ на себя передачу мирныхъ предложеній. Поэтому онъ пришелъ къ Рогнвальдову сыну и сказалъ ему: „Король Карлъ предлагаетъ тебѣ въ супружество свою дочь и наслѣдственное владычество во всей странѣ, отъ рѣки Эпты до Бретани, съ условіемъ, чтобы ты принялъ христіанскую вѣру и миръ съ Франціею“.

---

[1]) См. ниже, въ ст. 38.

[2]) Carolus *simplex*, sive *stultus*. Script. rer. gallic. et francic. t. IX, p. 22.

На этотъ разъ норманнъ не сказалъ: „Не хотимъ покоряться никому“; другія мысли, другія желанія родились въ немъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ управлять уже не толпой разбойниковъ, а обширною страною. Христіанство, внѣ котораго Ролла не могъ быть равнымъ знатнѣйшимъ владѣльцамъ во Франціи, перестало быть ему ненавистнымъ; а большинство его товарищей, живя между христіанами, утратили свой языческій фанатизмъ. Ролла считалъ себя въ правѣ вступить въ новый бракъ, и выслать отъ себя жену, взятую по обычаямъ и обрядамъ языческимъ: „Рѣчи короля хороши“, сказалъ онъ архіепископу, „но земля, предлагаемая имъ мнѣ, недостаточна; она обѣднѣла и не обработана; людямъ моимъ, послѣ мира, нечѣмъ будетъ жить“. Архіепископъ передалъ отвѣтъ королю, который поручилъ ему предложить Роллѣ и Фландрію, хотя на эту страну самъ Карлъ имѣлъ только оспариваемое притязаніе. Норманнъ не принялъ и этого предложенія, отзываясь, что Фландрія земля плохая, полная грязи и болотъ. Тогда, не зная, что бы еще придать, Шарль-Простой велѣлъ сказать, что даетъ еще въ удѣлъ Бретань въ соединеніи съ Нейстріею; это предложеніе было подобно предъидущему, потому что Бретань была государство независимое: короли Франціи могли присвоивать себѣ право господства только за графство Реннское, отвоеванное у нихъ за полстолѣтія властителями Бретани. Но Ролла не обратилъ на это вниманія и принялъ предложеніе, какъ-бы не замѣчая, что ему передаютъ въ наслѣдство давнишнюю распрю.

Король Франціи и начальникъ норманновъ прибыли въ селеніе Сенк-Клеръ, на Эптѣ, для торжественнаго утвержденія договора. Каждаго изъ нихъ сопровождала многочисленная свита. Французы поставили свои шатры по одну сторону рѣки, а норманны по другую. Въ назначенное время Ролла подошелъ къ королю, положилъ обѣ свои руки въ его руки и, стоя, произнесъ обычныя слова: „Отнынѣ я вашъ *человѣкъ* и клянусь вѣрно охранять вашу жизнь, ваше тѣло и вашу королевскую честь“. Потомъ король и его бароны почтили норманскаго вождя титуломъ графа и поклялись въ неприкосновенности его жизни, тѣла, чести и всей его области, означенной въ мирномъ договорѣ.

Торжество казалось оконченнымъ, и новый графъ хотѣлъ уже удалиться, когда французы сказали ему: „Прилично получающему такіе дары преклонить колѣни предъ королемъ и поцѣловать ему ногу“. Норманнъ отвѣчалъ: „Никогда, ни передъ какимъ человѣкомъ не преклоню колѣна и не поцѣлую ноги никакому человѣку“. Бароны настаивали на исполненіи этого обряда, бывшаго въ употребленіи еще при дворѣ франкскихъ императоровъ, и Ролла съ лукавой простотой велѣлъ одному изъ своихъ людей подойти и поцѣловать, вмѣсто него, ногу короля. Норвежскій воинъ подошелъ, нагнулся, не склоняя колѣна, взялъ короля за ногу и поднялъ ее для цѣлованія такъ высоко, что Карлъ-Простой опрокинулся и упалъ. Непривычные къ условіямъ вѣжливости, пираты разразились громкимъ хохотомъ. Настало кратковременное смятеніе; но дальнѣйшихъ дурныхъ послѣдствій этого страннаго происшествія не было.

Остались къ выполненію двѣ статьи договора: обращеніе въ христіанство новаго графа или герцога Нормандіи и женитьба его на дочери короля; согласились совершить это двойное торжество въ Руанѣ, и многіе французскіе бароны проводили туда невѣсту. Послѣ непродолжительнаго ученія, сынъ Рогнвальда былъ крещенъ архіепископомъ и съ совершенною покорностью принялъ его наставленія. Потомъ неофитъ, то-есть новокрещенный, спрашивалъ о церквахъ и святыхъ, наиболѣе чтимыхъ въ новыхъ его владѣніяхъ. Архіепископъ назвалъ ему шесть церквей и трехъ святыхъ, Богоматерь, святаго Михаила и святаго Петра. „А кто наисильнѣйшій покровитель изъ святыхъ по сосѣдству“? спросилъ герцогъ. „Святой Діонисій“, отвѣчалъ архіепископъ. „Ну, такъ прежде раздѣла земель между моими сотоварищами, я дамъ части Богу, Пресвятой Маріи и другимъ святымъ, тобою мнѣ названнымъ“. Дѣйствительно, нося семь дней бѣлую одежду новокрещеннаго, Ролла ежедневно дарилъ, по очереди, каждой изъ названныхъ ему церквей поземельное владѣніе. Потомъ, надѣвъ свое обыкновенное платье, онъ занялся дѣлами политическими и общимъ раздѣломъ Нормандіи между норвежскими пришельцами.

Земли были разбиты по шнуру, говорятъ древніе лѣтописцы: этимъ способомъ обыкновенно измѣрялась поземельная собственность въ Скандинавіи. Всѣ земли, обработанныя и пустопорожнія, за исключеніемъ владѣній церковныхъ, были раздѣлены вновь, безъ всякаго вниманія къ правамъ туземцевъ. Товарищи Роллы, начальники и простые воины, смотря по чину каждаго, сдѣлались владѣтелями городовъ и селеній, властителями-собственниками большихъ и малыхъ имѣній. Прежніе владѣльцы были вынуждены подчиняться волѣ новопришельцевъ, уступить имъ, по ихъ требованіямъ, свои владѣнія и нанимать у нихъ собственныя свои имѣнія или пользоваться ими подъ условіемъ подданства. Поэтому работники, составлявшіе принадлежность имѣній, подпали власти новыхъ господъ, и многіе изъ прежде свободныхъ людей стали крѣпостными. Съ новымъ распредѣленіемъ поземельной собственности возникли новыя географическія названія. Многія имѣнія означались по собственнымъ именамъ скандинавскихъ завоевателей, которымъ они достались въ удѣлъ. Хотя состояніе мастеровыхъ людей и земледѣльцевъ было почти одинаково какъ во Франціи, такъ и въ Нормандіи, однакожъ надежда на большую безопасность и обновленіе общественной жизни, обыкновенно сопровождающее образованіе новаго государства, привлекли въ Нормандію много ремесленниковъ и земледѣльцевъ, желавшихъ тамъ устроиться, подъ покровительствомъ и управленіемъ герцога Роллы. Имя его, произносившееся по-французски Ру, пріобрѣло народную извѣстность во Франціи. Онъ слылъ за величайшаго недруга воровъ и за правосуднѣйшаго владѣтеля тогдашняго времени.

Большая часть норвежцевъ, слѣдуя примѣру своего вождя, охотно приняла крещеніе; а другая часть на это не рѣшилась и предпочла остаться при обычаяхъ своихъ предковъ. Эти староверы соединились вмѣстѣ, чтобъ составить отдѣльную колонію, и основались близь Байё. Можетъ быть ихъ привлекали туда нравы и языкъ оби-

тателей Байё, происходившихъ отъ саксовъ и въ X вѣкѣ еще говорившихъ нарѣчіемъ германскимъ. Въ этой части Нормандіи, норвежскій говоръ, мало отличаясь отъ туземнаго, слился съ нимъ въ одинъ языкъ, понятный датчанамъ и другимъ скандинавамъ. Когда, послѣ нѣскольких поколѣній, норманскіе бароны Бессина и Котентина, увлекаемые общимъ примѣромъ, склонились къ христіанству, въ нихъ еще были замѣтны признаки скандинавскаго направленія. Между всѣми владѣльцами и рыцарями Нормандіи они отличались особеннымъ буйствомъ и почти постоянною враждебностью къ правленію герцоговъ; нѣкоторые изъ нихъ долго сохраняли на своемъ оружіѣ языческіе девизы и противопоставляли норманскому боевому возгласу: *Помоги Боже!* древній воинскій крикъ скандинавовъ: *Торъ, помоги!*

Миръ между французами и норманнами былъ непродолжителенъ: послѣдніе искусно воспользовались тогдашними обстоятельствами, чтобъ распространить свои владѣнія на востокъ, почти до впаденія Оазы въ Сену; къ сѣверу земли ихъ ограничивались рѣчкой Брель, а на юго-западъ рѣчкой Коэнонъ. Всѣхъ жителей этихъ странъ французы и иноземцы называли норманнами, тогда какъ датчане и норвежцы отличали этимъ почетнымъ для нихъ названіемъ только тѣхъ людей изъ народонаселенія, которые дѣйствительно по имени и языку были норманнами. Эта по числу меньшая часть населенія пользовалась въ отношеніи къ другой, большей части туземцевъ и переселенцевъ изъ другихъ частей Галліи, тѣми же правами, какими обладали потомки франковъ въ отношеніи къ потомкамъ галловъ. Въ Нормандіи простое названіе: норманнъ—было уже знакомъ благородства: это названіе означало свободу и могущество, а также право взимать дань съ горожанъ и земледѣльцевъ.

Всѣ настоящіе норманны были равны въ правахъ гражданскихъ, хотя и отличались между собою военными степенями и должностями политическими. Они могли быть облагаемы сборами только по собственному ихъ согласію, были свободны отъ подорожныхъ уплатъ за провозъ принадлежащихъ имъ произведеній и за сплавъ ихъ судовъ по рѣкамъ; всѣ они пользовались правомъ охоты и рыбной ловли, исключительно передъ всѣмъ туземнымъ населеніемъ. Хотя дворъ норманскихъ герцоговъ былъ образованъ по примѣру двора королей французскихъ, однакожъ въ первоначальный составъ его не входило духовенство, даже высшее, потому что оно было французскаго происхожденія; позже, когда значительное число лицъ норвежскаго или датскаго племени вступило въ монашество, въ самыхъ монастыряхъ существовали нѣкоторыя преимущества въ положеніи этихъ лицъ противъ прочихъ духовныхъ.

Подобныя же преимущества, еще болѣе значительныя въ быту политическомъ и гражданскомъ, крайне были обременительны для стариннаго населенія страны. Послѣдствіемъ было то, что, спустя менѣе столѣтія по образованіи новаго герцогства, это угнетенное населеніе задумало уничтожить неравенство племенъ, съ тѣмъ, чтобъ страна Нормандія, нося одно это названіе, была обитаема и однимъ народомъ. Такой замыселъ обнаружился при Рикгартѣ, или Ричардѣ II,

третьемъ преемникѣ Роллы. Во всѣхъ округахъ Нормандіи жители селъ и деревень, по вечерамъ, съ окончаніемъ дневныхъ трудовъ, начали собираться между собою и толковать о своемъ бѣдственномъ положеніи. На эти сходки являлось по двадцати, тридцати или по сту человѣкъ. Часто они собирались въ кружки, чтобъ слушать, какого нибудь разсказчика, который своими пылкими рѣчами одушевлялъ ихъ противъ господъ ихъ страны, контовъ, виконтовъ, бароновъ и рыцарей. Древнія лѣтописи въ стихахъ представляютъ намъ сильно и живо сущность этихъ рѣчей:

„Господа дѣлаютъ намъ только зло; отъ нихъ не добиться ни толку, ни справедливости; они владѣютъ всѣмъ, берутъ все, поѣдаютъ все, и заставляютъ насъ жить въ бѣдности и страданіяхъ. Ежедневно мы въ тяжкихъ работахъ и ничѣмъ не пользуемся за наши труды: такъ много на насъ повинностей, оброковъ, барщины. Зачѣмъ дозволяемъ мы такъ поступать съ нами? Свергнемъ ихъ власть—мы такіе же люди, какъ они: у насъ такое же тѣло, такой же ростъ, тѣ же силы для перенесенія страданій, и на каждаго изъ нихъ насъ по сотнѣ. Поклянемся защищать другъ друга, соединимся между собою, и тогда никакой человѣкъ не станетъ владѣть нами; не будетъ съ насъ поборовъ, намъ можно будетъ рубить деревья, ловить дичь и рыбу; лѣса, луга и воды будутъ въ нашей волѣ“.

Это воззваніе къ естественному праву и силѣ большинства увлекло народонаселеніе, и многіе жители деревень поклялись другъ другу во взаимной поддержкѣ и помощи противъ кого бы то ни было. Обширная ассоціація взаимной защиты распространилась по всѣмъ селеніямъ и совокупила если не всю массу обитателей, то по крайней мѣрѣ земледѣльческое сословіе туземнаго населенія. Согласившіеся дѣлились на частные кружки, которые тогдашній историкъ называетъ сходбищами (конвентикулами, *conventicules*). Въ каждомъ графствѣ было по кружку и болѣе, и каждая изъ этихъ сходокъ выбирала нѣкоторыхъ изъ своихъ членовъ для составленія общаго или высшаго собранія. Это послѣднее собраніе должно было готовить и устроивать по всей странѣ средства къ сопротивленію и освобожденію; оно посылало изъ округа въ округъ, изъ деревни въ деревню, людей смышленныхъ и краснорѣчивыхъ, для привлеченія жителей къ соглашенію, для принятія ихъ клятвъ и занесенія ихъ именъ въ списки.

Въ такомъ положеніи было дѣло, когда при дворѣ нормандскомъ стало извѣстно, что по всей странѣ горожане составляютъ сходки и вступаютъ въ клятвенныя соглашенія. Норманны сильно встревожились: имъ предстояла потеря правъ и доходовъ съ своихъ имѣній. Герцогъ Ричардъ, по молодости лѣтъ, не могъ еще дѣйствовать самостоятельно: онъ послалъ за своимъ дядей Раулемъ, графомъ Эврэ, которому вполнѣ довѣрялъ. „Сиръ“, сказалъ ему графъ, „будьте покойны и предоставьте мнѣ этихъ мужиковъ: не трогайтесь сами съ мѣста, но пришлите мнѣ всѣхъ вашихъ рыцарей и другихъ вооруженныхъ людей“.

Чтобъ захватить главныхъ руководителей возникавшаго товарищества, графъ Рауль послалъ въ разныя мѣста ловкихъ сыщиковъ,

приказавъ имъ въ особенности разузнавать о времени и мѣстѣ собранія центральнаго круга. По доставленнымъ ими свѣдѣніямъ, онъ направилъ туда войска и захватилъ выборныхъ, нѣкоторыхъ во время бывшаго совѣщанія, а другихъ тогда, какъ они принимали по деревнямъ клятвы вновь вступавшихъ въ товарищество. По разсчету или по злобѣ, графъ поступилъ чрезвычайно жестоко съ своими плѣнниками. Безъ суда и даже безъ розыска, онъ подвергъ ихъ увѣчьямъ и ужаснѣйшимъ мученіямъ, инымъ выкололъ глаза, отрубилъ руки или ноги, выжегъ подколѣнки, другихъ сажалъ на колья, отливалъ растопленнымъ свинцомъ. Для распространенія ужаса, несчастныхъ, переживших эти истязанія, показывали по деревнямъ, а потомъ отправляли къ ихъ семействамъ. Страхъ казней превозмогъ желаніе улучшеній и свободы; общественная ассоціація рушилась; совѣщанія прекратились, и печальное безмолвіе надолго распространилось по странѣ.

Въ то время (X вѣкъ) разница нарѣчій, сначала отдѣлявшая завоевателей отъ туземцевъ Нормандіи, почти уже не существовала: скандинавъ отличался отъ галло-франка только родословной. Даже въ Руанѣ, въ самомъ дворцѣ наслѣдниковъ Роллы, въ началѣ IX вѣка говорили на одномъ языкѣ—романскомъ, или французскомъ. Исключеніе составлялъ городъ Байё: тамошнее нарѣчіе, слившееся съ саксонскимъ и норвежскимъ, было понятно скандинавамъ. Поэтому, когда новые выходцы съ сѣвера прибывали къ своимъ единокровнымъ въ Нормандію, для участія въ поземельномъ владѣніи, то преимущественно направлялись къ сторонѣ Байё. Если вѣрить старинному лѣтописцу, герцоги Нормандіи посылали туда же своихъ дѣтей учиться и говорить по-датски. Датчане и норвежцы поддерживали съ Нормандіею дружескія сношенія до тѣхъ поръ, пока сходство языка напоминало имъ древнее, кровное братство съ тамошними норманнами. Много разъ во время войнъ первыхъ герцоговъ противъ французовъ короли-язычники приплывали изъ Норвегіи и Даніи, съ сильными войсками язычниковъ, на помощь этимъ герцогамъ-христіанамъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ романское нарѣчіе стало общеупотребительнымъ въ Нормандіи, скандинавы природные перестали смотрѣть на нормандцевъ, какъ на своихъ естественныхъ союзниковъ; они даже не давали имъ болѣе имени норманновъ, и называли французами, романами или вельсками, наряду со всѣми прочими обитателями Галліи.

Авг. Тьерри.

Hist. de la conquête de l'Angiet. par les Normands.
Par. 1856. I, 134—156 стр.

Объ Авг. Тьерри и его сочиненіяхъ см. въ томѣ I, на стр. 450 и 502.—Его „Исторія завоеванія Англіи норманнами“ переведена на русскій языкъ въ трехъ частяхъ. Спб. 1859 г. Изъ этого перевода заимствованъ нами вышеприведенный отрывокъ съ исправленіемъ нѣкоторыхъ погрѣшностей.

17.—Осада парижской башни Шателе норманнами. 887 г.

(Въ 897 г.).

О, Лутеція (н. Парижъ), раскинувшаяся среди водъ Сены, въ центрѣ богатаго королевства франковъ! Ты провозгласила сама себя великимъ городомъ, сказавъ: „Я, какъ царица, сіяю среди прочихъ городовъ“ [1]). Въ самомъ дѣлѣ, ты поражаешь взоры всѣхъ своими вратами, изъ которыхъ одни прекраснѣе другихъ. Ты приводишь въ отчаяніе всякаго, кто смотритъ жадно на богатства франковъ; ты владѣешь чуднымъ островомъ (н. Cité, центръ Парижа, лежитъ на островѣ, образованномъ рукавами Сены); рѣка обтекаетъ твои стѣны; она держитъ тебя въ своихъ объятіяхъ, и ея кроткія волны текутъ подъ мостами, которые идутъ отъ тебя справа и слѣва; по краямъ этихъ мостовъ, надъ рѣкою, высятся башни, охраняющія тебя. Повѣдай же мнѣ сама, о, гордая Лутеція, какими гробницами не усѣяли тебя да́ны (т.-е. норманны), это племя дружественное Плутону, когда божій святитель, великій и достолюбезный Гоццелинъ (тогдашній архіепископъ Парижа), твой благодѣтельный пастырь, управлялъ твоею церковью!.....

Кровь твоя пролита этими варварами, приплывшими на семи стахъ парусныхъ корабляхъ и прочихъ маленькихъ ладьяхъ, многочисленныхъ до того, что нельзя ихъ и счесть; народъ называетъ ихъ барками. Поверхность глубокихъ водъ Сены до того покрыта ими, что ея волны исчезли подъ ихъ судами на пространствѣ болѣе двухъ миль; съ удивленіемъ ищутъ, въ какой трущобѣ спряталась рѣка; нигдѣ она не показывается: промокшая сосна, мокрая ива покрывали совершенно поверхность рѣки.

На слѣдующій день, послѣ того какъ тѣ корабли коснулись подножія города, къ преславному пастырю Лутеціи, въ его дворецъ, явился Сигфридъ [2]), король, но только по имени; впрочемъ онъ предводительствовалъ своими сподвижниками. Склонивъ главу предъ первосвятителемъ, онъ заговорилъ такъ: „Гоццелинъ, сжалься надъ собою и надъ своею паствою; если ты не хочешь погибнуть, умоляемъ тебя, преклони свой слухъ благосклонно къ нашимъ просьбамъ. Позволь намъ только пройти чрезъ этотъ городъ; мы его не тронемъ и постараемся сохранить имущество твое и Одо“ (онъ былъ только графомъ Парижа, а впослѣдствіи — съ 888—королемъ Франціи).

---

[1]) Такія восторженныя рѣчи понятны въ устахъ поэта и приверженца новаго короля Одо, родоначальника Капетинговъ, сдѣлавшаго въ первый разъ Парижъ, котораго онъ былъ прежде графомъ, центромъ новаго королевства, послѣ распаденія Карловой монархіи; при Карловингахъ Парижъ не игралъ никакой роли.

[2]) Сигфридъ былъ товарищъ Готфрида; Карлъ III поселилъ ихъ въ Фрисландіи и обратилъ въ христіанство. Объясненіе причинъ нападенія Сигфрида на Парижъ для того, чтобы проникнуть въ Лотарингію, см. выше хрон. Регино, въ ст. 14-й „Время Карла III Толстаго и распад. Карлов. монархіи“.

Этому Одо, уважаемому всѣми графу, будущему королю, сдѣлавшемуся вскорѣ отцомъ государства, было поручено тогда охраненіе Лутеціи. Но пастырь божій отвѣчалъ Сигфриду словами, дышавшими полною преданностью: „Этотъ городъ врученъ нашему охраненію императоромъ Карломъ (т-е. Ш, Толстымъ); онъ, послѣ Бога, король и повелитель всѣхъ странъ на землѣ, держитъ въ своей власти почти весь міръ. Онъ отдалъ намъ Лутецію не для того, чтобы она причинила погибель всему королевству, но чтобы спасла его и обезпечила ему безопасность; представь, что защита этихъ стѣнъ была бы поручена тебѣ, какъ она теперь поручена мнѣ, и скажи, сдѣлалъ-ли бы ты то, что считаешь справедливымъ требовать отъ меня, и какъ бы ты поступилъ“? — „Еслибы я это сдѣлалъ, возразилъ ему Сигфридъ, то пусть моя голова погибнетъ отъ меча и послужитъ пищею псамъ! Но все же, если ты не уступишь нашимъ просьбамъ, то съ восходомъ солнца мои воины забросаютъ тебя своими стрѣлами и дротиками, напоенными ядомъ; когда же свѣтило закатится, они предадутъ тебя всѣмъ ужасамъ голодной смерти; и это будетъ повторяться каждый годъ“.

Такъ онъ сказалъ, ушелъ и началъ торопить своихъ сподвижниковъ. Едва занялась заря, какъ этотъ вождь повелъ свое войско на битву. Всѣ они бросаются съ своихъ кораблей, бѣгутъ къ башнѣ (Châtelet [1]), главная башня изъ укрѣпленій тогдашняго Парижа, древней римской постройки), колеблютъ ее жестоко до основанія учащенными ударами и осыпаютъ градомъ стрѣлъ. Городъ оглашается криками; жители стремятся со всѣхъ сторонъ; мосты дрожатъ подъ ихъ шагами; все бѣжитъ и торопится на защиту башни. Между ними отличаются своимъ мужествомъ графъ Одо, братъ его Робертъ и графъ Рагнаръ; тутъ же и храбрый аббатъ Эббль, племянникъ епископа. Самъ же епископъ слегка раненъ: его коснулась острая стрѣла; Фридрихъ, его оруженосецъ, юноша, цвѣтущій лѣтами, пораженъ мечемъ; юный воинъ погибъ, а старецъ, исцѣленный рукою Бога, возвращаетъ свое здоровье. Для многихъ изъ нашихъ это былъ послѣдній день; но и они, съ своей стороны, нанесли врагу жестокія раны. Наконецъ наши отступили, погубивъ тьму дановъ, у которыхъ едва сохранились признаки жизни....... Отъ прежней цѣльной башни почти ничего не осталось; уцѣлѣлъ одинъ крѣпко сложенный фундаментъ и нижніе зубцы: но въ ночь, послѣдовавшую за битвой, эта башня, обложенная вокругъ здоровыми бревнами, поднялась еще выше, и на старомъ укрѣпленіи, такъ сказать, возникла новая деревянная крѣпость, въ полтора раза выше прежней. Такимъ образомъ, солнце, а вмѣстѣ съ нимъ и даны, могли на слѣдующій день привѣтствовать новую башню. Снова они даютъ жестокую и кровавую битву невѣрнымъ. Со всѣхъ сторонъ падаютъ стрѣлы, струится кровь; на воздухѣ сталкиваются камни, пущенные изъ праща, и ихъ удары перемѣшиваются съ ударами копій. Между небомъ и землей только и видны, что стрѣлы да камни. Башня, дитя ночи, стонетъ, пронзаемая дротиками; я говорю: *дитя ночи*,

---

[1]) На правомъ берегу Сены, нынѣ площадь съ новымъ театромъ того-же имени.

потому что, какъ я выше сказалъ, она была выстроена въ одну ночь. Городъ въ ужасѣ: жители громко кричатъ; звуки роговъ призываютъ ихъ поспѣшить на защиту колеблющейся башни. Христіане бьются и усиливаются отстоять ее оружіемъ. Между нашими воинами отличаются особенно двое, превосходя своимъ мужествомъ прочихъ: одинъ графъ, а другой—аббатъ. Первый, побѣдоносный Одо, не испытавшій пораженія ни въ одномъ бою, воодушевляетъ своихъ и поддерживаетъ ихъ истощенныя силы; онъ ходитъ безпрестанно по башнѣ и поражаетъ врага. А врагъ старается покачнуть башню при помощи подкоповъ; но Одо льетъ на осаждающихъ масло, перемѣшанное съ воскомъ и горохомъ; масло льется на нихъ огненнымъ ручьемъ, пожираетъ, жжетъ и палитъ волоса на головѣ дановъ; многіе изъ нихъ погибли, а другіе ищутъ спасенія въ волнахъ рѣки. Наши же кричатъ имъ всѣ въ одинъ голосъ: „Бѣдные погорѣлые, бѣгите въ Сену; пусть она вамъ выраститъ новые волоса, лучше причесанные". Храбрый Одо истребилъ огромное число этихъ варваровъ.

Второй же изъ нашихъ героевъ, кто онъ? Это—аббатъ Эббль, сподвижникъ Одо и соперникъ его въ храбрости. Однимъ ударомъ копья онъ нанизалъ на него вмѣстѣ семь дановъ, и приказалъ, для шутки, такъ и снести ихъ на копьѣ въ кухню. Никто не смѣетъ опередить этихъ героевъ во время битвы, никто не смѣетъ приблизиться къ нимъ, ни стать рядомъ; но и другіе равно презираютъ смертью и храбро дерутся. Впрочемъ, что можно сдѣлать съ каплей воды противъ тысячи огней? Вѣрные, при всей своей храбрости, сражались въ числѣ едва двухъ-сотъ человѣкъ, а непріятелей доходило до сорока-тысячъ, и притомъ ихъ всегда оставалось сорокъ-тысячъ, такъ-какъ при нападеніи на башню новые смѣняли прежнихъ.

Монахъ Аббонъ.

De bellis Parisiacae urbis adversus
Normannos libri III.

Аббонъ, монахъ С. Жерменскаго монастыря въ Парижѣ (Abbo, monachus S. Germani a Pratis; ум. 825 г.), былъ очевидцемъ осады Парижа норманнами и описалъ ее въ трехъ книгахъ подъ заглавіемъ: „О войнѣ города Парижа съ норманнами". Предшествовавшія обстоятельства этой знаменитой осады см. выше, въ хроникѣ Регино, стат. 14. Современные историки придавали ей огромное значеніе, какъ событію, оправдывавшему право на королевскій престолъ новой династіи Капетинговъ: ихъ родственникъ Одо игралъ въ исторіи осады главную роль. *Изданія* и *переводы*: Taranne, Le siége de Paris par les Normands en 885 et 886, poëme d'Abbon, avec la traduction en regard et des notes. Par. 1834; Guisot, Coll. VI.

18.—О характерѣ религіи Одина.

(Въ 1835 г.).

Религія сѣвера — происхожденія азіатскаго. Новѣйшія научныя изслѣдованія, касательно религіозныхъ древностей сѣверныхъ народовъ, а также—индѣйцевъ и персовъ, выставили наконецъ въ полномъ свѣтѣ ту важную истину, на слѣдъ которой нападали уже съ давняго времени; такъ что въ настоящее время не подлежитъ уже никакому сомнѣнію, что миѳологія Одина служитъ отдаленнымъ отголоскомъ ученыхъ миѳологій востока. Но, хотя основа этой миѳологіи—неоспоримо азіатская, за то ея форма, переиначенная вслѣдствіе продолжительной ея отчужденности отъ своего первоначальнаго источника, а также видоизмѣненій, зависящихъ отъ особенностей народнаго духа, перемѣнъ мѣстопребыванія и особливыхъ историческихъ событій,—носитъ на себѣ отпечатокъ совершенно сѣверной, первобытной оригинальности. Нужно сказать еще, что эта религія неизвѣстна намъ въ формѣ какой-нибудь послѣдовательной системы, и для того, чтобы понять ее, нужно составить новую метафизику на основаніи тѣхъ разсказовъ и пѣсней, въ которыхъ черты метафизичности почти совершенно изглажены чрезмѣрнымъ обиліемъ поэтическихъ символовъ, и отъ которыхъ уцѣлѣли одни отрывки. Эти памятники, быть можетъ, не воспроизводятъ скандинавскихъ вѣрованій въ такомъ точно видѣ, какъ они напечатлѣлись въ народномъ духѣ, но, извѣстное дѣло, что здѣсь, какъ и у всѣхъ народовъ, нужно предварительно пробить миѳическую оболочку для того, чтобы проникнуть въ первоначальную мысль основателей религіи.

Эдда, составленная Снорро, [1]) и заключающая въ себѣ подлинный обзоръ преданій, которыхъ въ первоначальномъ текстѣ мы имѣемъ очень незначительное число, — будетъ главнымъ нашимъ руководителемъ въ предпринятомъ нами очеркѣ... Мы не станемъ при этомъ входить въ подробности касательно генеалогіи и аттрибутовъ различныхъ божествъ скандинавскаго неба. Подобно тому, какъ и въ греческомъ Олимпѣ, Снорро насчитываетъ между ними двѣнадцать главныхъ.

Эти божества служатъ олицетвореніями различныхъ силъ и свойствъ физической и нравственной природы, въ аналогіи съ тѣмъ, что встрѣчается во всѣхъ миѳологіяхъ.

Первый сынъ верховнаго божества *Одина*, *Торъ*, является богомъ войны; второй сынъ его, *Бальдеръ* — богъ благости и милосердія; *Брагъ*—отличается краснорѣчіемъ; *Тиръ*—воинскою мудростію; *Одеръ* —богатствомъ; *Ніордъ*, изъ рода гигантовъ, но воспитывавшійся во время своего дѣтства у Одина, завѣдуетъ моремъ; отъ него возникли— богъ дождя *Фрей* и богиня любви *Фрейя*, которую не должно смѣ-

---

[1]) См. ниже у насъ, въ ст. 20, переводъ текста изъ Эдды Снорро Стурлезона.

шивать съ *Фригою*, бывшей въ замужествѣ за Одиномъ и почитавшейся богиней земли (германская Herta). Изъ прочихъ богинь—*Сага* считается покровительницей исторіи, *Эйра*—медицины, *Гефіона*—дѣвственной чистоты; *Носса*, дочь Фрейи, распоряжалась нарядами; *Вара* служила преимущественно руководительницей въ сердечныхъ дѣлахъ; *Снотра* была образцомъ житейской мудрости; напослѣдокъ слѣдуетъ упомянуть о *Валкиріяхъ*, которыхъ Одинъ посылалъ на поле битвъ, съ тѣмъ, чтобы онѣ приглашали оттуда героевъ къ его столу: этимъ-то богинямъ принадлежала главная роль въ попойкахъ и пирушкахъ. Что же касается злыхъ геніевъ, то достаточно упомянуть о *Локи*—этомъ Ариманѣ сѣвера и виновникѣ всѣхъ золъ, долженствующихъ однакожь кончиться торжествомъ міра; *Гель*, богинѣ смерти, *Фенрисѣ*—эмблемѣ разрушенія, и о зміѣ Мидгарда (Срединнаго сада), который сжимаетъ въ своихъ кольцахъ весь міръ, и который служитъ, быть можетъ, олицетвореніемъ порока. По словамъ Эдды, Локи—клеветникъ боговъ, виновникъ лжи, позоръ вселенной. Онъ родился отъ гиганта Фарбанта и Лофейи. Самъ по себѣ Локи прекрасенъ и добръ, но имъ владѣетъ злой, коварный и вѣроломный духъ; вотъ почему онъ превосходитъ всѣхъ людей въ искусствѣ хитрить и обманывать. Имя жены его *Сигни*; отъ нея онъ имѣлъ *Нара* и много другихъ сыновей. Кромѣ того, у него было еще три сына отъ жены Ангербоды. Первый изъ нихъ волкъ Фенрисъ; второй—великій змѣй Мидгарта, а третій — Смерть. Непрерывная борьба между богами и Локи, и безчисленныя хитрости этого послѣдняго—вотъ предметъ, которымъ всего болѣе занято было неисточимое воображеніе скальдовъ. Изъ всѣхъ этихъ басней одна, кажется намъ, заслуживаетъ особенное вниманіе—это та, въ которой разсказывается, какъ Бальдеръ, богъ любви и милосердія, былъ нечаянно убитъ слѣпцомъ Отуромъ, по коварнымъ наученіямъ Локи. Этотъ послѣдній, не смотря на всѣ свои хитрыя уловки, остался побѣжденнымъ и былъ заключенъ въ пещеру, изъ которой ему не будетъ выхода до послѣдняго дня. Впрочемъ, всѣ эти басни, за исключеніемъ развѣ послѣдней, очевидно слѣдовали за первоначальною эпохою теологіи: вотъ почему намъ кажется, что въ составленіи ихъ несравненно болѣе участвовала прихоть поэтовъ, чѣмъ метафизика.

Но вотъ наступаетъ послѣдній день. Равновѣсіе, существовавшее дотолѣ, въ системѣ міра, между противоположными началами, нарушается. Подобно тому, какъ въ восточной миѳологіи, на сцену появляется самъ верховный богъ и своею мощною рукою содѣйствуетъ разрушенію міра. Второстепенныя божества начинаютъ истреблять другъ друга. Все мгновенно падаетъ, но точно также возрождается подъ новой формой. Появленіе страшныхъ безпорядковъ на землѣ, вслѣдствіе потрясенія гармоніи, существующей въ человѣческихъ обществахъ и видимой природѣ, — служатъ признакомъ наступленія тѣхъ ужасныхъ дней, когда за погибелью людей слѣдуетъ истребленіе боговъ. Наконецъ отъ пламени, которое нашлетъ съ юга Суртуръ (черный) — этотъ скандинавскій Брама—исчезнутъ послѣдніе остатки мірозданія.—Для того, чтобы лучше выяснить

идею этого пророчества—мы приведемъ, въ переводѣ съ латинскаго текста Резенія, собственныя слова Волу-Спа [1]).

„За предѣлами настоящаго времени, я, дочь могущественнаго Одина, предвижу помраченіе боговъ. Гармъ лаетъ передъ пещерою ужаснаго Гнипа. Цѣпи разрываются; Фреко низвергнутъ. Братья вступаютъ въ борьбу и убиваютъ другъ друга, презирая родствомъ. Тяжело становится жить на свѣтѣ; вездѣ развратъ; вѣкъ упадка; вѣкъ меча; щиты перерублены; вѣкъ бурь, вѣкъ злодѣяній; ни одному человѣку не будетъ пощады отъ ближняго, до тѣхъ поръ, пока міръ не разрушится въ самомъ основаніи.

„Сыновья Мимира (волны океана) заигрываютъ другъ съ другомъ. Вѣтви зажигаются. Геймдаллъ громко трубитъ въ свой рогъ. Одинъ совѣщается съ головой Мимира. Древнее дерево шумитъ. Гиганты выпускаются на свободу. Ясень Идразила (символъ міра) дрожитъ отъ страха. Гармъ лаетъ передъ пещерою ужаснаго Гнипа; цѣпи разрываются; Фреко низвергнутъ. Что происходитъ у Азовъ? что дѣлается съ Альфами? Міръ гигантовъ полонъ смутъ. Азы совѣщаются между собою. Карлики стонутъ при видѣ великановъ. Суртуръ (черный) приходитъ съ юга съ своимъ ослѣпительнымъ, какъ солнце, мечомъ. Великаны сокрушены, боги объяты ужасомъ; люди толпами слѣдуютъ по дорогѣ къ Гелѣ (смерти); небо разрывается.

„Одинъ вступаетъ въ бой съ Волкомъ, а бѣлая Фрейя—съ чернымъ Суртуромъ. Но супругъ Фригги падаетъ за-мертво: тогда могущественный сынъ Одина, Видаръ, бросается на адскаго звѣря, и своею рукою вонзаетъ ему мечъ въ сердце, отмщая за смерть своего отца. Сынъ прекрасный Глодиміи подходитъ и смѣло кидается на змѣя Мидгарда, но, ужаленный этимъ пагубнымъ змѣемъ, пятится на девять шаговъ.

„Солнце тускнѣетъ; земля уходитъ въ море; блестящія звѣзды падаютъ съ неба; огонь охватываетъ старое зданіе; всепожирающее пламя поднимается до самаго неба. Гармъ лаетъ передъ пещерою Гнипа; цѣпи разрываются; Фреко низвергнутъ. . . .“

Но едва только окончилось истребленіе, какъ начался процессъ новаго міротворенія. Различныя силы, управлявшія ходомъ предшествовавшаго творенія, бывъ поглощены могуществомъ безконечнымъ, оставили послѣ себя зародыши, которые, на смѣну имъ, пробудились къ жизни. Послушаемъ еще,—что скажетъ намъ Волу-Спа:

„Наконецъ, она (дочь Одина) видитъ выходящую изъ глубины моря землю, совершенно покрытую растительностію. Видитъ стремительно низвергающіеся водопады и парящаго надъ ними орла, который высматриваетъ съ высоты рыбу. Видитъ за тѣмъ, какъ Азы, собравшись на равнинахъ Иды, бесѣдуютъ между собою о разрушеніи міра и о древнихъ письменахъ (рунахъ) Одина.

„Въ дёрнѣ находятъ древніе столы, вылитые изъ золота. Поля сами изъ себя произращаютъ плоды. Враждебность элементовъ исчезла. Является Бальдеръ. Бальдеръ и Откеръ живутъ въ согласіи между собою во дворцѣ Одина. Понимаете ли? Спросите: не знаю ли я

---

[1]) См. у насъ ниже, въ стат. 19.

еще чего нибудь? Надъ Гимле возвышается дворецъ, весь покрытый золотомъ, блескъ котораго превосходитъ солнечные лучи. Въ немъ живутъ добродѣтельные люди, предаваясь вѣчному наслажденію верховнымъ благомъ.....“

Чтобы съ перваго взгляда составить себѣ понятіе о морали отдѣльнаго народа—для этого достаточно узнать, — чѣмъ обусловливаются въ представленіи этого народа рай и адъ. Если приложить это правило къ скандинавамъ, то легко откроется, что военная доблесть составляла у нихъ существенное основаніе доброй нравственности. „Храбрость, говоритъ германскій воинъ у Тацита, есть единственная сила человѣка: потому-то божество стоитъ всегда на сторонѣ храбрѣйшихъ“. Дворецъ Одина открытъ для воиновъ, умершихъ безстрашно на полѣ битвы. Сидя на быстрыхъ коняхъ, ведомыхъ Валькиріями—блистательными богинями сраженія, эти славные покойники тотчасъ по смерти помѣщались въ ряду безсмертныхъ Валгалы: не смотря на то, что въ этотъ небесный улей вели пятьсотъ сорокъ широкихъ дверей, у нихъ всегда происходила давка, по причинѣ безпрестаннаго движенія входившихъ и выходившихъ героевъ. Человѣкъ неустрашимый робѣлъ единственно при мысли о томъ, какъ бы ему не довелось умереть внѣ поля сраженія. Смерть на полѣ битвы считалась такою драгоцѣнною наградою, какой только могло ждать для себя благородное сердце. Не прерывая нити жизни, эта смерть приближала человѣка къ вѣнцу. Изъ поэмы о смерти Гакина, сына Гаральда, мы можемъ видѣть, какимъ образомъ рисовалась смерть предъ взорами сражающихся, и какъ она вмѣсто устрашенія возбуждала въ нихъ еще бóльшую энергію.

„Поскачемъ на нашихъ коняхъ, сказала Валькирія герою, поперегъ этихъ міровъ, испещренныхъ зеленью, въ которыхъ живутъ боги. Объявимъ Одину, что король намѣревается посѣтить его въ собственномъ дворцѣ. Но вотъ оставивъ поле битвы, еще истекающій кровью, приходитъ во дворецъ король Гакинъ. При видѣ Одина, онъ вскрикиваетъ: „какимъ неумолимымъ и страшнымъ кажется мнѣ этотъ богъ!“—Въ отвѣтъ на это, богъ Брагъ говоритъ ему: „иди присоединиться къ восьми братьямъ своимъ ты, который былъ ужасомъ для самыхъ прославленныхъ бойцовъ: герои, обитающіе здѣсь, будутъ съ тобою въ добромъ согласіи, и ты будешь упиваться въ сообществѣ безсмертныхъ.—Но мужественный король сказалъ: „я хочу всегда сохранить при себѣ свое вооруженіе, ибо воинъ обязанъ тщательно беречь свой шлемъ и кирасу, и ни на одинъ мигъ не оставлять копья“.

По взгляду скандинавовъ, для того, чтобы имѣть право войти въ область мертвыхъ, съ поднятою головою, нужно быть призваннымъ туда посредствомъ кроваваго меча битвъ. Легко понять отсюда, какое безстрашное и неукротимое мужество вдыхало въ сердца это живое убѣжденіе. Смерть отъ руки врага считалась у этихъ фанатическихъ поклонниковъ Одина высочайшимъ таинствомъ: они видѣли въ ней второе крещенье кровью, посредствомъ котораго души приводимы были къ блаженству Валгалы; поэтому каждый покойно разставался съ жизнію, въ совершенной увѣренности, что для тѣхъ, чья

жизнь въ свое время не была брошена въ жертву войны, двери небеснаго дворца оставались навсегда запертыми; этого требовалъ приговоръ неумолимой судьбы. Предъ несчастными жертвами тихой смерти открывались другіе міры, мрачные міры Гелы. Какъ сильно было на этотъ счетъ ихъ убѣжденіе, видно изъ того, что даже богъ Бальдеръ, по словамъ поэтовъ, принужденъ былъ попасть, послѣ смерти, въ одинъ изъ этихъ міровъ. Что касается до трусовъ, то для нихъ была предназначена ужасная область Ниффельгейма [1]). Поражаемые безславіемъ въ продолженіе своей жизни, нерѣдко даже, какъ сообщаетъ Тацитъ о германцахъ, преслѣдуемые своими товарищами по оружію, они шли, лишь только наставалъ для нихъ послѣдній часъ, искупать въ преисподней льда и яда свое преступленіе. Трусость и храбрость — вотъ два противоположные полюса, служившіе у скандинавовъ основаніемъ порока и добродѣтели: да иначе и быть не могло у народа, считавшаго войну существенною цѣлію какъ частнаго лица, такъ и общества.

Съ перваго раза кажется невѣроятнымъ, какимъ образомъ эта мораль, всецѣло проникнутая духомъ войны, могла поселить въ скандинавахъ равнодушіе къ смерти, до такой высокой степени, что они совершенно утратили инстинктивную любовь къ жизни. Вмѣсто того, чтобы избѣгать смерти, какъ зла, они домогались ея, какъ величайшаго блага. Этотъ героизмъ скандинавовъ, находившій для себя пищу въ живомъ чувствѣ безсмертія, казалось, глубоко изумлялъ римлянъ, которые не знали другого героизма, за исключеніемъ того, который проистекалъ изъ совершенной преданности индивидуумовъ цѣлямъ общества. Храбрость скандинавовъ служила для нихъ точно такою же загадкою, какъ и мужество христіанъ первыхъ вѣковъ. „Во время боя, говоритъ Валерій-Максимъ, они трепещутъ отъ радости, при мысли, что имъ предстоитъ такое славное разставанье съ жизнію; а во время болѣзни они сильно горюютъ, опасаясь того, чтобы не окончить жизнь постыднымъ и жалкимъ образомъ“.

Впрочемъ воинами управляло нѣчто гораздо болѣе высокое, чѣмъ представленіе о славѣ и безчестіи: ихъ волновало преимущественно чувство наградъ и наказаній въ будущей жизни. Поэтому намъ кажется, что Лукіанъ лучше постигъ тайну ихъ неустрашимаго мужества. „Смерть, замѣтилъ онъ, служитъ для нихъ переходомъ изъ настоящей тягостной жизни въ новую жизнь, имѣющую начаться при иныхъ условіяхъ. Какъ счастливы эти гиперборейскіе народы въ самомъ заблужденіи своемъ. Они не знаютъ страха, опаснѣйшаго изъ всѣхъ страховъ, страха смерти. Изъ этого источника проистекаетъ та смѣлость, съ какою они бросаются на копья; отсюда же ихъ готовность умереть, та увѣренность, которая не позволяетъ имъ предаваться робкимъ опасеніямъ за свою жизнь, потому что эта послѣдняя должна начаться снова“.

Вотъ еще примѣръ, заимствованный изъ древнѣйшей скандинавской хроники (Iomswi kinga Saga), примѣръ, способный лучше всякаго разсужденія доказать ту мысль, что страхъ смерти, доступный

---

[1]) Страна мрака.

всякому человѣку, былъ совершенно истребленъ въ душѣ скандинавскаго воина. Семь молодыхъ витязей, принадлежавшихъ къ колоніи Іомсбургъ, основанной Гаральдомъ Синимъ-Зубомъ, на южномъ берегу Балтики, подавленные въ одномъ сраженіи численнымъ перевѣсомъ непріятелей, не смотря на свое отчаянное мужество, были увлечены въ плѣнъ и приговорены побѣдителемъ къ смертной казни. Они выслушали этотъ приговоръ съ такою радостію, съ какою обыкновенно принимаютъ вѣсть объ освобожденіи. Первый изъ этихъ воиновъ, бывъ приведенъ на мѣсто казни, сказалъ совершенно спокойнымъ голосомъ: „Почему же бы и со мной не быть тому, что случилось съ моимъ отцомъ? Онъ умеръ: умру и я“. Когда палачъ спросилъ второго изъ этихъ воиновъ, что онъ чувствуетъ передъ лицомъ смерти, тогда тотъ отвѣчалъ: „Я слишкомъ хорошо знаю законы своей страны, чтобы хоть одно робкое слово могло выйти изъ моихъ устъ“. Когда тотъ же вопросъ палачъ предложилъ третьему воину, онъ отвѣтилъ слѣдующее: „Я готовлюсь къ смерти; но знай, что свою славную смерть я не промѣняю на твою безчестную жизнь“. Четвертый далъ болѣе длинный отвѣтъ: „Я принимаю смерть, говорилъ онъ, съ добрымъ расположеніемъ сердца, и минута смерти— самая пріятная для меня минута. Теперь объ одномъ прошу тебя: отруби мнѣ голову, какъ можно скорѣе. Мы употребляли въ Іомсбургѣ одинъ способъ для того, чтобы узнать, осталось ли еще у человѣка чувство, по отсѣченіи головы. Я возьму ножъ въ свою руку: если, по отсѣченіи головы, я занесу руку на тебя, то знай, что я еще не совсѣмъ потерялъ чувство; если же ножъ выпадетъ—это будетъ доказательствомъ противнаго. Постарайся же замѣтить это обстоятельство“. Пятый, умирая, издѣвался надъ врагами. Шестой просилъ палача, чтобы тотъ занесъ мечь на него въ лицо: „Я даже не пошевелюсь, сказалъ онъ палачу; ты самъ увидишь, покажу ли я какой нибудь знакъ робости, зажмурю ли я хоть глаза: мы привыкли не волноваться отъ страха, даже въ то время, когда намъ наносятъ смертельный ударъ“. Седьмой былъ еще въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ и обладалъ замѣчательною красотою. На вопросъ палача, о чемъ онъ думаетъ въ минуту смерти, онъ сказалъ ему: „Я охотно принимаю смерть; я исполнилъ важнѣйшій долгъ жизни: и теперь вижу, какъ одинъ за однимъ умираютъ тѣ, которыхъ я не въ правѣ пережить“!

Понятно, что при такихъ взглядахъ на смерть, у скандинавовъ не могло быть недостатка въ случаяхъ самоубійства. Весьма естественно, что воины, которымъ раны или преклонныя лѣта не позволяли искать славной смерти въ бою, старались посредствомъ какой нибудь другой отважной смерти, пробить себѣ путь къ небу. Самъ Одинъ служилъ для нихъ въ этомъ отношеніи примѣромъ, проколовши, въ старости, копьемъ собственную грудь. Такимъ образомъ, говоря вообще, самоубійство пользовалось у нихъ уваженіемъ. Въ Швеціи даже существовала крутая гора, съ вершины которой бросались всѣ тѣ, которымъ хотѣлось скорѣе покончить съ жизнію; по

словамъ Маллета [1]), ее называли залою Одина, такъ какъ она составляла, въ нѣкоторомъ родѣ, преддверіе во дворцѣ этого бога. Точно такое же назначеніе имѣла одна гора въ Исландіи. „Сюда приходятъ, говоритъ одна древняя сага, всѣ удрученные горемъ и несчастіями. Отсюда наши предки, не дожидаясь болѣзней, отправлялись въ путь къ Одину".

Обычай приносить въ жертву людей находился въ совершенной гармоніи съ этою кровавою моралью, составляя нѣкоторымъ образомъ естественное ея послѣдствіе. Уже потому одному, что смерть человѣческая такъ нравилась богамъ, ее не могли не включить въ число воздаваемыхъ имъ почестей. Съ теченіемъ времени, это злоупотребленіе, постоянно возрастая, сдѣлалось рѣшительнымъ, такъ что храмы превратились, наконецъ, въ человѣческія бойни. По свѣденіямъ, сообщаемымъ епископомъ Мерзебургскимъ въ своей хроникѣ, въ храмахъ закалаемо было до девятидесяти-девяти жертвъ разомъ. Кровью омывались храмы и идолы, и окроплялся народъ. Для того, чтобы умилостивить своихъ боговъ, они не отступали предъ самыми ужасными преступленіями. Случалось, что или короли приносили въ жертву своихъ подданныхъ, или подданные—своихъ королей. Первый король Вермеланда былъ сожженъ, въ честь Одина, по случаю голода. По свидѣтельству лѣтописцевъ, короли, желая одержать побѣду, нерѣдко приносили въ жертву собственныхъ дѣтей.

Но не одни трусы предназначались обитателями Ниффельгейма: туда поступали также (какъ то ясно высказывается въ Волу-Спѣ) всѣ тѣ изъ умершихъ, которые оказались при жизни виновными предъ общественнымъ судомъ. Такими были клятвопреступники, разрушившіе начало взаимной довѣренности, прелюбодѣи, посягавшіе на чистоту брака, и убійцы, нарушившіе миръ своей родины. Этимъ и ограничивался кругъ нравственной отвѣтственности почитателей Одина.

Рено.

La religion d'Odin.

Reynaud (род. 1806 г.) до 1848 г. былъ извѣстенъ по дѣятельному участію въ обширномъ литературномъ предпріятіи подъ заглавіемъ Encyclopédie nouvelle; въ 1848 г. его назначили президентомъ комитета министерства народнаго просвѣщенія, но утвержденіе имперіи заставило его удалиться отъ общественныхъ дѣлъ. Результатомъ его уединенныхъ работъ было самое капитальное изъ всѣхъ его произведеній: Terre et ciel. Par. 1854, пытавшее установить новое примирительное начало философіи исторіи.

---

[1]) Исторія Даніи.

19.—Извлеченіе изъ старой Эдды.

(XII ст.).

А. Волу-Спа.

1. Прошу помолчать, о, дѣти бога святого, всѣхъ отъ мала до велика, кто богомъ рожденъ. Я хочу разсказать вамъ дѣянія божества (Valvödurs), какъ прошедшія, такъ и будущія.

2. Я знаю божьихъ дѣтей, рожденныхъ до времени, какъ тому меня научили когда-то; я знаю 9 міровъ и 9 пространствъ, и еще одинъ огромный центръ подъ землею.

3. До начала временъ былъ великій хаосъ: это не былъ ни песокъ, ни море, ни вѣтеръ, ни буря. Земли не было, и сверху не было неба. Былъ обширный хаосъ, и травка нигдѣ не расла.

4. Прежде нежели была создана земля и ея срединный садъ, появилось солнце на югѣ, и на землѣ впервые проклюнулась травка!

5. Солнце бросило свои лучи влѣво на луну и вправо освѣтило луга; но солнце не имѣло еще для себя жилища, ни луна не знала своего дома, ни звѣзды своихъ мѣстъ.

6. Тогда предстали всѣ боги у престола всесвятого божества, взирая на хаосъ. Божество дало мраку названіе *ночи*, назвало *утро* и *полдень*, а также и *вечеръ*, чтобы мѣрить время и годы.

7. На полѣ Идавелле собралися божіи дѣти, Азы [1]), устроили храмъ, алтари и ограды, сдѣлали печи, чеканили золото, изобрѣли клещи и всякіе инструменты.

8. Они веселились на землѣ и были счастливы; о золотѣ не было спора, пока не пришли къ нимъ великаны и двѣ дѣвы изъ Іотунъ-Гейма (божьяго города).

9. Боги снова сошлися у трона всесвятого божества для совѣщаній. Кто долженъ быть главою и правителемъ божіихъ твореній (Dvergen, отк. нѣм. Zwergen, маленькіе люди, въ противоположность вышеупомянутымъ великанамъ), изъ рода ли Бримера, или изъ потомства Длена?

10. И былъ поставленъ надъ всѣми людьми Міотъ-Зёгнеръ (кормилецъ), а за нимъ Дюринъ (Торъ). Люди изготовили множество человѣческихъ изображеній на землѣ, и говорили: да будетъ на землѣ Дюринъ.

11. Земля была раздѣлена на части [1]): Нордъ (сѣверъ), также Ниде, Нордре, Зюдре, Аустеръ, Вестеръ, высоко пробѣгающій Дуалинъ, Биворъ, также Баваръ, Бумбуръ, Нёре, Аанъ, также Аннаръ-Аэ, и Міодвитниръ.

12. Правителями этихъ частей были названы: Вейгуръ, Гандольфуръ, Виндальфуръ, Траинъ, Текуръ, Торинъ, Троръ, Литуръ и

---

[1]) *As*, *Aes*, самые первые люди; отъ этого имени производятъ названіе *Азіи*, страны первобытныхъ людей.

[1]) Слѣдующія за тѣмъ названія заимствованы у вѣтровъ.

Витуръ, Наръ и Ниродуръ. Вотъ я и назвалъ всѣхъ по порядку людей.

13. Первыми изобрѣтателями искусствъ были: Филе, Киле, Фундинъ, Неле (пряжка), Гейти, Били, Генеръ, Свіоръ, Фреръ-Горнборе, Флегуръ, Лоне, Аурвангуръ и Экквинскильде.

14. Теперь пора назвать людей, живущихъ въ Дуалинѣ (юго-западъ), счастливѣйшій народъ изъ всѣхъ человѣческихъ дѣтей, который произошелъ изъ Саларъ-Стейна и посвятилъ себя земледѣлію.

15. Это были: Драупнеръ, Долгтразеръ, Геръ, Гаугспоре, Глевангеръ-Глое, Скирверъ, Вирвиръ, Скадифюръ-Ае, Алфуръ, Ингве, Эйкинскіалде, Фалуръ, Фросте, Фидуръ, Гиннаръ, Доре-Оре, Дуфуръ, Андваре, Гепти, Фили, Гааръ, Свіаръ. Пока свѣтъ стоитъ и люди живутъ, слава ихъ будетъ жить въ потомствѣ.

16. Наконецъ изъ этой толпы выдѣлились три человѣка, и сдѣлался домъ Азовъ богатымъ и могущественнымъ. Они нашли въ странѣ людей слабыхъ и безсильныхъ; и аскъ (мужъ), и эмбла (жена) жили совсѣмъ безъ закона и силы.

17. Они не имѣли ни духа, ни порядка, ни права, ни рѣчи, ни разума, ни красоты, ни крови, ни чувства. *Одинъ* далъ имъ духъ; *Гöнеръ* далъ имъ разумъ, а жизнь, движеніе, умъ, красоту и зрѣніе далъ *Лодуръ*.

18. Я знаю одно ясневое дерево *Аскъ*, называемое Иггдразиллъ, возращенное богомъ высоко; оно стоитъ на небѣ въ Гербодмурѣ, откуда дожди ниспадаютъ въ долину. Во всѣ дни стоитъ оно зелено, у источниковъ необходимости.

19. Откуда произошли три всезнающія дѣвы: одна называется *Урдъ* (прошедшее); другая—*Верданда* (настоящее), и третья, родившаяся изъ черепахи, *Скульда* (будущее).

20. Я могу разсказать и о первомъ человѣкоубійствѣ на землѣ, когда корысть сошлась съ кровожадностью, и господень домъ былъ сожженъ.

21. Но онъ былъ три раза сожженъ и три раза спасался, даже чаще! но зло живетъ и теперь.

22. Это зло запятнало чудную премудрую религію: оно научилось волшебнымъ искусствамъ, знаетъ ихъ и пользуется ими; оно всегда являлось въ видѣ злой женщины, дѣятельной и настойчивой.

23. Тогда опять собрались у трона всѣ боги, они совѣщались и спрашивали всесвятое божество, кто наставитъ Азовъ при ихъ нечестіи, или оно само позаботится обо всемъ?

24. Тогда воспрянулъ Одинъ и напалъ на народъ, и такъ начались человѣкоубійства, и у Азовъ разрушены были ихъ укрѣпленія, а побѣдоносныя дружины Ванера (другое имя Одина) одержали побѣду.

25. Снова собрались у трона всѣ боги и спрашивали всесвятое божество, кто привелъ весь міръ въ такое замѣшательство?

В. Гаве-маалъ.

1. Осматривайте входы, прежде нежели войдете: ибо никогда нельзя знать навѣрное, гдѣ притаился непріятель, имѣя въ виду преградить вамъ путь.

2. Гостю, который придетъ къ вамъ съ холодными ногами и колѣнами, дайте огня: ибо кто перешелъ горы, нуждается въ пищѣ и одеждѣ.

3. Тому должно подать воды, кто садится за вашъ столъ, и ему нужно полотенце, чтобы обтереть руки. Привѣтствуйте его ласковою рѣчью, если вы хотите, чтобы онъ говорилъ съ вами, и чтобы вы послушали его.

4. Кто идетъ въ чужую сторону, тому нуженъ умъ. Изъ себя можно сдѣлать все, что захочешь; но тотъ, кто ничего знаетъ, обращаетъ на себя непріятное вниманіе, когда ему приходится встрѣчаться съ умными и знающими людьми.

5. Нѣтъ лучшаго друга въ дорогѣ, какъ большой умъ: это самый лучшій запасъ. Въ незнакомомъ мѣстѣ умъ лучше всякого богатства. Онъ помогаетъ и бѣдному, и питаетъ его на чужбинѣ.

6. Сынамъ міра сего нѣтъ ничего постыднѣе, какъ упиваться пивомъ, ибо чѣмъ больше человѣкъ пьетъ, тѣмъ болѣе теряетъ разсудокъ. Пьяному поетъ птица забвенія, но она похищаетъ его душу.

7. Глупый человѣкъ думаетъ, что онъ будетъ жить вѣчно, если ему удалось избѣжать войны; но если его пощадило копье, то отъ старости все же пощады не будетъ.

8. Обжора ѣстъ свою смерть.

9. Большое войско принуждается иногда отступить и оставить свои запасы, но дерзкій человѣкъ ни въ какомъ случаѣ не зажметъ себѣ рта.

10. Глупый человѣкъ продумаетъ всю ночь, но и днемъ не будетъ умнѣе, какъ ночью.

11. Онъ думаетъ все знать, если пойметъ пустяки, но не съумѣетъ отвѣтить на трудный вопросъ.

12. Хоть худое, да въ рукахъ, все-же лучше того, что̀ еще получишь.

13. Между дурными людьми дружба горитъ, какъ огонь, хоть цѣлыхъ пять дней, а въ шестую ночь все же потухнетъ и замѣнится ненавистью.

14. Когда я былъ молодъ, я блуждалъ одинъ по всей вселенной, и счелъ себя богатымъ, когда нашелъ спутника. Всего пріятнѣе человѣку человѣкъ.

15. Пусть каждый будетъ уменъ съ умѣренностью, и не должно быть умнымъ болѣе, чѣмъ нужно. Пусть никто не стремится знать будущее, если хочешь спать спокойно.

16. Вставайте рано, если хотите быть богатымъ и предупредить своего врага. Когда волкъ спитъ, то останется безъ добычи, а сонливый человѣкъ—безъ побѣды.

17. Надобно больше желать прожить хорошо, нежели долго. Когда человѣкъ зажигаетъ огонь, то часто умираетъ прежде, нежели огонь потухнетъ.

18. Пусть лучше сынъ родится поздно, чѣмъ никогда: ибо рѣже видно, чтобъ памятникъ былъ поставленъ чужой рукой, нежели рукой сыновей.

19. Богатства проходятъ, какъ мгновеніе; они еще менѣе постоянны, нежели друзья. Войска погибаютъ, родители умрутъ, друзья

также смертны, какъ и вы сами. Но! я знаю одно, что не умираетъ: судъ потомства надъ умершимъ.

20. Пусть мудрецъ со скромностью пользуется своимъ умомъ.

21. Хвалите день, когда онъ пройдетъ; жену, когда ее хорошо узнаете; мечъ, когда онъ уже былъ въ дѣлѣ; дѣвицу, когда она выйдетъ замужъ; ледъ, когда вы черезъ него перешли; пиво, когда его попробовали.

22. Не довѣряйте ни льду отъ вчерашняго дня, ни спящей змѣѣ, ни ласкамъ невѣсты, ни надломленному мечу, ни дѣтямъ сильныхъ людей, ни полю, только-что засѣянному.

23. Согласіе между злыми женщинами также безопасно, какъ по льду ѣхать на неподкованномъ конѣ, или ѣхать на двугодовалομъ жеребенкѣ, или въ бурю плавать безъ руля.

24. Нѣтъ хуже болѣзни, какъ быть недовольнымъ своею судьбою.

25. Одно сердце человѣка знаетъ то, что въ немъ происходитъ, и кто обманываетъ духа, тотъ обманываетъ себя.

26. Не старайтесь обольстить чужой жены. Будьте ласковы, съ кѣмъ встрѣчаетесь на дорогѣ.

27. Не открывайте вашей досады злому человѣку, ибо онъ никогда васъ не утѣшитъ.

28. Нужно быть больше строгимъ къ себѣ, чѣмъ къ другимъ.

29. Въ ссорѣ съ злымъ человѣкомъ не говорите и трехъ словъ. Добрый часто уступаетъ, потому что злой разсердится. Впрочемъ, опасно и совсѣмъ молчать, чтобы васъ не упрекнули, что у васъ бабье сердце, и не сочли за трусовъ.

30. Прошу васъ: будьте осторожны, но не очень! Осторожнымъ очень нужно быть, когда много пьешь, когда бываешь съ чужою женой, и когда сидишь съ негодными людьми.

31. Нѣтъ человѣка столько добродѣтельнаго, чтобы онъ совсѣмъ не имѣлъ пороковъ, и столь дурного и порочнаго, чтобы въ немъ не было ничего хорошаго.

32. Не смѣйтесь надъ стариками, а еще менѣе надъ престарѣлыми родителями и прадѣдами.

Семундъ-Сигфуссонъ.

Семундъ Сигфуссонъ Вѣщій (ум. 1133 г.), родомъ исландецъ, собралъ на родинѣ всѣ уцѣлѣвшія религіозныя и историческія преданія въ одно цѣлое подъ названіемъ Эдды, т. е. „Праматери". Въ 1643 г. епископъ Свеинсонъ открылъ этотъ трудъ и познакомилъ съ нимъ весь свѣтъ. Съ распространеніемъ христіанства, ревностные приверженцы религіи отцовъ бѣжали изъ Скандинавіи въ Исландію, и потому этотъ островъ сдѣлался послѣднимъ убѣжищемъ древней скандинавской образованности, которая лежитъ въ основѣ образованности древне-германской и служитъ ей источникомъ. Эдда, изложенная Семундомъ въ стихахъ, и называемая древнею въ отличіе отъ подобнаго же позднѣйшаго сборника, заключаетъ въ себѣ двѣ главныя части: 1) *Волу-Спа*, т. е. „Видѣніе Волы"; такъ называлась какая-то древняя жрица и вмѣстѣ пророчица, которая изложила откровеніе, данное ей свыше о сотвореніи міра и его будущихъ судьбахъ, и 2) *Гаве-Мааль*; т. е. „Заповѣди Одина", излагающія нравственное ученіе скандинавовъ, которое заключается объясненіемъ чудесной си-

лы рунъ, т. е. священныхъ письменъ.—*Изданіе*: Rask (Stokholm, 1818) издалъ текстъ древней Эдды съ латинскимъ переводомъ, глоссаріемъ и комментаріемъ, и Münch (Christiania, 1847).—*Переводы*: Нѣмец. 1) Schimmelmann (Stettin. 1777), Die Isländische Edda. 2) Karl Simrock (Stuttg. 1862). Die Edda die ältere und jüngere, nebst den mythischen Erzählungen der Skakla (ц. 2 тал.); француз. Mlle Du Puget, помѣщ. въ Bibliotheque étrangére, Par. 1839—40.— Подробный анализъ Эдды старой и новой см. у Eichhof, Tableau de la litterature du Nord au moyen âge. Par. 1853. стр. 32—84.

20.—Извлеченіе изъ новой Эдды.

(XIII ст.).

Обманъ Гильфа или ложь Гара [1]).

Прологъ составителя.

Былъ въ древности король, по имени *Гильфъ*, мужъ большой мудрости и учености; его удивляло, какимъ образомъ весь его народъ питаетъ такое уваженіе къ новымъ пришельцамъ изъ Азагартена (т. е. изъ сада Азовъ, изъ Азіи); и онъ не понималъ, чему приписать ихъ успѣхъ, познаніямъ-ли ихъ силы природы, или сверхъестественной помощи? Въ намѣреніи рѣшить этотъ вопросъ, Гильфъ предпринялъ самъ отправиться въ Азагартенъ, переодѣвшись старикомъ изъ простолюдиновъ. Но Азы были довольно умны, чтобы узнать его; они его приняли и ослѣпили такъ, что онъ видѣлъ духомъ, а ему казалось, что онъ видитъ тѣломъ.

Вслѣдствіе того, Гильфъ увидѣлъ дворецъ, кровля котораго была такъ высока и обширна, что терялась изъ виду. Ему казалась она покрытою золотой черепицею, какъ новая кровля. Поэтъ Діодольфъ говоритъ о ней такъ: „Боги имѣютъ въ своемъ замкѣ кровлю изъ блестящаго золота, стѣны изъ скалъ, а горы служатъ фундаментомъ“. При входѣ въ этотъ дворецъ, попался Гильфу человѣкъ, котораго занятія состояли въ томъ, что онъ бросалъ на воздухъ семь мечей и потомъ ловилъ ихъ одинъ за другимъ. Этотъ человѣкъ спросилъ его о имени, и переодѣтый король, отвѣчая, что его зовутъ *Танглеръ*, и что онъ пришелъ отъ Рифальскихъ горъ, спросилъ, въ свою очередь, того человѣка, кто живетъ въ этомъ дворцѣ, который онъ видитъ, и кому онъ принадлежитъ. Неизвѣстный отвѣчалъ ему немедленно, что тутъ живетъ ихъ король и что онъ имѣетъ отъ него при-

---

[1]) Въ оригиналѣ, по-исландски, озаглавлено: *Gilvr-Ginnung*, что значитъ собственно *Откровеніе, данное Гильфу*; но составитель Эдды, какъ христіанинъ, перевелъ: Gylvi illusio, aut Hari mendacium, желая тѣмъ высказать свой взглядъ на значеніе языческихъ преданій. См. ниже, въ концѣ статьи, примѣчаніе.

казаніе ввести его во дворецъ, показать ему все и познакомить со всѣмъ, въ немъ находящимся.

Ганглеръ, войдя во дворецъ, увидѣлъ множество зданій и невыразимое число широчайшихъ залъ. Одни въ нихъ пьютъ, другіе увеселяются играми или борьбой. Увидя столько различныхъ предметовъ, которые казались ему вовсе непонятными, король вымолвилъ про себя: „Осматривайте входы, прежде нежели войдете: ибо никогда нельзя знать навѣрное, гдѣ притаился непріятель, имѣя въ виду преградить вамъ путь“ [1]).

Далѣе, Ганглеръ увидѣлъ три престола, одинъ надъ другимъ, на каждомъ изъ нихъ сидѣло существо человѣческой формы. Когда Ганглеръ спросилъ, кто изъ этихъ трехъ лицъ король?—ему отвѣчалъ спутникъ: тотъ, который сидитъ на самомъ низшемъ, тотъ и король; имя ему *Гаръ* (Gar, высшій); второй *Яфнгаръ* (Iafnhar, т.-е. младшій высшій); а тотъ, который сидитъ на самомъ верху, называется *Треди* (Tredie, т.-е. третій).

Когда Гаръ увидѣлъ Ганглера, то захотѣлъ узнать, что его привело въ Азагартенъ и за чѣмъ онъ пришелъ, присоединивъ къ тому, чтобы путнику давали ѣсть и пить даромъ, какъ и другимъ придворнымъ. „Но, отвѣчалъ Ганглеръ, я хотѣлъ бы прежде всего знать, не найдется-ли при этотъ дворѣ кого нибудь мудраго и свѣдущаго мужа? — „Ты, по истинѣ, мудрецъ, возразилъ ему Гаръ, и потому возвратишься отсюда цѣлымъ и невредимымъ. Начни бесѣду и предложи вопросы: на этомъ престолѣ сидитъ одинъ мужъ, который съумѣетъ отвѣтить“.

Первая парабола.

О міротвореніи.

Ганглеръ началъ такъ: Кто древнѣйшій и первый богъ? *Гаръ* отвѣчалъ: Здѣсь мы называемъ его Альфатеръ (Allvader, т.-е. Vater aller, отецъ всѣхъ), а въ старомъ Азагартенѣ онъ имѣетъ двѣнадцать именъ (Allvader, Heran, Nickar, Sieger, Fiölner, Ome, Oske, Biflidi, Widerer, Suiderer, Suidar, Jälkur).

Ганглеръ спрашивалъ: Кто же этотъ богъ, какова его сила, что онъ совершилъ, и въ чемъ видны его слава и величіе?—*Гаръ* отвѣтилъ: Онъ живетъ вѣчно, правитъ всѣмъ, и малымъ, и великимъ.— Къ этому присоединилъ *Яфнгаръ*: Онъ сотворилъ небо, землю и воздухъ.—А *Треди* прибавилъ: Онъ сотворилъ болѣе, чѣмъ небо и землю; онъ сотворилъ человѣка и далъ ему душу, вѣчно живущую, и которая никогда не погибнетъ, даже если тѣло въ пыль и прахъ обратится. И всѣ праведныя души будутъ жить съ нимъ въ томъ мѣстѣ, которое называется Гиммле (Gimmle, т.-е. Himmel, небо), или Вингольфъ (т.-е. храмъ дружбы). Но злыя души отойдутъ въ Гелу (Hela, т.-е. Hölle, адъ), и оттуда въ Нифельгеймъ (царство мрака), въ преисподнюю, въ девятомъ мірѣ.

---

[1]) Одна изъ заповѣдей Одина; см. выше, въ ст. 19, на стр. 244. В. Гаве-маалъ, § 1.

Тогда спросилъ *Ганглеръ*: Что богъ дѣлалъ прежде, нежели онъ сотворилъ небо и устроилъ землю?—*Гаръ* отвѣчалъ: Онъ былъ у гигантовъ.—Но, возразилъ Ганглеръ, какъ же все началось и гдѣ вещи имѣли свое начало?—Смотри о томъ, какъ сказано въ Волуспѣ, отвѣтилъ *Гаръ*. Эти слова закончилъ *Янфгаръ* и сказалъ: Много прошло зимъ, прежде нежели устроился Нифельгеймъ и образовалась земля. Посреди Нифельгейма находится источникъ Гверльмееръ, изъ котораго текутъ слѣдующія рѣки: рѣка Боязни, Врагъ-счастія, Мѣсто-смерти, Погибель, Бездонная-пропасть, Непогода, Тревога, Ревъ; таже, которая зовется Раздавлю-разорву, течетъ близъ рѣшетки самаго мѣстопребыванія Смерти.

Вторая парабола.

О пылающемъ мірѣ и Суртурѣ.

Тогда началъ говорить *Треди* и сказалъ: Прежде нежели было что нибудь въ мірѣ, существовало то, что называется Муспильгеймъ. Этотъ свѣтлый, пылающій, никѣмъ не населенный міръ лежитъ въ самыхъ отдаленныхъ предѣлахъ земли. Тамъ находится царство Суртура (т.-е. Чернаго); въ его рукахъ сверкаетъ огненный мечъ; онъ снова придетъ, когда кончится міръ, побѣдитъ всѣхъ божьихъ людей и предастъ вселенную пламени. Смотри, что говоритъ о немъ Волуспа: „Суртуръ, преисполненный обмана, придетъ съ юга; надъ его мечемъ сверкаетъ колеблющееся солнце, боги въ тревогѣ, люди толпами идутъ на смерть; небо распалось".

Но, спросилъ *Ганглеръ*, въ какомъ положеніи былъ міръ, прежде нежели на землѣ развелись люди и народы? — *Гаръ* отвѣчалъ ему: Рѣки, называемыя Эли-Ваги, протекаютъ такъ далеко отъ своихъ первоначальныхъ источниковъ, что ядъ, влекомый ими, осаживается, какъ нечистоты въ остывающей печкѣ. Такъ образовался ледъ, который не текъ далѣе и остановился, осаживаясь слоями.—*Яфнгаръ* прибавилъ къ этому: Вслѣдствіе того часть пропасти, обращенная къ полуночи, наполнилась парами, сгустившимися въ ледъ; въ томъ мѣстѣ царствуютъ бури и непогода. Напротивъ того часть, обращенная къ полудню освѣщалась и согрѣвалась изъ Муспильгейма.—*Треди* подхватилъ: Впослѣдствіе изъ Нифельгейма подулъ страшный вѣтеръ и холодъ, а все, что обращено къ Муспильгейму, имѣло свѣтъ и тепло. Въ пропасти, лежавшей между ними было тихо, какъ въ воздухѣ, когда на морѣ штиль. Дыханіе тепла проносилось по застывшимъ туманамъ, и они осаждались каплями, а изъ каплей образовался человѣкъ силою того, кто послалъ тепло. Этотъ человѣкъ былъ названъ Имеръ (Ymer); гиганты называютъ его Эргельморъ, и отъ него происходятъ они сами, какъ о томъ сказано въ Волуспѣ.

Слыша все это, *Ганглеръ* спросилъ: Какъ же распространилось и усилилось племя Имера, и считалъ-ли онъ себя богомъ? — На это отвѣтилъ *Янфгаръ*: Мы принимаемъ его за бога, хотя и онъ, и все его потомство были безбожны. Во время сна онъ покрылся потомъ

и изъ-подъ его лѣвой руки родилися мужчина и женщина; отъ нихъ родился сынъ, отъ котораго и произошли всѣ великаны.

Третья парабола.

О коровѣ Эдумлѣ.

Тогда *Ганглеръ* захотѣлъ узнать, гдѣ жилъ великанъ Имеръ, и чѣмъ онъ питался. *Гаръ* отвѣчалъ ему: Съ самаго начала, когда застывшіе туманы начали осаждаться въ капли, изъ нихъ образовалась корова, по имени Эдумла. Изъ ея сосцевъ потекли четыре млечныя рѣки, и ими-то питался Имеръ. Сама же корова питалась тѣмъ, что лизала камни, покрытые солью и инеемъ. Въ первый день, когда она начала лизать, у человѣка выросли къ вечеру волоса на головѣ; на второй день, вся голова; на третій же—весь человѣкъ, полный красоты, силы и мощи. Этого другого человѣка называютъ Буръ. Онъ былъ отцомъ Бора, который женился на дочери гиганта Балдерна; отъ этого брака родились три сына: Одинъ, Виле и Ве. И мы вѣримъ, что этотъ Одинъ вмѣстѣ съ своими братьями устроилъ небо и землю, и что онъ могущественнѣйшій властитель.

Четвертая парабола.

Какъ дѣти Бора устроили небо, землю и рай.

Было-ли, продолжалъ *Ганглеръ*, равенство или согласіе между этими двумя семействами (т.-е. Имера и Бора)? — Напротивъ того, отвѣчалъ *Гаръ*, дѣти Бора умертвили Имера гиганта, и изъ его раны вытекло столько крови, что все племя великановъ погибло, за исключеніемъ одного, который вмѣстѣ съ своими спасся. Имя его было Бергельмеръ; онъ взошелъ на корабль и такъ убѣжалъ; въ его-то лицѣ и сохранилось потомство великановъ. Это подтверждается и стихомъ: „Много зимъ тому назадъ, прежде нежели образовалась земля, родился Бергельмеръ, и я знаю, что этотъ премудрый гигантъ, сѣвъ на корабль, спасся, и отъ него пошло племя гигантовъ“.

Но, спросилъ *Ганглеръ*: Что̀ же сдѣлали послѣ дѣти Бора, которыхъ вы считаете добрыми существами?—*Гаръ* отвѣчалъ: Они сдѣлали не мало, а именно, вытащили изъ пропасти тѣло Имера и образовали изъ него землю. Изъ его крови вышли моря и рѣки, изъ мяса земля, изъ костей скалы; камни и дерево изъ большихъ и малыхъ зубовъ и изъ обломковъ костей. Изъ черепа устроили небо и накинули его надъ землей. Вся земля была раздѣлена ими на 4 части и въ каждой части они поставили правителя; эти части назывались: востокъ, западъ, югъ и сѣверъ. Послѣ того они взяли искры и пламя изъ Муспильгейма и помѣстили ихъ на небѣ для освѣщенія земли. Они указали небеснымъ свѣтиламъ ихъ мѣста и опредѣлили ихъ движеніе, такъ-что по нимъ можно было считать годы, дни и часы.

О томъ сказано и въ Волуспѣ: „Солнце не знало своего мѣста, луна своей силы; и звѣзды не знали, гдѣ имъ стать. Земля кругла и окружена глубокимъ моремъ, на берегу котораго боги отвели поселеніе для гигантовъ; внутри же на землѣ построили городъ, чтобы великаны не могли нанести войны людямъ". На эту постройку были употреблены рѣсницы Имера; городъ и укрѣпленіе назвали „Срединнымъ садомъ". Изъ мозгу Имера сдѣлали облака, какъ о всемъ томъ сказано въ Волуспѣ: „Изъ мяса Имера сдѣлана земля; изъ его пота море; изъ костей горы; изъ волосъ трава; изъ головы небо; изъ рѣсницъ милосердые боги устроили божьимъ дюдямъ Срединный-Садъ. Но!.... изъ мозгу вышли грозныя облака".

Пятая парабола.

О сотвореніе мужа и жены.

Много же ими сдѣлано, возразилъ *Ганглеръ*, если дѣти Бора устроили все это въ мірѣ. Но откуда происходятъ люди, живущіе теперь на землѣ?—*Гаръ* отвѣчалъ: Разъ гуляли сыновья Бора по морскому берегу и нашли два полѣна, взяли ихъ въ руки и выдѣлали изъ нихъ людей, Аска (мужчину) и Эмблу (женщину).

Гаръ далъ имъ душу и жизнь; Яфнгаръ — умъ, движеніе и разумъ, а Треди—слухъ, зрѣніе, языкъ, одежду, ловкость и имя; и назвали они одного Аскъ, а другую Эмбла; отъ нихъ-то и произошелъ весь родъ человѣческій, которому указано было жить въ Срединномъ Саду. Тамъ, говорилъ *Гаръ*, находится мѣсто Гильдскяльфъ, откуда Одинъ съ своего трона обозрѣваетъ весь міръ, видитъ дѣянія людей и разумѣетъ все, что видитъ.

Жена Одина, Фригга, дочь Фіорсуна; отъ нихъ произошло все племя, которое мы называемъ Азами. Вотъ почему Одина должно считать отцомъ всѣхъ, потому что отъ него произошли и боги, и люди, и всѣ вещи. Эрда (т.-е. земля) была его дочерью и женою; отъ нея Одинъ имѣлъ перворожденнаго сына Тора; этому богу сопутствуютъ сила и мощь, и потому онъ надъ всѣмъ господствуетъ и торжествуетъ.

Одиннадцатая парабола.

О Торѣ, сынѣ Одина.

На вопросы *Ганглера* о другихъ божествахъ, *Гаръ* отвѣчалъ ему: Между всѣми Азами знатнѣйшій и могущественнѣйшій — Торъ; его называютъ Азъ-Торъ, и Ока-Торъ. Онъ сильнѣйшій и высочайшій изъ всѣхъ, боговъ и людей. Его государство—Трутъ-Вангуръ, а замокъ — Бильстормеръ. Въ его дворцѣ 450 залъ; это — величайшее зданіе, какое существуетъ на свѣтѣ. У Тора есть два козла: одинъ называется Тангніостуръ, а другой Тангериснпръ, и колесница, которую они влекутъ, когда Торъ отправляется въ страну гигантовъ, почему онъ и называется Ока-Торъ (быстрый).

Сверхъ того онъ владѣетъ тремя важными сокровищами; первое—молотъ, называемый Міолнеръ, который хорошо знаютъ гиганты, какъ онъ рѣжетъ воздухъ; много срублено имъ непріятельскихъ головъ, и головъ ихъ отцовъ и дѣдовъ; другое — поясъ, называемый Мейгингіорднорь; когда онъ его надѣваетъ, то сила его удвоивается; третье и самое драгоцѣнное—желѣзная перчатка, безъ которой онъ не можетъ обойтись, когда беретъ въ руки Міолнеръ. Но нѣтъ человѣка столь мудраго и искуснаго, который могъ бы разсказать дѣянія и чудесные подвиги Тора. Я могъ бы разсказать очень много, но день стемнѣетъ прежде, нежели я успѣю окончить.

Двадцать-третья парабола.

Подвиги Тора и борьба его съ гигантами.

Однажды Торъ отправился странствовать по свѣту вмѣстѣ съ Локи (также изъ фамиліи Азовъ) и заложилъ двухъ козловъ въ колесницу; въ такомъ сообществѣ онъ прибылъ въ хижину одного поселянина и, расположившись тамъ, въ тотъ же вечеръ убилъ своихъ козловъ, снялъ съ нихъ шкуру, а мясо сварилъ въ горшкѣ. За тѣмъ Торъ сѣлъ ѣсть и пригласилъ къ столу отца семейства, жену и дѣтей: придите и поѣшьте! Сына звали Тіальфомъ, а дочь Рауской. Разложивъ шкуры козловъ у огня, Торъ сказалъ хозяину и его семейству, чтобы каждый складывалъ кости на кожу. Но Тіальфъ, сынъ хозяина разрубилъ ножемъ одну кость, доставшуюся ему въ руки. Торъ поужинавъ и проведя у нихъ ночь, всталъ рано утромъ, до восхода солнца, и одѣлся. Взявъ въ руки Міолнеръ, онъ высоко приподнялъ его надъ жертвенными козлами, и оба козла вслѣдствіе того ожили. Но одинъ козелъ захромалъ на заднюю ногу. Когда Торъ замѣтилъ это, тотчасъ же сказалъ: „Кто-нибудь, или хозяинъ или его дѣти, неосторожно обошелся съ ногою козла“; и дѣйствительно, одна нога оказалась переломленяою. Нужно-ли дальше разсказывать? Каждый легко пойметъ, какъ перепугался хозяинъ и впалъ въ ужасъ, когда увидѣлъ, что Торъ въ гнѣвѣ опустилъ глаза. По лицу Тора хозяинъ заключилъ, что онъ будетъ убитъ на мѣстѣ однимъ его взглядомъ. Торъ же схватилъ Міолнеръ и такъ сжалъ обѣими руками, что пальцы побѣлѣли. Хозяинъ безъ чувствъ повалился на землю, и вся его семья со слезами просила о помилованіи и клятвенно обѣщала за это преступленіе отдать Тору себя и все свое имущество. Видя такое раскаяніе, Торъ укротился и взялъ только съ собою дѣтей хозяина, Тіальфа и Рауску, съ тѣмъ, чтобы они оказывали ему повиновеніе и служили, сопровождая его всюду, куда бы онъ ни пошелъ.

Оставивъ тамъ своихъ козловъ, Торъ отправился въ новый путь и пошелъ къ берегамъ Океана. Переплывъ чрезъ глубокое море, онъ достигъ, вмѣстѣ съ Локи, Тіальфомъ и Рауской, материка. Пустившись впередъ, они очутились въ ужасной и громадной пустынѣ, по которой шли цѣлый день до самаго вечера. Тіальфъ, какъ самый быстрый на ходу, несъ мѣшокъ Тора съ припасами: въ тѣ времена

было трудно достать пищу на дорогѣ. Когда наступила ночь и стемнѣло, они со страхомъ стали искать пристанища, и наконецъ нашли для покоя хижину довольно большую, но дверь у ней была во весь домъ; они рѣшились провести въ ней ночь. Посреди ночи случилось страшное землетрясеніе: земля поколебалась. Торъ всталъ и созвалъ своихъ Азовъ, предлагая имъ избрать другое мѣсто для покоя. Самъ онъ сѣлъ на стражу, а прочіе укрылись не безъ страху. Торъ взялъ въ руки свой Міолнеръ, приготовился къ защитѣ своихъ, но скоро услышалъ страшный шумъ. Когда начался день, Торъ вышелъ и увидѣлъ вблизи себя человѣка ужасающаго роста; великанъ крѣпко спалъ и храпѣлъ. Тогда Торъ понялъ причину ихъ безпокойства ночью. Онъ подпоясался, чтобы удвоить свою силу; между тѣмъ великанъ проснулся и вытянулся во весь ростъ. Говорятъ, что этотъ разъ богъ Торъ впервые удержался, чтобы не поразить прямо своего противника мечемъ, и спросилъ объ имени. Тотъ отвѣчалъ, что его зовутъ Скримеръ, и прибавилъ: „Тебя не нужно спрашивать, какъ зовутъ; я знаю тебя хорошо, и кто ты, и какъ твое имя. Я знаю: ты—богъ Азъ-Торъ. Но за чѣмъ ты стащилъ съ меня перчатку“? Тогда Торъ понялъ, что онъ провелъ ночь въ перчаткѣ гиганта, и что хижиною ему служило мѣсто большого пальца.

Потомъ Скримеръ спросилъ у Тора, хочетъ-ли онъ вмѣстѣ съ своею свитою слѣдовать за нимъ. Когда Торъ согласился, великанъ взялъ на себя оба мѣшка и шелъ цѣлый день огромными шагами, опереживая всѣхъ. Къ вечеру Скримеръ расположился для сна отдѣльно отъ другихъ подъ высокимъ дубомъ. „Я лягу, сказалъ онъ Тору, поспать, и вы выньте пищу изъ мѣшка и поужинайте“. Скримеръ уснулъ и страшно захрапѣлъ, а богъ Торъ принялся развязывать мѣшокъ, чтобы накормить своихъ. Но это вѣрно, хотя и кажется невозможнымъ: Торъ не могъ развязать ни одного узла на мѣшкѣ, ни найти концевъ ремня, чтобы распутать остальное. Видя это, Торъ пришелъ въ ярость; онъ схватилъ обѣими руками Міолнеръ, подошелъ къ Скримеру и ударилъ его молотомъ по головѣ. Но великанъ только проснулся и спросилъ: Никакъ древесный листокъ упалъ мнѣ на голову? а вы, что же не ѣдите, развѣ не хотите спать?—Торъ отвѣчалъ: Мы пойдемъ скоро спать, только ляжемъ подъ другимъ деревомъ. Они пошли подъ другое дерево. Но я говорю по всей правдѣ: тамъ они провели не лучше остатокъ ночи. Въ полночь Торъ услышалъ, что Скримеръ уснулъ и захрапѣлъ такъ, что весь лѣсъ заколыхался и загудѣлъ. Тогда онъ всталъ, подошелъ къ Скримеру, замахнулся Міолнеромъ надъ головой великана и такъ попалъ ему въ щеку, что молотъ увязъ. Скримеръ проснулся въ ту же минуту и сказалъ: Это что? кажется зернышко упало мнѣ на голову. А ты, Торъ, почему не спишь?—Торъ попятился назадъ, но отвѣчалъ тотчасъ: Я самъ только что проснулся; впрочемъ еще полночь, и остается довольно времени поспать. — А про себя Торъ думалъ: Еслибъ мнѣ представился еще случай, я нанесъ бы ему такой третій ударъ, что мы больше не увидались бы. Торъ прилегъ и вслушивался, не успетъ-ли Скримеръ, и предъ разсвѣтомъ великанъ захрапѣлъ. Тогда онъ всталъ, поспѣшилъ къ нему и раз-

махнувшись молотомъ изо всей силы, такъ ударилъ имъ въ високъ, что Міолнеръ ушелъ весь въ голову. Скримеръ соскочилъ и, ощупывая рукой голову, замѣтилъ: Вѣрно надъ моей головой сидятъ птицы? на мою голову съ дерева упалъ колосъ; а ты, Торъ, и не спалъ, теперь же время вставать. Впрочемъ до города Утгарда (столица гигантовъ) уже не далеко. Вы тамъ что-то шептались, что я слишкомъ большого роста; а подите въ Утгардъ: тамъ вы увидите настоящихъ великановъ. Я далъ бы вамъ совѣтъ, придя туда, не слишкомъ много думать о себѣ: мнѣ очень хорошо извѣстно, что тамошніе придворные не охотно переносятъ хвастливыя рѣчи маленькихъ людей. Даже я посовѣтовалъ бы вамъ, какъ самое благоразумное, воротиться назадъ. Впрочемъ, если вы рѣшились, то идите на востокъ, а моя дорога на сѣверъ, въ ту сторону, гдѣ, вы видите, обрывистыя скалы. — За тѣмъ Скримеръ накинулъ на плечи мантію и мѣшокъ, а самъ лѣсомъ пошелъ прочь отъ нихъ.

Двадцать-четвертая парабола.

Торъ въ Утгардѣ.

Когда Торъ и спутники шли такимъ образомъ до полудня, имъ представился городъ, котораго высоты они не могли даже обозрѣть, закидывая голову совсѣмъ на спину. Они подошли къ нему ближе, но рѣшетки оказались запертыми. Торъ бросился на рѣшетку, но не могъ отворить воротъ и войти въ городъ; наконецъ, его спутники пролѣзли чрезъ рѣшетку. Они вошли въ городъ и увидѣли страшной величины дворецъ, къ которому ходы были всѣ заперты; но тѣмъ не менѣе имъ удалось проникнуть во дворъ, и они увидѣли на скамейкахъ съ обѣихъ сторонъ множество людей; большая часть ихъ была огромнаго роста. Путники приблизились къ ихъ королю, по имени Утгардъ-Локъ, и дружески привѣтствовали его. Но король, осматривая ихъ долго, хотя скрежеталъ зубами, но съ насмѣшливою улыбкой сказалъ Тору: Ты приходишь немного поздно, чтобы надѣлать шумъ въ мірѣ; если я не ошибаюсь, ты тотъ человѣчекъ котораго называютъ Аза-Торъ; я ожидалъ увидѣть тебя большимъ, нежели какимъ ты представляешься мнѣ. Въ чемъ же состоитъ искусство и ловкость, какъ твоя, такъ и твоихъ спутниковъ? У насъ никто не можетъ оставаться, если онъ не знаетъ какого нибудь искусства и не превосходитъ имъ другихъ. — Тогда выступилъ впередъ одинъ изъ занимавшихъ послѣднее мѣсто въ свитѣ Тора и объявилъ, что онъ готовъ помѣряться своимъ искусствомъ, а его искусство состоитъ въ томъ, что онъ изъ всѣхъ присутствующихъ будетъ ѣсть больше всѣхъ и скорѣе всѣхъ. На это отвѣчалъ Утгардъ-Локъ: Я всегда считалъ это за искусство, но ты докажи мнѣ свои слова на дѣлѣ; мы испытаемъ тебя.—Онъ подозвалъ къ себѣ одного изъ придворныхъ, который сидѣлъ позади другихъ по имени Логъ, и приказалъ ему идти на передній дворъ состязаться съ Локи въ его искусствѣ. Между тѣмъ туда принесли большое корыто съ мясомъ; съ одного конца усѣлся Локи а съ другого Логъ, и оба на-

чали поспѣшно ѣсть до тѣхъ поръ, пока не встрѣтились по срединѣ корыта; Локи, правда, съѣлъ всю свою порцію исключая костей, но Логъ съѣлъ и кости, и мясо, и даже половину корыта. Всѣ признали Локи побѣжденнымъ.

Тогда король утгардскій спросилъ: А этотъ молодой человѣкъ, Тіальфъ, спутникъ Тора, какое искусство онъ знаетъ? — Тіальфъ отвѣчалъ: Я желалъ бы, чтобы кого нибудь выбрали помѣряться со мной на бѣгу. Утгардъ-Локъ отвѣчалъ: Вотъ отличное искусство! я имѣю о тебѣ хорошее понятіе уже по выбору самаго подвига, и мы безъ потери времени приступимъ къ испытанію. За тѣмъ онъ всталъ и вышелъ.

Тамъ было широкое ристалище; Утгардъ-Локъ вызвалъ одного изъ своихъ придворныхъ, по имени Гуго, и приказалъ ему состязаться съ Тіальфомъ. Противники изготовились къ дѣлу, и на первомъ поприщѣ Гуго такъ обогналъ Тіальфа, что успѣлъ добѣжать до цѣли прежде, нежели Тіальфъ достигъ конца. Утгардъ-Локъ замѣтилъ: Тебѣ нужно сдѣлать больше усилія, если ты хочешь выиграть; впрочемъ, я сознаюсь, что до сихъ поръ никто не являлся къ намъ, кто былъ бы ловче тебя; попытайтесь сдѣлать второе поприще! — Гуго опять прибѣжалъ къ цѣли и оглянулся назадъ, но Тіальфъ отсталъ отъ него на полетъ камня. Тогда заговорилъ Утгардъ-Локъ: Вы оба хорошо бѣгаете, но, я думаю, Тіальфу не побѣдить. Третье поприще покажетъ, кто одержитъ верхъ.—Они поспорили въ третій разъ, и Гуго добѣжалъ до цѣли и назадъ прежде нежели Тіальфъ достигъ половины. Тогда всѣ присутствующіе закричали: довольно!

Двадцать-пятая парабола.

Испытаніе бога Тора.

Тогда спросилъ Утгардъ-Локъ самого Тора, какое искусство можетъ показать онъ, который прославился такъ чудесною силою и заслужилъ добрую молву?—Торъ отвѣчалъ: Я хотѣлъ бы поспорить съ кѣмъ нибудь, кто изъ насъ больше выпьетъ. — Утгардъ-Локъ замѣтилъ, что онъ посмотритъ охотно на подобное состязаніе, и пошелъ во дворецъ. Вскорѣ принесли „Рогъ примиренія“, который выпивали провинившіеся придворные; кравчій выступилъ впередъ и подалъ чашу Тору. Утгардъ-Локъ провозгласилъ: Кто можетъ залпомъ выпить этотъ рогъ, о томъ думаютъ, что онъ хорошо пьетъ; нѣкоторые выпиваютъ его въ нѣсколько пріемовъ, но здѣсь нѣтъ ни одного столь слабаго, чтобы не выпить въ три глотка.—Тора мучила сильная жажда, онъ схватилъ рогъ и потянулъ изъ него сильно, чтобы не прикладывать вторично къ губамъ. Но надобно было перевести духъ; Торъ остановился и посмотрѣлъ въ рогъ, но замѣтилъ, что отпито мало. Утгардъ-Локъ воскликнулъ: Хорошо, но не много ты выпилъ; еслибы я не видѣлъ своими глазами, то не повѣрилъ бы, что Аза-Торъ однимъ глоткомъ не можетъ взять больше; впрочемъ я думаю, что

ты кончишь вторымъ пріемомъ.—Торъ промолчалъ и не далъ отвѣта. Онъ приложилъ рогъ вторично къ губамъ, потянулъ съ силою, но послѣ замѣтилъ, что нынѣшній разъ выпито меньше перваго. Тогда Утгардъ-Локъ воскликнулъ: Что это значитъ Торъ? у тебя не хватаетъ силъ; впрочемъ, я не теряю надежды, что третьимъ разомъ ты покончишь. Если же ты и въ прочихъ дѣлахъ не лучше отличаешься, какъ въ питьѣ, то у насъ ты не будешь пользоваться тѣмъ уваженіемъ, какъ тебя прославляютъ Азы.—Торъ пришелъ въ раздраженіе и началъ третій пріемъ, собравъ къ тому всѣ свои силы; потомъ посмотрѣлъ въ рогъ и замѣтилъ, что онъ только теперь порядочно отпилъ. Послѣ того онъ не продолжалъ состязанія и возвратилъ кравчему рогъ.

Утгардъ-Локъ сказалъ, видя это: Теперь ясно, что ты далеко не имѣешь такой силы, какую мы предполагали въ тебѣ; но не хочешь-ли ты подвергнуться другимъ испытаніямъ? Впрочемъ, ты самъ видишь, что едва-ли здѣсь тебѣ удастся побѣдить. — Торъ отвѣчалъ: Я согласенъ на всякія испытанія; но меня удивило бы, еслибы дома, у Азовъ, кто нибудь захотѣлъ усомниться, что я могу много выпить. Какое хотите предложить мнѣ состязаніе? — Утгардъ-Локъ возразилъ: У насъ есть пустая игра, которой забавляются юноши, а именно поднять на воздухъ моего кота; я не осмѣлился бы предложить Азѣ-Тору подобное испытаніе, еслибы не убѣдился изъ предъидущаго, что ты обладаешь гораздо меньшими силами, нежели какъ мы то думали прежде.—Вскорѣ за тѣмъ показался на площади громадный котъ пепельнаго цвѣта; Торъ подбѣжалъ къ нему и положилъ руку подъ животъ, но котъ перегнулся такъ, что едва одна его нога отдѣлилась отъ земли. Утгардъ-Локъ замѣтилъ: Котъ очень великъ, а Торъ, въ сравненіи съ здѣшними людьми, маленькій человѣкъ. Торъ возразилъ: Если я такой маленькій, то пусть выступитъ впередъ тотъ, кто осмѣлится сразиться со мной, когда я распаленъ гнѣвомъ.—Утгардъ-Локъ посмотрѣлъ вокругъ и сказалъ: Здѣсь я не знаю ни одного, кто не счелъ бы легкимъ дѣломъ бороться съ тобою; но приведите сюда мою бабушку Элли, и пусть Торъ сразится съ нею, если онъ не имѣетъ ничего противъ того; она побѣждала мужей не слабѣе Тора.

Тогда вышла впередъ беззубая старушонка, и Утгардъ-Локъ просилъ ее сразиться съ Аза-Торомъ. Какъ разсказать это? Чѣмъ болѣе Торъ поражалъ ее, тѣмъ она тверже стояла; но когда она начала наступать на Тора, то онъ невсегда могъ удерживаться на ногахъ, и разъ припалъ на одно колѣно. Тогда Утгардъ-Локъ подошелъ и остановилъ борьбу, говоря: Теперь нѣтъ никакой надобности другимъ моимъ царедворцамъ состязаться съ Торомъ.

По наступленіи ночи, Утгардъ-Локъ пригласилъ странниковъ къ ужину и разсадилъ ихъ. Они у него спали и провели ночь въ безопасности. Рано встали спутники Тора, одѣлись и собрались въ дорогу. Но Утгардъ-Локъ пришелъ къ гостямъ, и, приготовивъ столъ, далъ имъ великолѣпный пиръ. Наконецъ, гости удалились, и Утгардъ-Локъ проводилъ ихъ до предѣловъ города.

Двадцать-шестая парабола.

Объясненіе предъидущаго.

Торъ провелъ въ этомъ мѣстѣ съ своими спутниками еще одну ночь, и на слѣдующее утро рано собрался въ дорогу. Но прежде ихъ удаленія, Утгардъ-Локъ спросилъ его, что онъ думаетъ о всемъ видѣнномъ у него, и знаетъ-ли онъ кого нибудь, кто превосходилъ бы его силою и могуществомъ. Торъ отвѣчалъ на это:—Признаюсь, мое посѣщеніе твоего города принесло мнѣ не много чести; я знаю, что вы меня прославили ничтожнымъ человѣкомъ, и это меня весьма огорчаетъ.—Тогда Утгардъ-Локъ сказалъ:—Теперь я скажу тебѣ всю правду, такъ какъ ты удаляешься изъ нашего города и не возвратишься въ него никогда, пока я живъ и царствую. Еслибы ты могъ знать, что ты имѣешь такую страшную силу, и что мы будемъ находиться въ такой опасности, то я тебя никогда не впустилъ бы въ городъ. Но мы надъ тобой подшутили, при помощи волшебства и обмана. Сначала я самъ встрѣтился съ тобою въ лѣсу, и завязалъ тебѣ мѣшокъ желѣзными прутьями такъ, что ты не могъ его развязать. Затѣмъ ты пытался три раза убить меня своимъ міолнеромъ; твой первый, хотя и легкій ударъ былъ такъ силенъ, что я остался бы на мѣстѣ, еслибы заранѣе не принялъ мѣръ. Недалеко отъ моего города ты увидишъ скалу и въ скалѣ три расщелины, и послѣдняя изъ нихъ самая глубокая. Это работа твоего молота. Въ борьбѣ же твоей съ моими царедворцами я употреблялъ слѣдующія чары. Твой Локи былъ очень голоденъ и жадно ѣлъ мясо, но тотъ, кто съ нимъ состязался, былъ некто иной, какъ всепоѣдающій *огонь*, который пожралъ и мясо, и кости, и корыто. Гуго, съ которымъ взапуски бѣгалъ Тіальфъ, былъ некто иной, какъ моя *мысль*, и невозможно, чтобы Тіальфъ могъ опередить мысль. Ты самъ старался выпить рогъ, и я признаюсь, что твой подвигъ превосходитъ всякую мѣру, и со временемъ сочтется за чудо, которому и я не повѣрилъ бы, еслибы не видѣлъ его своими глазами. Конецъ рога соединялся съ моремъ, чего ты не замѣтилъ, а между тѣмъ, выпилъ столько, что, поди къ морю, и ты увидишь, какъ ты его осушилъ. Не менѣе было удивительно и то, когда ты, приподнимая кота, отдѣлилъ одну его ногу отъ земли; всѣ видѣвшіе это пришли въ ужасъ. Это былъ не котъ, какъ тебѣ казалось, а огромный червь, опоясывающій всю землю, голова и хвостъ котораго касаются другъ друга; ты же его приподнялъ такъ, что не много не досталъ до неба. Величайшимъ же чудомъ была твоя борьба съ беззубою вѣдьмой, и ты выдерживалъ ея удары такъ, что только опустился на одно колѣно. Эта старуха была старость, или смерть, и на землѣ не было и не будетъ никого, кого бы она не поразила. Теперь мы разстаемся съ тобой, и, мнѣ кажется, для насъ обоихъ было бы лучше всего, еслибы ты не приходилъ ко мнѣ снова, тѣмъ болѣе, что на будущее время я укрѣплю свой городъ такими чарами, что вы ничего не сдѣлаете со мною. Торъ, услышавъ это, замахнулся своимъ молотомъ и поразилъ Утгардъ-Лока такъ, что его болѣе нигдѣ не видали. Послѣ того богъ

Торъ возвратился къ тому городу, чтобы срыть его, но придя на то мѣсто, гдѣ онъ стоялъ, не нашелъ ничего, кромѣ ровныхъ и зеленѣющихъ полей; не было видно никакого города. Тогда онъ поворотилъ назадъ и отдохнулъ не прежде, какъ прибывъ въ свой Трутъ-Вангуръ. Какъ полагаютъ, это было мѣстопребываніе бога Тора.

Снорро-Стурлезонъ.

Снорро-Стурлезонъ († 1241 г.), исландскій уроженецъ, составилъ вторую Эдду въ прозѣ, какъ бы для объясненія древней поэтической Эдды Семунда (см. о ней выше, на стр. 246). Она изложена въ формѣ откровенія, даннаго самимъ божествомъ одному изъ древнихъ королей Скандинавіи, почему ея первая часть и носитъ названіе *Gilv Ginnung*, т.-е. „Откровеніе Гильфа", такъ назывался этотъ король. Вся первая часть раздѣлена на 30 слишкомъ параболъ. Вторая часть новой Эдды называется Skalda и состоитъ изъ правилъ грамматики, риторики и піитики для приготовляющихъ себя къ званію скальда, т.-е. поэта. Новая Эдда была найдена и публикована въ 1623 г. Джонсономъ. О переводахъ и изданіяхъ ея см. выше, на стр. 247.

21.—Пѣсни Эдды о Нифлунгахъ.

(Въ 1851 г.).

Въ сферѣ поэзіи нерѣдко встрѣчаются произведенія, наслажденіе которыми достается читателю, можно сказать, съ боя, вслѣдствіе напряженнаго усилія и изученія. Стыдливая красота такихъ произведеній неохотно выступаетъ наружу изъ-подъ причудливой формы, въ которую заключило ее своенравіе художника, или особенный, историческими условіями опредѣленный, складъ народной мысли. Этою независимою отъ внѣшняго убора красотою внутренняго содержанія отличаются поэтическіе памятники исландской литературы. Въ нихъ не должно искать ни изящной формы классическаго и вообще южнаго искусства, ни свѣтлаго, успокоивающаго душу взгляда на жизнь. За то въ сумрачномъ мірѣ скандинавской поэзіи мы встрѣтимъ образы, давно отмѣченные трагическою красотою страданія, носящіе въ себѣ такой избытокъ силъ и скорби, что ихъ можно принять за могучихъ прадѣдовъ выродившагося и слабодушнаго страдальца, который сдѣлался типическимъ героемъ новыхъ европейскихъ литературъ.

Заселеніе Исландіи началось въ одно время съ разложеніемъ древняго языческаго и гражданскаго быта на Скандинавскомъ полуостровѣ. Въ концѣ XI в. по Р. Х., пали мелкія владѣнія прежнихъ конунговъ, уступая мѣсто единодержавію Эйриха Упсальскаго въ Швеціи, Горма Стараго въ Даніи и Гаральда Прекрасноволосаго въ Норвегіи. Тогда же проникли въ пустыни и лѣса Скандинавіи первые проповѣдники христіанства, св. Ансгарій и его послѣдователи. Цар-

ствованію Одина и Азовъ наступилъ конецъ. Но этотъ переломъ въ народныхъ вѣрованіяхъ и привычкахъ не могъ совершиться безъ мучительной и упорной борьбы. Многочисленные приверженцы старины ушли добровольно изгнанниками отъ новаго, возникавшаго на ихъ родинѣ, порядка вещей. Исландія была для нихъ тѣмъ, чѣмъ сдѣлалась Америка для гонимыхъ сектъ и мнѣній западной Европы въ XVII столѣтіи. Далекій, бѣдный дарами природы, островъ [1]), принялъ на свою почву не бездомныхъ бѣглецовъ, спасавшихся отъ преслѣдованія закона или отъ голодной смерти, а цвѣтъ норвежскаго и вообще скандинавскаго племени, потомковъ древней аристократіи, ведшихъ свое происхожденіе отъ Азовъ и не хотѣвшихъ измѣнить религіознымъ и политическимъ преданіямъ, съ которыми связано было значеніе ихъ родовъ. Они принесли съ собою въ новое отечество, вмѣстѣ съ прекраснымъ и звучнымъ языкомъ, цѣлую вымиравшую въ собственной Скандинавіи миѳологію и изумительное богатство героическихъ пѣсней и преданій.

Такимъ образомъ, Исландіи досталось на долю быть послѣднимъ убѣжищемъ скандинавскаго язычества и связаннаго съ нимъ гражданскаго быта. Отрѣшенная своимъ положеніемъ отъ живого движенія исторіи, страна, въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, хранила этотъ бытъ, какъ поучительную для будущихъ поколѣній окаменѣлость. Даже по принятіи христіанства, исландцы оставались вѣрны обычаямъ старины. Тамошнее духовенство не принимало участія въ честолюбивыхъ стремленіяхъ римско-католической іерархіи и предпочитало родной языкъ латинскому, сковавшему надолго самостоятельное развитіе западныхъ литературъ. Исландскіе священники не только не истребляли, по примѣру своихъ южныхъ собратій, памятниковъ языческой старины, но тщательно собирали ихъ и хранили при помощи ими же введенной азбуки. Такъ образовалась исландская литература, главныя произведенія которой принесены были на этотъ островъ колонистами IX и X столѣтій, хранились долгое время въ памяти народа и потомъ уже, въ эпоху христіанства и грамотности, преданы письму. Однимъ изъ древнѣйшихъ сборниковъ такого рода считается старая Эдда, составленная въ началѣ XII вѣка изъ миѳологическихъ и эпическихъ пѣсень, записанныхъ священникомъ Семундомъ Вѣщимъ. Семундова Эдда относится къ позднѣйшей поэзіи скальдовъ, отъ которой ее не всегда должнымъ образомъ отличаютъ, какъ вообще народная пѣсня относится къ искусственной поэзіи, подчиненной многосложнымъ правиламъ и носящей на себѣ отпечатокъ личности поэта. Пѣсни Эдды, въ особенности миѳологическія, принадлежатъ самой глубокой древности. Въ нихъ скандинавъ высказалъ вполнѣ свое воззрѣніе на жизнь боговъ и человѣка. Воззрѣніе это мрачно, какъ природа и исторія, которыя его воспитали.

---

[1]) Впрочемъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что до X ст. климатъ Исландіи былъ мягче и почва плодороднѣе, чѣмъ теперь. Островъ, по свидѣтельству исландскихъ сагъ, былъ покрытъ лѣсами, которыхъ въ настоящее время нѣтъ вовсе, а жители занимались земледѣліемъ. Теперь хлѣбъ не родится болѣе, а выписывается изъ Даніи.

Поклонникъ Азовъ носитъ въ груди своей скорбное сознаніе, что боги его не вѣчны, что они такія же преходящія существа, какъ онъ самъ. Немолчно поетъ пророчица Вола о предстоящей богамъ погибели. Въ другой пѣсни Эдды (Loka-sena), злой Азъ Локи осыпаетъ прочихъ Азовъ язвительными насмѣшками и бранью. Впечатлѣніе, производимое этою пѣснію, которую многіе ошибочно принимали за позднѣйшую вставку христіанскаго монаха, глубоко трагическое. Въ ея звукахъ слышится болѣзнь языческой души, противъ воли отрѣшающейся отъ древнихъ вѣрованій и горько сѣтующей на оставленныхъ ею боговъ за ихъ несостоятельность. Въ изступленіи недовольной обычными опасностями отваги, скандинавскіе витязи часто вызывали на бой Одина и Тора, самыхъ сильныхъ въ сонмѣ Азовъ, и ругались надъ ними за то, что они не отвѣчали на безумный вызовъ. Только христіанство могло божественною силою своею успокоить эту страшную тревогу сѣвернаго духа и обуздать его титаническіе порывы.

Эпическій отдѣлъ Эдды посвященъ судьбѣ трехъ знаменитыхъ, обреченныхъ богами на великую славу и великія страданія, родовъ: Вользунговъ, Нифлунговъ и Будлинговъ. До насъ дошла только часть этихъ исполненныхъ высокой поэзіи и по содержанію тѣсно связанныхъ между собою пѣсень. Нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ равно германскому и сѣверному эпосу. Сигурдъ Эдды и нѣмецкій Сигфридъ—одно и тоже лицо; Нифлунги суть Нибелунги; Атли—Этцель. За то пѣсни о Вользунгахъ составляютъ исключительную собственность Скандинавіи. Изъ этихъ пѣсень сохранились только три, которыхъ героемъ является Гельги, внукъ Вользунга и братъ Сигурда. Гельги вовсе неизвѣстенъ нѣмецкой сагѣ, но между скандинавскими героями ему нѣтъ равнаго. Онъ стоитъ выше даже брата своего Сигурда, связующаго судьбу Вользунговъ съ судьбою Нифлунговъ. Преданіе о послѣднихъ составитъ содержаніе нашей статьи. Мы не войдемъ въ разборъ отношенія, существующаго между пѣснями Эдды и германскимъ эпосомъ, который очевидно моложе. Слѣдуя примѣру, съ такимъ успѣхомъ поданному Гротомъ (Groote) при изложеніи греческихъ миѳовъ и народныхъ преданій, мы не станемъ доискиваться таинственнаго смысла, сокрытаго въ сагѣ о Нифлунгахъ, и постараемся передать нашимъ читателямъ простое содержаніе этихъ пѣсень, жившихъ въ устахъ и памяти древняго скандинава. Онъ вѣрилъ имъ на слово и, конечно, былъ бы глубоко оскорбленъ попытками новыхъ толкователей, старавшихся обратить могучихъ и полныхъ жизни героевъ сѣверной поэзіи въ блѣдные призраки, символы или аллегоріи.

Источники наши суть: старая Эдда, новая Эдда Снорри Стурлезона и Вользунга-сага.

Въ то время, когда Азы еще странствовали по свѣту, случилось Одину, Локи и Гениру проходить мимо водопада, у котораго сидѣла выдра и ѣла, зажмуривъ глаза, пойманную ею рыбу. Локи бросилъ въ выдру камень и убилъ ее. Довольные такою удачею, Азы пошли далѣе. Вечеромъ они пришли къ хижинѣ чародѣя Грейдмара и попросили у него ночлега. Готовясь къ ужину, они показали своему

хозяину добычу Локи. Грейдмаръ узналъ въ убитомъ звѣрѣ сына своего Огура, славнаго охотника, который подъ видомъ выдры ловилъ рыбу. Раздраженный отецъ позвалъ другихъ сыновей своихъ, Фафнира и Регина, и вмѣстѣ съ ними напалъ на неосторожныхъ гостей. Связанные по рукамъ и ногамъ, Азы предложили, въ видѣ выкупа за совершенное ими убійство, наполнить снятую съ выдры шкуру золотомъ и покрыть ее сверху тѣмъ же металломъ. Грейдмаръ согласился, и Локи отправился за обѣщаннымъ золотомъ. Онъ поймалъ карлика Андвари, который жилъ какъ рыба въ водѣ, и потребовалъ отъ него сокровищъ, спрятанныхъ на рѣчномъ днѣ. Андвари далъ все, кромѣ кольца, которое онъ скрылъ въ рукѣ. Кольцо это одарено было свойствомъ обогащать своего владѣльца. Но Локи замѣтилъ хитрость Андвари, и, не смотря на его просьбы, отнялъ у него волшебное кольцо. Оно погубитъ всѣхъ будущихъ своихъ владѣльцовъ, сказалъ ограбленный карликъ. Кольцо очень нравилось Локи; но ему въ свою очередь не удалось скрыть его отъ Грейдмара, который взялъ его съ остальнымъ золотомъ какъ выкупъ за смерть Отура; причемъ Одинъ подтвердилъ проклятіе, произнесенное Андвари.

Дѣйствія рокового кольца не замедлили обнаружиться. Грейдмаръ былъ убитъ сыновьями, съ которыми онъ не хотѣлъ подѣлиться полученными отъ Азовъ богатствами. Потомъ возникла ссора между Фафниромъ и Региномъ. Первый овладѣлъ наслѣдіемъ отца, удалился на равнину Рвитагейди, и обратившись въ змѣя, сталъ сторожить свои сокровища. Регинъ нашелъ убѣжище при дворѣ короля Хіалпрека. Онъ воспиталъ тамъ послѣдняго изъ Вользунговъ, Сигурда Сигмундсона. Регинъ былъ искусный кузнецъ и сковалъ для своего воспитанника мечъ Грамъ, до того крѣпкій и острый, что имъ можно было и разрубить наковальню и разрѣзать на двое плывшую по водѣ прядь шерсти.

Когда Сигурдъ достигъ совершеннолѣтія, онъ взялъ свой мечъ, сѣлъ на коня Грани и отправился за славою. Пѣсни Эдды о немъ начинаются съ бесѣды его съ Грипиромъ, братомъ его матери. Грипиръ одаренъ знаніемъ будущаго: неохотно повинуется онъ волѣ племянника и открываетъ ему судьбу, его ожидающую. Сигурдъ не довольствуется обѣщанною ему славою; онъ хочетъ знать напередъ, какой конецъ предстоитъ ему. Грипиръ заключаетъ свои предсказанія, составляющія мрачное введеніе къ трагическому эпосу, въ средоточіи котораго стоитъ Сигурдъ, утѣшительными словами: „Лучшаго мужа, чѣмъ ты, не будетъ подъ солнцемъ, Сигурдъ"! Вользунгъ не палъ духомъ предъ неотразимымъ жребіемъ. Онъ благодаритъ дядю: „Простимся же мирно! судьбы никто не одолѣетъ. Ты исполнилъ желаніе мое, Грипиръ! Я знаю: ты предсказалъ бы мнѣ лучшую участь, если бы она была въ твоей волѣ".

Регинъ не забылъ обиды, нанесенной ему Фафниромъ. Онъ убѣждаетъ Сигурда овладѣть сокровищами, которыя были причиною кроваваго раздора въ семействѣ Грейдмара. Но у Сигурда есть другія обязанности. Онъ долженъ отмстить за смерть дѣда и отца, падшихъ въ битвѣ противъ сыновъ Гундинга. „Громко смѣялись бы сыны Гун-

динга“, говоритъ онъ, „отнявшіе старость у Эйлими (отца Гіордисы, матери Сигурда), если бы отвагу витязя воспламеняли золотыя кольца, а не месть за отца“. По совершеніи этой мести, Вользунгъ отправляется на змѣя Фафнира. Онъ вырылъ глубокую яму и сѣлъ въ нее. Кромѣ страшной силы, у Фафнира былъ еще шлемъ Эгира (морского духа), наводившій ужасъ на всю живую тварь. Сигурдъ вонзилъ, однако, мечъ свой прямо въ сердце змѣя, когда тотъ ползъ надъ ямою къ водѣ. Умирающій братъ Регина совѣтуетъ своему побѣдителю быть осторожнымъ и ссылается на собственный примѣръ.

Фафниръ. Съ тѣхъ поръ какъ берегу мое сокровище, я ношу шлемъ Эгира. Я думалъ, что между людьми нѣтъ никого сильнѣе меня. Немного смѣлыхъ видѣлъ я.

Сигурдъ. Не всегда можетъ шлемъ Эгира служить защитою тамъ, гдѣ бьются отважные мужи...

Фафниръ. Черный ядъ билъ изъ ноздрей моихъ, когда я лежалъ на богатомъ наслѣдіи отца моего.

Сигурдъ. Змѣй, сверкающій чешуею, грозно было шипѣніе твое и жестоко сердце. Легко растетъ смѣлость у того, которому данъ шлемъ Эгира.

Совѣты Фафнира, убѣждающаго Сигурда не брать проклятаго Андвари золото и не довѣрять Регину, безполезны. Регинъ приходитъ самъ послѣ смерти брата, пьетъ его кровь и проситъ Сигурда изжарить для него сердце убитаго. Этимъ способомъ надѣялся онъ достигнуть большей мудрости. Сигурдъ, исполняя возложенное на него коварнымъ воспитателемъ порученіе, дотронулся рукою до лежавшаго на огнѣ сердца, обжегъ себѣ палецъ и невольно поднесъ его къ губамъ. Капля Фафнировой крови упала ему въ ротъ, и онъ сталъ понимать языкъ птицъ. Семь орлицъ сидятъ кругомъ его на деревьяхъ и ведутъ между собою рѣчь объ умыслѣ Регина погубить убійцу своего брата и присвоить себѣ его богатства. Сигурдъ слышитъ ихъ разговоръ; ему нельзя болѣе сомнѣваться въ опасности, которая ему угрожаетъ, онъ убиваетъ Регина, и, навьючивъ на коня своего Грани Фафнирово золото, ѣдетъ далѣе.

На высокой горѣ стоитъ окруженная пламеннымъ сіяніемъ и составленная изъ щитовъ ограда. Сигурдъ нашелъ въ ней спавшаго въ полномъ доспѣхѣ воина. Снявъ съ соннаго шлемъ, онъ увидѣлъ черты женскаго лица. То была валкирія Брингильда. Она убила въ битвѣ Гіалмгунара, которому покровитель его Одинъ обѣщалъ побѣду, и въ наказаніе была погружена въ непробудный сонъ. Сигурдъ разрѣзалъ на ней очарованную броню и положилъ конецъ наложенному Одиномъ заклятію. Брингильда объяснила Сигурду значеніе и дѣйствіе различныхъ рунъ. Не смотря на всѣ старанія новыхъ толкователей и переводчиковъ, эта часть Эдды весьма темна. Ясно только то, что подъ различными рунами здѣсь должно разумѣть мудрость и знаніе вообще. Къ загадочнымъ наставленіямъ своимъ валкирія присоединила нѣсколько характеризующихъ образъ мыслей древняго Скандинава совѣтовъ.—Будь вѣренъ друзьямъ, говоритъ она; держи данную клятву; остерегайся совѣта людей, не покидавшихъ родины; избѣгай волшебницъ. „Для смѣлости въ битвѣ воину

нужны добрыя очи, а на ратномъ пути часто сидятъ злыя колдуньи, притупляющія духъ и мечъ“. Не соблазняйся приданымъ дѣвы; не зачинай ссоры подъ вліяніемъ вина; не дай себя сжечь въ оградѣ, окруженной врагами; лучше умереть съ оружіемъ въ рукахъ; не искушай къ легкомысленнымъ поступкамъ чужихъ женъ и дѣвицъ. „Девятый совѣтъ мой тебѣ: не оставляй безъ покрова трупы, лежащіе въ полѣ, какая бы ни была ихъ смерть: отъ заразы, отъ волнъ морскихъ или отъ оружія. Насыпь холмъ въ честь отшедшему, умой ему руки, расчеши и осуши волосы, прежде чѣмъ положишь его въ гробъ. Потомъ моли о сладкомъ снѣ ему. Не довѣряй словамъ родственниковъ убитаго тобою человѣка: вѣрь, что вражда и затаенный гнѣвъ не засыпаютъ никогда. Смотри, какими путями идетъ на тебя бѣда“. Валкирія знаетъ также судьбу Сигурда и свою собственную. Въ словахъ ея много намековъ, обличающихъ это знаніе.

Вользунга-Сага описываетъ знакомство Сигурда съ Брингильдою подробнѣе, чѣмъ Эдда. Нѣкоторыя изъ этихъ подробностей заимствованы изъ пѣсень, до насъ недошедшихъ, другія вставлены, или, лучшее сказать, сочинены самимъ составителемъ Саги. Въ пѣсняхъ Эдды не говорится вовсе о любви Брингильды къ Сигурду до брака ея съ Гуннаромъ. Можно догадываться, что она любила Вользунга; но яснаго свидѣтельства нѣтъ. Такая осторожность показываетъ простое и глубокое поэтическое чувство, которымъ проникнуты эти произведенія народной фантазіи. Въ Сагѣ, напротивъ, находится длинный разсказъ о томъ, какъ Сигурдъ и Брингильда полюбили другъ друга, какъ они обмѣнялись брачными обѣщаніями и даже прижили дочь Аслаугу.

Сигурду не нужно быть супругомъ валкиріи. Онъ женится на прекрасной Гудрунѣ, дочери короля Гіуки и Гримхильды. У Гіуки было еще три сына: Гуннаръ, Гогни и Гутормъ. Они носятъ названіе Гіукунговъ или Нифлунговъ. Сигурдъ соединенъ съ ними тѣсною дружбой и обѣтами ратнаго братства. Когда Гуннаръ задумалъ жениться на дочери Будли, сестрѣ Атли, — Брингильдѣ, Сигурдъ предложилъ ему свою помощь и поѣхалъ съ нимъ за страшною невѣстой. Надобно было побѣдить большія, неодолимыя для Гуннара трудности. Жилище Брингильды окружено со всѣхъ сторонъ яркимъ пламенемъ. Никому еще не удавалось перешагнуть чрезъ эту ограду. Пораженный страхомъ конь Гуннара остановился. Тогда Сигурдъ принялъ видъ Гуннара и на своемъ Грани, который не терпѣлъ другого всадника, промчался чрезъ пламя. Такимъ образомъ была обманута Брингильда, обѣщавшая руку свою тому, кто, преодолѣвъ всѣ опасности, которыми она окружила себя, явится предъ нею женихомъ. Она дала кольцо свое Сигурду, принимая его за Гуннара. Князь гунновъ, такъ называетъ пѣсня Сигурда, провелъ съ нею три ночи, но каждый разъ клалъ между ею и собою обнаженный мечъ. Онъ не коснулся ея ни устами, ни рукою, и передалъ ее во всей чистотѣ непорочной дѣвы ожидавшему ихъ Гуннару.

Цвѣтущее семейство окружаетъ короля Гіуки и супругу его Гримхильду. При дворѣ ихъ живутъ дружно сыновья ихъ и зятья съ же-

нами своими. Но сердце Брингильды неспокойно: злыя норны смутили его. Она любитъ Сигурда и мучительно завидуетъ Гудрунѣ. Полная дурныхъ помысловъ, уходитъ она на снѣжныя горы ночью, когда Сигурдъ ведетъ Гудруну на брачное ложе и заботливо одѣваетъ милую жену. Однажды случилось имъ обѣимъ, Гудрунѣ и Брингильдѣ, мыться въ Рейнѣ. Послѣдняя сошла въ рѣку, говоря, что не хочетъ мочить себѣ голову водою, текущею съ волосъ ея невѣстки. „Мой отецъ былъ сильнѣе твоего отца; мой мужъ совершилъ болѣе великихъ дѣлъ, чѣмъ твой: онъ переѣхалъ чрезъ пламенную ограду, а Сигурдъ былъ слугою короля Хіалпрека“. Тогда сказала ей Гудруна всю правду и показала ей обручальное кольцо, полученное Вользунгомъ, когда онъ принялъ видъ Гуннара. Кольцо это красовалось теперь на рукѣ Гудруны. Брингильда поблѣднѣла какъ мертвецъ и не молвила болѣе слова. Споръ возобновился однако на другой день. Гудруна хвалилась, что люди поютъ объ ея мужѣ: „Его побѣда надъ змѣемъ Фафниромъ лучше всего царства Гуннарова“. Брингильда легла на ложе свое и лежала какъ мертвая. Когда къ ней пришелъ Гуннаръ, она стала упрекать его въ обманѣ и хотѣла убить его. Скорбь ея тронула даже Гудруну, которая послала къ ней утѣшителемъ Сигурда. Предъ нимъ высказала горе свое Брингильда, призналась ему въ ненависти къ малодушному мужу и въ желаніи погубить его самого. Но отмстить Гуннару обманомъ за обманъ она не хотѣла, и рѣшилась сохранить ему вѣрность. Во время этой бесѣды у Сигурда такъ билось сердце, что панцырь его треснулъ на немъ.

Брингильда убѣждаетъ мужа умертвить Сигурда, Гогни совѣтуетъ брату не слушать злой жены; но совѣты его безплодны. Онъ принужденъ самъ согласиться на убійство, въ которомъ, впрочемъ, ни ему, ни Гуннару нельзя принять личнаго участія, потому что они ратные братья Сигурда и клялись ему въ дружбѣ. Меньшой братъ ихъ, Гутормъ, не давалъ такихъ обѣтовъ. Они накормили его волчьимъ и змѣинымъ мясомъ и научили убить соннаго Сигурда. Гутормъ исполнилъ ихъ волю, но умирающій Вользунгъ бросилъ въ него мечъ свой Грамъ и разрубилъ его на двое. Прощаясь предъ смертью, съ женою, Сигурдъ сказалъ ей: „Я знаю, кто задумалъ преступленіе. Всему виною одна Брингильда. Она любила меня болѣе, чѣмъ другихъ людей, а Гуннару я всегда служилъ добромъ“.

Плачъ Гудруны разнесся по всему дому Гіуки, „и засмѣялась отъ полнаго сердца Брингильда, дочь Будли, когда долетѣлъ до нея пронзительный стонъ дочери Гіуки“. Гуннаръ упрекаетъ жену за этотъ злобный хохотъ; но онъ въ тоже время замѣчаетъ, что прекрасное лицо ея блѣднѣетъ. Ты задумала недоброе, говоритъ онъ, ты, кажется, близка къ смерти. Брингильда отвѣчаетъ ему признаніемъ, что она, кромѣ Сигурда, не любила никого, и предвѣщаетъ Нифлунгамъ погибель отъ руки ея брата Атли. Гуннаръ напрасно хочетъ ее успокоить. Она твердо рѣшилась умереть. Слуги ея и рабыни, которыхъ она приглашаетъ послѣдовать ея примѣру, предлагая имъ для предсмертнаго убора свои драгоцѣнности, отказываются, говоря: „Довольно труповъ здѣсь, мы хотимъ жить“. Покрытая

бѣлымъ покрываломъ, въ золотой бронѣ валкиріи, Брингильда исполняетъ свой замыслъ и убиваетъ себя. Въ послѣднихъ словахъ ея странно, но поэтически звучитъ жестокая воля валкиріи и грусть женщины, которой судьба „не дала счастливой любви“. Она предсказываетъ еще разъ будущую участь Нифлунговъ и брата своего Атли; жалѣетъ о малодушіи Гудруны, остающейся въ живыхъ, хотя ей суждено быть причиною гибели всѣхъ близкихъ, и проситъ похоронить себя вмѣстѣ съ Сигурдомъ, положивъ, однако, посрединѣ тотъ же мечъ, который лежалъ между ними, когда Сигурдъ подъ видомъ Гуннара дѣлилъ съ нею брачное ложе. „Положите намъ въ головы двухъ слугъ моихъ, да двухъ къ ногамъ. Еще двухъ собакъ, да двухъ ястребовъ, тогда все будетъ хорошо“, прибавляетъ она сообразно съ суровымъ обычаемъ родины. Слѣдующая затѣмъ пѣсня Эдды передаетъ разговоръ умершей, находящейся на пути въ Гелу (подземный міръ), Брингильды съ исполиншею, которая осыпаетъ ее укорами. Брингильда въ оправданіе себѣ разсказываетъ повѣсть своей жизни. Разсказъ этотъ коротокъ и не содержитъ почти ничего новаго. Видно изъ безпрестанныхъ повтореній, что судьба Сигурда и Брингильды была предметомъ многихъ пѣсень, которыя заимствовали одна изъ другой не только общія черты, но и самыя выраженія.

Первая изъ трехъ пѣсень, носящихъ имя Гудруны, описываетъ сѣтованіе Сигурдовой вдовы. Трудно себѣ представить что́ нибудь проще и поразительнѣе это скорбной пѣсни:

„Однажды хотѣлось умереть Гудрунѣ, когда она печальная сидѣла у ногъ Сигурда. Она не рыдала, не ломала себѣ рукъ и не плакала по женскому обычаю.

Пришли князья, и любовью своею хотѣли разогнать ея горькія думы. Не жаловалась, не плакала Гудруна. Сердце ея ломилось подъ тяжелымъ горемъ.

Блистающія золотомъ, украшенныя жены князей сидѣли предъ Гудруною. Каждая говорила о своихъ страданіяхъ, о самомъ горькомъ въ собственной жизни.

Гіафлога, сестра Гіуки, сказала: Я извѣдала болѣе печали, чѣмъ многія другія. Пять разъ доходила до меня вѣсть о гибели супруговъ. Двухъ дочерей, трехъ сыновей, восемь братьевъ взяла смерть. Я живу одна.

Не жаловалась, не плакала Гудруна, погруженная въ скорбь объ убійствѣ милаго. Сердце ея отвердѣло по смерти властителя.

Тогда молвила Герборга, королева гуннской земли. Мнѣ можно пожаловаться на большее горе. Семь сыновъ и мужъ восьмой пали на южной землѣ подъ убійственной сталью.

Отца и мать и четырехъ братьевъ обманулъ вѣтеръ на морѣ. Волны ворвались въ досчатые бока корабля. Самой мнѣ пришлось хоронить ихъ всѣхъ, напутствовать ихъ въ Гелу. Все это вытерпѣла я въ полгода, и некому было утѣшать меня.

Скоро, послѣ печальныхъ дней, пришли враги, взяли и сковали меня. Каждое утро должна я была убирать жену ярла, завязывать ей обувь.

Она мучила меня ревностію; быстро сыпались на меня ея удары. Не было господина милостивѣе, не было госпожи суровѣе.

Не жаловалась, не плакала Гудруна, погруженная въ скорбь объ убійствѣ милаго. Сердце ея отвердѣло по смерти властителя.

Тогда сказала Гюлронда, дочь Гіуки: ты мудра, пѣстунья, но ты не умѣешь облегчить утѣшеніемъ горе молодой жены. Она сняла покровъ съ головы князя. Сняла ему покровъ съ головы, и обернула щекою къ колѣнамъ супруги. Взгляни на милаго, приложи уста къ его устамъ, какъ цѣловала его при жизни.

Гудруна подняла глаза, увидѣла запекшіеся въ крови волоса вождя и померкшія свѣтлыя очи и разсѣченную мечемъ обитель отваги.

Упала навзничь Гудруна; волоса ея разсыпались, щеки загорѣлись, и дождь полился изъ глазъ на колѣни. Тогда заплакала Гудруна, дочь Гіуки....."

Нифлунги, которыхъ заслонялъ собою Сигурдъ, выступаютъ послѣ его смерти главными дѣйствующими лицами на сцену. Они овладѣли наслѣдіемъ Фафнира и роковымъ кольцомъ, съ которымъ сопряжено проклятіе карлика Андвари. Чтобы отвратить отъ себя кровавое возмездіе за совершонное ими преступленіе, они убили Сигурдова сына и дали Гудрунѣ волшебный напитокъ, который на время отнялъ у нея память. Гримхильда заклинаетъ дочь свою выдти замужъ за брата Брингильды, Будлинга Атли. Этотъ Атли есть не кто другой, какъ знаменитый Аттила, царь гунновъ. Извѣстія о владычествѣ его надъ скандинавскимъ сѣверомъ очевидно ложны; но слава его достигла до крайнихъ предѣловъ Европы, и народная поэзія овладѣла его именемъ, оставляя въ сторонѣ историческую обстановку, которою былъ окруженъ „Бичъ божій". Въ скандинавской Эддѣ и въ нѣмецкихъ Нибелунгахъ (гдѣ его зовутъ Этцелемъ) Аттила является могущественнымъ царемъ гунновъ, при дворѣ котораго происходитъ кровавая развязка трагедіи, начавшейся смертію Сигурда или Сигфрида. Имена и подробности другія; но основа сказанія одна и та же. Замѣчательно, что ни Эдда, ни Нибелунги не приписываютъ Аттилѣ тѣхъ великихъ свойствъ, которыми отличаются прочіе герои. Онъ смотритъ издали на сѣчу и вообще не славится своими подвигами. Слова лѣтописца Іорнанда о царѣ гунновъ, „что онъ былъ воздерженъ на руку" (manu temperans), подтверждаются такимъ образомъ свидѣтельствомъ народныхъ преданій. Гудруна не могла устоять противъ просьбъ матери и братьевъ, которые молили ее на колѣняхъ исполнить ихъ желаніе.

Она согласилась дать свою руку Атли: но грудь ея была полна тяжкихъ предчувствій, и новый бракъ не сулилъ ей радости. Атли не видѣлъ ни разу улыбки на лицѣ жены своей. Она не могла забыть перваго супруга, хотя родила двухъ сыновей отъ второго.

У Атли, кромѣ Брингильды, была еще сестра Одруна. Она любила Гуннара, и была любима имъ; но Атли не далъ своего согласія на ихъ бракъ. Онъ завидовалъ богатству, доставшемуся Нифлунгамъ послѣ Сигурда. Собранные на совѣщаніе вожди гунновъ присовѣтовали королю пригласить къ себѣ Гуннара и Гогни и посту-

пить съ ними такъ, какъ они поступили съ Вользунгомъ. Атли принялъ совѣтъ и отправилъ гонца Винги (другая пѣсня называетъ его Кнефрудомъ) съ приглашеніемъ къ братьямъ Гудруны. Коварное намѣреніе Атли не скрылось отъ зоркой Гудруны: она не могла сама ѣхать къ братьямъ, но послала имъ предохранительныя руны и кольцо, обвитое волчьимъ волосомъ. Хитрый Винги испортилъ руны, и не смотря на разныя примѣты, грозившія бѣдою Нифлунгамъ, уговорилъ ихъ посѣтить его господина Гуннаръ отвѣчаетъ на предостереженія супруги своей Глаумворы, видѣвшей зловѣщій сонъ: „Поздно приходятъ рѣчи твои. Я рѣшился ѣхать. Къ чему бояться поѣздки, когда дано уже слово. Много было намъ предвѣщаній, что жизнь наша не продлится долго". Гогни былъ недовѣрчивѣе брата, но не хотѣлъ отпустить его одного. Только пять витязей рѣшились проводить ихъ ко двору Атли. Нифлунги такъ спѣшили на-встрѣчу ожидавшей ихъ гибели, что у корабля, на которомъ они плыли, отскочилъ руль, и переломались всѣ весла. При самомъ входѣ въ замокъ Атли, Винги смутился душою. Можетъ быть, ему стало жаль обреченныхъ на гибель гостей, можетъ быть Азы помрачили разсудокъ его въ наказаніе за вѣроломные обѣты, данные имъ сынамъ Гіуки. Онъ открылъ имъ истину и совѣтовалъ бѣжать. Гогни отказался отъ постыднаго средства къ спасенію. Онъ убилъ вмѣстѣ съ братомъ обманувшаго ихъ гонца, и не сходя съ мѣста, сталъ ругаться надъ гуннами. „Худо удается дѣло, вами придуманное. Вы еще не готовы къ бою, а мы уже убили до смерти одного изъ вашихъ". Гудруна услышала въ свѣтлицѣ своей шумъ начинавшейся битвы, сорвала съ себя въ гнѣвѣ золото и серебро, которыми была убрана, и поспѣшила къ братьямъ. „Смѣло вышла она на-встрѣчу Нифлунгамъ, цѣловала ихъ и обвивала руками. То былъ послѣдній привѣтъ ея. Она крѣпко любила витязей и сказала имъ: „Я хотѣла отвратить васъ отъ поѣздки сюда предостереженіемъ; но судьба сильнѣе человѣка. Вамъ суждено было быть здѣсь". Увѣщанія ея положить конецъ распрѣ выкупомъ были безуспѣшны. Съ обѣихъ сторонъ ей отвѣчали: нѣтъ. Тогда она сняла съ себя покрывало, взяла мечъ и стала рядомъ съ Гуннаромъ и Гогни. Два брата Атли пали подъ ея ударами. Дѣти Гіуки бились смѣлѣе другихъ отъ ранняго утра до обѣда. Осьмнадцать гуннскихъ труповъ свидѣтельствовали объ ихъ мужествѣ. Атли видитъ издали гибель своихъ воиновъ. Изъ пяти сыновъ Будли онъ остается одинъ и укоряетъ Гудруну: „Рѣдко посѣщала насъ радость съ тѣхъ поръ, какъ ты живешь съ нами". По его приказанію гунны нападаютъ снова на Нифлунговъ и одолѣваютъ ихъ числомъ своимъ. Атли радуется напередъ горю супруги. Онъ осудилъ ея братьевъ на мучительную казнь: велѣлъ у живого Гогни вырѣзать сердце, и скованнаго Гуннара заключить въ башню, наполненную змѣями.

Въ разсказѣ о смерти Гогни [1]) есть черты, превосходно характеризующія нравы героическаго вѣка въ Скандинавіи. Атли приказалъ спросить у Гуннара о мѣстѣ, гдѣ хранится сокровище Фафнира.

---

[1]) Ср. у насъ, въ томѣ I. на стр. 122.

Гуннаръ обѣщаетъ отвѣчать на вопросъ, когда ему принесутъ вырѣзанное изъ груди его брата сердце. Но участь Гогни внушаетъ участіе Бейти, одному изъ вождей гуннскихъ. Онъ хочетъ спасти плѣнника, и приказываетъ убить, вмѣсто его, Гіалина, царскаго повара. „Ему подобаетъ такая кончина, говоритъ Бейти: если онъ проживетъ долѣе, онъ будетъ лѣнивъ и безполезенъ". Робкій Гіалинъ стонетъ и гнется отъ страха; онъ молитъ о пощадѣ: „Я могу еще возить навозъ въ садъ и исправлять черныя работы". Гогни не выдержалъ его плача. Онъ сжалился надъ несчастнымъ рабомъ и потребовалъ себѣ скорой казни. Бейти не терялъ, однако, надежды спасти братьевъ королевы, доставивъ Атли сокровища, которыхъ онъ такъ жадно домогался. Гуннару показали вырѣзанное у Гіалина и положенное на блюдо сердце. Нифлунгъ узналъ сердце раба: „Оно дрожитъ на блюдѣ, и дрожало еще сильнѣе въ груди его носившей". Когда ему подали наконецъ настоящее сердце умершаго со смѣхомъ на устахъ Гогни, Гуннаръ, сказалъ: „Оно почти не дрожитъ на блюдѣ, и не дрожало вовсе, когда лежало въ груди". Потомъ онъ объявляетъ, что, кромѣ его брата, никому не было извѣстно, гдѣ спрятано погубившее ихъ золото, и что оно не достанется ни Атли, ни другимъ. Сокровище Фафнира погружено было Нифлунгами, предъ отъѣздомъ къ гуннскому царю, въ волны Рейна. Оно лежитъ до сихъ поръ на днѣ рѣки. Гудруна прислала заключенному въ змѣиную башню Гуннару арфу. Руки у него были связаны, но онъ игралъ ногами такъ сладко, что женщины плакали, воины скорбѣли, и змѣи, усыпленныя дивными звуками, не трогали узника. Только одна ехидна не заснула. То была мать Атли. Она впилась Гуннару въ грудь, и звуки умолкли.

Атли издѣвался надъ страданіемъ Гудруны, но она была хитра, и умѣла говорить льстивыя рѣчи, по словамъ пѣсни. На другой день послѣ побоища, Атли пировалъ съ вождями своими, совершая тризну въ честь падшихъ. Гудруна подносила гостямъ дорогія напитки во славу братьевъ: супругъ ея пилъ за умершихъ въ бою родственниковъ своихъ. Ненависть грызла сердце Гудрунѣ. Она ушла отъ пирующихъ, „позвала потихоньку малыхъ дѣтей своихъ и положила ихъ предъ собою. Грустно стало смѣлымъ дѣтямъ, но глаза ихъ были сухи. Они ласкались къ матери и спрашивали, что̀ она дѣлаетъ. Не спрашивайте меня: я хочу изрубить васъ обоихъ. Давно задумала я умертвить васъ.—Убей маленькихъ дѣтей своихъ; никто не увидитъ.... Часто спрашивалъ Атли, не видя дѣтей своихъ: не пошли ли они играть"? Пиръ, между тѣмъ, продолжался. Гудруна угощала гостей и мужа. Наконецъ, она сказала ему: „Я дочь Гримхильды. Не хочу болѣе обманывать тебя. Не хорошъ покажется тебѣ разсказъ мой. Ты вызвалъ большое горе, убивши братьевъ моихъ. Не спала я, Атли, съ тѣхъ поръ, какъ ихъ не стало. Помнишь ли: я обѣщала тебѣ горькую отплату. Ты говорилъ со мною утромъ—я ношу еще слова твои въ сердцѣ: послушай моей рѣчи вечеркомъ".... Гудруна разсказываетъ потомъ, что она убила дѣтей, накормила Атли ихъ изжаренными сердцами и напоила виномъ изъ ихъ череповъ. — Пѣсня поетъ далѣе: „Нерадостно сидѣли они рядомъ, глядя грозными очами, говоря гнѣвныя рѣчи„.

Въ ту же ночь Гудруна убила Атли при помощи Нифлунга, сына Гогни. Въ характерѣ умирающаго Атли не видно той суровой силы, которою такъ богаты Вользунги и Нифлунги. Родъ Будли стоитъ гораздо ниже славою и доблестями. Гудруна прямо обвиняетъ супруга въ недостаткѣ ратнаго мужества. „До меня не доходила молва о совершенной тобою мести, о побѣдѣ твоей надъ другимъ. Ты уклонялся отъ нелюбимаго тобою боя, хотя молчалъ объ этомъ“. — На просьбу Атли похоронить его достойнымъ образомъ, Гудруна отвѣчаетъ обѣщаніемъ исполнить его волю такъ, какъ будто они жили въ любви между собою. Пѣсня оканчивается странною для насъ, но понятною въ устахъ язычника-скандинава похвалою. „Счастливъ тотъ, у кого родится такая дочь, какъ у Гіуки. Люди, слышавшіе о мщеніи могучей Гудруны, не забудутъ о ней во вѣки“.

Смертью Атли замыкается собственно исторія Нифлунговъ; но есть еще двѣ пѣсни, въ которыхъ разсказана послѣдующая судьба Гудруны. Похоронивъ мужа, она бросилась въ море; волны бережно отнесли ее въ землю короля Іонакура, который женился на ней и прижилъ трехъ сыновъ. Гудрунѣ суждено было пережить и погубить родъ свой. Дочь ея отъ Сигурда вышла замужъ за готскаго Іормунрека (Эрманрейха нѣмецкой саги), и была, по его приказанію, предана позорной казни. Сыновья Гудруны предприняли, по наущенію матери, отмстить за сестру, убили Іормунрека и погибли сами. Готы, которымъ помогалъ лично Одинъ, забросали ихъ каменьями. Безродная Гудруна оплакала послѣднихъ потомковъ Гіуки. Вользунги и Нифлунги сошли въ могилу, но пѣсни о нихъ не умолкали на скандинавскомъ сѣверѣ. Ихъ пѣли скальды „для укрѣпленія отваги въ мужахъ, для облегченія скорби въ женахъ“, по прекрасному выраженію самой пѣсни.

Т. Грановскій.

Сочиненія Т. Н. Грановскаго. Москва, 1856 г. т. I, 479—497 стр.

Ср. у насъ, въ томѣ I, на стр, 122.

Тимоѳей Николаевичъ Грановскій (род. 1813 г., ум. 4 окт. 1855 г.) принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ людей, именемъ которыхъ современники ихъ называютъ свою эпоху, желая въ одномъ словѣ выразить ея интеллектуальныя и нравственныя стремленія, и потому въ немъ одномъ ищутъ источникъ всего высокаго, что говоритъ непосредственно уму и сердцу, и въ его словахъ находятъ отголосокъ своихъ собственныхъ, неясно еще сознаваемыхъ, стремленій. Окончивъ курсъ въ петербургскомъ университетѣ и сдѣлавъ заграничное путешествіе, Грановскій въ 30-хъ гг. избралъ ближайшимъ мѣстомъ для своей дѣятельности московскій университетъ, въ которомъ и оставался до самой своей смерти. Положеніе исторической науки при началѣ публичной дѣятельности молодого профессора было весьма неблапріятно. До 30-хъ годовъ, историческая наука, наряду съ прочими науками, была у насъ, такъ сказать, колоніальнымъ продуктомъ, доступнымъ для тѣхъ немногихъ, которые имѣли средства жить западною литературою, но масса общества оставалась чуждою научной жизни. Оффиціальное преподаваніе исторіи въ школѣ по плохимъ учеб-

никамъ было для многихъ первымъ и послѣднимъ средствомъ историческаго образованія.

Въ концѣ 30-хъ гг., при такомъ положеніи дѣла, начала являться мысль о необходимости положить основаніе исторической науки въ нашей литературѣ, и нѣкоторые думали достигнуть того, подражая однимъ внѣшнимъ пріемамъ западной исторической науки, обусловленнымъ притомъ особенностями западной интеллектуальной жизни. Такъ, напали на идею, что непосредственное изученіе исторіи классическаго міра можетъ *одно* служить основою исторической науки и только оно одно удовлетворяетъ условіямъ строгой исторической критики. Безъ сомнѣнія, всякое основательное изученіе какой бы то ни было эпохи, или народности, напримѣръ, изученіе одной еврейской литературы можетъ принести превосходные результаты; притомъ о еврейской литературѣ, можно сказать тоже самое, что и о греческой и римской: она едва ли не болѣе имѣла вліянія на исторію западной образованности, нежели греческая и римская; излишне напоминать о роли библіи въ средніе вѣка, но и въ эпоху реформаціи критическое изученіе еврейской литературы участвовало наравнѣ съ критическимъ изученіемъ греческой и римской въ томъ умственномъ переворотѣ, который положилъ начало новому времени. Слѣдуетъ-ли изъ этого, что еврейскій языкъ, его литература и историческіе памятники составляютъ единственно достойный предметъ критическаго изученія? Опасно и безплодно исторію собственныхъ случайно набѣжавшихъ идей принимать за норму развитія цѣлаго общества; и вообще ходъ исторіи образованности цѣлаго народа не можетъ быть никѣмъ ни выдуманъ, ни сочиненъ. Попытка основать у насъ классическую школу исторіи окончилась тѣмъ, чѣмъ кончается все, на что тратится много самолюбія и очень мало живой мысли, безкорыстной преданности дѣлу и основательныхъ познаній даже въ томъ, что считаемъ своею спеціальностью. Однимъ словомъ, мы получили псевдо-классическую школу, которая утомила своихъ послѣдователей прежде, нежели успѣла обратить на себя вниманіе общества, и вызвать въ немъ какое нибудь участіе къ своимъ упражненіямъ. Инстинктивный талантъ Грановскаго принесъ лучшіе результаты, нежели искусственныя теоріи псевдо-классической школы, и потому нельзя не согласиться съ однимъ изъ близкихъ свидѣтелей его общественной дѣятельности, что „у Грановскаго долго не перестанутъ учиться живому пониманію науки, разумному сочувствію лучшимъ человѣческимъ интересамъ, глубокому уваженію ко всему истинно великому, благородному образу мыслей, простотѣ и вѣрности ученыхъ пріемовъ, благородству и изяществу языка". Быть выше общества только въ той мѣрѣ, чтобы обществу было интересно подняться на предлагаемую ему высоту и сдѣлать шагъ впередъ—вотъ что, повидимому, руководило всею ученою дѣятельностью Грановскаго, между тѣмъ, какъ псевдо-классическая школа съ своими изслѣдованіями о мѣстѣ, днѣ и часѣ той или другой битвы походила на того семинариста, который, чтобы озадачить отца цицероновскою рѣчью, прибавлялъ къ каждому русскому слову латинское окончаніе *us*. Въ трудахъ Грановскаго мы не найдемъ никакого *us*, которымъ бы онъ старался наложить особую печать на свои произведенія и требовалъ бы привилегіи на изобрѣтеніе; онъ бралъ предметы для своихъ изслѣдованій вездѣ, гдѣ онъ думалъ найти случай высказать ясную и живую мысль; въ справедливости того можетъ убѣдить одинъ бѣглый просмотръ оглавленія посмертнаго изданія его сочиненій (Москва, 1856, въ 4 т.), подъ редакціею С. Соловьева и Кудрявцева. Въ своей рѣчи 12 января 1852, Грановскій опредѣлительно фор-

мулировалъ свои взгляды на задачу и пріемы исторической науки (т. I, стр. 26 и слѣд.):

„Отказываясь отъ притязаній на то *совершенство формы* исторіи, которое у народовъ классическаго міра (т. е. грековъ и римлянъ) было слѣдствіемъ исключительныхъ, несуществующихъ болѣе, условій, современный намъ историкъ не можетъ, однако отказаться отъ законной потребности нравственнаго вліянія на своихъ читателей. Вопросъ о томъ, какого рода должно быть это вліяніе, тѣсно связанъ съ вопросомъ о пользѣ исторіи вообще. Отвѣтъ на послѣдній представляетъ большія трудности, потому что исторія не принадлежитъ ни къ числу чисто теоретическихъ знаній, имѣющихъ задачею привести въ ясность лежащія въ глубинѣ нашего духа истины, ни къ прикладнымъ, которыхъ польза не требуетъ доказательствъ. Очевидно, что практическое значеніе исторіи у древнихъ, основанное на возможности непосредственнаго примѣненія ея уроковъ къ жизни, не можетъ имѣть мѣста при сложномъ организмѣ новыхъ обществъ... Конечно, ни народы, ни ихъ вожди не повѣряютъ своихъ поступковъ съ учебниками всеобщей исторіи и не ищутъ въ ней примѣровъ и указаній для своей дѣятельности. Тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать въ самыхъ массахъ извѣстнаго историческаго смысла, болѣе или менѣе развитаго на основаніи сохранившихся преданій о прошедшемъ. Въ лицахъ, стоящихъ во главѣ государственнаго управленія, этотъ смыслъ переходитъ, по необходимости, въ отчетливое сознаніе отношеній, существующихъ между прежнимъ и новымъ порядкомъ вещей. Надобно, съ другой стороны, признаться, что *всеобщая исторія въ томъ видѣ, въ какомъ она обыкновенно излагается, не въ состояніи сильно дѣйствовать на общественное мнѣніе и быть для него источникомъ прочнаго назиданія...*

„Извѣстныя слова Кетле́ о статистикѣ (см. о Кетле́ у насъ въ т. I, стр. 26) современемъ получатъ приложеніе и къ нашей наукѣ. Ей предстоитъ совершить для міра нравственныхъ явленій тотъ же подвигъ, какой совершенъ естествовѣденіемъ въ принадлежащей ему области. Открытія натуралистовъ разсѣяли вѣковые и вредные предразсудки, затмѣвавшіе взглядъ человѣка на природу: знакомый съ ея дѣйствительными силами, онъ пересталъ приписывать ей несуществующія свойства и не требуетъ отъ нея невозможныхъ уступокъ. Уясненіе историческихъ законовъ приводитъ къ результатамъ такого же рода. Оно положитъ конецъ несбыточнымъ теоріямъ и стремленіямъ нарушающимъ правильный ходъ общественной жизни, ибо обличитъ ихъ противорѣчіе съ вѣчными цѣлями, поставленными человѣку провидѣніемъ. Исторія сдѣлается въ высшемъ и обширнѣйшемъ смыслѣ, чѣмъ у древнихъ, наставницею народовъ и отдѣльныхъ лицъ и явится намъ не какъ отрѣзанное отъ насъ прошедшее, не какъ цѣльный организмъ жизни, въ которомъ прошедшее, настоящее и будущее находятся между собою въ постоянномъ взаимнодѣйствіи......

„Но даже и въ настоящемъ, далеко несовершенномъ, видѣ своемъ, всеобщая исторія болѣе, чѣмъ всякая другая наука, развиваетъ въ насъ чувство дѣйствительности и ту благоразумную терпимость, безъ которой нѣтъ истинной оцѣнки людей. Она показываетъ различіе, существующее между вѣчными, безусловными началами нравственности и ограниченнымъ пониманіемъ этихъ началъ въ данный періодъ времени. Только такою мѣрою должны мы мѣрить дѣла отжившихъ поколѣній. Шиллеръ сказалъ, что смерть есть великій примиритель. Эти слова могутъ быть отнесены къ нашей наукѣ. При каждомъ

историческомъ проступкѣ она приводитъ обстоятельства, смягчающія вину преступника, кто бы ни былъ онъ—цѣлый народъ или отдѣльное лицо. Да будетъ намъ полезно сказать, что тотъ не историкъ, кто неспособенъ былъ перенести въ прошедшее живого чувства любви къ ближнему и узнать брата въ отдаленномъ отъ него вѣками иноплеменникѣ. Тотъ не историкъ, кто не съумѣлъ прочесть въ изучаемыхъ имъ лѣтописяхъ и грамотахъ начертанныя въ нихъ яркими буквами истины: въ самыхъ позорныхъ періодахъ жизни человѣчества есть искупительныя, видимыя намъ на разстояніи столѣтій, стороны, а на днѣ самаго грѣшнаго предъ судомъ современниковъ сердца таится какое нибудь одно лучшее и чистое чувство. Такое воззрѣніе не можетъ служить къ ущербу строгой справедливости приговоровъ, ибо оно требуетъ не оправданій, но объясненій, обращается къ самимъ лицамъ, а не подлежащимъ сужденію дѣламъ ихъ. Одно изъ главныхъ препятствій, мѣшающихъ благотворному дѣйствію исторіи на общественное мнѣніе, заключается въ пренебреженіи, какое историки обыкновенно оказываютъ къ большинству читателей. Они, повидимому, пишутъ для ученыхъ, какъ будто исторія можетъ допустить такое ограниченіе, какъ будто она по самому существу своему не есть самая популярная изъ всѣхъ наукъ, призывающая къ себѣ всѣхъ и каждаго... Цѣховая, гордая своею исключительностью наука не вправѣ разсчитывать на сочувствіе общества. Здѣсь, разумѣется рѣчь идетъ не о тѣхъ достойныхъ всякаго уваженія, но по самому содержанію своему недопускающихъ занимательности, частныхъ изслѣдованіяхъ, безъ которыхъ не могла бы двигаться впередъ наука, хотя она употребляетъ ихъ въ дѣло только какъ матеріалъ.....“

Вотъ, лучшая автобіографія духа писателя и ученаго, какую можно было только составить для исповѣди въ своихъ взглядахъ и убѣжденіяхъ относительно значенія исторической науки въ ея связи съ дѣйствительною жизнью общества.

22.—Извлеченіе изъ поэмы о Нибелунгахъ.

(Въ XII стол.).

Первая часть этой великой эпопеи, заимствовавшей основу своего содержанія въ древнихъ скандинавскихъ сагахъ, примѣненныхъ къ историческимъ преданіямъ германцевъ изъ эпохи великаго переселенія народовъ (V и VI вѣковъ), и облекшей ихъ въ понятія и нравы феодальнаго общества X и XI столѣтія, носитъ на себѣ, въ противоложность *второй* части, болѣе спокойный характеръ: чудеса храбрости и любви занимаютъ въ ней первое мѣсто. Дѣйствіе происходитъ въ древнемъ королевствѣ Бургундскомъ, на берегахъ Рейна, около Вормса. Въ Бургундіи правитъ потомокъ одной изъ фамилій, владычествующихъ надъ міромъ по преданіямъ скандинавскимъ, а именно изъ фамиліи Нибелунговъ (дѣтей тьмы), Данкратъ и жена его Ута. По смерти короля власть переходитъ въ руки его трехъ сыновей, *Гунтера*, *Гернота* и *Гизелера*; главными изъ ихъ вассаловъ были: Гагенъ изъ Тронье, Данквартъ, его братъ, и Фолькеръ, знаменитый сверхъ того, какъ трубадуръ. Три короля имѣли кра-

савицу сестру *Кримгильду*, руку которой искали всѣ герои вселенной, и которой соотвѣтствуетъ въ Эддѣ Гудруна. Наконецъ, является ея претендентомъ сынъ владѣтеля Сигизмунда изъ Нидерландъ, *Сигфридъ*, славный герой первой части; въ Эддѣ ему соотвѣтствуетъ Сигурдъ. Въ числѣ испытаній Сигфриду предложено оказать помощь Гунтеру въ пріобрѣтеніи руки непобѣдимой королевы Исландіи *Брунгильды*. Посредствомъ магическаго шлема Сигфридъ невидимо поражаетъ Брунгильду изъ-за Гунтера, котораго признаютъ побѣдителемъ, и Брунгильда ѣдетъ въ Вормсъ. Празднуютъ двѣ свадьбы; десять лѣтъ проходятъ мирно, но зависть Брунгильды къ Кримгильдѣ и оскорбленіе, которое нанесла ей послѣдняя, дѣлаютъ изъ нихъ непримиримыхъ враговъ. Брунгильда уговариваетъ Гагена умертвить Сигфрида, предметъ гордости Кримгильды, и назначенная охота доставляетъ случай къ исполненію замысла. Но Сигфридъ былъ неуязвимъ, благодаря крови дракона, которою онъ былъ вымазанъ, за исключеніемъ небольшого мѣста между плечъ. Кримгильда, считая Гагена своимъ другомъ, открыла ему секретъ, чтобы онъ зналъ, съ какой стороны должно оберегать Сигфрида, а Гагенъ употребилъ ея довѣріе для своихъ цѣлей. Во время охоты Гагенъ нашелъ случай убить Сигфрида. Кримгильда затаила ненависть къ убійцамъ, Гагену и брату Гунтеру, знавшему о заговорѣ; но черезъ нѣсколько лѣтъ они нанесли ей новое оскорбленіе. Кримгильда, по смерти мужа, получила огромныя его богатства, хранившіяся въ Норвегіи; но Гунтеръ, по совѣтамъ Гагена, овладѣваетъ ими и бросаетъ въ Рейнъ, чтобы лишить ее средствъ и держать около себя большую свиту. Съ того времени, Кримгильда провела десять лѣтъ въ уединеніи, обдумывая средства къ ужасной мести. Таково содержаніе 19 главъ первой части.

Месть Кримгильды составляетъ содержаніе второй части поэмы Нибелунговъ, отличающейся потому своимъ трагическимъ характеромъ. Могущественный Аттила, или Этцель, ищетъ ея руки; этимъ открывается вторая часть.

Вторая часть.

ГЛАВА XX.

Какъ король Этцель послалъ въ Бургундію за Кримгильдою.

Дѣло происходило въ тѣ времена, когда у короля Этцеля умерла жена Гельке, и онъ снова искалъ себѣ жены. Его друзья совѣтовали ему обратиться къ гордой вдовѣ, жившей въ странѣ бургундовъ; имя ей было Кримгильда [1]).

Со времени смерти прекрасной Гельке, всѣ ему говорили: „Если вы желаете найти благороднѣйшую и лучшую женщину, какою когда либо могъ владѣть король, то женитесь на этой вдовѣ; всесильный Сигфридъ былъ ея мужемъ“.

---

[1]) Вотъ образчикъ подлинника:

Daz was in einen ziten (Zeiten), dô frou Helche erstarp,
und der künic Etzel umbe ander frouwen warp;
dô rieten sîne friunde in Burgonden lant
zuo einer srolzen witwen; diu wes frou Kriemhilt genant.

Имъ отвѣчалъ богатый король: „Но какъ достигнуть того? Я — язычникъ и никогда не былъ крещенъ, а она—христіанка и не согласится имѣть меня своимъ мужемъ; было бы чудо, еслибъ когда нибудь это могло случиться".

Ему возразили герои: „Но, можетъ быть, она рѣшится, изъ уваженія къ вашему высокому имени и великому богатству; потому надобно попытаться у благородной вдовы, а вы охотно полюбили бы ея сіяющую красоту".

И благородный король спросилъ ихъ: „Кому изъ васъ извѣстны тѣ страны и тѣ люди на Рейнѣ"? Тогда заговорилъ добрый витязь Рюдигеръ изъ Бехлара [2]): „Еще изъ дѣтства мнѣ знакомы тѣ богатые князья, Гунтеръ и Гернотъ, благородные витязи, а третьяго зовутъ Гизелеръ. Каждый изъ нихъ дѣлаетъ все, что можетъ содѣйствовать увеличенію чести и добраго имени; такъ поступали и ихъ предки до самыхъ нашихъ дней".

— „Но,—возразилъ Этцель,—мой другъ, ты долженъ мнѣ сказать, можетъ ли она въ моей странѣ носить корону, и дѣйствительно ли ея красота такъ велика, какъ идетъ слухъ о томъ, чтобы мои друзья не раскаялись послѣ".

— „Она равняется по красотѣ моей обладательницѣ, богатой Гельке, и, повѣрьте мнѣ, нѣтъ на свѣтѣ краше другой королевы; кого она изберетъ мужемъ, тотъ будетъ утѣшенъ ея любовью".

— „Въ такомъ случаѣ,—говорилъ Этцель,—посватай мнѣ ее, Рюдигеръ, если ты меня любишь; сдѣлавшись мужемъ Кримгильды, я награжу тебя, какъ только могу; но ты исполни мою волю".

„Изъ моихъ сокровищницъ я прикажу тебѣ выдать столько, что проживешь весело со всѣми своими сподвижниками; ты получишь на дорогу и коней и одежды, сколько бы ни пожелалъ, если только отправишься въ посольство".

На это отвѣтилъ богатый маркграфъ Рюдигеръ: „Было бы недостойно меня дѣлать притязанія на твои богатства; я иду охотно на Рейнъ и притомъ на счетъ собственныхъ доходовъ, которые я получилъ отъ твоихъ щедротъ".

— „Согласенъ,—сказалъ ему богатый король,—но когда же ты намѣренъ отправиться за предметомъ моей любви? Богъ да сохранитъ васъ во всей чести и мою супругу, и да поможетъ мнѣ счастіе, чтобы она оказалась благосклонною ко мнѣ".

Рюдигеръ прибавилъ: „Предъ нашимъ выѣздомъ, мы должны изготовить оружіе и одежду, чтобы князья встрѣтили насъ съ должною почестью; я хочу повести съ собой на Рейнъ пятьсотъ гордыхъ витязей; и бургунды, взглянувъ на меня и на свиту, должны будутъ сознаться, что еще никогда король не посылалъ такъ далеко такого доблестнаго мужа, какъ ты теперь посылаешь на Рейнъ.

„И ты, благородный король, не пренебрегай ничѣмъ: Кримгильда вѣдь была подвластна сыну Сигмунда, Сигфриду, великому мужу. Ты

---

[1]) Рюдигеръ, маркграфъ Бехларскій жилъ въ X вѣкѣ и былъ представителемъ зарождавшагося въ ту эпоху рыцарства; авторъ поэмы дѣлаетъ его современникомъ Этцеля, т. е. Аттилы, героя V вѣка.

видалъ его здѣсь, и, по всей справедливости, ему слѣдовало оказать наибольшія почести.“

— „Если она была,—такъ прервалъ Этцель,—женою того героя, то онъ мнѣ такъ дорогъ, что я не откажусь сдѣлать ее женою короля; она мнѣ очень нравится и за свою великую красоту“.

—„Это и моя мысль,—говорилъ маркграфъ Рюдигеръ,—мы поднимемся отсюда чрезъ 24 дня. Я извѣщу, между тѣмъ, Готелинду, свою любезную жену, о томъ, что я лично отправляюсь посломъ за Кримгильдой“.

Богатый маркграфъ посылаетъ вѣстниковъ въ Бехларъ; маркграфиня опечалилась и вмѣстѣ обрадовалась; она узнала, что мужъ ея ѣдетъ сватать жену королю; но она съ любовью вспоминала о красахъ умершей Гельке.

Готелинда, услышавъ новость, была отчасти огорчена; ей думалось грустно, найдетъ ли она въ новомъ бракѣ прежнюю госпожу, и какъ только она вспомнила о Гельке, такъ и овладѣвала ею печаль.

Рюдигеръ выѣхалъ изъ Венгріи въ семь дней, что причинило Этцелю великую радость. Въ городѣ Вѣнѣ изготовили имъ одежды, и маркграфъ не хотѣлъ долѣе откладывать своего отъѣзда въ Бургундію.

Въ Бехларѣ ожидала его Готелинда; и молодая маркграфиня, дочь Рюдигера, хотѣла обнять своего отца, а жена посмотрѣть на мужа. Прекрасная супруга устроила радостный пріемъ.

Благородный маркграфъ выѣхалъ изъ Вѣны и отправился въ Бехларъ, а еще прежде его туда было послано впередъ на вьючныхъ лошадяхъ все нужное для одежды и вооруженія; такимъ образомъ самъ онъ могъ ѣхать на-легкѣ.

Пріѣхавъ въ Бехларъ, Рюдигеръ предложилъ ласково своимъ спутникамъ погостить и угостилъ ихъ на славу. А Готелинда радовалась пріѣзду мужа.

Точно также и молодая маркграфиня, его любезная дочь, думала, что ничье посѣщеніе не могло быть ей болѣе пріятно. Герои изъ страны гунновъ, какъ она охотно смотрѣла на нихъ! Благородная дѣва весело привѣтствовала своего господина:

„Милости просимъ, отецъ мой и всѣ его люди“! Витязи начали усердно благодарить молодую маркграфиню, а Готелинда хорошо знала, что на умѣ у ея мужа.

Ночью, возлегши на ложе для покоя, она дружески спросила его: „Куда тебя послалъ король гунновъ“? Онъ отвѣчалъ ей: „Жена моя, Готелинда, я разскажу вамъ это съ охотой:

„Я долженъ посватать моему государю другую жену, такъ какъ прекрасная Гельке умерла. Я ѣду къ Кримгильдѣ на Рейнъ; она будетъ владычицею гунновъ“.

—„Если то угодно Богу,—говорила Готелинда,—то пусть оно будетъ намъ на пользу, ибо мы предоставляемъ ей высокое мѣсто. Она мнѣ замѣнитъ въ старости мою госпожу, и мы можемъ охотно отдать ей корону гунновъ“.

Маркграфъ отвѣчалъ на это: „Милая моя, вы должны хорошо угостить тѣхъ, которые ѣдутъ со мною на Рейнъ; богато снаряженные герои горды духомъ“.

Она говорила: „Передъ вашимъ отъѣздомъ не будетъ ни одного, кого бы я не одарила въ вашей свитѣ“. И что она обѣщала, то въ точности и выполнила.

О! что за богатыя матеріи вынесли изъ хранилищъ! Досталось довольно благороднымъ героямъ; каждый могъ завернуться отъ шеи до шпоръ. А Рюдигеръ выбралъ себѣ, что̀ ему понравилось.

Въ седьмое утро герой выѣхалъ изъ Бехлара съ своею дружиной; они повезли съ собою оружіе и одѣяніе чрезъ баварскую землю, и рѣдко случалось, чтобы на дорогѣ нападали на нихъ разбойники.

Въ двѣнадцать дней они пришли къ Рейну, и тогда ихъ пріѣздъ не могъ долѣе оставаться неизвѣстнымъ; королю и его людямъ начали говорить, что появились какіе-то чужестранные гости; а хозяинъ гостинницы началъ спрашивать:

„Не знаетъ ли ихъ кто, не скажетъ ли ему“? Видѣли, что вьючныя лошади нагружены тяжело; всякій понималъ, что они богаты; имъ отвели гостинницу въ большомъ городѣ.

Когда гости появились въ городѣ, всѣ съ любопытствомъ смотрѣли на ихъ шествіе и дивились, откуда могли придти на Рейнъ такіе герои. Хозяинъ гостинницы спрашивалъ Гагена, кто могутъ быть эти господа?

— „Я еще не видалъ ихъ,—отвѣчалъ Гагенъ изъ Тронье;—но когда они приблизятся, я, вѣроятно, ихъ узнаю; впрочемъ, если я ихъ не узнаю издалека, то откуда бы они ни пріѣхали въ эту страну, они должны быть совершенно чужіе“.

Благороднымъ гостямъ была указана ихъ гостинница. Посолъ, облекшись въ богатыя одежды, вмѣстѣ съ своими спутниками, поѣхалъ ко двору. Всѣ они прекрасно одѣты, и одежды ихъ хорошо скроены.

— „Сколько я теперь вижу,—заговорилъ быстро Гагенъ—я этихъ мужей не видѣлъ много лѣтъ—судя по манерамъ, это идетъ Рюдигеръ изъ земли гунновъ“.

— „Возможно-ли это,—воскликнулъ Гунтеръ,—чтобы маркграфъ Бехларскій пришелъ въ нашу страну“? Едва король Гунтеръ успѣлъ окончить свою рѣчь, какъ храбрый Гагенъ завидѣлъ добраго витязя, Рюдигера.

Онъ бросился къ нему съ своими друзьями на-встрѣчу, и 500 добрыхъ витязей соскочило съ коней. Дружелюбно были приняты гуннскіе гости, и никогда еще послы не были такъ пышно одѣты.

Гагенъ изъ Тронье заговорилъ громогласно: „Милости просимъ, маркграфъ Бехлара и дружина его“! Быстроногимъ гуннамъ былъ сдѣланъ почетный пріемъ.

Приближенные короля тѣснились около него. Ортвинъ изъ Метца сказалъ Рюдигеру: „Мы никого еще не встрѣчали съ такими почестями, и я говорю вамъ правду“.

Гости благодарили за привѣтъ героя, и вмѣстѣ съ королевскою свитою вошли въ залу и нашли тамъ короля, мужа при случаѣ храбраго. Государь привсталъ съ мѣста; это онъ сдѣлалъ изъ особеннаго уваженія.

Потомъ онъ выступилъ на-встрѣчу посламъ. Гунтеръ и Гернотъ

оказали вниманіе гостю и его людямъ, ему подобала всякая честь. Гунтеръ взялъ за руку добраго витязя Рюдигера.

Потомъ повелъ его на мѣсто, гдѣ самъ сидѣлъ; чтобы угостить посла (и какъ это охотно дѣлалось), приказано было подать много добраго меду (mete den vil guoten) и лучшаго вина, какое только можно найти въ прирейнскихъ странахъ.

Гизелеръ и Гернотъ пришли вмѣстѣ; Данквартъ и Фолькеръ узнали скоро о прибытіи доблестныхъ гостей и были чрезвычайно обрадованы; въ присутствіи короля они привѣтствовали великодушно добрыхъ витязей.

Гагенъ заговорилъ своему государю: „Ваши герои должны всегда цѣнить то, что сдѣлалъ маркграфъ изъ любви къ намъ; супругъ прекрасной Готелинды не можетъ остаться безъ награды“.

Король Гунгеръ отвѣчалъ: „Объ этомъ не можетъ быть и рѣчи; но сообщите мнѣ, какъ здравствуютъ въ Гуналандѣ (Венгрія) Этцель и его жена Гельке“? Маркграфъ отвѣчалъ: „Я охотно исполню ваше желаніе“.

Съ этими словами онъ и его люди встали съ мѣстъ. Рюдигеръ сказалъ королю. „Позвольте, государь, не скрыть мнѣ ничего, я охотно разскажу вамъ то, зачѣмъ пришелъ“.

— „Разскажите мнѣ все, зачѣмъ бы вы ни пришли; я разрѣшаю вамъ, не спрашивая совѣта своихъ друзей. Я выслушаю васъ вмѣстѣ съ моими людьми, и дозволяю вамъ испрашивать у меня всякихъ милостей“.

Тогда мужественный посолъ отвѣтилъ: „Вамъ всѣмъ на Рейнѣ поклонъ и вѣрная дружба моего великаго короля, и это посольство служитъ новымъ знакомъ его довѣрія.

„Благородный король поручилъ мнѣ сообщить вамъ о своемъ горѣ; его народъ лишенъ своей радости; моя госпожа, супруга моего властелина, богатая Гельке, умерла; съ ея смертью осиротѣла толпа дѣвицъ, которыхъ она у себя воспитывала, и между ними есть дѣти благородныхъ князей. О томъ скорбитъ вся страна. Некому больше позаботиться о дѣвицахъ; я говорю объ этомъ потому, что теперь нашъ король рѣдко можетъ знать покой“.

— „Да вознаградитъ его Богъ,—отвѣчалъ Гунтеръ,—за то, что онъ такъ охотно предлагаетъ свои услуги мнѣ и моимъ друзьямъ, я съ радостью выслушалъ его привѣтъ; моя дружина и люди также охотно окажутъ ему свои услуги“.

Отъ имени бургундовъ говорилъ герой Гернотъ: „Міръ будетъ всегда оплакивать смерть прекрасной Гельке, за ея добродѣтели, которыми она прославлялась“. Гагенъ подтвердилъ эти слова, и съ нимъ еще нѣкоторые изъ знаменитыхъ героевъ (degen).

На все это отвѣчалъ Рюдигеръ, благородный посолъ: „Если вы мнѣ позволите, государь, я скажу вамъ еще больше, что поручилъ мнѣ мой властитель; о смерти Гельке онъ горюетъ“.

Ему сказали: „Кримгильда безъ мужа; Сигфридъ померъ“. А онъ на это: „Если то справедливо, и если вы согласитесь, то она будетъ носить корону предъ героями короля Этцеля; вотъ что приказалъ мнѣ передать вамъ мой властитель“.

Ему отвѣчалъ богатый король (благородно было его великодушіе): „Если она согласится, то это будетъ согласно и съ моей волею; а объ этомъ я извѣщу васъ чрезъ три дни. Если она не откажетъ, то какъ я могу отказать Этцелю"?

Затѣмъ, гостямъ оказано было много заботы; имъ услуживали такъ, что Рюдигеръ сознался, что онъ имѣетъ много друзей при дворѣ Гунтера. Особенно угождалъ ему Гагенъ: Рюдигеръ поступилъ съ нимъ точно также.

Такъ прожилъ Рюдигеръ три дня. Между тѣмъ, Гунтеръ созвалъ совѣтъ, какъ онъ всегда премудро поступалъ: „Будетъ ли угодно его людямъ, чтобы Кримгильда вышла за мужъ за благороднаго короля"?

Всѣ они одобряли, только Гагенъ былъ противнаго мнѣнія. Онъ говорилъ королю Гунтеру, храброму герою: „Если у васъ есть умъ, то будьте осторожны, и, даже въ случаѣ ея согласія, не дозволяйте брака".

— „Почему,—говорилъ Гунтеръ,—я буду сопротивляться? Если королева кого-нибудь полюбитъ, я долженъ дать согласіе: она моя сестра; мы даже сами должны содѣйствовать всему, что можетъ послужить ей въ честь".

На это возразилъ Гагенъ: „Не говорите такъ; если бы вы знали Этцеля, какъ я! Она полюбитъ его, какъ, я слышалъ, вы говорите, но тогда вамъ прежде всѣхъ и справедливо придется оплакивать свою судьбу".

— „Но почему,—воскликнулъ Гунтеръ,—я постараюсь избѣгнуть того и никогда не приближусь къ Этцелю до того, чтобы навлечь его гнѣвъ, хотя бы даже моя сестра была его женой". Гагенъ и на это замѣтилъ: „Все же мой разсудокъ никогда не одобритъ того".

Тогда призвали въ совѣтъ Гизелера и Гернота и спрашивали обоихъ братьевъ, одобрятъ-ли они бракъ Кримгильды съ богатымъ королемъ. Гагенъ еще разъ говорилъ противъ того, но кромѣ его никто не возражалъ.

Тогда заговорилъ отъ имени бургундовъ Гизелеръ, герой:—Другъ Гагенъ, вы могли бы еще и теперь доказать свою вѣрность: смягчите горе, которое вы причинили этой женщинѣ; чтобы ей ни предстояло, не оказывайте сопротивленія.„

„Конечно, вы причинили большое горе моей сестрѣ,—такъ говорилъ еще Гизелеръ, герой браннолюбивый;—никто еще не отнималъ больше радостей у женщины, какъ вы".

„При этомъ я объявлю то, что думаю: конечно, если ее возьметъ Этцель и если она отправится въ его страну, то, смотря по обстоятельствамъ, она можетъ сдѣлаться причиною нашего горя; но вы знаете, что у нея будетъ на службѣ не одинъ храбрый витязь".

И отважный Гернотъ возразилъ Гагену: „Можетъ-же случиться, что и мы до ихъ смерти отправимся въ страну Этцеля; предоставьте намъ дѣйствовать въ ея пользу, и это послужитъ къ нашей чести".

Гагенъ оспаривалъ и это: „Пусть никто мнѣ не говоритъ того: если только Кримгильда надѣнетъ на себя корону Гельке, намъ будетъ большая бѣда; вы не должны того допускать, и это будетъ лучше вашимъ героямъ".

Тогда гнѣвно заговорилъ Гизелеръ, благородное дѣтище Уты: „Неужели всѣ мы должны быть завистниками ея? Если она полюбила, мы должны радоваться; что́-бы вы ни говорили, Гагенъ, а я всегда буду на ея сторонѣ“.

Когда Гагенъ услышалъ такія слова, его мужество помутилось; Гизелеръ и Гернотъ, доблестные витязи, а съ ними и богатый Гунтеръ согласились между собою: если Кримгильда пожелаетъ, то они позволятъ.

На это отвѣчалъ храбрый Гере: „Я иду извѣстить мою госпожу Кримгильду, за которою прислалъ король Этцель, и если она приметъ его предложеніе, то таковъ же будетъ и нашъ совѣтъ“.

Сказавъ это, храбрый витязь пошелъ повидать Кримгильду. Она ласково приняла его, и онъ говорилъ ей: „Вы можете привѣтствовать меня; васъ ожидаетъ счастіе, которое избавитъ васъ отъ всѣхъ бѣдъ.

„За вашею любовью прислалъ сюда наилучшій изъ мужей, какой когда-либо носилъ съ честью корону въ королевской землѣ, мнѣ поручили передать это ваши братья“.

На это отвѣчала удрученная печалью Кримгильда: „Да не допуститъ Богъ васъ и всѣхъ моихъ друзей смѣяться надо мной, несчастной“.

Она сильно противилась. Тогда къ ней явились братъ ея Гернотъ и юноша Гизелеръ; они ласково просили ее утѣшиться и совѣтовали принять предложеніе короля.

Но никто не могъ уговорить королеву кого-нибудь полюбить на землѣ. Тогда они предложили витязямъ отправить къ ней самого посла.

— „На это я согласна,—отвѣчала она;—мнѣ также желательно видѣть добраго витязя Рюдигера, за его доблести; если бы это не былъ онъ, другой посолъ не увидалъ бы меня.

„Пошлите его завтра утромъ къ мнѣ, въ мою комнату (kemenâte), я хочу ему лично сказать свое рѣшеніе“. Затѣмъ, она возобновила свой плачъ и стоны.

Благородный Рюдигеръ ничего такъ не желалъ, какъ увидѣть королевскую дочь; онъ зналъ свой умъ и надѣялся склонить ее выйти замужъ за героя.

Рано утромъ послѣ божественной службы, благородные послы явились къ Кримгильдѣ; сдѣлалась страшная тѣснота; тѣ, которые пришли съ Рюдигеромъ, были великолѣпно одѣты.

Бѣдная Кримгильда, печальная духомъ, она ждала посла Рюдигера. Онъ нашелъ ее въ обыкновенной одеждѣ, но ея окружающіе были въ нарядѣ.

Она вышла къ нему на-встрѣчу до дверей и ласково приняла героя изъ дружины Этцеля. Рюдигеръ вошелъ въ комнату самъ-двѣнадцать; ему оказаны были большія почести: но кому же случалось принимать болѣе важнаго посла?

Предложено было Рюдигеру и его свитѣ садиться; предъ Кримгильдой стояли два маркграфа, Эквартъ и Гере: это было пріятно королевѣ.

Предъ королевой сидѣли красивыя дѣвушки, но сама она была погружена въ печаль и воздыхала. Платье ея сверху на груди было мокро отъ слезъ. Все это видѣлъ благородный маркграфъ.

Онъ говорилъ ей съ важностью: „Благородное дитя королей, дозволь мнѣ и моимъ спутникамъ встать и возвѣстить тебѣ о цѣли нашего путешествія".

— „Я согласна,—отвѣчала королева,—чтобы вы меня повѣстили о томъ; говорите, что угодно, я пребуду къ вамъ благосклонна". Послы замѣтили при этомъ, что духъ ея непреклоненъ.

Тогда заговорилъ маркграфъ Бехларскій, Рюдигеръ: „Вамъ шлетъ сюда поклонъ, любовь и вѣрность король нашъ, Этцель; онъ добрыхъ витязей отправилъ къ вамъ за вашею любовью.

„Онъ предлагаетъ вамъ дружбу безъ печалей, ту дружбу, которую онъ прежде питалъ къ моей властительницѣ Гельке; ея корона вамъ принадлежитъ".

Королева отвѣчала: „О, благородный Рюдигеръ, если бы кто зналъ мои страданія, онъ мнѣ не предложилъ бы второго мужа; я потеряла лучшаго, какого когда либо могла имѣть жена".

— „Но что же больше утѣшаетъ насъ въ страданіяхъ,—говорилъ храбрый витязь,—какъ не любовь друга? Кто любитъ самъ и выберетъ себѣ по сердцу, тотъ узнаетъ, что одна любовь можетъ успокоить нашу печаль.

„Если вы подарите любовью моего господина, вы получите отъ него 12 коронъ; сверхъ того, онъ отдаетъ вамъ страну съ 30 князьями, которыхъ поработила его рука.

„Вамъ же будутъ подвластны герои, служившіе моей госпожѣ, Гельке, и вмѣстѣ съ ними красавицы изъ княжескаго рода, нѣкогда прислуживавшія ей.

„Наконецъ, поручилъ вамъ сказать король, если вы согласитесь носить у него корону, онъ передастъ вамъ всю власть, высочайшую власть, какою пользовалась Гельке; такимъ образомъ, вы будете господствовать надъ всей дружиною Этцеля".

— „Мнѣ отрадно думать,—отвѣчала королева,—что я могу снова сдѣлаться женою героя; но смерть моего мужа такъ глубоко огорчила меня, что я до конца жизни останусь неутѣшною".

Гунны говорили ей: „О, богатая королева, ваша жизнь у Этцеля будетъ такъ прекрасна, что вы забудете все, если выйдете за него; у короля много прекрасныхъ витязей.

„Дѣвушки Гельке и ея прислуга составятъ вашу свиту; подумайте, королева, вамъ будетъ хорошо".

Королева отвѣчала на это съ достоинствомъ: „Отложимъ же наши разговоры до завтрашняго утра: тогда приходите ко мнѣ снова, и я дамъ вамъ отвѣтъ". Храбрые витязи изъявили готовность повиноваться ея слову.

Удалившись въ свои покои, она послала за Гизелеромъ и своею матерью, и говорила имъ: «Мнѣ остается плакать, и больше ничего".

Ей говорилъ братъ Гизелеръ: „Мнѣ думается, сестра, и въ томъ я увѣренъ, что король Этцель положитъ предѣлъ твоей печали и скорби; если изберешь его мужемъ, ты поступишь какъ слѣдуетъ.

„Онъ утѣшитъ тебя; нѣтъ короля столь сильнаго на всемъ пространствѣ отъ Роны и до Рейна, отъ Эльбы и до моря; ты можешь поздравить себя, если онъ тебя сдѣлаетъ королевой“.

— „Какъ ты можешь мнѣ то совѣтовать,—отвѣчала она брату;— мнѣ болѣе прилично плакать и жаловаться на свою судьбу. Какъ я могу появиться при дворѣ въ присутствіи героевъ? я была красавицей, но все это давно уже прошло“.

Тогда обратилась Ута къ своей дочери: „Милое дитя, сдѣлай то, что совѣтуютъ тебѣ твои братья; послушайся своихъ друзей для своей пользы. Я такъ давно тебя вижу въ печали“.

Она такъ часто молила Бога, чтобы Онъ далъ ей возможность жаловать золотомъ, серебромъ и одеждами, какъ то было при ея мужѣ, когда онъ здравствовалъ; но она не могла дожить до возврата прежнихъ счастливыхъ минутъ.

Она думала въ своемъ сердцѣ: „И я должна отдать себя язычнику? Я — христіанка; на меня падетъ упрекъ всего міра; это невозможно, хотя бы онъ отдалъ мнѣ всѣ царства вселенной“.

И все она думала объ этомъ; цѣлую ночь до утра преслѣдовали ее такія мысли; ея свѣтлыя очи не осушались, пока она на разсвѣтѣ не пошла въ церковь.

Туда явились и короли. Они взяли сестру за руки и совѣтовали ей полюбить короля гунновъ; но никто не замѣтилъ, чтобы Кримгильда сколько нибудь повеселѣла.

Къ ней пришли потомъ посланники Этцеля. Они хотѣли, во всякомъ случаѣ, оставить королевство Гунтера, получатъ-ли согласіе, или нѣтъ. Пришелъ и Рюдигеръ; его спутники убѣждали, чтобы онъ заблаговременно развѣдалъ мысли Гунтера; всѣ говорили, что имъ предстоитъ далекая дорога домой. Потомъ Рюдигеръ отправился къ Кримгильдѣ.

Герой ласковыми рѣчами старался узнать, что она желаетъ передать королю Этцелю; но на всѣ его усилія она отвѣчала съ упорствомъ:

„Я не полюблю болѣе ни одного человѣка“. Тогда Рюдигеръ замѣтилъ ей: „Это несправедливо съ вашей стороны: за что вы губите свою красу, достойную любви, вы можете быть съ честью супругою великаго героя“.

Но ничто не могло поколебать ее, пока Рюдигеръ не поговорилъ съ ней отдѣльно; тогда, наконецъ, ея печаль нѣсколько уступила.

А Рюдигеръ говорилъ королевѣ: „Перестаньте плакать: если бы вы у гунновъ не имѣли никого, кромѣ меня, моихъ друзей и подданныхъ, то и тогда дорого заплатилъ бы тотъ, кто покусился бы васъ обидѣть“;

Эти слова внезапно успокоили королеву. Она отвѣчала ему: „Клянитесь же мнѣ, Рюдигеръ, что вы будете первымъ, кто отмститъ всякому, кто бы меня ни оскорбилъ“. Маркграфъ подтвердилъ: „Я готовъ на это, моя госпожа“.

Тогда Рюдигеръ вмѣстѣ съ своими людьми далъ клятву служить ей вѣрно и не отказывать ей ни въ чемъ, гдѣ будетъ замѣшана ея честь; въ этомъ удостовѣряла ее рука Рюдигера.

А между тѣмъ, она думала про себя: „Если я успѣла пріобрѣсти столькихъ друзей, то мнѣ, бѣдной женщинѣ, мало дѣла до того, что станетъ говорить свѣтъ. Быть можетъ, я найду средство отмстить смерть моего возлюбленнаго мужа“.

Она размышляла: „Такъ какъ у Этцеля много героевъ, которыми я буду повелѣвать, то я исполню все, что задумаю. У него также много и богатствъ: мнѣ будетъ, чѣмъ награждать; а убійца Гагенъ лишилъ меня моихъ сокровищъ“.

Потомъ обратясь къ Рюдигеру, королева промолвила: „Если бы Этцель не былъ язычникомъ, то я охотно пошла бы, куда ему будетъ угодно, и избрала бы его своимъ мужемъ“. Маркграфъ возразилъ на это: „Не безпокойтесь о томъ, моя госпожа.

„Этцель не совсѣмъ язычникъ; въ этомъ вы можете быть увѣрены; мой дорогой господинъ былъ уже разъ обращенъ въ христіанство и снова перешелъ въ язычество: если вы, госпожа, подарите его любовью, то онъ объ этомъ еще будетъ говорить.

„У него на службѣ столько героевъ изъ христіанъ, что вамъ не встрѣтится ничего непріятнаго у короля; а вы безъ труда достигнете того, что душа короля обратится вторично къ Богу“.

Братья королевы прибавили: „Дайте ваше согласіе, сестра, и отложите заботы о будущемъ“. Они упрашивали ее такъ долго, что она, наконецъ, дала слово послу выйти замужъ за короля Этцеля.

Вотъ ея слова; „Я, бѣдная королева, я должна за вами слѣдовать, я отправлюсь въ страну гунновъ, какъ только найду друзей, которые проводили бы меня туда“. Сказавъ это, прекрасная Кримгильда протянула руку герою Рюдигеру.... [1]).

Въ XXI главѣ поэтъ описываетъ путешествіе Кримгильды отъ береговъ Рейна чрезъ Баварію, гдѣ ее встрѣчаетъ ея дядя Пильгеринъ, извѣстный епископъ Пассаускій X вѣка, который, подобно Рюдигеру, обращенъ въ современники Аттилы; пиршества въ Бехларѣ, данныя въ честь будущей королевы, и наконецъ переѣздъ чрезъ границу гунновъ, послѣ чего Кримгильда остановилась для отдыха въ г. Трайзенмауерѣ.

ГЛАВА XXII.

Какъ Кримгильда была встрѣчена гуннами.

Кримгильда (переѣхавъ отъ береговъ Рейна чрезъ Швабію и Баварію къ границѣ гунновъ) провела четыре дня въ Трайзенмауерѣ. По дорогамъ пыль не улегалась; ее постоянно поднимали витязи Этцеля, разъѣзжая по Австріи.

Королю Этцелю заблаговременно дали знать, чтобы онъ удалилъ изъ своихъ мыслей воспоминаніе о прежнемъ горѣ, и описали, какъ

---

[1]) Куплет. 1189—1311.

торжественно шествовала по странѣ Кримгильда. И король поспѣшно отправился на встрѣчу предмета своей любви.

По дорогамъ разъѣзжали храбрые витязи всевозможныхъ языковъ, и христіане, и язычники; всѣ они весело спѣшили туда, гдѣ можно было ожидать королеву.

Были тамъ витязи изъ руссовъ (Riuzen) и изъ грековъ (Kriechen); носились быстро влахи и поляки на добрыхъ лошадяхъ, могучіе наѣздники. Каждый изъ нихъ сохранялъ свои національныя привычки.

Много было витязей изъ Кіевской земли (von dem Lande ze Kiewen) и дикихъ печенеговъ. Они охотились, подстрѣливая птицъ на лету; съ силою натягивали тетиву до конца лука.

На Дунаѣ въ Австріи есть городъ; зовутъ его Тульна. Тамъ въ первый разъ, она встрѣтилась съ чужеземными нравами, какихъ прежде не видала, и тамъ къ ней явились многіе, которые впослѣдствіи изъ-за нее погибли.

Предъ королемъ Этцелемъ ѣхала веселая и богатая свита изъ двадцати-четырехъ князей: они ничего не желали, какъ увидѣть королеву.

За ними слѣдовалъ Рамунгъ, герцогъ Валахіи, съ семью-стами всадниковъ; они летѣли, какъ птицы. Потомъ князь Гибеке съ великолѣпною свитой.

Быстропоспѣшный Горнбогъ скакалъ съ тысячью воиновъ; его послалъ король къ своей дамѣ; они гарцовали на коняхъ по обычаю своей страны. Среди ихъ рисовались и князья гунновъ.

Туда же шествовалъ Говартъ отважный и Ирингъ могучій, правдолюбивый, оба изъ Даніи; изъ Турингіи Ирнфридъ, доблестный витязь. Всѣ они встрѣчали Кримгильду, и для почета вели за собою отрядъ въ 1200 мужей. За ними выступалъ Блодель съ тремя-тысячами; онъ — братъ короля Этцеля, изъ страны гунновъ, и гордо сидѣлъ на конѣ, выѣзжая на встрѣчу Кримгильдѣ.

Наконецъ, король Этцель и съ нимъ Дитрихъ [1]) со всѣми своими сподвижниками; среди ихъ было не мало добрыхъ, мужественныхъ и благородныхъ витязей. Радовалось сердце Кримгильды.

Тогда ей сказалъ маркграфъ Бехларскій Рюдигеръ: „Здѣсь, госпожа, васъ будетъ принимать король, если я васъ при этомъ поцѣлую, то того требуетъ справедливость: вы не можете всѣхъ людей Этцеля привѣтствовать одинаковымъ образомъ“.

Королева была снята съ кобылицы, и Этцель богатый долго не медлилъ, и, соскочивъ съ коня, радостно подошелъ къ Кримгильдѣ. Два могучіе князя—намъ такъ разсказывали это—приблизились къ королевѣ и поднесли ей богатыя одѣянія. Когда же встрѣтилъ ее король Этцель, она ласково поцѣловала благороднаго господина.

Она отбросила покрывало, и лицо ея засіяло, какъ золото. А одинъ при этомъ сказалъ: „Госпожа Гельке не могла быть красивѣе“. Вблизи короля стоялъ его братъ, Блодель.

Королева поцѣловала маркграфа Рюдигера, князя Гибеке, Ди-

---

[1]) Дитрихъ Веронскій, т.-е. Теодорихъ Великій (VI вѣка).

трика и 12 героевъ Этцеля; другихъ витязей она привѣтствовала поклономъ.

Пока король Этцель стоялъ возлѣ Кримгильды, молодые герои учредили ристалище по обычаю страны: христіане и язычники, каждый по своему.

Герои Дитриха дружины ломали копья сильною рукою, и высоко взлетали надъ щитами обломки древка. Нѣмецкія дружины рядами шли и прорывали линію щитовъ.

Отъ треска копій гулъ пошелъ далеко. Въ ту пору собрались со всей страны герои и гости короля, почетный людъ. Король и королева пошли впередъ.

Вблизи раскинута была богатая палатка; а по полю всему вокругъ стояли группы: тутъ отдыхъ былъ назначенъ имъ послѣ тяжелыхъ упражненій. Герои привели красивыхъ дѣвъ.

Для королевы Кримгильды, которая возсѣла на богато-убранное кресло, маркграфъ устроилъ все такъ прекрасно, что королева осталась вполнѣ довольна; и радостно смотрѣлъ на все король Этцель.

О чемъ они говорили съ другомъ, мнѣ неизвѣстно: знаю одно, что въ его правой рукѣ покоилась ея бѣлая ручка. Такъ они сидя миловались, но Рюдигеръ герой замѣтилъ, что королю еще нельзя бесѣдовать на-единѣ съ Кримгильдой.

Игрище было прекращено и бранный шумъ со славою притихъ. Дружина Этцеля разошлась по палаткамъ; имъ указали мѣсто для покоя далеко вокругъ на широкомъ пространствѣ.

Вечеръ и ночь провели въ отдохновеніи до самаго разсвѣта. Дружина Этцеля была уже въ сѣдлѣ, и что тутъ началось для чести короля!

Король просилъ гунновъ сохранять съ достоинствомъ порядокъ. Всѣ двинулись отъ Тульны къ Вѣнѣ. Безчисленная толпа женщинъ въ богатыхъ нарядахъ вышла на-встрѣчу и съ почестями приняла супругу короля Этцеля.

Все необходимое было изготовлено щедро въ изобиліи; съ радостью спѣшили герои на праздникъ; настроили палатокъ, и съ торжествомъ открылась свадьба короля.

Нельзя было всѣхъ размѣстить въ городѣ, и Рюдигеръ просилъ такихъ, которые гостями не считались, избрать себѣ за городомъ жилище. Король же, думаю, былъ все у королевы.

Свадьба происходила въ Троицынъ день, и въ городѣ Вѣнѣ король Этцель возлегъ на ложе Кримгильды.

Подарки познакомили съ Кримгильдой тѣхъ, которые и не знали ее, и многіе изъ гостей говорили другъ другу: „Мы думали, что Кримгильда лишилась своихъ богатствъ, а между тѣмъ она приводитъ въ изумленіе своими подарками".

Торжество свадьбы продолжалось 17 дней, и я не знаю, чтобы въ преданіяхъ говорилось о какомъ нибудь королѣ, который пировалъ бы такимъ образомъ свой бракъ: всѣ присутствовавшіе были въ новыхъ одеждахъ.

Полагаю, что и прежде въ Нидерландѣ Кримгильдѣ не случалось сидѣть среди такого множества героевъ; я увѣренъ также, что,

хотя Сигфридъ обладалъ несмѣтными сокровищами, но все же у него не было на службѣ столько благородныхъ витязей, сколькихъ она видѣла въ дружинѣ Этцеля.

И никогда еще король при своей свадьбѣ не раздавалъ столько плащей, длинныхъ и широкихъ, ни столько одѣяній, какими были одарены всѣ отъ имени Кримгильды.

Какъ друзья, такъ и гости, были одной мысли; никто не хотѣлъ ничего щадить и жертвовалъ всѣмъ лучшимъ. Каждый могъ найти все, что-бы ни пожелалъ: а тамъ стояло много героевъ до жалости нагихъ и безъ всякой одежды.

Но когда Кримгильда вспоминала, какъ она сиживала на Рейнѣ съ своимъ благороднымъ супругомъ, глаза ея наполнялись слезами; скрывала она только эти слезы, чтобы никто ихъ не замѣтилъ, ибо послѣ долгихъ страданій ее вознаградили великія почести.......

Въ восемнадцатый день герои выступили изъ Вѣны; по дорогѣ, среди воинскихъ игръ, много щитовъ было переколото копьями. Наконецъ, король Этцель съ радостью прибылъ въ страну гунновъ.

Въ старомъ Геймбургѣ провели ночь; съ того мѣста нельзя было знать, какое множество народу сопровождаетъ поѣздъ. О, какія встрѣчались красивыя женщины въ этой странѣ!

Въ Мизенбургѣ сѣли на суда; вода покрылась конями и всадниками такъ, что ее можно было принять за материкъ; а женщины, уставшія съ дороги, имѣли случай отдохнуть.

Суда были связаны другъ съ другомъ, чтобы избѣжать качки отъ волненія; на палубѣ раскинули палатки, какъ дѣлалось то на лугахъ.

Наконецъ, пришло извѣстіе въ Этцельбургъ: всѣ мужчины и женщины выражали свою радость; тѣ, которыя окружали прежде Гельке, дожили теперь до счастливыхъ дней при Кримгильдѣ.

Въ слѣдующихъ главахъ, отъ XXIII до XXVI, описывается, какъ Кримгильда, послѣ 7 лѣтъ жизни съ Аттилою, составила планъ погубить убійцъ своего мужа и съ этою цѣлью уговорила мужа пригласить къ себѣ ея братьевъ и ихъ дворъ. Рюдигеръ, не подозрѣвая ея замысловъ, ласково встрѣтилъ гостей въ Бехларѣ, одарилъ ихъ, а Гизелеру обѣщалъ руку своей дочери. На пиру, который былъ данъ Аттилою чужеземцамъ, братъ его, Блёдель, по уговору съ Кримгильдою, нападаетъ на Нибелунговъ; но они защищаются съ такимъ отчаяніемъ, что Кримгильда приказала поджечь зало, въ которой они заперлись.

ГЛАВА XXXVII.

Какъ маркграфъ Рюдигеръ былъ убитъ.

Въ то утро (послѣ того, какъ зало съ 600 Нибелунговъ сгорѣло, а остальные оказали отчаянное мужество) чужеземцы надѣлали чудесъ, и ко двору явился мужъ Готелинды, Рюдигеръ; онъ видѣлъ, что бѣдствія ужасны съ обѣихъ сторонъ, и внутренне оплакивалъ случившееся.

„О горе мнѣ,—сказалъ герой,—что я родился! Никто не въ состояніи положить предѣлъ бѣдствію! Я желалъ бы примирить ихъ, но Этцель вышелъ изъ себя, видя какъ несчастіе его растетъ".

Тогда добрый витязь Рюдигеръ посылаетъ къ Дитриху, въ надеждѣ, что онъ можетъ склонить короля къ миру. Но этотъ герой Вероны отвѣчалъ: „Кто можетъ ихъ удержать? Этцель не хочетъ и слышать о примиреніи".

Между тѣмъ, одинъ гуннскій герой замѣтилъ Рюдигера и слезы на его глазахъ; это съ нимъ часто случалось. Гуннъ сказалъ королевѣ: „Посмотрите, какъ стоитъ этотъ герой, который имѣетъ самую большую силу у Этцеля.

„И которому все служитъ, и люди, и земля! Сколькими зàмками одарилъ его король, а онъ не нанесъ еще ни одного добраго удара въ этой схваткѣ.

„Мнѣ кажется, онъ теперь и не думаетъ о нашемъ спасеніи, потому что получилъ все, чего желалъ. Его хвалятъ, какъ храбрѣйшаго изъ героевъ; онъ худо доказываетъ это въ такую критическую минуту".

Стоялъ печально вѣрный витязь; услышавъ же такую рѣчь, онъ мрачно взглянулъ, а думалъ про себя: „Пожнешь ты то, что сѣялъ: ты говоришь, что медлю я, и передъ всѣмъ дворомъ меня безславишь"?

Онъ крѣпко сжалъ кулакъ, бросился на противника и такъ его ударилъ, что полумертвый гуннъ упалъ къ его ногамъ. Но это еще болѣе увеличило скорбь Этцеля.

— „Прочь,—закричалъ мужъ Готелинды,—болтунъ пустой! У меня довольно было на сердцѣ страданій; если я не дрался тутъ, ты вздумалъ упрекать меня. Я раздѣлялъ бы охотно вашу ненависть къ чужеземнымъ гостямъ,

„И совершилъ бы все, что могъ, еслибъ не самъ привелъ сюда отъ Рейна благородныхъ героевъ. Я былъ руководителемъ ихъ по странѣ моего властителя; вотъ почему рука бѣднаго Рюдигера не можетъ сразиться съ ними".

Тогда сказалъ маркграфу король Этцель: „О, благородный Рюдигеръ, какую же вы мнѣ помощь оказали! У насъ теперь убитыхъ столько, что намъ не нужно больше; вы ударили его несправедливо".

И благородный витязь отвѣчалъ ему: „Онъ оскорбилъ меня, попрекнувъ имуществомъ и честью, которая досталась мнѣ отъ вашихъ рукъ; лжецъ получилъ свою награду кстати".

Тогда явилася Кримгильда и также увидала, какъ гнѣвъ героя гунна поразилъ. Она подняла жалобы и глаза ея омочились. Она говорила Рюдигеру: „Скажите, чѣмъ мы заслужили.

„Что вы умножили печаль мою и короля? Не вы ли, благородный Рюдигеръ, говорили когда-то, что вы пожертвуете за насъ и честью, и жизнью? А я слышала, какъ многіе герои ставили васъ высоко".

„Я должна напомнить вамъ клятву, данную предъ моимъ отправленіемъ къ Этцелю, служить мнѣ до смерти одного изъ насъ. Ни-

когда несчастная женщина не находилась въ такомъ печальномъ положеніи, какъ я въ эту минуту".

— „Это справедливо,—отвѣчалъ Рюдигеръ;—я клялся не щадить за васъ ни чести, ни жизни, но я не клялся душу потерять: не я ли самъ привелъ сюда гостей высокихъ"?!

Она сказала: „Подумай, Рюдигеръ, о великой твоей вѣрности и страшной клятвѣ мстить за всякую обиду мнѣ". Маркграфъ отвѣтилъ: „Я рѣдко вамъ въ чемъ отказывалъ".

И Этцель началъ умолять; они припали оба къ ногамъ героя. Благородный маркграфъ стоялъ глубоко огорченный, и, преисполненный печали, говорилъ:

„О, горе мнѣ оставленному Богомъ, если я переживу свою бѣду! Мнѣ должно отказаться отъ всякой чести, вѣрности и правилъ, къ которымъ обязалъ насъ Богъ. О, горе мнѣ! Господь небесный, молю, чтобъ смерть меня не пощадила!

„И все, что́-бъ я ни сдѣлалъ, и что́-бы я ни предпринялъ, мнѣ причиняетъ горе и печаль. Если я останусь ни на чьей сторонѣ, всякій будетъ стыдить меня. Пусть Тотъ дастъ мнѣ совѣтъ, кто далъ мнѣ жизнь"!

Король съ королевой снова обступили его; и вслѣдствіе того вскорѣ должны будутъ потерять жизнь многіе герои отъ руки Рюдигера, причемъ падетъ и самъ добрый витязь. Вы, вѣрно, хотѣли бы послушать, какое великое бѣдствіе онъ испыталъ.

Рюдигеръ видѣлъ всю тяжесть своего положенія; онъ охотно отказалъ бы Этцелю и королевѣ, но боялся чрезъ то навлечь на себя всеобщее презрѣніе.

И мужественный герой говорилъ королю: „Мой господинъ, возьмите отъ меня все, что́ вы мнѣ дали; пусть у меня не останется ни одной земли, ни одного замка; я снова пойду пѣшкомъ по міру.

„Лишившись имущества, я оставлю вашу страну, и поведу съ собою за руку свою жену и свою дочь; пойти же теперь вѣроломно на смерть, значило бы худою цѣною заслужить ваше червонное золото".

Ему говорилъ король Этцель: „Но кто же мнѣ поможетъ? Я отдамъ тебѣ мою землю и за̀мки, чтобы ты оборонялъ меня отъ враговъ; помоги, и ты будешь рядомъ со мною могущественнымъ королемъ".

Рюдигеръ отвѣтилъ королю: „Но какъ я могу бороться съ ними?! я приглашалъ ихъ въ свой домъ, я радушно кормилъ и поилъ ихъ и надѣлилъ ихъ дарами: какъ я могу покушаться на ихъ жизнь?

„Быть можетъ, иной упрекнетъ меня въ малодушіи: но я не отказывалъ никогда въ помощи князьямъ и ихъ дружинамъ, и могу только сожалѣть о дружбѣ, въ которую я съ ними вступилъ.

„Герою Гизелеру я отдалъ дочь мою, и она не могла бы найти себѣ лучшаго супруга; я никогда не видалъ такого юнаго и доблестнаго короля".

Ему отвѣчала Кримгильда: „Благородный витязь Рюдигеръ, сжалься надъ нашею великою бѣдою, и подумай о томъ, что еще ни од-

ному хозяину не приходилось принимать у себя болѣе дурныхъ гостей".

И маркграфъ говорилъ благородной госпожѣ: „Сегодня Рюдигеръ расплатился своею жизнью за все, что сдѣлала мнѣ ваша любовь и любовь моего господина. Я долженъ умереть; такъ не можетъ продолжаться.

„Я знаю, что еще сегодня вражеская рука сдѣлаетъ вакантными мои земли и за́мки. Я поручаю вашему милосердію свою жену и свое дѣтище и всѣхъ бѣдныхъ въ Бехларѣ".

— „Да вознаградитъ Богъ,—отвѣчалъ король,—за все, что сдѣлаетъ для насъ Рюдигеръ". Этцель и Кримгильда повеселѣли. „Всѣ твои люди найдутъ прибѣжище у насъ; но я увѣренъ, что ты останешься и цѣлъ, и невредимъ".

Рюдигеръ бросаетъ на вѣсы судебъ и душу, и тѣло; жена короля Этцеля плачетъ. Рюдигеръ еще разъ говоритъ: „Я долженъ исполнить данную вамъ присягу! О, други мои, противъ воли иду биться съ вами".

Маркграфъ смущенный пошелъ отъ короля; вблизи стояли витязи его: „Готовьтесь,—говоритъ онъ имъ,—къ бою, я долженъ, къ сожалѣнію, сразиться съ отважными бургундами".

Всѣ бросились къ оружью; щиты и шлемы, все принесено; до чужеземцевъ доходитъ слухъ о томъ.

Рюдигеръ изготовился съ пятью-стами воиновъ; вмѣстѣ съ нимъ идутъ еще двѣнадцать героевъ; они хотятъ пріобрѣсти славу въ боевомъ трудѣ и не знаютъ, что̀ ихъ ждетъ; а смерть близка уже къ нимъ.

На головѣ Рюдигера надежный шлемъ; его люди несли острый мечъ маркграфа и легкіе, но широкіе щиты предъ собою. Увидѣлъ ихъ миннезингеръ (videlaere) Фолькеръ и крѣпко пригорюнился.

А юный Гизелеръ замѣтилъ, что тесть его идетъ съ опущеннымъ забраломъ. Кто бъ могъ, смотря на это, подумать о враждѣ? И благородный король радовался въ сердцѣ.

„Привѣтъ друзьямъ,—воскликнулъ Гизелеръ;—мы встрѣтилися съ ними на своемъ пути. Благодаря моей женѣ, они спѣшатъ на помощь; мой бракъ послужитъ въ пользу намъ".

— „Чѣмъ можете вы тутъ утѣшаться,—воскликнулъ миннезингеръ Фолькеръ? Гдѣ вы видали, чтобъ герои для мирной цѣли шли, опустивъ забрало, съ мечемъ въ рукѣ? Нашею жизнью намѣренъ онъ пріобрѣсти новые земли и замки".

Еще не кончилъ рѣчи миннезингеръ, какъ благородный Рюдигеръ стоялъ уже предъ домомъ. Онъ добрый щитъ къ ногамъ поставилъ, но не могъ ни привѣтствовать друзей, ни быть полезнымъ имъ.

Маркграфъ вошелъ и громко объявилъ: „Могущественные Нибелунги, вамъ должно защищаться! мнѣ жаль: мы были дружны, теперь я долженъ быть вашимъ врагомъ".

Нибелунги стояли въ ужасѣ при этомъ извѣстіи; не было никакой надежды, которую они питали прежде; имъ приходилось биться съ тѣмъ, кого любили всѣ, а отъ непріятеля они уже испытали много бѣдствій.

„Да не допуститъ Богъ,—сказалъ Гунтеръ,—дожить намъ до того, чтобъ биться съ вами; я увѣренъ, что съ вашей стороны невозможно ожидать ничего подобнаго“.

И отвѣчалъ отважный витязь: „Теперь нельзя перемѣнить: я долженъ драться съ вами, я такъ клялся. Теперь защищайтесь, чужеземцы, если вамъ дорога ваша жизнь. Жена Этцеля не разрѣшаетъ меня отъ клятвы“.........

„Итакъ, да пребудетъ на насъ милосердіе божіе“, воскликнулъ отважный герой. Бойцы поднимаютъ щиты и рѣшаются начать сѣчу въ залѣ Кримгильды, но въ это время со ступени раздался громкій голосъ Гагена:

„Помедлите одно мгновенье, мой добрый Рюдигеръ; я хотѣлъ бы еще разъ сказать о крайности, въ которой мы находимся: какую въ самомъ дѣлѣ пользу можетъ принести Этцелю смерть этихъ чужеземцевъ?

„Я лично нахожусь въ особенно затруднительномъ положеніи,—продолжалъ Гагенъ:—щитъ, который подарила мнѣ твоя жена Готелинда, разбитъ гуннами въ куски, а самъ я пришелъ въ страну Этцеля съ дружескими намѣреніями.

„Я желалъ бы, чтобъ Богъ мнѣ послалъ такой же добрый щитъ, какой виситъ у тебя на рукѣ; тогда я не нуждался бы для битвы ни въ какомъ панцырѣ“.

— „Охотно бы,—такъ отвѣчалъ Рюдигеръ,—я уступилъ тебѣ свой щитъ, если бы смѣлъ то сдѣлать въ виду Кримгильды. Но возьми его, Гагенъ, и надѣнь на руку; желаю тебѣ унести его въ страну бургундовъ“.

Когда онъ съ такою готовностью уступилъ ему щитъ, у многихъ глаза зардѣлись отъ слезъ. Это былъ послѣдній даръ, которымъ могъ Бехларскій герой почтить другого витязя.

Какъ ни былъ Гагенъ раздраженъ и гнѣвенъ, но даръ предложенный въ предсмертную минуту, тронулъ его глубоко. Вмѣстѣ съ нимъ были тронуты и другіе герои.

„Да наградитъ васъ Богъ небесный, великодушный Рюдигеръ; здѣсь на землѣ не будемъ вамъ подобныхъ, которые такъ поступили бы съ чужеземцемъ. О, Боже, дай, чтобы такая добродѣтель не умирала“......

Между тѣмъ люди маркграфа бросились съ сѣчу, слѣдуя за своимъ господиномъ, съ смертоноснымъ оружьемъ въ рукахъ. Не одинъ шлемъ и щитъ разлетѣлся въ куски......

Рюдигеръ показалъ всю свою силу. О, сколько пало отъ его руки героевъ! Но видя то, бургундъ пришелъ въ негодованіе, и смерть нависла надъ благороднымъ Рюдигеромъ.

Могучій Гернотъ закричалъ герою: „Вы не хотите никого оставить мнѣ въ живыхъ; я огорченъ глубоко и долженъ васъ остановить.

„Вашъ даръ (т. е. мечъ) послужитъ вамъ въ погибель; вы погубили мнѣ столько моихъ друзей. Идите на меня, о, доблестный герой, и я воспользуюсь подаркомъ вашимъ, какъ съумѣю“.

Еще не успѣлъ близко подойти Рюдигеръ, какъ свѣтлый пан-

цырь его былъ уже запятнанъ кровью и отяжелѣлъ. Затѣмъ герои схватилися рука съ рукой, и каждый защищалъ себя отъ ранъ и тягостныхъ ударовъ.

Но не было защиты отъ ихъ мечей. Рюдигеръ такъ поразилъ Гернота въ крѣпкій шлемъ, что полилася кровь, и витязь заплатилъ ему отчаяннымъ ударомъ.

Онъ поднялъ высоко надъ головой подарокъ Рюдигера, и самъ, раненный на смерть, нанесъ ему такой ударъ, что добрый щитъ разбился, и мечъ дошелъ до шлема. Отъ этого удара мужъ Готелинды долженъ умереть.

За свой подарокъ Рюдигеръ былъ худо награжденъ. Противники оба пали мертвые, и Гернотъ, и маркграфъ......

Въ XXXVIII главѣ выступаютъ на сцену Амелунги, дружина Теодорика Великаго, или Дитриха Веронскаго, котораго поэтъ сдѣлалъ современникомъ Аттилы; ихъ бой съ Нибелунгами былъ самый упорный: изъ Нибелунговъ остались въ живыхъ только два главные виновника убійства Сигфрида, Гунтеръ и Гагенъ, а со стороны Амелунговъ спасся, и то раненый, Гильдебрандъ, престарѣлый наставникъ Дитриха. Тогда, наконецъ, идетъ на послѣднюю борьбу самъ Дитрихъ, обезоруживаетъ и беретъ въ плѣнъ Гагена и затѣмъ нападаетъ на короля Гунтера, брата Кримгильды.

ГЛАВА XXXIX.

Какъ были убиты Гунтеръ, Гагенъ и Кримгильда.

[1]) Дитрихъ Веронскій (послѣ того какъ онъ обезоружилъ и взялъ въ плѣнъ Гагена), поразилъ Гунтера и схватилъ его за руки; связавъ, онъ привелъ плѣнника къ Кримгильдѣ. Королева привѣтствовала брата: „Милости просимъ, Гунтеръ, герой изъ Бургундіи“.— „Да наградитъ васъ Богъ, Кримгильда, если ваше привѣтствіе не притворно“.

Затѣмъ онъ сказалъ: „Я благодарю васъ, любезная сестра, за ласковый пріемъ; но мнѣ извѣстна ваша злоба, и вы готовите и Гагену, и мнѣ, худой привѣтъ“.

Его прервалъ герой изъ Вероны: „Великодушная королева, еще никто не приводилъ вамъ такихъ знатныхъ плѣнныхъ, какъ я привелъ. За то вы для меня и будете къ нимъ благосклонны“.

Кримгильда обѣщала ему все, и Дитрихъ Веронскій со слезами на глазахъ удалился отъ героевъ. Но жена Этцеля кроваво отмстила за себя, и лучшіе два витязя лишились скоро жизни.

Она ихъ разлучила, чтобы тѣмъ огорчить ихъ, и они болѣе не видали другъ друга до тѣхъ поръ, пока голова Гунтера не была принесена Гагену. Кримгильда должна была отмстить имъ обоимъ.

---

[1]) Купл. 2441—2459.

Она явилась къ Гагену и грозно ему говорила: „Если вы мнѣ возвратите отнятыя у меня богатства, то живымъ вернетесь въ Бургундію“.

Злой Гагенъ отвѣчалъ: „Благородная королева, вы напрасно просите меня о томъ: я клялся не показывать мѣста, гдѣ сокрыты ваши богатства, пока находится въ живыхъ хотя одинъ изъ моихъ властителей“.

Онъ очень хорошо понималъ, что и безъ этого Кримгильда не оставитъ ему жизни. Но можетъ-ли быть большее вѣроломство? онъ боялся, что королева, умертвивъ его, отпуститъ своего брата на родину.

Кримгильда отвѣчала: „Такъ я *покончу*“! и дала вмѣстѣ съ тѣмъ приказаніе лишить жизни брата. Ему отрубили голову и за волоса подали ее герою изъ Тронье; не мало ему причинило это печали.

Увидя голову своего господина, Гагенъ сказалъ Кримгильдѣ: „Ты и *покончила*, какъ того хотѣла, и все случилось такъ, какъ я и ожидалъ.

„Теперь у бургундовъ убиты король, благородный Гунтеръ, и братья его, Гизелеръ и Гернотъ. Кромѣ Бога и меня, никто не знаетъ, гдѣ сокрыто сокровище, и ты, фурія (valentinne) никогда того не узнаешь“.

И она ему отвѣчала: „Въ такомъ случаѣ, я буду имѣть возможность хорошо отмстить за себя. Я овладѣю добрымъ мечемъ Сигфрида, который онъ носилъ, когда я видѣла его въ послѣдній разъ“.

Она извлекла мечъ изъ ноженъ, и никто не могъ ее удерживать отъ покушенія на жизнь героя. Однимъ взмахомъ меча Кримгильда снесла голову Гагену. Видѣлъ это король Этцель, и имъ овладѣла печаль.

„О, горе, намъ,—воскликнулъ онъ,—рукою женщины убитъ храбрѣйшій изъ героевъ, какой когда либо бывалъ въ бояхъ и щитъ носилъ! Я врагъ ему, но все же сожалѣю“.

И старый Гильдебрандъ промолвилъ: „Она не насладится плодомъ своихъ трудовъ; что-бы ни было со мной, но я отмщу смерть мужественнаго героя, хотя онъ намъ надѣлалъ много бѣдъ“.

Сказалъ и бросился на королеву, махнувъ надъ головой мечемъ. Хотя она и вскрикнула, но крикъ ей не помогъ.

Оба трупа лежали распростерты; тѣло королевы разсѣчено въ куски. Дитрихъ и Этцель подняли плачъ: жаль имъ было сподвижниковъ своихъ.

Смерть поразила всякую славу; люди остались страдать, горевать. Грустно закончился пиръ короля; любовь въ концѣ уступила мѣсто печали.

Не могу разсказать вамъ, что дальше случилось; видно было одно, какъ витязи, женщины, ратники заливались слезами, утративъ друзей. Тутъ и разсказу конецъ. Нибелунги погибли!

Изъ поэмы о Нибелунгахъ.

Der Nibelungen Not. Часть вторая, гл. XX, XXII, XXXVII, XXXIX Издан. Браунфельса. Франкф. 1846.

Поэма о Нибелунгахъ (Der Nibelungn Not) въ томъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ, была составлена неизвѣстнымъ лицомъ, изъ соединенія отдѣльныхъ пѣсней, жившихъ въ народныхъ устахъ, и притомъ не ранѣе конца XII вѣка, самой блестящей эпохи рыцарства при Гогенштауфенахъ. Въ нее потому введены лица, жившія въ X вѣкѣ, какъ Пильгеринъ, епископъ Пассау, и Рюдигеръ, маркграфъ Бехлара, хотя главный сюжетъ относится, если не по духу, то по дѣйствующимъ лицамъ, къ V и VI стол., ко времени Аттилы и Теодорика В., короля остъ-готовъ. Въ самой же основѣ поэмы лежатъ миѳическія преданія о Нифлунгахъ Скандинавіи, воспѣтыхъ въ древнихъ сагахъ, преимущественно въ двухъ изъ нихъ: Вользунга-сага и Вилькина-сага (см. о нихъ выше. въ ст. 21). Всѣ дошедшія до насъ пѣсни этого героическаго эпоса группируются около трехъ предметовъ и составляютъ потому три цикла: во главѣ перваго цикла стоитъ *Сигфридъ*; во главѣ второго—*Аттила*, и третьяго—*Теодорикъ Великій*.—Лучшее изданіе текста съ критическимъ его анализомъ принадлежитъ *Лахманну* (2-е изд. Берл. 1841.). Текстъ съ нѣмецкимъ переводомъ издалъ *Браунфельсъ* (Франк. н. М. 1846.); одинъ нѣмецкій переводъ сдѣланъ *Симрокомъ*, подъ заглавіемъ: Das Heldenbuch, въ 6 томахъ; Das Nibelungenlied помѣщено въ II томѣ, и до 1862 г. имѣло 13 изданій (ц. 3 мар.; все изданіе 33 мар.).

23.—Состояніе Италіи, Германіи и Бургундіи, по сверженіи Карловинговъ и до начала X вѣка (888—898).

(Между 958 и 962 г.).

Во имя Отца и Сына и св. Духа! начинается первая книга Ἀνταποδόσεως, *антаподозеосъ*, т.-е. **Воздаянія** королямъ и властителямъ одной части Европы [1]), написанная Ліутпрандомъ, дьякономъ церкви

[1]) Такъ назвалъ Ліутпрандъ свое историческое произведеніе (о его содержаніи и характерѣ см. ниже въ примѣчаніи); вотъ какимъ образомъ самъ авторъ объясняетъ въ началѣ третьей книги (III, 1) поводъ къ такому оригинальному заглавію своего труда: „Я увѣренъ, святѣйшій отецъ, что заглавіе моего сочиненія не мало тебя удивитъ. Можетъ быть, ты возразишь: „Если авторъ имѣлъ въ виду описать дѣянія знаменитыхъ людей, то почему же его трудъ называется Ἀνταπόδοσις, *антаподозисъ*“? Отвѣчаю на это: цѣль всего труда состоитъ въ томъ, чтобы отмѣтить, назвать и изобличить дѣла, совершенныя Беренгаріемъ (II), который теперь, не скажу, правитъ, но тиранствуетъ въ Италіи, и его жены, Виллы, которая за безграничность своихъ злодѣяній можетъ быть названа второю Іезавелью, и Ламіей, за ненасытную вражду стяжанія. Я, мой домъ, родные и семейство незаслуженнымъ образомъ были поражены ими и копьемъ клеветы и разграбленіемъ, и поруганіями, въ такой степени, что того не можетъ ни языкъ выразить, ни перо (calamus) написать. Да послужатъ такимъ образомъ настоящія страницы *антаподозисомъ*, т. е. воздаяніемъ; я за свои страданія обнажу и предъ современниками, и предъ грядущимъ потомствомъ

въ Тицинѣ (н. Павія), ἔν τῇ ἐχμαλοσίᾳ ἀυτοῦ, *энъ ти эхмалосія авту*, т.-е. во время его странничества, и посвященная Рецемунду, епископу церкви въ Либерританѣ (Иллиберисъ), въ Испаніи.

Книга первая начинается.

1. Достопочтенному, всякой святости преисполненному, владыкѣ Рецемунду, либерританской церкви епископу, отъ Ліутпранда, тицинской церкви, не по своимъ заслугамъ, дьякона, привѣтъ! Вотъ уже прошло два года, какъ я, по скудости своихъ средствъ, не могъ привести въ исполненіе твою просьбу, возлюбленный отче, въ которой ты меня уговаривалъ (въ 956 г.) приступить къ описанію дѣяній императоровъ и королей всей Европы, какъ человѣка, который можетъ говорить не по слуху, но съ увѣренностью очевидца. Я долго не могъ начать этого дѣла, потому что меня устрашали различныя обстоятельства, и сознаніе недостатка въ себѣ краснорѣчія, и зависть критиковъ, которые, не бравъ книги въ руки и насупивъ брови, по выраженію ученаго мужа Боэція [1]), думаютъ, что они облечены въ философскую мантію, между тѣмъ, какъ на дѣлѣ держатъ одну отъ нея тряпку; они-то, порицая меня, и скажутъ мнѣ: „Наши предки написали такъ много, что скорѣе будетъ недостатокъ въ читателяхъ, нежели въ книгахъ"; или осмѣютъ меня извѣстнымъ стихомъ изъ комедіи [2]): „Ничего не скажется больше, что не было бы сказано уже прежде". Этимъ людямъ, умѣющимъ только облаять, я отвѣчу коротко: подобно одержимымъ жаждою, которые тѣмъ болѣе желаютъ, чѣмъ больше пьютъ, философы чѣмъ больше читаютъ, тѣмъ больше стремятся къ пріобрѣтенію новыхъ познаній. Кто утомится глубокомысленнымъ чтеніемъ произведеніемъ краснорѣчиваго Туллія (Цицерона), тотъ отдыхаетъ за чтеніемъ литературныхъ бездѣлокъ (neniis animentur). Ибо, если я не ошибаюсь, какъ тотъ, кто, пораженный лучами солнца, защищаетъ чѣмъ нибудь свои глаза, чтобы

смертныхъ, ихъ ἀσεβείαν, асевіанъ, т. е. безбожіе. Но мой трудъ будетъ въ то же время воздаяніемъ и людямъ благочестивымъ и блаженнымъ за оказанныя ими мнѣ услуги. Изъ лицъ, упомянутыхъ мною, не найдется, за исключеніемъ этого безбожника, Беренгарія, ни одного, или почти ни одного, благодѣяніями котораго мои родители или ихъ дѣти не были бы крайне осчастливлены. Наконецъ, то обстоятельство, что этотъ ничтожный трудъ былъ написанъ, какъ я выразился (I, I), ἐν τῇ ἐχμαλοσίᾳ, *энъ ти эхмалосія*, т. е. въ плѣну или въ странничествѣ, указываетъ на мои настоящія воздыханія. Хотя я началъ писать свое сочиненіе во Франкеневурдѣ (н. Франкфуртъ-на-Майнѣ), отстоящемъ на 20 миль (около пяти нынѣшнихъ нѣмецк. миль) отъ Магонціи (н. Майнцъ), но оно пишется еще и теперь на о. Паксосѣ (на ю. отъ о. Корциры, у Эпирскихъ береговъ), въ 900 миляхъ, или и болѣе, отъ Константинополя". Объясненіе всего сказаннаго Ліутпрандомъ см. въ очеркѣ его жизни, помѣщенномъ ниже въ примѣчаніи.

[1]) Въ извѣстномъ его сочиненіи: De consolatione philosophiae.

[2]) Прологъ въ комедіи Теренція: Eunuchi, ст. 41.

не увидѣть солнца во всемъ его блескѣ, такъ точно и умъ, подавленный размышленіемъ при чтеніи философовъ академическихъ, перипатетическихъ и стоическихъ, устанетъ, если его не поддержатъ благодѣтельнымъ чтеніемъ комиковъ и пріятнымъ разсказомъ о подвигахъ героевъ. Если въ книгахъ сохраняется память объ отвратительномъ идолослуженіи древнихъ, познаніе чего не только безполезно, но даже и не безвредно; почему же проходить молчаніемъ дѣянія своихъ современниковъ, которыя по своей славѣ равняются подвигамъ такихъ древнихъ полководцевъ, какъ Юлій, Помпей, Аннибалъ, братъ его Аздрубалъ и Сципіонъ Африканскій? Притомъ въ разсказахъ о дѣяніяхъ современныхъ героевъ представляется случай указать на благость Господа нашего Іисуса Христа, дѣйствовавшую въ нихъ всякій разъ, когда они жили свято, и напомнить о спасительномъ раскаяніи, когда они въ чемъ нибудь отступали отъ правилъ господнихъ. А потому пусть никто не оскорбляется, если въ этой книгѣ я приведу дѣянія королей, утратившихъ энергію, и властителей женоподобныхъ. У всемогущаго Бога, у Отца и Сына и св. Духа, одна есть сила, которая тяготѣетъ надъ ними справедливо по ихъ злымъ дѣламъ, и возвышаетъ другихъ за достойныя ихъ дѣянія. Таковъ обѣтъ, завѣщанный во истину Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ святымъ своимъ людямъ: „Храни и повинуйся моему голосу, и я буду врагъ твоимъ врагамъ и угнету гнетущихъ тебя, и ангелъ мой будетъ тебѣ предшествовать". И устами Соломона вѣщаетъ намъ мудрость, то есть, Христосъ: „За него возстанетъ вся земля противъ безумцевъ". А что такъ случается ежедневно, это замѣтитъ и тотъ, кто дремлетъ. Но чтобы представить тому самое очевидное доказательство изъ безчисленнаго множества другихъ, я, сохраняя самъ молчаніе, предоставлю говорить за себя городу Фраксинету [1]), который, какъ извѣстно, лежитъ на границѣ Италіи и Провинціи (н. Провансъ).

2. Чтобы дать каждому понятіе объ этой мѣстности (тебѣ я не думаю сказать что нибудь новое: ты знаешь все лучше меня, потому что вы можете разспросить о томъ у самихъ жителей, платящихъ дань вашему государю, а именно Абдеррахману), скажу, что съ одной стороны она омывается моремъ, а съ другихъ ограждена густымъ лѣсомъ терновника. Если кому придется забрести въ него, то его такъ обовьетъ кривыми вѣтвями и проколетъ иглами, что онъ не будетъ имѣть средствъ ни подвинуться впередъ, ни отступить назадъ, безъ величайшихъ усилій.

3. По неисповѣдимому и неизбѣжно справедливому опредѣленію божества случилось (891 г.), что всего 20 человѣкъ изъ сарацинъ, отплывъ изъ Испаніи на небольшомъ суднѣ, были прибиты вѣтромъ къ той мѣстности, противъ своей воли. Высадившись ночью, эти пираты нападаютъ тайно на городъ и, о ужасъ! избивъ христіанъ, овладѣваютъ мѣстомъ, а прилежащую гору Мавръ обращаютъ въ убѣжище противъ сосѣднихъ народовъ. Желая, чтобы терновый лѣсъ

[1]) Нынѣ Frainet, близъ гавани Frejus, на французскомъ берегу Средиземнаго моря.

сдѣлался гуще и выше, побѣдители угрожаютъ смертью каждому, кто осмѣлится вырубить въ лѣсу хотя одну вѣтку: такимъ образомъ, во всемъ лѣсу осталась одна самая узкая тропинка. Разсчитывая на неприступность мѣста, сарацины тайно нападаютъ на сосѣдей со всѣхъ сторонъ; въ то же время они отправляютъ безпрерывно пословъ въ Испанію, восхваляя свою страну и увѣряя, что сосѣди ихъ ничего не стоятъ. Вскорѣ явились послы назадъ, но съ ними прибыло всего 100 сарацинъ, чтобы убѣдиться въ справедливости ихъ разсказовъ о мѣстности.

4. Между тѣмъ, возникли несогласія среди самихъ провансальцевъ, которые жили ближе другихъ къ сарацинамъ. По взаимной ненависти они стали умерщвлять другъ друга, грабить и вредить при всякой возможности. Но такъ какъ одна изъ боровшихся сторонъ не могла вполнѣ удовлетворить своей ненависти и корысти, то и обратилась съ просьбою о помощи къ вышесказаннымъ сарацинамъ одинаково хитрымъ, какъ и вѣроломнымъ, и вмѣстѣ съ ними истребила своихъ ближнихъ. Имъ было мало убійства: они обратили въ пустыню и плодородную землю. Но мы поймемъ, какую пользу могла принести имъ зависть, когда припомнимъ сказанное по этому случаю однимъ поэтомъ:

Нѣтъ ничего справедливѣе зависти: тѣхъ, кто завистливъ,
Именно гложетъ она, въ мукахъ терзая ихъ духъ!

Завистливый хочетъ обмануть другихъ, и попадается самъ; готовитъ погибель другому и гибнетъ. Чѣмъ же то кончилось? Сарацины достигли того, на что не хватало ихъ собственныхъ силъ; побѣдивъ одну сторону силою другой и получивъ новую помощь изъ Испаніи, они начали тѣснить всѣми способами и тѣхъ, кого, повидимому, дотолѣ защищали. Тогда объялъ трепетъ всѣ сосѣдніе народы, потому что, по словамъ пророка, одинъ гналъ предъ собою тысячу, и двое обращали въ бѣгство десять тысячъ. И почему все это такъ случилось? Потому что Богъ предалъ ихъ, и Господь заключилъ ихъ.

5. Въ то время (891 г.) въ Константинополѣ правилъ Левъ Порфиродный, сынъ императора Василія, и отецъ того Константина, который живетъ еще и теперь, и благополучно царствуетъ (958 г.). Болгарами предводительствовалъ Симеонъ, храбрый воитель, христіанинъ, но весьма враждебный своимъ сосѣдямъ, грекамъ. Венгерскій народъ, жестокость котораго испытали почти всѣ, и который, какъ мы обстоятельнѣе разскажемъ въ другомъ мѣстѣ, божіею милостью и мощью святѣйшаго и непобѣдимаго короля Оттона (I) устрашенъ и не смѣетъ подняться, въ ту эпоху никому изъ насъ не былъ еще извѣстенъ. Отдѣленные отъ насъ неодолимыми преградами, которые простой народъ называетъ *клузами* (clusae, отъ нѣмецкаго корня clausen, замыкать) венгры не могли тронуться ни на югъ, ни на западъ. Въ то же время, по смерти Карла по прозванію *Лысаго* [1]), правилъ

[1]) Авторъ въ этомъ мѣстѣ смѣшалъ Карла II Лысаго съ Карломъ III Толстымъ, и вмѣсто Crassus написалъ Calvus.

багоарами (баварами), свевами, тевтонскими франками, лотарингами и храбрыми саксами, могущественный король Арнульфъ. Съ нимъ мужественно боролся Центебальдъ герцогъ маравановъ (моравовъ). Императоры Беренгарій (I) и Видо (Гвидо) спорили за итальянскую корону. Формозъ, епископъ г. Порто (при Остіи), былъ верховнымъ и вселенскимъ папою на римскомъ престолѣ (Romanae sedis summus et universalis papa). Но теперь объяснимъ самымъ краткимъ образомъ все, что произошло подъ управленіемъ каждаго изъ нихъ.....

Авторъ начинаетъ свой обзоръ съ Восточной римской имперіи, и отъ гл. 6 до гл. 12 первой книги говоритъ вообще о македонской династіи и въ особенности о правленіи Льва Порфироднаго: затѣмъ возвращается на западъ къ эпохѣ Арнульфа, какъ то слѣдуетъ ниже.

13. Между тѣмъ (892 г.), Арнульфъ, могущественнѣйшій изъ королей надъ народами, живущими подъ Большою-Медвѣдицею (т.-е. сѣверными), не имѣя силъ покорить сопротивлявшагося ему мужественно Центебальда, герцога маравановъ, о которомъ мы упомянули выше, разрушилъ, о ужасъ! тѣ крѣпчайшіе оплоты, которые, какъ мы сказали, народъ называлъ *клузами*, и призвалъ къ себѣ на помощь народъ венгровъ (Hungarii), жадный, отважный, невѣрующій во всемогущаго Бога, привычный ко всякому злодѣянію, устремленный къ убійству и грабежу; но едва ли можно назвать помощью то, что вскорѣ, по смерти Арнульфа, обратилось въ бѣдствіе и даже погибель какъ для его народа, такъ и для всѣхъ прочихъ, живущихъ на югѣ и западѣ. Что же случилось? Центебальдъ побѣжденъ, покоренъ, платитъ дань; но не онъ одинъ! О, слѣпое властолюбіе короля Арнульфа! о, несчастный и злополучный день! Для сверженія какого нибудь одного ничтожнаго человѣка (homuntii) вся Европа повергнута въ отчаяніе. Сколько овдовѣло женъ, осиротѣло отцовъ, обезчещено дѣвъ, плѣнено священно-служителей и божьяго народа, разрушено церквей, опустошено земель, и все это по одному слѣпому честолюбію! Заклинаю тебя, читалъ-ли ты изреченіе самой Истины: „Какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ; или какой выкупъ дастъ человѣкъ за душу свою“? [1]) Если ты не боишься строгости праведнаго судьи, то твою свирѣпость должна была бы укротить мысль о томъ, что и ты принадлежишь къ человѣчеству. Вѣдь ты былъ среди людей такимъ же человѣкомъ, высшимъ конечно по положенію, но по природѣ неотличнымъ отъ другихъ (non tamen natura dissimilis). Плачевны и жалки заблужденія людей; различныя породы звѣрей, гадовъ и птицъ, которыхъ неукротимая дикость и смертоносный ядъ удалилъ отъ людей, какъ-то, василиски, ястребы, носороги или грифы, которыхъ одинъ внѣшній видъ считается пагубнымъ, живутъ другъ возлѣ друга мирно и безвредно, на основаніи общаго происхожденія и одинаковой природы; человѣкъ же, сотворенный по образу и подобію божію, сознающій божескіе законы, одаренный разумомъ, не только не

---

[1]) Матѳ. 16, 26.

ищетъ любить своего ближняго, но даже старается преслѣдовать его ненавистью. Посмотримъ, что говоритъ о такихъ людяхъ Іоаннъ, не какой нибудь простой писатель, но чудный дѣвственникъ, знакомый съ небесными тайнами, кому Христосъ на крестѣ поручилъ мать, дѣвственнику дѣвственницу: „Всякій ненавидящій брата своего, есть человѣкоубійца; а вы знаете, что никакой человѣкоубійца не имѣетъ жизни вѣчной въ немъ пребывающей“ [1]). Но возвратимся къ дѣлу. Побѣдивъ герцога мараванскаго Центебальда, Арнульфъ мирно правилъ государствомъ (893 г.). Венгры же, замѣтивъ путь и осмотрѣвъ страну, замыслили въ сердцѣ то зло, которое обнаружилось впослѣдствіи.

14. Пока все это происходило, король Галліи Карлъ, прозванный Лысымъ [2]), отошелъ (888 г.) изъ здѣшней жизни и умеръ. Во время его правленія служили у него двое благородныхъ (nobiles) изъ Италіи, весьма могущественные владѣтели (principes), изъ которыхъ одинъ назывался Видо (Гвидо), а другой Беренгарій [3]). Они были связаны такими узами дружбы, что дали другъ другу клятву, въ случаѣ, если переживутъ Карла, содѣйствовать взаимному возвышенію, а именно, Видо долженъ былъ получить Францію, называемую романскою [4]), а Беренгарій Италію. Но не всѣ роды дружбы, заключаемой людьми по ихъ любви къ общительности, при различныхъ случаяхъ жизни, бываютъ надежны и постоянны; такъ, у многихъ простое предварительное знакомство мало по малу обращается въ дружескія отношенія; у другихъ къ тому же приводитъ сближеніе по дѣламъ торговымъ, по наклонностямъ военнымъ, по общей любви къ искусству, къ наукѣ; но во всѣхъ этихъ случаяхъ, дружба, какъ легко снискивается по различнымъ побужденіямъ или выгоды, или страсти или другихъ потребностей, такъ точно при первомъ случаѣ къ разрыву и разрушается; но въ особенности, непостоянна та дружба—и это доказано многочисленными примѣрами — которая началась клятвою сохранить дружбу. Конечно, къ скорѣйшему разъединенію такой дружбы содѣйствуетъ болѣе всего тотъ хитрый врагъ человѣческаго рода, который старается сдѣлать людей клятвопреступниками. Если насъ кто спроситъ, не имѣя правильнаго понятія объ истинной дружбѣ, что такое истинная дружба, то мы отвѣтимъ: согласіе и истинная дружба могутъ быть прочны только между людьми, обладающими чистыми нравами и съ одинаковою силою преслѣдующими одинаковую цѣль.

---

[1]) I. Іоан. 3, 15.

[2]) Повтореніе прежней ошибки: Лысый вмѣсто Толстаго. Карлъ III Толстый умеръ 13 января 888 года.

[3]) *Видо* былъ герцогомъ и маркграфомъ Сполето, а *Беренгарій*, сынъ Эбергарда и Гизелы, дочери Людовика Благочестиваго, герцогомъ Фріоуля. Но оба они, какъ и вообще всѣ владѣтели Италіи, были франкскаго происхожденія, чѣмъ и объясняется ихъ пребываніе во Франціи, гдѣ они имѣли и родственниковъ, и друзей. См. въ концѣ тома родословную таблицу № 2.

[4]) *Francia Romana*—нынѣшняя Франція и Бельгія, въ противоположность Francia Teutonica—т.-е. нынѣшняя Германія, на сколько она принадлежала Карлу В.

15. Случилось же такъ, что ни Видо, ни Беренгарія не было на погребеніи короля Карла (III). Едва Видо услышалъ о его смерти, какъ отправился въ Римъ, и безъ согласія франковъ (absque Francorum consilio), былъ помазанъ на управленіе всею Франціею (totius Franciae) [1]). Франки же, по отсутствію Видо, поставили королемъ Одо; а Беренгарій, на основаніи совѣтовъ Видо и клятвеннаго обѣщанія, даннаго имъ, вступилъ въ управленіе итальянскимъ королевствомъ. Вслѣдъ за тѣмъ, Видо отправился во Францію.

16. Но когда онъ, пройдя владѣнія бургундовъ, хотѣлъ уже вступить во Францію, называемую римскою, его встрѣтили вѣстники франковъ съ предложеніемъ возвратиться назадъ, такъ какъ, говорили они, франки утомились, ожидая его, и, по всеобщему желанію избрали королемъ Одо, потому что безъ короля не могли оставаться долго. Впрочемъ, разсказываютъ, вотъ по какому случаю франки не избрали Видо своимъ королемъ. Когда онъ приближался къ городу Метцу, знаменитѣйшему во всей Лотарингіи (in regno Lotharii), то послалъ впередъ своего стольника (dapiferum) приготовить ему, какъ то подобаетъ королю, съѣстные припасы. Епископъ города Метца, по обычаю франковъ, собралъ огромное количество требуемаго, но стольникъ ему замѣтилъ: „Если бы ты мнѣ подарилъ коня, то я устроилъ бы такъ, что король Видо довольствовался бы одною третью всего изготовленнаго“. На это епископъ отвѣчалъ: „Не прилично намъ имѣть надъ собою короля, который можетъ довольствоваться жалкимъ столомъ въ десять драхмъ“. И такъ вышло, что франки оставили Видо и избрали Одо.

17. Видо, смущенный не мало посольствомъ франковъ, былъ взволнованъ различными размышленіями: королевство итальянское онъ уступилъ Беренгарію, обязавъ себя къ тому клятвою, а королевство франковъ, какъ онъ теперь хорошо узналъ, невозможно было получить. Такимъ образомъ, Видо колебался между двумя цѣлями; но королемъ франковъ сдѣлаться было нельзя, и потому онъ рѣшился нарушить данную Беренгарію клятву. Собравъ войско на скорую руку—къ нему присоединилась, конечно, и часть франковъ, связанная съ нимъ родствомъ — Видо поспѣшилъ въ Италію и съ полною довѣрчивостью обратился къ жителямъ г. Камерино и Сполето, какъ своимъ союзникамъ (propinqui). Ему удалось склонить на свою сторону подкупомъ вѣроломныхъ друзей Беренгарія, и за тѣмъ онъ объявилъ войну своему противнику.

18. Обѣ стороны, собравъ свои силы, изготовились къ гражданской войнѣ, и при рѣкѣ Тривіи (н. Треббія), въ пяти миляхъ отъ Плаценціи (н. Піаченца) вступили въ бой. Много пало и съ той и съ другой стороны: Беренгарій обратился въ бѣгство, а Видо восторжествовалъ.

19. Вскорѣ, по прошествіи нѣсколькихъ дней, Беренгарій, собравъ огромныя силы, далъ новое сраженіе Видо, на широкихъ поляхъ Бриксія (н. Бресчія). Послѣ страшнаго разгрома, Беренгарій спасъ себя только бѣгствомъ.

---

[1]) Т.-е. вся Карлова монархія.

20. Не имѣя возможности противостоять Видо, по малочисленности своего войска, Беренгарій обратился съ просьбою о помощи къ вышеупомянутому могущественному королю Арнульфу, обѣщая за себя и за своихъ служить ему, если онъ одолѣетъ Видо и добудетъ ему итальянское королевство. Побуждаемый такими обѣщаніями, король Арнульфъ отправилъ съ сильнымъ войскомъ своего сына Центебальда, рожденнаго отъ наложницы, и соединенныя силы союзниковъ съ быстротою подступили къ Папіи (н. Павія). Но Видо успѣлъ такъ укрѣпить шанцами и войскомъ (tam sudibus, quam exercitu) рѣчку Вернаволу, омывающую городъ съ одной стороны, что противники, раздѣленные водой, протекавшей между ними, не могли напасть другъ на друга (893 г.).

21. Прошелъ двадцать одинъ день, но враги, какъ я сказалъ, не могли наносить никакого вреда другъ другу; тогда одинъ изъ баваровъ началъ каждый день выѣзжать впередъ и осмѣивать итальянскія войска, крича имъ, что они трусы и не умѣютъ наѣздничать [1]). Къ большому стыду противниковъ, онъ влетѣлъ въ ихъ ряды, вырвалъ копье изъ рукъ одного воина и съ торжествомъ ускакалъ въ свой лагерь. Для отмщенія за такое посрамленіе своей націи, выступилъ со щитомъ на встрѣчу вышеупомянутому бавару Губальдъ, отецъ того Бонифація, который впослѣдствіи, въ наше время, былъ маркграфомъ г. Камерино и Сполето. Противникъ же его не только не забылъ своего перваго успѣха, но, сдѣлавшись еще смѣлѣе и увѣреннѣе въ побѣдѣ, выѣхалъ съ радостью на бой; онъ то поднималъ вскачь своего изворотливаго коня, то, натянувъ поводья, осаживалъ. Но Губальдъ бросился на него прямо; когда же они съѣхались такъ близко, что могли уже наносить другъ другу удары, тогда баваръ, по своему обычаю, началъ поворачивать своего коня въ различныя стороны, чтобы тѣмъ сбить съ толку Губальда. Когда же онъ, маневрируя такимъ образомъ, обратилъ тылъ съ тѣмъ, чтобы, сдѣлавъ быстрый поворотъ, напасть внезапно на Губальда, этотъ послѣдній, давъ лошади шпоры, настигъ бавара, и прежде нежели онъ имѣлъ время повернуть коня, пронзилъ его копьемъ между плечъ, до самаго сердца. Затѣмъ Губальдъ схватилъ лошадь бавара за узда, а всадника, снявъ съ него доспѣхи, столкнулъ въ рѣку, и съ тріумфомъ, какъ мститель за оскорбленіе соотечественниковъ, возвратился въ свой лагерь. Это событіе навело не малый страхъ на баваровъ, а итальянцевъ ободрило. Тогда Центебальдъ, по совѣщаніи со своими, получилъ отъ Видо большую сумму денегъ и возвратился домой.

22. Беренгарій, увидя, что судьба ему не благопріятствуетъ, вмѣстѣ съ Центебальдомъ, явился ко двору короля Арнульфа, умоляя и обѣщая, какъ прежде говорилъ, подчинить его власти себя и всю Италію. Прельщенный такими обѣщаніями, король собралъ значительное войско и вступилъ въ Италію (894 г.). Беренгарій же,

---

[1]) Наѣздничество было въ то время въ первый разъ въ большомъ ходу, см. монахъ Сангал., Видукиндъ, и особенно Нитгардъ, III, 6.

чтобы внушить къ себѣ довѣріе и дать залогъ вѣрности, несъ, какъ слуга, королевскій щитъ.

23. Получивъ добровольно доступъ въ Верону, Арнульфъ подступилъ къ Пергаму (н. Бергамо). Жители этого города, увѣренные, или, лучше сказать, обманутые крѣпостью своихъ стѣнъ, не хотѣли его принять; тогда онъ, обложивъ городъ, взялъ его силою; жители же были изрублены и умерщвлены. Графъ города (civitatis comes), по имени Амвросій, былъ подпоясанъ мечемъ, облеченъ въ полное оружіе и драгоцѣнныя одежды, и въ этомъ видѣ повѣшенъ предъ городскими воротами. Это событіе навело не малый ужасъ на прочіе города и ихъ властителей (principes); у всякаго, кто это слышалъ, разсказъ отдавался въ обоихъ ушахъ.

24. Жители Медіолана (н. Миланъ) и Павіи, устрашенные одною молвою, не ожидали и прибытія Арнульфа, но отправили на встрѣчу ему посольство съ обѣщаніемъ оказать повиновеніе. Вслѣдствіе того Арнульфъ послалъ для защиты въ Миланъ Оттона, могущественнаго герцога саксовъ, дѣда этого славнаго и непобѣдимаго короля Оттона, который и теперь здравствуетъ, благополучно царствуя, а самъ прямою дорогою направился на Павію.

25. Видо, не имѣя силъ выдержать такой натискъ, бѣжалъ по направленію къ Камерину и Сполето. Король, преслѣдуя его безъ промедленія и настоятельно, овладѣлъ силою всѣми городами и замками (castella). Не было такой мѣстности, какъ бы она ни была защищена самою природою, которая могла бы устоять противъ его отваги. Тутъ нечему и удивляться, если самъ царь всѣхъ городовъ, великій Римъ, не могъ выдержать подобнаго натиска. Когда римляне отказали ему, при его нападеніи [1]) на городъ, въ повиновеніи (fidutia), онъ, созвавъ своихъ воиновъ, говорилъ (896 г.) имъ слѣдующее [2]):

26. „Мужи великіе духомъ, славные помощью Марса!
„Золото служитъ для васъ украшеніемъ только оружій,
„Дѣти же Ромула имъ украшаютъ книги пустыя;
„Духомъ воспряньте, съ отвагой возьмитесь за ваше оружье [3])!
„Нѣтъ ни Помпея Великаго, нѣтъ ни Юлія съ ними;
„Онъ лишь одинъ могъ нашихъ смирить необузданныхъ предковъ!
„Тотъ же, кого родила святая британка [4]), давно ужъ
„Лучшихъ людей изъ стараго Рима въ Аргосъ [5]) отправилъ.
„Римляне-жъ нашего времени знаютъ одно лишь искусство:
„Удить на удочку, щитъ же блестящій имъ не по силамъ!“

---

[1]) Говоря о нападеніи Арнульфа на Римъ, Ліутпрандъ переходитъ внезапно отъ перваго его похода къ третьему (896 г.), и дѣлаетъ по этому поводу большое отступленіе.

[2]) Рѣчь Арнульфа въ стихахъ показываетъ, что Ліутпрандъ пользовался для исторіи этого времени какою нибудь старою поэмою, откуда и взялъ цѣликомъ нѣсколько строфъ.

[3]) Sumite nunc animos, vobis furor arma ministret—стихъ, взятый изъ Виргил. Энеиды I, 150.

[4]) Мать Константина В., св. Елена.

[5]) *Аргосъ*, вмѣсто того, чтобы сказать въ Грецію, т. е. въ Константинополь.

27. Такія слова воспламенили геройскій духъ воиновъ и, жаждая славы, они презирали жизнью. Прикрывъ себя щитами и плетенками, осаждавшіе подступили къ стѣнамъ; изготовлено было множество осадныхъ орудій. Въ это время, когда народъ смотрѣлъ на приготовленія непріятеля, заяцъ, испуганный криками, выскочилъ и побѣжалъ по направленію къ городу. Многіе изъ воиновъ, какъ это случается обыкновенно, пустились за нимъ въ погоню; а римляне, думая, что на нихъ нападаютъ, соскочили со стѣнъ. Когда же воины замѣтили это, то, сбросивъ съ себя плащи и сѣдла съ лошадей, такъ какъ они были верхомъ, и, набросавъ ихъ у стѣны, забрались по этой кучѣ на самый верхъ. Другой же отрядъ войска, захвативъ съ собою бревно, длиною въ 50 футъ, разрушилъ имъ ворота и силою овладѣлъ тою частью Рима, которая называлась Леоновскою (Roma Leoniana) [1]), и въ которой почивало драгоцѣнное тѣло блаженнаго Петра, князя апостоловъ. Тогда и тѣ, которые жили по ту сторону Тибра, пораженные ужасомъ, подчинились Арнульфу.

28. Въ то время, благочестивѣйшій папа Формозъ былъ тяжко оскорбленъ римлянами, и по его-то приглашенію прибылъ въ Римъ король Арнульфъ. Овладѣвъ городомъ, онъ повелѣлъ, въ отмщеніе за обиду, нанесенную папѣ, перевѣшать многихъ изъ римскихъ вельможъ, поспѣшившихъ къ нему на встрѣчу (896 г.).

29. Причина же вражды между папою и римлянами была слѣдующая. Когда умеръ предшественникъ Формоза (891 г), одна часть избрала папою Сергія, одного изъ дьяконовъ римской церкви. Другая же и не малая часть римлянъ желала имѣть папою Формоза, епископа г. Порто, за его благочестіе и богословскія познанія. Когда наступило время поставленія Сергія намѣстниковъ апостоловъ, другая партія, благопріятствовавшая Формозу, выгнала изъ алтаря Сергія, произведя большое смятеніе и нанеся противнику всякія оскорбленія; на мѣсто же Сергія поставленъ былъ папою Формозъ.

30. Но Сергій отправился въ Тусцію съ тѣмъ, чтобы просить помощи у могущественнаго маркграфа Адельберта, что и получилъ. Дѣйствительно, по смерти Формоза, когда и Арнульфъ умеръ въ своемъ отечествѣ, Адельбертъ изгналъ поставленнаго преемника Формоза и сдѣлалъ папою Сергія (904 г.). По своемъ утвержденіи, Сергій, какъ человѣкъ безбожный и невѣжественный въ священномъ писаній, приказалъ вырыть Формоза изъ могилы и, облачивъ его въ святительскія одежды, посадить на престолъ римскаго первосвященника. Затѣмъ онъ обратился къ трупу съ слѣдующими словами: „По какому праву ты, бывъ уже епископомъ въ Порто, простеръ свое честолюбіе на римскій престолъ?“ [2]) По совершеніи этого, онъ приказалъ сорвать съ трупа одежды, обрѣзать три пальца и бросить въ Тибръ; всѣ поставленные Формозомъ были лишены своего званія и вторично посвящены. Каковъ этотъ поступокъ, ты можешь

---

[1]) *Roma Leoniana* назывался правый берегъ Тибра, укрѣпленный папою Львомъ IV, по разрушеніи церкви св. Петра сарацинами, въ 846 г.

[2]) Каноническіе законы запрещали епископу перемѣнять одно епископство на другое.

судить о томъ, святѣйшій отецъ, уже и потому, что лица, получившія благословеніе отъ Іуды, предателя Господа нашего Іисуса Христа, но еще до совершенія имъ предательства, не были лишены благодати и послѣ того, какъ онъ предалъ Спасителя, а самъ повѣсился, если только они себя не замарали сами какимъ нибудь безчестнымъ поступкомъ. Благословеніе, которое сообщается служителямъ божьимъ, получается ими не отъ видимаго, но отъ невидимаго пастыря. Не тотъ Богъ, кто поливаетъ, не тотъ, кто садитъ, но тотъ, кто даетъ растительную силу.

31. Но каково было достоинство и благочестіе папы Формоза, мы можемъ видѣть изъ того, что впослѣдствіи, когда рыбаки нашли его трупъ и положили въ церкви блаженнаго Петра, князя апостоловъ, образа многихъ святыхъ почтительно преклонялись предъ нимъ. Я самъ слышалъ это весьма часто отъ богобоязненныхъ людей города Рима. Но оставимъ это и возвратимся къ порядку разсказа.

32. Король Арнульфъ, достигнувъ цѣли своихъ желаній, не переставалъ преслѣдовать Видо [1]) и, направившись къ Камерину, осадилъ въ замкѣ „Твердомъ" (Castrum Firmum), твердомъ и по имени, и по своей природѣ, жену Видо. Самъ же Видо, неизвѣстно гдѣ, скрывался. Такъ какъ вышеупомянутый замокъ былъ твердъ не только по имени, но и по природѣ, то начали приготовляться осадныя орудія для овладѣнія имъ. Когда же жена Видо была стѣснена со всѣхъ сторонъ и не имѣла никакихъ средствъ къ спасенію, она начала помышлять въ змѣиномъ сердцѣ, какъ бы погубить короля. Призвавъ къ себѣ одного изъ самыхъ приближенныхъ лицъ къ Арнульфу, она старалась склонить его большими деньгами оказать ей услугу. Онъ увѣрялъ ее, что только въ случаѣ сдачи города онъ можетъ быть ей полезенъ; и она не только обѣщала ему гору золота, но и заплатила на мѣстѣ, умоляя его дать королю напиться изъ той чаши, которую онъ получитъ отъ нея: жизнь короля, говорила она, не будетъ въ опасности, но духъ его смягчится. Чтобы увѣрить въ справедливости своихъ словъ, она въ его присутствіи дала одному изъ слугъ напиться изъ этой чаши, и этотъ, оставаясь передъ нимъ цѣлый часъ, ушелъ невредимымъ. Но при этомъ случаѣ будетъ кстати вспомнить справедливое изрѣченіе Виргилія:

„Жажда проклятая злата людей ко всему приводила"! [2]).

Въ самомъ дѣлѣ, взявъ съ собою смертоносную чашу, онъ немедленно подалъ Арнульфу напиться изъ нея. Едва только король выпилъ, какъ имъ овладѣлъ такой тяжкій сонъ, что даже и громкія рыданія всего войска не могли разбудить его цѣлыхъ три дня. Разсказываютъ, что когда слуги старались привести его въ себя то шумомъ, то сотрясеніями, король оставался лежать безъ чувствъ съ

---

[1]) Ліутпрандъ, вслѣдствіе своего отступленія, перемѣшалъ событія: Видо умеръ еще до взятія Рима, и Арнульфъ преслѣдовалъ его жену, Агильтруду, и ея малолѣтняго сына Ламберта.

[2]) Энеида, III, 56.

открытыми глазами, не имѣя силъ произнести ни одного внятнаго слова. Казалось, что онъ, какъ сумасшедшій, не говоритъ, но мычитъ. Это обстоятельство побудило войско, отложивъ мысль о битвѣ, отступить.

33. Но я увѣренъ, что это зло постигло короля Арнульфа, какъ справедливая кара верховнаго судьи. Когда при счастьи его власть была грозна повсюду, онъ приписывалъ все своей силѣ и не воздавалъ должной хвалы всемогущему Богу. Служители божіи влачились къ оковахъ, дѣвы, посвященныя Богу, претерпѣвали насиліе, замужнимъ наносилось безчестіе. Самые храмы не служили убѣжищемъ: въ нихъ совершались пиры, попойки, раздавались постыдныя пѣсни и праздновались бакханаліи (dibachationes); о ужасъ, во внутренности храмовъ женщины предавались публично разврату.

34. На обратномъ пути, король Арнульфъ, тяжко заболѣвшій, былъ преслѣдуемъ Видо [1]) по пятамъ. Поднявшись на гору Бардо (въ герцогствѣ Парма, близь Берчето), онъ рѣшился, по совѣту окружавшихъ, ослѣпить Беренгарія, чтобы овладѣть Италіею въ свою пользу. Но одинъ изъ родственниковъ Беренгарія, пользовавшійся особеннымъ расположеніемъ короля, узналъ о томъ намѣреніи, и не медля, извѣстилъ Беренгарія. Беренгарій, передавъ другому факелъ, которымъ онъ свѣтилъ королю, убѣжалъ и поспѣшно прибылъ въ Верону.

35. Съ того времени всѣ итальянцы (Italienses) потеряли всякое уваженіе къ Арнульфу и ни во что его не ставили. Поэтому, когда онъ пришелъ въ Павію, въ городѣ произошло великое возстаніе, и его войско потерпѣло такое пораженіе, что городскія *крипты*, называемыя иначе клоаками, наполнились трупами. Вслѣдствіе того, Арнульфъ, не имѣя возможности идти на Верону, предположилъ отступить по дорогѣ Аннибала, которую называютъ Бардомъ (между Иврееи и Аостомъ, гдѣ нынѣ стоитъ крѣпость Бардъ), и чрезъ гору Юпитера (н. Большой С. Бернардъ). Достигнувъ города Эпорегіи (н. Иврея), онъ встрѣтился тамъ съ маркграфомъ Анскаріемъ, по внушенію котораго возмутились всѣ жители. Арнульфъ поклялся, до тѣхъ поръ не оставлять этого мѣста, пока не будетъ выданъ ему Анскарій. Но этотъ, какъ человѣкъ трусливый и вообще похожій на того, о комъ сказалъ Виргилій (Эн. XI, 338): „Щедрый на деньги, еще больше на слова, но не охотникъ до боя“ — убѣжалъ изъ крѣпости и скрылся въ ущеліяхъ, вблизи городскихъ стѣнъ. Впрочемъ онъ поступилъ такъ и для того, чтобы жители, по всей совѣсти, могли увѣрить короля Арнульфа, что Анскарія нѣтъ въ городѣ. Король повѣрилъ этой клятвѣ и продолжалъ свой походъ.

36. Прибывъ въ отечество, Арнульфъ умеръ (899 г. 8 дек.) самою поносною смертью. Замученный, какъ говорятъ, мелкими червями, которыхъ называютъ *pedunculi*, онъ испустилъ духъ. Утверждаютъ при этомъ, что черви разводились въ немъ съ такою быстротою, что никакія медицинскія средства не могли ихъ истребить.

---

[1]) Ліутпрандъ, повидимому, опять возвращается къ событіямъ перваго похода Арнульфа, когда еще жилъ Видо.

Былъ-ли онъ тѣмъ, по выраженію пророка (Iерем. 17, 18) „стёртъ сугубымъ сокрушеніемъ“, за свое страшное преступленіе, а именно за выпускъ венгровъ, или такое наказаніе на землѣ постигло его для искупленія въ жизни вѣчной, разрѣшеніе этого вопроса мы предоставляемъ мудрости Того, о комъ говоритъ апостолъ (I Коринѳ. 4,5): „Не судите прежде времени, пока не пріидетъ Господь, который освѣтитъ скрытое во мракѣ и обнаружитъ сердечныя намѣренія; и тогда всякому похвала будетъ отъ Бога“.

37. Между тѣмъ Богъ наказалъ жену Видо, приготовлявшую смерть Арнульфу, горемъ вдовства: король Видо, преслѣдуя, какъ мы сказали, Арнульфа по пятамъ, умеръ (896 г.) на походѣ близъ рѣки Таро. При этомъ извѣстіи, Беренгарій немедленно отправился въ Павію и захватилъ силою верховную власть въ свои руки. Но приверженцы и друзья Видо, опасаясь мести со стороны Беренгарія за причиненныя ему оскорбленія, а также и потому, что итальянцы всегда любятъ имѣть двухъ властителей, чтобы одного держать въ рукахъ страхомъ другого, поставили королемъ сына умершаго Видо, по имени Ламберта, красиваго юношу, едва пришедшаго въ возрастъ и весьма воинственнаго. Народъ началъ переходить на его сторону, оставляя Беренгарія; и Беренгарій, по малочисленности войска, не имѣя силъ бороться съ Ламбертомъ, подступившимъ съ огромною арміею къ Павіи, отправился въ Верону, гдѣ и оставался въ безопасности. Но нѣсколько времени спустя, власть Ламберта оказалась тягостною для вельможъ, такъ какъ онъ былъ весьма строгъ, и они отправили въ Верону пословъ, прося Беренгарія придти къ нимъ и выгнать Ламберта.

38. Магимфредъ (Манфредъ), весьма богатый графъ города Милана, упорствовалъ въ мятежѣ цѣлыхъ пять лѣтъ; онъ не только отстаивалъ городъ, т.-е. Миланъ, въ которомъ самъ находился, но и страшно опустошалъ окрестныя мѣста, подчиненныя Ламберту. Вслѣдствіе того король рѣшился не уходить безъ мести, приводя часто слова псалмопѣвца: „Когда настанетъ время, я взыщу правду“; и вскорѣ онъ произнесъ надъ нимъ смертный приговоръ. Это обстоятельство навело не малый страхъ на всѣхъ итальянцевъ.

39. Наконецъ, въ это же самое время (898 г.) попытались возмутиться противъ него Адельбертъ, знаменитый маркграфъ Тусціи, и Ильдепрандъ, могущественный графъ. Адельбертъ обладалъ такими силами, что между всѣми владѣтелями Италіи одинъ пользовался прозваніемъ *Богатаго.* У него была жена, по имени Берта, мать Гуго, который впослѣдствіи, въ наше время, былъ королемъ (Италіи); по ея-то наущенію, Адельбертъ замыслилъ свое страшное злодѣяніе; собравъ войско, онъ вмѣстѣ съ Ильдепрандомъ поспѣшно отправился противъ Павіи.

40. Между тѣмъ Ламбертъ, ничего не подозрѣвая, занимался охотою въ Маринкѣ, отстоящемъ почти на 40 миль отъ Павіи. Ламберта, охотившагося въ глубинѣ лѣсовъ, извѣстили о случившемся уже тогда, когда вышеупомянутый маркграфъ и графъ перешли гору Бардо, сопровождаемые огромнымъ, но ничтожнымъ войскомъ тусковъ. Ламбертъ, какъ мужъ души непоколебимой и одаренный фи-

зическою силой, не хотѣлъ собирать всего своего войска, но взявъ съ собою бывшихъ на лицо, около 100 человѣкъ, поспѣшилъ встрѣтить непріятеля.

41. Онъ подошелъ уже къ Плаценціи, когда пришло извѣстіе, что непріятель расположился лагеремъ близъ рѣки Сестеріона (нынѣ Stirone), у замка (н. Borgo San Donnino), въ которомъ лежало тѣло святѣйшаго и драгоцѣннаго мученика Домнина. Не подозрѣвая того, что̀ готовила имъ наступившая ночь, союзники, пропѣвъ какія-то нелѣпыя tragodimata, т.-е. пѣсни, предались сну; другіе же, вслѣдствіе невоздержности, опьянѣли. Тогда король, рѣшительный духомъ и хитрый умомъ, пользуясь безмолвіемъ ночи, напалъ на непріятеля, перебилъ спящихъ и перекололъ успѣвшихъ проснуться. Наконецъ, дѣло дошло до самихъ предводителей войска. Когда вѣстникомъ этого блестящаго дѣла предсталъ предъ ними не кто-нибудь другой, а самъ король, страхъ отнялъ у нихъ способность не только сражаться, но даже и искать спасенія въ бѣгствѣ. Ильдепранда схватили во время бѣгства, а Адельберта нашли спрятавшимся въ стойлѣ. Когда его увидѣли и привели къ королю, послѣдній сказалъ ему: „Теперь я вѣрю въ то, что́ твоя жена Берта своимъ пророческимъ даромъ предсказывала тебѣ, и обѣщала силою своей науки сдѣлать тебя или королемъ, или осломъ. Но вѣрно она не захотѣла сдѣлать тебя королемъ, или, что вѣрнѣе, не могла, а потому, чтобы не солгать, сдѣлала тебя осломъ и загнала въ стойло вмѣстѣ со скотами Аркадіи!“ Съ Адельбертомъ были взяты въ плѣнъ и другіе; ихъ отвели закованными въ Павію и отдали подъ стражу.

42. Послѣ того король Ламбертъ снова занялся охотою въ вышеупомянутомъ мѣстѣ Маринкѣ, гдѣ вмѣстѣ разсуждали, въ собраніи всѣхъ вельможъ, о томъ, какъ поступить съ плѣнными. Но, о, еслибы охота за звѣрями не обращалась иногда въ охоту за королями! Конечно, разсказываютъ, что Ламбертъ въ то время, когда по обычаю гнался за вепремъ, упалъ съ лошади и сломалъ себѣ шею. Я не утверждаю, что было бы нелѣпо вѣрить такому разсказу, но есть и другое извѣстіе объ этомъ смертномъ случаѣ, которое мнѣ кажется правдоподобнѣе и повторяется всѣми народами. Магимфредъ, графъ г. Милана, о которомъ мы выше (гл. 38) упоминали, осужденный на смерть за преступленіе противъ государства и короля, оставилъ единственнымъ наслѣдникомъ своего имущества сына Гуго. Король Ламбертъ, видя его красоту и отвагу, которыми онъ превосходилъ многихъ, старался различными благодѣяніями смягчить его печаль, произведенную смертью отца. Такимъ образомъ, Гуго пользовался его расположеніемъ преимущественно предъ другими. Случилось же, что во время охоты короля Ламберта въ Маринкѣ—тамъ находился огромный и чудный паркъ, весьма удобный для охоты—когда всѣ, по обыкновенію, разсѣялись, съ королемъ въ чащѣ лѣса остался одинъ Гуго. Сидя долго на сторожѣ за вепремъ и утомившись продолжительнымъ ожиданіемъ, король расположился отдохнуть, довѣривъ вполнѣ охраненіе себя этому вѣроломному человѣку. Пользуясь отсутствіемъ прочихъ, стражъ, или лучше сказать, предатель и палачъ, забывъ благодѣянія, которыми онъ былъ осыпанъ,

помнилъ одну только смерть отца. Онъ считалъ казнь отца несправедливою и не боялся нарушить клятву, данную имъ королю; ему не было стыдно сдѣлаться намѣстникомъ Іуды, предателя Господа нашего Іисуса Христа; но что всего ужаснѣе, онъ не побоялся вѣчныхъ мученій, и, схвативъ огромный сукъ, ударилъ спящаго короля по шеѣ изо всѣхъ силъ. Мечемъ не смѣлъ онъ ударить, чтобы не выдать себя, и разсуждалъ въ своемъ извращенномъ умѣ такъ, что отъ меча произойдетъ рана, а ударъ деревомъ убѣдитъ всѣхъ, что онъ упалъ съ лошади и сломалъ себѣ шею. Долго оставалось это дѣло неизвѣстнымъ. Но когда впослѣдствіи король Беренгарій, не имѣя противниковъ, овладѣлъ мужественно королевствомъ, Гуго признался въ своей винѣ и, такимъ образомъ, выполнилъ собою сказанное царемъ и пророкомъ: „Ибо восхваляется грѣшникъ въ пожеланіяхъ души своей, и благословляется совершившій неправое“.

43. Послѣ того, королевская власть Беренгарія расширилась еще болѣе, а маркграфъ Адельбертъ и прочіе возвратили свои владѣнія.

44. О, возлюбленный отецъ, смерть такого короля, какъ Ламбертъ, должно, оплакивая, описывать и, описывая, плакать. Онъ имѣлъ честные нравы, былъ богобоязненно строгъ; его украшали вмѣстѣ и юность и святая зрѣлость ума. Скорѣе онъ дѣлалъ честь власти, нежели власть ему. Еслибы смерть не похитила его слишкомъ рано, то онъ успѣлъ бы впослѣдствіи своимъ мужествомъ подчинить себѣ весь міръ.

Здѣсь кончается Первая книга „Воздаянія“, и начинается Вторая [1]).

Епископъ Ліутпрандъ.

Antapodosis, I, 1—5; 13—44.

О Ліутпрандѣ и его сочиненіяхъ см. ниже въ примѣчаніи къ ст. 27.

---

24. —Жизнь Альфреда Великаго. 849—888.

(въ 893 г.).

Въ годъ воплощенія господня DCCC.XL.IX (849) родился Альфредъ (Aelfred), король англосаксовъ, въ королевскомъ помѣстьи Ванатингъ (н. Wantage), въ округѣ, называемомъ Беррокширъ (н. Berkshire); округъ же названъ такъ отъ лѣсовъ Беррокъ, въ которыхъ растетъ въ изобиліи буковое дерево. Родословная Альфреда идетъ въ слѣдующемъ порядкѣ: *Альфредъ* былъ сынъ короля *Этельвульфа*, сына *Эгберта*, сына *Эальмунда*, сына *Эафы*, сына *Эоввы*, сына *Ингильда;* Ингильдъ и Ина, тотъ знаменитый король вестсак-

1) См. продолж. въ ст. 27.

совъ (occidentalium Saxonum), были родные братья. Ина ушелъ въ Римъ и тамъ, окончивъ жизнь, съ почестями отправился въ небесное отечество царствовать вмѣстѣ со Христомъ. Ингильдъ и Ина были сыновья *Кенреда*, сына *Цеольвальда*, сына *Кудама*, сына *Кутвина*, сына *Цеаулина*, сына *Цинрика*, сына *Креоды*, сына *Цердика*, сына *Элезы*, сына *Гевиза* (по имени его бритты называютъ весь этотъ родъ гегвизами), который былъ сыномъ *Бронда*, сына *Белды*, сына *Водена*, сына *Фритовальда*, сына *Фреалафа*, сына *Фритувульфа*, сына *Фингодвульфа*, сына *Геата;* въ древнія времена, язычники почитали Геата божествомъ. Поэтъ Седулій [1]) упоминаетъ о немъ въ своей Пасхальной поэмѣ слѣдующимъ образомъ:

Если поэты язычества должнымъ считали прославить
Въ одахъ, слогомъ надутымъ, иль въ формѣ трагедій, комедій,
Подвиги *Геты* (Getae) безстыдные—плодъ ихъ фантазіи дикой,
Или воспѣть злодѣянія древнихъ, безбожныхъ героевъ,
Всю эту ложь занося на папирусъ—Нила издѣлье;
Какъ же мнѣ, насладившись псалмами Давида пророка,
Трепетно въ хорѣ священномъ, голосомъ кроткимъ и тихимъ,
Какъ же мнѣ не воспѣть совершенныхъ чудесъ Іисусомъ?

Геата былъ сынъ *Цетвы*, сына *Беавы*, сына *Оцелдвеи*, сына *Геремода*, сына *Гатры*, сына *Гуалы*, сына *Бедвига*, сына *Сима*, сына *Ноя*, сына *Ламеха*, сына *Маѳусаила*, сына *Эноха*, сына *Малаиила*, сына *Каинана*, сына *Эноха*, сына *Сиѳа*, который былъ сыномъ Адама.

Мать Альфреда, по имени Осбурга, женщина весьма религіозная, была благородна не по одному происхожденію, но и по качествамъ души. Она была дочь Ослака, знаменитаго кравчаго у короля Этельвульфа; Ослакъ родился у го́товъ и происходилъ отъ го́товъ и ютовъ: изъ рода Стуфа и Витгара, двухъ братьевъ-графовъ. Они, получивъ отъ своего дяди, короля Цердика и его сына Цинрика, своего двоюроднаго брата, островъ Уайтъ (Wecta), избили и тѣхъ немногихъ бриттовъ, которые населяли его, и которыхъ они могли найти, при мѣстечкѣ Гвитгарабургъ (н. Carisbrooke); прочіе же жители этого острова были еще прежде или избиты, или изгнаны.

Въ годъ воплощенія господня 851, а по рожденіи короля Альфреда третій, Цеорлъ, графъ Девона (Damnaniae), вмѣстѣ съ девонцами бился съ язычниками (т. е. норманнами или данами), при мѣстечкѣ Викгамбеоргъ (н. Wembury), и христіане (т.-е. англо-саксы) одержали побѣду. Въ этомъ же самомъ году, язычники въ первый разъ зимовали на островѣ Шеапигѣ (н. Sherpey), что значитъ въ переводѣ „Овечій-островъ"; этотъ островъ лежитъ на рѣкѣ Темзѣ (Tamesis), между Эссексомъ и Кентомъ, но ближе къ Кенту, чѣмъ къ Эссексу; на островѣ находится отличный монастырь (Minster).

Въ этотъ же самый годъ въ устье Темзы вошелъ языческій флотъ изъ 350 кораблей съ огромнымъ войскомъ; при этомъ были опустошены г. Доруберніа (н. Canterbury), столица Кента, и Лондонъ, ле-

[1]) Седулій, христіанскій поэтъ V вѣка, написалъ въ экзаметрахъ Paschale carmen, id est, de Christi miraculis libri V.

жащій на сѣверномъ берегу Темзы, на границѣ Вессекса и Миддльсекса, но, по справедливости, этотъ городъ принадлежитъ Вессексу; язычники обратили въ бѣгство Беортульфа, короля Мерсіи, который выступилъ противъ нихъ съ войскомъ.

Послѣ того, армія тѣхъ язычниковъ подвинулась къ Сутрію (н. Surrey); эта область лежитъ на южномъ берегу Темзы и на западъ отъ Кента. Этельвульфъ (отецъ Альфреда), король вессексовъ, и сынъ его Этельбальдъ долго бились съ ними вмѣстѣ, со всѣмъ своимъ войскомъ, при мѣстечкѣ, которое называется Аклея (н. Ockley, въ граф. Surrey) т.-е. „Дубъ-въ-долинѣ": тамъ-то, послѣ упорнаго и горячаго съ обѣихъ сторонъ боя большая часть языческихъ полчищъ была окончательно истреблена и вырѣзана; мы не слыхали, чтобъ гдѣ нибудь и когда нибудь, прежде или послѣ, въ одинъ день, язычники потерпѣли такой уронъ. Христіане одержали блестящую побѣду и торжествовали ее на ихъ могилѣ.

Въ этомъ же году, король Этельстанъ, сынъ короля Этельвульфа, и графъ Эалгеръ разбили огромное войско язычниковъ въ Кентѣ, при мѣстечкѣ, называемомъ Сандвичъ, и захватили 9 изъ ихъ кораблей; прочіе спаслись бѣгствомъ.

Въ годъ воплощенія господня 853, а по рожденіи короля Альфреда пятый, Бургредъ, король Мерсіи, отправилъ пословъ къ Этельвульфу, королю Вессекса, просить о помощи для покоренія внутреннихъ бриттовъ, которые жили между Мерсіею и западнымъ моремъ, и сильно его безпокоили. Этельвульфъ, принявъ радушно посольство, двинулъ войско и, вмѣстѣ съ королемъ Бургредомъ, пошелъ въ Британію (такъ называлась въ то время только одна часть древней Британіи, извѣстная нынѣ подъ именемъ Валлиса); напавъ немедленно на бриттовъ и опустошивъ страну, онъ подчинилъ ее Бургреду, и затѣмъ возвратился домой.

Въ этомъ же самомъ году, король Этельвульфъ торжественно отправилъ вышеупомянутаго своего сына Альфреда, въ сопровожденіи большой свиты, состоящей изъ благородныхъ и простолюдиновъ (ignobilium), въ городъ Римъ. Тогда папою былъ Левъ (IV); онъ помазалъ ребенка Альфреда королемъ и усыновилъ его. Въ томъ же году, графъ Эалгеръ съ жителями Кента и Гуда и съ жителями Сутрія (Surrey) повели ожесточенную войну съ толпами язычниковъ, утвердившихся на островѣ, называемомъ по-саксонски Тенетъ (н. Thanet, въ устьѣ Темзы), а на языкѣ бриттовъ Руимъ. Сначала христіане одержали побѣду; но битва была продолжительна, множество пало съ обѣихъ сторонъ и погибло въ водѣ; оба графа остались на мѣстѣ. Въ томъ же году, Этельвульфъ, король вессексовъ, далъ, послѣ пасхи, Бургреду, королю Мерсіи, свою дочь въ королевы, отпраздновавъ по-королевски свадьбу въ мѣстечкѣ, называемомъ Циппангамме (н. Wilts).

Въ годъ воплощенія господня 855, а по рожденіи вышеупомянутаго короля седьмой, Эдмундъ, преславный король Эстъ-Англіи, началъ свое царствованіе въ VIII день январскихъ календъ, т.-е. въ самый день Рождества Христова, бывъ 14 лѣтъ отъ роду. Въ этомъ же году умеръ римскій императоръ Лотарь (I), сынъ Людовика,

благочестивѣйшаго Августа. Въ томъ же году, въ началѣ правленія Карла III императора, сына Людовика II [1]), огромное войско язычниковъ провело всю зиму на вышеупомянутомъ „Овечьемъ-островѣ".

Въ томъ же году Этельвульфъ, благочестивый король, освободилъ десятую часть всего своего королевства отъ королевской службы и податей, и незабвенною подписью въ формѣ креста Спасителя пожертвовалъ то, для искупленія своей души и своихъ предковъ, единому въ Троицѣ Богу. Въ томъ же году, онъ съ большимъ торжествомъ отправился въ Римъ, и, взявъ съ собою туда же вышеупомянутаго сына Альфреда (такъ какъ онъ любилъ его больше прочихъ сыновей), провелъ тамъ цѣлый годъ. Послѣ того, Этельвульфъ возвратился на родину, везя съ собою Юдиѳь, дочь Карла, короля франковъ (II, Лысаго).

Между тѣмъ, пока Этельвульфъ оставался столь долгое время за моремъ, въ западной части Сельвуда (н. Selwood) совершалось мерзкое дѣло, противное правамъ всѣхъ христіанъ. Король Этельбальдъ, сынъ короля Этельвульфа, и Эальстанъ, епископъ церкви Спиребурнской (н. Sherborne), вмѣстѣ съ Эанвульфомъ, графомъ Суммуртунскаго округа (н. Somerton), составили, какъ разсказываютъ, заговоръ не впускать короля Этельфульфа въ королевство, по возвращеніи его изъ Рима. Многіе приписываютъ эту несчастную мысль-неслыханную въ лѣтописяхъ міра, только одному епископу и графу. Многіе же ищутъ причину этого заговора въ дерзкомъ характерѣ короля Этельбальда: онъ, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и во многихъ другихъ дѣлахъ, обнаруживалъ большое упрямство: мы слышали это отъ многихъ, и послѣдующія обстоятельства подтверждаютъ слышанное нами.

При возвращеніи Этельвульфа изъ Рима, вышеупомянутый его сынъ вмѣстѣ съ своими совѣтниками, или лучше сказать, клевретами, рѣшился привести въ исполненіе столь ужасный умыселъ, а именно, не впускать короля въ свое собственное королевство: но ни Богъ не допустилъ того, ни вельможи Вессекса не согласились на то. А для избавленія Вессекса отъ такого невознаградимаго бѣдствія, какъ война отца съ сыномъ, которая была бы съ каждымъ днемъ жесточе и свирѣпѣе всякой междоусобной войны, на какой сторонѣ кто бы ни стоялъ, по невыразимой кротости отца и съ согласія всѣхъ знатныхъ, единое до того времени королевства Вессекса было раздѣлено между отцомъ и сыномъ: восточная часть досталась отцу, а западная напротивъ сыну; такимъ образомъ, гдѣ прежде царствовалъ по правдѣ отецъ, тамъ управлялъ теперь его несправедливый сынъ, человѣкъ упрямаго характера. Западная же часть Вессекса всегда предпочиталась восточной.

При возвращеніи короля Этельвульфа изъ Рима, весь его народъ, какъ то и слѣдовало, до того былъ обрадованъ прибытіемъ своего государя, что, если бы только онъ допустилъ, то силою лишилъ бы

---

[1]) Авторъ дѣлаетъ обратную ошибку съ Ліутпрандомъ (см. выше, на стр. 295), называя Карла II Лысаго Карломъ III Толстымъ, и Людовика I Людовикомъ Вторымъ, и часто повторяетъ тоже самое.

доли въ государствѣ его упорнаго сына Этельбальда вмѣстѣ съ его совѣтниками. Но онъ, какъ мы сказали, вслѣдствіе чрезвычайной кротости характера и благоразумія, не хотѣлъ довести государство до погибели, и повелѣлъ Юдифи, дочери короля Карла, полученной имъ отъ ея отца, возсѣсть рядомъ съ собою на королевскомъ престолѣ, не возбудивъ тѣмъ ни противорѣчія, ни гнѣва своихъ вельможъ, и Юдиѳь оставалась на престолѣ до его смерти, въ противность превратному обычаю этого народа. Вессексы именно, не допускали того, чтобы королева сидѣла подлѣ короля, и даже не дозволяли ей называться королевой, но только супругою короля. Такое отвращеніе, весьма неодобрительное, къ женщинѣ на престолѣ, вельможи той земли получили отъ одной королевы злонамѣренной и дурного характера, происходившей изъ ихъ же народа. Та до такой степени вооружила противъ себя своего мужа и весь народъ, что не только сама была свергнута съ престола, какъ того и заслуживала, но наложила несмываемое пятно и на всѣхъ тѣхъ, которыя послѣдовали за нею. Вслѣдствіе дурныхъ качествъ этой королевы, всѣ жители той земли поклялись никогда въ своей жизни не допускать управлять собою такому королю, который дастъ повелѣніе посадить королеву, рядомъ съ собою, на королевскомъ престолѣ.

Но такъ какъ, я полагаю, что многимъ неизвѣстно, откуда могъ въ первый разъ явиться у саксовъ такой превратный и проклятый обычай, противный правамъ всѣхъ вообще народовъ тевтонской расы, то, мнѣ кажется, будетъ неизлишне распространиться о томъ подробнѣе: я слышалъ это отъ моего государя, Альфреда, правдиваго короля англо-саксовъ, и онъ мнѣ не разъ говорилъ о томъ, а самъ онъ слыхалъ это отъ многихъ заслуживающихъ вѣры разсказчиковъ, которые знали по памяти большую часть этого событія.

Въ недавнее время, царствовалъ въ Мерсіи суровый король, наводившій страхъ на ближайшихъ къ нему королей и сосѣдніе народы, по имени Оффа; по его распоряженію, былъ проведенъ большой валъ между Валлисомъ (Britannia) и Мерсіею, отъ одного моря до другого. На дочери его Эадбургѣ женился Беортрикъ, король Вессекса; овладѣвъ скоро расположеніемъ короля и захвативъ въ свои руки власть почти надъ всѣмъ королевствомъ, она начала, по отцовскому обычаю, тиранствовать, преслѣдовать ненавистью каждаго человѣка, любимаго Беортрикомъ, и вообще творить дѣла, противныя Богу и людямъ; всѣхъ, кого могла, она обносила предъ королемъ, и такимъ образомъ коварно лишала жизни или власти. Если она не могла подѣйствовать на короля, то въ такомъ случаѣ отравляла преслѣдуемыхъ ею. Такимъ образомъ, заподлинно извѣстно, что она дала яду одному юношѣ, весьма любимому королемъ, и котораго она не могла оклеветать предъ нимъ. Разсказываютъ, что король Беортрикъ нечаянно попробовалъ того же яду; но она не имѣла въ виду мужа, а только юношу, король же самъ попробовалъ, и вслѣдствіе того оба погибли.

По смерти короля Беортрика, такъ какъ Эадбурга не могла долѣе оставаться среди вессексовъ, то она отправилась за море и явилась съ безчисленными сокровищами къ извѣстному Карлу, ве-

ликому и славнѣйшему королю франковъ [1]). Когда она стала предъ его престоломъ, предлагая королю многочисленные дары, Карлъ сказалъ ей: „Выбирай, Эадбурга, кого нибудь изъ насъ двухъ, меня или моего сына, который стоитъ вмѣстѣ со мною на престолѣ". Но она, не подумавъ, дала весьма неблагоразумный отвѣтъ: „Если мнѣ предоставленъ выборъ, то я предпочитаю твоего сына, такъ какъ онъ моложе тебя". Карлъ отвѣтилъ на это, улыбаясь: „Если бы ты выбрала меня, то получила бы и моего сына, но такъ какъ ты выбрала моего сына, то не будешь имѣть ни его, ни меня".

Однако, Карлъ далъ ей большой монастырь, гдѣ она, сложивъ съ себя свѣтскія одежды, приняла монашество и весьма короткое время отправляла обязанности аббатиссы. Но какъ разсказывали о безумномъ образѣ ея жизни въ своей странѣ, такъ еще болѣе пришлось ее упрекать въ распущенной жизни среди чужого народа. Находясь въ предосудительной связи съ однимъ изъ своихъ соотечественниковъ и, наконецъ, явно въ томъ уличенная, она была, по приказанію короля Карла, изгнана изъ монастыря и влачила свою преступную жизнь въ крайней бѣдности и презрѣніи, такъ что наконецъ, сопровождаемая однимъ слугою (я слышалъ это отъ многихъ видѣвшихъ ее) она ежедневно выпрашивала милостыню въ Павіи (стол. лонгобард. корол.) и умерла тамъ самымъ жалкимъ образомъ.

Король Этельвульфъ жилъ, по возвращеніи изъ Рима, всего два года († 857); въ теченіе этого времени, помышляя среди заботъ о благахъ земной жизни, также и о переходѣ въ жизнь вѣчную (ad vitam universitatis), и желая, чтобы по смерти отца, его сыновья не произвели, въ противность своему долгу, междоусобій, король приказалъ написать не только актъ о наслѣдствѣ, но и увѣщательную грамоту (commendatoriam epistolam). Въ своемъ завѣщаніи онъ распредѣлилъ порядокъ раздѣленія государства между своими сыновьями, а именно, двумя старшими; частное имущество короля было раздѣлено между его сыновьями, дочерью и родственниками, а деньги, оставшіяся послѣ него, были назначены: одна часть сыновьямъ и вельможамъ, а другая за упокой души его (т. е. церкви). О такомъ благоразумномъ распоряженіи я намѣренъ сказать нѣсколько словъ въ назиданіе потомства, и особенно о той части распоряженія, которая относится къ заботамъ о душѣ (т. е. пожертвованія въ пользу церкви); относительно же распоряженія, касающагося мірскихъ дѣлъ, я считаю излишнимъ говорить въ своемъ трудѣ, потому что подобнымъ распространеніемъ я могу надоѣсть тѣмъ, которые будутъ его читать или пожелаютъ слушать. Этельвульфъ, для спасенія своей души (что составляло его заботу во всѣхъ дѣлахъ, съ самой ранней юности), приказалъ своимъ преемникамъ до послѣдняго дня страшнаго суда, на всемъ пространствѣ своихъ наслѣдственныхъ владѣній, снабжать пищей, питьемъ и одеждою одного изъ десяти бѣдныхъ, но въ томъ только случаѣ, если то или другое помѣстье будетъ населено людьми и животными и не будетъ пустопорожнимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ распорядился ежегодно отправлять въ Римъ

[1]) Т. е. къ Карлу Великому.

огромную сумму денегъ для спасенія своей души, а именно, 300 монетъ (mancussas), которыя должны были распредѣлиться слѣдующимъ образомъ: сто монетъ въ честь св. Петра, собственно на покупку масла, которымъ наливаются всѣ лампады апостольской церкви въ заутреню Христову, и равномѣрно на пѣніе пѣтуха (et aequaliter in galli cantu); сто монетъ въ честь св. Павла, съ тѣмъ же назначеніемъ, на покупку масла въ церковь св. апостола Павла, для наполненія имъ лампадъ въ заутреню Христову и на пѣніе пѣтуха; и наконецъ, сто монетъ въ пользу апостольскаго и вселенскаго папы.

Но, по смерти короля Этельвульфа и по погребеніи его въ Стемругѣ (н. Stonehenge), Этельбальдъ, его сынъ, въ противность закону божію и достоинству христіанина, даже противъ обычаевъ всѣхъ язычниковъ, овладѣлъ супружескимъ ложемъ отца и женился, къ великому соблазну всѣхъ услышавшихъ то, на Юдиѳѣ, дочери короля франковъ. Въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ, онъ управлялъ, по смерти отца, Вессексомъ, отличаясь величайшею распущенностью нравовъ († 860).

Въ годъ воплощенія господня 856, отъ рожденія Альфреда восьмой, царствованія императора Карла III (II) второй, а правленія Этельвульфа, короля вессексовъ, восемнадцатый, Гумбертъ, епископъ остъ-англовъ, помазалъ елеемъ и посвятилъ на царство преславнаго Эдмунда, съ великимъ торжествомъ и церемоніею, въ королевскомъ помѣстьѣ, называемомъ Бурва, гдѣ въ то время находилась королевская резиденція. Эдмунду было отъ роду 15 лѣтъ, а происходило то въ пятницу, въ двадцать-четвертый день луны, въ день Рождества Христова.

Въ годъ воплощенія господня 860, отъ рожденія же короля Альфреда двѣнадцатый, Этельбальдъ, король вессексовъ, умеръ и погребенъ въ Сциребурнанѣ (н. Sherborne), а братъ его Этельбертъ подчинилъ своей власти Кентъ, Сурри (Suthrigam) и Суссексъ (Suthseaxam), что и было справедливо.

При немъ, огромное войско язычниковъ, прибывшее моремъ, напало враждебно на Винтонію (Winchester) и разграбило ее. Когда язычники уже возвращались на корабляхъ, Осрикъ, графъ Гампшира (comes Hamtunensium, н. Hampshire), вмѣстѣ съ своими людьми, и Этельвульфъ, графъ Беркшира (comes Bearrocensium, н. Berkshire), также вмѣстѣ съ своими людьми, мужественно встрѣтили ихъ; язычники были повсюду поражены въ бою, и, не имѣя средствъ сопротивляться, обратились въ бѣгство, какъ бабы, а христіане торжествовали надъ ихъ могилой.

Этельбертъ, послѣ пяти лѣтъ мирнаго, кроткаго и уважаемаго правленія, къ великой печали своихъ людей, умеръ и почилъ, погребенный въ Сциребурнанѣ, рядомъ съ своимъ братомъ.

Въ годъ воплощенія господня 864, язычники зимовали на о. Танетѣ и заключили прочный миръ съ жителями Кента; послѣдніе обязались, за сохраненіе мира, платить имъ дань; но язычники, какъ настоящія лисицы, вышли тайно ночью изъ лагеря, нарушили договоръ, и, презирая обѣщанную дань (они знали, что грабежемъ можно

получить больше денегъ, чѣмъ миромъ), опустошили восточную сторону Кента.

Въ годъ воплощенія господня 866, отъ рожденія же короля Альфреда восемнадцатый, Этельредъ, братъ короля вессексовъ Этельберта, вступилъ на престолъ и правилъ государствомъ пять лѣтъ. Въ томъ же самомъ году явился огромный флотъ язычниковъ въ Британію отъ береговъ *Дуная* (?) [1]), и перезимовалъ у остъ-саксовъ, которые по-саксонски называются остъ-англами; тамъ же большая часть этого войска сдѣлалось конною.—Но чтобы, говоря морскимъ языкомъ, не отдавать своего корабля на волю вѣтра и парусовъ, и чтобы, удаляясь отъ материка, не потеряться въ исчисленіи битвъ и длиннаго ряда годовъ, я нахожу лучшимъ вернуться къ тому, что̀ главнымъ образомъ побудило насъ взяться за этотъ трудъ; а именно, я намѣреваюсь, по мѣрѣ своихъ познаній, вкратцѣ изложить здѣсь исторію дѣтства и отрочества моего высокопочтеннаго государя, короля англо-саксовъ, Альфреда.

Онъ пользовался общею и великою любовью своего отца и матери, предъ всѣми своими братьями, и всѣ другіе его больше любили. Во время младенчества, Альфредъ былъ неотлучно при королевскомъ дворѣ; придя въ отроческій возрастъ, онъ превзошелъ своихъ братьевъ станомъ и красотою лица; рѣчи его и нравы были несравненно пріятнѣе. Его благородная природа, отъ колыбели, была проникнута любовью къ мудрости, предпочтительно предъ всѣми прочими дѣлами; но—стыдно сказать—по постыдной небрежности своихъ родителей и воспитателей, онъ оставался безграмотнымъ до 12, и даже болѣе, лѣтъ. За то онъ, слушая по днямъ и ночамъ поэмы саксовъ, какъ ему повѣствовали другіе, съ легкостью удерживалъ ихъ въ своей памяти. На всякой охотѣ онъ былъ неутомимымъ охотникомъ, и трудился не напрасно: ловкостью и удачею онъ превосходилъ всѣхъ, какъ въ этомъ искусствѣ, такъ и въ прочихъ способностяхъ, которыми былъ одаренъ Богомъ; въ этомъ я имѣлъ часто случай убѣдиться своими глазами.

Однажды, мать его показала ему и его братьямъ какую-то книгу съ саксонскими поэмами, которую она держала въ своихъ рукамъ, и сказала имъ: „Кто изъ васъ скорѣе другихъ можетъ выучить эту книгу, тому я и отдамъ ее". Услышавъ это, Альфредъ, съ какимъ-то вдохновеніемъ, завлеченный красотою заглавной буквы той книги, отвѣчалъ своей матери, предупреждая тѣмъ братьевъ, старшихъ возрастомъ, но не миловидностью: „Въ самомъ-ли дѣлѣ ты дашь эту книгу одному изъ насъ, именно тому, кто скорѣй всѣхъ заучитъ и прочтетъ предъ тобою наизусть"? Мать радостно и съ улыбкою подтвердила свое обѣщаніе: „Да, я отдамъ", говорила она. Тогда Альфредъ тотчасъ схватилъ книгу изъ рукъ матери, побѣжалъ къ учителю прочесть ее, и затѣмъ возвратилъ книгу матери и прочелъ ее содержаніе наизусть.

---

[1]) *de Danubio*—очевидная ошибка переписчиковъ оригинала, прошедшаго много рукъ до отпечатанія, вмѣсто *de Dania*, отъ береговъ Даніи.

Сверхъ того, Альфредъ, во всѣхъ обстоятельствахъ земной жизни, повсюду неотлучно носилъ съ собою, за пазухой, и днемъ, и ночью (какъ мы то видѣли сами), для молитвы, часословъ, т. е. чтеніе часовъ, нѣкоторые псалмы и много проповѣдей, соединенныхъ въ одну книгу. Но, грустно сказать, онъ не могъ осуществить самаго сильнаго своего желанія, а именно, изучить свободныя искусства (liberales artes, т. е. свѣтскія науки того времени, числомъ 7: Ариѳметику, Музыку, Пѣніе, Грамматику и т. д., въ противоложность церковному образованію), и причиною того было, какъ говорилъ онъ, то, что въ то время, во всемъ королевствѣ вессексовъ, не было хорошихъ наставниковъ (lectores).

Къ числу главныхъ препятствій и неудачъ своей настоящей жизни, на которыя Альфредъ жаловался весьма часто, вздыхая изъ глубины самаго сердца, онъ относилъ именно то обстоятельство, что въ то время, когда онъ имѣлъ и надлежащій возрастъ, и досугъ, и молодыя способности, у него не было учителей; послѣ же, придя въ возрастъ, онъ не могъ опять заниматься, и по различнымъ болѣзнямъ, противъ которыхъ не знали никакихъ средствъ доктора всего острова, и по внутреннимъ, и внѣшнимъ заботамъ, сопряженнымъ съ верховною властью, и вслѣдствіе вторженія язычниковъ съ суши, и съ моря, что заставило отчасти разсѣяться его учителей и ученыхъ. Но при всемъ томъ, не смотря на различныя препятствія, отъ дѣтства и до настоящаго дня, даже, думаю, до конца своей жизни, онъ сохранитъ ту ненасытную жажду къ наукѣ, какъ не оставлялъ ее прежде, и какъ не перестаетъ обнаруживать до сихъ поръ.

. . . .

Въ годъ воплощенія господня 868, рожденія же короля Альфреда 20 годъ, произошелъ сильный голодъ. Въ то время, вышеупомянутый и почтенный король Альфредъ, занимавшій, впрочемъ, тогда еще второстепенное мѣсто, посватался въ Мерсіи и женился на дочери Этельреда, графа гаиновъ (н. Gainsborough), по прозванію Мусилъ, слѣдовательно, знатнаго рода. Матери ея имя было Эадбура; она происходила изъ рода королей мерсійскихъ (я самъ видалъ ее часто, въ послѣдніе годы ея жизни); она была женщина почтенная, и долгое время по смерти мужа сохраняла въ чистотѣ свое вдовство до гроба.

Въ этотъ самый годъ, войско язычниковъ, покинувъ Нортумберландъ (Northanhymbros), вторглось въ Мерсію и подступило къ Скнотенгагаму (н. Nottingham); на языкѣ бриттовъ это мѣстечко зовется Тиггвокабаукъ, что въ латинскомъ переводѣ значитъ speluncarum domus (домъ пещеръ). Тамъ язычники и перезимовали. При ихъ вторженіи, Бурредъ, король мерсіевъ, и всѣ знатные того племени, отправили пословъ къ Этельреду, королю весссексовъ и къ его брату Альфреду; они убѣдительно просили помочь имъ, по мѣрѣ силъ своихъ, разбить вышеупомянутое войско, что они и исполнили охотно. Оба брата, собравъ со всего королевства огромное войско, вступили въ Мерсію такъ скоро, какъ то обѣщали, и, ведя войну съ единодушіемъ, достигли Скнотенгагама. Такъ какъ язычники, засѣвъ за укрѣпленіями замка, не хотѣли выйти на бой, а христіане не

имѣли довольно силъ, чтобы овладѣть стѣнами, то между язычниками и мерсіями былъ заключенъ миръ, а братья, Этельредъ и Альфредъ, вернулись домой вмѣстѣ съ своими отрядами...........

Въ годъ воплощенія господня 871, рожденія же короля Альфреда 23 годъ, войско язычниковъ — будь оно проклято — оставивъ остъ-англовъ и вторгнувшись въ предѣлы вессексовъ, подступило къ королевской мызѣ (villa regia), называемой Редига (н. Reading), и лежащей на южномъ берегу Темзы, въ округахъ Беарроксцирѣ (н. Berkshire); на третій день послѣ ихъ прихода, графы ихъ съ большою частью войска поѣхали на грабежъ; другіе начали строить валъ между двухъ рѣкъ, Темзою и Цинетою (н. Kennet), съ правой стороны той королевской мызы. Этельвульфъ, графъ Беарроксцирскаго округа, вмѣстѣ съ своими сподвижниками, вышелъ тѣмъ на встрѣчу при мѣстечкѣ Энглафельдъ (н. Englefield Green, въ 4 миляхъ отъ Виндзора). Съ обѣихъ сторонъ дрались храбро и долго выдерживали бой и тѣ, и другіе; но, по умерщвленіи одного изъ двухъ языческихъ графовъ, по истребленіи большой части войска и по обращеніи остальныхъ въ бѣгство, христіане получили побѣду и удержали за собою поле сраженія.

Спустя четыре дня послѣ всего этого, Этельредъ, король вессексовъ и братъ его Альфредъ, собравъ войско, съ соединенными силами подошли къ Редигѣ: приблизившись къ воротамъ укрѣпленія, они избили и перерѣзали всѣхъ язычниковъ, которыхъ нашли внѣ укрѣпленій замка. Язычники бились не слабо: какъ волки, вырвавшись изъ воротъ, они сражались изо всѣхъ силъ. Долго и жестоко рубились съ обѣихъ сторонъ; но, о горе! христіане были наконецъ обращены въ бѣгство; язычники удержали поле сраженія и побѣдили. Тамъ палъ вмѣстѣ съ прочими и вышеупомянутый графъ Этельвульфъ.

Христіане, покрытые стыдомъ и горемъ, собравъ снова всѣ силы, стремительно напали, дня четыре спустя, на вышеупомянутое войско, при мѣстечкѣ, которое называется Эсцесдунъ (н. Asten, въ Berkshire), что значитъ по-латыни *Mons fraxini* (Осиновая гора). Но язычники раздѣлились на два отряда и построились въ боевой порядокъ (у нихъ было тогда два короля и множество графовъ); половина войска была вручена двумъ королямъ, а остальное графамъ. Христіане, замѣтивъ это, сами одинаково раздѣлили войско на два отряда и построились въ такой же боевой порядокъ. Но Альфредъ скорѣе и поспѣшнѣе (такъ мы слышали отъ очевидцевъ, людей, заслуживающихъ вѣру) вступилъ въ бой, именно потому, что его братъ Этельредъ, король, оставался еще въ палаткѣ, на молитвѣ, слушая обѣдню, и твердилъ, что онъ не выйдетъ живымъ, пока священникъ не окончитъ службы; онъ не хотѣлъ бросить божьяго дѣла для дѣлъ мірскихъ, и такъ сдѣлалъ. Такая вѣра христіанскаго короля имѣла силу у Бога, какъ то будетъ явственнѣе видно изъ послѣдующаго.

У христіанъ было опредѣлено, чтобы Этельредъ, король, съ своимъ отрядомъ вступилъ въ бой противъ языческихъ королей; Альфредъ же, его братъ, съ своимъ отрядомъ, имѣлъ назначеніе сра-

зиться со всѣми графами язычниковъ. Такъ было твердо опредѣлено для обоихъ отрядовъ; но когда король слишкомъ долго оставался на молитвѣ, а язычники, изготовившись, быстро выступили впередъ на полѣ сраженія, Альфредъ, тогда еще второстепенное лицо, не могъ долѣе держаться вблизи непріятельскаго войска, безъ того, чтобы или не отступить, или, до прихода брата, не напасть на непріятельскіе ряды, и потому онъ, вдохновленный свыше, съ божіей помощью, храбро, какъ вепрь, повелъ христіанъ противу непріятеля (какъ было то предположено, хотя король все еще не подходилъ), и, построивъ войско густыми колоннами (testudine condensata), подвинулъ знамена на врага.

Но при этомъ я долженъ объяснить тѣмъ, которые не знаютъ этой мѣстности, что расположеніе поля битвы было неодинаково для сражающихся сторонъ: язычники занимали возвышенную его часть, а христіане поднимались снизу. На томъ же полѣ стоялъ единственный и небольшой кустъ терновника (я видѣлъ его своими глазами); около него-то и столкнулись съ страшнымъ крикомъ обѣ непріятельскія арміи, одна, удовлетворяя своему хищничеству, другая, сражаясь за жизнь, за все дорогое сердцу, за отечество. Послѣ непродолжительнаго, но воодушевленнаго и жестокаго съ обѣихъ сторонъ боя, язычники, божіимъ соизволеніемъ, не могли перенести долѣе натиска христіанъ, и, по избіеніи большей части ихъ войска, обратились въ постыдное бѣгство; на мѣстѣ остались убитыми одинъ изъ двухъ языческихъ королей и пять графовъ; нѣсколько тысячъ язычниковъ разбѣжались по всему полю Эсцесдунъ, поражаемые отовсюду. Такимъ образомъ, палъ король Бегсцегъ, тотъ старецъ графъ Сидрокъ и графъ Сидрокъ младшій, и Осборнъ графъ, и Френи графъ, и Гаральдъ графъ. Все войско язычниковъ бѣжало цѣлую ночь и до слѣдующаго дня, пока они не достигли замка, изъ котораго вышли; христіане преслѣдовали ихъ до ночи и повсюду избивали.

Послѣ того, спустя четырнадцать дней, король Этельредъ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ Альфредомъ, желая напасть на язычниковъ съ соединенными силами, подступили къ Базингу. Язычники, по прибытіи ихъ, выдержали упорный бой и побѣдили, сохранивъ за собою поле сраженія. Послѣ этой битвы, къ войску язычниковъ присоединилась еще толпа, прибывшая изъ-за моря.

И въ этомъ же году (871 г.), послѣ Пасхи, вышеупомянутый король Этельредъ, послѣ пятилѣтняго правленія, славнаго и достохвальнаго, но исполненнаго многихъ тревогъ, отошелъ въ вѣчность и былъ погребенъ въ Вимборнѣ, гдѣ и ожидаетъ пришествія господня и перваго воскресенія вмѣстѣ съ праведными.

Въ томъ же году, вышеупомянутый Альфредъ, занимавшій до тѣхъ поръ второе мѣсто, пока были живы его братья, принялъ управленіе всѣмъ государствомъ, немедленно по смерти брата, какъ божіимъ соизволеніемъ, такъ и по общему согласію всѣхъ жителей того королевства. Если бы онъ захотѣлъ, то могъ бы, еще при жизни вышеупомянутаго брата, весьма легко получить королевство съ всеобщаго согласія, именно потому, что онъ превосходилъ всѣхъ своихъ братьевъ и умомъ, и хорошими нравами; сверхъ того, онъ

былъ весьма воинственный мужъ и выходилъ побѣдителемъ почти изъ всѣхъ битвъ. Такъ началъ онъ царствовать, почти противъ своей воли, и еще не прошло полнаго мѣсяца его правленія; онъ, именно, не считалъ себя достаточно покровительствуемымъ свыше, чтобы имѣть возможность выдержать когда нибудь одному всю ярость язычниковъ. Впрочемъ, еще при жизни братьевъ, ему пришлось однажды бороться весьма неравными силами, имѣя при себѣ небольшой отрядъ, противъ цѣлой арміи язычниковъ, у горы, называемой Вильтонъ, на южномъ берегу рѣки Вили; послѣ упорнаго и одушевленнаго съ обѣихъ сторонъ боя, длившагося почти цѣлый день, язычники, видя сами неизбѣжную свою погибель и не имѣя силъ вынести натиска непріятелей, обратились въ бѣгство. Но, о несчастіе! воспользовавшись излишнею отвагою преслѣдовавшихъ, они остановились и возобновили бой; на этотъ разъ язычники выиграли побѣду и удержали за собою поле сраженія. Никто не долженъ удивляться, что христіане въ этомъ сраженіи были такъ малочисленны: въ теченіе этого одного года, саксонцы потеряли множество народу, выдержавъ восемь битвъ съ язычниками; во время этихъ битвъ пали мертвыми одинъ король язычниковъ и девять герцоговъ съ безчисленными полчищами; кромѣ того, происходили безпрестанно, и днемъ, и ночью безчисленные набѣги, которые были неутомимо предпринимаемы Альфредомъ, отдѣльными герцогами его народа и весьма многими министрами короля, противъ язычниковъ; одному Богу извѣстно, сколько тысячъ язычниковъ погибло во время такихъ вылазокъ, исключая тѣхъ, которые пали въ вышеупомянутыхъ восьми битвахъ. Въ томъ же году, саксонцы заключили съ язычниками миръ съ тѣмъ условіемъ, чтобы они удалились изъ Вессекса, что и было исполнено ими............

877 годъ. При наступленіи осенняго времени, одна часть язычниковъ оставалась въ Экзетерѣ, а другая отправилась въ Мерсію на грабежъ. Число этихъ проклятыхъ расло, между тѣмъ, по днямъ, такъ что если бы въ одинъ день было ихъ избито до 30 тысячъ, то на мѣсто ихъ немедленно являлось число еще вдвое большее. Тогда король Альфредъ приказалъ во всемъ королевствѣ строить ладьи и баркасы, т. е. длинные корабли, чтобы встрѣтить прибывающихъ непріятелей въ морскомъ сраженіи; посадивъ на нихъ моряковъ (piratis), онъ поручилъ имъ крейсировать по морю; самъ же, поспѣшивъ въ Экзетеръ, гдѣ зимовали язычники, заперъ ихъ въ городѣ и осадилъ; въ то же время было приказано кораблямъ отрѣзать непріятелю подвозъ съѣстныхъ припасовъ, со стороны залива. Но на встрѣчу имъ выступило 120 кораблей, набитыхъ вооруженными воинами, поспѣшившими на помощь къ своимъ. Когда министры короля узнали, что флотъ идетъ съ языческимъ войскомъ, они схватились за оружіе и мужественно напали на варваровъ; язычники, испытавъ въ томъ мѣсяцѣ кораблекрушеніе, тщетно приняли бой: въ одно мгновеніе, войска ихъ были поражены при Гнавевикѣ (н. Swanwich, въ Dorsetshire), и всѣ одинаково погибли въ волнахъ.

Въ томъ же году, войско язычниковъ, оставивъ Варгемъ, пришло, частью на лошадяхъ, частью водою, къ мѣсту, называемому

Сваневикъ, гдѣ и потеряло 120 кораблей; въ тоже время король Альфредъ преслѣдовалъ ихъ конницу до Экзетера: тамъ онъ получилъ отъ нихъ заложниковъ и клятвенное обѣщаніе немедленно удалиться.

Въ годъ воплощенія господня 878, рожденія же короля Альфреда 30, войско язычниковъ, часто упоминаемое выше, оставивъ Экзетеръ, подступило къ королевскому помѣстью Циппангаму, лежащему въ лѣвой части Вильтшира, на восточномъ берегу рѣки, называемой побриттски Авонъ, и зимовало тамъ. Многіе изъ этого народа (весссексовъ) были принуждены силою бѣжать за море, но большая часть жителей этой мѣстности, по бѣдности и по страху пуститься въ море, признали надъ собою господство язычниковъ.

Въ тоже самое время Альфредъ, часто уже упоминаемый выше король весссексовъ, съ немногими изъ своихъ знатныхъ и съ нѣкоторыми баронами (militibus) и вассалами, велъ тревожную жизнь, исполненную всякихъ лишеній въ лѣсистой и топкой мѣстности Соммерсета (Summurtunensis paga), у одного изъ своихъ пастуховъ, какъ то мы читаемъ въ жизни св. Неота. Онъ не имѣлъ ничего даже для своего содержанія, и долженъ былъ безпрестанно или тайными набѣгами или явными нападеніями промышлять себѣ пищу то у язычниковъ, то даже у христіанъ, которые подчинились ихъ господству [1]).

Случилось однажды, что деревенская женщина, именно жена того пастуха, приготовила хлѣбы для печенья, и король, сидя у печки, приводилъ въ порядокъ лукъ, стрѣлы и другія военныя принадлежности; когда же та несчастная женщина замѣтила, что хлѣбы, положенные у огня, подгорѣли, она быстро подбѣжала, и, отодвинувъ ихъ, обратилась къ непобѣдимому королю съ слѣдующимъ упрекомъ: „Экой ты, человѣкъ!

Смотришь чего ты, какъ хлѣбы горятъ, отодвинуть не можешь?
Любишь, не-бось, подъѣдать ихъ горячими, прямо изъ печки"! [2])

Глупая женщина и не подозрѣвала, что это былъ король Альфредъ, ведшій столько войнъ съ язычниками и одержавшій надъ ними столько побѣдъ.

---

[1]) Авторъ, какъ-бы избѣгая описывать бѣдствія любимаго имъ короля, сказалъ выше очень коротко о нападеніи язычниковъ и завоеваніи ими Вессекса, а потому очень странно читать у него вдругъ объ изгнаніи Альфреда изъ королевства, послѣ того какъ авторъ прежде говорилъ объ однѣхъ его побѣдахъ надъ языческими завоевателями. Но авторъ имѣлъ, какъ окажется ниже, и другія причины умолчать о подробностяхъ изгнанія короля изъ своихъ владѣній: ему пришлось бы разоблачить своего героя и обнаружить, что не столько оружіе непріятелей, сколько дурное внутреннее управленіе Альфреда было причиною его несчастія: сами подданные были довольны его изгнаніемъ. Безъ сомнѣнія, это бѣдствіе и было причиною переворота въ характерѣ Альфреда и только съ той эпохи начинается новый характеръ его правленія, доставившій ему такую популярность; но Ассерій, во чтобы то ни стало, рѣшился представить героя безупречнымъ отъ самой колыбели.

[2]) Стихи, вложенные въ уста жены пастуха, безъ сомнѣнія, заимствованы и переведены на латинскій языкъ изъ какой нибудь народной поэмы составителемъ жизни св. Неота и повторены нашимъ авторомъ. Св. Неотъ былъ современникъ Альфреда.

И такъ, Господу угодно было даровать этому славному королю не однѣ побѣды надъ врагами и счастье въ затруднительныя минуты. Онъ попустилъ его быть разбиту непріятелями, удручену бѣдствіями и даже испытать презрѣніе своихъ соотечественниковъ, и все это попустилъ благій Господь, чтобы Альфредъ зналъ, что „Онъ одинъ только Богъ всѣхъ, предъ которымъ склоняется всякое колѣно, въ рукахъ котораго содержатся сердца царей, кто свергаетъ сильныхъ съ престола и возвышаетъ смиренныхъ“, кому угодно по временамъ налагать на своихъ вѣрныхъ, утопающихъ въ счастіи, бичъ бѣдствій, чтобы угнетенные не отчаявались въ милосердіи божіемъ, и чтобы превознесенные не возгордились; пусть всѣ знаютъ, кому они обязаны тѣмъ, чѣмъ владѣютъ. Впрочемъ, я полагаю, что то несчастіе посѣтило вышеупомянутаго короля не совсѣмъ незаслуженнымъ образомъ, потому что въ первое время его правленія, когда онъ былъ еще молодъ и увлекался юношескими страстями, къ нему являлись его подданные и просили о своихъ нуждахъ; другіе же, угнетенные сильными, умоляли о помощи и заступничествѣ, а онъ не хотѣлъ выслушивать ихъ, не оказывалъ покровительства, и вообще обходился съ ними презрительно. По этому случаю, блаженный Неотъ, здравствующій и до сихъ поръ, бывъ его родственникомъ, соболѣзновалъ всѣмъ сердцемъ и пророчески предсказывалъ Альфреду, что онъ подвергнется за то величайшему бѣдствію. Но онъ ни во что ставилъ благочестивыя увѣщанія божьяго человѣка и не вѣрилъ его истиннымъ предсказаніямъ. Всякій согрѣшившій неизбѣжно наказуется или здѣсь или въ будущей жизни; потому и праведный Судія не хотѣлъ оставить Альфреда безнаказаннымъ за его неразуміе въ этомъ мірѣ, чтобы пощадить его на страшномъ судѣ. Вотъ причина, вслѣдствіе которой вышеупомянутый Альфредъ часто доходилъ до такого бѣдствія, что никто изъ подданныхъ не зналъ, гдѣ онъ и что съ нимъ случилось.........

Въ томъ же году, послѣ Пасхи, король Альфредъ, вмѣстѣ съ немногими своими сподвижниками, построилъ укрѣпленіе въ мѣстечкѣ, называемомъ Ательней, и оттуда велъ неутомимую борьбу съ язычниками, поддерживаемый благородными вассалами Соммерсета; на седьмой недѣлѣ послѣ Пасхи, онъ поѣхалъ къ „Камню-Эгберта“, находящему на восточной сторонѣ горы, называемой Сельвудъ, что значитъ по-латыни Sylva magna (т.-е. Большой лѣсъ), а по-бриттски Коитъ-Мавръ. Тамъ встрѣтили его всѣ жители Соммерсета, Вильтшира и Гэмпшира, которые не убѣжали за море, какъ другіе, изъ страха предъ язычниками. Увидѣвъ короля, всѣ исполнились радостью, какъ то и слѣдовало, и, встрѣтивъ его, какъ воскресшаго, послѣ стольких страданій, въ ту же ночь раскинули свой лагерь. На разсвѣтѣ слѣдующаго дня, король, поднявшись съ лагеря, подошелъ къ мѣсту Окели, гдѣ и переночевалъ. Оттуда, съ первымъ лучемъ солнца, онъ отправился къ Эдингтону и тамъ, напавъ густыми рядами на все войско язычниковъ, дрался жестоко, и одержавъ божіимъ соизволеніемъ побѣду, смертоносно поразилъ непріятеля, а бѣжавшихъ избивалъ по одиночкѣ, преслѣдуя ихъ до самаго замка. Все, что встрѣтилось внѣ укрѣпленій, люди, лошади, скотъ, одни

были умерщвлены, другіе захвачены, и самъ король вмѣстѣ со всѣмъ своимъ войскомъ мужественно расположился у входа въ укрѣпленіе язычниковъ. Послѣ 14 дневной осады, язычники, томимые голодомъ, холодомъ и приведенные въ ужасъ и отчаяніе, просили у короля мира на условіи дать ему заложниковъ, какихъ онъ выберетъ, и не требовать отъ него ни одного. Такимъ образомъ, они заключили миръ такой, какого до сихъ поръ никогда не заключали. Король, выслушавъ ихъ посольство и подвигнутый милосердіемъ, принялъ отъ нихъ заложниковъ, какихъ желалъ. Сверхъ того, язычники поклялись немедленно оставить его королевство; а Готрунъ, ихъ король, обѣщалъ принять христіанство и креститься отъ руки короля Альфреда; и все это онъ и его окружавшіе исполнили, какъ обѣщали. По истеченіи семи недѣль, Готрунъ, король язычниковъ, съ 30 отборными мужами изъ своего войска явился къ королю Альфреду въ мѣстечко, называемое Аллеръ, близъ Ательнея. Король Альфредъ, сдѣлавъ его своимъ крестнымъ сыномъ, воспринялъ отъ купели. На восьмой день происходило его миропомазаніе въ королевскомъ помѣстьѣ Ведморѣ (около 5 миль отъ Эксбриджа, въ Соммерсетѣ). Послѣ крещенія, Гутрунъ оставался 12 ночей у короля, и король щедро одарилъ какъ его, такъ и всѣхъ его соотечественниковъ богатыми дарами.

Въ годъ воплощенія господня 879, рожденія же Альфреда короля 31 годъ, вышеупомянутое войско язычниковъ, сообразно данному обѣщанію, удалилось изъ Циппангама и потянулось въ Циренчестеръ, по-бриттски Каиръ-Кори, лежащій въ южныхъ предѣлахъ страны гуикціевъ (н. Глочестеръ и Верчестеръ), гдѣ и оставалось цѣлый годъ. Въ томъ же году случилось солнечное затмѣніе между девятымъ часомъ (по нашему 3 часа) и вечеромъ, но ближе къ девятому часу (слѣдов. по нашему около 4 часовъ по полудни).

(Исторія слѣдующихъ годовъ, 880, 881, 882, 883 и 884, изложена авторомъ весьма кратко и сухо, и состоитъ въ исчисленіи новыхъ стычекъ Альфреда съ язычниками, оставшихся безъ всякихъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Вся эта хроника отъ 867 до 884 г. перерываетъ собственно начатую авторомъ біографію Альфреда В., подъ 866-мъ годомъ, къ которой онъ и возвращается снова, откладывая свою хронику въ сторону).

Но возвращусь къ тому, съ чего началъ; уплывъ такъ далеко, я могу пропустить пристань желаннаго отдохновенія. Я постараюсь при помощи божіей изложить, какъ то и обѣщалъ, коротко и связно, чтобы растянутымъ разсказомъ не навести на душу читателя новой тоски, все, что дошло до моего свѣденія о жизни, правахъ, полныхъ правды разговорахъ и о значительной части дѣяній моего господина Альфреда, короля англо-саксовъ; я остановился на томъ, какъ онъ привелъ въ свой домъ ту вышеупомянутую и почтенную супругу изъ благороднаго рода мерсіевъ (см. выше, подъ 868-мъ годомъ, на 314 стр.).

Въ то время, какъ онъ торжественно отпраздновалъ въ Мерсіи свою свадьбу, при стеченіи безчисленнаго народа обоего пола, и долго потомъ пировалъ днемъ и ночью, его схватила неожиданная

и ужасная болѣзнь, въ присутствіи всего народа; ни одинъ докторъ не зналъ этой болѣзни, и она никому не была извѣстна изъ присутствовавшихъ на свадьбѣ въ то время, да и тѣ, на глазахъ которыхъ, о горе! она повторяется и *теперь* [1]), не понимаютъ, откуда могла явиться такая болѣзнь (хуже всего то, что эта болѣзнь, открывшись на двадцатилѣтнемъ возрастѣ, продолжается до *сорока*, и даже болѣе, лѣтъ, и безпрестанно мучитъ короля въ теченіи столь продолжительнаго времени); многіе полагали, что Альфреда сглазилъ кто нибудь изъ стоявшаго вокругъ народа; другіе приписывали все злобѣ діавола, всегда ненавидящаго добрыхъ людей; иные считали эту болѣзнь послѣдствіемъ той лихоманки, злокачественной напасти, которую онъ испытывалъ еще въ дѣтствѣ. Но уже давно Альфредъ былъ облегченъ отъ этой напасти божьимъ милосердіемъ, когда онъ, отправляясь на охоту, прибылъ въ Корнваллисъ и свернулъ съ дороги, чтобы помолиться въ одной церкви, гдѣ почивалъ св. Гверирь, и гдѣ св. Неотъ живетъ на покоѣ и до сихъ поръ. Альфредъ, съ самаго дѣтства, любилъ прилежно посѣщать святыя мѣста, для моленья и милостыни; распростершись тогда въ безмолвной молитвѣ, онъ усердно взывалъ къ милосердію божьему, чтобы всемогущій Богъ, по неизмѣримой своей милости, измѣнилъ настоящую и тяжелую его болѣзнь въ легкій припадокъ, съ тою цѣлью, чтобы та немочь не обнаруживалась на тѣлѣ, и чтобы чрезъ то Альфредъ не сдѣлался безполезнымъ членомъ общества и не былъ бы всѣми оставленъ въ презрѣніи; король боялся, именно, заразы или слѣпоты, или какой нибудь другой напасти, которая изгоняетъ людей изъ общества и внушаетъ къ нимъ отвращеніе. По совершеніи молитвы, Альфредъ отправился въ предпринятый путь и въ скоромъ времени почувствовалъ такое облегченіе отъ своей немочи, что божіею помощью окончательно излечился отъ нея, вслѣдствіе своей молитвы; такимъ образомъ онъ избавился отъ болѣзни усердною молитвою и частымъ обращеніемъ къ Богу съ благочестивымъ колѣнопреклоненіемъ, не смотря на то, что страдалъ ею отъ колыбели. Чтобы сказать связно и коротко, но въ строгомъ порядкѣ, о преданности его къ Богу, замѣчу, что онъ, съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ своей юности, прежде нежели женился, заботился укрѣпить духъ свой въ заповѣдяхъ господнихъ, и видя съ одной стороны, что трудно побороть въ себѣ плотскія побужденія, а съ другой стороны опасаясь, что нарушеніемъ воли божіей можно навлечь на себя гнѣвъ господень, Альфредъ очень часто и тайно отъ другихъ вставалъ на зарѣ съ пѣніемъ пѣтуха и удалялся въ церковь для молитвы надъ мощами святыхъ; тамъ, оставаясь долгое время распростертымъ, онъ молилъ милосердіе Бога укрѣпить его умъ въ служеніи Господу какою нибудь болѣзнью, которую можно было бы вынести, лишь бы эта болѣзнь не сдѣлала его недостойнымъ и неспособнымъ къ общественнымъ дѣламъ. При частомъ повтореніи подобной молитвы, спустя нѣсколько времени,

[1]) Такъ какъ авторъ вслѣдъ за словомъ *теперь*, прибавляетъ, что Альфреду было тогда уже *сорокъ* лѣтъ, то изъ этого слѣдуетъ, что онъ писалъ эти строки въ 886 году.

Богъ надѣлилъ его вышеупомянутою лихоманкою (fici dolor); въ продолжительной и тяжелой борьбѣ съ нею, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, Альфредъ отчаявался даже въ своей жизни, пока не отвратилъ ее отъ себя молитвою. Но, о бѣдствіе! едва онъ избавился отъ одной болѣзни, его схватила, какъ мы сказали, другая, еще худшая, на свадьбѣ, и она его мучила безпрерывно отъ 20 лѣтъ до 45 [1]). Если иногда, милосердіемъ божіимъ, ему отдавало на одинъ день, на одну ночь, или даже на одинъ часъ, то тѣмъ не менѣе его никогда не оставлялъ страхъ и трепетъ, что та проклятая болѣзнь снова вернется, и ему казалось, что онъ сдѣлался никуда негоденъ, ни для дѣлъ мірскихъ, ни для дѣлъ богоугодныхъ.

Отъ вышеупомянутаго брака у Альфреда родились слѣдующіе сыновья и дочери: Этельфледа, старшая изъ всѣхъ, послѣ нея Эдуардъ (Eadwerd), затѣмъ Этельгива, Этельсвита, и наконецъ Этельвердъ; кромѣ этихъ, всѣ другіе умерли въ дѣтствѣ; къ числу послѣднихъ принадлежалъ и Эдмундъ. Этельфледа, достигнувъ зрѣлаго возраста, вышла за Этереда, графа мерсіевъ; Этельгива, посвятивъ дѣтство Богу, приняла монашескіе обѣты, была посвящена и предалась служенію церкви; Этельвердъ, младшій изъ всѣхъ, по внушенію свыше и по достойной удивленія заботливости короля, былъ отданъ, вмѣстѣ съ благородными дѣтьми почти со всего королевства, и со многими другими, даже неблагородными, для обученія наукамъ (traditus est ludis literariae disciplinae), подъ тщательнымъ надзоромъ учителей; въ этой школѣ прилежно занимались чтеніемъ книгъ, написанныхъ на двухъ языкахъ, на латинскомъ и на саксонскомъ; тамъ занимались и обученіемъ письму, такъ что ученики, прежде нежели они достигали развитія матеріальныхъ силъ, необходимыхъ для упражненія въ искусствахъ ловкости (humanae artes), а именно въ охотничьемъ искусствѣ и другихъ занятіяхъ, приличныхъ для людей благороднаго происхожденія, были уже обучены и смышлены въ искусствахъ науки (in liberalibus artibus). Эдуардъ и Этельсвита были воспитаны при королевскомъ дворѣ съ величайшею заботливостью, которую оказывали имъ ихъ дядьки и няни; скажу болѣе, они расли, пріобрѣтая всеобщую любовь, ласковостью и даже мягкостью обращенія съ своими и чужими, а повиновеніе отцу они сохраняютъ и до сихъ поръ. При прочихъ упражненіяхъ, приличныхъ людямъ благороднаго происхожденія, они также прилежно и тщательно предаются искусствамъ науки: съ большимъ стараніемъ изучаютъ и псалмы, и саксонскія лѣтописи (libros), въ особенности же саксонскія поэмы (carmina), и постоянно читаютъ книги.

Между тѣмъ, самъ король, среди войнъ и безпрерывныхъ заботъ земной жизни, при вторженіяхъ язычниковъ и ежедневныхъ физическихъ болѣзняхъ, въ одно и то же время держалъ бразды правленія и распоряжался всякаго рода охотою, училъ даже золотыхъ дѣлъ мастеровъ, различныхъ ремесленниковъ, и тѣхъ, которые смотрѣли

---

[1]) Выше, авторъ сказалъ: *до 40 лѣтъ и болѣе*; сказанное теперь: *до 45 лѣтъ*, могло быть позднѣйшею поправкою, или и вообще все это мѣсто, вѣроятно, было имъ приписано позже, а именно въ 891 г.. когда Альфреду было 45 лѣтъ.

за соколами, кречетами и собаками; строилъ, по новымъ, составленнымъ имъ самимъ, планамъ, зданія, болѣе красивыя и дорогія, нежели тѣ, которыя строились его предшественниками; читалъ саксонскія лѣтописи и въ особенности предписывалъ учить на память саксонскія поэмы; самъ не переставалъ трудиться изо всѣхъ силъ; ежедневно слушалъ божественную службу, именно обѣдню, пѣлъ нѣкоторые псалмы и молитвы, утреннiе часы и вечерню, и, какъ мы сказали, тайно отъ своихъ удалялся въ церковь, ночью, и молился; подавалъ щедрую милостыню и своимъ, и чужимъ; отличался предъ всѣми большою и несравненною любезностью и веселостью, и съ необыкновенною любознательностью любилъ заниматься изслѣдованіемъ необъясненныхъ явленій. Многіе франки, фризы, галлы, язычники, бритты и скотты, арморики (бретонцы), какъ благородные, такъ и неблагородные, добровольно подчинялись его власти; и всѣми ими онъ управлялъ съ достоинствомъ, какъ своимъ собственнымъ народомъ, одинаково любилъ, уважалъ и надѣлялъ деньгами и имуществомъ; случалось ли ему слушать, какъ свои читали священное писаніе, или (если приходилось ему куда нибудь уѣхать) молиться съ чужеземцами, онъ всегда былъ внимателенъ и слушалъ прилежно. Своихъ епископовъ и весь духовный чинъ, графовъ и благородныхъ, даже прислугу и всѣхъ домочадцевъ Альфредъ любилъ всѣмъ сердцемъ; даже дѣтей ихъ, воспитываемыхъ въ королевскомъ семействѣ, онъ любилъ не менѣе своихъ, наставлялъ ихъ въ добрыхъ нравахъ, и одинъ не уставалъ днемъ и ночью напоять ихъ, между прочимъ, чтеніемъ; но ничто, какъ будто бы, не утѣшало его, и онъ, оставаясь равнодушнымъ ко всѣмъ другимъ неудачамъ домашнимъ и внѣшнимъ, денно и нощно жаловался Богу и всѣмъ, кто былъ особенно близокъ къ нему, и тяжко воздыхалъ, горюя, что всемогущій Господь оставилъ его въ невѣденіи священнаго писанія и наукъ (divinae sapientiae et liberalium artium). Въ этомъ отношеніи Альфредъ можетъ быть сравненъ съ Соломономъ, который, презрѣвъ славу и богатство міра сего, просилъ у Бога мудрости и получилъ то и другое, и мудрость, и земную славу. Такъ сказано и въ писаніи: „Ищите прежде всего царства небеснаго и правды его, и все остальное приложится вамъ". Но Богъ взираетъ всегда на внутреннія убѣжденія и помыслы, поощряетъ всякую добрую волю и великодушно направляетъ ее къ хорошимъ стремленіямъ, потому что онъ никогда не поощрялъ бы къ добру безъ того, чтобы не направить къ тому, что его желанія были хороши и справедливы. Богъ возбудилъ и духъ Альфреда не извнѣ, но извнутри, какъ сказано въ писаніи: „Я послушаю, что говоритъ во мнѣ Господь Богъ". Альфредъ отыскивалъ повсюду, гдѣ могъ, сподвижниковъ, которые были бы въ состояніи помочь его мудрости въ осуществленіи добрыхъ намѣреній. Какъ та благоразумная птичка, которая, въ лѣтнее время, рано утромъ, выпорхнувъ изъ любимаго гнѣзда, направляетъ свой быстрый полетъ въ безпредѣльномъ воздушномъ пространствѣ, и, опускаясь надъ разнообразными и многовидными цвѣтами, сощипнетъ травку, ягодку, попробуетъ, и что понравится, унесетъ домой, такъ и Альфредъ направлялъ свой

духовный глазъ повсюду, отыскивая у чужихъ то, чего не находилъ у себя, то есть, въ своемъ государствѣ.

И въ то время Богъ, въ утѣху добрымъ намѣреніямъ короля, и не желая оставить безъ вниманія его справедливыхъ и благихъ сѣтованій, послалъ ему, какъ свѣточа, Верефрита, епископа Ворчестерскаго, отлично свѣдущаго въ священномъ писаніи, который, по приказанію короля, перевелъ, слово за словомъ, въ первый разъ съ латинскаго на саксонскій языкъ „Книги разговоровъ" папы Григорія съ его ученикомъ Петромъ, и перевелъ весьма ясно и краснорѣчиво; потомъ, Плегмунда, родомъ изъ Мерсіи, архіепископа Кентерборійскаго, мужа достопочтеннаго и надѣленнаго мудростью; также Этельстана и Веревульфа, священниковъ и капеллановъ, родомъ изъ Мерсіи, весьма ученыхъ людей. Король Альфредъ призвалъ къ себѣ этихъ четырехъ мужей изъ Мерсіи и надѣлилъ ихъ всякими почестями и властью въ королевствѣ вессексовъ, сверхъ того, чѣмъ обладали уже въ Мерсіи архіепископъ Плегмундъ и епископъ Верефридъ. Ихъ ученость и мудрость непрестанно вызывали въ королѣ любознательность и вмѣстѣ удовлетворяли ее; онъ приказывалъ имъ читать ему книги, и днемъ, и ночью, когда только былъ сколько нибудь свободенъ; онъ не могъ никогда оставаться безъ того, чтобы не имѣть кого нибудь изъ нихъ при себѣ. Потому-то онъ имѣлъ понятіе о всѣхъ сочиненіяхъ, хотя одинъ, самъ по себѣ, ничего еще не могъ понимать въ нихъ, такъ какъ еще не выучился читать что нибудь.

Но ненасытность короля, впрочемъ, въ этомъ случаѣ похвальная, не была удовлетворена тѣмъ: онъ отправилъ пословъ за море, въ Галлію, отыскивать ученыхъ, и оттуда вызвалъ: Гримбальда, священника и монаха, достопочтеннаго мужа, превосходнаго пѣвца, отлично свѣдущаго въ церковныхъ правилахъ всякаго рода и въ священномъ писаніи, и украшеннаго всевозможными добродѣтелями; и Іоанна, также священника и монаха, мужа проницательнаго ума, свѣдущаго во всѣхъ родахъ книжнаго искусства и мастера во многихъ другихъ дѣлахъ;—умъ короля былъ весьма обогащенъ ихъ ученостью, и онъ почтилъ ихъ великою властью и щедро одѣлилъ.

Въ то же время явился и *я*, приглашенный королемъ въ Саксонію (т. е. въ Англію) отъ самыхъ западныхъ предѣловъ Британіи; предпринявъ путь къ нему чрезъ многія обширныя земли, я дошелъ до страны тѣхъ саксовъ, которые живутъ направо, и земля которыхъ называется по-саксонски Суссексъ (т.-е. Süd+Saxen, южная Саксонія), при помощи проводниковъ этого же народа. Тамъ я увидѣлъ его въ первый разъ въ королевскомъ помѣстьи Денъ (н. Deane, близъ г. Чичестера); принявъ меня благосклонно, онъ, среди дружескаго разговора, убѣдительно просилъ меня, чтобы я посвятилъ себя на службу ему, сдѣлался его другомъ, и оставилъ для него все, чѣмъ я владѣю на лѣвомъ или западномъ берегу рѣки Сабрины (н. Севернъ); онъ обѣщалъ вознаградить меня гораздо большимъ и сдержалъ слово. Я отвѣчалъ ему на то: „Я не могу такъ неосмотрительно и необдуманно давать подобныхъ обѣщаній: мнѣ кажется несправедливымъ оставить, ради какихъ нибудь земныхъ почестей и власти, тѣ святыя мѣста, въ которыхъ я былъ воспитанъ, обученъ,

постриженъ (coronatus) и, наконецъ, поставленъ; развѣ меня принудятъ къ тому силою".—На это онъ отвѣчалъ: „Если для тебя это невозможно, то пожертвуй мнѣ, по крайней мѣрѣ, половину твоей службы: шесть мѣсяцевъ ты проживешь у меня, и столько же въ Британіи" [1]).—На это я отвѣчалъ слѣдующимъ образомъ: „Я не могу и на это легко согласиться; безъ совѣщанія съ своими было бы неразумно что-нибудь обѣщать". Но, наконецъ, видя, какъ онъ желаетъ имѣть меня въ своей службѣ—не знаю, почему — я обѣщалъ, послѣ шести мѣсяцевъ, если буду живъ, возвратиться къ нему съ такимъ отвѣтомъ, который былъ бы мнѣ и моимъ окружающимъ полезенъ, а ему пріятенъ; такъ какъ ему показалось мое предложеніе удовлетворительнымъ, то я, давъ обѣщаніе возвратиться въ опредѣленное время, на четвертый день поѣхалъ обратно на родину. Но на дорогѣ, въ Винчестерѣ, меня постигла лихорадка, въ которой я пролежалъ двѣнадцать мѣсяцевъ и одну недѣлю, мучимый днемъ и ночью, безъ всякой надежды на жизнь. Когда я не явился къ нему въ назначенное время, какъ то обѣщалъ, онъ отправилъ ко мнѣ письмо, торопя меня ѣхать къ нему и спрашивая о причинахъ промедленія. Но я не могъ пуститься въ дорогу и писалъ къ нему, объясняя причину, удержавшую меня, и извѣщая, что я немедленно исполню данное слово, лишь только избавлюсь отъ своей болѣзни. Дѣствительно, по излеченіи, я, совѣщавшись съ своими и получивъ дозволеніе, ради пользы того святого мѣста и всѣхъ его населявшихъ, вступилъ на службу къ королю, какъ прежде обѣщалъ, именно на томъ условіи, чтобы ежегодно оставаться при немъ шесть мѣсяцевъ, или, если я могу, сряду, или по очереди, т.-е. три мѣсяца въ Британіи, и три мѣсяца въ Саксоніи; въ обоихъ случаяхъ, условія подтверждаются клятвою надъ св. Дегуемъ, но выполняются по мѣрѣ силъ. Моя братія надѣялась, при этомъ, если я какимъ-нибудь образомъ войду въ милость у Альфреда, то она не будетъ испытывать столько тревогъ и оскорбленій со стороны короля Гемеида [2]). Онъ нерѣдко грабилъ тотъ монастырь и весь приходъ св. Дегуя (St. Deguus, по нов. произн. St. Dewi), и однажды выгналъ его настоятелей, а именно архіепископа Новиса, моего родственника, и меня самого.

Въ то время, и еще гораздо прежде, въ составъ королевства Альфреда входили какъ и теперь еще входятъ, всѣ земли правой стороны Британіи (т.-е. Валлиса): а именно, Гемеидъ со всѣми обитателями страны Деметики; вынужденный насиліями шести сыновей Ротра, онъ подчинился Альфреду; Гуилъ, сынъ Риса, король Глегвизинга, Брокмаилъ и Фернмаилъ, дѣти Мурика, короля Гвента; побѣжденные насиліями и тираніею графа Этереда и мерсіевъ, они подчинились Альфреду, чтобы вмѣстѣ съ признаніемъ его власти

---

[1]) *Британіею* называли въ то время англо-саксы исключительно Валлисъ и Корнваллисъ, куда были загнаны ими послѣдніе бритты; Англія же называлась тогда Саксоніею.

[2]) Одинъ изъ мелкихъ владѣтелей Валлиса, между которыми была раздѣлена въ то время эта страна, населенная остатками бриттовъ.

получить отъ него защиту противъ непріятелей; даже и Гелизедъ, сынъ Тендира, короля Брекоціи, тѣснимый дѣтьми того же Ротра, подчинился власти короля. Также и Анараутъ, сынъ Ротра, вмѣстѣ съ своими братьями, отказавшись отъ дружбы съ нортумберландцами, болѣе вредной, нежели полезной, началъ заботиться о снисканіи дружбы короля Альфреда и явился къ нему лично. Король сдѣлалъ ему хорошій пріемъ, усыновилъ его чрезъ рукоположеніе епископа, и наградилъ богатыми дарами; такимъ образомъ, Анараутъ, вмѣстѣ съ своими подчинился королю на условіи повиноваться ему въ той же степени, какъ Этередъ и мерсіи.

И не напрасно они пользовались дружбою короля: кто желалъ увеличить власть, тотъ и увеличивалъ; кто хотѣлъ денегъ, и получалъ; кто искалъ дружбы, и находилъ; кто имѣлъ въ виду то и другое, достигалъ того и другого. Всѣ же пользовались любовью, заботою и защитою со всѣхъ сторонъ, откуда только король могъ защищать вмѣстѣ съ своими. Такъ, когда и я явился въ королевское помѣстье, называемое Леонафордъ, былъ принятъ имъ съ почетомъ и оставался при его дворѣ восемь мѣсяцевъ; въ это время я читалъ королю книги, какія онъ желалъ и какія случились у меня подъ рукою; онъ отличался своимъ постояннымъ обычаемъ или читать самому или слушать, какъ другіе читаютъ, и днемъ, и ночью, не смотря на всѣ страданія душевныя и тѣлесныя. Я часто просилъ у него позволенія возвратиться домой, и никакимъ образомъ не могъ того добиться; но наконецъ, когда я настаивалъ на своей просьбѣ, онъ позвалъ меня въ сумерки, наканунѣ дня Рождества Христова, и вручилъ мнѣ двѣ грамоты, въ которыхъ заключался подробнѣйшій списокъ всѣхъ вещей, находившихся въ двухъ монастыряхъ, которые называются по-саксонски Амбрезбьюри и Банвелль (въ Вильтсѣ и въ Сомерсетширѣ). Въ тотъ же день онъ мнѣ подарилъ оба эти монастыря со всѣмъ ихъ имуществомъ, шелковый весьма дорогой палліумъ и большое количество ладону; при этомъ онъ сказалъ: „Я даю эти пустяки не потому, чтобы не хотѣлъ впослѣдствіи дать большаго". Дѣйствительно, впослѣдствіи онъ и далъ мнѣ неожиданно Экзетеръ, со всѣмъ приходомъ, который распространялся въ Саксоніи (т.-е. въ Англіи) и Корнваллисѣ (Cornubia), не считая при этомъ множества различныхъ свѣтскихъ подарковъ, которые было бы длинно перечислять въ этомъ мѣстѣ, чтобъ не наскучить читателю. Да не подумаетъ кто нибудь, что и о тѣхъ подаркахъ я упомянулъ по тщеславію, или изъ честолюбія, или ради искательства новыхъ и большихъ почестей; клянусь предъ Богомъ, я сдѣлалъ все это съ тою цѣлью, чтобы объяснить тѣмъ, которые не знаютъ, какъ онъ былъ безграниченъ въ своей щедрости. Послѣ того онъ далъ мнѣ немедленно позволеніе поѣхать въ тѣ два монастыря, исполненные всякихъ благъ, и оттуда возвратиться на родину.

Въ годъ воплощенія господня 886, рожденія же Альфреда 38 г., то, часто упоминаемое, войско язычниковъ, удаляясь снова изъ нашей страны, появилось у нейстрійскихъ франковъ, и ввело свои корабли въ рѣку, называемую Сеною (Signe, нов. форма отъ Sequana, откуда современное названіе рѣки Seine). Плывя долгое время про-

тивъ теченія, оно дошло до Парижа, и тамъ перезимовало, расположившись лагеремъ на берегу у моста, чтобы воспрепятствовать переходу жителей, такъ какъ этотъ городъ построенъ посереди рѣки, на небольшомъ островѣ (та часть нынѣшняго Парижа, которая называется Cité, между двумя рукавами Сены). Язычники осаждали городъ цѣлый годъ, но, по милости божіей, и благодаря мужественной защитѣ осажденныхъ, они не могли овладѣть укрѣпленіями (ср. выше, въ ст. 14 и 17).

Въ томъ же году, Альфредъ, король англо-саксовъ, послѣ пожара многихъ городовъ и разоренія народовъ, возстановилъ великолѣпно городъ Лондонъ и сдѣлалъ его годнымъ для населенія; охраненіе города король поручилъ своему зятю Этереду, графу мерсіевъ, и съ того времени къ Альфреду начали добровольно возвращаться и признавать надъ собою его власть всѣ англы и саксы, разсѣянные до того времени повсюду, или находившіеся въ плѣну у язычниковъ.

(Затѣмъ слѣдуетъ въ текстѣ большое отступленіе о происшедшей въ томъ же году, въ Оксфордѣ, ссорѣ между старыми схоластиками и новыми, которые пришли туда съ Гримбальдомъ; старые увѣряли, что только прежде хорошо учились, и прибытіе Гримбальда испортило все дѣло; споръ по этому поводу происходилъ въ присутствіи Альфреда, но не смотря на его посредничество, новые схоластики должны были оставить Оксфордъ и перешли въ Винчестеръ, незадолго передъ тѣмъ основанный Альфредомъ. Весь этотъ разсказъ есть позднѣйшая вставка, непринадлежащая Ассерію, и потому въ самыхъ древнихъ манускриптахъ объ оксфордскомъ диспутѣ вовсе не упоминается).

Въ годъ воплощенія господня 887, рожденія же короля Альфреда 39 г., вышеупомянутое войско язычниковъ оставило невредимымъ городъ Парижъ (затѣмъ слѣдуетъ отступленіе, сдѣланное авторомъ для обозрѣнія вкратцѣ современной исторіи материка, гдѣ около этого времени совершился важный переворотъ: сверженіе Карла III Толстаго и распаденіе Карловой монархіи; но авторъ говоритъ очень коротко и ограничивается почти одними голыми фактами и именами, что можетъ свидѣтельствовать развѣ только о томъ, какъ мало тогдашняя Англія интересовалась материкомъ, и какъ вообще мало было въ то время связи между европейскими государствами).

Въ томъ же году, когда то войско язычниковъ, оставивъ Парижъ, подошло къ Кези (Chezy, небольшая королевская мыза, на берегахъ Марны), Этельгельмъ, графъ Вильтшира, отправился въ Римъ съ благостынею отъ короля Альфреда и отъ саксонцевъ.

Въ томъ же году, часто уже упоминаемый Альфредъ, король англо-саксовъ, по вдохновенію свыше, началъ читать и вмѣстѣ переводить въ первый разъ, въ тотъ же самый день; но, чтобы объяснить незнающимъ этого дѣла ближе я постараюсь представить причину такого поздняго начала

Случилось намъ однажды сидѣть вдвоемъ въ королевскихъ покояхъ, бесѣдуя, по обыкновенію, о томъ и другомъ, и вздумалось ему, чтобы я прочелъ какую-то ссылку изъ какой-то книги; выслу-

шавъ меня внимательно, въ оба уха, и въ глубинѣ души тщательно обдумывая прочтенное, онъ вдругъ вынулъ изъ-за пазухи книгу, которую онъ носилъ при себѣ неразлучно (въ ней были записаны часословъ, нѣкоторые псалмы и избранныя рѣчи, читанныя имъ еще въ юности), и приказалъ мнѣ вписать туда ту ссылку. Услышавъ это и видя въ королѣ такое замѣчательное благоразуміе и благочестивое желаніе научиться божественной премудрости, я вознесъ безконечное, хотя и тайное, благодареніе всемогущему Богу, вложившему въ сердце короля такую святую ревность къ снисканію мудрости. Но не найдя въ той книгѣ ни одного свободнаго мѣста, куда можно было бы внести ту сентенцію (она была переполнена всякаго рода замѣтками), я нѣсколько замѣшкался и тѣмъ вызвалъ еще большее нетерпѣніе въ королѣ къ пріобрѣтенію спасительныхъ замѣтокъ. Онъ меня торопилъ записать ту сентенцію, какъ можно скорѣе. „Не желаешь ли лучше, сказалъ я ему на это, чтобы я внесъ новую замѣтку на какой нибудь отдѣльный листъ? Неизвѣстно, быть можетъ, мы встрѣтимъ много такихъ сентенцій, которыя тебѣ понравятся; если что-нибудь такое и случится сверхъ чаянія, то намъ будетъ пріятно имѣть отдѣльную книгу".—„Этотъ совѣтъ хорошъ", отвѣчалъ онъ, и я съ удовольствіемъ поспѣшилъ приготовить тетрадь (quaternionem), въ началѣ которой и вписалъ ту сентенцію, сообразно его приказаніямъ; и въ тотъ же день, какъ я предсказалъ, было вписано туда же еще нѣсколько сентенцій, понравившихся ему, не менѣе трехъ; и за тѣмъ, съ каждымъ днемъ, среди нашихъ бесѣдъ и изслѣдованій, та тетрадь, получая новое содержаніе, разросталась, и не даромъ, ибо сказано въ писаніи: „Праведный строитъ зданіе на скромномъ фундаментѣ и постепенно переходитъ къ большему". Подобно плодоносной пчелѣ, которая, летая по широкимъ и далекимъ полямъ, ищетъ меду, онъ съ безпрерывнымъ восторгомъ собиралъ цвѣты святого писанія, которыми обильно наполнялъ ячейки своего сердца.

Первую записанную мною сентенцію Альфредъ немедленно сталъ читать и тутъ же переводить на саксонскій языкъ, а затѣмъ онъ старался сдѣлать то же самое и съ другими. Такимъ образомъ, подобно тому счастливому разбойнику, который призналъ висящаго подлѣ себя на честномъ древѣ св. креста Господа Іисуса Христа, своего Господа и Господа всѣхъ, и съ униженными мольбами, склоняя предъ нимъ одни свои тѣлесныя очи — другого знака не могъ онъ подать, ибо весь былъ пригвожденъ, — слабымъ голосомъ взывалъ: „Помяни меня, когда прійдешь во царствіе твоемъ, о Христе",—подобно этому разбойнику и Альфредъ въ первый разъ началъ изучать основанія христіанской жизни въ концѣ своихъ дней. Такъ или иначе, хотя и не безъ затрудненія, король, по вдохновенію свыше, началъ изучать основанія священнаго писанія въ день торжества памяти преподобнаго Мартина (т.-е. 11 нояб.); всѣ эти цвѣты, собранные отвсюду магистрами въ одну книгу, хотя и перемѣшанно, какъ представлялся къ тому случай, онъ совокупилъ такъ, что она достигла объема почти цѣлаго псалтыря. Король пожелалъ назвать этотъ сборникъ *Enchiridion*, то-есть, подручною книгою,

потому что онъ имѣлъ ее, и днемъ, и ночью, безпрерывно подъ руками, и, какъ тогда говорили, онъ находилъ въ ней не малое утѣшеніе. Но, какъ давно уже сказалъ одинъ мудрецъ:

Бдителенъ умъ у того, кто хочетъ заботливо править,

и мнѣ, я полагаю, надобно сдѣлать оговорку по поводу того сравненія, не совсѣмъ точнаго, которое я сдѣлалъ выше между королемъ и счастливымъ разбойникомъ: всякій, кто страдаетъ, распинается на крестѣ. Но что̀ дѣлать, если нельзя освободиться или убѣжать или какимъ нибудь средствомъ облегчить свою участь, оставаясь на немъ? Всякій осужденъ, хотя-не-хотя, въ тоскѣ и печали переносить то, чѣмъ страдаетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, этотъ король былъ пронзенъ множествомъ гвоздей страданія, хотя и обладалъ королевскою властью: начиная съ 20 и до *сорокъ-пятаго года*, котораго онъ *теперь* [1]) достигъ, его мучатъ безпрерывно тягчайшія страданія какой-то неизвѣстной болѣзни; такъ что онъ не имѣетъ покоя ни на одинъ часъ, когда бы онъ не испытывалъ той немочи, или не приходилъ бы въ отчаяніе подъ вліяніемъ страха, наведеннаго ею. Сверхъ того онъ не безъ причины тревожился постоянными вторженіями иноплеменниковъ, которыя ему приходилось выдерживать безъ малѣйшаго отдыха. Нужно ли говорить о частыхъ набѣгахъ язычниковъ, битвахъ и постоянныхъ заботахъ правленія? Нужно ли упоминать о ежедневныхъ пріемахъ пословъ, приходившихъ отъ различныхъ народовъ, живущихъ на берегахъ Средиземнаго (Tyrreno) моря до послѣднихъ предѣловъ Иберіи [2])? Мы сами видѣли дары и читали письма, отправленныя къ королю изъ Іерусалима отъ патріарха Авеля. Что сказать объ общинахъ и городахъ, возобновленныхъ и построенныхъ, гдѣ прежде ихъ не бывало? О раззолоченныхъ и посеребренныхъ палатахъ, воздвигнутыхъ по его плану? О залахъ и покояхъ королевскихъ, построенныхъ удивительнымъ образомъ изъ дерева и камня? О королевскихъ каменныхъ мызахъ, перенесенныхъ съ прежняго мѣста въ болѣе красивыя мѣстности и убранныхъ, по королевскому приказанію, весьма прилично? Сверхъ той болѣзни, его огорчали раздоры и несогласія друзей, не желавшихъ принять на себя какой нибудь трудъ, въ видахъ общей пользы государства. Одинъ онъ, вдохновленный свыше, не позволялъ себѣ, не смотря на разнообразныя треволненія жизни, опускать или отлагать въ сторону однажды принятыя бразды правленія; подобно тому капитану (gubernator praecipuus) корабля, который старается ввести свой корабль, нагруженный богатствами, въ желанный и безопасный портъ свой родины, не смотря на то, что всѣ его матросы уже утомились. Дѣйствительно, онъ умѣлъ подчинить своей волѣ и съ умомъ употреблять на государственную пользу своихъ епископовъ, графовъ, благородныхъ, самыхъ

---

[1]) Такъ какъ Альфредъ родился въ 849 г., то это мѣсто лѣтописи было писано въ 894 г.

[2]) Въ подлинникѣ сказано: *Hybertniae*, т.-е. Ирландіи, но это, очевидно, ошибка переписчика, вмѣсто *Hiberiae* т.-е. Испанія, какъ того требуетъ общій смыслъ фразы.

любимыхъ министровъ и другихъ начальниковъ, въ рукахъ которыхъ, послѣ Бога и короля, была сосредоточена власть надъ всѣмъ государствомъ, какъ то, и слѣдуетъ; король безпрестанно и вмѣстѣ кротко наставлялъ ихъ, ласкалъ, убѣждалъ, приказывалъ, наконецъ, послѣ долгаго терпѣнія, строго называлъ непокорныхъ и вообще всѣми мѣрами преслѣдовалъ пошлую глупость и упорство. Правда, по лѣности людей, при всѣхъ убѣжденіяхъ короля, многія его приказанія не были исполнены; другое, начатое поздно, осталось неоконченнымъ и не принесло, въ минуту опасности, пользы тѣмъ, для кого предпринималось — такъ можно сказать о замкахъ еще не начатыхъ, какъ то было приказано, или слишкомъ поздно начатыхъ и неоконченныхъ—а между тѣмъ, непріятель вторгался и съ суши, и съ моря, и, какъ часто случалось, ослушники повелѣній власти (contradictores *imperialium* diffinitionum) изъявляли тогда тщетное раскаяніе, и покрывались стыдомъ.

Я называю такое раскаяніе тщетнымъ, на основаніи словъ священнаго писанія: такимъ раскаяніемъ бываютъ поражены и страдаютъ къ собственному ущербу многіе люди, за совершенныя ими злоумышленія. Но, увы! они недостойно соболѣзнуютъ; утративъ отцовъ, женъ, дѣтей, слугъ, рабовъ, служанокъ, домашнія орудія, и всю утварь, они слезно плачутъ, но можетъ ли имъ помочь ничтожное раскаяніе, когда они уже не могутъ поспѣшить для спасенія умерщвленныхъ родственниковъ, ни выкупить ихъ изъ тяжкаго плѣна, ни даже облегчить участь тѣхъ, которымъ удалось бѣжать, потому что имъ самимъ ничего не осталось для поддержанія собственной жизни. Повергнутые въ горе, они обнаруживаютъ позднее раскаяніе, жалѣютъ о томъ, что презрѣли наставленіями короля, велегласно восхваляютъ его мудрость и обѣщаютъ всѣми силами загладить то, чѣмъ недавно пренебрегали, а именно, построеніемъ замковъ и исполненіемъ всего прочаго, что́ могло бы содѣйствовать общей государственной пользѣ.

Я полагаю, что было бы кстати, при настоящемъ случаѣ, сказать нѣсколько словъ объ обѣтахъ и помыслахъ его благочестивой души, которые онъ не забывалъ никогда, ни въ счастливыя, ни въ тяжелыя минуты своей жизни. Помышляя о потребностяхъ своего духа, между прочими благодѣяніями, которыми онъ былъ прилежно занятъ и днемъ, и ночью, онъ приказалъ построить два монастыря: одинъ мужской, въ мѣстности, называемой Ательней, непроходимой и окруженной отвсюду болотами, топями и рѣками; туда никто не можетъ иначе попасть, какъ на лодкахъ, или по мосту, выстроенному съ большими затрудненіями на двухъ возвышенностяхъ: на западной сторонѣ моста, по приказанію короля, былъ воздвигнутъ крѣпкій замокъ отличной работы. Въ этотъ-то монастырь онъ и собралъ монаховъ всякаго рода и помѣстилъ ихъ въ томъ мѣстѣ.

Сначала Альфредъ не имѣлъ никого, кто хотѣлъ бы добровольно поступить въ монастырь; ни благородные, ни свободные люди изъ его народа не обнаруживали подобныхъ побужденій, кромѣ дѣтей, которыя, по нѣжности своего слабаго возраста не могутъ ни рѣшиться на доброе, ни отказаться отъ зла. Дѣйствительно, въ теченіе

многихъ протекшихъ годовъ, этотъ народъ, какъ и многіе другіе, рѣшительно не выражалъ наклонности къ монашеской жизни; не смотря на то, что въ этой странѣ было настроено множество монастырей, но въ нихъ не было устроено никакого порядка жизни, не знаю почему, можетъ быть вслѣдствіе вторженій чужеземцевъ, которые безпрерывно враждовали и съ суши, и съ моря, а можетъ быть и по чрезвычайному обилію всякихъ богатствъ въ томъ народѣ—я думаю, что именно по этой причинѣ и было отвращеніе у того народа къ монашеской жизни; вслѣдствіе того, Альфредъ заботился набрать для того монастыря монаховъ всякого рода.

Первоначально, онъ поставилъ аббатомъ Іоанна, священника и монаха, изъ рода древнихъ саксовъ (Ealdsaxonum); потомъ, набралъ за моремъ священниковъ и діаконовъ, но все же не въ такомъ количествѣ, какъ желалъ, а потому еще пригласилъ весьма многихъ изъ галловъ, изъ среды которыхъ онъ приказалъ обучать въ томъ монастырѣ дѣтей и впослѣдствіи облекать ихъ въ монашескія одѣянія. Я видѣлъ тамъ даже одного юношу въ монашескомъ облаченіи, воспитаннаго изъ среды язычниковъ, и онъ былъ не послѣдній изъ нихъ.

Въ этомъ же монастырѣ было однажды совершено преступленіе, которое мы предали бы, въ нѣмомъ молчаніи, полному забвенію, но это преступленіе слишкомъ для того возмутительно. Впрочемъ, и въ цѣломъ священномъ писаніи между подвигами праведныхъ передаются и дѣла нечестивцевъ, какъ при посѣвѣ, вмѣстѣ съ зерномъ, сѣются плевелы и сорная трава: а именно, добрыя дѣла для прославленія, послѣдованія и для соревнованія, и приверженцы ихъ считаются достойными всякихъ почестей; злыя же дѣла для осужденія, проклятія и избѣжанія, и послѣдователи ихъ преслѣдуются всякою ненавистью, презрѣніемъ и местью.

Случилось однажды, что какой-то священникъ и діаконъ, монахи изъ гальскаго племени, побужденные затаенною ненавистью, до того были раздражены въ душѣ противъ своего аббата, вышеупомянутаго Іоанна, что, по примѣру Іуды, рѣшились обмануть коварствомъ своего господина и предать его. Подкупивъ деньгами двухъ служителей того же гальскаго племени, они злостно научили его, въ ночное время, когда всѣ въ пріятномъ спокойствіи тѣла предаются глубокому сну, впустить ихъ въ церковь съ оружіемъ, и какъ обыкновенно, запереть за ними дверь; скрывшись такимъ образомъ, они сторожили приходъ аббата. По ихъ плану, когда аббатъ придетъ, втайнѣ отъ другихъ и одинъ, въ церковь, для молитвы и преклонитъ колѣни на землѣ предъ св. алтаремъ, они должны будутъ, бросившись на него, постараться убить, потомъ, вытащивъ его бездыханное тѣло изъ церкви, бросить его предъ дверями какой то непотребной женщины, какъ будто бы онъ былъ убитъ среди своего блудодѣянія. Таковы были ихъ замыслы; они хотѣли къ одному преступленію присоединить другое, какъ то сказано въ писаніи: „И будетъ послѣдній грѣхъ хуже перваго“.

Но божественное милосердіе, всегда содѣйствующее невиннымъ,

сдѣлало тщетнымъ большую часть ихъ замысла, такъ что не все такъ случилось, какъ они предполагали.

Когда весь преступный планъ былъ объясненъ во всѣхъ подробностяхъ преступными наставниками ихъ преступнымъ ученикамъ, разбойники, въ условленную ночь, разсчитывая на безнаказанность, заперлись въ церкви съ оружіемъ въ рукахъ и ожидали прихода аббата. Когда Іоаннъ, въ полночь, тайно отъ всѣхъ, вступилъ въ церковь для молитвы и преклонилъ колѣни предъ алтаремъ, тогда тѣ два разбойника, обнаживъ мечи, бросаются на него неожиданно и наносятъ тяжкія раны. Но онъ, всегда находчивый, хотя, какъ мы слышали о немъ отъ разсказчиковъ, и не совсѣмъ не умѣлъ владѣть мечемъ—онъ приготовлялъ себя къ лучшему призванію—но, услышавъ шаги разбойниковъ, онъ, прежде нежели успѣлъ разсмотрѣть ихъ, бросился впередъ имъ на встрѣчу, и до полученія раны сталъ кричать изъ всѣхъ силъ, называя ихъ дьяволами, а не людьми (онъ и не думалъ иначе, потому что не могъ ожидать, чтобы люди отважились на подобное). Однако, онъ былъ раненъ, прежде нежели явились его служители. Но они, разбуженные крикомъ, перепуганные именемъ дьявола, и не понимая, въ чемъ дѣло, сбѣжались къ дверямъ церкви вмѣстѣ съ тѣми служителями, которые, по примѣру Іуды, предали своего господина; но пока они вошли въ церковь, разбойники поспѣшно скрылись въ ближайшій подвалъ, оставивъ на мѣстѣ полуживого аббата. Поднявъ своего почтеннаго старшину, монахи съ рыданіями и плачемъ отнесли его домой: и тѣ коварные злодѣи плакали не менѣе невинныхъ. Но божеское милосердіе не попустило, чтобы такое преступленіе осталось безнаказаннымъ: разбойники, совершившіе то, и всѣ участвовавшіе въ преступленіи были схвачены, перевязаны и послѣ различныхъ пытокъ преданы позорной смерти. Разсказавъ это происшествіе, возвратимся къ начатому.

Тотъ же вышеупомянутый король приказалъ построить и другой монастырь, близъ восточныхъ воротъ Шефтсбьюри, какъ мѣсто убѣжища для монахинь; тамъ онъ поставилъ настоятельницею собственную дочь Этельгиву, дѣвушку, преданную Богу; вмѣстѣ съ нею въ томъ же монастырѣ поселились и многія другія благородныя монахини, обрекшія себя монастырской жизни для Бога. Оба монастыря (т.-е. какъ мужской, такъ и женскій) были щедро надѣлены Альфредомъ землями и всякаго рода богатствами.

Распорядившись такимъ образомъ, Альфредъ, по своему обычаю, продолжалъ разсуждать самъ съ собою, что могъ бы онъ еще сдѣлать для бо̀льшаго угожденія Богу; не тщетно было это задумано: король напалъ на полезную мысль, и еще полезнѣе было ея осуществленіе, потому что и въ писаніи, онъ читалъ, сказано: Господь обѣщалъ воздать многократно за десятину, ему приносимую, и исполнилъ обѣщанное и многократно воздалъ за десятину. Побуждаемый такимъ примѣромъ и, желая превзойти предковъ, Альфредъ обѣщалъ отъ чистаго сердца посвятить Богу половину своей службы, а именно въ дневное и ночное время, и половину всѣхъ богатствъ, которыя онъ ежегодно получалъ со всею умѣренностью и справедливостью. Все это было имъ исполнено съ точностью и благора-

зуміемъ, какихъ только можно ожидать отъ человѣческаго приговора. Но опасаясь того, отъ чего предостерегаетъ одно мѣсто писанія: „Если справедливо предлагаешь, но несправедливо раздѣляешь, то грѣшишь“, король подумалъ, какъ бы онъ могъ справедливо отдѣлить ту часть, которую онъ посвятилъ Богу. По словамъ же Соломона, „сердце царя въ рукѣ Господа“, то есть, его намѣренія: по вдохновенію свыше, Альфредъ приказалъ своимъ министрамъ раздѣлить прежде всего весь годовый доходъ на двѣ равныя части.

Послѣ такого раздѣленія, онъ назначилъ первую половину для свѣтскихъ дѣлъ и распорядился подраздѣлить ее на три части: первая часть шла на годовое жалованіе войску, его министрамъ и благороднымъ, которые дежурили въ королевскихъ палатахъ, отправляя различныя обязанности. Для послѣднихъ было три смѣны, потому что королевскіе тѣлохранители весьма благоразумно раздѣлялись на три отряда; первый отрядъ, служа днемъ и ночью, оставался въ королевскихъ палатахъ одинъ мѣсяцъ, и по окончаніи этого времени, когда приходилъ второй отрядъ, первый возвращался домой, гдѣ каждый могъ заняться въ теченіи двухъ мѣсяцевъ собственными дѣлами. По истеченіи мѣсяца, когда приходилъ третій отрядъ, второй возвращался на два мѣсяца. Но и третій отрядъ, по окончаніи мѣсячнаго срока службы и по прибытіи перваго отряда, уходилъ домой и оставался тамъ два мѣсяца. На этомъ порядкѣ основано круговращеніе всѣхъ дѣлъ по управленію и устройству королевскаго двора.

Такимъ образомъ, расходовалась первая часть изъ трехъ вышесказанныхъ, но всякій получалъ по мѣрѣ своихъ достоинствъ и сообразно своей службѣ. Вторая часть назначалась мастерамъ, которыхъ онъ собиралъ у всѣхъ народовъ въ безчисленномъ количествѣ, и которые отлично знали строительное искусство. Наконецъ, третья часть предназначалась странникамъ, стекавшимся къ нему отвсюду, издалека и изъ сосѣднихъ мѣстъ, какъ тѣмъ, которые искали денегъ, такъ и тѣмъ, которые не просили, но всякому давалось сообразно его достоинству и съ удивительною и похвальною щедростью, и, какъ то сказано въ писаніи: „Охотнаго дателя любитъ Богъ“, давалось отъ всего сердца.

Другую же половину всѣхъ своихъ доходовъ, ежегодно собираемыхъ со всякаго рода сборовъ и стекавшихся въ казну, какъ мы сказали выше, онъ со всею преданностью посвятилъ Богу, и приказалъ своимъ министрамъ раздѣлить ее тщательно на 4 части, съ тѣмъ условіемъ, чтобы первая часть изъ этого дѣленія была роздана бѣднымъ всѣхъ націй, стекавшихся къ нему, но съ большимъ разборомъ; для предостереженія же отъ неразборчивости, онъ напоминалъ держаться правила св. папы Григорія, который, разсуждая объ осмотрительности при раздачѣ милостыни, выразился такъ: „Не дай мало, кому нужно много, ни много, кому мало; не дай кому нибудь ничего, кому слѣдуетъ что нибудь, и не дай чего нибудь, кому не слѣдуетъ давать ничего“ (Nec parvum cui multum, nec multum cui parvum; nec nihil cui aliquid, nec aliquid cui nihile). Вторая часть предназначалась для тѣхъ двухъ монастырей, которые были построены

по его приказанію, и о которыхъ мы говорили выше подробнѣе. Третья часть шла на школу, которую онъ съ большимъ усердіемъ образовалъ изъ благородныхъ въ своемъ собственномъ народѣ. Наконецъ, четвертая часть—на ближайшіе монастыри во всей Саксоніи (т.-е. нынѣ Англіи) и Мерсіи, а по временамъ на церкви и служителей божіихъ, обитавшихъ въ нихъ, въ Британіи (т.-е. нын. Валлисѣ) и Корнваллисѣ, Галліи, Арморикѣ, Нортумберландѣ, а иногда даже и въ Ирландіи, соблюдая при этомъ очередь; онъ отдѣлялъ ихъ по мѣрѣ возможности или впередъ, или предполагая сдѣлать то на будущее время, если будетъ живъ и здоровъ.

Распредѣливъ все въ такомъ порядкѣ, король не забывалъ, однако, того изреченія св. писанія, гдѣ сказано: „Кто хочетъ дать милостыню, долженъ начать съ самого себя". Потому онъ весьма основательно подумалъ о томъ, какимъ образомъ посвятить Богу дѣятельность своего тѣла и духа; онъ не хотѣлъ сдѣлать и въ этомъ отношеніи жертвы, меньшей той, которую онъ принесъ Богу изъ матеріальныхъ благъ. Такимъ образомъ, онъ далъ обѣтъ посвятить Богу также половину своего тѣла и духа, насколько то позволятъ его немощи и средства, и притомъ какъ днемъ, такъ и ночью, отъ всѣхъ своихъ силъ. Но такъ онъ не могъ хорошо различать часовъ въ ночное время, вслѣдствіе мрака, а днемъ, по случаю частыхъ проливныхъ дождей и тумановъ, то онъ началъ думать, какое средство можно было бы изобрѣсти для того, чтобы выполнять съ точностью и безъ малѣйшаго сомнѣнія тотъ обѣтъ, который онъ желалъ бы, опираясь на милосердіе Божіе, сохранить неизмѣнно до самой смерти (т.-е. чтобы ни больше и не меньше половины часовъ дня и ночи посвящать себя на служеніе Богу).

Размышляя довольно долгое время о томъ, король напалъ на полезную и остроумную мысль, и приказалъ своимъ капелланамъ принести воску въ достаточномъ количествѣ. По его словамъ, воскъ взвѣсили, на вѣсахъ при помощи денаріевъ [1]); когда же количество воску достигло тяжести 72 денаріевъ, онъ распорядился, чтобы капелланы, раздѣливъ всю массу на равныя части, приготовили 6 свѣчей и каждая свѣча должна была по своей длинѣ подраздѣлиться чертами на 12 частей, каждая величиною въ суставъ большого пальца. Вслѣдствіе этого изобрѣтенія, тѣ шесть свѣчей, когда онѣ были зажжены, горѣли неугасимо 24 часа предъ святыми останками тѣхъ избранниковъ божіихъ, которые постоянно и повсюду его сопровождали. Но случалось, что иногда свѣчи, горя цѣлый день и ночь, не могли догорать до того самаго часа, когда онѣ были зажжены наканунѣ, именно потому, что и днемъ, и ночью на нихъ дулъ сильный вѣтръ, прорывавшійся въ окна и двери церквей, въ простѣнки, въ доски, въ щели стѣнъ, или на походѣ сквозь полотно

---

[1]) Въ статутѣ Эдуарда I, короля Англіи (XIII стол.) *денарій* опредѣлялся слѣдующимъ образомъ: „Въ Англіи денарій, называемый круглымъ стерлингомъ (sterlingus rotundus), безъ обрѣза, вѣситъ 32 хлѣбныхъ зерна, средней величины; 30 денаріевъ составляютъ унцію, а 12 унцій одинъ фунтъ". См. Glossar. Ducange: *Denarius*.

палатки. Противъ этого, чтобы воспрепятствовать вѣтру, онъ придумалъ весьма остроумно и находчиво новое средство, а именно, приказалъ устроить изъ дерева и бычачьихъ роговъ весьма красивые фонари. Бѣлые бычачьи рога, соскобленные до тонкой пластинки просвѣчиваютъ не хуже стекляннаго сосуда, и изъ приготовленныхъ такимъ образомъ роговъ и дерева, какъ мы сказали, были сдѣланы фонари; свѣча поставленная въ такой фонарь, горѣла и внутри и внѣ разливая одинаковый свѣтъ, безъ всякаго препятствія со стороны вѣтра, потому что онъ приказалъ и сверху фонаря сдѣлать крышку изъ такого же рога. Вслѣдствіе такого ухищренія, тѣ шесть свѣчей горѣли неугасимо 24 часа, и сгорали ни ранѣе одна другой, ни позже; когда же онѣ кончались, на мѣсто ихъ зажигали новыя свѣчи.

Устроивъ все въ такомъ строгомъ порядкѣ, сообразно своему желанію посвящать половину своей службы Богу, какъ данъ имъ былъ обѣтъ, онъ дѣлалъ даже больше, на сколько дозволяли ему то его немочь, силы и средства. На судѣ онъ являлся неутомимымъ изслѣдователемъ истины; особенно, когда дѣло касалось бѣдныхъ людей, онъ отдавалъ всего себя и днемъ, и ночью, на пользу ихъ, между прочими обязанностями настоящей жизни. Ибо въ цѣломъ его государствѣ, кромѣ его одного, бѣдные не находили для себя ни одного защитника, или весьма немногихъ, потому что сильные и знатные въ его королевствѣ, почти всѣ, стремились болѣе къ свѣтскимъ занятіямъ, нежели богоугоднымъ; притомъ каждый заботился въ дѣлахъ свѣтскихъ болѣе о личной, нежели объ общественной пользѣ.

Онъ обращалъ такое вниманіе на судъ ради пользы самихъ благородныхъ и неблагородныхъ, которые весьма часто, во время собранія графовъ и начальниковъ, ожесточенно ссорились между собою, такъ что почти никто изъ нихъ не признавалъ силы того, что́ было опредѣляемо графами и начальниками. Доведенные до такого упорнаго противодѣйствія, всѣ желали искать суда и короля, и обѣ стороны торопились осуществить свое намѣреніе. Но тѣ, которые чувствовали, что ихъ сторона не совсѣмъ правая, шли противъ воли и неохотно желали отправляться, хотя законъ и условія (lege et stipulatione) принуждали ихъ къ тому силою. Ибо всякій зналъ, что не будетъ никакой возможности скрыть предъ королемъ злыхъ умысловъ, что и неудивительно: король являлся самымъ добросовѣстнымъ изслѣдователемъ при произнесеніи приговоровъ, какъ и во всѣхъ другихъ обстоятельствахъ жизни. Почти во всѣхъ процессахъ, веденныхъ въ его государствѣ, во время его отсутствія, онъ тщательно изслѣдовалъ, каковы бы они ни были, справедливые или несправедливые. Если ему случалось замѣчать въ иныхъ приговорахъ какую нибудь неправду, онъ, или призвавъ самихъ судей къ себѣ, или чрезъ другихъ довѣренныхъ, кротко спрашивалъ, почему они судили несправедливо, по невѣжеству ли, или по недостатку доброй воли, а именно, по лицепріятію, или по страху, или изъ ненависти, или, наконецъ, по корысти. Наконецъ, если тѣ судьи признаются, что они судили такъ, а не иначе, потому что не пріобрѣли лучшихъ свѣденій въ своемъ дѣлѣ, тогда король, весьма умѣренно и кротко упре-

кая ихъ за неразуміе и невѣжество, говорилъ имъ: „Я весьма удивляюсь вашей смѣлости, когда вы, получивъ отъ Бога и отъ меня мѣсто и степень, какія даются только людямъ образованнымъ, пренебрегли своимъ образованіемъ и научными трудами. Потому вы должны или немедленно отказаться отъ своихъ мѣстъ, сопряженныхъ съ властью, или съ большимъ прилежаніемъ заняться науками для пріобрѣтенія мудрости; такова моя воля". Устрашенные такими угрозами, графы и другіе начальники обращались изо всѣхъ силъ къ изученію науки правды, такъ что, къ величайшему удивленію, графы, начальники и министры, почти всѣ безграмотные съ дѣтства, занялись науками; они предпочитали прилежно заняться непривычнымъ дѣломъ, нежели отказаться отъ начальнической власти. Если же кто нибудь, по старости, или по заматерелости своего ума, не могъ справиться съ научными занятіями, то онъ бралъ сына, если имѣлъ, или какого нибудь родственника, а если не случалось и такого, то своего вольноотпущенника или раба, и, обучивъ его заранѣе чтенію, приказывалъ читать себѣ саксонскія книги, и днемъ, и ночью, какъ только было на то свободное время. Они соболѣзновали, тяжко воздыхая о томъ, что въ своей юности не предавались подобнымъ трудамъ, и считали счастливыми юношей своего времени, которые могли такъ успѣшно изучать науки (artes liberales); на себя же они смотрѣли, какъ на несчастныхъ, которыхъ въ молодости не обучали, и которые въ старости, не смотря на все ревностное желаніе, не могли научиться. Впрочемъ, я пустился въ такое длинное объясненіе, по поводу стремленія къ научнымъ занятіямъ, обнаруженнаго и стариками, и молодыми, съ цѣлью дать понятіе о вышеупомянутомъ королѣ [1]).

Годъ воплощенія господня 900. Альфредъ правдолюбивый, мужъ на войнѣ, повсюду, дѣятельный, король западныхъ саксовъ благороднѣйшій, благоразумный, богобоязненный и мудрѣйшій, въ этомъ году отошелъ къ жизни вѣчной, послѣ того какъ правилъ всею Англіею, исключая тѣхъ странъ, которыя были покорены датчанами (Dacis), ко всеобщему горю своихъ людей, за 7 дней предъ ноябрьскими календами (по наш. 25 окт.), въ 29 годъ съ половиною своего правленія, жизни же своей 51, индикта четвертаго. Его погребли съ королевскими почестями въ королевскомъ помѣстьѣ Винтоніѣ (Виндзорѣ), въ церкви св. Петра, князя апостоловъ; мавзолей же ему, какъ извѣстно, былъ сдѣланъ изъ драгоцѣннаго порфирнаго мрамора.

Епископъ Ассерій.

Annal. rer. gest. Aelfredi Magni. Ed. Wise.
Oxonii, 1722, 3 — 72 стр.

---

[1]) Этими словами кончается, или, лучше сказать, прерывается въ манускриптѣ сочиненіе Ассерія; послѣдующая за тѣмъ вставка о смерти Альфреда въ 900 г. сдѣлана впослѣдствіи чужою рукою какого нибудь монаха, которому досталась рукопись и который счелъ нужнымъ приложить заключеніе.

Ассерій (Asserius Menevensis, † 909 г.) принадлежалъ къ древней фамиліи бриттовъ; подробности его жизни извѣстны на столько, на сколько онъ самъ упоминаетъ о своемъ положеніи въ „Хроникѣ о дѣяніяхъ Альфреда В.“ (См. выше, на стр. 324). Въ 880 г. Альфредъ, собирая около себя, подобно Карлу В., ученыя знаменитости, призвалъ къ своему двору и Ассерія. Король одарилъ его и далъ ему епископство Шербурнъ. Въ 893 г. Ассерій представилъ Альфреду всю хронику, доведенную имъ до 887 г., за 14 лѣтъ до смерти короля.—*Изданія*: лучшее принадлежитъ *Wise* (Оксфордъ, 1722); оно повторено и въ Mon. hist. Britan. Lond. 1848. I, стр. 467—498. — *Переводы*: англійск. I. A. Giles, Six old english chronicles. Lond. 1848, стр. 41—86.—*Критика*: у *Pauli*, Koenig Aelfred und seine Stelle in d. Geschichte Englands. Berl. 1851.

25.—Мусульманская Испанія въ IX вѣкѣ.

(Въ 1861 г.)

Никогда еще дворъ султановъ испанскихъ не отличался такимъ блескомъ, какъ въ царствованіе *Абдерама II* (или Абдеррахмана, 822—852 г.), сына и наслѣдника Гакама I [1]). Страстно полюбивъ удивительную расточительность калифовъ багдадскихъ, ихъ пышную жизнь и обстановку, этотъ монархъ окружилъ себя многочисленною свитою, украсилъ свою столицу, построилъ стоившіе большихъ издержекъ мосты, мечети, дворцы, и развелъ обширные и великолѣпные сады, въ которыхъ водопроводы замѣняли горные ручьи. Онъ любилъ занятія поэзіею, и если стихи, которые онъ выдавалъ подъ своимъ именемъ, не всегда принадлежали ему, за то онъ щедро награждалъ поэтовъ, оказывавшихъ ему пособіе. Вообще, онъ былъ мягокъ и снисходителенъ до слабости. Такъ, онъ оставлялъ безъ наказанія слугъ, воровавшихъ даже въ его собственныхъ глазахъ. Во всю свою жизнь, онъ добровольно подчинялся, по-очереди, господству факира, музыканта, женщины и евнуха.

Тотъ факиръ былъ *Яіа* (Iahya), родомъ варваріецъ, отличившійся еще прежде, какъ главный зачинщикъ народнаго бунта, обнаруживавшагося въ городскомъ предмѣстьи. Неудача этого покушенія убѣдила его въ томъ, что онъ вступилъ на ложную дорогу; онъ понялъ тогда, что, для пріобрѣтенія власти, мусульманское духовенство, вмѣсто вражды къ калифу, должно показывать ему преданность и искать въ немъ точку опоры для себя. Хотя его горячая и необузданная натура трудно ладила съ ролью, принятою имъ на себя, тѣмъ

---

[1]) Первые калифы отъ основанія Кордовскаго Калифата съ половины VIII и въ теченіи IX вѣка: Абдерамъ I (756—788), Гакамъ I (788—822), *Абдерамъ II* (822—852), Мугаммедъ I (852—886), Аль-Мусиръ (886—889), Абдаллахъ (889—912). Всю первую половину X вѣка занимаетъ правленіе сына послѣдняго, Абдерама III (912—961).

не менѣе, его безцеремонность, грубая откровенность и дикія выходки мало вредили ему во мнѣніи снисходительнаго Абдерама, который, помимо своего философскаго настроенія, былъ весьма набоженъ, и принималъ вольности надменнаго ученаго за порывы добродѣтельнаго негодованія. Онъ терпѣливо переносилъ его смѣлыя и подъ-часъ дерзкія рѣчи, кротко подчинялся суровымъ наказаніямъ, налагаемымъ на него этимъ опекуномъ, и склонялъ голову передъ властію религіозной трибуны, предоставляя ей не только управленіе духовными дѣлами, но и судебныя опредѣленія. Пользуясь уваженіемъ калифа, находя поддержку въ большой части факировъ и въ среднемъ сословіи, которое его боялось, въ простомъ народѣ, котораго дѣло, со времени бунта, было съ нимъ общее, наконецъ—имѣя своими сторонниками извѣстныхъ поэтовъ, классъ людей, котораго заступничествомъ никто не пренебрегалъ, Ягіа пріобрѣлъ безграничную власть. При всемъ томъ, онъ не имѣлъ никакой должности, не занималъ никакого оффиціальнаго положенія въ обществѣ, и если всѣмъ управлялъ, то причиною того была единственно слава его имени. Будучи деспотомъ въ глубинѣ души, Ягіа, не смотря на то, что прежде порицалъ деспотизмъ, предался ему безъ зазрѣнія совѣсти самъ, лишь только представлялся тому благопріятный случай. Судьи, желая удержать свои мѣста, дѣлались слѣпыми орудіями его повелѣній. Калифъ, у котораго по временамъ являлась прихоть освободиться изъ-подъ вліянія, какое присвоилъ себѣ надъ нимъ Ягіа, долженъ былъ впослѣдствіи давать ему неудобоисполнимыя обѣщанія, чтобы только склонить его снова на свою сторону. Всякаго, имѣвшаго смѣлость сопротивляться, онъ подавлялъ; если же ему хотѣлось отдѣлаться отъ нелюбимаго имъ кади, то онъ обыкновенно обращался къ нему съ такою фразою: „подавай твою отставку“!

Вліяніе музыканта *Зиріаба* на Абдерама II было также велико, хотя оно происходило въ другой сферѣ. Зиріабъ былъ родомъ изъ Багдада. По происхожденію, кажется, персіянинъ и кліентъ калифовъ аббасидскихъ, онъ учился музыкѣ у знаменитаго пѣвца, Исаака Мосили. Однажды Гарунъ-аль-рашидъ спросилъ этого послѣдняго, не можетъ ли онъ представить ему какого нибудь новаго пѣвца. „У меня есть ученикъ, который поетъ довольно хорошо, благодаря полученнымъ имъ отъ меня урокамъ, отвѣчалъ Исаакъ, и я имѣю нѣкоторое основаніе думать, что онъ сдѣлаетъ мнѣ на этотъ разъ честь“.—„Скажи ему, чтобы явился ко мнѣ“, отвѣчалъ калифъ. Будучи представленъ монарху, Зиріабъ съ перваго разу пріобрѣлъ его уваженіе своими отличными манерами и тонкимъ обращеніемъ. Когда Гарунъ спросилъ Зиріаба о его артистическихъ познаніяхъ, то Зиріабъ отвѣчалъ: „я знаю то-же, что̀ и другіе знаютъ; но, кромѣ того, я умѣю пѣть такъ, какъ другіе не умѣютъ. Впрочемъ я примѣняю свою методу къ дѣлу только предъ такими опытными знатоками музыки, какъ ваше величество. Если ваше величество позволите, то я начну издавать такіе звуки, какіе не касались еще ни одного уха“. Калифъ позволилъ — и пѣвцу предложена была лютня его учителя. Но Зиріабъ отказался отъ нея, и потребовалъ лютню, изобрѣтенную имъ самимъ. „Почему ты отказываешься отъ лютни

Исаака", спросилъ его калифъ?—„Если вашему величеству желательно, чтобы я пропѣлъ что-нибудь по методѣ моего учителя, отвѣчалъ Зиріабъ, то я готовъ акомпанировать на его лютнѣ; но если вамъ угодно узнать методу, изобрѣтенную мною самимъ—въ такомъ случаѣ для меня необходима моя собственная лютня". Затѣмъ, Зиріабъ объяснилъ калифу, какимъ образомъ онъ сдѣлалъ свою лютню, и съигралъ на ней сложенную имъ пѣсню. Эта пѣсня была похвальная ода Гаруну, которою этотъ послѣдній до такой степени былъ очарованъ, что сталъ жестоко упрекать Исаака за то, что тотъ гораздо раньше не представилъ ему этого дивнаго пѣвца. Исаакъ извинялся тѣмъ—и это было справедливо—что Зиріабъ тщательно скрывалъ то, надъ чѣмъ работалъ его геній; но лишь только Исаакъ нашелъ случай остаться одинъ-на-одинъ съ своимъ ученикомъ, какъ обратился къ нему съ такою рѣчью: „Ты жестоко меня обманывалъ, скрывая отъ меня силу своего таланта. Теперь откровенно скажу тебѣ, что я ревную тебя: такъ вообще бываетъ съ артистами, что они, получивши одинаковое образованіе и уравнявшись другъ съ другомъ въ достоинствѣ, начинаютъ потомъ соперничать между собою. Ты привлекъ, сверхъ того, на свою сторону калифа, и, я увѣренъ, что скоро благосклонность, которою я пользуюсь у него, будетъ перенесена на тебя; а этого я не прощу никому, хотя бы то былъ родной сынъ, и только потому, что во мнѣ осталось еще чувство благорасположенности къ тебѣ, какъ моему ученику, потому только, я не рѣшаюсь убить тебя и поступить съ тобою такъ, какъ могъ бы...... Теперь предоставляю тебѣ выбирать одно изъ двухъ: или — уходи отсюда подальше, и дай слово, что я никогда не услышу болѣе рѣчей о тебѣ, и тогда я отпущу тебѣ на покрытіе твоихъ нуждъ денегъ столько, сколько тебѣ заблагоразсудится,—или оставайся, наперекоръ моему желанію, здѣсь, но предупреждаю тебя, что—въ послѣднемъ случаѣ—я подвергну риску тѣло и имущество, только бы погубить тебя. И такъ — выбирай"! Зиріабъ не затруднился въ выборѣ: онъ покинулъ Багдадъ, какъ только получилъ обѣщанныя ему Исаакомъ деньги. Немного спустя, калифъ снова приказалъ Исааку привести къ нему своего ученика. „Я очень скорблю, что не могу удовлетворить вашему желанію, отвѣчалъ ему музыкантъ; въ этомъ молодомъ человѣкѣ поселился бѣсъ; онъ разсказываетъ, будто бы геніи ведутъ съ нимъ бесѣду, и внушаютъ ему тѣ пѣсни, которыя онъ слагаетъ; онъ до того возгордился своимъ талантомъ, что мечтаетъ, будто равнаго ему нѣтъ въ цѣломъ мірѣ. Не получая отъ васъ ни награды, ни новаго приглашенія, онъ пришелъ къ той мысли, что вы не оцѣнили по достоинству его способностей: это взбѣсило его до того, что онъ поспѣшилъ уѣхать. Я не знаю, гдѣ онъ находится въ настоящее время, но, воздайте, государь, благодареніе Вѣчному за то, что этотъ человѣкъ исчезъ: съ нимъ случаются припадки бѣшенства, и въ эти минуты страшно бываетъ глядѣть на него". Калифъ, до крайности опечаленный отъѣздомъ молодого музыканта, подававшаго о себѣ такія большія надежды, удовлетворился, однакоже, доводами, которые представилъ ему Исаакъ. Въ словахъ стараго маэстро была нѣкоторая доля правды: во время сна Зиріабу дѣйствительно чу-

дилось, будто бы онъ слышитъ пѣніе геніевъ. Тогда онъ внезапно пробуждался, вскакивалъ съ постели, звалъ Жазлану и Гонаиду, двухъ молодыхъ женщинъ своего сераля; заставлялъ ихъ брать свои лютни, передавалъ имъ пѣсню, слышанную во снѣ, а самъ записывалъ слова. За всѣмъ тѣмъ—это не было сумасбродство: Исаакъ очень хорошо зналъ это. Въ самомъ дѣлѣ, какой истинный артистъ — вѣрующій ли то въ геніевъ, или невѣрующій — не испытывалъ этихъ минутъ душевнаго волненія, нелегко поддающагося какому нибудь опредѣленію, но которое, какъ кажется, заключаетъ въ себѣ нѣкоторую долю сверхъ-естественнаго?

Зиріабъ отправился на западъ съ цѣлію искать тамъ счастія. По прибытіи въ Африку, онъ, въ письмѣ къ Гакаму I, калифу Кордовскому, высказалъ свое желаніе остаться при дворѣ. Государь до того былъ очарованъ этимъ письмомъ, что въ своемъ отвѣтѣ на него умолялъ музыканта прибыть со всею свитою въ Кордову, пообѣщавъ ему при этомъ весьма значительное жалованье. Зиріабъ переплылъ Гибралтаръ съ своими женами и дѣтьми; но лишь только высадился у Алжезира, какъ получилъ извѣстіе, что Гакамъ умеръ. Разочарованный до крайности этою новостію, онъ уже порѣшилъ было возвратиться въ Африку, но еврейскій музыкантъ Мансуръ, посланный Гакамомъ ему на встрѣчу, отклонилъ Зиріаба отъ этого намѣренія, выставивъ ему на видъ, что Абдерамъ II любитъ музыку не меньше своего отца, и что, безъ сомнѣнія, онъ станетъ награждать со щедростію артистовъ. То, что случилось съ Зиріабомъ далѣе, доказало, что его не обманывали. Абдерамъ II, узнавъ о прибытіи Зиріаба, послалъ ему письмо съ просьбою поспѣшить пріѣздомъ къ его двору; вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ предписаніе правителямъ областей обходиться съ нимъ съ величайшею почтительностію, и вдобавокъ выслалъ къ нему на встрѣчу одного изъ главныхъ евнуховъ, ословъ и разные подарки. По пріѣздѣ къ Кордову, ему отведена была роскошная квартира. Послѣ утомительнаго путешествія калифъ назначилъ ему трехдневный отдыхъ; по окончаніи этого срока, Зиріабъ поспѣшилъ отправиться во дворецъ. Какъ только онъ явился къ султану, послѣдній началъ разговоръ относительно условій, на которыхъ онъ хотѣлъ удержать музыканта въ Кордовѣ. Условія были великолѣпныя: Зиріабу опредѣлена была пенсія, состоявшая изъ двухсотъ золотыхъ монетъ въ теченіе каждаго мѣсяца и четырехъ подарковъ въ годъ; положено было выдавать ему тысячу золотыхъ монетъ по случаю каждаго изъ двухъ великихъ мусульманскихъ праздниковъ, пятьсотъ въ Ивановъ день, и столько-же въ день новаго года; сверхъ того, онъ получалъ въ годъ 200 мѣръ ячменя и 100 пшеницы,—наконецъ, въ его владѣніе поступало извѣстное количество домовъ, полей и садовъ; въ общей сложности, это составляло капиталъ въ сорокъ тысячъ золотыхъ монетъ. Обезпечивши такъ богато судьбу музыканта, Абдерамъ уже послѣ того попросилъ его спѣть; когда Зиріабъ исполнилъ его желаніе, то калифъ до того увлеченъ былъ его удивительнымъ талантомъ, что не хотѣлъ уже слушать другого пѣвца. Вскорѣ онъ вступилъ съ нимъ въ самыя близкія отношенія; съ любовію бесѣдовалъ съ музыкантомъ объ исторіи, поэзіи и раз-

ныхъ наукахъ и искусствахъ, такъ какъ этотъ необыкновенный пѣвецъ обладалъ еще весьма обширными познаніями. Не говоря уже о томъ, что онъ былъ превосходный поэтъ и зналъ наизусть слова и пѣсни десяти тысячъ пѣвцовъ, онъ отличался еще познаніями астрономическими и этнографическими, и ничего не могло быть занимательнѣе его разсказовъ о различныхъ странахъ и нравахъ ихъ обитателей. Но то, что поражало въ немъ еще болѣе, чѣмъ обширная ученость— это его умъ, вкусъ и, въ высшей степени, изящныя манеры. Въ ловкости, съ какою онъ умѣлъ вести остроумную болтовню, въ тонкомъ чувствѣ изящнаго и удачномъ сужденіи обо всемъ, въ граціозности и кокетливости одежды, въ умѣньи устроить праздникъ или обѣдъ— во всемъ этомъ—онъ былъ рѣшительно неподражаемъ. Вотъ почему на него смотрѣли, какъ на перваго человѣка, какъ на образецъ во всемъ, что касалось хорошаго тона, и въ этомъ отношеніи онъ дѣйствительно сталъ законодателемъ для испанскаго араба. Сдѣланныя имъ нововведенія были смѣлы и многочисленны; онъ, можно сказать, произвелъ рѣшительную революцію въ нравахъ и обычаяхъ страны. До него носили волосы длинные, съ проборомъ на лбу; для сервиза употреблялись золотыя или серебряныя вазы и льняныя скатерти; при немъ волосы стали стричь въ кружокъ, а на столахъ появились вазы изъ стекла и скатерти изъ кожи: такъ хотѣлъ Зиріабъ. Для каждаго сезона онъ предписывалъ особенную форму платья, и внушилъ испанскимъ арабамъ, что спаржа, о которой они до тѣхъ поръ не имѣли понятія, составляетъ самое лучшее кушанье: многія изъ блюдъ, изобрѣтенныхъ имъ, удержали его имя; вообще его брали за образецъ даже въ малѣйшихъ подробностяхъ великосвѣтской жизни, и, въ силу судьбы, быть можетъ, единственной въ лѣтописяхъ міра, имя этого очаровательнаго эпикурейца пользовалось извѣстностію до послѣднихъ временъ владычества мусульманъ въ Испаніи, на-ряду съ именами знаменитыхъ ученыхъ, великихъ поэтовъ, полководцевъ, министровъ и королей.

Впрочемъ, хотя Зиріабъ пріобрѣлъ большую власть надъ Абдерамомъ, и народъ обращался предварительно къ нему съ своими просьбами, когда хотѣлъ довести ихъ до калифа, но въ дѣлахъ пополитическихъ Зиріабъ мало принималъ участія. Онъ слишкомъ любилъ жизнь для того, чтобы терять время на толки о государственныхъ дѣлахъ; составлять интриги, или вести переговоры, среди праздничныхъ удовольствій—все это считалось у него признакомъ чрезвычайно дурного тона: занятія подобными дѣлами онъ предоставлялъ женѣ калифа Таруби и евнуху Насру. *Тарубъ* имѣла натуру эгоистическую и черствую, способную къ интригамъ и снѣдаемую ненасытною жаждою золота. Она продавала своему мужу не любовь свою — подобныя женщины чужды ея—но обладаніе собою: то за какое нибудь баснословной цѣны ожерелье, то за мѣшки золота, которые калифъ ставилъ у ея двери, она соглашалась отворить ее. Безсердечная, скупая и хитрая, она вошла въ дружбу съ человѣкомъ, составлявшимъ совершенное ея подобіе: это былъ вѣроломный и жестокій Насръ. Сынъ испанца, неумѣвшій даже гово-

рить по-арабски, этотъ евнухъ ненавидѣлъ истинно-благочестивыхъ христіанъ, какъ только то можетъ вѣроотступникъ.

Въ такомъ положеніи находился дворъ въ ту эпоху. Что же касается до страны, то она была далеко не спокойна. Въ провинціи Мурсіи происходила война между Іеменитами и Маадритами, продолжавшаяся семь лѣтъ. Въ Меридѣ были постоянныя волненія: христіане этого города вступали въ сношенія съ Людовикомъ Благочестивымъ и заключали съ нимъ союзы. Толеда также бунтовалась, и по сосѣдству этого города совершалась настоящая рѣзня.

Вскорѣ послѣ завоеванія (711 г.), толедцы успѣли уже возвратить себѣ утраченную независимость и разрушили закокъ Амру. Для того, чтобы вновь завладѣть этою добычею, Гакамъ I употребилъ новую хитрость. Выѣхавъ изъ Кордовы подъ предлогомъ произвести набѣгъ на Каталонію, онъ расположился лагеремъ въ области Мурсіи. Извѣщенный потомъ своими шпіонами, что толедцы такъ мало заняты мыслію объ опасности, что забыли даже запереть на ночь ворота своего города, онъ мгновенно очутился передъ воротами, и найдя ихъ открытыми, овладѣлъ городомъ, не употребивъ въ дѣло меча. Затѣмъ, онъ предалъ огню всѣ дома въ лучшей части города; въ числѣ сгорѣвшихъ оказался и домъ молодого ренегата, по имени Гашима. Этотъ человѣкъ пришелъ въ Кордову совершеннымъ бѣднякомъ, и для пріобрѣтенія средствъ къ жизни, поступилъ въ кузнецы. Потомъ сгарая жаждою мщенія за свои личныя оскорбленія, а также своихъ согражданъ, онъ образовалъ заговоръ въ средѣ рабочаго класса Толеды, и оставилъ Кордову съ тѣмъ, чтобы возвратиться въ свой родной городъ, гдѣ онъ сталъ во главѣ черни, изгнавшей солдатъ и партизановъ Абдерама II (829). Затѣмъ, Гашимъ прошелъ всю страну съ своею шайкою, грабя и сожигая города, населенные арабами и варварійцами. Съ каждымъ днемъ эта шайка становилась все болѣе грозною: работники, поселяне, рабы, искатели приключеній разнаго рода со всѣхъ сторонъ стекались, чтобы присоединиться къ ней. По приказанію Абдерама, пограничный правитель Мухамедъ-ибнъ-Вазимъ выступилъ съ войскомъ противъ этихъ разбойниковъ, но принужденъ былъ отступить, а „кузнецъ“, между тѣмъ, впродолженіе цѣлаго года, продолжалъ свои неистовыя опустошенія. Наконецъ, правитель, получившій подкрѣпленіе, а вмѣстѣ съ нимъ строгій выговоръ отъ калифа за свою оплошность, снова сдѣлалъ наступательное движеніе, и на этотъ разъ съ бóльшимъ успѣхомъ. Послѣ прадолжительнаго сраженія, шайка, потерявшая своего вождя, была разсѣяна.

Впрочемъ Толеда сохранила свою свободу. Въ 834 году, по приказанію калифа, князь Омай осадилъ городъ; но толедцы храбро отразили приступъ, такъ что Омайя, разоривъ одни окрестныя деревни, принужденъ былъ снять осаду и возвратиться въ Кордову. Толедцы, замѣтивъ удаленіе вооруженнаго непріятеля, вознамѣрились истребить его во время самаго отступленія, но Омайя оставилъ у Калатравы военный отрядъ подъ начальствомъ ренегата Мезара, который, узнавъ о намѣреніи толедцевъ, устроилъ имъ засаду. Настигнутые врасплохъ, толедцы потерпѣли страшное пораженіе. По

обычаю, солдаты принесли своему предводителю головы непріятелей, убитыхъ во время схватки; но въ сердцѣ ренегата не погасла еще любовь къ своей націи. При видѣ этихъ обезображенныхъ головъ, въ немъ проснулось патріотическое чувство, и онъ, горько упрекая себя за преданность къ притѣснителямъ отечества, умеръ спустя нѣсколько дней, отъ стыда и печали.

Не смотря на то, что калифъ время отъ времени безпокоилъ Толеду, но онъ былъ не въ состояніи поработить ее совершенно, пока въ ней царствовало согласіе. Къ несчастію, оно было непродолжительно. Намъ неизвѣстно, что̀ произошло въ городѣ въ то время, но что́ случилось прежде въ 873 году, заставляетъ подозрѣвать, что здѣсь возникло снова несогласіе между ренегатами и христіанами. Одинъ толедскій начальникъ, по имени Ибнъ-Моаджиръ, и, какъ кажется, ренегатъ, удалился съ своими партизанами изъ Толеды и предложилъ свои услуги правителю Калатравы, который охотно принялъ его предложеніе. Въ совѣтѣ эмигрантовъ рѣшено было опустошить и ослабить городъ, и князь Валидъ, братъ калифа, получилъ общее распоряженіе осадою. Годъ длилась осада и произвела уже въ городѣ много опустошеній, когда переговорщикъ, высланный арабскимъ предводителемъ, посовѣтовалъ толедцамъ сдаться, принявъ въ соображеніе то, что въ противномъ случаѣ ихъ принудятъ къ сдачи силою, и что, потому, лучше было бы для нихъ воспользоваться временемъ, когда они могутъ надѣяться на нѣкоторыя условія. Но толедцы отвергнули этотъ совѣтъ. Къ несчастію для нихъ, переговорщикъ, бывшій свидѣтелемъ ихъ храбрости и отваги, былъ также очевидцемъ ихъ неудачъ и слабости. Поэтому, возвратившись въ свой лагерь, онъ предложилъ штурмовать городъ. Дѣло окончилось взятіемъ Толеды приступомъ, послѣ того, какъ она уже восемь лѣтъ пользовалась полною независимостію (837 г.). Лѣтописцы не говорятъ намъ, какимъ образомъ калифъ обошелся съ жителями города, и упоминаютъ объ одномъ, что Абдерамъ потребовалъ выдачи заложниковъ и постройки вновь замка Амру.

Послѣдніе годы правленія Абдерама II были заняты возмущеніемъ христіанъ, которое вспыхнуло въ самой Кордовѣ и носило на себѣ совершенно особенный характеръ, рисующій вполнѣ отношеніе христіанскаго міра къ мусульманскому въ ту эпоху. Большая часть христіанъ и, притомъ самая образованная, не жаловалась на свою судьбу подъ властью мавровъ: ихъ не преслѣдовали, и они довольствовались тѣмъ. Многіе изъ нихъ служили въ арміи, занимали выгодныя мѣста при дворѣ или въ палатахъ знатныхъ арабовъ. Они подражали своимъ властелинамъ во всемъ, что́ видѣли у нихъ: содержали гаремы и предавались всѣмъ восточнымъ порокамъ. Пораженные блескомъ арабской литературы, христіане не уважали латынь и сами писали по-арабски. Одинъ изъ писателей того времени, Альваро, истинный патріотъ, горько жаловался на своихъ единовѣрцевъ: „Они предпочитаютъ, говорилъ онъ, поэмы и романы арабовъ, изучаютъ богослововъ и философовъ мусульманскихъ не съ цѣлью опровергать ихъ, но пріобрѣсть хорошіе обороты арабской рѣчи. Гдѣ теперь найти мірянина, который читалъ бы латинскія

толкованія къ св. писанію? Кто читаетъ евангеліе, пророковъ и апостоловъ? Увы! всѣ юноши, болѣе способные, знаютъ одинъ арабскій языкъ, читаютъ только арабскія книги, образуютъ изъ нихъ библіотеки и вездѣ кричатъ о превосходствѣ арабской литературы. Заговорите съ ними о христіанскихъ книгахъ, они отзовутся о нихъ съ презрѣніемъ. Вотъ несчастіе! христіане забыли свой языкъ, и на тысячу не найдется одного, который могъ бы читать по-латыни съ своимъ другомъ"....

На половину обарабленные, христіане Кордовы хорошо уживались съ чужеземнымъ игомъ. Но чувство національнаго достоинства и уваженіе къ самому себѣ погасли не во всѣхъ. Оставалось нѣсколько великодушныхъ, которые презирали почестями при дворѣ и сожалѣли объ утраченной независимости. Въ особенности были недовольны лица духовныя, и во главѣ ихъ стоялъ писатель того времени, Евлогій, вступившій въ тѣсную дружбу съ Альваро. Но открытое возстаніе было невозможно, и христіане рѣшились на пассивное сопротивленіе, вынуждая противниковъ прибѣгать къ жестокимъ мѣрамъ, которыя увлекли бы, наконецъ, и умѣренныхъ христіанъ, а съ другой стороны, доводили бы мусульманъ до несправедливостей. Такъ и случилось. Въ Кордовѣ жилъ весьма скромный купецъ Іоаннъ, никогда не помышлявшій о мученичествѣ. Занятый своими оборотами, онъ дѣлалъ хорошія дѣла, и зная, что имя христіанина не составляетъ особенной рекомендаціи въ глазахъ мусульманъ, онъ имѣлъ обычай, оставаясь добрымъ христіаниномъ, въ тоже время при продажѣ товара клясться именемъ Магомета въ его доброкачественности: «Клянусь Магометомъ, это лучшаго сорта! Магометъ—порука, и да благословитъ его Аллахъ, вы ни у кого не найдете лучше»! вотъ его обыкновенныя восклицанія, и долгое время онъ въ томъ не раскаявался. Но его соперники по торговлѣ, завидуя его богатству, сказали ему однажды: „У тебя всегда на языкѣ имя пророка, чтобы тебя приняли за мусульманина; но это обидно, что ты клянешься имъ всякій разъ, именно когда хочешь обмануть. Дѣло дошло до кади, и Іоаннъ былъ жестоко наказанъ. Такія сцены начали повторяться часто, и въ два мѣсяца произошло 11 случаевъ смертной казни. Ревнители торжествовали; но умѣренные, опасаясь крайняго раздраженія мусульманъ, возстали противъ мученичества и говорили имъ: „Калифъ далъ намъ свободу исповѣданія и не тѣснитъ насъ; къ чему же служитъ фанатизмъ? Тѣ, кого вы называете мучениками, болѣе похожи на самоубійцъ, и ихъ дѣйствія основаны на чувствѣ гордости, источникѣ всѣхъ пороковъ. Если бы они знали хорошо евангеліе, то нашли бы тамъ мѣсто: „Любите вашихъ враговъ, и дѣлайте добро ненавидящимъ васъ". Вмѣсто того, чтобы проклинать Магомета, имъ слѣдовало бы помнить, что хулители не наслѣдуютъ царства небеснаго". Евлогій отвѣчалъ на это своимъ сочиненіемъ „Памятникъ святыхъ", которое призывало всѣхъ къ мученичеству. Правительство мусульманское, понимая хорошо, какъ бываютъ для толпы заразительны сцены казней, и видя оппозицію въ самихъ христіанахъ, и даже духовныхъ, рѣшилось созвать соборъ епископовъ, который долженъ былъ осудить мученичество; присутствовать на

этомъ соборѣ, вмѣсто самого калифа, было назначено христіанину Гомецу, состоявшему на службѣ у мусульманъ.

Предсѣдатель собора Реккафредъ, епископъ Севильи, открылъ засѣданіе. Гомецъ произнесъ рѣчь, въ которой просилъ епископовъ остановить несвоевременную ревность партіи дѣйствія, осудить ихъ не какъ святыхъ, но какъ людей, подвергающихъ даромъ опасности своихъ соотечественниковъ; онъ предложилъ епископамъ издать декретъ въ томъ смыслѣ, и отъ себя посадить въ темницу людей, которые бы возстали противъ соборнаго постановленія. Противъ этого предложенія возсталъ одинъ епископъ Кордовы, Саулъ; онъ принялъ сторону партіи дѣйствія не столько по убѣжденію, сколько изъ желанія заставить забыть свои прежніе поступки. Избранный духовенствомъ въ епископы, онъ не могъ долго получить утвержденія калифа, и обѣщалъ евнухамъ 400 золотыхъ монетъ изъ доходовъ будущаго епископства. Получивъ такимъ образомъ мѣсто, Саулъ старался загладить дурную славу о себѣ, принялъ сторону партіи дѣйствія, являлся во главѣ процессіи всякій разъ, когда христіане хоронили кого-нибудь изъ казненныхъ мусульманами, а теперь на соборѣ опровергалъ предложеніе Гомеца. Но другіе епископы не раздѣляли его мнѣнія и составили декретъ, если не осуждавшій мученичество, то запрещавшій добровольно ему подвергаться и искать его преднамѣренно. Глава же испанской церкви, архіепископъ Севильи, далъ обѣщаніе Гомецу строго преслѣдовать тѣхъ, которые будутъ возбуждать къ мученичеству. Дѣйствительно, по распоряженію собора, были арестованы Саулъ, Евлогій и многіе другіе; но черезъ пять дней ихъ выпустили, и Саулъ даже совершенно подчинился декрету. Остался противникомъ его одинъ Евлогій; начались новыя жертвы, и 15 сентября 852 г. казнили одного монаха вмѣстѣ съ юношею за то, что они вошли въ главную мечеть и громко, во всеуслышаніе, кричали: „Для вѣрныхъ настало царство небесное, а вы, невѣрные, будете поглощены адомъ“. Кади едва спасъ ихъ отъ ярости толпы, и казнилъ ихъ въ темницѣ.

Шесть дней спустя послѣ этого событія, внезапно скончался Абдерамъ II. Онъ оставилъ сына Абдаллаха отъ послѣдней жены Таруби, и отъ предъидущихъ 45, изъ которыхъ старшимъ былъ Мугаммедъ. Такъ какъ отецъ не сдѣлалъ никакого распоряженія, то евнухамъ предстояло рѣшить вопросъ о наслѣдствѣ, а претенденты еще ничего не знали о смерти отца. Дворецъ былъ накрѣпко запертъ, и евнухи начали свои совѣщанія. Приверженцы Таруби, подкупленные ею, приняли сторону Абдаллаха, и нашелся только одинъ, осмѣлившійся сказать, что развратная жизнь сына Таруби подвергнетъ опасности и евнуховъ, и всю власть мусульманъ въ Испаніи: „Я предлаю вамъ Мугаммеда, благочестиваго и безукоризненныхъ нравовъ“.—„Но онъ скупъ и строгъ, замѣтили евнухи.—„Но какъ же онъ могъ быть щедрымъ, отвѣчалъ имъ защитникъ, если у него до сихъ поръ ничего не было“. Евнухи избрали своимъ депутатомъ Садуна, бывшаго врагомъ Мугаммеда, чтобы примирить его съ нимъ. Ночь еще не кончилась; надобно было пройти на другую сторону города черезъ мостъ, гдѣ жилъ Мугаммедъ; но на мостъ нельзя бы-

ло попасть иначе, какъ черезъ дворъ Абдаллаха. Садунъ имѣлъ ключи отъ мостовыхъ воротъ, а чрезъ дворъ Абдаллаха пройти было легко, потому что у него еще не окончилась ночная пирушка. Евнухъ засталъ Абдаллаха въ ваннѣ и объявилъ ему избраніе; но тотъ, зная вражду Садуна, умолялъ пощадить его жизнь и давалъ слово удалиться изъ Испаніи. Наконецъ, Мугаммедъ увѣрился, и, въ женскомъ платьѣ подъ видомъ своей сестры, отправился во дворецъ калифовъ. Стража Абдаллаха была обманута тѣмъ, но привратникъ Абдерама II не впускалъ ихъ до тѣхъ поръ, пока своими глазами не удостовѣрился въ смерти калифа. Тогда только онъ открылъ дверь, и поцѣловавъ руку Мугаммеду, впустилъ его.

Мугаммедъ I (852—886) принялъ присягу отъ высшихъ сановниковъ, и позаботился о необходимыхъ мѣрахъ, чтобы предупредить всякое сопротивленіе со стороны своего брата. Когда первые лучи солнца освѣтили вершины Сьерра-Морены, столица узнала, что она имѣетъ другого повелителя.

Дози.

Hist. des Musulmans d'Espagne. Leyde. 1861. t. II, 87—157 стр.

О Дози и его сочиненіяхъ см. въ томѣ I, на стр. 397 и слѣд.

16.—О происхожденіи феодальной системы и ея основныя начала.

(Въ 1829 г.)

Феодальная эпоха, собственно говоря, обнимаетъ собою XI, XII и XIII столѣтія. Но прежде нежели познакомиться съ нею въ томъ окончательномъ видѣ, который она приняла въ эпоху своего полнаго развитія, намъ необходимо составить себѣ точное понятіе о происхожденіи феодализма, и прослѣдить его *поступательное* развитіе отъ V до X вѣка. Я не безъ намѣренія назвалъ его развитіе поступательнымъ: никакое великое дѣло, никакое общественное состояніе не выходитъ на свѣтъ внезапно и во всей своей цѣлости; развитіе ихъ всегда бываетъ медленное, постепенное: оно есть результатъ множества фактовъ изъ различныхъ эпохъ, различнаго происхожденія, которые видоизмѣняются и переплетаются другъ съ другомъ на тысячи способовъ, прежде нежели успѣютъ образовать что нибудь цѣлое, въ ясной систематической формѣ, съ опредѣленнымъ именемъ, и начать свою долгую жизнь.

Эта истина съ перваго взгляда кажется столько очевидною, что было бы излишне о ней напоминать, а между тѣмъ, ее часто забываютъ. Вообще, всякую историческую эпоху начинаютъ изучать уже тогда, когда она перестала существовать, и то или другое состояніе

общества изслѣдуется въ первый разъ только, когда оно совершенно исчезло. Такая эпоха, такое общественное состоянiе являются духу наблюдателя и историка въ своей цѣлости, въ своихъ законченныхъ формахъ. Потому историкъ легко поддается вѣрѣ, что наблюдаемое имъ всегда существовало такимъ образомъ; онъ невольно забываетъ, что то, чтó является предъ нимъ вдругъ во всемъ своемъ полномъ развитiи, имѣло также свое начало, росло и въ теченiи такого роста подвергалось тысячѣ видоизмѣненiй; а онъ хочетъ видѣть эти факты и ищетъ ихъ повсюду такими, какими ихъ позналъ и увидѣлъ въ моментъ наибольшей зрѣлости. Это обстоятельство породило тысячи заблужденiй, весьма важныхъ даже въ самой исторiи отдѣльныхъ людей, цѣлость которыхъ и опредѣленность гораздо болѣе велика и осязательна, нежели исторiя общества. Откуда взялось столько противорѣчiй и колебанiй въ сужденiяхъ относительно нравственнаго значенiя Магомета, Кромвеля, Наполеона? Откуда всѣ предположенiя о ихъ чистосердечiи и притворствѣ, ихъ эгоизмѣ и любви къ родинѣ? Все потому, что хотятъ въ нихъ видѣть вдругъ всѣ идеи, которыя развивались послѣдовательно; забываютъ, что эти люди, не теряя существеннаго единства въ образѣ своихъ дѣйствiй, много и безпрерывно измѣнялись, что съ превратностями ихъ внѣшнеи судьбы совпадали внутреннiе перевороты, незамѣтные для ихъ современниковъ, но тѣмъ не менѣе влiятельные и могущественные. Если бы можно было прослѣдить ихъ жизнь шагъ за шагомъ, отъ появленiя на свѣтъ до смерти, быть очевидцемъ скрытой работы ихъ нравственной природы среди вращенiя и дѣятельности практической жизни, тогда исчезли бы сами собой, или, по крайней мѣрѣ, ослабли тѣ противорѣчiя и запутанность во взглядахъ, которымъ удивляешься невольно; только тогда можно было бы ихъ понять и постигнуть во всемъ объемѣ истины.

Если такъ бываетъ съ исторiею недѣлимыхъ существъ, самыхъ простыхъ изъ всѣхъ, и жизнь которыхъ такъ коротка, то что же должно случиться съ исторiею цѣлыхъ обществъ, явленiй, весьма обширныхъ, сложныхъ и продолжающихся по цѣлымъ вѣкамъ! Тутъ всего опаснѣе не обратить вниманiя на разнообразiе источниковъ, сложность и медленность развитiя. Самый рѣзкiй примѣръ представляетъ въ этомъ отношенiи намъ вопросъ о феодализмѣ. Мы укажемъ только на однихъ французскихъ ученыхъ, и публицистовъ, Шантеро-Лефевръ, Сальвенъ, Брюссель, Буленвиллье, Дюбо, Мабли, Монтескье и др.; каждый изъ нихъ составилъ себѣ свою, отличную отъ другихъ, идею. А откуда произошло это различiе? Всѣ они хотѣли еще въ колыбели феодализма найти всѣ его начала въ цѣлости, какъ то было къ эпоху полнаго ихъ развитiя... Между тѣмъ, не должно забывать, что феодализмъ употребилъ цѣлыхъ пять вѣковъ для своего окончательнаго сформированiя, и что потому многочисленные его элементы, на этомъ длинномъ протяженiи времени, относятся къ различнымъ эпохамъ и имѣютъ весьма различные источники своего происхожденiя.

Для успѣшнаго рѣшенiя нашего вопроса необходимо: 1) опредѣлить съ точностью, изъ какихъ матерiаловъ и изъ какихъ суще-

ственныхъ основъ состоялъ тотъ общественный бытъ, который мы называемъ феодальнымъ, т. е. матеріаловъ, которые отличали бы его отъ всякаго другого быта; 2) прослѣдить эти матеріалы во всѣхъ ихъ послѣдовательныхъ реформахъ, или по-одиночкѣ, или въ различныхъ ихъ соприкосновеніяхъ и сочетаніяхъ, изъ которыхъ, по истеченіи пяти вѣковъ, вышелъ феодализмъ.

Существенный характеръ феодальнаго начала, по моему мнѣнію, можетъ быть приведенъ къ тремъ чертамъ: 1) *особое значеніе поземельной собственности*, собственности осязательной, полной, наслѣдственной, и въ то же время полученной отъ высшаго лица, налагающей на своего владѣтеля, подъ страхомъ ея лишенія, извѣстныя личныя обязательства, и далеко не представляющей той независимости, какою пользуется собственность въ настоящее время;—2) *тѣсное сліяніе понятія собственности съ понятіемъ о верховной власти*, т. е. приписываніе владѣтелю земли надъ ея обителями всѣхъ, или почти всѣхъ, правъ, совокупность которыхъ составляетъ верховную власть, принадлежащую въ наше время одному правительству, публичной силѣ; и 3) *стройный чинъ постановленій законодательныхъ, судебныхъ, военныхъ*, связующій между собою поземельныхъ владѣтелей и превращающій ихъ такимъ образомъ въ органическое общество. А потому и намъ предстоитъ изучить въ феодализмѣ: 1) исторію поземельной собственности, т. е. характеръ *земли*; 2) исторію верховной власти и условій общественнаго быта, т. е. характеръ *лица*; и 3) исторію всего политическаго быта, т. е. *учрежденій*.

I. *Земля*. Въ концѣ X вѣка, когда феодолизмъ сложился окончательно, поземельная феодальная собственность носила названіе *fief* (feodum, feudum). Брюссель, писатель полный здраваго смысла и научныхъ свѣденій, въ своемъ: Examen de l'usage général des Fiefs aux XI, XII, XIII et XIV siècles, говоритъ, что слово fief первоначально обозначало не самую землю, не матеріальное ея пространство, но то, что на языкѣ феодальномъ, называлось *mouvance de la terre*, т. е. зависимость земли, ея отношенія зависимости къ тому или другому сюзерену, верховному владѣтелю: „Такимъ образомъ, говоритъ онъ [1]), если король (французскій) Людовикъ-Юный засвидѣтельствовалъ хартіею 1167 года, что графъ Гейнрихъ Шампанскій, въ его присутствіи, уступилъ *fief* de Savegny (помѣстье Савеньи) епископу города Бове, то подъ этимъ должно разумѣть, что онъ возложилъ на этого епископа зависимость (mouvance) по помѣстью Савеньи; такъ что эта земля, до тѣхъ поръ принадлежавшая непосредственно графу Шампани, съ этой минуты только зависѣла отъ него, какъ arrière-fief, пра-фьевъ“ [2]). Я полагаю, Брюссель ошибся: невѣроятно, чтобы названіе феодальной собственности выражало первоначально одно качество, признакъ ея, а не самую вещь. Когда начали давать первые

[1]) Т. I, стр. 3.

[2]) Въ переводѣ западнаго выраженія arrière-fief, мы пользуемся нашимъ выраженіемъ степеней родства, потому что и во французскомъ языкѣ степени родства выражаются одинаково съ степенями феодальной зависимости: arrière-petit-fils, правнукъ.

поземельные участки, обратившіеся въ феодъ, то, безъ сомнѣнія, давали на одну власть надъ ними, но и самую землю. Впослѣдствіи, когда феодализмъ и его идеи пріобрѣли значительное развитіе и прочность, тогда только могли говорить о *mouvance*, о зависимости земли, данной одному другимъ, и выражать ее особеннымъ словомъ. Въ эту позднѣйшую эпоху сдѣлалось возможнымъ употребленіе слова *fief* вмѣсто *mouvance*, помимо самаго куска земли. Но не таково было значеніе первоначальное слова *feodum*; владѣніе и зависимость были, безъ сомнѣнія, слиты, какъ на дѣлѣ, такъ и на языкѣ. Какъ бы то ни было, самое выраженіе *feodum* встрѣчается довольно поздно въ историческихъ документахъ. Оно является въ первый разъ въ хартіи Карла III Толстаго, въ 884 году, и повторено три раза; почти въ ту же эпоху оно встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ. Происхожденіе этого слова не точно, и толкуется различно. По мнѣнію однихъ (такъ думаютъ по большей части французскіе юристы, и въ числѣ ихъ Кюжасъ), слово *feodum* латинскаго корня, происходитъ отъ *fides*, вѣрность, и обозначаетъ такую землю, владѣніе которой обязываетъ вѣрностью къ сюзерену. По другимъ, и особенно нѣмецкимъ писателямъ, *feodum*—германскаго корня, и происходитъ отъ двухъ древнихъ словъ, изъ которыхъ одно утрачено, а другое существуетъ во многихъ языкахъ и, главнымъ образомъ, въ англійскомъ: *fe*, *fee*—пожалованіе, награда, и *od*, собственность, имѣніе, владѣніе; такимъ образомъ, *feodum* есть жалованная собственность. Нѣмецкій корень слова мнѣ кажется болѣе правдоподобнымъ, нежели латинскій: во-первыхъ, по построенію самаго слова; во-вторыхъ, это слово, появившись на нашей территоріи, было принесено изъ Германіи; наконецъ, въ древнихъ памятникахъ латинскихъ этотъ родъ собственности носилъ и другое названіе—*beneficium* (пожалованіе). Это послѣднее выраженіе встрѣчается во всѣхъ историческихъ документахъ отъ V до X вѣка, и выражаетъ собою очевидно ту же собственность, которая съ конца IX вѣка получила названіе *feodum*. И послѣ того долгое время оба эти слова оставались синонимами; даже въ самой хартіи Карла III Толстаго и до хартіи императора Фридриха I, въ 1162 года, *feodum* и *beneficium* употребляются безразлично. Потому для изученія исторіи *феода* въ V и до IX ст. необходимо знать исторію *бенефиціи*; сказанное о послѣднихъ будетъ относиться и къ первымъ, потому что оба слова въ разныя эпохи выражаютъ собою одинъ и тотъ же фактъ.

Съ первыхъ годовъ нашей исторіи, немедленно послѣ вторженія и утвержденія германцевъ на галльской почвѣ, начали являться бенефиціи. Этотъ родъ поземельной собственности противополагался другому, называвшемуся *алодомъ* (alodium). Алодъ обозначалъ такую землю, которую владѣтель не получалъ ни отъ кого, и которая не налагала на него никакихъ обязанностей въ отношеніе кого либо. Есть причины думать, что первыми алодами были тѣ земли, которыя присвоивались въ различныхъ формахъ, безъ всякаго систематическаго раздѣленія, германскими побѣдителями, франками, бургундами или визиготами. Такого рода земли были вполнѣ независимы: ихъ получали, вслѣдствіе побѣды, по жребію, но не отъ предводителя, и

называли *alod*, т. е. *lot* (нов. нѣм. Loos), жребій, по толкованію однихъ, а по другимъ *al od*, т.-е. независимая собственность. Напротивъ, слово *beneficium* (благодѣяніе) обозначало, какъ то видно изъ этимологіи, землю, полученную отъ предводителя, въ качествѣ вознагражденія, пожалованія, и которая потому налагала на получившаго извѣстныя обязанности, извѣстную службу по отношенію къ послѣднему. Извѣстно, что германскіе предводители для привлеченія къ себѣ дружинниковъ дарили имъ оружіе, лошадей, кормили ихъ и содержали. За этими подарками изъ движимой собственности послѣдовали даренія землею, или, по крайней мѣрѣ, присоединились къ первымъ. Но это должно было, и, на самомъ дѣлѣ, произвело важную перемѣну въ отношеніяхъ предводителя къ членамъ своей дружины. Подарки оружіемъ, лошадями, пиршества, удерживали дружинниковъ около предводителя въ общей всѣмъ жизни. Напротивъ, даренія землею сдѣлались причиною неизбѣжнаго раздѣленія между ними. Изъ числа людей, которымъ предводитель далъ бенефиціи, многіе получили скоро желаніе идти для утвержденія въ свои земли, жить въ своемъ владѣніи и образовать около себя центръ маленькаго общества. Такъ, по одной своей природѣ, новый способъ предводителей награждать дружину разсѣялъ ее и измѣнилъ всѣ общественныя формы и основы.

Но этотъ новый способъ повлекъ за собою и другіе результаты: количество оружія, лошадей, вообще всякой движимости, которую могъ раздавать предводитель, не было ограничено; это было дѣломъ грабежа, и новый набѣгъ приносилъ новыя средства къ раздачѣ. Но другое представляетъ поземельная собственность: конечно, римская имперія была велика, чтобы скоро раздѣлить ее, но тѣмъ не менѣе это—не неизсякаемый источникъ, и когда предводитель одинъ разъ роздалъ землю, у него не оставалось ничего для привлеченія новыхъ сподвижниковъ, если онъ не хотѣлъ возобновить жизнь номада, перемѣнять безпрестанно жительство и родину, и отъ чего германцы стали уже отвыкать. Это обстоятельство произвело двоякаго рода факты, видимые повсюду, отъ V до IX вѣка: съ одной стороны, раздаватели бенефицій употребляютъ усилія къ возвращенію ихъ всякій разъ, когда находятъ то удобнымъ, чтобы имѣть средства для пріобрѣтенія новыхъ сподвижниковъ; съ другой стороны, бенефиціалы заботятся о томъ, чтобы утвердить за собою полное и неотмѣняемое владѣніе землею, и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы снять съ себя обязательство по отношенію тѣхъ, отъ кого получены земли, и съ кѣмъ они не живутъ болѣе и не раздѣляютъ своей судьбы. Слѣдствіемъ такихъ двухъ противоположныхъ усилій было постоянное колебаніе въ характерѣ самой поземельной собственности: одни отнимаютъ ее, другіе удерживаютъ силою, и обѣ стороны обвиняютъ другъ друга въ злоупотребленіяхъ. Таковъ былъ фактъ, но въ чемъ состояло право? въ какую законную форму облеклись бенефиціи и самая связь между давшимъ и получившимъ бенефицію?

Вотъ взглядъ большей части историковъ-публицистовъ, въ особенности Монтескье, Робертсона и Мабли. Бенефиціи, полагаютъ они, были: 1) совершенно временныя, и давшій могъ потребовать ихъ

назадъ, когда бы захотѣлъ; 2) срочныя, уступленныя на опредѣленное время, на одинъ годъ, пять, десять лѣтъ; 3) пожизненныя, данныя на время жизни бенефиціала; наконецъ, 4) наслѣдственныя. Произволъ давшаго, срокъ, пожизненность и наслѣдственность, вотъ, по ихъ мнѣнію, четыре состоянія, чрезъ которыя прошли бенефиціи отъ V до X вѣка; таково было поступательное развитіе факта, начиная отъ эпохи завоеванія до окончательнаго утвержденія феодализма. Но я думаю, что такой взглядъ будетъ опровергнутъ и свидѣтельствами исторіи и нравственнымъ вѣроятіемъ.....

Даже въ IX вѣкѣ, когда по той теоріи, бенефиціи сдѣлались наслѣдственными, эта ихъ наслѣдственность не была еще очевиднымъ правомъ и подвергалась сомнѣнію. Вотъ примѣръ, который покажетъ намъ, каково было въ ту эпоху настроеніе умовъ относительно этого вопроса: въ 795 г., Карлъ В. далъ какому-то Іоанну, побѣдившему сарацинъ въ барселонскомъ графствѣ, помѣстье, называемое Fontes, близъ Нарбоны, „съ тѣмъ чтобы Іоаннъ и его *потомство* пользовались имъ безпрепятственно, пока сохранятъ вѣрность намъ и нашимъ дѣтямъ“. Въ 814 г., Карлъ В. умираетъ, въ 815 г., тотъ же Іоаннъ является къ Людовику Благочестивому, по поводу полученнаго имъ въ наслѣдственное пользованіе помѣстья, и проситъ объ утвержденіи; Людовикъ утверждаетъ и увеличиваетъ его владѣнія, „съ тѣмъ чтобы Іоаннъ, его *сыновья* и ихъ *потомство* владѣли въ силу нашего пожалованія“. Въ 840 г., императоръ Людовикъ и бенефиціалъ Іоаннъ умираютъ оба; Теутфридъ, сынъ Іоанна, является къ Карлу Лысому, сыну Людовика, по поводу двухъ пожалованій, проситъ снова утвердить ихъ, и Карлъ снова соглашается: „съ тѣмъ чтобы ты и твое *потомство* владѣли безпрепятственно“. Такимъ образомъ, не смотря на наслѣдственность владѣнія, всякій разъ когда умиралъ давшій или получившій, владѣтель бенефиціи считалъ себя обязаннымъ искать новаго утвержденія на собственность, до того первоначальная идея личныхъ отношеній и вытекавшихъ изъ нея правъ была глубоко врѣзана въ умы людей того времени.......

Изъ этого видно, что тѣ четыре состоянія бенефицій не слѣдовали другъ за другомъ, но встрѣчались всѣ вмѣстѣ въ каждую эпоху. Истинный характеръ перехода бенефицій въ феоды, какъ то можно вывести изъ памятниковъ, состоитъ въ томъ что постоянное стремленіе къ наслѣдственности восторжествовало наконецъ надъ прежними пожалованіями.

Когда совершился этотъ переходъ и бенефиціальная собственность сдѣлалась наконецъ неотъемлемою и наслѣдственною, она сдѣлалась въ тоже время и повсемѣстною, то есть всякая другая собственность принимала эту же самую форму. Какъ мы сказали выше, первоначально существовало большое число *алодовъ*, то есть, собственностей, совершенно независимыхъ, которыя не получались ни отъ кого и ни предъ кѣмъ не обязывали. Отъ V до X вѣка, алодіальная собственность не исчезла совершенно, но уменьшалась все болѣе и болѣе, и бенефиціальныя условія начали распространяться на всякую поземельную собственность. Вотъ главныя причины того.

Не надобно думать, что варвары, овладѣвъ римскимъ міромъ,

раздѣлили его территорію на участки, болѣе или менѣе значительные, и что каждый, взявъ свою часть, утвердился въ ней. Ничего подобнаго не случилось. Предводители, какъ люди съ бо́льшимъ значеніемъ, усвоивали себѣ бо́льшее количество земель, и главная часть ихъ сподвижниковъ, ихъ людей, продолжала жить около нихъ, въ ихъ домѣ, оставаясь при ихъ особѣ. Но наклонность и потребность поземельной собственности не замедлили распространиться. По мѣрѣ того, какъ оставлялись привычки бродячей жизни, большая часть людей пожелала сдѣлаться собственниками. Деньги были притомъ рѣдки; земля была, такъ сказать, монетою самою общею, самою ходячею; ее употребляли для уплаты всякаго рода услугъ. Владѣтели обширныхъ земель раздавали ихъ своимъ сподвижникамъ вмѣсто жалованья. Въ капитуляріяхъ Карла В. сказано:

„Чтобы всякій управляющій въ одномъ изъ нашихъ помѣстьевъ, имѣя бенефицію, посылалъ бы въ наше помѣстье довѣреннаго для наблюденія, вмѣсто его, за обработкою нашихъ земель". (Capit. de Villis).

„Чтобы тѣ изъ конюховъ, которые свободны и владѣютъ бенефиціею въ мѣстѣ своей службы, жили доходами съ своихъ бенефицій" (Capit. de Villis).

И всякій большой собственникъ, духовный или свѣтскій, какъ Эгингардъ, такъ и Карлъ В., уплачивали такимъ образомъ людямъ свободнымъ за ихъ трудъ. Это обстоятельство и было причиною быстраго раздѣленія поземельной собственности и умноженія числа небольшихъ бенефицій.

Второю причиною того же явленія была узурпація. Могущественные вожди, овладѣвшіе пространною территоріею, имѣли мало средствъ занять ее въ дѣйствительности и предохранить отъ новыхъ вторженій. Какому нибудь сосѣду, первому пришлецу, было нетрудно присвоить себѣ ту или другую часть и утвердиться въ ней. Такъ это и случилось во многихъ мѣстахъ. Неизвѣстный авторъ „Жизни Людовика Благочестиваго" представляетъ намъ примѣръ подобнаго расхищенія [1]); совѣтъ епископовъ, данный Карлу Лысому въ 846 г. для возвышенія его достоинства и власти, свидѣтельствуетъ о томъ же фактѣ.

„Множество общественныхъ земель, говорили они ему, расхищено у васъ, то силою, то хитростью, и по ложнымъ представленіямъ и несправедливымъ требованіямъ обращено или въ бенефиціи, или въ алоды. Мы считаемъ полезнымъ и необходимымъ для васъ послать во всѣ графства вашей монархіи людей вѣрныхъ и твердыхъ, какъ изъ свѣтскаго, такъ и изъ духовнаго сословія; они тщательно повѣрятъ состояніе тѣхъ имуществъ, которыя со временъ вашего отца и дѣда принадлежали къ числу королевскихъ помѣстій, и тѣхъ, которыя составляли бенефиціи вассаловъ; они изслѣдуютъ, на какомъ основаніи кто владѣетъ, и донесутъ вамъ по справедливости. Если вы найдете, что въ пожалованіяхъ или въ овладѣніи есть основаніе,

---

[1]) Этотъ примѣръ, о которомъ говоритъ авторъ, помѣщенъ въ 6-й главѣ у Астронома, біографа Людовика Благоч. См. выше ст. 8 стр. 130.

польза, справедливость и чистота, то все останется въ прежнемъ порядкѣ. Но если вы замѣтите ложь, обманъ, то, по совѣщаніи съ своими вѣрными, исправьте зло такъ, чтобы правда, благоразуміе и справедливость не были презираемы, и чтобы ваше достоинство въ то же время не унижалось и не доводилось по необходимости до того, что ему не приличествуетъ. Вашъ домъ не можетъ имѣть слугъ хорошо исполняющихъ свои обязанности, если вамъ нечѣмъ вознаградить ихъ труды и облегчить ихъ бѣдность“ [1])..............

Вотъ и еще причина, содѣйствовавшая много къ обращенію всякой поземельной собственности въ бенефицію: вслѣдствіе обычая, извѣстнаго подъ именемъ *рекомендаціи* (recommendatio) множество алодовъ превратились въ бенефиціи. Владѣтель алода являлся къ своему сосѣду, могущественному человѣку, желая имѣть въ немъ покровителя, и, держа въ рукѣ или клокъ дерну или древесную вѣтку, онъ уступалъ ему алодъ,который возвращался ему немедленно, но въ качествѣ уже бенефиціи, т.-е. для пользованія имъ по новымъ правиламъ, съ новыми обязанностями и также съ правами своего новаго состоянія. Этотъ пріемъ находился въ связи съ древними германскими обычаями относительно связей между предводителемъ дружины и ея членами. Еще тогда люди свободные *рекоммендовали* себя другому, т.-е. выбирали себѣ предводителя. Но это отношеніе было совершенно личное и чисто свободное. Дружинникъ могъ оставить одного предводителя и избрать другого, всякій разъ, когда ему то нравилось. Ихъ сдѣлка была чисто нравственная и основывалась на одной волѣ. По утвержденіи на территоріи, первое время существовала та же свобода; можно было *рекоммендовать* себя, т.-е. избирать покровителя, какого угодно, и потомъ перемѣнять его на другого. Но, по мѣрѣ того, какъ слагалось новое общество, начались дѣлаться попытки къ упорядоченію подобныхъ отношеній. Законъ визиготовъ говоритъ:

„Если кто нибудь далъ оружіе или другую вещь человѣку, принятому подъ его покровительство, то подаренное остается въ рукахъ того, кто получилъ. Если этотъ послѣдній избираетъ другого покровителя, то онъ воленъ рекоммендовать себя, кому угодно; того нельзя запретить человѣку свободному, ибо онъ принадлежитъ самому себѣ, но онъ долженъ возвратить прежнему покровителю все, что онъ получилъ отъ него“ (Leg. Visig. l. V, tit. 3 l. 1).

Въ капитуляріѣ Пипина, сына Карла В. и короля Италіи, мы читаемъ:

„Если кто нибудь изъ занимавшихъ часть земли, по истеченіи срока на нее, избираетъ другого господина, будетъ ли то графъ, или другой человѣкъ, то онъ имѣетъ полное право удалиться; но онъ не удерживаетъ ничего изъ имущества и возвращаетъ все прежнему господину“. (Bal. t. I, col. 597).

Потомъ пошли гораздо далѣе. Въ то время совершался переходъ отъ жизни бродячей къ осѣдлой; надобно было прекратить подвиж-

---

[1] Baluz. t. II, col. 31.

ность, безпорядокъ, и на это были направлены усилія лучшихъ людей того времени, заботившихся о прогрессѣ общественной жизни.

Карлъ В. старался отчасти опредѣлить, въ какомъ случаѣ рекоммендовавшій себя можетъ оставить своего покровителя, а отчасти обязать каждаго свободнаго человѣка рекоммендовать себя другому, т.-е. стать подъ власть и отвѣтственность предъ высшимъ. Вотъ, что сказано въ его капитуляріяхъ:

„Никто изъ получившихъ отъ своего господина на одинъ *солидъ*, не можетъ оставить его, развѣ господинъ захочетъ убить его или ударить палкой, или обезчестить его жену и дочь, или лишитъ его наслѣдія“ (Bal. t. I, col. 510).

„Если человѣкъ свободный оставляетъ своего господина противъ его воли, и переходитъ изъ одного королевства въ другое, то король не можетъ принять его подъ свое покровительство, и долженъ запретить своимъ людямъ принять къ себѣ такого“ (Тамъ же, col. 443).

„Никто не можетъ купить лошади, вьючной скотины, быка или что нибудь другое, не зная того, кто продаетъ, или изъ какой онъ страны, гдѣ живетъ и кто его господинъ“. (Тамъ же, col. 450).

Въ 858 г., епископы писали Людовику Нѣмецкому:

„Мы, епископы, посвященные Богу, не обязаны, какъ свѣтскіе, рекоммендовать себя покровителю“. (Bal. t. II, col. 118).

Карлъ В. не достигъ всего, чего хотѣлъ; долго послѣ него господствовалъ крайній хаосъ въ отношеніяхъ подобнаго рода; но его геній не ошибся, относительно потребностей времени, и работалъ въ смыслѣ общаго хода вещей. Необходимость и постоянство рекоммендаціи лицъ и земель все болѣе и болѣе одерживали верхъ. Многіе изъ алодіальныхъ владѣтелей были слабы и не могли защищаться: имъ нуженъ былъ покровитель; другіе тяготились своимъ уединеніемъ; они были, правда, свободными хозяевами, въ своихъ владѣніяхъ, но не имѣли внѣ никакихъ связей, никакого вліянія, и не занимали никакого мѣста въ лѣстницѣ бенефиціаловъ, которые составляли преобладающее общество; имъ хотѣлось войти въ это общество и играть роль въ волненіяхъ своей эпохи..........

Таково было положеніе поземельной собственности въ концѣ X вѣка, послѣ различныхъ превращеній, испытанныхъ ею. И не только земля въ ту эпоху сдѣлалась феодомъ, но и всякая другая собственность проникла феодальнымъ характеромъ. Тогда все отдавалось, какъ феодъ: *la gruerie*, т.-е. судъ по дѣламъ о порубкѣ лѣсовъ; право *охоты*; часть сбора съ пѣшеходовъ (*péage*) и проѣзжающихъ (*rouage*); *конвой* купцовъ, отправляющихся на ярмарку; *судъ* при дворѣ государя или вельможи; *промѣнъ* въ городахъ, гдѣ чеканилась монета; *дома* и *лавки* для ярмарокъ; дома, гдѣ находились *публичныя мойни* (étuves publiques); въ городахъ обязательныя для всѣхъ печи (fours banaux); даже, наконецъ, *ульи пчелъ*, которые могутъ быть найдены въ лѣсахъ [1]). Однимъ словомъ, весь гражданскій порядокъ сдѣлался феодальнымъ.

---

[1]) *Usage géneral des Fiefs*, par Brussel. t. I, pag. 42.

II. *Лицо*. Приступимъ ко второму факту, характеризующему феодализмъ, а именно, къ сліянію въ лицѣ владѣтеля права собственности и права верховной власти, въ предѣлахъ принадлежащей ему земли..... Въ концѣ XI вѣка, когда феодализмъ утвердился прочно, владѣтель феода, и большого, и малаго, имѣлъ въ своемъ владѣніи всѣ права верховной власти. Никакая посторонняя и отдаленная сила не могла издавать у него законы, собирать подати, отправлять правосудіе; всѣ эти права принадлежали одному владѣтелю.... Но ничего подобнаго не существовало въ древнюю эпоху вторженія, въ VI и VII вѣкахъ. Были начатки, признаки феодальной власти сузерена, но рядомъ съ ними и надъ ними стояло королевство военное, римская администрація, собранія и судъ людей свободныхъ. Во всякомъ случаѣ, верховная власть не была совсѣмъ сосредоточена внутри феода, въ рукахъ его владѣтеля. Какъ же совершился этотъ переворотъ отъ V до X вѣка? Какъ могли стереться всякія другія власти, и на мѣстѣ ихъ сложиться одна власть сузерена надъ обитателями своего помѣстья?

Безъ сомнѣнія, начатковъ того нельзя искать въ римскомъ обществѣ, потому что оно не представляло въ себѣ ничего подобнаго. Тамъ верховная власть не только не была соединена съ землею и раздроблена по всей территоріи, но она не была подраздѣлена даже въ политическомъ смыслѣ, и въ цѣлости находилась въ рукахъ одного императора. Онъ одинъ издавалъ законы, налагалъ подати, судилъ, рѣшалъ вопросы о войнѣ и мирѣ, наконецъ, управлялъ или лично, или чрезъ своихъ чиновниковъ..... Нельзя выводить власти феодальнаго сузерена и изъ германскихъ дружинъ, наводнившихъ имперію. Въ нихъ не могло быть ничего подобнаго сліянію правъ верховной власти съ правомъ собственности, потому что недвижимая собственность была несовмѣстима съ образомъ бродячей жизни. И состояніе лица было таково, что начальникъ дружины не могъ имѣть верховной власти надъ своими сподвижниками: онъ не могъ давать имъ законы, налагать на нихъ подати и одинъ судить ихъ..... Но не было ли сліяніе собственности и верховной власти единственно дѣломъ побѣды? Не раздѣлили ли побѣдители землю и ея обитателей, чтобы царствовать неограниченно, каждому въ своемъ удѣлѣ, только во имя права сильнаго?

Такъ думали многіе публицисты; но они ошибались: сліяніе правъ верховной власти съ собственностью, эта крупная черта феодализма, не была однимъ фактомъ чисто матеріальнымъ и, такъ сказать, грубымъ, притомъ совершенно чуждымъ организаціи тѣхъ двухъ обществъ, которыхъ вторженіе варваровъ привело въ столкновеніе, т.-е. римскаго и германскаго общества; оно не было чуждо даже общихъ началъ общественной организаціи...

Въ древней Германіи надобно отличать всякое общество, или лучше сказать, двоякій способъ общественнаго устройства, отличный и по принципамъ, и по своимъ результатамъ: устройства *колѣна*, племени, и устройство *дружины*. Колѣно—общество осѣдлое, образовавшееся изъ сосѣднихъ собственниковъ, живущее плодами своихъ земель и своими стадами. Дружина—блуждающее общество, образо-

вавшееся изъ воиновъ, сосредоточенныхъ вокругъ вождя, или для отдѣльнаго набѣга, или для попытки счастія на чужбинѣ, и живущее грабежемъ. Что такія два общества существовали вмѣстѣ у германцевъ и были совершенно отличны, о томъ свидѣтельствуютъ Цезарь, Тацитъ, Амміанъ-Марцеллинъ, всѣ памятники и всѣ преданія древней Германіи. Большая часть народовъ, поименованныхъ Тацитомъ въ его „Германіи", были колѣнами или союзами колѣновъ. Большая часть вторженій, разрушившихъ имперію, въ особенности же первыя, были сдѣланы бродячими дружинами, вышедшими изъ среды колѣнъ, для добычи или для приключеній. Вліяніе вождя на свою дружину было ея связью; таково было ея начало, но она управлялась по общему совѣщанію: личная независимость и воинское равенство играли въ ней большую роль. Организація колѣна была менѣе измѣнчива и менѣе проста. Говоря языкомъ публицистовъ — политическая единица колѣна была не недѣлимое, воинъ, но цѣлая фамилія и ея глава. Самое колѣно, или его часть, занимавшая какую нибудь территорію, состояло изъ семействъ и ихъ главъ, жившихъ вблизи другъ друга. Глава семейства былъ настоящій гражданинъ, что римляне называли *civis optimo jure*. Мѣста жительства семействъ германскаго колѣна не были сплошными, какъ въ нашихъ городахъ и деревняхъ, и не удалялись отъ полей. Глава семьи помѣщался въ центрѣ своихъ земель; самая семья и всѣ работавшіе съ нею, свободные и несвободные, родственники, вольники, рабы, жили тутъ же, раскиданные тамъ-и-сямъ, какъ и ихъ жилища, по поверхности территоріи. Соприкасались одни владѣнія различныхъ главъ семействъ, но не ихъ жилища. Такъ устроены и теперь поселенія индѣйскихъ колѣнъ въ сѣверной Америкѣ, и въ Европѣ подобное мы видимъ во многихъ деревняхъ о. Корсики и совершенно рядомъ съ нами, въ Нормандіи. Тамъ также жилища не соприкасаются: каждый фермеръ, каждый маленькій собственникъ, живетъ среди своихъ полей, въ оградѣ, которая называется *masure*, жилище (происходитъ отъ *mansus*, встрѣчающагося въ древнихъ памятникахъ).

Около всякаго главы семейства сосредоточивалось всеобщее собраніе колѣна. Они соединялись подъ управленіемъ старѣйшихъ возрастомъ (*grau*, *grav*, графъ, сдѣлавшійся послѣ *senior*, господиномъ) для совокупнаго обсужденія общихъ дѣлъ, производства суда въ дѣлахъ важныхъ, отправленія религіозныхъ обрядовъ, касающихся всего колѣна и т. д. Этому собранію принадлежала политическая верховная власть, т.-е. управленіе общими дѣлами колѣна, но она не проникала въ кругъ непосредственной дѣятельности главы семейства; тутъ не было никакой посторонней власти: въ качествѣ собственника и главы семейства, онъ былъ одинъ господинъ. Въ этой области главы семейства собственниковъ и подъ его властью жили: 1) собственная его семья, его дѣти и ихъ семейства, расположившіяся обыкновенно вокругъ него; 2) всельники, обрабатывавшіе землю, одни, сохраняя полную свободу, другіе, пользуясь нѣкоторою свободой; они получали свою землю отъ главъ семейства за извѣстную подать, но они не имѣли полнаго права собственности, хотя и помѣщались съ своими дѣтьми, и владѣли землею наслѣдственною; между ними и

главою семейства слагались сами собою извѣстныя связи, которыя, не вытекая ни изъ какого основанія и не опираясь ни на какое право, были, тѣмъ не менѣе, весьма дѣйствительны и составляли моральный элементъ общества; 3) за всельниками слѣдовали рабы, въ собственномъ смыслѣ, употребляемые для дома, для обработки полей главы семейства, неуступленныхъ никому другому, и которые обыкновенно окружали его жилище. Все это внутреннее населеніе, при всемъ различіи своихъ правъ, признавало надъ собою судъ главы семейства, и никакая публичная власть не вмѣшивалась въ его дѣла. *Каждый у себя господинъ*: таковъ былъ принципъ древняго общества въ Германіи. Собственникъ и судья, глава фамиліи, былъ, повидимому, даже и жрецомъ по отношенію той части домашняго культа, какой могъ существовать въ ту эпоху...

Такой общественный бытъ древней Германіи, полагаю, былъ отчасти результатомъ завоеванія и насилія, и гораздо болѣе, нежели какъ то полагаютъ изъ патріотизма нѣмецкіе писатели. Домашняя верховная власть главы семейства была болѣе тиранической, положеніе всельниковъ гораздо хуже, нежели какъ они то себѣ представляютъ... Хотя, съ другой стороны, высказывая свои опасенія относительно любимыхъ теорій нѣмецкихъ писателей, я раздѣляю отчасти ихъ мнѣніе и допускаю, что устройство германскаго колѣна и взаимныя отношенія различныхъ ея членовъ не были результатомъ единственно завоеванія и грубой силы. Верховность главы семейства, въ предѣлахъ его области, не была исключительно властью побѣдителя надъ побѣжденными, господина надъ рабами и полу-рабами; во всемъ этомъ было, дѣйствительно, нѣчто патріархальное: идеи семейныя, семейныя отношенія, привычки, чувствованія, послужили также, по крайней мѣрѣ, отчасти, источникомъ для понятій того общественнаго быта... Нельзя потому не признать въ устройствѣ древняго колѣна, и особенно въ семейной верховности главы фамиліи, другого еще начала, кромѣ завоеванія, другого характера, болѣе нравственнаго и болѣе свободнаго, нежели какимъ можетъ быть насиліе. Этотъ источникъ вытекаетъ изъ патріархальности, и характеръ его чисто семейный. Весьма вѣроятно, германское колѣно въ своихъ начаткахъ было развитіемъ и расширеніемъ одной и той же семьи; весьма вѣроятно и то, что большая часть обитателей территоріи, эти наслѣдственные всельники съ обязательствомъ податей, были родственниками главы семейства. Быть можетъ, тамъ было то общественное устройство, которое долго существовало въ *кланахъ* верхней Шотландіи и *септахъ* Ирландіи, и которое такъ популяризировано романами Вальтеръ-Скотта; съ перваго взгляда, если судить по наружности, это устройство представляетъ сходство съ феодальнымъ началомъ, но оно существенно различно, такъ-какъ очевидно вытекаетъ изъ однихъ семейныхъ отношеній; оно поддерживаетъ родственныя связи въ теченіе цѣлыхъ столѣтій и сохраняетъ чувства взаимной привязанности, не смотря на всю глубину неравенства общественныхъ условій; въ этомъ бытѣ недостатокъ политическихъ гарантій замѣняется извѣстными правами, признанными и уважаемыми; тамъ есть и нравственность, и свобода, при такомъ принципѣ, который,

самъ по себѣ, безъ своей патріархальности, былъ бы рядомъ однихъ угнетеній и униженій. Безъ сомнѣнія, подобные же причины могли ввести и въ германское колѣно нѣкоторыя отношенія и нравы клапа.

Изъ всего сказаннаго нами можно вывести слѣдующія заключенія: 1) *Верховность* въ германскомъ колѣнѣ для общихъ его дѣлъ принадлежала *собранію главъ* семейства, а для внутреннихъ—*самому главѣ* фамиліи, то-есть, внутри колѣна существовала домашняя верховность, тѣсно связанная съ собственностью; 2) эта *домашняя верховность* имѣла двойное происхожденіе и двойной характеръ: съ одной стороны, связи и привычки семейныя; глава-собственникъ былъ глава клана, окруженный своими родственниками, какъ бы ни было отдаленно это родство, и какъ бы ни были различны условія ихъ жизни; съ другой стороны, завоеваніе и насиліе: часть территоріи могла быть занята вооруженною рукою, побѣжденные лишены имущества и обращены почти въ рабство.

Такимъ образомъ, организація древняго германскаго колѣна заключала уже въ себѣ три главныя соціальныя системы, три великіе источника верховности: 1) союзъ людей равныхъ и свободныхъ, гдѣ развивалась политическая верховность; 2) союзъ первобытный, естественный, союзъ семейный, гдѣ господствовала верховность одного, и притомъ патріархальная; 3) насильственный союзъ, плодъ побѣды, управляемый деспотическою верховностью. На какой нибудь узкой и темной сценѣ жизни колѣна херусковъ или гермундуровъ, въ III столѣтіи, существовали уже все существенныя начала, всѣ великія формы человѣческихъ обществъ.

Перенесемся теперь въ VI столѣтіе, послѣ вторженія на площадь, образуемую Рейномъ, Океаномъ, Пиринеями и Альпами; посмотримъ, что́ должно было тамъ произойти. Но туда, въ Галлію, явилось не колѣно, а германская дружина, которая, перейдя на галло-римскую территорію, овладѣла ею и утвердилась въ ней; такимъ образомъ, изъ двухъ первобытныхъ обществъ Германіи, въ Галлію явилось то, которое не было осѣдлымъ, которое имѣло въ своей основѣ недѣлимое, а не семейство, и было предано не жизни сельской; оно-то и сдѣлалось первоначальнымъ элементомъ нашей цивилизаціи. Въ Германіи колыбель общества составляло земледѣльческое колѣно, у насъ—военная дружина. Правда, утвердившись разъ, перейдя отъ бродячей жизни къ осѣдлой, отъ грабежа къ идеямъ о собственности, германская дружина должна была желать воспроизвести у себя учрежденія и привычки первоначальнаго отечества, и организація колѣна сдѣлалась источникомъ, образчикомъ началъ, которыя дружина попыталась установить у себя...... Но какую перемѣну должна было за собою повлечь для новаго общества новая обстановка и новость внѣшнихъ условій.

Начнемъ съ *политической верховности* и посмотримъ, какъ она должна была видоизмѣниться на галло-римской почвѣ?

Въ Германіи колѣно помѣщалось обыкновенно на территоріи весьма необширной; оно тѣснилось и окружало себя, по выраженію Цезаря, широкими пустынями, для бо́льшей безопасности. Главы отдѣльныхъ

семействъ жили по-близости и могли легко соединиться для разсужденія объ общихъ дѣлахъ. Верховность такого собранія была естественна и возможна. Но, послѣ вторженія въ имперію, побѣдителямъ была открыта огромная территорія; они разсѣялись по всѣмъ сторонамъ; сильнѣйшіе изъ нихъ заняли обширныя владѣнія, и были слишкомъ далеки другъ отъ друга, чтобы часто соединяться и разсуждать сообща. Политическая верховность собранія, сдѣлавшись непрактическою, должна была погибнуть и дѣйствительно погибла, чтобы уступить мѣсто другой системѣ, а именно іерархическому чину собственниковъ, о чемъ мы скажемъ ниже, разсматривая феодальныя учрежденія.

Верховность домашняя, власть главы семейства надъ жителями его владѣній, должна была испытать не менѣе значительную реформу: предводитель дружины дѣлалъ свои завоеванія и утверждался въ своей новой области при помощи не однихъ родственниковъ, не одного своего клана. Дружина, слѣдовавшая за нимъ, состояла изъ воиновъ, принадлежавшихъ различнымъ колѣнамъ, часто весьма чуждымъ другъ друга. Тацитъ говоритъ объ этомъ ясно: „Если родина томится бездѣйствіемъ и продолжительнымъ миромъ, большая часть благородныхъ молодыхъ людей идетъ предлагать свои услуги тѣмъ племенамъ, которыя находятся въ войнѣ, потому что покой имъ ничего не приноситъ, а на войнѣ, среди опасностей, легче блеснуть, и вождю дешевле содержать многочисленную дружину" (гл. 14) [1]. Связи предводителя съ подвижниками были чисто воинскія, а не семейныя, что произвело большое измѣненіе въ ихъ отношенія среди новой жизни. Тутъ не было той общности нравовъ, преданій, чувствованій, которая могла существовать въ Германіи между главою семьи и населеніемъ его края; она замѣнялась военнымъ товариществомъ, началомъ ассоціаціи менѣе сильнымъ, гораздо менѣе нравственнымъ. Что еще важнѣе: глава семейства, въ Галліи, видѣлъ себя окруженнымъ населеніемъ чуждымъ, враждебнымъ по происхожденію, языку, отличнымъ нравамъ, и котораго надобно было постоянно опасаться. Его владѣнія населялись и обрабатывались римскими галлами, между тѣмъ, какъ въ Германіи жители были большею частью, и свободные, и несвободные, такіе же германцы, какъ онъ самъ. Вотъ новая и сильная причина ослабленія того патріархальнаго характера, которымъ отличалась домашняя верховность у себя, на родинѣ. . . . . . Такимъ образомъ, первобытные элементы организаціи германскаго колѣна, по переселеніи его въ Галлію, должны были исчезнуть; право побѣды, насилія, одержало верхъ, и это было необходимымъ результатомъ того положенія, въ которомъ увидѣлъ себя глава семейства, переселившись въ Галлію, и которое было существенно различно отъ его положенія въ Германіи.

Такимъ образомъ, сліяніе правъ верховной власти съ собственностью, эта вторая великая черта феодализма, собственно говоря, не была чѣмъ нибудь новымъ, и не происходила исключительно отъ завоеванія; подобное существовало въ Германіи, въ средѣ герман-

---

[1]) См. т. I, внизу, стр. 111, строч. 16 св.

скаго колѣна; тамъ глава фамиліи былъ также верховнымъ владыкой своего населенія, и слѣдов., тамъ верховность сливалась съ собственностью. Но въ Германіи это сляніе совершалось подъ вліяніемъ двухъ принциповъ: семейнаго духа, организація клана, и побѣды, насилія. Доля каждаго изъ этихъ принциповъ во власти главы семейства въ Германіи была не равна и трудно ее опредѣлить, но и тотъ, и другой принципъ дѣйствовалъ. Въ Галліи доля патріархальнаго начала организаціи клана значительно уменьшилась; напротивъ того, вліяніе побѣды, насилія, получило большее развитіе и сдѣлалось если не единственнымъ принципомъ, то, по крайней мѣрѣ, преобладающимъ, въ томъ сляніи правъ верховной власти съ правомъ собственности, которое составляло вторую отличительную черту феодальнаго быта.......

III. *Учрежденія.* Выйдемъ теперь за черту отдѣльнаго феода и разсмотримъ внѣшнія отношенія владѣтелей другъ къ другу, ихъ стремленія къ организаціи, которая соединила бы ихъ въ одно общество. Это явленіе составляетъ третью господствующую черту феодализма. Но эта организація, долженствовавшая объединить всѣхъ владѣтелей феода и составить изъ нихъ общество, была скорѣе принципомъ, нежели фактомъ, и притомъ болѣе номинальнымъ, чѣмъ реальнымъ. Что составляетъ связь, цементъ каждаго великаго общества?—Нужда, которую чувствуютъ одни его отдѣльныя союзы людей въ другихъ, необходимость прибѣгать за помощью другъ къ другу для пользованія своими правами, для отправленія общественныхъ обязанностей, для законодательства, судопроизводства, финансовъ, войны и т. д. Если каждое семейство, каждый городъ, каждый округъ находилъ бы въ самомъ себѣ все, что ему нужно въ политическомъ отношеніи; если они составляли бы по себѣ полное государство, не нуждающееся ни въ чемъ, и въ которомъ другой никто не нуждается, то одно семейство, одинъ городъ или округъ ничего не искалъ бы у другого семейства, города или округа; между ними не было бы общества. Государство состоитъ въ распространеніи верховности и правительства по различнымъ его частямъ, между различными его членами; оно служитъ внѣшнею связью общества, что сближаетъ и держитъ вмѣстѣ всѣ элементы государства.

Но сляніе верховности и поземельной собственности и сосредоточеніе ея внутри каждаго владѣнія въ рукахъ самого владѣтеля должно было его уединить отъ всѣхъ другихъ владѣтелей ему подобныхъ; каждый феодъ составлялъ небольшое, но полное государство, жители котораго имѣли у себя все свое и не нуждались ни въ какомъ общемъ съ другими законодательствѣ, судѣ, финансахъ, военной защитѣ и т. д. Въ ассоціаціи, покоющейся на такихъ основаніяхъ, общая связь должна была необходимо быть слабою, едва чувствовалась и легко разрывалась. Правда, владѣтели отдѣльныхъ феодовъ имѣли общіе интересы, права и взаимныя обязанности; съ другой стороны, человѣкъ одаренъ естественною наклонностью расширять свои отношенія, увеличивать ихъ, оживлять свое общественное существованіе и искать повсюду новыхъ согражданъ и новыхъ связей; наконецъ, въ ту эпоху, и церковь христіанская, общество объ-

единенное и сложенное плотно, трудилась безпрестанно надъ тѣмъ, чтобы передать гражданскому быту часть своего единства и своей цѣлости, и трудилась не безплодно; но, не смотря на все то, ассоціація владѣтелей феодовъ должна была являться весьма мало сплоченною; въ ней едва могли быть замѣтны слѣды какого нибудь единства и цѣлости, именно вслѣдствіе самой сущности феодальныхъ элементовъ, особенно элемента сліянія верховности съ правомъ собственности, который дѣлалъ всякую власть почти мѣстною властью.

Такъ это случилось и на дѣлѣ: исторія вполнѣ подтверждаетъ наши наведенія, основанныя на самой природѣ того соціальнаго быта. Защитники феодализма приложили много труда, чтобы вывести на сцену различныя права и взаимныя обязанности владѣтелей феодовъ, они превозносили искусную постепенность связей, соединявшихъ ихъ между собою, начиная отъ слабѣйшаго до самаго сильнаго, такъ что, говорятъ они, въ феодализмѣ никто не былъ уединенъ, и въ тоже время каждый оставался господиномъ и свободнымъ у себя дома. Слушая ихъ, можно подумать, что никогда независимость недѣлимаго не была счастливѣе согласована съ гармоніею цѣлаго. Но это химерическій идеалъ, одна логическая ипотеза! Конечно, въ принципѣ, владѣтели феодовъ были связаны другъ съ другомъ, и ихъ іерархическій чинъ казался весьма стройнымъ. Но на дѣлѣ никогда эта организація не имѣла своего дѣйствія; никогда феодализмъ не могъ добыть изъ себя началъ порядка и единства, достаточнаго для того, чтобы образовать цѣлое общество и сколько нибудь правильное. Его составныя части, т.-е. владѣтели феодовъ, были всегда между собою въ столкновеніи и войнѣ, и прибѣгали постоянно къ силѣ, потому что не существовало никакой высшей власти, никакой истинно публичной силы, чтобъ поддержать между ними правду и миръ, то есть, общество. А чтобы породить такую власть, чтобы слить въ одно цѣлое всѣ тѣ разсѣянные и даже враждебные другъ другу элементы, слѣдовало прибѣгнуть къ инымъ началамъ, инымъ учрежденіямъ, совершенно чуждымъ и даже враждебнымъ феодальной системѣ. Эти иныя начала извѣстны: съ одной стороны, *королевство*, съ другой—*народъ* и его права установили среди насъ политическое единство и устроили *государство*. И мы пришли къ этой цѣли на счетъ феодаловъ и черезъ ослабленіе и постепенное уничтоженіе феодальныхъ принциповъ.

Такимъ образомъ, нельзя ожидать, чтобы мы могли гдѣ нибудь найти систематическую и всеобщую организацію феодальныхъ владѣтелей, на которую мы указали какъ на третью великую черту феодальной эпохи; она никогда и нигдѣ не была вполнѣ осуществлена на дѣлѣ. Эта организація существовала и отличала феодализмъ отъ всякого другого соціальнаго быта, но она никогда не достигла полноты развитія и правильности въ своемъ примѣненіи; никогда феодальный чинъ не былъ въ дѣйствительности такъ устроенъ и не жилъ въ тѣхъ строгихъ формахъ и регламентахъ, какіе приписываютъ ему новѣйшіе публицисты. Особенныя свойства поземельной собственности, сліяніе правъ верховной власти съ владѣніемъ землею были фактами простыми, очевидными, и въ исторіи являлись такими,

какими изображаетъ ихъ теорія; но цѣлость и единство феодальнаго общества были воображаемымъ зданіемъ, созданнымъ уже впослѣдствіи въ головѣ ученыхъ, и отъ котораго въ дѣйствительности существовали на нашей территоріи одни матеріалы, необтесанные и обезображенные. Если же таковъ былъ феодализмъ въ теченіи главной своей эпохи (т.-е. въ XII, XIII и XIV ст.), то тѣмъ запутаннѣе долженъ былъ онъ являться при своемъ началѣ, въ послѣдніе годы X вѣка. Тогда онъ только что выходилъ изъ хаоса варварства, и даже являлся, за невозможностью лучшаго, чѣмъ-то въ родѣ прогресса, какъ начало, ближайшее къ тому, которое заканчивало свое существованіе, какъ единственная форма, въ которую могло облечься возрождавшееся въ ту эпоху общество. Противорѣчія, недостатокъ цѣлости характеризовали его еще гораздо болѣе, чѣмъ впослѣдствіи; феодальная ассоціація была еще далѣе отъ того единства и правильности, которыхъ она, впрочемъ, не достигла никогда. На самомъ дѣлѣ, конецъ X и начало XI вѣка въ исторіи феодализма были періодомъ величайшаго безпорядка: владѣтели феодовъ группируются въ безконечное число кружковъ, во главѣ которыхъ стоитъ то графъ, то герцогъ, то простой сеньоръ, смотря по случайности, какую представляла территорія или событія, и все это остается совершенно чуждымъ другъ другу. Иногда эти мѣстныя группы, повидимому, сближаются и избираютъ общій центръ, но скоро оказывается, что это оптическій обманъ. Такъ, напримѣръ, во главѣ актовъ, издаваемыхъ какимъ нибудь сеньоромъ Аквитаніи, помѣщается иногда имя короля Франціи; но на повѣрку выходитъ, что этого короля давно уже не было въ-живыхъ; такимъ образомъ, идея королевства сохранилась, но въ такой степени, что на южныхъ предѣлахъ Франціи не знаютъ навѣрное лица, которое во время составленія акта носило королевскій титулъ. Никогда дробленіе территоріи между владѣтелями феодовъ не было такъ велико, какъ въ концѣ X вѣка, никогда ихъ независимость не была большею, и ни въ какую эпоху іерархическія отношенія членовъ феодальнаго общества не были такъ мало дѣйствительны...... Собственно говоря, въ промежутокъ времени, отъ V до X вѣка, ни одинъ изъ принциповъ общественнаго и политическаго единства не могъ ни существовать, ни получить перевѣса; все, что до тѣхъ поръ господствовало въ обществѣ, было разбито и стерто, и на развалинахъ прошедшаго едва начинали только выходить грубые зародыши феодальной организаціи. Потому и намъ въ эту эпоху предстоитъ говорить болѣе о постепенномъ паденіи всякихъ началъ, на которыхъ зиждется общество, нежели о постепенномъ возникновеніи общественныхъ связей между отдѣльными владѣтелями феодовъ.

Непосредственно за вторженіемъ и поселеніемъ германцевъ въ Галліи, мы видимъ, что на ея территоріи сложились и существовали вмѣстѣ три принципа общественнаго устройства, три системы государственныхъ учрежденій: 1) система свободныхъ учрежденій; 2) система учрежденій аристократическихъ, и 3) монархическая система. Система свободныхъ учрежденій имѣла свое происхожденіе: а) въ Германіи, во всеобщей сходкѣ старѣйшинъ колѣна и въ личной не-

зависимости члена дружины, которая совѣщалась сообща; b) въ Галліи, въ остаткахъ римскихъ муниципальныхъ началъ, внутри ея городовъ. Система аристократическихъ учрежденій исходила: a) въ Германіи, изъ домашней верховности главы семейства и изъ покровительства, которое оказывалъ предводитель дружины своимъ сподвижникамъ; b) въ Галліи, изъ весьма неровнаго распредѣленія поземельной собственности, сосредоточенной въ рукахъ небольшого числа значительныхъ собственниковъ, и изъ господства надъ массами населенія, сельниками и рабами, обработывавшими ихъ поля и служившими имъ дома. Наконецъ, система монархическихъ учрежденій явилась: a) въ Германіи, среди военнаго королевства, т.-е. начальства предводителя надъ дружиною, и изъ религіознаго характера семейныхъ учрежденій; b) въ Галліи, изъ преданій римской имперіи и ученія христіанской церкви.—Вотъ тѣ три великія системы учрежденій, тѣ три существенно различные принципа, которые столкнулись между собою вслѣдствіе паденія имперіи и вторженія германцевъ, и которые должны были содѣйствовать образованію новаго общества. Какую же участь имѣли, отъ V до X вѣка, эти три системы, какъ сами по себѣ, такъ и въ своемъ смѣшеніи? Начнемъ съ свободныхъ учрежденій,

1. *Свободныя учрежденія*, начиная отъ V до X вѣка, продолжались непрерывно и обнаруживались: 1) въ мѣстныхъ собраніяхъ, на которыя сходились побѣдители, утвердившись въ различныхъ пунктахъ территоріи, и разсуждали вмѣстѣ о своихъ дѣлахъ; 2) въ полномъ собраніи народа, и 3) въ остаткахъ муниципальнаго начала, внутри городовъ. Что мѣстныя собранія древнихъ германцевъ, называемыя на ихъ языкѣ *mahl*, а на латинскомъ *placita*, продолжались и послѣ вторженія, въ томъ сомнѣваться нельзя: тексты ихъ законодательства подтверждаютъ то на каждомъ шагу. Вотъ нѣкоторые изъ примѣровъ: „Если, говоритъ салическій законъ, кто-нибудь изъ приглашенныхъ на *малъ* (собраніе) не явился, то онъ осуждается заплатить 15 солидовъ, кромѣ случая задержанія его законнымъ препятствіемъ“ (t. I, c. 1, 16). Или: „Если кто-нибудь, по рипуарскому закону, имѣетъ надобность, чтобы свидѣтели дали показаніе на *малъ*, то онъ обязанъ ихъ поименовать“ (t. I, c. 1). Или: „Собраніе (conventus) должно происходить, по древнему обычаю, въ каждомъ сотенномъ округѣ, предъ графомъ, его посланнымъ, или предъ начальникомъ округа“ (Leg. Alaman. t. XXXVI, c. 1). Или: „Собраніе (placitum), въ безпокойныя времена для области, должно происходить каждую субботу, или въ такой день, когда угодно графу или начальнику округа, каждые семь ночей; когда же все довольно спокойно, собраніе можетъ происходить каждыя четырнадцать ночей въ каждомъ округѣ“ (тоже, c. 2). Или: „Пусть собранія происходятъ каждое первое число, или каждыя двѣ недѣли, для разбирательства тяжбъ, дабы въ области господствовалъ миръ“ (Leg. Bajoar. t. XV. c. 1).

Эти собранія состояли изъ всѣхъ свободныхъ людей, утвердившихся въ извѣстномъ округѣ, и всѣ они имѣли не только право, но и обязанность являться туда,. Трудно исчислить всѣ занятія по-

добныхъ собраній: тамъ говорилось о всѣхъ дѣлахъ, интересовавшихъ членовъ собранія: всѣ процессы, споры, предъявлялись туда же, на обсужденіе людей знатныхъ и свободныхъ, такъ называемыхъ *рахимбурговъ*. на которыхъ лежала обязанность объявлять изреченія закона.... И въ этихъ собраніяхъ не только творился судъ, не только разсуждали объ общественныхъ дѣлахъ, но даже и большая часть гражданскихъ дѣлъ, совершеніе всякаго рода сдѣлокъ, оглашались тамъ же и замѣняли нашихъ нотаріусовъ: „Если кто-нибудь продалъ вещь другому, и купившій желаетъ имѣть купчую, то онъ долженъ просить ее на всеобщемъ *малъ*, заплатить сумму и получить вещь, и актъ долженъ быть совершенъ письменно. Если вещь малоцѣнная, то подписываются семь свидѣтелей, а если дорогая, то двѣнадцать“ (Lex Rip. t. LIX, c. 1).

Таково было значеніе мѣстныхъ собраній, которыя слѣдовали за первымъ временемъ вторженія; но они не долго пользовались тою важностью, о которой можно заключить, судя по тексту законодательствъ. Даже и изъ нихъ видно, что только среди германцевъ, поселившихся на рубежѣ имперіи и оставшихся въ Германіи, національныя *мали* часты и дѣятельны: законы алемановъ, баваровъ и рипуарскихъ франковъ говорятъ о нихъ чаще и настоятельнѣе, нежели у франковъ салическихъ, болѣе углубившихся во внутрь Галліи и жившихъ среди римскаго населенія. У послѣднихъ, дѣйствительно, мѣстныя собранія пришли скоро въ упадокъ, и до того, что, при послѣднихъ Меровингахъ, мѣстное начальство, графы, вице-графы и др., созывали ихъ только для того, чтобы имѣть случай получать пеню съ людей свободныхъ, которые не являлись въ собраніе. При Людовикѣ Благочестивомъ былъ изданъ цѣлый капитулярій озаглавленный: „О намѣстникахъ и начальникахъ, которые дѣлаютъ слишкомъ частыя собранія болѣе изъ корыстолюбія, нежели для суда, и мучатъ, такимъ образомъ, народъ“ (Bal. t. I, col. 671). А Карлъ Великій, чтобы исправить такое зло, уменьшилъ число мѣстныхъ собраній до трехъ разъ въ одинъ годъ, между тѣмъ какъ первыя варварскія законодательства предписывали собираться всякій мѣсяцъ, всякія двѣ недѣли и даже всякіе семь дней.....

Еще большій упадокъ представляютъ свободныя учрежденія въ политической сферѣ, въ своихъ общихъ собраніяхъ цѣлой націи. Среди людей, жившихъ разсѣянно, имѣвшихъ особые интересы, особую участь, такія огромныя собранія были и трудны, и искусственны. Потому, еще при послѣднихъ Меровингахъ, *майскія поля* (placita generalia) дѣлались все болѣе и болѣе рѣдки и безсодержательны. Въ древности они встрѣчаются довольно часто, потому что воины часто предпринимаютъ новые походы сообща; но съ преобладаніемъ жизни осѣдлой, общія собранія исчезаютъ, или принимаютъ совершенно иной характеръ: на нихъ являются въ силу древняго обычая поднести королю подарки; или король, послѣ борьбы съ своими вассалами, созываетъ ихъ для переговоровъ и сдѣлокъ; такъ что собранія, не смотря на свое древнее имя, дѣлаются простымъ свиданіемъ важныхъ собственниковъ, маленькихъ властителей, которые толкуютъ о своихъ личныхъ интересахъ и порѣшаютъ споры..... Вмѣстѣ съ

первыми Карловингами, всеобщія собранія возвращають себѣ свой первобытный характеръ, характеръ военный. Новый домъ утвердился, такъ сказать, вслѣдствіе вторичнаго вторженія въ западную Галлію германскихъ дружинъ изъ Австразіи; вотъ потому они собираются часто или для распространенія своихъ набѣговъ, или для обезпеченія новыхъ завоеваній. Эти вопросы играютъ главную роль на мартовскихъ поляхъ, обращенныхъ въ майскія поля. При Пипинѣ-Короткомъ, было до 10 собраній подобнаго рода; при Карлѣ В. они дѣлаются чаще и важнѣе: у него такія собранія не были однимъ [1]) военнымъ смотромъ, но и правительственнымъ органомъ...

Но при Людовикѣ Благочестивомъ, *placita generalia*, хотя и собираются еще часто, но на нихъ обнаруживается безпорядокъ и раздоръ. При Карлѣ Лысомъ, наконецъ, они получаютъ вышеуказанный мною характеръ, т.-е. дѣлаются мѣстомъ свиданія или конгресса, на которомъ король споритъ съ своими вассалами, съ которыми не можетъ управиться силою. Послѣ же Карла Лысаго и при послѣднихъ Карловингахъ прекращаются даже и подобныя конференціи: верховныя права, очевидно, дѣлаются мѣстными, и королевство явно отказывается отъ притязанія служить центромъ государства. За древними національными собраніями слѣдуютъ феодальные суды (les cours féodales), собранія вассаловъ около своего сузерена...

Такова было участь свободныхъ учрежденій: ихъ начала все болѣе и болѣе слабѣли и средства къ дѣятельности прекращались. Посмотримъ, были ли счастливѣе монархическія учрежденія?

2. *Монархическія учрежденія* имѣли у германцевъ двоякій источникъ, военный и религіозный. Король, какъ предводитель дружины, былъ лицо избирательное: дѣйствительно, для привлеченія сподвижниковъ вождь не имѣлъ принудительныхъ средствъ; къ нему являлся только тотъ, кто хотѣлъ; воины окружали его вслѣдствіе собственнаго выбора, и потому онъ былъ королемъ, пока имъ угодно было за нимъ слѣдовать; все это можетъ быть названо избраніемъ, если не по своей политической формѣ, то по своему принципу свободы. Но какъ учрежденіе религіозное, королевство германское было наслѣдственнымъ; извѣстныя фамиліи присвоивали себѣ религіозное значеніе, выводя свой родъ отъ героевъ, полубоговъ, отъ Одина, Туискона и др.; этотъ особый характеръ не могъ ни утрачиваться, ни передаваться другимъ. Почти нѣтъ ни одного германскаго народа, у котораго не встрѣчались бы подобные короли; короли готскіе и англо-саксkie происходили отъ Одина; у франковъ, Меровинги, на основаніи подобнаго же происхожденія, одни могли носить длинные волосы.

При переходѣ на римскую почву, германское королевство встрѣтило тамъ другіе принципы, которые не могли не подѣйствовать на его характеръ: тамъ господствовало императорство, учрежденіе, по своей сущности символическое, и притомъ символъ чисто-политическій. Римскій императоръ наслѣдовалъ римскому народу; онъ вы-

---

[1]) См. о томъ подробнѣе выше, въ ст. 2.

давалъ себя представителемъ римскаго народа, его правъ, его величества, и въ этомъ смыслѣ назывался государемъ. Императорство было олицетвореніе республики: какъ Людовикъ XIV говорилъ: *L'état c'est moi*; такъ преемникъ Августа могъ сказать: *Римляне—это я.*

Рядомъ съ императорствомъ зародились идеи христіанской монархіи, учрежденія также символическаго, но это былъ другого рода символъ, символъ чисто-религіозный: король, по христіанской идеѣ, былъ представитель божества.... Такимъ образомъ, монархія на римской почвѣ и въ томъ и въ другомъ случаѣ существенно отличалась отъ монархіи у варваровъ: послѣдняя и въ политическомъ, и въ религіозномъ смыслѣ была личнымъ преимуществомъ, а на римской почвѣ и въ политическомъ, и въ религіозномъ смыслѣ она была чистымъ символомъ, общественною фикціей.

Таковы были тѣ четыре, такъ сказать, источника новой монархіи, четыре принципа, которые, послѣ вторженія, стремились соединиться для порожденія ея. Этотъ трудъ начался при Меровингахъ: короли франковъ остаются и желаютъ остаться вождями дружины; въ то же время они опираются на свое варварское религіозное происхожденіе, усвоиваютъ римскія начала и пытаются выдать себя за представителей государства; наконецъ, они называютъ себя, и приказываютъ то духовенству, образомъ и представителями Бога на землѣ. Для простого и грубаго ума варваровъ VI вѣка подобнаго рода утонченности и комбинаціи казались слишкомъ сложными и потому не имѣли успѣха: меровингская монархія пала именно вслѣдствіе неопредѣленности своего характера, и если монархія въ лицѣ Карловинговъ пріобрѣла снова силу, то потому, что она совершенно преобразовалась. Первые Карловинги были чисто военными вождями. Они не имѣли въ глазахъ своихъ соотечественниковъ того національно-религіознаго характера, которымъ были облечены короли „длинно-волосые". Ни Пипинъ Геристальскій, ни Карлъ Мартеллъ не выдавали себя за потомковъ Одина или другихъ германскихъ полу-боговъ; они были просто большими собственниками и военными вождями. Всякому извѣстно, какъ Пипинъ Короткій заботился присоединить къ тому христіанскій религіозный характеръ: чуждый преданіямъ и религіознымъ повѣрьямъ древней Германіи, онъ желалъ опереться на новыя вѣрованія, пріобрѣвшія въ то время большую силу. Карлъ В. пошелъ еще дальше: онъ вознамѣрился придать франкской монархіи императорскій характеръ, сдѣлать изъ нея политическій символъ, взять на себя роль представителя государства, какую занимали римскіе императоры; и онъ прибѣгнулъ для того прямо къ мѣрамъ болѣе дѣйствительнымъ, не къ пышности церемоніи и титуловъ, но къ дѣйствительному возстановленію императорской власти, римской администраціи, и того, такъ сказать, *вездѣсущія* власти на всемъ пространствѣ территоріи, составлявшую всю силу того деспотизма, несмотря на всеобщее паденіе. Таковъ на самомъ дѣлѣ былъ характеръ правленія Карла В [1]).... Его государ-

---

[1]) См. подробн. выше, въ ст. 2.

ственная дѣятельность всего менѣе похожа на монархію варваровъ и напоминала собою духъ и администрацію имперіи, въ которой верховная власть представляла собою все государство и дѣйствовала въ государствѣ почти одна. Карлъ возстановилъ римскую систему, самъ не сознавая того вполнѣ, не занимаясь ея теоріей. Но онъ зналъ очень хорошо, что составляетъ главное ему препятствіе; онъ зналъ, что начатки феодализма, независимость и права бенефиціаловъ, сліяніе верховности съ собственностью, были самыми опасными врагами той всесильной монархіи, къ которой онъ стремился. Потому онъ безпрерывно боролся съ этимъ непріятелемъ и усиливался разбить и ограничить, по возможности, власть собственниковъ. „Никогда, говоритъ одна хроника, Карлъ не препоручалъ своимъ графамъ болѣе одного графства, если оно не было пограничное или сосѣднее варварамъ. По причинамъ еще болѣе важнымъ, онъ никогда не отдавалъ епископу аббатства или церкви на королевской землѣ въ качествѣ бенефиціи, и когда его совѣтники и друзья спрашивали, почему онъ такъ дѣйствуетъ, Карлъ отвѣчалъ имъ: „Посредствомъ этого помѣстья, виллы, маленькаго аббатства или церкви, я буду имѣть случай сдѣлать вѣрнымъ себѣ такого же хорошаго вассала, и даже лучшаго, нежели какой - нибудь епископъ или графъ"... Когда онъ короновался императоромъ, то „приказалъ всѣмъ подданнымъ своего государства, свѣтскимъ и духовнымъ, давшимъ ему уже присягу, какъ королю, возобновить тѣ же клятвы, какъ цезарю, и чтобы всѣ, которые не давали подобной присяги, явились для принесенія ея, до возраста 12 лѣтъ". Наконецъ, въ одномъ изъ капитуляріевъ Карла В., подъ 805 г., мы читаемъ: „Никто да не дастъ присяги никому другому, кромѣ насъ и своему сеньору, ради нашей пользы и сеньора".

Подобная система управленія была очевидно направлена на освобожденіе монархіи отъ всѣхъ феодальныхъ притязаній, на основаніе верховной власти внѣ іерархіи лицъ и земель, и наконецъ на то, чтобы сдѣлать ее вездѣ присущею, вездѣ могущественною, какъ публичную силу, опирающуюся на собственное право. Попытка удавалась до тѣхъ поръ пока находилась въ рукахъ Карла Великаго. Его преемники взяли на себя продолжать начатое, т.-е. они приказывали то, что онъ—дѣлалъ. Требованіе всеобщей присяги появилось и въ ихъ актахъ, и даже пережило ихъ безсиліе; но это было одною пустой формулой. Отношеніе свободныхъ людей къ королю и личная его власть надъ ними ослабѣвали съ каждымъ днемъ. Присяга въ вѣрности имѣла силу въ отношеніяхъ вассала къ своему сеньору. Карлъ Лысый обращается къ сеньорамъ для подавленія безпорядковъ, возникшихъ на ихъ земляхъ; его власть проводится только чрезъ ихъ власть; прямого воздѣйствія не существуетъ, и хотя Карлъ Лысый угрожаетъ возложить на сеньоровъ отвѣтственность за преступленія ихъ вассаловъ, если они не съумѣютъ предупредить того или наказать, но тѣмъ не менѣе, очевидно, феодальная іерархія пріобрѣтаетъ независимость отъ имперіи, и попытка Карла В. освободить монархію разбивается въ общемъ потокѣ событій о неспособности его преемниковъ.

Такимъ образомъ, въ концѣ X вѣка, монархическія учрежденія, стремясь овладѣть обществомъ и внести въ него порядокъ и единство, имѣли успѣха не болѣе, какъ и учрежденія свободныя. Всѣ ихъ основы были потрясены, всѣ средства къ дѣйствію ослабли или сдѣлались неприложимыми. Религіозный характеръ древне-германской монархіи исчезъ; германское происхожденіе той или другой фамиліи забыто вмѣстѣ съ другими преданіями варварской жизни. Она сама утратила свой первобытный военный характеръ: дружины не существовало; жизнь бродячая прекратилась, и большая часть воиновъ осѣлась въ своихъ помѣстьяхъ. Политическій характеръ императорства былъ непонятенъ для новаго общества: верховности, народнаго величества и самаго государства не существовало; какъ же могъ явиться символъ или представитель того, чего не было на дѣлѣ? Одинъ христіанско-религіозный характеръ монархіи сохранялъ нѣкоторую силу, нѣкоторое вліяніе, но слабое и рѣдкое; свѣтскіе собственники мало думали о немъ: ихъ болѣе занимали треволненія жизни и нужда личной независимости; даже епископы и аббаты не заботились объ этомъ характерѣ, потому что сами сдѣлались феодальными собственниками и вошли въ ихъ интересы, нравы, сохраняя слабую привязанность къ идеямъ мало подходившимъ къ ихъ свѣтскому положенію. Однимъ словомъ, всѣ основы какъ свободныхъ такъ и монархическихъ учрежденій были потрясены, ихъ жизненныя начала потеряли всякую энергію.

3. *Аристократическія учрежденія* имѣли другую судьбу: они не только не падали, но даже развивались съ успѣхомъ. Мы видѣли, что домашняя верховность главы германскаго семейства была перенесена въ Галлію, но тамъ она сдѣлалась еще болѣе безусловною, потому что семейныя ея основы потряслись, а завоеваніе, насиліе, остались почти единственною опорою. Такимъ образомъ, въ новомъ обществѣ, тотъ главный аристократическій элементъ древняго общества въ Германіи не только не ослабъ, но еще укрѣпился. Второй элементъ, т.-е. покровительство вождя дружины ея членамъ, имѣлъ ту же участь, измѣнивъ одну форму: вліяніе военное преобразовалось въ право сузерена надъ вассалами. Но такое преобразованіе дало аристократическому принципу еще болѣе энергіи и твердости. Съ одной стороны, развилось неравенство: владѣтели феодовъ отличались другъ отъ друга гораздо болѣе, нежели воины; съ другой стороны, въ древней дружинѣ сподвижники, живя вмѣстѣ, держались другъ за друга и сообща слѣдили за властью вождя. Вступивъ же въ положеніе собственниковъ, каждый увидѣлъ себя уединеннымъ, и сузерену было легче господствовать надъ всѣми.......

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что въ то время, когда двѣ первыя системы учрежденій клонились къ упадку, аристократія, напротивъ пріобрѣтала болѣе твердыя основанія и ея принципы входили въ большую силу. Конечно, она не дала обществу правильной формы, единства, цѣлости и никогда не успѣла въ томъ; но тѣмъ не менѣе, она преобладала, она одна заключала въ себѣ жизненность, одна была способна къ управленію людьми и дала, такимъ образомъ, время

другимъ общественнымъ началамъ вздохнуть, чтобы впослѣдствіи явиться съ новою силою.

Гизо.

Hist. d. l. civil. en France.
t. III, 164—215.

О Гизо и его сочиненіяхъ, см. въ томѣ I, на стр. 17, и въ томѣ II, на стр. 49.—Въ приведенной выше статьѣ, Гизо коснулся одного изъ самыхъ трудныхъ и важныхъ вопросовъ исторіи средневѣковаго общества. Вопросъ о происхожденіи феодализма, его сущности и организаціи еще до сихъ поръ остается спорнымъ. Въ эпоху, когда говорилъ Гизо, въ Германіи и вездѣ преобладалъ тотъ взглядъ, что феодализмъ былъ результатомъ завоеванія и имѣлъ своимъ первообразомъ древнюю германскую дружину: личныя отношенія ея членовъ между собою и къ своему предводителю получили послѣ завоеванія территоріальный характеръ. Въ 1850 г., мюнхенскій ученый Ротъ (P. Roth) въ своемъ сочиненіи: Geschichte des Beneficialwesens von den ältesten Zeiten bis ins X Jahrh.. Erlang. 1850 — возсталъ противъ этого мнѣнія, и старался доказать, что при Меровингахъ не было и понятія о феодальныхъ отношеніяхъ сузерена къ вассалу, и что эти отношенія были введены въ первый разъ Карловингами въ VIII вѣкѣ. Противъ Рота возсталъ опять Вайтцъ (Waitz), сначала въ своемъ изслѣдованіи: Ueber die Anfänge der Vasallität. Götting. 1856 — а потомъ въ 3 и 4 томахъ своей извѣстной Deutsche Verfassungsgeschichte, и защищалъ прежній взглядъ. Эти два писателя остаются и до сихъ поръ во главѣ двухъ главныхъ школъ, раздѣляющихъ между собою ученыхъ по вопросу о феодализмѣ. Въ 1863 году, Ротъ издалъ новое сочиненіе, въ которомъ онъ съ большою ученостью возражаетъ Вайтцу и доказываетъ справедливость своей исторіи, а именно: Feudalität und Unterthanverband. Weimar. 1863.—Достовѣрно можно сказать одно, что позднѣйшая феодальная система была результатомъ тѣхъ государственныхъ мѣръ, которыя по необходимости принимались какъ Меровингами, такъ и Карловингами, для управленія своими владѣніями; даже такой государь, какъ Карлъ В., отвѣчалъ на вопросъ, почему онъ дробилъ свое государство: „Поступая такъ, я могу при помощи того и другого имѣнія, или мызы или маленькаго аббатства, или церкви обезпечить себѣ вѣрность такогоже хорошаго или даже и лучшаго вассала, нежели иной графъ, или епископъ“ (Монахъ. Сангалл. I, 13; см. выше на стр. 95).

II.

ВѢКЪ ОТТОНА ВЕЛИКАГО

и

ВОЗСТАНОВЛЕНІЕ СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ.

(X-е СТОЛѢТІЕ).

Историческій очеркъ эпохи.

Отъ сверженія Карла III Толстаго, въ 888 г., и отъ распаденія монархіи Карла Великаго, по главнымъ пяти національностямъ западной Европы, до прекращенія послѣднихъ Карловинговъ во Франціи, въ 987 г. когда вступилъ домъ Капета, прошло сто лѣтъ, которыя составляютъ *вторую* эпоху второго періода среднихъ вѣковъ. Но и въ эту эпоху имперія собственно не прекращала своего существованія: только франкское королевство перестало быть ея центромъ, и имперія возвратилась на свою классическую почву въ Италію.

Италія. Два итальянскихъ герцога, родственники Карловинговъ, *Гвидо* Сполетскій и *Беренгарій* Фріоульскій, по сверженіи Карла III, открыли своимъ соперничествомъ рядъ кровопролитій, опустошавшихъ Италію отъ 888 г. до 962. Смерть Гвидо (896) и его сына *Ламберта* (898) освободила Беренгарія отъ совмѣстниковъ, но зато открылось поприще для новыхъ претендентовъ: въ Германіи и Бургундіяхъ, Цисъ-юранской и Трансъ-юранской, носили титулъ королей такіе же родственники Карловинговъ, *Арнульфъ* король Германіи, *Людовикъ III Слѣпой* въ Ц.-Бургундіи, и *Рудольфъ II* въ Т.-Бургундіи. Въ борьбѣ съ ними Беренгарій I провелъ все время своего правленія до самой смерти въ 924 г. Смерть Арнульфа (899) избавила его отъ самаго опаснаго соперника; Людовикъ III Ц.-Бургундскій попался въ плѣнъ и былъ ослѣпленъ (905); самая же упорная борьба была ведена съ Рудольфомъ II, который восторжествовалъ, благодаря убійству Беренгарія I. Но не прошло и двухъ лѣтъ, какъ Рудольфъ II нашелъ себѣ новаго соперника въ лицѣ короля Ц.-Бургундіи Гуго, преемника Людовика III Слѣпого, и долженъ былъ ему уступить Италію, получивъ отъ него взамѣнъ Ц.-Бургундію: такъ, въ 935 г., обѣ Бургундіи соединились въ одно цѣлое. Правленіе *Гуго* въ Италіи (926—947) и его сына *Лотаря II*, женившагося на Аделаидѣ, дочери Рудольфа II, было исполнено внутреннихъ волненій, центромъ которыхъ былъ Римъ, а главными двигателями—папы, управляемые интригами самыхъ недостойныхъ женщинъ. Всѣмъ этимъ воспользовался внукъ Беренгарія I, *Беренгарій II*, маркграфъ Иврейскій: онъ изгналъ изъ Италіи Гуго, а по смерти

его сына, Лотаря II, овладѣлъ Италіею и хотѣлъ принудить его вдову Аделаиду выйти за своего сына Адальберта. Хотя Аделаида не согласилась и была заключена, но недовольные князья Италіи пригласили тогда германскаго короля Оттона I Великаго, и онъ въ 952 г. смирилъ Беренгарія II, женился на Аделаидѣ, но оставилъ пока Италію въ рукахъ своего соперника, потому что былъ занятъ внутренними безпокойствами, возникшими въ Германіи. Новыя жалобы изъ Италіи заставили Оттона предпринять вторичный походъ, и на этотъ разъ онъ самъ короновался императорскою короною, и соединилъ такимъ образомъ Италію и Германію въ одно цѣлое (962 г.).

Итальянскіе короли:

Беренгарій I. 888—924, и его соперники:
1) Гвидо Сполетскій († 896), и его сынъ
2) Ламбертъ († 898).
3) Арнульфъ, кор. герман. († 899).
4) Людовикъ III Слѣпой (904), кор. Ц.-Бургундіи.
5) Рудольфъ II, кор. Т.-Бургундіи (922—926).

Гуго, кор. Ц.-Бургундіи 924—947, и его сынъ
Лотарь II 947—950.
Беренгарій II. 950—962 (внукъ Беренгарія I).
Оттонъ I Великій. 962—973.

Германія, начавъ отдѣльное политическое существованіе, по сверженіи Карла III Толстаго, успѣла утвердить у себя прочно одну династію, которая не только обезпечила ея внѣшнюю независимость, но и поставила самое государство на первое мѣсто въ ряду всѣхъ королевствъ, сложившихся изъ монархіи Карла Великаго. Причина такого необыкновеннаго развитія Германіи заключалась въ томъ, что она находилась на предѣлахъ варварскаго міра: въ то время, когда во Франціи и Италіи шли династическіе споры и внутреннія междоусобія, Германіи предстояло бороться съ славянами и венграми. *Арнульфъ* (888—899) и его сынъ *Людовикъ Дитя* (899—911) скоро окончили собою линію побочныхъ Карловинговъ, и чины германскіе избрали на королевскій престолъ герцога Франконіи *Конрада I* (911—918); но военное значеніе саксонскихъ герцоговъ, граничившихъ съ славянами, не дозволяло имъ признать надъ собою власть южнаго владѣтеля, и по смерти Конрада, герцогъ саксонскій *Генрихъ I Птицеловъ* (918—936) избирается королемъ Германіи. Съ того времени саксонскій домъ удерживаетъ за собою престолъ до самаго начала XI столѣтія. Генрихъ I и его сынъ *Оттонъ I Великій* (936—973) положили предѣлъ набѣгамъ венгровъ, покорили независимыя славянскія племена за Одеромъ и основали тамъ маркграфство Бранденбургское для обезпеченія своихъ границъ, а самостоятельныя славянскія государства, какъ Польшу и Богемію, поставили въ ленную зависимость. Внутри Германіи Оттонъ Великій утвердилъ власть своего дома, возвышая на герцогскіе престолы и ар-

хіепископства своихъ родственниковъ: Баварія была отдана его брату Гейнриху, другой его братъ Бруно владѣлъ Лотарингіею и вмѣстѣ былъ Кёльнскимъ архіепископомъ. Наконецъ, въ 952 г., положеніе Италіи дозволило Оттону I вмѣшаться въ ея дѣла, а 10 лѣтъ спустя онъ овладѣлъ Италіею и вмѣстѣ императорскимъ титуломъ. Ему недоставало только подчинить своей власти южную Италію, которая по праву принадлежала грекамъ, а на дѣлѣ была занята сарацинами. Но Оттонъ I успѣлъ по крайней мѣрѣ открыть своему сыну Оттону дорогу въ южную Италію, женивъ его на византійской принцессѣ Ѳеофаніи. *Оттонъ II* (973 — 983) и его сынъ *Оттонъ III* (983—1002) употребили всѣ усилія для осуществленія плановъ своего предшественника, но оба погубили себя, преслѣдуя фантастическіе планы возстановленія древней римской имперіи. Греки соединились съ сарацинами противъ нѣмецкихъ притязаній; Оттонъ II едва не попался въ плѣнъ, а Оттонъ III погибъ въ Римѣ еще въ молодыхъ лѣтахъ отъ отравы: римляне опасались для себя такой близости верховной власти. Впрочемъ, послѣдніе два Оттона обратили вниманіе и на Францію, которая находилась въ томъ же положеніи, въ какомъ была Италія передъ походами Оттона I. Но ихъ попытки содѣйствовали только скорѣйшему паденію Карловинговъ; то, что въ Италіи не удалось Беренгарію II, того вполнѣ достигъ во Франціи герцогъ французскій Гуго Капетъ, овладѣвшій ея престоломъ по смерти послѣдняго Карловинга, Людовика V Лѣниваго. Съ Оттономъ III прекращается прямая линія Саксонскаго дома, и въ 1002 вступаетъ на престолъ младшая его отрасль, въ лицѣ Гейнриха II, внука того Гейнриха, брата Оттона I, которому онъ отдалъ герцогство Баварію.

Германскіе короли и императоры:

Арнульфъ. 888—899.
Лудовикъ Дитя. 899—911.
Конрадъ I. 911—918.
Гейнрихъ I Птицеловъ. 918—936.
Оттонъ I Великій. 936—973 (съ 962 импер.).
Оттонъ II. 973—983.
Оттонъ III. 983—1002.

Франція. При первыхъ преемникахъ Карла В., еще въ первый половинѣ IX вѣка, рядомъ съ Карловингами начала возвышаться въ государствѣ власть, не имѣвшая для себя никакой другой опоры, кромѣ государственныхъ заслугъ и всеобщаго уваженія, которымъ пользовались ея представители. Это были герцоги Франціи, т.-е. небольшой земли по берегамъ Сены около Парижа. Первый изъ нихъ, современникъ Людовика Благоч., выходецъ изъ Германіи, предполагаемый сынъ или внукъ Видукинда, врага Карла В., Робертъ Сильный, защищая Францію отъ норманновъ, заплатилъ своею жизнью,

въ 866 г. Онъ былъ женатъ на Аделаидѣ, дочери Людовика Благоч., и дѣти его Одо (Eudes) и Робертъ, какъ родственники королевскаго дома, пріобрѣли новое значеніе, особенно Одо, прославившій себя защитою Парижа отъ норманновъ. Когда Карлъ III Толстый былъ свергнутъ, чины Франціи избрали *Одо* своимъ королемъ (888—898), не смотря на то, что послѣдній внукъ Карла Лысаго, Карлъ Простой, пришелъ уже въ возрастъ. Но партія Карловинговъ противопоставила ему скоро своего претендента, и Одо согласился въ 893 г. раздѣлить Францію рѣкою Сеною: на югѣ остался онъ самъ, а на сѣверѣ утвердился *Карлъ Простой*, который только по смерти Одо соединилъ снова все государство въ одно цѣлое (893 — 923). Для усиленія своей власти противъ бароновъ, онъ уступилъ Нормандію Роллону, выходцу изъ Скандинавіи (912 г.), но не смотря на то, въ 922 г. бароны противопоставили ему брата Одо, *Роберта* (922 г.); хотя Карлъ Простой разбилъ и убилъ своего соперника, но сынъ его, Гуго Великій или Бѣлый, взялъ короля въ плѣнъ (923 г.), а на мѣсто его возвелъ своего шурина *Рауля*, графа Бургундскаго (923—936). Карлъ Простой умеръ плѣнникомъ (929 г.), а малолѣтній его сынъ Людовикъ бѣжалъ въ Англію къ дядѣ Ательстану. По смерти Рауля, Гуго Великій вторично отказался отъ короны и призвалъ изъ-за моря *Людовика IV Заморскаго* (936—954). Но, собственно говоря, и Людовикъ IV, и его сынъ *Лотарь* (954—986) были королями одного города Лана; на дѣлѣ главою государства оставался Гуго Великій († 956) и его сынъ Гуго Капетъ, называемый въ лѣтописяхъ просто *герцогъ*. Притязанія Оттоновъ на Францію и возстанія вассаловъ до того унизили власть послѣднихъ Карловинговъ, что, когда умеръ сынъ Лотаря, *Людовикъ V Лѣнивый*, правившій всего одинъ годъ (986—987), то чины Франціи избрали королемъ *Гуго Капета* (987—996 г.), не смотря на притязанія Карла Лотарингскаго, дяди послѣдняго короля, который попался къ своему сопернику въ плѣнъ. Гуго Капетъ открываетъ собою новую династію, которая оставалась во главѣ Франціи, въ своихъ различныхъ развѣтвленіяхъ, до послѣдняго времени (1848 г.). Но первые Капетинги наслѣдовали королевскую власть въ той ничтожной формѣ, до какой она была доведена послѣдними Карловингами, а именно, Франція осталась раздѣленною на 12 пэрствъ, т.-е. большихъ баронствъ, изъ которыхъ шесть были свѣтскія, и шесть духовныя, самъ король былъ только одинъ изъ 12 такихъ пэровъ, а именно, онъ владѣлъ своимъ герцогствомъ Франціею на берегахъ р. Сены, Орлеаномъ, Туромъ и Анжу: кромѣ того, Гуго Капетъ былъ прежде аббатомъ С.-Дени и св. Мартина. Потому при немъ и при его сынѣ *Робертѣ* (696—1031), исторія королевства ограничивается по прежнему однимъ родовымъ герцогствомъ своихъ королей, и такой порядокъ дѣлъ продолжается и въ XI столѣтіи до самаго начала крестовыхъ походовъ. Франція съ новою династіею выиграла только то, что короли германскіе прекратили свои притязанія на ея территорію, какъ то было при послѣднихъ Карловингахъ, изъ которыхъ Карлъ, герцогъ Лотарингскій, былъ уже вассаломъ королей Германіи.

Короли французскіе:

Карловинги:	Капетинги:
Карлъ Простой. 893—923.	Одо. 888—898.
Людовикъ IV Заморскій. 936—954.	Робертъ. 922—923.
Лотарь. 954—986.	Рауль. 923—936.
Людовикъ V Лѣнивый. 986—987.	Гуго Капетъ. 987—996.
Карлъ (Лотаринг.). 988—991.	Робертъ. 996—1031.

Бургундіи, Цицъ-юранская и Трансъ-юранская, занимая альпійскую возвышенность, лежали на предѣлахъ Франціи, Италіи и Германіи и не имѣли для своего отдѣльнаго политическаго существованія опоры въ какой нибудь отдѣльной національности. Ихъ короли, родственники Карловинговъ по женскимъ линіямъ, играли роль, какъ претенденты на итальянскую корону и были соперниками Беренгарія I; это вмѣшательство содѣйствовало только къ соединенію обѣихъ Бургундій, 935 г., когда Гуго Цисъ-юранскій, овладѣвъ Италіею, удовлетворилъ Рудольфа II Трансъ-юранскаго своею родовою частью. Знаменитая дочь послѣдняго Аделаида своимъ бракомъ съ Лотаремъ, королемъ Италіи, и Оттономъ I, королемъ Германіи, а потомъ опекою надъ своимъ сыномъ Оттономъ II и внукомъ Оттономъ III, сдѣлала то, что бургундскій дворъ ея брата Конрада I (937—993) былъ центромъ всей западной Европы, до самаго конца X столѣтія. Сынъ его *Рудольфъ III* (993—1032) былъ послѣднимъ королемъ Бургундіи.

Короли бургундскіе;

Цисъ-юранскіе:	Трансъ-юранскіе:
Людовикъ III Слѣпой. 887—930.	Рудольфъ I. 888—912.
Гуго. 930—935.	

Рудольфъ II. 912—937. (Цисъ-юр. съ 935 г.).
Конрадъ I. 937—993.
Рудольфъ III. 993—1032.

Испанія въ X вѣкѣ продолжала раздѣляться между мусульманами и христіанами, потомками готовъ и франковъ.

Кордовскій калифатъ, при преемникахъ Абдерама II (см. выше, на стр. 11), въ концѣ IX и въ началѣ X ст., былъ потрясенъ внутренними семейными раздорами, которые окончились со вступленіемъ на престолъ *Абдерама III* (912—961); при немъ, какъ и при его сынѣ *Гакамъ II* (961—975), въ послѣдній разъ развились во всемъ блескѣ и могущество, и образованность мусульманъ въ Испаніи; но по смерти Гакама II, калифы удаляются навсегда въ сераль, и въ половинѣ XI вѣка калифатъ былъ уже раздѣленъ между эмирами на 9 независимыхъ частей.

Исторія христіанскихъ владѣній имѣла обратный ходъ: въ теченіе X вѣка, и готскіе короли Леона, потомки Альфонса III В., и франкскіе короли Наварры, представляютъ рядъ междоусобій и семейныхъ раздоровъ; графы Кастиліи, ленники Леона, дѣлаются са-

мостоятельными. Но въ концѣ X вѣка, когда калифатъ начинаетъ клониться къ паденію, династія королей Наварры присоединяетъ къ себѣ по наслѣдству готскую часть, и христіанская Испанія въ началѣ XI вѣка является всецѣлою монархіею. Король Наварры *Санхо III Великій* (1000—1035) получаетъ по наслѣдству Кастилію, а его братъ *Фердинандъ I* (1037) пріобрѣтаетъ, по завѣщанію короля Леона, Бермуда III, королевство Леонское.

Если въ X столѣтіи, борьба христіанъ съ невѣрными ослабла, то причину того должно искать въ нападеніи норманновъ на Италію, которые угрожали одинаково и мусульманамъ, и христіанамъ.

Кордовскіе короли:	**Леонскіе короли:**	**Наваррскіе короли:**
Абдерамъ III. 912—961.	Гарсій. 910—914.	Санхо I. 905—926.
Гакамъ II. 961—975.	Ордоньо II. 914—923.	Гарсій I. 926—956.
Гакамъ III. 975—1009.	Фройла II. 923—924.	Санхо II. 956—994.
	Альфонсъ IV. 924—929.	Гарсій II. 994—1000.
	Рамиро II. 929—950.	Санхо III. Великій. 1000—1035.
	Ордоньо III. 950—955.	
	Ордоньо IV. 955.	
	Санхо Толстый. 955—957.	
	Рамиро III. 957—982.	
	Бермудъ II. 982—999.	
	Альфонсъ V. 999—1027.	
	Бермудъ III. 1027—1037.	

Англія, при преемникахъ Альфреда В., до 70-хъ годовъ X столѣтія, продолжала съ успѣхомъ дѣло своего основателя. Особенно замѣчательно было правленіе Ательстана и Эдгара, при которыхъ архіепископъ Кентерберійскій, Дунстанъ, задумалъ совершить реформу церкви и государства въ томъ же духѣ, какимъ отличались попытки его современниковъ на материкѣ, Одилона Клюнійскаго, Адальбера Реймскаго и друг. Но ничтожество преемниковъ Эдгара ослабило привительство, и въ началѣ XI вѣка Англія была завоевана датчанами.

Короли Англіи:

Эдуардъ Древній. 900—924.	Эдви, 955—959.
Ательстанъ. 924—940.	Эдгаръ. 959—975.
Эдмондъ. 940—946.	Эдуардъ Мучен. 975—978.
Эдредъ. 946—955.	Этельредъ II. 978—1004

27.—Состояніе Италіи, Германіи и Бургундій въ первой половинѣ X вѣка до Оттона Великаго (898—936 г.).

(Между 958 и 962 г.).

Начинается вторая книга [1]).

1. Послѣ того, какъ теплота жизни, удалившись изъ членовъ тѣла короля Арнульфа, оставила его бездыханнымъ, всѣ народы поставили своимъ королемъ его сына Людовика (Hulodoicus). Смерть такого великаго человѣка (дек. 898 г.) не могла не сдѣлаться извѣстною всему міру и въ особенности сосѣднимъ венграмъ. Этотъ день былъ для нихъ лучшимъ праздникомъ; они считали такое событіе для себя выше всѣхъ сокровищъ. Что же случилось?

2. Въ первый же годъ по смерти Арнульфа и воцареніи его сына, венгры собрали огромное войско и покорили своей власти маравановъ (маравовъ), тѣхъ самыхъ, которые были завоеваны при ихъ помощи Арнульфомъ. Затѣмъ они перешли границы багоаріевъ (баваровъ), разрушили ихъ зàмки, сожгли церкви и избили жителей. Для распространенія большаго ужаса, они упивались кровью своихъ жертвъ.

3. Когда король Людовикъ получилъ извѣстіе объ опустошеніи своихъ земель и жестокости венгровъ, онъ призвалъ всѣхъ своихъ людей къ походу, и, чтобы страхомъ возбудить большее усердіе, угрожалъ каждому висѣлицею, кто уклонился бы отъ участія. Наконецъ, его огромное войско встрѣтилось съ безчисленными толпищами того отвратительнаго народа. Ни одинъ жаждущій не стремится такъ къ холодному источнику, какъ этотъ жестокій народъ ожидаетъ дня битвы; ничто его не радуетъ, какъ бой. Какъ я читалъ въ сочиненіи, которое говоритъ „О происхожденіи“ этого народа [2]), сами матери у венгровъ разрѣзываютъ своимъ сыновьямъ, при самомъ рожденіи, щеки острымъ ножемъ, съ тѣмъ чтобы пріучить переносить раны, прежде нежели они начнутъ питаться первымъ молокомъ. Въ справедливости этого извѣстія увѣряетъ насъ и то обстоятельство, что и до сихъ поръ у нихъ родственники покойника наносятъ себя раны въ знакъ печали. Это люди ἄθεοι καί ἀσεβοῖς ἀντι των δακειων, *авеи кэ асевисъ анти тонъ дакріонъ*, то-есть, „безбожные и нечестивые вмѣсто слезъ“ проливаютъ кровь. Король Людовикъ едва успѣлъ подойти съ своимъ войскомъ къ г. Августѣ (н. Аугсбургъ, на рѣкѣ Лехѣ), лежащемъ на предѣлахъ земли свевовъ (швабовъ) и баваровъ, и восточныхъ франковъ, какъ къ нему пришло неожиданное, а еще болѣе нежелательное, извѣстіе о приближеніи непріятеля. На слѣдующій день оба войска столкнулись на равни-

---

[1]) См. первую книгу выше, на стр. 293.

[2]) Такъ озаглавлено извѣстное сочиненіе Іордана De Getarum origine (см. т. I, стр. 293); Ліутпрандъ ссылается именно на XXIV гл., гдѣ говорится о гуннахъ (см. перев. этой главы въ т. I, стр. 240).

нахъ р. Леманна (н. Лехъ), весьма удобныхъ по своей обширности для подвиговъ Марса.

4. Прежде нежели—

„Утромъ Аврора возстала съ пурпурнаго ложа Титона" [1]),

кровожадное и браннолюбивое отродье венгровъ напало на христіанъ, еще объятыхъ сномъ. Многихъ разбудило жужжанье стрѣлъ прежде крика непріятей; другіе же, пронзенные на своихъ ложахъ, не были подняты ни крикомъ, ни ранами, потому что душа ихъ отлетѣла прежде пробужденія отъ сна. Затѣмъ началась жестокая сѣча; обративъ тылъ, какъ бы для бѣгства, турки [2]) положили на мѣстѣ многихъ христіанъ своими мѣткими *boelis*, т.-е. стрѣлами.

О, когда златокудраго Феба чело облаками
Мрачными самъ Элоимъ всемогущій мгновенно подернетъ,
Вмѣстѣ и своды небесные тяжко громами застонутъ,
Доннара [3]) стрѣлы каленыя вспыхнутъ одна за другою:
Горе тогда тому, кто бѣлымъ черное назвалъ;
Въ совѣсть твою заглянуть ни одинъ злодѣй не посмѣетъ,
Гнѣвомъ небеснымъ въ самое сердце глубоко сраженный:—
Такъ съ быстротой вылетали каленыя стрѣлы изъ лука,
Кожу бычачью тяжелыхъ щитовъ насквозь проникая;
Граду подобно, который, зеленую жатву скосивши,
Громко шумитъ и по кровлямъ высокимъ со стукомъ летаетъ,
Воевъ мечи ударялись о звонкіе шлемы, и трупы
Падали быстро рядами, сраженные мѣткой стрѣлою [4])

Фебъ, начавъ клониться къ западу, уже достигъ седьмого часа своего пути (по нашему, первый часъ по полудни), а Марсъ, обращая свѣтлое лицо къ Людовику, продолжалъ ему покровительствовать, какъ въ это время коварные турки, скрывъ засаду, показали видъ, что они обращаются въ бѣгство. Королевское войско (regis populus), не подозрѣвая хитрости, пустилось съ жаромъ преслѣдовать, но на него бросились со всѣхъ сторонъ изъ-за засады, и мнимопобѣжденные начинаютъ истреблять побѣдителей. Самъ король съ изумленіемъ видѣлъ, что его побѣда обратилась въ пораженіе, которое было тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ менѣе онъ могъ его ожидать. Ты увидѣлъ бы долины и поля, усѣянныя трупами, ручьи и рѣки, обагренныя кровью; ржаніе лошадей и трубные звуки увеличили ужасъ обращенныхъ въ бѣгство и поощряли рвеніе преслѣдовавшаго непріятеля.

5. Такъ достигли венгры своей цѣли; но ихъ злоба еще не была вполнѣ удовлетворена такимъ страшнымъ пораженіемъ христіанъ: чтобы насытить свою корысть, они прошли земли баваровъ, свевовъ (швабовъ), франковъ и саксовъ, предавая все встрѣчавшееся на пути

---

[1]) Виргил. Георг. I, 447.

[2]) *Turci*, такъ Ліутпрандъ называетъ венгровъ, въ подражаніе византійцамъ.

[3]) *Tonantis*—латинскій переводъ имени германскаго божества Donnar.

[4]) См. выше примѣч. 2, на стр. 300.

огню и мечу. Никто не осмѣливался выжидать ихъ прихода, за исключенiемъ тѣхъ мѣстъ, которыя трудно было бы взять, или которыя были укрѣплены самою природою. Нѣсколько лѣтъ народъ принужденъ былъ платить имъ дань.

6. При этомъ королѣ (т.-е. Людовикѣ Дитяти) жилъ нѣкто Адельбертъ (906 г.), не какой нибудь ничтожный человѣкъ, но тотъ великiй герой, который, живя въ своемъ замкѣ Бавембергѣ (Бабенбергъ), вступилъ въ упорную вражду съ цѣлою имперiею (res publica). Король Людовикъ ходилъ противъ него часто со всѣми своими силами; но этотъ герой выдерживалъ съ нимъ борьбу, не запершись въ зàмкѣ, какъ другiе то обыкновенно дѣлаютъ, но выступая въ открытое поле, далеко отъ своихъ укрѣпленiй. Именно, случилось однажды, что приближенные къ королю, изумляясь на дѣлѣ его отвагѣ, явились къ Людовику и совѣтовали выманить непрiятеля мнимымъ боемъ изъ крѣпости и послѣ погубить. Но Адельбертъ не только зналъ подобныя военныя хитрости, но и самъ былъ мастеръ на нихъ, а потому встрѣтилъ непрiятеля такъ далеко отъ зàмка, что тотъ распозналъ въ немъ врага не прежде, какъ испытавъ на своихъ головахъ острiе его смертоноснаго меча. Послѣ того какъ Адельбертъ, этотъ герой, въ теченiе семи лѣтъ упорствовалъ въ подобномъ мятежѣ, король Людовикъ, видя, что такое мужество и храбрость можно побѣдить только хитростью, обратился къ Гаттону, майнцскому архiепископу и просилъ у него совѣта, какъ поступить въ подобномъ случаѣ. Будучи человѣкомъ хитрымъ, архiепископъ ему отвѣчалъ: „Успокойся, я тебя освобожу отъ этой заботы; я устрою такъ, что Адельбертъ самъ явится къ тебѣ, а ты уже постарайся, чтобы онъ отъ тебя не ушелъ“. Увѣренный въ себѣ, такъ какъ Гаттонъ не разъ умѣлъ дать хорошiй оборотъ худому положенiю дѣлъ, онъ явился въ Бабенбергъ, показывая видъ, что его привело туда одно дружеское участiе къ Адельберту. Архiепископъ заговорилъ такъ: „Хотя быть можетъ ты и не вѣришь ни въ какую жизнь, кромѣ настоящей, но тѣмъ не менѣе не справедливо съ твоей стороны упорствовать въ мятежѣ противъ своего господина, тѣмъ болѣе, что всѣ твои усилiя напрасны; ты не хочешь понять, сколько ты выиграешь у всѣхъ и въ особенности у короля, если смиришься духомъ. Повѣрь моимъ совѣтамъ и прими клятву въ томъ, что ты безъ всякаго колебанiя *можешь выйти изъ зàмка и воротиться въ него.* Если не вѣришь моимъ пастырскимъ обѣщанiямъ, то будь довѣрчивъ къ моей клятвѣ; я клянусь, что какъ здравъ и невредимъ ты выйдешь со мною изъ замка, такъ я позабочусь привести тебя и назадъ“. Адельбертъ, допустивъ себя увлечь или, лучше сказать, обмануть, такими рѣчами, сладчайшими меда, повѣрилъ клятвѣ Гаттона и вмѣстѣ съ тѣмъ пригласилъ его поужинать. Гаттонъ же, имѣя въ виду свой коварный планъ, который онъ хотѣлъ немедленно привести въ дѣйствiе, на отрѣзъ отказался отъ всякаго ужина. Такимъ образомъ, она оставили зàмокъ безотлагательно, а Адельбертъ слѣдовалъ за нимъ, держа его за правую руку. Но едва они оставили за собою замокъ, какъ Гаттонъ остановилъ своего спутника словами: „Мнѣ жаль, мой храбрый герой, что я не подкрѣпилъ себя,

сообразно съ твоимъ совѣтомъ: вѣдь намъ предстоитъ длинный путь". Не подозрѣвая ни того бѣдствія, ни той погибели, которая подготовлялась ему словами Гаттона, Адельбертъ отвѣчалъ ему. „Такъ воротимся, владыко: подкрѣпи сколько нибудь свое тѣло, чтобы не истощить его муками голода". Гаттонъ согласился на это предложеніе, и тою же дорогой, которой они вышли изъ зáмка, повелъ назадъ Адельберта, держа его по прежнему за правую руку. Они наскоро поѣли и въ тотъ же день оба поспѣшили къ королю. Когда объявили королю о прибытіи Адельберта, въ лагерѣ поднялась большая тревога и шумъ. Король, обрадованный такою вѣстью, приказалъ всѣмъ князьямъ собраться и открыть судебное засѣданіе. Въ собраніи онъ обратился къ судьямъ: „Мы знаемъ собственнымъ опытомъ, а не по одному слуху, сколько пролито Адельбертомъ крови въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ, сколько надѣлалъ онъ намъ тревогъ и вреда своими разбоями и опустошеніями. Теперь я жду вашего приговора, какую награду должно присудить ему за такіе блестящіе подвиги". По единодушному рѣшенію, Адельбертъ, на основаніи постановленій древнихъ королей (secundum priscorum instituta regum), былъ обвиненъ въ оскорбленіи величества (majestatis reus) и приговоренъ быть обезглавленнымъ. Но когда его связаннаго повлекли на казнь, онъ увидѣлъ Гаттона и обратился къ нему: „Ты будешь клятвопреступникомъ, если допустишь лишить меня жизни". Гаттонъ отвѣчалъ: „Я обѣщалъ тебя невредимымъ вывести изъ зáмка и также возвратить, но я и сдержалъ свое слово: вскорѣ послѣ того, какъ мы вышли въ первый разъ, я тебя вывелъ и здравымъ и невредимымъ привелъ назадъ". Тогда Адельбертъ началъ сожалѣть со вздохами о томъ, что такъ поздно разгадалъ хитрость Гаттона, и послѣдовалъ за палачемъ тѣмъ не охотнѣе, чѣмъ болѣе хотѣлось ему жить, еслибъ только то было возможно [1]).

7. По прошествіи немногихъ лѣтъ (899) [2]), когда венгры не встрѣчали болѣе себѣ сопротивленія ни въ восточныхъ, ни въ юговосточныхъ странахъ—булгары и греки были уже ихъ данниками—они рѣшились, чтобы не оставить никого въ покоѣ, потревожить юго-западные народы. Собравъ огромное и безчисленное войско, они потянулись въ Италію. Разбивъ свои холщевыя палатки, или скорѣе тряпки, на берегахъ Бренты, венгры пустили впередъ на три дня пути соглядатаевъ, чтобы развѣдать положеніе мѣстности и плотность населенія, и получили слѣдующія извѣстія: „Лежащая предъ нами и густо населенная равнина, какъ вы видите сами, съ одной стороны, примыкаетъ къ крутымъ и плодоноснымъ горамъ, а съ другой стороны омывается моремъ; города въ ней многочисленны и хорошо укрѣплены. Не знаемъ, мужественна ли, или ничтожна нація, но что она безчисленна, это ясно видно. Потому мы не совѣтуемъ

---

[1]) Весь этотъ разсказъ Ліутпранда о Гаттонѣ даетъ понятіе о нравахъ того времени и напоминаетъ собою извѣстную народную поэму „Рейнеке-фуксъ", которая могла сложиться во время весьма близкое къ эпохѣ, описываемой Ліутпрандомъ.

[2]) Скорѣе Ліутпрандъ долженъ былъ сказать: „Незадолго предъ тѣмъ"; это—очевидный анахронизмъ: Адельбертъ былъ казненъ въ 906 г.

вамъ начинать нападенія съ такими небольшими силами. Но такъ какъ есть достаточно поводовъ, побуждающихъ къ войнѣ, а именно: привычка наша къ побѣдамъ, отвага духа и воинское искусство, въ особенности же богатства, къ стяжанію которыхъ мы стремимся, и которыми эта страна обладаетъ въ такомъ количествѣ, какого мы не видали въ цѣломъ мірѣ и не ожидали видѣть: потому нашъ совѣтъ—возвратиться назадъ, такъ какъ дорога, которую можно сдѣлать менѣе чѣмъ въ 10 дней, вовсе не далека и не тяжела, а въ слѣдующую весну собрать самыхъ храбрыхъ изъ нашего народа и воротиться назадъ грозными не одною храбростью, но и многочисленностью".

8. Принявъ такой совѣтъ, венгры немедленно возвратились домой и провели всю зиму въ ковкѣ оружія, изощреніи стрѣлъ и въ обученіи своего юношества военному искусству.

9. Солнце еще не успѣло переступить изъ знака Рыбъ въ знакъ Овна (по нашему въ концѣ февраля 899 г.), какъ венгры съ огромнымъ и безчисленнымъ войскомъ вторглись въ Италію, прошли мимо твердыхъ укрѣпленій Аквилегіи (н. Аквилейя) и Вероны, и, не встрѣтивъ ни малѣйшаго сопротивленія, достигли г. Тицина, который теперь носитъ благозвучное названіе Папіи (н. Павія). Король Беренгарій (см. о немъ въ ст. 23, на стр. 306), не могъ довольно надивиться такому отважному и необычайному нападенію, тѣмъ болѣе, что передъ тѣмъ онъ даже и не слыхалъ имени такого народа. Къ итальянцамъ (Itali) [1]), тускамъ, вольскамъ, камеринамъ, сполетинцамъ были отправлены къ однимъ письменныя приглашенія (libri), къ другимъ непосредственные послы, съ приказаніемъ всѣмъ собраться въ одномъ мѣстѣ; и составилось войско, превосходившее венгровъ своею численностью въ три раза.

10. Король Беренгарій, видя себя во главѣ такого огромнаго войска, возмечталъ духомъ и, ожидая побѣды надъ непріятелемъ не столько отъ Бога, сколько отъ своей силы, остановился въ небольшомъ мѣстечкѣ съ своими приближенными и предался тамъ чувственнымъ наслажденіямъ. Чѣмъ же это кончилось? Венгры, видя предъ собою такую многочисленную армію, пришли въ замѣшательство и не знали, на что рѣшиться. Сразиться они боялись, а уйти не было никакой возможности. Колеблясь въ нерѣшимости, все же они предпочли обратиться въ бѣгство, и преслѣдуемые христіанами перешли р. Аддую (н. Адда), съ такою поспѣшностью, что многіе изъ нихъ утонули.

11. Затѣмъ венгры напали на хорошую мысль и чрезъ переговорщиковъ просили христіанъ принять отъ нихъ обратно всю сдѣланную ими добычу вмѣстѣ съ вознагражденіемъ за убытки и дать имъ свободно отступить. Къ сожалѣнію, христіане отвергли это предложеніе безусловно, и, — о, горе! — отвѣчая презрительно, думали больше о цѣпяхъ, въ которыя они желали заковать венгровъ, нежели объ оружіи, которымъ можно было бы ихъ истребить. Языч-

---

[1]) На оффиціальномъ языкѣ того времени, подъ Италіею разумѣли одну долину р. По.

ники, видя, что они не могли никакими условіями убѣдить христіанъ къ согласію, возвратились къ прежнему своему плану искать спасенія въ бѣгствѣ. Они снова отступили и достигли такимъ образомъ широкихъ полей Вероны.

12. Передовые отряды христіанъ касались нерѣдко арьергарда (novissimos) непріятеля, даже дошло дѣло до схватки, въ которой язычники побѣдили. Но едва приблизилась главная армія, какъ венгры, снова обратившись въ бѣгство, продолжали свое отступленіе.

13. Такимъ образомъ, христіане и язычники подошли единовременно къ рѣкѣ Брентѣ, потому что усталость коней не дозволяла венграмъ продолжать бѣгства. Оба войска встрѣтились, и только русло упомянутой рѣки отдѣляло ихъ другъ отъ друга. Венгры, доведенные до отчаянія, предлагали выдать все свое имущество, всѣхъ плѣнныхъ, все оружіе, даже своихъ лошадей, удерживая только по одной лошади на человѣка для обратнаго пути; чтобы придать болѣе вѣса своей просьбѣ, они изъявили готовность, за спасеніе жизни, обѣщаться клятвенно никогда не нападать на Италію, и для увѣренія въ томъ отдавали своихъ сыновей заложниками. Но увы! христіане, ослѣпленные своею гордостью, считали своего врага совершенно побѣжденнымъ и угрожали ему, отправивъ немедленно слѣдующую апологію, ἀπολογειαν, то есть, отвѣтъ: „Еслибы мы рѣшились принять въ даръ то, что и безъ того принадлежитъ намъ, и вступить въ переговоръ съ издохшими собаками, то и сумасшедшій Орестъ поклялся бы, что мы сумасшедшіе“ [1]).

14. Доведенные до отчаянія такимъ отвѣтомъ, храбрѣйшіе изъ венгровъ собрались вмѣстѣ и начали воодушевлять другъ друга такими рѣчами: „Такъ какъ человѣку не можетъ ничего хуже случиться, какъ потерять настоящую жизнь, просить же болѣе нельзя, на бѣгство нѣтъ никакой надежды, подчиниться—это все равно, что и умереть, то чего же намъ послѣ того бояться броситься на встрѣчу стрѣлъ и за смерть заплатить смертью? Не будетъ ли лучше, если припишутъ наше пораженіе судьбѣ, а не трусости нашей? Пасть мужественно, сражаясь, значитъ не умереть, но жить. Эту славу, это наше κληρονομειαν, *клирономіанъ*, т.-е. наслѣдство, завѣщанное намъ предками, передадимъ и своимъ потомкамъ. Мы должны положиться на себя, какъ на людей испытанныхъ въ брани, которые не разъ истребляли огромныя войска съ ничтожными силами. Толпища простого народа, непривычнаго къ битвамъ, идутъ на встрѣчу одной погибели. Весьма часто Марсъ губитъ обратившихся въ бѣгство и покровительствуетъ рѣшившимся мужественно бороться. Тѣ, которые не вняли нашимъ мольбамъ, не знаютъ и не имѣютъ въ умѣ того, что побѣдить хорошо, но вознестись въ побѣдѣ (supervincere) не честно“.

15. Воодушевленные такою рѣчью, венгры въ трехъ мѣстахъ располагаютъ засаду, и, переправившись черезъ рѣку, бросаются въ средину непріятеля (24 сент. 899 г.). Большая часть христіанъ, уто-

---

[1]) Insanos capite non sanus juraret Orestes—оборотъ, заимствованный изъ Горац., Сат. II, 3, 132.

мившись продолжительнымъ ожиданіемъ возвращенія переговорщиковъ, разсѣялась по лагерю, чтобы подкрѣпиться пищею. Въ это-то время, венгры напали съ такою быстротою, что многимъ они прокололи кусокъ хлѣба въ горлѣ; другіе, обратясь въ бѣгство, не могли уйти отъ быстроты лошадей, такъ что венгры тѣмъ легче истребляли непріятеля, чѣмъ болѣе находили его стѣсненнымъ. Наконецъ, къ большему несчастію для христіанъ, между ними обнаружился не малый раздоръ. Многіе не только не шли противъ венгровъ, но еще радовались, видя погибель своихъ, и эти недостойные люди дѣйствовали такъ низко, потому что ожидали по смерти своихъ соперниковъ тѣмъ безграничнѣе властвовать. Но оставляя своихъ ближнихъ безъ помощи въ минуту ихъ крайности и радуясь ихъ погибели, они устраивали собственную гибель. Христіане такимъ образомъ обратились въ бѣгство, и язычники предались неистовству; люди, которые только-что напрасно молили о своей пощадѣ, не могли пощадить другихъ, не смотря на ихъ просьбы. Когда наконецъ христіане частью были избиты, частью же обращены въ бѣгство, венгры пронесли опустошеніе по всему королевству. Имъ осмѣливались сопротивляться только за стѣнами самыхъ сильныхъ крѣпостей. Силы венгровъ были такъ велики, что пока одна ихъ часть опустошала Баварію, Свевію (Швабію), Францію (Франконію) и Саксонію, другая грабила Италію.

16. Такимъ успѣхомъ венгры были обязаны не одной своей силѣ: тѣмъ исполнялось истинное слово божіе, болѣе неизмѣнное, чѣмъ небо и земля, когда оно устами пророка Іереміи угрожало всѣмъ народамъ въ лицѣ дома израилева: „И вотъ я приведу на васъ народъ издалека, народъ сильный, народъ древній, народъ, языка котораго ты не знаешь и не поймешь его рѣчи. Колчаны его—разверстая могила; всѣ—силачи; и пожрутъ они жатвы твои и поглотятъ вашъ хлѣбъ; пожрутъ сыновъ вашихъ и вашихъ дщерей; пожрутъ овецъ, и тельцовъ вашихъ; и ваши виноградники, и ваши смоквы, и маслины, и ваши твердыни, на которыя полагаетесь вы, срѣжутъ мечемъ. Но въ тѣ дни, говоритъ Господь Богъ, я не совсѣмъ погублю васъ“ [1]).

17. Въ это самое время умеръ король Людовикъ, а Конрадъ (Chunradus), изъ рода франковъ (т.-е. восточныхъ), мужъ сильный и искусный въ дѣлѣ войны, былъ поставленъ королемъ всѣми племенами (авг. 20—ноябр. 8, 911 г.).

18. При немъ могущественнѣйшими князьями были: Арнольдъ въ Баваріи, Бургардъ въ Швабіи, Эверардъ, сильнѣйшій графъ во Франціи (Франконіи), Гизельбертъ—герцогъ въ Лотарингіи; но надъ всѣми ними возвышался Гейнрихъ, всесильный герцогъ саксовъ и турингговъ.

19. Во второй годъ правленія Конрада (913 г.), вышеупомянутые князья, и въ особенности Гейнрихъ, возстали противъ него. Но Конрадъ одержалъ надъ ними верхъ какъ своимъ благоразуміемъ, такъ

[1]) Іерем. V, 15—18.

и силою, и привелъ къ повиновенію. На Арнольда же онъ навелъ такой страхъ, что онъ вмѣстѣ съ женою и дѣтьми убѣжалъ къ венграмъ и жилъ тамъ, пока была искра жизни въ тѣлѣ Конрада.

20. Въ седьмой же годъ правленія (918 г.), король увидѣлъ, что для него настало время быть отозваннымъ къ Богу. Онъ созвалъ къ себѣ вышеупомянутыхъ князей — одинъ Гейнрихъ не явился — и заговорилъ имъ такъ: „Какъ вы видите, для меня наступило время перейти отъ тлѣнія къ нетлѣнію, отъ смерти къ безсмертью; потому убѣдительно прошу васъ сохранять миръ и согласіе. По смерти моей, да не разжигаетъ васъ никакое властолюбіе, ни желаніе первенства. Изберите королемъ и поставьте господиномъ Гейнриха, благоразумнаго герцога саксовъ и туринговъ; онъ знаменитъ и мудростью, и справедливою строгостью“. Говоря такъ, онъ приказалъ подать свою собственную корону, которая была не только богата золотомъ, какъ короны всякаго другого князя, но и украшена, даже обременена драгоцѣнными камнями, скипетръ и прочія королевскія одежды; и при этомъ, собравъ послѣднія силы, сказалъ: „Вручая эти королевскія регаліи Гейнриху, назначаю его преемникомъ и наслѣдникомъ королевскаго достоинства; и не только совѣтую, но заклинаю васъ повиноваться ему“. Съ этимъ приказаніемъ онъ умеръ (23 дек.), и по смерти его послѣдовало исполненіе его воли. Когда онъ скончался, вышеупомянутые князья представили герцогу Гейнриху корону и всѣ королевскія регаліи, и разсказали ему все въ порядкѣ, какъ распорядился король Конрадъ. Сначала скромно отклонялъ отъ себя Гейнрихъ королевское достоинство, но послѣ безъ честолюбія принялъ его. Если-бы блѣдная смерть, „которая стучитъ своею ногою одинаково и въ хижину бѣдныхъ и въ замки королей“ [1]), не похитила Конрада такъ преждевременно, то его имя властвовало бы надъ многими народами въ мірѣ.

21. Въ это самое время возвратился изъ Венгріи Арнольдъ съ своею женою и дѣтьми и былъ принятъ съ почетомъ баварами и восточными франками. И они не только приняли его, но и настаивали на томъ, чтобы онъ принялъ титулъ короля (ut rex fiat). Король Гейнрихъ, видя, что всѣ повинуются его власти, и только Арнольдъ намѣренъ сопротивляться, собралъ многочисленное войско и пошелъ въ Баварію (921 г.). Когда же узналъ о томъ Арнольдъ, онъ не только не хотѣлъ ждать его прихода въ Баварію, но собравъ, сколько могъ, войска, поспѣшилъ ему навстрѣчу. Очевидно, онъ и самъ хотѣлъ сдѣлаться королемъ. Но когда непріятели сошлись для битвы, король Гейнрихъ, какъ мужъ мудрый и богобоязливый, понимая, что обѣ стороны потерпятъ невознаградимыя потери, предложилъ Арнольду личное свиданіе. Арнольдъ думалъ, что дѣло идетъ о поединкѣ, и потому явился въ назначенный часъ на условленное мѣсто.

22. Король Гейнрихъ, видя его поспѣшно идущимъ къ себѣ на встрѣчу, обратился къ нему съ слѣдующими словами:

---

[1]) Подраж. Горац. Од. I, 4.

Ты ль въ своемъ безразсудствѣ задумалъ противиться Богу?
Избранъ былъ я королемъ всей страны по желанью народа,
Волей Христа, десница котораго правитъ мірами:
Тартаръ предъ нимъ трепсталъ, Флегетонъ его убоялся;
Гордую власть королей, предъ которой повсюду дрожали,
Ницъ онъ повергъ, а смиренныхъ сердцемъ напротивъ возвысилъ,
Съ тѣмъ чтобы слава Господня хранилась во вѣки и вѣки.
Ты ль, вѣроломный, жестокій, преступный, свирѣпый, безбожный,
Страстью слѣпой зараженный, уколотый зависти жаломъ,
Ты ли жаждешь погибели множества душъ христіанскихъ?
Если народъ предпочелъ бы тебя, въ короли избирая,
Вѣрь, что и я никогда никого не желалъ бы другого.

Послѣ того, когда король Гейнрихъ смягчилъ душу Арнольда рѣчью, которая имѣла четверо якое достоинство, а именно, она была богата содержаніемъ, коротка, сжата и краснорѣчива, Арнольдъ возвратился къ своимъ.

23. Арнольдъ, извѣстивъ своихъ обо всемъ, получилъ отъ нихъ слѣдующій ἀπόκρισιν, *апокрисинъ*, т.-е. отвѣтъ: „Кто сомнѣвается въ справедливости словъ того мудреца [1]), или лучше сказать, въ справедливости изреченія истинной мудрости, которая гласитъ такъ: *Много цари царствуютъ, князи господствуютъ и мудрые изрекаютъ правду*; или въ справедливости сказаннаго апостоломъ [2]): *Всякая власть отъ Бога, и кто противится власти, Богу противится?* При избраніи Гейнриха въ короли было бы невозможно единогласіе народа, еслибы онъ не былъ избранъ еще до сотворенія міра верховною троицею, которая и есть единый Богъ. Будетъ онъ хорошъ, тогда его должно любить, а Бога за него прославлять; будетъ онъ худъ, должно его терпѣть, потому что въ большей части случаевъ подданные, если они властью угнетаются, то это бываетъ за ихъ грѣхи. Намъ же кажется справедливымъ, чтобы ты не отставалъ отъ другихъ, но избралъ бы также его королемъ, и чтобы онъ съ своей стороны отличилъ тебя, какъ человѣка, покровительствуемаго счастіемъ и обладающаго огромными богатствами, и смягчилъ бы твое неудовольствіе, давъ тебѣ такое право, какимъ не пользовались твои предшественники, а именно, подчинивъ твоей власти епископовъ всей Баваріи и предоставивъ тебѣ назначать преемниковъ, если кто нибудь изъ нихъ умретъ“. Арнольдъ послѣдовалъ этому прекрасному и доброму совѣту своихъ приверженцевъ и сдѣлался вассаломъ короля Гейнриха (Heinrici regis miles), за что и былъ почтенъ властью надъ епископами всей Баваріи.

24. Въ это время (919), венгры, узнавъ о смерти короля Конрада и о вступленіи на престолъ Гейнриха, разсуждали между собою такъ: „Быть можетъ новый король желаетъ заключить и новые договоры. Поднимемся, собравъ многочисленное войско, и развѣдаемъ, согласенъ ли Гейнрихъ платить намъ должную подать. Если онъ,

[1]) Притчи Солом. VIII, 15, 16.

[2]) Римл. XIII, 1, 2.

какъ можно полагать, походитъ на прочихъ королей, то мы опустошимъ его государство огнемъ и мечемъ. Сначала мы нападемъ не на Баварію, а на Саксонію, гдѣ живетъ самъ король; если, сверхъ нашего ожиданія, онъ успѣетъ собрать войско, то ни изъ Лотарингіи, ни изъ Франціи (Франконіи), ни изъ Свевіи (Швабіи), ни изъ Баваріи, онъ не получитъ своевременно помощи. Притомъ страна саксовъ и турингов̀ъ можетъ быть легче предана разграбленію, такъ какъ она не защищена ни горами, ни укрѣпленными зàмками".

25. Король Гейнрихъ былъ тяжко боленъ (933 г.), когда его извѣстили о скоромъ появленіи венгровъ. Не выслушавъ до конца словъ вѣстника, онъ разослалъ пословъ по всей Саксоніи, повелѣвая каждому, до кого могло достигнуть приказаніе, подъ страхомъ смерти явиться къ нему въ теченіе четырехъ сутокъ. Такъ собралъ онъ въ четыре дня огромное войско: саксы имѣли похвальный и достойный подражанія обычай, по которому никто, по истеченіи тринадцати лѣтъ, не смѣлъ уклоняться отъ военной службы. Хотя король былъ весьма слабъ тѣломъ, но по твердости душевной онъ сѣлъ, какъ могъ, на коня, собралъ около себя войско и началъ въ немъ возбуждать охоту къ битвѣ слѣдующими словами [1]):

26. Знатныхъ саксовъ народъ, храбрости львиной,
Въ битвахъ издревле стяжалъ славное имя.
Дрался онъ съ Карломъ мечемъ, кровью облитымъ;
Власти же Карла тогда міръ подчинялся;
Въ бѣгство былъ обращенъ всѣхъ побѣдившій;
Если же онъ, воротясь, насъ уничтожилъ,
Божья то милость была: Богу угодно
Было спасти отъ грѣха грѣшныя души.
Нынѣ жъ проклятый народъ, богопротивный,
Турки, христовы враги, хвалятся громко
Весь народъ полонить, вѣрныхъ чадъ церкви.
Горе намъ, горе! теперь думаютъ даже
Выю нашу склонить бременемъ дани.
Духомъ воспряньте, мои мужи герои,
Рѣжьте, рубите, молю, сильной рукою!
Жаждою брани святой въ сердцѣ пылайте!
Пусть отправляется врагъ къ Стиксу съ дарами,
И раскаленный оболъ платитъ Харону.

27. Король, видя, что его убѣжденія воодушевили войско къ борьбѣ, возстановилъ тишину и, полный дара божественнаго пламени продолжалъ такъ: „Дѣяніе королей древности и писанія св. отцовъ поучаютъ насъ, какъ мы должны поступать. Богу не трудно ничтожною силою поразить великія силы, если вѣра первыхъ будетъ за-

[1]) Рѣчь Гейнриха въ стихахъ была опять заимствована Ліутпрандомъ изъ какой нибудь современной поэмы, служившей ему источникомъ; она написана особымъ размѣромъ: каждая строчка разбита на двѣ части; первая представляетъ первую половину пентаметра, а вторая — конецъ экзаметра, а именно: Знатныхъ саксовъ народъ · храбрости львиной,—Въ битвахъ издревле стяжалъ—славное имя.

служивать того; я говорю, *вѣра*, но не вѣра слова, а дѣла, не вѣра устъ, а сердца. Дадимъ же обѣтъ, и по словамъ псалмопѣвца, исполнимъ его; я буду первымъ, какъ я первый по своему достоинству и сану. Да будетъ изгнана всячески изъ нашего государства симонія [1]) (simoniaca heresis), ненавистная Богу, осужденная блаженнымъ княземъ апостоловъ Петромъ и безразсудно поддерживаемая до сихъ поръ нашими предшественниками. Пусть благодать соединитъ тѣхъ, кого раздѣлила хитрость дьявола".

28. Король хотѣлъ еще говорить далѣе въ этомъ же родѣ, какъ вѣстникъ, быстро подъѣхавъ къ нему, объявилъ, что венгры у Мерзебурга (Meresburg), крѣпости, расположенной на границѣ саксовъ, турингов и славянъ (Sclavorum) Онъ присоединилъ къ этому, что они взяли въ плѣнъ множество дѣтей и женщинъ, и избили огромное число мужчинъ; а для внушенія большаго ужаса саксамъ, они положили не оставлять въ живыхъ никого свыше 10 лѣтъ. Но король, твердый духомъ, не былъ ничѣмъ устрашенъ, и продолжалъ убѣждать своихъ воиновъ съ большею храбростью сражаться за отечество и пасть со славою.

29. Между тѣмъ венгры разспрашивали своихъ плѣнныхъ, могутъ ли они ждать нападенія, и, получивъ въ отвѣтъ, что иначе и не можетъ быть, отправили соглядатаевъ разузнать, насколько это справедливо. Пустившись въ путь, они увидѣли короля Гейнриха съ безчисленнымъ войскомъ вблизи упомянутаго города Мерзебурга. Но они едва имѣли время воротиться къ своимъ, чтобы извѣстить ихъ о приближеніи непріятеля; и никто другой, какъ самъ король, предсталъ предъ ними вѣстникомъ битвы.

30. Вслѣдъ за тѣмъ началось сраженіе. Изъ среды войска христіанъ раздался святой и чудодѣйственный гласъ: Κύριε ἐλεισον, *Киріэ элисонъ*, т.-е. Господи помилуй; изъ ихъ же лагеря безпрестанно слышалось отвратительное и дьявольское: у! у!

31. Предъ началомъ битвы, король Гейнрихъ далъ своимъ слѣдующій мудрый и спасительный совѣтъ: „Когда вы пуститесь на игру Марса, то не опереживайте другъ друга, хотя бы у иного лошадь была быстрѣе; закрывайтесь взаимно щитами и на нихъ примите первыя стрѣлы непріятеля. За тѣмъ во весь карьеръ (cursu rapido) съ страшною силою полетите на непріятеля, чтобы онъ почувствовалъ на себѣ раны, нанесенныя вашими мечами, прежде нежели имѣлъ бы время сдѣлать второй выстрѣлъ". Помня этотъ спасительный совѣтъ, саксы помчались, сохраняя прямую линію строя, и никто, имѣя болѣе быструю лошадь, не заѣзжалъ впередъ; по словамъ короля, прикрывъ другъ друга щитами, они безъ всякаго вреда для себя приняли на нихъ первый залпъ стрѣлъ, и затѣмъ, какъ приказалъ имъ благоразумный вождь, быстро бросились на непріятеля, такъ что врагъ прежде разстался съ жизнію, нежели успѣлъ сдѣлать второй залпъ. По благодати божіей, венгры послѣ того думали болѣе о бѣгствѣ, нежели о битвѣ: бѣгъ быстроногаго рысака казался имъ еще весьма тихимъ; бляхи сбруй и насѣчка

---

[1]) Т. е. продажа духовныхъ мѣстъ

оружій были для венгровъ не обороной, а бременемъ. Побросавъ луки, разметавъ стрѣлы, сбросивъ съ лошадей сбрую, чтобы облегчить ихъ, они думали объ одномъ бѣгствѣ. Но всемогущій Богъ, отнявъ у нихъ боевую отвагу, лишилъ возможности найти спасеніе въ бѣгствѣ. Избивъ и разсѣявъ венгровъ, побѣдители выпустили на волю безчисленное множество плѣнныхъ, и стоны ихъ обратились въ радостную пѣснь. Король приказалъ изобразить на ζογραφεῖαν, *зографіанъ*, т.-е. картинѣ, эту преславную и достохвальную побѣду въ верхнихъ покояхъ дворца въ Мерзебургѣ, чтобы считали это дѣло болѣе истиннымъ, нежели правдоподобнымъ [1]).

32. Пока все это происходило, итальянцы, почти всѣ, отправивъ прямо посольство, пригласили къ себѣ нѣкоего Людовика (Слѣпого), короля Бургундскаго [2]), по происхожденію бургунда, прося придти къ нимъ, отнять у Беренгарія (I) королевство и взять себѣ (901 г.).

33. Виновникомъ такого преступнаго замысла былъ Адельбертъ маркграфъ города Эпорегія (н. Иврея въ Піемонтѣ), за котораго тотъ же Беренгарій выдалъ свою дочь, по имени Гизлу (Гизель); отъ нея онъ имѣлъ и сына, которому далъ имя его дѣда (т.-е. Беренгарія). Это-то и есть тотъ Беренгарій (II) [3]), подъ тяжкою тираннiей котораго и теперь (959 г.) воздыхаетъ Италія, и всякій народъ, управляемый имъ, получаетъ погибель, а не пользу. Но возвратимся къ дѣлу, а теперь достаточно и этого сказать.

34. Этотъ Адельбертъ—да сохранитъ отъ того Богъ всѣхъ добрыхъ людей—былъ самыхъ нечестивыхъ нравовъ. Но сначала, бывъ еще юношею, не смотря на пылкость возраста, онъ отличался удивительнымъ человѣколюбіемъ и необыкновенною кротостью, до того что, если, возвращаясь съ охоты, встрѣчалъ нищаго и не имѣлъ ничего съ собою, чтобы ему подать, то не задумавшись уступалъ ему свой рогъ, висѣвшій у шеи на золотой цѣпочкѣ, и послѣ выкупалъ у него за то, чего онъ стоилъ. Но впослѣдствіи онъ составилъ себѣ такую дурную память, что на него сложилась справедливая пѣсня, которую знали и взрослые, и дѣти. Скажемъ ее по-гречески, потому что на этомъ языкѣ оно будетъ благозвучнѣе: Ἀδελβέρτος κόμις κουρτης, μακροσπάθης, γουνδοπιστις, *Адельбертосъ комисъ куртисъ, макроспатисъ, гундопистисъ*; это значитъ: „мечъ у него длиненъ, а честь коротка".

35. По его-то приглашенію и по приглашенію нѣкоторыхъ другихъ итальянцевъ, вышеупомянутый Людовикъ явился въ Италію. Лишь только узналъ о томъ Беренгарій (I), какъ вышелъ противъ него съ войскомъ. Людовикъ же, услышавъ, что врагъ идетъ къ нему на встрѣчу съ огромными силами, у него же войско было ничтожно, далъ клятву, подъ вліяніемъ страха, никогда не являться въ Италію, если Беренгарій дозволитъ ему отступить. Людовикъ былъ такъ легко изгнанъ потому, что Беренгарій многочисленными дарами успѣлъ

---

[1]) Сравн. описаніе той же войны Гейнриха I съ венграми, ниже у Видукинда, I, 32, въ переводѣ ст. 28.

[2]) См. въ концѣ тома родослов. табл. № 2: внукъ Людовика II имп.

[3]) См. о немъ выше примѣч. 1, на стр. 292; онъ былъ личный врагъ Ліутпранда.

сохранить вѣрность къ себѣ Адельберта, могущественнаго маркграфу тусковъ [1]).

36. Но по прошествіи короткаго времени, Адельбертъ началъ смотрѣть на власть Беренгарія, какъ на бремя. Этому не мало содѣйствовала жена его Берта, мать Гуго, бывшаго впослѣдствіи при мнѣ (съ 926 г.) королемъ Италіи. Вслѣдствіе того, по совѣту Адельберта, прочіе итальянскіе князья снова обратились съ приглашеніемъ къ тому же Людовику. Властолюбіе заставило его забыть клятву, и онъ поспѣшилъ явиться въ Италію (окт. 909 г.).

37. Беренгарій, видя, что Людовикъ имѣетъ на своей сторонѣ не только итальянцевъ, но и тусковъ (тосканцевъ), отправился въ Верону. Людовикъ же, преслѣдуя его неутомимо вмѣстѣ съ итальянцами, выгналъ его изъ Вероны и силою покорилъ все королевство.

38. По окончаніи этого дѣла, такъ какъ Людовикъ объѣхалъ кругомъ всю Италію (т.-е. долину р. По), ему захотѣлось побывать и въ Турціи. Выйдя изъ Папіи (н. Павія), онъ отправился въ Лукку, гдѣ и былъ принятъ Адельбертомъ съ большимъ почетомъ и торжествомъ.

39. Когда Людовикъ увидѣлъ Адельберта окруженнымъ отличными войсками и живущимъ весьма богато и роскошно, онъ, побуждаемый завистью, втихомолку замѣтилъ своимъ: „Его можно принять скорѣе за короля, нежели за маркграфа; онъ ниже меня только титуломъ“. Это замѣчаніе не могло укрыться отъ Адельберта. Берта, женщина хитрая, услышавъ то, склонила не только своего мужа нарушить ему вѣрность, но вовлекла въ измѣну и другихъ князей Италіи. Вслѣдствіе того, когда Людовикъ, возвращаясь изъ Тусціи, отправился въ Верону и остался тамъ, ни о чемъ не думая и не подозрѣвая никакого злоумышленія, Беренгарій, подкупивъ городскую стражу и собравъ около себя храбрѣйшихъ мужей, подъ покровомъ ночи проникъ въ городъ (іюль, 905 г.).

40. Рѣка Атезисъ (н. Эчь), подобно рѣкѣ Тибру въ Римѣ, протекаетъ по самой серединѣ города Вероны. На рѣкѣ построенъ громадный мраморный мостъ, удивительной работы и удивительной величины. На лѣвомъ берегу рѣки, сѣверная часть города защищена крутымъ и затруднительнымъ для подъема возвышеніемъ, такъ что еслибы та часть города, которая расположена на правомъ берегу упомянутой рѣки, была взята непріятелемъ, то лѣвая сторона могла бы еще хорошо защищаться. На самой вершинѣ того возвышенія была выстроена церковь дорогой работы, въ честь князя апостоловъ, блаженнаго Петра: тамъ-то и помѣстился Людовикъ, какъ потому, что ему нравилась церковь, такъ и потому, что все это мѣсто было укрѣплено.

41. Но Беренгарій (I), какъ мы сказали, пробравшись въ городъ ночью и перейдя вмѣстѣ съ своими воинами мостъ на разсвѣтѣ, совершенно неожиданно для Людовика, напалъ на него. Поднятый крикомъ и шумомъ воиновъ, онъ спросилъ, что случилось, и убѣжалъ въ церковь. Только одинъ изъ воиновъ Беренгарія зналъ о мѣстѣ

---

[1]) См. ниже въ концѣ тома родословн. табл. № 2: зять Лотаря II, кор. Лотарингіи.

его убѣжища, но и тотъ, побуждаемый жалостью, не хотѣлъ его выдавать и утаилъ. Опасаясь же, что узнанный другими Людовикъ будетъ выданъ и умерщвленъ, онъ подошелъ къ Беренгарію и сказалъ ему: „Такъ какъ Богъ тебя до того возлюбилъ, что въ твои руки предалъ твоего врага, то и ты припомни себѣ его наставленія, или лучше сказать повелѣнія, ибо Онъ сказалъ: *Будьте милостивы, какъ и Отецъ вашъ милосердъ; не судите, да не судимы будете; не презирайте, да не будете сами презрѣны*". Но Беренгарій, какъ человѣкъ хитрый, понялъ, что онъ знаетъ, гдѣ скрылся Людовикъ, и потому рѣшился обмануть его своимъ софистическимъ отвѣтомъ: „Неужели ты, безумный, думаешь, что я захочу умертвить человѣка, и при томъ короля, котораго предалъ мнѣ Богъ? Развѣ св. Давидъ не могъ убить царя Саула, преданнаго Богомъ въ его руки? нѣтъ, онъ не захотѣлъ того". Побужденный такими рѣчами, воинъ указалъ мѣсто, въ которомъ укрывался Людовикъ. Когда Людовикъ былъ схваченъ и представленъ Беренгарію, этотъ обратился къ нему съ слѣдующими упреками: „Долго ли ты, Людовикъ, будешь употреблять во зло наше терпѣніе [1])? Можешь ли ты не сознаться, что въ послѣдній разъ я тебѣ оказалъ благодѣяніе и расположеніе, что не я побудилъ тебя къ новому возстанію, и что я выпустилъ тебя только по состраданію, котораго ты не стоилъ? Понимаешь ли ты, говорю тебѣ, что ты теперь запутался въ сѣтяхъ собственнаго вѣроломства? Ты клялся мнѣ, что никогда не вступишь въ Италію. Я дарю тебѣ жизнь, какъ было мною обѣщано тому, кто тебя выдалъ, а выколоть тебѣ глаза не только приказываю, но и строго повелѣваю". По окончаніи этой рѣчи, Людовикъ былъ лишенъ зрѣнія, а Беренгарій овладѣлъ королевствомъ (905 г.).

42. Между тѣмъ, такъ какъ ярость венгровъ не могла болѣе изливаться на саксовъ, франковъ, швабовъ и баваровъ, то они бросились на Италію, гдѣ никто не оказалъ имъ сопротивленія. А такъ какъ Беренгарій (I) мало довѣрялъ своимъ вассаламъ (milites), то онъ даже вступилъ въ тѣсную дружбу съ ними.

43. Но и сарацины, поселившіеся, какъ я сказалъ выше (см. стр. 294), въ Фраксинетѣ, одержавъ верхъ надъ провансальцами, начали производить не малыя опустошенія въ сосѣднихъ съ ними частяхъ верхней Италіи, и, разграбивъ многіе города, дошли до Аквэ (Aquae) [2]), отстоящаго отъ Папіи (н. Павіи) почти на 40 миль. Этотъ городъ получилъ свое названіе отъ теплыхъ водъ (по лат. aquae), при которыхъ устроено превосходное зданіе, въ формѣ четыреугольника, для ваннъ. При этомъ нападеніи, такой страхъ овладѣлъ всѣми, что только самыя укрѣпленныя мѣста рѣшились оказывать сопротивленіе сарацинамъ.

44. Въ это же самое время, другіе сарацины, прибывъ изъ Африки на корабляхъ, овладѣли Калабріей, Апуліей, Беневентомъ и почти всѣми городами римлянъ, такъ что въ этихъ городахъ одна поло-

---

[1]) Quousque tandem abutere, Hulodoice, patientia nostra? знаменитое начало рѣчи Цицерона противъ Катилины.

[2]) Нынѣ Aequi, на рѣкѣ Бормидѣ, между Генуей и Аостой.

вина принадлежала римлянамъ, а другая—африканцамъ. Послѣдніе построили на горѣ Гареліонѣ укрѣпленіе, гдѣ они держали въ безопасности своихъ женъ, дѣтей, плѣнныхъ и все свое имущество. И никто не могъ, ни съ сѣвера, ни съ запада, проникнуть въ Римъ для поклоненія блаженнымъ апостоламъ, безъ того чтобы не попасться въ ихъ руки и потомъ не выкупиться только за большую сумму. Хотя несчастная Италія претерпѣла большія бѣдствія отъ нападенія венгровъ и сарацинъ изъ Фраксинета, но никакое зло и никакая чума не причинили бы ей столько вреда, какъ африканцы.

45. Разсказываютъ, что они по слѣдующему случаю оставили Африку и перешли въ Италію. По смерти августѣйшихъ императоровъ, Льва (VI) и Александра [1]), въ Константинополѣ управлялъ имперіею Романъ [2]) (мы разскажемъ о томъ подробнѣе въ другомъ мѣстѣ), вмѣстѣ съ сыномъ императора Льва, Константиномъ (913 г.), который живетъ еще и до сихъ поръ (959 г.). Какъ то обыкновенно случалось, въ первый же годъ правленія Романа, нѣкоторые изъ его народовъ, и въ особенности ἀνατολικαι, *анатоликэ*, т.-е. восточные, попытались возмутиться противъ него. Случилось же, что въ то время, когда императоръ отправилъ войска для ихъ усмиренія, возстали также Апулія и Калабрія, двѣ провинціи, которыя въ ту эпоху еще подчинялись Византіи. Когда императоръ, отославъ главныя силы на востокъ, не могъ поставить значительнаго войска въ Апулію и Калабрію, то онъ сначала просилъ ихъ признать надъ собою прежнюю его власть добровольно. Но они отказались и объявили, что никогда не согласятся на то, а потому Романъ обратился къ африканскому владѣтелю (regem) съ просьбою помочь ему усмирить Апулію и Калабрію. Вызванный такою просьбою, владѣтель африканскій перевезъ на безчисленныхъ корабляхъ войска свои въ Апулію и Калабрію, и силою подчинилъ обѣ провинціи власти императора. Но впослѣдстіи, удалившись оттуда, африканцы обратили свое оружіе противъ Рима, и, укрѣпившись для безопасности на горѣ Гареліанѣ, овладѣли силою многими весьма хорошо укрѣпленными городами.

46. Но Господь нашъ Іисусъ Христосъ, совѣчный и сосущный Отцу и св. духу, милосердіемъ котораго исполнена вся земля, не желаетъ, чтобы погибъ кто нибудь изъ людей, но чтобы всѣ спаслись и познали истину, да не погибнутъ; одинъ Богъ предвидѣлъ эту опасность еще до сотворенія міра, когда послѣ всякой твари сотворилъ человѣка господиномъ всего остальнаго, что будетъ ему служить и повиноваться; въ концѣ временъ искупилъ его пролитіемъ своей крови тотъ же истинный человѣкъ и истинный Богъ, но не два существа, а одно, и принудилъ людей любить себя и своего Отца, однихъ благодѣяніями, другихъ страхомъ, и притомъ не ради себя—потому что ни наше добро не служитъ ему прибылью, какъ

---

[1]) Дѣти Василія Македонянина (отъ 886—912), при которыхъ Олегъ осаждалъ Константинополь.

[2]) Романъ Лекапинъ, тесть и соправитель сына Льва VI, Константина VII Порфиродпаго, современника вел. кн. Ольги.

сказалъ пророкъ: *Ибо не нуждаешься въ нашемъ дворѣ*; ни наше зло не причиняетъ ему убытка—но чтобы намъ оказать помощь. Ему-то и было угодно казнить насъ на то время ужасами, потому что мы отвергали его благодѣянія. Но чтобы сарацины не свирѣпствовали долѣе и не говорили: „Гдѣ же ихъ Богъ“?—угодно было Богу направить сердца христіанъ такъ, что они стали сражаться съ большею охотою, нежели прежде обращались въ бѣгство.

47. Въ то время, верховнымъ первосвященничествомъ на досточтимомъ римскомъ престолѣ былъ облеченъ Іоаннъ Равенскій [1]) Онъ достигъ такой высоты самымъ гнуснымъ злодѣяніемъ, противъ всѣхъ правъ божескихъ и человѣческихъ.

48. Въ то время Римомъ управляла полновластно—стыдно то и сказать—Теодора, распутная женщина (scortum inpudens), бабка того Альберика, который недавно (954 г.) умеръ (см. ниже родосл. табл. № 2). Она имѣла двухъ дочерей, Мароцію и Теодору, не только во всемъ ей подобныхъ, но и опередившихъ ея въ любовныхъ интригахъ (veneris exercitio). Мароція родила преступнымъ образомъ (nefario adulterio) отъ папы Сергія, о которомъ я упомянулъ выше [2]), Іоанна (XI), который по смерти Іоанна (X) Равеннскаго, получилъ должность (dignitatem) въ римской церкви, а отъ маркграфа Альберика родился Альберикъ, который позже, въ наше время, захватилъ незаконно въ свои руки верховную власть въ Римѣ. Въ то время (906 г.), первосвященникомъ Равенны былъ Петръ, а равеннскій архипастырь (archipraesul) считался вторымъ послѣ римскаго архіерея (archiereon). Петръ по долгу подчиненія весьма часто посылалъ къ апостольскому владыкѣ (т.-е. римскому папѣ) будущаго папу Іоанна (X), который былъ въ то время священникомъ его церкви. Теодора, какъ я уже сказалъ, распутная женщина, разожженная любовью, плѣнилась лицомъ Іоанна, и Іоаннъ хотя сначала не отвѣчалъ ей, но потомъ совершенно увлекся. Пока происходили эти безстыдства, умеръ епископъ въ Бононіи (н. Болонья), и Іоаннъ былъ выбранъ на его мѣсто. Немного позже, за день до его посвященія, умеръ вышеупомянутый архипастырь (archipraesul) Равенны, и по проискамъ Теодоры, Іоаннъ, разжигаемый честолюбіемъ, оставляетъ прежнюю Бононскую церковь, и, въ противность постановленіямъ св. отцовъ, овладѣваетъ тѣмъ мѣстомъ. Отправясь въ Римъ, онъ былъ вскорѣ поставленъ епископомъ Равеннской церкви [3]). Вскорѣ послѣ того (914 г.), божьимъ соизволеніемъ умеръ и папа (Анастасій III), который его незаконно поставлялъ. Тогда распутная и чувственная Теодора, чтобы не быть отдаленной отъ своего любовника на 200 миль, на которыя Равенна отстоитъ отъ Рима, почему она могла обладать имъ весьма рѣдко, принудила равеннскаго архипастыря оставить свою каѳедру, и о, ужасъ! овладѣть верховнымъ римскимъ престоломъ (911 г.). По утвержденіи такого намѣстника святыхъ апостоловъ,

---

[1]) Іоаннъ X (914—928).

[2]) См. выше въ ст. 23, стр. 301.

[3]) Въ равеннскихъ хартіяхъ Іоаннъ обозначенъ епископомъ отъ 15 іюля 906 г. до 4 сент. 911 г.

пуны (Poeni, или Puni, т.-е. африканцы или сарацины), какъ я выше сказалъ, ограбили жалкимъ образомъ Беневентъ и римскіе города.

49. Въ это время (912 г.) одинъ молодой человѣкъ изъ среды пуновъ, оскорбленный нанесенными ему обидами, бѣжалъ отъ своихъ и явился къ папѣ Іоанну (X); по божественному вдохновенію онъ ему сказалъ слѣдующее: „Великій жрецъ, еслибы ты имѣлъ умъ, то не допустилъ бы пуновъ такъ жестоко грабить твой народъ и подчиненную тебѣ землю. Избери юношей, отличающихся особенною быстротою, и прикажи имъ повиноваться мнѣ, какъ своему полководцу (imperatorem), наставнику и властелину. Никто изъ нихъ не можетъ имѣть болѣе одного копья и одного меча; я разрѣшаю имъ взять самую простую одежду и небольшое количество пищи“.

50. Получивъ наконецъ 60 такихъ юношей въ свое распоряженіе, онъ поспѣшилъ противъ пуновъ, и засѣлъ въ одномъ узкомъ проходѣ, чрезъ который лежалъ имъ путь. Такъ какъ пуны очень часто возвращались по этому мѣсту изъ своихъ набѣговъ, то они бросились на нихъ съ крикомъ и совершенно неожиданно изъ своей засады, и безъ труда перебили ихъ: за криками удары слѣдовали непосредственно. Пуны не успѣли опомниться, какъ уже были поражены ихъ копьями. Слухъ объ этой побѣдѣ и этотъ опытъ воодушевили многихъ римлянъ, и они въ различныхъ мѣстахъ поразили пуновъ; вслѣдствіе умнаго совѣта того африканца, они должны были оставить города, и удержали за собою одно укрѣпленіе на горѣ Гареліанѣ.

51. При утвержденіи Іоанна, какъ мы сказали, папою (911 г.), пользовался большою извѣстностью князь беневентинцевъ и капуанцевъ, по имени Ландульфъ, мужъ храбрый и искусный въ военномъ дѣлѣ. Такъ какъ пуны не мало потрясли государственный порядокъ, папа Іоаннъ обратился къ Ландульфу, этому знаменитому князю, съ просьбою дать ему совѣтъ относительно африканцевъ. Выслушавъ это, князь отвѣчалъ папѣ чрезъ пословъ: „Это дѣло, духовный отецъ, требуетъ большихъ размышленій. Пошлите къ императору аргосцевъ (ad Argorum imperatorem—такъ на западѣ называли въ то время византійскаго императора), заморскія владѣнія котораго опустошаются безпрерывно, подобно нашимъ. Пригласите на помощь жителей Камерина и Сполето, и начнемъ съ божіею помощью жестокую войну съ ними. Если побѣдимъ, припишемъ побѣду Богу, а не своимъ силамъ: если же побѣдятъ пуны, наше пораженіе будетъ отнесено не къ нашей слабости, а къ нашимъ грѣхамъ“.

52. Услышавъ это, папа немедленно отправилъ пословъ въ Константинополь, убѣдительнѣйше прося оказать ему помощь. Императоръ (Романъ), какъ мужъ богобоязненный и святѣйшій, тотчасъ же отправилъ на корабляхъ войско (916 г.). Когда они высадились у рѣки Гареліана, папа Іоаннъ (X), равно какъ и могущественнѣйшій князь беневентинцевъ, жители Камерина и Сполето, всѣ находились уже тамъ на мѣстѣ. Между ними произошла ожесточенная битва. Но когда пуны увидѣли, что христіане одолѣваютъ, бросились на вершину горы Гареліана и ограничивались защитою узкихъ проходовъ.

53. Греки въ тотъ же день расположились лагеремъ именно съ той стороны, съ которой былъ труднѣе приступъ, и по которой пуны могли легче убѣжать; расположившись такимъ образомъ, они наблюдали за пунами, преграждая имъ путь къ побѣгу, и въ ежедневной борьбѣ истребляли ихъ въ большомъ числѣ.

54. Въ этихъ ежедневныхъ схваткахъ пуновъ съ греками и латинами, при помощи божіей, ни одинъ пунъ не ушелъ отъ того, чтобы или не погибнуть отъ меча, или не попасться живымъ въ плѣнъ. Во время этой борьбы, святѣйшіе апостолы Петръ и Павелъ были видимы благочестивыми вѣрными, и я вѣрю въ то, что только ихъ молитвами христіане обратили въ бѣгство пуновъ и одержали побѣду.

55. Въ это время умеръ могущественный маркграфъ тусковъ Адельбертъ, и сынъ его Видо получилъ отъ короля Беренгарія (I) утвержденіе въ званіи маркграфа на мѣсто отца. Жена же Адельберта, Берта, сохранила не меньшую власть и при своемъ сынѣ Видо. Хитростью, подкупомъ и развратомъ она привязала нѣкоторыхъ къ себѣ. Вслѣдствіе того, когда спустя нѣсколько времени Беренгарій арестовалъ ее и сына и заключилъ ихъ подъ стражу въ Мантуѣ, она не сдала ему своихъ городовъ и замковъ, но удержала ихъ за собою, и онъ освободилъ изъ плѣна какъ ее, такъ и сына.

56. Берта (см. ниже родосл. табл. № 2), судя по слухамъ, имѣла трехъ дѣтей отъ своего мужа: Видо, вышеупомянутаго нами, Ламберта, который живетъ до сихъ поръ (959 г.), лишенный зрѣнія, и Эрменгарду, не уступавшую ей въ развратѣ; она выдала ее за Адельберта, иврейскаго маркграфа, когда умерла Гизла, дочь короля Беренгарія (I) и мать нынѣшняго короля Беренгарія (II). Эрменгарда родила ему сына, по имени Анскарія; о его доблестяхъ и отважномъ духѣ я разскажу въ слѣдующей книгѣ.

57. Въ то время (917 г.), этотъ самый Адельбертъ, зять короля, маркграфъ иврейскій, Одельрикъ палатный графъ (palatii comes, пфальцграфъ, короный графъ), родомъ швабъ (ex Suevorum sanguine), Гизлебертъ богатѣйшій и храбрый графъ, Ламбертъ архіепископъ миланскій и нѣкоторые другіе князья Италіи, возстали противъ Беренгарія (I). Причина же того слѣдующая. Когда Ламбертъ, по смерти предшественника. долженъ былъ поставиться архіепископомъ миланскимъ, король Беренгарій, въ противность постановленіямъ св. отцовъ, потребовалъ отъ него значительную сумму, и приказалъ, по полученіи ея, росписать, сколько должны получить cubicularii, сколько hostiarii, и даже altilium custodes. Архіепископъ Ламбертъ, человѣкъ самолюбивый, заплатилъ королю требуемое имъ съ величайшею досадою, какъ увидишь то изъ послѣдующаго.

58. Въ то время, Беренгарій держалъ въ плѣну Одельрика, палатнаго графа, о которомъ мы сказали выше. Постановивъ Ламберта архіепископомъ, онъ поручилъ ему Одельрика, пока онъ самъ не опредѣлитъ, какъ поступить съ нимъ. Но Архіепископъ, не забывая той суммы, которую онъ внесъ за свое званіе, вступилъ въ сношеніе съ плѣнникомъ.

59. Нѣсколько дней спустя, король Беренгнрій, отправивъ по-

словъ, потребовалъ къ себѣ Одельрика. Но не подвержено сомнѣнію. что Ламбертъ далъ на это слѣдующій иронический отвѣтъ: „Я нарушу свои святительскія обязанности, если выдамъ кого-нибудь другому на смерть". Послы поняли, что архіепископъ перешелъ на сторону возмутившихся, если безъ позволенія короля выпустилъ того, кто былъ ему сданъ. Возвратившись оттуда къ королю, они, вмѣсто отвѣта, привели ему стихъ Теренція: „Если что хочешь хорошо сохранить, такъ только повѣрь ему".

60. Въ это время у бургундовъ правилъ гордый король Рудольфъ (II) [1]). Его могущество увеличивалось и тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ былъ женатъ на дочери герцога швабовъ, Бургарда, по имени Бертѣ. Къ нему-то и обратились итальянцы съ посольствомъ и просили придти къ нимъ для изгнанія Беренгарія.

61. Пока все это происходило (921 г.), венгры, незамѣченные итальянцами, подошли къ Веронѣ: два предводителя (reges) ихъ, Дурсакъ и Бугатъ, были въ тѣсной дружбѣ съ Беренгаріемъ. Пока такимъ образомъ маркграфъ Адельбертъ (Иврейскій), палатный графъ Одельрикъ, графъ Гизельбертъ и многіе другіе совѣщались въ горахъ у города Бриксіаны (н. Бресчія), отстоящаго на 50 миль отъ Вероны, какимъ образомъ свергнуть Беренгарія, этотъ послѣдній уговорилъ венгровъ, въ доказательство ихъ дружбы, напасть на его непріятелей. Венгры жадные до крови и войны, потребовали у Беренгарія проводника, зашли тайными обходами въ тылъ непріятелю и напали съ такою быстротою, что никто не имѣлъ времени ни надѣть доспѣхи, ни даже схватиться за оружіе. Многіе были изрублены, многіе попались въ плѣнъ; палатный графъ палъ въ битвѣ, хотя онъ, впрочемъ, не храбро защищался; а маркграфъ Адельбертъ и Гизельбертъ были живыми захвачены въ плѣнъ венграми.

62. Но Адельбертъ, хотя не большой герой, за то человѣкъ хитрый и ловкій, увидя себя окруженнымъ врагами безъ возможности спастись бѣгствомъ, немедленно сбросилъ съ себя перевязи, золотыя поручья и драгоцѣнныя украшенія, и надѣлъ дрянныя одежды своего вассала (militis), чтобъ не быть узнаннымъ венграми. Попавшись въ плѣнъ, онъ, при вопросѣ о своемъ званіи, выдалъ себя за вассала одного изъ своихъ вассаловъ (militis cujusdam militem), и просилъ отвести его въ близь лежавшій замокъ Кальцинарію, гдѣ у него будто бы жилъ родственникъ, который выкупитъ его. Его отвели туда и продали за ничтожную цѣну, такъ какъ никто его не узналъ. Выкупилъ же Адельберта его собственный вассалъ, по имени Левъ.

63. Напротивъ того Гизельбертъ, какъ узнанный, былъ избитъ, закованъ и полунагой представленъ королю Беренгарію. Такъ какъ его привели къ королю безъ штановъ (sine femoralibus), въ короткой верхней одеждѣ (andromade), то, когда онъ бросился немедленно королю въ ноги, сзади открылось все (genitalium ostensione membrorum) до того, что всѣ присутствовавшіе едва не умерли отъ смѣха. Но король, человѣкъ мягкаго сердца, оказалъ ему милость, которой

---

[1]) См. Род. табл. № 2.

онъ впрочемъ не заслуживалъ, и не отплатилъ ему зломъ за зло, какъ того желало войско (populus); онъ приказалъ обмыть его и одѣть въ лучшія одежды; затѣмъ, возвращая ему свободу, король сказалъ: „Я не требую отъ тебя никакой клятвы и поручаю тебя твоей собственной чести; если ты дурно поступишь со мною, то Богу отдашь отчетъ въ томъ".

64. Но возвратившись домой и скоро забывъ оказанное ему благодѣяніе, Гизельбертъ согласился, по предложенію Адельберта, зятя короля, и другихъ мятежниковъ, отправиться къ Рудольфу (II) и пригласить его. Такимъ образомъ, Гизельбертъ пустился въ дорогу (922 г.) и уговорилъ Рудольфа, раньше, чѣмъ въ 30 дней, явиться въ Италію. Онъ былъ принятъ тамъ всѣми, и оставилъ Беренгарію изъ всѣхъ его владѣній одинъ городъ Верону. Рудольфъ удерживалъ въ своей власти Италію, въ теченіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ (922—925).

65. Когда одинъ и тотъ же человѣкъ, въ теченіе 12 часовъ, можетъ и нравиться, и не нравиться, когда одинъ и тотъ же предметъ то любятъ, то отвергаютъ, кто въ состояніи тогда угодить всѣмъ одинаково? Вотъ такимъ же образомъ, по прошествіи трехъ лѣтъ, король Рудольфъ для однихъ былъ хорошъ, для другихъ невыносимъ. Вслѣдствіе того половина народа въ королевствѣ была расположена къ Рудольфу, другая же часть благопріятствовала Беренгарію. Обѣ стороны начали готовиться къ отчаянной гражданской войнѣ; и такъ какъ Видо, епископъ города Плаценціи, былъ на сторонѣ Беренгарія, то битва произошла при Флоренціолѣ въ 12 миляхъ отъ Плаценціи [1]).

66. Король Рудольфъ выдалъ свою сестру Вальдраду, которая и до сихъ поръ славится своею красотою, умомъ и нравами, за Бонифація, могущественнаго графа, который позже въ наше время (946 г.) получилъ маркграфство у камериновъ и сполетинцевъ. Собравъ войско, Бонифацій явился къ Рудольфу на помощь вмѣстѣ съ графомъ Гаріардомъ; но какъ человѣкъ хитрый и смѣлый, онъ считалъ болѣе выгоднымъ укрыться въ засадѣ и ожидать окончанія дѣла, нежели выдерживать первый натискъ. Уже войско Рудольфа почти все обратилось въ бѣгство, и приверженцы Беренгарія, давъ знать о побѣдѣ, начали собирать добычу, какъ Бонифацій и Гаріардъ, выйдя поспѣшно изъ засады, поразили ихъ тѣмъ легче, чѣмъ неожиданнѣе было нападеніе. Гаріардъ далъ нѣкоторымъ пощаду, ударяя ихъ копьемъ, а не мечемъ; но Бонифацій, не спуская никому, произвелъ страшное опустошеніе. Тогда Бонифацій въ свою очередь поднялъ знамя побѣды; по этому знаку собрались бѣжавшіе приверженцы Рудольфа и, преслѣдуя беренгарійцевъ (berengaricos),

---

[1]) Ліутпрандъ, по модѣ того времени, далѣе, предъ описаніемъ самой битвы вставляетъ, вмѣсто прелюдіи, стихи, которые должны были мрачно настроить читателя, и въ которыхъ является на сцену Фебъ и Марсъ; но это одинъ наборъ пышныхъ фразъ.

принудили ихъ обратиться въ бѣгство. Самъ же Беренгарій искалъ убѣжища въ извѣстномъ городѣ Веронѣ. Во время этой войны такое множество было избито, что и до сихъ поръ чувствуется недостатокъ въ способныхъ носить оружіе.

67. Послѣ того, король Рудольфъ покорилъ себѣ силою всю Италію и, поспѣшивъ въ Павію, собралъ около себя всѣхъ и обратился къ нимъ съ слѣдующею рѣчью: „Такъ какъ мнѣ удалось, помощью божіей побѣдивъ враговъ, овладѣть всѣмъ государствомъ, то теперь мнѣ пришло на мысль, препоручивъ вашей вѣрности итальянское королевство, посѣтить прежнее отечество Бургундію". На это ему отвѣчали итальянцы: „Если тебѣ такъ угодно, мы согласны".

68. Послѣ удаленія короля Рудольфа, жители Вероны, задумавъ зло, начали дѣлать покушеніе на жизнь Беренгарія, и ихъ намѣреніе не укрылось отъ короля. Зачинщикомъ и исполнителемъ этого преступленія явился Фламбертъ, съ которымъ король покумился, воспринявъ его сына изъ святой купели. Наканунѣ этого дня, король позвалъ къ себѣ Фламберта и сказалъ ему:

69. „Еслибы ты не былъ со мною связанъ тѣсными и искренними узами дружбы, то можно было бы повѣрить тому, что о тебѣ говорятъ. Разсказываютъ, что ты покушаешься на мою жизнь; но я не такъ легко имъ вѣрю. Я хочу тебѣ только напомнить, что все пріобрѣтенное тобою и въ отношеніи имущества, и въ отношеніи почестей, могло быть пріобрѣтено только моими благодѣяніями. Потому ты долженъ хранить ко мнѣ большое расположеніе, чтобы мое достоинство могло быть покойно на счетъ твой привязанности и вѣрности. Я не заботился ни о чьемъ счастьи и ни о чьемъ имуществѣ, какъ о твоей чести. Всѣ мои старанія, усилія, заботы и помыслы жителей этого города были направлены къ тому. Знай одно: если я буду видѣть, что твоя вѣрность остается постоянною, то при этомъ меня будетъ радовать не своя собственная безопасность, но твое умѣнье быть благодарнымъ за мои милости".

70. Сказавъ это, король протянулъ ему золотой тяжеловѣсный кубокъ, и прибавилъ: „Выпей, что въ немъ, изъ любви ко мнѣ и за мое здоровье; а то, въ чемъ вино, удержи для себя". Безъ сомнѣнія, вмѣстѣ съ напиткомъ, вошелъ въ него сатана; такъ написано и объ Іудѣ предателѣ Господа нашего Іисуса Христа: „И послѣ сего куска вошелъ въ него сатана".

71. Забывъ и прошедшія и настоящія благодѣянія короля, Фламбертъ провелъ цѣлую безсонную ночь, склоняя войско (populos) къ умерщвленію Беренгарія. Въ эту ночь, король, по своему обычаю, оставался въ красивой бесѣдкѣ, близь церкви, а не во дворцѣ, гдѣ можно было хорошо защищаться. Не подозрѣвая никакого злого умысла, онъ не приказалъ даже поставить стражу на ночь [1]).

---

[1]) Ліутпрандъ прерываетъ свой разсказъ и вставляетъ отрывокъ въ стихахъ, заимствованный имъ изъ какой нибудь извѣстной въ то время поэмы, воспѣвшей трагическую смерть Беренгарія.

Лишь только крыльями взмахнулъ
Пѣтухъ, указывая стражу,
И мѣдный колокола звукъ
Раздался громко, призывая;
Заботы міра отложивъ,
Воздать хвалу Тому, который
Намъ временную жизнь открылъ
И указалъ искать на небѣ
Другой отчизны край святой;—
Тогда король пошелъ поспѣшно
Во храмъ Всевышняго молить.
Туда жъ торопится презрѣнный
Фламбертъ со свитою убійцъ,
На жизнь святого покусившись.
Король, не зная цѣли ихъ,
Услышавъ шумъ, впередъ выходитъ
Узнать, что тамъ, и видитъ вдругъ
Толпу, людей вооруженныхъ.
„Скажи, Фламбертъ, мой вѣрный мужъ,
„Что за толпа, чего желаетъ
„Народъ съ оружіемъ въ рукахъ?"
— „Не бойся, отвѣчалъ предатель,
„Не на тебя идетъ толпа:
„Она сразиться ищетъ съ тѣми,
„Кто покушается давно
„На жизнь твою, о, мой властитель".
Обманутый король спѣшитъ
Укрыться въ ихъ средѣ, и, ужасъ!—
Его, какъ плѣнника, влекутъ,
И подлый Ромфей въ тылъ наноситъ
Ударъ тяжелый королю;
И палъ тогда благочестивый,
Вручая Господу свой духъ.

72. Наконецъ, какую святую кровь они пролили, какъ безчестно поступили эти безчестные, о томъ, если бы и мы умолчали, заговорилъ бы камень, лежащій предъ вратами церкви и указывающій на кровь его всѣмъ проходящимъ. И никто не проходитъ мимо, не зачерпнувъ воды и не окропивъ этого мѣста.

73. Король Беренгарій выростилъ у себя, какъ родного, одного юношу по имени Милона, настоящаго героя, достойнаго памяти и хвалы. Когда бы король послѣдовалъ его совѣту, то не испыталъ бы такой жалкой судьбы, если бы только божественное опредѣленіе не рѣшило, что иначе не можетъ быть. Милонъ хотѣлъ именно въ эту ночь, когда король Беренгарій былъ обманутъ, занять ночную стражу. Король же, обманутый обѣщаніями Фламберта, не только не позволилъ Милону оставаться на стражѣ, но и строго то запретилъ. Милонъ, какъ мужъ вѣрный и честный, помня всегда благодѣянія своего короля, хотя не могъ его защищать, потому что отсутство-

валъ, но постарался за то жестоко отмстить. Три дня спустя по смерти короля, онъ, схвативъ Фламберта и сообщниковъ его въ этомъ ужасномъ злодѣяніи, приказалъ ихъ повѣсить (924 г.). Впрочемъ Милонъ обладалъ многими другими превосходными качествами, о чемъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ, если то будетъ угодно Богу.

Здѣсь кончается вторая книга „Воздаянія", и начинается третья.

Первая глава третьей книги заключаетъ объясненіе причинъ, побудившихъ автора назвать свое сочиненіе „Воздаяніемъ". См. переводъ этой главы выше, на стр. 292, примѣчаніе 1.

2. По смерти короля Беренгарія (I) и въ отсутствіе Рудольфа, полчища венгровъ, подъ предводительствомъ Саларда, разсѣялись по всей Италіи, окружили валомъ стѣны Павіи и, расположившись лагеремъ вокругъ, не выпускали никого изъ города. Не имѣя силъ имъ сопротивляться, жители Павіи поплатились по грѣхамъ своимъ.

3. Фебъ золотой, удаляясь отъ сѣвера, въ знакъ Зодіака
Началъ вступать, растопляя снѣга на высокихъ покатахъ;
Вѣтры Эола подули, чтобъ лютые венгры могли бы
Пламени городъ предать: дуновеньемъ Эола разлилъ
Быстро огонь по Павіи, и вмѣстѣ съ огнемъ налетѣли
Яростно венгры, повсюду смерть разнося, и стрѣлами
Встрѣтили тѣхъ, кто бѣжалъ, отъ огня и пожара спасаясь.
Бѣдный, когда-то красивый, городъ Павія сгораетъ!
Молотъ Вулкана, въ союзѣ съ Эоломъ, работаетъ сильно,
Домы родные и стѣны господнихъ церквей разрушая.
Гибнутъ матери, дѣти, невинныя дѣвы, и съ ними
Гибнетъ толпами святой, православный народъ беззащитно [1]).
Первосвященникъ — зовутъ Іоанномъ, и слылъ онъ въ народѣ
Добрымъ — сложилъ свою бѣдную голову рядомъ съ другими.
Временемъ долгимъ скопленное золото въ складахъ богатыхъ
Въ клоаки ручьями течетъ, распущенное огненнымъ жаромъ.
Бѣдный, когда-то красивый, городъ Павія сгораетъ!
Ты бы увидѣлъ: рѣками лилось серебро, и валялись
Яспись зеленый съ топазомъ и нѣжный сапфиръ драгоцѣнный;
Но никому и на мысль не пришло заглядѣться на злато.
Бѣдный, когда-то красивый, городъ Павія сгораетъ!
Свѣтлыя волны Тицина клубилися мутной волною.
Бѣдный, когда-то красивый, городъ Павія сгорѣла—

въ годъ отъ воплощенія 924, за 4 дня предъ мартовскими идами, 12 индиктіона, въ третьемъ часу. Заклинаю васъ всѣхъ, кто будетъ читать эти строки, сохраните благочестивую память о сгорѣвшихъ.

4. Но мечъ всесвятого и всемогущаго Бога, котораго милосердіе и правда воспѣты пророкомъ, и чья благость наполняетъ собою весь міръ, свирѣпствовалъ не до совершеннаго истребленія. Хотя городъ

---

[1]) Sancta catervatim moritur catecumina ples (т.-е. plebs) tunc.

сгорѣлъ и заслуженно по грѣхамъ нашимъ, но онъ не былъ преданъ въ руки непріятеля. Такъ исполнилось сказанное царемъ и пророкомъ: „Неужели во вѣки отвергнетъ насъ Богъ? неужели до конца лишитъ насъ своей благости, изъ рода въ родъ? или забудетъ сжалиться надъ нами, и милость свою сдержитъ въ гнѣвѣ своемъ"? Другой пророкъ, обращаясь къ Богу, сказалъ: „Когда прогнѣвишься, не забудешь благости своей". Такимъ образомъ, тѣ, которые спаслись, мужественно сопротивлялись венграмъ, и радостно пѣли вмѣстѣ съ пророкомъ: „Измѣнилась къ намъ десница Всевышняго".

5. Много содѣйствовало тому и преславное заступничество святѣйшаго отца нашего и премудраго мужа, блаженнаго Сира, останки котораго почиваютъ въ упомянутомъ городѣ, и который предсказалъ, что городъ Павія будетъ близокъ къ паденію, но спасется по милосердію божьему. Отправленный для проповѣди блаженнымъ Гермагоромъ, ученикомъ евангелиста Марка, блаженный отецъ, вдохновленный даромъ предвѣденія, почтилъ Павію слѣдующимъ предсказаніемъ:

6. „Возрадуйся радостью, городъ Павія, потому что къ тебѣ грядетъ благополучіе отъ далекихъ горъ; и назовутъ тебя сосѣднія государства не ничтожнымъ, но богатымъ городомъ". Чтобы болѣе увѣрить въ справедливости своего предсказанія, онъ въ тоже время предсказалъ паденіе знаменитаго города Аквилеи: „Горе тебѣ, Аквилея, потому что на тебя нападутъ нечестивые, разрушатъ, и ты не возникнешь, снова отстроенная". Дѣйствительно, Аквилея, этотъ богатѣйшій и громадный нѣкогда городъ, была взята и разрушена до основанія нечестивымъ королемъ гунновъ Аттилою, и не возникла впослѣдствіи, какъ то мы видимъ и теперь; Павію же, по словамъ святого мужа, мы и считаемъ, и видимъ попрежнему богатою, не потому только, что она возвышается надъ одними ближайшими городами, но и надъ самыми отдаленными. Нечего и сравнивать Павію съ другими городами, когда и самъ знаменитый во всемъ мірѣ и извѣстнѣйшій Римъ уступилъ бы ей первенство, если бы не обладалъ драгоцѣнными останками блаженныхъ апостоловъ. Изъ всего этого явствуетъ, что Павія была спасена заступничествомъ нашего патрона, блаженнаго Сира, который удостоилъ ее столь непреложнаго и драгоцѣннаго предсказанія. Сжегши Павію и распространивъ опустошеніе по всей Италіи, венгры возвратились во-свояси.

7. Въ это самое время (924), по смерти Адельберта, маркграфа аквилейскаго, жена его Эрменгарда, дочь могущественнаго маркграфа Тусціи Адельберта и Берты, распоряжалась всею Италіею. Источникомъ ея власти—стыдно и молвить то—были ея преступныя связи со всѣми, не только съ князьями, но даже и съ простолюдинами (ignobilibus).

8. Около того же времени, король Рудольфъ, возвращаясь изъ Бургундіи, прибылъ въ Италію, и, по смерти Беренгарія, овладѣлъ силою всѣмъ государствомъ. Но, спустя нѣсколько дней, между итальянцами произошелъ разрывъ. Красота Эрменгарды возбуждала ревность между ея поклонниками, тѣмъ болѣе, что эта непотребная женщина однихъ привлекала къ себѣ, другихъ же отвергала. Вслѣдствіе

того, богатѣйшій архіепископъ Милана и нѣкоторые другіе приняли сторону короля Рудольфа; Эрменгарда же окружила себя такимъ множествомъ мятежниковъ, что мужественно воспротивилась въѣзду короля въ Павію, столицу государства.

9. Но король Рудольфъ придвинулся къ Павіи съ войскомъ и раскинулъ лагерь въ одной милѣ отъ города, въ томъ мѣстѣ, гдѣ сливаются рѣки Тицинъ и По, прославленный Виргиліемъ подъ именемъ:

Fluviorum rex Heridanus,

и въ другомъ мѣстѣ:

Corniger Hesperidum fluvius regnator aquarum.

Эрменгарда, женщина коварная, отправила къ королю ночью, черезъ рѣку, слѣдующее письмо: „Если бы я хотѣла тебя погубить, то тебя не было бы уже давно на свѣтѣ. Потому что всѣ твои желаютъ оставить тебя и перейти ко мнѣ, и ждутъ только моей воли. Ты былъ бы давно уже взятъ и связанъ, если бы я послѣдовала ихъ совѣтамъ“. Король не только повѣрилъ этому извѣстію, но и пришелъ въ ужасъ; отпустивъ пословъ, онъ отвѣчалъ ей, что намѣренъ совѣщаться съ нею о томъ, какъ поступить. Не медля много, въ слѣдующую, ночь король Рудольфъ, тайно отъ стражи, отославъ отъ себя всѣхъ, опустивъ занавѣсъ палатки и сложивъ постель, оставилъ своихъ и поспѣшилъ къ Эрменгардѣ.

11. Утромъ, королевскіе воины съ осторожностью ходили около палатки. Но когда собрались князья, имъ показалось удивительнымъ, что король спитъ въ такое необыкновенное время. Они начали шумѣть, какъ нѣкогда воины Олоферна, стараясь его разбудить, но, какъ и отъ Олоферна, не получали никакого отвѣта. Войдя, наконецъ въ палатку и не найдя ничего, одни думали, что его похитили, другіе—что онъ былъ убитъ. Никому и въ голову не приходило, что король могъ бѣжать. Пока они не знали отъ изумленія, что̀ и подумать, явился вѣстникъ, объявившій, что король Рудольфъ идетъ на нихъ вмѣстѣ съ ихъ противниками. Пораженные ужасомъ, они съ такой поспѣшностью обратились въ бѣгство, что если бы ты ихъ увидалъ, то сказалъ, что они не бѣгутъ, а летятъ.

12. Когда они собрались въ Миланѣ, какъ мѣстѣ безопасномъ, Ламбертъ, архіепископъ, съ общаго согласія, отправилъ къ могущественному и благоразумнѣйшему графу провансальцевъ, Гуго [1]) посольство съ предложеніемъ явиться въ Италію, отнять королевство у Рудольфа и овладѣть имъ въ свою пользу. Впрочемъ, онъ самъ уже давно покушался, по различнымъ побужденіямъ, овладѣть итальянскимъ королевствомъ. Такъ, еще при королѣ Беренгаріѣ, онъ вторгался въ Италію съ значительными силами, но тогда для него еще не наступило время господства, и устрашенный Беренгаріемъ Гуго былъ обращенъ въ бѣгство.

13. Когда Рудольфъ, по причинѣ вѣроломства окружавшихъ его, не могъ одолѣть своихъ противниковъ, онъ отправился въ Бургун-

[1]) См. Родосл. Табл. № 2: сынъ Берты и сводный братъ Эрменгарды.

дію и просилъ герцога швабскаго Бургарда, на дочери котораго былъ женатъ, прійти къ нему на помощь. Бургардъ собралъ войска и вмѣстѣ съ Рудольфомъ отправился въ Италію. Достигнувъ Ивреи, онъ обратился къ своему зятю съ слѣдующимъ предложеніемъ:

14. „Мнѣ кажется, было бы не глупо, еслибъ я, подъ предлогомъ посольства, отправился въ Миланъ; пользуясь такимъ случаямъ, я могъ бы разсмотрѣть городъ и познакомиться съ расположеніемъ умовъ". Сказавъ это, онъ отправился въ путь, и, подъѣхавъ уже къ Милану, своротилъ съ дороги, чтобы помолиться въ церкви блаженнаго и драгоцѣннаго мученика Лаврентія; но, говорятъ, у него было другое на умѣ, а не молитва: такъ какъ эта церковь стояла вблизи самаго города и была удивительной и дорогой работы, то, разсказываютъ, онъ хотѣлъ устроить тамъ крѣпость, чтобы чрезъ то удержать въ своихъ рукахъ не только миланцевъ, но и многихъ другихъ итальянскихъ князей. Оставивъ церковь и проѣзжая верхомъ вдоль городскихъ стѣнъ, онъ обратился къ своимъ землякамъ съ слѣдующими словами, говоря на своемъ, т.-е. на нѣмецкомъ (teutonica) языкѣ: „Если я у этихъ всѣхъ итальянцевъ не оставлю по одной шпорѣ, и не доведу ихъ до того, что они будутъ ѣздить на клячахъ, то не буду Бургардомъ; а крѣпость и высоту этихъ стѣнъ, на которыя они такъ разсчитываютъ, я не ставлю ни во что, однимъ ударомъ своего копья я сброшу ихъ со стѣнъ за-мертво". Онъ былъ убѣжденъ, что между его непріятелями никто не понималъ нѣмецкаго языка, и потому говорилъ такимъ образомъ. Но на бѣду для него, тамъ стоялъ какой-то презрѣнный оборвышъ (pannosus), понимавшій языкъ Бургарда, и тотчасъ передалъ слышанное имъ архіепископу Ламберту. Ламбертъ, какъ умный человѣкъ, не обнаружилъ Бургарду никакого подозрѣнія, но, питая злой умыселъ, оказалъ ему даже большія почести. Между прочимъ, въ знакъ особенной дружбы, онъ дадъ ему позволеніе устроить охоту за оленемъ въ своемъ паркѣ (in brolio), чего не разрѣшалъ до тѣхъ поръ никому, кромѣ самыхъ короткихъ друзей. Въ тоже самое время онъ склонилъ всѣхъ жителей Павіи и нѣкоторыхъ итальянскихъ князей погубить Бургарда, и удерживалъ его столько времени, сколько, по его мнѣнію, нужно было, чтобы дать собраться убійцамъ.

15. Наконецъ, Бургардъ уѣхалъ изъ Милана и въ тотъ же день прибылъ въ Новару. Проведя тамъ ночь и рано утромъ собравшись продолжать дорогу въ Ивреюь, онъ былъ внезапно встрѣченъ толпами итальянцевъ, бросившихся на него. Но онъ не встрѣтилъ ихъ, какъ слѣдовало бы мужественному воину, а обратился въ бѣгство. Такъ какъ, по словамъ блаженнаго Іова (14, 5), онъ не могъ миновать своей судьбы, и помощь лошади не надежна (Псал. 32 (33), 17), то лошадь споткнулась и сбросила его въ ровъ, окружавшій городъ. Такъ и погибъ онъ, пронзенный копьями авзоніевъ (т.-е. итальянцевъ). Спутники же его, видя случившееся и не имѣя никакого средства къ спасенію, искали убѣжища въ церкви святѣйшаго исповѣдника Гауденція. Но авзоніи, оскорбленные и раздраженные угрозами Бургарда, выломали церковныя двери и избили всѣхъ находившихся тамъ, даже и тѣхъ, которые скрылись подъ алтаремъ.

16. При извѣстіи объ этомъ событіи, Рудольфъ оставилъ Италію и поспѣшно возвратился въ Бургундію. Между тѣмъ (926 г.), Гуго, графъ Арелата (н. Arles, въ южной Франціи) или Прованса, сѣлъ на корабль и по Тирренскому морю отправилсявъ Италію. Провидѣніе же, желавшее его господства въ Италіи, пославъ попутный вѣтръ, привело его въ самый короткій срокъ къ г. Алфеѣ, то-есть Пизѣ, столицѣ области Тусціи, о которой сказалъ еще Виргилій (Энеид. X, 179):

Alpheae—ad origine Pisae.

17. По прибытіи его въ Пизу, явился туда посолъ отъ римскаго папы Іоанна Равенскаго (X). И почти изъ всѣхъ странъ Италіи прибыли туда же послы, предлагавшіе ему точно также сдѣлаться ихъ королемъ. Онъ же, давно самъ преслѣдуя эту цѣль, поспѣшилъ въ Павію и по всеобщему согласію принялъ правленіе въ свои руки. Вскорѣ Гуго отправился въ Мантую, гдѣ его встрѣтилъ папа Іоаннъ и заключилъ съ нимъ союзъ (926 г.).

18. Въ это время, по смерти Берты [1]), матери этого самаго короля Гуго, сынъ ея Видо, рожденный отъ брака съ Адельбертомъ, владѣлъ маркграфствомъ Тусціею и былъ женатъ на развратной римлянкѣ Мароціѣ.

19. Король Гуго былъ одинаково и образованъ, и отваженъ; его храбрость равнялась его уму. Онъ почиталъ Бога и любилъ любящихъ Его; къ бѣднымъ былъ внимателенъ и весьма ревностенъ къ пользамъ церквей; люди, посвятившіе себя религіи и наукамъ (religiosi phylosophique viri) пользовались у него не только любовью, но и почетомъ. Но при всѣхъ его столь блестящихъ добродѣтеляхъ, онъ затемнялъ свою славу предосудительною наклонностью къ женщинамъ.

20. Такъ онъ взялъ себѣ въ жены Альду, родомъ изъ тевтонскихъ франковъ, и имѣлъ отъ нея сына, по имени Лотаря. Но въ то же время онъ получилъ отъ одной знатной женщины, Вандельмоды, сына Губерта, который и теперь здравствуетъ и считается могущественнымъ княземъ области Тусціи. Его дѣянія, если то будетъ угодно Богу, я разскажу въ своемъ мѣстѣ.

21. Утвердившись королемъ, Гуго, какъ человѣкъ благоразумный, разослалъ пословъ во всѣ страны, чтобъ снискать дружбу многихъ королей и князей, но въ особенности дружбу преславнаго короля Гейнриха (I), который, какъ мы выше сказали (кн. II, 20), управлялъ баварами, швабами, лотарингами, франками и саксами. Этотъ король Гейнрихъ покорилъ своей власти многочисленное племя славянъ (Sclavi) и сдѣлалъ ихъ своими данниками. Онъ же первый подчинилъ дановъ (т.-е. жителей Даніи) и принудилъ ихъ къ повиновенію, и чрезъ то имя его сдѣлалось славнымъ у многихъ народовъ.

---

[1]) Берта была дочь Лотаря II и Вальрады. Гуго родился отъ ея перваго брака, съ Теобальдомъ, по смерти котораго она вышла вторично за-мужъ за Адельберта, маркграфа Турціи, и имѣла отъ него сына Видо.

22. Такъ какъ король Гуго искалъ повсюду расположить къ себѣ королей и князей, то онъ позаботился сдѣлать свое имя извѣстнымъ даже отдаленнымъ ахивянамъ (Achiviis, т.-е. византійскимъ грекамъ). У нихъ правилъ въ то время императоръ Романъ, достойный и памяти, и хвалы (см. выше, стр. 393), щедрый, человѣколюбивый, благоразумный и благочестивый. Къ нему-то Гуго и отправилъ посломъ (927 г.) моего отца, какъ человѣка честнаго и велерѣчиваго (propter linguae urbanitatem).

Прибывъ въ Византію, мой отецъ привезъ, между прочими подарками короля Гуго, императору Роману двухъ собакъ, какихъ въ той странѣ никогда не видали. Когда онѣ были представлены императору, то нѣсколько человѣкъ принуждены были крѣпко держать ихъ, чтобы онѣ не бросились на него и не растерзали зубами. Я думаю, что собаки, увидавъ Романа, приняли его не за человѣка, а за пугало, потому что онъ былъ одѣтъ, по обычаю грековъ, въ какой-то женскій плащъ (teristro) и необыкновенное платье.

24. Впрочемъ, мой отецъ былъ принятъ у императора самымъ почетнымъ образомъ, и при томъ не по новизнѣ самаго посольства и не по значительности подарковъ, а по одному, совершенно особенному, обстоятельству. Когда мой родитель, на дорогѣ въ Грецію, прибылъ въ Ѳессалоннику, на него напали славяне, возмутившіеся противъ императора Романа и опустошавшіе его страну; но съ божіею помощью мой отецъ разбилъ ихъ и взялъ въ плѣнъ двухъ предводителей. Когда онъ представилъ плѣнныхъ императору, радость послѣдняго была такъ велика, что онъ далъ отцу значительный подарокъ, и мой отецъ, весьма довольный тѣмъ, возвратился къ королю Гуго, отправившему его посломъ къ императору. Но нѣсколько дней спустя послѣ возвращенія, онъ заболѣлъ, удалился въ монастырь и принялъ одежду схимника, въ которой и отошелъ ко Господу (927 г.), по прошествіи 15 дней, оставивъ меня ребенкомъ (me parvulo derelicto). Теперь же, такъ какъ я упомянулъ объ императорѣ Ρωμανον, т.-е. Романѣ, то мнѣ кажется не излишнимъ при этомъ случаѣ помѣстить разсказъ о томъ, кто онъ былъ и какимъ образомъ получилъ верховную власть............

За этимъ слѣдуетъ у Ліутпранда длинное отступленіе (25—38 гл.) по поводу византійской исторіи, которое мы и опускаемъ, какъ случайно прерывающее главную нить разсказа; съ 39 гл. авторъ возвращается къ своей тэмѣ и продолжаетъ исторію Италіи и Германіи слѣдующимъ образомъ.

39. Въ то время (около 926 г.), въ Павіи могущественными судьями (praepotentes judices) были Вальпертъ и Гезо, по прозванію Эверардъ. Власть Вальперта была основана на томъ, что онъ успѣлъ поставить епископомъ, въ богатѣйшемъ городѣ Кумахъ, своего сына Петра, а Розу, свою родственницу, выдалъ за палатнаго графа Гиллеберта. Впрочемъ, въ то время они оба умерли. Весь народъ въ Тицинѣ, то-есть, въ Павіи, сходился у Вальперта и предъ нимъ велъ свои процессы и рѣшалъ распри. Вышеупомянутый Гезо, по прозванію Эверардъ, находясь въ нѣкоторомъ родствѣ съ нимъ, и принимая участіе въ его власти, пользовался потому такимъ же значеніемъ;

но онъ помрачалъ дурными нравами свое благородное происхожденіе: былъ чрезмѣрно честолюбивъ, жаденъ, завистливъ, склоненъ къ мятежу, подкупенъ и вообще не помнилъ заповѣдей господнихъ. Богъ за то не оставилъ его безъ возмездія; чтобы не распространяться много, скажу коротко: онъ, во всемъ подобный Катилинѣ, который старался умертвить консула и защитника республики Марка-Туллія Цицерона, рѣшился предать смерти короля Гуго. Однажды случилось королю Гуго остановиться, съ небольшою свитою и ничего не подозрѣвая, въ Павіи; Гезо, произведя мятежъ, хотѣлъ воспользоваться тѣмъ, чтобы напасть на короля; но онъ опоздалъ, такъ какъ Вальпертъ, не обладавшій тѣмъ жестокосердіемъ, промедлилъ явиться на мѣсто.

40. Самъ король Гуго, своими витіеватыми и меду сладчайшими рѣчами, успѣлъ отклонить его отъ предпринятаго зломышленія. Когда король узналъ, что противъ него составляется заговоръ, и что участники собрались въ домѣ Вальперта, онъ подослалъ имъ сказать слѣдующее: „Вслѣдствіе чего, вы, храбрые мужи, возстаете съ такимъ упорствомъ противъ вашего государя и короля? Пусть каждый изъ васъ объявитъ, чѣмъ онъ былъ недоволенъ; исправленіе худого никогда не поздно, особенно если оно будетъ сдѣлано тщательно“. При этихъ словахъ всѣ успокоились. Одинъ Гезо, съ прежнимъ остервенѣніемъ, старался склонить всѣхъ напасть на короля и предать его постыдной смерти. Но, по соизволенію божію, его злоба осталась безъ всякаго дѣйствія. Подосланныя королемъ разсказали ему все, какъ они видѣли и слышали.

41. Такимъ образомъ, Гуго, при своемъ хитромъ умѣ, не придавъ никакой важности случившемуся, вышелъ изъ Павіи, и торопясь удалиться изъ нея, какъ можно дальше, разослалъ повсюду приказы (libros), и повелѣлъ собраться своимъ вассаламъ. Вмѣстѣ съ ними явился и могущественный графъ Самсонъ, бывшій величайшимъ врагомъ Гезо. Увидѣвъ короля, онъ обратился къ нему такъ: „Я вижу, ты весьма озабоченъ городскими событіями, которыя тебя такъ тяжело огорчили въ послѣдніе дни; но если ты меня выслушаешь и примешь мой совѣтъ, то, повѣрь, они попадутся сами въ собственныя сѣти. Ты не легко сыщешь другого, который далъ бы тебѣ совѣтъ лучшій моего; тебѣ же навѣрное никто лучшаго не дастъ. Объ одномъ только прошу: если, по моему плану, они будутъ захвачены, отдай въ мои руки Гезо со всѣмъ его скопомъ“. Когда же король обѣщалъ ему выдать его, онъ присоединилъ: „Левъ, епископъ г. Тицина (т. е. Павіи), не считается другомъ Вальперта и Гезо: они, гдѣ могутъ, во всемъ ему противорѣчатъ. Вы знаете, что есть обычай, по которому всѣ знатные граждане выходятъ за городъ на встрѣчу королю, если онъ является въ Павію изъ другихъ мѣстъ. Итакъ, прикажите тайно епископу, чтобы онъ, когда вы придете въ Павію въ назначенное время, и они всѣ выйдутъ за городъ на встрѣчу намъ, заперъ отвсюду городскіе ворота и взялъ себѣ ключи; такимъ образомъ, если мы захотимъ схватить ихъ, то они не будутъ въ состояніи ни убѣжать въ городъ, ни получить помощи оттуда“. Такъ все и случилось. Когда король подошелъ въ назна-

ченное время въ Павіи, и вышеупомянутыя лица вышли къ нему на-встрѣчу, епископъ исполнилъ весьма охотно то, что ему было приказано. Король, по совѣту Самсона, повелѣлъ всѣхъ ихъ схватить. Когда Гезо былъ выданъ Самсону, послѣдній лишилъ его зрѣнія и урѣзалъ ему языкъ, которымъ онъ злословилъ короля. Все это было бы хорошо сдѣлано, если бы Гезо остался нѣмымъ навсегда, какъ его сдѣлали слѣпымъ! Но, о, злодѣй! такъ какъ его урѣзанный языкъ не потерялъ дара слова, то, по сказанному въ одной баснѣ грековъ, онъ, вслѣдствіе своего ослѣпленія, еще продлилъ жизнь, которая и до настоящаго времени не перестала быть пагубой для многихъ. Мы помѣщаемъ здѣсь содержаніе этой басни, которая, по безсмыслію грековъ, такъ объясняетъ, почему слѣпые всего дольше живутъ: Ζευς και Ηρα ηρισαν περι αφροδισιῶν, της πλειονα ἐχει ηδομας εν τη συννουσῖα. και τοτε Τιρεσίαν Εβρου υιον εζήτησαν. Οῦτος γὰρ εν ταις αμφοτέραις φύσεσοι μεταμορφώθη.... Οῦτος οῦν κατα της Ηρας απεφχυνατο, καὶ Ηρα οργισθεῖσα ἐπήρωσεν ἀυτὸν, Ζευς δὲ εχαρίσατο ἀυτῶ πολοῖς ζησαι ετεσι, και ὁσα ελεγεν μαντικα λεγειν — „Зейсъ кэ Ира ирисанъ пери афродисіонъ, тисъ пліона эхи идомасъ энъ ти синнусіа; кэ тóтэ Тиресіанъ Эвру іонъ эзитисанъ. Утосъ гаръ энъ тэсъ амфотересъ фисеси метаморфоти.... Этосъ унъ ката тисъ Ирасъ апефкинато, кэ Ира оргистиса эпиросенъ автонъ. Зейсъ дэ эхарисато авто полисъ зисэ этиси, кэ оса элегенъ мантика легинъ“. Въ переводѣ это значитъ: „Юпитеръ и Юнона поспорили о любви, кто изъ нихъ обладаетъ бòльшею страстью. Они спрашивали о томъ Терезія. Онъ имѣлъ двойную природу (т. е. былъ гермафродитомъ).... Терезій рѣшилъ дѣло противъ Юноны, и раздраженная Юнона ослѣпила его. Юпитеръ же далъ ему многолѣтнюю жизнь и даръ предсказанія во всемъ, что онъ будетъ говорить“. Но возвратимся къ дѣлу. Гезо, какъ мы сказали, по обезображеніи членовъ, потерялъ ихъ силу. Его сообщники отданы подъ стражу. Вальперта обезглавили на слѣдующій же день, а огромныя его богатства расхитили; Христина, жена его, была схвачена и предана пыткамъ, чтобы вынудить у нее признаніе, гдѣ скрыты сокровища. Такимъ образомъ, былъ наведенъ ужасъ не только на Павію, но и на всѣ страны Италіи: болѣе не пренебрегали Гуго, какъ прочими королями, и всякески старались оказать ему уваженіе.

42. Въ это самое время, прибылъ въ Италію Ильдоинъ, епископъ церкви лаудоціенской (Leodiensis), изгнанный изъ своей епархіи, и явился къ королю Гуго, съ которымъ онъ состоялъ въ родствѣ. Принявъ его съ почетомъ, Гуго отдалъ ему епископство веронское (928 г.), для пользованія его доходами. Вскорѣ послѣ того умеръ архіепископъ Ламбертъ, и онъ поставилъ Ильдоина на его мѣсто епископомъ Милана. Вмѣстѣ съ Ильдоиномъ пришелъ одинъ монахъ, по имени Ратерій; за свое благочестіе и познаніе въ семи свободныхъ искусствахъ (septem liberalium artium peritiam) онъ былъ сдѣланъ епископомъ въ Веронѣ, гдѣ считался графомъ упомянутый нами выше Милонъ (932 г.) [1]).

---

[1]) См. выше, кн. II, 73, на стр. 400.

43. Между тѣмъ маркграфъ Тусціи Видо, вмѣстѣ съ своею женою Мароціею, началъ обдумывать планъ сверженія папы Іоанна (X); къ тому ихъ побудила ненависть къ Петру, брату папы, котораго Іоаннъ и почиталъ, какъ своего брата. Видо, во время пребыванія Петра въ Римѣ, тайно собралъ около себя большое число вассаловъ. Когда однажды папа вмѣстѣ съ братомъ и многими другими находился въ Латеранскомъ дворцѣ, вассалы Видо и Мароціи, бросившись на нихъ, умертвили Петра предъ глазами его брата; самого же папу, схвативъ, отдали подъ стражу, гдѣ онъ вскорѣ и умеръ. Говорятъ, что они, наложивъ подушку на ротъ, задушили его злѣйшимъ образомъ. По смерти его, былъ поставленъ папою сынъ Мароціи Іоаннъ (XI), котораго родила эта непотребная женщина отъ папы Сергія (см. выше, II, 48, на стр. 394). Вскорѣ послѣ того умеръ Видо, и преемникомъ его сдѣлался братъ его Ламбертъ (931 г.).

44. Мароція же, эта безстыдница, отправляетъ, по смерти своего мужа Видо, пословъ къ королю Гуго, приглашаетъ его прійти къ ней и овладѣть знатнѣйшимъ городомъ Римомъ. Но при этомъ она извѣщала, что все это можетъ исполниться только въ такомъ случаѣ, если король Гуго женится на ней.

> Что замышляешь ты снова Мароція, дочь Афродиты,
> Чувственно взоры бросая на брата покойнаго мужа?
> Иродіада! ты хочешь быть братьевъ обоихъ женою;
> Иль ты забыла въ своемъ ослѣпленіи запретъ Іоанна
> Брату брать въ жены вдову по смерти брата родного.
> Не оправдаетъ тебя и глаголъ Моисея пророка:
> Онъ повелѣлъ, чтобы брата вдова выходила за брата,
> Если только дѣтей не имѣлъ отъ брака покойный.
> Ты же, извѣстно, имѣла дѣтей и отъ перваго брака.
> Знаю отвѣтъ твой впередъ, что „дозволено все Афродитѣ“....
> Вотъ и Гуго идетъ, какъ волъ обреченный на жертву;
> Власть надъ Римомъ великимъ больше его привлекаетъ.
> Но для чего же ты губишь, преступница, мужа святого?
> Титулъ ты королевы желаешь купить преступленьемъ;
> Изгнана будешь изъ Рима за то: такъ Богу угодно.

А что такая участь постигла ее справедливо, то поймутъ люди не только разсудительные, но и легкомысленные. При въѣздѣ въ Римъ стоитъ укрѣпленіе, весьма твердое и превосходной архитектуры [1]); передъ воротами ея находится мостъ на Тибрѣ, весьма дорогой работы, и по немъ лежитъ дорога какъ для входящихъ въ Римъ, такъ и для выходящихъ изъ города; другого же перехода не существуетъ. Но и по мосту можно пройти не иначе какъ съ согласія стражи, охраняющей укрѣпленіе. Для прочихъ подробностей упомяну только объ одномъ обстоятельствѣ, а именно, укрѣпленіе самое имѣетъ такую высоту, что церковь, устроенная на вершинѣ его и посвященная архистратигу небеснаго воинства, архангелу Ми-

---

[1]) Ліутпрандъ говоритъ о „Гробницѣ Адріана“, переименованной въ эпоху христіанства въ „Крѣпость св. Ангела“.

хаилу, называется „церковью св. Ангела-до-небесъ“ (Sancti Angeli ecclesia usque ad coelos). Король, оставивъ въ отдаленіи войско, по довѣрію къ гарнизону укрѣпленія, явился въ Римъ съ малочисленною свитою. Принятый римлянами съ почетомъ, онъ вошелъ и въ самое укрѣпленіе для брака съ непотребною Мароціею; вступивъ же въ такой оскверненный бракъ, онъ считалъ свою власть надъ римлянами совершенно обезпеченною. Но у Мароціи былъ сынъ Альберикъ, рожденный ею отъ маркграфа Альберика. Когда онъ, по убѣжденію матери, подавалъ на руки мыться королю Гуго, своему отчиму, Гуго ударилъ его по лицу въ наказаніе за то, что онъ лилъ неумѣренно и безъ уваженія къ королю. Альберикъ, желая отмстить нанесенную ему обиду, собралъ римлянъ и произнесъ предъ ними слѣдующую рѣчь: „Достоинство Рима пало до того, что онъ подчиняется власти непотребныхъ женщинъ. Что можетъ быть отвратительнѣе и презрѣннѣе, какъ погубить нашъ городъ для удовлетворенія безчестной страсти одной женщины? Бургундамъ-ли, нѣкогда рабамъ римлянъ, повелѣвать римлянами? Если, будучи вновѣ и гостемъ, онъ ударилъ по лицу меня, своего пасынка, то чего вы можете ждать отъ него, когда онъ обживется? Развѣ вы не знаете прожорливости и чванства бургундовъ? Посмотрите на одно происхожденіе ихъ имени; бургунды названы такъ вотъ почему: когда римляне, покоривъ весь міръ, взяли многихъ изъ этого племени въ плѣнъ и привели съ собою, они приказали имъ построить свои дома за городомъ, но за свое чванство они были выгнаны римлянами оттуда; а такъ какъ они, на своемъ языкѣ, собраніе нѣсколькихъ домовъ, не окруженныхъ стѣною, называютъ *burgum* (отсюда нов. нѣмецк. Burg и итальян. borgo), то римляне и называли ихъ *Burgundiones*, что значитъ въ переводѣ „изгнанные изъ бурга“ [1]). Впрочемъ, на туземномъ языкѣ они называются галлами аллоброгами. Что же касается до меня, то, по собственному fronisen, то-есть, толкованію, называя ихъ Burgundiones, я разумѣю всегда gurguliones (горланы), какъ потому, что они по своему чванству кричатъ во все горло, такъ и потому, что и болѣе справедливо, они сильно преданы обжорству, которое удовлетворяется горломъ“. Выслушавъ это всѣ вскорѣ оставили короля Гуго, а избрали своимъ властителемъ того самаго Альберика; а чтобы король Гуго не имѣлъ времени ввести своего войска, они немедленно осадили укрѣпленіе (932 г.).

45. Такъ совершилось возмездіе господне, и того, что король Гуго пріобрѣлъ помощью отвратительнаго преступленія, онъ не могъ никакими средствами удержать. На него напалъ такой страхъ, что, спустившись по той части укрѣпленія, которая примыкаетъ къ городской стѣнѣ, онъ оставилъ Римъ и убѣжалъ къ своимъ. По изгнаніи короля Гуго вмѣстѣ съ Мароціею, Альберикъ одинъ управлялъ Римомъ, въ то время какъ братъ его Іоаннъ (XI) занималъ верховный и вселенскій престолъ.

---

[1]) *Burgundiones*=Burgum+ohne, безъ; т.-е. ohne Burg, безгородные, откуда будто бы латинизированная форма Burgundi*ohnes* или Burgundiones; такова филологія Альберика, пущенная имъ въ ходъ для своихъ политическихъ цѣлей.

46. Нѣкоторые говорятъ, что Берта, мать короля Гуго, не родила ни одного сына мужу своему, маркграфу Адельберту, но тайно брала новорожденныхъ у другихъ женщинъ, представляясь беременною, и такимъ образомъ сама себѣ подкинула Видо и Ламберта, съ тою цѣлью, чтобы по смерти Адельберта имѣть сыновей, именемъ которыхъ она могла бы удержать за собою всю власть своего мужа. Мнѣ кажется, что вся эта сказка выдумана для того, чтобы король Гуго могъ подобнымъ обстоятельствомъ прикрыть свое постыдное честолюбіе освободиться отъ ὕβριν, т.-е. патна безславія. Но еще вѣроятнѣе другая цѣль, для которой было выдумано то, а именно слѣдующая. Ламбертъ, получившій, по смерти брата Видо, маркграфство Тусцію, былъ мужъ воинственный и способный рѣшиться на все. Король Гуго смотрѣлъ на него косо и боялся за итальянское королевство. Ему угрожала опасность, чтобы итальянцы не оставили его и не избрали королемъ Ламберта. Наконецъ, и Бозо, братъ короля Гуго отъ одного отца, разставлялъ коварно сѣти Ламберту, потому что самъ сильно желалъ сдѣлаться маркграфомъ Тусціи. Подъ вліяніемъ совѣтовъ Бозо, король Гуго съ угрозами запретилъ Ламберту называть себя его братомъ. Но Ламбертъ, какъ человѣкъ смѣлый и непокорный, отвѣчалъ непочтительно, какъ то слѣдовало бы, но съ необузданностью: „Чтобы король не могъ отвергать, что я его братъ, и что мы изъ одной утробы рождены, я желаю доказать то публично поединкомъ“. Король, услышавъ то, назначилъ одного юношу, по имени Теудина, который и вступилъ съ нимъ въ бой по тому дѣлу. Но Богъ справедливъ, и судъ его правъ, въ комъ нѣтъ неправды, чтобы разрѣшить недоумѣніе и обличить правду предъ всѣми; Онъ произвелъ то, что Теудинъ немедленно палъ, и Ламбертъ вышелъ побѣдителемъ. Король Гуго былъ весьма тѣмъ смущенъ. Но, по данному ему совѣту, онъ приказалъ схватить Ламберта и отдать подъ стражу. Гуго опасался, что онъ, по возвращеніи ему свободы, отниметъ у него королевство. Схвативъ его такимъ образомъ, онъ отдалъ маркграфство Тусцію своему брату Бозо, а Ламберта вскорѣ затѣмъ лишилъ зрѣнія.

47. Около этого времени (933 г.), итальянцы отправили посольство въ Бургундію, приглашая Рудольфа прійти къ нимъ. Но едва Гуго узналъ о томъ, какъ послалъ и съ своей стороны къ Рудольфу, уступая ему всю землю, которою онъ владѣлъ въ Галліи до пріобрѣтенія итальянскаго королевства (т.-е. Арелатъ или Провансъ), и взамѣнъ того поручилъ взять съ него клятву никогда не являться въ Италію. Не менѣе постарался онъ снискать дружбу могущественнаго короля, вышеупомянутаго Гейнриха (I), отправивъ къ нему множество подарковъ. Имя же Гейнриха пользовалось въ то время большимъ почетомъ у итальянцевъ, потому что онъ первый побѣдилъ дановъ и сдѣлалъ ихъ своими данниками, а до него никто не могъ подчинить ихъ. Это—то неукротимое племя, которое обитаетъ на отдаленномъ сѣверѣ у береговъ океана, и котораго дикость нанесла ударъ не одному образованному народу. Однажды они поднялись съ своимъ флотомъ вверхъ по Рейну и страшно опустошили все огнемъ и мечемъ; даже такіе значительные города, какъ Агриппина, которая

нынѣ называется Колоніею (н. Кёльнъ, по франц. Cologne), Триръ (Treveris), отстоящій далеко отъ Рейна, и многіе другіе города въ королевствѣ Лотаря (т.-е. Лотарингія, Lotharii regnum, н. по франц. Lorraine), были взяты приступомъ и сравнены съ землею; чего они не могли унести, то сожигали. Даже ванны (thermae) и дворецъ въ Гранѣ (Aquae Grani, н. Aix-la-Chapelle или Aachen, Ахенъ) были ими обращены въ пепелъ. Но оставимъ все это и возвратимся къ главной нити разсказа.

48. Арнольдъ, герцогъ Баваріи и Каринтіи, о которомъ мы упоминали выше, живя недалеко отъ Италіи, собралъ войско и отправился въ походъ, съ цѣлью отнять у Гуго его королевство (935 г.). Онъ, пройдя Тридентинскую область, первое маркграфство Италіи съ этой стороны, приблизился къ Веронѣ и былъ тамъ встрѣченъ дружелюбно графомъ Милономъ и епископомъ Ратеріемъ [1]), такъ какъ они и пригласили его. Лишь только король Гуго получилъ о томъ извѣстіе, какъ поспѣшилъ противъ него съ войскомъ.

49. Прибывъ на мѣсто, онъ разослалъ въ окрестности конные отряды; значительная толпа баваръ сдѣлала вылазку изъ замка Гаузенингъ и вступила въ бой съ итальянцами, но потерпѣла такое пораженіе, что не спаслось даже никого, кто могъ бы извѣстить о томъ прочихъ. Это обстоятельство привело герцога Арнольда не въ малое смущеніе.

50. Вслѣдствіе того, по принятому плану, онъ рѣшился оставить Италію, захватить съ собою графа Милона въ Баварію и, пополнивъ войско, возвратиться вмѣстѣ съ нимъ снова въ Италію. Это намѣреніе не укрылось отъ Милона.

51. Волнуемый различными мыслями, Милонъ рѣшительно не зналъ, какъ тутъ поступить. Обратиться къ королю Гуго онъ боялся, потому что оказалъ ему дурную услугу; быть же уведену Арнольдомъ въ Баварію казалось Милону хуже не только смерти, но и самаго ада. Находясь въ такомъ нерѣшительномъ положеніи, все же онъ предпочелъ бѣжать отъ Арнольда и явиться къ Гуго, такъ какъ, онъ зналъ, Гуго можетъ быть легко побужденъ къ милосердію. Арнольдъ же поспѣшилъ отступить въ Баварію съ такою поспѣшностью, какъ только могъ. Но прежде онъ разрушилъ укрѣпленіе въ городѣ Веронѣ и, взявъ съ собою брата Милона и его воиновъ, защищавшихъ крѣпость, увелъ ихъ въ Баварію (935 г.).

52. По удаленіи Арнольда, городъ сдался королю Гуго, а епископъ Ратерій, схваченный, былъ сосланъ въ Павію. Тамъ-то онъ и началъ писать свое остроумное и колкое произведеніе: „О тяжести своей ссылки“ (De exilii sui erumno) [2]). Кто захочетъ прочесть эту

---

[1]) См. выше гл. 42, на стр. 408.

[2]) Сочиненіе, написанное Ратеріемъ въ ссылкѣ, называется Agonisticon, въ 6 книг., и названо такъ потому, что оно поучаетъ духовнымъ оружіемъ бороться съ прельщеніями міра; но намеки на судьбу автора и современниковъ весьма темны: вѣроятно, Ратерій опасался преслѣдованій.

книгу, тотъ найдетъ тамъ многое высказаннымъ тонко и это принесетъ уму не только удовольствіе, но и пользу.

Здѣсь кончается Третья книга „Воздаянія“, и начинается Четвертая.

1. Все, что я писалъ до сихъ поръ (т. е. до начала 930-хъ годовъ), о, святѣйшій владыко, изложено мною такъ, какъ то я слыхалъ отъ достовѣрныхъ людей. бывшихъ очевидцами случившагося (qui ea creverant); дальнѣйшее же засимъ я разскажу, какъ человѣкъ, самъ бывшій свидѣтелемъ того, что совершалось. Въ то время я достигъ того возраста, когда мой пріятный голосъ могъ заслужить милостивое вниманіе короля Гуго (931 г.), а онъ чрезвычайно любилъ хорошее пѣніе (euphoniam), и, въ этомъ отношеніи, никто изъ моихъ сверстниковъ не могъ меня превзойти.

2. Король Гуго, встрѣчая вездѣ удачу, назначилъ, съ согласія всѣхъ, послѣ себя королемъ сына своего Лотаря (15 мая, 931 г.), котораго родила ему жена Альда. Послѣ того, онъ началъ помышлять о завладѣніи Римомъ, откуда его недавно изгнали постыднымъ образомъ. Собравъ войско, онъ пошелъ на Римъ. Опустошивъ безжалостно окрестныя мѣста и страны, онъ, несмотря на ежедневныя аттаки города, не могъ имъ овладѣть.

3. Надѣясь обмануть Альберика хитростью, Гуго предложилъ ему руку своей дочери Альды, родной сестры своего сына Лотаря, съ тѣмъ, чтобы такимъ образомъ заключить миръ съ нимъ и заставить его думать, что онъ, въ качествѣ зятя короля, совершенно безопасенъ. Альберикъ же, какъ человѣкъ неглупый, на дочери его женился (936 г.), а Рима, котораго домогался Гуго, не выдалъ, и вообще не довѣрилъ себя своему тестю. Впрочемъ король Гуго угостилъ бы Альберика и поймалъ бы его τουτω τῶ αγκηστρω, *туто то анкистро*, то-есть на удочку, еслибъ тому не помѣшало коварство его вассаловъ (militum), которые вовсе не желали мира между ними, потому что при ихъ враждебныхъ отношеніяхъ каждый вассалъ, кого бы захотѣлъ король наказать, могъ бѣжать къ Альберику, а этотъ изъ ненависти къ королю охотно принималъ бѣглеца и помѣщалъ его въ Римѣ, осыпавъ почестями.

Въ 4 и 5 главахъ, авторъ дѣлаетъ отступленіе по поводу новаго вторженія сарацинъ въ Италію и одного чуда, случившагося въ Генуѣ, затѣмъ разсказываетъ характеристическій для того времени эпизодъ изъ правленія Гуго:

6. Около этого времени, Маназесъ, епископъ Арелата (н. Arles), узнавъ о возникшемъ могуществѣ короля Гуго въ Италіи, и бывъ съ нимъ въ кровномъ родствѣ, бросилъ ввѣренную ему церковь и, въ надеждѣ ограбить и растерзать большее число церквей, направился въ Италію. Король же Гуго, имѣя въ виду утвердить свою власть въ государствѣ раздачею важныхъ мѣстъ своимъ родственникамъ, охотно поручилъ ему, противу всякаго права и долга, церкви Веронскую, Тридентскую и Мантуанскую, какъ бы для управленія, но, говоря точнѣе, на кормленіе (in escam). Не довольствуясь и этимъ, онъ отдалъ ему и всю Тридентскую мархію; такимъ образомъ, по дьявольскому навожденію, Маназесъ сдѣлался военнымъ васса-

ломъ (miles), и за то пересталъ быть епископомъ. Но, отецъ αγιε, то-есть, святой, позволь мнѣ нѣсколько остановиться на этомъ: я хочу поразить его собственнымъ оружіемъ, которое онъ употребилъ для защиты своего поступка. А именно, Маназесъ говорилъ такъ: „Блаженный Петръ (т.-е. апостолъ), устроивъ Антіохійскую церковь, точно также *ушелъ* (transvolavit) въ городъ Римъ, который въ то время, по своему могуществу, повелѣвалъ всѣми тогдашними народами. Устроивъ божіею помощью святую и почитаемую во всей вселенной церковь въ городѣ Римѣ, онъ поручилъ прежнюю церковь, Антіохійскую, своему ученику, блаженному евангелисту Марку; но еще прежде онъ основалъ церковь Аквилейскую, и тогда поспѣшно отправился въ Александрію. Что все это именно и случилось такъ, не можетъ не знать никто, кто только читалъ Дѣянія апостоловъ". Но я отвѣчаю на это: „О, Маназесъ, узнай отъ меня истину: твои родители были пророками, когда дали тебѣ твое имя; *Manases* значитъ *забывчивый*, т.-е. забывшій Бога. Какъ бы лучше могли твои родители предсказать о твоей судьбѣ? Ты, говорю, забылъ самого себя, не вспомнилъ даже того, что ты человѣкъ. И дьяволъ зналъ св. писаніе, но, будучи превратнымъ, превратно его толковалъ, и конечно, не для спасенія, а для погибели.....

Затѣмъ, авторъ описываетъ подробно по евангелію искушеніе Спасителя сатаною, и объясняетъ причины, побудившія св. Петра оставить прежнюю церковь и удалиться въ Римъ, указывая своему противнику на то, что св. Пéтръ искалъ въ такой перемѣнѣ церкви не стяжанія богатствъ, но мученической смерти.

7. Въ то же время, тотъ Беренгарій (II), подъ тиранніею котораго теперь (960 г.) стонетъ Италія, былъ только маркграфомъ Ивреи (Eporegiae civitatis marchio). Король Гуго отдалъ ему въ супружество свою племянницу Виллу, дочь Виллы и его брата Бозо, маркграфа Тусціи. Но дерзостью и могуществомъ былъ славенъ въ то время братъ того Беренгарія, Анскарій, сынъ Адельберта и Эрменгарды, сестры короля Гуго [1]).

Маркграфомъ Камерина и Сполето былъ въ то время извѣстный герой Тедбальдъ, близкій родственникъ короля Гуго. Онъ пошелъ на помощь беневентскому князю противъ грековъ, притѣснявшихъ его, и, давъ имъ сраженіе, одержалъ побѣду. При этомъ случаѣ множество грековъ попалось ему въ плѣнъ. Приказавъ ихъ оскопить, онъ обратился къ ихъ стратигу (полководцу) со словами: „Такъ какъ я слышалъ, что вашъ святой императоръ очень любитъ евнуховъ, то я ему и препровождаю, по своей скромности, пока немногихъ; но впослѣдствіи, съ божіею помощью, надѣюсь послать больше".

Въ 9 главѣ, авторъ разсказываетъ, какимъ образомъ одной женщинѣ удалось спасти своего мужа отъ жестокости распоряженія Тедбальда.

10. Въ это же время, братъ короля Гуго, Бозо, побуждаемый своей корыстолюбивою женою Виллою, снова замыслилъ зло противъ бра-

---

[1]) См. въ концѣ тома Родослов. табл. № 2, объясняющую родственныя отношенія лицъ, упоминаемыхъ авторомъ.

та. Это не скрылось отъ Гуго. Бозо былъ схваченъ и отданъ навсегда подъ стражу. Вотъ и причина его возстанія. Когда Ламбертъ, о которомъ мы упоминали выше (см. III, 46, на стр. 411), былъ ослѣпленъ, и Бозо получилъ мархію Тусціи, жена его Вилла обнаружила при этомъ чрезвычайное любостяжаніе, такъ что ни одна изъ знатныхъ женщинъ въ Тусціи не рѣшалась надѣвать на себя драгоцѣнныя украшенія. Не имѣя дѣтей мужескаго пола, она родила за то четырехъ дочерей: Берту, Виллу, Рикильду и Гизлу. Изъ нихъ Вилла была женою того Беренгарія (II), который живетъ и теперь; она постаралась сдѣлать все, чтобы ея мать была не самою худшею изъ женщинъ. Но, чтобы не пускаться далеко въ описаніе ея дѣяній, я остановлюсь на самомъ постыдномъ, и ты можешь по тому заключить, какова она была въ прочихъ дѣлахъ.

Разсказъ этотъ составляетъ содержаніе 11 главы; Вилла украла у мужа своего одно драгоцѣнное украшеніе, которое и было, при обыскѣ, найдено въ ней самой, но подробности этого обыска и самый способъ спрятать вещь превосходятъ всякое воображеніе и не могутъ быть удобно разсказаны. Авторъ (см. его жизнь ниже въ приложеніи) изъ ненависти къ Виллѣ не пропустилъ случая записать самый безобразный анекдотъ.

12. Кромѣ того, въ то же самое время (сент. 937 г.), умеръ Рудольфъ король бургундовъ, а король Гуго женился на его вдовѣ Бертѣ, такъ какъ Альда, мать сына его Лотаря, умерла еще прежде. Но и тотъ сынъ его, Лотарь, женился на дочери Рудольфа и той же Берты, по имени Аделаидѣ (Adelegida), славной своей красотою и честными нравами [1]). Всѣ греки считаютъ это непозволительнымъ, а именно, сынъ не можетъ безъ грѣха жениться на дѣвушкѣ, мать которой вышла замужъ за его отца, и двѣ плоти соединились воедино.

13. Но Гуго, обманутый интригами многочисленныхъ своихъ наложницъ, не только не оказывалъ супружеской любви женѣ своей Бертѣ, но и всячески преслѣдовалъ ее; а какъ Богъ справедливо наказалъ его за то, мы не упустимъ разсказать въ своемъ мѣстѣ. Изъ множества своихъ наложницъ, онъ всего болѣе преступно любилъ трехъ: Пецолу, рожденную отъ самыхъ послѣднихъ рабовъ; отъ нея онъ имѣлъ сына Бозо, котораго поставилъ епископомъ въ Плаценціи по смерти Видо; потомъ Розу, дочь Вальперта, который, какъ мы сказали (III, 41, на стр. 408), былъ обезглавленъ; отъ нея онъ имѣлъ дочь рѣдкой красоты; третья была Стефанія, родомъ римлянка, которая родила ему сына Теобальда; его онъ поставилъ впослѣдствіи архидіакономъ въ церкви миланской, съ тѣмъ условіемъ, чтобы, по смерти архіепископа, его возвысили на мѣсто умершаго. Что̀ изъ этого вышло, и какъ Богъ не попустилъ исполниться тому, я разскажу, когда дойдетъ до того очередь. Народъ называлъ тѣхъ трехъ за ихъ безстыдство именами богинь: Пецолу Венерой, Розу Юноной, за коварство и вѣчную ревность, притомъ же она была до-

---

[1]) Та самая Аделаида, которая впослѣдствіи бѣжала изъ Италіи и предложила свою руку Оттону Великому. См. ея жизнеописаніе ниже, въ ст. 30 и 32.

роднѣе тѣломъ; и, наконецъ, Стефанію называлъ Семелой. Такъ какъ они жили не съ однимъ королемъ, то ихъ дѣти происходили отъ неизвѣстныхъ отцовъ.

14. Въ это же время (іюля 2, 946 г.) отошелъ ко Господу король Гейнрихъ (I), пораженный тяжкою болѣзнью, въ замкѣ, лежащемъ на границѣ турингов и саксовъ, и называемомъ Мемлебенъ (Himenleve). Его тѣло было перенесено въ Саксонію и погребено съ великими почестями въ церкви, находящейся въ монастырѣ благороднѣйшихъ и благочестивѣйшихъ дѣвъ, который построенъ на королевской землѣ и носитъ названіе Кведлинбурга. Тамъ живетъ его уважаемая жена, раздѣлявшая его власть и происходившая изъ того же рода, по имени Матильда, женщина (matrona), какихъ я никогда не видалъ и не слыхалъ; она постоянно заботится о томъ, чтобы служили торжественныя панихиды для искупленія ея грѣховъ, и приноситъ себя живою жертвою Богу. Она родила своему мужу, еще прежде нежели онъ былъ королемъ, сына, по имени *Оттона* (т.-е. Великаго), того Оттона, который властвуетъ теперь надъ всѣмъ западомъ и сѣверомъ міра, умиротворяетъ ихъ своимъ разумомъ, радуетъ своимъ благочестіемъ и держитъ въ страхѣ строгою правдою. Послѣ же избранія Гейнриха въ короли, она родила ему еще двухъ сыновей, изъ которыхъ одинъ былъ названъ, по имени отца, Гейнрихомъ. Онъ былъ весьма образованъ, предусмотрителенъ въ совѣтахъ; красота его привлекала къ нему сердца, и взглядъ его былъ вмѣстѣ живой кроткій. Мы и теперь еще проливаемъ обильныя слезы о смерти, недавно постигшей его (ум. 1 ноября 955 г.). Наконецъ, третій сынъ былъ Бруно, котораго благочестивый отецъ посвятилъ служенію Богу, когда норманны разрушили до основанія церковь въ Утрехтѣ (Trajectensam ecclesiam), для возстановленія ея [1]). Но дѣянія сыновей Гейнриха мы изложимъ въ своемъ мѣстѣ [2]), а теперь возвратимся къ своему предмету.

15. Какъ велики были умъ и мудрость короля Гейнриха (I), мы можемъ судить о томъ потому, что онъ поставилъ королемъ лучшаго и благочестивѣйшаго изъ своихъ сыновей. О, мудрый король, твоя смерть угрожала бы всему народу погибелью, если бы наслѣдовалъ не такой великій преемникъ. Почему я и помѣщаю здѣсь въ честь ихъ обоихъ слѣдующіе стихи:

Нѣкогда самъ ты, Гейнрихъ знаменитый,
Недруговъ вѣры билъ неумолимо;
Нынѣ же, слышимъ, въ горѣ всѣ народы:
Умеръ нашъ Гейнрихъ, ждетъ насъ всѣхъ погибель!
Но не печальтесь, слезы осушите:
Видите, на мѣсто Гейнриха вступаетъ

---

[1]) Изъ жизни Бруно, написанной Руоттеромъ, гл. 4, видно, что Гейнрихъ отправилъ своего сына, еще 4 лѣтъ отъ роду, въ Утрехтъ, къ епископу Бальдерику на воспитаніе; въ 953 г. Бруно былъ сдѣланъ архіепископомъ Кельна. См. ниже его жизнь въ ст. 33.

[2]) Ліутпрандъ имѣлъ въ виду написать особо жизнь Оттона Великаго, на что онъ и намекаетъ. См. ниже ст. 31.

Отто, король нашъ, слава всей вселенной,
Гейнриха образъ, недруговъ Христовыхъ
Врагъ вѣковѣчный, нашъ же миротворецъ.
Отто возвратитъ намъ, что мы потеряли
Съ смертью государя, Гейнриха святого,
Отто мужъ кроткій, добрымъ всѣмъ защита,
Злымъ неумолимый врагъ и истребитель.
Недруговъ много: будетъ съ кѣмъ бороться;
Слава побѣды Отто ожидаетъ;
Подъ ноги будетъ врагъ его поверженъ,
Кто бы онъ ни былъ, хоть въ странѣ далекой,
Тамъ гдѣ мерцаетъ Боотесъ лѣниво [1]),
Или гдѣ солнце къ западу садится —
Геспера имя страны тѣ имѣютъ,
Гесперъ же носитъ Луцифера имя,
Такъ какъ онъ держитъ факелъ предъ Авророй.

16. Король Оттонъ, еще до вступленія на престолъ, женился на Отгитѣ, дочери брата Адельстана [2]), изъ знаменитаго рода англовъ, и имѣлъ отъ нея сына по имени Ліутольфа. *Недавняя* [3]) смерть (957, сент. 6) послѣдняго наполняетъ наши глаза слезами всякій разъ, когда мы о томъ вспомнимъ. О, еслибы онъ совсѣмъ не родился, или, если бы онъ не умеръ такъ преждевременно! [4]).

Епископъ Ліутпрандъ.
Antapodosis, II, III, 2—24, 39—52; IV, 1—16.

О Ліутпрандѣ и его сочиненіяхъ см. ниже въ примѣчаніи къ статьѣ 31. Продолженіе хроники см. ниже въ ст. 29.

28.—Время Гейнриха I Птицелова, и первые годы правленія Оттона Великаго. 919—945.

(Около 968 г.).

Начинается Предисловіе къ Первой книгѣ.

Госпожѣ Матильдѣ, дочери императора [5]).

Госпожѣ Матильдѣ, сіяющей дѣвственной красотою, императорскимъ величіемъ и превосходною мудростью, отъ послѣдняго изъ слугъ Христовыхъ подвижниковъ Стефана и Вита (нѣм. St. Veit),

---

[1]) Т.-е. на сѣверѣ.

[2]) Вѣрнѣе, на сестрѣ Адельстана.

[3]) Это выраженіе указываетъ на время, около котораго была написана Ліутпрандомъ четвертая книга, а именно, около 960 г.

[4]) Послѣднія главы IV книги, отъ 17 до 34, заняты отрывочными извѣстіями изъ исторіи правленія Гейнриха I Птицелова.

[5]) Т.-е. Оттона Великаго; она была аббатисса монастыря Кведлинбургскаго.

Видукинда Корбійскаго, всеподданнѣйшій и искренній привѣтъ о Господѣ! Хотя ты и возвеличена высокою славою отцовскаго могущества, и украшена свѣтлою мудростью, но тѣмъ не менѣе моя ничтожная личность ожидаетъ за свою преданность найти у тебя хорошій пріемъ, даже если бы она того не заслуживала. Какъ бы ты ни была добродѣтельна и преславна, но, прочтя въ моемъ трудѣ дѣянія твоего всесильнаго отца (т.-е. Оттона I) и твоего знаменитаго дѣда (т.-е. Гейнриха I),ты можешь сдѣлаться еще добродѣтельнѣе и еще преславнѣе. Я долженъ, впрочемъ, сознаться, что мнѣ было невозможно изложить всѣ ихъ подвиги, и потому я старался сдѣлать выборъ, соблюдая притомъ связь, что бы такимъ образомъ представить читателю разсказъ понятный, но не утомительный. За то я позаботился сообщить кое-что о происхожденіи и нравахъ того народа, котораго первымъ королемъ былъ всемогущій государь Гейнрихъ (т.-е. I, Птицеловъ); читая это, ты усладишь свою душу, отложишь заботы и получишь пріятное занятіе. Когда ты будешь читать этотъ ничтожный трудъ, пусть твоя свѣтлость вспомнитъ обо мнѣ съ тою же снисходительностью, съ какою преданностью я писалъ. Будь здорова!

Кончается Предисловіе.

Здѣсь начинается Первая книга саксонской исторіи.

Въ первыхъ пятнадцати главахъ, авторъ излагаетъ по древнимъ народнымъ пѣснямъ любопытныя извѣстія о языческомъ бытѣ саксовъ до Карла Великаго (см. эти главы выше, въ I томѣ, на стр. 272, 275, 432), въ ихъ постоянномъ антагонизмѣ съ католическими франками, и затѣмъ быстро переходитъ къ началу X вѣка, когда избраніе герцога саксовъ Гейнриха Птицелова въ короли германскіе возвратило этому племени его политическое значеніе, утраченное при Карлѣ В., вмѣстѣ съ паденіемъ независимости и древней религіи.

16. Послѣднимъ Карловингомъ, правившимъ въ землѣ восточныхъ франковъ (т.-е. въ Германіи) былъ *Людовикъ* (т.-е. Дитя), сынъ Арнульфа, племянника Карла (т.-е. III Толстаго), прадѣда короля Лотаря, который правитъ и по настоящее время [1]). Людовикъ жилъ не долго († 911 г.), послѣ того какъ онъ женился на Ліутгардѣ, сестрѣ Бруно и могущественнаго герцога Оттона (т.-е. герцоговъ саксонскихъ). Отцомъ ихъ обоихъ былъ Ліудульфъ, который ходилъ въ Римъ и принесъ съ собою мощи блаженнаго папы Иннокентія. Бруно, бывшій герцогомъ всей Саксоніи, дѣлалъ походъ противъ дановъ (т.-е. норманновъ) и погибъ со всѣмъ войскомъ при одномъ внезапномъ наводненіи, не имѣвъ даже случая вступить въ бой (880 г.). Герцогство

---

[1]) *Лотарь* былъ предпослѣдній Карловингъ во Франціи, и правилъ, хотя и по имени, отъ 954 до 986 г., а на дѣлѣ главою государства былъ Гуго Капетъ, герцогъ Франціи; изъ словъ автора: «по настоящее время», видно, что онъ писалъ въ эпоху правленія того Лотаря. См. въ концѣ тома Родослов. таблицу № 1.

же досталось его брату, хотя и младшему по возрасту, но превосходившему его многими доблестями. Король Людовикъ не имѣлъ сыновей, и весь народъ саксовъ и франковъ желалъ возложить королевскую корону на Оттона. Но онъ, ссылаясь на преклонныя лѣта, отклонилъ отъ себя бремя правленія, и по его совѣту помазали королемъ *Конрада* (I) герцога франковъ; но на дѣлѣ верховная власть всегда и вездѣ оставалась въ рукахъ Оттона (911 г.).

17. У него же родился сынъ, какъ въ томъ нуждался весь міръ, величайшій и лучшій изъ королей, Гейнрихъ (т.-е. I. Птицеловъ); онъ управлялъ сначала Саксоніею, не признавая надъ собою никакой другой высшей власти. Гейнрихъ еще въ раннемъ возрастѣ украсилъ свою жизнь всякаго рода доблестями, и съ каждымъ днемъ росла его мудрость и слава добрыхъ дѣлъ; съ самой юности его горячимъ желаніемъ было прославить свой народъ и всѣми силами упрочить миръ. Отецъ, видя мудрость юноши и его твердое благоразуміе, поручилъ ему войско для похода противъ даламанціевъ (одно изъ славянскихъ племенъ), и онъ боролся съ ними долгое время. Даламанціи не могли устоять противъ него и пригласили къ себѣ аваровъ, которыхъ мы нынѣ называемъ венграми, народъ дикій и воинственный (906 г.).

18. Авары, какъ полагаютъ нѣкоторые, были остаткомъ гунновъ; гунны же происходили отъ готовъ, а готы, по словамъ Іорнанда, прибыли съ острова, называемаго Сульцею; свое имя получили они отъ герцога Гота. Ему принесли жалобу на нѣсколькихъ женщинъ, бывшихъ среди войска и обвиненныхъ въ отравѣ; онѣ оказались по слѣдствію виновными. Такъ какъ ихъ было большое число, то онъ пощадилъ ихъ отъ заслуженнаго ими наказанія, но приказалъ выгнать изъ лагеря. Изгнанныя удалились въ ближайшій лѣсъ, не неимѣвшій выхода, ибо его омывало море и Меотійское болото (т.-е. Азовское море). Нѣкоторыя изъ нихъ, бывшія уже беременными разрѣшились тамъ; отъ нихъ родились другіе, и такъ образовался цѣлый могущественный народъ, жившій по образу дикихъ звѣрей, необразованный, неукротимый и ревностно занимавшійся охотою. Прошло нѣсколько столѣтій, и этотъ народъ жилъ, не имѣя ни малѣйшаго понятія о другой части міра; но случилось, что нѣкоторые изъ нихъ встрѣтили на охотѣ оленя; преслѣдуемый звѣрь пустился чрезъ Меотійское болото по дорогѣ, невѣдомой до того времени ни одному смертному, и охотники увидали города, села и невиданныхъ ими людей; они возвратились тою же дорогою назадъ и извѣстили обо всемъ своихъ соотечественниковъ. Тѣ изъ любопытства отправились огромною толпою повѣрить разсказъ. Но жители сосѣднихъ городовъ и мѣстечекъ разбѣжались, увидѣвъ какихъ-то неизвѣстныхъ людей страшной наружности, полагая, что это злые духи. Авары, пораженные невиданными явленіями, сначала пришли въ изумленіе и воздержались отъ убійствъ и грабежа; но когда никто не оказывалъ имъ сопротивленія, они, одержимые свойственною людямъ корыстью, произвели страшное кровопролитіе, не щадили болѣе ничего и, овладѣвъ богатою добычею, возвратились домой. Видя такой успѣхъ, они пришли снова съ женами, дѣтьми и со всѣмъ своимъ грубымъ

хозяйствомъ, опустошили вокругъ сосѣднія страны, и наконецъ утвердили свое жилище въ Паннонiи.

19. Но Карлъ Великiй побѣдилъ ихъ и загналъ за Дунай; отдѣленные громаднымъ валомъ, они не имѣли возможности опустошать сосѣднія земли, какъ то было прежде. Въ правленiе Арнульфа, валъ былъ прорванъ, и имъ открыли дорогу ко злу, потому что императоръ былъ въ войнѣ съ Центупулкомъ, королемъ моравовъ. Города и мѣстности, лежащiя въ развалинахъ и по-нынѣ, свидѣтельствуютъ объ опустошенiяхъ и разгромѣ, которыя они причинили государству франковъ. Я счелъ необходимымъ упомянуть все это о томъ народѣ, для того, чтобы твоя свѣтлость могла уразумѣть, съ какого рода людьми пришлось бороться твоему дѣду и твоему отцу, или лучше сказать, отъ какого непрiятеля была освобождена вся Европа ихъ великою храбростью и славнымъ оружiемъ.

20. Такимъ образомъ, вышеупомянутое войско венгровъ, по приглашенiю славянъ, произвело страшное опустошенiе въ Саксонiи и возвратилось обремененное добычею къ даламанцiямъ; но тамъ имъ встрѣтилась другая толпа венгровъ, угрожавшая своимъ союзникамъ (т.-е. славянамъ) войною, за то, что они не пригласили ее на помощь, и предоставили добычу другимъ. Вслѣдствiе того Саксонiя была опустошена вторично, и пока первое войско поджидало у даламанцiевъ вторую толпу, эта страна была доведена до такой степени голода, что жители ея въ томъ же году оставили свою землю и изъ-за хлѣба пошли служить другимъ народамъ.

21. Когда же отецъ отечества, могущественный герцогъ Оттонъ, умеръ, герцогское достоинство въ Саксонiи досталось его свѣтлѣйшему и великому сыну Гейнриху. У него были и другiе сыновья, Танкмаръ и Лiудульфъ, но они умерли прежде отца. Король Конрадъ (I), имѣвшiй случай часто испытать храбрость новаго герцога, остерегался передать ему всю власть его отца. Вслѣдствiе того, онъ удержалъ за собою право призывать къ оружiю саксонскiй народъ. Впрочемъ, скрывая свое настоящее чувство, Конрадъ говорилъ много о славѣ и достоинствахъ знаменитаго герцога и обѣщалъ ему предоставить гораздо большее и возвысить его до величайшихъ почестей. Но саксы не обратили на это вниманiя и говорили своему герцогу, что онъ, если не хотятъ облечь его добровольно въ достоинство его отца, можетъ, не смотря на короля, распоряжаться, какъ ему угодно. Когда же король замѣтилъ, что саксы смотрятъ на него болѣе мрачно, нежели обыкновенно, то онъ, сознавая невозможность одолѣть Гейнриха въ открытой войнѣ, такъ какъ у него была отличная конница и безчисленное множество пѣхоты, рѣшился погубить своего противника хитростью.

22. Въ то время, на епископскомъ престолѣ въ Майнцѣ сидѣлъ Гатто, мужъ остраго ума, пылкой души, и превосходившiй многихъ прирожденною ему ловкостью. Онъ, имѣя въ виду угодить королю Конраду и всему народу франковъ, старался сначала поддѣлаться съ свойственнымъ ему искусствомъ подъ того мужа, котораго намъ ниспослало милосердiе божiе (т.-е. Гейнриха), заказалъ для него золотую цѣпь и пригласилъ его къ себѣ, чтобы почтить богатыми да-

рами. Между тѣмъ, епископъ отправился къ золотыхъ дѣлъ мастеру посмотрѣть заказанную работу, и при видѣ той цѣпи вздохнулъ. Мастеръ спросилъ его о причинѣ вздоха, и архіепископъ отвѣчалъ ему на это, что заказанная цѣпь должна обагриться кровью храбрѣйшаго и весьма дорогого для него человѣка, а именно, Гейнриха. Услышавъ это, мастеръ промолчалъ; но когда работа была окончена и доставлена, онъ просилъ объ увольненіи и, встрѣтивъ Гейнриха, который именно шелъ по тому дѣлу, сообщилъ ему все слышанное имъ. Раздраженный Гейнрихъ призвалъ посланника отъ архіепископа, который былъ у него уже давно съ приглашеніемъ, и сказалъ ему: „Иди и скажи Гатто, что у Гейнриха шея не толще, какъ у *Адельберта*, и что я предпочитаю оставаться дома и вести переговоры объ услугѣ, которую я могу ему оказать, нежели обременять его своею многочисленною свитою". А именно, этотъ Адельбертъ, какъ разсказываютъ, получилъ отъ этого же самаго епископа охранную грамоту и былъ обманутъ его коварствомъ [1]); впрочемъ, я не ручаюсь за достовѣрность этого факта, такъ какъ я не могу его доказать, и даже скорѣе считаю его выдумкою, основанною на народной молвѣ. Гейнрихъ немедленно отнялъ у Гатто всѣ его владѣнія въ Саксоніи и Турингіи. Въ то же время онъ притѣснилъ Бургарда и Бардо, изъ которыхъ одинъ былъ зятемъ короля, и довелъ ихъ частыми нападеніями до того, что они оставили свою землю, а онъ раздѣлилъ ихъ владѣнія между своими вассалами. Когда же Гатто увидѣлъ, что его враждѣ положены предѣлы, онъ умеръ вскорѣ послѣ того, утомленный и чрезмѣрными заботами и болѣзнью (15 мая, 913).

23. Тогда король послалъ въ Саксонію своего брата съ войскомъ для опустошенія этой страны. Приблизившись къ укрѣпленію, называемому Гересбургъ, онъ въ своей гордости говорилъ, что его безпокоитъ только одно, а именно, что саксы не осмѣлятся показаться внѣ стѣнъ, чтобы сразиться съ нимъ. Еще послѣднее слово не успѣло сойти съ его языка, какъ саксы вышли къ нему на встрѣчу за цѣлую милю передъ городомъ, и, вступивъ съ нимъ въ бой, наказали франковъ такимъ пораженіемъ, что слышали, какъ странствующіе пѣвцы спрашивали, гдѣ можно найти такой обширный адъ, чтобы помѣстить тамъ всѣхъ павшихъ. Братъ же короля, Эвургардъ, раскаявшись въ своей боязни не встрѣтиться съ саксами, былъ постыдно обращенъ ими въ бѣгство и ушелъ оттуда.

24. Но король, при извѣстіи о томъ, какъ несчастно сражался его братъ, собралъ храбрѣйшихъ изъ франковъ и отправился противъ Гейнриха. Узнавъ, что Гейнрихъ заперся въ крѣпости Гронѣ, онъ попытался овладѣть ею; сначала онъ отправилъ къ нему пословъ съ предложеніемъ сдаться добровольно, и обѣщалъ встрѣтить его, какъ друга, а не какъ врага. При прибытіи этихъ пословъ, явился въ лагерь съ востока нѣкто Тіадмаръ, человѣкъ весьма опытный въ военномъ дѣлѣ, ловкій, находчивый и превосходившій многихъ людей врожденною ему хитростью. Онъ пришелъ какъ разъ въ то время,

---

[1]) Подробный разсказъ о Гатто и Адельбертѣ помѣщенъ у Ліутпранда, въ его Antapodos. II, 6, см. выше ст. 27 на стр. 381.

когда королевскіе послы находились тамъ, и обратился въ ихъ присутствіи съ вопросомъ, гдѣ онъ можетъ размѣстить лагеремъ приведенное имъ войско? Гейнрихъ уже соглашался отправиться къ франкамъ, и потому былъ очень обрадованъ, услышавъ о вновь прибывшемъ войскѣ; онъ принялъ слова Тіадмара за дѣйствительность. Но Тіадмаръ обманывалъ: съ нимъ пришло всего 5 человѣкъ. Герцогъ спросилъ его о числѣ войска, и онъ отвѣчалъ, что около 30 полковъ. Обманутые этимъ извѣстіемъ, послы возвратились къ королю. Такимъ образомъ, Тіадмаръ побѣдилъ своею хитростью тѣхъ, кого герцогъ Гейнрихъ не могъ одолѣть своимъ мечемъ. Дѣйствительно, предъ разсвѣтомъ дня франки оставили лагерь, и каждый возвратился въ свой домъ.

25. Тогда король пошелъ въ Баварію (918 г.) и вступилъ въ борьбу съ Арнульфомъ; но, получивъ тамъ, какъ разсказываютъ нѣкоторые, рану, онъ вернулся на родину. Чувствуя себя убитымъ и болѣзнью, и измѣною прежняго счастья, онъ призвалъ своего брата, пришедшаго навѣстить его, и сказалъ ему: „Я чувствую, мой братъ, что не долго осталось мнѣ жить: такова воля божія, и болѣзнь меня угнетаетъ. Потому подумай и позаботься, что главнымъ образомъ касается тебя, о землѣ франковъ, и обрати вниманіе на мой совѣтъ, на совѣтъ своего брата. Мы можемъ, братъ, выставить и вывести въ походъ полки и войска, у насъ есть крѣпости, оружія и регаліи, и все прочее, что служитъ къ возвышенію королевскаго достоинства; но у насъ нѣтъ счастія и удачи. Счастье, мой братъ, вмѣстѣ съ блестящею удачею стоитъ на сторонѣ Гейнриха, спасеніе государства находится въ рукахъ саксовъ. Возьми же эти регаліи, священное копье, мантію, мечъ и корону древнихъ королей, иди къ Гейнриху и заключи съ нимъ миръ, чтобы имѣть въ немъ постояннаго союзника. Къ чему вмѣстѣ съ тобою долженъ погибнуть и народъ франковъ? Гейнрихъ будетъ въ дѣйствительности королемъ и повелителемъ многихъ народовъ“. Когда онъ высказалъ все это, братъ его отвѣчалъ ему со слезами полнымъ согласіемъ. Вслѣдъ за тѣмъ умеръ король (23 дек. 918), этотъ храбрый, могущественный мужъ, дѣятельный на войнѣ и въ мирѣ, щедрый и кроткій, украшенный всякими доблестями; его погребли въ его собственномъ городѣ Вилинабургѣ (Weilburg); и всѣ франки были опечалены и оплакивали своего короля.

26. Послѣ того Эвургардъ отправился къ Гейнриху, какъ то было приказано королемъ, представилъ ему всѣ свои сокровища, заключилъ миръ и пріобрѣлъ его дружбу, которую онъ и хранилъ вѣрно до конца своей жизни. За тѣмъ онъ собралъ вождей и старѣйшинъ франкскаго войска въ томъ мѣстѣ, которое называется Фридислери (н. Fritzlar), и предъ всѣмъ народомъ франковъ и саксовъ провозгласилъ Гейнриха королемъ. Когда же верховный епископъ — а въ то время былъ такимъ Гиригеръ (преемникъ Гатто, Майнцскаго архіепископа)—предложилъ ему принять помазаніе вмѣстѣ съ короною, онъ, хотя и не отказывался, но и не принималъ. „Мнѣ довольно, говорилъ онъ, имѣть то преимущество предъ моими предками, что я ношу титулъ короля и избранъ на то божіею милостью и вашимъ

согласіемъ; помазаніе и корону предоставляю другимъ, болѣе достойнымъ; а себя я не считаю достойнымъ такой чести". Такія слова вызвали всеобщую похвалу: всѣ подняли правую руку къ небу и громогласными криками привѣтствовали новаго короля (919 г.).

27. Когда Гейнрихъ былъ сдѣланъ такимъ образомъ королемъ, онъ отправился со всею своею свитою на войну противъ Бургарда, герцога Алеманніи. Хотя это и былъ могущественный воитель, но, какъ человѣкъ весьма благоразумный, онъ боялся не устоять въ борьбѣ съ королемъ, и отдался ему со всѣми свои замками и людьми. Послѣ такого удачнаго дѣла, Гейнрихъ отправился въ Баварію, гдѣ властвовалъ герцогъ Арнульфъ. Найдя его въ укрѣпленномъ городѣ Регенсбургѣ, онъ осадилъ его. Но Арнульфъ, видя себя слабымъ, чтобы противостоять королю, открылъ ему ворота, вышелъ къ нему на встрѣчу и подчинился со всѣмъ своимъ государствомъ. Гейнрихъ принялъ его съ почетомъ и назвалъ своимъ другомъ. Такъ возростала со дня на день сила короля, и его слава увеличивалась болѣе и болѣе. Укрѣпивъ такимъ образомъ внутренними и внѣшними войнами свое государство, раздробленное во всѣхъ частяхъ при его предшественникахъ, успокоивъ ихъ и соединивъ въ одно цѣлое, Гейнрихъ отправился въ Галлію и напалъ на Лотарингію.

Въ послѣдующихъ главахъ отъ 28 до 30, авторъ приводитъ краткій обзоръ исторіи Франціи по смерти Карла III Толстаго: Лотарингія и въ X стол. была предметомъ раздоровъ Германіи съ Франціею, какъ то было въ IX вѣкѣ при Карловингахъ; Гейнрихъ, пользуясь ничтожествомъ послѣднихъ Карловинговъ, безъ труда овладѣлъ Лотарингіею и вручилъ управленіе ею Гизельберту, одному изъ знатнѣйшихъ графовъ той страны, выдавъ за него свою дочь Гербергу, въ 923 г.

31. Сверхъ того, преславная, благородная и по мудрости своей ни съ кѣмъ несравнимая королева Матильда родила ему перворожденнаго сына, любимца вселенной, по имени *Оттона*, потомъ второго, украшеннаго именемъ отца, *Гейнриха*, храбраго и умнаго мужа, и третьяго, по имени *Бруно*, который въ одно и тоже время былъ мужественнымъ полководцемъ и верховнымъ владыкою (т.-е. Кельнскимъ архіепископомъ). Да не обвинитъ его кто нибудь по этой причинѣ, потому что и святой Самуилъ и многіе другіе были въ одно время и первосвященниками и вождями. Она же родила ему и вторую дочь, которая была замужемъ за Гуго (т. е. великимъ, отцемъ Гуго Капета, въ послѣдствіи короля Франціи). Сама же королева, бывъ дочерью Тіадрика, имѣла братьевъ Видукинда, Иммеда и Регинберна. Этотъ самый Регинбернъ, который ходилъ на дановъ, издавна опустошавшихъ Саксонію, побѣдилъ ихъ и избавилъ отечество отъ ихъ грабежа до настоящаго дня. Всѣ они были изъ рода великаго герцога Видукинда, который велъ въ теченіи почти 30 лѣтъ упорную войну съ Карломъ Великимъ.

32. По укрощеніи внутреннихъ междоусобій, снова вторглись въ Саксонію венгры (924 г.), обратили въ пепелъ города и деревни и произвели такое кровопролитіе, что странѣ угрожало совершенное истребленіе населенія. Король же находился тогда въ укрѣпленномъ

городѣ Верлаонѣ; онъ не осмѣливался выступить противъ такого дикаго народа съ своими слабыми войсками, не привыкшими къ войнѣ въ открытомъ полѣ. Какое же опустошеніе произвели венгры и сколько сожгли они монастырей, я считаю лучшимъ о всемъ этомъ умолчать, чтобы не возобновить, даже и на словахъ, испытанныхъ нами бѣдствій. Случилось однако, что одинъ изъ венгерскихъ предводителей былъ схваченъ, связанъ и представленъ королю. Венгры такъ любили его, что предлагали за него огромную сумму золота и серебра. Но король, отказываясь отъ золота, требовалъ мира и наконецъ достигъ того: подъ условіемъ выдачи плѣнныхъ и другихъ подарковъ, миръ былъ заключенъ на девять лѣтъ (924 г.).

Въ 33 и 34 главахъ, авторъ дѣлаетъ большое отступленіе по поводу поднесенія Гейнриху, отъ имени свергнутаго въ 923 г. съ престола французскаго короля Карла Простого, руки св. Діонисія; а затѣмъ приводитъ жизнь св. Вита, перенесеннаго Людовикомъ Нѣмецкимъ изъ Парижа въ Германію, въ монастырь Корбійскій, гдѣ жилъ нашъ авторъ, который, по духу своего времени, этому обстоятельству приписываетъ паденіе Франціи, въ какомъ она находилась при немъ, и возвышеніе Саксоніи при Гейнрихѣ и Оттонѣ I: „Съ того времени, заключаетъ онъ свои слова о св. Витѣ, королевство франковъ начинаетъ падать, а королевство саксовъ рости, пока оно, расширившись, не достигло настоящей величины, какъ мы видимъ его теперь подъ управленіемъ любимца вселенной и главы всего міра, для могущества котораго недостаточно Германіи, Италіи и Галліи, но и цѣлой Европы. Потому почитай (авторъ обращается къ Матильдѣ) такого могущественнаго покровителя, съ прибытіемъ котораго Саксонія изъ рабской страны сдѣлалась свободною, и изъ платившей подати—повелительницею многихъ народовъ. Конечно, другъ всевышняго Бога не нуждается въ твоихъ милостяхъ; но мы, твои слуги, нуждаемся въ нихъ. Ты имѣешь въ св. Витѣ посредника между небеснымъ Господомъ и собою, а потому будь нашею представительницею предъ королемъ земнымъ, а именно предъ твоимъ отцемъ и предъ твоимъ братомъ“. Послѣ этого наивнаго отступленія, цѣлью котораго было напомнить Матильдѣ о необходимости новыхъ привилегій и даровъ для монастыря, въ которомъ жилъ нашъ авторъ, онъ возвращается къ прерванному имъ ходу событій.

35. Мои силы недостаточны для подробнаго описанія всего, что король Гейнрихъ въ своей мудрости сдѣлалъ, по заключеніи девятилѣтняго мира съ венграми, для защиты своего отечества и для покоренія варварскихъ (т.-е. славянскихъ) народовъ; но я не смѣю также и умолчать объ этомъ. Прежде всего онъ выбралъ изъ среды воиновъ своей страны девятаго человѣка и поселилъ его въ укрѣпленіи, гдѣ онъ долженъ былъ устроить помѣщеніе для остальныхъ восьми и собирать для сохраненія третью часть полевого сбора; тѣ-же восемь должны были сѣять, жать и приготовлять содержаніе для девятаго, которое у нихъ и сохранялось. Также онъ повелѣлъ, чтобы дни суда и всѣ прочія собранія, равно какъ и празднества, отправлялись въ укрѣпленіяхъ, постройкою которыхъ занимались днемъ и ночью; въ мирное время тамъ должны были обучаться всему, что необходимо знать, въ случаѣ войны съ непріятелемъ. Внѣ укрѣпленій не было никакихъ построекъ, или только плохія и ничего не

стоившія. Пріучивъ гражданъ къ такому порядку и устройству, онъ неожиданно напалъ на славянъ, называемыхъ гевельдами (т.-е. жители береговъ р. Гавеля, близъ нынѣшняго Берлина, главнымъ укрѣпленіемъ которыхъ былъ Бранный-Боръ, или Бранденбургъ); утомивъ ихъ многими битвами, онъ воспользовался сильнымъ морозомъ, расположился на льду и овладѣлъ, благодаря голоду, мечу и стужѣ, ихъ городомъ, называемымъ Бреннабургь (н. Brandenburg). Такъ какъ вмѣстѣ съ городомъ и вся страна подчинилась его власти, то онъ обратился противъ даламанціевъ (жившихъ около нынѣшн. Мейссена), покореніе которыхъ было уже давно возложено на него отцемъ; онъ осадилъ ихъ городъ Гану и овладѣлъ имъ въ двадцатый день. Городъ былъ отданъ воинамъ на разграбленіе, всѣ взрослые были избиты, а мальчики и дѣвочки отведены въ плѣнъ. Послѣ того Гейнрихъ напалъ на Прагу, городъ въ Богеміи, приведя туда всѣ свои силы, и принудилъ ея короля подчиниться своей власти. Объ этомъ королѣ [1]) разсказываютъ много чудеснаго, но мы пройдемъ все это молчаніемъ, такъ какъ у насъ нѣтъ на то вѣрныхъ доказательствъ. Онъ былъ братъ Болеслава и оставался всю жизнь вѣрнымъ и послушнымъ императору. Такимъ образомъ, король обложилъ Богемію податью и возвратился въ Саксонію (около 930 года).

Въ 36-й главѣ авторъ разсказываетъ эпизодъ изъ войны съ сз. славянами, редаріями, жившими въ нынѣшнемъ Мекленбургѣ; маркграфъ редаріевъ, Бернгардъ, разбилъ ихъ на голову и опустошилъ всю страну; по словамъ автора, этотъ походъ стоилъ жизни 200 тысячъ славянъ.

37. Радость новой побѣды надъ славянами увеличила торжество королевскаго брака, которое праздновалось около того времени съ великимъ торжествомъ. А именно, король женилъ своего сына Оттона (929 г.) на дочери Эдмунда, короля англовъ, и сестрѣ Адельстана; она родила ему сына Ліудульфа, храбраго мужа, который справедливо былъ оцѣненъ всѣми народами, и дочь, по имени Ліудгарду, выданную замужъ за герцога франковъ, Конрада.

38. Когда, наконецъ, король имѣлъ у себя конницу, обученную кавалерійскому дѣлу, онъ считалъ себя достаточно сильнымъ для вступленія въ борьбу съ старымъ своимъ врагомъ, а именно съ венграми. Онъ созвалъ предварительно весь народъ и говорилъ ему слѣдующимъ образомъ: „Вы сами слишкомъ хорошо знаете, отъ какихъ опасностей освободилось ваше государство, въ которомъ до сихъ поръ повсюду господствовало смятеніе, причиняемое внутренними междоусобіями и внѣшними войнами. Наконецъ, вы видите себя успокоенными и соединенными милостью Всевышняго, трудами нашего войска и вашею храбростью; варвары (т.-е. славяне) побѣждены и повинуются намъ. Намъ остается еще одно дѣло: намъ нужно теперь ополчиться всѣмъ, какъ одинъ человѣкъ, противъ нашего общаго врага, аваровъ (т.-е. венгровъ). До сихъ поръ я отнималъ у васъ вашихъ сыновей и дочерей, чтобы наполнить ихъ сокровищницу, а теперь я буду

---

[1]) Авторъ говоритъ о Венцеславѣ, котораго убилъ братъ въ 935 году, и который былъ причисленъ къ лику святыхъ.

вынужденъ ограблять церкви и ихъ служителей, такъ какъ у насъ нѣтъ больше денегъ, и намъ остается одна наша голая жизнь [1]). Посовѣтуйтесь другъ съ другомъ и подумайте, что мы должны предпринять въ подобныхъ обстоятельствахъ. Долженъ ли я отнять сокровища, предназначенныя для небеснаго служенія, и откупиться ими отъ враговъ божіихъ, или не будетъ ли лучше принести земныя богатства въ даръ Богу, чтобы тѣмъ искупить себя предъ тѣмъ, кто по-истинѣ называется нашимъ творцомъ и спасителемъ"? (932 г.).

На это народъ, поднимая свои крики къ небу, объявилъ, что онъ думаетъ только объ одномъ искупленіи себя предъ Богомъ живымъ и истиннымъ, такъ-какъ Онъ одинъ непогрѣшимъ и праведенъ во всѣхъ путяхъ своихъ, и святъ въ своихъ дѣлахъ; и такъ всѣ обѣщали королю помощь противъ дикаго народа, и запечатлѣли свой договоръ съ Гейнрихомъ подъятіемъ рукъ къ нему. Заключивъ подобный договоръ съ своимъ народомъ, король распустилъ собраніе. Вслѣдъ за тѣмъ явились къ нему венгерскіе послы съ требованіемъ обычныхъ даровъ; но они получили постыдный отказъ и воротились съ пустыми руками домой. Когда авары узнали о томъ, они поспѣшили вторгнуться въ Саксонію съ огромнымъ войскомъ, приведеннымъ въ негодованіе тѣмъ отказомъ (933 г.), пошли чрезъ страну даламанціевъ и требовали содѣйствія своихъ старыхъ друзей. Но эти послѣдніе, зная, что они идутъ на саксовъ, и что саксы приготовились къ борьбѣ съ ними, бросили имъ въ насмѣшку жирную собаку. Такъ какъ венгры не имѣли времени отмстить за подобное оскорбленіе, видя предъ собою другую борьбу, то ихъ друзья и осыпали обидными насмѣшками. Затѣмъ, венгры быстро вторглись въ область турингoвъ и прошли эту страну огнемъ и мечемъ. Тутъ они раздѣлили свои полки: одна часть пошла на западъ и старалась съ юз. ворваться въ Саксонію. Но саксы, въ соединеніи съ турингами, открыли съ ними борьбу, убили ихъ предводителей и разсѣяли ихъ западныя полчища по всей странѣ. Одни изъ нихъ погибли отъ голода и стужи, а другіе варвары были избиты или попались въ плѣнъ и по заслугамъ своимъ кончили жизнь самою жалкою смертью. Войско же, оставшееся на востокѣ, прослышало, что сестра короля, выданная за одного туринга Видо—она была рождена внѣ брака—живетъ въ сосѣднемъ укрѣпленіи и обладаетъ множествомъ золота и серебра. Вслѣдствіе того, они съ такою яростью напали на зáмокъ, что, не помѣшай имъ ночь, они овладѣли бы имъ. Но ночью они услыхали о пораженіи другого отряда и о близости къ нимъ самого короля съ могущественнымъ войскомъ—а король именно расположился въ то время лагеремъ при мѣстечкѣ, называемомъ Ріаде—и, побужденные страхомъ, бросили свой лагерь, сзывая разсѣянныя толпища по-

[1]) Хотя всѣ подобныя рѣчи могли быть сочинены самимъ авторомъ, но тѣмъ не менѣе подробности ея должны были соотвѣтствовать правдѣ, такъ какъ сочиненіе было читано лицомъ современнымъ, знакомымъ съ жизнью помимо нашего автора. Изъ словъ же автора видно, до какой степени было тяжело венгерское 9-лѣтнее иго для Германіи.

средствомъ зажженныхъ костровъ и страшнаго дыма, какъ обыкновенно давали сигналъ для сбора. На слѣдующій день (15 мая, 933 г.) король вывелъ свое войско, убѣждая воиновъ не терять надежду на Бога и его милости, и не отчаяваться въ божественной помощи, которая явится и теперь, какъ являлась въ прежнихъ битвахъ. Гейнрихъ говорилъ, что венгры общій врагъ всѣхъ и каждаго, что они должны только думать о защитѣ отечества и своихъ отцовъ; что они сами скоро увидятъ, какъ непріятель обратитъ тылъ, если они противостанутъ имъ, храбро сражаясь. Возбужденные такими превосходными словами, и видя, какъ ихъ полководецъ является то впереди всѣхъ, то посреди, то въ послѣднихъ рядахъ, а предъ нимъ ангелъ — изображеніе ангела съ именемъ его украшало главное знамя — воины пріобрѣли самоувѣренность и стояли непоколебимо. Король разсчитывалъ, какъ то и случилось, что непріятель обратится въ бѣгство при одномъ видѣ всадниковъ, закованныхъ въ латы; потому онъ выслалъ впередъ немногихъ турингцевъ, какъ легко вооруженныхъ, полагая, что непріятель будетъ ихъ преслѣдовать и такимъ образомъ увлечется до того, что приблизится къ главному войску. Все это такъ и случилось; но венгры, при видѣ тяжеловооруженной конницы, съ такою поспѣшностью бросились назадъ, что на пространствѣ восьми миль только немногіе изъ нихъ были убиты или попались въ плѣнъ; за то ихъ лагерь былъ опустошенъ и всѣ плѣнные получили свободу.

39. Возвратившись побѣдоносно изъ похода, король, какъ то и подобало, воздалъ всяческую хвалу Богу за ниспосланное имъ торжество надъ врагами, и ту дань, которую обыкновенно получали венгры, посвятилъ на божественную службу и на раздачу бѣднымъ. Войско же привѣтствовало его, какъ отца отечества, всемогущаго государя и императора; слава о его силѣ и мужествѣ распространилась далеко между всѣми народами и королями. Потому его навѣщали сильные изъ другихъ королевствъ, заискивая себѣ его милости, и оказывали ему великое уваженіе, такъ какъ вѣрность такого пресвѣтлаго и великаго мужа была имъ доказана на дѣлѣ. Между такими явился къ нему Гирибертъ, зять Гуго (т.-е. Великаго, герцога Франціи), когда на него напалъ Рудольфъ, который противъ всѣхъ правъ провозгласилъ себя королемъ (т.-е. Франціи); онъ просилъ короля Гейнриха защитить его силою, а Гейнрихъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые ни въ чемъ не отказывали своимъ друзьямъ. Дѣйствительно, онъ вторгся въ Галлію (935 г.), вступилъ въ переговоры съ королемъ, и по достиженіи своей цѣли возвратился въ Саксонію. Имѣя въ виду возвысить свой народъ, онъ не оставилъ ни одного сколько нибудь значительнаго человѣка, чтобы не одарить его деньгами, или мѣстомъ, или почестью. Къ его необыкновенному благоразумію и мудрости, отличавшей его, присоединялась удивительная физическая сила, которая составляетъ истинное украшеніе королевскаго достоинства. При военныхъ игрищахъ онъ одерживалъ такія рѣшительныя побѣды, что наводилъ на всѣхъ ужасъ. На охотѣ Гейнрихъ отличался такою же неутомимостью, и за одинъ разъ клалъ на мѣстѣ до сорока и болѣе штукъ дичи; хотя въ обращеніи

онъ былъ очень любезенъ, но при этомъ не терялъ ничего изъ королевскаго достоинства, и внушалъ своимъ воинамъ такую любовь и вмѣстѣ страхъ, что они, и при его расположеніи къ шуткѣ, не знали какъ себя держать, чтобы не позволить себѣ чего нибудь неприличнаго.

40. По подчиненіи себѣ всѣхъ окрестныхъ народовъ, Гейнрихъ напалъ (934 г.) на дановъ, которые безпокоили фризовъ морскими набѣгами, побѣдилъ ихъ, обложилъ данью и принудилъ ихъ короля Энубу принять крещеніе. Наконецъ, когда всѣ сосѣдніе народы были укрощены, онъ вознамѣрился идти въ Римъ, но, по случаю болѣзни отложилъ свой походъ.

41. Почувствовавъ, что онъ сляжетъ отъ болѣзни, Гейнрихъ созвалъ весь народъ и назначилъ своего сына *Оттона* королемъ, другихъ же сыновей одарилъ помѣстьями и деньгами. Оттонъ, какъ старѣйшій и лучшій изъ нихъ, былъ поставленъ во главѣ своихъ братьевъ и всего государства франковъ. Сдѣлавъ такія предсмертныя распоряженія и устроивъ порядкомъ свои дѣла, онъ умеръ (2 іюля, 936 г.). Этотъ могущественный государь и величайшій изъ королей Европы, неуступавшій никому ни въ доблестяхъ души ни въ тѣлесной силѣ, оставилъ сына, который былъ выше его самого; сыну же онъ предоставилъ обширное государство, которое онъ не наслѣдовалъ отъ отцовъ, но пріобрѣлъ своими трудами, не обязанный никому, кромѣ Бога. Правленіе его продолжалось 16 лѣтъ, а время земной жизни 60 лѣтъ. Тѣло его было отнесено сыновьями въ Кведлинбургъ и похоронено въ церкви св. Петра предъ алтаремъ, при всеобщемъ сѣтованіи и слезахъ (936 г.).

Кончается Первая книга.

Начинается Предисловіе ко второй книгѣ.

Госпожѣ Матильдѣ, дочери императора.

Да послужитъ мнѣ въ помощь твое снисхожденіе, такъ какъ я приступаю теперь къ важному труду, или, лучше сказать продолжаю; впрочемъ, мой трудъ, по большей части, уже оконченъ. По справедливости, ты признаешься всѣми владычицею цѣлой Европы, хотя власть твоего отца (т.-е. Оттона I) простирается уже и въ Африкѣ и въ Азіи. Я надѣюсь, что ты исправишь милостиво все, что найдешь недостаточнымъ, и что мой трудъ будетъ нести на себѣ всѣ знаки преданности, съ какою онъ былъ составленъ.

Здѣсь начинается Вторая книга.

1. Когда такимъ образомъ почилъ государь Гейнрихъ, отецъ отечества и величайшій и лучшій изъ всѣхъ королей, весь народъ франковъ и саксовъ избралъ своимъ повелителемъ его сына *Оттона*, который уже прежде былъ назначенъ преемникомъ, а мѣстомъ всеобщаго избранія сдѣлали городъ Ахенъ, близъ Юлиха, получившаго

свое названіе отъ основателя Юлія Цезаря. Прибывъ туда, герцоги и старѣйшіе изъ графовъ въ сопровожденіи свиты знатныхъ вассаловъ собрались подъ колоннадою, примыкавшею къ базиликѣ великаго Карла, и возвели новаго властителя на вновь воздвигнутый тамъ тронъ; они положили свои руки въ руки короля, клялись быть вѣрными и помогать ему противъ всѣхъ его враговъ, и такимъ образомъ сдѣлали его по своему обычаю королемъ (8 августа 936 г.). Пока все это совершалось герцогами и другими чинами, верховный епископъ вмѣстѣ со всѣмъ духовенствомъ и простымъ народомъ ждалъ внизу, въ базиликѣ, выхода новаго короля. Когда онъ показался, архіепископъ вышелъ ему на встрѣчу, и, взявъ короля лѣвою рукою за правую руку, такъ какъ онъ въ своей правой держалъ посохъ, въ полномъ облаченіи, въ митрѣ, столѣ и ризахъ выступилъ на средину храма, гдѣ и остановился. Затѣмъ онъ обратился къ народу, стоявшему вокругъ — въ этой же базиликѣ была устроена колоннада вокругъ, на верху и внизу, такъ что архіепископъ былъ видѣнъ всѣми — и сказалъ такъ: „Смотрите, предъ вами государь Оттонъ, избранный Богомъ, предназначенный государемъ Гейнрихомъ, и всѣми князьями возведенный въ короли; если вамъ угодно его избраніе, то утвердите его поднятіемъ правой руки къ небу“. Тогда весь народъ поднялъ высоко правую руку и громогласно выражалъ свой привѣтъ новому властителю. Послѣ того архіепископъ вмѣстѣ съ королемъ, который былъ одѣтъ въ узкую франкскую одежду, удалился по другую сторону алтаря, на которомъ лежали знаки королевскаго достоинства, мечъ съ перевязью, мантія, посохъ со скипетромъ и корона. Верховнымъ пастыремъ былъ въ то время Гильдибертъ, родомъ франкъ, по званію монахъ, получилъ воспитаніе, бывъ обученъ въ монастырѣ Фульдскомъ, и по заслугамъ достигъ такихъ почестей, что сдѣлался настоятелемъ того монастыря, а впослѣдствіи дожилъ до самаго высокаго достоинства, а именно архіепископскаго престола въ Майнцѣ. Это былъ человѣкъ удивительной святости, и, кромѣ природнаго ума, славился своею ученостью. О немъ разсказываютъ даже, что онъ между прочими высшими дарами обладалъ пророческимъ духомъ. Когда при помазаніи короля возникъ споръ между епископами, а именно между трирскимъ и кёльнскимъ—первый опирался на то, что его престолъ старѣйшій и, такъ, сказать основанъ апостоломъ Петромъ, а второй говорилъ, что Ахенъ находится въ его епархіи—и каждый думалъ, что честь посвященія принадлежитъ ему; но оба должны были отступить предъ славою Гильдиберта, признанной всѣми. Тогда Гильдибертъ подошелъ къ алтарю, взялъ мечъ съ перевязью и обратившись къ королю сказалъ: „Прими этотъ мечъ и преслѣдуй имъ всѣхъ противниковъ Христа, какъ язычниковъ, такъ и худыхъ христіанъ, ибо по волѣ Бога тебѣ вручена власть надъ всѣмъ государствомъ франковъ для утвержденія мира всѣхъ христіанъ“. Затѣмъ, онъ подалъ ему мантію и надѣлъ ее со словами: „Пусть это ниспадающее до земли одѣяніе напоминаетъ тебѣ объ обязанности горѣть до дня смерти ревностью по вѣрѣ и желаніемъ сохраненія мира“. Далѣе, онъ вручилъ ему посохъ и скипетръ, говоря: „При этихъ знакахъ вспоминай, что ты

обязанъ отечески управлять своими подданными, и въ особенности подавать руку помощи служителямъ божіимъ, вдовамъ и сиротамъ; и да не высохнетъ никогда на твоемъ челѣ елей милосердія, которымъ ты нынѣ и во вѣки помазуешься". Сказавъ такъ, онъ помазалъ короля елеемъ, и два епископа, самъ Гильдибертъ и Викфридъ (кельнскій), возложили на главу его корону. Когда посвященіе было по всѣмъ правиламъ довершено, Оттонъ былъ возведенъ тѣми же епископами на тронъ, къ которому вели ступени, и который былъ воздвигнутъ между двухъ мраморныхъ колоннъ удивительной красоты, такъ-что оттуда король могъ видѣть всѣхъ, и всѣ его видѣли.

2. Послѣ славословія Богу и торжественнаго совершенія таинства, король удалился во дворецъ, подошелъ къ мраморному столу, убранному королевской посудой и сѣлъ за него вмѣстѣ съ епископами и всѣмъ народомъ, а герцоги хозяйничали. Герцогъ Лотарингіи Гизельбертъ, въ области котораго находился Ахенъ, распоряжался всѣмъ торжестомъ; Эвургардъ завѣдывалъ столомъ; Гериманъ, франкъ, смотрѣлъ за кравчими; Арнольдъ заботился о всѣхъ благородныхъ, и на немъ же лежала обязанность выбора и устройства помѣщеній; Сигифридъ, лучшій изъ саксовъ и второе лицо послѣ короля, зять покойнаго короля и чрезъ то близкій родственникъ новому, устраивалъ въ то время саксовъ, чтобы не вышло какой нибудь распри; онъ же воспитывалъ юнаго Гейнриха (т.-е. второго брата короля). Въ заключеніе король почтилъ каждаго изъ князей приличнымъ подаркомъ отъ королевскихъ щедротъ и распустилъ всѣхъ исполненными радостью (8 августа 936 г.)

3. Между тѣмъ, варвары (т.-е. славяне) подняли новое возстаніе (936 г.); Болеславъ убилъ своего брата (см. выше, кн. I гл. 35, на стр. 425), христіанина, какъ разсказываютъ, весьма богобоязненнаго мужа, а такъ какъ онъ опасался сосѣдняго ему владѣтеля, повиновавшагося саксамъ, то и объявилъ ему войну. Этотъ же послалъ къ саксамъ просить помощи. Къ нему былъ отправленъ Азикъ съ полчищами мезабуріевъ и сильнымъ отрядомъ гассигановъ (славянскія племена, повиновавшіяся саксамъ и жившія около Мерзебурга); туда присоединился еще отрядъ турингoвъ. Этотъ послѣдній отрядъ состоялъ весь изъ разбойниковъ: король Гейнрихъ былъ очень строгъ въ отношеніи чужеземцевъ, но очень снисходителенъ къ своимъ единоземцамъ; потому когда онъ видѣлъ, что какой-нибудь воръ или разбойникъ хорошо владѣлъ мечемъ и былъ годенъ для войны, то онъ всегда избавлялъ его отъ заслуженнаго имъ наказанія, поселялъ въ пригородахъ Мерзебурга, давалъ ему поле и оружіе и запрещалъ одно: грабить своихъ, но за то разрѣшалъ производить разбои у варваровъ, на сколько у него хватило бы къ тому средствъ. Масса подобнаго рода людей образовала настоящее войско на случай необходимости войны. Когда Болеславъ услышалъ о саксонской рати, и что саксы и туринги идутъ отдѣльно другъ отъ друга, онъ, какъ человѣкъ смѣтливый, раздѣлилъ своихъ сподвижниковъ на двѣ части и рѣшился встрѣтить оба отряда. Но когда туринги увидѣли совершенно неожиданно непріятеля предъ собою,

они обратились въ бѣгство для избѣжанія опасности. Азикъ же съ саксами и другими вспомогательными отрядами бросился, не медля, на непріятеля, разбилъ большую его часть, остальныхъ обратилъ въ бѣгство и возвратился въ лагерь. Не зная ничего о другомъ непріятельскомъ отрядѣ, который преслѣдовалъ турингов, онъ торжествовалъ одержанную побѣду съ излишнею безпечностью. Между тѣмъ Болеславъ, видя, что наше войско разсѣялось и каждый былъ занятъ своимъ дѣломъ—одни срывали вооруженіе съ убитыхъ, другіе собирали сѣно для лошадей, а иные легли отдохнуть — соединилъ вмѣстѣ свой пораженный отрядъ съ другимъ возвратившимся и напалъ на саксовъ, ничего не подозрѣвавшихъ и еще болѣе обнадеженныхъ одержанною ими побѣдою. Нашъ полководецъ и все его войско были разбиты. Оттуда Болеславъ пошелъ противъ укрѣпленія того сосѣдняго ему владѣтеля, взялъ его съ одного приступа и обратилъ все мѣсто въ пустыню, какою оно остается и до настоящаго времени. Эта война продолжалась до 14 года правленія Оттона (т.-е. до 950 г.); но послѣ того времени Болеславъ сдѣлался вѣрнымъ и полезнымъ слугою короля.

4. Когда же король получилъ извѣстіе о томъ пораженіи, оно не смутило его нисколько: подкрѣпленный свыше, онъ вторгся со всѣмъ войскомъ въ землю варваровъ, чтобы положить предѣлъ ихъ грабежамъ. Съ ними была ведена война еще при его отцѣ за то, что они оскорбили пословъ его сына Танкмара, и о чемъ впослѣдствіи мы разскажемъ подробнѣе. Новый король опредѣлилъ поставить новаго военачальника и избралъ въ эту должность мужа благороднаго, дѣятельнаго и умнаго, по имени Геримавна. Такимъ отличіемъ Гериманнъ возбудилъ зависть не только прочихъ князей, но даже своего брата Викманна. Этотъ послѣдній, подъ предлогомъ болѣзни, удалился изъ лагеря. Викманнъ былъ человѣкъ могущественный, храбрый, честолюбивый, знатокъ военнаго дѣла, и обладалъ такими познаніями, что его подчиненные гордились, говоря, что онъ знаетъ больше, чѣмъ то доступно человѣческому искусству. Между тѣмъ, Гериманнъ, стоявшій во главѣ рати, вторгся въ страну, сразился съ врагомъ, мужественно поразилъ его и тѣмъ увеличилъ зависть своихъ соперниковъ. Къ числу такихъ принадлежалъ и Эккардъ, сынъ Ліудульфа, до того оскорбленный успѣхами Гериманна, что онъ хвастливо обѣщалъ сдѣлать еще больше, или положить свою жизнь. Вслѣдствіе того онъ собралъ около себя храбрѣйшихъ изъ всего войска, нарушилъ запрещеніе короля и пошелъ чрезъ болото, лежавшее между непріятельскимъ городомъ и королевскимъ лагеремъ; но онъ натолкнулся на враговъ, былъ ими окруженъ и погибъ со всѣми своими сподвижниками. Всѣхъ павшихъ съ нимъ было 18 отборныхъ мужей изъ всего войска. Король же возвратился назадъ, въ Саксонію, избивъ множество враговъ, а остальныхъ обложилъ податью. Все это произошло 25 сентября (936 г.).

5. Вслѣдъ за-тѣмъ явились старые враги, венгры, испытать на себѣ храбрость новаго короля (937 г.). Они напали на франковъ и рѣшились оттуда, если будетъ возможно, вторгнуться въ Саксонію съ западной стороны. Но король, услышавъ о томъ, выступилъ имъ

на встрѣчу съ сильнымъ войскомъ, обратилъ ихъ въ бѣгство и изгналъ изъ своей страны.

6. Едва прекратились войны съ внѣшними врагами, какъ начались внутреннія междоусобія. А именно, *саксы* [1]), покрывшіеся славою подъ управленіемъ своего короля, считали недостойнымъ себя служить другимъ племенамъ, и стыдились получать отправляемыя ими должности отъ кого нибудь другого, а не отъ короля. Вслѣдствіе того Эвурардъ (очевидно, саксъ) возсталъ противъ Брунинга (очевидно, франка), собралъ войско и сжегъ его городъ Элмери, а жителей перебилъ до одного. Когда король узналъ объ этомъ преступленіи, онъ осудилъ Эвурарда заплатить пеню въ извѣстное число лошадей, цѣною въ сто фунтовъ серебра, а предводители, содѣйствовавшіе ему въ томъ дѣлѣ, должны были для своего посрамленія пронести на рукахъ собакъ до королевскаго замка, называемаго нами Магдебургомъ (937 г.).

Въ томъ же году, король перенесъ мощи св. мученика Иннокентія въ этотъ же самый городъ. Хотя король и наказалъ нарушителей мира заслуженнымъ образомъ, но по своимъ кроткимъ нравамъ, онъ принялъ ихъ весьма милостиво и отпустилъ съ миромъ, наградивъ королевскими подарками. Но, тѣмъ не менѣе они содѣйствовали и послѣ своему герцогу во всѣхъ его дурныхъ предпріятіяхъ, потому что онъ былъ веселаго нрава, ласковъ съ самыми послѣдними, щедръ на подарки, и такими качествами успѣлъ пріобрѣсти дружбу многихъ саксовъ.

8. Въ томъ же году (14 іюля) умеръ баварскій герцогъ Арнульфъ, и его сыновья въ своей гордости отказали королю въ повиновеніи.

9. Въ томъ же году умеръ графъ Сигифридъ, марку котораго наслѣдовалъ Танкмаръ, какъ его родственникъ; а именно мать Танкмара, которая его родила отъ короля Гейнриха, была дочь тетки Сигифрида [2]); но король подарилъ эту марку графу Геро, что чрезвычайно встревожило Танкмара. Король отправился въ Баварію и, устроивъ надлежащимъ образомъ дѣла этой страны, возвратился въ Саксонію (938 г.).

10. Между тѣмъ, распря Эвурарда и Брунинга (см. выше, глав. 6) дошла до того, что они вступили въ смертельный бой, опустошили страну, и грабежу, и пожарамъ не было конца. Къ тому же возникъ еще въ Саксоніи споръ о законѣ наслѣдства: одни утверждали, что сыновья сыновей (т.-е. внуки умершаго главы семейства, и племянники оставшихся братьевъ, въ случаѣ ранней смерти ихъ

---

[1]) Подъ такими племенными выраженіями, какъ саксы, франки и т. п., должно разумѣть у лѣтописцевъ одну военную и вмѣстѣ придворную аристократію, для которой возведеніе своего герцога въ королевское достоинство было средствомъ къ полученію доходныхъ должностей и земель; для знатнаго сакса было стыдомъ признавать себя вассаломъ какого-нибудь франка.

[2]) Гейнрихъ былъ женатъ на Гатебургѣ, осудившей себя на вдовство, почему епископъ Гальберштадтскій принудилъ его развестись съ нею; она была двоюродная сестра Сигифрида, и сынъ ея Танкмаръ, бывъ сведеннымъ братомъ короля Оттона I, приходился умершему маркграфу племянникомъ.

отца) не могутъ быть причисляемы къ сыновьямъ [1]), если случилось такъ, что ихъ отецъ умеръ прежде ихъ дѣда. Вслѣдствіе того, было подано королю прошеніе сдѣлать всеобщее народное собраніе при мѣстечкѣ Стела (н. Steel an der Ruhr, близъ Эссена), и на немъ опредѣлили отдать это дѣло на рѣшеніе судей. Но король послѣдовалъ лучшему совѣту и, желая, чтобы благородные мужи и старѣйшіе въ народѣ не понесли безчестія, повелѣлъ рѣшить тотъ вопросъ судебнымъ поединкомъ. На этомъ поединкѣ побѣдила та сторона, которая относила сыновей отъ сыновей къ сыновьямъ, и потому было утверждено на-вѣки, чтобы они имѣли равную долю въ наслѣдствѣ съ своими дядями. При этомъ же случаѣ была обнаружена виновность нарушителей мира, которые до того времени всегда утверждали, что они ни въ чемъ не оскорбляютъ королевской власти, и только мстятъ за оскорбленія со стороны равныхъ себѣ. Хотя король и видѣлъ, что они его не уважаютъ, если отказываются явиться на судъ, по королевскому приказанію, но онъ не принялъ насильственныхъ мѣръ и даровалъ имъ прощеніе, всегда готовый на милость. Такое снисхожденіе повело, однако, только къ большему злу: мятежники продолжали производить жестокости, убійства, клятвопреступничество, опустошенія и пожары; въ тѣ дни было мало различія между справедливымъ и несправедливымъ, вѣрнымъ и вѣроломнымъ.

11. Такимъ образомъ, Танкмаръ и Эвурардъ (см. выше гл. 9 и 10) собрали сильное войско и осадили замокъ, называемый Бадилики (н. Belice, на ю. отъ Липштадта), гдѣ находился молодой Гейнрихъ (т.-е. второй братъ короля); предавъ городъ на разграбленіе своимъ сподвижникамъ, Эвурардъ удалился, поведя съ собою Гейнриха, какъ простого раба. При этомъ случаѣ былъ убитъ Гевегардъ, сынъ Удо, брата герцога Геріманна. Обогащенные великою добычею, воины Танкмара были готовы на всякое дѣло. Онъ же самъ овладѣлъ городомъ Гересбургомъ (н. Stadtberg на р. Димелѣ), собралъ около себя большую толпу, и утвердился, производя оттуда страшные разбои. А Эвурардъ держалъ у себя Гейнриха. Въ это же время, былъ убитъ Деди предъ вратами города Ларуна, въ которомъ заперлись люди Эвурарда. Но когда Викманнъ (см. выше, гл. 4), отложившійся отъ короля, узналъ о такихъ злодѣяніяхъ мятежниковъ, онъ измѣнился и заключилъ миръ съ королемъ, какъ человѣкъ благоразумный, и оставался ему вѣрнымъ слугою до конца жизни. Между тѣмъ Танкмаръ (см. выше, къ гл. 9 примѣч. 2), сынъ короля Гейнриха, рожденный отъ матери благороднаго происхожденія, былъ всегда готовъ къ брани; человѣкъ свѣдущій въ военномъ дѣлѣ, необыкновенно дѣятельный, онъ въ своихъ воинскихъ подвигахъ мало обращалъ вниманія на то, что воспрещалось честными нравами. Такъ какъ мать его имѣла огромныя владѣнія, то онъ, не смотря на то, что его отецъ надѣлилъ его другими помѣстьями, чувствовалъ себя тяжко обиженнымъ потерею материнскаго наслѣдства, и вслѣдствіе

[1]) Т. е. въ случаѣ смерти своего отца не пользуются его правомъ наслѣдства на ряду съ его братьями и своими дядями.

того взялся за оружіе, на погибель свою и всѣхъ своихъ приверженцевъ, противъ своего государя короля. Король, видя, что все это дѣло становится опаснымъ, рѣшился, хотя и противъ воли, укротить возстаніе Танкмара, и пошелъ съ многочисленнымъ войскомъ противъ Гересбурга. Но когда жители города узнали, что самъ король идетъ на нихъ съ великою силою, они открыли ворота и впустили къ себѣ войско, начавшее обступать городъ. Танкмаръ убѣжалъ въ церковь, которую посвятилъ папа Левъ св. Петру, но воины преслѣдовали его даже и тамъ; особенно хотѣли отомстить ему люди Гейнриха за оскорбленіе, нанесенное ихъ государю; они не побоялись сбить двери силою и ворвались съ оружіемъ въ святилище. Танкмаръ стоялъ возлѣ алтаря и положилъ на него свое вооруженіе съ золотою цѣпью. Пока угрожали ему стражи, замахиваясь на него оружіемъ, Тіодбальдъ, побочный сынъ Коббо, нанесъ ему рану съ поруганіями, но былъ въ свою очередь такъ пораженъ имъ, что вскорѣ отдалъ духъ съ ужасными конвульсіями. Но въ это же время одинъ изъ всадниковъ, по имени Маинціа, прокололъ Танкмара копьемъ, пущеннымъ изъ ближайшаго окошка къ алтарю, и убилъ его на такомъ святомъ мѣстѣ (28 іюля 938 г.). Но этотъ виновникъ ссоры братьевъ погибъ впослѣдствіи жалкимъ образомъ въ сраженіи при Биртенѣ, вмѣстѣ съ золотомъ, которое онъ злодѣйски похитилъ на алтарѣ. Когда король, не бывшій при этомъ и ничего не знавшій о происшедшемъ, услышалъ обо всемъ, имъ овладѣлъ гнѣвъ на неистовство вассаловъ; а такъ какъ междоусобіе еще продолжалось, то онъ не посмѣлъ поступить съ ними строго. Но все же онъ оплакивалъ судьбу своего брата и обнаружилъ такое мягкосердечіе, что даже съ похвалою отзывался о воинскихъ доблестяхъ Танкмара; однако, Тіадрикъ и три его сына отъ его тетки, дѣйствовавшіе за одно съ Танкмаромъ, были осуждены по закону франковъ на висѣлицу и повѣшены. Оттуда король повелъ свою воинственную и обогащенную городскою добычею рать противъ Ларуна, но непріятель предводительствуемый бургграфомъ, сопротивлялся отчаянно и не переставалъ отвѣчать на камень камнемъ и на ударъ ударомъ. Утомленные боемъ, они просили перемирія, чтобы снестись съ своимъ герцогомъ. Имъ было дозволено, но герцогъ отказалъ въ помощи. Тогда они вышли изъ города и сдались въ руки короля. Во время этой осады погибъ Томма, кравчій, уже давно прославившійся храбрыми дѣяніями. Когда же Эвурардъ услышалъ о смерти Танкмара и о сдачѣ своихъ, онъ потерялъ мужество, бросился въ ноги своему плѣннику (т.-е. принцу Гейнриху), просилъ его милости и получилъ въ награду безчестный договоръ, заключенный съ нимъ.

12. А именно, Гейнрихъ былъ въ то время еще молодъ и имѣлъ весьма пылкіе нравы; и потому онъ, увлеченный властолюбіемъ, готовымъ на все, простилъ Эвурарду его преступленіе подъ условіемъ составить вмѣстѣ съ нимъ заговоръ противъ короля, своего государя и брата и, если удастся, возложить на него корону государства. Такимъ образомъ, договоръ былъ заключенъ съ обѣихъ сторонъ. Затѣмъ, Гейнрихъ возвратился свободно къ королю и былъ имъ принятъ съ болѣе искреннею любовью, нежели съ какою онъ самъ пришелъ къ нему.

13. Также и Эвурардъ, по убѣжденіямъ Фритурика, преемника архіепископа Гильдиберта, мужа превосходнаго и прославившагося своимъ неусыпнымъ религіознымъ бдѣніемъ, отправился къ королю, униженно просилъ прощенія и предоставилъ его волѣ и себя, и всѣхъ своихъ. Но затѣмъ, такъ какъ подобное злодѣяніе не могло остаться совершенно безнаказаннымъ, онъ былъ удаленъ въ изгнаніе въ городъ Гильдесгеймъ. Немного же времени спустя ему было дано высочайшее помилованіе и возвращены всѣ прежнія достоинства.

14. Пока все это происходило, напали неожиданно на Саксонію наши старые враги, венгры, и расположились лагеремъ на берегу рѣки Бады (н. Боде), откуда они дѣлали набѣги на всю страну. Одинъ изъ ихъ предводителей былъ высланъ изъ лагеря съ отрядомъ войска противъ города, называемаго Стедіерабургъ (н. Steterburg, между Брауншв. и Вольфенб.). Когда жители замѣтили, что непріятель утомленъ походомъ и ливнемъ, образовавшимъ цѣлые потоки, они храбро выступили изъ воротъ, сначала испугали его криками, а потомъ бросились внезапно впередъ, большую часть избили, а остальныхъ принудили къ бѣгству, захвативъ предварительно порядочное число лошадей и знаменъ. Въ укрѣпленіяхъ, лежавшихъ на ихъ пути, замѣтили, что они бѣгутъ, и начали потому бить ихъ всякаго рода оружіемъ; большая часть непріятеля положена была на мѣстѣ, а самъ полководецъ, загнанный въ оврагъ, кончилъ тамъ свою жизнь. Другая же часть войска, направившаяся на сѣверъ, попала, благодаря хитрости одного славянина, въ мѣстность, называемую Триминингъ (н. Drömling, болотистое пространство между рѣками Aller и Ohre), и, стѣсненная вооруженными отрядами, погибла въ тѣхъ непроходимыхъ болотахъ; тѣми же, которые спаслись, овладѣлъ страхъ и ужасъ. Самъ предводитель этого толпища, ускользнувшій вмѣстѣ съ немногими, попался въ плѣнъ, былъ представленъ королю и выкупленъ дорогóю цѣною. При этихъ извѣстіяхъ весь непріятельскій лагерь пришелъ въ смятеніе и старался спастись бѣгствомъ; съ того времени вотъ уже теперь 30 лѣтъ, какъ венгры не показывались болѣе въ Саксоніи (938 г.) [1]).

15. Вскорѣ послѣ этого (939), Гейнрихъ, сгорая желаніемъ получить королевство, сдѣлалъ большое пиршество въ мѣстечкѣ, называемомъ Салавелдунъ (н. Saalfeld). Будучи богатымъ и могущественнымъ, онъ одарилъ по-королевски многихъ большими помѣстьями, и тѣмъ склонилъ ихъ къ участію въ его замыслѣ. Большинство однако было того мнѣнія, что лучше содержать это дѣло въ тайнѣ, съ тою цѣлью, чтобы не понести на себѣ обвиненія въ раздорѣ братьевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Гейнриху былъ данъ совѣтъ, какимъ образомъ легче дойти до разрыва; онъ долженъ былъ именно предоставить Саксонію защитѣ своихъ вассаловъ, а самъ отправиться къ лотарингцамъ, народу, неспособному къ войнѣ; такъ и случилось: когда король при первомъ нападеніи побѣдилъ ихъ, они были уже

---

[1]) Изъ этихъ словъ автора можно заключить точно о времени, когда были писаны имъ эти строки, а именно въ 968 году.

истощены одною битвою. Оставивъ такимъ образомъ, по совѣту своихъ единомышленниковъ, Саксонію и передавъ замки въ Саксоніи и Турингіи своимъ вассаламъ, Гейнрихъ вмѣстѣ съ своими друзьями удалился въ Лотарингію. Когда распространился слухъ объ этихъ событіяхъ, всѣми овладѣлъ страхъ, такъ какъ никто не зналъ причины такого внезапнаго отпаденія отъ короля и такой неожиданной войны. Самъ король, получивъ такую вѣсть, сначала не хотѣлъ ничему вѣрить; но, наконецъ, удостовѣрившись вполнѣ, поспѣшилъ съ войскомъ для преслѣдованія своего брата. Когда онъ подошелъ къ укрѣпленію, называемому Тортманни (н. Dortmund), защищаемому гарнизономъ брата, люди, находившіеся тамъ, припомнивъ судьбу Танкмара, не осмѣлились выжидать короля, вышли ему на встрѣчу и изъявили покорность. Между ними былъ нѣкто Агина, которому Гейнрихъ поручилъ охраненіе города; онъ, давъ страшную клятву королю убѣдить своего государя къ миру, если то удастся, или самому вернуться назадъ, отправился на этомъ условіи къ Гейнриху. Между тѣмъ, войско, подъ предводительствомъ короля, достигло береговъ рѣки Рейна.

16. Еще въ то время, когда велась война между Эвурардомъ и королемъ, явился къ Гизельберту (герцогу Лотарингіи) Гадальтъ, королевскій каммергеръ, для заключенія мира и союза; но такъ какъ герцогъ не склонялся явно ни на ту, ни на другую сторону, то посолъ былъ принятъ безъ почета, а отвѣтъ откладывался со дня на день. Гадальтъ, замѣтивъ двусмысленность герцога и не желая спокойно смотрѣть на его продѣлки, объявилъ ему прямо: „По приказанію короля, повелѣваю тебѣ, въ присутствіи всего народа явиться, въ назначенный день на королевскій судъ; въ противномъ случаѣ, знай, тебя объявятъ врагомъ государства“. Подобнымъ же образомъ, отпустилъ Гизельбертъ и перваго королевскаго посла, епископа Бернгарда, не оказавъ ему подобающихъ почестей и не давъ опредѣленнаго отвѣта. Разсказываютъ также, что онъ неуважительно обращался съ королевскими грамотами. Но послѣ тѣхъ словъ герцогъ началъ обращаться съ посломъ лучше и отпустилъ его съ большимъ почетомъ (938 г.).

17. А между тѣмъ (939 г.) и Гейнрихъ, и Гизельбертъ, оба готовились къ войнѣ и рѣшились идти на встрѣчу королю до самаго Рейна. Агина же, помня данную клятву, предупредилъ ихъ войско, переѣхалъ Рейнъ и явился къ королю; выразивъ ему привѣтствіе въ самыхъ почтительныхъ словахъ, онъ говорилъ королю такъ: „Твой братъ, мой повелитель, желаетъ тебѣ здравія и долгаго благополучнаго царствованія надъ твоимъ великимъ и обширнымъ государствомъ, и объявляетъ тебѣ, что онъ спѣшитъ, какъ можетъ, явиться къ твоимъ услугамъ. Но когда король спрашивалъ его, о чемъ онъ помышляетъ, о войнѣ, или о мирѣ, онъ увидѣлъ въ тоже время, что огромная масса войскъ тянется съ развѣвающимися знаменами по направленію къ той части его арміи, которая перешла уже Рейнъ. Тогда король обратился къ Агинѣ съ вопросомъ: что́ это за войско, и что́ это за люди? На это тотъ отвѣчалъ спокойно: „Это мой повелитель, твой братъ; если бы онъ пожелалъ слѣдовать моему

совѣту, то явился бы иначе; что же касается меня, то я возвратился назадъ, потому что далъ на то клятву". Король, услышавъ такія слова, невольно выразилъ тѣлеснымъ движеніемъ свою душевную болячку, и горько сожалѣлъ, что не имѣетъ подъ рукою судовъ для переправы чрезъ Рейнъ: быстрое теченіе рѣки не представляло возможности къ другой переправѣ, и надобно было думать, что при внезапномъ нападеніи врага на отрядъ, находившійся по ту сторону, ему ничего не останется, какъ или пасть, или защищать свою жизнь съ оружіемъ въ рукахъ. Вотъ потому король взмолился, поднявъ руки къ небу: „О Боже, ты виновникъ и правитель всего существующаго, воззри на свой народъ, во главѣ котораго меня поставила воля твоя, и спаси его отъ врага, дабы всѣ люди познали, что никто изъ смертныхъ не возможетъ ничего противъ твоей власти, ибо ты всемогущъ, и царство твое отъ вѣка вѣковъ"! Между тѣмъ отрядъ, находившійся на другомъ берегу, отправивъ обозъ и все имущество въ мѣстечко, называемое Ксантенъ, приготовился мужественно встрѣтить непріятеля.

Такъ какъ между нашими и непріятелемъ простиралось болото, то саксы раздѣлились на двѣ толпы: одна бросилась на встрѣчу непріятелю, а другая напала съ тыла, такъ что врагъ, аттакованный съ двухъ сторонъ, не смотря на численный перевѣсъ, былъ сильно потѣсненъ. Увѣряютъ же, что съ нашей стороны было не болѣе сотни латниковъ, а непріятель имѣлъ довольно большое войско. Испытавъ нападеніе спереди и съ тыла, враги не знали, кому дать прежде отпоръ; кромѣ того, нѣкоторые изъ нашихъ умѣли говорить по-галльски и начали громко кричать на этомъ языкѣ, предлагая противнику бѣжать. Противники приняли эти крики за крики своихъ, и на томъ основаніи обратились въ бѣгство. Въ этотъ день было много ранено нашихъ, а иные совсѣмъ убиты; между послѣдними находился Аильбертъ, по прозванію мудрый; онъ, пораженный герцогомъ, умеръ нѣсколько дней спустя. Враги же были всѣ или избиты, или взяты въ плѣнъ, или по крайней мѣрѣ, обращены въ бѣгство; ихъ же обозъ и имущество были раздѣлены между побѣдителями. Со стороны лотарингцевъ мужественно бился Готфридъ, по прозванію Черный; въ этотъ же день палъ въ сраженіи тотъ Маинціа, о которомъ я упоминалъ выше [1]).

18. Между тѣмъ, Дади, родомъ турингъ, объявилъ начальникамъ замковъ тѣхъ, которые на восточной сторонѣ были въ пользу герцога Гейнриха, о побѣдѣ короля и о погибели самого герцога на полѣ битвы; этою хитростью онъ подчинялъ всѣ замки королевской власти. У Гейнриха изъ всѣхъ укрѣпленій оставалось только два, Мерсбургъ и Сцитинги. Король же рѣшился послѣ побѣды преслѣдовать брата и зятя.

19. При извѣстіи объ отложеніи своихъ замковъ, Гейнрихъ, переломленный послѣднею побѣдою короля, пустился въ дорогу всего

---

[1]) См. выше, гл. 11, на стр. 434. Маинціа былъ убійца Танкмара; изъ 11 главы можно заключить и о мѣстѣ, на которомъ происходила описанная битва отряда Оттона I съ лотарингцами, а именно, при Биртенѣ.

съ 9 вооруженными воинами, но прибылъ уже довольно поздно въ Саксонію и заперся въ укрѣпленіи Мерсбургѣ. Также и король, услышавъ объ этомъ, повернулъ въ Саксонію и вмѣстѣ съ войскомъ осадилъ крѣпость, въ которой находился его братъ. Но послѣдній не могъ устоять противъ сильнѣйшаго, и чрезъ два мѣсяца, сдавъ городъ, явился къ королю. Ему было дано перемиріе на 30 дней съ тѣмъ, чтобы онъ очистилъ Саксонію съ своими; но кто предпочтетъ обратиться прямо къ королю, тотъ получитъ прощеніе. И съ тѣхъ поръ Саксонія успокоилась на нѣкоторое время отъ внутреннихъ междоусобій (939).

20. Но варвары (т.-е. славяне), поощряемые нашими несогласіями, не переставали опустошать страну огнемъ и мечемъ, и сдѣлали коварную попытку умертвить Геро, котораго король поставилъ надъ ними. Онъ же предупредилъ ихъ хитрость, и въ одну ночь избилъ до 30 варварскихъ князей, упившихся до-пьяна на одномъ веселомъ пиршествѣ. Но такъ какъ у него не было достаточно силъ противу всѣхъ варварскихъ племенъ — а въ это время возмутились даже и аподриты (у древ. оботриты, на Эльбѣ), уничтожили наше войско и умертвили его предводителя, по имени Гайку—потому король самъ сдѣлалъ противу нихъ нѣсколько походовъ, опустошилъ ихъ страну и довелъ до крайней погибели. Тѣмъ не менѣе варвары предпочитали войну миру, и всякое бѣдствіе въ ихъ глазахъ было еще ничтожно по сравненію съ потерей свободы. Это какое-то суровое отродье людей, которыхъ нельзя испугать никакою строгостью; привыкнувъ къ самой жалкой пищѣ, славяне считаютъ еще наслажденіемъ то, что для нашихъ было бы невыносимымъ бременемъ. Дѣйствительно, не мало прошло времени съ тѣхъ поръ, какъ мы ведемъ съ ними борьбу съ перемѣннымъ счастьемъ; и это неудивительно, потому что мы (т. е. германцы) сражаемся за славу и распространеніе своей власти, а для славянъ дѣло идетъ о выборѣ между свободою и рабствомъ. И въ тѣ дни саксамъ пришлось вытерпѣть нападеніе не одного врага, а многихъ: славяне съ востока, франки съ юга, лотарингцы на западѣ, съ сѣвера даны (т.-е. норманны) и опять славяне; вотъ потому то и затянулась борьба съ варварами на долго.

21. Еще при королѣ Гейнрихѣ (I) попался въ плѣнъ одинъ славянинъ, по имени Тугумиръ; по закону его соотечественниковъ ему приходилось бы наслѣдовать отъ отца власть надъ колѣномъ гевельдеровъ (т.-е. гавельцевъ, жившихъ по рѣкѣ Гавелю, близъ Бранденбурга). Подкупленный большими деньгами и уговоренный еще бо́льшими обѣщаніями, онъ далъ слово измѣнить своей странѣ. Потому выдавъ себя за спасшагося бѣгствомъ, онъ явился въ городъ, называемый Бреннабургомъ (т.-е. Бранный-Боръ, н. Бранденбургъ), былъ признанъ его владѣтелемъ, и вскорѣ затѣмъ измѣнилъ своимъ. Онъ пригласилъ именно къ себѣ своего племянника, одного оставшагося въ живыхъ изъ народныхъ князей, овладѣлъ имъ хитростью, умертвилъ его, а городъ и всю страну предалъ власти короля. Вслѣдствіе того, владычество короля распространилось надъ варварскими племенами до самой рѣки Одера, и они были обложены податью (939 г.).

22. Между тѣмъ Гейнрихъ, принужденный оставить Саксонію, снова удалился въ Лотарингію и жилъ вмѣстѣ съ своими вассалами довольно долгое время у зятя, а именно у герцога Гизельберта. Но король вторично повелъ войско на Гизельберта и опустошилъ огнемъ и мечемъ всю Лотарингію, находившуюся подъ его властью. Самъ же Гизельбертъ былъ осажденъ въ замкѣ, называемомъ Кіевермонтъ (н. Chevremont, близъ Люттиха), но успѣлъ ускользнуть и убѣжалъ оттуда. Такъ какъ осада, по неприступности замка, мало подвигалась впередъ, то король опустошилъ окрестныя страны и возвратился въ Саксонію.

23. Слыхавъ объ одномъ чрезвычайно хитромъ и ловкомъ сторонникѣ Гизельберта, по имени *Иммо*, король счелъ за лучшее продолжать борьбу при помощи его коварства, нежели собственнаго оружія. Дѣйствительно, Иммо, какъ человѣкъ хитрый, охотно подчинился тому, кто былъ лучше и сильнѣе, и поднялъ оружіе противъ герцога. Это обстоятельство, при его крайнемъ положеніи, было для него весьма тяжело, потому что онъ имѣлъ теперь врага въ томъ, на чей умъ и чью вѣрность полагался до тѣхъ поръ болѣе нежели на кого либо другого. Неудовольствіе герцога особенно усилилось, когда онъ услышалъ, что Иммо своею хитростью успѣлъ отнять у него цѣлое стадо свиней. Это случилось такъ: когда свинопасы герцога гнали стадо мимо воротъ, Иммо приказалъ выставить предъ воротами поросенка, и затѣмъ, открывъ ворота, заманилъ въ крѣпость все стадо свиней. Герцогъ не могъ перенести такого оскорбленія, собралъ войско и осадилъ Иммо. А въ его крѣпости случилось множество ульевъ, которые онъ и побросалъ, во время приступа, въ лицо всадникамъ. Пчелы перекусали своимъ жаломъ лошадей, и всадникамъ ничего не оставалось, какъ бѣжать; когда же Иммо, смотрѣвшій на все происходившее съ высоты стѣнъ, увидѣлъ ихъ бѣгство, то началъ еще грозить нападеніемъ. Обманутый нѣсколькими подобными хитростями Иммо, герцогъ снялъ осаду. Но удаляясь, онъ выразился такъ: „Пока Иммо былъ на моей сторонѣ, я безъ всякаго труда держалъ лотарингцевъ въ повиновеніи имъ однимъ, а теперь и со всѣми лотарингцами не могу захватить его одного.

24. Эвурардъ, замѣтивъ, какъ длится война, не хотѣлъ оставаться долѣе спокойнымъ. Не опасаясь больше короля, онъ нарушилъ клятву, соединился по прежнему съ Гизельбертомъ и вмѣстѣ съ нимъ продолжалъ разжигать войну. Не довольствуясь западными провинціями, они вторглись въ страны, лежавшія на востокъ отъ Рейна и предали ихъ опустошенію. Когда услышали о томъ въ королевскомъ лагерѣ—а король въ то время (939 г.) осаждалъ Бризегъ (н. Breisach) и другія крѣпости, находившіяся во власти Эвурарда—то многіе оставили войско, и тогда исчезла всякая надежда, чтобы саксы могли долѣе удержать свою власть въ государствѣ [1]).

---

[1]) Это мѣсто у автора должно понимать именно такъ, что подъ племеннымъ выраженіемъ *саксы*, въ то время разумѣлась саксонская аристократія, которая съ вступленіемъ на королевскій престолъ своихъ герцоговъ, Гейнриха I и Оттона Великаго, овладѣла всѣми государственными должностями на всемъ пространствѣ королевства.

Но король, не смотря на всеобщее замѣшательство, выказалъ такую стойкость и такое могущество, хотя и былъ окруженъ весьма немногими вассалами, будто бы ему не предстояло никакихъ затрудненій. А въ то время оставили свои палатки со всѣмъ имуществомъ даже духовные князья (т.-е. архіепископы и епископы) и отложились отъ короля.

25. Мнѣ не слѣдовало бы собственно разоблачать настоящія причины такого отпаденія духовенства [1]) и другіе королевскіе секреты, но я считаю себя обязаннымъ удовлетворить требованію исторіи; если же я при этомъ въ чемъ нибудь провинюсь, то да будетъ мнѣ то прощено. Архіепископъ, котораго король отправилъ къ Эвурарду для заключенія мира и договора, далъ, по настоятельному требованію Эвурарда, клятву обоюдно выполнить условія мира, и на этомъ основаніи объявилъ королю, что онъ не можетъ отступиться отъ своей присяги. Но король отправилъ тогда другого епископа съ отвѣтомъ, сообразнымъ своему достоинству, и желалъ не быть связаннымъ ничѣмъ, на что епископъ могъ обязать себя безъ его согласія. Вотъ за это-то неповиновеніе своему королю какъ верховному властителю, и даже за отчужденіе отъ его, первый изъ нихъ былъ сосланъ въ городъ Гаммабургъ (н. Hamburg), а епископа Ротгарда (Страсбургскаго) король удалилъ въ Новокорбійскій монастырь. Вскорѣ впрочемъ онъ милостиво простилъ ихъ обоихъ, возвратилъ имъ свое расположеніе и отдалъ прежнія должности [2]).

26. Когда послѣ этого былъ отправленъ Гериманнъ съ войскомъ для усмиренія герцоговъ, онъ нагналъ ихъ на берегу Рейна и нашелъ, что большей части ихъ рати уже не было, такъ какъ она переправилась съ добычею на другую сторону рѣки. Вслѣдствіе того герцогъ Эвурардъ, захваченный вооруженными воинами, палъ прокомотый насквозь копьями, но послѣ того какъ онъ уже получилъ не мало ранъ и самъ мужественно переранилъ другихъ. Гизельбертъ, обратясь въ бѣгство, спасался вмѣстѣ со многими на суднѣ; но оно подъ тяжестью насѣвшихъ на него погрузилось и ушло ко дну; самъ же герцогъ со всѣми прочими утонулъ и никогда не былъ отысканъ. Когда король узналъ о побѣдѣ своихъ и о смерти герцоговъ, онъ возблагодарилъ всемогущаго Бога за помощь, которую Онъ оказывалъ ему уже не разъ въ затруднительное время; а надъ Лотарингіею поставилъ герцогомъ Одо, сына Риквина, возложивъ на него воспитаніе своего племянника, сына Гизельберта, по имени Гейнриха, мальчика, подававшаго большія надежды. Мать же ребенка (т.-е. Гер-

[1]) То-есть, корыстолюбіе духовенства и боязнь потерять свои мѣста съ паденіемъ Оттона.

[2]) Все это дѣло авторъ разсказываетъ весьма темно: очевидно, онъ опасался лицъ, которыя были еще въ живыхъ, и не хотѣлъ огорчить Матильду болѣе откровеннымъ изложеніемъ замысловъ ея отца. Оттонъ разсчитывалъ обмануть Эвурарда, не сдержавъ клятвы, данной за него архіепископомъ и епископомъ; а эти въ свою очередь за деньги отъ Эвурарда продали интересы короля. Очевидно, обѣ стороны дѣйствовали не чисто, и нашъ авторъ съ необыкновенною ловкостью предоставляетъ догадаться своему читателю, въ чемъ состояло дѣло.

берга, дочь Гейнриха I и сестра Оттона I; см. о ней выше, кн. I, гл. 30, на 448 стр.) вышла замужъ за короля Лудовика (т.-е. IV, Заморскаго, короля Франціи), почему и Гейнрихъ, братъ короля, оставилъ Лотарингію и убѣжалъ въ Карлову имперію (т.-е. Францію). За смертью герцоговъ послѣдовала весьма суровая зима, а за зимою сильнѣйшій голодъ (939 г.).

27. Вскорѣ за тѣмъ, не знаю, серьезно, или для виду, Иммо поднялъ оружіе противъ короля, но окруженный среди зимы войскомъ, онъ сдался вмѣстѣ съ укрѣпленіемъ и послѣ того всегда служилъ вѣрно и честно (940 г.).

28. Королю подчинились также и племянники Гизельберта, получивъ обратно всѣ крѣпости, которыми они владѣли. Одинъ Кіеврмонтъ былъ защищаемъ Ансфридомъ и Арнольдомъ. Иммо отправилъ къ нимъ письмо, гдѣ говорилось, между прочимъ, слѣдующее: „Я не хочу самъ оцѣнивать своихъ достоинствъ; ваше мнѣніе будетъ вмѣстѣ и моимъ. О васъ же всѣ знаютъ, какъ о предводителяхъ своего народа. Но никто не сомнѣвается въ томъ, что каждый можетъ сдѣлать двумя руками болѣе, чѣмъ одной; отсюда прямо слѣдуетъ, что трое справятся съ однимъ. Что насъ заставляетъ служить саксамъ, какъ не наши же междоусобія? Покоривъ васъ оружіемъ, могутъ ли они радоваться своей побѣдѣ? Побѣдителя растлѣваетъ рабство тѣхъ, кого онъ покорилъ. Я покинулъ нашего общаго повелителя, лучшаго изъ смертныхъ (т.-е. Гизельберта), того, кто покровительствовалъ мнѣ съ дѣтства, считалъ меня своимъ другомъ и одарилъ великою властью, и, подъ страхомъ заплатить за то жизнью, соединился съ саксами. И что же?! вы сами знаете, вмѣсто заслуженной награды, меня постыдно презрѣли, напали на меня съ оружіемъ и обратили изъ свободнаго человѣка почти въ раба. А чтобы вы теперь знали, какъ честно я забочусь объ общественномъ благѣ, я хочу отдать за тебя, Ансфридъ, мою единственную дочь, и послѣ этого вы не будете подозрѣвать меня въ какой нибудь измѣнѣ. Назначьте мнѣ мѣсто для совѣщанія, и тогда я сдамъ вамъ на руки залогъ мой вѣрности, чего нельзя сдѣлать чрезъ посла“. При такомъ письмѣ, хотя ихъ грудь была изъ желѣза и они давно не довѣряли этому человѣку, но не могли они предположить такого притворства, и завлеченные измѣнническими словами, назначили мѣсто для личнаго свиданія. А онъ скрылъ незамѣтно вооруженныхъ людей, коварно овладѣлъ ими и подъ стражею отправилъ къ королю, при слѣдующемъ письмѣ: „Тотъ, кто по выше, будетъ характеромъ помягче и не нуждается ни въ оковахъ, ни въ побояхъ; угрозы извлекутъ изъ него все, что онъ знаетъ. Ансфридъ же крѣпокъ, какъ желѣзо; если его усовѣстятъ величайшія истязанія, то и этого много“. Когда они явились къ королю, онъ наказалъ ихъ долгимъ заключеніемъ; но впослѣдствіи ему удалось склонить ихъ на свою сторону кротостью, и тогда онъ отпустилъ ихъ съ миромъ. Въ эту эпоху событія и обстоятельства такъ перепутываются другъ съ другомъ, что трудно разобрать ихъ послѣдовательность, а потому пусть не обвиняютъ меня, что въ моемъ разсказѣ времена перемѣшаны, и я иногда излагаю послѣдующія событія впереди тѣхъ, которыя имъ предшествовали.

29. Вскорѣ (940 г.) король по свойственной ему сердцу кротости, сжалился надъ тяжкою судьбою своего брата, подарилъ ему для своего содержанія нѣсколько укрѣпленій и указалъ жить въ Лотарингіи.

30. Во все это время, свирѣпствовала безпрерывно война съ варварами. Такъ какъ воины, отправленные для подкрѣпленія маркграфа Геро, были утомлены частыми походами и мало получали поддержки отъ податей, тѣмъ болѣе что славяне нерѣдко отказывали въ нихъ, то они мятежническимъ образомъ возмутились противъ Геро. Но ко всеобщему счастію, король всегда принималъ его сторону. Вслѣдствіе того считая себя глубоко оскорбленными, они перенесли свою ненависть и на короля.

31. Это обстоятельство не укрылось отъ вниманія Гейнриха, и, какъ то очень часто случается, если оскорбленному подать надежду на пріятное для него, онъ безъ труда склонилъ людей подобнаго настроенія соединиться вмѣстѣ съ нимъ; съумѣвъ такимъ образомъ возстановить войско противъ государя, Гейнрихъ снова возъимѣлъ надежду сдѣлаться королемъ. Наконецъ, послѣ размѣна пословъ съ обѣихъ сторонъ и обоюдныхъ подарковъ, онъ склонилъ на свою сторону почти всѣхъ вассаловъ восточной страны. Это дѣло вскорѣ приняло огромные размѣры; образовался сильный заговоръ, и былъ составленъ планъ, въ ближайшую пасху (941 г.), если Гейнрихъ явится лично во дворецъ, умертвить короля и возложить на него корону. Хотя сначала никто не донесъ о ходѣ заговора, но незадолго предъ пасхой измѣна открыла все королю, котораго и на этотъ разъ спасла защищающая его рука провидѣнія. Онъ окружалъ себя и днемъ, и ночью, толпою вѣрныхъ вассаловъ, и такимъ образомъ во время торжества, не уменьшая ни въ чемъ своего достоинства и королевской пышности предъ народомъ, навелъ величайшій страхъ на враговъ. Послѣ же праздника, по совѣту главнымъ образомъ франковъ, находившихся при немъ, а именно Геримана, Удо и Конрада, по прозванію Краснаго, онъ приказалъ схватить живыми или мертвыми тайныхъ заговорщиковъ. Между ними первымъ былъ Эрикъ, человѣкъ, помимо этого преступленія, отличный и превосходный во всѣхъ отношеніяхъ. Когда онъ замѣтилъ, что къ нему приближаются вооруженные люди, онъ, зная свою вину, сѣлъ на коня, схватилъ оружіе и окруженный толпами непріятелей желалъ лучше умереть, вспоминая свою прежнюю доблесть и храбрость, нежели попасть въ руки непріятеля. Такъ палъ этотъ мужъ, проколотый копьемъ; его цѣнили и уважали единоземцы за силу и мужество. Прочіе участники заговора были захвачены на слѣдующей недѣлѣ и сообразно съ законами испытали заслуженную казнь: они были обезглавлены. Гейнрихъ же спасся и убѣжалъ изъ государства (941 г.).

32. Въ этомъ году случилось много небесныхъ знаменій. Являлись именно кометы отъ 18 октября до 1 ноября. Многіе были испуганы тѣмъ и боялись или страшной чумы, или по крайней мѣрѣ перемѣны правленія, потому что и предъ смертью Гейнриха совершалось много чуднаго: такъ, при ясномъ небѣ вдругъ почти совсѣмъ исчезъ солнечный свѣтъ, а въ дома чрезъ окошки проходили красные

лучи, какъ кровь. Слухъ ходилъ, что гора, гдѣ былъ погребенъ всемогущій Господь, во многихъ мѣстахъ извергала пламя. Также у одного человѣка снова выросла во снѣ лѣвая рука, которую ему отрубили мечемъ почти годъ тому назадъ; въ знакъ же чуда онъ получилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ была отрублена рука, красную черту.— За тѣми же кометами послѣдовало страшное наводненіе, а за наводненіемъ скотской падежъ (942 г).

33. Когда же Одо, намѣстникъ Лотарингіи, и Гейнрихъ, королевскій племянникъ, умерли оба, герцогское достоинство въ этой странѣ было передано Конраду, за котораго король выдалъ свою единственную дочь, такъ какъ онъ былъ разумный и храбрый юноша, дѣятельный въ войнѣ и мирѣ, и вѣрный его союзникъ (943 г.).

34. Въ то время Баваріею управлялъ Бертольдъ, братъ Арнульфа; сражаясь побѣдоносно съ венграми, онъ пріобрѣлъ своимъ торжествомъ великую славу.

35. Между тѣмъ, король, усиливаясь съ каждымъ днемъ, не довольствовался болѣе отцовскимъ наслѣдіемъ, отправился въ Бургундію и подчинилъ себѣ и короля, и самую страну (944 г.)... [1]).

36. Когда такимъ образомъ всѣ царства смолкли предъ Оттономъ, и всѣ враги уступили его силѣ, онъ вспомнилъ, по просьбѣ и убѣжденіямъ своей достойной матери, о братѣ, сокрушенномъ бѣдствіями, и поставилъ его надъ государствомъ баваровъ, такъ какъ Бертольдъ уже умеръ (945 г.). Съ тѣхъ поръ произошло между ними примиреніе, которому Гейнрихъ оставался вѣрнымъ до конца дней своихъ. Государь же Гейнрихъ былъ соединенъ бракомъ съ дочерью герцога Арнульфа, женщиной замѣчательной красоты и удивительнаго ума. Миръ и согласіе братьевъ, угодные Богу и пріятные людямъ, были прославляемы всею вселенною; они единодушно заботились о расширеніи государства, о покореніи враговъ и отеческомъ управленіи своего народа. Получивъ герцогство Баварію, Гейнрихъ не предавался болѣе праздному бездѣлью, но отправился въ походъ, взялъ Аквилейю, два раза побѣдилъ венгровъ въ бою, переправился за р. Тицинъ и, собравъ большую добычу въ непріятельской землѣ, возвратился благополучно на родину.

Нравы, образъ жизни и наружность такихъ преславныхъ и великихъ мужей (т.-е. какъ Оттонъ I и Гейнрихъ, его братъ), ниспосланныхъ намъ божественною милостью на утѣху и украшеніе нашего вѣка, я не могу описать: это превышаетъ мои силы. Но я не могу не выразить того благоговѣнія, которое я къ нимъ питаю. *Оттонъ*, могущественный властитель, старѣйшій и лучшій изъ братьевъ, отличался прежде всего благочестіемъ; въ своихъ предпріятіяхъ онъ обна-

---

[1]) Вслѣдъ за покореніемъ Бургундіи 944 года, авторъ болѣе для круглоты разсказа и чтобы начать слѣдующую главу такъ, какъ ему хотѣлось, упоминаетъ о покореніи Франціи Оттономъ. Но это случилось уже въ 947 году, а въ 36-й главѣ идутъ событія 945 года. Потому мы и опускаемъ конецъ 35-й главы, какъ анахронизмъ. Подробное описаніе войны съ Франціею, осада Парижа Оттономъ и подчиненіе Франціи изложено у автора въ началѣ третьей книги.

руживалъ настойчивость, ставившую его выше всѣхъ смертныхъ; внушая страхъ королевскимъ авторитетомъ, онъ былъ въ то же время обходителенъ, въ подаркахъ щедръ, предавался сну умѣренно и даже говорилъ всегда во снѣ, такъ, что, казалось, онъ никогда не спитъ. Въ отношеніи своихъ друзей Оттонъ во всемъ былъ добродушенъ и доказывалъ имъ болѣе нежели человѣческую вѣрность. Мы слышали, что нѣкоторые изъ обвиненныхъ и даже уличенныхъ въ своихъ преступленіяхъ находили въ немъ своего защитника и ходатая: онъ не хотѣлъ допускать того, что они виноваты, и обращался съ ними такъ, какъ будто бы они не причинили ему никакого зла. Его способности приводятъ въ удивленіе: только по смерти королевы Эдиды [1]) онъ выучился грамотѣ и зналъ ее такъ хорошо, что могъ въ совершенствѣ читать книги и понимать. Онъ умѣлъ, кромѣ того, говорить по-романски и по-славянски. Но рѣдко случалось, чтобы онъ считалъ нужнымъ пользоваться ими. На охоту ходилъ онъ часто, любилъ игру въ кости и, сохраняя королевское приличіе, иногда принималъ участіе въ военныхъ игрищахъ. Ко всему этому онъ присоединялъ сильное тѣлосложеніе, соотвѣтствовавшее вполнѣ его королевскому достоинству; волосы на головѣ были темноватые, глаза блестящіе сверкали на подобіе молніи, цвѣтъ лица красноватый, пышная борода отпущена низко, хотя въ противность древнему обычаю; грудь, какъ у льва, покрыта волосами, тѣло гибкое, походка то быстрая, то умѣренная; одѣяніе отечественное, и онъ никогда не мѣнялъ его на чужеземное. Если ему приходилось надѣвать корону, то, какъ увѣряютъ, онъ всегда приготовлялъ себя къ тому постомъ. Что касается до *Гейнриха*, то онъ былъ чрезвычайно важнаго характера, и потому людямъ, не стоявшимъ къ нему близко, казался мало добродушнымъ и общительнымъ; чрезвычайно любилъ торжественность и оставался вѣрнымъ своимъ друзьямъ; онъ выдалъ сестру своей жены за бѣднаго вассала и сдѣлалъ его своимъ другомъ и сподвижникомъ. Гейнрихъ былъ статенъ и высокъ, такъ что въ юности онъ располагалъ каждаго въ свою пользу необыкновенною красотой. Самый младшій изъ братьевъ, государь *Бруно*, отличался умомъ, познаніями, добрыми нравами и живою дѣятельностью. Когда король поставилъ его во главѣ необузданнаго народа лотарингцевъ, онъ очистилъ страну отъ разбойниковъ и пріучилъ ее къ такой строгой законности, что съ того времени въ тѣхъ мѣстахъ господствовалъ величайшій порядокъ и глубокая тишина [2]).

37. Когда (945 г.), такимъ образомъ, прекратились внутреннія и внѣшнія войны, божескіе и человѣческіе законы пріобрѣли всю силу и авторитетъ. Въ это же время поднялось тяжкое гоненіе на монаховъ, ибо нѣкоторые епископы утверждали, что они считаютъ за лучшее имѣть въ монастыряхъ немногихъ, но достопочтенныхъ сподвижниковъ, нежели многихъ лѣнивыхъ и негодныхъ людей. Если я

---

[1]) Жена Оттона I, Эдида, умерла въ 946 году, слѣдовательно въ 11-й годъ его правленія.

[2]) См. ниже его біографію, въ ст. 33.

самъ не заблуждаюсь, то, мнѣ кажется, эти епископы не приняли во вниманіе словъ того домохозяина въ притчѣ, (Матѳ. XIII, 29), который запретилъ слугамъ вырывать плевелы, и повелѣлъ оставлять расти вмѣстѣ и пшеницу, и плевелы, пока не придетъ время жатвы. Вслѣдствіе того, многіе, сознавая свои слабости, сложили монашеское одѣяніе и оставили монастыри, чтобы избавиться отъ тяжкаго ига, возложеннаго на нихъ верховными пастырями. Впрочемъ были тогда и такіе люди, которые полагали, что архіепископъ Фритерикъ распорядился такъ не съ чистыми намѣреніями, но имѣя затаенную мысль оскорбить тѣмъ аббата Гадамара, мужа достопочтеннаго и вполнѣ преданнаго королю.

38. Этотъ Гадамаръ отличался необыкновеннымъ умомъ и дѣятельностью. Во время его управленія сгорѣла знаменитая церковь въ Фульдскомъ монастырѣ; онъ ее возстановилъ въ большемъ блескѣ и закончилъ. У Гадамара былъ заключенъ тотъ архіепископъ, когда его уличили во вторичномъ участіи въ заговорѣ; сначала онъ содержалъ его съ почетомъ, но, перехвативъ отправленное имъ письмо, началъ смотрѣть за нимъ нѣсколько строже. Когда епископъ былъ выпущенъ, онъ искалъ случая отмстить ему, и, не имѣя законной причины, старался сначала притѣснять небольшіе монастыри, чтобы послѣ перейти и къ самымъ знаменитымъ. Но всѣ эти хитрости были напрасны, потому что аббатъ оставался въ милости и дружбѣ у короля; между тѣмъ явились и другія обстоятельства, не допустившія архіепископа привести въ исполненіе свои замыслы.

39. Въ это время сестра короля (т.-е. Герберга; см. о ней выше гл. 26) родила королю (Франціи) Людовику трехъ сыновей, Карла, Лотаря и Карломанна. Но самъ король Людовикъ, вслѣдствіе измѣны своихъ герцоговъ, былъ взятъ въ плѣнъ норманнами и по совѣту Гуго (т.-е. Великаго, герцога Франціи) заключенъ плѣнникомъ въ Лугдунумѣ (н. Laon). Старшаго же его сына Карломанна норманны увели съ собою въ Ротунъ (н. Rouen), гдѣ онъ и умеръ. Когда король (т.-е. Оттонъ I) узналъ о томъ, его весьма огорчила судьба его друга, и онъ приказалъ готовиться на будущій годъ (946) къ походу въ Галлію противъ Гуго.

40. Когда въ это время (946 г.) король остановился въ одной лѣсистой мѣстности для охоты, мы видѣли, какъ туда явились къ нему заложники Болеслава (т.-е. изъ Богеміи), и король приказалъ ихъ показать народу. Велика его была радость по поводу прибытія этихъ заложниковъ.

41. Этотъ годъ (946) ознаменовался великою печалью для всего народа: умерла блаженной памяти королева Эдида (см. выше кн. I, гл. 37), провожаемая слезами и рыданіями всѣхъ саксовъ; день ея смерти случился 26 января. Она была англосакскаго происхожденія и славилась не менѣе своимъ благочестіемъ, какъ и происхожденіемъ изъ королевскаго рода. Десять лѣтъ она раздѣляла власть съ своимъ мужемъ, и въ одиннадцатый годъ умерла. Между саксами она жила 19 лѣтъ. Отъ нея остался сынъ *Ліудульфъ*, который въ то время не уступалъ никому душевными и тѣлесными качествами; также и дочь, по имени *Ліудгарда*, выданная за герцога Конрада. Эдида

погребена въ городѣ Магдебургѣ, въ новой базиликѣ, въ сѣверномъ придѣлѣ, противъ восточнаго окошка.

Здѣсь кончается Вторая книга.

Третья и послѣдняя книга состоитъ изъ 76 главъ и доходитъ до смерти Оттона Великаго въ 973 году. Но только первыя 69 главъ, до 967 года, принадлежатъ нашему автору: конецъ былъ дописанъ неизвѣстнымъ продолжателемъ. Такимъ образомъ, въ третьей книгѣ авторъ обнимаетъ почти весь второй и блестящій періодъ правленія Оттона, гдѣ онъ былъ занятъ постоянно внѣшними дѣлами, войною съ Франціею и въ особенности съ Италіею. Но авторъ и въ этомъ періодѣ остался вѣрнымъ себѣ и не выходилъ за предѣлы исторіи Германіи, гдѣ правленіе Оттона, вслѣдствіе новыхъ смутъ и возстанія сына Ліудульфа, представляло не лучшую картину, какъ и въ первомъ періодѣ до смерти Эдиды. Вотъ какъ авторъ относится наприм. къ замѣчательнѣйшему внѣшнему событію второго періода правленія Оттона В., а именно къ завоеванію Италіи и пріобрѣтенію императорскаго титула: „Когда (въ 961 г.) всѣ дѣла франковъ, саксовъ и окрестныхъ странъ были устроены надлежащимъ порядкомъ, Оттонъ рѣшился идти въ Римъ и вторгся въ Лонгобардію. Но какъ онъ, послѣ двухлѣтней осады, взялъ въ плѣнъ короля лонгобардскаго Беренгарія (II) съ женою и дѣтьми и сослалъ въ ссылку, а римлянъ дважды разбилъ и покорилъ, какъ онъ подчинилъ своей власти герцоговъ беневентскихъ, грековъ побѣдилъ въ Калабріи и Апуліи, открылъ серебряные рудники въ Саксоніи, и какъ онъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ расширилъ предѣлы государства—разсказъ обо всемъ этомъ превышалъ бы мои слабыя силы; какъ я уже объявилъ въ началѣ моей исторіи, я предпочитаю ограничиться немногимъ, на сколько могу излагать вѣрно, съ сохраненіемъ полной преданности“ (кн. III, гл. 63).

Оставаясь, такимъ образомъ, строго историкомъ своей націи, нашъ авторъ только называетъ по имени важнѣйшія внѣшнія событія, и послѣ 961 года снова возвращается къ изложенію внутреннихъ междоусобій Германіи, не прекращавшихся до конца правленія Оттона Великаго.

Видукиндъ.

Res gestae Saxonicae, 919—973. Кн. I и II.

О Видукиндѣ и его сочиненіяхъ см. въ томѣ 1, на стр. 274 и слѣд. Въ своемъ введеніи къ „Дѣяніямъ саксонскимъ“, авторъ самъ объясняетъ свои побужденія взяться за трудъ. Монастырь Корбійскій, въ которомъ жилъ нашъ авторъ, былъ колоніею французскаго монастыря того же имени на р. Соммѣ, близъ Амьеня, основаннаго въ началѣ IX вѣка, и скоро сдѣлался разсадниковъ другихъ монастырей Германіи. Его преуспѣяніе было тѣсно связано съ возвышеніемъ саксонской династіи, и потому неудивительно, что историкъ ея долженъ былъ именно явиться въ этомъ монастырѣ. Первый аббатъ его былъ Экбертъ, братъ котораго, Ліудульфъ, считается дѣдомъ Гейнриха I, а потому короли саксонскіе смотрѣли съ особеннымъ почтеніемъ на Корби и одаряли его преимущественно предъ прочими монастырями. Такое особенное отношеніе монастыря къ династіи саксонской должно имѣть постоянно въ виду при оцѣнкѣ взглядовъ автора на описываемыя имъ лица и событія.

29.—Послѣдніе національные короли въ Италіи: Гуго и Беренгарій II. 940—950.

(Около 962 г.).

Начинается Пятая книга „Воздаянія“ [1]).

Первая глава этой книги касается исторіи Гейнриха I Птицелова, и потому скорѣе относится къ послѣднимъ главамъ четвертой книги, см. на стр. 417.

2. Въ это время (т.-е. въ 940 г.), какъ *вы* (такъ авторъ обращается къ испанскому епископу Рецемунду, для котораго онъ пишетъ свою исторію; см. выше, стр. 292) сами то хорошо знаете, произошло великое и ужаснувшее всѣхъ солнечное затмѣніе, въ третьемъ часу дня (т.-е. въ девятомъ часу утра). Въ этотъ день, вашъ король Абдеррахманъ (III, калифъ кордовскій) былъ побѣжденъ Рамиромъ, христіаннѣйшимъ королемъ Галисіи. Въ Италіи же восемь ночей сряду была видна комета удивительной величины, выпускавшая изъ себя съ необыкновенною быстротою огни пучками; она предсказала наступившій вскорѣ за нею голодъ, свирѣпствовавшій ужасно по всей Италіи.

Въ 3 главѣ авторъ говоритъ о новыхъ безплодныхъ попыткахъ Гуго завладѣть Римомъ; срав. Ліутп. IV, 2, 3, выше на стр. 413.

4. Въ это же время (940 г.) славились въ Италіи братья Беренгарій (II) и Анскарій, оба отъ одного отца Адельберта, Иврейскаго маркграфа, но не отъ одной матери. Беренгарія родила, какъ мы сказали, Гизела, дочь короля Беренгарія (I), а Анскарій родился отъ Эрменгарды, дочери Адельберта, маркграфа Тусціи, и его жены Берты, дочери короля Гуго [2]). Изъ нихъ Беренгарій отличался своею дальновидностью и хитростью, а Анскарій былъ отваженъ и рѣшителенъ. Король Гуго смотрѣлъ на послѣдняго подозрительно, и боялся, чтобы онъ не умертвилъ его и не овладѣлъ королевствомъ. Желая жить съ нимъ болѣе въ мирѣ, Гуго далъ ему, по смерти Тетбальда, мархію Камеринъ и Сполетто. Но Анскарій, какъ человѣкъ безпокойный, и послѣ того продолжалъ замышлять зло противъ короля. И королю не было то безъизвѣстно.

Въ послѣдующихъ главахъ, отъ 5 до 8, авторъ описываетъ походъ полководца Гуго, Сарліона, противъ Анскарія, и ихъ войну, окончившуюся смертью послѣдняго; мархія же его была отдана побѣдителю вмѣстѣ съ рукою умершаго Тетбальда.

---

[1]) См. выше четыре предшествующія книги того же автора въ ст. 23 и 27 на стр. 292 и 379. Заглавіе сочиненія объяснено на стр. 292, примѣч. 1.

[2]). См. въ концѣ тома Родосл. табл. № 2. Берта по ошибкѣ автора или переписчиковъ, названа *дочерью* короля Гуго, вм. Лотаря II; ср. выше, II. 56, на стр. 396.

9. Пока все это происходило (941 г.), горная часть Италіи, на сѣверо-западѣ, была снова жестоко опустошена сарацинами, живущими въ Фраксинетѣ (см. Ліутп. кн. I, 1 и слѣд., выше на стр. 293). Вслѣдствіе того Гуго возъимѣлъ намѣреніе отправить пословъ въ Константинополь, прося у императора Романа прислать ему кораблей, которые греки, на своемъ языкѣ, называютъ *хеландіями*, и греческаго огня. Цѣль его состояла въ томъ, чтобы, пока онъ будетъ стараться разрушить Фраксинетъ съ сухого пути, греки обложили это укрѣпленіе съ моря, сожгли ихъ корабли и тщательно наблюдали за тѣмъ, чтобы не было подвоза съѣстныхъ припасовъ и новыхъ войскъ со стороны Испаніи.

10. Между тѣмъ Беренгарій, братъ упомянутаго Анскарія и маркграфъ Ивреи, тайно началъ замышлять противъ короля. Когда дошло то до Гуго, онъ, скрывъ гнѣвъ и притворившись благосклоннымъ, пригласилъ его къ себѣ, предположивъ ослѣпить. Но сынъ его, король Лотарь, тогда еще юный и не понимавшій хорошо своихъ выгодъ, присутствуя на совѣщаніи, не могъ, какъ ребенокъ, скрыть тайны и, отправивъ вѣстника къ Беренгарію, сообщилъ ему замыслы отца противъ него. Беренгарій, услышавъ о томъ, немедленно оставилъ Италію, и чрезъ Юпитерову-Гору (н. Большой С. Бернаръ) поспѣшилъ въ Швабію къ герцогу Гериманну; женѣ своей Виллѣ онъ приказалъ явиться туда же, но другою дорогой. Я не могу довольно надивиться, какимъ образомъ онъ былъ въ состояніи пройти пѣшкомъ чрезъ Птичью-Гору (Vogelberg, у истоковъ Рейна), по скалистымъ и непроходимымъ тропинкамъ; знаю только одно, что все дѣлается на свѣтѣ противъ меня. Но, увы! какую западню приготовилъ для себя Лотарь! конечно, онъ не могъ знать будущаго. Спася Беренгарія, онъ спасъ человѣка, который отниметъ у него и царство, и жизнь. Потому я не жалуюсь на Лотаря: онъ сдѣлалъ ошибку по юношескому легкомыслію, и горько потомъ раскаялся; но я сѣтую на тѣ жестокія горы, которыя, въ противность своему обычаю, доставили Беренгарію легкій переходъ. Воспою же теперь свою горькую жалобу на нихъ.

Вся 11-я глава посвящается авторомъ на такую элегію въ 14 стихахъ, въ которой онъ упрекаетъ горы за то, что онѣ не погубили Беренгарія и не воспользовались удобнымъ случаемъ, избавить Италію отъ злодѣя.

12. Гериманнъ, герцогъ швабовъ, принялъ благосклонно явившагося къ нему Беренгарія и съ великими почестями отвелъ его къ благочестивому королю Оттону. Мое перо (stilus) не въ состояніи описать, какъ почетно принималъ его король и чѣмъ его одарилъ. Но приведу одно, изъ чего благоразумный читатель легко пойметъ, какъ святъ и великодушенъ былъ король и какую низость души обнаружилъ Беренгарій.

13. Король Гуго, услышавъ о бѣгствѣ Беренгарія, отправилъ (942 г.) пословъ къ королю Оттону, обѣщая платить ему большую сумму золота и серебра, если онъ не приметъ Беренгарія и не окажетъ ему помощи. На такое предложеніе король отвѣчалъ такъ: „Беренгарій обратился къ нашему великодушію не для погубленія

вашего государя, но, если возможно, для примиренія съ нимъ. Если бы я могъ помочь чѣмъ ему у вашего государя, то не только не принялъ бы обѣщанныхъ мнѣ даровъ, но еще самъ послалъ бы ему дары отъ себя [1]); просить же меня о томъ, чтобы я не оказалъ помощи Беренгарію, или кому то ни было, кто обращается къ моему милосердію — это верхъ глупости". Подумай же самъ, о, читатель, какъ полюбилъ Беренгарія король Оттонъ, когда не только не хотѣлъ принять даровъ, предложенныхъ ему, но даже самъ былъ готовъ заплатить за него.

14. Пока все это происходило, императоръ константинопольскій, вмѣстѣ съ послами короля Гуго, препроводилъ къ нему и своихъ пословъ съ обѣщаніемъ прислать ему корабли и все, чего онъ проситъ, но съ условіемъ, если онъ отдастъ свою дочь за его маленькаго внука, носившаго съ нимъ одно и то же имя, сына Константина. Константинъ же былъ сыномъ императора Льва (VI), а не самого Романа (см. выше, на стр. 393). Съ Романомъ вмѣстѣ правили три императора, а именно: двое изъ нихъ, его дѣти, Стефанъ и Константинъ, и сынъ императора Льва, Константинъ, о которомъ шла сейчасъ рѣчь. Король Гуго, выслушавъ предложеніе, немедленно отвѣчалъ Роману чрезъ гонцевъ, что отъ законной жены у него нѣтъ дочерей, но если бы онъ согласился принять одну изъ дочерей его наложницъ, то онъ можетъ отправить ему весьма красивую дѣвушку. А такъ какъ греки при вопросѣ о благородствѣ происхожденія обращали вниманіе на то, кто отецъ, а не мать, то императоръ Романъ изготовилъ немедленно корабли съ греческимъ огнемъ, отправилъ великіе подарки и просилъ руки побочной дочери Гуго для своего внука. По этому поводу былъ отправленъ посломъ отъ короля Гуго мой отчимъ, умнѣйшій человѣкъ и украшенный всѣми достоинствами, потому, мнѣ кажется, не излишнимъ при этомъ случаѣ привести то, что, какъ я слышалъ, онъ часто разсказывалъ о мудрости и великодушіи императора и о его побѣдахъ надъ *руссами.*

15. Въ сѣверныхъ странахъ живетъ одинъ народъ, котораго греки называютъ, по его внѣшнему виду (a qualitate corporis, по качеству тѣла), Ρούσιος, Рузіосъ (т.-е. руссы), а мы, по мѣсту ихъ жительства, называемъ Nordmanni (норманны). На тевтонскомъ языкѣ *nord—сѣверъ*, а *man — человѣкъ;* потому мы и называемъ ихъ норманнами, то-есть сѣверными людьми. Королемъ этого народа былъ въ то время *Ингеръ* (такъ называетъ авторъ въ латинской формѣ нашего великаго князя кіевскаго *Игоря*, сына Рюрика); собравъ тысячу, и даже больше, кораблей, онъ пошелъ на Константинополь (941 г.). Это извѣстіе встревожило императора Романа, такъ какъ его морскія силы были отправлены противъ сарацинъ и для охраненія острововъ. Не мало

[1]) Ср. ниже гл. 18, у того же автора, гдѣ онъ противорѣчитъ себѣ, не приводя никакихъ объясненій и какъ бы забывъ свои собственныя слова о великодушіи Оттона. Конечно, Оттонъ могъ сказать такъ, а поступить иначе; но авторъ, увлеченный своимъ отступленіемъ о Византіи, упустилъ изъ виду необходимость объяснить, какимъ же образомъ Оттонъ получилъ деньги отъ Гуго, когда онъ такъ торжественно отказался отъ нихъ.

озабоченный всѣмъ этимъ, онъ проводилъ безсонныя ночи, а Ингеръ опустошалъ страны, сосѣднія морю; въ это время Роману донесли, что у него есть въ распоряженіи 15 хеландій (кораблей) полусгнившихъ, единственныхъ, которыя были оставлены дома за негодностью. Услышавъ объ этомъ, Романъ приказалъ позвать къ себѣ τοὺς χαλαφάτας, *тусъ калафатасъ*, то-есть, кораблестроителей, и сказалъ имъ: „Изготовьте поспѣшно, безъ отлагательства, тѣ хеландіи, которыя остались дома. А снарядъ (argumentum), которымъ бросаютъ огонь, расположите не только на корабельномъ носу, но и на кормѣ, и сверхъ того съ обоихъ боковъ“. Вооруживъ, такимъ образомъ, хеландіи, какъ было то имъ самимъ приказано, онъ садитъ на нихъ искуснѣйшихъ людей и повелѣваетъ имъ идти на встрѣчу Ингеру. Они отплыли; когда же Ингеръ завидѣлъ ихъ (11 іюня) въ открытомъ морѣ, онъ приказалъ своимъ людямъ не убивать, а взять ихъ живьемъ. Но Богъ, всеблагій и милосердый, желая не только оказать защиту тому народу, который его почиталъ, молился ему и взывалъ къ нему о помощи, но и даровать ему побѣду, утишилъ вѣтры и сгладилъ поверхность моря: ибо иначе грекамъ было бы неудобно метать огонь. Ставъ посреди флота, они начинаютъ бросать огонь во всѣ стороны; руссы (Rusi), увидѣвъ то, немедленно кидаются въ море и предпочитаютъ лучше утонуть въ волнахъ, чѣмъ сгорѣть въ огнѣ. Одни изъ нихъ, отягощенные панцырями и шлемами, тутъ же ушли на дно, и ихъ болѣе не видѣли; другіе поплыли, но горѣли и на водѣ, такъ что въ тотъ день не ушелъ ни одинъ человѣкъ, кромѣ спасшихся бѣгствомъ къ берегу; корабли руссовъ, при маломъ своемъ размѣрѣ, могли плавать по мелкому мѣсту, чего не могли греческія хеландіи, ходившія глубоко. Немного спустя послѣ того, Ингеръ съ великою потерею возвратился домой. Греки же, одержавъ побѣду и приведя съ собою множество плѣнныхъ, возвратились съ торжествомъ въ Константинополь. Романъ приказалъ обезглавить всѣхъ плѣнныхъ, что и было исполнено въ присутствіи посла короля Гуго, то-есть моего отчима.

16. Между тѣмъ, король Гуго собралъ свое войско (942 г.), отправивъ флотъ по Тирренскому морю (т.-е. Тосканскому) въ Фраксинетъ, а самъ пошелъ туда же сухимъ путемъ. Греки, прибывъ на мѣсто, немедленно сожгли метательнымъ огнемъ корабли сарацинъ; а король, напавъ на Фраксинетъ, принудилъ сарацинъ бѣжать на гору Мавръ; обложивъ ихъ, онъ могъ бы ихъ взять, если бы ему въ томъ не помѣшало одно обстоятельство, которое я намѣренъ изложить.

17. Король Гуго весьма боялся Беренгарія, чтобы онъ, собравъ во Франціи (т.-е. Франконіи) и Швабіи войско, не напалъ на него и не лишилъ его государства. Въ этомъ несчастномъ убѣжденіи, онъ отпустилъ тотчасъ грековъ домой, а самъ заключилъ миръ съ сарацинами на условіи, чтобы они расположились въ горахъ, отдѣляющихъ Швабію отъ Италіи, и если Беренгарій вздумаетъ тамъ провести войско, то всѣми мѣрами преграждали бы ему путь. Сколько же христіанской крови пролили сарацины, утвердившись въ томъ мѣстѣ и избивая странниковъ, шедшихъ на поклоненіе блаженнымъ

апостоламъ Петру и Павлу, знаетъ о томъ только тотъ, кто внесъ ихъ имена въ книгу живота. Какъ беззаконно ты, Гуго, хотѣлъ защищать свое государство! Иродъ избилъ множество невинныхъ младенцевъ, чтобы не лишиться земного царства; ты же, съ тою же цѣлью, выпустилъ на свободу людей опасныхъ и достойныхъ смерти; пусть бы злодѣи сохранили свою жизнь, оставаясь у себя, лишь бы послѣ, свирѣпствуя, они не лишали жизни другихъ. Я думаю, или лучше сказать, я увѣренъ, что ты никогда не читалъ и даже не слыхалъ, какимъ гнѣвомъ Господь поразилъ короля израильскаго Ахава за то, что онъ выпустилъ бенъ-Гадада, короля Сиріи, и заключилъ съ нимъ союзъ, между тѣмъ какъ онъ былъ достоинъ смерти. Одинъ изъ пророческихъ сыновъ сказалъ тогда Ахаву: „Такъ говорилъ Господь: если ты отпустилъ мужа достойнаго смерти, то пойдетъ твоя душа за его душу, и твой народъ за его народъ“ (I, Цар. 20, 42). Такъ это и случилось. Но наше перо (stilus) въ своемъ мѣстѣ изобразитъ тебѣ, какой вредъ ты причинилъ себѣ своимъ поступкомъ.

18. Когда Беренгарій бѣжалъ изъ Италіи, онъ взялъ съ собою вассала, по имени Амедея, мужа весьма знатнаго происхожденія, и, какъ оказалось, не уступавшаго самому Улиссу своею хитростью и отвагою. Когда могущественный король Оттонъ, какъ задержанный нѣкоторыми обстоятельствами, такъ и расположенный въ пользу Гуго огромными дарами, получаемыми отъ него ежегодно, не могъ снабдить войскомъ Беренгарія, тогда вышеупомянутый Амедей сказалъ Беренгарію: „Тебѣ не безъизвѣстно, мой государь, до какой степени король Гуго ненавидимъ всѣми итальянцами за свое суровое управленіе и особенно за раздачу должностей сыновьямъ своихъ наложницъ и бургундцамъ, между тѣмъ какъ почти нѣтъ ни одного итальянца, котораго онъ или не изгналъ бы, или не лишилъ бы мѣста. Если они до сихъ поръ ничего не предпринимаютъ противъ него, то единственно потому, что никого не имѣютъ для избранія своимъ королемъ. И такъ, если бы кто-нибудь изъ насъ, переодѣвшись, чтобы не быть узнаннымъ, отправился туда для изслѣдованія настроенія умовъ, то, безъ сомнѣнія, онъ могъ бы намъ дать хорошій совѣтъ“. — „Но это, возразилъ ему Беренгарій, не можетъ никто исполнить ловче и лучше тебя самого“. Такимъ образомъ, Амедей, переодѣвшись, отправился въ Италію вмѣстѣ съ бѣдными странниками, шедшими на поклоненіе въ Римъ, и выдалъ себя за идущаго туда же; въ Италіи онъ навѣстилъ различныхъ владѣтелей и изслѣдовалъ все, что было у каждаго на сердцѣ. Но онъ не являлся ко всѣмъ въ одной и той же одеждѣ: къ одному онъ приходилъ одѣтый въ черное, къ другому—въ красное, къ третьему—въ пестрое. Молва о томъ, что онъ въ Италіи, достигла и до слуха короля. Гуго приказалъ отыскать его всѣми мѣрами; но Амедей, вымазавъ свою длинную и прекрасную бороду смолой, окрасивъ въ черный цвѣтъ свои золотистые волоса, обезобразивъ лицо и сгорбившись, осмѣлился въ толпѣ нищихъ, которыхъ Гуго самъ кормилъ, стать нагимъ предъ королемъ, и не только получилъ отъ него одежду, но и выслушалъ все, что король говорилъ о Беренгаріѣ и о немъ самомъ. Послѣ того, разузнавъ все точнѣйшимъ образомъ, онъ возвратился вмѣстѣ съ

странниками, но не тою же дорогой, которой пришелъ, ибо король приказалъ стражѣ, охранявшей проходы, не пропускать никого, не изслѣдовавъ тщательно, кто именно проходитъ. Амедей же, узнавъ о томъ, направилъ путь по непроходимымъ и суровымъ мѣстностямъ, гдѣ не было никакой стражи, и явился къ Беренгарію съ вѣстями, которыхъ тотъ ожидалъ (943 г.).

19. Въ это время король Гуго, заплативъ венграмъ 10 мѣръ монетъ, заключилъ съ ними миръ и удалилъ ихъ изъ Италіи, взявъ предварительно заложниковъ и вмѣстѣ направивъ ихъ на Испанію, для чего и данъ былъ имъ проводникъ. Если же они не дошли до Испаніи и того города, въ которомъ живетъ вашъ (т.-е. епископа Рецемунда; см. выше стр. 293) король, т.-е. до Кордовы, то причиною того было то обстоятельство, что имъ пришлось три дня идти по безводной и обширной странѣ; опасаясь погубить лошадей и самихъ себя, они избили даннаго имъ отъ Гуго проводника, и воротились поспѣшнѣе, нежели отправились въ путь.

Въ послѣдующихъ главахъ, отъ 20 до 25, авторъ говоритъ объ отъѣздѣ Берты (у грек. Евдоксія), побочной дочери Гуго, въ Константинополь, для брака съ Романомъ, сыномъ Константина Порфироднаго (см. выше гл. 14), соправителя императора Романа и двухъ его сыновей, Стефана и Константина; по поводу этого брака, авторъ подробно излагаетъ происшедшую въ то время дворцовую революцію въ Константинополѣ: Стефанъ и Константинъ свергаютъ (945 г.) съ престола своего отца Романа и заключаютъ его въ монастырь; но Константинъ Порфиродный мститъ за своего тестя и удаляетъ въ монастырь мятежныхъ сыновей, утвердившись самъ на престолѣ. Послѣ такого отступленія, авторъ снова возвращается къ своей темѣ, т.-е. борьбѣ Гуго съ Беренгаріемъ.

26. Между тѣмъ Беренгарій, съ нетерпѣніемъ ожидаемый въ Италіи, отправился (946 г.) съ немногими спутниками, набранными въ Швабіи, чрезъ Винстгау (Venusta-Vallis) въ Италію, и расположился лагеремъ близъ укрѣпленія Формикаріи (Formigara), которое было вручено для обороны клерику Аделарду тѣмъ самымъ Манazесомъ, который, какъ мы сказали выше (см. Ліутпр. кн. IV, гл. 6, выше на стр. 413), бывъ сначала архіепископомъ Арелатскимъ, сдѣлался въ то время грабителемъ церкви Тридентской, Веронской и Мантуанской. Когда Беренгарій убѣдился, что нѣтъ возможности овладѣть укрѣпленіемъ ни при помощи осадныхъ орудій, ни штурмомъ (belli impetu), онъ, зная честолюбіе и χαινοδοξίαν, то-есть, тщеславіе Маназеса, пригласилъ къ себѣ Аделарда и сказалъ ему: „Если ты мнѣ сдашь это укрѣпленіе и склонишь на мою сторону своего господина Маназеса, то я, по овладѣніи королевствомъ, сдѣлаю его миланскимъ архіепископомъ, а тебѣ дамъ епископство Комо. А чтобы ты повѣрилъ тому, что я обѣщаю на словахъ, я подтверждаю ихъ клятвою“. Маназесъ, узнавъ о томъ отъ Аделарда, не только приказалъ сдать укрѣпленіе, но пригласилъ всѣхъ итальянцевъ (Italos) спѣшить на помощь къ Беренгарію.

27. Молва о появленіи Беренгарія распространилась съ быстротою между всѣми. Нѣкоторые, оставивъ Гуго, начали уже перехо-

дить на его сторону. Между такими первымъ былъ Милонъ, могущественный графъ Вероны (см. о немъ у Ліутп. кн. III, гл. 50 и слѣд., выше, на стр. 412). Гуго держалъ его въ подозрѣніи и приставилъ къ нему тайно людей для наблюденія за нимъ; не подавъ виду, что ему извѣстно, какъ за нимъ смотрятъ, Милонъ устроилъ веселый пиръ, который продолжался до полуночи; когда же всѣ, утомленные сномъ и возліяніями Бахусу, улеглись, онъ, въ сопровожденіи одного оруженосца, быстро отправился въ Верону и, пригласивъ къ себѣ Беренгарія чрезъ гонцовъ, принялъ его въ Веронѣ, гдѣ онъ могъ оказать еще болѣе сильное сопротивленіе королю Гуго. Безъ сомнѣнія, такой поступокъ Милона былъ слѣдствіемъ не его вѣроломства, но тѣхъ притѣсненій, которыя ему дѣлалъ Гуго и которыхъ онъ не могъ выносить долѣе. Его примѣру послѣдовалъ Видо, епископъ церкви въ Мутинѣ (Модена), который, хотя и не испыталъ отъ Гуго никакой несправедливости, но соблазнился надеждою овладѣть богатымъ аббатствомъ Нонантулою (въ двухъ миляхъ отъ Модены), которое дѣйствительно и получилъ. Онъ не только лично оставилъ короля Гуго, но увлекъ за собою и множество другихъ. Гуго, услышавъ о томъ, собралъ войско и подступилъ немедленно къ укрѣпленію Винеолѣ (близъ Модены), которое принадлежало Видо, и овладѣлъ ею мужественно, но безъ пользы для себя; въ какой степени справедливо замѣченное мною, докажетъ слѣдующее: пока Гуго стоялъ тамъ, Беренгарій, приглашенный Ардерикомъ, архіепископомъ Миланскимъ, оставилъ Верону и поспѣшно отправился въ Миланъ. Услышавъ о послѣднемъ, король Гуго, опечаленный, воротился въ Павію. Между тѣмъ, всѣ владѣтели Италіи начали, несчастнымъ образомъ, оставлять Гуго и приставать къ *бѣдному* Беренгарію. Я называю его бѣднымъ не въ томъ смыслѣ, чтобы онъ ничего не имѣлъ, но потому, что онъ никогда ничѣмъ не будетъ доволенъ. Въ самомъ дѣлѣ, люди дурные и корыстолюбивые, которыхъ богатство не вѣрно и подвержено случайностямъ, которые всегда желаютъ имѣть еще больше и никогда не довольны тѣмъ, что уже имѣютъ, не могутъ считаться ни зажиточными, ни богатыми людьми: это такіе же бѣдняки и нищіе. Богаты только тѣ, и имущество прибыточно и надежно только у тѣхъ, которые, довольствуясь своею собственностью, считаютъ достаточнымъ то, что имѣютъ. Не быть жаднымъ до пріобрѣтеній, это — капиталъ (pecunia); не желать имѣть всего, что видимъ глазами, это — доходъ (vectigal). Скажемъ же правду: кто̀ богаче, тотъ-ли, кому всегда чего-нибудь еще недостаетъ, или тотъ, у кого больше, чѣмъ нужно? кто постоянно нуждается, или кто видитъ себя въ изобиліи? Тотъ-ли, кто, чѣмъ больше имѣетъ, тѣмъ больше стремится пріобрѣсть, или кто живетъ по своимъ средствамъ? Быть довольнымъ своими средствами, это—величайшее и вѣрнѣйшее богатство. Впрочемъ, достаточно и того, что я сказалъ объ этомъ предметѣ. Пусть мое перо возвратится снова къ тому Беренгарію, появленіе котораго предвѣщало собою золотой вѣкъ, а время, возвысившее его, подавало надежду на счастье.

28. Пока Беренгарій оставался, такимъ образомъ, въ Миланѣ и раздавалъ государственныя должности въ Италіи своимъ привержен-

цамъ, король Гуго отправилъ туда своего сына Лотаря, не къ Беренгарію собственно, но ко всему народу съ просьбою, такъ какъ они отвергаютъ его и не любятъ, принять, по крайней мѣрѣ, ради имени божьяго, его сына, который противъ нихъ ни въ чемъ не преступилъ и котораго они могутъ наставить сообразно своимъ желаніямъ. По удаленіи Лотаря въ Миланъ, король Гуго, выйдя изъ Павіи со всѣми сокровищами, оставилъ Италію и вознамѣрился уйти въ Бургундію. Но его задержало слѣдующее обстоятельство: а именно, когда Лотарь, въ церкви св. исповѣдника Амвросія и св. мучениковъ Гервасія и Протасія, въ Миланѣ, распростерся предъ распятіемъ, народъ поднялъ его и поставилъ своимъ королемъ, а за Гуго послали гонца съ обѣщаніемъ возвратить ему престолъ. Впрочемъ, въ этомъ опредѣленіи, или лучше сказать, обманѣ, участвовали не всѣ, а только одинъ Беренгарій; въ своемъ коварствѣ, онъ помышлялъ вовсе не о томъ, чтобы Гуго и Лотарь получили на самомъ дѣлѣ власть, но чтобы, какъ то оказалось впослѣдствіи, не выпустить изъ рукъ Гуго, который, при помощи своихъ несмѣтныхъ богатствъ, могъ бы возстановить противъ него бургундовъ и другіе народы.

29. Въ это время былъ епископомъ въ Бриксіи (н. Brescia), и весьма уважаемымъ, нѣкто Іосифъ, юный лѣтами, но старецъ, по зрѣлости своихъ добродѣтелей. Беренгарій, какъ человѣкъ богобоязненный — yronicos, т.-е. иронически — лишилъ его епископства за добрые его нравы, а на мѣсто его поставилъ Антонія, здравствующаго еще и теперь, безъ всякаго синода и совѣщанія съ епископами. И въ Комо, Беренгарій поставилъ епископомъ не того Аделарда, которому обѣщалъ клятвенно, но нѣкоего Вальдо, изъ угожденія архіепископу Миланскому. Какъ онъ вообще дѣйствовалъ, о томъ свидѣтельствуютъ намъ краснорѣчиво его ограбленные подданные, вырубленные виноградники, ободранная кора деревьевъ, множество ослѣпленныхъ людей, безпрерывно возникающіе раздоры. Впрочемъ, Аделарда онъ поставилъ епископомъ въ Реггіо.

30. Но Бозо, побочнаго сына короля Гуго и епископа Плаценціи, также и Ліутфрида, епископа Павіи, Беренгарій опредѣлилъ выгнать; оба они, однако, ему хорошо заплатили, и онъ объявилъ, что, изъ любви къ Богу, оставляетъ ихъ на мѣстахъ. Какъ была велика въ то время радость итальянцевъ! Всѣ кричали: новый Давидъ пришелъ! Въ своемъ ослѣпленіи, эти люди ставили Беренгарія выше великаго Карла. Хотя Гуго и Лотарь были признаны снова королями, но Беренгарій былъ только по имени маркграфъ, а на дѣлѣ же управлялъ, какъ король; тѣ же только носили титулъ королей, а въ дѣйствительности были не болѣе, какъ графами. Что къ этому еще прибавит ? Мои родители, обманутые такою славою Беренгарія, его любезностью и щедростью, отдали меня къ нему на службу. Богатыми дарами, которые они ему приносили, достигли они того, что Беренгарій довѣрялъ мнѣ свои тайны и черезъ меня велъ свою переписку. Я служилъ ему долгое время вѣрно, но какъ онъ меня вознаградилъ, о Боже, я разскажу то въ своемъ мѣстѣ. Его вознагражденіе привело бы меня въ отчаяніе, если бы онъ не подвергъ и многихъ другихъ равной со мной участи. О немъ хорошо сказано въ св. писаніи:

„Перья строфокамила похожи на перья ястреба и цапли; когда наступить часъ, онъ подниметъ крылья и осмѣетъ коня и всадника" (Іовъ, 39). Дѣйствительно, при Гуго и Лотарѣ, этотъ огромный и прожорливый строфокамилъ, не будучи добрымъ, казался, по крайней мѣрѣ, такимъ. Но послѣ ихъ смерти, какъ онъ поднялъ свои крылья, какъ онъ осмѣялъ всѣхъ насъ, все это я желалъ бы разсказать не словами, а воплемъ и воздыханіями. Но покончимъ съ этимъ, и вернемся къ нити разсказа.

31. Король Гуго, не имѣя возможности ни отклонить отъ себя гнѣва господня, ни одержать верха надъ противникомъ, оставилъ Лотаря, поручилъ его вѣрности Беренгарія, заключивъ съ нимъ мнимый миръ, а самъ со всѣми сокровищами поспѣшилъ въ Провансъ. Услышавъ о прибытіи туда короля, Раймундъ, герцогъ Аквитаніи, явился къ нему и, отдавъ себя въ вассалы (se in militem dedit) за тысячу *минъ* (монета), присягнулъ ему въ вѣрности (fidem servaturum affirmavit). Сверхъ того этотъ же герцогъ обѣщалъ, собравъ войско, напасть на Италію и покорить Беренгарія. Но какъ разсмѣшило это извѣстіе всѣхъ насъ (т.-е. окружавшихъ Беренгарія и въ томъ числѣ нашего автора), всякій пойметъ, если вспомнитъ извѣстную трусость аквитанскаго народа; впрочемъ, если бы Раймундъ и оказалъ Гуго помощь, то это осталось бы безъ результатовъ, потому что, вскорѣ (апр. 947), по призыву божьему, Гуго послѣдовалъ по пути общему всякой плоти, (т.-е. умеръ), оставивъ свои сокровища племянницѣ Бертѣ, *вдовѣ* [1]) графа Арелатскаго Бозо. Спустя же немного времени, этотъ же самый Раймундъ, грознѣйшій герцогъ грознѣйшаго въ мірѣ народа, женился на Бертѣ; судя по словамъ людей, имѣющихъ толкъ въ женской красотѣ, онъ не былъ достоинъ не только брачнаго ложа, но даже поцѣлуя своей жены.

Въ 32 гл. авторъ внезапно переходитъ къ одному событію изъ частной жизни жены Беренгарія, Виллы, и, съ цѣлью болѣе очернить ея память, разсказываетъ съ циническими подробностями ея предосудительныя отношенія съ своимъ капелланомъ.

33. Въ это же время (947 г.), напалъ на Италію Таксисъ, король венгровъ, приведя съ собою огромное войско. Беренгарій заплатилъ ему 10 мѣръ монетъ, но не изъ своей казны, а изъ сборовъ въ пользу бѣдныхъ. Притомъ же онъ откупился такимъ образомъ, заботясь не о спасеніи своего народа, а чтобы воспользоваться даже и этимъ случаемъ для увеличенія своихъ богатствъ. Вотъ, что онъ сдѣлалъ. Всѣ лица обоего пола, какъ взрослыя, такъ и младенцы, должны были внести по одной монетѣ; Беренгарій же, примѣшавъ мѣди къ серебру, вычеканилъ снова на 10 мѣръ; остальную же часть и весь церковный сборъ удержалъ въ свою пользу.

Кончается Пятая книга: благодареніе Господу! и начинается книга Шестая.

---

[1]) См. Род. табл. № 2: Берта была дочь, а не вдова Бозо, брата Гуго.

1. Описаніе времени, которое наступаетъ теперь (т.-е. послѣ 950 г., когда авторъ, разсорившись съ Беренгаріемъ, долженъ былъ бѣжать изъ Италіи и спасаться при дворѣ Оттона В. (гдѣ онъ и писалъ свое „Воздаяніе“), потребовало бы отъ меня способностей болѣе трагика, чѣмъ историка, если бы „Господь не уготовилъ мнѣ стола противъ тѣхъ, кто преслѣдовалъ меня“ (Псал. 23, 5). Я не могу высказать, сколько непріятностей я перенесъ съ тѣхъ поръ, какъ долженъ былъ оставить свою родину (т.-е. Ломбардію); и человѣкъ физическій (exterior) могъ бы скорѣе оплакивать свою судьбу, нежели описывать. Человѣкъ же духовный (interior), имѣющій опору въ апостольскихъ предписаніяхъ, гордится своимъ злосчастіемъ, зная, что злосчастіе научаетъ терпѣнію, терпѣніе опыту, опытъ надеждѣ; надежда же не стыдитъ насъ, потому что милосердіе Бога вселено въ наши сердца Духомъ святымъ, который ниспосланъ намъ, И да повинуется человѣкъ физическій человѣку духовному, да не скорбитъ онъ о своемъ злосчастіи, и даже пусть утѣшается имъ. Описывая, какъ колесо фортуны однихъ поднимаетъ, другихъ опускаетъ, онъ самъ менѣе чувствуетъ преходящее горе, радуясь измѣнчивости судьбы, не боится уже худшаго—худшее же невозможно, развѣ смерть или отсѣченіе членовъ тѣла—и сохраняетъ надежду на возвратъ счастія. Если судьба, въ самомъ дѣлѣ, непостоянна, то при моемъ бѣдственномъ положеніи, она можетъ только принести мнѣ счастіе и отстранить отъ меня мое горе. И такъ, возьмусь попрежнему за свою исторію, и, въ духѣ истины, продолжу начатый разсказъ.

2. По смерти короля Гуго въ Провансѣ (947 г.), имя Беренгарія сдѣлалось славнымъ между многими народами, и, въ особенности, у грековъ. Дѣйствительно, Лотарь (II, сынъ Гуго) былъ королемъ только по имени, на дѣлѣ (virtute), Беренгарій распоряжался итальянскими дѣлами. Потому Константинъ, по сверженіи Романа и его дѣтей, правившій Византійскою имперію, услышавъ, что власть Беренгарія выше власти Лотаря, отправилъ къ Беренгарію съ письмомъ нѣкоего Андрея, бывшаго въ должности χόμης τῆς χόρτης, *комисъ тисъ кортисъ*, т.-е. дворцоваго графа (у запад. римл. praefectus praetorio); въ письмѣ императоръ говорилъ, что онъ желалъ бы видѣть у себя посланника отъ Беренгарія, который, по возвращеніи, могъ бы ему засвидѣльствовать, какою любовью пользуется онъ у императора. Въ тоже время Константинъ препроводилъ къ Беренгарію убѣдительное письмо относительно Лотаря, въ которомъ онъ просилъ его оставаться вѣрнымъ, такъ какъ божіимъ соизволеніемъ онъ назначенъ быть его опекуномъ (gubernator). Константинъ не мало заботился о судьбѣ Лотаря, потому что былъ весьма привязанъ къ своей невѣсткѣ, сестрѣ Лотаря (см. выше, на стр. 452).

3. Тогда Беренгарій началъ, съ свойственнымъ ему коварствомъ, раздумывать, кого бы ему послать въ Византію, такъ, чтобы ему ничего не стоили расходы на такое отдаленное путешествіе, и обратился потому къ моему отчиму, подъ покровомъ котораго я тогда жилъ, говоря слѣдующимъ образомъ: „Сколько бы я далъ за то, чтобъ твой пасынокъ (т.-е. нашъ авторъ) зналъ по-гречески“! — „Я согласился бы, отвѣчалъ мой отчимъ, отдать за это половину

моего могущества"! Но Беренгарій прервалъ его: „О, для того не нужно и сотой части: императоръ Константинопольскій проситъ меня съ письмомъ отправить къ нему посланника. И я не могу найти для того никого другого, кто былъ бы лучше твоего пасынка, какъ по твердости его характера, такъ и по дару краснорѣчія. Мнѣ нечего и говорить тебѣ, что онъ легко научится тамъ греческому языку: ты самъ знаешь, съ какою легкостью онъ успѣлъ изучить латинскій языкъ еще въ отроческія лѣта". Побуждаемый такою надеждою, мой отчимъ взялъ на себя всѣ расходы путешествія и снабдилъ меня въ Константинополь великими подарками (949 г.)

4. Перваго августа (949 г.) я оставилъ Павію, и, спустясь внизъ по рѣкѣ Эридану (н. По), на третій день прибылъ въ Венецію. Тамъ я встрѣтилъ греческаго посла Соломона, κιτονιταν, *китонитанъ* (придворная должность, соотвѣтствующая званію каммергера), евнуха, ходившаго съ порученіями въ Испанію и Саксонію, и тогда возвращавшагося домой. Его сопровождалъ съ великими дарами посланный моего государя, въ то время еще короля, а теперь императора, Оттона, Ліутфридъ, богатѣйшій изъ жителей Майнца. Мы выѣхали изъ Венеціи 25 августа (octavo Kalendas Septembres), и прибыли въ Константинополь 17 сентября (15 Kalendas Octoubres). Думаю, я не наскучу никому, если разскажу, какой намъ былъ сдѣланъ торжественный и неслыханный пріемъ въ Константинополѣ.

Послѣднія главы шестой книги, отъ 5 до 10, авторъ дѣлаетъ большое отступленіе, по поводу описанія какъ пріема пословъ Беренгарія, такъ и всего видѣннаго имъ при византійскомъ дворѣ; но къ главному своему предмету, о которомъ упоминается въ первой главѣ этой книги, т.-е. о ссорѣ автора съ Беренгаріемъ и о бѣгствѣ его къ Оттону В., авторъ никогда не возвращался и такимъ образомъ, его трудъ остался неоконченнымъ.

Епископъ Ліутпрандъ.
Antapodoseos, V, 2, 4, 9—10, 12—19, 26—31, 33; VI, 1—4.

О Ліутпрандѣ и его сочиненіяхъ см. ниже, примѣчаніе къ статьѣ 31.

30.—Изъ поэмы объ Оттонѣ Великомъ. 949—952.

(Въ 967 г.).

Вскорѣ послѣ того, какъ Оттонъ (I) отпраздновалъ свадьбу (949 г. старшаго сына Лудольфа съ Идою Швабской, съ жизнью земною разстался, послѣ тяжкой болѣзни, итальянскій король Лотарь (II) [1]), оставивъ свое государство, какъ вполнѣ заслуженное наслѣдіе, ве-

---

[1]) См. ниже, въ концѣ тома, Родосл. табл. № 2. Онъ умеръ 950 года.

ликой королевѣ, дочери могущественнаго короля Рудольфа (II, Бургундскаго), происходившаго изъ знаменитаго рода могучихъ королей, съ которою онъ по любви вступилъ въ бракъ [1]).

Благородное имя своихъ предковъ далъ Рудольфъ своей дочери, почему она справедливо была названа *Аделаидой* (Athelaida, отъ слова athel или adel, благородный). Въ своей царственной красѣ и въ полномъ сознаніи собственнаго достоинства, она доказала на дѣлѣ свои права на санъ королевскій, отличаясь могучимъ умомъ; по заслугамъ могла-бы она править осиротѣвшимъ престоломъ, если бы злые люди не устроили ей горькихъ интригъ.

Дѣйствительно, послѣ того какъ умеръ Лотарь, о чемъ упомянуто выше, въ народѣ нашлась часть, рѣшившаяся на открытое возмущеніе, и, въ противность интересамъ королевскаго дома, по своей извращенности нравовъ, снова предавшая во власть Беренгарія (II) Италію, отнятую силой по смерти его дѣда [2]), и доставшуюся въ руки короля Гуго (отца Лотаря II).

Возвышенный теперь въ давножеланный санъ, Беренгарій обнаружилъ всю ненависть, которую, оплакивая утрату дѣдовской власти, онъ накопилъ въ злобномъ сердцѣ. Пропитанный ею, онъ обрушилъ свой, сдержанный дотолѣ, гнѣвъ на невинную голову королевы Аделаиды и приказалъ насильственно схватить ту, которая, имѣвъ власть, никогда не сдѣлала ему никакого зла. И онъ овладѣлъ не только трономъ, но, сверхъ того, вскрывъ сокровищницы, взялъ алчной рукою оттуда все, чтó могъ тамъ найти: золото, драгоцѣнные камни и разнаго рода рѣдкости, наконецъ, царственный обручь, которымъ украшалось королевское чело. Королевѣ же онъ не оставилъ ничего для убранства, не устрашился лишить ее свиты, которою обыкновенно короли себя окружаютъ, удалилъ вѣрнѣйшихъ слугъ, и — печально сказать—отнялъ верховную власть.

Наконецъ, полный злобы, онъ отказалъ ей во всякой свободѣ куда нибудь удалиться и оставаться тамъ, гдѣ захочетъ; и отдалъ ее подъ присмотръ, вмѣстѣ съ единственною служанкой, одному изъ своихъ подчиненныхъ графовъ, который, сообразно низкимъ повелѣніямъ короля, не устыдился свою государыню, безъ вины виноватую, содержать узницей за тюремнымъ запоромъ, и наконецъ, сверхъ того, окружить многочисленной стражей, какъ то дѣлается, когда заключаютъ преступниковъ. Но тотъ, кто нѣкогда спасъ св. Петра изъ темницы Ирода, спасаетъ и ее, когда тому наступило время. Аделаида, озабоченная своимъ горемъ, утратила уже всякую надежду гдѣ-либо вымолвить себѣ вѣрную помощь, какъ къ ней является тайно вѣстникъ, посланный епископомъ Адельгардомъ (Adelhardus), въ которомъ она возбудила состраданіе своею плачевною судьбой. Перенося съ трудомъ тяжкую участь своей дорогой повелительницы, онъ усердно совѣтуетъ ей поспѣшить бѣгствомъ и ук-

---

[1]) См. выше, у Ліутпранда, Antapod. IV, 12, на стр. 415.

[2]) Т.-е. Беренгарія I, маркгр. Иврейскаго. См. Родосл. табл. № 2.

рыться за крѣпкими стѣнами главнаго города своей епархіи [1]), объявляя, что тамъ въ вѣрномъ мѣстѣ обезпечены будутъ защита ея и приличныя средства къ существованію.

Когда ея королевскаго слуха коснулось такого рода предложеніе, она пришла отъ него въ восторгъ и рѣшилась освободиться изъ тѣснаго заточенія. Но королева не находила средствъ, какъ это исполнить, ибо не было ни одной двери, которую бы она могла отворить, и которая въ ночной часъ, когда глубокій сонъ тяготѣетъ надъ стражею, дозволила бы ей уйти изъ темницы. Изъ лицъ, приставленныхъ къ ней для услуженія, она не имѣла подъ тюремными сводами ни одного существа, которое изъявило бы готовность исполнить всякое ея повелѣніе, исключая только служанки, о которой мы прежде сказали, и священника, человѣка самаго непорочнаго образа жизни.

Съ неотступными мольбами она и разсказала ему все то, о чемъ въ тоскѣ и печали передумала сердцемъ, посовѣтовалась съ нимъ, послѣ чего они вмѣстѣ рѣшили, что для ея спасенія остается одно: тайно прорыть глубоко подъ землею проходъ и такимъ образомъ бѣжать изъ суровой темницы. Планъ былъ скоро исполненъ: конечно, во всемъ этомъ должно видѣть помощь Христа милосерднаго; когда подземный проходъ, вырытый съ осторожностью, былъ готовъ, и приблизилась ночь, предвѣстница близкой свободы, сонъ овладѣлъ человѣческимъ тѣломъ, тогда Аделаида съ двумя спутниками, поручивъ себя Богу, тайно отъ стражи бѣжала, и въ теченіе ночи успѣла отъ замка [2]) уйти на столько, на сколько позволили ей ея нѣжныя ноги (20 авг. 951 г.).

Но всякій разъ, когда съ удаленіемъ мрака ночного исчезалъ туманъ и востокъ озарялся солнечнымъ лучемъ, Аделаида, то укрывалась въ пещерѣ, то блуждала по лѣсамъ или, наконецъ, пряталась въ нивахъ за высокими колосьями, пока снова не являлась ночь, покрывая землю густымъ мракомъ; только тогда королева оставляла засаду и пускалась въ радостный путь. Между тѣмъ, стража, не найдя узницы, объявила о томъ графу, которому ввѣренъ былъ присмотръ за нею. Пораженный ужасомъ, онъ бросился, вмѣстѣ со многими спутниками, отъискивать бѣжавшихъ. Когда же всѣ поиски оказались напрасными, и графъ ни у кого не могъ допытаться, куда именно направила свои шаги знаменитая королева, онъ съ уныніемъ принесъ извѣстіе о томъ королю Беренгарію, а этотъ послѣдній, прійдя въ ужасную ярость, разослалъ во всѣ стороны воиновъ, которыхъ онъ кормитъ, повелѣвъ имъ не пропускать ни одного мѣстечка, а въ особенности отыскивать съ большимъ вниманіемъ всѣ отдаленные притоны, гдѣ королева могла бы укрыться. Самъ же онъ, какъ бы отправляясь на бой съ лютымъ врагомъ, пустился въ погоню

---

[1]) Это былъ епископъ Реггіо, укрывшій Аделаиду въ своемъ замкѣ Каноссѣ (близъ п. Модены).

[2]) Аделаида была заключена въ замкѣ Гарда, на озерѣ того-же имени, въ сѣв- Италіи. Ср. этотъ разсказъ съ повѣствованіемъ Одилона въ жизнеописаніи Аделаиды, ниже въ ст. 32.

съ частью храброй дружины. Ему случилось даже пройти вблизи той самой нивы, гдѣ въ извилистой бороздѣ скрывалась королева, прикрытая опахаломъ Цереры. Хотя Беренгарій объѣздилъ все мѣсто гдѣ она залегла, въ величайшемъ страхѣ скрываясь, и раздѣлялъ колосья длиннымъ копьемъ, но, не смотря на все то, онъ не нашелъ ее, благодаря милосердію Бога.

Между тѣмъ, какъ король, пристыженный, усталый, возвращался назадъ, Адельгардъ, почтенный епископъ, съ сердцемъ, исполненнымъ радости, ввелъ государыню въ крѣпкую ограду стѣнъ собственнаго города. Тамъ ожидали ее тѣ-же почести, и даже еще бо̀льшія, какими она, по милосердію Христа, пользовалась на своемъ тронѣ, покинутомъ ею теперь такъ печально.

Когда люди нашей страны (т.-е. нѣмцы), знакомые еще прежде съ милостями королевы, ходили въ Римъ [1]) по цвѣтущимъ полямъ Италіи, Оттонъ, въ то время еще король, а нынѣ Августъ римской имперіи, имѣлъ случай оказывать королевѣ большое вниманіе. Узнавъ же впослѣдствіи, что она потеряла своего дорогого супруга, всѣ думали, что послѣ кончины Кадиты [2]), оплакиваемой со слезами, нельзя было найти никого, кромѣ ее, кто былъ бы болѣе достоинъ королевскаго ложа.

И самъ король, наслаждаясь величіемъ своей славы, долгое время спустя, въ глубинѣ души помышлялъ, что онъ могъ бы вступить въ бракъ съ тамошней королевой, которая тогда испытывала такія оскорбленія со стороны Беренгарія. Онъ думалъ также и о томъ, что этотъ человѣкъ, послѣ изгнанія изъ родной страны, онъ ввелъ снова въ нее, подавъ ему поспѣшную помощь, теперь съ неблагодарностью отплачиваетъ ему за прежнія услуги [3]). Вотъ почему Оттонъ выждалъ приличнаго повода къ тому, чтобы своей могучей власти покорить итальянское королевство.

Едва узналъ волю отца его сынъ Людольфъ, надежда народа и любимецъ Оттона, какъ онъ не изъ собственной выгоды, но помышляя только о пользѣ отцовской, въ глубокой тайнѣ созвалъ около себя немногихъ, и вооруженною рукою вторгнулся въ Италію, требуя, чтобы ея народы склонили главу передъ властью Оттона, и, выигравъ дѣло, назадъ воротился съ вѣнцомъ побѣдителя.

Когда народная молва о томъ дошла до короля Оттона, онъ привѣтствовалъ радостно своего достойнаго любви сына, который, подвергаясь для него опасности, отважился идти въ среду народа, преисполненнаго мятежемъ. Чтобы труды сыновней преданности не остались безплодными [4]), Оттонъ самъ поспѣшилъ покорить этотъ самый народъ; не малочисленно было войско, сопровождавшее его.

---

[1]) Поэтъ намекаетъ на тотъ случай, когда нѣмцы помогали Беренгарію, изгнанному изъ Италіи королемъ Гуго, вернуться назадъ, еще въ 943 г. См. о томъ у Ліутпранда, Antapod. V, 26, выше, на стр. 452.

[2]) У Ліутпранда, *Эдида*; она умерла 946 г.

[3]) См. Ліутпранда, Antapod. V, 13, выше на стр. 448.

[4]) На дѣлѣ, причина похода Оттона, 951 г., заключается въ томъ, что его приглашали въ Италію всѣ недовольные властью Беренгарія.

Сіяя блескомъ королевской славы, спустился онъ въ поля, окруженныя высоко поднимающимися Альпами. Беренгарій, онѣмѣвшій отъ ужаса, узналъ о томъ и не посмѣлъ выступить на встрѣчу королю, но, чтобы избѣгнуть опасности, немедленно укрылся въ отдаленномъ, весьма крѣпкомъ и лежавшемъ въ сторонѣ замкѣ. Преисполненный гордости, нашъ прославленный король шелъ смѣло все прямо чрезъ страну, совершенно ему незнакомую, и овладѣлъ Павіею, столицею итальянскаго королевства (23 сент. 951 г.).

Правда, когда это случилось, къ нему толпою сбѣжались самые знатные люди, чтобы отдать себя покровительству новаго короля. Онъ принялъ ихъ съ обычною ему добротою и обѣщалъ имъ свою благосклонность въ томъ случаѣ, если они будутъ ему служить вѣрно и честно. Послѣ того ему сердце напомнило о прекрасной королевѣ Аделаидѣ; захотѣлось Оттону взглянуть на королевское лицо той, о которой онъ зналъ, какъ была богата она добродѣтелями. Отправивъ къ ней тайное посольство, онъ приказалъ передать ей вѣсть мира и сладкой любви. Также просилъ онъ ее, въ дружеской рѣчи, поспѣшно явиться въ богатый городъ Павію, покинутый ею въ горькой кручинѣ, объявляя при этомъ, что, если то Богу будетъ угодно, тамъ ее ждетъ величайшая почесть, гдѣ прежде она безконечное горе терпѣла. Аделаида приняла такое лестное предложеніе, и, сопровождаемая многочисленными толпами подвластнаго ей народа, отправилась туда, куда ее приглашали. Лишь только объ этомъ услышалъ король, по зову котораго она приближалась, какъ велѣлъ своему любимому брату, Гейнриху [1]) перейти р. По и спѣшить ей на-встрѣчу, чтобы государыня, возводимая на высоту королевскаго престола, имѣла подлѣ себя знатную свиту — отрядъ могущественнаго герцога.

Этотъ послѣдній, ревностно исполняя королевское повелѣніе, тотчасъ же вышелъ изъ воротъ съ отрядомъ войскъ, радостно спѣша къ лагерю высокоуважаемой королевы. Тамъ, отдохнувъ съ своими сподвижниками, Гейнрихъ провожалъ королеву съ величайшими почестями, пока не доставилъ на мѣсто. Съ перваго взгляда она понравилась больше всего самому королю, и, какъ достойнѣйшая, выбрана въ его подруги. Послѣ того Оттонъ, убѣдившись, что новость положенія воспрепятствуетъ ему скоро возвратиться на родину, счелъ за лучшее отправить туда своего любимаго сына, Людольфа, чтобы онъ выслалъ къ нему храбрый саксонскій отрядъ, и чтобы Германія, управляемая такимъ намѣстникомъ, была безопасна. Людольфъ, съ сердцемъ покорнымъ, послушный отцовскому слову, возвратился въ родную страну и взялъ на себя заботу правленія, съ большою осторожностью и обдуманностью устраивая все то, что безпрестанно приходилось создавать на родной сторонѣ. Между тѣмъ, герцогъ Гейнрихъ, уважаемый братъ короля, исполнялъ въ Италіи не только обязанности нѣжнаго брата, но и должность вѣрнаго слуги. И за это весьма справедливо король его полюбилъ. Къ королевѣ былъ герцогъ привязанъ братской любовью, и она была ему предана въ

---

[1]) Герцогъ баварскій.

своемъ благочестіи. Между тѣмъ, король объѣздилъ свое итальянское государство, подчинивъ себѣ сильныхъ въ странѣ и устроивъ все такъ, чтобы Беренгарій снова не могъ завладѣть государствомъ, оставилъ въ Павіи, съ избраннымъ войскомъ, Конрада, герцога (Лотарингскаго) предусмотрительнаго, которому отдалъ руку своей дочери (Ліутгарды).

Самъ же съ прекрасной супругой, не медля, отправился обратно, желая скорѣе вернуться домой. Съ радостными кликами принялъ его народъ, когда онъ возвращался назадъ, вознося къ небу молитвы благодарности къ всевышнему за мирное возвращеніе короля, избранника божія, попрежнему съ любовью взиравшаго на свой народъ. Но едва это радостное событіе съ достойнымъ торжествомъ было отпраздновано, какъ прибылъ къ намъ и герцогъ Конрадъ, привезя съ собою упомянутаго Беренгарія, котораго онъ умѣлъ такъ плѣнить, что онъ добровольно явился изъявить покорность королю Оттону. И король Оттонъ, мудрый во всѣхъ дѣлахъ, принялъ его съ большимъ почетомъ и возвратилъ ему корону, но, безъ сомнѣнія, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ на будущее время ни подъ какимъ предлогомъ не отказывался отъ повиновенія власти столь страшной для многихъ, а ему, какъ вассалу, тѣмъ болѣе подобало быть покорнымъ; съ особенною заботливостью, въ словахъ, полныхъ строгости, объявилъ онъ ему, чтобы впредь онъ съ большею кротостью управлялъ своимъ народомъ, который до сихъ поръ испытывалъ на себѣ всю его жестокость; и Беренгарій, обѣщая буквально исполнить волю Оттона, поспѣшно оставилъ его и съ радостью вернулся домой (952 г.).

Монахиня Росвита.

Panegyricus Ottonis Magni. 919—967
У Pertz, Monum. IV, 317—335.

Монахиня Росвита (Hrotsuite, Hroswitha или Roswitha) жила до 984 г. въ монастырѣ Гандерсгеймѣ (въ Брауншвейгѣ, близъ Гоцлара), древнѣйшемъ религіозномъ учрежденіи въ племени саксовъ. Его основателемъ былъ Людольфъ, первый герцогъ саксовъ, родоначальникъ Оттоновъ, и большая часть его аббатиссъ принадлежали къ дому саксонскихъ королей. Въ половинѣ X стол., аббатиссою была Герберга, дочь Гейнриха Баварскаго, брата Оттона I; при ней монастырь сдѣлался настоящею академіею, гдѣ занимались преимущественно изученіемъ классической литературы, и откуда вышли начатки новѣйшаго театра. Между всѣми учеными монахинями особенно отличалась Росвита, какъ своими познаніями, такъ и поэтическимъ талантомъ. Она сложила нѣсколько поэмъ духовнаго содержанія, изъ которыхъ особенно замѣчательна Vicedominus Theophilus, послужившая прототипомъ Мефистофеля Фауста. Чтеніе комедій Теренція побудило ее противопоставить униженной язычествомъ женщинѣ идеалъ женщины по христіанскимъ понятіямъ, и такимъ образомъ она сдѣлала первый опытъ новой драмы въ формѣ религіозной мистеріи. Въ 965 г., 10-лѣтній Оттонъ просилъ Росвиту описать для него дѣянія его отца Оттона I, что она и окончила въ началѣ 968 г.; но, къ сожалѣнію, въ этомъ „Панегирикѣ Оттона Великаго“ потеряно большое мѣсто отъ 953 до 962 года.

Поднося свое сочиненіе сыну при жизни его отца, и составляя свой трудъ въ монастырѣ, управляемомъ племянницею императора, Росвита излагаетъ исторію своего времени такъ, какъ она понималась при дворѣ и по далекимъ отголоскамъ народнаго воображенія; особенно затруднительно было положеніе поэта въ отношеніи Гейнриха Баварскаго, отца аббатиссы, причинившаго столько бѣдъ своимъ честолюбіемъ. Послѣ того Росвита написала еще одну историческую поэму: Carmen de primordiis et fundatoribus coenobii Gandreshemensis, т.-е. „Поэма о началѣ и основателяхъ монастыря Гандерсгеймскаго"; она доведена до 919 года и служитъ панегирикомъ предкамъ Оттона, но въ тоже время имѣетъ большое историческое значеніе, такъ какъ Росвита писала по древнимъ документамъ, которыми долженъ былъ изобиловать ея монастырь по своимъ отношеніямъ къ членамъ саксонскаго дома.—*Изданія:* Полнѣйшее сдѣлалъ Barack, Die Werke der Hrotswitha. Nürnberg 1858. *Переводы:* Pfund (Berl. 1860,), въ Geschichtschr. d. d. Vorzeit. Lief. 38; франц. Vignon de Rétif de la Bretonne, Poesies latines de Rosvithe. Par. 1854. *Критика:* G. Freytag, De Rosuitha poetria. Vratislav. 1839.—О театрѣ Росвиты см. у Charles Magnin, Théâtre de Rhotsvitha. Par. 1845.

31.—О дѣяніяхъ Оттона Великаго, императора. 960 — 23 іюня 964.

(Въ 964 г.).

1. Когда (960 г) въ Италіи правили и даже свирѣпствовали, а говоря еще точнѣе, тиранствовали Беренгарій (II) и Адельбертъ (сынъ предъидущаго), [1]), Іоаннъ (XII) [2]), верховный владыко и вселенскій папа, церковь котораго испытала также насилія со стороны упомянутыхъ Беренгарія и Адельберта, отправилъ послами св. римской церкви Іоанна, бывшаго кардиналомъ-дьякономъ, и секретаря Азо къ свѣтлѣйшему и благочестивѣйшему, въ то время еще королю, а нынѣ августѣйшему императору, Оттону. Іоаннъ просилъ его убѣдительно письмомъ, въ которомъ излагались доказательства испытаннаго имъ насилія, спасти отъ ихъ свирѣпства и его самого, и ввѣренную ему св. римскую церковь, и возстановить прежнюю ея безопасность и независимость, ради любви къ Богу и къ святымъ апостоламъ Петру и Павлу, которыхъ онъ призываетъ для прощенія своихъ грѣховъ. Въ одно время съ жалобою римскихъ пословъ, къ Оттону, тогда еще королю, а нынѣ августѣйшему императору, обратился и достопочтенный Вальдпертъ, архіепископъ св. Миланской церкви, едва спасшійся полуживымъ отъ кровожадности Беренгарія и Адельберта, говоря, что онъ не можетъ долѣе выносить и терпѣть жестокости Беренгарія, Адельберта и Виллы (жены Берен-

---

[1]) См. въ концѣ тома Родосл. табл. № 2.

[2]) Октавіанъ, папа съ 13 лѣтъ, 956—963. См. Род. табл. № 2.

гарія), которая, въ противность божескимъ и человѣческимъ правамъ, отдала миланскую метрополію Маназесу, архіепископу Арелатскому (см. о немъ Ліутп. Antopod. IV, 6, выше, на стр. 413). Она, говорилъ онъ, есть настоящее бѣдствіе церкви, и беретъ себѣ все, что кажется пригоднымъ ей или ея клевретамъ. Точно также и Вальдо, епископъ г. Комо, явился вслѣдъ за нимъ, и жаловался, что потерпѣлъ, со стороны Беренгарія, Адельберта и Виллы, такое же насиліе, какъ Вальдпертъ. Вмѣстѣ съ ними прибыли изъ Италіи многіе и другіе, принадлежавшіе къ свѣтскому сословію; въ числѣ такихъ былъ свѣтлѣйшій маркграфъ Отбертъ (родоначальникъ знаменитаго впослѣдствіи дома Эсте); онъ примкнулъ къ апостольскимъ посланникамъ и просилъ у святѣйшаго [1]) Оттона, въ то время еще короля, а нынѣ августѣйшаго императора, совѣта и помощи.

2. Тронутый такими слезными мольбами, и заботясь не о себѣ, а о томъ, что́ принадлежитъ Іисусу Христу, богобоязненный король Оттонъ (I), въ противность обычаю, назначивъ королемъ (т. е. Германіи) соименнаго себѣ сына (т. е. Оттона (II), родив. въ 955 г.), бывшаго еще ребенкомъ, оставилъ его въ Саксоніи, а самъ собралъ войско и поспѣшилъ въ Италію (961 г.). Оттонъ изгналъ изъ государства Беренгарія и Адельберта тѣмъ легче, чѣмъ болѣе было всякому извѣстно, что онъ имѣетъ своими поборниками святѣйшихъ апостоловъ Петра и Павла. Такимъ образомъ, добрый король, „заблудившее обращая и сокрушенное обязывая“ (Іезек. 34, 16), возвратилъ каждому свою собственность, и съ тою же цѣлью отправился въ Римъ.

3. Въ Римѣ, принятый съ торжествомъ и неслыханными до того времени приготовленіями, Оттонъ былъ помазанъ императоромъ вышеупомянутымъ верховнымъ владыкою и вселенскимъ папою Іоанномъ (2 февр. 962 г.). Онъ возвратилъ папѣ не только принадлежавшее ему, но и одарилъ его великими подарками, состоявшими въ драгоцѣнныхъ камняхъ, золотѣ и серебрѣ. Тотъ же самый папа Іоаннъ и всѣ первостепенные люди города дали ему, надъ драгоцѣннымъ тѣломъ св. Петра, клятву, никогда не оказывать помощи ни Беренгарію, ни Адельберту. Затѣмъ императоръ, ни мало ни медля, возвратился въ Павію.

4. Между тѣмъ, вышеупомянутый папа Іоаннъ, забывъ клятвенное обѣщаніе, данное имъ святому императору, послалъ къ Адельберту, приглашая его къ себѣ и завѣряя клятвою, что онъ поможетъ ему противъ святѣйшаго императора (963 г.). А этотъ Адельбертъ, преслѣдователь церкви божіей и самого папы Іоанна, былъ до того устрашенъ святымъ императоромъ, что вовсе оставилъ Италію и удалился въ Фраксинетъ (см. Ліутп. Antopod. I, 3. выше, на стран. 294), и поручилъ себя сарацинамъ. Правдолюбивый императоръ не могъ довольно надивиться, откуда явилось у папы Іоанна расположеніе къ Адельберту, котораго онъ прежде преслѣдовалъ со всею ненавистью. Потому онъ послалъ въ Римъ нѣсколькихъ изъ довѣренныхъ

---

[1]) Этотъ титулъ былъ не въ западномъ обычаѣ, и заимствованъ авторомъ у византійскаго двора, съ которымъ онъ былъ такъ хорошо знакомъ.

ему лицъ [1]) разузнать предварительно, на сколько все это можетъ быть справедливо. Послы, прибывъ на мѣсто, услышали, не отъ перваго встрѣчнаго и не отъ тѣхъ или другихъ, но всѣ жители Рима говорили имъ въ одинъ голосъ: „Причина, почему папа Іоаннъ возненавидѣлъ святѣйшаго императора, своего избавителя отъ рукъ Адельберта, и почему дьяволъ возненавидѣлъ Творца, кажется, одна и та же. Императоръ, какъ это мы знаемъ собственнымъ опытомъ, совершаетъ и любитъ божественныя дѣла; мірское и церковное защищаетъ онъ оружіемъ, „примѣромъ своимъ украшаетъ, своими законами усовершенствуетъ“ [2]); а папа Іоаннъ противится всему подобному. То, чтó мы говоримъ, народу не безъизвѣстно. Въ доказательство укажемъ на вдову Райнерія, его собственнаго вассала, которую онъ, ослѣпленный своею страстью, поставилъ правительницею (praefecta) многихъ городовъ и одарилъ золотыми распятіями и чашами изъ святыя-святыхъ блаженнаго Петра. Мы ссылаемся также и на его тетку (amita) Стефану, которая, родивъ отъ него недавно мальчика, умерла. Если бы мы и умолчали обо всемъ этомъ, то самъ Латеранскій дворецъ, нѣкогда убѣжище святыхъ, теперь же мѣсто сборища дурныхъ женщинъ, не умолчитъ о другой теткѣ, съ которой онъ живетъ, сестрѣ Стефаніи, также бывшей его наложницей. Далѣе, мы ссылаемся на отсутствіе въ церкви постороннихъ женщинъ, кромѣ римлянокъ; онѣ боятся приходить молиться надъ гробомъ св. апостоловъ, узнавъ, что за нѣсколько дней передъ тѣмъ тамъ претерпѣли оскорбленіе молодыя дѣвушки, вдовы и замужнія женщины. Мы указываемъ и на церкви св. апостоловъ, въ которыя дождь проникаетъ уже не каплями: вся крыша течетъ и дождь попадаетъ даже на самые алтари. А когда мы молимся, какой ужасъ наводятъ на насъ гнилыя балки! Смерть смотритъ съ кровли и мѣшаетъ молиться, не смотря на все желаніе, принуждая, какъ можно скорѣе, оставить домъ божій. Наконецъ, мы указываемъ не только на женщинъ, перетягивающихъ свои тальи въ тростинку, но и на самыхъ послѣднихъ. Ему все равно, кто идетъ пѣшкомъ, кто подъѣзжаетъ на красивыхъ коняхъ. Вотъ почему онъ такой врагъ святому императору, какъ волкъ по своей натурѣ противъ агнца. Желая оставаться безнаказаннымъ, онъ провозгласилъ Адельберта своимъ отцомъ, покровителемъ и защитникомъ.“

5. Императоръ, услышавъ о всемъ этомъ отъ своихъ возвратившихся пословъ, сказалъ: „Папа еще мальчикъ; примѣръ добрыхъ людей можетъ легко его исправить. Я надѣюсь, что благонамѣренные упреки и откровенныя убѣжденія безъ труда извлекутъ его тѣхъ золъ, и тогда мы скажемъ вмѣстѣ съ пророкомъ: „Сія измѣна десницы Всевышняго“ (Псал. 76 (77), 11). Прежде всего, присоединилъ императоръ, мы должны изгнать Беренгарія, который продолжаетъ оказывать сопротивленіе въ Феретратѣ (н. Montofeltro, гористая мѣстность въ Папской Области); а затѣмъ, мы обратимся съ отече-

---

[1]) Полагаютъ, что въ числѣ ихъ былъ и нашъ авторъ.

[2]) Это выраженіе: moribus ornat, legibus emundat, заимствовано у Горац., *Къ Августу*, II, 1.

скими назиданіями къ государю папѣ; если и не по охотѣ, то всеже по стыду онъ сдѣлается порядочнымъ человѣкомъ. Принужденный однажды къ хорошему поведенію, онъ постыдится возвратиться къ худому".

6. Сказавъ такъ, императоръ сѣлъ въ Павіи на корабль, и по рѣкѣ По прибылъ въ Равенну; оттуда онъ отправился въ Феретрату, и осадилъ замокъ св. Леона (н. Sanleo), гдѣ укрывались Беренгарій и Вилла (май, 963 г.). Туда же отправилъ къ святому императору пословъ вышеупомянутый папа, именно Льва, бывшаго *въ то время* (іюнь, 963 г.) еще только канцлеромъ (protoscrinarius), св. римской церкви, а *нынѣ* [1]) возсѣдающаго на томъ же престолѣ блаженнаго Петра, въ качествѣ намѣстника апостоловъ, и Дмитрія, знатнѣйшаго изъ римскихъ оптиматовъ; онъ поручилъ имъ сказать императору, чтобы онъ нисколько не изумлялся, если папа, палимый юношескимъ огнемъ, до сихъ поръ ребячился (puerile quid gesserit); теперь для него настаетъ другое время, и онъ намѣренъ жить иначе. Къ этому папа присоединилъ, съ свойственнымъ ему коварствомъ, еще одно обстоятельство: онъ жаловался на то, что святой императоръ принялъ къ себѣ епископа Льва и Іоанна, кардинала-дьякона, измѣнившихъ ему, и самъ нарушилъ договоръ, взявъ съ жителей присягу въ вѣрности себѣ, а не папѣ. На это императоръ отвѣчалъ имъ: „За исправленіе и измѣненіе нравовъ, которое обѣщаетъ папа, благодарю; что же касается до несоблюденія договора, въ чемъ онъ меня обвиняетъ, судите сами, на сколько то справедливо. Мы обѣщали ему возвратить всю землю св. Петра, какая только достанется въ наши руки; и вотъ причина, почему мы стараемся въ эту минуту вытѣснить изъ этого замка (munitione) Беренгарія со всѣми его домочадцами. Какимъ способомъ мы могли бы возвратить папѣ эту землю, если бы не подчинили ее предварительно своей власти, исторгнувъ изъ рукъ похитителей. Епископа же Льва и кардинала-дьякона Іоанна, измѣнившихъ ему и будто бы принятыхъ нами, мы и не видѣли и не принимали въ это время. Они, какъ мы слышали, были схвачены въ Капуѣ на ихъ пути въ Константинополь, куда послалъ ихъ государь папа съ цѣлью повредить намъ. Вмѣстѣ съ ними захватили Салокка, родомъ булгара, воспитаннаго въ Венгріи, весьма близкое лицо къ государю папѣ; также и Закхея, человѣка предосудительнаго поведенія и совершеннаго невѣжду въ свѣтскихъ и божественныхъ наукахъ, котораго государь папа недавно поставилъ епископомъ и отправилъ къ венграмъ, чтобъ возстановить ихъ противу насъ;—всѣ они, какъ мы слышали, теперь захвачены въ Капуѣ. Мы никогда не повѣрили бы, чтобы государь папа былъ способенъ на такія дѣла, если бы знали о томъ по слухамъ; но насъ заставляютъ вѣрить письма съ папскою печатью (plumbo) и за его собственноручною подписью".

7. Послѣ того, императоръ отправилъ Ландварда, епископа Мин-

---

[1]) Папа Левъ VIII вступилъ на престолъ въ декабрѣ 963 г. и умеръ въ мартѣ 965 г.; отсюда слѣдуетъ, что это сочиненіе нашего автора было писано въ теченіи 964 года, или не позже начала 965 года.

денскаго изъ Саксоніи, и *Ліутпранда*, епископа Кремонскаго изъ Италіи (такъ авторъ говоритъ о самомъ себѣ въ третьемъ лицѣ), въ Римъ, вмѣстѣ съ упомянутыми папскими послами, чтобъ доказать свою безупречность предъ государемъ папою. Военнымъ же вассаламъ (militibus), сопровождавшимъ ихъ, было повелѣно, въ случаѣ, если бы папа никакъ не хотѣлъ вѣрить, доказать истину поединкомъ (duello). Епископы Ландвардъ и Ліутпрандъ, явившись къ папѣ, получили такой дурной пріемъ, что отъ нихъ не могла укрыться вражда, питаемая папою къ святому императору. Не смотря на то, они изложили дѣло, какъ имъ было поручено, но папа, отказываясь отъ всякаго удовлетворенія, какъ присягою, такъ и поединкомъ, продолжалъ упорствовать попрежнему. Спустя же восемь дней, папа, имѣя коварныя цѣли, отправилъ къ государю императору Іоанна, епископа Норни, и Бенедикта кардинала-дьякона, вмѣстѣ съ императорскими послами, въ надеждѣ обмануть какою нибудь хитростью того, кого такъ трудно провести на словахъ. Но еще до ихъ возвращенія, Адельбертъ, оставивъ Фраксинетъ, по приглашенію папы, явился въ Центумцеллы (н. Cività-Vecchia, римская гавань); оттуда же отправившись въ Римъ, онъ былъ не отвергнутъ, какъ то слѣдовало бы, но торжественно принятъ папою (іюль, 963 г.).

8. Пока все это происходило, „тяжелое созвѣздіе Рака (т.-е. іюль мѣсяцъ), паля лучами Феба“ [1]) не дозволяло императору приблизиться къ укрѣпленіямъ Рима. Но наступившее созвѣздіе Дѣвы (августъ мѣсяцъ) умѣрило жаръ, и императоръ, получивъ тайное приглашеніе отъ жителей Рима, подошелъ вмѣстѣ съ войскомъ къ городу. Впрочемъ, что я говорю: *тайное приглашеніе?!* Развѣ не бòльшая часть римскихъ оптиматовъ овладѣла зàмкомъ св. Павла (S. Pauli castellum) [2]) и явно пригласила императора, представивъ ему отъ себя даже заложниковъ? Что тутъ и говорить! Едва императоръ расположился близъ города (окт. 963), какъ папа и Адельбертъ обратились въ бѣгство. Жители же города, принявъ (3 ноября) святого императора вмѣстѣ съ его войскомъ, дали клятву въ вѣрности, присоединивъ къ тому клятвенное обѣщаніе никогда не избирать и не поставлять никого папою, безъ согласія и выбора государя императора, августѣйшаго цезаря, и его сына, короля Оттона (II).

9. Три дня спустя (6 ноября), по просьбѣ какъ римскихъ епископовъ, такъ и народа (plebe), въ церкви св. Петра былъ созванъ великій соборъ, на которомъ возсѣдали, вмѣстѣ съ императоромъ, архіепископы: отъ *Италіи*, за Ингельфреда, Аквилейскаго патріарха, котораго дѣйствительно удержала на мѣстѣ болѣзнь, дьяконъ Рудольфъ, Вальдпертъ Миланскій и Петръ Равеннскій; отъ *Саксоніи* (слѣдуютъ имена); отъ *Франціи* (слѣдуютъ имена); отъ *Италіи*, Ліутпрандъ Кремонскій (нашъ авторъ) и Германальдъ Регійскій; отъ *Тусціи* (слѣуютъ имена); отъ *Рима* (слѣдуютъ имена); отъ *оптима-*

---

[1]) Авторъ цитируетъ слова Боэція изъ его Consolat. philosoph. I, 6: Phoebi radiiis grave Cancri sidus inestuans.

[2]) Замокъ, построенный Іоанномъ VIII на Via Ostiensis, въ защиту церкви св. Павла и называемый Iohannipolis.

товъ города Рима (слѣдуютъ имена); и отъ *народа* (ex plebe) Петръ, прозванный Имперіолою, вмѣстѣ со всею римскою милиціею (cum omni Romanorum militia) [1]).

10. Когда всѣ заняли свои мѣста и воцарилась глубокая тишина, святой императоръ началъ засѣданіе слѣдующею рѣчью: „Какъ было бы прилично папѣ Іоанну присутствовать на такомъ пресвѣтломъ и святомъ соборѣ! А почему онъ уклонился отъ такого собора, я спрашиваю о томъ васъ, о святые отцы, потому что онъ жилъ и дѣйствовалъ среди васъ“. Тогда римскіе владыки и кардиналы-пресвитеры и дьяконы, со всѣмъ народомъ отвѣчали, ему единогласно: „Мы удивляемся, почему ваша святѣйшая мудрость желаетъ узнать отъ насъ то, что̀ извѣстно и жителямъ Иберіи, Вавилона и Индіи. Нашъ папа не былъ даже изъ числа тѣхъ, которые ходятъ въ овечьей шкурѣ, а внутри кровожадные волки; онъ такъ открыто свирѣпствовалъ, такъ явно совершалъ свои сатанинскія дѣла, что и не старался ихъ скрывать“. Императоръ на это замѣтилъ: „Намъ кажется, справедливость требуетъ, чтобы обвиненія подавались отдѣльными лицами; а затѣмъ мы сообща обсудимъ, какъ должно дѣйствовать“. Тогда Петръ, кардиналъ-пресвитеръ, вставъ съ своего мѣста, показалъ, что онъ самъ видѣлъ, какъ папа, не причастившись, служилъ обѣдню. Іоаннъ, епископъ Норни, и Іоаннъ кардиналъ-дьяконъ, объявили, что они видѣли, какъ онъ посвящалъ дьякона не въ указанное время, и притомъ въ конюшнѣ (in equorum stabulo). Бенедиктъ, кардиналъ-дьяконъ, вмѣстѣ съ прочими содьяконами и пресвитерами говорили, что они знаютъ, какъ онъ поставлялъ епископовъ за деньги, и однажды поставилъ епископомъ въ Тудертинѣ (н. Todi) десятилѣтняго мальчика. О разграбленіи церквей, говорили они, нечего и спрашивать, потому что очевидные факты говорятъ о томъ краснорѣчивѣе словъ. О распутствѣ папы, замѣтили они, хотя мы и не видали своими глазами, но знаемъ навѣрное, что онъ жилъ съ вдовою Райнерія, съ Стефаною, наложницею своего отца, и съ вдовою Анною, своею племянницею; святѣйшій же дворецъ обратилъ въ домъ публичнаго разврата. Далѣе, они показывали, что папа ходилъ публично на охоту; Бенедикта, своего крестнаго отца, ослѣпилъ, вслѣдствіе чего тотъ и померъ; Іоанна кардинала-субдіакона умертвилъ, приказавъ его оскопить; причинялъ пожары, подпоясывался мечемъ, носилъ шлемъ и панцырь. А что папа, по любви къ дьяволу, упивался виномъ, то показывали всѣ, и свѣтскіе, и духовные. При игрѣ въ кости, говорили они, папа призывалъ имена Юпитера, Венеры и прочихъ злыхъ духовъ. Увѣряли также, что онъ не только не посѣщалъ утренней и канонической церковной службы, но даже и не ограждался крестнымъ знаменіемъ.

11. Выслушавъ это, императоръ, такъ какъ римляне не могли понимать его отечественной рѣчи, то есть саксонской, поручилъ Ліутпранду, епископу Кремонскому, выразить римлянамъ нижеслѣдующее на латинскомъ языкѣ. Ліутпрандъ, вставъ съ мѣста, началъ такъ: „Часто бываетъ, и мы знаемъ это собственнымъ опытомъ, что

[1]) Всѣхъ членовъ поименовано у Ліутпранда до 76 человѣкъ.

лица высокопоставленныя преслѣдуются клеветою завистниковъ; хорошій человѣкъ не угоденъ злымъ, равно какъ и злой непріятенъ добрымъ людямъ. Вотъ, почему и при этомъ обвинительномъ актѣ, который прочелъ и представилъ вмѣстѣ съ вами Бенедиктъ кардиналъ-дьяконъ противъ папы, мы должны подумать, не зная навѣрное, представилъ-ли онъ все это изъ любви къ истинѣ, или по богопротивному чувству злобы. Посему, я, во имя врученной мнѣ недостойному, власти, заклинаю васъ Богомъ, его же никто не обманетъ, хотя бы кто того и пожелалъ, святою богородицею непорочною дѣвою Маріею, и драгоцѣннымъ тѣломъ князя апостоловъ, въ церкви котораго я произношу эти слова, подтвердить, что на государя папу не было возведено ни одного преступленія, котораго бы онъ не совершилъ въ дѣйствительности, и которое не могло бы быть доказано вполнѣ достовѣрными людьми". Тогда епископы, пресвитеры, дьяконы, остальной клиръ и весь народъ римскій отвѣчали, какъ одинъ человѣкъ: „Если папа Іоаннъ не совершилъ тѣхъ преступленій, и даже еще болѣе гнусныхъ и великихъ, какъ было прочтено Бенедиктомъ дьякономъ, то да не развяжетъ оковъ прегрѣшеній нашихъ князь апостоловъ, всеблаженный Петръ, который словомъ своимъ закрываетъ небо недостойнымъ, и открываетъ праведнымъ, да обложитъ насъ цѣпь анаѳемы, и на страшномъ судѣ да станемъ ошую съ тѣми, которые скажутъ Господу Богу: „Отступи отъ насъ, ибо мы не хотѣли знать путей твоихъ" (Іовъ, 21, 14). Когда вы намъ не вѣрите, то повѣрьте, по крайней мѣрѣ, войску государя императора, которое пять дней тому назадъ видѣло папу препоясаннымъ мечемъ, со щитомъ, въ шлемѣ и панцырѣ; если бы не протекавшій между ними Тибръ, то войско захватило бы папу въ этомъ нарядѣ". Святой императоръ замѣтилъ: „На это я имѣю столько свидѣтелей, сколько у меня воиновъ въ лагерѣ". Тогда святой соборъ опредѣлилъ:

„Если угодно святому императору, то должно послать приглашеніе государю папѣ, чтобы онъ явился сюда и оправдалъ себя въ обвиненіяхъ". Вслѣдствіе того, къ нему и была отправлена грамота слѣдующаго содержанія:

12. „Верховному владыкѣ и вселенскому папѣ, государю Іоанну, *Оттонъ*, за преданность божественному милосердію августѣйшій императоръ, вмѣстѣ съ архіепископами, епископами Лигуріи, Тусціи, Саксоніи и Франціи, именемъ Бога!

„Придя въ Римъ для поклоненія Господу, мы спрашивали вашихъ дѣтей, т.-е. римскихъ епископовъ, кардиналовъ, пресвитеровъ и дьяконовъ, а также и весь народъ, о вашемъ отсутствіи, и о причинахъ того, почему вы не желали видѣть меня, своего защитника и защитника вашей церкви; они на это разсказали мнѣ о васъ столько неприличнаго, что мы покрылись бы стыдомъ, если бы что нибудь подобное было разсказано о комедіантѣ. А чтобы ваше величіе не осталось въ неизвѣстности объ этихъ обвиненіяхъ, мы приведемъ здѣсь нѣкоторыя вкратцѣ: на подробное исчисленіе всего не было бы достаточно и цѣлаго дня. Знайте же, что вы не нѣсколькими людьми, но всѣми, какъ изъ моего сословія (т.-е. свѣтскаго), такъ и изъ своего обвиняетесь въ убійствахъ, клятвопреступленіи, свято-

татствѣ и кровосмѣшеніи со своими родственницами, и съ двумя сестрами. О васъ говорятъ еще и многое другое, что страшно и вымолвить: вы пили во имя дьявола, и при игрѣ въ кости призывали Юпитера, Венеру и иныхъ злыхъ духовъ. Потому мы почтительнѣйше просимъ васъ, нашъ отецъ, удостоить насъ явиться въ Римъ и оправдать себя отъ всѣхъ взводимыхъ на васъ обвиненій. Если же вы боитесь насилія со стороны необузданной черни, то мы даемъ вамъ клятву, что съ вами ничего не случится, помимо приговора святыхъ каноновъ. Дано VIII, ноябрьскія иды (т.-е. 6 ноября)".

13. Іоаннъ, прочтя это посланіе, отвѣчалъ слѣдующимъ образомъ:

„Іоаннъ епископъ, рабъ рабовъ божіихъ, всѣмъ епископамъ.

„До насъ дошло, что вы намѣреваетесь избрать другого папу; если вы совершите это, то я отлучаю васъ отъ всемогущаго Бога (exommunico vos *da* [1]) Deum omnipotentem), чтобы вы не имѣли власти никого ни посвящать, [2]) ни отправлять богослуженія".

14. Когда это посланіе читалось на святомъ соборѣ (22 ноября), къ тому времени прибыли туда еще нѣкоторые изъ духовныхъ, не присутствовавшихъ прежде, а именно изъ Лотарингіи Гейнрихъ, епископъ Трирскій, изъ Эмиліи (н. Парма) и Лигуріи Видо, епископъ Моденскій, Гецо изъ Тортоны и Сигульфъ изъ Піаченцы. По ихъ совѣту былъ посланъ папѣ слѣдующій отвѣтъ:

„Верховному владыкѣ и вселенскому папѣ, государю Іоанну, *Оттонъ*, за преданность божественному милосердію августѣйшій императоръ, а вмѣстѣ съ нимъ и святой соборъ, созванный въ послушаніи Богу въ Римѣ, привѣтъ о Господѣ!

„Въ прошедшее засѣданіе, отъ VIII, ноябрьскія иды (т.-е. 6 ноября), мы отправили къ вамъ письмо, въ которомъ изложены показанія вашихъ обвинителей и содержаніе приводимыхъ ими обвиненій. Въ томъ же письмѣ мы просили ваше величіе, какъ то подобаетъ, прійти въ Римъ и оправдаться. На это же мы получили отвѣтъ, какой можетъ дать одно тщеславіе глупыхъ людей, не обращающее вниманіе на сущность дѣла. Вамъ слѣдовало бы представить разумныя причины своего отсутствія на соборѣ. Вы были бы должны отправить отъ своего величія пословъ, которые засвидѣтельствовали бы, что вы отсутствуете на соборѣ или по болѣзни, или вслѣдствіе какого-нибудь другого препятствія. Въ вашемъ письмѣ заключается еще одно обстоятельство, которое свидѣтельствуетъ что оно было писано не епископомъ, но глупымъ мальчикомъ. Вы хотѣли отлучить всѣхъ, чтобы никто не могъ служить обѣдни и *поставлять епископовъ*, если мы возведемъ на римскій престолъ другого епископа. А между тѣмъ, вотъ ваши слова: „Чтобы вы имѣли власть

---

[1]) *Da*—италицизмъ, вм. латинскаго *ab* съ творит. падежемъ. Это обстоятельство доказываетъ, съ какою дипломатическою точностью копировалъ Ліутпрандъ лежавшіе предъ ними документы: въ его собственныхъ словахъ никогда не встрѣчается подобная форма.

[2]) Въ подлинникѣ грамматическая ошибка: *non* habeatis licentiam *nullum* ordinare. См. ниже, на слѣдующ. стран.

всякаго посвящать“ (*non* habeatis licentiam *nullum* ordinare) [1]). До сихъ же поръ мы думали, и даже были твердо убѣждены, что два отрицанія (т.-е. *non* и *nullum*) составляютъ утвержденіе; но кажется, вы намѣрены своею властью ниспровергнуть авторитетъ древнихъ писателей. Впрочемъ мы будемъ отвѣчать не на ваши слова, а на то, что вы хотѣли ими сказать. Если вы немедленно явитесь на соборъ и оправдаетесь отъ обвиненій, въ такомъ случаѣ, безъ сомнѣнія, мы окажемъ вамъ подобающее повиновеніе. Но если — чего избави Боже—вы откажетесь явиться и оправдать себя въ уголовныхъ преступленіяхъ, тѣмъ болѣе, что вамъ ничто не препятствуетъ, ни морское плаваніе, ни тѣлесный недугъ, ни отдаленность пути, тогда мы не обратимъ большого вниманія на произнесенное вами отлученіе, и даже повернемъ его противъ васъ, на что мы имѣемъ полное право. Іуда, предавшій Господа нашего Іисуса Христа, или скорѣе продавшій, также получилъ прежде вмѣстѣ съ другими учениками власть вязать и рѣшить, и это было выражено такъ: „Истинно говорю вамъ: что́ вы свяжете на землѣ, то будетъ связано на небѣ, и что̀ разрѣшите на землѣ, то будетъ разрѣшено на небѣ“ (Матѳ. 18, 18). Пока Іуда оставался добрымъ ученикомъ, онъ и имѣлъ власть вязать и рѣшить; но, сдѣлавшись по корыстолюбію убійцею и покусившись на жизнь Христа на землѣ, кого бы онъ могъ вязать и рѣшить, кромѣ своего тѣла, которое онъ и привязалъ къ дереву проклятой веревкой?

„Дано X календы декабрьскія (т.-е. 22 ноября) и отправлено съ кардиналомъ-пресвитеромъ Адріаномъ и кардиналомъ-дьякономъ Бенедиктомъ“.

15. Когда посланные прибыли къ Тибру [2]) (?), они не нашли болѣе тамъ папы Іоанна: онъ, взявъ лукъ и стрѣлы, ушелъ въ поле, и не было никого, кто могъ бы имъ сказать, гдѣ онъ находился. Не найдя такимъ образомъ папы, посланные возвратились вмѣстѣ съ письмомъ и извѣстили обо всемъ соборъ, открывшій свое третье засѣданіе. Теперь заговорилъ императоръ: „Я ждалъ появленія папы, чтобы въ его присутствіи изложить ему всѣ оскорбленія, которыя онъ причинилъ мнѣ; но увѣрившись, что онъ не явится, я предлагаю вамъ теперь внимательно выслушать, какъ вѣроломно онъ поступилъ со мною. Да будетъ же вѣдомо вамъ, архіепископы, епископы, пресвитеры, дьяконы и остальной клиръ, равно какъ и вамъ, графы, судьи и весь народъ, что тотъ же самый Іоаннъ папа, тѣснимый Беренгаріемъ и Адельбертомъ, возставшими противу меня, отправилъ къ намъ въ Саксонію пословъ, прося именемъ Бога прійти

---

[1]) Мы привели выше письмо папы въ переводѣ такъ, какъ папа *хотѣлъ* сказать, между тѣмъ собственно онъ сдѣлалъ грамматическую ошибку въ своемъ текстѣ, поставивъ два раза отрицаніе: *non* и *nullum*, какъ то говорится, наприм. въ русскомъ языкѣ: *не избирать никого*; по латыни же два отрицанія составляютъ утвержденіе, какъ ниже то и объясняесъ императоръ своему противнику.

[2]) Вѣроятно авторъ сдѣлалъ описку, такъ какъ Римъ лежитъ на Тибрѣ, и слѣдов. послы, выйдя изъ Рима, не могли бы прійти къ Тибру, потому полагаютъ что надобно вм. *Tiberim* читать *Tiburum*, городъ Тибуръ.

въ Италію и спасти отъ ихъ мести себя и церковь св. Петра. Нѣтъ необходимости говорить о томъ, что мы успѣли божіею помощью совершить: вы это видите собственными глазами. Теперь же освобожденный мною изъ рукъ врага и возстановленный въ своемъ достоинствѣ, онъ забылъ клятву въ вѣрности, данную мнѣ надъ тѣломъ св. Петра, пригласилъ въ Римъ Адельберта, защищалъ его противъ меня, дѣлалъ возмущенія и на глазахъ нашего войска, какъ полководецъ, надѣвалъ панцырь и шлемъ. Пусть святой соборъ обсудитъ все это и произнесетъ свой приговоръ". Римскіе владыки, остальной клиръ и весь народъ отвѣчали императору такъ: „Неслыханная язва должна быть вытравлена неслыханными средствами. Если бы онъ своими развращенными нравами вредилъ одному себѣ, а не всѣмъ, то, такъ или иначе, его должно было бы терпѣть. Теперь же сколько людей непорочныхъ, слѣдуя его примѣру, сдѣлались преступными, сколько честныхъ, подъ вліяніемъ его сообщества, замарали свое имя? Потому мы просимъ величіе вашей власти (magnitudinem imperii vestri), изгнать изъ святой римской церкви то чудовище, пороки котораго не могутъ быть искуплены никакою добродѣтелью, и на мѣсто его поставить другого, который своимъ сообществомъ принесъ бы намъ пользу и сообразно съ тѣмъ управлялъ бы нами, а самъ, живя честно, представлялъ бы образецъ добродѣтельной жизни". Императоръ отвѣчалъ на это: "Согласенъ! и ничего не можетъ быть мнѣ пріятнѣе, какъ то, чтобы нашелся такой, котораго можно было бы возвести на этотъ святой и вселенскій престолъ".

16. Всѣ воскликнули на эти слова въ одинъ голосъ: „Мы выбираемъ своимъ пастыремъ мужа честнаго, достойнаго стоять на высшей ступени іерархіи, Льва, достопочтеннаго канцлера (profoscrinarium) св. римской церкви; пусть онъ будетъ верховнымъ и вселенскимъ папою св. римской церкви, а Іоаннъ богоотступникъ, за свои развращенные нравы, низвергается"! Когда всѣ произнесли эти слова въ третій разъ, и императоръ далъ одобрительный отзывъ, Левъ былъ отведенъ, по обычаю, съ славословіемъ, въ Латеранскій дворецъ, и въ опредѣленное время поставленъ папою въ церкви св. Петра; всѣ вѣрные принесли ему присягу (6 дек.).

17. По совершеніи всего этого, святѣйшій императоръ, надѣясь на то, что теперь возможно будетъ оставаться въ Римѣ съ небольшимъ войскомъ, далъ многимъ позволеніе возвратиться на родину, чтобы не обременять римскій народъ. Когда Іоаннъ, называвшій себя папою, развѣдалъ о томъ, зная, какъ легко подкупить римлянъ деньгами, онъ отправилъ тайно въ Римъ соглядатаевъ, обѣщая жителямъ всю сокровищницу блаженнаго Петра и другихъ церквей, если они нападутъ на благочестиваго императора и на государя Льва и умертвятъ ихъ безбожно. Говорить ли объ этомъ? Римляне, понадѣявшись, или лучше сказать, обманувшись малочисленностью войска, и увлекшись обѣщаніемъ денегъ, неожиданно нападаютъ при звукѣ роговъ на императора съ цѣлью умертвить его. Но императоръ поспѣшно встрѣчаетъ ихъ на тибрскомъ мосту, который римляне загородили повозками. Его же храбрые воины, привывшіе къ брани, бросились на нихъ грудью впередъ, съ оружіемъ въ рукахъ,

и привели ихъ въ ужасъ, какъ ястребы стада птицъ; они и не сопротивлялись. Бѣгущіе не могли укрыться ни въ одномъ уголку, ни между корзинъ или бочекъ, ни въ клоакахъ, куда стекаютъ нечистоты. Ихъ избивали повсюду и наносили имъ раны съ тылу, какъ то и слѣдуетъ подобнымъ храбрецамъ. Кто изъ римлянъ могъ бы пережить это побоище, если бы святой императоръ, по своему милосердію, котораго они не заслуживали, не остановилъ своихъ воиновъ, жаждавшихъ крови, и не отозвалъ ихъ назадъ.

18. По одержаніи такой побѣды и по выдачѣ заложниковъ тѣми, которые уцѣлѣли, достопочтенный папа Левъ бросился къ ногамъ императора, умоляя его возвратить заложниковъ и поручить его самого вѣрности римлянъ. По этой просьбѣ достопочтеннаго папы Льва, святой императоръ возвратилъ заложниковъ, хотя и предвидѣлъ, что они начнутъ тоже самое, какъ о томъ будетъ разсказано ниже. А папа былъ порученъ вѣрности римлянъ, подобно агнцу, отданному волкамъ. Затѣмъ, императоръ оставилъ Римъ и поспѣшилъ въ Камеринъ и Сполетто, гдѣ, какъ ему донесли, укрывался Адельбертъ (янв. 964).

19. Между тѣмъ, женщины, съ которыми Іоаннъ, называемый папою, велъ зазорную жизнь, бывъ знатнаго происхожденія и составляя не малое число, возбудили римлянъ погубить верховнаго владыку и вселенскаго папу Льва, избраннаго Богомъ и ими самими, и впустить въ городъ Іоанна. Когда это было ими исполнено, достопочтенный папа Левъ, милосердіемъ божіимъ, спасся отъ ихъ рукъ и въ сопровожденіи немногихъ, искалъ помощи у благочестивѣйшаго императора Оттона (февр. 964).

20. Императоръ не могъ перенести такого безчестія, нанесеннаго ему какъ сверженіемъ государя папы Льва, такъ и увѣчьемъ Іоанна кардинала дьякона и секретаря Азо—первому была отрублена правая рука, а послѣднему вырваны ноздри и отсѣчены языкъ и два пальца. Онъ усилилъ свое войско и рѣшился снова подступить къ Риму. Но прежде нежели собралось войско, Господь пожелалъ показать, какъ справедливо былъ свергнутъ папа Іоаннъ своими епископами и всѣмъ народомъ, и какъ несправедливо его приняли вновь; въ одну ночь, когда папа оставался за-городомъ въ домѣ одной замужней женщины, дьяволъ поразилъ его въ виски такъ сильно, что онъ умеръ отъ раны, восемь дней спустя послѣ этого происшествія (14 мая, 964). Но по внушенію того же, кто его убилъ, онъ не принялъ напутствія; въ справедливости этого меня неоднократно увѣряли его родственники и друзья.

21. Послѣ его смерти, всѣ римляне, забывъ данную ими клятву святому императору, избираютъ папою Бенедикта (V) кардинала-дьякона и даютъ ему присягу никогда его не покидать и защитить противъ власти императора. Услышавъ объ этомъ, императоръ обложилъ городъ, и никто не могъ оттуда выйти, не поплатившись за то какимъ-нибудь увѣчьемъ; осадныя орудія и голодъ довели римлянъ до того, что императоръ, противу ихъ воли овладѣлъ городомъ, возстановилъ на престолѣ достопочтеннаго мужа Льва, а Бенедикта, похитителя верховнаго престола, выдалъ въ его руки (24 іюня, 964).

22. Бенедиктъ, похититель апостольскаго престола, приведенный руками собственныхъ избирателей, въ папскомъ облаченіи, предсталъ предъ соборомъ въ Латеранѣ, на которомъ засѣдали государь Левъ, верховный и вселенскій папа, императоръ святѣйшій Оттонъ, епископы римскіе, итальянскіе, пресвитеры и дьяконы со всѣмъ римскимъ народомъ; имена ихъ будутъ прописаны ниже. Бенедиктъ, кардиналъ-архидіаконъ, обратился къ нему съ слѣдующею рѣчью: „Какою властью и по какому закону, ты, похититель, облачился въ первосвященническія одежды, еще при жизни государя нашего достопочтеннаго папы Льва, котораго ты самъ избралъ вмѣстѣ съ нами, по осужденіи и сверженіи Іоанна? Можешь-ли ты отказаться отъ того, что́ ты клятвенно обѣщалъ государю императору, а именно, никогда не избирать и не поставлять вмѣстѣ съ прочими римлянами новаго папы, безъ согласія его и его сына короля, Оттона“ (II)? Бенедиктъ отвѣчалъ: „Если я въ чемъ прегрѣшилъ, то сжальтесь надо мною“.

Тогда императоръ, проливъ слезы и доказавъ тѣмъ, какъ велико было его милосердіе, просилъ соборъ не наказывать строго Бенедикта: „Если онъ можетъ и желаетъ, то пусть отвѣтитъ по своему дѣлу для оправданія себя; если же не можетъ и не хочетъ, а просто признаетъ себя виновнымъ, то пусть, по страху божію, будетъ ему оказано какое-нибудь снисхожденіе“. Выслушавъ это, Бенедиктъ немедленно припалъ къ ногамъ государя Льва папы и самого императора и громко призналъ себя преступникомъ и похитителемъ святого римскаго престола. Послѣ того онъ самъ сложилъ съ себя палліумъ и передалъ его вмѣстѣ съ епископскимъ жезломъ, находившимся у него въ рукахъ, государю Льву папѣ. Папа переломилъ жезлъ и показалъ его народу. Потомъ онъ приказалъ Бенедикту сѣсть на землю, снявъ съ себя одежду, называемую *planeta*, вмѣстѣ съ столою, и въ заключеніе провозгласилъ всѣмъ епископамъ:

„Мы лишаемъ Бенедикта, похитителя святого римскаго и апостольскаго престола, всякаго высшаго званія и пресвитерскаго достоинства; но по милости государя императора Оттона, усиліями котораго мы возстановлены на престолѣ, разрѣшаемъ ему сохранить званіе дьякона, съ тѣмъ, чтобы онъ не оставался уже въ Римѣ, но удалился въ ссылку, мѣстомъ которой *назнача*“ [1])...

Ліутпрандъ.

Liber de reb. gest. Ottonis Magni, imperatoris, въ 22 главахъ,

---

[1]) Et non jam Romae, sed in exilium, ad quod *destina*... (вѣроятно, папа хотѣлъ сказать: destinamus, *назначаемъ*, и за тѣмъ слѣдовало названіе мѣстности. Манускриптъ остается прерваннымъ на этомъ полусловѣ, но не вслѣдствіе того, что онъ пострадалъ отъ времени, какъ то обыкновенно бываетъ: мы имѣемъ текстъ, писанный рукою самого автора, слѣдов., авторъ былъ прерванъ чѣмъ-нибудь постороннимъ и болѣе уже не имѣлъ случая возвратиться къ своему труду.

Ліутпрандъ, епископъ Кремонскій (Liudprandus, episcopus Cremonensis, въ сокращ. Liuzo, род. около 920, умер. въ 972 г.), занимаетъ первое мѣсто между историками X столѣтія, какъ по своему литературному таланту и образованности, такъ и по роли, которую онъ занималъ въ главнѣйшихъ событіяхъ той эпохи.—Потому историческія сочиненія Ліутпранда, представляя лучшую картину первой половины X вѣка и начала второй, служатъ вмѣстѣ источникомъ для біографіи самого автора. Изъ словъ самого Ліутпранда мы заключаемъ, что онъ родился въ сѣверной Италіи изъ лонгобардской фамиліи и впослѣдствіи научился латинскому и греческому языкамъ; его отецъ былъ близокъ къ королю Италіи Гуго (926—947), и въ 927 г. ѣздилъ посломъ въ Византію для укрѣпленія связей новаго короля съ имперіею. Но по возвращеніи въ Италію, отецъ Ліутпранда умеръ, „оставивъ его ребенкомъ" (Antap. III, 24), изъ чего заключаютъ, что авторъ могъ родиться около 920 г. Мать его вышла вторично за мужъ за лицо, еще болѣе вліятельное при дворѣ, и Гуго, за хорошій голосъ, взялъ (931 г.) Ліутпранда въ капеллу. Тамъ онъ получилъ тѣ отличныя свѣденія въ классической литературѣ, которыми послѣ воспользовался, какъ писатель. Когда Гуго былъ изгнавъ изъ Италіи въ 945 г., фамилія Ліутпранда, вмѣстѣ со многими другими, приняла сторону его болѣе счастливаго противника Беренгарія II, а отчимъ молодого человѣка успѣлъ даже устроить пасынка секретаремъ новаго короля. Беренгарій II обнаружилъ такое довѣріе Ліутпранду, что отправилъ его въ 949 г. посломъ въ Константинополь. Перерывъ въ сочиненіяхъ Ліутпранда оставляетъ насъ въ неизвѣстности о немъ до 956 г., когда мы его видимъ уже при дворѣ Оттона В., гдѣ онъ жалуется на неблагодарность Беренгарія II и на его несправедливость, которая заставила его бѣжать изъ Италіи въ Германію. При дворѣ Оттона В. Ліутпрандъ сдѣлалъ знакомство съ посломъ Кордовскаго калифа епископомъ Рецемундомъ, который, слушая разсказы Ліутпранда изъ его полной треволненій жизни, сталъ убѣждать его составить исторію своего времени. Но Ліутпрандъ приступилъ къ этому дѣлу только въ 958 г., поставивъ себѣ задачею изобличить Беренгарія II, своего личнаго врага. Онъ сдѣлалъ все, кромѣ этого, потому что не успѣлъ дойти въ своей исторіи до времени разрыва съ Беренгаріемъ и остановился на 949 г., пустившись въ длинное описаніе своего путешествія въ Византію, предпринятаго имъ по распоряженію Беренгарія II. Свое сочиненіе онъ назвалъ *Antapodosis*, т.-е, „Воздаяніе" (см. его собственное объясненіе такого заглавія, выше, на стран. 292, примѣч. 1.). Первыя три книги этого труда заключаютъ въ себѣ исторію западной Европы отъ 893 г. до 931 г. и были имъ писаны „по показаніямъ достовѣрныхъ людей"; онъ сидѣлъ за ними весь 955 и 959 г., потому что, когда имъ была окончена вторая книга, Оттонъ послалъ его въ Византію, неизвѣстно, за чѣмъ: кажется, онъ захворалъ на о. Паксосѣ, и болѣзнь доставила ему случай снова сѣсть за работу, а потому третья книга, какъ говоритъ Ліутпрандъ, была имъ написана „въ путешествіи и въ заточеніи". Съ четвертой книги авторъ начинаетъ описывать то время, которое онъ пережилъ самъ и былъ очевидцемъ; эта книга, вмѣстѣ съ пятою, какъ и первыя три, была написана во Франкфуртѣ въ 961 г., куда онъ возвратился изъ путешествія въ Византію. Но послѣдняя глава пятой книги и та часть шестой книги, которая имъ начата, были писаны по низверженіи Беренгарія и возведеніи на императорскій престолъ Оттона В., слѣдов., въ 962 г. во время поѣздки Ліутпранда вмѣстѣ съ новымъ императоромъ въ Италію. Паденіе ли врага, свергнутаго Оттономъ, или новыя

занятія при императорѣ охладили въ Ліутпрандѣ охоту продолжать трудъ, но, во всякомъ случаѣ, онъ оставилъ его неоконченнымъ. Союзъ Папы Іоанна XII съ Беренгаріемъ и его сыномъ вызвалъ новую борьбу, и Ліутпрандъ принялъ дѣятельное участіе въ судѣ надъ папою; этотъ судъ подалъ ему поводъ написать „Книгу о дѣяніяхъ Оттона В.", которая, если была бы окончена, послужила бы продолженіемъ „Воздаянія„ и составила бы ея седьмую книгу. Тогда же его сдѣлали епископомъ Кремоны, а еще при Беренгаріѣ онъ получилъ званіе дьякона Павійской церкви.

Въ послѣднія 10 лѣтъ жизни, отъ 962 до 972 г., Ліутпрандъ посвятилъ себя дѣламъ своей новой епархіи, но въ то же время оставался близкимъ лицомъ къ императору. Оттонъ, убѣдившись, что пока греки будутъ владѣть южной Италіею, его власть въ Италіи останется непрочною, потому напалъ на Апулію и Калабрію. Греки просили перемирія, а Ліутпрандъ совѣтовалъ Оттону В. женить своего сына на дочери византійскаго императора Романа II и потребовать завоеванныя страны въ приданое. Для заключенія этого брака былъ отправленъ самъ Ліутпрандъ; прибывъ въ Константинополь, въ іюнѣ 968 г., онъ нашелъ на престолѣ Никифора, который продержалъ его долго и, не согласившись ни на какую уступку, отпустилъ назадъ въ началѣ 969 г. Ліутпрандъ составилъ для Оттона отчетъ о своемъ путешествіи въ Византію, подъ заглавіемъ Legatio, „Посольство", третье изъ сочиненій Ліутпранда и весьма любопытное, какъ превосходная картина Восточной имперіи въ ту эпоху, написанная притомъ постороннимъ наблюдателемъ. Вслѣдствіе неудачи посольства, война началась снова, но Никифоръ, въ концѣ 969 г., былъ убитъ, а его преемникъ Іоаннъ Цимисхій согласился на миръ и предполагаемый бракъ. По позднѣйшимъ извѣстіямъ, Ліутпрандъ предпринялъ вторичное путешествіе въ Константинополь, 971 г., за невѣстою, но нѣтъ положительныхъ свидѣтельствъ тому; тѣ извѣстія говорятъ о его смерти на дорогѣ въ Византію, но мы ничего не знаемъ точнаго ни о мѣстѣ, ни о времени его смерти. Вѣрно одно, что Ліутпранда не было въ живыхъ 28 марта 973 г., потому что подъ этимъ числомъ поименованъ епископомъ Кремонскимъ Ольдебертъ. Отношенія, въ которыхъ стоялъ нашъ авторъ къ дѣйствующимъ лицамъ своей эпохи, опредѣляютъ степень нашего довѣрія къ его показаніямъ: расположеніе къ Оттону и ненависть къ Беренгарію II не могли его не ослѣпить при оцѣнкѣ ихъ характера, но съ другой стороны не надобно забывать и того, что Ліутпрандъ писалъ для лица, которое могло бы его провѣрить, и потому авторъ не совсѣмъ оставался безъ контроля. Въ особенности „Жизнь Оттона" заслуживаетъ полнаго довѣрія, потому что въ ней приводятся оффиціальные документы. — *Изданія*: Pertz, Monum. Germ. III, 264—363 стр. и отдѣльный оттискъ оттуда: Liudprandi, ep. Crem. opera omnia. Hannov. 1839. (ц. 22½ згр.) — *Переводы:* Нѣмец. Osten-Sacken (Berl. 1853.), въ Geschichtschr. d. deut. Vorz. Liefer. 22; въ этомъ переводѣ выпущены всѣ мѣста, не относящіяся къ исторіи Германіи.—*Критика:* Körke, De vita et scriptis Liudprandi ep. Crem. Berlin, 1842.

32.—Жизнь императрицы св. Аделаиды. 922—999.

(Около 1040 г.).

Начинается Предисловіе къ жизнеописанію нашей государыни Аделаиды [1]).

Владыкѣ Андрею, преподобному аббату, и всей ввѣренной ему братіи, усердно молящимся Господу и Спасителю въ предмѣстьи города Павіи, братъ *Одилонъ*, ничтожнѣйшій изъ всѣхъ смиренныхъ обитателей монастыря Клюньи, желаетъ всякаго успѣха въ настоящей жизни и вѣчнаго блаженства!

Послалъ я вашему братству жизнеописаніе государыни нашей, благовѣрной императрицы Аделаиды, хотя и скудно составленное, въ той увѣренности, что вами безпрестанно воздается честь памяти той, дѣятельностью и умомъ которой воздвигнуты стѣны вашего монастыря, и отъ щедрыхъ подаяній которой вы существуете. Не съ тою цѣлію мы повели бесѣду своею простой и безъискусственою рѣчью о такомъ высокомъ предметѣ, чтобы слова наши считать достаточными для прославленія столь высокой добродѣтели и столь возвышенныхъ достоинствъ, но чтобы нашимъ примѣромъ вызвать на подобный же трудъ человѣка, обладающаго гораздо большею ученостью; и пусть рѣчь другого, болѣе приличествующая возвышенности нашего предмета, прогремитъ въ ушахъ всѣхъ императрицъ и королевъ. Быть можетъ тогда и тѣ, которымъ слѣдуетъ брать примѣръ великаго отъ великихъ и особенно отъ той, чью жизнь мы описываемъ, пойдутъ стезею чести, или по крайней мѣрѣ, оживятъ своимъ попеченіемъ домашній бытъ, какъ наша государыня въ теченіе многихъ лѣтъ и на обширномъ пространствѣ укрѣпляла общественное благосостояніе.

Предисловіе окончено.

Начинается поименованная Книга.

1. Въ наши дни [2]), когда счастливо держалъ скипетръ Оттонъ-Первый, всемогущій Богъ, податель всякой славы и чести даровалъ Римской имперіи (т.-е. Германіи) достохвальное украшеніе въ лицѣ женщины. И близка была къ Богу императрица Аделаида; да будетъ священна и препрославлена память ея, виновницы многихъ добрыхъ и честныхъ дѣлъ. Принимаясь за составленіе письменнаго сказанія о ней въ воспоминаніе потомству, мы страшимся тяжкаго упрека за то, что, не смотря на свои ограниченныя способности, рѣшились описывать такое величіе и такую добродѣтель слогомъ простымъ и ничтожнымъ. Но если кто обвинитъ насъ по заслугамъ за отсутствіе красотъ слога или за преждевременность избраннаго предмета, и

---

[1]) Adelheida, Adelegida; см. о ней выше, у Ліутпр. Antapod. IV, 12, на стр. 415; и у Росвиты, выше, на стр. 458.

[2]) Во второй половинѣ X вѣка.

простоту оборотовъ рѣчи, тому мы смѣло можемъ отвѣтить, что не желаніе людскихъ похвалъ руководило нами, а влеченіе искренней и чистѣйшей любви. О читатель, если ты съ полнымъ правомъ отвернешься отъ меня, не найдя въ моемъ трудѣ признаковъ высокаго таланта, взгляни тогда по крайней мѣрѣ на душевную и тѣлесную красоту той, въ честь которой мы взялись за свой трудъ. Если ждать человѣка, одареннаго такимъ языкомъ и такою мудростію, чтобы изобразить достойнымъ образомъ дни этой жены, то пришлось бы вызвать изъ преисподней оратора Цицерона или призвать съ небесъ бл. Іеронима. Если бы во времена той добродѣтельной жены жилъ съ нами исполненный святости, несравненный въ знаніи божественныхъ и человѣческихъ наукъ, бл. Іеронимъ, то онъ, подъявшій трудъ на прославленіе въ книгахъ и письмахъ Павлы и Евстохіи, Марцеллы и Меланіи, Фабіолы и Блезиллы, Лэты и Димитры, и той семь кратъ прободенной мученицы [1]), посвятилъ бы и во славу ея немалое число книгъ. Но въ наше время, нѣтъ ни Іеронима, ни другого такого мужа, котораго бы познаній въ высокихъ наукахъ было достаточно для изображенія жизни и нравовъ подобной жены, а потому да позволено будетъ, съ божьей помощью и сообразно съ нашими силами, приступить къ такому дѣлу намъ, людямъ темнымъ.

2. Происходя изъ королевскаго и богобоязненнаго рода [2]), она по божьему соизволенію, въ ранней юности, имѣя едва 16 лѣтъ отъ роду [3]), соединилась брачнымъ союзомъ съ королемъ. А именно, она вступила въ супружество съ королемъ Лотаремъ (931 — 950), сыномъ Гуго (926—947), могущественнаго властителя Италіи. Отъ этого брака родилась дочь (Эмма), отъ которой Лотарь, король Франціи, имѣлъ сына, короля Людовика (V, Лѣниваго), умершаго бездѣтнымъ, и, какъ извѣстно, похороненнаго, съ другими королями, въ Компьенѣ. Года три [4]) спустя послѣ брака съ Аделаидой, Лотарь умеръ, оставивъ ее вдовой, лишенною власти и супружескаго счастія. Тогда наступили для нея дни тяжелыхъ испытаній, какими очищаются избранные, какъ золото въ огнѣ. По-истинѣ, Господь наслалъ на нее земныя бѣдствія для того, чтобы не растлилось отъ преступной любви къ мірскому сердце молодой еще вдовицы. Господу угодно было поразить ее такимъ множествомъ ударовъ, чтобы она, по словамъ апостола Павла (Тимоѳ. V, 6), какъ „сластолюбивая вдовица, не умерла за-живо“. По своей отеческой заботливости, Богъ окружилъ ее всѣми опасностями, чтобы сдѣлать ее чадомъ, достойнымъ Господа, какъ говорится въ св. писаніи (къ Евр. XII, 6): „Господь кого любитъ, того наказываетъ; и біетъ всякаго сына, о которомъ благоволитъ“.

---

[1]) Женщина изъ Верчели; ср. Hieron. ep. 49 ad. Innocent. Lib. III. ep. VII. Duchesne.

[2]) Изъ рода Вельфовъ; она была дочь Рудольфа II, короля Бургундіи и Италіи, и Берты Швабской; см. въ концѣ тома Родосл. табл. № 2.

[3]) По Ліутпр. (Antapod. IV, 12; см. выше, стр. 415), она вышла замужъ въ 937 г. или 938, а слѣдов. родилась въ 921 или 922 г.

[4]) Авторъ или переписчикъ ошибаются: кор. Ит. Лотарь умеръ въ 950 г., слѣдов. не три, а тринадцать лѣтъ послѣ женитьбы на Аделаидѣ.

Разсуждая съ вѣрными своими домочадцами, какъ много перенесла она въ то время тяжкихъ испытаній, и какъ всеблагій Господь освобождалъ ее изъ рукъ враговъ, она всегда благодарила за то Бога. Всегда помнила, что легче перенести временныя наказанія, чѣмъ, живя въ наслажденіяхъ, быть осужденной на узы вѣчной смерти.

3. Какъ только умеръ супругъ ея, Лотарь (750 г.), итальянской короны началъ домогаться нѣкій мужъ Беренгарій, супруга котораго называлась Виллою [1]). Аделаида была постыднымъ образомъ захвачена имъ безъ всякой вины съ своей стороны, предана различнымъ пыткамъ, лишена волосъ, неоднократно подвергалась побоямъ, и наконецъ, ее бросили въ темницу съ единственною служительницею (20 апр. 951 г.). Освобожденная небеснымъ промысломъ, она достигла впослѣдствіи, по божьему опредѣленію, высшей степени могущества. Въ ту самую ночь (20 авг.), когда ей доставили случай уйти изъ темницы [2]), она укрылась въ болотахъ. Тамъ пришлось ей проводить цѣлые дни и ночи безъ пищи и питья, испрашивая помощи у Бога. Въ такомъ положеніи нашелъ королеву совершенно неожиданно рыбакъ, имѣвшій у себя въ лодкѣ рыбу, называемую осетромъ. Увидѣвъ женщинъ, онъ спросилъ, кто онѣ такія, и чѣмъ тутъ занимаются. Несчастныя отвѣчали ему такъ, какъ только могли въ своемъ тяжкомъ положеніи: „Развѣ ты не видишь, что мы заблудились и лишены всякой помощи, а что еще хуже, страдаемъ отъ одиночества и голода? Если можешь, дай намъ какой-нибудь пищи; если же не можешь, то не оставь, по крайней мѣрѣ, насъ безутѣшными“. Движимый состраданіемъ, рыбакъ отвѣчалъ имъ также, какъ и Спаситель, пославшій его, говорилъ нѣкогда голодавшимъ нищимъ въ пустынѣ: „У насъ нѣтъ ничего съѣстного, кромѣ рыбы и воды“. По обычаю всѣхъ занимающихся рыбною ловлею, какъ промысломъ, онъ имѣлъ при себѣ огонь. Развели костеръ, изготовили рыбу; королева стала кушать, а рыбакъ и служанка прислуживали.

4. Въ то самое время явился монахъ, раздѣлявшій съ нею заключеніе въ темницѣ и бѣгство, съ извѣстіемъ, что вблизи находится отрядъ вооруженныхъ всадниковъ. Съ большою радостію всадники приняли ея сторону и отвели королеву въ неприступную крѣпость. Впослѣдствіи времени (962), соизволеніемъ божьимъ и по приговору итальянскихъ князей, она была вознесена съ королевскаго престола на высоту императорскаго сана. Изъ всѣхъ императрицъ она болѣе всѣхъ заслужила то, чтобы называться и быть почитаемой императрицею.

Подобныхъ не бывало ей, — Возвысившей имперію;
Жезлу и римскому мечу — Она успѣла подчинить
Властителей Германіи — И царства Итальянскаго;
Оттонъ Великій пріобрѣлъ — Верховный санъ съ ея рукою,
А сынъ ея, Оттонъ второй — Красою былъ имперіи.

---

[1]) Беренгарій II, кор. Ит. съ 950 г., маркгр. Иврейскій, врагъ Ліутпранда (Antapod. V, 4, на стр. 447).

[2]) Крѣпость Гарда. Ср. у Росвиты, выше, на стр. 458.

5. Относительно благородства ея крови достаточно сказаннаго выше. Благородства же души ея, и тѣхъ путей и средствъ, которыми оно проявлялось, не изобразитъ въ должной мѣрѣ никто изъ смертныхъ. Ибо, говоря въ короткихъ словахъ, сообразно съ своими малыми силами—

Твердая вѣрой, надеждой, и братской любовью пылая,
Скромная, мудрая, съ волею крѣпкою, правды держася,
Вѣкъ свой блаженно она прожила, управляя дѣлами
Съ помощью Господа, властью Его же держимся всѣ мы.

Вполнѣ можно примѣнить къ этой святой женѣ, слова премудраго Соломона [1]): „Руки свои отверзаетъ бѣдному, и длань свою простираетъ нищему. Не боится мужъ ея за своихъ домочадцевъ, если гдѣ ему случится промедлить: у нея всѣ одѣты. Она изготовила двойную одежду своему мужу, а сама облечена въ виссонъ и пурпуръ. Мужъ ея славенъ у воротъ, когда онъ возсядетъ на сонмѣ со старѣйшинами земли. Она же изготовляетъ полотно и продаетъ финикійцамъ, а поясы хананейскимъ купцамъ. Рѣчь ея обдуманна и законна, и языкъ знаетъ порядокъ. Здоровье и красота одѣваютъ ее, и ждетъ ее радость въ послѣдніе дни. Она слѣдитъ за всѣмъ въ домѣ, и не даромъ ѣстъ хлѣбъ. Наставленія ея мудры и правдивы; милостью ея поправились домочадцы и обогатились, а мужъ похвалилъ ее. Многія дщери человѣческія принесли богатство и доставили силу, но ты преуспѣла и превознеслася предъ всѣми“.

Все разсказанное нами о ней, узнали мы не по слуху, но видѣли и испытали сами лично; много мы имѣли съ нею душеспасительныхъ бесѣдъ, много получили даровъ отъ нея. Нуждающихся въ деньгахъ она нерѣдко обогащала, а тѣхъ, которые едва могли снискать дневное пропитаніе, возводила въ почести. Сдѣлавшись на украшеніе міру супругою Оттона Перваго и Великаго, славнѣйшаго всеміpнаго императора, и на спасеніе многимъ матерью царствующаго рода, она удостоилась одной благодати съ Товіею, который, какъ мы читаемъ въ книгѣ отцовъ, могъ гордиться тѣмъ, что видѣлъ дѣтей своихъ даже до третьяго рода.

6. По смерти императора Оттона (973), императрица съ сыномъ (Оттономъ II) долгое время счастливо управляла Римскою имперіею. Но когда, по волѣ промысла, безкорыстными заслугами и трудами императрицы, Римская имперія была возвеличена, нашлись злые люди, которые посѣяли между ними раздоръ. Обманутый ихъ лестью, императоръ отвратилъ сердце отъ своей матери. Еслибы стать описывать, какъ много и какъ сильно страдала она въ то время, то могло бы показаться, что мы покушаемся затемнить славу столь высокаго рода; и перо наше не должно пускаться въ подробности того, что́ прекратилось вскорѣ отъ сыновняго смиренія. Полная любви къ своему сыну, она не имѣла, однакожъ, силъ терпѣть виновниковъ раздора,

---

[1]) Притч. Солом. 31, 20—29. Авторъ, для характеристики Аделаиды, по обычаю того времени, заимствуетъ цѣликомъ идеалъ хозяйки дома изъ еврейской образованности.

и, согласно словамъ апостола (Римл. XII, 19), сдержала свой гнѣвъ и рѣшилась возвратиться на родину (978 г.). Тамъ приняли ее съ радостью и всевозможными почестями братъ ея Конрадъ и супруга его Матильда [1]). Горевала объ ея отсутствіи Германія, за то возрадовалась вся Бургундія ея прибытію, ликовали славный городъ Ліонъ, когда-то бывшій колыбелью философіи, и Вьеннъ, преславная столица короля.

7. Вскорѣ послѣ того императоръ Оттонъ (II), побуждаемый угрызеніями совѣсти, отправилъ (980 г.) посольство къ своему царственному дядѣ и къ отцу, блаженной памяти, Майолу [2]), прося ихъ содѣйствовать всѣми силами къ скорѣйшему возвращенію расположенія матери, утраченнаго имъ по своей собственной тяжкой винѣ. Неоднократно повторялъ онъ свои просьбы и мольбы, чтобы они вмѣстѣ съ его матерью поспѣшили прибыть на свиданіе съ нимъ въ Павію. По совѣту столь достопочтенныхъ лицъ, мать съ сыномъ съѣхались въ назначенный день въ Павіи [3]). Едва завидя другъ друга, съ воплями и слезами повергнись они оба на землю и со смиреніемъ привѣтствовали другъ друга: сынъ, полный раскаянія и уничиженія, мать же—съ искреннею готовностію простить виновнаго. Съ тѣхъ поръ между ними господствовало ненарушимое, постоянное согласіе.

8. Немного спустя послѣ того (983) Аделаида лишилась единственнаго своего сына, которому наслѣдовалъ Оттонъ Третій, сынъ гречанки [4]). Она испытала въ прежнее время столько ударовъ судьбы, что едва-ли слѣдуетъ упоминать еще о тѣхъ несчастіяхъ, которыя постигли ее по смерти сына. Хотя упомянутая греческая императрица была во многомъ въ ея пользу и обнаруживала совершенное расположеніе къ ней, но теща императора нерѣдко причиняла ей огорченія. Наконецъ, по наущенію одного извѣстнаго грека [5]) и другихъ льстецовъ, она произнесла однажды слѣдующія слова съ угрозою, сопровождая ихъ соотвѣтственными движеніями рукъ: „Если я проживу еще годъ, то Аделаидѣ на всемъ свѣтѣ не останется куска земли больше, чѣмъ сколько можно захватить рукою." Такое неосторожное слово вызвало божеское наказаніе, а именно, не прошло и 4 недѣль, какъ греческая императрица разсталась съ этимъ свѣтомъ, а пережившая ее императрица Аделаида продолжала наслаждаться своимъ счастьемъ. Оплакивая по этому случаю непостоянство судьбы, она не переставала заботиться о Римской имперіи, нуждавшейся по тогдашнимъ обстоятельствамъ въ ея помощи. Оттонъ Третій, сынъ ея единорожденнаго, воспитанный въ чести и съ успѣхомъ князьями имперіи, оказывалъ ей должное почтеніе. Вслѣдствіе того, заслугами

---

[1]) Конрадъ I, король Бургундскій, наслѣдовалъ своему отцу Рудольфу II, съ 937 г. до 993 г. и былъ женатъ на дочери французскаго короля Людовика IV Заморскаго, Матильдѣ.

[2]) Предшественникъ автора по управленію Клюньи, умершій 995 г.

[3]) Оттонъ II оставался въ Павіи до 5 декабря 980 г.

[4]) Ѳеофаніи, дочери Романа II; см. выше примѣч. къ ст. 31, на стр. 476.

[5]) Іоаннъ изъ Калабріи.

своей бабки и содѣйствіемъ князей онъ достигъ званія римскаго императора (21 мая, 996 г.). Такимъ образомъ, императрица Аделаида, съ ранней молодости перенеся такъ много огорченій отъ чужихъ и своихъ, можетъ сказать съ пророкомъ [1]): „Отъ юности моея часто преслѣдовали они меня“ и т. д.... Теперь я позволю себѣ упомянуть о томъ, что́ составляло предметъ ея заботъ и въ счастіи, и въ несчастіи. А именно, царствуя божіей милостью съ императорами Оттонами, сперва съ мужемъ, потомъ съ сыномъ, и, наконецъ, со внукомъ, во многихъ государствахъ она повсюду основывала на свой счетъ монастыри во славу Царя царствующихъ.

9. Въ государствѣ своего отца, благороднѣйшаго короля Рудольфа (II), и своего брата Конрада, на мѣстѣ, называемомъ Петерлингенъ, основала она монастырь въ честь Божіей Матери [2]). Тамъ же она похоронила свою мать, королеву Берту, съ смиреніемъ служившую Богу, и самый монастырь на вѣчныя времена отдала св. отцу Майолу и его преемникамъ, съ тѣмъ, чтобы устроить его, сообразно съ ея щедротами и предписаніями короля Конрада. Впослѣдствіи Аделаида начала строить монастырь близъ Павіи, въ Италіи, во имя Искупителя міра, и окончила его приличнымъ образомъ и помощью богатыхъ подарковъ и содѣйствія императора; монастырь этотъ, надѣливъ его обширными землями и многими драгоцѣнностями, она передала тому же отцу Майолу для введенія въ немъ правилъ устава. По вступленіи же на престолъ вышеупомянутаго государя, она, вмѣстѣ съ своею единственною, отличавшеюся необыкновеннымъ умомъ, дочерью [3]), часто посылала подарки въ женскіе монастыри Саксоніи.

10. Лѣтъ за 12 до своей смерти Аделаида положила основаніе городу Зельцу [4]) и желала даровать ему римскую свободу [5]); впослѣдствіи она вполнѣ достигла своей цѣли.

На этомъ же мѣстѣ построила она и монастырь, освященный съ большою торжественностію и благоговѣніемъ страсбургскимъ епископомъ Видеральдомъ, во славу Бога и князя апостоловъ, 19 ноября, въ присутствіи ея внука, императора Оттона III. А чтобы освященное мѣсто пользовалось еще бо̀льшимъ почетомъ на будущее время, бабка императора, упомянутая нами и достойная упоминовенія, императрица Аделаида, созвала туда соборъ епископовъ. Самый же монастырь снабдила достаточными средствами для приличнаго существованія монаховъ, и предписала ввести въ немъ уставъ св. Бенедикта. Аббатомъ же поставила нѣкоего Экцемагнуса, человѣка

---

[1]) Псалм.

[2]) Петерлингенъ лежитъ въ Швейцаріи, къ западу отъ Фрейбурга.

[3]) Матильда, настоятельница Кведлинбургскаго монастыря, † 968.

[4]) Зельцъ, въ Эльзасѣ.

[5]) Изъ грамоты видно, что это мѣсто было Оттономъ III и Генрихомъ II изъято изъ подъ королевской власти (immunitas), а Іоанномъ освобождено отъ епископскаго суда, и отдано подъ управленіе Римской церкви „не въ видѣ дара, а ради большей свободы.“ Подъ римскою свободою слѣдуетъ понимать неподсудность королевской власти.

съ безупречнымъ поведенiемъ, отличавшагося глубокимъ знанiемъ свѣтскихъ и духовныхъ наукъ, наставленiями котораго, по части св. писанiя, пользовалась она сама. Монастырь она надѣлила землей, постройками, золотомъ, драгоцѣнными камнями, дорогими ризами и многими другими украшенiями въ такомъ изобилiи, что служителямъ алтаря не было ни въ чемъ недостатка. Въ теченiе послѣднихъ четырехъ лѣтъ своей жизни она посвятила своему Создателю себя и свое имущество, снискивая любовь меньшей братiи и нищихъ во Христѣ, дабы, оставя земное убѣжище, молитвами ихъ быть принятою въ обитель вѣчную.

11. Бывъ призываема къ высшимъ государственнымъ занятiямъ, вслѣдствiе затруднительности дѣлъ, она не пренебрегала помогать бѣднымъ и нуждающимся, въ случаѣ несчастiя. Имѣя возможность украшать себя великолѣпной одеждой, и свою голову драгоцѣнными камнями, прилично императорскому сану, она не хотѣла обременять себя этими излишними предметами, предпочитая украшать ими крестъ Спасителя и евангелiе Христово и помогать бѣднымъ. Такимъ образомъ она подражала нашему Искупителю, который, будучи высочайшимъ изъ всего высокаго, не пренебрегъ принять на себя ничтожную человѣческую природу. Кромѣ того, часто оказывала она благодѣянiя многимъ монастырямъ, находящимся въ различныхъ земляхъ, дабы служители божiи, обезпеченные ея щедростiю, съ чистымъ сердцемъ могли молить Бога о помощи ей достигнуть царства небеснаго.

12. Во всѣхъ дѣлахъ соблюдала она строгую справедливость и всѣмъ одинаковую оказывала щедрость, вполнѣ вѣруя, что придетъ судить. Тотъ, для котораго нѣтъ ничего сокрытаго, и который не терпитъ зла и радуется о добродѣтели. Правдивостью возвысила себя, щедростью прiобрѣла общую любовь, и всѣ подвиги милосердiя, согласно ученiю апостола, совершала для Христа, въ полномъ убѣжденiи, что вѣра есть основанiе всѣхъ добродѣтелей. Въ дѣлахъ же милосердiя была такъ великодушна, что скрывала ихъ на столько, на сколько могла, и всего охотнѣе приходила на помощь несчастiю втайнѣ, заботясь о наградѣ изъ устъ нищенствующихъ во Христѣ, а не о мiрской молвѣ. Такимъ образомъ, на ней исполнилось то, о чемъ говоритъ Iовъ [1]): „Благословенiе погибающаго да низойдетъ на меня“. Всѣми мѣрами старалась исполнить заповѣдь пророка [2]): „Ради заповѣди помоги нищему, и въ нуждѣ не отпускай его отъ себя ни съ чѣмъ“,—чтобы, заботясь о живущихъ на землѣ, заслужить вѣчное наслѣдiе на небесахъ.

13. Въ послѣднiй годъ своей жизни (998), предвидя, какъ я полагаю, близкую кончину свою, она, по неизмѣнной любви къ миру, для дѣлъ мира и любви, отправилась на родину и старалась, на сколько могла, примирить враждовавшихъ между собою вассаловъ племянника своего, короля Рудольфа (III, 993—1032), предоставляя, по своимъ правиламъ, божiей волѣ то, въ чемъ сама не успѣвала. Наконецъ, съ какою ревностiю, съ какимъ благоговѣнiемъ посѣщала

---

[1]) Iовъ 29, 13.

[2]) Iисусъ Сирахъ 29, 12.

она св. мѣста, невозможно того и выразить. Такъ, посѣтила она Петерлингскій монастырь, построенный ею, частію изъ своихъ собственныхъ средствъ, частію изъ материнскаго имущества, въ честь Богоматери и во спасеніе души покоившей тамъ ея родительницы, и, по обычаю своему, щедро одарила братію, служащую въ немъ Господу, тѣмъ, въ чемъ нуждалась она для своего земного существованія.

14. При этомъ совершилось чудо, о которомъ я долженъ упомянуть въ этой книгѣ. Императрица, утомленная путешествіемъ, не могла собственноручно раздавать милостыню по своему обыкновенію; вмѣсто себя она поручила раздѣлить деньги между нищими одному изъ братіи. Согласно ея приказанію, онъ началъ раздачу. Оказалось, что число нуждающихся превышало число монетъ, и раздававшій сталъ бояться, что не хватитъ для всѣхъ просящихъ. Но зачѣмъ говорить много?

> Сила чудеснаго въ Немъ выражала безмѣрность заслуги:
> Пять было хлѣбовъ довольно, чтобъ тысячѣ дать пропитанье.

Число монетъ увеличилось само собою, и всѣ нищіе разошлись радостно, получивъ свою долю.

15. Отсюда отправилась она къ св. Маврикію [1]), гдѣ находится та священная скала, которая скрываетъ въ себѣ тысячи мучениковъ. Съ какою набожностію, съ какимъ благоговѣніемъ просила она предстательства великаго мученика Маврикія и съ нимъ пострадавшихъ! Сколько вылетѣло изъ ея груди стоновъ, сколько было пролито слезъ! И нѣтъ такихъ грѣховъ, полагаю, которые бы въ то время не были ей прощены на вѣки.

Наружность королевы внушала болѣе уваженія, нежели наружность иного мужчины; если говорила она, казалось слышались слова пророка [2]): „Пролію предъ Нимъ моленіе мое и печаль мою предъ Нимъ возвѣщу". Сколько жалости, сколько состраданія, полнаго любви, было у ней ко всѣмъ тѣмъ, которые уклонялись отъ заповѣдей божіихъ! Она могла сказать съ пророкомъ: „Я истратила силы для грѣшниковъ", и съ апостоломъ Павломъ [3]): „Кто немощенъ, съ которымъ бы и я не чувствовалъ немощи?" Она такъ оплакивала чужіе проступки, какъ едвали кто-нибудь станетъ оплакивать свое собственное заблужденіе. Съ радостью вспоминала о достоинствѣ и счастіи прошедшаго, ежедневно скорбѣла о недостаткахъ настоящаго и въ особенности будущаго времени. Относительно будущаго, я утверждаю съ полнымъ убѣжденіемъ, что она обладала даромъ пророчества. Мое убѣжденіе могло бы показаться недостаточнымъ, еслибы оно не подтверждалось всеобщимъ признаніемъ.

16. Вотъ примѣръ: въ то время, какъ она, уѣзжая изъ того св. мѣста, молилась въ углу храма, явился къ ней изъ Италіи посланный съ извѣстіемъ, отъ вормскаго епископа Франко въ Римѣ. Высокая

---

[1]) Нынѣ St. Maurice, въ швейцарскомъ кантонѣ Валэ.

[2]) Псал. 142. 3.

[3]) 2 Коринѳ. 11. 29.

повелительница очень любила епископа, пользовавшагося доброй славой, какъ любила всѣхъ добрыхъ людей. Узнавши о его смерти, она подозвала одного изъ слугъ своихъ, со смиреніемъ просила его помолиться за усопшаго, и вѣщимъ голосомъ произнесла слѣдующія слова: „Боже, что́ мнѣ дѣлать, что́ сказать о нашемъ государѣ, моемъ внукѣ? Полагаю, что многіе погибнутъ съ нимъ въ Италіи, и за ними умретъ и великодушный Оттонъ (III), а я останусь одна несчастная безъ всякаго утѣшенія. О Господи, предвѣчный Царю! не дай мнѣ пережить этой ужасной потери!“ Вслѣдъ затѣмъ видѣли, какъ она распростерлась на полу всѣмъ тѣломъ, такъ что казалось душа ея отлетаетъ къ небесамъ, и, какъ будто ища слѣдовъ мученика Маврикія, она покрывала полъ слезами и поцѣлуями. Но поднявшись, послѣ молитвы, Аделаида принесла дары мученикамъ и раздала милостыню нищимъ.

17. Оттуда она отправилась въ Женеву посѣтить св. мощи побѣдоноснаго мученика Виктора, а потомъ въ Лозанну, гдѣ съ благоговеніемъ почтила память Богоматери. Въ тѣхъ мѣстахъ встрѣтилъ ее, съ подобающею почестью, король, внукъ ея, съ епископами. Она продолжала далѣе свой путь къ мѣстечку Орбе, гдѣ пробыла нѣсколько времени, снабжая всѣмъ необходимымъ нищихъ и злосчастныхъ, приходившихъ къ ней. Занявшись вмѣстѣ съ королемъ и князьями разсмотрѣніемъ вопросовъ, касавшихся отечества, упроченія мира и нравственности, она посылала оттуда въ св. мѣста много даровъ различнаго рода. И гдѣ же найдется церковь или монастырь, извѣстный ей, по близости своего положенія или вслѣдствіе родственныхъ ея отношеній, въ который бы не были отправлены, или доставлены ею лично, приношенія? Изъ числа многихъ примѣровъ, я укажу только на нѣкоторые; въ то самое время, когда приближались уже послѣдніе дни ея жизни, она одарила св. отца Бенедикта вещами, хотя не дорогими, но цѣнными, по своему значенію, равно какъ, блаженной памяти, украшеннаго уже вѣнцемъ небеснымъ, отца Майола, котораго въ теченіе всей его жизни, она любила болѣе всѣхъ изъ его званія. Не забыла и столь близкій къ ней Клюнійскій монастырь. На возобновленіе монастыря Исповѣдника Христова, бл. Мартина [1]), опустошеннаго незадолго до того пожаромъ [2]), послала не малую сумму денегъ, а для украшенія алтаря кусокъ отъ мантіи своего сына императора Оттона.

18. Нельзя забыть тѣхъ полныхъ любви словъ, сказанныхъ ею, между прочимъ, посланному съ вышеозначенными подарками: „Прошу тебя, мой дорогой, скажи св. отцу слѣдующее: О пастырь божій, прими снисходительно сіи ничтожные дары, посылаемые тебѣ грѣшницей Аделаидой, супругой раба божія и божіею милостію императрицею. Прими также и частицу мантіи моего императора Оттона, и принеси за него молитвы къ тому, съ которымъ ты раздѣлилъ свое одѣяніе и котораго одѣлъ ты въ лицѣ бѣдныхъ—Христу Спасителю“. Въ тотъ же день и часъ, оставляя вышеозначенное мѣсто, въ при-

---

[1]) Въ Турѣ.

[2]) 997 г. 25 іюля.

сутствіи насъ грѣшныхъ, она представила примѣръ совершеннаго смиренія, и не изъ тщеславія, а съ полнымъ уничиженіемъ, показала намъ, что обладаетъ даромъ пророчества.

19. Тамъ, во время ея прибыванія, находился монахъ [1]), который, если и не былъ достоинъ званія аббата, пользовался однакожъ у нея нѣкоторымъ почетомъ. Встрѣтившись другъ съ другомъ, монахъ и императрица заплакали горькими слезами. По моему сужденію, она дѣлала больше, нежели исцѣленіе многихъ больныхъ, а именно, полная смиренія, она вытирала свои святые глаза грубымъ платьемъ, въ которое была одѣта, прижимала его къ своему благородному лицу, покрывая поцѣлуями, и со смиреніемъ говорила самымъ обыкновеннымъ голосомъ: „О сынъ мой, поминай меня въ своихъ молитвахъ и знай, что въ жизни я не увижу тебя болѣе. Оставляя этотъ свѣтъ, поручаю свою душу молитвамъ братіи". Отсюда отправилась она тѣмъ же путемъ, которымъ прибыла сюда, къ тому мѣсту, гдѣ, по указанію божію, желала приготовить себѣ гробницу.

20. При самомъ концѣ своей жизни, она совершенно отрѣшилась отъ земныхъ заботъ, дабы на свободѣ отдаться божественнымъ размышленіямъ. Даже и домашними дѣлами занималась неохотно. Бывъ долгое время ревностною послѣдовательницею Леи и Мареы, въ ихъ достохвальной дѣятельности, она желала теперь идти путемъ достойнымъ Рахили и Маріи. Углубленная въ чтеніе, неутомимая въ молитвѣ, она уразумѣла ничтожество земного и всею душею стремилась къ небесному. Если кто-нибудь безпокоилъ ее земными дѣлами, она не давала никакого отвѣта, но въ сердцѣ своемъ съ печалью повторяла слова апостола: „Бѣдный я человѣкъ; кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти?" [2]) И вполнѣ надѣясь на божественное вознагражденіе, говорила: „Благодареніе Богу о Іисусѣ-Христѣ". Руководимая небеснымъ указаніемъ, она прибыла въ то мѣсто, гдѣ должна была отдать послѣдній вздохъ своему Господу. Тогда наступилъ именно тотъ день, въ который, памятуя ея сына императора Оттона, творили ежегодное поминовеніе. По обыкновенію собрались туда толпы нищихъ изъ окрестности.

21. Аделаида имѣла обычай, въ дни годовщины своихъ друзей и своихъ домочадцевъ, приносить дары ихъ небеснымъ защитникамъ, а именно, подавать милостыню нищимъ во Христѣ, и вслѣдствіе такого-то обычая собралось туда множество нищихъ. Къ нимъ вышла она сама и, не сомнѣваясь, по примѣру патріарха Авраама, что среди ихъ присутствуетъ Господь, молилась съ полнымъ смиреніемъ, несмотря даже на то, что трудъ превышалъ ослабѣвшія ея силы, дарила нѣкоторыхъ собственноручно, а тѣмъ, которые казались болѣе нуждающимся, приказала выдать платье и другія бездѣлицы. По окончаніи этого духовнаго дѣла одинъ изъ достопочтенныхъ архіепископовъ [3]), по ея желанію, отслужилъ обѣдню. Въ ту самую ночь приключился съ нею лихорадочный припадокъ, и она, слабѣя съ

---

[1]) Самъ Одилонъ.

[2]) Римл. 7. 24.

[3]) Виллигисъ Майнцскій.

каждымъ днемъ, приближалась къ смерти. Несмотря однакожъ на то, Аделаида продолжала, сколько было силъ, заниматься молитвой, и не хотѣла отвращать своего взора отъ Спасителя на какой-либо другой предметъ. Собравшись нѣсколько съ физическими силами, она настоятельно потребовала духовнаго врачеванія. По совершеніи таинства миропомазанія, съ смиреніемъ и истиннымъ благоговѣніемъ причастилась тѣла Господа нашего, на котораго всегда возлагала свои надежды и основывала свою вѣру. Укрѣпленная причастіемъ тѣла Христова, она заставила бывшихъ при ней князей и лицъ духовныхъ пѣть, по обычаю церкви, псалмы покаянія и призывать имена святыхъ.

Потомъ присоединила свой голосъ къ поющимъ, молилась съ молившимися и взывала ко Господу о милости. Она не умѣла, подобно сестрѣ Моисея, прославлять Господа въ звукахъ органа и хорнаго пѣнія, и подобно Давиду воспѣвать Его на струнахъ и арфѣ; но она уже понимала, вмѣстѣ съ послѣдователями Агнца, восхитительные звуки кимвала и исполнилась великою радостію.

22. Въ то время приближался тысячный годъ отъ Р. Х.; полная желанія узрѣть въ обители Царя небеснаго такой день, за которымъ не слѣдуетъ ночь, она часто говорила съ Апостоломъ [1]): „Имѣю желаніе разрѣшиться и быть со Христомъ". Она и не дождалась въ этой жизни праздника Рождества Христова, и, тихо отрѣшившись отъ тѣлесныхъ узъ, когда наступилъ 16-й день счастливаго декабря, вознеслась къ чистому свѣту чистѣйшаго эфира.

Своимъ домочадцамъ она оказывала самое дружественное обхожденіе, чужимъ—полное достоинства приличіе, бѣднымъ—неутомимое состраданіе, украшенію храмовъ господнихъ—щедрую помощь, добрымъ—постоянное благоволеніе, злымъ—справедливую строгость, а въ своихъ желаніяхъ—осторожность, въ страданіяхъ—стойкость, въ счастіи—искреннее смиреніе, въ несчастіи—терпѣливое великодушіе, въ пищѣ—воздержаніе, въ одѣяніи—почти нищенскую простоту, въ чтеніи и молитвахъ, во всенощныхъ бдѣніяхъ и постахъ—неутомимость, въ раздачѣ милостыни—неизмѣнную щедрость. Никогда не гордилась она своимъ происхожденіемъ. Никогда не домогалась человѣческихъ похвалъ тому добросердечію, которымъ одарилъ ее Господь. Никогда не вознеслась ниспосланными ей Богомъ добродѣтелями, и избѣгала ошибокъ, чтобы не раскаяваться потомъ; никогда не увлекалась ни почестями, ни богатствомъ, ни удовольствіями свѣта, но во всѣхъ случаяхъ руководствовалась матерью всѣхъ добродѣтелей—умѣренностью. Она обладала непоколебимою твердостію въ вѣрѣ, крѣпкою увѣренностію въ надеждѣ и чистою любовію къ Богу и ближнимъ—этимъ корнемъ всѣхъ благъ и источникомъ добродѣтелей. Какъ высока и прекрасна была ея жизнь, возвѣстилъ самъ Господь силою чудесъ на ея гробѣ. Для описанія ихъ потребовалась бы особая книга; въ нашемъ же сочиненіи представить того невозможно. Однако, чтобы не покрыть такого дѣла совершеннымъ молчаніемъ, я упомяну объ этихъ чудесахъ вообще.

---

[1]) Филиппійцамъ 1. 23.

23. На ея гробѣ слѣпымъ возвращалось потерянное зрѣніе, разбитымъ параличемъ — употребленіе членовъ, страдающими лихорадкой—выздоровленіе. Многіе больные исцѣлились тогда благодатью и милосердіемъ Господа нашего Іисуса Христа.

Одилонъ, аббатъ Клюньи.

Vita s. Adalgeidae imperatricis.
У Pertz, Mon. IV, 636—645.

Одилонъ, аббатъ Клюньи (Odilo, abbas Cluniacensis; род. 962 г., умеръ 1049; абб. съ 993 г.) принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ политическихъ и общественныхъ дѣятелей XI столѣтія (см. біографію его, писанную его же ученикомъ, ниже, въ ст. 50; ср. ниже ст. 53). Составленное имъ жизнеописаніе Аделаиды имѣло цѣлью прославить тѣ принципы новой реформы, которая совершилась въ X стол. въ нѣдрахъ монастыря Клюньи, распространилась по цѣлой Европѣ и подготовила тѣмъ всеобщую реформу церкви, исполненную Григоріемъ VII Гильдебрандомъ, получившимъ воспитаніе въ правилахъ клюнійской школы. Монастырь Клюньи [1]) былъ основанъ въ 909 *Берпономъ*, но настоящимъ его преобразователемъ былъ *Одо* (927—942), который, среди всеобщаго паденія нравовъ, задумалъ обновить европейское общество, и началъ съ своего монастыря учрежденіемъ въ немъ строгихъ правилъ жизни. Вскорѣ его правиламъ подчинились многіе монастыри Франціи, Бургундіи, Италіи и Германіи; въ самомъ Римѣ былъ основанъ монастырь клюнійской конгрегаціи S. Paulo fuori le mura, откуда и вышелъ Григорій VII. Преемники Одо, *Эймаръ* (942—954) и *Майолъ* (954—993) продолжали его работу, и аббатъ Клюньи къ концу X вѣка сдѣлался верховнымъ владыкою и судьею западной Европы; императоры, короли и даже папы призывали ихъ къ себѣ для разрѣшенія недоумѣній, и *аббатство аббатствъ*, такъ назывался монастырь Клюньи въ X и даже въ XI вѣкѣ, можно сказать, одно представляло собою въ ту пору дѣйствительное правительство Европы при всеобщей деморализаціи власти. Потому имена тѣхъ аббатовъ, въ исторіи европейской образованности, занимаютъ болѣе важное мѣсто, нежели исторія королей и папъ того времени (Lorain, Histoire de l'abbaye de Cluny. Par. 1845); наконецъ, самый вѣкъ Гильдебранда былъ подготовленъ клюнійскою реформою, а вступленіе Григорія VII на папскій престолъ доставило возможность идеямъ Одо и Одилона пріобрѣсть въ первый разъ публичную власть. Св. Аделаида, какъ королева Бургундіи, Италіи и Германіи, имѣла большое вліяніе на повсемѣстность клюнійской реформы, почему Одилонъ и посвятилъ на описаніе ея жизни свой трудъ. Ср. ниже, статья 35.

---

[1]) Въ Бургундіи, близъ г. Макона, департ. Saône-et-Loire.

33. Жизнь св. Бруно, архіепископа Кельнскаго. 928—965.

(Въ 966 г.).

Предисловіе автора біографіи.

Милостью Христа блаженному и въ полномъ блескѣ премудрости свѣтлѣйшему архіепископу Фолькмару [1]), своему господину, послѣдній изъ его слугъ, *Руотгеръ*, желаетъ славы вѣковѣчной! Вы, достопочтенный и святѣйшій господинъ, возложили на меня тяжкое, но сладкое бремя, а именно, написать, какъ съумѣю, жизнь великодушнаго и вызывающаго удивленіе архіепископа Бруно. Хотя онъ своими добродѣтелями заслужилъ славу, которой мое слабое перо не въ состояніи описать по достоинству, но тѣмъ не менѣе для меня было величайшимъ наслажденіемъ осмѣлиться говорить о жизни великаго человѣка, ибо на то я получилъ отъ васъ приказаніе. Въ началѣ своей жизни Бруно обнаружилъ такія качества души, что, казалось, онъ родился не для того, чтобы жить для себя, но былъ сотворенъ единственно для спасенія и блага людей. Какое безчисленное множество знаемъ мы его подвиговъ, заслуживающихъ вѣчнаго воспоминанія! Но пусть читатель не ожидаетъ, чтобы я, или кто другой, былъ въ состояніи справиться съ такимъ огромнымъ матеріаломъ; еслибы кто захотѣлъ на дѣлѣ исполнить подобное предпріятіе во всемъ объемѣ и сообразно съ истиною, то ему пришлось бы написать цѣлыя книги о каждомъ отдѣльномъ годѣ. Я думаю, что нужно было бы заняться многимъ и во многихъ мѣстахъ, чтобы передать грядущимъ поколѣніямъ воспоминанія о его дѣятельности или устно, или письменно, ибо его вліяніе не ограничивалось одною какою нибудь провинціею, или однимъ какимъ нибудь государствомъ: куда бы онъ ни являлся, вездѣ его кротость, трудъ и ревность направлялись на благо и успѣхъ человѣчества. Многіе между нами могли бы представить о томъ громкое и краснорѣчивое свидѣтельство, и если иные не обладаютъ литературными дарованіями, то во многихъ мѣстахъ науки и искусства, поддерживаемыя учениками Бруно, служатъ ему живыми памятниками и достигли такого процвѣтанія, что тѣ мужи могли бы не только разсказать о величайшихъ и знаменитѣйшихъ его дѣяніяхъ, но и украсить свою рѣчь. Какъ много знаемъ мы учениковъ этого великаго человѣка, достигшихъ званія епископа, какъ многіе изъ нихъ прославились примѣрнымъ исполненіемъ обязанностей своего духовнаго призванія! Всѣ они пользовались особеннымъ его довѣріемъ и могли бы прославить болѣе совершенно жизнь своего наставника великимъ памятникомъ бытописанія. Но, о мой высокій владыко, кто же такой я, осмѣлившійся отвѣчать на твое желаніе?! Впрочемъ я сдѣлалъ свое дѣло, какъ умѣлъ, не питая особеннаго довѣрія къ своимъ силамъ, но слѣдуя безпрекословно чувству повиновенія. И если для меня было невозможно достигнуть пред-

[1]) Фолькмаръ наслѣдовалъ Бруно, послѣ его смерти, въ 965, а самъ умеръ въ 967 году.

назначенной цѣли, за то я старался почтить и оцѣнить ваше приказаніе во всей его важности, и, позабывъ недостаточность своихъ силъ, погрузился въ васъ и окомъ, и духомъ. Вслѣдствіе того я прибѣгаю къ щедротамъ вашей милости, прося замѣстить отсутствіе въ моемъ трудѣ лоска и ораторскихъ украшеній мыслью, что я пишу жизнь того мужа, котораго вы любили несказанно за его добродѣтели. Всемогущій Богъ да сохранитъ васъ къ нашему благу невредимымъ и благополучнымъ на долгое время.

Жизнь архіепископа Бруно начинается.

1. Дѣло мудраго, безъ сомнѣнія, состоитъ въ томъ, чтобы знать, откуда происходятъ тѣ дары, которыми мы надѣлены: но да не подумаетъ кто нибудь, что они имѣютъ свой источникъ въ насъ самихъ, или сообщены божествомъ по нашему праву и заслугамъ. Потому что на вопросъ: что̀ принадлежитъ намъ по праву? мы должны отвѣчать: быть наказанными; но божеское милосердіе дѣйствовало предвѣчно, чтобы доставить человѣкамъ благодать на благодать; и если человѣкъ пріобрѣлъ что-нибудь, то потому, что Богъ такъ восхотѣлъ, а не потому, что человѣкъ заслуживалъ того; „ибо, говоритъ апостолъ [1]), что̀ ты имѣешь, чего бы не получилъ? а если получилъ, что же хвалишься, какъ будто не получилъ?“ Но по необъяснимому предопредѣленію божественной благодати, избранники божіи надѣлены драгоцѣнными и богатыми дарами этой благодати, но такъ, что они по ней заслуживаютъ, до извѣстной степени, то, чѣмъ они надѣлены; одинъ надѣленъ болѣе, другой менѣе, но повсюду находится тотъ же духъ, который дѣйствуетъ во всѣхъ, сообщаясь каждому по мѣрѣ его возможности. Только своего единороднаго сына надѣлилъ Богъ не по мѣрѣ своей воли, „ибо въ немъ, какъ говоритъ апостолъ [2]), обитаетъ вся полнота божества тѣлесно“; своихъ же членовъ одаряетъ онъ по вмѣстимости каждаго; онъ даетъ имъ все для пользованія, все, т.-е. самого себя, ибо „Богъ есть все во всемъ“ [3]). Эти различныя величины и то разнообразное распредѣленіе даровъ составляютъ въ высшей степени замѣчательный вопросъ, какъ тотъ домъ божій, прекрасный въ своей славѣ и богато разукрашенный, со временемъ явится, и о которомъ сказано: „Это твой святой храмъ, дивный въ своей гармоніи“ [4]).

2. Еще недавно многіе могли смотрѣть на достопочтеннаго кёльнскаго епископа Бруно блаженной памяти, и мудрые узнавали легко, что̀ прославляетъ этого мужа и ставитъ его выше братьевъ. Тѣ, которые наслаждались его обществомъ и дружбой, не могли довольно надивиться его рѣчамъ и дѣяніямъ. Въ немъ соединялись два рода весьма различныхъ качества: благородство происхожденія, высокое

---

[1]) I къ Коринѳ. 4, 7.

[2]) Къ Колосс., 2, 9.

[3]) I къ Коринѳ., 15, 28.

[4]) Псал. 64, 5, 6.

званіе, изумительное богатство познаній, которыя обыкновенно дѣлаютъ человѣка заносчивымъ, вмѣстѣ съ такою кротостью сердца и смиренною внѣшностью, что можно было подумать: нѣтъ никого, кто былъ бы ниже его. Все, что служитъ расточительной и роскошной жизни, находилось въ его распоряженіи, но онъ тщательно и неуклонно старался объ устраненіи всего того отъ себя. Однимъ онъ былъ для внѣшняго ока людей, другое находилъ въ немъ тотъ, кто искалъ его сердцемъ. Впрочемъ, я думаю, для назиданія многихъ будетъ достаточно, если мы, при описаніи жизни Бруно, начнемъ прямо съ его дѣтскихъ лѣтъ: уже и въ нихъ бѣдные и уничиженные найдутъ для себя утѣшеніе и отраду, а знатные и богатые—серьезный урокъ и предостереженіе. Его предки, какъ только помнятъ люди, принадлежали къ благороднѣйшимъ мужамъ въ народѣ [1]); нѣтъ никого въ его родѣ, который былъ бы обезславленъ или обезчещенъ; но Бруно превзошелъ всѣхъ, исключая преславныхъ императоровъ и королей, пріятностью нравовъ, славою въ наукахъ и искусствахъ, и другими всякаго рода нравственными преимуществами. Онъ родился въ то время, когда его отецъ, преславный король Гейнрихъ (I), смирилъ дикихъ варваровъ (т.-е. венгровъ), уничтожилъ опасности внутренней войны, началъ съ величайшимъ рвеніемъ дѣло возстановленія государства изъ его развалинъ, и сталъ править ему преданнымъ народомъ, съ мечемъ правды въ рукахъ и въ твердомъ счастливомъ мирѣ. Такимъ образомъ, время его рожденія было само по себѣ предзнаменованіемъ тѣхъ благъ, того благоденствія и благословенія, которыя онъ, впослѣдствіи, утвердилъ [2]). Стремясь всею душою ко всему доброму, онъ желалъ прежде всего мира, какъ основы и опоры всякой добродѣтели, мира, который, какъ ему было извѣстно, вызываетъ и обусловливаетъ всякое благо. Дѣйствительно, спокойныя времена необходимы человѣку для упражненія и укрѣпленія себя въ добродѣтели, чтобы онъ въ минуту тревоги и борьбы могъ обнаружить силу и твердость.

---

[1]) Нашъ авторъ не останавливается на родословной Бруно и только напоминаетъ своимъ современникамъ то, что́ имъ было извѣстно. Вотъ родословная, связывающая Бруно съ фамиліею Карла В. и его знаменитаго соперника Видукинда, герцога саксовъ:

Видукиндъ.		**Карлъ Великій.**	
Вигбертъ.		Людовикъ Благоч.	
Вальбертъ.	Лудольфъ, герц. Сакс.	Гизела с. Эбергардъ.	
Тіодрикъ.	Оттонъ Свѣтлѣйшій супр.	Гадувика.	Беренгарій I, кор. Итал.
Матильда супр.	Гейнрихъ I кор.		
	Оттонъ I имп.	**Бруно**, архіеп. Кёльнскій.	

[2]) Судя по этимъ словамъ автора, Бруно родился около 928 года.

Въ гл. 3, авторъ изображаетъ въ самыхъ сжатыхъ чертахъ картину бѣдственнаго положенія Германіи при Гейнрихѣ I и его торжество надъ внутренними и внѣшними врагами къ началу 30-хъ годовъ X столѣтія.

4. Около этого времени (т.-е. въ 931 или 932 г.), благородное королевское дѣтище (т.-е. Бруно) достигло почти 4 лѣтъ, и для перваго обученія было вручено достопочтенному епископу Утрехтскому Бальдрику, который здравствуетъ и по настоящее время (т.-е. въ 966 г.). Въ то время, когда Бруно, находясь въ такихъ хорошихъ рукахъ, дѣлалъ утѣшительные успѣхи, ярость норманновъ, какъ бы смиренная его обаяніемъ, притихла, и церкви, и прочія зданія, отъ которыхъ едва виднѣлись печальныя развалины, могли быть снова отстроены. Такимъ образомъ, ни одна эпоха его жизни не прошла безъ благословенія и пользы для святой церкви. Ибо хотя и безъ его вѣдома и содѣйствія, но тѣмъ не менѣе чрезъ него и его ради христіанскій народъ, освобожденный отъ враговъ, возноситъ теперь хвалы Богу. Изучивъ начатки грамматики, Бруно началъ читать, подъ руководствомъ своего наставника, произведенія поэта Пруденція [1]); мы слышали о томъ отъ него самого, какъ онъ часто любилъ то разсказывать для прославленія Господа. Этотъ поэтъ каѳолическій и по вѣрѣ, и по стремленіямъ, отличается любовью къ истинѣ и силою языка, пріятенъ по формѣ и богатъ по содержанію; онъ исполнилъ сердце ребенка такою радостью, что этотъ не только усвоилъ себѣ слово-въ-слово его произведенія, но и постигъ ихъ глубокій смыслъ, такъ сказать, чистѣйшій духовный нектаръ, которымъ они пропитаны. Впослѣдствіи не легко было указать на какое нибудь ученое произведеніе римлянъ или грековъ, какого бы оно рода ни было, которое бы онъ не изучилъ при живости своего духа и неутомимости стремленій. И ни громадность его богатствъ, ни громкія и безпокойныя тревоги общественной жизни или какія-нибудь другія препятствія не были въ состояніи отвлечь Бруно отъ такихъ благородныхъ занятій. Его ревностные помыслы и безпрерывные научные труды свидѣтельствовали о ясности его духа; дѣйствительно, духовная дѣятельность и серьезныя работы обратились для него въ привычку, какъ о томъ сказано [2]): „Уже и ребенокъ даетъ знать о себѣ своими занятіями, будетъ ли онъ благочестивъ и праведенъ“. Какъ въ отношеніи самого себя онъ не допускалъ, чтобы распущенность и легкомысліе другихъ ослабляли его ревность, или пустая бесѣда направляла его на худое, такъ и въ отношеніи книгъ, изученныхъ имъ, онъ не могъ терпѣть, чтобы въ нихъ дѣлались перемѣны безъ смысла и толку, чтобы онѣ были произвольно исправляемы, и чтобы вообще съ ними обращались легкомысленно; онъ думалъ, что ни въ чемъ не должно быть небрежнымъ, какъ сказалъ и Соломонъ: „Кто о маломъ небреженъ, тотъ падаетъ мало-по-малу“.

5. Когда умеръ отецъ Бруно (т.-е. король Гейнрихъ I), укрѣпивъ

---

[1]) Христіанскій поэтъ конца IV вѣка, родомъ изъ Испаніи.

[2]) Притчи Соломона 20. 11.

и умиротворивъ свое государство (2 іюля 936 г.), управленіе перешло въ руки Оттона (I), старшаго сына, сильнаго благословеніемъ господнимъ и помазаннаго елеемъ радости, по волѣ и согласію князей, въ сто-восемьдесятъ-восьмой лустръ (lustrum — періодъ 5 лѣтъ), 63 индиктіона отъ рождества Господа нашего І. Христа [2]); это былъ мужъ, которому Духъ божій вложилъ дары истины и вѣры. Описать великія качества этого императора было бы слишкомъ большою задачею, подъ тяжестью которой я могъ бы пасть. Ибо слава его и хвала превысили бы силу краснорѣчія самого Цицерона. Оттонъ вызвалъ своего брата Бруно, уже посвятившаго себя Богу и въ то время еще юношу, для занятія почетнаго и ему подобавшаго мѣста, изъ уединенной школы ко двору, который можно сравнить съ зеркаломъ: при немъ, какъ въ зеркалѣ, все то, что свѣтъ оставляетъ безъ вниманія, является чище и лучше отъ свѣточа науки, ибо туда со всѣхъ сторонъ стекаются всѣ имѣющіе какое нибудь значеніе; преслѣдуемые завистью и клеветою находятъ тамъ вѣрное убѣжище. Тамъ сіяютъ образцы мудрости, благочестія и правды, какіе когда либо встрѣчались на памяти людей. Тѣ, которые прежде даже казались чрезвычайно учеными, при дворѣ Оттона покрывались стыдомъ и чувствовали необходимость начать ученіе съ азбуки, и тѣмъ самымъ какъ бы говорили: „Наконецъ-то мы будемъ имѣть дѣло съ истиной“. У кого несмѣло бьется сердце въ груди, тотъ со страхомъ и трепетомъ держитъ себя въ отдаленіи отъ этого верховнаго судилища науки. Самъ Господь исполнилъ Бруно, этотъ свой сосудъ, духомъ истины и разума. Но Бруно не довольствовался тѣмъ, чтобы собрать въ сокровищницу своего сердца только то, что можетъ быть легко пріобрѣтаемо; нѣтъ, онъ привлекалъ къ себѣ издалека все, что вызывало изумленіе и казалось чудомъ; если какой нибудь историкъ, ораторъ, поэтъ и философъ создавали что новаго и великаго, онъ изслѣдовалъ то тщательно вмѣстѣ съ знатоками того или другого языка; если кто нибудь, при помощи своего быстраго, ловкаго и всеобъемлющаго духа, выступалъ впередъ, какъ учитель, Бруно со всѣмъ смиреніемъ спѣшилъ сдѣлаться его ученикомъ.

6. Часто случалось ему сидѣть между ученѣйшими знатоками греческихъ и римскихъ древностей, когда они вели бесѣду о возвышенности философіи и полной выработкѣ отдѣльныхъ вопросовъ, которые она обнимаетъ; и Бруно являлся среди ихъ ученымъ посредникомъ, представляя спорящимъ сторонамъ примирительныя мнѣнія, вызывавшія одобреніе всѣхъ, кто присутствовалъ, хотя онъ самъ вовсе того не искалъ. Славу для него замѣнялъ голосъ собственной совѣсти, и онъ переносилъ, не оскорбляясь, всякое противорѣчіе себѣ и осуждающій отзывъ. Все это часто замѣчалъ вѣрный глазъ Оттона, величайшаго изъ земныхъ королей, который въ этомъ отношеніи никогда не ошибался; между тѣмъ какъ Оттонъ укрѣпилъ своею силою и мудростью внѣшнюю сторону государства, Бруно облекалъ съ тѣмъ же великолѣпіемъ и блескомъ его внутреннюю

---

[2]) Эти два опредѣленія времени обнимаютъ собою года отъ 935 до 940 и отъ 930 до 934.

жизнь. И видѣлъ все это самъ Господь Богъ, который въ своемъ милосердіи блюдетъ за дарами, которыми надѣляетъ; ибо иначе, какъ могъ бы Бруно, при своемъ высокомъ положеніи, устранить отъ себя всякое высокомѣріе, если бы этотъ благочестивый мужъ не пользовался помощью самого Господа Бога.

7. Епископъ Израилъ Скотигена, учитель Бруно, у котораго по его собственному признанію онъ всего болѣе научился, на вопросъ о достоинствахъ Бруно, отвѣчалъ, что онъ былъ по истинѣ святымъ мужемъ. Вотъ достохвальный и справедливый отзывъ учителя о своемъ ученикѣ! Греки, которые были также его наставниками, приходили въ изумленіе отъ ясности его ума; они разсказывали чудеса о его способностяхъ своимъ согражданамъ, страсть которыхъ въ прежнее время была направлена только на то, „что они говорили или слушали что нибудь новое“ [1]).

8. Какъ часто у него проходилъ весь день за пріемомъ просьбъ угнетенныхъ, за утѣшеніемъ опечаленныхъ и помощью бѣднымъ; и вообще его дѣятельность повсюду была такова, что несчастные смотрѣли на него, какъ на свое прибѣжище. Оттого и происходило то, что даже и въ часы досуга никто не былъ такъ занятъ дѣломъ, какъ Бруно, и среди дѣлъ онъ никогда не оставался безъ досужной минуты. Онъ занимался работой до поздней ночи, и все, что имѣло какое нибудь достоинство, приказывалъ отмѣчать. Латинскимъ языкомъ Бруно не только владѣлъ въ большомъ совершенствѣ, но даже могъ исправлять его у другихъ. Впрочемъ, подобныя замѣчанія онъ не дѣлалъ никогда сердито и ворча, напротивъ съ веселою шуткою и пріятнымъ образомъ. Послѣ обѣда, когда другіе имѣютъ обычай нѣсколько отдыхать, онъ занимался ревностно чтеніемъ и размышленіемъ. Утренніе часы дня не дозволялъ ничѣмъ нарушать, и не терялъ ихъ на сонъ; любилъ читать съ важностью и спокойствіемъ тѣ шутки и мимическія игры, которыя, будучи представляемы многими лицами въ комедіяхъ и трагедіяхъ, возбуждаютъ сильный смѣхъ: содержаніе ихъ онъ ни во что не ставилъ, но цѣнилъ въ нихъ хорошій и изящный языкъ. Его рабочая комната, если можно такъ выразиться, была назначена для прогулки: ибо хотя его духъ всегда пребывалъ въ покоѣ и невозмутимомъ мирѣ, но за то тѣло его нуждалось постоянно въ движеніи. Повсюду, на походѣ и въ палаткѣ возилъ онъ съ собою свою библіотеку, какъ кивотъ завѣта, и былъ снабженъ источниками и средствами для своихъ работъ: источники— въ священномъ писаніи, средства — въ языческихъ произведеніяхъ. Его можно было сравнить съ тѣмъ хозяиномъ, „который выноситъ изъ сокровищницы своей новое и старое“ [2]). Даже во время путешествія онъ не оставался безъ дѣятельности, и среди дѣловой тревоги и суеты людей умѣлъ быть въ уединеніи.

9. На божественной службѣ онъ былъ строгъ и ревностенъ; его молитва—коротка, но ясна. Съ тѣми, съ кѣмъ вмѣстѣ жилъ, онъ былъ привѣтливъ и предупредителенъ, между тѣмъ какъ душа его

---

[1]) Дѣян. Апост. 17. 21.

[2]) Матѳ. 13, 52.

была занята чѣмъ нибудь другимъ. Ничто не могло бы иначе сдѣлать его столь любимымъ всѣми и доставить ему возможность направить столь многихъ на добро. Если какой-нибудь пастырь церкви или вообще хорошій писатель того времени создалъ что нибудь великое въ богословіи, то всякій представлялъ ему трудъ, какъ единственному человѣку, который могъ дать ходъ ему и доставить поддержку; и никто не надѣялся на самого себя и на свои силы, если не былъ увѣренъ, что Бруно станетъ съ нимъ рядомъ, какъ союзникъ въ борьбѣ за божественную правду. Служитель божій имѣлъ во всякомъ дѣлѣ удачу, чтобы онъ ни началъ; народную молву ни во что не ставилъ; для него было ясно не только то, что совершалось на глазахъ, но и отдаленное будущее. Такъ, однажды увидѣвъ своего брата, носившаго имя отца (Гейнриха Баварскаго), и Куно [1]), вступившаго въ родство съ королевскимъ домомъ, какъ они часто вели тайные разговоры, особенно во время службы, онъ пророчески сказалъ: „Какою злою враждою разрѣшится эта дружба, заключенная на погибель". И впослѣдствіи событія оправдали такія слова.

10. Управленіе отдѣльными монастырями было первою духовною обязанностью, возложенною на Бруно еще въ его юности [2]); на основаніи надлежащихъ правилъ церкви онъ съумѣлъ побудить монаховъ, отчасти силою, отчасти съ доброй воли, жить по правиламъ ордена. Съ согласія императора, Бруно далъ мѣстамъ, посвященнымъ Богу, ихъ древнія льготы и права, не извлекая изъ того никакихъ выгодъ ни для себя, ни для приближенныхъ, если только сами монахи, побуждаемые любовью, не приносили ему какихъ-нибудь подарковъ. Такъ видимъ мы въ Лоршѣ [3]), одаренномъ королевскими щедротами, право свободнаго выбора и многія другія благочестивыя воспоминанія, служащія памятникомъ того великаго мужа. Но между тѣмъ какъ онъ, если можно такъ выразиться, шелъ гигантскими шагами отъ одной добродѣтели къ другой, и куда бы ни ступалъ, повсюду приводилъ въ исполненіе волю божію, въ церкви божіей поднялась буря раздора, которая, я полагаю, должна была таиться въ сердцѣ отдѣльныхъ стражей, стоявшихъ предъ вратами божьяго дома (953 г.). И случилось такъ, что нѣкоторые единомышленники дьявола, побуждаемые духомъ зависти, возъимѣли намѣреніе умертвить императора (т.-е. Оттона I), въ которомъ заключено спасеніе всего народа, и который служитъ *свѣтомъ* земли. Почему ихъ злое намѣреніе не исполнилось, о томъ говоритъ евангелистъ: „Кто замышляетъ злое, тотъ боится *свѣта*". По милости божіей замыслы адскаго змія не удались, но злодѣи распространяли ядъ свой мерзости по всѣмъ концамъ государства. Хотя это обстоя-

---

[1]) Куно или Конрадъ Красный, графъ въ округѣ Вормса, Шпейера и долины Наэ (Nahe), былъ назначенъ, по волѣ Оттона I, преемникомъ умершаго герцога Лотарингіи Оттона, въ 944 г.; онъ былъ женатъ на Ліутгардѣ, дочери Оттона I; см. о немъ выше у Росвиты, на стр. 462.

[2]) Въ памятникахъ, имя Бруно, какъ архикапеллана, встрѣчается въ первый разъ въ 940 г.

[3]) На правомъ берегу Рейна, къ с.-в. отъ Вормса.

тельство угрожало повести за собою паденіе законовъ и погибель народа отъ грабежа и убійствъ повсюду, но нигдѣ зло не свирѣпствовало ужаснѣе, какъ въ восточныхъ странахъ. Тамъ и князья, привыкшіе къ своеволію и хищничеству, и народъ, жаждавшій мятежа, все ждетъ взрыва внутреннихъ междоусобій, чтобы обогатиться на счетъ другихъ.

11. Въ то время (9 іюля, 953) былъ отозванъ отъ земли и пріобщенъ къ безплотнымъ духамъ пастырь св. Кёльнской церкви Винфридъ, уже давно ослабѣвшій тѣломъ, но всегда вѣрно преданный императору и отчизнѣ. Народъ, лишенный своего вождя, не смотря на свое замѣшательство, не принялъ никакого участія въ возстаніи, и слѣдуя внушеніямъ дворянства, и всего духовенства, избралъ въ утѣшеніе себѣ Бруно, мужа испытаннаго, благороднаго и великодушнаго. Бруно, при всей своей юности отличался справедливымъ характеромъ и былъ, не смотря на свое высокое и блестящее положеніе, смиренномудръ и добросердеченъ. Въ глубинѣ премудрости, дарованной ему, онъ не стремился знать больше, сколько необходимо, но заботился о томъ, чтобы знать и вмѣстѣ съ кротостью вѣрить; при своихъ царскихъ богатствахъ онъ былъ скупъ на себя и щедръ для друзей. При избраніи его отличился въ особенности епископъ Готфридъ; впрочемъ, трудно сказать, кто кого предупреждалъ при подачѣ голосовъ. Только одно то обстоятельство держало ихъ между страхомъ и надеждою, что, сравнивая достоинство званія съ громкою славою избираемаго, они могли опасаться предложить ему что нибудь невполнѣ достойное его высокаго положенія. И дѣйствительно, если есть во всей имперіи какой нибудь епископскій престолъ, могущественный и славный своимъ духовенствомъ, народомъ, церквами и другими качествами, то это именно Кёльнскій престолъ, единственно достойный подобнаго пастыря.

12. Когда всѣ сходили посмотрѣть еще непогребенное тѣло умершаго блаженной памяти архіепископа и по обычаю выставленнаго для лицезрѣнія, четыре лучшихъ члена святой коллегіи и четыре мірянина, всѣ отличные и по нраву, и по образованію, были избраны въ одинъ голосъ и одну во Христѣ мысль, съ тѣмъ чтобы они извѣстили о всемъ случившемся при дворѣ и, сообщивъ о послѣдовавшемъ за печальною потерею избраніи, умоляли объ избранной уже утѣхѣ осиротѣвшей паствы. И—благодареніе Господу Богу—императорскому величеству было благоугодно воспринять на себя заботы соотвѣтственно времени и мѣсту и немедленно отправить на защиту покинутаго стада гостя, о которомъ умоляли съ такою настойчивостью. Такъ, наконецъ, выступилъ Бруно изъ лагеря земной власти въ скинію небеснаго властителя для борьбы съ врагами духа силою науки и многоиспытанной добродѣтели—этими орудіями вѣры. Его новые спутники скоро узнали по немъ, что онъ одобряетъ, и что его страшитъ. Бруно во всемъ обнаруживалъ привѣтливость и кротость, и хотя ничего не ускользало отъ его проницательности, но тѣмъ не менѣе онъ разспрашивалъ въ точности о своихъ будущихъ обязанностяхъ и привычкахъ жизни, которыя ему надлежитъ принять. Держалъ себя съ достоинствомъ и вмѣстѣ радушно; такимъ

образомъ, онъ являлся предъ толпами, стекавшимися отвсюду, важнымъ, но въ то же время привѣтливымъ, и производилъ на всѣхъ удивительное впечатлѣніе.

13. Наконецъ всѣ прибыли къ святому престолу, который еще прежде временъ былъ назначенъ этому благочестивому правителю, и Богъ вручилъ ему этотъ престолъ во̀-время. Народъ тѣснился отвсюду, и на улицахъ произошло страшное движеніе; изъ монастырей собралось духовенство, во множествѣ стекались монахини; всѣ сословія, оба пола принимали участіе въ этой великой радости. Ликующая церковь въ этотъ торжественный день отлучала отъ груди своего вскормленника, сосавшаго ея сосцы до того времени; теперь онъ выросъ въ благодати и самъ сдѣлался духовною матерью, чтобы въ любви воспроизвести потомъ дѣтей для прославленія Христа. Присутствовавшіе въ большомъ числѣ епископы и сенатъ святого духовенства, при одобреніи и восклицаніяхъ собравшейся толпы, возвели на епископскій престолъ мужа избраннаго Богомъ и людьми и всѣ воздали хвалу Богу, воспѣвая и играя на органахъ и кимвалахъ; всякій по своему выражалъ свою радость.

14. Съ того времени Бруно всѣми своими дѣяніями и помыслами устремлялся на защиту и возданіе почестей святой матери церкви: извнѣ онъ искалъ защиты, внутри—почестей; защиты—въ мирскихъ дѣлахъ, почестей—въ дѣлахъ духовныхъ. Прежде всего онъ любилъ домъ божій, какъ мѣсто обиталища славы господней; часто и явно выражалъ онъ такое свое стремленіе, но было бы излишне о томъ распространяться, такъ какъ память о его великихъ дѣлахъ свѣжа въ народѣ, который никогда не перестанетъ говорить о немъ, пока будетъ преданъ вѣрѣ и истинѣ. Впрочемъ, мы тѣмъ не менѣе намѣрены сказать нѣсколько объ отдѣльныхъ его дѣяніяхъ, какъ то и было предпринято нами, для примѣра и поученія другимъ историкамъ. Но невозможно прослѣдить за всею дѣятельностью такого мужа при ежедневномъ возрастаніи его добродѣтелей, и воздать должную хвалу за его великія заслуги, которыя онъ накоплялъ повсюду, по примѣру трудолюбивыхъ пчелъ, своими добрыми дѣлами и помощью бѣднымъ и утѣсненнымъ, да разносится тѣмъ благоуханіе Христа. Мучимые жолчною завистью, люди невѣжественные въ изящныхъ искусствахъ и наукахъ, старавшіеся клеветою унизить его дѣянія, но не умѣвшіе ни оцѣнить ихъ, ни воспрепятствовать имъ, приготовляли только себѣ смерть и вѣчное осужденіе, какъ угрожалъ пророкъ [1]), говоря: „Горе тѣмъ, которые называютъ зло добромъ и добро зломъ, которые дѣлаютъ изъ мрака свѣтъ, и изъ свѣта мракъ, изъ кислаго сладкое, и изъ сладкаго кислое“.—„Кто послѣдуетъ мнѣ, сказалъ Господь [2]), тотъ не будетъ ходить во тьмѣ“. Но пророкъ, вѣроятно, не спѣшилъ своимъ приговоромъ и едва ли бы осудилъ кого на основаніи своего собственнаго мнѣнія. Участь добраго человѣка не нравится злому, и потому хорошіе люди направляютъ свою жизнь не по празднымъ рѣчамъ толпы, а въ духѣ истины и по собственной совѣсти.

---

[1]) Исаія, 5,20.

[2]) Іоан. 8,12.

15. Не задолго до вступленія въ епископскую должность этого мужа, воспитаннаго въ законѣ божіемъ, мятежные жители нашего государства, возбуждаемые дьявольскимъ духомъ противъ Господа нашего Іисуса Христа, возъимѣли намѣреніе овладѣть Кельномъ, разсчитывая или склонить на свою сторону великодушный народъ королевства Лотарингіи, или навести страхъ безпрерывными вражескими вторженіями, къ чему представляло удобство самое положеніе мѣста. Но когда этотъ сынъ мира, великій стражъ церкви господней, явился въ городъ, тѣ враги мира были поражены неописанною печалью и отчаялись привести свои планы въ исполненіе. Это и послужило источникомъ всѣхъ поношеній, клеветы, брани и разнообразной низкой лжи. Конечно, вся такая клевета не могла поколебать пастыря, ни увлечь его, но разсчитывали ложью отвлечь отъ него сердце паствы. Великіе и мудрые люди могутъ, конечно, возбуждать противъ себя и зависть, и злобу, но сами они не питаютъ такихъ чувствъ.

16. Около этого времени (авг. 953 г.) императоръ и его войско осаждали богатый и могущественный городъ Майнцъ, наполненный врагами имперіи, гдѣ въ прежнее время владычествовала обыкновенно религія во всей своей чистотѣ, и куда теперь стекалась вся мерзость раздора и злобы. Мнѣніе князей и народа о характерѣ архіепископа [1]) расходилось: одни (т.-е. князья) превозносили до небесъ его невинность, прославляли его добродѣтели, и утверждали, что всѣ безпокойства, происходившія въ разныхъ мѣстахъ и особенно въ этой странѣ, были ему ненавистны, что онъ проклиналъ всякія партіи и потому удалился отъ зрѣлища ихъ борьбы, и что ему все равно, кому городъ противится, кому повинуются солдаты. Почти таково было мнѣніе тѣхъ, которые, будучи сами замѣшаны въ тотъ отвратительный заговоръ, хвастались содѣйствіемъ архіепископа, его совѣтомъ и полнымъ довѣріемъ, и защищали себя тѣмъ, что ихъ дѣло не можетъ быть худо, если на ихъ сторонѣ стоитъ такой человѣкъ. Другіе же (т.-е народъ), и это были почти всѣ проникнутые божественною благодатью, полагали, что надобно чтить установленныя Богомъ власти, и со всею преданностью слѣдовали за императоромъ защитникомъ собственности, мстителемъ преступленій и подателемъ почестей. Также и всѣ тѣ, у которыхъ дома осталось имущество, жены и дѣти, и которымъ любезенъ былъ миръ, всѣ они точно также иначе оцѣнивали того мужа (т.-е. архіепископа). Но мы предоставимъ Богу судъ надъ этимъ, и отъ нашего отступленія возвратимся къ главному предмету.

17. Еще до окончательнаго принятія своего новаго достоинства, новый стражъ и нареченный епископъ города Кёльна былъ приглашенъ на совѣтъ императоромъ, знавшимъ его умъ и краснорѣчіе. Въ совѣтѣ голоса раздѣлились: одни склонялись къ одному мнѣнію, другіе къ другому, и нельзя было сказать, кто одержитъ верхъ. Не

---

[1]) Архіепископъ Майнцскій Фридрихъ убѣжалъ въ то время въ Брейзахъ; онъ былъ на сторонѣ лиги князей, возставшихъ противъ Оттона I, въ числѣ которыхъ находился и родной сынъ императора, Лудольфъ.

разъ можно было слышать, какъ тѣ, которые находились въ лагерѣ императорскомъ, хвалили храбрость противниковъ и ихъ дѣло ставили выше своего, такъ какъ сами они дѣйствовали по принужденію и съ величайшею неохотою. Но и у самого непріятеля не было ни одного столь безумнаго человѣка, чтобы осмѣлиться порочить или унижать императорское величество, а потому они возвели вину всѣхъ раздоровъ и всякаго зла на Гейнриха, брата императора, знаменитаго герцога и маркграфа Баваріи, бывшаго ужасомъ всѣхъ варваровъ и народовъ тѣхъ странъ, даже самихъ грековъ. Истина же состояла въ томъ, что чѣмъ кто лучше себя держалъ и вѣрнѣе выполнялъ клятву, данную императору и государству, тѣмъ съ большею ненавистью они его преслѣдовали. На эту-то ненависть и напалъ не медля со всѣмъ жаромъ Бруно, знаменитый и любимый народомъ божіимъ вождь церкви; онъ не допускалъ двусмысленнаго чувства и двойного языка, чтобы было возможно скрывать желательное, и нежелательное обносить клеветами. Онъ не обманывалъ самъ никого, но и другимъ не дозволялъ обманывать себя. Сначала онъ старался тронуть закоренѣлое сердце мятежниковъ, не окажется ли между ними доступныхъ святому убѣжденію и назиданію, и не пускалъ въ ходъ крайнихъ мѣръ, пока тщательнымъ образомъ не развѣдаетъ, куда стремится ихъ безмѣрная дерзость въ своихъ мечтахъ и предположеніяхъ.

18. Во главѣ же этого заговора стоялъ родной сынъ самого императора, Лудольфъ, статный и привлекательной наружности юноша; онъ былъ рожденъ не только для того, чтобы наслѣдовать государство, какимъ оно было, но и придать ему новый блескъ и могущество, если бы не довѣрился обольстителямъ и не пожелалъ бы лучше измѣнить, нежели наслѣдовать. Жадный до власти и богатствъ, онъ не послушался отцовскаго совѣта, и случилось съ нимъ, по превосходному выраженію Соломона, что наслѣдство, къ которому онъ сначала такъ спѣшилъ, въ концѣ не было благословлено [1]). Преславный, хотя еще будущій, но уже избранный епископъ, огорченный неуваженіемъ къ брату и предстоявшею погибелью племянника, отправился въ лагерь, обезпечивъ себя потребованными на этотъ случай заложниками, и, отведя его въ сторону, сказалъ ему, говорятъ, слѣдующее: „Ты не знаешь, о, юноша, ты, славою котораго полнится земля, какъ могъ бы ты быть полезенъ самому себѣ и всѣмъ своимъ, если бы по-истинѣ внялъ сердцемъ моимъ увѣщаніямъ. О, ты, наша гордость и главное попеченіе своего преславнаго отца, какая намъ останется надежда, если ты самъ будешь уничтожать всѣ наши желанія и планы? Ты не хочешь уважить почтенныхъ лѣтъ твоего отца, огорчаешь его, и такое огорченіе не принесетъ тебѣ благословеній. Или ты забылъ отцовскую любовь, которою былъ окруженъ съ самаго дѣтства? Повѣрь, что ты оскорбляешь Бога, когда не чтишь своего отца. Ты ничѣмъ не можешь извинять себя. Его душа болитъ о томъ, что̀ ты предпринимаешь противъ государства, независимо отъ его воли. Ты устроиваешь свои дѣла, сообща съ своими врагами, вмѣсто своихъ

[1]) Притч. Солом. 20, 21.

друзей, какъ то слѣдовало бы; а они ищутъ въ тебѣ не тебя, а своей выгоды; твоя выгода мало заботитъ ихъ; у нихъ все основано на словахъ, а не на истинѣ дѣла. Смотри внимательно, куда они тебя ведутъ, чтобъ имъ не удалось завести тебя. Какъ ты могъ сдѣлаться всеобщимъ бѣдствіемъ, ты, радость и гордость своего отца, надежда и блаженство всей имперіи? О, перестань быть Авессаломомъ, чтобъ сдѣлаться Соломономъ! Подумай только о томъ, кто тебя возвысилъ, кто обязалъ въ отношеніи тебя князей имперіи? Къ чему все это сдѣлалъ отецъ? Не для того-ли, чтобы ты отплатилъ ему неблагодарностью и сдѣлался измѣнникомъ? Безумны тѣ, которые хотѣли тебя обмануть. Берегись ежедневныхъ жалобъ, бойся вѣчно повторяющихся вздоховъ, трепещи при мысли объ отцовскихъ слезахъ. Меньше опечалитъ отца потерять все царство, нежели тебя, для котораго онъ сохранялъ это царство. Твое невинное сердце отравлено ядовитою лестью, а сердце отца разверзто предъ тобою, и нѣтъ въ немъ лжи. Отецъ твой оплакиваетъ сына, котораго отвратила отъ него злоба развращенныхъ людей и будетъ безмѣрно обрадованъ твоимъ возвращеніемъ. Если онъ теперь и распаленъ гнѣвомъ на твоихъ обольстителей, то стòитъ ему возвратить тебя, своего любимца, и гнѣвъ его уляжется; онъ будетъ смотрѣть на все случившееся не какъ на преступленіе, но какъ на извинительное заблужденіе, если только воротишься къ отцу ты, котораго онъ любитъ больше самого себя“.

19. Такими и подобными рѣчами уговаривалъ Бруно, великодушный мужъ, заботясь о спасеніи прекраснаго юноши; но Лудольфъ, какъ будто фуріи разжигали его чувства на злое, не хотѣлъ сдѣлать своего сердца доступнымъ для такихъ убѣжденій, и едва могъ спокойно выслушивать Бруно, чтобъ не позволить себѣ дерзости. При его молодости, ему казалось труднымъ и опаснымъ начать уговаривать своихъ сообщниковъ, которые могли бы служить украшеніемъ и радостью имперіи, если бы не были пропитаны ядомъ злодѣйскаго мятежа. Конечно, для храбраго и отличнаго юноши было лестно видѣть себя окруженнымъ подобными сообщниками, и онъ гордился такимъ превосходнымъ выборомъ сотоварищей. Но предъ всѣми прочими раздражалъ Лудольфа, какъ жаломъ, Куно [1]), нѣкогда храбрый герцогъ, а нынѣ низкій грабитель; уже они, какъ сами говорили, дѣлили между собою богатство и имперію, но на дѣлѣ ихъ усилія оставались безплоднымъ трудомъ, потому что ихъ мучила постоянная забота о личной безопасности. Кончили же они тѣмъ, что тотъ, кто, такъ сказать, имѣлъ уже все въ своихъ рукахъ, остался не при чемъ, потому что захотѣлъ имѣть больше. Между тѣмъ, они боролись всѣми средствами, и хитростью, и мечемъ, и не знали покоя ни днемъ, ни ночью, обнаруживали другъ къ другу недовѣріе и подозрѣніе, перепробовали все, не щадили никакихъ усилій, только бы добиться того, чтобы какимъ нибудь способомъ захватить въ свои руки могущественнѣйшіе города имперіи, имѣя увѣренность, что тогда и остальное государство легко подчинится ихъ власти. И чтобы не пропу-

---

[1]) См. о немъ выше, стр. 495, примѣч. 2.

стить ни одного случая къ обману или кознямъ, они вступили въ тайные переговоры съ Арнольдомъ, весьма значительнымъ человѣкомъ, которому была тогда вручена великая власть въ Баваріи, и дали ему огромныя обѣщанія, возбудили въ немъ старинную вражду, и довели, наконецъ, до того, что онъ сначала отложился отъ герцога Гейнриха (брата Оттона I), а затѣмъ съумѣлъ увлечь къ возстанію знаменитый городъ Регенсбургъ, а за нимъ и всю Баварію. Такую силу успѣла получить зависть и злоба. Въ то же самое время, мятежники пригласили венгровъ, эту старую язву отечества, вторгнуться въ государство, обуреваемое внутренними раздорами; такимъ образомъ думали они если не уничтожить, то уменьшить опасность, которая постоянно висѣла надъ ихъ головою. Это внезапное и непредвидѣнное обстоятельство побудило императора заключить извѣстный договоръ и снять осаду (т.-е. съ Майнца), хотя онъ оплакивалъ болѣе ихъ стыдъ, нежели зло, сдѣланное ему; изъ лагеря онъ быстро поспѣшилъ на востокъ, сопровождаемый тѣми, кого онъ считалъ вѣрнымъ себѣ, съ цѣлью подать помощь тѣмъ странамъ; брата же своего, Бруно, въ виду такого опаснаго времени, онъ оставилъ на западѣ, какъ защитника и правителя, если я могу такъ выразиться, какъ старшаго герцога, обратившись къ нему съ слѣдующею рѣчью: „Я не могу тебѣ высказать, любезный братъ, какъ меня радуетъ то обстоятельство, что мы были съ тобою всегда одного и того же мнѣнія, и наши голоса ни въ чемъ не расходились; а что̀ меня въ моей печали утѣшаетъ всего болѣе, это то, что я вижу, какъ милосердіемъ всемогущаго Бога высшій духовный чинъ примкнулъ тѣсно къ императорскимъ интересамъ. Въ тебѣ соединены пастырское достоинство и королевскій авторитетъ, такъ что ты можешь воздать каждому свое, какъ того требуетъ правосудіе, и отразить и хитрость, и силу врага, ибо ты могуществненъ и правосуденъ вмѣстѣ... Постарайся же, если не поспѣшно, то прочно убѣдить всѣхъ своею извѣстною мудростью, примѣняясь къ обстоятельствамъ времени и мѣста, воздержаться отъ раздоровъ и всѣми средствами возстановить миръ. Какъ ни далеко буду я отстоять отъ тебя тѣломъ, но твоя мудрость и здравомысліе будутъ меня радовать повсюду и составятъ мое счастіе; твоя слава есть и моя слава, и моя—твоя. Я стремлюсь всѣми средствами—и да будетъ это вѣнцемъ нашихъ желаній и радостей—показать и предъ Богомъ, и предъ людьми, что я повсюду утверждалъ благоденствіе, и, сколько могъ, хотѣлъ жить въ мирѣ со всѣми“.

Затѣмъ, обнявъ другъ друга и поцѣловавъ, они разстались не безъ слезъ; императоръ пошелъ на востокъ, Бруно на западъ.

21. Вскорѣ Бруно прибылъ въ Ахенъ (21 сент. 953 г.); туда онъ собралъ князей имперіи, далъ имъ различныя наставленія на всевозможные случаи и заклиналъ, прежде всего, не давать вѣры обольстителямъ и ихъ тщетнымъ обѣщаніямъ, не бояться ихъ угрозъ и не ставить никакихъ обязательствъ выше своихъ клятвъ на вѣрность императорскому величеству. Въ тоже время онъ обѣщалъ имъ быть самимъ во̀-время готовымъ на возстановленіе нарушеннаго мира церкви и, если то будетъ нужно, не щадить собственной жизни. Оттуда онъ отправился въ добромъ расположеніи духа въ Кёльнъ: тамъ его ожи-

дало введеніе въ новое званіе и епископское посвященіе. И поднялась снова великая радость и торжество въ народѣ, когда пастырь божій, украшенный *столою*, появился предъ собравшеюся толпою. И драгоцѣнный нардъ распространялъ повсюду свой ароматъ; въ церкви Бруно отверзъ свои уста и произнесъ рѣчь. По закону, раздался звонъ, когда онъ вступилъ въ святая святыхъ; и всѣмъ, кто ему повиновался и слѣдовалъ за нимъ, онъ служилъ примѣромъ и руководителемъ къ спасенію. Но чтó онъ совершилъ, какъ онъ училъ, какъ былъ преданъ умиротворенію божіей церкви, все это было столько же удивительно для очевидцевъ, сколько трудно для того, кто желалъ бы описать. Его ежедневныя дѣянія до того превосходятъ все совершенное его предшественниками, что дѣятельность его, по сравненію съ дѣятельностью другихъ мужей, кажется невѣроятною, въ отношеніи расширенія и возстановленія храмовъ, перенесенія мощей и останковъ святыхъ въ свою епархію, построенія публичныхъ и частныхъ зданій, устройства домовъ и распорядка господней семьи. Познавая самого себя лучше, нежели кто либо изъ наставниковъ, онъ умѣлъ направлять всѣ изгибы своего сердца, всѣ помыслы разума и душевныя силы на высокіе подвиги разума и добродѣтели. Такъ, въ отношеніи богословія и богопочитанія въ строгомъ смыслѣ, онъ, на основаніи дарованной ему мудрости и слѣдуя каноническимъ и апостольскимъ предписаніямъ, опредѣлилъ, чтобы всѣ лица различныхъ конгрегацій, находившихся въ его округѣ, имѣли одно сердце и одну думу, чтобы всѣ недостатки, какъ-то, излишняя роскошь въ одеждѣ, неравенство образа жизни и всякая изнѣженность и отступленія были искоренены духовнымъ ножемъ истины, началомъ всякой премудрости; и чтобы всѣ обязанные къ тому наистрожайше прилежали божественной службѣ по установленнымъ правиламъ, и ни въ чемъ другомъ не искали спасенія.

Главы 22, 23, 24 и 25 состоятъ изъ общихъ мѣстъ въ похвалу Бруно, гдѣ авторъ ограничивается однимъ только очеркомъ характера архіепископа, на которомъ лежали и церковныя, и свѣтскія обязанности, какъ правителя Лотарингіи.

26. Наконецъ, смиренный почитатель Христа и горячій ревнитель о новыхъ дарахъ благодати, Бруно, служитель божій, украшенный по своему епископскому чину папскимъ и апостольскимъ благословеніемъ, совокупно съ тѣми, которые обязаны были ненарушимо соблюдать ученіе, переданное отъ апостола Петра, и которые должны быть соединены въ чистотѣ каѳолической вѣры и истинномъ исповѣданіи и неизмѣнной истинѣ ученія, отправилъ соборное посланіе святому папѣ Агапиту чрезъ Гадамара, уважаемаго аббата Фульдскаго монастыря; изъ этого посланія явствовало, чѣмъ былъ воодушевленъ Бруно, и съ какою цѣлью послалъ Богъ пастыря, избраннаго самими овцами. И Бруно былъ признанъ сотоварищемъ и собратомъ апостоловъ, учителемъ и распространителемъ повелѣній господнихъ. Затѣмъ, посланный радостно возвратился и принесъ благочестивому пастырю, на котораго, по выраженію писанія, благодатью господней былъ пролитъ елей радости на случай печали, палліумъ славы для поддержанія въ

горести. Духъ божій исполнилъ этого превосходнаго мужа и опиравшагося болѣе на чудесную, нежели на видимую силу благодати, чтобы возбудить въ его душѣ надежду духовною радостью, и чтобы онъ не былъ опечаленъ предстоявшими ему трудами и заботами. „Ибо печальному сердцу никакая внѣшняя радость не въ помощь“ [1]). Таково изреченіе мудрости.

27. Такимъ образомъ, посланный, какъ мы начали уже о томъ говорить, возвращаясь изъ Рима, спѣшилъ доставить радостное извѣстіе въ Кельнъ; онъ несъ съ собою врученное ему папою святое облаченіе, служащее знакомъ сладости ига господня, легкости бремени и вмѣстѣ униженнаго служенія того, кто воздѣваетъ его на себя, какъ изрекъ самъ Господь: „Кто хочетъ быть великимъ между вами, тотъ пусть будетъ слугою вамъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ посланный доставилъ останки собственныхъ мощей св. мученика Панталеона и принесъ дарованное папою въ его апостолическомъ всемогуществѣ разрѣшеніе, по которому служитель божій, въ противность обычаю, могъ носить палліумъ, когда хотѣлъ. Такимъ образомъ исполнились всѣ желанія Бруно, а по своей добродѣтели и премудрости онъ казался возвышеннымъ до соучастія въ дѣятельности верховнаго епископа, и почти до раздѣленія съ нимъ его почестей. Жители города спѣшили на встрѣчу посланному; отвсюду стремились ликующія толпы; всѣ собрались въ предмѣстіи города на томъ всесвятомъ мѣстѣ, гдѣ стояла церковь того уважаемаго святого, до того времени забытая всѣми и близкая къ паденію. Тамъ были сначала положены тѣ драгоцѣнные подарки, а послѣ отданы на сохраненіе въ надлежащія мѣста.

28. Впослѣдствіи Бруно перемѣстилъ въ это мѣсто, тихое и удаленное отъ шума житейскихъ треволненій, братскій монастырь, чтобы тамъ служить прилежно и ревностно, по закону строгой дисциплины, воздавая хвалу Господу; аббатомъ монастыря былъ сдѣланъ нѣкто Христіанъ, отличавшійся въ дѣлѣ любви и исполненія заповѣдей господнихъ, какъ то надлежало членамъ этого ордена. При его посвященіи Бруно произнесъ одно изъ своихъ правилъ для управленія западными странами: „Постарайся быть тѣмъ, что выражаетъ твое имя, чтобы не пасть до состоянія язычниковъ. Остановиться значитъ сдѣлать шагъ назадъ; пусть человѣкъ идетъ впередъ отъ одной добродѣтели къ другой“.

Глава 29-я и начало 30-й наполнены общими мѣстами о любви Бруно къ созерцательной жизни.

30. .... Еще и теперь живетъ много людей, слышавшихъ его рѣчи; какъ часто видали его въ тишинѣ съ надорваннымъ сердцемъ и смиренно преклоненнымъ духомъ! И всякій видѣлъ, что легче ему удивляться, нежели подражать. Обыкновенно онъ жилъ съ величайшею простотою, какъ пустынникъ; и—удивительное дѣло—онъ умѣлъ среди веселыхъ пиршествъ, оставаясь самъ веселымъ, быть вмѣстѣ и воздержнымъ. Тонкія и мягкія одежды, въ которыхъ Бруно

---

[1]) Притч. Солом. 14. 10.

взросъ, и которыя носилъ до зрѣлаго возраста, онъ устранилъ отъ себя еще въ королевскомъ дворцѣ; посреди разодѣтой прислуги и воиновъ, блестѣвшихъ золотомъ, онъ ходилъ въ платьѣ простолюдина и въ крестьянской овчинѣ. Всякая роскошь, всякое удобство были изгнаны изъ его покоевъ. Почти никогда онъ не посѣщалъ бани, какъ многіе берутъ ее для сохраненія бѣлизны кожи: и это тѣмъ болѣе удивительно, что онъ, можно сказать, съ пеленокъ былъ пріученъ къ величайшей чистотѣ и королевскому блеску. Такъ дѣйствовалъ онъ, сообразно обстоятельствамъ времени и мѣста, то всенародно, то тайно, чтобы избѣжать славы людской и вмѣстѣ быть своею жизнью образцемъ для подчиненныхъ. На многихъ оказываетъ вліяніе назиданіе, но еще болѣе примѣръ. Со скромными и смиренными людьми никто не былъ смиреннѣе, но и никто не былъ такъ рѣзокъ съ недобрыми и заносчивыми людьми. Это послѣднее обстоятельство наводило большой страхъ и на своихъ, и на постороннихъ; всякій, до кого доходила молва о его величіи, въ естественномъ порядкѣ, сначала боялся его, а потомъ пріобрѣталъ его расположеніе.

Въ 31 и 32 главахъ авторъ говоритъ объ усердіи, съ которымъ Бруно собиралъ отвсюду мощи и различныя святыни, перечисляя при этомъ главнѣйшія изъ нихъ.

33. Вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ вѣрный и благоразумный служитель божій, во многихъ мѣстахъ своей епархіи, строилъ церкви, монастыри и другія зданія на служеніе Господу и въ честь его святыхъ, одни съ самаго основанія, другія онъ расширялъ, если они были уже прежде основаны, а многія возстановлялъ, если они пришли въ упадокъ. Потомъ онъ устроилъ монастырскую братію, о которой имѣлъ особенную заботу, и которая должна была служить въ этомъ домѣ божіемъ по всѣмъ правиламъ отшельнической жизни; Бруно подумалъ щедро обо всемъ, чтобы они не терпѣли никакого недостатка въ своемъ содержаніи. Памятники такой спасительной дѣятельности и такого усердія стоятъ на вѣчныя времена тамъ, гдѣ они были основаны, такъ что воспоминаніе о столь великомъ мужѣ, во славу и хвалу Іисусу Христу, сохранится на вѣки, невозмутимое теченіемъ времени. Такія же понятія распространялъ онъ и у чуждыхъ народовъ, а въ странахъ, врученныхъ его попеченіямъ, онъ утверждалъ эти понятія или своимъ примѣромъ и личнымъ вліяніемъ, или чрезъ посредство другихъ лицъ, которыхъ характеръ и качества онъ считалъ годными для такой цѣли, или наконецъ силою убѣжденія. Но онъ не желалъ, чтобы кто нибудь изъ его людей былъ чрезмѣрно обремененъ работой, а другой дозволилъ бы себѣ предаться лѣности, ибо онъ думалъ, какъ выражался въ этомъ случаѣ самъ, что „боязливое стадо должно держать подальше отъ пропасти“, или, какъ сказалъ апостолъ: „Кто не хочетъ работать, тотъ не долженъ и ѣсть“. Нѣтъ возможности привести въ подробностяхъ все, что имъ было совершено добраго, и что онъ такъ душевно любилъ. Многочисленность матеріала всегда подавитъ того, кто предприметъ что нибудь подобное, и, утомленный своею задачею, всякій отступится

отъ труда, прежде нежели доведетъ его до конца. Мы можемъ удивляться тому, какъ онъ былъ великъ и неподражаемъ въ проповѣдываніи слова господня, въ искусствѣ преній, въ твердости вѣры, но мы не въ состояніи того изобразить, съ какою законченностью рѣчи и съ какою истинно-христіанскою ученостью говорилъ онъ о Господѣ и Спасителѣ, такъ что надобно было признать его исполненнымъ божеской премудрости, которою все сотворено, и никто, слушая его и правильно понимая, не испытывалъ сомнѣнія въ сердцѣ. И чтобы не оставить безъ вниманія ничего относящаго къ богопочитанію и молитвѣ, онъ проницательно изучалъ все относящееся ко Христу, были ли въ чертѣ или за чертою его стада люди, которые въ своей уединенной жизни старались по одиночкѣ выдержать борьбу съ дьяволомъ. Съ такими людьми онъ обращался съ наибольшимъ уваженіемъ, подкрѣплялъ ихъ назиданіями и христіанскими утѣшеніями, отводя имъ въ монастыряхъ и при церквахъ кельи или на одного, или на двухъ; кромѣ бесѣды и лицезрѣнія онъ не дозволялъ имъ ничего другого общаго. Все, что относилось къ ихъ одеждѣ и прочему содержанію, необходимому для нашей немощи, забота о всемъ этомъ была возложена на довѣренныя лица изъ его управленія, и, сверхъ того, онъ раздавалъ имъ особенно въ праздникъ апостоловъ, приличные подарки. Такъ управлялъ Бруно, по апостольскому предписанію, заботливо и премудро, не только предъ Богомъ, но и предъ людьми, такъ что лица всѣхъ состояній и обоего пола, когда они искали Бога, могли отъ него получать подкрѣпленіе и наставленія, въ качествѣ его учениковъ.

34. Относительно монахинь, которыя посвятили себя на служеніе Богу въ монастырѣ св. Маріи, и духовныхъ переведенныхъ имъ въ церковь св. апостола Андрея, многіе выражались съ сильнымъ сомнѣніемъ; но это были люди, которымъ не доставало ума, чтобы хорошо постигнуть чистыя намѣренія Бруно во всѣхъ его предпріятіяхъ. Если бы такіе люди подумали, что Богомъ избранъ не человѣкъ для мѣста, но мѣсто для человѣка, и что Богу повиновеніе пріятнѣе жертвъ, тогда бы они уразумѣли, что овцы должны быть послушны гласу своего пастыря, и что Богу болѣе угодно то, что дѣлается изъ повиновенія, а не изъ доброй воли. „Ибо, говоритъ апостолъ Іаковъ [1]), гдѣ зависть и сварливость, тамъ неустройство и все худое". Такимъ образомъ, Бруно дѣйствуетъ на благо тѣхъ самыхъ, которые того не признаютъ. И если онъ изгналъ изъ государства, какъ язву добрыхъ людей, нѣсколькихъ негодныхъ развратителей отечества, гдѣ они не хотѣли жить спокойно и смирно, то и въ этомъ случаѣ онъ дѣйствовалъ на пользу ихъ: ибо чѣмъ болѣе злой человѣкъ грѣшитъ, тѣмъ болѣе тяжкое и суровое наказаніе ожидаетъ его впослѣдствіи.

Какимъ-же образомъ добрые люди будутъ наслаждаться спокойствіемъ, если никто не возстанетъ противъ ярости злыхъ? Конечно Богъ, въ своемъ великомъ милосердіи и терпѣніи еще щадитъ ихъ, если доставляетъ имъ возможность слушать въ отсутствіи разсказы

---

[1]) Посл. Іаков. 3. 16.

о мирѣ и цвѣтущемъ состояніи отечества, чего они не хотѣли видѣть, живя на родинѣ, счастливы они, если могли познать свое спасеніе на чужбинѣ, и стремиться къ царству, изъ котораго не будутъ изгнаны, и гдѣ всѣ миролюбивые живутъ въ радости, какъ божіи дѣти. Такимъ образомъ Бруно, благодаря божескому милосердію, не обнаруживалъ ни ненависти, ни злобы, чтобы преслѣдовать подобныхъ людей, и оказывалъ милость и пощаду несчастнымъ, не зная жестокости и суровости; какъ добрый пастырь и истиный вождь божьяго народа, онъ искалъ вездѣ пользы и спасенія всѣхъ. Съ особеннымъ вниманіемъ наблюдалъ онъ за тѣмъ, чтобы тѣ, которыхъ онъ самъ поучалъ и велъ божественными путями, не были совращены съ настоящей дороги и ввержены злыми людьми въ заблужденіе. Но онъ былъ такъ далекъ отъ жестокости, что часто самъ горько оплакивалъ тѣхъ, кого онъ долженъ былъ жестоко наказать за ихъ проступки; съ веселыми Бруно былъ веселъ, съ печальными печаленъ; если онъ и наказывалъ, то тѣмъ желалъ предать сатанѣ на погибель одну плоть, чтобы спасти душу въ день суда.

Въ послѣдующихъ 10 главахъ, отъ 35 до 45, авторъ дѣлаетъ сначала отступленіе по поводу войны Оттона I съ венграми, и затѣмъ разсказываетъ коротко отдѣльныя событія исторіи того времени, въ которыхъ Бруно принималъ прямое или косвенное участіе, а именно: примиреніе Людольфа съ отцомъ, замѣщеніе епископскаго престола въ Трирѣ, возвращеніе изгнаннаго Веронскаго епископа Раттера въ свою епархію, возстановленіе спокойствія въ Лотарингіи и отраженіе норманновъ, коронованіе сына Оттона I, Оттона II (26 мая 964 г.), и защита послѣднихъ Карловинговъ во Франціи противъ дома Капетинговъ. Бруно принялъ подъ свое покровительство Лотаря, сына своей сестры [1]), противъ притязаній дѣтей Гуго Великаго, и отправился лѣтомъ 965 года въ Компьень, гдѣ и захворалъ.

45. Около праздника св. мученика Гереона и его сопричастниковъ, Бруно почувствовалъ сильный припадокъ, и присутствовавшіе епископы, герцоги, графы и всѣ другіе были поражены глубокою скорбью, видя, какъ была близка кончина столь любимаго ими человѣка. Придя понемногу въ себя, больной старался по своему обыкновенію, движеніемъ руки, разсѣять всеобщее смущеніе и остановить вздохи и слезы; потомъ, подозвавъ къ себѣ старѣйшихъ и достойнѣйшихъ внимать его рѣчамъ, онъ произнесъ слѣдующее: „Не огорчайтесь, любезныя дѣти, моею болѣзнью и приближающеюся смертью; это, по божескому приговору, доля всѣхъ смертныхъ; и не можетъ быть дозволено роптать на то, что неизбѣжно опредѣлено Богомъ. За печалью скоро слѣдуетъ радость. Я отхожу не въ новомъ, но въ преображенномъ видѣ туда, гдѣ я увижусь съ лучшими людьми, нежели какихъ я видѣлъ здѣсь“. Больше онъ не могъ говорить, и оставался молча лежать. Но вскорѣ, еще до смерканья, онъ отправилъ вмѣстѣ съ братіею вечернюю службу, и поздно ночью молитву; онъ поручалъ себя Господу Богу и заступничеству святыхъ,

---

[1]) Герберга, дочь Гейнриха I, была за Людовикомъ IV Заморскимъ, кор. Франціи.

какъ бы собираясь въ дорогу, но съ большею горячностью, нежели обыкновенно; и наконецъ, онъ напутствовалъ себя тою пищею, которая никогда не пройдетъ, святымъ и единственнымъ залогомъ нашего спасенія; затѣмъ Бруно благословилъ епископовъ, самого себя и всѣхъ присутствовавшихъ. Послѣ того онъ ждалъ смертнаго часа съ спокойствіемъ сердца, направивъ свой духъ ко Христу. Въ полночь онъ сдѣлалъ большое усиліе, чтобы подозвать своего племянника, епископа Теодерика, и воскликнулъ: „Помолись, о, владыко"! и среди хвалебныхъ гимновъ въ честь Бога, молитвословія и рыданій присутствовавшихъ, Бруно испустилъ свой духъ (1 октября, 965 г.). То, что въ немъ не могло умереть, возвратилось къ Творцу; а бездыханное тѣло, по его распоряженію, спутники его положили въ гробъ и понесли въ метрополію его епархіи, Кельнъ, куда и прибыли въ восьмой день. И многіе изъ несшихъ его клятвенно увѣряли, что они на такомъ длинномъ переходѣ и при такой тяжести, не испытали ни малѣйшей усталости или обремененія. Гдѣ бы они ни шли, куда бы они ни приходили, какихъ странъ и народовъ ни касались, вездѣ по своимъ силамъ они прославляли великія заслуги этого мужа предъ государствомъ, предъ императоромъ, предъ королями, князьями и предъ всѣмъ народомъ.

Въ 46 и 47 главахъ авторъ говоритъ о погребеніи Бруно въ монастырѣ св. Панталеона, подлѣ Кельна, и описываетъ въ общихъ мѣстахъ печаль его паствы; въ заключеніе біографіи приводится духовное завѣщаніе скончавшагося архіепископа.

48. Вотъ духовное завѣщаніе нашего достославнаго во Христѣ господина и архіепископа Бруно: да будетъ на немъ благословеніе.

„Бруно, служитель Христовъ — своимъ сыновьямъ, служащимъ Господу въ Кельнѣ. Дабы мысли мои и желанія относительно раздѣленія моего имущества, дарованнаго мнѣ божескимъ милосердіемъ, получили вашимъ приговоромъ силу и могли опираться на ваше свидѣтельство, я счелъ за лучшее изложить все письменно на случай, если Богу не будетъ угодно, чтобъ я могъ дожить до устнаго объясненія съ вами. А потому развѣдайте все подъ руководствомъ нашихъ братьевъ Теодерика и Винфрида и позаботьтесь о всемъ съ божіею помощью тщательно и справедливо. Всѣ церковныя богатства, составленныя изъ нашего имущества — а все это хранится у Эвицо, казначея церкви св. Петра, за исключеніемъ вещей, невозвращенныхъ служителями—сложите въ присутствіи Попо, настоятеля и распорядителя нашей церкви, по тщательномъ осмотрѣ, предъ алтаремъ св. Петра, чтобы убѣдить всѣхъ въ томъ, что церковь не имѣла ни малѣйшаго ущерба; а золотые сосуды и другія цѣнныя вещи посвятить на вѣчное употребленіе церквамъ Богоматери Маріи и св. Петра. Золотую чашу, печать и греческую вазу, которыя я имѣю у себя, назначаю св. Панталеону; сверхъ того, подсвѣчники, употребляемые мною ежедневно, серебрянный всадникъ, подарокъ архіепископа Майнцскаго, десять лучшихъ палліумовъ, десять лучшихъ серебряныхъ сосудовъ и сто фунтовъ на окончаніе монастыря, триста на расширеніе церкви, самый большой занавѣсъ, три налоя,

три ковра, столько же наволокъ, и сверхъ того всѣхъ нашихъ кобылицъ, исключая тѣхъ, которыя были при церкви еще до меня; изъ деревень же, пріобрѣтенныхъ мною для церкви, Лангалонъ (н. Лангель, близъ Бонна) на Рейнѣ, Веребетти, Гейнгелонъ, Лидронъ, Вишемъ, омываемый Маасомъ; сверхъ того, домъ нашего родственника епископа г. Метца и деревню Гавинга. На содержаніе монаховъ отпустить третью часть сбора плодовъ нынѣшняго года, назначеннаго для нашего употребленія. По близости монастыря, на удобномъ мѣстѣ, устроить, по совѣщанію съ аббатомъ, богадельню для старцевъ: на это я отдаю свою собственность въ Туицiѣ (н. Deutz, противъ Кельна), Лересфельдѣ въ Саксоніи и прежнія владѣнія боннскаго графа Гевегарда на Мозелѣ. А чтобы нашъ господинъ и преемникъ утвердилъ мое распоряженіе, уступаю ему въ распоряженіе Руотингъ, который я пріобрѣлъ для церкви. Молельню, подобную той, которую мы устроили блаженному Привату у алтаря св. Мартина въ восточной части церкви, устроить и Григорію Великому, тамъ гдѣ лежитъ его тѣло. На устройство ея назначается сто фунтовъ. Золотыя чаши, двадцат фунтовъ, занавѣсъ, два налоя и двѣ наволоки завѣщаемъ нашей братіи св. Петра; на алтарь св. Гереона большія кружки, два палліума и большой коверъ; братіи же 12 фунтовъ, налой и двѣ наволоки. Для окончанія алтаря св. Северина 4 фунта; братіи 8 фунтовъ, налой и двѣ наволоки. Св. Куниберту 2 чаши, обоимъ Эвальдамъ три палліума; братіи два сосуда, 8 фунтовъ, налой, двѣ наволоки, одинъ коверъ. Св. Андрею 30 фунтовъ, четыре палліума, столько же сосудовъ, два подсвѣчника; братіи 6 фунтовъ. Св. мученику Элифію и св. Исповѣднику Мартину столько же, и, сверхъ того, имѣніе Солагре, пожертвованное нами церкви добровольно. Алтарю св. Маріи два лучшихъ сосуда; на окончаніе монастыря 10 фунтовъ, занавѣсъ, двѣ наволоки; алтарю св. Цециліи три фунта, занавѣсъ, два подсвѣчника, два сосуда, коверъ, двѣ наволоки; на окончаніе монастыря 50 фунтовъ; братству того монастыря 10 фунтовъ и налой. Святымъ дѣйственницамъ два сосуда, два подсвѣчника, два палліума, занавѣсъ, коверъ, двѣ наволоки; монахинямъ 10 фунтовъ: св. Виктору и братіи столько же; на постройку монастыря въ Сосацiѣ (н. Сёстъ) сто фунтовъ, на алтарь шесть сосудовъ, столько же ризъ, коверъ побольше, двѣ наволоки, и по одной изъ моихъ верхнихъ и нижнихъ ризъ; сверхъ того, одно имѣніе, которое подарилъ Водило, и другое, которое пріобрѣлъ для насъ нашъ господинъ Попо въ Рихельдинкгузенѣ и въ Арвитѣ.

Монахъ Руотгеръ.

Vita s. Brunonis, archiep. Coloniensis. 1—48 гл.

У Pertz, Monum. IV, 154—275 стр.

Руотгеръ (Ruotgerus или Rotgherus), монахъ бенедиктинскаго ордена въ кельнскомъ монастырѣ св. Панталеона, жилъ въ одно время съ Бруно и писалъ біографію этого архіепископа годъ спустя послѣ его смерти, въ 966 году. Этотъ трудъ служитъ весьма важнымъ дополненіемъ хроникъ Ліутпранда, Видукинда и Титмара, по ролѣ, которую игралъ въ эпоху Оттона В. его братъ

Бруно. Онъ служилъ ему нравственною опорою въ то смутное время, когда одной матеріальной силы было недостаточно для общественной реформы, и нашъ біографъ, не смотря на всю риторическую форму своихъ выраженій, достаточно указываетъ на заслуги, которыя оказалъ Бруно вѣку Оттона Великаго. *Изданія:* Pertz, Monum. Germ., IV, 257—275. *Переводы*: Нѣм. Jasmund (Berl. 1851) въ Geshcichtschr. d. d. Vorzeit. Lief. 14. *Изслѣдованія*: Pieler, Erzbischof Bruno I von Köln. Arnsberg. 1851.

---

34. Время Оттона III. 983—1002.

(Въ 1014 г.).

Хроника Титмара, епископа Мерзебургскаго, состоящая изъ 8 книгъ, начинается прологомъ въ стихахъ, гдѣ авторъ дѣлаетъ обращеніе къ Сигфриду, аббату Бергенскаго монастыря около Магдебурга, которому былъ посвященъ самый трудъ, и вообще къ читателямъ, прося ихъ, въ заключеніе, о благосклонности:

Титмара хронику, о мой читатель, прими благосклонно;
Пользуйся ею всегда, и не будешь знать скуки, заботы;
Бросишь всѣ игры, пустыя занятья, и чтеньемъ займешься.
Ты же, о Ситфридъ, святыхъ прославляя, молися о грѣшныхъ.

Первыя двѣ книги этой хроники излагаютъ вкратцѣ исторію времени Конрада I, Гейнриха и Оттона I (911—973); авторъ не дѣлаетъ ничего больше, какъ сокращаетъ трудъ Видукинда (см. выше ст. 28). Точно также коротко изложеніе эпохи Оттона II (973—983), составляющее содержаніе третьей книги. Но съ четвертой книги Титмаръ, приближаясь къ своему времени, начинаетъ писать обстоятельнѣе, и хроника его пріобрѣтаетъ тѣмъ большее значеніе, какъ историческій источникъ; эта четвертая книга, равняясь по своему объему почти всѣмъ тремъ предъидущимъ, содержитъ въ себѣ исторію времени 20 лѣтъ правленія императора Оттона III, сына Оттона и Ѳеофаніи, греческой принцессы, дочери императора Романа II. Въ концѣ III книги, авторъ описываетъ послѣдній походъ Оттона II въ южную Италію противъ сарацинъ, его пораженіе при Тарентѣ (982 г.) и сеймъ князей въ Веронѣ (983), на которомъ императоръ простилъ своего племянника Гейнриха Младшаго Баварскаго (сына Гейнриха, брата Оттона I), который былъ заключенъ въ Утрехтѣ за возстаніе противъ власти Оттона II. Изъ Вероны императоръ отправился въ Римъ, гдѣ и померъ (7 декаб. 983 г.), за нѣсколько дней предъ тѣмъ, какъ оставленный имъ въ Германіи трехлѣтній сынъ Оттонъ былъ коронованъ королемъ въ Ахенѣ. При извѣстіи о смерти императора, Варинъ, архіепископъ кельнскій, на рукахъ котораго былъ малолѣтній король, передалъ своего питомца Гейнриху Младшему, его дядѣ, только-что выпущенному изъ Утрехта, „поручивъ ему, какъ говоритъ авторъ, воспитаніе Оттона III, или скорѣе сверженіе его съ престола“. Оттонъ III родился въ 980 году.

Книга четвератая.

1. *Въ 984 г. отъ воплощенія господня,* королева Θеофанія, мать третьяго и къ сожалѣнію послѣдняго изъ Оттоновъ, отправилась въ Павію къ королевѣ-вдовѣ Аделаидѣ (женѣ Оттона I). Ея сердце было наполнено страданіями отъ свѣжей, ужасающей раны, и обливалось кровію при мысли объ отсутствіи ея единственнаго сына. Трогательно и съ любвеобильными утѣшеніями была принята она въ Павіи. Между тѣмъ герцогъ Гейнрихъ (Баварскій) съ епископомъ Попо (утрехтскимъ) и кривымъ графомъ Экбертомъ отправился въ Кёльнъ и, какъ законный опекунъ короля, принялъ его изъ рукъ архіепископа Варина; архіепископъ, вмѣстѣ съ другими, которыхъ герцогъ умѣлъ склонить на свою сторону, увѣрялъ его въ своемъ содѣйствіи. Съ ними онъ отправился въ монастырь Корвей [1]), устроивъ всѣ дѣла по своему желанію. Туда, на встрѣчу ему, пришли съ босыми ногами два брата—графъ Тидрихъ (въ Альтмаркѣ) и Сикко (въ Мерзебургѣ), и умоляли о помилованіи, въ которомъ онъ имъ отказалъ. Съ ожесточеннымъ сердцемъ они оставили его, и изъ всѣхъ силъ начали съ того времени стараться отклонять отъ герцога его приверженцевъ и друзей. Герцогъ хотѣлъ праздновать вербное воскресенье въ Магдебургѣ, и поэтому отправилъ ко всѣмъ знатнымъ той страны посланіе и приказъ собраться туда; съ ними же онъ переговаривалъ о томъ, чтобы они подчинились ему и избрали своимъ государемъ. Большинство князей дало свое согласіе, съ тѣмъ, впрочемъ, условіемъ, что герцогъ долженъ испросить для того дозволеніе у ихъ государя и короля, такъ какъ они прежде уже присягали ему на вѣрность, и въ такомъ только случаѣ они могли бы спокойно служить новому королю. Но нѣкоторые не соглашались и на это, и, поспѣшно удалившись, втайнѣ обсуждали, какимъ бы образомъ предупредить подобные замыслы.

2. Изъ Магдебурга Гейнрихъ отправился въ Кведлинбургъ (бл. Магдебурга [2]), гдѣ торжественно провелъ скоро наступившій за тѣмъ праздникъ Пасхи. Тамъ въ огромномъ числѣ собрались князья имперіи, но тѣ, которые не хотѣли лично явиться, отправили пословъ тщательно наблюдать за всѣмъ. Во время этого праздника, сторонники Гейнриха привѣтствовали его какъ короля и почтили церковными хвалебными гимнами. Туда прибыли герцоги Мизеко (Мечиславъ I, изъ Польши), Мистуи (отъ оботритовъ) и Болеславъ (изъ Богеміи) съ безчисленными другими князьями, и всѣ они обнадеживали Гейнриха въ своемъ содѣйствіи, и присягали ему, какъ своему государю и королю. Многіе однакожъ изъ присутствовавшихъ, убоясь гнѣва божія, не осмѣлились нарушить своей вѣрности и, мало по малу, удалившись, поспѣшили въ Геслебургъ (Ассельбургъ), гдѣ собрались ихъ единомышленники, и составили противъ герцога открытый союзъ... Когда узналъ о томъ герцогъ, онъ отпустилъ своихъ

[1]) Мон. Корвей, на рѣкѣ Фульдѣ, близъ Падерборна.

[2]) Монастырь, гдѣ была аббатиссою дочь Оттона I, Матильда. См. выше, ст. 28, на стр. 417.

приверженцевъ, щедро осыпавъ ихъ милостями, а самъ, съ сильнымъ отрядомъ, поспѣшилъ въ Верлу (у г. Гослара), чтобы силою разрушить противный ему союзъ, или же покончить съ нимъ миролюбиво; туда же былъ имъ отправленъ Поппо, епископъ (Утрехтскій), съ порученіемъ разъединить противниковъ герцога или склонить ихъ къ миру. Епископъ, не смотря на всю свою настойчивость, успѣлъ, и то съ трудомъ, получить только одно обѣщаніе: собраться для разсужденія о мирѣ въ назначенный, по взаимному согласію, день и въ извѣстномъ мѣстѣ, по имени Сейсунъ (Сессенъ). Но герцогъ не захотѣлъ явиться на съѣздъ, такъ какъ онъ отправился въ Баварію; или даже не могъ явиться, задержанный герцогомъ Гейнрихомъ, который отъ умершаго короля получилъ въ ленное владѣніе Баварію и Каринтію [1]), и вслѣдствіе того довольно значительный непріятельскій отрядъ осадилъ городъ графа Экберта, именемъ Алу (Эльсбургъ); разрушивъ стѣны, онъ вошелъ въ городъ, увелъ съ собою дочь Оттона II, которая тамъ воспитывалась, захвативъ при этомъ всѣ хранившіяся въ немъ богатства, и съ торжествомъ возвратился домой.

3. Когда всѣ епископы и нѣкоторые графы въ Баваріи перешли на сторону герцога, онъ, разсчитывая на своихъ союзниковъ, отправился во франкскую область и тамъ на равнинѣ, около Бизинстиди (Бизенштадтъ), расположился лагеремъ, чтобы вступить въ переговоры съ князьями этой страны. Туда же прибылъ архіепископъ майнцскій Виллигисъ съ герцогомъ Конрадомъ и другими знатными вельможами. Герцогъ Гейнрихъ старался всѣми мѣрами склонить ихъ на свою сторону; но они единодушно отвѣчали, что, пока живы, не нарушатъ вѣрности своему законному королю; и герцогъ, опасаясь борьбы, увидѣлъ себя въ необходимости клятвенно подтвердить, что онъ 29 іюня явится въ м. Рару (Gross-Rohrheim) передать царственное дитя имъ и матери. Послѣ того всѣ отправились домой съ различнымъ настроеніемъ духа, одни съ радостію, другіе въ смущеніи.

Въ 4 и 5 гл. авторъ дѣлаетъ отступленіе по поводу поѣздки герцога Гейнриха въ Богемію къ Болеславу, своему приверженцу.

6. Преданные королю между тѣмъ осаждали въ Вимери (Веймаръ) графа Вильгельма (Турингскаго), который принадлежалъ къ числу самыхъ приверженныхъ друзей герцога Гейнриха. Но узнавъ, что Гейнрихъ идетъ на нихъ, они поспѣшили ему на встрѣчу и, собравшись у деревни Итери (Иттернъ), расположились тамъ лагеремъ, чтобы на слѣдующій день дать герцогу сраженіе. Герцогъ, узнавъ о томъ, отправилъ къ нимъ архіепископа Гизилера (Магдебургскаго), чтобы развѣдать ихъ образъ мыслей, и, если то окажется возможнымъ, заключить миръ. Когда собравшимся чинамъ онъ объявилъ цѣль своего посольства, они отвѣчали: если герцогу Гейнриху угодно выдать имъ своего государя и короля, а изъ своихъ владѣній удержать для себя, до опредѣленнаго срока, Мерзебургъ, Вальбицы (Вальбекъ) и

[1]) Оттонъ II, по изгнаніи Гейнриха Младшаго, отдалъ его герцогство Баварію одному графу того же имени, съ которымъ прежній владѣтель и долженъ былъ теперь вступить въ борьбу.

Фразу (Фроса), и все это подтвердить клятвенно самымъ вѣрнымъ образомъ, тогда ему будетъ дана охранная стража, съ которою онъ можетъ оставить занятую ими страну; если же нѣтъ, то для него закрыты всѣ выходы и онъ не пройдетъ живымъ ни взадъ, ни впередъ. Нечего дальше разсказывать: на другой день они получили все, чего хотѣли, и, потянувшись къ Мерзебургу, дозволили и герцогу отправиться туда же; тамъ герцогиня Гизела, съ давняго уже времени, томилась въ печальномъ уединеніи. Посовѣтовавшись съ своими приближенными, герцогъ объявилъ имъ, что онъ, изъ опасенія гнѣва божія и для блага отечества, дѣйствительно хочетъ оставить свои намѣренія, благодарилъ ихъ, и достойнымъ образомъ наградилъ каждаго за его помощь и добрую услугу, прося всѣхъ, чтобы они изъ любви къ нему собрались съ нимъ вмѣстѣ въ назначенный день. Обѣ королевы, которыя до сихъ поръ съ покорностію ожидали въ Павіи божественнаго утѣшенія, и всѣ князья имперіи и королевства отправились въ Рару. Герцогъ въ точности выполнилъ свое обѣщаніе: сложилъ съ себя все принадлежавшее императорской власти и далъ всѣмъ свободный пропускъ. Тогда, среди дня предъ глазами всѣхъ, Господь допустилъ возсіять свѣтлой звѣздѣ; это была обѣтованная звѣзда, король Оттонъ III. Всѣ и духовные, и свѣтскіе, какъ бы одними устами, пропѣли хвалебный гимнъ, смирилась мысль непокорныхъ, и партіи, раздѣленныя прежде несогласіемъ, соединились теперь подъ однимъ государемъ и повелителемъ. Молодой король съ нѣжною любовію былъ встрѣченъ своею матерью и бабкою, и переданъ на воспитаніе графу Гойко. Между королемъ и герцогомъ, въ ожиданіи сейма на вышеупомянутомъ полѣ Бизинстиди, былъ заключенъ предварительно миръ, и каждый отправился домой. Но на этомъ сеймѣ побуждаемые злыми людьми, они опять начали питать худое расположеніе другъ къ другу, и это обстоятельство повело къ продолжительному разрыву. Съ того времени между Оттономъ III и Гейнрихомъ, который обыкновенно называется Гейнрихомъ Малымъ, началась великая вражда; впослѣдствіи ее прекратилъ своими совѣтами и содѣйствіемъ графъ Гериманъ: Гейнрихъ во Франкфуртѣ подчинился королю и получилъ въ ленъ свое герцогство (Баварское).

7. Ближайшій праздникъ Пасхи (985) король праздновалъ въ Кведлинбургѣ; при этомъ случаѣ ему служили четыре герцога: именно, столомъ завѣдывалъ Гейнрихъ (Баварскій), какъ стольникъ, Конрадъ (Франконскій) правилъ домомъ, какъ камергеръ, Гециль (перальцграфъ) распоряжался погребомъ, какъ виночерпій, и Бернгардъ (Саксонскій) конюшнею, какъ конюшій. Приходили туда съ своею дружиною Болеславъ и Мизеко и, проведши весь праздникъ по порядку, богато одаренные, возвратились во-свояси. При этомъ случаѣ герцогъ Польскій Мизеко объявилъ себя ленникомъ короля, между другими почетными дарами подарилъ ему верблюда и совершилъ съ нимъ два похода.

Въ первый годъ правленія Оттона III умеръ, 1 декабря, епископъ Адвинъ Гильдесгеймскій; ему наслѣдовалъ Осдагъ, священникъ тамошней капеллы. Когда скончался онъ послѣ пятилѣтняго отправленія должности, то былъ посвященъ въ епископы тамошній вино-

черпій, Гердагъ, но и онъ три года спустя, на обратномъ пути изъ Рима, куда отправлялся для молитвы, умеръ 7 декабря; его тѣло, раздѣленное по членамъ, въ двухъ ящикахъ было привезено въ монастырь осиротѣвшими спутниками. Этихъ обоихъ епископовъ предавалъ землѣ архіепископъ Гизилеръ, случайно заѣзжавшій въ Гильдесгеймъ. На мѣсто Гердага былъ избранъ и посвященъ Беренгардъ, учитель короля.

8. Оттонъ III безпрестанно ходилъ противъ славянъ, учащая свои нападенія, и покорилъ ихъ въ восточной области, когда они покусились было на возстаніе. Тѣхъ же, которые жили на западѣ и также часто возмущались, грабили и опустошали, онъ старался усмирить какъ хитростію, такъ и силою.

Здѣсь не мѣсто описывать младенческіе годы Оттона III, и если бы я захотѣлъ точно изобразить все, что совершилъ онъ въ юности, подъ руководствомъ умныхъ совѣтниковъ, то это завело бы меня далеко.

Въ 989 г. явилась комета; она предсказывала тяжелыя потери, которыя должна была принесть съ собою наступающая чума.

Король, придя въ возрастъ, удалилъ отъ себя по слову Апостола (I Кор. 13. 11) „все младенческое", и, постоянно сожалѣя объ упадкѣ церкви Мерзебургской, занялся мыслью какъ бы возстановить ее; эту цѣль онъ преслѣдовалъ всю свою жизнь по настояніямъ своей благочестивой матери. Она имѣла слѣдующее видѣніе (это слышалъ Мейнсвитъ отъ нея самой, и такъ оно дошло до меня). Въ полночной тишинѣ явился ей святой поборникъ Христовъ, Лаврентій, съ увѣчьемъ на правой рукѣ и сказалъ: „Почему ты не спрашиваешь, кто я"?—„Я не имѣю для того смѣлости, владыко", былъ отвѣтъ. Тогда св. Лаврентій продолжалъ: „Я такой-то, и при этомъ онъ назвалъ свое имя; что ты видишь теперь на мнѣ, это причинилъ твой супругъ; къ такому дѣлу онъ былъ побужденъ тѣмъ, кто обольстилъ множество избранниковъ Христовыхъ". Она передала все это своему сыну, и онъ рѣшился возстановить епископство въ Мерзебургѣ (при жизни Гизилера, или по его кончинѣ), и такимъ образомъ на страшномъ судѣ доставить вѣчный покой душѣ своего отца. Какъ женщина, Ѳеофанія была не чужда слабостей своего пола, но имѣла довольно твердости характера и вела примѣрный образъ жизни, что между гречанками бываетъ рѣдко. Бодрствуя надъ своимъ сыномъ неусыпно, она охраняла государство, поддерживая благочестивыхъ, смиряя и устрашая тщеславныхъ. Отъ плода своей плоти, какъ бы десятину, она представила Господу своихъ дочерей—одну Аделаиду въ Кведлинбургъ, другую, Софію, въ Гандерсгеймъ.

9. Въ ту пору (990) и герцоги Мизеко (Польскій), и Болеславъ (Богемскій) вступили между собою во вражду и надѣлали другъ другу много вреда. Болеславъ призвалъ на помощь лутичей, которые всегда оставались вѣрны ему и его предкамъ; Мизеко просилъ о поддержкѣ королеву Ѳеофанію. Она находилась тогда въ Магдебургѣ и послала тамошняго архіепископа Гизилера съ графами Эккигардомъ, Эзико (изъ Мерзебурга), Биницо, также моего отца, и его тезку Сигфрида, Бруно, Удо и многихъ другихъ рыцарей. Они от-

правились почти съ четырьмя отрядами и, пришедши въ округъ, называемый Сельпулы, расположились при рѣкѣ, чрезъ которую велъ длинный мостъ. Въ ночной тишинѣ къ нашимъ пришелъ одинъ изъ сподвижниковъ Вилло, убѣжавшій изъ плѣна; за день передъ тѣмъ, онъ пошелъ впередъ войска посмотрѣть свое помѣстье и былъ схваченъ богемцами; вернувшись счастливо въ лагерь, онъ указалъ графу Бинидо на предстоящую имъ опасность. При этомъ извѣстіи наши тотчасъ поднялись, одѣлись и съ появленіемъ утренней зари выслушали святую обѣдню, одни стоя, другіе на лошадяхъ; съ восходомъ солнца, они оставили лагерь, разсуждая объ исходѣ предстоящей борьбы. 13 іюля, войско Болеслава выдвинулось туда же, и съ обѣихъ сторонъ высланы были послы. Со стороны Болеслава къ намъ приходилъ рыцарь, именемъ Слопанъ, вывѣдать о состояніи нашего войска. Когда онъ возвратился къ своему князю, его спрашивали, какова наша сила, и можно ли съ нею помѣриться, или нѣтъ. А совѣтники Болеслава требовали отъ него не оставить въ-живыхъ никого изъ нашихъ. Тогда Слопанъ объявилъ ему: „Войско непріятеля малочисленно, но доброкачественно и съ головы до ногъ заковано въ желѣзо. Съ нимъ ты можешь бороться; но если побѣда и останется за тобою, то обойдется такъ дорого, что ты только съ трудомъ, и даже едва ли уйдешь отъ рукъ твоего непріятеля Мизеко, если онъ будетъ преслѣдовать тебя; а саксовъ чрезъ то ты сдѣлаешь себѣ вѣчными врагами. Если же ты будешь побѣжденъ, то тутъ конецъ и тебѣ самому и твоему царству, потому что тебѣ нельзя надѣяться противостоять врагу, стекающемуся со всѣхъ сторонъ". Такая рѣчь охладила жаръ Болеслава; онъ заключилъ съ нами миръ, и нашихъ вождей, которые вышли-было противъ него, просилъ отправиться вмѣстѣ съ нимъ къ Мизеко и склонить его къ выдачѣ отнятыхъ владѣній. Наши одобрили такое предложеніе, и архіепископъ Гизилеръ, сопровождаемый графами — Эккигардомъ, Эзико и Бинидо, отправились съ нимъ въ путь, а остальные съ миромъ возвратились домой. Однакожъ, у всѣхъ ихъ первоначально отобрали (это было уже около вечера) оружіе, и возвратили только тогда, когда они клятвенно обѣщали сохранять миръ. Съ нашими Болеславъ пошелъ на Одеръ, а Мизеко былъ имъ извѣщенъ, что его союзники попались ему въ руки. Если Мизеко возвратитъ ему владѣнія, которыя онъ у него отнялъ, то онъ отпуститъ ихъ невредимыми; въ противномъ же случаѣ, они всѣ погибнутъ. Мизеко отвѣчалъ: „Если королю Оттону III угодно будетъ спасти своихъ или отмстить за убитыхъ, онъ и сдѣлаетъ это; если же нѣтъ, то Мизеко не потерпитъ отъ того никакой потери". Болеславъ, услышавъ это, началъ грабить и жечь окрестныя мѣста, оставляя нашихъ въ покоѣ. На возвратномъ пути,. онъ осадилъ городъ, называемый Нимцы (Нимпчъ) и, почти безъ сопротивленія со стороны жителей, подчинилъ его своей власти вмѣстѣ съ княземъ. Послѣдняго онъ передалъ лутичамъ для обезглавленія; и они, не медля, въ виду города, принесли его въ жертву своимъ милостивымъ богамъ, и послѣ того требовали отпустить ихъ домой. Болеславъ, зная хорошо, что безъ его защиты наши не могутъ вернуться домой безопасно отъ лутичей,

отпустилъ ихъ рано утромъ, такъ какъ они, по совѣту другихъ, торопились назадъ. Когда узнали о томъ упомянутые враги, они съ огромнымъ числомъ отборныхъ людей пустились преслѣдовать нашихъ. Но Болеславъ остановилъ ихъ слѣдующею рѣчью: „Вы пришли помогать мнѣ, такъ сохраните же до конца свое расположеніе ко мнѣ; да будетъ вамъ извѣстно, что я готовъ пожертвовать жизнью для того, чтобы сегодня не случилось никакого несчастія съ тѣми, которыхъ я принялъ подъ свою защиту и отпустилъ въ мирѣ. Честь и благоразуміе предписываютъ намъ не дѣлать отчаянными врагами для себя тѣхъ, которые почти всегда были нашими вѣрными друзьями. Я хорошо знаю, что между вами и ими господствуетъ великая непріязнь, но настанетъ еще болѣе удобное время удовлетворить вашей мести". Обезоруженные такою рѣчью, лутичи, оставшись еще два дня при Болеславѣ, потянулись домой; при разставаньи съ обѣихъ сторонъ изъявлены были знаки дружбы и возобновленъ прежній союзъ. Но затѣмъ, тѣ вѣроломные отобрали 200 человѣкъ, такъ какъ нашихъ было немного, и пустились за ними въ погоню. Однако, ихъ успѣлъ предупредить о томъ тайно вассалъ графа Удо, и наши, поспѣшивъ, имѣли время (благодареніе Богу) безопасно достигнуть Магдебурга; непріятель же напрасно далъ себѣ трудъ.

10. Королева (Ѳеофанія) узнавъ о томъ, обрадовалась ихъ счастію. Я очень мало знакомъ съ обстоятельствами ея жизни и выше коротко отозвался вообще о ея характерѣ, отличающемся благородствомъ. Она жила тогда въ странѣ *заката* (запада), которая справедливо носитъ свое имя, потому что вмѣстѣ съ солнцемъ тамъ *закатывается* всякое право, всякое повиновеніе и всякая любовь человѣка къ человѣку. Ночь есть не что иное, какъ тѣнь земли, и все, что совершаютъ обитатели запада, не иное что какъ грѣхъ. Напрасно трудятся тамъ благочестивые проповѣдники божественнаго слова; мало на западѣ имѣютъ силы—короли и прочіе князья; грабители и злодѣи господствуютъ надъ справедливыми. Въ тѣхъ странахъ много покоится святыхъ мощей; но, какъ я слышалъ, жители, упорствуя въ языческихъ понятіяхъ, презираютъ ихъ. Я не хочу говорить объ этихъ нехристяхъ, чтобы меня кто-нибудь не счелъ ученикомъ Криспина [1]) съ гнойными глазами. Я нисколько не сомнѣваюсь, что они за недозволенныя плотскія связи и неописанныя распри близки къ своей погибели. У нихъ мало обращалось вниманія на безчисленныя анаѳемы, изрекаемыя епископами, и потому ихъ существованіе кратковременно. Вы же, вѣрующіе христіане, молитесь со мною ко Господу, чтобы они исправились, и чтобы у насъ никогда не утвердился ихъ образъ жизни. Я разскажу теперь о кончинѣ королевы Ѳеофаніи, но прежде опишу чудесныя явленія, которыя тому предшествовали.

Въ 989 г. Господа, 21 октября въ 5 часовъ дня было солнечное затмѣніе. Я уговаривалъ христіанъ, чтобы они не вѣрили, будто бы оно производится волшебствомъ злыхъ женщинъ, или происходитъ

---

[1]) Криспина, т.-е. болтуна. См. Hor. Sat. I. 1, 120 ст.

оттого что солнце *поглощается* кѣмъ нибудь [1]), и будто этому можно помочь земными средствами; я увѣрялъ ихъ, что это явленіе объясняется такъ, какъ училъ о томъ Макробій [2]) и другіе мудрецы, а именно, оно производится луною. Въ слѣдующемъ году послѣ того затмѣнія, королева заболѣла, и 15 іюня простилась съ земною жизнію, счастливо окончивъ временное поприще въ Нимвегенѣ. Она была погребена Эвергеромъ, тогда архіепископомъ Кёльнскимъ, въ церкви св. Панталеона, построенной иждивеніемъ архіепископа Бруно [3]), который и былъ въ ней похороненъ. На погребеніи королевы присутствовалъ ея сынъ, щедро одарившій мѣстную духовную братію во спасеніе души своей матери. Когда узнала о томъ великая королева Аделаида, съ скорбнымъ сердцемъ она поспѣшила утѣшить короля, который правилъ уже семь лѣтъ (990 г.), долго оставалась при немъ, заботясь о немъ, какъ мать, и только онъ самъ, къ ея сожалѣнію, удалилъ ее отъ себя, руководимый внушеніями необузданныхъ сверстниковъ изъ молодежи.

11. Этой преславной государынѣ, украсившей свое высокое рожденіе королевскими добродѣтелями, мой отецъ, графъ Сигфридъ, служилъ вѣрно на войнѣ и въ мирѣ. Въ битвѣ при Бранденбургѣ, онъ упалъ съ коня, и съ того времени его начали тревожить тяжкіе тѣлесные недуги. Онъ припомнилъ, что наступилъ именно тотъ годъ, который за восемь лѣтъ предъ тѣмъ, во снѣ, былъ назначенъ ему, какъ годъ его смерти, слѣдующимъ образомъ. Въ Кёльнѣ онъ былъ пробужденъ отъ сна голосомъ, который звалъ: „Сигфридъ, проснись и знай, что восьмой годъ послѣ этого дня заключитъ твое земное поприще“. Всегда смѣло смотрѣлъ онъ на этотъ предназначенный день и не переставалъ ослабѣвать въ совершеніи добрыхъ по своимъ плодамъ дѣлъ. Меня онъ взялъ у своей тетки Эмнильды, которая долго страдала отъ апоплексическаго удара; у ней я получилъ хо-

---

[1]) По древнимъ германскимъ и скандинавскимъ вѣрованіямъ, видимое движеніе солнца и обращеніе луны объяснялись усиліями ихъ убѣжать отъ преслѣдованія двухъ чудовищныхъ волковъ, и съ затмѣніемъ соединялась мысль о кончинѣ всего міра; язычники поднимали при этомъ громкіе крики, въ надеждѣ испугать чудовищъ и такимъ образомъ спасти свѣтило отъ угрожающей ему погибели; на это суевѣріе и намекаетъ далѣе нашъ авторъ.

[2]) Макробій жилъ въ V вѣкѣ при дворѣ Өеодосія I; въ своемъ комментаріѣ къ сочиненію Цицерона „О сновидѣніяхъ“ I, 15, онъ говоритъ слѣдующее: „Когда солнце и луна въ своемъ теченіи встрѣтятся на одной и той же линіи, то необходимо, чтобы одно изъ нихъ временно потерпѣло затмѣніе: солнце, когда за нимъ слѣдуетъ луна, и луна, когда она станетъ противъ солнца. Потому-то солнце не иначе затмѣвается, какъ ночью въ 30 день луны, и луна можетъ затмиться только въ 15 день своего теченія. Случается же все это такъ, что луна становится противъ солнца, и земной шаръ, находясь на той же линіи, мѣшаетъ ей получить свой свѣтъ, или сама луна, слѣдуя за солнцемъ, загораживаетъ его свѣтъ отъ человѣческихъ глазъ. При затмѣніи потому солнце нисколько не страдаетъ, но затмѣвается только наше зрѣніе. Одна луна дѣйствительно испытываетъ на себѣ затмѣніе, потому что она тотъ свѣтъ, которымъ свѣтитъ ночью, заимствуетъ у солнца“.

[3]) См. о немъ выше, въ ст. 33, на стр. 489.

рошее начальное образованіе. Послѣ того отецъ отдалъ меня Рикдагу, второму этого имени аббату монастыря св. Іоанна въ Магдебургѣ. Тамъ я прожилъ три года, а въ праздникъ Всѣхъ святыхъ (1 ноября), отецъ мой помѣстилъ меня въ духовное братство св. Маврикія, такъ-какъ не могъ совсѣмъ пристроить къ той церкви. Поэтому случаю въ ближайшій праздникъ св. Андрея (30 ноября), былъ данъ большой, веселый для всѣхъ, пиръ, который и продолжался до слѣдующаго дня. Отправившись оттуда, мой отецъ наканунѣ заговѣнья заболѣлъ въ городѣ Виллибицахъ (Вальбекъ) и 15 марта скончался. Онъ былъ усердный защитникъ отечества и истинный герой. Вмѣстѣ съ его женою Кунигундою его оплакивала достопочтенная, по своему образцовому благочестію, мать Матильда, которая скоро должна была послѣдовать за нимъ. Лишенная своей опоры, съ глубокою печалью, ждала она своей смерти, и въ томъ же году 3 декабря, умерла съ полною вѣрою въ Искупителя. Мой дядя, который получилъ въ наслѣдство равную съ нами часть, надѣлалъ моей матери въ 996 г. много непріятностей, возобновившихъ въ ней старую болѣзнь; своею матерью она была препоручена ему въ вѣрную защиту, и тѣмъ менѣе онъ старался лишить ее всего мужнинаго имѣнія. Но къ чему напрасно говорить о томъ много? Съ помощію короля она получила все обратно.

Въ 12 главѣ, авторъ отмѣчаетъ въ лѣтописи коротко различныя физическія бѣдствія и записываетъ дни смерти епископовъ, отъ 990 г. до 995 г., когда Оттонъ III напалъ на оботритовъ и опустошилъ страну вильцевъ, народовъ славянскаго племени.

13. Послѣ того (995 г.) король имѣлъ съ своими князьями совѣщаніе, на которомъ присутствовалъ и Гейнрихъ, свѣтлѣйшій герцогъ Баварскій. Продолжительная вражда его съ Гебгардомъ Регенсбургскимъ была на этомъ сеймѣ прекращена мирнымъ договоромъ. Благочестивый герцогъ, старавшійся безпрерывными дѣлами милосердія искупить всѣ прежнія свои прегрѣшенія, внезапно заболѣлъ въ Гандерсгеймѣ, куда онъ отправился къ своей сестрѣ Гербергѣ, бывшей тамъ аббатиссою. Онъ призвалъ къ себѣ своего сына, который назывался также Гейнрихомъ [1]), и наставлялъ его слѣдующимъ образомъ: „Спѣши домой и, вступивъ въ управленіе страною, никогда не возставай противъ своего государя и короля. Я глубоко раскаяваюсь въ томъ, что́ было прежде совершено мною; не забудь отца, когда его не станетъ на свѣтѣ: отнынѣ ты его уже не увидишь“. Когда уѣхалъ сынъ, преславный герцогъ, во время своей болѣзни, постоянно восклицая изъ глубины сердца κύριε ἐλέισον (Господи помилуй) отошелъ, наконецъ, 28 августа (995 г.) въ жизнь вѣчную. Его тѣло было поставлено предъ алтаремъ св. креста среди церкви. Сынъ же, узнавъ о томъ, по избранію и съ помощію баварцевъ, потребовалъ отъ короля отцовскаго лена.

---

[1]) Это былъ тотъ самый Гейнрихъ, который наслѣдовалъ Оттону III, подъ именемъ Гейнриха II, и былъ впослѣдствіи причисленъ къ лику святыхъ.

Въ томъ же году умерли пфальцграфъ Тидрихъ и его братъ Сибертъ.

14. Около того же времени, маркграфъ Гейнрихъ (изъ Швейнфурта), мой двоюродный братъ, взялъ въ плѣнъ Эверкера, славнаго, впрочемъ, надменнаго рыцаря изъ свиты епископа Бернварда Вюрцбургскаго, и за нѣкоторыя оскорбленія, нанесенныя имъ, приказалъ его ослѣпить въ одномъ мѣстѣ, по имени Линдинлогъ. Король, извѣщенный объ этомъ епископомъ, горько ему жаловавшимся на то, наказалъ маркграфа, въ порывѣ негодованія, изгнаніемъ, но потомъ помиловалъ и опять помирилъ съ епископомъ, заставивъ дать послѣднему соотвѣтственное удовлетвореніе. Послѣ, епископъ пригласилъ къ себѣ на праздникъ св. Киліана, 8 іюля, маркграфа восточныхъ земель (Австріи) Леопольда вмѣстѣ съ племянникомъ его Гейнрихомъ, и угощалъ обоихъ весьма радушно.

Когда между тѣмъ, послѣ ранней обѣдни, маркграфъ Леопольдъ съ своими рыцарями потѣшался воинскими забавами, одинъ изъ друзей ослѣпленнаго, пустилъ въ него изъ какой-то трущобы стрѣлу, такъ что тотъ, 10 іюля, послѣ исповѣди скончался. Онъ однако былъ вовсе невиненъ въ упомянутомъ дѣлѣ, ни содѣйствіемъ, ни совѣтомъ. Спустя день, его похоронили; макграфъ былъ справедливо оплакиваемъ, потому что не было человѣка болѣе его умнаго и во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненнаго.

Предшествовавшая зима отличалась жестокой непогодой, моровымъ повѣтріемъ, суровою стужей, ураганами и необыкновенною засухой. Въ эту самую зиму были усмирены славяне.

15. Еще прежде они разорили церкви въ Бранденбургѣ, и я коротко разскажу теперь, какъ они снова на долгое время вынуждены были подчиниться королю. Въ сосѣдствѣ съ нами жилъ одинъ замѣчательный рыцарь, по имени Кица, съ которымъ маркграфъ Тидрихъ обращался весьма дурно. Не въ силахъ будучи выместить свою злобу, онъ перешелъ потому къ врагамъ, которые, убѣдившись въ его вѣрности, отдали ему городъ Бранденбургъ, съ цѣлію вредить намъ оттуда. Впослѣдствіи однако, удалось намъ увѣщаніями склонить его снова предать и городъ, и самого себя, во власть короля Оттона. Тогда лютичи, распаленные гнѣвомъ, напали на него со всѣмъ войскомъ, какое имѣли. Король въ ту пору былъ въ Магдебургѣ и, получивъ извѣстіе о случившемся, немедленно отправилъ туда всѣхъ находившихся при немъ на лицо, а именно: маркграфа Эккигарда, трехъ моихъ дядей, также пфальцграфа Фритериха и двоюроднаго моего брата. Какъ только они прибыли туда съ своими людьми, враги, стремительно кинувшись на нихъ, раздѣлили ихъ, такъ что одна часть изъ нихъ успѣла проникнуть въ городъ, а другая осталась позади; потерявъ нѣсколько человѣкъ, послѣдніе воротились домой. Тогда король, собравъ со всѣхъ сторонъ своихъ воиновъ, самъ поспѣшилъ туда. Но враги, сильно стѣснявшіе защитниковъ города, завидѣвъ новое войско, сняли свой лагерь и убѣжали. Тогда наши, высыпавъ изъ города, пѣли въ радости о своемъ избавленіи: Κύριε ἐλέισον, и прибывшіе къ нимъ единогласно отвѣчали имъ тѣмъ же самымъ восклицаніемъ. Король снабдилъ городъ гарнизономъ и вслѣд-

ствіе того надолго удержалъ его въ своей власти. Но Кицо, отправившись послѣ въ Кведлинбургъ, потерялъ свой городъ вмѣстѣ съ женой и своими слугами. Послѣднихъ, впрочемъ, онъ возвратилъ потомъ снова, но овладѣть городомъ не успѣлъ. Одинъ изъ его рыцарей, по имени Болибутъ, по совѣтамъ котораго онъ предпринялъ далекое путешествіе, своими происками успѣлъ такъ все устроить, что былъ провозглашенъ тамъ господиномъ; а Кицо, рыцарь предпріимчивый, пытаясь впослѣдствіи времени тайно возвратить себѣ страну, былъ убитъ вмѣстѣ со своими приверженцами.

16. Іюня 23 дня 994 года, трое изъ моихъ дядей, Гейнрихъ, Удо и Сигфридъ (графы округа Штаде) [1]), вмѣстѣ съ Этельгеромъ и многими другими, вышли на корабляхъ противъ морскихъ разбойниковъ, грабившихъ ихъ страну; въ послѣдовавшей за тѣмъ битвѣ графу Удо была отрублена голова; Гейнрихъ, братъ его Сигфридъ и графъ Этельгеръ принуждены были сдаться, и—горько о томъ разсказывать!—были уведены въ плѣнъ презрѣнными людьми. Распространившаяся молва скоро сдѣлала извѣстнымъ это несчастье между вѣрными христіанами. Герцогъ Бернгардъ (Саксонскій), жившій неподалеку отъ нихъ, отправилъ тотчасъ нарочнаго къ пиратамъ, предлагая имъ выкупъ и вызывая на переговоры для мирнаго соглашенія. Они изъявили готовность и согласились на прочный мирный договоръ, но за чрезвычайно большую сумму денегъ. Я не могу выразить съ какою щедростью король, а за нимъ и всѣ христіане нашей страны, жертвовали своимъ имуществомъ для выкупа. Мать моя до глубины потрясенная сильною скорбію, отдала для освобожденія своихъ братьевъ все, что имѣла, или могла откуда-либо достать. Нечестивое полчище разбойниковъ, получивъ большую часть собранныхъ складчиною денегъ—и какого вѣса!—для скорѣйшаго удовлетворенія себя остальною суммой, отпустила всѣхъ плѣнниковъ, за исключеніемъ однакожъ Сигфрида; а за прочихъ они взяли заложниками: за Гейнриха—единственнаго сына его Сигфрида, вмѣстѣ съ Гаревардомъ и Вульфрамомъ, а за Этельгера—дядю его Тидриха и сына тетки, Олефа. Такъ какъ Сигфридъ не имѣлъ сына, то онъ просилъ мою мать, чтобы она согласилась его выручить однимъ изъ собственныхъ сыновей. Желая удовлетворить этой настоятельной просьбѣ, она отправила посла къ Рикдагу, аббату (монастыря св. Іоанна, близъ Магдебурга), съ дозволенія котораго онъ долженъ былъ увести брата моего Сигфрида, жившаго въ то время монахомъ подъ его покровительствомъ. Умный и предусмотритель-Рикдагъ, зрѣло обдумавши все дѣло, воспротивился подобному несправедливому требованію и отвѣчалъ, что, по возложенному на него отъ Бога сану, онъ не рѣшается на такой поступокъ. Тогда посланный поспѣшилъ, какъ ему приказано было, къ Эккигарду, бывшему въ ту пору блюстителемъ и начальникомъ школы св. Маврикія въ Магдебургѣ, и просилъ настоятельно, чтобю тотъ согласился отпустить меня домой ради затруднительнаго положенія моей матери.

---

[1]) Штаде, портъ при впаденіи рѣчки Швинги въ Эльбу близъ моря, недалеко отъ Гамбурга.

Такимъ образомъ, я отправился изъ школы въ пятницу, и пошелъ домой въ свѣтскомъ платьѣ, въ которомъ долженъ былъ послѣ жить у пиратовъ; но подъ нимъ я имѣлъ и свою духовную одежду. Сигфридъ, получившій много ранъ, не смотря на то, съ помощію божіею, въ тотъ же день убѣжалъ изъ заключенія слѣдующимъ образомъ. Въ своемъ чрезвычайно тѣсномъ заключеніи и крайней нуждѣ вмѣстѣ съ Нодбальдомъ и Эдико, онъ придумывалъ разные способы къ побѣгу; наконецъ поручилъ имъ обоимъ доставить ему въ легкомъ, небольшомъ суднѣ столько вина и прочихъ съѣстныхъ припасовъ, чтобы можно было удовлетворить своихъ стражей. Когда его приказаніе безъ замедленія было исполнено, жадные собаки наѣлись и напились вдоволь. Съ наступленіемъ утра, когда священникъ готовился къ обѣднѣ, графъ свободный отъ присмотра стражей, все еще лежавшихъ въ безсиліи отъ вчерашняго пьянства, вышелъ на носъ корабля какъ будто для купанья и вскочилъ въ стоявшее на-готовѣ судно. Поднялась тревога. Священникъ былъ убитъ, какъ подозрѣваемый виновникъ бѣгства заключеннаго; подняли якори и быстро стали грести вслѣдъ за бѣжавшимъ. Съ большимъ трудомъ ушелъ графъ отъ погони. Достигши берега, онъ увидѣлъ тамъ, по заблаговременному разпоряженію, готовыхъ коней и поскакалъ дальше, направивъ путь къ своему городу Гарзефельду, гдѣ находился братъ его Гейнрихъ съ своею женою Этелою, вовсе неожидавшіе такой великой радости. Враги, преслѣдовавшіе его, ворвались въ прибрежный городъ, по имени Штаде, тщательно обыскали его до послѣднихъ закоулковъ, но, не найдя графа, отобрали у женщинъ серьги и съ злобою вернулись назадъ. Подобная же ярость овладѣла и всѣми остальными пиратами: въ ближайшее утро они отрѣзали носы, уши, руки духовенству, въ томъ числѣ и моему племяннику, равно и всѣмъ прочимъ заложникамъ, выбросили ихъ за бортъ въ море и удалились. Впрочемъ всѣ изувѣченные были вытащены своими изъ воды, и тогда-то поднялась безграничная скорбь. Я между тѣмъ, посѣтивъ своихъ дядей и встрѣтивъ радушный пріемъ у родныхъ, благополучно—по милости божіей—возвратился въ свой монастырь.

17. Къ этому времени, 25 іюля (996 г.) умеръ высокоуважаемый епископъ Аугсбургскій Лудольфъ; на его мѣсто посвятили аббата Гевегарда изъ Элевангена.

Между тѣмъ, въ одной деревнѣ, именно Горторпѣ, родилось дитя, одной половиной походившее на человѣка, а другой—именно сзади —на гуся; кромѣ того, правое ухо и правый глазъ были у него меньше лѣвыхъ; зубы были шафрано-желтые; на лѣвой рукѣ имѣлся только одинъ палецъ—большой, остальныхъ четырехъ не доставало. Когда собирались его крестить, оно странно выпучило глаза, больше потомъ не глядѣло, и по прошествіи четырехъ дней умерло. Рожденіе этого урода, за наши злодѣянія, повлекло за собою большую моровую язву...

18. Въ праздникъ Рождества Христова въ 996 г., король былъ въ Кёльнѣ: возстановивъ въ этой странѣ покой и тишину, онъ предпринялъ давно-желанный походъ въ Италію, и Пасху праздновалъ въ Павіи. Оттуда съ большимъ торжествомъ пошелъ въ Римъ, и на

мѣсто незадолго предъ тѣмъ умершаго папы Іоанна (XV), посадилъ своего племянника Бруно, сына Герцога Оттона (Каринтійскаго), возбудивъ тѣмъ признательность всѣхъ присутствовавшихъ [1]). Этимъ-то папою былъ онъ потомъ, въ день Вознесенія, приходившійся въ тотъ годъ 21 мая, на 15 году своей жизни, въ 13-ое лѣто правленія, восьмого индикта, помазанъ какъ римскій императоръ, и признанъ защитникомъ церкви св. Петра. Оттонъ III правилъ имперіею, подобно своимъ предкамъ, побѣждая характеромъ и энергіей затрудненія, какія могли быть сопряжены съ его чрезвычайной молодостью.

19. Въ началѣ лѣта пришелъ въ Римъ епископъ Богемскій Адельбертъ. Въ крещеніи получилъ онъ имя, которое произносится какъ-то похоже на *Войтехъ*, а при муропомазаніи епископъ Магдебургскій наименовалъ его Адельбертомъ. Тамъ же у епископа Отриха получилъ онъ научное образованіе. Адельбертъ наложилъ запрещеніе на всю свою паству, не имѣя возможности увѣщаніями слова божія отвратить ее отъ старыхъ заблужденій суевѣрія, и въ то время прибылъ для оправданія къ папѣ, съ позволенія котораго и жилъ долгое время по строгимъ правиламъ св. Бонифація въ полномъ смиреніи, служа образцемъ для другихъ. Отважившись впослѣдствіи съ одобренія папы благочестивою проповѣдію обуздать сердца язычниковъ-пруссовъ, онъ былъ пронзенъ копьемъ 23 апрѣля, и ему отрубили голову. Такъ, безъ всякаго ропота претерпѣлъ онъ одинъ изъ всѣхъ своихъ товарищей желанную мученическую смерть, какъ въ предшествовавшую ночь самъ предвидѣлъ то и предвозвѣстилъ своей братіи, сказавши: „Мнѣ казалось, будто служилъ обѣдню и пріобщался я одинъ“. Нечестивые совершители злодѣянія, увидѣвши его мертвымъ, отдѣлили—какъ сказано—его голову отъ туловища; а обезображенное такимъ образомъ тѣло святого мужа, для усугубленія своего злодѣйства и божескаго наказанія, бросили въ море; воткнувъ, со смѣхомъ, голову на колъ, язычники ликуя отправились домой. Герцогъ Болеславъ (польскій) сынъ Мизеко, узнавши то, добылъ себѣ за деньги голову и члены преславнаго мученика. Между тѣмъ и императоръ, получивъ въ Римѣ извѣстіе объ этомъ происшествіи, колѣнопреклоненный воспѣвалъ хвалебные гимны Господу за то, что Онъ въ такое время и такого человѣка избралъ своимъ поборникомъ и сподобилъ его мученическаго вѣнца. Около того самаго времени умеръ епископъ Бернвардъ Вюрцбургскій, который, по приказанію императора, ѣздилъ съ посольствомъ въ Грецію, въ Ахайю, съ огромнымъ числомъ спутниковъ. По увѣренію многихъ, Богъ творитъ чрезъ него много чудесъ.

20. Король, оставивъ Римъ (997), снова посѣтилъ наши страны. Услышавъ о возмущеніи славянъ, онъ двинулся съ военною силою въ Штодеранію, обыкновенно называемою Гавельландъ (долина р. Гавеля), и, опустошивъ этотъ округъ огнемъ и мечемъ, возвратился побѣдителемъ въ Магдебургъ. Враги за то со всѣмъ войскомъ напали

---

[1]) Это былъ папа Григорій V, сынъ Оттона и внукъ того Конрада Лотарингскаго, который былъ женатъ на Ліутгардѣ, дочери Оттона В. и управлялъ за него Италіею; см. выше ст. 30, на стр. 462.

на Барденгау, но были совершенно побѣждены нашими. Въ этой битвѣ присутствовалъ епископъ Рамвардъ Минденскій; съ крестомъ въ рукѣ предшествуя сражавшимся, такъ что самые знаменосцы шли сначала позади его, онъ сильно воодушевлялъ войска къ битвѣ. Въ этотъ день палъ графъ Гардульфъ и нѣсколько другихъ; враговъ же легло великое множество; прочіе бѣжали, оставивъ свою добычу.

21. Въ Римѣ, между тѣмъ, въ отсутствіе папы, назвавшагося по своемъ возвышеніи Григоріемъ V, Кресцентій посадилъ на его мѣсто Іоанна Калабрійскаго, высокаго спутника императрицы Ѳеофаніи, бывшаго епископомъ Плаценціи (Піаченцы). Кресцентій, присвоивая себѣ такую власть, не помышлялъ ни о своей клятвѣ, ни о большихъ имѣніяхъ, данныхъ ему Оттономъ. Притомъ похититель трона взялъ еще подъ стражу и бдительно стерегъ посланниковъ императора. Какъ только Оттонъ узналъ о томъ, онъ поспѣшилъ къ Риму и потребовалъ новаго папу къ себѣ. Но узурпаторъ Іоаннъ бѣжалъ; впрочемъ, оставшіеся вѣрными Богу и императору, поймали его, и онъ лишился языка, глазъ и носа. Кресцентій же бросился въ Леоніанскій монастырь и напрасно пытался сопротивляться императору. Оттонъ III, празднуя Пасху въ Римѣ, приказалъ отстроить военныя машины; и какъ только миновали бѣлые дни [1]), далъ приказаніе маркграфу Эккигарду штурмовать Теодерикову башню (крѣпость св. Ангела). Маркграфъ день и ночь нападалъ на замокъ, и, наконецъ, проникъ въ него съ помощію высоко поднимавшейся машины. Затѣмъ Кресцентій, по распоряженію императора, былъ обезглавленъ и потомъ повѣшенъ за ноги, что̀ всѣмъ присутствовавшимъ внушило невыразимый ужасъ. Папу же Григорія V возстановили на тронѣ съ великою честью; и императоръ въ послѣдующее время властвовалъ уже безъ всякаго сопротивленія (998 г.).

22. Здѣсь, кажется, будетъ умѣстно вспомнить о нѣкоторыхъ событіяхъ того времени; многимъ они представляются незначительными или только очень чудесными; но, по своему характеру, они носятъ на себѣ отпечатокъ провидѣнія. Въ то время жилъ блаженной памяти графъ Ансфридъ (изъ Лёвена) славный и по характеру, и по происхожденію. Въ дѣтствѣ, его дядя епископъ Родбертъ Трирскій превосходно наставилъ его въ наукахъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ. Потомъ, для рыцарскаго образованія, другой его дядя по отцу, который, подобно тому, назывался Ансфридомъ и управлялъ 15 графствами, поручилъ его Бруно, архіепископу Кёльнскому. Подъ его руководствомъ благовоспитанный юноша оказывалъ ежедневные успѣхи, пока не взялъ его къ себѣ въ услуженіе великій король Оттонъ I, отправляясь овладѣть Римомъ. Въ началѣ его рыцарскаго поприща король приказалъ ему всегда разбивать свою красивую палатку въ виду королевской палатки, и носить мечь, чтобы испытать, можетъ ли онъ съ ловкостью служить при дворѣ. Это занятіе онъ исполнялъ съ великою охотою, потому что, слѣдуя такимъ образомъ за королемъ, когда онъ потѣшался птичьей охотой, онъ незамѣтно тѣмъ легче могъ слушать пѣніе его любимѣйшихъ пѣсней. Послѣ, когда король

[1]) *Бѣлые дни*—такъ называются 7 дней послѣ Пасхи.

двинулся къ Риму, этотъ юноша, на котораго онъ болѣе всего полагался, былъ сдѣланъ его постояннымъ меченосцемъ; и однажды король ему сказалъ: „Сегодня у священнаго порога апостоловъ я буду возносить молитву; ты постоянно держи мечъ надъ моею головой. Мнѣ хорошо извѣстно, что вѣрность римлянъ всегда казалась подозрительною моимъ предкамъ. Хотя опасность еще и далека, но благоразуміе требуетъ все предвидѣть, чтобы бѣда не застала врасплохъ. Когда мы прійдемъ домой, то тамъ молись сколько угодно". Возвратившись изъ Италіи, Ансфридъ устроилъ изъ своего наслѣдственнаго имѣнія аббатство Торна, и, съ согласія папы, поставилъ тамъ свою дочь аббатиссою; а для спасенія своей души поручилъ монастырь покровительству св. Ламберта.

23. Упомянувши о дочери графа, усердной служительницѣ всемогущаго, я не хочу пройти молчаніемъ того, чтó чрезъ нее сдѣлалъ Господь въ мое время. Всегда имѣя въ мысли гостепріимство, она такъ щедро угощала нуждающихся и странниковъ, что въ одинъ день для себя и своихъ сестеръ не оставила нисколько вина къ ужину. Когда смотрительница погребовъ доложила ей о томъ, она сказала: „Будь покойна, моя милая, и утѣшься; благодать божія и теперь можетъ снабдить насъ". Послѣ того, по обычаю, въ капеллѣ св. Маріи, она повергласъ предъ крестомъ Христовымъ и вотъ, за день предъ тѣмъ опорожненный до основанія, винный сосудъ снова началъ наполняться, такъ что вино перешло черезъ край. Долгое время пили изъ этого сосуда во славу божію не только монахини, но многіе изъ сосѣдей и странниковъ.

Случилось, что Герсевита, жена Ансфрида, заболѣла въ своемъ помѣстьѣ Гилиза. Она поспѣшила въ Торну, предчувствуя близость смерти, но, не имѣя силъ достигнуть аббатства, остановилась на пути въ домѣ какого-то мызника. Какъ онъ самъ мнѣ разсказывалъ, у него были очень злыя собаки, лай которыхъ чрезвычайно безпокоилъ больную. Замѣтивъ это, онъ, какъ хозяинъ дома, по настоятельной просьбѣ графини, охотно согласился запереть собакъ и, въ случаѣ нужды, даже умертвить ихъ, если ему удастся. Но это было невозможно; между тѣмъ, случилось само собою, что собаки не могли болѣе лаять, пока благочестивая дѣва господня не почила въ мирѣ. Она была погребена внѣ монастыря, въ придѣльной капеллѣ, тѣмъ, кто во всѣхъ трудностяхъ жизни былъ ея благочестивымъ и вѣрнымъ спутникомъ. Служанка графини, которая много лѣтъ уже страдала водяною болѣзнію, пришла послѣ туда въ сочельникъ, давъ обѣтъ принести свѣчу на могилу госпожи, что она и сдѣлала. Когда началось утреннее богослуженіе, служанка вышла, пріобщилась и, на глазахъ всѣхъ, здоровою возвратилась домой.

24. По кончинѣ графини, ея набожный спутникъ жизни не изъ отчаянія за прошедшее своего земного существованія, но болѣе окрыленный высшими стремленіями къ добродѣтели, остановился на той мысли, чтобы посвятить себя монашеской жизни, гдѣ можно было бы найти вполнѣ строгія правила ордена. Раздумывая о томъ, онъ былъ настоятельно побуждаемъ принять епископство Утрехтское Оттономъ III чрезъ посредство епископа Нотгера Люттихскаго. Вслѣд-

ствіе того, графъ пошелъ въ капеллу въ Ахенѣ и молилъ матерь Господа устроить это дѣло, если оно отъ Бога; если же нѣтъ, то пусть Господь своимъ милосердіемъ воспрепятствуетъ принять предлагаемое. Архіепископъ же Кёльнскій чрезъ своего помощника настаивалъ на томъ предъ королемъ, и графъ волею и неволею былъ избранъ въ епископы. Нѣсколько времени спустя, онъ отказалъ св. Мартину пять своихъ имѣній: это былъ прочный залогъ возмездія такому доброму дѣлу. Такимъ образомъ, въ своей глубокой старости, когда уже помрачились его глаза, графъ сдѣлался монахомъ; собственными руками онъ ежедневно кормилъ 72 бѣдняковъ. Для слабыхъ между ними, этотъ слѣпой мужъ, сопутствуемый служителемъ, носилъ изъ долины на вершину горы воду, приготовлялъ ванну, самъ доставлялъ имъ одежду для перемѣны и все необходимое для жизни, и потомъ отпускалъ ихъ съ миромъ; все это онъ дѣлалъ по ночамъ, чтобы никто не зналъ о его подвигахъ. На этой самой горѣ устроилъ монастырь для монаховъ; аббаты этого монастыря часто наказывали его розгами, когда онъ осмѣливался не слушаться ихъ приказаній. Что только могъ достать, онъ все отдавалъ бѣднымъ почти до послѣдней копѣйки. При своей нѣжной любви ко всему, онъ заботился даже о птицахъ и зимою на своей горѣ ставилъ сосуды съ кормомъ. Подъ верхнею одеждою всегда носилъ власяницу. Но съ Рождества Христова почти до крестовоздвиженія лежалъ больнымъ и въ это время потреблялъ не болѣе трехъ хлѣбовъ. Приблизившись къ своей кончинѣ, онъ увидѣлъ на окнѣ крестъ, который былъ тамъ написанъ вскорѣ послѣ помраченія его глазъ. Замѣтивъ объ этомъ окружающимъ, онъ прославилъ Бога и сказалъ: „Около Тебя, Господи, свѣтъ, который никогда не помрачается“. Наконецъ, онъ принялъ напутствіе. Въ постоянномъ ожиданіи смерти, научившись любить своего будущаго судію и живя въ страхѣ на землѣ, онъ потерялъ всякій страхъ предъ вѣчностью. Въ крѣпкомъ довѣріи къ предстательству св. матери Божіей, которой онъ посвятилъ и себя и все свое, онъ до тѣхъ поръ осѣнялъ себя знаменіемъ св. Креста, пока рука вмѣстѣ съ духомъ не отошла къ покою почившихъ въ мирѣ [1]).

Когда онъ скончался, жители Утрехта босикомъ и съ оружіемъ въ рукахъ пошли къ его домочадцамъ; они плакали, умоляли и говорили имъ: „Ради Бога, дайте намъ нашего духовнаго пастыря; мы его положимъ въ мѣстѣ его епископства“. Достопочтенная аббатиса, его благочестивая дочь, съ капелланами и рыцарями отвѣтила имъ: „Онъ долженъ быть погребеннымъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ Богъ допустилъ ему умереть“. Дѣло зашло такъ далеко, что вооруженные съ обѣихъ сторонъ пошли другъ на друга; и нѣкоторые были близки къ тому, чтобы заплатить при этомъ жизнію; тогда аббатиса бросилась между ними и, хотя бы только на минуту, просила о мирѣ. Изъ долины, гдѣ находились смиренныя кельи монаховъ, отъ ручья,

[1]) Этотъ Утрехтскій епископъ умеръ въ 1010 г., и слѣдов., авторъ сдѣлалъ слишкомъ большое отступленіе отъ 998 г., на которомъ онъ остановился въ концѣ 21 гл. Но эта смерть была свѣжей новостью, когда писалъ авторъ свою хронику.

называющагося Эма, рыцари хотѣли перенесть его гробъ на вершину горы. Когда они рѣшились выполнить это, утрехтцы взяли трупъ и, какъ они влятвенно увѣряютъ до сихъ поръ, безъ малѣйшаго усилія перенесли его чрезъ ручей. По допущенію божію, такимъ образомъ, рыцари, сильнѣйшая сторона, должны были уступить. Во время переноски св. тѣла на пути разливалось чудное благоуханіе и, какъ увѣряютъ вполнѣ достовѣрные люди, весь воздухъ наполнился имъ на двѣ мили въ окружности.

Не ограничиваясь этимъ однимъ разсказомъ въ своемъ отступленіи, авторъ посвящаетъ еще три главы: 25, 26 и 27, на мѣстныя происшествія въ Магдебургѣ и въ Кведлинбургѣ, гдѣ аббатиса Матильда судила одного графа за похищеніе дѣвицы; записываетъ смертные случаи, а именно кончину своей матери, императрицы Аделаиды, и кончаетъ отмѣткою дня смерти папы Григорія V (4 февр. 999), которому наслѣдовалъ знаменитый Гербертъ, подъ именемъ Сильвестра II. Послѣднее обстоятельство напомнило автору, что онъ до своего отступленія оставилъ Оттона III въ Римѣ, и потому онъ снова обращается туда.

28. По смерти папы Григорія V, король призвалъ на судъ въ Римъ архіепископа Гизилера (Магдебургскаго) за то, что тотъ владѣлъ двуми епархіями, и предложилъ судомъ остановить его въ отправленіи духовныхъ обязанностей и отъ имени папы требовать въ Римъ. Но Гизилеръ получилъ ударъ и не могъ явиться лично, а потому отправилъ вмѣсто себя представителя, который долженъ былъ въ крайнемъ случаѣ очистить его отъ обвиненія присягой. Вслѣдствіе того, дѣло было отложено до того времени, когда императору будетъ можно совѣщаться съ туземными епископами.

Въ 1000 г., король, услышавъ о чудесахъ, которыя Богъ совершалъ (въ Гнѣзнѣ) посредствомъ св. мученика Адельберта, поспѣшилъ туда. Въ Регенсбургѣ, его принялъ съ великою почестью Гебгардъ тамошній епископъ. Короля сопровождали Ціацо, патрицій (намѣстникъ) римскій и папскій духовникъ (obletionarius) съ кардиналами. Никогда короли не были окружены бо́льшимъ блескомъ, ни при въѣздѣ въ Римъ, ни при выѣздѣ оттуда, какъ въ то время Оттонъ III. Гизелеръ, выйдя ему на встрѣчу, успѣлъ возвратить себѣ его расположеніе. Пришедши въ Цейцъ, король съ подобающею честію встрѣченъ былъ Гуго II, третьимъ по порядку изъ мѣстныхъ аббатовъ. Оттуда прямымъ путемъ отправился въ Мейсенъ, гдѣ его встрѣтили съ почетомъ высокопочтенный епископъ Эгедъ и маркграфъ Эккигардъ, которому онъ въ особенности много довѣрялъ. Проѣхавъ область мильциновъ, онъ прибылъ на границы округа Дидезизи, гдѣ, герцогъ (польскій) Болеславъ [1]) (не по заслугамъ, но только по имени назывался онъ „Большая-слава") встрѣтилъ его съ великими изъявленіями радости, въ одномъ мѣстечкѣ, именно въ Илуа (Эйлау) и приготовилъ ему угощеніе. Какъ великолѣпно принялъ герцогъ короля, какъ чрезъ свою землю проводилъ его въ Гнѣзно, это и невѣроятно и неописанно. Увидѣвъ издали желанный городъ, От-

---

[1]) Мизеко умеръ незадолго предъ тѣмъ.

тонъ, разувшись, съ молитвою началъ приближаться къ нему. Мѣстный епископъ Унгеръ, встрѣтивъ его съ полнымъ достоинствомъ, повелъ въ церковь; слезы у короля текли ручьями, и онъ умолялъ св. мученика исходатайствовать ему у Христа милость своимъ заступничествомъ. Немедленно было основано имъ тамъ епископство; хотя безъ согласія выше названнаго епископа, которому была подчинена та земля, однакожъ, я думаю, законнымъ образомъ, потому что онъ передалъ его брату мученика, Радиму, которому подчинилъ потомъ другихъ епископовъ, Рейнбера Кольбергскаго, Поппо Красовскаго, Іоанна Бреславскаго, кромѣ Унгера епископа Познаньскаго. Оттонъ устроилъ престолъ, гдѣ торжественнымъ образомъ были положены святые останки. Послѣ того ему представили отъ герцога богатые дары; въ томъ числѣ — что ему нравилось болѣе всего — 300 воиновъ въ латахъ. На обратный путь Болеславъ далъ ему до Магдебурга пышную свиту; въ Магдебургѣ при огромномъ стеченіи народа онъ праздновалъ вербное воскресеніе. Въ понедѣльникъ же, архіепископъ былъ извѣщенъ снова о королевскомъ запрещеніи завѣдывать своимъ епископствомъ; при этомъ Гизилеръ, только съ трудомъ и при помощи большихъ денегъ, могъ успѣть, чтобы ему была дана отсрочка до собора въ Кведлинбургѣ. Туда собралось огромное множество судей. Отпраздновали сначала Пасху, а въ понедѣльникъ послѣ праздника былъ открытъ соборъ, на который потребовали Гизилера [1]). По его болѣзни, его снова представляло вышеупомянутое лицо, а во многихъ пунктахъ защиту обвиненнаго принялъ на себя тамошній пастырь Вальтердъ. Назначили новой соборъ въ Ахенѣ. Онъ прибылъ туда самъ, и римскій архидіаконъ, какъ его судія, именемъ папы требовалъ отъ него оправданія; но, слѣдуя благоразумному совѣту, онъ достигъ того, что ему былъ обѣщанъ вселенскій соборъ, и все дѣло такимъ образомъ осталось нерѣшеннымъ, пока въ наши дни Богъ своею благостію привелъ его къ благопріятному концу.

29. Желая для себя возобновить древне-римскія церемоніи, которыя большею частію были въ забвеніи, король сдѣлалъ нѣкоторыя нововведенія, о которыхъ различно разсуждали. Онъ одинъ, напримѣръ, сидѣлъ за полукруглымъ обѣденнымъ столомъ, и при томъ выше, чѣмъ другіе.

Сомнѣваясь въ томъ, гдѣ дѣйствительно находятся кости короля Карла Великаго, тамъ, гдѣ можно было думать найти ихъ, онъ приказалъ разломать каменный полъ и рыть пока не увидѣли ихъ въ царской гробницѣ. Оттонъ взялъ себѣ золотой крестъ, который висѣлъ на шеѣ у трупа, съ частію одеждъ, оставшихся нетлѣнными; остальное же положилъ назадъ съ большимъ благоговѣніемъ. Было бы трудно мнѣ описать всѣ другія поѣздки, которыя предпринималъ онъ въ различныя епископства и графства. Наконецъ, приведя все въ порядокъ по сю сторону Альпъ, онъ посѣтилъ римскую область, видѣлъ „Ромуловскіе праздники“ и съ большимъ почетомъ былъ встрѣченъ папою и его соепископами (1001 г.).

---

[1]) Гизилера обвиняли въ томъ, что онъ склонилъ Оттона II уничтожить епископство въ Мерзебургѣ и соединилъ его съ своею епархіею.

30. Григорій, любимецъ короля, вскорѣ составилъ заговоръ, намѣреваясь захватить его въ плѣнъ [1]). Онъ собралъ своихъ единомышленниковъ, и они бросились на короля, но король съ немногими изъ своихъ спутниковъ успѣлъ бѣжать, большая же часть изъ нихъ была заперта въ городѣ. Такъ никогда недовольная своими государями толпа отплатила ему зломъ за всю его несказанную любовь. Послѣ того Оттонъ III просилъ и заклиналъ всѣхъ своихъ друзей поспѣшить къ нему, и убѣждалъ каждаго, кто только могъ сдѣлать что нибудь въ пользу его чести и жизни, явиться съ вооруженною силою защищать и отомстить за него. Между тѣмъ, римляне въ сознаніи вины сами устыдились своего преступнаго намѣренія и, упрекая другъ друга, отпустили нетронутыми заключенныхъ, и смиренно умоляли о прощеніи и милости короля. Оттонъ, не довѣряя ихъ лживымъ словамъ, не замедлилъ отплатить имъ, захватывая, гдѣ только могъ, лица или имущества. Вся земля, принадлежавшая Римскому и Лонгобардскому государству, подчинилась ему и обѣщала вѣрность; только Римъ болѣе всего любимый имъ и продпочитаемый продолжалъ упорствовать, потому король былъ сильно обрадованъ, когда явилась къ нему на помощь многочисленная толпа вѣрныхъ вмѣстѣ съ архіепископомъ Герибертомъ Кёльнскимъ. По наружности Оттонъ казался веселымъ; но въ своей совѣсти онъ трепеталъ за нѣкоторыя изъ своихъ злодѣяній, и въ тишинѣ ночи не переставалъ искать прощенія своей вины въ усердныхъ бдѣніяхъ, молитвѣ, потокахъ слезъ. Исключая четверга, онъ часто постился цѣлую недѣлю. Милостыню подавалъ очень щедро. Но при всемъ томъ предъ его смертью начали составляться враждебные ему замыслы. Наши герцоги и князья не безъ вѣдома епископовъ возстали противъ него и обратились къ герцогу Гейнриху (Баварскому), его потомъ наслѣднику. Но онъ помнилъ увѣщанія своего отца, который подобно ему назывался Гейнрихомъ, умеръ въ Гандерсгеймѣ и тамъ погребенъ; вѣрный всегда королю, Гейнрихъ не оказалъ имъ никакого вниманія. Король узналъ о томъ, но терпѣливо все перенесъ; онъ заболѣлъ въ Патерно: внутренности его тѣла покрывались нарывами, которые мало-по-малу лопались. Въ непоколебимой вѣрѣ, съ свѣтлою мыслію разстался онъ съ этимъ міромъ 24 января (1002); бывъ украшеніемъ Римской имперіи, Оттонъ оставилъ своихъ въ безутѣшной скорби, потому что въ его время не было человѣка столь щедраго и кроткаго, какъ онъ. Тотъ, кто *алфа* и *омега* (Апок. 1. 8.), да помилуетъ его; пусть наградитъ его за малое великимъ, за временное вѣчнымъ.

31. Присутствовавшіе при его смерти въ тайнѣ сохраняли то, пока не собралось повсюду разсѣянное войско. Скорбная дружина повезла трупъ своего возлюбленнаго государя; но семь дней ей приходилось выдерживать непрерывныя нападенія; непріятели не давали покоя, пока не пришла она въ Верону. Продолжая оттуда путь далѣе, наши добрались до Полингена (Полингъ), владѣнія епископа Аугсбургскаго Сигфрида; ихъ встрѣтилъ тамъ герцогъ Гейнрихъ; и они были тронуты самымъ болѣзненнымъ образомъ его слезами. Одного

[1]) Григорій былъ родомъ тускуланецъ, и это все, что мы о немъ знаемъ.

за другимъ герцогъ просилъ, давая большія обѣщанія, избрать его своимъ государемъ и королемъ. Онъ принялъ королевскій трупъ и всѣ регаліи, за исключеніемъ копья, которое тайно послалъ впередъ архіеп. Герибертъ, желая удержать эту вещь для себя. За что его однако схватили и только впослѣдствіи, онъ, оставивъ брата своего заложникомъ, получилъ дозволеніе отправиться домой и немедленно возвратилъ копье. Но архіепископъ со всѣми, которые слѣдовали за тѣломъ короля, исключая епископа Сигфрида, не подалъ голоса за герцога; и нисколько не скрывалъ того, даже прямо объявилъ, что онъ вмѣстѣ съ друзьями будетъ за того, на чьей сторонѣ окажется большая и лучшая часть народа. Герцогъ между тѣмъ, достигши съ своими Аугсбурга, приказалъ положить внутренности любимаго государя, которыя весьма тщательно сохранялись въ двухъ сосудахъ, въ капеллу св. епископа Отельриха; эта капелла была построена въ честь его же преемникомъ Лудольфомъ на южной сторонѣ монастыря св. мученицы Афры; во спасеніе души усопшаго герцогъ подарилъ сто десятинъ земли изъ собственнаго имущества. Отпустивъ въ мирѣ огромное число сопровождавшихъ, онъ понесъ королевскій трупъ въ свой городъ Нейбургъ. Впослѣдствіи же по настоятельной просьбѣ пфальцграфа Гейнриха, съ сестрою котораго онъ вступилъ въ бракъ еще при жизни императора, герцогъ, простившись со всѣми , отправилъ трупъ на мѣсто его назначенія.

32. Извѣщенные о преждевременной смерти любимаго государя, опечаленные князья саксовъ собрались во Фразѣ (Фрози), королевской мызѣ, которую получилъ отъ короля графъ Гунцелинъ, въ ленное владѣніе. Тамъ, архіеп. Гизилеръ Магдебургскій съ своими соепископами, герцогъ Бернгардъ (Саксонскій), маркграфъ Ліутаръ, Эккигардъ (изъ Мейссена) и Геро съ первыми чинами имперіи разсуждали объ устройствѣ дѣлъ. Маркграфъ Ліутаръ, замѣтивъ, что Эккигардъ хочетъ взять надъ нимъ верхъ, пригласилъ на тайное совѣщаніе архіепископа и значительную часть знатныхъ, и убѣждалъ всѣхъ поклясться не приступать къ избранію короля и государя ни сообща, ни отдѣльно, пока не соберутся всѣ въ Верло (Верле). Всѣ, за исключеніемъ Эккигарда, согласились и одобрили предложеніе, а Эккигардъ, негодуя на то, что ему къ возвышенію на тронъ предстоитъ хоть и небольшое замедленіе, сказалъ своему противнику: „Маркграфъ Ліутаръ, зачѣмъ ты мнѣ противодѣйствуешь“? Этотъ отвѣчалъ: „А ты не замѣчаешь, что у тебя недостаетъ четвертаго колеса въ телѣгѣ“? Выборъ былъ прерванъ и такимъ образомъ исполнилось замѣчаніе древнихъ, что наступленіе ночи иногда отдѣляетъ насъ отъ цѣлаго года, а годъ можетъ продолжаться за предѣлы человѣческой жизни.

Во времена короля Оттона III славяне сожгли монастырь Гиллилево (Гиллерслебенъ) и увели монахинь. Въ тотъ день многіе изъ нашихъ погибли.

33. Но я опять слишкомъ удаляюсь отъ своей цѣли; обращусь снова къ ней, и вкратцѣ разскажу порядокъ королевскаго погребенія. Тѣло Оттона III, отправленное въ Кёльнъ, было встрѣчено архіепископомъ Герибертомъ. Въ понедѣльникъ послѣ вербнаго воскресенія

его принесли въ монастырь св. Северина, во вторникъ къ Пантелеону, въ среду къ св. Гереону. Въ день воспоминанія св. вечери понесли его въ церковь св. Петра; когда по обычаю были введены туда исповѣдники и удостоились прощенія грѣховъ, душѣ покойнаго архіепископъ даровалъ также отпущеніе; тогда прочіе священники потребовали отъ прихожанъ почтить память усопшаго, что и было ими совершено на колѣняхъ съ обильнымъ пролитіемъ слезъ. Въ пятницу опять было поднято тѣло, и съ нимъ прибыли въ Ахенъ въ св. субботу. Въ свѣтлое воскресенье оно было опущено въ могилу посреди хора церкви Богоматери. Любовь, которую всѣ питали къ умершему, выразилась тогда въ пламенныхъ молитвахъ и единодушныхъ громкихъ изъявленіяхъ скорби. По причинѣ великой усталости сошедшихся людей, праздникъ воскресенія Господня, въ который бываетъ общая радость для ангеловъ и людей, не могъ быть совершенъ съ подобающимъ торжествомъ; притомъ въ этой тяжелой потерѣ всѣ узнали наказаніе божіе за свои грѣхи. Кто вѣритъ Богу, пусть слезно помолится за душу Оттона III; съ величайшими заботами онъ постоянно думалъ о томъ, чтобы возобновить нашу церковь. Бывъ самъ всегда сострадателенъ къ несчастію другихъ, да насладится онъ вѣчно, въ землѣ живыхъ, общеніемъ вѣрующихъ и непреходящими благами Господа!

34. Большая часть знатныхъ, которые присутствовали при этомъ погребеніи, обѣщали герцогу Гериманну (Швабскому) свое содѣйствіе къ пріобрѣтенію королевской власти; они весьма ложно полагали, что герцогъ Гейнрихъ по многимъ причинамъ неспособенъ стать во главѣ государства. Лонгобарды же, узнавъ о смерти короля, такъ какъ они мало безпокоились о будущемъ и не слишкомъ заботились о покаяніи, избрали себѣ королемъ Гартвига [1]), который лучше умѣлъ разрушать, чѣмъ управлять; по волѣ божіей, это сдѣлалось послѣ ясно и тѣмъ, которые затѣяли все это дѣло. Разсказъ объ этомъ, впрочемъ, отложу на будущее время, теперь же приступлю къ описанію дѣятельности того лица, которое возстававшихъ противъ него смирило своимъ благочестіемъ, и своими великими добродѣтелями повергло ихъ ницъ предъ собою. Такимъ былъ Гейнрихъ, пятый по числу изъ саксонскихъ императоровъ, Второй по имени; имъ начну свою слѣдующую книгу [2]).

35. Но такъ какъ я не могъ обнять всего по порядку, что̀ случилось въ правленіе Оттона III, то я не стыжусь потому еще разъ возвратиться къ тому же предмету и пополнить, что мною было опущено. Подобно путешественнику, который для большей усталости, или по незнанію пути, мѣняетъ большія дороги на извилистыя проселочныя дороги, я позволю себѣ сдѣлать нѣсколько отступленій.

---

[1]) Т.-е. Гардуина Иврейскаго.

[2]) См. ниже, въ ст. 45.

Авторъ, вмѣсто того, чтобы прямо начать пятую книгу, припомнилъ, что имъ многое опущено и изъ событій другихъ странъ, и изъ обыденной жизни его монастыря, и изъ разсказовъ странниковъ, навѣщавшихъ автора, а потому рѣшился въ заключеніе четвертой книги помѣстить нѣчто въ родѣ смѣси, отъ 35 главы до 51. Такъ, въ 35, 36 и 37 говорится о польскихъ дѣлахъ и о смерти Мизско въ 999 г.; въ 38, объ учрежденіи въ Венгріи епископства, о чудѣ, совершившемся въ Римѣ, о бракѣ сестры Оттона, и о смерти Конрада Швабскаго; въ 39, о жизни епископа вормскаго Франко и о смерти капеллановъ императора, Герпо и Рако; въ 40, о перенесеніи тѣла папы Бенедикта изъ Гамбурга въ Римъ; наконецъ, въ 41 гл., авторъ, по поводу смерти одной личности, останавливается нѣсколько дольше на характеристикѣ ему современныхъ нравовъ.

41. Во времена императора Оттона III умерло много благочестивыхъ людей, но я ничего не знаю о ихъ жизни, и потому умолчу. Между такими была одна графиня Христіана, завѣщавшая большую часть своего имущества, которымъ она владѣла въ городѣ Стувахъ (Stöben), св. Маврикію въ Магдебургѣ. Окончивъ быстрое поприще земной жизни во Христѣ, она, 8 марта, съ радостнымъ сердцемъ вступила въ область давно желаннаго жениха. О ея смерти былъ извѣщенъ слѣдующимъ образомъ архіепископъ Магдебургскій Гизилеръ, находившійся въ то время въ Кведлинбургѣ. Къ нему явился во снѣ неизвѣстный со словами: „Развѣ ты не знаешь, что въ эту минуту всѣ силы небесныя изготовляются встрѣтить вѣрную во Христѣ душу и отнести небесную невѣсту? Она уже грядетъ за своею наградой, во ожиданіи вѣчной обители“. Проснувшись, онъ разсказалъ свое видѣніе Вальтгерду, бывшему въ то время еще священникомъ, а когда этотъ послѣдній узналъ вскорѣ, что въ ту самую ночь умерла та почтенная госпожа, онъ донесъ о томъ своему начальнику и объявилъ ему, что сонъ его сбылся. Покойная, умѣя всегда скрывать свои добрыя дѣла, и храня ихъ въ глубинѣ души, нисколько не походила на большинство женщинъ нашего времени, которыя по большей части обнажаютъ верхнюю часть своего тѣла самымъ неприличнымъ образомъ предъ своими любовниками, и, не взирая на страхъ божій и срамъ людской, безъ всякаго стыда ходятъ такъ предъ всѣмъ народомъ. Въ высшей степени худо и плачевно, что грѣшники не считаютъ нужнымъ больше скрываться и являются публично, чтобы наносить оскорбленіе добрымъ, а для дурныхъ служить примѣромъ.

Послѣдующія главы продолжаютъ разсказъ въ томъ же родѣ, иногда съ желаніемъ назидать читателя, иногда просто для того, чтобы записать слухъ. Такъ, въ 42 гл., говорится о томъ, какъ одна монахиня вышла замужъ за славянина; въ 43, какъ деканъ въ Магдебургѣ, Гепо, потерялъ языкъ за то, что одѣлся въ свѣтское платье, и какъ въ той же церкви раздавило алтаремъ сторожа; въ 44, какъ дьяволъ соблазнялъ товарища автора Гусварда; въ 45, чудесный случай съ другимъ товарищемъ Маркварломъ; въ 46, о смерти одного графа Альби; въ 47, какъ былъ наказанъ одинъ юноша, непочтительно обращавшійся съ мощами, ввѣренными его заботамъ; въ 48, какъ былъ награжденъ монахъ за уваженіе къ мощамъ, въ 49, о соперничествѣ архіепископа Гизилера съ маркграфомъ Эккигардомъ; въ 50, о добрыхъ качествахъ собрата ав-

тора, Конрада, родомъ изъ Магдебурга; наконецъ, въ послѣдней главѣ четвертой книги, авторъ обращается къ самому себѣ и рисуетъ намъ, между прочимъ, свою наружность. Упомянувъ въ предпослѣдней главѣ о Конрадѣ изъ Магдебурга, онъ продолжаетъ въ 51 гл. слѣдующимъ образомъ:

51. Какихъ отличныхъ людей я знавалъ между знатными города Магдебурга! по своему (духовному) званію, я не могъ подражать ихъ достохвальной жизни, а по смерти ихъ до меня не дошли извѣстія о ихъ дѣлахъ. О, я бѣдный человѣкъ! въ теченіи своей жизни я находился въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ со многими великими людьми, и въ то же время моя дѣятельность такъ мало походитъ на ихъ уважаемую жизнь! Я, близкій въ своей грѣховности къ смерти, надѣюсь, однако, пріобрѣсть животъ вѣчный предъ свѣтлымъ ликомъ Создателя, ибо заслугами своей братьи я исторгнусь изъ рукъ смерти; если я здѣсь мало сдѣлалъ добра, то я постоянно помышлялъ объ умершихъ. Моя воля до сихъ поръ была добра, но такъ какъ я не тружусь надъ тѣмъ, чтобы подкрѣпить ее надлежащими силами, то она мнѣ ни къ чему не служитъ. Я постоянно жалуюсь на себя, но не выполняю строго эпитиміи, и потому нуждаюсь въ совершенствованіи, ибо мало думаю о Томъ, кто служитъ единственнымъ предметомъ славословія.

Теперь, мой читатель, я изображу тебѣ свою наружность: смотри, что я за *господинъ* такой, и, соотвѣтственно тому, оказывай мнѣ почтеніе! Ты увидалъ бы предъ собою маленькаго человѣка, съ обезображенною лѣвою челюстью, ибо на ней давно уже образовалась фистула, припухающая и до сихъ поръ. Переломленный носъ, что случилось со мною еще въ дѣтствѣ, придаетъ мнѣ самый смѣшной видъ. Но на такіе недостатки я вовсе не жаловался бы, если бы обладалъ какими-нибудь душевными достоинствами. Въ послѣднемъ же отношеніи, я—жалкій человѣкъ: характеръ у меня злой и мало наклонный къ добру, притомъ завистливый; надъ другими смѣюсь, а самъ вполнѣ заслуживаю насмѣшки; никого не щажу, какъ то мнѣ слѣдовало бы по моей обязанности; я—негодный, лицемѣрный, скупой и лживый человѣкъ, а чтобы довершить свое описаніе, скажу, что я хуже, нежели какъ то можно сказать или представить. Каждый имѣетъ право не шепотомъ, но громко говорить, что я— грѣшникъ, и мнѣ слѣдуетъ, стоя на колѣняхъ, просить братію наказать меня и бранить. Иныхъ люди рѣшились бы похвалить, если бы тому не мѣшало одно ничтожное обстоятельство, а именно, что эти „иные" не могутъ быть отнесены къ лучшимъ людямъ, и что людямъ очень многаго не достаетъ для полнаго совершенства. Каждому похвала будетъ воздана въ концѣ, и человѣческія дѣянія выдержатъ пробу огня [1]).

Титмаръ, епископъ Мерзебурскій.

Chronici libri VIII. Книга четвертая. У Pertz, Mon. III. 733 и 871.

---

[1]) См. продолж. ниже, въ ст. 45 и 46.

Титмаръ, епископъ Мерзебургскій (Thietmarus, ep. Merseburgensis; род. въ Гальберштатѣ 976 г. † 1018) въ литературномъ отношеніи былъ преемникъ Видукинда, и въ своихъ „Восьми книгахъ хроники“ продолжалъ трудъ своего предшественника, остановившагося почти на годѣ его рожденія. Но талантъ Титмара, его высокое общественное положеніе и образованность доставили ему возможность стать гораздо выше своего предшественника. Отецъ Титмара былъ графъ Вальбека Сигфридъ, а мать Кунигунда, дочь графа Штаде (бл. Гамбурга), Гейнриха; дядя его Ліутаръ занималъ мѣсто маркграфа Бранденбургскаго; императоръ Оттонъ I и Гейнрихъ герцогъ Баварскій были двоюродными братьями Кунигунды, и слѣдовательно Оттонъ III и его преемникъ Гейнрихъ II приходились племянниками нашему автору; сестры его были замужемъ за сильнѣйшими владѣтелями Германіи; братья его отличались во многихъ войнахъ того времени. Годы дѣтства Титмаръ провелъ у тетки отца въ Кведлинбургѣ; воспитывался у Рикдага, аббата въ Магдебургѣ, и пріобрѣлъ отличное свѣденіе въ классической литературѣ. По смерти отца, его семейство испытало на себѣ корыстолюбіе Ліутара Бранденбургскаго, но императоръ возвратилъ отнятое у дѣтей Сигфрида (1002 г.), и Титмаръ пожертвовалъ свою часть въ монастырь Мерзебургскій, что доставило ему въ 1009 г. мѣсто епископа [1]), которое онъ сохранилъ до 1018 г., когда умеръ 43 лѣтъ отъ роду. Свою хронику писалъ Титмаръ уже въ званіи епископа, и первыя шесть книгъ были имъ окончены еще въ 1014 г.; послѣднія же двѣ дописаны двѣ недѣли до смерти (содержаніе всѣхъ ихъ изложено выше, предъ началомъ IV книги, на стр. 509). Для критики текста его хроники, должно замѣтить, что въ Дрезденскомъ Архивѣ сохраняется ея манускриптъ, поправленный рукою самого автора. Близость мѣста жительства Титмара къ славянскимъ народамъ доставила автору возможность коснуться близко исторіи сосѣдей германцевъ, и потому его трудъ имѣетъ особенную важность для изслѣдованія древняго быта славянъ въ эпоху начала ихъ германизированія [2]).—*Изданія*: Полнѣйшее у Pertz, Monum. Germ III. 733—871.—*Переводы:* Нѣм. Ursinus (Dresd. 1790) съ хорошимъ введеніемъ; Laurent (Berl. 1849) въ Geschichtschr. d. d. Vorzeit. Lief. 4; съ предисловіемъ Лаппенберга; но послѣдній переводъ уступаетъ первому въ точности. *Критика.* Contzen, Geschichtschreider der sächsichen Kaiserzeit, стр. 46—64.

35.—О ПЛАНАХЪ ЦЕРКОВНОЙ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕФОРМЫ ПРИ ОТТОНѢ III.

(Въ 1860 г.).

Какъ ни скоро кончился первый [3]) римскій походъ Оттона III, однако, онъ не остался безъ важныхъ послѣдствій, а именно, Римъ произвелъ глубокое впечатлѣніе на живой характеръ молодого импера-

[1]) О его поставленіи епископомъ см. ниже, въ ст. 46.

[2]) Титмаръ, хотя рѣдко, заноситъ въ свою лѣтопись извѣстія и о древней Руси, а именно о Владимірѣ св. и Ярославлѣ Мудромъ; см. ниже въ ст. 45, кн. VII. 52 гл., подъ 1017 г., и VIII, 16, подъ 1018 г.

[3]) Въ 996 г. См. у Титмара, Хрон. IV. 18, выше, на стр. 521. Оттонъ III ходилъ тогда въ Италію, чтобы короноваться императорскою короною.

тора. Быстрые успѣхи по ту сторону Альпъ раздражили его воображеніе и дали ему сознаніе собственной силы, которая дома, въ Германіи, среди мелкихъ и неудачныхъ войнъ съ славянскими племенами, не могла найти для себя достойнаго поприща. И въ самомъ дѣлѣ, могли ли не подѣйствовать на юнаго, впечатлительнаго и честолюбиваго государя, какимъ былъ Оттонъ, живыя воспоминанія о древней имперіи, которыя встрѣчались ему повсюду въ Италіи, особенно когда онъ самъ смотрѣлъ на себя, какъ на послѣдняго преемника тѣхъ древнихъ римскихъ императоровъ.

Когда, такимъ образомъ, властолюбіе и жажда почестей все болѣе и болѣе овладѣвали сердцемъ Оттона, въ тоже самое время въ душѣ его пробудилось еще съ большею силой то фанатичесское стремленіе къ покаянію и мистическимъ размышленіямъ, котораго первыя признаки обнаружились еще прежде, чѣмъ нога его переступиле Альпы. Искра давно уже тлѣла; впечатлѣніе, произведенное Италіею, раздуло ее въ яркое пламя. Тамъ онъ научился въ первый разъ понимать все значеніе власти, и предался мистическому направленію, которое внушило ему презрѣніе ко всему земному, какъ ничтожному. Самыя противорѣчивыя движенія обнаружились въ душѣ богатонадѣленнаго природой юноши и развили въ немъ то фантастическое воззрѣніе на жизнь, которое опасно для каждаго человѣка, а для государя въ его положеніи должно было сдѣлаться даже гибельнымъ.

Чтобы справедливо оцѣнить тѣ вліянія, подъ которыми развивалась тогда нравственная жизнь императора, необходимо предварительно ближе познакомиться съ реформою духовной и церковной жизни, которая въ то время была произведена во Франціи и въ Италіи.

Послѣ того какъ въ нѣмецкихъ земляхъ ужасы варварства научили людей обращаться къ молитвѣ, пробудилось также и болѣе глубокое религіозное движеніе внѣ власти епископства; оно обнаружилось между отшельниками и монахами прежде, чѣмъ перешло къ высшему духовенству. Въ Италіи и Франціи это движеніе обхватило собою вмѣстѣ и самихъ правителей церкви. Но въ Германіи было одно время, когда можно было ожидать упорной борьбы между монашескимъ и свѣтскимъ духовенствомъ; однако, такая опасность была скоро устранена, и въ Германіи, въ нѣкоторомъ смыслѣ, произошла реформація церкви, совершившаяся не вопреки королевской власти, а, напротивъ, даже скорѣе въ самой тѣсной связи съ послѣднею. Извѣстно, какъ въ то время прочно соединялась императорская власть съ идеями нѣмецкаго духовенства, какое широкое поприще она открывала ему для безпрепятственной дѣятельности религіозной пропаганды, съ другой стороны, какъ императоры пользовались силами духовенства для новой организаціи государства; они открывали духовнымъ возможность пріобрѣтать весьма значительное вліяніе и на чисто свѣтскіе вопросы, употребляя епископовъ и аббатовъ для самыхъ важныхъ государственныхъ дѣлъ. Такимъ образомъ, реформа церковной жизни въ Германіи прямо охватывала и самое государство; въ Германіи, между государствомъ и церковью заключенъ былъ прочный и чрезвычайно богатый послѣдствіями

союзъ. Прямымъ и неизбѣжнымъ результатомъ такого союза было то, что аскетическое направленіе, характеризовавшее нѣкогда пробужденную духовную жизнь, начало все болѣе и болѣе исчезать; за то теперь явились практическія задачи, задаваемыя нѣмецкому духовенству обстоятельствами времени, которыя оно по большей части разрѣшало съ удивительною ловкостью. Всѣ живые и энергическіе люди, принадлежавшіе къ сословію духовенства, бросились съ жаромъ и воодушевленіемъ въ эту великую борьбу за величайшія земныя и небесныя блага, въ которой императорство должно было выполнить свое призваніе. При этомъ мало даже обращали вниманія на то, не прійдется ли иногда стать въ противорѣчіе съ древними уставами церкви. И хотя отдѣльныя личности, глубоко завлеченныя въ свѣтскія дѣла, сбились при этомъ съ пути, какъ, напримѣръ, властолюбивый Дитрихъ Мецскій и корыстолюбивые Гизилеръ Магдебургскій, но вообще нѣмецкіе епископы того времени, были, по большей части, люди набожные, украшенные истинно христіанскими добродѣтелями—тверды въ вѣрѣ и крѣпки въ надеждѣ. По единогласному мнѣнію современниковъ, они менѣе другихъ были заражены нравственною гнилью, охватившею все высшее духовенство, почти во всѣхъ западныхъ государствахъ. Монашествующее духовенство въ Германіи приняло также самое живое участіе въ стремленіяхъ государства и не слишкомъ далеко держало себя отъ мірскихъ заботъ. Нельзя сказать, чтобы между такимъ монашествомъ процвѣтали монастырскія добродѣтели, и чтобы оно принимало за норму для своей жизни исключительно уставъ святого Бенедикта; впрочемъ, этотъ уставъ пользовался у него большимъ уваженіемъ, и въ немъ проявлялась искренняя и сердечная набожность со всѣми ея результатами. Кто будетъ сравнивать состояніе нѣмецкихъ монастырей въ концѣ X столѣтія съ тѣмъ состояніемъ, въ какомъ они находились въ его началѣ, тотъ повсюду найдетъ слѣды того духовнаго переворота, который совершился въ ту пору.

Во Франціи и въ Бургундіи тоже произошла реформа церковной жизни, но совершенно другимъ образомъ. Реформаціонныя попытки странствующихъ монаховъ остались здѣсь безъ важныхъ послѣдствій, равно какъ и многія попытки, исходившія отъ лотарингскаго духовенства, одобренныя Оттономъ Великимъ и архіепископомъ Бруно и имѣвшія цѣлью преобразованіе канонической и монастырской жизни между духовенствомъ, и не дали никакихъ положительныхъ результатовъ; гораздо глубже вкоренились идеи, выработанныя въ монастырѣ Клюньи [1]), и направленныя къ той же цѣли. Берно, сынъ какого-то бургундскаго графа, основалъ этотъ монастырь въ 910 году на французской почвѣ, возлѣ самой границы Бургундскаго государства. Герцогъ Вильгельмъ Аквитанскій, подарившій монахамъ землю подъ этотъ монастырь, въ своей грамотѣ на его основаніе совершенно изъялъ ихъ отъ зависимости и надзора всякой другой свѣтской или духовной власти, и подчинилъ ихъ непосредственно Риму; такимъ образомъ, монастырь былъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, по-

[1]) См. у насъ выше, на стр. 488, примѣч. къ ст. 32.

даренъ въ собственность престолу святого Петра и долженъ былъ ему каждогодно платить десять шиллинговъ подати, для признанія своей зависимости. Берно прежде всего старался привести въ исполненіе уже почти забытый уставъ св. Бенедикта, во всей его строгости. Его стремленіе имѣло блистательный успѣхъ и заслужило такое одобреніе, что даже и другіе монастыри добровольно ему подчинились, и онъ предъ своею смертью былъ уже во главѣ семи монастырей, находившихся въ тѣсномъ общеніи другъ съ другомъ. Начатое такъ успѣшно дѣло продолжалъ Одо, второй аббатъ. Онъ издалъ особенныя правила для Клюнійскаго монастыря, которыя своею строгостью далеко превзошли старый Бенедиктинскій уставъ. Эти правила, съ одной стороны, имѣли цѣлью пробужденіе внутренней жизни посредствомъ необыкновенныхъ лишеній и умерщвленій, а особенно посредствомъ продолжительнаго молчанія; съ другой стороны, они овладѣли и внѣшнею жизнью со всѣхъ ея сторонъ и устроили ее точнѣйшимъ образомъ. Одо пріобрѣлъ себѣ огромную славу, какъ реформаторъ западнаго монашества; не только въ одной Франціи подчинились его уставу многіе монастыри, и преимущественно съ давнихъ поръ славившееся аббатство Флёри, въ Орлеанскомъ округѣ, но онъ распростеръ свою дѣятельность даже на Италію. Альберикъ, римскій патрицій, поставилъ его во главѣ всѣхъ римскихъ монастырей; король Гуго старался черезъ него подѣйствовать на исправленіе ломбардскаго духовенства; даже самый Монте-Кассино, глава монастырей всего запада, былъ имъ преобразованъ, что, впрочемъ, кассинцы или совсѣмъ забыли, или съ умысломъ умалчивали о томъ. Собственно Одо положилъ прочныя основанія для будущей духовной славы Клюньи, а его наслѣдникъ Аймаръ обезпечилъ матеріальное благосостояніе своего монастыря, собраніемъ значительнаго имущества и пріобрѣтеніемъ большихъ подарковъ.

Въ самомъ цвѣтущемъ состояніи находился монастырь, когда Майолъ, четвертый аббатъ, принялъ на себя управленіе имъ, продолжавшееся въ теченіе почти до пятидесяти лѣтъ (до 994 г.). Во время такого длиннаго періода, онъ съ величайшимъ успѣхомъ шелъ по пути, начертанному его предшественниками. Число монаховъ въ Клюньи въ его время возрасло до 177; тридцать семь монастырей, частью въ восточной Франціи, частью въ Бургундіи, чтили его какъ общаго верховнаго начальника и были управляемы имъ же назначенными соаббатами; даже нѣкоторые изъ монастырей Италіи и Германіи, хотя они и пользовались болѣе самостоятельнымъ самоуправленіемъ, находились съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ, такъ что они съ охотою старались слѣдовать его распоряженіямъ. Клюнійская конгрегація могла, наконецъ, подумать о монархической организаціи всего монашества подъ предводительствомъ ея аббата, какъ о цѣли, къ которой она, повидимому, устремлялась быстрыми шагами. Майолъ пользовался особеннымъ довѣріемъ бургундскаго королевскаго дома, а чрезъ Аделаиду (жену Оттона I) былъ также извѣстенъ саксонскимъ императорамъ и глубоко ими уважаемъ. Оттонъ I призвалъ его въ Италію, съ тѣмъ чтобы тамъ возстановить упавшую монастырскую

дисциплину; говорятъ, что Оттонъ II предлагалъ ему даже престолъ св. Петра, но Майолъ еще въ своей юности пренебрегъ архіепископскимъ престоломъ Безансона, и не хотѣлъ покинуть монастыря. Когда онъ передалъ управленіе Клюньи имъ же самимъ назначенному преемнику Одилону [1]), этотъ монастырь уже имѣлъ подъ своею властью почти все монашеское духовенство Франціи и Бургундіи, а при большей части королевскихъ дворовъ держалъ очень вліятельныхъ защитниковъ. Стремленія клюнійцевъ начали тогда переходить далеко за предѣлъ первоначальныхъ цѣлей конгрегаціи; уже они не довольствовались одною реформой монашества во всей ея обширности, они въ тоже время устремили свои усилія къ тому, чтобы возстановить каноническую жизнь между свѣтскимъ духовенствомъ и основать между нимъ подобную же іерархію, какая существовала у нихъ, при ихъ правилѣ подчинять всѣ церкви римскому епископу. Можно сказать, что ихъ усилія были направлены къ тому, чтобы привести въ исполненіе псевдоисидоровскія декреталіи, отъ которыхъ папы хотя и никогда не отказывались, но довольно съ давнихъ поръ даже сами не требовали ихъ точнаго исполненія. Клюнійская конгрегація потому имѣла для того времени и для слѣдующихъ ближайшихъ столѣтій почти то-же значеніе, какое въ новѣйшее время имѣлъ орденъ іезуитовъ, съ которымъ она представляетъ много общаго, какъ по своимъ принципамъ, такъ и по уставамъ.

Хотя не подлежитъ никакому сомнѣнію, что клюнійцы имѣли громадное вліяніе на обновленіе церковной жизни во Франціи, но исходящая отъ нихъ реформа не вкоренилась такъ глубоко, какъ совершавшаяся одновременно съ нею реформа въ Германіи; и именно потому, что имъ не удалось подчинить своему вліянію французскихъ епископовъ, или, лучше сказать, у нихъ завязалась съ послѣдними упорная борьба. Французскіе епископы, избираемые преимущественно изъ первыхъ фамилій страны, ни въ какомъ случаѣ не уступали нѣмецкому духовенству по отношенію учености, скорѣе можно сказать, что именно между ними и сохранились послѣдніе остатки собственной культуры карловингской эпохи; но за то они тѣмъ далѣе отстали отъ нѣмецкихъ епископовъ въ отношеніи важности духовнаго сана. Хотя они и были принуждены оставить свои теократическо-іерархическія стремленія, но за то тѣмъ усерднѣе они старались упрочить за собою богатыя имущества своихъ церквей, оспариваемыя у нихъ со всѣхъ сторонъ. Не будучи защищены сильною королевскою властью противъ насилія могущественныхъ свѣтскихъ владѣтелей, они принуждены были прибѣгать къ хитростямъ и самымъ дурнымъ интригамъ, вслѣдствіе чего и погрязли въ той глубокой испорченности, съ которою можно достаточно познакомиться изъ исторіи Франціи временъ Гуго Капета. Менѣе преданные разврату и чувственности, чѣмъ италіанскіе епископы, епископы французскіе не менѣе ихъ секуляризировались, и, если только было то возможно, дошли до большаго нравственнаго упадка, и окончательно превратились въ покорныхъ слугъ деспотовъ. Клюньи безпощадно нападалъ на эти

---

[1]) См. его жизнь, ниже, въ ст. 49.

свѣтскія и низкія стремленія епископовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ старался изъять изъ подъ всякаго епископскаго надзора и себя и всю свою конгрегацію; аббаты его дѣлали притязаніе на исключительное положеніе, котораго справедливо не хотѣли признать епископы, потому что оно было совершенно противно древнимъ церковнымъ постановленіямъ. Такимъ образомъ, Клюньи не только находился въ постоянной ссорѣ съ епископомъ Маконскимъ, котораго епархіи принадлежалъ, но относился враждебно вообще ко всѣмъ епископамъ Франціи. На Реймскомъ соборѣ одни только французскіе аббаты объявили себя на сторонѣ папскаго престола, противъ епископовъ.

Если реформація, вытекавшая изъ Клюньи, ни разу не могла совершенно преобразовать религіознаго состоянія Франціи, то еще того менѣе могла она удасться Италіи, не смотря на то, что многія попытки были сдѣланы къ тому даже самою императрицей Аделаидой, которой довѣріемъ пользовался аббатъ Одилонъ и былъ ея духовникомъ. Реформа Клюньи въ монастыряхъ Италіи по большей части сгладилась очень скоро, а развратные и гордые епископы италіанскіе еще менѣе обращали вниманія на увѣщеванія французскихъ монаховъ.

Позднѣе и совершенно особеннымъ образомъ пробудилась и въ Италіи весьма глубокая религіозная жизнь. Такъ какъ эта жизнь искала себѣ удовлетворенія болѣе въ мистическихъ созерцаніяхъ, чѣмъ въ учрежденіяхъ, касающихся устройства наружной жизни, то и руководителями ея служили тамъ болѣе отдѣльныя даровитыя личности, чѣмъ организованное общество. Прежде всего на этомъ поприщѣ мы встрѣчаемъ святого Нила. Онъ родился въ Россано, въ греческой Калабріи, въ самомъ началѣ X столѣтія. На тридцатомъ году жизни, вступилъ въ одинъ изъ монастырей своей родины и принялъ уставъ святого Василія, бывшій въ употребленіи между греками. Суровый образъ жизни, замѣчательная строгость его нравовъ, а болѣе всего сверхъестественныя силы, которыя, казалось, пребывали въ немъ, доставили ему столь же много уваженія у сильныхъ міра, какъ и почтенія, и вліянія у массы народа. Ему хотѣли дать Россанское епископство, но онъ отказался отъ такого мѣста, потому что оно могло бы глубоко запутать его въ заботы и опасности свѣтской жизни. Не смотря на то, что онъ по языку и обычаямъ былъ грекъ, однако, онъ съ нѣсколькими товарищами отправился въ латинскую Италію. Аббатъ монтекассинскаго монастыря вышелъ ему на-встрѣчу въ торжественной процессіи, со всѣми своими монахами и отдалъ ему честь, какъ ниспосланному Богомъ. Нилъ одобрилъ строгость нравовъ, господствовавшую въ монастырѣ, и просилъ аббата, не можетъ-ли онъ ему и его товарищамъ дать мѣсто для жилища въ окрестныхъ горахъ, чтобы тамъ, подъ надзоромъ монастыря, они могли вести отшельническую жизнь. Небольшой монастырь святого Михаила въ Валлелуцѣ былъ отданъ имъ, и тамъ Нилъ прожилъ около пятнадцати лѣтъ. Но такъ какъ впослѣдствіи жизнь монаховъ въ Монте-Кассино сдѣлалась болѣе свѣтскою, то онъ обратился къ своимъ товарищамъ и сказалъ: „Оставимте это мѣсто, потому что скоро постигнетъ его гнѣвъ господень“. Онъ отправился въ окрестности Гаэты,

гдѣ долго жилъ, и изъ своего нейтральнаго убѣжища, на границѣ восточной и западной имперіи, посылалъ свои увѣщанія и предостереженія къ сильнымъ земли. Свое призваніе и необходимую для того силу онъ почерпалъ, болѣе углубляясь духомъ въ природу божества, чѣмъ прибѣгая къ внѣшнему покаянію и умерщвленію плоти; впрочемъ, онъ приписывалъ немаловажное значеніе и послѣднимъ.

Того же духа былъ исполненъ Ромуальдъ Равенскій, котораго слава въ тоже самое время наполняла собою всю сѣверную Италію. Онъ происходилъ изъ знатной фамиліи и долгое время предавался роскошной и предосудительной жизни. Но тяжкое преступленіе, которое совершилъ его отецъ, убивъ одного изъ своихъ родственниковъ, пробудило въ немъ другого рода мысли, подъ вліяніемъ которыхъ онъ отрекся отъ міра и избралъ монастырскую жизнь. Вступивъ въ монастырь святого Аполлинарія въ Равеннѣ, онъ за свои проповѣди, призывавшія къ покаянію, до того сдѣлался ненавистнымъ своей собратіи, что долженъ былъ оттуда бѣжать. Найдя себѣ убѣжище въ предѣлахъ венеціанскихъ, у одного изъ отшельниковъ, по имени Марино, онъ въ продолженіи многихъ лѣтъ жилъ съ нимъ, подвергаясь большимъ лишеніямъ. Марино и Ромуальдъ старались пробудить совѣсть въ Петрѣ Орсеоло, венеціанскомъ дожѣ, который навлекъ на себя тяжкое обвиненіе, умертвивъ своего предшественника, и кончили тѣмъ, что уговорили его отказаться отъ свѣтской жизни и вмѣстѣ съ нимъ тайно оставили предѣлы Венеціи и отправились въ Каталонію, гдѣ долго вели жизнь пустынниками. Впослѣдствіи, Ромуальдъ вернулся назадъ въ Италію и старался тамъ преобразовать монастырскую жизнь, въ чемъ ему оказывалъ всевозможное содѣйствіе маркграфъ Гуго, бывшій въ то время самымъ могущественнымъ лицомъ въ странѣ. Оттонъ III, нѣсколько лѣтъ спустя, предоставилъ ему аббатство Классе въ Равеннѣ; но суровость Ромуальда встрѣтила въ монастырѣ такое сильное сопротивленіе, что онъ пожелалъ избавиться отъ своей должности, какъ то дѣйствительно и случилось. Но тѣмъ не менѣе, этотъ могущественный человѣкъ повсюду производилъ громадное вліяніе на умы.

Всѣ подобные подвижники Италіи, давшіе новую жизнь религіи, отличались величественнымъ и фантастическимъ образомъ мыслей; какъ ни близко сходились они съ клюнійцами, но, однако, сущность ихъ дѣятельности была направлена далеко не къ одной цѣли, т.-е. не къ внѣшней сторонѣ церкви, о которой заботились французскіе монахи. Новопробужденная религіозная жизнь охватила даже и Римъ, то-есть отдѣльные тамошніе монастыри, но никакъ не папъ и не высшее духовенство. Монастырь св. Павла, находившійся предъ Римомъ, уже съ давнихъ поръ находился въ близкой связи съ Клюньи, равно какъ и Маріинскій монастырь, основанный Альберикомъ на Авентинѣ, гдѣ часто живалъ и Одилонъ. Сосѣдній же монастырь, посвященный древнимъ римскимъ мученикамъ, Алексію и Бонифацію, и находившійся на той же возвышенности, гдѣ нѣсколько греческихъ монаховъ, подчиненныхъ уставу святого Василія, мирно жили рядомъ съ западными Бенедиктинцами, былъ проникнутъ духомъ Нила, стоявшаго въ дружескихъ отношеніяхъ съ аббатомъ того монастыря, Львомъ—

тѣмъ самымъ, который ходилъ папскимъ легатомъ въ Германію и во Францію. Одинъ изъ монаховъ этого монастыря — богемецъ Адельбертъ, первый съумѣлъ проникнуть въ душу молодого императора до самой ея глубины и произвелъ на него неизгладимое впечатлѣніе.

Адельбертъ или Войтѣхъ (т.-е. воевъ утѣха) родился отъ одной изъ первыхъ фамилій чешскихъ; Славникъ, его отецъ, былъ въ родствѣ съ чешскими герцогами, а черезъ нихъ и съ баварскимъ княжескимъ родомъ, даже съ самимъ императоромъ. Славникъ былъ христіанинъ, хотя новопринятая религія коснулась только поверхности его сердца, но за то тѣмъ набожнѣе была его мать Стжицислава. Между многочисленными своими братьями, Войтѣхъ отличался преимущественно красивою наружностью. Родители предполагали, что его ждетъ большое счастіе на свѣтѣ и предназначили его къ свѣтской жизни. Но еще въ самомъ раннемъ возрастѣ въ немъ открылась болѣзнь. Испуганные родители положили его на алтарь Пресвятой Дѣвы и дали обѣтъ отдать его на службу Богу и церкви, если онъ выздоровѣетъ; и онъ дѣйствительно выздоровѣлъ (см. выше у Титм., на стр. 521).

Какъ только настали тѣ годы, когда могло быть начато обученіе ребенка, онъ былъ отданъ къ христіанскимъ священникамъ на воспитаніе. Едва лишь онъ успѣлъ усвоить себѣ хорошо псалтырь, отецъ отправилъ его въ новооснованную семинарію въ Магдебургъ, гдѣ учителемъ его былъ Отрикъ, саксонскій Цицеронъ. Войтѣхъ прожилъ девять лѣтъ въ Магдебургѣ и при конфирмаціи былъ названъ Адельбертомъ, по имени перваго епископа; такимъ образомъ, онъ перемѣнилъ чешское имя на нѣмецкое. Потомъ, вернувшись назадъ въ Богемію, онъ былъ посвященъ въ пресвитеры, но въ душѣ попрежнему оставался свѣтскимъ человѣкомъ, и впослѣдствіи многіе любили вспоминать его какъ веселаго и живого юношу. Между тѣмъ, для него скоро должна была наступить эпоха преобразованія: Адельбертъ былъ свидѣтелемъ послѣднихъ минутъ жизни перваго Прагскаго епископа, саксонца Титмара, который съ большимъ усердіемъ старался пробудить между чехами духовную и церковную жизнь, но, не смотря на то, умирая все еще упрекалъ себя въ безполезномъ исполненіи своей должности и приписывалъ своимъ грѣхамъ то, что ночь идолопоклонства еще такъ широко распространялась надъ страною. Эта боязнь благочестиваго мужа овладѣла душою юнаго священника съ удивительною силою; въ ту же самую ночь онъ надѣлъ власяницу, посыпалъ голову пепломъ и бѣгалъ изъ церкви въ церковь, стараясь въ молитвѣ найти успокоеніе для своего сердца. Такъ внезапно сдѣлался онъ въ душѣ совсѣмъ другимъ человѣкомъ, хотя окружающіе его едва могли замѣтить всю эту перемѣну.

Герцогъ Болеславъ и чешскіе магнаты избрали Адельберта преемникомъ Титмара, такъ какъ на это ему давало преимущество предъ всѣми и знатное его происхожденіе, и богатство, и ученое образованіе, и, наконецъ, его миролюбивый характеръ; Адельбертъ не отказался отъ выбора своихъ соотечественниковъ. Весною 983 года, онъ отправился за Альпы, вмѣстѣ съ чешскими посланниками, которыхъ Болеславъ отправлялъ на сеймъ въ Верону. Виллигисъ, архіепископъ

Майнцскій, подъ властью котораго находилось епископство Прагское, посвятилъ Адельберта, 29 іюня 983 г. Въ этотъ же самый день кончился миръ съ славянами, и язычество поднялось снова. Даже самъ герцогъ Болеславъ скоро поколебался въ своей вѣрности имперіи и въ усердіи къ христіанской вѣрѣ. Съ удивленіемъ всѣ смотрѣли на Адельберта, который босикомъ и въ грубой одеждѣ возвращался въ Прагу и такъ вошелъ въ свою епископскую столицу; еще болѣе поразило всѣхъ, когда онъ, на-ряду со своими епископскими занятіями, предался, исключительно, ремесленнымъ занятіямъ, посту, ночнымъ бдѣніямъ, молитвѣ и созерцанію божественныхъ предметовъ. Строгость, оказываемую имъ къ самому себѣ, онъ примѣнялъ также и къ другимъ. Не желая болѣе терпѣть многоженства, браковъ священниковъ, языческихъ обычаевъ при христіанскихъ праздникахъ, продажи христіанскихъ плѣнниковъ евреямъ, онъ, вслѣдствіе того, скоро вступилъ въ ожесточенные споры съ людьми могущественными въ странѣ. Наконецъ, онъ началъ отчаяваться въ возможности здѣсь заботиться о царствѣ божіемъ и самому вести жизнь благочестивую; епископское достоинство обратилось ему въ тягость, и онъ рѣшился тайно оставить страну и отправиться въ Іерусалимъ въ качествѣ пилигрима (989).

И такъ, Адельбертъ вторично перешелъ Альпы и сначала отправился въ Римъ, чтобы передъ папою оправдать свой поступокъ. Папа одобрилъ его путешествіе въ обѣтованную землю, Ѳеофанія (мать Оттона III), которая въ то время находилась въ Римѣ, вручила ему значительную сумму денегъ, съ тѣмъ, чтобы онъ у святого гроба помолился за упокой души ея мужа: уже давно ее преслѣдовала мысль, что Оттонъ II навлекъ на себя большую вину тѣмъ, что захватилъ Мерзебургъ. Адельбертъ принялъ деньги, но тотчасъ же всѣ роздалъ бѣднымъ; земное благо для него было только бременемъ. Онъ оставилъ Римъ и направилъ свой путь къ Монте-Кассино. Тамъ его убѣдили, что не странническая жизнь, а добродѣтельное и набожное шествіе по пути господню угодно Богу, и посовѣтовали ему (не безъ корыстолюбиваго разсчета) остаться въ монастырѣ. Адельбертъ воспротивился послѣднему совѣту, но все же отказался отъ своего пилигримства и отправился въ монастырь св. Михаила въ Валлалуцѣ, гдѣ тогда еще пребывалъ Нилъ. Изъ боязни къ монахамъ Монте-Кассино, Нилъ отказалъ ему въ желанномъ убѣжищѣ и посовѣтовалъ вернуться назадъ въ Римъ, увѣряя, что тамъ его съ радостью примутъ въ монастырь его брата, Льва; что послѣдній будетъ имъ руководить въ борьбѣ, которой человѣкъ долженъ подвергаться на пути къ спасенію; что тотъ раздуетъ въ немъ пламя любви небесной въ сильный жаръ, и сердце его постоянно будетъ пылать какъ бы алтарь Бога. Адельбертъ вернулся назадъ въ Римъ и тамъ нашелъ желанное спокойствіе въ монастырѣ святыхъ Бонифація и Алексія, гдѣ его принялъ Левъ вмѣстѣ съ его сведеннымъ братомъ Радимомъ или Гауденціемъ, неразлучнымъ его товарищемъ. Въ страстную субботу (990) оба они дали монашескій обѣтъ.

Теперь начались для Адельберта блаженные дни. Онъ съ радостью подчинился низкимъ рабскимъ работамъ, которыя на него

возлагались ради смиренія. Съ равною охотою повиновался какъ первому, такъ и послѣднему въ монастырѣ, ибо былъ увѣренъ, что черезъ такое послушаніе онъ дѣлается болѣе и болѣе внутреннимъ человѣкомъ; съ непрерывнымъ усердіемъ предавался молитвѣ и чтенію священнаго писанія; но пріятнѣе всего ему было проводить минуты въ духовной бесѣдѣ съ аббатомъ и съ болѣе образованными изъ братіи. Тогда ему казалось, какъ будто слово божіе на нихъ ниспадало съ неба какъ роса; святой огонь пылалъ въ душахъ, и восторгъ, переливавшійся изъ сердца въ сердце, доказывалъ, что среди ихъ присутствуетъ самъ Богъ. Адельбертъ почти совсѣмъ не думалъ о своей паствѣ; но Виллигисъ и чехи думали о немъ.

Церковная жизнь въ Богеміи все болѣе и болѣе приходила въ упадокъ, самъ Болеславъ, соединившись съ язычниками—лутичами, поднялъ оружіе противъ нѣмецкой имперіи. Но, наконецъ, этотъ союзъ съ язычниками разорвался, и опять стали думать о томъ, чтобы снова упрочить церковный порядокъ въ странѣ. Поэтому Виллигисъ и Богемскій герцогъ, чтобы склонить Адельберта къ возвращенію въ свою епархію, послали къ нему въ Римъ Радля, друга его дѣтства, который въ школѣ служилъ ему примѣромъ и котораго онъ шутя называлъ своимъ воспитателемъ, и Христіана, родного брата герцога, который былъ монахомъ и жилъ въ монастырѣ св. Эммерана въ Регенсбургѣ. Адельбертъ не хотѣлъ склониться на настоятельныя просьбы пословъ; и, только уступая приказанію папы и воли своего аббата, согласился, когда чехи торжественно обѣщали исправиться.

Послѣ трехлѣтняго отсутствія, Адельбертъ вернулся назадъ въ Прагу (992). Первымъ его стараніемъ было основать Бенедиктинскій монастырь въ Бреславлѣ, около Праги. Этотъ монастырь былъ посвященъ святымъ Бонифацію и Алексію; первые монахи прибыли сюда изъ Авентина. Но Адельбертъ оставался въ отечествѣ неохотно и питалъ полное недовѣріе къ своему народу. Ему хотѣлось, по возможности, скорѣе избавиться отъ своей тяжелой ноши, и поводъ къ тому не заставилъ долго себя ожидать. Разъ онъ доставилъ убѣжище въ церкви какой-то знатной чехинѣ, которая была уличена въ нарушеніи супружеской вѣрности, и когда, не взирая на защиту святыни, ее повели на смертную казнь, Адельбертъ счелъ права церкви нарушенными и оскорбленными непростительнымъ преступленіемъ, и вторично удалился изъ отечества. Такой человѣкъ, какъ онъ, не могъ дольше жить съ полухристіанами, равнодушными къ вѣрѣ. Онъ отправился къ венграмъ, но, найдя и тамъ тоже самое, отказался отъ мысли дѣйствовать въ качествѣ апостола язычниковъ и вернулся назадъ въ свой Авентинскій монастырь. Братія привѣтствовала его съ радостью, а въ особенности аббатъ Левъ, который вскорѣ послѣ того, отправляясь, въ качествѣ папскаго посла въ Германію и во Францію, оставилъ его своимъ намѣстникомъ и пріоромъ монастыря. Опять Адельбертъ началъ наслаждаться въ блаженномъ уединеніи тою божественною жизнью, но снова долженъ былъ оставить Авентинъ и отправиться на сѣверъ.

Внутренній голосъ предсказалъ ему, что его жизнь приметъ новый

оборотъ. А именно, онъ видѣлъ во снѣ два ряда святыхъ на небѣ; одинъ состоялъ изъ мучениковъ, облеченныхъ въ пурпурныя одѣнія, а второй рядъ состоялъ изъ существъ, въ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, одеждахъ, которыя, удалившись отъ свѣта, посвятили свою жизнь на служеніе Богу; вся ихъ пища и питье состояли въ постоянномъ прославленіи Творца. Вдругъ Адельбертъ слышитъ голосъ: „Посреди тѣхъ и другихъ есть мѣсто для тебя, и ты найдешь съ ними свою пищу и честь".

Когда въ 996 году Виллигисъ прибылъ въ Римъ, онъ настаивалъ на томъ, чтобы Адельбертъ вернулся въ Прагу. Но подвижникъ не соглашался оставить свой монастырь, тѣмъ болѣе, что теперь онъ не могъ разсчитывать на благосклонный пріемъ со стороны герцога Болеслава. Адельбертъ имѣлъ въ Богеміи пять братьевъ, и они уже многократно испытали немилость Болеслава; старшій по этому поводу жаловался королю Оттону и, сверхъ того, вступилъ въ особенное соглашеніе съ королемъ польскимъ, котораго онъ встрѣтилъ въ войскѣ Оттона. Болеславъ отмстилъ за это на прочихъ братьяхъ, напавъ на нихъ и приказавъ ихъ умертвить. Какъ ни сопротивлялся Адельбертъ, но все же новый папа Григорій V, и созванный имъ соборъ приказали ему вернуться къ своей паствѣ; впрочемъ, ему было разрѣшено, на случай, если бы чехи не захотѣли его принять, отправиться къ язычникамъ для проповѣдыванія имъ Евангелія.

Такимъ образомъ, Адельбертъ вторично разстался съ Авентинскимъ монастыремъ, куда въ тоже время поступилъ другой воспитанникъ магдебургской духовной школы, Бруно, при конфирмаціи названный Бонифаціемъ. Онъ былъ родомъ изъ Кверфурта и происходилъ изъ графскаго семейства, находившагося въ близкомъ родствѣ съ королевскимъ домомъ. Уже съ ранняго возраста будучи посвященъ небу и предназначенъ въ духовное званіе, онъ поступилъ на службу церкви въ качествѣ каноника магдебургской соборной церкви. Онъ пріобрѣлъ себѣ расположеніе короля, своего двоюроднаго брата и былъ принятъ въ его капеллу. Этимъ ему открылась дорога къ высшимъ духовнымъ чинамъ. Во время римскаго похода онъ находился при дворѣ и въ Римѣ посѣтилъ Адельбертовъ монастырь. Видъ этого мѣста съ такою силою овладѣлъ юношей, что онъ воскликнулъ: „И мое имя пусть будетъ также Бонифацій; почему же и я не могу быть подвижникомъ Христа"? И онъ сдѣлался монахомъ въ томъ монастырѣ, который тогда оставилъ Адельбертъ.

Адельбертъ отправился домой, чрезъ Альпы, вмѣстѣ съ войскомъ молодого императора и принадлежалъ къ числу самыхъ приближенныхъ лицъ, окружавшихъ послѣдняго. Такимъ образомъ, онъ ближе узналъ богато надѣленнаго природой юношу-императора и полюбилъ его; между тѣмъ какъ тотъ, въ свою очередь, скоро сталъ величайшимъ поклонникомъ боговдохновеннаго монаха и открылъ ему свое сердце. Послѣ распущенія войска, Оттонъ довольно долго оставался въ Майнцѣ. Адельбертъ же оттуда предпринялъ путешествіе ко многимъ святымъ мѣстамъ во Францію и потомъ вернулся обратно въ императорскій лагерь. Отношенія между святымъ мужемъ и импера-

торомъ становились все болѣе и болѣе тѣсными, такъ что императоръ приказалъ приготовить Адельберту ложе рядомъ съ своимъ и часто проводилъ съ нимъ ночи въ задушевныхъ разговорахъ. Адельбертъ не уставалъ говорить ему о непостоянствѣ всего земного и о неувядающемъ блескѣ всего небеснаго, чтобы тѣмъ настроить его сердце къ покорности и совершенно наполнить любовью божіей. А чтобы самому не сдѣлаться гордымъ вслѣдствіе расположенія императора и чести, которою пользовался онъ предъ свѣтомъ, онъ незамѣтнымъ образомъ для другихъ предавался рабскимъ занятіямъ: часто ночью уходилъ изъ императорской спальни и чистилъ платья и обувь прислуги.

Въ Майнцѣ Адельбертъ вторично видѣлъ знаменательный сонъ. Ему представилось, какъ будто бы онъ находился въ имѣніи своего единственнаго, оставшагося въ-живыхъ, брата; тамъ стоялъ великолѣпный домъ, котораго крыша и стѣны были бѣлы какъ снѣгъ; въ этомъ домѣ были приготовлены два ложа, одно для него, а другое для его брата; первое было великолѣпное, сіяющее пурпуромъ и шелкомъ, а у изголовья было написано золотыми буквами слѣдующее:

„Эту блистательную награду даетъ тебѣ дочь короля“.

Ему сказали, что награда — это мученическая смерть, а дочь короля—царица небесъ, Марія. Тогда онъ преклонилъ голову и промолвилъ: „Слава тебѣ, святая дѣва, звѣзда морская, что ты, исполненная любви царица, не пренебрегла твоимъ нижайшимъ рабомъ и воззрѣла на него“. Это видѣніе возбудило въ немъ желаніе исполнить свое предназначеніе. Еще разъ онъ имѣлъ съ императоромъ длинный дружескій разговоръ, въ которомъ открылъ ему свои намѣренія относительно будущности; послѣ того они разстались съ дружескими объятіями и поцѣлуями; имъ не суждено было увидѣться болѣе. Это было трогательное прощаніе, подобное тому, когда отецъ съ сыномъ прощаются на вѣки. Образъ дивнаго монаха остался навсегда неизгладимымъ въ душѣ юнаго императора.

Адельбертъ отправился въ Польшу къ герцогу Болеславу, другу своей фамиліи и союзнику императора Оттона, гдѣ уже его братъ искалъ заступничества противъ Богемскаго герцога и нашелъ. Онъ былъ принятъ радушно и, чтобы исполнить свой долгъ, еще разъ отправилъ пословъ къ чехамъ, спрашивая, желаютъ ли они принять его. Но это предложеніе было отвергнуто съ насмѣшкою, чему Адельбертъ необыкновенно обрадовался и воскликнулъ: „Боже, ты разорвалъ мои узы“, и съ этого времени уже ни о чемъ болѣе не думалъ, какъ только о своей миссіи къ язычникамъ. Онъ довольно долго находился въ раздумьи, не отправиться ли ему къ лутичамъ, которые недавно передъ тѣмъ свергнули-было съ себя владычество нѣмцевъ и христіанской церкви; но при тогдашнихъ обстоятельствахъ казалось невозможнымъ иначе явиться къ нимъ, какъ только съ оружіемъ въ рукахъ. Ему приходило на мысль еще разъ отправиться къ венграмъ, но его пугало ихъ знакомое ему полухристіанство. И потому онъ, наконецъ, рѣшился пойти къ тѣмъ, чисто языческимъ приморскимъ племенамъ, которыя незадолго передъ тѣмъ Болеславъ

частью уже покорилъ, частью еще намѣревался покорить, то есть къ померанамъ и пруссамъ.

Король Польскій, искренно преданный церкви и вмѣстѣ съ тѣмъ видя въ ней средство къ упроченію и расширенію своей власти, способствовалъ Адельберту къ исполненію его предпріятія; онъ далъ ему корабль, вооруженный тридцатью рыцарями, на которомъ Адельбертъ, въ сопровожденіи своего сведеннаго брата Гауденція и какого то священника, по имени Бенедикта, отправился внизъ по рѣкѣ Вислѣ къ Данцигу. Тамъ его встрѣтили большія толпы народа; онъ окрестилъ многихъ, отслужилъ обѣдню, и на слѣдующій день отправился далѣе въ море, направляясь къ сѣверу, къ берегамъ Пруссіи. Послѣ нѣсколькихъ дней плаванія, корабль присталъ къ берегу, высадилъ епископа съ его товарищами у устья какой-то рѣки и, оставивъ ихъ на островкѣ той же рѣки, поспѣшно вернулся домой. Адельбертъ и его спутники нашли это мѣсто, гдѣ ихъ высадили, безлюднымъ; но послѣ нѣкотораго времени явились владѣтели этой мѣстности, обратились къ пришельцамъ съ рѣчью на незнакомомъ для нихъ языкѣ и наконецъ силою прогнали ихъ. Священники собрались въ дорогу и пошли вверхъ по рѣкѣ до тѣхъ поръ, пока не достигли жилища, хозяинъ котораго далъ имъ ночлегъ и отправилъ къ торговому мѣсту, куда собиралось множество людей, и гдѣ они встрѣтили такихъ, которые, понимали ихъ языкъ. Это были вѣроятно купцы изъ славянскихъ странъ, которые вели торговлю въ Пруссіи. Народъ окружилъ чужеземныхъ священниковъ, разспрашивалъ, кто они такіе, откуда пришли и что за цѣль ихъ прибытія. Адельбертъ отвѣчалъ, что онъ богемецъ, и пришелъ къ нимъ какъ ихъ апостолъ, чтобы привести ихъ къ вѣрѣ въ единаго Бога и указать имъ путь къ спасенію. Тотчасъ поднялось сильное волненіе въ народѣ; Адельберта и его товарищей пригласили оставить страну, посадили на корабль и отправили обратно къ берегамъ моря, гдѣ они нашли пріютъ въ какой-то уединенной хижинѣ. Тамъ они пробыли пять дней и потомъ рѣшились возвратиться домой. Адельбертъ, видя, что его планъ уничтожился, хотѣлъ обратиться къ другимъ идолопоклонническимъ народамъ. Онъ думалъ вернуться къ Оттону и потомъ отправиться къ лутичамъ; но прежде всего должно было выбраться на дорогу, ведущую въ Польшу.

Въ послѣднюю ночь передъ отъѣздомъ, Гауденцій видѣлъ сонъ: ему приснилась на алтарѣ золотая чаша, до половины наполненная виномъ, и когда онъ протянулъ къ ней руку и хотѣлъ ее опорожнить, служитель алтаря запретилъ ему то и сказалъ, что эта чаша приготовлена на-завтра для Адельберта. Адельбертъ слышалъ, какъ Гауденцій разсказывалъ этотъ сонъ и сказалъ: „Да обратитъ Богъ все къ добру; не должно вѣрить обманчивымъ снамъ“.

Они поднялись рано и, распѣвая псалмы, продолжали свое путешествіе. Сначала ихъ дорога шла по лѣсу и чащѣ, а потомъ по открытому полю. Тамъ, около полудня, Гауденцій отслужилъ обѣдню на свѣжей травѣ, а Адельбертъ причастился. Потомъ они устроили скудный обѣдъ и хотѣли уже снова двинуться въ путь, какъ послѣ нѣсколькихъ шаговъ ихъ одолѣла усталость; они улеглись на травѣ

и погрузились въ глубокій сонъ. Между тѣмъ, одинъ изъ прусскихъ жрецовъ, котораго братъ былъ убитъ поляками, исполненный жаждою мщенія, съ нѣсколькими товарищами слѣдовалъ за монахами и настигъ ихъ. Адельбертъ, пробужденный шумомъ оружія, былъ связанъ вмѣстѣ со своими товарищами; ихъ всѣхъ потащили. Адельбертъ былъ блѣденъ и не говорилъ ни слова. Только когда язычники привели его связаннаго на возвышеніе, и тамъ семь копій было направлено въ его грудь, онъ обратился къ тому, который долженъ былъ нанести первый ударъ, и сказалъ слабымъ голосомъ: „Чего ты хочешь"? Этотъ пронзилъ его въ сердце, и сейчасъ же за нимъ шесть другихъ копій мгновенно довершили жизнь Адельберта. Язычники отсѣкли голову отъ туловища и утащили съ собой какъ добычу. Гауденцій и Бенедиктъ также должны были слѣдовать за убійцами, но впослѣдствіи были освобождены.

Такимъ образомъ, Адельбертъ нашелъ мученическую смерть, 23 апрѣля 997 года; но мѣста, гдѣ онъ былъ замученъ, нельзя опредѣлить съ точностью.

Въ то же самое время, когда это происходило на прусскихъ берегахъ, въ Римѣ, въ монастырѣ св. Бонифація, Іоаннъ Канапарій, другъ Адельберта, имѣлъ видѣніе, которое извѣстило его о смерти Адельберта, равно какъ и св. Нила въ Гаэтѣ. „Любезный сынъ, писалъ послѣдній къ Іоанну, нашъ другъ Адельбертъ пребываетъ со святымъ духомъ и собирается окончить эту временную жизнь блаженнѣйшею смертью".

Извѣстіе о смерти Адельберта тронуло императора до глубины души. Въ то же время на него производили впечатлѣніе и другія обстоятельства, совершенно иного рода. Во время своего римскаго похода, онъ встрѣтился съ французскимъ ученымъ, Гербертомъ, который, сомнѣваясь удержать за собою реймское архіепископство [1]), поспѣшилъ въ Римъ. Хотя онъ здѣсь очень мало, или даже ничего не сдѣлалъ для достиженія своей главной цѣли, но, благодаря своему блистательному уму и образованію, которыми онъ далеко оставлялъ за собою всѣхъ своихъ современниковъ, ему удалось снискать расположеніе юнаго императора, который сдѣлалъ его, какъ и Адельберта, однимъ изъ своихъ приближенныхъ и скоро привязалъ къ себѣ навсегда. Хотя изъ Рима Гербертъ и вернулся еще разъ во Францію, но послѣ смерти Гуго Капета (24 октября 996 г.), онъ покинулъ навсегда и Реймсъ, и Францію. Робертъ, вступившій тогда въ управленіе двадцатичетырехлѣтнимъ юношею, былъ благодарнымъ ученикомъ Герберта, но Гербертъ не могъ ждать отъ него никакой помощи по своему дѣлу. Потому что, съ одной стороны Робертъ и его весьма вліятельная мать Аделаида старались уступчивостью смягчить постоянное сопротивленіе карловингской партіи, съ другой стороны Робертъ, тотчасъ послѣ своего вступленія на престолъ, заклю-

---

[1]) Гербертъ, впослѣдствіи папа Сильвестръ II, былъ воспитателемъ Роберта, сына Гуго Капета, отъ котораго онъ получилъ архіепископство, по изгнаніи Арнульфа, но Римъ принялъ сторону изгнаннаго архіепископа, и власть Герберта сдѣлалась непрочною. См. его біографію, ниже, въ ст. 36.

чилъ бракъ, которому настойчиво противодѣйствовалъ Гербертъ своими совѣтами и въ высшей степени раздражилъ тѣмъ молодого короля. Положеніе Герберта было безвыходное; къ тому же и молодой папа открыто и рѣшительно высказывался противъ него; онъ не могъ оставаться въ Реймсѣ и не зналъ, гдѣ-бы ему найти такое мѣсто, которое соотвѣтствовало бы его честолюбію и притязаніямъ на значеніе въ свѣтѣ. Въ такую пору явилось къ нему то письмо, содержаніе котораго вполнѣ отвѣчало его задушевнымъ желаніямъ, и скоро положило конецъ всѣмъ его заботамъ.

Письмо это было отъ императора Оттона III и заключало въ себѣ настоятельное и весьма почтительное приглашеніе къ его двору. Оттонъ писалъ: „Намъ очень хотѣлось бы имѣть при себѣ васъ, достопочтеннѣйшій и знаменитый мужъ, съ тѣмъ чтобы имѣть возможность пользоваться обществомъ такого руководителя: вмѣстѣ съ тѣмъ и ваша высокая мудрость могла бы постоянно оказывать помощь нашему скудоумію. Говоря проще, мы рѣшились обратиться къ вамъ съ просьбою, не можете ли вы принять на себя обученіе насъ разговору и письму, такъ какъ до сихъ поръ мы были недостаточно образованы и въ томъ, и въ другомъ; кромѣ того, вашими вѣрными совѣтами вы помогли бы намъ въ дѣлахъ государства. Къ этой просьбѣ, которой вы, конечно, не рѣшитесь отвергнуть, мы присовокупляемъ желаніе, чтобы вы были безпощадны къ нашей саксонской дикости, но за то постарались оживить и образовать въ насъ греческую утонченность, если хоть сколько нибудь ея въ насъ окажется. Потому что, мы думаемъ, въ насъ можно открыть искорку стремленія къ наукѣ, свойственнаго грекамъ, лишь бы только нашелся дѣльный человѣкъ, который съумѣлъ бы эту искорку раздуть. Раздуйте же ее могущественнымъ пламенемъ своей науки и пробудите въ насъ, съ божіею помощью, духъ грековъ, чтобы онъ ожилъ крѣпкою жизнью. Вмѣстѣ съ тѣмъ преподайте намъ и математику, чтобы съ ея помощью мы могли бы быть посвящены въ тайны древней философіи. Вотъ все, о чемъ мы покорно васъ просимъ.“ Императоръ, въ видѣ шутки, прибавилъ къ письму слѣдующіе стихи:

Не писалъ я въ жизнь стихами,
И не думалъ быть поэтомъ;
Если-жъ я пойду на это,
Чтобъ мнѣ пѣсни удалися,
То пришлю тебѣ я пѣсенъ,
Сколько въ Галліи героевъ.

Письмо это, служащее достопримѣчательнымъ свидѣтельствомъ о стремленіи императора къ образованію и его жаждѣ знанія, вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ возможность подмѣтить не весьма утѣшительное настроеніе его духа. Потомку Гейнриха I и Оттоновъ не слѣдовало говорить о саксонской дикости и гордиться преимущественно своимъ греческимъ происхожденіемъ.

Гербертъ не заставилъ долго ждать отвѣта. Письмо находчиваго философа было слѣдующаго содержанія: „За вашу чрезвычайную доброту, которую вы мнѣ оказываете, призывая къ себѣ на службу,

можетъ быть я не съумѣю заплатить дѣйствительными заслугами, и мнѣ придется ограничиться одними только пожеланіями вамъ всѣхъ благъ. Если слабая искорка знанія и тлѣетъ во мнѣ, то ее разожгла единственно ваша слава; еще вашъ знаменитый родитель питалъ ее, а въ первый разъ зажегъ вашъ великій дѣдъ. Потому нельзя даже сказать, чтобы мы принесли вамъ жертву, если бы рѣшились отказаться отъ епископства: мы тѣмъ самымъ только возвратимъ то, что получили отъ васъ же. Еще менѣе возможно для насъ дать вамъ что нибудь, чего бы вы уже не имѣли или не могли помимо меня пріобрѣсть, какъ то доказываютъ ваши стремленія благородныя, и вполнѣ достойныя вашего великаго сана. Если бы вы сами не дошли до мысли, что математика заключаетъ въ себѣ основаніе всѣхъ вещей, и что все можно изъ нея вывести, то не стремились бы съ такимъ усердіемъ познакомиться съ нею научнымъ образомъ; если бы вашъ характеръ не былъ укрѣпленъ началами нравственной философіи, то въ вашихъ словахъ не отражалась бы такъ ясно скромность—эта охранительница всѣхъ добродѣтелей. И при этомъ не могъ не обнаружиться вашъ геній, дошедшій до своего сознанія и черпающій изъ самого себя и изъ источника греческой образованности то богатое краснорѣчіе, котораго несомнѣнныя доказательства вы представили мнѣ въ своемъ письмѣ. Дѣйствительно, это дѣло рукъ божіихъ, когда является среди насъ мужъ, *грекъ* по происхожденію, *римлянинъ* по доставшейся ему въ удѣлъ власти—и владѣетъ сокровищами греческой и римской мудрости, какъ своимъ наслѣдствомъ. И такъ, мы повинуемся вашему императорскому приказанію какъ въ этомъ случаѣ, такъ и во всемъ, чтò ваше божественное величіе когда либо намъ повелитъ. И мы никогда не будемъ въ состояніи отказаться отъ службы вамъ, потому что въ цѣломъ мірѣ не знаемъ ничего болѣе величественнаго вашей власти.“

Такимъ образомъ, весною 997 г., Гербертъ отправился въ Саксонію къ императорскому двору, гдѣ и нашелъ самый почетный пріемъ у Оттона, готовившагося въ то время къ новой войнѣ съ славянами. А именно, императоръ укрѣплялъ Арнебургъ на Эльбѣ, но, услышавъ о прибытіи Герберта, немедленно передалъ эту крѣпость подъ начальство Гизилера, а самъ поспѣшилъ въ Магдебургъ. Тамъ онъ предался ученымъ занятіямъ съ Гербертомъ; въ имперскомъ городѣ собрались знаменитѣйшіе ученые того времени, и диспуты ихъ слѣдовали другъ за другомъ при дворѣ; самъ Оттонъ находилъ особенное удовольствіе предлагать ученымъ мужамъ замысловатые вопросы. Гербертъ приготовилъ въ то время очень искусные солнечные часы, посредствомъ которыхъ онъ дѣлалъ особенныя астрономическія наблюденія, и которые еще впослѣдствіи долго были предметомъ удивленія. Тогда же онъ задумалъ написать ученое сочиненіе по предмету логики, которымъ впослѣдствіи и занимался довольно долго, и по окончаніи посвятилъ свой трудъ юному императору, подавшему ему мысль къ такому сочиненію. Въ тоже время онъ впервые началъ наполнять умъ молодого императора воспоминаніями древнихъ римскихъ временъ, въ которыхъ онъ самъ жилъ. Напрасно къ нему приходили извѣстія изъ Франціи, что его при-

сутствіе тамъ крайне необходимо и что, если онъ продолжитъ свое отсутствіе, Арнульфъ (см. 40 ст.) будетъ возстановленъ, а епископы, осудившіе послѣдняго, уже отрѣшены отъ должностей, ничто на него не могло подѣйствовать, и хотя онъ еще не рѣшился отказаться отъ архіепископства, но отстранялъ всякое предложеніе возвратиться. Гербертъ наслаждался сознаніемъ, что вполнѣ преданный ему императоръ служитъ добровольнымъ орудіемъ для его плановъ, и довольствовался удивленіемъ, которое онъ возбуждалъ въ окружающей, его средѣ и дружбою императора, выражавшеюся въ богатыхъ подаркахъ. „Вы великолѣпно надѣлили меня великолѣпнымъ Засбахомъ [1]), пишетъ Гербертъ въ своемъ письмѣ, играя словами, и вашему вѣчному владычеству я буду посвящать вѣчно свои услуги“.

Но вскорѣ ученый кругъ, составившійся въ Магдебургѣ, распался. Императоръ долженъ былъ отправиться на войну съ славянами, поразившими Гизилера при Арнебургѣ. Ставяне должны были очистить лѣвый берегъ Эльбы; но Оттонъ не возвращался болѣе въ Магдебургъ: дѣла призывали его въ Италію, гдѣ его двоюродный братъ, первый нѣмецкій папа, Григорій V, былъ изгнанъ изъ Рима Кресценціемъ. Императоръ, явившись въ Италію, въ сопровожденіи Герберта, возстановилъ своего родственника, и въ вознагражденіе за то принудилъ Григорія V дать Герберту епископство Равенну. По смерти же Григорія V (999 г.), Оттонъ возвелъ Герберта на папскій престолъ подъ именемъ Сильвестра II.

Въ февралѣ мѣсяцѣ, когда умеръ папа Григорій, императора не было въ Римѣ: онъ находился на югѣ и путешествовалъ по святымъ мѣстамъ, и именно по тѣмъ, которыя навѣщалъ когда-то св. Адельбертъ. Прежде всего онъ посѣтилъ Монте-Кассино, потомъ черезъ Капую и Беневентъ отправился въ знаменитый монастырь святого Михаила на Монте-Гаргано. Онъ вступилъ въ этотъ монастырь съ босыми ногами и прожилъ тамъ очень долго, предаваясь подвигамъ благочестія. На возвратномъ пути, въ мартѣ мѣсяцѣ, онъ еще разъ зашелъ въ Беневентъ, гдѣ, по тогдашнимъ вѣрованіямъ, должны были покоиться мощи святого апостола Варѳоломея; ему хотѣлось пріобрѣтеніемъ этого сокровища особеннымъ образомъ украсить церковь, построенную имъ въ Римѣ, на островѣ р. Тибра, въ честь святого Адельберта. Императоръ просилъ у беневентинцевъ уступить ему святыню, и тѣ не осмѣлились открыто отказать, но позволили себѣ прибѣгнуть къ благочестивому обману, и вмѣсто мощей св. Апостола дали ему мощи св. Павла, епископа Нолы. На возвратномъ пути императоръ коснулся Гаэты, съ тѣмъ чтобы посѣтить св. Нила, который жилъ съ своею братіею недалеко отъ города, въ бѣдныхъ шалашахъ. Когда императоръ увидѣлъ эти отшельническія кельи, онъ воскликнулъ: „Вотъ, шалаши Израиля въ пустынѣ; эти люди живутъ на свѣтѣ какъ странники, и знаютъ, что здѣсь они не имѣютъ постояннаго мѣстопребыванія“. Старецъ Нилъ со своими монахами вышелъ на встрѣчу императору, соблюдая при этомъ всѣ знаки

[1]) Засбахъ, императорскій дворецъ въ Швабіи, гдѣ часто былъ собираемъ сеймъ Карловингами, и даже самимъ Оттономъ въ 994 году.

уваженія къ нему; но юный императоръ почтительно поклонился святому человѣку и, поддерживая его, проводилъ обратно въ монастырь, гдѣ у алтаря вмѣстѣ съ нимъ молился. Онъ настоятельно упрашивалъ Нила, чтобы тотъ вмѣстѣ со своими монахами переселился въ его предѣлы, и обѣщалъ дать самые богатые дары тому монастырю, который онъ тамъ построитъ; но къ великой досадѣ братіи, Нилъ отказался отъ всего. При разставаніи императоръ еще разъ повторилъ свои просьбы и прибавилъ: „Требуй отъ меня, какъ отъ сына, всего, чего только хочешь, и я все для тебя исполню". —„Я ни о чемъ тебя не прошу, отвѣчалъ Нилъ, какъ только о спасеніи твоей души: потому что и ты также долженъ умереть и отдать отчетъ въ твоихъ поступкахъ". У императора полились слезы, онъ снялъ съ головы свою корону и отдалъ ее въ руки старику, который его благословилъ на прощаніе. Оттуда Оттонъ III отправился обратно въ Римъ, куда и прибылъ въ послѣднихъ числахъ марта.

Оттонъ и въ Римѣ продолжалъ предаваться подвигамъ благочестія. Съ однимъ изъ своихъ приближенныхъ—съ молодымъ епископомъ вормскимъ, Франко, онъ тайно удалился въ пещеру, находившуюся возлѣ церкви св. Климента и оставался тамъ въ продолженіи сорока дней, предаваясь безпрерывной молитвѣ и постамъ. Лѣтомъ ходилъ вмѣстѣ съ папою въ гористыя окрестности; въ іюлѣ опять нѣсколько дней провелъ въ Беневентѣ; а послѣ того удалился на продолжительное время въ окрестности Субіако, гдѣ нѣкогда св. Бенедиктъ, въ первый разъ удалившись отъ свѣта, скрывался въ пещерѣ и умерщвлялъ свою плоть. Императоръ избралъ себѣ мѣсто для жилища въ монастырѣ, построенномъ надъ этою пещерою, именно на скалѣ, подъ которою внизу пробиваютъ себѣ путь мутныя волны Тевероны. И эта дикая, но въ тоже время весьма привлекательная мѣстность до такой степени очаровала его, что ему захотѣлось увѣковѣчить тамъ свою память, и онъ рѣшился построить на томъ мѣстѣ церковь, которая должна была быть посвящена архангелу Михаилу и вмѣстѣ съ нимъ опять святому Адельберту.

Съ этого времени Оттонъ началъ къ своему титулу прибавлять слова „рабъ апостоловъ" и „рабъ Іисуса Христа", и продолжалъ по прежнему свои аскетическіе подвиги. До насъ дошло нѣсколько документовъ отъ 1000 года, и въ нихъ весьма отчетливо характеризуется весь образъ дѣйствій этого молодого властителя, изображавшаго своею личностью вмѣстѣ и императора, и монаха. Казалось, что Оттонъ III, какъ будто для того былъ созданъ, чтобы служить слѣпымъ орудіемъ іерархіи, которая успѣла сдѣлать и безъ того большой успѣхъ усиліями такого папы, какимъ былъ Григорій V, и подъ руководствомъ такого вождя, который по смерти его овладѣлъ папскимъ престоломъ. Никто изъ современниковъ не могъ выдержать даже отдаленнаго сравненія съ Сильвестромъ II, по его уму, познаніямъ и предусмотрительности. Но все это только казалось, потому что на самомъ дѣлѣ религіозное настроеніе императора гораздо болѣе коренилось въ мистическихъ воззрѣніяхъ Нила, Ромуальда и монаховъ монастыря свят. Бонифація, чѣмъ въ честолюбивыхъ іерархическихъ притязаніяхъ конгрегаціи Клюньи. И при этомъ душу Отто-

на наполняли идеи совершенно другого рода, которыя еще менѣе были благопріятны развитію сильной іерархической власти. Его глазъ былъ болѣе обращенъ къ земнымъ дѣламъ, чѣмъ того можно было ждать, судя по его наклонности къ аскетизму. Мы имѣемъ въ рукахъ доказательства, что Оттонъ, именно въ то самое время, занятъ былъ величайшими планами для расширенія своего владычества и возвышенія своего императорскаго значенія; что онъ всѣми силами стремился къ тому, чтобы возстановить всемірную монархію, въ смыслѣ послѣднихъ временъ римской имперіи.

Западная римская имперія, возстановленная Карломъ Великимъ и Оттономъ I, не представляла никакой внутренней прочной связи, и даже земли, непосредственно подчиненныя императору, держались вмѣстѣ только одною его личностью. Планы Оттона II касательно болѣе тѣснаго соединенія доставшихся ему въ наслѣдство государствъ, какъ по сю, такъ и по ту сторону Альпъ, были уничтожены его раннею смертью. Весьма естественно, что юный, пылкій и честолюбивый его сынъ долженъ былъ приняться за продолженіе дѣла, начатаго отцемъ. И въ самомъ дѣлѣ, Оттонъ III, во время своего второго пребыванія въ Италіи, безпрестанно стремился къ достиженію этой цѣли. Италія все еще была разъединена и ломбардскія провинціи существовали отдѣльно отъ римскихъ. Эдиктъ, изданный императоромъ въ Павіѣ, въ первый разъ разсматриваетъ всю Италію, какъ одно цѣлое государство. Но Оттонъ не ограничивался и этимъ: сливая Италію въ одно цѣлое, онъ хотѣлъ точно также уничтожить различіе между Италіею и Германіею. Такая задача могла въ немъ естественно возникнуть изъ самаго положенія императора, но тѣмъ не менѣе для нѣмцевъ было величайшимъ несчастіемъ то, что этотъ даровитый государь, едва сознаъ свое назначеніе, какъ почувствовалъ себя болѣе грекомъ, чѣмъ нѣмцемъ, смотрѣлъ свысока на саксонскую дикость, и всѣ свои помыслы обращалъ къ болѣе развитой культурѣ восточной римской имперіи, какъ къ своему идеалу. Его планы потеряли всякую связь съ національною почвою, на которой выросло дѣло его отцевъ: ему казалось, что онъ, какъ императоръ, прежде всего государь *римскій*, и въ актахъ, вопреки обычаю своихъ предшественниковъ, сталъ употреблять болѣе полный титулъ „Императора римлянъ", вмѣсто прежняго простого императорскаго титула. „Грекъ по рожденію, римлянинъ по переданной ему власти", онъ дошелъ до самыхъ универсальныхъ воззрѣній на значеніе своего государства и своего императорскаго положенія. Его мысли ни разу не остановились на монархіи Карла Великаго; онъ, стремясь въ фантастическомъ полетѣ по широкимъ пространствамъ времени, останавливался только на всемірной монархіи древнихъ римскихъ императоровъ и на большомъ обломкѣ ихъ владычества, сохранившемся въ Византіи. Возстановленіе римской имперіи на западѣ—вотъ была единственная мысль, на которой сосредоточились всѣ планы императора, какъ на главной ихъ цѣли.

Кто можетъ такъ глубоко проникнуть въ душу человѣка, чтобы прослѣдить въ ней все развитіе ея сокровенныхъ помысловъ? Однако, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что французъ Гербертъ самымъ

существеннымъ образомъ содѣйствовалъ къ развитію въ Оттонѣ идеи о возстановленіи римской имперіи. Никто, въ продолженіи долгаго времени до Герберта и послѣ него, не былъ до такой степени проникнутъ духомъ римской древности; въ письмахъ его, дошедшихъ до насъ, скорѣе видишь писателя въ тогѣ древнихъ римлянъ, чѣмъ въ рясѣ монаха. Потому ни сколько не удивительно, что у Герберта такъ часто смѣшивались идеи классическаго времени съ воззрѣніями христіанскими, понятія языческихъ императоровъ объ имперіи съ преданіями франкской теократіи Карла Великаго. И тѣмъ же, чѣмъ была наполнена его собственная душа, Гербертъ питалъ умъ и сердце своего царственнаго питомца, который такъ охотно ему предался. Нерѣдко Гербертъ могъ смотрѣть на себя и Оттона, какъ на Аристотеля и новаго Александра.

На походѣ Оттона въ Италію, Гербертъ былъ нераздѣльнымъ спутникомъ императора. Какими идеями онъ наполнялъ его душу, видно изъ его же словъ, которыя онъ высказываетъ въ посвященіи императору своего сочиненія. „Я это написалъ“, говорилъ онъ, „съ тѣмъ, чтобы Италія не думала, что въ императорскихъ палатахъ вымерла вся образованность, и чтобы Греція не могла кичиться мудростью своихъ властителей. Эта страна увѣрена, что ей досталось въ удѣлъ все могущество римской имперіи, но она ошибается; мы имѣемъ богатую и плодородную Италію, мы владѣемъ воинственною Галліею и Германіей; намъ служатъ скиѳскіе ратники, а прежде всего мы имѣемъ тебя, о великій императоръ; ты происходишь отъ греческой крови и превышаешь могуществомъ грековъ; ты владѣешь Римомъ по праву наслѣдства, и превосходишь умомъ и краснорѣчіемъ грековъ и римлянъ“.

Съ того времени, всѣ помыслы Оттона III были устремлены къ возобновленію военной славы Рима; онъ хотѣлъ окружить весь тронъ блескомъ греческой имперіи и вмѣстѣ съ тѣмъ возстановить всемірное христіанское государство, подражая Карлу Великому; тѣ воззрѣнія, которыми онъ проникался, были на столько же величественны, на сколько неясны и мечтательны. Сенатъ древняго Рима и его мудрость, тріумфы и торжественныя побѣды Траяна и Марка Аврелія, константинопольскій дворъ съ его полуантичною, полувосточною пышностью — вотъ заколдованные круги, въ которыхъ безвыходно вращались мысли фантастическаго юноши—едва онъ выходилъ изъ нихъ даже среди самыхъ строгихъ подвиговъ аскетизма. Потому не должно думать, чтобы его путешествія по святымъ мѣстамъ были предпринимаемы исключительно ради благочестія; если всмотрѣться въ нихъ ближе, то нельзя не открыть ихъ политическаго значенія. Путешествіе къ Монте-Гаргано, кромѣ религіозныхъ цѣлей, вело также императора въ Капую и Беневентъ, два самые важные города въ его южныхъ владѣніяхъ, гдѣ онъ до того ни разу еще не былъ; кромѣ того, оно приближало его къ границамъ греческой имперіи, гдѣ представлялся удобный случай близко наблюдать за тѣмъ, что дѣлается въ Апуліи. Факты подтверждаютъ такую догадку: пилигримство императора сопровождалось постоянно движеніемъ войскъ. Даже послѣ тяжкихъ подвиговъ покаянія на Субіако, императоръ немедленно

отправился вмѣстѣ съ папою въ монастырь Фарса, гдѣ они имѣли замѣчательное совѣщаніе съ Гуго, маркграфомъ Тусціи; ихъ совѣщаніе имѣло цѣлью, какъ императоръ самъ высказывается въ одномъ изъ писемъ, „возстановленіе республики". Мы не знаемъ принятыхъ тамъ рѣшеній, но мы имѣемъ возможность въ главныхъ чертахъ изобразить, что подразумѣвалъ Оттонъ подъ возстановленіемъ римской республики, и какъ онъ задумалъ устроить свое государство.

Прежде всего „златой Римъ" долженъ былъ опять сдѣлаться первымъ городомъ имперіи, столицею императора и центромъ всего свѣта. Императоръ избралъ мѣсто для своего трона не въ развалинахъ стараго императорскаго дворца на Палатинѣ (хотя и онъ употреблялся при торжественныхъ случаяхъ), но на Авентинѣ, который, круто возвышаясь надъ Тибромъ, представляетъ свободный видъ на городъ, широко разстилающійся по обѣимъ сторонамъ рѣки. Теперь Авентинъ имѣетъ образъ печальной пустыни, и только нѣсколько монастырей, широкія развалины и обширные сады покрываютъ его возвышенность: на его улицахъ рѣдко можно встрѣтить человѣческое лицо; въ десятомъ столѣтіи, это была самая населенная часть города; тамъ находились укрѣпленные замки рядомъ съ монастырскими и церковными зданіями; тамъ нѣкогда Альбертъ имѣлъ свою крѣпость, и тамъ же стоялъ монастырь св. Бонифація; Оттонъ избралъ себѣ это мѣсто для резиденціи.

Какъ ни велика была на самомъ дѣлѣ разница между древнимъ императорскимъ замкомъ на Босфорѣ и второпяхъ отстроеннымъ дворцомъ на Авентинѣ, но Оттонъ III окружилъ себя тамъ тою-же натянутою пышностью и тѣмъ-же изъ-стари заведеннымъ церемоніаломъ, который господствовалъ при дворѣ восточнаго императора. Онъ появлялся въ странномъ и оригинальномъ костюмѣ; то онъ закутывался въ плащъ, разрисованный сценами изъ Апокалипсиса; то надѣвалъ платье, на которомъ были вышиты изображенія животныхъ; все, до самыхъ перчатокъ, было строго опредѣлено и подведено подъ правило. Онъ принималъ пищу на возвышенномъ столѣ, отдѣльно отъ придворныхъ. Доступъ къ нему совершался торжественнымъ образомъ: онъ имѣлъ притязаніе на то, чтобы его окружающіе относились къ нему съ глубочайшимъ благоговѣніемъ, его привѣтствовали торжественными словами, не имѣвшими почти никакого значенія. Онъ требовалъ, чтобы обращающіеся къ нему съ рѣчью, называли его „Императоръ всѣхъ императоровъ", и самъ придавалъ себѣ, по обычаю древнихъ цезарей, громкіе титулы, составленные изъ именъ народовъ, подчиненныхъ его скипетру; его называли „Саксонскій, Римскій и Италіянскій", и самъ онъ называлъ себя тѣми-же именами. Его окружала безконечная толпа придворныхъ, государственныхъ и военныхъ чиновниковъ. Тѣни римскихъ консуловъ и римскаго сената были вызваны изъ мрака забвенія. Военное росписаніе чиновъ, господствовавшее въ Константинополѣ, было введено также и въ Римъ: magistri и comites imperialis militiae и palatii imperialis (начальники императорскихъ войскъ и императорской стражи), protospatharii (императорскіе полковники), praefectus navalis (адмиралъ флота, котораго на самомъ дѣлѣ и не существовало) и

т. д. Сверхъ того, древнія названія, происходившія отъ двора франкскихъ королей, были замѣнены новыми, заимствованными у константинопольскаго двора: императорскіе камергеры обратились въ вестіаріевъ и протовестіаріевъ; капелланы назывались логоѳетами, а канцлеръ—архилогоѳетомъ. Однимъ словомъ, саксонскій дворъ готовился къ маскераду, и дѣйствительно вся эта пышность также скоро исчезла, какъ проходитъ веселая ночь карнавала.

Хотя притязанія императора произвели неудовольствіе въ римлянахъ и даже вооружили противъ него Сильвестра II; но римляне были слабы для сопротивленія, а папа сознавалъ, что въ концѣ концовъ дѣло имперіи есть вмѣстѣ и дѣло папства, и потому продолжалъ идти съ нимъ рука объ руку, увлекая его планами колоссальныхъ размѣровъ, и вмѣстѣ съ нимъ увлекаясь самъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что мысль освободить Гробъ господень, осуществленная сто лѣтъ спустя, родилась первоначально въ головѣ Герберта. Но въ ту эпоху не было еще возможности выполнить такіе отдаленные виды, а между тѣмъ, паденіе язычества въ сѣверовосточной Европѣ указывало императору и папѣ на болѣе вѣрную и близкую добычу.

На этотъ-то пунктъ, Оттонъ и Сильвестръ обратили все свое вниманіе, воодушевленные новымъ планомъ, замѣнявшимъ для нихъ крестовый походъ. Ихъ взоры обратились на Польшу, куда указывала дорогу мученическая смерть Адельберта. Герцогъ Болеславъ, отличавшійся геройскимъ духомъ, казался имъ именно такимъ человѣкомъ, который можетъ осуществить самыя смѣлыя желанія Рима.

Гауденцій, сведенный братъ Адельберта, и священникъ Бенедиктъ, единственные свидѣтели смерти Адельберта, возвратились около этого времени въ Римъ и были избраны орудіями къ тому, чтобы Польшу обратить въ римскую провинцію. Папа посвятилъ Гауденція въ архіепископы; его епископство должно было сдѣлаться метрополіей польской церкви, поставленной подъ покровительство св. Адельберта. Въ то же самое время въ монастырѣ св. Бонифація, по волѣ императора, было составлено жизнеописаніе Адельберта, другомъ послѣдняго Іоанномъ Канапаріемъ; папа придалъ этому сочиненію церковный авторитетъ. Только тогда впервые Римъ началъ отъ себя причислять къ лику святыхъ, и изъявлять притязанія на то, чтобы такія канонизаціи имѣли значеніе для всей церкви. Первый, канонизированный такимъ образомъ (въ 993 году), былъ нѣмецкій епископъ Ульрикъ, второй-же богемецъ Адельбертъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ усердно продолжалъ постройку церкви Адельберта на островѣ р. Тибра, а самъ готовился къ переходу черезъ Альпы, чтобы имѣть возможность совершить путешествіе ко гробу Адельберта и учредить новое архіепископство въ Польшѣ.

Около половины декабря 999 года, Оттонъ оставилъ Римъ и отправился въ Равенну, гдѣ онъ отпраздновалъ Рождество Христово. Напрасно папа старался задержать его въ Италіи. На его настоятельное письмо, Оттонъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ дольше переносить климата Италіи, и долженъ отправиться въ Германію, но что, не смотря на эту разлуку, духомъ онъ постоянно будетъ близокъ къ

папѣ, котораго защиту онъ поручилъ итальянскимъ князьямъ, и назначилъ своимъ намѣстникомъ Гуго, маркграфа Тусціи. Папа долженъ былъ подчиниться, и императоръ, въ сопровожденіи римскаго патриція Ціацо и многихъ другихъ римскихъ вельможъ, а также папскаго архидіакона и многихъ кардиналовъ, въ январѣ 1000 года отправился за Альпы.

В. Гизебрехтъ.

Geschichte der deutschen Kaiserzeit. I, 672—726 стр.

Гизебрехтъ (Wilh. Giesebrecht), современный намъ историкъ и изслѣдователь нѣмецкой старины, принадлежитъ къ школѣ Ранке. Въ изданіи Пертца памятниковъ Германіи онъ принималъ постоянно дѣятельное участіе. Изъ его трудовъ первое мѣсто занимаетъ: „Исторія времени нѣмецкихъ императоровъ“ (Geschichte der deutschen Kaiserzeit. Braunschw. 1855. 2. изд. 1859—1862 г.), въ трехъ томахъ. Авторъ дѣлаетъ очеркъ судьбы германскаго народа, отъ временъ глубокой древности до начала X вѣка, и потомъ во всей подробности изслѣдуетъ эпоху Оттоновъ и Гейнриховъ, т.-е. X и XI столѣтія; первая часть третьяго тома доходитъ именно до 1077 года, когда въ первый разъ примирились Гейнрихъ IV и Гильдебрандъ. Этотъ трудъ Гизебрехта принадлежитъ къ числу лучшихъ произведеній исторической критики нашего времени.

36.—Церковныя реформы во Франціи и Гербертъ. 970—973.

(Въ 998 г.).

Въ первыхъ двухъ книгахъ и въ началѣ третьей до 22 главы, авторъ излагаетъ кратко древнюю судьбу Галліи до времени Карла Простого и короля Одо, откуда онъ начинаетъ говорить подробнѣе по лѣтописи Флодоардо и Гинкмара; но съ 22 гл. авторъ дѣлаетъ самостоятельное отступленіе по поводу событій своего монастыря, которое потому важнѣе всего предшествующаго въ его хроникѣ.

Книга третья.

22. По смерти архіепископа Реймскаго Ольдерика (969 г.), ему наслѣдуетъ *Адальберъ*, происходившій изъ высшей знати (сынъ Готфрида, графа Арденскаго) и въ то же время принадлежавшій къ братству Метцскихъ канониковъ. Онъ управлялъ архіепископствомъ столь же твердо, сколько и счастливо. Какъ благодѣтельна была его дѣятельность для окружавшихъ его, и какъ много перенесъ онъ несправедливостей отъ враговъ своихъ, все это составитъ содержаніе настоящаго разсказа. Немедленно послѣ своего возвышенія онъ обратилъ все вниманіе на украшеніе и отдѣлку своей церкви. Именно,

высокіе своды, которые начиная отъ входа, простирались почти надъ четвертою частью церкви, онъ приказалъ разобрать, вслѣдствіе чего не только вся церковь стала просторнѣе, но и видъ ея сдѣлался величественнѣе. Кости святого папы и мученика Каликса велѣлъ онъ, съ подобающею честію, поставить при самомъ входѣ въ церковь на видномъ мѣстѣ, и освятивъ тамъ алтарь, воздвигнулъ весьма приличную капеллу. Главный же алтарь украсилъ золотымъ крестомъ и окружилъ съ обѣихъ сторонъ блестящею рѣшеткою.

23. Кромѣ того, онъ приказалъ устроить не менѣе цѣнный переносный алтарь. Когда священникъ отправлялъ на немъ литургію, то по сторонамъ его, на четырехъ углахъ алтаря, находились эмблемы четырехъ евангелистовъ, которыхъ распростертыя крылья покрывали до половины двѣ стороны алтаря, а лица обращены были къ изображенію безпорочнаго агнца. Кажется, это было подражаніе носилкамъ Соломона. Онъ приказалъ также сдѣлать семираменный подсвѣчникъ, семь раменъ котораго выходящія изъ одного и того же стержня должны были обозначать семь даровъ благодати, исходящихъ отъ одного и того же духа. Также приказалъ онъ сдѣлать богато украшенный ковчегъ, чтобъ сохранять въ немъ жезлъ и манну небесную, т.-е. мощи святыхъ. Чтобы украсить церковь, велѣлъ онъ въ ней повѣсить дорогія паникадила; сверхъ того снабдилъ ее окнами, на которыхъ изображены были разнообразныя исторіи, и колоколами, которыхъ потрясающіе звуки напоминали громъ.

24. Каноникамъ, которые до тѣхъ поръ жили въ собственныхъ своихъ домахъ и занимались собственными своими дѣлами, онъ предписалъ жить общимъ хозяйствомъ. Съ этою цѣлью построилъ онъ, близъ монастыря, особое зданіе, въ которомъ каноники проводили цѣлый день вмѣстѣ, спальное зало, гдѣ они, въ величайшей тишинѣ, покоились, и столовую, въ которой имѣли общую трапезу. Далѣе онъ установилъ, чтобы они въ церкви во время божественной службы знаками только спрашивали о томъ, что имъ было нужно, если особые случаи не дѣлали необходимымъ отступленій отъ этого правила. Трапезу свою они должны были совершать всѣ вмѣстѣ и молча, а послѣ стола пропѣть благодарственную молитву во хвалу Господу. Послѣ вечерней молитвы имъ предписано было до заутрени наблюдать самое строгое молчаніе, утромъ же встать при ударѣ въ колоколъ и стараться одному передъ другимъ поспѣшить на молитву. До перваго часа дня никто не смѣлъ выйти изъ монастыря, кромѣ тѣхъ, которые должны были заботиться о дѣлахъ по своимъ должностямъ; и чтобы кто-нибудь по незнанію не упустилъ исполнить свою обязанность, учредилъ онъ такъ, что каждый день имъ должны были читаться постановленія св. Августина и правила отцовъ церкви.

25. Но съ какою истинною любовью и усердіемъ старался онъ о чистотѣ нравовъ монаховъ и удалялъ ихъ отъ обычаевъ мірянъ, тому нельзя достаточно воздать похвалъ. Ибо онъ не только прилагалъ старанія, чтобы заставить ихъ отличаться достоинствомъ правильной жизни, но и съ предусмотрительностію заботился, чтобы внѣшнія ихъ блага возрастали и никакимъ образомъ не терпѣли ущерба. Хотя онъ вообще очень былъ преданъ своему званію, однако,

съ особенною любовью покровительствовалъ монахамъ святого Ремигія, защитника франковъ. По-этому хотѣлъ онъ обезпечить и на будущее время ихъ имущество, и съ этою цѣлію отправился въ Римъ (971 г.), гдѣ блаженной памяти папа Іоаннъ (XIII) принялъ его съ большими почестями, какъ человѣка знатнаго, правдиваго и знаменитаго хорошею славою своей цѣломудренной жизни. Приглашенный папою, послѣ нѣсколькихъ бесѣдъ съ нимъ, онъ отправлялъ въ сообществѣ двѣнадцати другихъ епископовъ торжественную обѣдню въ день Рождества Господня. Папа былъ къ нему такъ милостивъ, что пригласилъ его объявить, не желаетъ-ли онъ чего-нибудь (972 г.).

26. Тогда этотъ знаменитый мужъ сказалъ ему слѣдующее: „Такъ какъ ты, святѣйшій отецъ, принялъ своего сына съ такою великою благостью и теперь его еще болѣе къ себѣ приближаешь, то я никакъ не намѣренъ обратиться къ тебѣ съ просьбою, исполненіе которой могло бы быть для тебя тягостно. Хотя я знаю, что любящему отцу иногда пріятно, когда сынъ безпокоитъ его, но я имѣю къ тебѣ просьбу, исполненіе которой отцу не будетъ тягостно, а просящему принесетъ большую пользу. Есть у меня въ Галліи, недалеко отъ города Реймса, мужской монастырь, гдѣ достойно покоятся и чествуются по заслугамъ пресвятыя кости праведнаго Ремигія, защитника франковъ. Такъ какъ я желалъ бы теперь устроить на твердыхъ основаніяхъ и на всѣ будущія времена состояніе этого монастыря, то я прошу васъ нынѣ утвердить то грамотою, данною вашимъ именемъ. Этою грамотою вашъ апостольскій санъ обезпечилъ бы и обезопасилъ за этими монахами ихъ воздѣланныя и невоздѣланныя земли, лѣса, пастбища, виноградники, фруктовые сады, источники и пруды, неприкосновенность ихъ стѣнъ, полную власть внутри и внѣ надъ ихъ деревнями, и, наконецъ, все ихъ движимое и недвижимое состояніе. Аббатство святого мученика Тимоѳея, которое, какъ всѣмъ извѣстно, находится въ моемъ распоряженіи, уступаю я также имъ, съ тѣмъ, чтобы доходы его были употребляемы на бѣдныхъ, и чтобы рабы божіи въ монастырѣ вспоминали о насъ, чему я беру васъ и присутствующихъ здѣсь епископовъ во свидѣтели. Пусть это аббатство будетъ присоединено къ вышеупомянутымъ имуществамъ, перейдетъ въ законное владѣніе святого Ремигія, и также какъ его собственность пусть будетъ укрѣплено за нимъ вашимъ приговоромъ“.

27. На это папа отвѣчалъ: „Охотно соглашаюсь я, чтобъ собственность заступника нашего Ремигія, приговоромъ нашего апостольскаго престола, утверждена была и обезпечена на всѣ времена, а равно и на то, чтобы ты изъ своего прибавилъ къ ней, сколько тебѣ угодно. Я хочу также, чтобы изготовленная объ этомъ грамота утверждена была не только мною, но и присутствующими здѣсь епископами“. И тотчасъ онъ приказалъ составить грамоту и громко прочесть.

28. Въ ней сказано было слѣдующее: „Іоаннъ слуга слугъ божьихъ [1])...

29. Когда грамота эта всѣмъ присутствующимъ была прочитана, папа утвердилъ ее своею печатью и передалъ для подписи еписко-

---

[1]) Страница, на которую авторъ внесъ папскую грамоту, затеряна въ манускриптѣ.

памъ. Затѣмъ, архіепископъ распрощался съ папою и епископами и отправился прямою дорогою обратно въ Галлію, полный благоговѣнія, ко гробу святого Ремигія, которому и передалъ письменную грамоту въ собраніи монаховъ. Монахи же, принявъ ее, унесли въ свой архивъ, чтобъ тамъ сохранять, и благодарили по заслугамъ за эту великую милость.

30. Черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ того, этотъ же архіепископъ созвалъ епископовъ въ Монтъ-Нотръ-Дамъ [1]) (Mont-Notre-Dame), въ Реймской епархіи (972 г.). Когда епископы заняли мѣста и опредѣлили тѣ вопросы относительно собора и святой церкви, которые должны были ихъ занять, архіепископъ открылъ засѣданіе слѣдующею рѣчью: „Такъ какъ мы, достопочтенные отцы, благодатію святого духа собрались здѣсь и постановили, что намъ казалось полезнымъ для блага святой церкви, то мнѣ остается еще только сказать вамъ о дѣлѣ, которое очень близко моему сердцу и принесетъ большую пользу какъ теперь, такъ и на будущее время, нѣкоторымъ изъ сыновъ нашей церкви; и это дѣло я считаю себя обязаннымъ сообщить вашему достоинству, чтобы вы также его утвердили. Какъ вы знаете, семь мѣсяцевъ тому назадъ, я путешествовалъ въ Италію и прибылъ въ Римъ. Тамъ папа Іоаннъ не только допустилъ меня на аудіенцію, но даже съ добротою и довѣрчиво говорилъ со мною и предложилъ просить у него, чего я желаю. Я считалъ приличнымъ просить его, чтобы онъ грамотою своей апостольской власти взялъ подъ свою защиту противъ всякаго насилія владѣніе господина нашего и заступника Ремигія, и чтобъ присоединилъ къ нему принесенное мною въ даръ аббатство святого мученика Тимоѳея. Онъ согласился на это безъ возраженій и велѣлъ составить грамоту. Она прочтена была передъ двѣнадцатью епископами и подписана ими. Эту грамоту съ папскою печатью нынѣ я предлагаю подписать вамъ, чтобъ она, по большему числу подписей, имѣла бòльшую силу, и чтобы какой злоумышленникъ не сталъ ее когда нибудь оспаривать. Потому хочу я, чтобы и вы утвердили ее“. Собраніе отвѣчало: „Мы ее утвердимъ“. Тогда архіепископъ вынесъ грамоту; она прочтена была передъ собраніемъ и передана епископамъ, которые одинъ за другимъ утвердили ее своими подписями. Послѣ того, грамоту взяли монахи, которые были здѣсь, и отнесли ее обратно въ архивъ монастыря.

31. Между многими другими полезными разсужденіями па этомъ соборѣ, архіепископъ началъ рѣчь и о монастырской дисциплинѣ и жаловался въ весьма трогательныхъ выраженіяхъ, что правила установленныя предками искажаются многими и измѣняются. По его предложенію, присутствовавшіе тамъ епископы опредѣлили, чтобы собрались аббаты изъ нѣсколькихъ монастырей, и совѣщались по этому предмету. Мѣсто и время этого собранія тотчасъ же были назначены, и соборъ разошелся.

32. Когда наступило то время, аббаты собрались. Предсѣдателемъ и примасомъ между ними былъ избранъ праведный Рудольфъ, аббатъ монастыря святого Ремигія. Когда онъ какъ предсѣдатель и

---

[1]) Близъ Соассона.

ораторъ занялъ свое мѣсто, другіе помѣстились около рядами. Архіепископъ же сѣлъ противъ него на креслѣ и, по просьбѣ примаса и другихъ аббатовъ открылъ совѣщаніе слѣдующею рѣчью:

33. „Высокую важность имѣютъ, достопочтенные отцы, собранія людей съ добрыми намѣреніями, потому что добродѣтель есть цѣль ихъ общихъ стремленій. Они устраиваютъ не только земныя нужды, но и дѣла благочинія. Напротивъ того, пагубно бываетъ, если собираются злонамѣренные, чтобы выдумывать и приводить въ исполненіе то, что запрещено. Поэтому увѣщеваю васъ, — васъ, которые, какъ я вѣрю, собрались во имя Господа, чтобъ вы стремились къ самымъ лучшимъ цѣлямъ, и предостерегаю васъ, чтобы не давали въ себѣ мѣста никакой злой мысли. Вы не должны склонять уха къ земнымъ радостямъ и дружбѣ, потому что черезъ это нарушается право, подавляется справедливость.

„Какъ говорятъ, дисциплина вашего ордена чрезвычайно удалилась отъ древняго благочинія; ибо въ исполнеіи самаго орденскаго устава вы между собою несогласны; каждый изъ васъ другого желаетъ и другое думаетъ. Поэтому я считалъ полезнымъ убѣждать васъ, собранныхъ здѣсь по милости господней, къ единодушію въ волѣ, помышленіяхъ и дѣлахъ, чтобъ одинаковою волею, одинакими помышленіями и одинакими дѣлами возстановлена была упадшая добродѣтель, и самымъ безпощаднымъ образомъ былъ изгнанъ позоръ грѣховный“.

34. На это примасъ-аббатъ отвѣчалъ: „Святѣйшій отецъ! то, что ты объявилъ намъ здѣсь, должно быть глубоко запечатлѣно въ нашей памяти, потому что ты столько же стараешься заботиться о нашемъ тѣлесномъ благосостояніи, сколько и о спасеніи души. Признано всѣми, что тѣ только могутъ снискать славу добродѣтельной жизни, которые одушевлены духомъ, стремящимся къ добру и избѣгающимъ злого. Мы открыто навлекли на себя злые пересуды потому, что уклонились нѣкоторымъ образомъ съ прямого пути, и заслуживаемъ тѣмъ болѣе порицанія, что не бѣдность насъ привела къ паденію, не нужда насъ къ тому принудила.

35. „Ибо какая сила довела насъ до того, что монахъ, назначенный служить Господу въ стѣнахъ своего монастыря, имѣетъ кума и называется крестнымъ отцемъ? О! какъ мало прилично это нашему званію! Ибо, посмотрите только: если монахъ есть крестный отецъ (собственно соотецъ), то отсюда, отъ вѣроятнаго къ достовѣрному, слѣдуетъ заключеніе, что онъ есть отецъ, вмѣстѣ съ отцемъ. Но если онъ отецъ, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что у него долженъ быть сынъ или дочь, а въ такомъ случаѣ его скорѣе можно назвать распутнымъ человѣкомъ нежели монахомъ. Но что я долженъ сказать о кумѣ? Понимаютъ ли міряне подъ этимъ словомъ, что нибудь другое, какъ только сообщницу стыда? Положимъ что это случается, и я не хочу теперь судить мірянъ, но порицаю то, чего не позволяется нашему званію. Такимъ образомъ, такъ какъ подобное совсѣмъ непристойно, то пусть будетъ оно строго запрещено вамъ“. На это достопочтенный архіепископъ сказалъ: „Если соборъ находитъ справедливымъ, то это должно быть запрещено“.

Соборъ объявилъ: „Это должно быть запрещено". По общему согласію, это и было запрещено именемъ архіепископа.

36. Примасъ началъ говорить вторично: „Я хочу, сказалъ онъ, указать еще на другое, что вредитъ нашему званію. Нѣкоторые монахи изъ давняго времени привыкли выходить одни изъ монастыря; одни, безъ свидѣтеля ихъ поведенія, они находятся внѣ стѣнъ монастырскихъ, и, что всего хуже, выходятъ не прося благословенія братій и возвращаются такимъ же образомъ. Понятно, что тѣ, которыхъ не защищаетъ благословеніе молящихся братій, легче подвергаются искушенію. Вотъ откуда происходитъ, что недоброжелательные къ намъ люди осуждаютъ насъ за распутную жизнь, испорченные нравы и корыстолюбіе. Такимъ клеветамъ мы подвергаемся тѣмъ больше, что не можемъ представить свидѣтеля, чтобы опровергнуть ихъ. Это также пусть будетъ запрещено вашимъ приговоромъ". Соборъ изрекъ: „Да будетъ запрещено", И достопочтенный архіепископъ прибавилъ: „И это мы запрещаемъ нашею властью".

37. И многое другое прибавилъ къ этому примасъ: „Такъ какъ, сказалъ онъ, я началъ указывать слабости, которыми страдаетъ наше званіе, то думаю, что я ни о чемъ не долженъ умолчать, чтобы, когда эти слабости излѣчатся, наша благочестивая жизнь сіяла какъ свѣтило, котораго не потемняетъ ни одно облако. Именно, есть въ нашемъ званіи такіе, которые охотно покрываютъ свои головы шляпами, украшенными золотомъ, которые предпочитаютъ иностранные мѣха предписанному нашими правилами головному убору, и вмѣсто простого монашескаго платья надѣваютъ дорогія одежды. Они охотно носятъ купленные за дорогую цѣну кафтаны съ широкими рукавами и большими складками, и такъ крѣпко стягиваютъ ихъ поясомъ, что сзади все выдается, и ихъ скорѣе можно принять за безстыдныхъ женщинъ, чѣмъ за монаховъ.

38. „Но что я долженъ сказать о цвѣтѣ ихъ одеждъ? Ихъ ослѣпленіе простирается такъ далеко, что о заслугахъ и достоинствѣ судятъ они по цвѣту матеріи. Если имъ платье не нравится по своему черному цвѣту, то они ни за что его не надѣнутъ. Если ткачъ къ черной матеріи примѣшалъ бѣлой шерсти, то они пренебрегаютъ платьемъ. Даже коричневое платье презираютъ они. Не менѣе неприлична для нихъ и шерсть натурально черная; она должна быть искусственно окрашена: но довольно о платьѣ.

39. „Что я долженъ сказать о ихъ странныхъ башмакахъ? Въ этомъ отношеніи монахи такъ безразсудны, что по большей части они упускаютъ изъ виду пользу обуви. Башмаки свои они приказываютъ дѣлать такъ узко, что ноги ихъ сжаты, какъ въ колодкѣ, и они едва могутъ ступать. Спереди къ нимъ они приставляютъ носки, и по обѣимъ сторонамъ ушки, и чрезвычайно заботятся, чтобы они плотно сидѣли на ногѣ; отъ слугъ же своихъ требуютъ, чтобы тѣ обладали особымъ искусствомъ придавать башмакамъ зеркальный блескъ.

40. „Долженъ ли я умолчать о ихъ дорогихъ тканяхъ и мѣховыхъ одеждахъ? Наши предки, по особому снисхожденію, разрѣшили употребленіе мѣховъ, но къ намъ и въ этомъ отношеніи прокрался

грѣхъ безполезной роскоши. Нынѣ они обшиваютъ свои иностранныя мѣха каймами, въ двѣ пяди шириною, и покрываютъ ихъ норическимъ сукномъ. Употребленіе льняныхъ простынь никоимъ образомъ не дозволяется; однако, нѣкоторые, забывающіе свои обязанности, монахи и это присоединили къ своей безполезной роскоши; а какъ число подобныхъ въ различныхъ монастыряхъ очень велико, то примѣръ большого числа злыхъ прельстилъ и немногихъ добрыхъ.

41. „Но что я долженъ сказать о ихъ неприличномъ нижнемъ платьѣ? Ихъ панталоны имѣютъ иногда шесть футовъ ширины и, по тонкости матеріи, не скрываютъ частей ихъ тѣла отъ взоровъ. Одинъ монахъ иногда не довольствуется кускомъ матеріи, который былъ бы совершенно достаточенъ для двухъ. Все это я высказалъ открыто передъ вами; теперь вы объявите, думаете ли вы это запретить. Другія же злоупотребленія мы должны уничтожать тайно, каждый по его собственному усмотрѣнію". Соборъ произнесъ: „Все это должно быть запрещено".

42. Затѣмъ, архіепископъ сказалъ: „Вы съ намѣреніемъ упомянули о нѣкоторыхъ злоупотребленіяхъ, а нѣкоторыя прошли молчаніемъ. Вы полагаете, что изъ того, что́ заслуживаетъ порицанія въ нашемъ сословіи, одно слѣдуетъ намъ исправить сообща, а другое предоставить заботамъ каждаго изъ васъ. Я соглашаюсь съ этимъ мнѣніемъ и хвалю его. Поэтому, въ силу нашей власти, мы запрещаемъ то, что ваше достоинство желали, чтобъ было запрещено. Что же касается до того, что̀ вы прошли молчаніемъ, это я предоставляю каждому исправить собственными своими мѣрами". Послѣ этой рѣчи соборъ разошелся, и съ того времени нравы монаховъ замѣтно улучшились. Умный архіепископъ при этомъ также содѣйствовалъ имъ къ исполненію ихъ обязанностей увѣщаніями и поученіемъ. Но чтобы исполнить свое высокое призваніе во всѣхъ отношеніяхъ, онъ также заботился и о томъ, чтобы сыны его церкви обучались свободнымъ искусствамъ.

43. Въ то время, когда онъ о томъ размышлялъ, прибылъ къ нему, какъ будто посланный божествомъ, *Гербертъ*, человѣкъ великаго ума и одаренный удивительнымъ краснорѣчіемъ, который впослѣдствіи, какъ ясный свѣтильникъ, разливалъ яркій свѣтъ на всю Галлію. Онъ происходилъ изъ Аквитаніи, и съ самаго дѣтства воспитывался и обучался грамматикѣ въ монастырѣ св. исповѣдника Герольда [1]). Среди этихъ занятій онъ достигъ юношества, когда посѣтилъ тотъ монастырь, для молитвы, Боррель, герцогъ по сю сторону лежащей Испаніи [2]). Аббатъ принялъ его самымъ почетнымъ образомъ и во время разговора съ нимъ спросилъ его: нѣтъ-ли въ Испаніи людей, достигшихъ совершенства въ свободныхъ искусствахъ. Такъ какъ герцогъ отвѣчалъ ему утвердительно, то аббатъ просилъ его взять изъ монастыря одного изъ его монаховъ, чтобы обучить его такимъ наукамъ. Герцогъ охотно готовъ былъ исполнить просьбу, и поэтому, съ согласія братіи, ему отданъ былъ Гер-

---

[1]) Монастырь Орилльякъ, въ Оверни.

[2]) Графъ Ужеля, а послѣ Барселоны.

бертъ, котораго онъ поручилъ епископу Гатто [1]). Тамъ съ ревностію и большимъ успѣхомъ Гербертъ занимался математикою. Но Богъ, опредѣлившій, что-бы Галлія, покрытая тогда мракомъ, озарена была бо́льшимъ свѣтомъ, побудилъ герцога и епископа отправиться на поклоненіе въ Римъ. Сдѣлавъ необходимыя приготовленія къ путешествію, пустились они въ дорогу и взяли съ собою ввѣреннаго имъ юношу. Въ Римѣ, помолившись на гробѣ св. апостоловъ, представились они, блаженной памяти, папѣ (Іоанну) [2]) и, исполненные радости, сообщили ему, что́ считали нужнымъ, о своихъ дѣлахъ.

44. Отъ папы не скрылись прилежаніе и любознательность юноши. Такъ какъ въ Италіи въ то время музыка и астрономія были совершенно неизвѣстны, то папа немедленно увѣдомилъ Оттона (I), короля Германіи и Италіи, что въ Римъ прибылъ молодой человѣкъ, въ совершенствѣ знающій математику, и который въ состояніи превосходно преподавать ее. Король тотчасъ же далъ папѣ порученіе удержать этого юношу при себѣ и ни въ какомъ случаѣ не отпускать его назадъ. Тогда папа открылъ дружески герцогу и епископу, что король желаетъ, на нѣкоторое время, удержать молодого человѣка при себѣ, что въ непродолжительномъ времени онъ отошлетъ его къ нимъ, и окажетъ за то свою признательность. Герцогъ и епископъ, подъ этимъ обѣщаніемъ, согласились, чтобъ Гербертъ остался, а сами возвратились назадъ, въ Испанію. Папа же, при которомъ остался Гербертъ, представилъ его королю. Когда послѣдній спрашивалъ о его искусствѣ, Гербертъ отвѣчалъ, что въ математикѣ онъ достаточно свѣдущъ, но онъ желалъ бы еще изучить и логику. Такъ какъ онъ стремился достигнуть того, то пробылъ тамъ учителемъ недолго.

45. Въ то время Геранній, архидіаконъ Реймскій, считался самымъ лучшимъ учителемъ логики. Лотарь, король франковъ, отправилъ его около того же времени посланникомъ къ Оттону, королю Италіи. Обрадованный прибытіемъ такого человѣка, Гербертъ пошелъ къ королю и достигъ того, что отданъ былъ въ ученіе тому архидіакону. Онъ сопровождалъ нѣкоторое время Гераннія и отправился съ нимъ въ Реймсъ. Тамъ онъ изучалъ у него логику и въ короткое время сдѣлалъ большіе успѣхи. Гераннй, напротивъ того, прилежно занимался математикою, но отъ изученія музыки удержанъ былъ трудностью этого искусства. Между тѣмъ, Гербертъ былъ рекомендованъ вышеупомянутому архіепископу, какъ великій ученый, и пріобрѣлъ его расположеніе гораздо въ большей степени, чѣмъ всѣ другіе. Вслѣдствіе того, по его просьбѣ, архіепископъ передалъ ему толпы учениковъ, чтобы обучать ихъ свободнымъ искусствамъ.

46. И такъ, онъ преподавалъ діалектику, по порядку книгъ, и объяснялъ ее весьма толково. Онъ началъ съ *Исагогъ*, т.-е. Введеній Порфирія [3]), по переводу ритора Викторина, и потомъ, по переводу

---

[1]) Епископъ Виха.

[2]) Іоанну XIII. Авторъ оставилъ въ рукописи пробѣлъ; вѣроятно, онъ хотѣлъ послѣ справиться, кто былъ въ то время папою, но забылъ.

[3]) Т.-е. къ категоріямъ Аристотеля.

Манлія [1]). Далѣе, объяснялъ книгу Аристотеля о категоріяхъ или предикаментахъ, и искуснымъ образомъ познакомилъ своихъ учениковъ съ трудностями книги о *Періерменіи*, т.-е. объ изъясненіи. Вслѣдъ за тѣмъ преподавалъ имъ *Топику*, т.-е. ученіе объ источникахъ доказательствъ, которое Туллій перевелъ на латинскій языкъ съ греческаго, а консулъ Манлій объяснилъ комментаріемъ въ шести книгахъ.

47. Столь-же старательно читалъ и объяснялъ онъ четыре книги о топическихъ различіяхъ, двѣ книги о категорическихъ, и три книги о гипотетическихъ заключеніяхъ, книгу объ опредѣленіяхъ и книгу о раздѣленіяхъ. Но когда онъ, послѣ этихъ работъ съ своими учениками, хотѣлъ перейти къ риторикѣ, то замѣтилъ, что успѣхи въ ораторскомъ искусствѣ невозможны безъ предварительнаго, хорошаго знакомства съ различными способами выраженій, которое можно было пріобрѣсти только изъ поэтовъ. Потому онъ принялся за поэтовъ, знаніе которыхъ считалъ нужнымъ, прочелъ и объяснилъ Марона (Виргилія), Стація и Теренція, а также сатириковъ Ювенала, Персія и Горація, равно какъ и историка Лукана. Когда же ученики его совершенно съ ними ознакомились и усвоили ихъ способы выраженія, онъ повелъ ихъ далѣе къ риторикѣ.

48. Когда же они и этому также выучились, онъ далъ имъ въ руководство софиста для того, чтобы они при немъ упражнялись въ диспутахъ и пріучались поступать, по правиламъ искусства, но такъ, какъ будто бы они говорили безъ искусства, что считалось величайшею похвалою оратору.

49. Довольно о логикѣ. Но, мнѣ кажется, не будетъ неумѣстнымъ разсказать также, какъ много онъ трудился надъ математикою. Во-первыхъ, онъ обучалъ ариѳметикѣ, которая составляетъ первую часть математики, тѣхъ, которые оказались къ тому способными. Потомъ, онъ перешелъ къ музыкѣ, о которой въ Галліи въ продолженіи долгаго времени ничего не знали, и сдѣлалъ свѣденія о ней общимъ достояніемъ. Онъ обозначилъ различныя ноты на монокордѣ, показалъ ихъ созвучіе въ тонахъ, полутонахъ, двойныхъ и четвертныхъ нотахъ, соединилъ тоны по правиламъ искусства въ аккорды и распространилъ такимъ способомъ самыя полныя познанія о музыкѣ.

50. Далѣе, не безполезно будетъ разсказать также, съ какими тяжелыми усиліями достигъ онъ пониманія астрономіи, чтобы читатель ясно могъ себѣ представить умъ этого великаго человѣка и прійти въ восторгъ отъ той цѣлесообразности, съ которою устроены были его снаряды. Хотя астрономія едва доступна человѣческому пониманію, однако, онъ сдѣлалъ ее къ всеобщему удивленію удобопонятною съ помощью нѣкоторыхъ инструментовъ. Во-первыхъ, изъ твердаго, круглаго куска дерева, онъ сдѣлалъ изображеніе небеснаго шара и на этомъ маленькомъ шарѣ показалъ пропорцію большого. Онъ поставилъ оба полюса косвенно къ горизонту и на верхнемъ полюсѣ помѣстилъ сѣверныя, а на нижнемъ южныя созвѣздія. Положеніе

[1]) Т.-е. Боэція.

шара онъ опредѣлилъ посредствомъ круга, который греки называютъ horison, а латины circulus limitis или determitans, потому что онъ составляетъ пограничную линію между видимыми и невидимыми звѣздами. Поставивъ этотъ шаръ въ горизонтѣ, такимъ образомъ, чтобы онъ могъ представить удобно и съ наглядною ясностію восхожденіе и захожденіе звѣздъ, тѣмъ, которые способны понять, объяснилъ онъ устройство вселенной и руководилъ ихъ въ познаніи созвѣздій. Ночью, когда звѣзды блистали, наблюдалъ онъ ихъ и побуждалъ своихъ учениковъ, чтобы они замѣчали косвенный путь звѣздъ въ различныхъ странахъ неба, какъ при восхожденіи, такъ и при захожденіи ихъ.

51. Круги, которые греки называютъ параллелями, а латинцы aequistantes, равноотстоящими, и которые, безъ сомнѣнія, существуютъ только въ воображеніи, онъ сдѣлалъ также наглядными посредствомъ слѣдующаго снаряда. Онъ приготовилъ полукругъ, который былъ прорѣзанъ проведеннымъ прямо діаметромъ; діаметръ же этотъ изобразилъ онъ трубочкой, концы которой должны были представлять оба полюса, сѣверный и южный. Потомъ раздѣлилъ онъ полукругъ, отъ одного полюса къ другому, на тридцать частей и при шестой части, считая отъ полюса, придѣлалъ трубочку, которая должна была обозначать полярный кругъ. Затѣмъ, отсчиталъ онъ еще пять частей и придѣлалъ другую трубочку, чтобъ обозначить лѣтній поворотный кругъ. Отъ него отсчиталъ онъ опять четыре части и придѣлалъ опять трубочку, чтобъ наглядно представить кругъ равноденствія. Остальное пространство къ южному полюсу раздѣлилъ онъ такимъ же образомъ. Направивши діаметръ къ полюсу и поворачивая полукругъ кверху, онъ, посредствомъ этого орудія, сдѣлалъ возможнымъ глубоко напечатлѣть въ памяти и дать ясное понятіе о кругахъ, которые невидимы тѣлеснымъ взорамъ.

52. Пути движущихся звѣздъ совершаются въ пространствѣ небеснаго свода, но по противоположному направленію. Однако, его пытливому уму удалось изобрѣсти инструментъ, чтобъ сдѣлать и ихъ ясными. Именно, для того онъ приготовилъ, во-первыхъ, круговой шаръ, т.-е. такой, который состоялъ изъ кругообразныхъ обручей. Въ немъ соединилъ онъ два круга, которые греки называютъ *колурами*, а латины circuli incidentes, потому что они взаимно пересѣкаются, и на точкахъ пересѣченія ихъ помѣстилъ полюсы. Потомъ, положилъ онъ пять другихъ круговъ, которые называются параллельными кругами, поперегъ колуровъ, такъ что полукругъ, отъ полюса къ полюсу, раздѣлился на тридцать частей, и не случайно, и въ безпорядкѣ, но изъ тридцати частей полукруга онъ отсчиталъ отъ полюса къ первому кругу шесть частей, потомъ ко второму — пять, оттуда къ третьему — четыре, отъ третьяго къ четвертому тоже четыре, отъ четвертаго къ пятому кругу пять, и отъ пятаго круга къ другому полюсу шесть частей. Черезъ эти круги положилъ онъ потомъ косвенно кругъ, который греки называютъ loxos или zoe, а латины circulus obliquus или vitalis, потому что заключающіяся въ немъ созвѣздія имѣютъ видъ живыхъ твореній. Внутри этого косвеннаго круга онъ помѣстилъ, съ удивительнымъ искусствомъ, пути планетъ. Ученикамъ же своимъ онъ объяснилъ съ большою основательностью,

что такое были абсиды [1]), какъ велика была высота планетъ, и разстоянія ихъ одной отъ другой. Однако, объяснять, какимъ образомъ все это дѣлалось, было бы слишкомъ пространно, потому что отвлекло бы насъ отъ нашего предмета.

53. Кромѣ того, приготовилъ онъ еще другой круговой шаръ. Въ внутреннемъ пространствѣ его онъ не помѣстилъ никакого круга, но на поверхности его прикрѣпилъ изображенія созвѣздій изъ желѣзныхъ и мѣдныхъ проволокъ. Вмѣсто оси продѣлъ онъ чрезъ этотъ шаръ трубку, которую слѣдовало наводить на небесный полюсъ для того, чтобы, когда она будетъ наведена, снарядъ этотъ могъ быть приведенъ въ положеніе, соотвѣтствующее положенію неба. Этимъ дѣлалось то, что подъ каждымъ небеснымъ созвѣздіемъ на шарѣ находилось соотвѣствующее изображеніе. При этомъ, по истинѣ божественно было, что даже несвѣдующій въ этомъ искусствѣ, съ помощью этого шара, какъ только ему показывали одно созвѣздіе, въ состояніи былъ найти всѣ другія, безъ помощи учителя. И этимъ средствомъ обучалъ онъ своихъ учениковъ безъ гнѣва. Однако, довольно объ астрономіи.

54. Не менѣе заботливости также обращалъ онъ и на преподаваніе геометріи. Какъ предуготовленіе къ ней, сдѣлалъ онъ, подобно тому, какъ дѣлаютъ мастера щитовъ, счетную доску, которая была приспособлена къ раздѣленію на многія клѣтки. Эту доску раздѣлилъ онъ вдоль на 27 четвероугольниковъ, и на нихъ размѣстилъ девять знаковъ, которыми могли быть выражены всевозможныя числа. Одинаковой формы съ этими знаками приготовилъ онъ потомъ тысячу фигуръ изъ рога, которыми, ставя ихъ то такъ, то иначе, на 27 четвероугольниковъ счетной доски, онъ изображалъ дѣленіе и умноженіе всякаго числа; и притомъ, знаки эти съ такимъ небольшимъ трудомъ дѣлили и помножали всевозможныя числа, что, по причинѣ огромнаго количества счетныхъ знаковъ, легче понять, какимъ образомъ онъ поступалъ при этомъ, нежели описать словами. Но, кто желаетъ получить о томъ болѣе полныя свѣденія, тотъ пусть читаетъ книгу, которую онъ самъ написалъ одному грамматику Константину, потому что въ ней можно найти все удовлетворительно и подробно объясненнымъ.

56. Гербертъ занимался преподаваніемъ съ большимъ усердіемъ, и число его учениковъ ежедневно возрастало. Къ этому слава о такомъ великомъ учителѣ распространилась не только по Галліи, но и между германскими народами. Она проникла даже за Альпы и наполнила собою Италію до Тирренскаго и Адріатическаго морей. Въ это время въ Саксоніи былъ знаменитый учитель Отрикъ. Когда онъ услышалъ о славѣ нашего философа и узналъ, что, при всякомъ изложеніи своего ученія, онъ раздѣлялъ предметъ соотвѣтственнымъ образомъ, то обнаружилъ желаніе имѣть изъ школы этого философа нѣсколько примѣровъ такихъ дѣленій, а въ особенности дѣленія философіи, потому что, по правильности ея дѣленія, онъ легче всего

---

[1]) Точки, въ которыхъ планеты достигаютъ наибольшей и наименьшей высоты, апогей и перигей.

могъ-бы узнать, дѣйствительно ли обладаетъ истинною мудростію человѣкъ, о которомъ говорятъ, что онъ преподаетъ философію и учитъ о божественныхъ и человѣческихъ дѣлахъ. Вслѣдствіе того, посланъ былъ въ Реймсъ одинъ саксонецъ, казавшійся способнымъ для этого дѣла. Онъ присутствовалъ при преподаваніи Герберта и старательно замѣчалъ, какъ онъ раздѣлялъ науки, но перемѣшалъ распредѣленіе частей, въ особенности же то, которое вполнѣ обнимало всю философію.

56. Именно, Гербертъ физику считалъ равною съ математикою, а саксонецъ подчинилъ физику математикѣ, какъ видъ роду. Неизвѣстно, сдѣлалъ ли онъ это по ошибкѣ, или съ намѣреніемъ. Такимъ образомъ, этотъ отчетъ, вмѣстѣ со многими другими дѣленіями, былъ доставленъ Отрику (979 г.). Отрикъ, разсмотрѣвъ его съ большимъ вниманіемъ, выступилъ передъ учениками своими съ ложнымъ обвиненіемъ, что Гербертъ подраздѣляетъ науки неправильно, потому что сообщенный ему отчетъ содержитъ въ себѣ ложное положеніе, по которому онъ два равные вида подчиняетъ одинъ другому, какъ видъ роду. На этомъ основалъ Отрикъ дерзкое обвиненіе, что Гербертъ совсѣмъ не знаетъ философіи. Онъ говорилъ, что Гербертъ очевидный невѣжа въ томъ, на чемъ основывается познаніе божественныхъ и человѣческихъ дѣлъ, и безъ чего никто не имѣетъ права философствовать. Онъ понесъ тотъ отчетъ во дворецъ и въ присутствіи имиератора (Оттона II), объяснилъ его людямъ, считавшимся самыми свѣдущими. Но императоръ, который самъ обращалъ большое вниманіе на такіе вопросы, удивился, что Гербертъ могъ впасть въ заблужденіе, ибо онъ самъ видѣлъ этого человѣка и не разъ слышалъ его преподаваніе. Поэтому онъ очень желалъ получить отъ него свѣденія относительно того предмета. Скоро представилось къ тому благопріятное обстоятельство.

57. Адальберъ, достопочтенный архіепископъ реймскій, отправился въ слѣдующемъ году съ Гербертомъ въ Римъ, и въ Павіи встрѣтился съ императоромъ и Отрикомъ. Императоръ принялъ его съ почестями и, отправляясь на кораблѣ внизъ по теченію По, въ Равенну, взялъ его съ собою. При наступленіи удобнаго времени, всѣ свѣдующіе люди, которые тамъ находились, по приказанію императора, были созваны во дворецъ (980 г.). На зовъ этотъ явился только-что упомянутый достопочтенный архіепископъ, а также и Адсо, аббатъ Мутье [1]). Отрикъ, въ предъидущемъ году выступившій, какъ порицатель Герберта, также присутствовалъ тамъ. Оказалось при этомъ и значительное число учениковъ, любопытство которыхъ возбуждено было предстоящимъ ученымъ состязаніемъ, и которые едва себѣ могли представить, что кто-нибудь можетъ осмѣлиться бороться съ Отрикомъ. Имераторъ же весьма хитро устраивалъ приготовленія къ этому состязанію, потому что ему хотѣлось, чтобъ Гербертъ встрѣтился съ Отрикомъ, неприготовясь, и, по неожиданности нападенія, тѣмъ съ большею ревностію къ диспуту вступилъ въ борьбу. Отрику же онъ посовѣтовалъ предложить много разнообразныхъ вопросовъ и

---

[1]) Землякъ и другъ Герберта, знаменитый своею ученостью.

ни одного изъ нихъ не рѣшать. Когда мужи эти по порядку заняли свои мѣста, императоръ, которому посреди собранія приготовлено было возвышенное мѣсто, всталъ съ слѣдующими словами:

58. „Я полагаю, сказалъ онъ, что человѣческія знанія совершенствуются тщательнымъ размышленіемъ и упражненіями, и когда преподаются изучающимъ науки учеными мужами въ должномъ порядкѣ и разумною рѣчью, ибо мы часто погрязаемъ въ лѣности, но когда предложенные намъ вопросы возбуждаютъ насъ, мы тотчасъ обращаемся къ цѣлительному размышленію. Этимъ способомъ ученые мужи развили познанія вещей, передали другимъ свои открытія, записали въ книгахъ и оставили намъ для достославнаго подражанія. Займемся же равнымъ образомъ и мы изученіемъ нѣкоторыхъ вопросовъ, разсмотрѣніе которыхъ даже высокому уму можетъ дать еще бóльшую твердость убѣжденій. И чего-же лучше, займемся обозрѣніемъ раздѣленія философіи, которое въ предъидущемъ году было намъ представлено. Обратите всѣ на него глубокое вниманіе, и потомъ пусть каждый объявитъ, чтò онъ въ немъ находитъ достойнымъ одобренія или порицанія. Если въ немъ не окажется никакого недостатка, то пусть оно будетъ утверждено вашимъ общимъ рѣшеніемъ. Но если вамъ покажется, что его слѣдуетъ исправить, то пусть ученые мужи или произнесутъ надъ нимъ осуждающій его приговоръ, или какъ слѣдуетъ исправятъ. Пустѣ теперь подадутъ намъ таблицу, на которой мы могли бы его разсмотрѣть". Тогда Отрикъ вынулъ таблицу, объявилъ, что дѣленіе это, высказанное Гербертомъ, было замѣчено и записано его слушателями, и подалъ его государю и императору для прочтенія. Оно было прочитано и передано Герберту. Гербертъ просмотрѣлъ его внимательно, частію призналъ правильнымъ, но частію отвергъ и вмѣстѣ съ тѣмъ утверждалъ, что онъ не дѣлалъ такого дѣленія.

59. Но когда императоръ требовалъ, чтобы онъ исправилъ въ немъ ошибки, Гербертъ сказалъ:

„Великій императоръ! Я вижу, что ты господинъ надъ всѣми здѣсь присутствующими; поэтому, какъ то и прилично, я повинуюсь твоему приказанію, не страшась злобы враговъ моихъ. Ихъ стараніемъ правильное раздѣленіе философіи, которое я недавно излагалъ въ ясныхъ и хорошо обдуманныхъ словахъ, искажено подчиненіемъ одного равноправнаго вида другому. Я говорю, что математика, физика, и теологія—науки, которыя стоятъ на одной степени и подчинены одному и тому-же роду. Признаки этого рода принадлежатъ всѣмъ тремъ въ равной мѣрѣ, и невозможно, чтобъ одинъ и тотъ-же видъ, разсматриваемый въ одномъ и томъ-же отношеніи, и равный другому виду того-же рода, подчиненъ былъ ему какъ видъ роду. Вотъ мое мнѣніе о томъ предметѣ. Впрочемъ, если кто-нибудь имѣетъ сказать что-нибудь противъ того, то пусть изложитъ свои основанія и пусть сдѣлаетъ для насъ понятнымъ то, чтò, по самымъ законамъ природы, до настоящаго времени, ни одному человѣку не казалось возможнымъ.

60. По знаку императора началъ говорить Отрикъ: „Ты, сказалъ онъ, упомянулъ о нѣкоторыхъ частяхъ философіи въ нѣсколькихъ сло-

вахъ; но, кромѣ, того необходимо еще, чтобы ты обстоятельно раздѣлилъ философію на ея части и доказалъ свое раздѣленіе. Только тогда, т.-е. сдѣлавъ основанное на доказательствахъ раздѣленіе, возможно будетъ тебѣ отклонить отъ себя подозрѣніе, которое наводитъ на тебя этотъ ошибочный отчетъ". На это Гербертъ отвѣчалъ: „Хотя это великое дѣло, такъ какъ оно обнимаетъ собою всю истину въ божественныхъ и человѣческихъ дѣлахъ, однако, чтобъ не подвергнуться обвиненію въ нерадивости и для пользы того или другого изъ моихъ слушателей, я не пожалѣю никакихъ трудовъ, и изложу предметъ, по раздѣленію Викторина и Боэція. И такъ, философія есть родъ; виды ея—философія практическая и теоретическая. Въ свою очередь, видами практической философіи я считаю экономику, политику и этику. Подъ теоретической-же философіею мы понимаемъ, и имѣемъ на это полное право, науку о природѣ, физику, науку разсудка, математику, и науку разума, богословіе. И опять мы не безъ основанія ставимъ математику ниже физики".

61. Когда Гербертъ хотѣлъ продолжать дѣленіе далѣе, Отрикъ прервалъ его: „Удивляюсь я очень, сказалъ онъ, что ты математику такъ непосредственно подчиняешь физикѣ, между тѣмъ, какъ физіологія можетъ быть принята для обѣихъ посредствующимъ родомъ. Ибо, кажется, будетъ весьма ошибочно, если слишкомъ далекое подраздѣленіе вида принято будетъ для раздѣленія рода". На это Гербертъ отвѣчалъ:

„Гораздо бо̀льшій поводъ къ удивленію должно давать то, что я подчиняю математику, какъ видъ, физикѣ, съ которою она, однако стоитъ на равной степени. Ибо, такъ какъ ихъ понимаютъ, какъ равные виды одного и того-же рода, то казалось-бы, говорю я, достойно гораздо бо̀льшаго удивленія, если ихъ подчинятъ одну другой. Но я говорю, что физіологія не есть родовое понятіе физики, какъ ты думаешь, и утверждаю, что между обѣими нѣтъ другого различія, кромѣ того, которое я признаю между философіею и филологіею. Иначе—слѣдовало-бы допустить, что филологія есть родовое понятіе философіи".

Здѣсь бо́льшая толпа учениковъ обнаружила свое неудовольствіе на то, что прервано было раздѣленіе философіи, и просила императора, чтобъ онъ приказалъ опять обратиться къ нему. Напротивъ того, Отрикъ, хотя обѣщалъ вскорѣ возвратиться къ этому предмету, но полагалъ, что прежде должно быть изслѣдовано основаніе самой философіи, и обратился къ Герберту съ вопросомъ, что́ онъ считаетъ основаніемъ философіи?

62. Когда-же Гербертъ сталъ просить его выразить яснѣе, что́ онъ желаетъ знать, именно, основаніе-ли, для чего она была изобрѣтена, или поводъ, которому мы обязаны ея изобрѣтеніемъ, Отрикъ сказалъ: „Я думаю самый поводъ, для чего она, повидимому, была изобрѣтена". Тогда Гербертъ отвѣчалъ: „Такъ какъ теперь ясно, чего ты желаешь, то я говорю, что философія изобрѣтена для того, чтобы посредствомъ ея мы достигали познанія божественныхъ и человѣческихъ дѣлъ".—„Зачѣмъ, прервалъ его Отрикъ, употребляешь ты такъ много словъ, чтобы назвать основаніе одной вещи,

тогда, какъ можетъ быть, достаточно было-бы одного слова, а философъ долженъ стараться о краткости"?

63. Гербертъ отвѣчалъ: „Не каждое основаніе можетъ быть выражено однимъ словомъ. Ибо, если Платономъ основаніе сотворенія міра выражено не однимъ, но тремя словами: „Добрая воля бога", то отсюда ясно, что это основаніе сотворенія міра не могло быть изложено иначе. Именно, если-бы онъ сказалъ, что воля есть основаніе міра, это было-бы неумѣстно; въ такомъ случаѣ казалось-бы, что это относится къ волѣ каждаго,—что было-бы ложно".—„Но если-бы, сказалъ Отрикъ, онъ сказалъ, что воля есть основаніе сотворенія, то онъ выразился-бы короче и удовлетворительнѣе, такъ какъ воля Бога можетъ быть не иною какъ только доброю, ибо никто не отрицаетъ, что воля Бога добрая". Гербертъ отвѣчалъ: „Этому я нисколько не противорѣчу. Но посмотри! такъ какъ признано, что одинъ только Богъ добръ по своей сущности, всѣ-же творенія бываютъ такими чрезъ сообщеніе, то слово „добрый", присоединено къ нему, чтобъ выразить свойство его природы, потому что оно необходимо связано съ его существомъ, и не соединяется съ существомъ сотвореннымъ. Впрочемъ, какъ-бы тамъ ни было, извѣстно, что не всѣ основанія могутъ быть выражены однимъ словомъ. Напр., какъ тебѣ кажется, что̀ служитъ основаніемъ тѣни. Можетъ-ли оно быть названо однимъ словомъ?

64. „Основаніе тѣни, говорю я, есть тѣло, противостоящее свѣту, и это никоимъ образомъ не можетъ быть выражено короче. Ибо, еслибъ ты хотѣлъ сказать, что тѣло есть основаніе тѣни, то это сказано было бы слишкомъ обще. Если же ты скажешь „противостоящее тѣло," то все же это на столько неудовлетворительно, на сколько оно, съ одной стороны, остается недостаточнымъ, потому что есть множество тѣлъ и они могутъ стоять противъ многихъ предметовъ, не бросая отъ себя тѣни. Между тѣмъ, я не буду отрицать, что основанія многихъ вещей могутъ быть высказаны однимъ словомъ. Сюда принадлежатъ родовыя понятія, о которыхъ каждый знаетъ, что они суть основанія видовъ, напр. субстанція, количественность, качественность. Но другія родовыя понятія не могутъ быть выражены просто, какъ напр., разумное, какъ родовое понятіе смертнаго."

65. Тутъ Отрикъ спросилъ съ живымъ удивленіемъ: „Неужели ты подчиняешь смертное разумному? Кому неизвѣстно, что подъ разумнымъ мы понимаемъ Бога, ангеловъ и людей, между тѣмъ смертное, какъ понятіе болѣе широкое и болѣе обнимающее, содержитъ въ себѣ все смертное, а слѣдовательно, безконечно болѣе?"

Гербертъ отвѣчалъ: „Если ты подъ руководствомъ Порфирія и Боэція прослѣдишь въ удовлетворительной постепенности раздѣленіе субстанціи до индивидуума, то безъ сомнѣнія, найдешь понятіе разумнаго болѣе обширнымъ понятія смертнаго, и это тотчасъ можетъ быть подтверждено достаточными доводами. Такъ какъ признано, что субстанція, родовое понятіе высшаго порядка можетъ быть раздѣлено на подчиненныя ему понятія до индивидуума, то слѣдуетъ обратить вниманіе, каждое-ли подчиненное понятіе выра-

жается однимъ словомъ. Очевидно, нѣкоторыя изъ нихъ выражаются однимъ словомъ, а другія многими. Такъ, напр. понятіе тѣла выражается однимъ словомъ, понятіе-же существа, одареннаго чувствами, многими словами. Такимъ-же образомъ, посредствующее понятіе разумнаго существа, какъ признакъ, выражается субъективнымъ понятіемъ разумнаго смертнаго существа. Я не говорю, что слово „разумный" просто можетъ быть употреблено, какъ признакъ смертнаго; это было-бы несправедливо. Но я утверждаю, что понятіе разумнаго, соединенное съ понятіемъ существа, есть признакъ смертнаго, на сколько это послѣднее соединено съ понятіемъ разумнаго существа."

Гербертъ, выказывая чрезвычайное богатство въ словахъ и мысляхъ, думалъ сказать еще многое, но диспутъ, по приказанію императора, прекратили, потому что день былъ на исходѣ и слушатели утомились множествомъ длинныхъ рѣчей. Гербертъ, богато одаренный императоромъ и увѣнчанный славою, въ свитѣ своего архіепископа возвратился въ Галлію (980 г.).

66. Около этого времени, королева Эмма [1]) навлекла на себя подозрѣніе въ нарушеніи супружеской вѣрности и связяхъ съ епископомъ г. Лана, Адальберомъ. Хотя объ этомъ говорилось только въ дружескихъ разговорахъ, но скоро эти тайные слухи стали извѣстны всѣмъ, и епископы считали нужнымъ посовѣтоваться какимъ образомъ прекратить злые пересуды о ихъ собратѣ и товарищѣ по сану. Поэтому вышеупомянутый архіепископъ созвалъ собраніе епископовъ въ Санктъ-Магру (Sancta-Magra), одно мѣстечко въ реймской епархіи. Когда они заняли свои мѣста и согласились относительно нѣкоторыхъ полезныхъ мѣръ, архіепископъ . . . .

На этомъ словѣ прерывается рукопись, и потому недостаетъ нѣсколькихъ страницъ. Далѣе же, въ 67 гл., авторъ говоритъ о вступленіи Оттона II на престолъ, о чемъ см. ниже, въ ст. 40.

Монахъ Рикеръ.

Historiarum libri IV. 884—995. Кн. II, 22—66.

О Рикерѣ и его сочиненіяхъ, см. ниже, въ примѣчаніи къ ст. 41.

37.—О причинахъ паденія Карловинговъ во Франціи и возвышенія Капетинговъ.

(Въ 1828 г.).

Есть одинъ чрезвычайно замѣчательный фактъ въ древней исторіи Франціи, а именно то, что въ то самое время, къ которому, строго говоря, слѣдуетъ отнести начало французской національности, замѣчается въ этой новорожденной народности сильнѣйшее отвращеніе къ прежней династіи (т.-е. Карловингамъ), господствовавшей

[1]) Эмма, дочь знаменитой императрицы Аделаиды и Лотаря II, короля Италіи, была замужемъ за французскимъ королемъ Лотаремъ. См. Родосл. Таб. № 2.

на сѣверѣ Галліи цѣлыхъ полтора вѣка. Территоріальному перевороту 888 г. самымъ точнымъ образомъ соотвѣтствуетъ движеніе другого рода: возвышается на тронъ лицо, совершенно чуждое фамиліи Карловинговъ. Такимъ лицомъ, первымъ, котораго наша исторія, въ отличіе отъ *франкскихъ королей*, должна-бы называть *королемъ Франціи*, былъ Одо (Ode) или, по норманскому произношенію, начинавшему получать преобладаніе, Эвдъ (Eudes) [1]), сынъ графа Анжу, Роберта Сильнаго. Избранный помимо наслѣдника, считавшаго себя законнымъ, Одо былъ народнымъ кандидатомъ того смѣшаннаго населенія, которое боролось въ продолженіи пятидесяти лѣтъ, стремясь къ образованію отдѣльнаго государства. Съ его воцареніемъ начинается новый рядъ гражданскихъ войнъ, результатомъ которыхъ, черезъ столѣтіе, было окончательное устраненіе отъ престола фамиліи Карла Великаго. Въ самомъ дѣлѣ, эта фамилія чисто германскаго происхожденія, по своимъ воспоминаніямъ и родственнымъ привязанностямъ тѣсно связана была со странами германскаго языка, и французы могли смотрѣть на нее не иначе, какъ только на препятствіе къ отдѣленію, но которое должно было послужить основаніемъ ихъ независимаго существованія. Языкъ побѣдителей, вышедшій изъ употребленія въ замкахъ бароновъ, сохранялся еще въ королевскомъ семействѣ. Потомки франкскихъ императоровъ тщеславились пониманіемъ языка своихъ предковъ и собирали стихотворенія за-рейнскихъ поэтовъ. Но эта особенность далеко не увеличивала уваженія къ королевской фамиліи; она давала ей только чужеземную физіономію, оскорблявшую народъ и не безъ основанія возбуждавшую въ немъ безпокойство о прочности его независимости.

Преобладаніе германцевъ въ ту эпоху не существовало болѣе на всемъ западѣ, и мѣсто его замѣнили политическія притязанія, основанныя на правѣ завоеванія. Они легко могли послужить поводомъ къ новымъ вторженіямъ, и угрожали особенно Франціи, какъ странѣ сосѣдней и какъ второму отечеству франковъ. Инстинктъ самосохраненія, вслѣдствіе того, долженъ былъ побудить новое государство разорвать всѣ отношенія съ государствами германскими, и такимъ образомъ навсегда отнять у нихъ всѣ поводы вмѣшиваться въ ея дѣла. Поэтому, не по прихоти, а вслѣдствіе политическаго разсчета, владѣтели сѣверной Галліи, франки по происхожденію, но связанные интересами съ страною, нарушили клятву, данную ихъ предками фамиліи Пипина, и возвели въ Компьенѣ въ королевское достоинство человѣка саксонскаго происхожденія. Лишенный этимъ избраніемъ наслѣдства, Карлъ, по прозванію простой или глупый [2]), не замедлилъ оправдать основательность своего устраненія отъ трона, обратившись къ покровительству германскаго короля Арнульфа. „Не будучи въ состояніи держаться“, говоритъ одинъ средневѣковой ис-

---

[1]) *Ode*, *ote* или *othe* во всѣхъ діалектахъ старо-германскаго языка значило *богатый*. Имя Ото, на романскомъ языкѣ, въ именительномъ падежѣ, выговаривалось *Odes* или *Eudes*, въ другихъ падежахъ *Odon* или *Eudon*.

[2]) Въ историческихъ произведеніяхъ того времени *simplex*, *stultus* и иногда *sottus*, младшій внукъ Карла II Лысаго.

торикъ, „противъ силъ Одо, онъ униженно молилъ Арнульфа о покровительствѣ. Созванъ былъ въ Вормсѣ сеймъ. Карлъ отправился туда и, сдѣлавъ Арнульфу богатые подарки, былъ признанъ имъ въ королевскомъ достоинствѣ. Отдано было приказаніе графамъ и епископамъ, по теченію Мозеля, оказать ему помощь для возвращенія въ свое королевство и коронованія; но все это не принесло ему никакой пользы“.

Партія Карловинговъ, поддерживаемая изъ Германіи, не успѣла одержать верха надъ партіею, которую можно назвать французскою. Она была нѣсколько разъ поражена вмѣстѣ съ своимъ предводителемъ, который послѣ каждаго пораженія находилъ безопасное убѣжище внѣ предѣловъ королевства за Маасомъ. Не смотря, однако, на то, Карлъ Простой, интригами и благодаря сосѣдству Германіи, успѣлъ нѣсколько укрѣпиться между Маасомъ и Сеною. Вслѣдствіе того, нѣкоторые историки говорятъ, что теченіемъ Сены королевство раздѣлялось на двѣ части, и что Карлъ сдѣлался королемъ въ сѣверной, а въ южной царствовалъ Одо. Остатки старо-германскихъ понятій, по которымъ вельски (Welskes) или валлоны (Wallons) считались естественными подданными потомковъ франковъ, не мало содѣйствовали къ тому, что эта династическая война стала народною во всѣхъ странахъ по Рейну. Цвентибольдъ, побочный сынъ короля Арнульфа, подъ предлогомъ поддержать права законнаго владѣтеля, съ арміею, набранною изъ германскихъ народностей, лотарингцевъ, эльзасцевъ и фламандцевъ, вторгнулся во французскія области въ 895 году и достигъ до Лана; но вскорѣ увидѣлъ себя вынужденнымъ отступить передъ арміею Одо. Послѣ неудачи этой попытки, при германскомъ дворѣ произошла реакція въ пользу такъ называвшагося до сихъ поръ узурпатора. Одо былъ признанъ королемъ и получилъ обѣщаніе, что на будущее время претенденту не будетъ оказано никакой помощи. Дѣйствительно, Карлъ ничего не могъ добиться при жизни своего противника; но по смерти Одо, когда вопросъ о перемѣнѣ династіи былъ поднятъ снова, цезарь (Keisar) опять принялъ сторону потомка франкскихъ королей, и императорское могущество, тяготѣя безъ противовѣсія надъ небольшимъ французскимъ королевствомъ, хотя не прямо, но весьма сильно, содѣйствовало возстановленію прежней династіи.

Провозглашенный королемъ въ 898 году значительною партіею, отдѣлившеюся отъ тѣхъ, которые стремились къ низложенію его, Карлъ Простой, въ продолженіи первыхъ двадцати-двухъ лѣтъ, царствовалъ безъ всякаго сопротивленія. Въ продолженіи этого-то именно времени, чтобы создать себѣ новую опору противъ партіи, которой онъ всегда опасался, онъ передалъ свои права на земли при устьѣ Сены предводителю норманновъ Рольфу (Rolf) или Роллу [1]) и далъ ему титулъ герцога. Но основаніе этого новаго государства на галльской территоріи имѣло съ теченіемъ времени результаты, совершенно различные отъ тѣхъ, которые ожидалъ Карлъ. Герцогство

---

[1]) Это имя, кажется, сокращено изъ *Rodulf*. По-романски *Rou* или *Roul*.

Нормандія послужило только французскому королевству, такъ сказать, защитою съ фланга противъ нападеній германской имперіи и ея фламандскихъ и лотарингскихъ вассаловъ. Новые герцоги, искусные политики и неумолимые воины, не замедлили также вмѣшаться въ династическую распрю. Одинаково равнодушные къ личнымъ интересамъ потомства Карла Великаго и его противниковъ, они, мѣшаясь въ эти чуждые для нихъ раздоры, искали только случая или расширить свои границы на счетъ Франція или сдѣлаться болѣе независимыми отъ короны, вассалами которой признали себя. Никакія національныя побужденія не влекли ихъ, подобно королямъ германскимъ, къ одной изъ враждующихъ партій, и поэтому они колебались нѣкоторое время, прежде чѣмъ окончательно рѣшились принять сторону одной изъ нихъ. Роллъ, первый герцогъ нормандскій, оставался вѣренъ договору, заключенному съ Карломъ Простымъ, и хотя довольно слабо, но поддерживалъ его противъ Родберта или Роберта, брата короля Одо, избраннаго въ 922 году партіею, стремившеюся къ низложенію Карловинговъ. Его сынъ Вильгельмъ I сначала слѣдовалъ той же самой политикѣ, и когда наслѣдственный король былъ низложенъ и заключенъ въ Ланѣ, объявилъ себя противъ Родульфа или Рауля, шурина Роберта, избраннаго и коронованнаго изъ ненависти къ франкской династіи. Но черезъ нѣсколько лѣтъ, оставивъ эту партію, онъ бросилъ дѣло Карла Простого и заключилъ союзъ съ королемъ Раулемъ. Въ 936 году, надѣясь, что возвращеніе къ прежнимъ союзникамъ доставитъ ему болѣе выгодъ, онъ энергически поддержалъ возстановленіе сына Карла, Лудовика, прозваннаго Заморскимъ.

Новый король, которому французская партія, вслѣдствіе утомленія или руководимая благоразуміемъ, не противопоставила соперника, побуждаемый наслѣдственною склонностію—искать друзей за Рейномъ, заключилъ тѣсный союзъ съ королемъ германскимъ, Оттономъ Первымъ, могущественнѣйшимъ и честолюбивѣйшимъ государемъ своего времени. Союзъ этотъ возбудилъ живое неудовольствіе между баронами, питавшими сильное отвращеніе къ германскому вліянію. Представителемъ этихъ чувствъ національности былъ *Гугъ или Гуго* (Hug ou Hugues), графъ парижскій, самый сильный владѣтель, между Сеною и Луарою, носившій, по обширности своихъ владѣній, прозваніе Великаго. Взаимное недовѣріе достигло до такой степени, что, въ 940 году, между партіями въ продолженіи 50 лѣтъ враждебно стоявшими другъ противъ друга, готова была вспыхнуть новая война, и Гуго Великій, хотя и не принялъ титула короля, но немедленно взялъ на себя въ отношеніи Людовика Заморскаго ту самую роль, которую Одо, Робертъ и Рауль играли относительно Карла Простого. Первымъ стараніемъ его было отнять у противной партіи опору, которую она имѣла въ герцогствѣ нормандскомъ. Онъ успѣлъ въ этомъ, и благодаря нормандскому вмѣшательству ему удалось уничтожить дѣйствіе германскаго вліянія. Всѣ силы Людовика и франкской партіи сокрушились о маленькое нормандское герцогство. Разбитый въ правильной битвѣ, король былъ взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ 16-ю изъ своихъ графовъ и заключенъ въ башню въ Руанѣ. Отсюда онъ вышелъ для

того, чтобъ быть отданнымъ въ руки народной партіи, которая заключила его въ Ланѣ.

Чтобы сдѣлать болѣе прочнымъ союзъ этой партіи съ норманнами, Гуго Великій обѣщалъ выдать свою дочь за ихъ герцога. Но союзъ двухъ гальскихъ государствъ, самыхъ близкихъ сосѣдей съ Германіею, вызвалъ противъ нихъ коалицію изъ государей германскихъ, въ числѣ которыхъ самыми сильными были тогда король Оттонъ I и графъ Фландрскій. Предлогомъ къ войнѣ должно было служить освобожденіе изъ темницы Людовика, но союзники надѣялись получить и другіе результаты. Ихъ цѣль была, возстановивъ на престолъ короля, ихъ союзника, уничтожить нормандское могущество, присоединивъ его герцогство къ Франціи. Въ вознагражденіе они должны были получить земли, которыя увеличили бы ихъ государство на счетъ Франціи. Вторженіе произведено было подъ предводительствомъ германскаго короля въ 946 году. Во главѣ тридцати-двухъ легіоновъ, какъ говорятъ современные историки, Оттонъ дошелъ до Реймса. Народная партія, державшая одного короля въ заключеніи и неимѣвшая во главѣ своей другого, не могла собрать вокругъ себя достаточно силъ, чтобы отразить чужеземцевъ. Людовикъ Заморскій былъ освобожденъ, и союзники подступили подъ стѣны Руана; но эта блестящая кампанія не принесла никакихъ рѣшительныхъ результатовъ. Нормандія осталась независимою, число друзей освобожденнаго короля не увеличилось, напротивъ того, его обвиняли въ бѣдствіяхъ войны, и вскорѣ, угрожаемый вторичнымъ низложеніемъ, онъ возвратился за Рейнъ, чтобы искать тамъ снова помощи.

Въ 948 году, германскіе епископы собрались, по приказанію Оттона, на соборъ въ Ингельгеймъ, чтобы, вмѣстѣ съ другими дѣлами, разобрать жалобы Людовика Заморскаго противъ партіи Гуго Великаго. Король французскій, передъ этимъ чужеземнымъ собраніемъ, явился въ ролѣ просителя. Онъ занималъ мѣсто возлѣ германскаго короля, и когда папскій легатъ объявилъ о цѣли созванія собора, всталъ съ мѣста и говорилъ такимъ образомъ: „Всѣмъ вамъ извѣстно, что послы графа Гуго и другихъ бароновъ Франціи явились ко мнѣ за море и пригласили возвратиться въ королевство, мое отцовское наслѣдіе. Я былъ помазанъ и коронованъ по желанію и при кликахъ всѣхъ предводителей французскаго войска. Но спустя нѣкоторое время, графъ Гуго измѣною овладѣлъ мною. низложилъ съ престола и держалъ въ продолженіи цѣлаго года. Наконецъ, я получилъ свободу, но предавъ въ его власть городъ Ланъ, единственный остававшійся во власти моихъ приверженцевъ. Если найдется человѣкъ, который будетъ утверждать, что всѣ эти несчастія, обрушавшіяся на меня со времени моего восшествія на престолъ, были слѣдствіемъ собственной вины, то я готовъ защищаться противъ этого обвиненія, или отдавъ дѣло мое на судъ этого собора и присутствующаго на немъ государя или посредствомъ поединка“ [1]). Легко себѣ представить, что изъ противной партія не явилось ни адвоката, ни желающаго принять поединокъ, чтобы не сдѣлать зарейнскаго

[1]) Flodoardi Chron у Буке, VIII, 202 стр.

императора судьею въ этой народной распрѣ, и соборъ, перенесенный въ Триръ, по настоянiемъ Людольфа, капеллана и повѣреннаго императора, произнесъ такое рѣшенiе: „Силою апостольской власти, отлучаемъ отъ церкви графа Гуго, врага короля Людовика, за все зло, которое онъ ему сдѣлалъ, до тѣхъ поръ, пока сказанный графъ не дастъ полнаго удовлетворенiя передъ легатомъ верховнаго первосвященника. И если онъ откажется подчиниться этому рѣшенiю, то долженъ будетъ, чтобъ получить разрѣшенiе отъ грѣховъ, совершить путешествiе въ Римъ“.

Этотъ приговоръ духовенства не могъ уничтожить партiи, которая устояла противъ самаго страшнаго нападенiя, которому когда-либо подвергалась Францiя. Однако, прошли цѣлые годы прежде, чѣмъ противники франкской династiи успѣли окончательно ее низвергнуть и разорвать послѣднюю нить, связывавшую сѣверную Галлiю съ Германiею. По смерти Людовика Заморскаго, въ 954 г., ему наслѣдовалъ сынъ его Лотарь, не встрѣтивъ видимаго сопротивленiя. Черезъ два года послѣ того умеръ графъ Гуго, оставивъ трехъ сыновей, изъ которыхъ старшiй, носившiй тоже самое имя, получилъ въ наслѣдство графство парижское, называвшееся также герцогствомъ Францiею. Передъ смертiю, отецъ поручилъ его Рикарду или Ричарду (Rikhard ou Richard), герцогу нормандскому, какъ естественному защитнику его семейства и его партiи. Партiя эта, казалось, находилась въ усыпленiи до 980 г. Впродолженiи этого долгаго промежутка времени, не только не происходило внутреннихъ войнъ, но даже Лотарь, подчиняясь невольно стремленiямъ народнаго духа, разсорился съ германскими государствами и пытался раздвинуть границы своего королевства до Рейна. Онъ вторгнулся внезапно въ имперiю и, какъ побѣдитель, жилъ нѣкоторое время въ Ахенскомъ дворцѣ. Но отважный этотъ походъ, льстившiй французскому тщеславiю, имѣлъ послѣдствiемъ только то, что, германцы въ числѣ шестидесяти-тысячъ аллемановъ, лотарингцевъ, фламандцевъ и саксонцевъ вторгнулись въ свою очередь во Францiю, дошли до самыхъ высотъ Монмартра, и тамъ эта многочисленная армiя пропѣла хоромъ: *Te Deum.* Императоръ Оттонъ II, предводительствовавшiй ею, какъ это часто случается, былъ счастливѣе въ нападенiи, чѣмъ въ отступленiи. Разбитый французами при переходѣ черезъ Энь (Aisne), онъ, только заключивъ съ Лотаремъ перемирiе, могъ отступить за границу. Этотъ договоръ, подписанный, какъ говорятъ хроники, противъ желанiя французскаго войска, снова возбудилъ раздоръ между обѣими партiями, или, лучше сказать, далъ новые поводы къ враждѣ, которая никогда не переставала существовать.

Угрожаемый, подобно своему отцу и дѣлу, непримиримыми противниками поколѣнiя Карловинговъ, Лотарь обратилъ взоры свои къ Рейну, желая получить тамъ опору въ случаѣ несчастiя. Онъ передалъ императорскому двору всѣ завоеванiя, сдѣланныя имъ въ Лотарингiи, и уступилъ всѣ права, которыя Францiя предъявила на часть этого королевства. „Это очень опечалило“, говоритъ одинъ современный авторъ, „сердца всѣхъ французскихъ бароновъ“. Не смотря на то, они не выказали своего неудовольствiя никакими враждебными

поступками. Наученные неудачами попытокъ, дѣлавшихся впродолженіи почти цѣлаго столѣтія, они ничего не хотѣли предпринимать противъ царствующей династіи, не будучи вполнѣ увѣрены въ успѣхѣ. Лотарь, судя по его поступкамъ, болѣе способный и дѣятельный нежели два его предшественника, отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ трудностяхъ своего положенія и не пренебрегалъ никакими средствами, чтобы побѣдить ихъ. Въ 983 году, пользуясь смертію Оттона II и малолѣтствомъ его сына, Лотарь нарушилъ внезапно миръ, заключенный съ имперію, и вторгнулся снова въ Лотарингію, чтобъ нападеніемъ этимъ возвратить себѣ нѣсколько популярность. Но инстинктивное чувство народной независимости, глубоко вкорененное въ сердцахъ галло-франковъ, не могло надолго примириться съ этой заранѣе осужденной фамиліею, погибель которой была неизбѣжна. До конца царствованія Лотаря противъ него нигдѣ не возникало открытыхъ возмущеній, но власть его съ каждымъ днемъ уменьшалась, и, ускользая отъ него, такъ сказать, цѣликомъ переходила въ руки сына Гуго Великаго, Гуго, графа Иль-де-Франса и Анжу, прозваннаго Капетомъ (Capet), или на тогдашнемъ языкѣ Шапетомъ (Chapet). „Лотарь— король только по имени, писалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей X столѣтія; а Гуго, хотя не носитъ титула короля, но онъ король на самомъ дѣлѣ“ [1]).

Безъ сомнѣнія, въ событіяхъ, которыя послѣдовали, въ 987 г., за преждевременною смертію Людовика V, сына Лотаря, большую долю участія должно приписать личному честолюбію и характеру основателя третьей династіи. Въ замыслахъ противъ потомства Карла Великаго, Гуго Капетъ болѣе думалъ о самомъ себѣ и о своей фамиліи, нежели объ интересахъ страны, независимость которой требовала изгнанія поколѣнія Карла, какъ послѣдней гарантіи. Не смотря на то, утвердительно можно сказать, что это честолюбіе царствовать, въ теченіи столѣтія, наслѣдственное въ фамиліи Роберта Сильнаго, поддерживалось и укрѣплялось общественнымъ мнѣніемъ страны. Самыя выраженія хроникъ, какъ ни сухи онѣ въ ту эпоху нашей исторіи, даютъ понять, что на вопросъ о перемѣнѣ династіи не смотрѣли въ то время, какъ на вопросъ личный. Изъ нихъ можно заключить, что рѣчь шла о закоренѣлой ненависти, о давно начатомъ предпріятіи, съ цѣлію искоренить изъ французскаго королевства потомство королей франкскихъ. Переворотъ этотъ, въ своихъ приливахъ и отливахъ бывшій причиною стольких волненій, окончился безъ всякихъ насилій. Огромное большинство бароновъ и народа собралось около графа Гуго, и претендентъ съ наслѣдственнымъ титуломъ остался одинъ съ нѣсколькими только друзьями, въ то время, когда его соперникъ, провозглашенный королемъ единодушными кликами народа, короновался въ Нойонѣ.

Избраніе это совершилось безъ соблюденія правильныхъ формъ. Никому не приходило въ голову собирать и считать голоса бароновъ—это былъ порывъ увлеченія; Гуго сдѣлался королемъ потому,

---

[1]) Lotharius Rex Franciae praelatus est solo nomine, Hugo vero non nomine, sed actu et opere (Gerbert. Epist. ap. script. rer. gallic. et francic. t. X. p. 187).

что его популярность была безмѣрна. Хотя онъ происходилъ изъ германской фамиліи, но отсутствіе всякаго родства съ императорской династіею, самая темнота, покрывавшая его происхожденіе, слѣды котораго не восходили далѣе третьяго колѣна, указывали на него, какъ на кандидата туземному племени, возстановленіе котораго, такъ сказать, совершилось только послѣ распаденія имперіи. Всего этого не высказывается прямо современными историками, но этому нечего и удивляться: народныя массы, приходя въ движеніе, не отдаютъ себѣ яснаго отчета въ побужденіяхъ, которыя ими управляютъ; онѣ идутъ инстинктивно и стремятся къ цѣли, не стараясь опредѣлить ее хорошо. Смотря поверхностно, можно подумать, что они слѣпо слѣдуютъ за личными интересами какого нибудь предводителя, котораго имя дѣлается извѣстно въ имперіи; но самое значеніе историческихъ именъ основывается на томъ, что они служили знаменемъ для большого числа людей, которые, произнося его, знали, что̀ хотѣли сказать, и по тому времени не имѣли надобности въ болѣе точномъ способѣ выраженія.

Восшествіе на престолъ третьей династіи имѣетъ въ нашей исторіи совершенно иное, гораздо большее, значеніе, чѣмъ восшествіе второй. Это, собственно говоря, конецъ господства франковъ и замѣна народными королями правительства, основаннаго на завоеваніи. Съ этого времени исторіи Франціи становится проста. Мы постоянно слѣдимъ за однимъ и тѣмъ же народомъ и узнаемъ его не смотря на перемѣны въ обычаяхъ и успѣхи цивилизаціи. Національное тождество было единственнымъ основаніемъ, на которомъ въ продолженіи столькихъ столѣтій держалось единство третьей династіи. Чудное предчувствіе продолжительности ряда новыхъ королей, казалось, овладѣло народнымъ сознаніемъ при восшествіи на престолъ Капетинговъ. Ходилъ слухъ, что св. Валерій, мощи котораго недавно перенесъ Гуго Капетъ, тогда еще графъ Парижскій, явился къ нему во-снѣ и сказалъ: „За то, что̀ ты сдѣлалъ, ты и твои потомки будете королями до осьмого поколѣнія, т.-е. на вѣчныя времена". Эта народная легенда повторяется всѣми хрониками безъ исключенія, даже небольшимъ числомъ тѣхъ изъ нихъ, которыя, не одобряя перемѣны династіи, называютъ дѣло Гуго дурнымъ, и обвиняютъ его въ измѣнѣ своему государю и въ ослушаніи приговоровъ церкви. Между людьми низшихъ сословій распространено было мнѣніе, что новая королевская фамилія происходила изъ плебейскаго класса, и это мнѣніе, сохранившееся въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій, нисколько не вредило ея дѣлу. Точку внѣшней опоры она нашла въ союзѣ съ Нормандіею, которую щадила до тѣхъ поръ, пока королевству угрожала опасность съ сѣвера.

Множество затрудненій, представлявшихся, въ 987 г., четвертому возстановленію Карловинговъ, устрашили германскихъ государей, и они не послали войска на помощь претенденту, Карлу, брату предпослѣдняго короля, герцогу Лотарингскому, бывшему подъ верховнымъ владычествомъ имперіи. Принужденный ограничиться слабою помощью своихъ приверженцевъ внутри королевства, Карлъ могъ только овладѣть Ланомъ, гдѣ, благодаря крѣпкой позиціи города,

держался въ блокадномъ состоянiи до тѣхъ поръ, пока измѣна одного изъ его приверженцевъ не предала его въ руки враговъ. Гуго заключилъ его въ башню въ Орлеанѣ, гдѣ онъ и умеръ. Его два сына Людовикъ (Lodewig) и Карлъ (Karl), рожденные въ заключенiи и послѣ смерти отца изгнанные изъ Францiи, нашли убѣжище въ Германiи, въ которой къ нимъ сохранялось сочувствiе по ихъ происхожденiю и родству.

Это—два послѣднiя имени въ нашей исторiи, которыя слѣдуетъ писать сообразно съ ореографiею германскаго языка; потому что, послѣ низложенiя фамилiи, около которой группировались старыя воспоминанiя завоеванiя, во Францiи не осталось слѣдовъ языка, который сначала былъ языкомъ всѣхъ побѣдителей, на какой бы ступени они ни стояли, потомъ сдѣлался языкомъ вельможъ, и, наконецъ, исключительно, языкомъ королевскаго дома. Въ 948 году, на соборѣ въ Ингельгеймѣ, куда Людовикъ Заморскiй явился, чтобы принести Оттону I свои жалобы противъ Гуго Великаго, латинское письмо папы, котораго не могли понять ни Оттонъ, ни король Францiи, переведено было для нихъ на германскiй языкъ. Сомнительно, чтобы подобный переводъ для Гуго Капета былъ понятнѣе оригинала. Со времени его царствованiя, государи Германiи, Лотарингiи и Фландрiи, отправляя пословъ во Францiю, вынуждены были давать имъ переводчиковъ. Съ этого же времени, французскiя имена должны совершенно замѣнять имена германскiя; но при этомъ необходимо еще обращать особое вниманiе, чтобы узнать эти имена подъ однообразною ореографiею латинскихъ хроникъ.

Если новые историки погрѣшаютъ, перенося ореографiю французской эпохи во франкскiй перiодъ и называютъ королей первыхъ двухъ династiй: Thierri, Louis и Charles, то, не стѣсняясь, они дѣлаютъ и другую ошибку, пишутъ послѣ X столѣтiя имена, подобныя слѣдующимъ: Alberic, Adalric, Baideric, Rodolphe, Reginold. Романскiй языкъ имѣлъ свойство видоизмѣнять и смягчать имена германскаго происхожденiя и почти приноравливалъ ихъ къ тому произношенiю, которое мы употребляемъ въ настоящее время. Эти видоизмѣненiя, для народонаселенiя гальскаго племени, начались ранѣе изгнанiя франкской династiи, поэтому слѣдовало бы давать ихъ чувствовать и до этой эпохи, когда слѣды ихъ находятся въ современныхъ хроникахъ. Но относительно того времени, когда во французскомъ королевствѣ господствовалъ одинъ только языкъ и различiе племенъ въ языкѣ не выражалось, исторiя должна представлять имена исключительно французскiя (à physionomie française). Необходимо старательно избѣгать полу-варварской, полу-латинской ореографiи, введенной въ то время, когда не существовало ни науки, ни исторической критики, и писать прямо имена, подобныя слѣдующимъ: Aubri, Baudri, Aubert, Imbert, Thibauld, Rigauld, Gonthier, Berthier, Meynard, Bodard, Seguin, Audoin, Regnouf, Ingouf, Rathier, Rathoûis [1]).

[1]) Вотъ эти имена въ ихъ оригинальной формѣ: Abbrik, Baldrik, Albert, Ingbert, Theodebald, Rikhald, Gunther, Berther, Maghenhard, Baldhard, Sigwin, Odwin, Reghenulf, Ingulf, Rather, Rathwig.

Чтобы избѣжать другого рода смѣшенія, слѣдуетъ имена южныя писать сообразно съ орѳографіей языка, на которомъ говорили въ Аквитаніи и Провансѣ. Въ концѣ X столѣтія страны, въ которыхъ господствовалъ языкъ *oc*, раздѣляла отъ французскаго королевства столько же рѣшительная народная ненависть, какъ и та, которая существовала между французами и нѣмцами, или какъ говорили на границѣ обоихъ языковъ, между валлонами и тіоа (entre les Wallons et Thiois [1]). Вслѣдствіе непослѣдовательности, примѣровъ которой исторія представляетъ много, въ то самое время, когда Франція съ такою энергіею боролась за свою независимость противъ германцевъ, она стремилась подавить независимость государствъ, образовавшихся на югъ отъ нея, между Лоарою и Средиземнымъ моремъ. Подобно тому какъ нѣмцы считали себя незаконно лишенными господства властелинами Франціи и Италіи, точно также французы, опираясь на преданія франкскаго завоеванія, имѣли притязанія господствовать надъ остальными галлами до подножія Альпъ и Пиринеевъ. По новымъ народнымъ понятіямъ, идея господства на югѣ была нераздѣльна отъ идеи освобожденія со стороны сѣвера. Поэтому, за каждымъ избраніемъ короля, непринадлежащаго къ фамиліи Карла Великаго, отъ Эвда до Гуго Капета, почти непосредственно слѣдовала война на южныхъ границахъ, по берегамъ Лоары, Віенны или Роны. Выраженіе этого народнаго тщеславія мы находимъ въ грамотѣ короля Рауля, гдѣ онъ даетъ себѣ слѣдующій титулъ: „Милостію божіею, король французовъ, бургундцевъ и аквитанцевъ, непобѣдимый, благочестивый и всегда августѣйшій, въ полномъ смыслѣ, король, вслѣдствіе добровольнаго подчиненія какъ аквитанцевъ, такъ и гасконцевъ“.

Въ отвѣтъ на это хвастовство, гасконцы и аквитанцы, во главѣ своихъ общественныхъ актовъ писали слѣдующую формулу: „Въ царствованіе Іисуса Христа, въ ожиданіи короля“. Они считали узурпаторами всѣхъ тѣхъ, которые получали королевское достоинство помимо наслѣдственнаго права; но потомъ, при каждомъ новомъ возстановленіи на престолѣ потомка Карла Великаго, они тѣмъ не менѣе относились къ нему, какъ къ государю чужеземному. Въ первый же годъ своего царствованія Гуго Капетъ возобновилъ, но безъ всякаго успѣха, враждебныя дѣйствія въ Пуату. Принужденный Гильомомъ (Guilhem), герцогомъ Аквитаніи, отступить до Лоары, онъ далъ на берегахъ этой рѣки кровопролитную битву, которая послужила только къ тому, что дала поводъ выразиться сильной ненависти, питаемой другъ къ другу обоими народонаселеніями. Владѣтели небольшихъ южныхъ государствъ не только удержали свою независимость, но даже сдѣлали завоеванія по направленію къ сѣверу. Такъ Альде-

---

[1]) Эти два слова старо-французскаго языка соотвѣтствуютъ двумъ французскимъ словамъ Walle и Teutske и служили въ Бельгіи и Лотарингіи для отличія говорящихъ на романскомъ языкѣ отъ тѣхъ, которые говорили по-нѣмецки. Walle или Wale есть существит., откуда происходитъ прилагательное walsk и welsk. Это слово употребляется въ древнихъ толкованіяхъ салическихъ законовъ для перевода латин. слова: Romani.

бертъ (Aldebert), графъ Перигё (Perigueux), осадилъ и взялъ Туръ въ 990 году. Тревожимый этимъ успѣхомъ и не отваживаясь напасть на него открытою силою, Гуго Капетъ обратился къ нему съ вопросомъ: „Кто сдѣлалъ тебѣ графомъ“?—„Кто сдѣлалъ тебѣ королемъ“? —были единственныя слова, которыми отвѣчалъ графъ Альдебертъ. Этотъ отвѣтъ, предметъ недоумѣнія для историковъ XVIII столѣтія, и позднѣе, толкуемый въ смыслѣ республиканскомъ, вовсе не содержалъ въ себѣ намека на избирательность королевскаго достоинства; онъ просто означалъ только, что графъ Перигё былъ такой же законный и полноправный государь, какъ и король Франціи.

Франція, принимая это названіе въ его настоящемъ, народномъ значеніи, первоначально была очень невелика: она ограничивалась странами отъ Мааса до Лоары и отъ Эпты (Epte) и Вилени (Vilaine) до горъ древней Бургундіи. Но съ тѣхъ поръ, какъ она стала существовать какъ государство въ центрѣ Галліи, она никогда не отступила ни одного шагу назадъ, и непрерывнымъ рядомъ побѣдъ раздвинула свои границы до береговъ обоихъ морей. Эти побѣды носятъ на себѣ совершенно иной характеръ, чѣмъ вторженія франковъ. Онѣ дали прочные результаты, потому что имѣли политическое значеніе, имѣли цѣлію не просто раздѣлъ богатствъ и земель, но подчиненіе правительству страны. Событіе, на которое можно смотрѣть какъ на случайное исчезновеніе титула короля во всѣхъ государствахъ, образовавшихся въ Галліи около центральнаго королевства, въ Лотарингіи, Бургундіи, Бретани и Аквитаніи, въ особенности содѣйствовало къ тому, чтобы сдѣлать менѣе насильственнымъ это послѣдовательное соединеніе различныхъ частей галльской земли. Феодальный взглядъ на іерархію областей и территорій заблаговременно приготовилъ соединеніе, постепенно пріучивъ владѣтелей герцогствъ и графствъ не считать себя равными съ своими сосѣдями, имѣвшими въ гербѣ лиліи. Такимъ образомъ, ленная система въ исторіи нашихъ провинцій была нѣкоторымъ образомъ посредствующимъ звеномъ между эпохою раздѣленія на многія отдѣльныя государства и эпохою сліянія ихъ въ одно тѣло.

Необходимо, впрочемъ, остерегаться, чтобы слово ленъ (fief) не ввело насъ въ заблужденіе относительно характера того сопротивленія, которое слѣдовало преодолѣть королямъ третьей династіи для распространенія монархіи до предѣловъ древней Галліи. Вездѣ, куда они ни обращали свои завоеванія, они встрѣчали народную оппозицію, въ воспоминаніяхъ, обычаяхъ и нравахъ, и только испытавши многократныя пораженія, когда безполезны оказались попытки возмущеній, протестацій и ропотъ,—народонаселенія умолкли, и все лилось въ повинующееся единство, которое съ XVI столѣтія составляетъ харектеристическую черту французской монархіи.

Авг. Тьерри.
Lettres sur l'hist. de France. Письмо XII.

Объ Авг. Тьерри и его сочиненіяхъ см. въ томѣ I, на стр. 450 и 502. Критику взгляда автора на причины паденія Карловинговъ и возвышеніе Капетинговъ см. выше, въ ст. 15, на стр. 218 и слѣд.

38. Карлъ Простой и Роллонъ, герцогъ Нормандіи. 912 г.

(Въ 1160 г.).

Авторъ въ началѣ своей поэмы разсказываетъ исторію извѣстнаго предводителя нормандской дружины Роллона, какъ онъ въ концѣ IX вѣка, пользуясь распаденіемъ Карловой монархіи, по смерти Карла III Толстаго, и раздѣленіемъ Франціи между Одо и Карломъ Простымъ, утверждается въ Нормандіи и опустошаетъ окрестныя страны (см. о томъ выше, у Авг. Тьерри, въ ст. 16, на стр. 223). По смерти Одо, въ 898 г., Карлъ Простой соединяетъ всю Францію въ одно цѣлое, но продолжаетъ безуспѣшную борьбу съ Роллономъ; наконецъ, въ 912 г. Карлъ, по совѣту своихъ, рѣшается не только примириться съ своимъ врагомъ, но и избрать нормандцевъ орудіемъ для защиты противъ непокорныхъ вассаловъ; съ этою цѣлью, король отправляетъ къ Роллону архіепископа Руанскаго Франко.

„Роллонъ, сказалъ Франко, архіепископъ Руанскій, Богу угодно возвеличить твою славу и твое баронское достоинство. Въ заботахъ и злобѣ проводилъ ты свои дни, жилъ слезами и грабежемъ, многихъ людей разорилъ и привелъ въ рабство, бѣдностью довелъ многихъ женщинъ до разврата, отнималъ замки и законное наслѣдство. Подобно дикому звѣрю, ты не заботишься о своей душѣ и пойдешь въ адъ, гдѣ въ печальномъ сообществѣ будешь преданъ вѣчнымъ мукамъ, не имѣющимъ никогда облегченія; у тебя нѣтъ никакого ручательства за продолжительность жизни; перемѣни свое поведеніе, дай другой исходъ своему мужеству, вступи въ христіанство и оказывай почтеніе королю. Учись жить въ мирѣ и укрощай свою ярость, не разрушай его королевства, чѣмъ ты ему причиняешь великую обиду. Онъ имѣетъ прекрасную дочь (Гизелу), знатнаго происхожденія; хочетъ отдать ее тебѣ въ замужество, и ты получишь въ приданое всю приморскую страну отъ рѣки Эра (Eure) до моря. Такимъ образомъ, ты будешь жить своими ежегодными доходами, безъ грабежа; будешь имѣть много хорошихъ крѣпкихъ замковъ и прекрасныхъ жилищъ; и твоему потомству будетъ также лучше. Согласись на трехъ-мѣсячное перемиріе, не причиняя вреда; не ходи въ это время грабить ни на корабляхъ, ни на лодкахъ; тебѣ дадутъ хорошихъ заложниковъ для обезпеченія договора. Неужели ты почтешь стыдомъ жениться на дочери короля?“

Роллонъ выслушалъ эту рѣчь, и она доставила ему большое удовольствіе. По совѣту своихъ вассаловъ, онъ согласился на перемиріе; ему прочли договоръ, и обѣ стороны подтвердили его. Въ назначенномъ мѣстѣ Роллонъ собралъ своихъ людей, а король пригласилъ въ Сенъ-Клеръ всѣхъ бароновъ. Роллонъ расположился по сю сторону р. Эпты (Epte), а король на другой сторонѣ ея и съ нимъ герцогъ Робертъ [1]), также желавшій мира. Собраніе шло хорошо, и дѣло кончилось. Роллонъ сталъ вассаломъ короля и положилъ въ

[1]) Сынъ умершаго короля, Одо, удержавшій одно наслѣдственное владѣніе, герцогство Францію.

его руки свои. Когда онъ долженъ былъ поцѣловать ногу короля, то, не желая наклониться, опустилъ только руку, поднялъ ногу короля къ своимъ губамъ и опрокинулъ Карла: всѣ засмѣялись надъ этимъ, а Карлъ всталъ. Предъ всѣми онъ отдалъ свою дочь и Нормандію; хотѣлъ еще дать Фландрію, но Роллонъ отказался, говоря: „Это бѣдная земля и никогда ничѣмъ не будетъ изобиловать". Вмѣсто того онъ просилъ себѣ Бретань; король отдалъ ему эту страну и приказалъ Беренгу и Алэну, графамъ бретанскимъ, дать ему присягу; и оба они, безъ всякой лжи, поклялись ему въ вѣрности. Король отправился домой, и Роллонъ возвратился, а съ нимъ пошелъ и герцогъ Робертъ, провожавшій даму (т. е. дочь Карла Простого).

Архіепископъ Франко крестилъ герцога Роллона; герцогъ Робертъ былъ его воспріемникомъ и назвалъ его также Робертомъ. Когда Роллонъ былъ крещенъ, онъ женился на дочери французскаго короля, что скрѣпило ихъ миръ. Велика и продолжительна была радость. Въ девятьсотъ-двѣнадцатомъ году послѣ того, какъ Богъ родился въ Виѳлеемѣ, Франко возродилъ Роллона крещеніемъ, и король имѣлъ съ нимъ свиданіе въ Сенъ-Клерѣ. Бракосочетаніе было великолѣпно; а послѣ обряда начались великія празднества. Всякій, кто ни пожелалъ прійти на пиръ, былъ хорошо принимаемъ. Роллонъ просилъ и уговаривалъ всѣхъ своихъ людей креститься и осыпалъ ихъ почестями: нѣкоторымъ далъ деревни, замки и города, другимъ поля, доходы, мельницы и луга, давалъ также лѣса, земли и большія наслѣдства, смотря по службѣ и достоинству, по знаменитости и возрасту. Всѣ утвердившіеся въ Нормандіи, какъ владѣтели леновъ, были награждены по желанію ихъ; Роллонъ возвышалъ и сильно любилъ ихъ; онъ хорошо награждалъ сообразно ихъ желаніямъ за то, что они, оставивъ свое отечество, послѣдовали за нимъ. Роллонъ окружилъ себя почестями и богатствомъ, и въ домѣ своемъ умѣлъ жить широко.

Онъ любилъ миръ, искалъ и утверждалъ его. Онъ далъ приказъ во всей Нормандіи объявить и обнародовать, что въ ней не должно быть человѣка столь смѣлаго, который бы дерзнулъ нападать на другого, жечь домъ или городъ; никто да не осмѣлится ни воровать, ни грабить, ни ранить, ни умерщвлять, ни бить, ни поражать кого нибудь, на ногахъ-ли онъ, или лежачій; ни измѣнять другому человѣку посредствомъ козней или засады; да не осмѣлится кто нибудь воровать, ни быть соучастникомъ вора; потому что соучастникъ долженъ быть наказанъ вмѣстѣ съ воромъ; будучи соучастникомъ воровства, онъ долженъ быть соучастникомъ и наказанія. Того, который совершитъ измѣну, если можно схватить его, то ни одинъ благородный человѣкъ не долженъ укрывать, а, напротивъ, обезчестить такого и наказать огнемъ или висѣлицею. Роллонъ былъ другомъ правосудія и заставилъ много говорить о себѣ. Онъ приказалъ колесовать разбойниковъ и воровъ, выкалывать глаза, жечь или отрѣзать ноги и пясти рукъ; смотря по преступленію, онъ приговаривалъ каждаго къ наказанію. Имъ приказано было громогласно объявить въ замкахъ, городахъ и на площадяхъ, чтобы всякій человѣкъ, у кого есть плугъ и кто хочетъ обработывать землю, имѣетъ безопасность

и миръ для своей работы: пусть никто не будетъ принужденъ снимать желѣзо съ сошника и скрывать его въ бороздахъ, или уносить домой, опасаясь мошенничества или воровства; ему нѣтъ надобности брать съ собою ни отвала, ни отрѣза, ни упряжи, потому что никого не должно быть, кто осмѣлился бы прикоснуться къ нимъ. А еслибы ихъ украли у него, и онъ не могъ бы найти вора, то герцогъ изъ своихъ денегъ долженъ отдать ему, чего украденное стоитъ, и крестьянинъ опять будетъ въ состоянiи купить свой отвалъ и отрѣзъ.

Въ Лонгвиллѣ жилъ крестьянинъ, имѣвшій шесть прекрасныхъ быковъ для своего плуга. У него была жена; неизвѣстно только, имѣлъ ли онъ дѣтей. Но жена была не чиста на руку: она стащила бы и старую шляпенку, если за ней не присмотрятъ, и дошла въ своемъ искуствѣ до того, что надобно было ждать худого конца, и вотъ что случилось. Однажды, какъ обыкновенно, крестьянинъ пахалъ, и въ обѣденный часъ воротился домой; при плугѣ онъ оставилъ упряжь, отвалъ и отрѣзъ. Съ собой онъ не унесъ ничего, надѣясь на миръ и на то, что герцогъ, если ихъ украдутъ, возвратитъ ему деньгами. Жена крестьянина въ то время, какъ онъ обѣдалъ, сбѣгала въ поле, сняла съ плуга желѣзо и спрятала его. Мужъ, возвратившись на работу и не видя желѣза, началъ искать его по всѣмъ сторонамъ. Онъ позвалъ жену и убѣждалъ ее сказать, если нѣтъ его у нея, то у кого оно. Жена была корыстная: непризналась и отреклась. Крестьянинъ пошелъ въ Руанъ и настоятельно требовалъ своего желѣза; Роллонъ сжалился надъ нимъ и далъ ему пять солидовъ. Получивъ деньги, онъ возвратился домой. „Благословенна рука, сказала жена, наградившая насъ; ты имѣешь теперь пять солидовъ, а вотъ и твое желѣзо“. Она нагнулась и показала ему подъ лавкою. Но безумна была та, которая украла и скрыла. Это истина, и Богъ говоритъ такъ, и дѣло то показало: „Нѣтъ вещи столь скрытой, которая не была бы явлена, ни дѣйствія столь тайнаго, которое не было бы открыто“. Всякій хорошій поступокъ долженъ быть награжденъ, а всякое вѣроломство наказано. Сколько искали и разыскивали желѣза, сколько перемучили людей въ странѣ, испытывая огнемъ и водою, пока наконецъ узнали истину. Вѣроломство не можетъ быть долго скрыто. Крестьянка была взята и отведена къ герцогу Роллону. Она во всемъ призналась и была изобличена. Роллонъ приказалъ взять и привести къ нему крестьянина. Когда крестьянинъ явился предъ нимъ, герцогъ сказалъ ему: „Знаешь ли ты, скажи мнѣ, съ того времени, какъ живешь ты съ женой, она не воровала ничего, и была добросовѣстна?“ „Нѣтъ, государь, сказалъ онъ, я не долженъ лгать“.—„По чести, отвѣчалъ Роллонъ, я вполнѣ вѣрю тебѣ; своими же устами ты произнесъ свой приговоръ: съ нею ты долженъ быть повѣшенъ; а за что? ты достаточно сказалъ; ты самъ сдѣлалъ судъ надъ собою; равный законъ, равное наказаніе, равное бѣдствіе васъ ожидаютъ“. Одинъ имѣютъ судъ и воръ и соучастникъ. Жена какъ и ея мужъ были повѣшены.

Этотъ поступокъ и другіе внушали большое уваженіе къ Роллону. Въ чести и радости онъ жилъ очень долго († 917). Отъ первой

жены Гизелы у него не было дѣтей; она умерла бездѣтной. Тогда Роллонъ женился на Попѣ [1]), съ которою долго жилъ. Сынъ его Вильгельмъ, по прозванію Длинный-Мечъ, принадлежалъ къ числу самыхъ красивыхъ юношей; онъ былъ высокаго роста и обладалъ большимъ умомъ; легко переносилъ тяжести военной службы, и ни надъ чѣмъ не задумывался. Роллонъ, по совѣту родственниковъ, сдѣлалъ его своимъ наслѣдникомъ. Тайно пригласилъ онъ Беренгера и Алэна, отъ которыхъ зависитъ Бретань, и богатыхъ норманновъ; каждаго онъ одарилъ и еще пообѣщалъ столько, что всѣ безъ труда признали себя вассалами его сына; каждый далъ Вильгельму клятву и присягу. Послѣ того, какъ герцогъ Вильгельмъ получилъ герцогство и ему присягнули вассалы, Роллонъ еще правилъ пять лѣтъ и поддерживалъ миръ. Людей своего герцогства, служившихъ ему, онъ привелъ и склонилъ на служеніе Богу. Такимъ образомъ, онъ приблизился къ своей кончинѣ, какъ всякій человѣкъ, который старѣетъ отъ труда и заботъ, ослаблявшихъ его. Но никогда воспоминаніе о немъ и его судѣ не помрачатся. Въ Руанѣ онъ заболѣлъ и тамъ же умеръ. Добрымъ христіаниномъ покинулъ онъ свѣтъ, исповѣдавшись и покаявшись въ своихъ грѣхахъ. Въ церкви Богородицы на южной сторонѣ, духовные и міряне похоронили его тѣло; тамъ находится его могила и надпись, повѣствующая о подвигахъ и о его жизни.

Робертъ Васэ.

Le Roman de Rou et des ducs de Normandie.

Робертъ Васэ (Robert Wace, а по друг. списк. Wacce, Waze, даже Gasse, Guazs, Guasco, и иногда Wistäce, Histace—искаженныя формы полнаго имени: Евстахій, Eustache), англо-нормандскій поэтъ, родился на о. Жерзей, между 1112 и 1124 г., воспитывался въ Нормандіи, въ г. Канѣ (Caen), гдѣ и писалъ свои сочиненія, а умеръ въ Англіи, около 1180 года. Всѣ его поэтическія произведенія носятъ на себѣ названіе *романовъ*, потому что они были писаны на романскомъ языкѣ, т.-е. на новомъ, въ противоположность господствовавшему обычаю писать по-латынѣ. Кромѣ языка, его романы замѣчательны по своему довольно строгому историческому основанію, хотя кромѣ хроникъ онъ черпалъ много и изъ народныхъ преданій. Изъ всѣхъ такихъ романовъ до насъ дошло только 5: 1) Roman de Brut; 2) Roman de Rou; 3) C'est comment la Conception Notre-Dame fut établie; 4) Vie de S. Nicolas; и 5) Faemina. Герой перваго романа, Брутъ, внукъ Асканія и правнукъ Энея, является первымъ королемъ Англіи; далѣе, разсказывается исторія его потомства до 700 г. нашей эры; поэма была писана въ 1155 г. и заключаетъ въ себѣ 15,300 стиховъ. Самъ авторъ объявляетъ, что въ его поэмѣ не все правда, но и не все ложь:

Ne tot mensonge, ne tot voir (vrai),
Ne tot folie, ne tot savoir, и т.-д.

Т.-е. „Не все сказка, и не все правда; не все вздоръ, но и не все дѣло.“

---

[1]) Дочь Беренгера графа Бессенскаго (Bessin).

Roman de Rou, Повѣсть о Роллонѣ, служитъ какъ бы продолженіемъ повѣсти о Брутѣ:

> Mil et cent et soixante ans eut de temps et d'espace
> Puis que Diex en la Vierge descendi par sa grace,
> Quant un clerc de Caen, qui et nom *maistre Wace*.
> S'entremist de l'estoire de Rou et de sa race —

Т.-е. „1160 лѣтъ прошло времени и пространства, какъ Богъ, по своей милости, снизошелъ чрезъ Дѣву на землю, когда клерикъ въ Канѣ, по имени *господинъ Васэ* сѣлъ за исторію Роллона и его потомства.“ Въ первой части этого романа авторъ описываетъ подвиги Роллона, Вильгельма Длинный-Мечъ и Ричарда I; во второй части: конецъ правленія Ричарда I и его преемниковъ до 1106 г., когда Гейнрихъ I, король Англіи, завоевалъ Нормандію. Третья часть собственно должна быть первою, потому что въ ней разсказываются вторженія норманновъ во Францію до Роллона. Основаніемъ для первой части романа послужили лѣтописи Дудо Сенъ-Кантенскаго и Вильгельма Жюміежскаго. Послѣдніе три романа менѣе замѣчательны и не имѣютъ историческаго значенія; романъ подъ заглавіемъ Faemina, т.-е. *Женщина*, есть разсужденіе о грамматикѣ, и названъ такъ потому, что женщина бываетъ первымъ учителемъ языка.

Изданія: Le roman de Rou, publié pour la première fois par Fr. Pluquet. Rouen. 1827. 2 vol. *Переводы:* Нѣмецк. Gaudy (Glogau, 1835); англійск. Edg. Taelor (Lond. 1837). *Критика:* Raynouard, Observations philologiques et grammaticales sur le roman de Rou. Rouen. 1829.

39.—Лудовикъ IV Заморскій, король Франціи, и Ричардъ, герцогъ Норманскій. 944.

(Послѣ 1002 г.).

Людовикъ (IV, сынъ Карла Простого), король Франціи (936—954), услышавъ, что герцогъ Нормандскій, Вильгельмъ (сынъ Роллона) былъ обманутъ Арнульфомъ, графомъ Фландріи, и испыталъ мученическую смерть за поддержаніе святѣйшей церкви, вѣры и мира, и за вѣрность къ нему, выразилъ большую печаль и, собравъ поспѣшно въ Руанѣ (Rotomagum) князей (optimates) королевства, исключая виновниковъ того убійства, а также и своихъ графовъ (comites), совѣщался съ ними по поводу того, что было совершено безчестною хитростью графа Арнульфа (944 г.). Жители Руана, обрадованные прибытіемъ короля Людовика, приняли его охотно въ той надеждѣ, что онъ отправится въ походъ противъ Фландріи и отмститъ ея жителямъ жестоко и кроваво за ихъ неслыханное преступленіе. Между тѣмъ, король Людовикъ, вмѣсто того, приказалъ привести къ себѣ Ричарда, сына герцога Вильгельма, мальчика необыкновенной красоты; принялъ его со слезами и съ притворнымъ, коварнымъ уча-

стіемъ, удержалъ при себѣ, угощалъ и даже спалъ съ нимъ въ одной комнатѣ [1]). На слѣдующій день, когда воспитатель этого знатнаго питомца хотѣлъ увести его въ другой домъ, чтобы сдѣлать ему ванну и наблюдать за нимъ, король воспротивился тому и удержалъ мальчика при себѣ. На второй и на третій день, не смотря на все настояніе воспитателя, король не разрѣшалъ и противился ему съ упорствомъ. Наконецъ, воспитатель, видя, что король плѣненъ великими достоинствами его питомца, не дѣлалъ послѣ того никакихъ усилій, чтобы увести мальчика въ какое-нибудь другое мѣсто. Когда распространилась о томъ молва, всѣ жители возмутились, и въ городѣ поднялся ропотъ на плѣнъ молодого герцога. Наконецъ, слобожане (suburbani), собравшись вмѣстѣ съ горожанами, бросились толпой, по обычаю черни, къ дому городскихъ начальниковъ (principes) [2]), начали поносить ихъ, сопровождая брань страшнымъ крикомъ и объявляя громогласно: „Мы потеряли герцога Вильгельма, нашего главнаго защитника, по своей небрежности, но мы не допустимъ, чтобы вашимъ вѣроломствомъ погибъ и его сынъ въ изгнаніи; мы поступимъ какъ слѣдуетъ, если умертвимъ всѣхъ клятвопреступниковъ, а Ричарда, прекраснаго отрока, избавимъ отъ ссылки“. Весьма многіе изъ начальниковъ города, побужденные настойчивыми рѣчами граждавъ, поспѣшно облеклись въ желѣзо и съ оружіемъ въ рукахъ присоединились съ вооруженной черни; но за то весьма многіе изъ поселянъ (rustici), опасаясь борьбы, остались дома и заперли ворота на запоръ. Остальная же чернь и вооруженные рыцари [3]) (milites), съ жаромъ, ускоривъ шаги, нападаютъ вмѣстѣ съ своими графами (comites) [4]) на короля. Король, услышавъ говоръ и шумъ, спрашиваетъ о причинѣ случившагося. Ему говорятъ: „Начальники города (principes) спѣшатъ напасть на тебя за то, что ты держишь въ неволѣ отрока Ричарда, ихъ надёжу; тебѣ будетъ трудно уйти отъ угрожающей опасности и спастись отъ толпищъ горожанъ и воиновъ“. Тогда король сначала поблѣднѣлъ и смѣшался, придя въ ужасъ отъ погибели, висѣвшей надъ нимъ, но потомъ, опомнившись, послалъ за Бернардомъ, вождемъ (principem) нормандскаго войска, прося его, именемъ Бога, поспѣшить на помощь. Но Бернардъ отправилъ къ нему немедленно нарочнаго сказать, что онъ не будетъ въ состояніи спасти ни себя, ни его, но погибнетъ самъ въ борьбѣ съ возстаніемъ. Король снова послалъ къ нему, прося дать совѣтъ, какъ избавиться отъ опасности. Бернардъ, боясь, что и онъ самъ, и король, могутъ лишиться жизни, требовалъ, чтобы король, взявъ на руки прекраснаго отрока Ричарда, вышелъ къ воинамъ и гражданамъ, умоляя о пощадѣ. Король, не надѣясь на свои силы и опа-

---

[1]) Въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ сохранялся этотъ обычай для выраженія самой искренней дружбы и расположенія.

[2]) Domum principum civitatis—ратуша; principes—высшее сословіе въ городѣ, патриціи, составлявшіе магистратъ.

[3]) Milites—городское дворянство.

[4]) Comites—высшіе чиновники, назначаемые сузереномъ, въ противоположность principes, избираемымъ гражданами.

саясь погибнуть вмѣстѣ съ своими, взялъ на руки прекраснаго отрока Ричарда, появился предъ вооруженною толпою, искавшею убить его и всѣхъ окружавшихъ, прося униженно сжалиться надъ нимъ. Онъ говорилъ толпѣ: „Это—я, вашъ государь (senior); дѣлайте со мной, что хотите; но молю васъ со слезами, не убивайте ни меня, ни моихъ друзей; я удержалъ при себѣ вашего господина (dominus) не какъ плѣнника, но для того, чтобы воспитать его по-королевски и дать ему придворное образованіе (palatina facundia)“. Толпа, взявъ у короля добродѣтельнаго отрока Ричарда, дозволила ему самому, послѣ всего того униженія, возвратиться въ свои покои. Но король Людовикъ, въ страхѣ отъ случившагося и того, что̀ могло бы впередъ произойти, и колеблясь въ нерѣшимости, по спасительному совѣту своихъ графовъ и епископовъ, отправилъ поспѣшно за первостепенными лицами въ городѣ (optimates), а именно, за Рудольфомъ, Анслекомъ и Бернардомъ. Когда они явились и были представлены королю, онъ сказалъ имъ съ плачевнымъ видомъ: „Глубоко опечаленный ужасною смертью вашего господина, я пришелъ сюда, чтобы утѣшить васъ въ постигшемъ несчастіи, но встрѣтилъ здѣсь еще бо̀льшія огорченія, потому что ваши слобожане съ горожанами и рыцари съ толпою поселянъ замыслили погубить меня и моихъ, и умертвить насъ внезапною смертью. Бернардъ! твоимъ совѣтомъ я избавился отъ смертоноснаго врага; скажи, что̀ мнѣ теперь предпринять“?—Бернардъ отвѣчалъ: „Ты тяжко огорченъ враждебнымъ тебѣ поступкомъ поселянъ и гражданъ; теперь тебѣ слѣдуетъ очиститься отъ возведеннаго на тебя обвиненія въ хитрыхъ замыслахъ и несправедливости. Притомъ, нашъ господинъ, герцогъ Вильгельмъ, былъ во всемъ твоимъ поборникомъ (felix, tuus), и потому тебѣ слѣдуетъ утвердить владѣніе землею по наслѣдственному праву за Ричардомъ отрокомъ и родоначальникомъ великаго потомства, давъ клятву надъ святымъ причастіемъ и возложивъ руки на раку (phylacteria), въ знакъ того, что ты будешь ему пріязненъ и явишься помощникомъ и защитникомъ противъ всякихъ враговъ. Если ты хочешь быть довольнымъ нашею службой и дружбой (servitio et militatione), то сдѣлай и насъ довольными твоею опекою и управленіемъ. Тогда мы сотремъ съ лица земли того, кто вступитъ въ борьбу съ тобою, и ты своею властью накажи всякаго, кто возстанетъ противъ насъ“.—Король отвѣчалъ на это Бернарду съ коварствомъ: „Я исполню все сказанное тобою и добровольно или силою заставлю своихъ друзей сдѣлать тоже самое“. Затѣмъ онъ передалъ Ричарду, невинному отроку, землю въ наслѣдственное владѣніе, по праву дѣда и отца; когда же была принесена рака со святыми мощами, онъ возложилъ на нее руки и, призывая имя Бога, клялся помогать ему противу всѣхъ враговъ, и принудилъ къ тому же своихъ сановниковъ (praesules) и графовъ. По совершеніи всего этого, король обратился съ коварною рѣчью къ норманскимъ городскимъ начальникамъ: „Я далъ вамъ и вашему господину ненарушимую и искреннюю клятву помогать вамъ, и всякій изъ васъ найдетъ у меня удовлетвореніе. Потому позвольте вашему господину остаться при мнѣ, чтобы онъ, наученный краснорѣчію, умѣлъ различать и опредѣлять слова на

диспутѣ (diffinire et determinare verba scrupulosae rei [1]). Въ моемъ дворцѣ онъ пріобрѣтетъ лучшія познанія о многомъ, нежели оставаясь у себя дома: куда бы я ни пошелъ, и онъ пойдетъ со мною, гдѣ бы я ни былъ, и онъ будетъ тамъ. Благодаря дѣятельной помощи его отца, я держу въ своемъ управленіи всю Францію и Бургундію, а потому и пребуду союзникомъ и помощникомъ его сына до конца своей жизни. Такъ какъ его отецъ претерпѣлъ за меня смерть, то я сдѣлаюсь хуже лютаго звѣря, если не поспѣшу на помощь его сыну". Обманутые такими льстивыми рѣчами коварнаго короля, городскіе начальники нормандцевъ отдали на воспитаніе королю Людовику своего желаннаго отрока Ричарда. Король же, отправившись оттуда вмѣстѣ съ Ричардомъ къ стѣнамъ города Эброика (н. Evreux), занялся тамъ устройствомъ городскихъ дѣлъ (disponebat reipublicae jura). Послѣ долгаго пребыванія въ Эброикѣ, принудивъ, съ коварными замыслами, гражданъ присягнуть на вѣрность ребенку, король возвратился въ руанскій дворецъ. На слѣдующій день, созвавъ всѣхъ городскихъ начальниковъ, король обратился къ нимъ съ хитрою рѣчью: „Я имѣю намѣреніе отправиться противъ виновника нашей печали и бѣдствія. Теперь же возвращусь въ Лаудунъ (н. Laon) и отведу туда Ричарда, отрока, которому вы клялись въ вѣрности. Оттуда же, созвавъ бургундовъ и франковъ, я пойду на Атрабатъ (н. Arras) и буду осаждать его, пока не возьму; укрѣпленія же фландрійцевъ срою всѣ и раззорю вражески ихъ имущества, а войско свое отправлю туда, гдѣ, узнаю, будетъ находиться Арнульфъ; и если встрѣчу его гдѣ-нибудь, то отомщу ему по заслугамъ. Вы же будьте готовы, чтобы вмѣстѣ со мною мстить за своего господина". Ослѣпленные такимъ коварнымъ разглагольствованіемъ, они позволили ему увести съ собою отрока, свое будущее сокровище....

(Людовикъ Заморскій дѣйствительно обманулъ руанцевъ, и не только не думалъ о мести, но даже заключилъ договоръ съ убійцею. Смерть Гериберта, владѣтеля. Вермандоа, подала ему поводъ лишить дѣтей отцовскаго наслѣдства; но они вступили съ нимъ въ борьбу; этимъ обстоятельствомъ воспользовались нормандцы для возстанія и нашли средство похитить изъ плѣна своего молодого герцога, какъ о томъ разсказываетъ далѣе нашъ авторъ).

У Ричарда былъ воспитателемъ и дѣятельнымъ пѣстуномъ нѣкто по имени Осмундъ. Однажды, во время отсутствія короля, онъ отпустилъ верхомъ отрока, заключеннаго несправедливо въ плѣну, на птичій дворъ, чтобы учиться соколиной охотѣ. Когда же король возвратился и изъ словъ королевы Герберги [2]) узналъ, что нашъ многосвѣдующій отрокъ Ричардъ отправился для юношеской забавы за-городъ, онъ немедленно позвалъ къ себѣ Осмунда, его наставника, и въ страшномъ гнѣвѣ угрожалъ лишить его зрѣнія, если онъ попытается еще разъ увести своего господина. Послѣ того, король присоединилъ къ нему другихъ пѣстуновъ, чтобы они внимательно

---

[1]) О характерѣ и пріемахъ подобнаго воспитанія см. выше, въ ст. 5, на стр. 81.

[2]) Герберга—дочь Оттона I Великаго, по смерти перваго мужа, герцога Лотарингіи, вышла за Людовика Заморскаго.

слѣдили за отрокомъ и смотрѣли за тѣмъ, чтобы онъ не убѣжалъ. Осмундъ же, видя, что этотъ кроткій отрокъ совершенно превратился въ плѣнника, отправилъ къ жителямъ Ротомага извѣстить ихъ о такомъ преступномъ обманѣ. Пораженные подобнымъ вѣроломствомъ короля, они искали усердно помощи свыше. Вслѣдствіе того, дано было знать всѣмъ церквамъ Нормандіи и Бретани, чтобы священники служили усердно обѣдни по этому случаю, клиръ пѣлъ бы псалмы, а народъ, одѣтый въ рубище съ босыми ногами, наложилъ бы на себя постъ. Высшіе сановники нормандскіе и бретанскіе, услышавъ такую печальную вѣсть, объявили народу ежемѣсячно трехдневный постъ, возносили молитвы къ Господу Богу и раздавали бѣднымъ милостыню, чтобы имъ былъ возвращенъ желанный ихъ отрокъ Ричардъ. Клиръ монаховъ и канониковъ съ моленіемъ воспѣвалъ псалмы, народъ толпами собирался въ церквахъ со стенаніями и плачемъ. Между тѣмъ, Ричардъ, благообразный отрокъ, славный своимъ происхожденіемъ, наставлялся въ плѣну свѣдѣніями всякаго рода, укрѣплялся тѣломъ и былъ ласковъ и добръ со всѣми, какъ взрослый; избѣгалъ всего неприличнаго по силамъ своего возраста; не цѣнилъ высоко того, что́ не укрѣпляло духа; вооружалъ свой языкъ живымъ краснорѣчіемъ и отличался своею рѣчью въ разговорахъ; изучалъ тщательно и провѣрялъ то, чего не зналъ, и его не пугала темнота дѣла. Свой отроческій возрастъ онъ посвятилъ Іисусу Христу и, не смотря на всю нѣжность лѣтъ, велъ себя по всѣмъ правиламъ писанія. Такимъ образомъ, съ божіею помощью нашъ прекрасный отрокъ сіялъ бы предъ всѣми, если бы даже и не воспитывался въ королевскомъ дворцѣ. Его охотно поучали всякаго рода назиданіями и наставляли съ медоточивою сладостью придворнаго языка. Между тѣмъ царь царствующихъ и Господь Богъ, умилостивленный безпрерывными мольбами нормандцевъ и бретонцевъ и ежемѣсячнымъ ихъ постомъ, исторгнулъ слѣдующимъ образомъ Ричарда, драгоцѣннаго отрока, изъ рукъ короля. Вышепоименованный его воспитатель, Осмундъ, видя, что его господинъ остается въ плѣну слишкомъ долго и находится днемъ и ночью подъ надзоромъ другихъ пѣстуновъ, началъ думать, какимъ образомъ онъ могъ бы исхитить его, не смотря на многочисленную стражу. Однажды онъ принудилъ ребенка слечь, прикинувшись больнымъ, и безпрерывнымъ оханьемъ показывать, что болѣзнь увеличивается. Извѣстіе о ложной болѣзни Ричарда распространилось повсюду, и выдумка принята была за истину. Стражи же, полагая на третій день, что отрокъ лежитъ при смерти, разошлись по своимъ дѣламъ въ разныя стороны. Тогда Осмундъ, пользуясь тѣмъ, что король и всѣ въ городѣ сидѣли за столомъ, поспѣшно выѣхалъ изъ Лауduна и, погоняя лошадей, быстро достигъ крѣпости Кодиціака. Поручивъ отрока жителямъ, самъ онъ тою же ночью отправился къ его дядѣ Бернарду, находившемуся въ то время въ стѣнахъ Сильванекта (н. Senlis, на сѣв. отъ Парижа).

Дудо.

Hist. Normannorum, seu Libri III de moribus et actis primorum Normanniae ducum. 860 usque ad 1002.

Дудо, деканъ церкви въ С. Кантенѣ (Dudo, decanus S. Quintini) жилъ въ концѣ X и въ началѣ XI вѣка. Онъ былъ первымъ національнымъ историкомъ нормандцевъ и написалъ свою „Исторію норманновъ, или три книги о нравахъ и дѣяніяхъ первыхъ герцоговъ Нормандіи, отъ 860 до 1002 года“, по порученію именно третьяго герцога, Ричарда I, сына Вильгельма и внука Роллона. Первая книга обнимаетъ собою время нападеній норманновъ до Роллона; вторая вся посвящена Роллону, а въ третьей говорится о правленіи Вильгельма и Ричарда I. Послѣдняя книга особенно важна, потому что авторъ говоритъ о своей эпохѣ; притомъ онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Ричарду и многое слышалъ отъ его брата Рауля, графа Иври. Дудо кончилъ свою исторію по смерти Ричарда I, при его сынѣ Ричартѣ II, и посвятилъ ее знаменитому архіепископу г. Лана, Адальберу, который игралъ такую важную роль въ исторіи возвышенія Капетинговъ (см. о немъ ниже, у Рикера, IV, 41, въ ст. 40). Не смотря на напыщенность языка и хронологическія неточности, хроника Дудо принадлежитъ къ лучшимъ памятникамъ историческимъ, какъ вѣрная картина нравовъ и быта одной изъ важнѣйшихъ частей средневѣковой Франціи, откуда вышелъ въ XI ст. Вильгельмъ Завоеватель.—*Изданія*: Duchesne, Histor. Norman. 49—159 стр.; у Pertz, Monum. IV, 93—106 помѣщено одно извлеченіе.—*Критика:* Lappenberg, Geschichte von England. II, 371 стр. и слѣд.

---

40. Время послѣднихъ Карловинговъ во Франціи и вступленіе на престолъ дома Капета 973—991.

(Въ 998 г.).

Книга третья [1]).

67. Послѣ смерти короля германцевъ, Оттона (I, въ 973 г.), германцы и бельгійцы [2]) избрали королемъ сына его, Оттона (II, 973—983). Это былъ дѣятельный и добрый государь, одаренный великимъ умомъ, правдолюбивый и до того свѣдущій въ наукахъ, что во время ученыхъ диспутовъ не только могъ предлагать вопросы по всѣмъ правиламъ искусства, но и умѣлъ методически отвѣчать на нихъ. До конца своей жизни онъ удержалъ за собою королевскую власть надъ Германіею и частію Галліи, хотя она и была иногда у него оспариваема. А именно, въ то время, между имъ и Лотаремъ [3]), королемъ Галліи (то есть Франціи), существовала вели-

---

[1]) Содержаніе предъидущихъ двухъ книгъ и начало третьей до 66 главы, см. выше, въ ст. 36, на стр. 554.

[2]) Авторъ вездѣ держится древнихъ названій странъ, какъ онѣ именовались во времена Юлія Цезаря; такъ, Францію онъ называетъ не иначе, какъ Галліею, и подъ Бельгіею у него должно разумѣть Лотарингію.

[3]) Лотарь, король Франціи, былъ сынъ Людовика IV Заморскаго, и отецъ Людовика V, послѣдняго Капетинга во Франціи (954—985 г.).

кая вражда, но побѣда осталась нерѣшенною. Бельгія находилась во владѣніи Оттона, а Лотарь оспаривалъ у него эту землю, и оба они вели между собою войну, прибѣгая то къ хитрости, то къ насилію; оба они утверждали, что отцы ихъ владѣли этою землею, и каждый изъ нихъ возлагалъ свои надежды на многочисленность своихъ войскъ. На самомъ же дѣлѣ, Бельгія принадлежала королю Людовику, отцу Лотаря, который позднѣе уступилъ ее Оттону (I), отцу этого Оттона. Такимъ образомъ, Бельгія была причиною ихъ раздора.

68. Оттонъ (II) въ то время (978 г.) жилъ съ своею беременною женою, Ѳеофаніею, въ императорскомъ дворцѣ въ Ахенѣ, и Лотарь, при мысли, что противникъ такъ близко отъ него поселился, приходилъ въ сильнѣйшее негодованіе, Вслѣдствіе того, онъ пригласилъ Гуго [1]), герцога франковъ, и другихъ вельможъ на совѣщаніе въ г. Ланъ. Герцогъ прибылъ; другіе, которыхъ совѣтъ былъ нуженъ, также были введены въ королю. Когда они сѣли, король объявилъ имъ, что ему сдѣлано двойное оскорбленіе: часть его государства (т.-е. Лотарингія) отнята у него рукою врага, и теперь этотъ врагъ имѣетъ дерзость приблизиться къ его границамъ. Для него, говорилъ онъ, не такъ обидно то, что Оттонъ овладѣлъ его землею, но для него невыносимо видѣть, какъ онъ, удерживая ее въ своемъ владѣніи, безъ страха приблизился на такое недалекое разстояніе къ его границамъ. Онъ, король, горитъ желаніемъ отомстить противнику, если князья согласятся на его желаніе, и ничто не отклонитъ его отъ придпринятаго, если ему не будетъ отказано въ необходимыхъ средствахъ для войны. Онъ обѣщаетъ впослѣдствіи доказать вассаламъ свою благодарность, если его сильное желаніе найдетъ себѣ въ нихъ равное усердіе.

69. Герцогъ и другіе вельможи съ радостію приняли предложеніе короля, даже безъ всякихъ предварительныхъ совѣщаній. Они дали слово охотно идти съ королемъ и взять Оттона въ плѣнъ или убить, или обратить въ бѣгство. Но такое рѣшеніе содержалось втайнѣ, и немногіе знали о немъ по слуху, такъ что конница отправилась въ походъ, не зная куда ее ведутъ. Когда, наконецъ, собралось все войско, оно двинулось такими густыми массами, что поднятыя копья скорѣе походили на лѣсъ, нежели на вооруженную толпу, и шло отрядами, которые отличались одинъ отъ другого знаменами. Переправившись въ бродъ, чрезъ Маасъ, предводители отдѣльныхъ отрядовъ, по тщательномъ излѣдованіи, убѣдились, что Оттонъ не имѣетъ при себѣ достаточной военной силы. Такимъ образомъ, шли они далѣе, громко возвѣщая, что непріятель терпитъ недостатокъ во всемъ.

70. Когда о томъ донесли королю Оттону, онъ, какъ человѣкъ смѣлый и неустрашимый, отвѣчалъ, что Лотарь ничего предпринять не можетъ, что онъ не въ состояніи достигнуть этой страны, такъ какъ не имѣетъ для того достаточныхъ силъ и увѣренности въ своихъ людяхъ. Но когда стали прибывать вѣстники за вѣстниками и

---

[1]) Сына Гуго Великаго, и впослѣдствіи короля Франціи, съ 987 г.

доносили, что Лотарь уже очень близко, и настаивали на справедливости своихъ показаній, то, говорятъ, Оттонъ сказалъ, что его никакимъ образомъ нельзя заставить тому вѣрить, пока онъ самъ не убѣдится собственными глазами. Велѣли подать лошадей, подвели ихъ, и Оттонъ, выѣхавъ, чтобъ самому посмотрѣть, увидѣлъ, что Лотарь подходилъ съ двадцати-тысячнымъ войскомъ. Онъ колебался, встрѣтиться ли ему со врагомъ, или лучше отступить, чтобы послѣ вернуться съ большими силами. Но оставаться было невозможно, потому что Лотарь наступалъ все ближе и ближе. Оттонъ принужденъ былъ удалиться, со слезами на глазахъ, вмѣстѣ съ женою Ѳеофаніею и имперскими князьями, оставивъ на произволъ судьбы королевскій дворецъ со всѣмъ находившимся въ немъ.

71. Вслѣдъ затѣмъ явился Лотарь съ войскомъ, въ надеждѣ взять Оттона въ плѣнъ. И безъ сомнѣнія, ему бы то удалось, если бы войска его дорогою не были задержаны своимъ обозомъ. Придя днемъ прежде до бѣгства Оттона, король могъ бы взять его въ плѣнъ или умертвить. Королевскій дворецъ былъ занятъ непріятелемъ, королевскіе столы опрокинуты, приготовленный обѣдъ достался въ добычу прислугѣ. Изъ самыхъ внутреннихъ покоевъ похитили и унесли знаки королевскаго достоинства. Мѣдный орелъ съ распростертыми крыльями, котораго Карлъ Великій велѣлъ поставить на фронтонѣ своего дворца, былъ повернутъ и обращенъ на востокъ, ибо прежде германцы ставили его на западъ, дѣлая тѣмъ намекъ, что галлы могутъ быть побѣждены вновь ихъ войскомъ. Но такъ какъ Лотарь видѣлъ, что походъ его не удался, то и повелъ войско назадъ, не получивъ ни заложниковъ, ни перемирія (978 г.). Онъ думалъ возвратиться другой разъ.

72. Оттонъ, на котораго пала вся тяжесть этого позора, старался пріобрѣсти расположеніе своихъ вассаловъ подарками и милостями. Ища случая къ мести и побѣдѣ, онъ призвалъ къ себѣ всѣхъ, кому оказалъ несправедливость, возвратилъ имъ отнятое, и уступилъ обѣщанное. Примирившись такимъ образомъ съ внутренними врагами и возвратя расположеніе всѣхъ, которые отъ него отложились, Оттонъ собралъ князей своей имперіи и сказалъ имъ слѣдующую рѣчь:

73. „Не безъ причины созвалъ я васъ сюда, сіятельные мужи. Превосходныя качества ваши заставили меня рѣшиться просить совѣта у васъ, украшенныхъ мудростію и возвышенныхъ мужественнымъ духомъ. Я не сомнѣвался, что вы ободрите меня самымъ лучшимъ совѣтомъ, потому что мнѣ памятно, съ какою твердостью и постоянствомъ сохраняли вы до сихъ поръ свою вѣрность ко мнѣ. Съ мощною силою, сіятельные мужи, стремились вы до сихъ поръ къ хваламъ, чести и славѣ, и были хорошими совѣтниками и непобѣдимыми воинами. Нынѣ вамъ предстоитъ обнаружить не меньшую доблесть, чтобы вмѣсто похвалъ не покрыться стыдомъ и позоромъ. Соберите же всю свою силу, и если позорная укоризна лежитъ на васъ, снимите ее съ свѣтлаго блеска своей славы. Вамъ не безъизвѣстно, какъ Лотарь принудилъ насъ къ постыдному бѣгству. Для вашей славы необходимо смыть такое пятно не только походомъ, но даже смертію. Настоящая минута и силы, въ которыхъ у насъ

нѣтъ недостатка, дозволяютъ приступить къ мести. Если вы хотите лучше быть властелинами, чѣмъ рабами, то не пренебрегайте этимъ предпріятіемъ, пока еще юность даетъ намъ силу и непреклонное мужество. Покажите всю вашу мощь и заставьте трепетать тѣхъ, кто хотѣлъ обращаться съ вами, какъ съ простою низкою чернью". Эта рѣчь заставила всѣхъ согласиться на предпріятіе.

74. Нынѣшній разъ Оттонъ взялъ съ собою въ Галлію 30,000 всадниковъ. Ни мало не медля, онъ выступилъ въ походъ, выславъ предъ собою отдѣльные отряды. Вся кельтическая Галлія была заводнена его войскомъ, и онъ опустошилъ всю страну грабежемъ и пожаромъ. Теперь въ свою очередь Лотарь, не имѣя при себѣ войска, увидѣлъ себя стѣсненнымъ. Оттонъ принудилъ Лотаря въ плачевномъ состояніи перейти Сену и бѣжать къ герцогу (т.-е. Гуго). Испуганный внезапнымъ непріятельскимъ вторженіемъ, Лотарь поспѣшилъ въ Этампъ, а герцогъ остался въ Парижѣ, чтобъ собрать войско. Между тѣмъ, Оттонъ поспѣшно подвигался съ своимъ войскомъ къ Парижу; королевскій дворецъ въ Аттиньи по его приказанію былъ разграбленъ и сожженъ; потомъ онъ прошелъ черезъ область города Реймса, гдѣ оказалъ большое почтеніе святому Ремигію. Суассонъ прошелъ онъ также мимо и поклонился святому Медарду (Medardus); но дворецъ въ Компьенѣ почти совершенно разрушилъ. Предводители же, которыхъ онъ послалъ впередъ, безъ его вѣдома сожгли до основанія монастырь святой Бальтильды въ Шеллѣ (Chelles). Этимъ Оттонъ былъ очень огорченъ, и послалъ большіе подарки для его возстановленія. Наконецъ, достигнувъ Сены, Оттонъ разбилъ лагерь въ виду Парижа (978 г.) и приказалъ опустошать всю страну въ продолженіи трехъ дней.

75. Всадники и прислуга разъѣзжали по всѣмъ направленіямъ въ окружности 160 стадій для сбора жизненныхъ потребностей. Между тѣмъ оба войска стояли другъ противъ друга, раздѣленныя Сеною, и ни одно изъ нихъ не нападало на другое. Герцогъ собиралъ на своемъ берегу рѣки воиновъ, но трехъ дней не достаточно было, чтобы соединить значительное число всадниковъ, а потому силы его были ничтожны для нападенія.

76. Когда, такимъ образомъ, оба войска находились въ нерѣшительномъ положеніи, и съ обѣихъ сторонъ ревностно обдумывались средства обезпечить за собою побѣду, какой-то смѣлый и увѣренный въ своей тѣлесной силѣ германецъ выступилъ совершенно одинъ, въ полномъ вооруженіи, и предложилъ при мостѣ, гдѣ находились ворота, снабженныя засовами и желѣзными гвоздями, вступить въ бой съ кѣмъ нибудь изъ непріятелей. Громкимъ голосомъ вызывалъ онъ нѣсколько разъ противника на поединокъ. Потомъ, въ насмѣшку галламъ, онъ сталъ произносить разныя ругательства, но никто ему не отвѣчалъ. Стража донесла, между тѣмъ, герцогу и другимъ князьямъ, находившимся по близости воротъ, что на мосту стоитъ воинъ, ищущій себѣ противника для поединка; что онъ насмѣшливо и позорно отзывается о князьяхъ, и не хочетъ уйти прежде, чѣмъ не выйдетъ кто-нибудь съ нимъ помѣряться, или пока не будутъ открыты ворота для всего непріятельскаго войска. Герцогъ и князья

не хотѣли вынести такого позора и уговаривали воиновъ не навлекать на себя посрамленія, но прогнать сумасброда и тѣмъ пріобрѣсти славное имя. Вскорѣ вызвались на это многіе храбрые воины. Изъ нихъ выбранъ былъ одинъ, по имени Иво, который, получивъ обѣщаніе, что ему дадутъ награду за храбрость, вышелъ на битву. Засовы были отодвинуты, ворота отперлись. Оба противника идутъ другъ на друга. Держа передъ собою щиты и потрясая копьями, полные гнѣва, они едва произносятъ другъ противъ друга нѣсколько бранныхъ словъ. Наконецъ, германецъ мечетъ свое копье и сильнымъ ударомъ пронзаетъ щитъ галла, потомъ обнажаетъ мечъ и нападаетъ на противника; но въ ту же минуту галлъ пустилъ въ него своимъ копьемъ, попалъ въ бокъ и лишилъ жизни. Такимъ образомъ, побѣда осталась за галломъ; онъ снялъ оружіе съ низложеннаго врага и принесъ его къ герцогу. Какъ храбрый мужъ, онъ требуетъ своей награды и получаетъ ее.

77. Оттону не было безъизвѣстно, что галльское войско собиралось мало-по-малу. Принявъ въ соображеніе, что его люди вслѣдствіе далекаго похода и отъ нападеній непріятелей могли уже утомиться, онъ рѣшился начать отступленіе и приказалъ снять лагерь. Обозъ также старались убрать какъ можно скорѣе, и когда все второпяхъ было собрано, войско поспѣшно и не безъ страха удалилось. Такъ оно достигло рѣки Энь (Aisne); часть войска перешла уже ее съ большою поспѣшностію, но другіе едва успѣли войти въ воду, какъ галлы напали на нихъ съ тылу. Всѣ застигнутые на томъ берегу пали отъ меча, и ихъ было много, хотя между ними не случилось ни одного знатнаго человѣка. Между тѣмъ, Оттонъ продолжалъ свое отступленіе, пока не достигъ Бельгіи. Тамъ онъ распустилъ свое войско. Но Оттонъ пріобрѣлъ расположеніе и любовь своихъ въ такой высокой степени, что они обѣщали ему свою помощь какъ въ этой, такъ и во всякой другой опасности.

78. Увидѣвъ, что Оттона нельзя ни обмануть хитростію, ни побѣдить силою, Лотарь часто и много размышлялъ, что̀ для него лучше, продолжать-ли войну, или примириться съ врагомъ. Если онъ будетъ продолжать войну, то очень возможно, думалъ онъ, что герцогъ (Гуго Капетъ) позволитъ себя подкупить и опять войдетъ въ дружбу съ Оттономъ. Если же онъ долженъ примириться съ врагомъ, то это должно быть немедленно сдѣлано, чтобъ герцогъ не узналъ о томъ прежде и также не вступилъ бы съ Оттономъ въ переговоры. Такія заботы занимали Лотаря ежедневно, и онъ ясно видѣлъ, что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, онъ долженъ опасаться герцога. Наконецъ, его совѣтники порѣшили на томъ, чтобъ король примирился съ Оттономъ, потому что послѣдній былъ человѣкъ сильный, съ помощію котораго не только можно было держать въ границахъ герцога, но и другіе нѣкоторые непокорные владѣтели могли бы быть усмирены. Такимъ образомъ, со стороны Лотаря отправлены были послы. Оттонъ принялъ ихъ самымъ милостивымъ образомъ; и такъ, безъ вѣдома герцога, начались переговоры о мирѣ (990 г.).

79. „До сихъ поръ, говорили послы, все шло по желанію тѣхъ,

которые любятъ раздоръ, ссору и кровопролитіе; они даже радовались всему тому, надѣясь при несогласіи королей скорѣе удовлетворить собственному своему корыстолюбію. Такіе люди стремятся къ всеобщей гибели, потому что въ смутныя времена надѣются пріобрѣсти болѣе выгоды и славы. Но общественное благо много выиграетъ, если злобѣ безбожныхъ будетъ положенъ предѣлъ, а добродѣтель благомыслящихъ возсіяетъ чище дневного свѣта. Да возвратится же къ намъ добродѣтель и да царствуетъ она между славными королями; пусть обузданные вашею силою, виновники столь великаго бѣдствія остаются на будущее время неподвижными, и да управляется государство вашею мудростію, не потрясаясь страстями корыстолюбивыхъ людей. Ибо, соединясь дружбою, каждый изъ васъ будетъ имѣть вмѣсто одного два войска, и оба вы будете царствовать въ большей безопасности. Тогда, если случится, что одинъ долженъ будетъ отправиться на крайніе предѣлы своего государства, другой, какъ братъ, вѣрно защититъ его владѣнія. И такъ, да угодно будетъ свѣтлѣйшимъ королямъ, соединеннымъ уже узами крови, заключить между собою миръ и дружбу. Да будетъ въ состояніи искренняя дружба соединить двухъ владѣтелей, несогласіе которыхъ угрожаетъ гибелью общему дѣлу, а согласіе приноситъ пользу и даетъ силы“.

80. Оттонъ отвѣчалъ на это: „Я знаю, какой великій вредъ часто приноситъ государствамъ раздоръ, когда короли предпринимаютъ другъ противъ друга враждебныя дѣйствія. Не безъизвѣстно мнѣ также, какъ полезны народамъ дружба и согласіе. Я всегда любилъ болѣе всего миръ и согласіе, и всегда ненавидѣлъ раздоръ и ссоры. И такъ вы, которые, какъ я вижу, весьма расположены къ миролюбію, стараетесь теперь устроить примиреніе между разсорившимися сторонами, причинившими своею враждою такъ много вреда общему дѣлу. Я согласенъ съ вашимъ совѣтомъ, и желаю, чтобы дѣла были согласны съ словами“. Окончивъ переговоры, послы возвратились назадъ; имъ удалось примирить королей, сообщивъ каждому изъ нихъ о доброжелательныхъ намѣреніяхъ другого. Условлено было обоимъ королямъ встрѣтиться; мѣсто и время встрѣчи назначены удобныя; такъ какъ Маасъ составляетъ границу ихъ государствъ, то рѣшено было, что они должны сойтись въ мѣстѣ, которое называется Марголіусъ.

81. Такимъ образомъ, они встрѣтились, подали другъ другу руки и безъ непріязненнаго чувства, со всею искренностію, обнялись. Взаимная дружба скрѣплена была клятвою. Часть Бельгіи, о которой шелъ споръ, досталась Оттону. Обезпечивъ государству миръ, Оттонъ отправился въ Италію и прибылъ въ Римъ, чтобы увидѣться со своими и освѣдомиться о состояніи государства. Онъ думалъ, въ случаѣ, если тамъ возникли безпокойства, уничтожить ихъ, и если между князьями начался раздоръ, водворить миръ. Лотарь же возвратился въ Ланъ и занялся устройствомъ своихъ дѣлъ вмѣстѣ съ своими баронами. Къ герцогу онъ не имѣлъ болѣе никакого довѣрія, такъ какъ, заключивъ помимо его миръ, онъ не могъ ожидать отъ него ничего хорошаго. Объ этомъ дѣлѣ говорили даже открыто,

и многіе обнаруживали по поводу мира живое негодованіе за герцога. Самъ-же герцогъ скрылъ свое раздраженіе и, казалось, перенесъ обиду равнодушно. Потомъ, такъ какъ у него былъ обычай ничего не предпринимать безъ совѣта своихъ, онъ созвалъ знатнѣйшихъ изъ своихъ людей и обратился къ нимъ съ слѣдующею рѣчью:

82. „Благоразумно дѣлаетъ, кто о томъ, что̀ полезно и справедливо, совѣтуется съ опытными людьми. У такихъ только людей можно съ честію просить совѣта, и такіе только люди могутъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ подать хорошій совѣтъ. Вы прямые мои совѣтники, и у меня не вышло изъ памяти, какъ часто и какую сильную и полезную помощь вы оказывали мнѣ противъ враговъ моихъ и способствовали моимъ побѣдамъ. Я не сомнѣваюсь, что вы, которые пожатіемъ руки и клятвою, обѣщали мнѣ свою вѣрность, сохраните ее ненарушимо и на дальнѣйшее время, а потому нисколько не колеблюсь просить у васъ теперь совѣта. Если вы дадите мнѣ хорошій совѣтъ, то успѣхъ принесетъ и вамъ пользу; если же вы мнѣ въ немъ откажете, то отказъ можетъ повлечь за собою вредныя послѣдствія, которымъ и вы рискуете подвергнуться съ безчестіемъ. Такъ какъ теперь дѣло идетъ о вопросѣ жизни, то подайте мнѣ самый лучшій вашъ совѣтъ. Не безъизвѣстно вамъ, съ какою лукавою хитростію обманулъ меня, простодушнаго, Лотарь, войдя въ переговоры и заключивъ миръ съ Оттономъ. Кто могъ забыть, съ какимъ самоотверженіемъ я подвергался за него столь великой опасности, когда онъ съ моею помощію обратилъ въ бѣгство непріятеля, очистилъ отъ него Бельгію и самъ овладѣлъ ею? Чего я могу ожидать отъ Лотаря хорошаго, когда онъ такъ коварно нарушилъ въ отношеніи меня вѣрность“?

83. Князья отвѣчали на это: „Намъ не только не безъизвѣстно, какимъ опасностямъ ты съ нами подвергался за короля Лотаря, но мы понимаемъ также и опасность настоящаго положенія, въ которомъ находится твое высочество, если правда, какъ идетъ слухъ, что оба короля соединились противъ тебя. Теперь, если ты соберешь свои военныя силы, чтобъ защищаться противъ одного непріятеля, то ты будешь уже имѣть дѣло съ обоими. Если же ты рѣшишься выступить противъ обоихъ, то не избѣжишь великихъ потерь; мы накликаемъ на себя превосходное силою войско, преслѣдованія всякаго рода, пожаръ, грабежи. Но хуже всего—оскорбительныя рѣчи измѣнчивой толпы, которая не будетъ говорить, что ты защищаешься противъ враговъ, но что ты злодѣйски и клятвопреступно возмутился противъ короля. Чтобъ нарушить свою клятву, не вмѣняя того себѣ въ преступленіе, они ложно будутъ тогда утверждать, что имѣютъ право, по собственной волѣ, держать сторону кого хотятъ; имѣютъ право оставить своихъ властителей и дерзкимъ образомъ отвернуться отъ нихъ. Въ этой опасности, такимъ образомъ, послѣдній и самый лучшій совѣтъ, какъ намъ кажется, будетъ тотъ, чтобъ мы, такъ какъ противъ насъ соединены два врага, постарались отдѣлить ихъ другъ отъ друга. Если же мы не будемъ въ состояніи разорвать ихъ союзъ, то должны, по крайней мѣрѣ, одного изъ нихъ склонить на свою сторону, чтобы онъ, какъ нашъ приверженецъ, не

оказывалъ другому никакой помощи и не увеличивалъ тѣмъ его силы. Но это исполнимо только въ томъ случаѣ, если ты къ Оттону, находящемуся теперь въ Римѣ, отправишь пословъ, и осторожно, и искусно постараешься расположить его въ свою пользу. Оттонъ не такъ простъ, чтобъ не знать, какъ много превосходишь ты Лотаря военными силами и богатствомъ, ибо о нихъ онъ не только часто слыхалъ, но и узналъ собственнымъ опытомъ. Поэтому тебѣ не трудно будетъ пріобрѣсти его дружбу, къ чему можетъ способствовать и существующее между вами кровное родство. Въ этомъ отношеніи ты къ нему также близокъ, какъ и Лотарь".

84. Герцогъ одобрилъ этотъ совѣтъ и отправилъ пословъ въ Римъ, чтобы сообщить Оттону свои намѣренія. Король принялъ пословъ очень ласково, выказалъ большую готовность къ дружескому союзу и объявилъ, что если бы герцогъ самъ пріѣхалъ къ нему, дабы еще тѣснѣе скрѣпить дружбу, то онъ бы принялъ его и тѣхъ, которые съ нимъ будутъ, съ большимъ почетомъ. Возвратившись назадъ, послы донесли герцогу, чт̀о имъ было сказано. Тогда герцогъ взялъ себѣ въ спутники людей, обладавшихъ великимъ благоразуміемъ и хитростію, а именно епископа орлеанскаго Арнульфа, Бургарда......[1]) и еще другихъ, въ которыхъ онъ необходимо нуждался, и пустился въ Римъ. Тамъ, выразивъ сначала благоговѣніе къ св. апостоламъ, онъ отправился къ королю.

85. Стараясь воспользоваться этимъ обстоятельствомъ для увеличенія своей славы, Оттонъ съ намѣреніемъ устроилъ такъ, чтобъ всѣ его люди оставили королевскій покой, а мечъ свой приказалъ положить на походномъ стулѣ. Герцога должны были ввести къ нему одного, въ сопровожденіи только епископа, для того, чтобы епископъ, въ то время какъ король будетъ говорить по-латинѣ, могъ объяснить герцогу въ переводѣ то, чт́о онъ ему скажетъ. Когда они вошли, король принялъ ихъ чрезвычайно ласково. Не напоминая ему прошлыхъ обидъ, онъ поцѣловалъ герцога и увѣрилъ его въ своемъ благоволеніи и дружбѣ. Когда они переговорили о многомъ относительно предстоящихъ своихъ дружескихъ плановъ, король собрался уйти и при этомъ оглянулся на свой мечъ. Герцогъ отступилъ въ сторону и наклонился, чтобъ поднять и нести за королемъ мечъ, который и былъ положенъ на стулъ съ тою цѣлью, чтобъ герцогъ передъ глазами всѣхъ пронесъ королевскій мечъ и тѣмъ бы выразилъ, что и на будущее время онъ будетъ носить за королемъ. Но епископъ, заботясь о чести герцога, быстро выхватилъ у него мечъ изъ рукъ и понесъ самъ за королемъ. Король отдалъ справедливость благоразумію и находчивости епископа, и часто потомъ съ похвалою вспоминалъ о немъ въ разговорахъ со своими. Герцогу также оказалъ онъ много дружбы и приказалъ проводить его почти до самыхъ Альпъ.

86. Но король Лотарь и королева Эмма приготовляли ему ковы, и составили искусный планъ взять его въ плѣнъ на обратной дорогѣ. Съ этимъ намѣреніемъ, король Лотарь написалъ къ Конраду,

---

[1]) Въ текстѣ пропускъ.

королю аллемановъ [1]), письмо слѣдующаго содержанія: „Лотарь, божіей милостію, король франковъ, желаетъ Конраду, королю аллемановъ, всего, чего только онъ самъ себѣ пожелать можетъ. Цѣлію моихъ всегдашнихъ желаній было—ненарушимо сохранять издавна существующую между нами дружбу. Такъ какъ, съ моей стороны, она можетъ принести для васъ хорошіе плоды, то я нашелъ полезнымъ сдѣлать вамъ одно открытіе и просить объ одной услугѣ. Знайте же, что я герцога (т.-е. Гуго Капета) до сихъ поръ считалъ своимъ другомъ. Когда же я узналъ, что онъ въ душѣ мой врагъ, я отказался отъ дружескаго съ нимъ обращенія. Поэтому онъ поѣхалъ теперь въ Римъ и обратился къ Оттону, чтобы оклеветать меня передъ нимъ и уговорить его къ вреднымъ замысламъ противъ моего королевства. Постарайтесь теперь употребить всевозможныя усилія и всѣми мѣрами позаботьтесь, чтобъ онъ не ушелъ. Прощайте“. Вслѣдствіе того, разставлены были вездѣ лазутчики, которые должны были сторожить герцога въ горныхъ ущеліяхъ, на скалистыхъ тропинкамъ и въ узкихъ проходахъ.

87. Королева же Эмма писала къ своей матери въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Высокую императрицу Аделаиду, свою мать, привѣтствуетъ Эмма, королева франковъ. Хотя и отдаленная отъ васъ обширными странами, однако, какъ дочь, я прибѣгаю къ своей матери съ мольбою о помощи. Герцогъ Гуго коварными ухищреніями не только отклонилъ отъ насъ князей нашего государства, но старается также отдалить и моего брата Оттона (II). Для этого онъ поѣхалъ къ нему въ Римъ. Чтобы онъ не могъ хвалиться большимъ успѣхомъ, я на колѣняхъ прошу тебя, мать моя, чтобъ этотъ столь опасный врагъ нашъ не былъ пропущенъ на обратной дорогѣ. Если возможно, его слѣдуетъ задержать въ плѣну, или, по крайней мѣрѣ, не безнаказанно пропустить. Но чтобъ лукавый врагъ не ускользнулъ отъ васъ, посредствомъ своихъ хитростей, то я озаботилась точно обозначить вамъ всѣ главныя примѣты его наружности“. Затѣмъ слѣдовало точное описаніе герцога, его глазъ, ушей, губъ, зубовъ, носа и другихъ частей тѣла, а также его манеры говорить, чтобъ по этимъ знакамъ могли его узнать люди, которые даже никогда его не видали.

88. Герцогъ, которому все это было небезъизвѣстно, ускорилъ своимъ возвращеніемъ. Опасаясь преслѣдованій, онъ измѣнилъ одежду и принялъ на себя видъ слуги. Самъ велъ вьючныхъ лошадей и ухаживалъ за ними; навьючивалъ и снималъ поклажу; всѣ принимали его за расторопнаго служителя, и, такимъ образомъ, благодаря своему наряду и умѣнью подражать простолюдинамъ въ обращеньи, онъ не былъ узнанъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыхъ нельзя было обойти и гдѣ ждали его шпіоны. Разъ только едва не былъ онъ схваченъ въ одной гостинницѣ. Въ ней ему пришлось провести всю ночь; по-

---

[1]) Т.-е. Бургундскому. См. объ этой особенности нашего автора выше, на стр. 589, ссыл. 2. Конрадъ былъ сынъ Рудольфа II Бургундскаго и Итальянскаго короля; Эмма-же родилась отъ перваго брака его сестры, знаменитой Аделаиды, съ Лотаремъ II, королемъ Италіи; см. Родослов. таб. № 2.

стель была приготовлена для него съ особою заботливостію, и всѣ его служители стояли вокругъ него и прислуживали ему. Одни, на колѣняхъ, снимали съ него сапоги, другіе принимали снятые сапоги подъ сохраненіе, третьи, въ то время, какъ онъ сидѣлъ, передъ нимъ на корточкахъ мыли ему ноги и вытирали ихъ концами своихъ одеждъ. Хозяинъ же наблюдалъ все это черезъ скважину двери. Но такъ какъ его поймали, когда онъ подсматривалъ, то, чтобъ онъ не выдалъ ихъ, его позвали въ комнату. Люди герцога обнажили свои мечи и, угрожая пронзить его, если онъ издастъ хотя одинъ звукъ, связали ему руки и ноги и заперли. Такъ пролежалъ онъ скрученный и связанный до разсвѣта. Отправляясь опять въ дорогу, рано утромъ, путешественники привязали хозяина къ лошади и тащили его за собою до тѣхъ поръ, пока не вышли изъ опасныхъ мѣстъ. Миновавъ ихъ, они позволили ему бѣжать, а сами поспѣшно продолжали путешествіе. Не менѣе предусмотрительности и ловкости нужно было герцогу, чтобъ ускользнуть отъ преслѣдованій короля Конрада, сыщики котораго также со всевозможными хитростями подстерегали его. Наконецъ, онъ, избавившись отъ столь великой опасности, возвратился въ Галлію (т.-е. во Францію).

89. Лотарь и Гуго знали теперь все о своихъ обоюдныхъ проискахъ, и продолжали другъ съ другомъ борьбу, не оружіемъ, но тайными предпріятіями, и съ такимъ ожесточеніемъ, что раздоръ государей, продолжавшійся нѣсколько лѣтъ, надѣлалъ много вреда общественному благосостоянію. Въ ту пору безбожные люди позволяли многое присвоять себѣ силою и притѣснять бѣдныхъ; слабые должны были испытать вопіющія несправедливости. Наконецъ, благоразумные люди обѣихъ партій собрались на совѣщаніе и подняли громкія жалобы на то, что ихъ государи живутъ въ такой взаимной враждѣ (981 г.).

90. И они опредѣлили, чтобы приверженцы одного отправились къ другому съ примирительными предложеніями, для того, чтобы каждый изъ нихъ, расположенный предварительно миролюбіемъ своего противника, тѣмъ легче оказался склоннымъ къ миру и раскаялся въ своемъ разрывѣ. Рѣшеніе это было приведено въ исполненіе и повело къ благопріятнымъ результатамъ, ибо противники позволяли себя склонить къ миру и опять соединились съ большою любовью. Такимъ образомъ, казалось, что дружба ихъ скрѣпилась снова.

91. Король, желая доставить наслѣдство сыну своему Людовику (V, Лѣнывый), просилъ герцога, чтобы онъ также принялъ участіе въ этомъ избраніи. Герцогъ отвѣчалъ, съ большою готовностію, что онъ употребитъ всѣ свои старанія къ тому, разослалъ своихъ пословъ и собралъ князей государства въ Компьенѣ. Тамъ, герцогъ (Гуго Капетъ) и съ нимъ другіе князья, провозгласили Людовика королемъ, и въ день святой Троицы, блаженной памяти, архіепископъ Реймскій, Адальбертъ возвелъ его въ достоинство короля франковъ. Съ того времени (981 г.) было два короля, и герцогъ своею любезностію и разными услугами, въ продолженіи многихъ дней, старался пріобрѣсти ихъ благоволеніе. Онъ показывалъ себя ревностнымъ защитникомъ королевскаго достоинства, оказывалъ коро-

лямъ совершенную покорность и обѣщалъ даже такъ устроить дѣла, чтобъ они могли владычествовать сильною рукою не только надъ побѣжденными уже народами, но и подчинить непокорныхъ. Онъ даже имѣлъ мысль, чтобы каждый изъ двухъ королей жилъ и правилъ въ особомъ государствѣ, для того, чтобы тѣсныя границы одного государства не повредили уваженію къ обоимъ королямъ.

Въ слѣдующихъ главахъ, отъ 92 до 98, нашъ авторъ дѣлаетъ большое отступленіе по поводу плана послѣднихъ Карловинговъ подчинить своему вліянію южную Францію, или Готію, какъ ее называетъ авторъ, по своей любви къ древнимъ названіямъ. Этого же хотѣлъ и Гуго, желавшій доставить каждому королю особое королевство, но Лотарь, желая обойтись безъ его услугъ, воспользовался смертью герцога Тулузскаго Раймунда, и женилъ на его вдовѣ Аделаидѣ, женщинѣ преклонныхъ лѣтъ, своего сына Людовика, едва достигшаго зрѣлыхъ лѣтъ. Но никто не хотѣлъ повиноваться Людовику, предавшемуся развратной жизни; его оставила даже жена и вышла въ третій разъ замужъ за герцога Арелатскаго, Вильгельма; такъ что Лотарь былъ вынужденъ отозвать Людовика назадъ, оставивъ свои планы на завоеваніе южной Франціи. Послѣдовавшая затѣмъ смерть императора Оттона II (983 г.), и интриги его двоюроднаго брата Гейнриха Баварскаго (у нашего автора, Гецило), воспользовавшагося малолѣтствомъ сына Оттона II, Оттона III (см. о томъ у Титмара, выше, ст. 34 на стр. 510), доставили Лотарю возможность вознаградить свою неудачу въ южной Франціи покушеніемъ на Лотарингію. Смутное состояніе дѣлъ въ Германіи, какъ нельзя лучше, благопріятствовало планамъ Лотаря, и онъ немедленно началъ дѣйствовать.

99. Въ то время (т.-е. по смерти Оттона II, въ 983 г.), Германія собственно не имѣла никакого короля, потому что малолѣтній Оттонъ (III), по причинѣ своего нѣжнаго возраста, не могъ управлять, а Гецило (Гейнрихъ II Баварскій), жаждавшему власти, князья отказали въ коронѣ. Лотарь считалъ это благопріятнымъ обстоятельствомъ для себя и задумалъ въ другой разъ сдѣлать нападеніе на Бельгію (т.-е. Лотарингію), чтобъ подчинить ее своему владычеству: Оттона (II) не было болѣе въ-живыхъ; князья жили между собою несогласно, а королевская власть не охраняла достоинства государства.

100. Вслѣдствіе того, Лотарь пригласилъ къ себѣ двухъ знаменитыхъ и могущественныхъ мужей, Одо и Гериберта, и сообщилъ имъ тайну своихъ плановъ. Такъ какъ онъ не задолго передъ тѣмъ наградилъ ихъ богатыми владѣніями и хорошо укрѣпленными замками ихъ умершаго, бездѣтнаго дяди, то они объявили себя готовыми на всякую услугу, тайную или явную. Король, видя ихъ расположеніе къ его интересамъ, объявилъ имъ, что онъ намѣренъ потребовать обратно Бельгію и завоевать ее силою оружія; они отвѣчали ему, что начало къ этому должно быть сдѣлано съ Вердюна, какъ самаго ближайшаго города, и что они сами готовы осадить его, и не отступятъ прежде, пока онъ не будетъ взятъ. Потомъ, какъ скоро городъ будетъ взятъ и обезпеченъ за королемъ присягою жителей и заложниками, они подвинутся далѣе, и до тѣхъ поръ будутъ оставаться въ Бельгіи, пока вся страна не будетъ покорена

или пока всѣ бельгійцы не объявятъ себѣ побѣжденными и не подчинятся королю. Король принялъ такое предложеніе и, соединивъ немедленно свое войско съ ихъ отрядами, повелъ его противъ Вердюна (984 г.) [1]).

101. Городъ Вердюнъ расположенъ такимъ образомъ, что съ одной стороны предъ нимъ стелется долина, и оттуда его легко можно взять; между тѣмъ, какъ съ другой стороны онъ неприступенъ. А именно, онъ окруженъ глубокимъ рвомъ, и кто переберется чрезъ него, встрѣчаетъ крутыя скалы. Положеніе жителей города особенно благопріятно и по изобилію источниковъ и колодцевъ, а съ крутой стороны, гдѣ протекаетъ рѣка Маасъ, городъ богатъ лѣсомъ. Осаждающіе приготовили, со стороны долины, примыкающей къ городу, разнаго рода военные снаряды, и осажденные не менѣе сдѣлали приготовленій къ сопротивленію. Восемь дней враги бились почти безъ перерыва. Увидѣвъ же, что соотечественники ихъ не посылаютъ къ нимъ никакой помощи, и что они не въ состояніи выдержать тяжести безпрерывной борьбы, жители, посовѣтовавшись, сдались непріятелю, прежде нежели претерпѣли дальнѣйшія бѣдствія осады. Такимъ образомъ, они отворили ворота города и подчинились Лотарю.

102. Послѣ того, король оставилъ свою жену, королеву Эмму, въ городѣ, а самъ съ своимъ войскомъ возвратился въ Лаvъ, позволивъ своимъ отправиться на родину. Но своею обходительностью онъ заставилъ ихъ такъ полюбить себя, что они вызвались, если онъ хочетъ, повторить походъ и, незаботясь о своихъ домашнихъ дѣлахъ и дѣтяхъ, продолжать войну и наступать далѣе. Тогда Лотарь совѣтовался со своими, что̀ будетъ полезнѣе: идти ли далѣе и подчинить всю Бельгію силою оружія, или оставаться въ Вердюнѣ и выслать посредниковъ, чтобы переговорами склонить непріятелей на свою сторону. Онъ разсуждалъ такъ, что если онъ подчинитъ ихъ мечемъ, и что невозможно безъ большого кровопролитія, то впослѣдствіи онъ будетъ имѣть у нихъ мало довѣрія, какъ убійца ихъ соплеменниковъ. Съ другой стороны, если онъ будетъ ожидать, пока они добровольно возвратятся подъ его владычество, то можно опасаться, что такое промедленіе сдѣлаетъ непріятеля только еще упорнѣе.

103. Когда онъ подробно обдумывалъ все это, Теодерихъ, герцогъ Бельгіи, вмѣстѣ съ благороднымъ и храбрымъ Готфридомъ, сіятельнымъ Сигфридомъ, и высокоуважаемыми, знаменитыми братьями Бардо и Гоцило и разными другими князьями выступили въ походъ и сдѣлали попытку овладѣть Вердюномъ, выгнавъ оттуда галловъ. Посредствомъ хитрости, удалось имъ съ отборнымъ отрядомъ ворваться въ кварталъ купцовъ, который, на подобіе крѣпости, былъ окруженъ стѣнами и, хотя отдѣлялся отъ города Маасомъ, но на-

---

[1]) Описаніе этой войны, въ 984 г., сдѣлано авторомъ съ такою обстоятельностью, что мы не имѣемъ ничего подобнаго для военной исторіи этой отдаленной эпохи среднихъ вѣковъ. Авторъ рисуетъ намъ съ величайшими подробностями всѣ средства ратнаго дѣла въ концѣ X столѣтія.

ходился въ связи съ нимъ посредствомъ двухъ мостовъ. Туда распорядились они свезти изъ страны, посредствомъ разъѣзжающихъ по всѣмъ направленiямъ конныхъ отрядовъ, всѣ необходимые съѣстные припасы. Запасы купцовъ также забраны были для войска. Изъ Аргонискаго лѣса приказали они доставить деревья, чтобы, въ случаѣ, если непрiятель станетъ возводить извнѣ сооруженiя противъ стѣнъ, противоставить ему равнымъ образомъ свои сооруженiя. Изъ древесныхъ вѣтвей и ивовыхъ прутьевъ было приказано плести крѣпкiе плетни, на случай нужды ставить ихъ на воздвигнутыхъ сооруженiяхъ. Множество кольевъ велѣли они набить желѣзными наконечниками и закалить въ огнѣ, чтобъ ими прокалывать непрiятелей. Кузнецы должны были приготовлять всякаго рода метательное оружiе. Собраны были тысячи канатовъ для различнаго употребленiя. Заготовлены щиты, чтобъ можно было составить крышу для приступа, и, кромѣ того, не было недостатка и въ сотняхъ другихъ смертоносныхъ орудiй.

104. Узнавши о томъ, Лотарь былъ чрезвычайно разсерженъ и приказалъ опять созвать свое только-что распущенное войско, пошелъ съ десятью-тысячами воиновъ къ Вердюну и внезапно напалъ на непрiятелей. Первое нападенiе сдѣлали стрѣлки изъ луковъ. Стрѣлы, ручныя ядра и другiя метательныя орудiя летѣли градомъ по воздуху, такъ что казалось, будто они падаютъ съ облаковъ и выскакиваютъ изъ земли. Однако, непрiятели защищались противъ такого натиска, устроивъ надъ своими головами крышу изъ щитовъ и примкнувъ ее къ стѣнѣ такъ, что бросаемыя орудiя отскакивали отъ нея и безвредно падали на землю. Послѣ этого перваго приступа галлы начали правильную осаду со всѣхъ сторонъ и окопали свой лагерь глубокими рвами, чтобы, въ случаѣ нечаяннаго нападенiя непрiятелей, затруднить имъ доступъ къ себѣ.

105. Потомъ, натащили они высокихъ, срубленныхъ при корнѣ сосенъ, чтобы построить осадную башню. Они положили на землю четыре балки, по тридцати футовъ длиною каждая, такимъ образомъ, что двѣ изъ нихъ лежали на разстоянiи десяти футовъ одна отъ другой, а двѣ другiя, на такомъ же разстоянiи прикрѣплены были поперегъ первыхъ. Заключенное такимъ образомъ пространство имѣло десять футовъ въ длину и столько же въ ширину, а внѣ его балки съ обѣихъ сторонъ выдавались также на десять футовъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ балки соединялись одна съ другой, поставили они, посредствомъ воротовъ, четыре сваи, каждая въ сорокъ футовъ вышины, которыя, стоя отвѣсно и на равномъ разстоянiи одна отъ другой, образовали высокiй четыреугольникъ. Въ двухъ мѣстахъ, именно вверху и въ срединѣ, чрезъ всѣ четыре стороны положены были десяти-футовыя, поперечныя балки, которыя должны были крѣпко связать между собою угловыя сваи. Отъ концевъ же балокъ, на которыхъ эти сваи стояли, были проведены почти до верхнихъ поперечинъ, въ косвенномъ положенiи, четыре подпорки и прикрѣплены къ сваямъ, чтобъ черезъ это вся постройка извнѣ получила твердость и не шаталась. На поперечныя балки, которыя скрѣпляли башню въ срединѣ и вверху, положены были толстыя доски и при-

крыты плетенными оградами, чтобы воины, стоя на нихъ, могли бросать сверху на непріятеля метательныя копья и камни. Когда постройка эта была готова, они хотѣли подвезти ее къ непріятельской стѣнѣ, но, страшась стрѣлковъ, стали размышлять о способѣ, какимъ образомъ можно бы было приблизиться къ непріятелю безъ потери. Послѣ долгаго размышленія, дѣйствительно они изобрѣли превосходное средство подвести башню къ стѣнѣ.

106. Именно, они врыли впереди башни четыре столба страшной толщины въ твердую землю такимъ образомъ, что на десять футовъ они сидѣли въ землѣ, а на восемь футовъ возвышались надъ землею. Потомъ, эти столбы были связаны между собою въ четырехъ мѣстахъ, сколько возможно, крѣпкими, поперечными перекладинами, и когда перекладины эти были укрѣплены, за нихъ должно было закинуть канаты. Концы этихъ канатовъ нужно было вести въ сторону, противоположную непріятелямъ, верхніе изъ нихъ прикрѣпить къ башнѣ, а нижніе, напротивъ того, соединить съ упряжью воловъ. Эти нижніе концы слѣдовало пустить длиннѣе, чѣмъ верхніе, верхніе же на болѣе близкомъ пространствѣ привязать къ машинѣ, такъ чтобы башня стояла между непріятелями и волами. Этимъ способомъ сдѣлано было то, что машина на столько приближалась къ непріятелю, на сколько тащили ее волы, удаляясь отъ нихъ. Посредствомъ такого изобрѣтенія башня, подъ которую подложили еще катки, чтобъ ее легче было привести въ движеніе, была подвинута впередъ такъ, что никто при этомъ не претерпѣлъ вреда.

107. Хотя непріятели также построили подобное же сооруженіе, но оно не равнялось первому ни по величинѣ, ни по крѣпости. Когда оба они были готовы, воины съ той и съ другой стороны вошли на нихъ. Съ обѣихъ сторонъ сражались съ величайшею ревностію, но ни одной сторонѣ никакъ не удавалось принудить противниковъ уступить. Король, приблизившись къ стѣнѣ, былъ раненъ однимъ пращникомъ въ верхнюю губу. Это раздражило его воиновъ и они сражались еще съ бо̀льшею горячностію. Такъ какъ непріятель, надѣясь на свою башню и оружіе, никакъ не хотѣлъ уступить, то король велѣлъ принести желѣзные крюки. Они были привязаны на башню непріятелей такимъ образомъ, что крѣпко зацѣпились за ея поперечныя балки. Потомъ веревки были брошены внизъ, другіе ихъ подхватили и привели, посредствомъ ихъ, башню въ наклонное положеніе, очень близкое къ паденію. Тогда непріятели начали оставлять ее; одни съ помощію перекладинъ скользили внизъ, другіе однимъ прыжкомъ соскакивали на землю, многіе, одолѣваемые постыднымъ страхомъ, искали скрытыхъ убѣжищъ для спасенія жизни. Увидѣвъ, что всѣмъ имъ угрожаетъ опасность смерти, они униженно молили о пощадѣ и жизни. По приказанію побѣдителей, противники сложили оружіе и выдали его. Король тотчасъ же отдалъ приказаніе не дѣлать непріятелямъ никакого вреда, но брать ихъ въ плѣнъ и невредимо доставлять ему. Такимъ образомъ, они сдѣлались плѣнниками, и безъ оружія представлены были королю, не претерпѣвъ никакого вреда, за исключеніемъ ранъ, которыя они получили въ битвѣ. Они пали передъ королемъ на колѣни и умоляли о пощадѣ.

Открыто возмутившись противъ величія короля, они опасались теперь за свою жизнь.

108. Одержавши побѣду, король отдалъ взятыхъ въ плѣнъ бельгійскихъ князей на сохраненіе своимъ, съ приказаніемъ возвратить ихъ опять ему, когда будетъ нужно. Прочему войску онъ позволилъ уйти, самъ же возвратился съ арміею въ Ланъ, и тамъ распустилъ своихъ вассаловъ. Пока онъ жилъ, городъ Вердюнъ оставался въ его владѣніи. Тогда Лотарь началъ составлять новые планы, какимъ образомъ, наступая далѣе, расширить границы своего государства, такъ какъ предпріятіе его имѣло въ своемъ началѣ самый лучшій успѣхъ, и его счастіе, предавшее ему въ руки владѣтелей страны, заставляло его желать воспользоваться благопріятною минутою. Однако, Богъ, правящій судьбами людей, далъ бельгійцамъ спокойствіе и положилъ предѣлъ царствованію Лотаря.

109. Когда въ этомъ-же году (986), послѣ скучной стужи зимы настала кроткая весна и, по обычному ходу вещей, воздухъ измѣнился, король Лотарь въ Ланѣ началъ занемогать. На него напала болѣзнь, которую врачи называютъ коликою, и принудила его слечь въ постель. На правой сторонѣ, въ нижней части желудка его мучила невыразимая боль. Отъ пупа до селезенки и оттуда до лѣвой стороны паха и до зада онъ чувствовалъ также сильныя боли. Почки равнымъ образомъ были поражены болѣзнію. Къ этому присоединилось безпрестанное побужденіе къ мочи и кровавыя истеченія. Часто у него не хватало голоса, и отъ времени до времени тѣло его цѣпенѣло отъ лихорадочнаго холода. Явились сильный шумъ въ желудкѣ, безпрерывная тошнота, неудовлетворяемое побужденіе къ рвотѣ, раздутіе живота и жаръ въ кишкахъ. По всему дому раздавались его страшные стоны. Повсюду слышны были стенанія и вопли. Никто изъ присутствовавшихъ не могъ видѣть этихъ страданій, не проливая слезъ. Такъ умеръ Лотарь, переживъ Оттона (II) десятью годами, и отдалъ свой долгъ природѣ 37 лѣтъ спустя послѣ того, какъ онъ, по смерти отца, принялъ правленіе, на 48 году съ того времени, когда онъ отъ своего, еще царствовавшаго, отца получилъ корону и скипертъ, и на 68 году своей жизни (2 марта, 986 г.) [1]).

110. Вскорѣ потомъ, съ большими издержками, сдѣланы были приготовленія къ великолѣпному погребенію королевскаго трупа. Изготовлены были носилки, украшенныя знаками королевскаго достоинства: тѣло его было одѣто въ шелковую одежду и покрыто пурпурнымъ, вышитымъ золотомъ и усаженномъ дорогими каменьями саваномъ. Носилки поддерживали князья его государства. Впереди шли епископы съ духовенствомъ, несшимъ евангелія и кресты. Съ ними, стеная, шли также тѣ, которые несли его сіяющую золотомъ и драгоцѣнными каменьями корону, вмѣстѣ съ другими знаками королевскаго достоинства. Рыцари слѣдовали также за трупомъ, по

---

[1]) Всѣ эти числа невѣрны, потому что Лотарь родился въ 941 г., пережилъ Оттона II только тремя годами, и по смерти отца, Людовика Заморскаго, правилъ всего 32 года.

ихъ обычаю, выражая жестами свою печаль. Къ нимъ примыкала остальная толпа плачущаго народа. Король погребенъ былъ, какъ распорядился самъ прежде, въ Реймсѣ, въ монастырской церкви св. Ремигія, возлѣ мѣста покоя его отца и матери. Этотъ монастырь отъ того города, въ которомъ скончался король, отстоитъ на 240 стадій, и на всемъ этомъ огромномъ пространствѣ трупъ сопровождала большая и усердная толпа всего народа, выражая всѣ знаки своей привязанности къ умершему королю.

Книга четвертая.

1. Послѣ погребенія Лотаря, герцогъ (Гуго Капетъ) и другіе князья возвели на престолъ сына его Людовика (V, Лѣниваго, отъ 896—897 г.). Всѣ присягнули ему и свято обѣщали вѣрность и послушаніе, а тѣ, которые окружали его, давали ему разные совѣты относительно того, какъ онъ долженъ поступать. Одни полагали, что онъ долженъ жить въ своихъ дворцахъ и употреблять на свои услуги князей, которые будутъ приходить къ нему, чтобъ не уничтожилось уваженіе къ королевскому достоинству, если онъ, какъ бѣднякъ, будетъ ѣздить туда и сюда и искать у другихъ совѣта и помощи. Притомъ, каждый, облеченный высокимъ королевскимъ саномъ, долженъ обращать вниманіе на то, чтобы сила, на которую онъ долженъ будетъ послѣ опереться, не заглохла въ лѣности и бездѣйствіи. Какъ скоро случится что-нибудь подобное, власть придетъ въ упадокъ, покроется презрѣніемъ и погибнетъ. Другіе, напротивъ того, утверждали, что король долженъ оставаться при герцогѣ, потому что ему, какъ молодому еще человѣку, нужно образовать себя на примѣрѣ благоразумія и дѣятельности столь великаго государя. Собственная его польза также требуетъ, чтобы онъ въ продолженіи нѣкотораго времени сообразовался съ волею сильнаго, потому что безъ него онъ не въ состояніи будетъ вполнѣ овладѣть королевскою властью; съ помощью же герцога всѣ государственныя дѣла можно вести съ силою и успѣхомъ. Король выслушалъ обѣ стороны и отложилъ свое рѣшеніе; но, посовѣтовавшись съ герцогомъ, онъ съ той же минуты сдѣлался преданъ и расположенъ къ нему всею душею.

2. Вспоминая прежнія событія, Людовикъ сталъ жаловаться герцогу и нѣкоторымъ изъ князей, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Отецъ мой на смертномъ одрѣ завѣщалъ мнѣ слѣдовать въ дѣлахъ государства вашему совѣту и руководству, обращаться къ вамъ, мои родственники и друзья, и ничего не предпринимать безъ вашего вѣдома. Если вы мнѣ останетесь вѣрны, говорилъ онъ, то у меня не будетъ недостатка ни въ богатствѣ, ни въ военныхъ силахъ, ни въ другихъ крѣпкихъ опорахъ государства. Таково и мое полное убѣжденіе. Такъ какъ я, съ своей стороны, вознамѣрился не расходиться съ вами, то потому прошу у васъ теперь добраго совѣта: ибо въ васъ мой совѣтъ, мое рѣшеніе, мое счастіе. Архіепископъ Реймсскій Адальберъ, величайшій злодѣй на землѣ, презирая властію моего отца, во всѣхъ дѣлахъ держалъ сторону Оттона, врага франковъ. При его со-

дѣйствіи Оттонъ напалъ на насъ съ своимъ войскомъ. Вслѣдствіе его лукавства, Оттонъ опустошилъ Галлію. Онъ далъ непріятелю проводниковъ, такъ что тотъ съ своими людьми невредимо возвратился назадъ. Теперь, кажется, благоразуміе и право требуютъ, чтобъ онъ былъ наказанъ за столь великія преступленія, для того, чтобы тѣмъ унять этого виновника бѣдствій и устрашить другихъ злонамѣренныхъ, чтобъ они не рѣшились на подобное дѣло".

3. Рѣчь эта не произвела большого впечатлѣнія, потому что, видно было, король, раздраженный противъ архіепископа внушеніями недоброжелательныхъ къ нему людей, несправедливо такъ тяжко обвинялъ его. Однако, они отчасти съ нимъ согласились, но на остальное не дали своего согласія, хотя такъ, чтобъ это не слишкомъ оскорбило короля; герцогъ же, не давая полнаго согласія на это преступное предпріятіе, не отказалъ, однако, въ послушаніи королю. Совершенно увлеченный своимъ раздраженіемъ, король повелъ теперь герцога вмѣстѣ съ войскомъ противъ епископа. Онъ пошелъ противъ самаго его города и хотѣлъ напасть на него; однако, по совѣту князей, рѣшился послать прежде переговорщиковъ, чтобы спросить епископа, будетъ ли онъ сопротивляться королю, или согласенъ въ назначенное время оправдаться въ обвиненіяхъ. Въ первомъ случаѣ послы должны были ему объявить, что король немедленно осадитъ городъ и, какъ скоро возьметъ его, уничтожитъ вмѣстѣ съ своимъ непріятелемъ. Если же онъ готовъ отвѣчать на обвиненія, то король возьметъ отъ него заложниковъ и уведетъ ихъ съ собою.

4. Архіепископъ отвѣчалъ на это: „Извѣстно, что злые люди всегда клевещутъ на честныхъ, потому я не удивляюсь случившемуся со мною. Гораздо болѣе я удивленъ тѣмъ, что знаменитые князья такъ легко позволили себя обмануть, и считаютъ несомнѣннымъ то, что не было изслѣдовано судебнымъ порядкомъ, и на что нельзя имѣть никакихъ доказательствъ. Если князья хотятъ изслѣдовать дѣло, принятое ими на вѣру, то зачѣмъ требовать того съ оружіемъ и военною силою? Не долженъ ли я изъ этого заключить, что они имѣютъ совсѣмъ другія намѣренія? Если рѣчь идетъ о прошедшихъ дѣлахъ, то знайте, что я всегда желалъ добра королю. Я всегда былъ привер женъ къ его роду. Выгоды князей, что совершенно справедливо, также всегда были мнѣ близки къ сердцу. Если же дѣло идетъ о настоящихъ обстоятельствахъ, то я готовъ повиноваться повелѣніямъ короля, дать заложниковъ, которыхъ онъ желаетъ имѣть, и не ищу никакого отлагательства, чтобъ оправдаться во взведенныхъ на меня обвиненіяхъ". Когда обѣ стороны договорились, архіепископъ далъ въ заложники Рагенера, воина благороднаго рода и очень богатаго, и многихъ другихъ, пока не удовлетворилъ короля (987 г.).

5. Король съ войскомъ отступилъ и отправился въ Сенлисъ (Senlis). Тамъ, предаваясь удовольствіямъ лѣтней охоты, онъ однажды поскользнулся и упалъ, слѣдствіемъ чего была сильная боль въ печени. Такъ какъ печень, по утвержденію врачей, есть мѣстопребываніе крови, то ея потрясеніе имѣло послѣдствіемъ сильное кровотеченіе. Кровь лилась въ большомъ количествѣ изъ носа и рта. Въ

груди начались сильныя боли, а во всемъ тѣлѣ нестерпимый жаръ. Такъ умеръ онъ, отдавъ свой долгъ природѣ 22-го мая (987) и переживъ своего отца только однимъ годомъ. Его смерть случилась именно въ то самое время, когда архіепископъ долженъ былъ явиться для отвѣта, а поэтому и находился уже тамъ, чтобъ оправдаться и дать удовлетвореніе королевскому величеству. Но, вслѣдствіе этого несчастнаго событія, т. е. смерти короля, изъ судебнаго дѣла ничего не вышло; противъ архіепископа не выступило ни одного противника и не было произнесено приговора. Самъ же архіепископъ обнаружилъ большую скорбь по поводу смерти короля. Когда заботы о погребеніи королевскаго тѣла были окончены, оно, согласно съ рѣшеніемъ князей, было похоронено въ Компьенѣ, хотя онъ самъ передъ кончиною выразилъ желаніе быть погребеннымъ возлѣ своего отца. Это было сдѣлано съ намѣреніемъ, чтобъ большая часть князей, страшась далекой дороги, не удалилась и не разъѣхалась, и чтобы тѣмъ не отсрочилось столь необходимое совѣщаніе о дѣлахъ государства. Поэтому рѣшено было, что князья, прежде чѣмъ отправятся домой, должны собраться на совѣтъ о благѣ государства.

6. Совѣщаніе это началъ герцогъ (Гуго Капетъ) слѣдующими словами: „Вы созваны сюда изъ различныхъ странъ, по приказанію короля, чтобы изслѣдовать обвиненія, поднятыя противъ архіепископа Адальбера, и вы съ честною правдивостію, какъ я думаю, прибыли сюда. Но блаженной памяти король, отъ котораго вышло обвиненіе, разстался съ этою жизнію и оставилъ намъ дальнѣйшее веденіе судебнаго дѣла. Если есть еще кто-нибудь, кромѣ короля, кто отважится обвинять и имѣетъ довольно смѣлости, чтобъ быть противникомъ и продолжать эту борьбу, тотъ пусть открыто выступитъ, изложитъ свое дѣло и безъ страха докажетъ свое обвиненіе. Если онъ будетъ говорить истину, то мы, не колеблясь, одобримъ его слова. Но если онъ, какъ клеветникъ, станетъ выдумывать ложныя обвиненія, то пусть лучше молчитъ, чтобъ не быть изобличеннымъ въ зломъ преступленіи и не понести за то наказанія“.

Три раза громко сдѣланъ былъ вызовъ, чтобъ выступилъ обвинитель, и три раза всѣ присутствовавшіе отказались отъ того.

7. Поэтому герцогъ сталъ опять говорить: „Такъ какъ не является обвинителя, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, уничтожается самое обвиненіе, то архіепископъ, какъ человѣкъ благороднаго рода и признанной высокой мудрости, долженъ получить первое мѣсто. Оставьте же совершенно противъ него подозрѣніе и оказывайте ему всѣ почести, какъ верховному епископу. Уважайте этого знаменитаго человѣка и славьте его правдивость, его мудрость и благородное происхожденіе. Ибо какую кому пользу можетъ принести питать подозрѣніе, когда онъ передъ публичнымъ судомъ не могъ доказать его ни однимъ словомъ“? Затѣмъ, герцогъ съ согласія прочихъ князей, передалъ архіепископу почетное дѣло руководить совѣщаніемъ о благѣ государства, потому что онъ былъ особенно опытенъ въ божественныхъ и человѣческихъ дѣлахъ и одаренъ былъ болѣе всѣхъ другихъ убѣждающею силою краснорѣчія.

8. Тогда архіепископъ выступилъ съ герцогомъ на средину со-

бранія и сказалъ: „Послѣ того какъ нашъ благочестивый король переселился въ царство безплотныхъ духовъ, а я, вслѣдствіе благосклонности герцога и прочихъ князей, оправдался въ обвиненіяхъ взведенныхъ противъ меня, то я и займу свое мѣсто, чтобы дать совѣтъ о томъ, въ чемъ теперь нуждается государство. Далека отъ меня мысль предложить что-нибудь, что не имѣло бы цѣлію общественнаго блага. Я требую всеобщаго совѣщанія, потому что желаю споспѣшествовать благу всѣхъ. Такъ какъ я вижу, что здѣсь присутствуютъ не всѣ князья, благоразуміе и заботливость которыхъ должны участвовать въ дѣлахъ государства, то мнѣ кажется, что избраніе короля должно быть отложено на нѣкоторое время, съ тѣмъ, чтобы въ опредѣленный день собрались всѣ, и каждый тогда могъ высказать хорошо обдуманное мнѣніе и тѣмъ споспѣшествовать общему благу. Поэтому, вамъ, засѣдающимъ здѣсь на совѣтѣ, я дѣлаю предложеніе, дать вмѣстѣ со мною клятву герцогу и всенародно обѣщать ему ничего не искать и ничего не предпринимать относительно избранія короля до тѣхъ поръ, пока мы опять здѣсь не соберемся и всѣ вмѣстѣ не посовѣтуемся объ избраніи государя. Очень важно, чтобъ извѣстное время употреблено было на размышленіе, и чтобы каждый разсмотрѣлъ дѣло со всѣхъ сторонъ и старательно обдумалъ свое намѣреніе“. Предложеніе это одобрительно принято было всѣмъ собраніемъ. Они дали герцогу клятву, назначили время возвращенія и общаго собранія и разошлись.

9. Между тѣмъ, прибылъ въ Реймсъ Карлъ (Лотарингскій), братъ Лотаря и дядя Людовика, и обратился къ архіепископу съ слѣдующими словами относительно престолонаслѣдія: „Всему свѣту извѣстно, достопочтенный отецъ, что по праву наслѣдства я долженъ наслѣдовать брату и племяннику. Хотя мой братъ и отстранилъ меня отъ власти, однако, природа не лишила меня того, что принадлежитъ человѣку. Я родился на свѣтъ со всѣми членами, которые долженъ имѣть человѣкъ, желающій достигнуть какого-нибудь сана. Въ качествахъ, которыхъ преимущественно ищутъ въ соискателяхъ престола, а именно, въ благородствѣ происхожденія и отважномъ мужествѣ, у меня также нѣтъ недостатка. Зачѣмъ-же теперь, когда нѣтъ уже моего брата и умеръ племянникъ, и когда послѣ нихъ не осталось дѣтей, я изгнанъ изъ тѣхъ земель, которыя, какъ никто не сомнѣвается, принадлежали моимъ предкамъ Мой отецъ оставилъ двухъ сыновей, моего брата и меня. Мой братъ захватилъ власть надъ всѣмъ государствомъ и не далъ мнѣ ничего. Я былъ подданный моего брата и служилъ ему не менѣе вѣрно, чѣмъ другіе. Съ того времени ближе всего моему сердцу было благополучіе моего брата. Куда теперь я, несчастный, оставленный всѣми, долженъ обратиться, когда пали всѣ опоры моего дома? Къ кому, кромѣ васъ, взывать мнѣ, которому отказано во всякой почести? Кто, кромѣ васъ, можетъ помочь мнѣ возстановить честь моихъ предковъ. О если-бы мнѣ и моей судьбѣ сужденъ былъ честный конецъ! Ибо въ этомъ униженіи, чѣмъ могу я быть, какъ только позорищемъ толпы? Будьте милосерды! Имѣйте сожалѣніе ко мнѣ, такъ несправедливо преслѣдуемому судьбой“!

10. Когда Карлъ окончилъ свои жалобы, архіепископъ, не колеблясь въ своемъ рѣшеніи, далъ ему слѣдующій отвѣтъ: „Ты издавна былъ преданъ людямъ клятвопреступнымъ, церковнымъ грабителямъ и другимъ злодѣямъ, и даже теперь не хочешь ихъ оставить; какъ же ты можешь надѣяться съ такими помощниками достигнуть трона"? Карлъ возразилъ на это, что онъ не можетъ оставить своихъ, а скорѣе долженъ стремиться пріобрѣсти новыхъ друзей. Тогда архіепископъ подумалъ въ сердцѣ своемъ: „Онъ и теперь, когда лишенъ всякаго сана, задушевный другъ всѣхъ дурныхъ людей и никакимъ образомъ не хочетъ отъ нихъ оторваться; какое же несчастіе было-бы для всѣхъ благомыслящихъ, если-бы избраніе князей возвело его на тронъ". Вслѣдствіе того, онъ отвѣчалъ Карлу рѣшительно, что безъ согласія князей онъ ничего не можетъ сдѣлать въ этомъ дѣлѣ, и Карлъ оставилъ его.

11. Обманутый въ своихъ надеждахъ, относительно трона, Карлъ, полный прискорбія, отправился назадъ въ Бельгію. Съ другой стороны, давшіе клятву галльскіе князья въ назначенное время собрались въ Сенлисъ. Когда они сошлись на совѣщаніе, архіепископъ по знаку герцога, началъ говорить слѣдующимъ образомъ: „Съ тѣхъ поръ какъ блаженной памяти король Людовикъ, не оставивъ дѣтей, похищенъ былъ съ земли, мы должны были самымъ старательнымъ образомъ обдумывать, кого призвать на его мѣсто къ правленію, чтобы государство, лишенное своего правителя не пришло въ упадокъ чрезъ небреженіе. Вслѣдствіе того, мы недавно считали сообразнымъ съ цѣлію отложить это дѣло, чтобы каждый имѣлъ возможность здѣсь, на общемъ совѣщаніи, высказать, что̀ ему Богъ пошлетъ на душу, и чтобы, когда всѣ объявятъ свои мнѣнія, изъ нихъ можно было вывести результатъ всего совѣщанія. Такъ какъ мы опять для этого собрались сюда, то должны честно и осторожно предостеречь себя, чтобы ни ненависть не возмущала спокойнаго размышленія, ни излишнее пристрастіе не омрачило предъ нами истины. Извѣстно, что Карлъ имѣетъ приверженцевъ, которые по происхожденію считаютъ его достойнымъ трона. Но на подобные доводы мы возражаемъ, что тронъ не пріобрѣтается наслѣдственнымъ правомъ, и что никто не можетъ быть избранъ въ короли, кого кромѣ благородства происхожденія не просвѣщаетъ также и мудрость души, кого правдивость не дѣлаетъ твердымъ и великодушіе сильнымъ. Мы читаемъ въ лѣтописяхъ, какъ государи изъ знаменитыхъ домовъ, вслѣдствіе неспособности, теряли свое достоинство, и имъ наслѣдовали другіе, отчасти изъ равно высокаго, а отчасти изъ незначительнаго рода. Но какое достоинство можетъ быть приписано Карлу, котораго право притомъ не перешло къ нему по прямой линіи, и который изнѣжился въ бездѣятельности, который, наконецъ, могъ такъ унизиться, что не стыдится служить чужеземному королю (т.-е. германскому) [1]) и женился на женщинѣ изъ рыцарскаго сословія, неравной ему по рожденію? Какъ можетъ великій герцогъ потерпѣть, чтобы дочь собственнаго его

---

[1]) Лотарингія принадлежала нѣмецкимъ королямъ, и потому Карлъ былъ ихъ вассаломъ, еще съ 977 г.

вассала была королевою и владычествовала надъ нимъ? Какъ можетъ поставить выше своего званія женщину, которой равныя и даже лучшія по рожденію преклоняютъ предъ нимъ колѣни и руки свои кладутъ подъ его ноги? Обдумайте хорошо дѣло и вы увидите, что Карлъ болѣе по своей собственной, нежели по чужой винѣ, униженъ. Позаботьтесь о благѣ государства и предохраните его отъ несчастія. Если вы хотите погубить страну, тогда вы можете избрать Карла. Но если вы хотите ее осчастливить, то коронуйте знаменитаго герцога Гуго. Берегитесь поэтому, чтобы склонность къ Карлу не ввела кого-нибудь въ заблужденіе, и чтобы нерасположеніе къ герцогу не отвратило кого отъ общественнаго блага. Ибо если вы хотите добраго князя порицать, то какое вы имѣете право одобрять дурного? Если-же вы хотите хвалить дурного, то какъ можете вы въ такомъ случаѣ пренебрегать добрымъ? Но какъ гласитъ въ подобныхъ дѣлахъ изреченіе божества? Горе, говоритъ оно, тѣмъ, которые злое добрымъ, и доброе злымъ называютъ, которые изъ мрака свѣтъ, а изъ свѣта мракъ дѣлаютъ (Ис. V, 20).

„Выбирайте поэтому вашимъ государемъ герцога, который уже такъ высоко поставленъ своими дѣлами, благороднымъ родомъ и могуществомъ. Въ немъ вы найдете вѣрнаго защитника не только государства, но и благосостоянія каждаго отдѣльно. По великой добротѣ своего сердца онъ будетъ вашимъ отцемъ. Кто прибѣгалъ къ нему когда нибудь и не нашелъ у него помощи? Кто, кого оставили собственные родственники, не возратилъ черезъ него своихъ правъ“?

12. Когда архіепископъ подалъ такимъ образомъ свой голосъ и всѣ его одобрили, герцогъ единогласно былъ возведенъ на тронъ. Въ Нойонѣ онъ былъ коронованъ архіепископомъ и другими епископами, и перваго іюня [1]) сдѣлался королемъ галловъ, бретонцевъ, дагеровъ [2]), аквитанцевъ, готовъ, испанцевъ и васковъ. Окруженный князьями своего государства, онъ, какъ то дѣлаютъ короли, отдавалъ приказанія, издавалъ законы и съ большимъ успѣхомъ устраивалъ все и заботился обо всемъ; такъ какъ ему все удавалось, то чтобъ быть достойнымъ своего счастія, онъ старался какъ можно болѣе быть благочесливымъ. Желая оставить послѣ смерти своей признаннаго наслѣдника государства, онъ совѣщался о томъ съ князьями, и посовѣтовавшись съ ними, обратился, сначала черезъ посредниковъ, а потомъ въ Орлеанѣ лично, къ архіепископу Реймсскому, съ просьбою о возведеніи сына его Роберта въ королевское достоинство. Архіепископъ отвѣчалъ, что нельзя избирать двухъ королей въ одномъ году. Тогда герцогъ тотчасъ же показалъ письмо, которое онъ получилъ отъ Борреля, герцога Испаніи, лежащей по сю сторону Пиринеевъ (т.-е. южной Франціи), въ которомъ тотъ просилъ его о помощи противъ варваровъ (т.-е. мавровъ). Боррель извѣщалъ, что непріятель почти уже совершенно завоевалъ часть Испаніи, и что если въ теченіи десяти мѣсяцевъ не придетъ изъ Галліи помощь, то вся

[1]) Вѣроятнѣе, 1 іюля 987 г., потому что Людовикъ V умеръ 22 мая, и одной недѣли было бы недостаточно для описаннаго авторомъ времени.

[2]) Вѣроятно, дановъ, т.-е. нормандцевъ.

страна должна будетъ подчиниться варварамъ. Поэтому Гуго желалъ, чтобъ былъ выбранъ другой король для того, чтобы въ случаѣ, если одинъ погибнетъ на войнѣ, войско было обезпечено на счетъ другого предводителя. Кромѣ того, легко могло бы случиться, что если король падетъ и отечество останется безъ верховнаго главы, между князьями явится раздоръ; злые притѣснятъ добрыхъ и весь народъ попадетъ въ рабство.

13. Архіепископъ, убѣдившись въ справедливости такихъ доводовъ, согласился съ желаніями короля. И такъ какъ тогда на праздникъ Рождества Господа нашего, для торжества королевскаго коронованія, собраны были князья государства, то, съ согласія франковъ, онъ торжественно облекъ, въ церкви св. Креста, Роберта, сына Гуго, пурпуромъ, короновалъ его и поставилъ королемъ надъ всѣми народами запада, отъ Мааса до Океана (1 января 988 г.). Робертъ былъ человѣкъ чрезвычайной дѣятельности и столь великаго ума, что не только отличался во всѣхъ искусствахъ военнаго дѣла, но считался также глубоко свѣдущимъ въ божественныхъ и церковныхъ законахъ. Онъ ревностно занимался свободными искусствами [1]), присутствовалъ въ собраніяхъ епископовъ и разсматривалъ и рѣшалъ съ ними церковныя и судебныя дѣла.

Планъ перваго Капетинга вмѣшаться въ дѣла южной Франціи не осуществился, потому что во время самой коронаціи Роберта Карлъ Лотарингскій дядя послѣдняго Карловинга, появился въ предѣлахъ Франціи съ оружіемъ въ рукахъ и началъ войну съ Гуго Капетомъ, которая продолжалась слишкомъ три года, отъ 988 до 991 г. Авторъ посвящаетъ цѣлыхъ 24 главы, отъ 14 до 38, на описаніе первыхъ успѣховъ Карла Лотарингскаго и неудачныхъ попытокъ Гуго Капета вытѣснить соперника изъ Франціи. Карлъ Лотарингскій, при помощи своихъ друзей и подкупа, успѣлъ въ началѣ 988 г. овладѣть Ланомъ и захватить въ плѣнъ архіепископа того города, Адальбера. Гуго Капетъ, зимою и весною, подступалъ къ Лану, но безъ всякаго успѣха долженъ былъ отступить; только Адальберу удалось бѣжать изъ заключенія. Между тѣмъ, въ началѣ 988 г., умеръ другъ Капетинговъ, архіепископъ Реймскій, Адальберъ. Искателемъ его мѣста явился Арнульфъ, младшій братъ Людовика V Лѣниваго, и слѣдовательно племянникъ Карла Лотарингскаго. Успѣвъ обмануть Гуго Капета притворною ненавистью къ дяди, онъ получилъ изъ его рукъ архіепископство Реймское, давъ королю клятву въ вѣрности, и въ томъ же году тайно пригласилъ къ себѣ Карла Лотарингскаго и выдалъ ему Реймсъ и Соассонъ. Такимъ образомъ, къ концу 988 года, благодаря измѣнѣ Арнульфа, своего племянника, Карлъ владѣлъ тремя важными городами Франціи и имѣлъ на своей сторонѣ первостепеннаго архіепископа въ государствѣ.

Тогда Гуго Капетъ рѣшился собрать всѣ свои силы для послѣдней борьбы съ соперникомъ и сосредоточилъ противъ него армію въ 6000 человѣкъ. Карлъ могъ ему противопоставить всего четырехъ-тысячное войско, но тѣмъ не менѣе выступилъ противъ непріятеля въ открытое поле, имѣя въ виду, на случай неудачи, скрыться за городскими стѣнами. Въ началѣ 989 г., Гуго Капетъ, опустошивъ предварительно всѣ окрестности Лана, направился къ стѣнамъ города.

---

[1]) Онъ былъ ученикомъ знаменитаго Герберта.

38. Король Гуго, приблизившись къ городу Лану, увидѣлъ войско своего противника, расположенное въ боевомъ порядкѣ. Поэтому онъ раздѣлилъ свои силы на три отряда, чтобъ собственная многочисленность не затрудняла его, и чтобы можно было употребить въ дѣло каждаго человѣка. Передній отрядъ долженъ былъ начать нападеніе; второй назначался для помощи, если поколеблется первый, чтобы возобновить его силы. Третій же поставленъ былъ для сбора добычи. Когда все такимъ образомъ было устроено, первый отрядъ, съ поднятыми знаменами, подъ предводительствомъ самого короля, пошелъ на непріятеля. Оба другіе отряда оставались въ назначенныхъ имъ мѣстахъ и ожидали, когда наступитъ ихъ время.

39. Карлъ выступилъ противъ нихъ съ четырьмя тысячами человѣкъ, призывая всемогущаго Бога, чтобъ Онъ оказалъ защиту его небольшому войску противъ превосходныхъ силъ непріятеля и показалъ, что не должно полагаться на число сражающихся и не слѣдуетъ унывать съ немногими. Арнульфъ (архіепископъ Ремсскій) сопровождалъ его и увѣщевалъ своихъ людей держаться мужественно, наступать въ порядкѣ сомкнутыми рядами, и не сомнѣваться въ побѣдѣ, которую Богъ имъ даруетъ. Если они, говорилъ онъ, мужественно выдержатъ нападеніе, то скоро одержатъ славную побѣду. Оба войска шли впередъ, пока не стали лицомъ другъ къ другу, и только тогда остановились въ нерѣшимости. Съ обѣихъ сторонъ были немаловажныя опасенія: Карлъ боялся, что силы его недостаточны; а короля упрекала совѣсть за то, что онъ сдѣлалъ несправедливость, отнявъ у Карла его наслѣдственную корону и присвоивъ себѣ королевское достоинство. Такимъ образомъ, обѣ стороны остановились и не трогались съ мѣста. Наконецъ, князья дали королю благоразумный совѣтъ, переждать нѣкоторое время, и только тогда начать битву, когда непріятель станетъ отступать; если же никто на него не нападетъ, то и самому отступить. Но Карлъ рѣшился на то же самое, и такъ какъ оба войска продолжали стоять, то оба вмѣстѣ и отступили. Король повелъ свое войско домой, а Карлъ возвратился назадъ въ Ланъ.

40. Между тѣмъ, прибылъ къ королю нѣкто Одо, которому хотѣлось получить во владѣніе Дрё (Dreux), и притворился очень огорченнымъ, что королю не представляется никакой надежды взять Ланъ, потому что осадныя орудія не могли быть употреблены въ дѣло, а войско не довѣряетъ собственнымъ силамъ, городъ же, по своему неприступному положенію, не боится штурма. Король, приведенный въ большое уныніе, просилъ помощи Одо, обѣщалъ ему щедрую награду, если онъ соберетъ войско и овладѣетъ городомъ, и, въ случаѣ успѣха, далъ слово исполнить всякое его желаніе. Тогда Одо объявилъ, что онъ немедленно нападетъ на Ланъ и возьметъ его, если только получитъ отъ короля замокъ Дрё. Король, пылая жаждою побѣды, отдаетъ ему, по его просьбѣ, то мѣсто, и, вѣря обѣщаніямъ, уступаетъ замокъ въ торжественномъ собраніи, а Одо, съ своей стороны, обязывается въ непродолжительномъ времени завоевать королю потерянный городъ. Затѣмъ, Одо немедленно отправился въ дарованный ему королемъ замокъ, приказалъ обитателямъ замка при-

сягнуть себѣ въ вѣрности и поселилъ въ немъ множество другихъ людей, на которыхъ онъ могъ вполнѣ положиться. Впослѣдствіи времени, онъ, дѣйствительно, оказалъ королю важныя услуги; но настоящее его обѣщаніе осталось безъ послѣдствій, потому что Ланъ еще ранѣе преданъ былъ измѣною, и непредвидѣнныя обстоятельства дали дѣламъ другой оборотъ.

41. Именно, Адальберъ, епископъ Лана, который былъ взятъ Карломъ въ плѣнъ, но убѣжалъ изъ темницы, употреблялъ съ тѣхъ поръ все свое остроуміе, чтобы изобрѣсти средство отомстить за себя, захватить Ланъ въ свою власть и взять въ плѣнъ Карла. Съ этою цѣлью посылаетъ онъ къ Арнульфу искусныхъ посредниковъ и приказываетъ имъ предложить ему съ своей стороны дружбу, вѣрное послушаніе и помощь, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ желаетъ съ нимъ, какъ съ своимъ архіепископомъ, примириться; ему тяжело, продолжалъ онъ, думать, что его называютъ отступникомъ и перебѣжчикомъ, потому что онъ, присягнувши разъ Карлу, оставилъ его; онъ желаетъ, если возможно, очистить себя отъ этого упрека, хочетъ возвратиться къ его высочеству и желаетъ пріобрѣсти благоволеніе Карла, какъ своего государя. Поэтому пусть архіепископъ назначитъ мѣсто, гдѣ онъ могъ бы съ нимъ встрѣтиться. Арнульфъ, не предвидя обмана, принялъ лживыхъ посредниковъ, и какъ людей, принесшихъ ему добрую вѣсть, почтилъ ихъ всѣми знаками дружбы. Въ своей радости онъ назначилъ немедленно мѣсто для встрѣчи и переговоровъ. Посланные, въ восторгѣ, что обманъ удался имъ, увѣдомили обо всемъ своего господина. Тотъ, убѣдившись, что его ложь нашла себѣ хорошій пріемъ, заключилъ изъ того, что и для болѣе смѣлой хитрости можно ожидать успѣха. Встрѣча произошла на условленномъ мѣстѣ. Оба привѣтствовали другъ друга объятіями и поцѣлуями. Взаимныя изъявленія дружбы казались столь искренними, что никому не могло прійти въ голову, что все это только одно притворство и обманъ.

42. Когда они, наконецъ, довольно наобнимались и нацѣловались, Адальберъ, исполненный коварства, сталъ говорить простосердечному архіепископу: „Оба мы постигнуты однимъ и тѣмъ же несчастіемъ и одинакимъ бѣдствіемъ, поэтому мы должны поступать по общему плану и одной мысли. Недавно, мы оба пали въ немилость, вы — у короля, я—у Карла, и поэтому вы теперь приверженецъ Карла, а я приверженецъ короля. Карлъ имѣетъ къ вамъ, а король ко мнѣ, самое полное довѣріе. Если вы теперь устроите миръ между мною и Карломъ, то взамѣнъ того и васъ неминуетъ милость короля. Это не трудно будетъ привести въ исполненіе. Поговорите съ Карломъ и замолвите передъ нимъ за меня доброе слово. Было бы хорошо, если бы вы могли увѣрить его, что на будущее время я сохраню ему вѣрность. Если же онъ станетъ попрежнему сомнѣваться, то скажите ему, что онъ можетъ получить отъ меня въ этомъ клятвенное обѣщаніе. Возвративъ мнѣ епископскій престолъ, пусть онъ прикажетъ принести кости святыхъ, и я на нихъ готовъ ему во всемъ поклясться. Если онъ удовольствуется этимъ, и отдастъ мнѣ назадъ епископство, то вы можете разсчитывать на милость короля. Мой языкъ и моя

рука могутъ или водворить миръ, или укоренить раздоръ. Я переговорю съ королемъ, и объясню ему, какую онъ можетъ получить изъ всего этого пользу не только для себя, но и своего потомства. Я разскажу ему, какъ Карлъ перехитрилъ васъ, буду утверждать, что вы имъ обмануты, какъ человѣкъ простосердечный, и представлю ему въ живыхъ краскахъ, какъ вы въ томъ раскаяваетесь. Король имѣетъ ко мнѣ довѣріе и охотно всему повѣритъ. Если мы оба исполнимъ все это, то намъ обоимъ будетъ хорошо, и, кромѣ того, явится и другая выгода. Какъ скоро вы примиритесь съ королемъ, а я съ Карломъ, то мы можемъ быть полезны другимъ. Но сказаннаго довольно; пусть теперь дѣло докажетъ, правду ли я говорилъ". Они скрѣпили свои переговоры вторичными поцѣлуями и разстались.

43. Арнульфъ отправляется къ Карлу и хвалитъ ему Адальбера, коварства котораго онъ не могъ постигнуть; говоритъ, что этотъ человѣкъ будетъ ему очень полезенъ, и увѣряетъ, что онъ сдержитъ свое слово. Такъ какъ онъ самъ не имѣлъ никакого подозрѣнія, то ему удалось уничтожить всѣ подозрѣнія и у дяди. Карлъ позволяетъ своему племяннику склонить себя, обѣщаетъ сдѣлать все, и не отказывается подъ тѣми условіями возвратить епископство Адальберу. Въ то время, какъ у Карла искренно идутъ такіе разговоры, Адальберъ условливается съ королемъ, какъ взять городъ, а Карла вмѣстѣ съ Арнульфомъ захватить въ плѣнъ. Онъ сообщаетъ, ему, съ какою хитростью было имъ ведено дѣло, и возбуждаетъ тѣмъ въ Гуго большую радость и положительную надежду опять захватить Ланъ въ свою власть. Вскорѣ потомъ, Арнульфъ отправляетъ пословъ къ Адальберу и увѣдомляетъ его, что Карлъ даруетъ ему всю свою милость, приметъ его въ Ланѣ самымъ почетнымъ образомъ и тотчасъ же возстановитъ въ его епископствѣ. Потому, пусть Адальберъ не медлитъ, и пріѣзжаетъ, какъ можно скорѣе, чтобы лично убѣдиться въ обѣщанной ему милости.

44. Адальберъ, по этому приглашенію, немедленно отправился на мѣсто, куда звали его Карлъ и Арнульфъ. Онъ былъ принятъ ими съ большимъ радушіемъ и нашелъ ихъ въ большой радости. О прошедшихъ несогласіяхъ упомянуто было слегка и въ немногихъ словахъ. За то тѣмъ болѣе распространялись они о томъ, какъ тверда должна быть отнынѣ между ними дружба. Часто возвращались къ разсужденію о томъ, какая великая польза произойдетъ, если они будутъ сохранять вѣрно дружбу, сколько будетъ славы, чести, силы и безопасности. Они говорили также и о томъ, что теперь въ непродолжительномъ времени ихъ партія пріобрѣтетъ силу, и враги совершенно погибнутъ. Ничто не можетъ тому воспрепятствовать, если только Богъ не воспротивится имъ. Въ случаѣ достиженія ихъ цѣли, государству еще разъ удастся пріобрѣсти честь и славу и придти въ цвѣтущее состяніе. Переговоривъ такимъ образомъ, они подтвердили свои обязательства одинъ другому клятвою и разошлись. Адальберъ спѣшитъ къ королю и разсказываетъ, что онъ сдѣлалъ. Тотъ все одобрилъ и обѣщалъ, если Арнульфъ придетъ къ нему, допустить его къ себѣ, выслушать его оправданіе и опять, по прежнему, возвратить ему свою милость, если онъ оправдается во

взведенныхъ противъ него обвиненіяхъ. Адальберъ увѣдомилъ о томъ архіепископа, увѣрилъ его, что король къ нему благосклоненъ и милостиво расположенъ, что онъ охотно выслушаетъ его оправданіе и безъ дальнѣйшихъ околичностей возвратитъ ему свою милость. Потому пусть архіепископъ поспѣшаетъ и какъ можно скорѣе оправдается предъ королемъ. Пусть онъ отправится къ королю, чтобъ происки злыхъ людей не разстроили этого дѣла. Такимъ образомъ оба они явились къ Гуго.

45. Арнульфъ былъ допущенъ до короля, который и принялъ его, поцѣловавшись съ нимъ. Онъ хотѣлъ сказать что-то въ свое оправданіе, но король возразилъ, что ему достаточно того, что онъ отказывается отъ прежняго своего поступка, и по крайней мѣрѣ отнынѣ будетъ сохранять къ нему ненарушимую вѣрность; что онъ, король, знаетъ очень хорошо, какъ Карлъ напалъ на него, какъ архіепископъ только вслѣдствіе величайшаго принужденія долженъ былъ на нѣкоторое время оставить партію короля и совершенно противъ воли держать сторону дяди. Но такъ какъ это прошлое и не можетъ быть исправлено, то архіепископъ долженъ по крайней мѣрѣ старательно заботиться о томъ, чтобъ доставить хоть какое нибудь вознагражденіе за потерю города. Если онъ не можетъ опять получить города въ свое владѣніе, какъ онъ прежде имъ владѣлъ, то пусть онъ побудитъ по крайней мѣрѣ Карла къ тому, чтобы онъ призналъ свои завоеванія владѣніемъ, полученнымъ отъ короля. Арнульфъ обѣщалъ сдѣлать все это и многое другое, какъ скоро король возвратитъ ему свою милость и окажетъ ему при своемъ дворѣ архіепископскія почести. Король далъ свое согласіе и повелѣлъ оказывать Арнульфу при дворѣ подобающее ему уваженіе. Вслѣдствіе того Арнульфъ въ тотъ-же самый день сидѣлъ за столомъ по правую сторону отъ короля, между тѣмъ какъ Адальберъ помѣстился по лѣвую сторону отъ королевы. Послѣ того архіепископъ удалился и увѣдомилъ Карла, какъ король былъ къ нему милостивъ. Онъ разсказалъ также, какія великія почести король ему оказывалъ и хвалился благосклонностію его къ себѣ. Съ того времени онъ заботился о примиреніи своего дяди съ королемъ и о возстановленіи между ними хорошихъ отношеній.

46. При такихъ обстоятельствахъ, Адальберъ, оставивъ короля, прибылъ къ Карлу и былъ принятъ въ Ланѣ съ большими почестями. Люди его, которые убѣжали изъ города, возвратились къ нему. Они устроили опять его домъ, какъ онъ прежде былъ, не питали никакихъ опасеній, и надѣялись скораго мира. Адальберъ посѣщалъ духовныхъ, которые прежде стояли подъ его управленіемъ, утѣшалъ ихъ, увѣрялъ въ своемъ благоволеніи и увѣщевалъ не отпадать отъ него. Когда онъ достаточно уговорился со своими, Карлъ потребовалъ отъ него ручательствъ въ вѣрности и въ безопасности города. Онъ говорилъ ему слѣдующимъ образомъ: „Господь Богъ милосердъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ, и даже тогда, когда онъ наказываетъ, высказывается его милосердіе. Потому я охотно признаю, что по его праведному суду я былъ прежде отверженъ, а нынѣ опять принятъ въ его милость. Я вѣрю, что овладѣлъ этимъ городомъ по его пра-

ведному опредѣленію, и отъ его благости ожидаю всего остального. Я не сомнѣваюсь, что и вы, и этотъ городъ возвращены мнѣ Богомъ. И такъ какъ вы возвращены мнѣ Богомъ, то я хочу васъ теперь навсегда привязать къ себѣ. Вотъ—святыня; положите на нее вашу правую руку и клянитесь въ вѣрности противъ всякаго. Никто не долженъ быть исключенъ, если вы хотите быть моимъ другомъ". Адальберъ, полный увѣренности достигнуть скоро цѣли своихъ желаній, обѣщаетъ все, чего отъ него требуютъ. Онъ простираетъ свою правую руку на святыню и не страшится присягать, какъ того требуютъ отъ него. Тогда всѣ противники ему вполнѣ довѣрились. Никто противъ него не питалъ подозрѣній; онъ былъ призываемъ ко всѣмъ дѣламъ; разспрашивалъ объ укрѣпленіи города и давалъ свои совѣты; освѣдомлялся о всемъ и принималъ участіе во всѣхъ совѣщаніяхъ. Никто не проникъ его, и истинныя его намѣренія оставались скрытыми.

47. Хорошо ознакомившись съ дѣлами Карла и его партіи и увѣрившись, что никто болѣе не питаетъ противъ него подозрѣній, онъ началъ придумывать разныя хитрости, чтобы опять захватить городъ, а Карла взять въ плѣнъ и выдать королю. Съ этимъ намѣреніемъ вступалъ онъ часто въ разговоры съ Карломъ и показывалъ все болѣе къ нему преданности. Онъ предлагалъ, если это будетъ считаться нужнымъ, новою клятвою еще тѣснѣе обязать себя и умѣлъ вести дѣло съ такою хитрою осторожностію, что его предательство оставалось прикрытымъ самымъ непроницаемымъ покровомъ притворной вѣрности. Однажды вечеромъ (29 марта, 991 г.) случилось, когда онъ весело сидѣлъ за столомъ, что Карлъ, нѣкоторое время бывъ погруженнымъ въ размышленіяхъ, подалъ ему золотую чашу, накрошивши въ нее хлѣба и наливши вина, съ слѣдующими словами: „Сегодня вы, сообразно съ предписаніями церкви, освящали пальмы и древесныя вѣтви и давали святыя благословенія мірянамъ, а меня пріобщили святыхъ тайнъ; такъ какъ теперь наступаетъ день страданія Господа и Спасителя нашего, Іисуса Христа, то я предлагаю вамъ эту достойную вашего сана, наполненную хлѣбомъ и виномъ чашу, не обращая вниманія на клеветы наушниковъ, которые увѣряютъ, что вамъ не слѣдуетъ вѣрить. Осушите эту чашу въ знакъ того, что вы мнѣ вѣрны и останетесь вѣрны впередъ. Но если у васъ нѣтъ намѣренія остаться вѣрнымъ, то воздержитесь отъ чаши, не идите по ужаснымъ стопамъ Іуды Предателя". Когда Адальберъ возразилъ на это: „Дайте чашу, я осушу ее безъ страха"! Карлъ потребовалъ, чтобъ онъ прибавилъ еще слова: „и останусь вамъ вѣренъ". — „И останусь вамъ вѣренъ", сказалъ тотъ, поднося чашу, „а если не буду, то пусть погибну какъ Іуда". Въ продолженіе стола онъ еще много говорилъ проклятій подобнаго рода противъ себя. Между тѣмъ, наступила плачевная ночь, которая долженствовала быть свидѣтельницею его предательства. Общество отправилось на покой; думали спать до яснаго дня. Когда Карлъ и Арнульфъ заснули, Адальберъ, помня о своей измѣнѣ, похитилъ мечи и другое оружіе при ихъ головахъ и спряталъ его. Потомъ позвалъ привратника, который ничего не зналъ о его умыслѣ, и

приказалъ ему бѣжать къ одному изъ своихъ и поспѣшно привести его туда, обѣщая, между тѣмъ, самъ охранять двери дома. Когда привратникъ ушелъ, Адальберъ, держа подъ платьемъ мечь, сталъ посреди воротъ. Вскорѣ потомъ собрались люди, которые были посвящены въ тайну и были имъ впущены. Карлъ и Арнульфъ покоились еще, погруженные въ утренній сонъ, когда внезапно враги ворвались толпами. Они просыпаются, видятъ непріятеля и вскакиваютъ съ постелей; хотятъ схватиться за оружіе, но не находятъ его и спрашиваютъ, что значитъ нападеніе этихъ людей. Адальберъ отвѣчаетъ: „Недавно вы отняли у меня этотъ замокъ и принудили меня оставить его изгнанникомъ, но теперь вы, въ свою очередь, только другимъ образомъ, должны быть отсюда изгнаны. Я получилъ тогда свободу, вы же должны будете подпасть подъ чуждое владычество". Карлъ сказалъ ему: Неужели ты, о епископъ, не припоминаешь вчерашняго ужина? „Неужеля тебя не удерживаетъ страхъ передъ божествомъ? Считаешь ли ты за ничто свои клятвы? За ничто, только что вчера еще произнесенныя проклятія?". Съ этими словами онъ бросился, какъ изступленный, на врага, но вооруженные люди окружили его, бросили на постель и завладѣли имъ. Точно также былъ схваченъ и Арнульфъ, и оба они были засажены въ ту же самую башню. Двери ея заперли засовами, цѣпями и ключами, и приставили къ ней стражу. Жители города были испуганы и разбужены воплями женщинъ и стенаніями дѣтей и прислуги, громко возносившимися къ небу. Тѣ, которые держали сторону Карла, тотчасъ же пустились бѣжать. Однако, они ушли только съ трудомъ, ибо Адальберъ приказалъ запереть ворота города, чтобъ захватить всѣхъ, кого считалъ своими врагами. Ихъ искали, но никого не нашли. При этомъ они увели съ собою также и двухлѣтняго сына Карла, носившаго одно имя съ отцомъ, и такимъ образомъ избавили его отъ неволи. Епископъ посылаетъ тогда со всею поспѣшностію къ королю въ Сенлисъ извѣстить, что городъ, который онъ недавно потерялъ, опять завоеванъ. Карлъ съ женою и дѣтьми взятъ въ плѣнъ и даже схваченъ архіепископъ, найденный между врагами; пусть король приходитъ съ такимъ числомъ войска, какое у него есть на лицо, не теряя времени на сборъ его, но пославъ только по сосѣдству, ко всѣмъ, кому онъ довѣряетъ, приказаніе слѣдовать за нимъ сюда. Прежде всего, пусть онъ самъ поспѣшно идетъ, хотя бы даже и съ немногими.

48. Король собираетъ въ торопяхъ сколько у него было войска и немедленно идетъ въ Ланъ. Достигнувъ города и принятый здѣсь съ королевскими почестями, онъ освѣдомляется о благосостояніи вѣрныхъ ему, о способѣ и средствахъ, которыми былъ завоеванъ городъ и противникъ взятъ въ плѣнъ, и узнаетъ все. На слѣдующій день собраны были граждане и отъ нихъ потребовали, чтобъ они присягнули королю. Видя себя захваченными и въ чуждой власти, они обѣщаютъ послушаніе и даютъ королю присягу въ вѣрности. Озаботившись о безопасности города, король возвращается съ плѣнными врагами въ Сенлисъ. Здѣсь онъ созываетъ своихъ на совѣщаніе и спрашиваетъ ихъ мнѣнія.

49. Нѣкоторые полагали, что у Карла, какъ у человѣка важнаго и знатнаго изъ королевскаго рода, слѣдуетъ взять въ заложники всѣхъ сыновей и дочерей, а отъ него самого потребовать клятвы, которою бы онъ обязался королю никогда не дѣлать притязаній на тронъ Франціи, и запретить то въ духовномъ завѣщаніи и своимъ дѣтямъ. Затѣмъ, полагали они, онъ долженъ быть выпущенъ на свободу. Напротивъ того, другіе были того мнѣнія, что человѣка такого знатнаго и столь древняго рода нельзя скоро выпускать на свободу; скорѣе король долженъ держать его подъ стражею до тѣхъ поръ, пока будетъ видно, кто недоволенъ его заключеніемъ. Тогда можно будетъ увидѣть, достаточно-ли значительна по своему числу, важности и по своимъ предводителямъ его партія, чтобъ на нее стоило смотрѣть, какъ на открытыхъ противниковъ короля франковъ, или же за Карла выступятъ только незначительные люди. Если о судьбѣ Карла будутъ сожалѣть только немногіе и притомъ незначительные люди, тогда, думали они, его нужно держать въ заключеніи; но если поднимется много и значительныхъ людей, тогда они совѣтовали выпустить его на свободу подъ вышеприведенными условіями. Сообразно съ этимъ, Карлъ съ женою своею Аделаидою, сыномъ Людовикомъ и двумя дочерьми, изъ коихъ одна называлась Гербергою, а другая Аделаидою, а также и съ своимъ племянникомъ Арнульфомъ, заключенъ былъ въ темницу (30 марта, 991 г.) [1].

Собственно заключеніемъ Карла Лотарингскаго и архіепископа Арнульфа авторъ кончаетъ свою хронику, и всѣ остальныя главы IV книги заняты событіями, относившимися лично къ нему самому, или къ его покровителю Герберту (папа Сильвестръ II), который, какъ приверженецъ новой династіи и воспитатель молодого короля Роберта, былъ назначенъ архіепископомъ Реймсскимъ на мѣсто низверженнаго Арнульфа.

Монахъ Рикеръ.
Historiarum libri IV. Книга III, 67—110; IV, 1—49.

О Рикерѣ и его сочиненіяхъ см. ниже ст. 41 и къ ней примѣчаніе.

41.—Изъ автобіографіи монаха Рикера. 991 г.

(Въ 998 г.).

Дней за четырнадцать предъ взятіемъ въ плѣнъ Карла Лотарингскаго и архіепископа Реймсскаго Арнульфа (слѣдовательно, 15 марта 991 г; см. о томъ выше на стр. 616), когда я пребывалъ въ Реймсѣ и ревностно занимался науками, изучая прилежно сочиненія Гиппократа Косскаго (т.-е. медицинскія), встрѣтился мнѣ однажды на

---

[1]) Авторъ въ этомъ мѣстѣ прерываетъ свою хронику (см. извлеченіе изъ ея изъ четырехъ книгъ, выше въ ст. 36 и 40), доведенную имъ до плѣна Карла Лотаринг: и архіеп. Арнульфа, заключенныхъ Гуго Капетомъ, и обращается къ одному небольшому событію собственной жизни, которое служитъ для насъ единственною характеристикою лица писателя и вмѣстѣ рисуетъ нравы той эпохи (см. слѣд. статью).

улицѣ верховой изъ Шартра. На мой вопросъ, кто онъ такой, чей, и откуда ѣдетъ, онъ отвѣчалъ, что посланъ Герибрандомъ, священникомъ въ Шартрѣ, и желалъ бы говорить съ Рикеромъ, монахомъ монастыря св. Ремигія. Какъ скоро я услышалъ это имя моего друга и свое собственное, я сказался верховому, обнялъ его и отвелъ въ сторону. Тогда вынулъ онъ письмо. Это было приглашеніе прочесть со мною объ *афоризмахъ*. Чрезвычайно обрадованный тѣмъ, я взялъ съ собою одного малаго и приготовившись, вмѣстѣ съ верховымъ, какъ можно скорѣе поспѣшилъ отправиться въ Шартръ. При моемъ отъѣздѣ, я получилъ отъ своего аббата какую-то клячу. И такъ я пустился въ дорогу безъ денегъ, не имѣя платья для перемѣны, лишенный всего необходимаго, и прибылъ въ Орбе, мѣсто, которое славилось своимъ радушнымъ гостепріимствомъ. Тамъ господинъ аббатъ Д. утѣшилъ меня своею бесѣдою и своею благотворительною помощію. Послѣ того я отправился на слѣдующій день далѣе, чтобы добраться до Мо (Meaux). Но, вмѣстѣ съ своими двумя спутниками, я попалъ въ густой лѣсъ, гдѣ намъ приключились различныя невзгоды. Мы заблудились и дали крюку на шесть часовъ пути. Когда мы миновали Шато-Тьерри (Chateau-Thierry), моя кляча, выступавшая сначала какъ Буцефалъ, сдѣлалась лѣнивѣе осла. День былъ уже на исходѣ; небо, казалось, готово было разрѣшиться дождемъ, а намъ предстояло миль шесть до города, когда мой могучій Буцефалъ, истощенный усталостію, грохнулся между ногъ сидѣвшаго на немъ слуги, и какъ-бы пораженный молніею, испустилъ дыханіе. Наше затрудненіе и безпокойство могутъ представить тѣ, съ которыми хотя однажды случилось что-нибудь подобное, и которые по опыту знаютъ такое положеніе. Нашъ малый, еще никогда не дѣлавшій столь далекаго и затруднительнаго путешествія и потерявшій теперь своего коня, лежалъ совершенно истомленный; поклажу нельзя было тронуть съ мѣста, дождь лилъ ручьями; а совершенно покрытое облаками небо и заходившее солнце представляли намъ въ перспективѣ темную ночь, въ которой не будетъ видно ни зги. Однако, въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ меня не оставила божественная помощь и даже внушила мнѣ слѣдующее намѣреніе. Именно, я оставилъ прислужника съ поклажею на мѣстѣ, научилъ его, что онъ долженъ отвѣчать на вопросы мимо проходящихъ, уговорилъ его воздерживаться отъ сна и поспѣшилъ въ Мо, сопровождаемый однимъ только верховымъ изъ Шартра. Когда я вступилъ на мостъ, было едва достаточно свѣтло, чтобы разсмотрѣть его. Но когда я вглядѣлся, мною овладѣли новыя опасенія, потому что мостъ во многихъ мѣстахъ былъ очень испорченъ и въ немъ видны были такія большія дыры, что жители города только по самымъ необходимымъ дѣламъ переходили его. Человѣкъ изъ Шартра, спутникъ осторожный, поискалъ кругомъ лодки, но, не найдя ни одной, долженъ былъ войти на опасный мостъ. Съ помощію небесъ онъ невредимо перевелъ лошадей. Гдѣ были дыры, тамъ онъ въ одномъ мѣстѣ подкладывалъ подъ ноги лошадямъ свой щитъ, въ другомъ— складывалъ доски, валявшіяся кругомъ, и такимъ образомъ то сгибаясь, то распрямляясь, то идя впередъ, то поспѣшно отступая,

перешелъ онъ счастливо со мною и лошадьми на другой берегъ. Ночь совсѣмъ наступила и покрыла землю страшною темнотою, когда я вошелъ въ монастырь св. Фаро, гдѣ монахи заняты еще были приготовленіемъ напитка любви [1]). Они, именно въ этотъ день, по прочтеніи надлежащаго монастырскимъ келаремъ, устроили торжественный ужинъ, и потому такъ поздно находились еще вмѣстѣ и пили. Я принятъ былъ ими какъ братъ, и ихъ дружеская бесѣда, обильный столъ подкрѣпили меня. Но спутника своего изъ Шартра я послалъ съ лошадьми назадъ. Ему пришлось снова подвергнуться опасностямъ, которыя только что онъ преодолѣлъ на мосту, чтобы отыскать оставленнаго на дорогѣ слугу. Также ловко, какъ и въ первый разъ, перешелъ онъ мостъ и не мало проблудивши, постоянно окликая, отыскалъ моего служителя только во время второй ночной стражи. Онъ взялъ его съ собою и пріѣхалъ въ городъ. Но убоявшись опаснаго моста, котораго коварство ему было извѣстно по опыту, онъ остановился съ слугою и лошадьми въ одной хижинѣ, гдѣ они, не принимавши пищи въ продолженіе цѣлаго дня, хотя и нашли ночлегъ, но не нашли ничего поѣсть. Въ какихъ опасеніяхъ и какую безсонную я провелъ ночь, это будутъ въ состояніи представить себѣ только тѣ, у которыхъ забота о своихъ хотя однажды отгоняла сонъ. Когда наконецъ наступилъ желанный день, оба они, рано, страшно проголодавшись, прибыли ко мнѣ. Ихъ накормили; лошадямъ также задали овса и соломы. Я оставилъ своего пѣшаго слугу у аббата Августина и одинъ съ верховымъ поспѣшно отправился въ Шартръ [2]). Оттуда я послалъ лошадь назадъ и приказалъ привести моего малаго изъ Мо. Когда-же и тотъ прибылъ, и всякая забота устранилась, я принялся со всею ревностью, подъ руководствомъ на столько-же добраго сколько и ученаго господина Герибранда, за афоризмы Гиппократа. Но такъ какъ оттуда я узналъ только признаки болѣзни, а одно познаніе признаковъ не удовлетворило моей жажды къ знанію, то я просилъ его прочесть со мною также книгу „О соглашеніи Гиппократа Галіена и Сурана". Герибрандъ согласился также и на это, ибо былъ весьма свѣдущъ въ своемъ искусствѣ и обладалъ большими познаніями въ фармацевтикѣ, ботаникѣ и хирургіи [3]).

Монахъ Рикеръ.

Histor. libri IV. Книг. IV. 50.

---

[1]) Такъ называютъ вино, которое было разрѣшено монахамъ пить только по большимъ торжествамъ.

[2]) Шартръ лежитъ на ю.-з. отъ Парижа, въ двухъ часахъ по желѣзной дорогѣ.

[3]) Конецъ IV книги и вмѣстѣ всей хроники, отъ 51 до 107 гл., авторъ посвящаетъ почти исключительно на борьбу Герберта съ Арнульфомъ за реймское архіепископство, и останавливается на 998 г., потому что въ это время Гербертъ, поручившій автору написать хронику, принужденъ былъ удалиться и отправился къ Оттону III, а при Арнульфѣ порученіе его соперника не могло продолжаться, и авторъ скрылъ свой трудъ, а можетъ быть и самъ скрылся (см. 35 ст.).

Монахъ Рикеръ (Richerus) жилъ и писалъ свои „Четыре книги исторіи“ въ концѣ X вѣка, въ монастырѣ св. Ремигія въ Реймсѣ, когда пали Карловинги во Франціи, и съ одной стороны Гуго Капетъ отстаивалъ новую династію отъ притязаній послѣдняго потомка Карла В., Карла Лотарингскаго, а съ другой стороны, Гербертъ боролся съ Арнульфомъ, младшимъ братомъ Людовика V, за архіепископскій престолъ въ Реймсѣ. Такимъ обраромъ, хроника Рикера относится къ одному изъ замѣчательнѣйшихъ переворотовъ въ исторіи Франціи, и, какъ составленная очевидцемъ, представляетъ чрезвычайную важность, тѣмъ болѣе, что безъ Рикера надобно было бы ограничиться однѣми сухими замѣтками позднѣйшихъ лѣтописцевъ. Но при всей важности этой хроники, она исчезла въ средніе вѣка и была намъ извѣстна по позднѣйшимъ извлеченіямъ; только въ 1833 г. Пертцъ, осматривая всѣ библіотеки для своего изданія Monumenta, нашелъ собственный манускриптъ Рикера въ Бамбергѣ.

О лицѣ самаго писателя мы узнаемъ изъ его же хроники, и къ приведенному нами большому эпизоду о его путешествіи изъ Реймса въ Шартръ, 991 г., можемъ присоединить только то, что Рикерь былъ сынъ Рудольфа, служившаго въ военной свитѣ короля Людовика IV Заморскаго, отца Лотаря и дѣда Людовика V; самъ Рикеръ посвятилъ себя духовному званію и занимался преимущественно медицинскими науками. Происхожденіе изъ воинственной семьи и собственныя занятія отразились на его хроникѣ: авторъ излагаетъ всегда съ мельчайшими подробностями битвы, осады и различные случаи болѣзней. Свое сочиненіе онъ писалъ по порученію своего архіепископа Герберта, друга Капетинговъ, а семейныя преданія склоняли его въ пользу Карловинговъ, что невольно выразилось въ самой хроникѣ, гдѣ авторъ видимо щадитъ Гуго Капета, помня для кого онъ пишетъ, и въ то же время не можетъ совсѣмъ скрыть тайной привязанности къ послѣднимъ Карловингамъ.

Хроника Рикера обнимаетъ собою вкратцѣ всю судьбу Галліи, по предшествовавшимъ лѣтописцамъ (см. о томъ у насъ, выше на стр. 554), но самостоятельное ее значеніе начинается только съ 22 главы III книги, гдѣ авторъ пишетъ, какъ очевидецъ. Правленіе Лотаря, Людовика V Лѣниваго, первые годы Гуго Капета, управленіе реймскою эпархіею Адальбера и процессъ Арнульфа съ Гербертомъ, равно какъ и другія событія изъ жизни послѣдняго, не имѣютъ для себя повѣствователя подобнаго Рикеру. Авторъ обладалъ отличными познаніями классической литературы, и очевидно подражалъ Саллустію; но въ то же время Рикеръ, какъ и другіе ученые среднихъ вѣковъ, служитъ примѣромъ того, какъ мало плодотворно даже самое глубокое познаніе древней литературы, если оно не обращается въ живой источникъ мысли, и служитъ само себѣ послѣднею цѣлью. Рикеръ дошелъ до такого презрѣнія къ своему настоящему, что считалъ наприм. болѣе учено сообщить своему читателю X вѣка, не то раздѣленіе Франціи, какое она представляла въ то время, но то, которое дѣлаетъ Юлій Цезарь въ началѣ своихъ комментарій о галльской войнѣ; точно также вся хроика Рикера въ отношеніи собственныхъ именъ представляетъ маскерадъ: авторъ тщательно избѣгаетъ современныхъ ему названій странъ и городовъ и перекрещиваетъ ихъ въ римскую форму: французы у него называются галлами, лотарингцы—бельгійцами, графы—консулами, дружины—легіонами и подраздѣляются на когорты и т. д.

Изданія: Pertz, Monum. Germ. III, 561—657, и отдѣльное изданіе in usum scholarum. Hannov. 1840. *Переводы:* Нѣмец. Osten-Sacken (Berl. 1854) въ Ge-

schichtschr. d. d. Vorzeit. Lief. 23 (ц. 20 згр.); француз. Guadet (Par. 1845. 2 vol. съ оригиналомъ) и Poinsignon (Reims. 1885, съ оригиналомъ и картою). *Критика*: Giesebrecht, W., Jahrb. des deutschen Reiches unter Otto II Berl. 1840.

42.—Англія въ X вѣкѣ.

(Въ 1859 г.).

Альфредъ Великій [1]) имѣлъ достойныхъ себя преемниковъ; прогрессивное движеніе, сообщенное этимъ замѣчательнымъ правителемъ англосаксонской монархіи, не остановилось съ его смертью, и она не переставала увеличиваться въ объемѣ и силѣ въ продолженіе первыхъ трехъ четвертей X вѣка.

Эдуардъ его сынъ, прозванный Древнимъ, отразилъ датчанъ, принялъ присягу на вѣрность отъ шотландцевъ и бретонцевъ камбрійскихъ и упрочилъ безопасность своего королевства, покрывъ его границы рядомъ крѣпостей. Ему во всемъ помогала своими заботами и совѣтама сестра его Этельфледа, женщина, обладавшая мужественнымъ характеромъ, и которую историки назвали дамой Мерсіи, потому что она съ мудростью правила долгое время дѣлами этой страны.

Эдуардъ Древній царствовалъ двадцать четыре года (900—924) и оставилъ послѣ себя наслѣдникомъ сына своего Ательстана, о которомъ можно сказать, что онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ, которымъ счастье никогда не измѣняло. Онъ одержалъ на поляхъ брунамбургскихъ славную побѣду надъ многочисленнымъ непріятелемъ, соединившимся противъ него. Тамъ, подъ знаменами морского короля Анлафа и шотландскаго Константина—стояли норвежцы, датчане изъ Британіи и острововъ, галлы гебридскіе и грампіенскіе горцы. Побѣда осталась за саксами, и они воспѣли ее въ своихъ національныхъ поэмахъ, отрывки которыхъ сохранились до нашихъ дней. Пять морскихъ королей, семь графовъ и безчисленное множество воиновъ погибли отъ меча въ этой ужасной битвѣ.

Ательстанъ гордится въ своихъ грамотахъ именно тѣмъ, что онъ покорилъ своей власти всѣхъ иноплеменниковъ, населявшихъ Британію, и дѣйствительно съ той побѣды начинается полное существованіе монархіи англо-саксовъ: датскіе предводители въ Нортумберландіи и Эстъ Англіи, которые подъ тѣнью зависимости пользовались на дѣлѣ всѣми правами верховной власти, совершенно исчезли, и всѣ страны, завоеванныя въ началѣ саксами и англами, были окончательно присоединены къ королевству Вессексъ.

---

[1]) См. его біографію выше, въ ст. 24.

Многіе могущественные государи того времени искали дружбы съ Ательстаномъ, и три сестры его, Эдита, Эдгива и Этильда сдѣлали блестящія партіи. Первая вышла замужъ за молодого Оттона (I), сына короля германскаго Гейнриха Птицелова, прославившагося впослѣдствіи подъ именемъ Оттона Великаго; вторая, Эдгива, соединила свою судьбу съ злополучнымъ Карломъ Простымъ, королемъ французскимъ; наконецъ, руку третьей, Этильды, искалъ и получилъ соперникъ этого короля, могущественный Гуго Великій, графъ парижскій, потомство котораго должно было отнять французскій престолъ у потомковъ Карла Великаго.

Многіе короли находили себѣ убѣжище при дворѣ Ательстана. Одинъ изъ нихъ былъ его племянникъ, Людовикъ (IV, Заморскій) французскій, сынъ сестры его Эдгивы и Карла Простого. Тринадцать лѣтъ спустя (936) явилась депутація французскихъ бароновъ, во главѣ которой стоялъ архіепископъ г. Сана, и которая была отправлена Гуго Великимъ, просила у Ательстана возвратить Франціи потомка Карла Великаго, и звала молодого принца на престолъ его предковъ. Людовикъ, прозванный Заморскимъ (*Outre-Mer*), по причинѣ своего долгаго пребыванія въ странѣ англо-саксовъ, вернулся во Францію, поддерживаемый вліяніемъ и оружіемъ своего дяди Ательстана, и обнаружилъ среди постоянныхъ возмущеній и войнъ храбрость, превосходившую его счастіе.

Алэнъ бретонскій, внукъ Алэна Великаго, также нашелъ у Ательстана убѣжище и покровительство. Этотъ молодой человѣкъ, изгнанный изъ приморской Бретани кровавымъ вторженіемъ норманновъ подъ предводительствомъ Роллона, убѣжалъ въ Британію, отечество своихъ предковъ, и впослѣдствіи, съ помощію Ательстана, добылъ себѣ наслѣдство и съ честію продолжалъ править Бретанью.

Господствующей чертой характера Ательстана было истинно королевское великодушіе: онъ не только принималъ у себя и возвращалъ на престолы сиротъ или знаменитыхъ изгнанниковъ, но даже возводилъ на престолы многихъ изъ тѣхъ, которыхъ низвергнулъ своимъ оружіемъ. „Славнѣе, говорилъ онъ, дѣлать королей, нежели самому имъ быть“. Утверждаютъ, что онъ возвратилъ Говелю княжество Валлійское, а Константину—королевство Шотландію. Въ этомъ случаѣ онъ не всегда слушался совѣтовъ благоразумія: такъ онъ вручилъ управленіе Нортумберландіею свирѣпому Эрику, котораго самъ же лишилъ норвежскаго престола, и не подумалъ о томъ, что его прежній врагъ, ставъ во главѣ населенія, весьма наклоннаго къ возстанію, можетъ быть, скорѣе вспомнитъ о своемъ первомъ паденіи, нежели о послѣдней милости.

Ательстанъ, воспитаніе котораго было весьма тщательно, имѣлъ хорошія свѣденія въ литературѣ своего времени, управлялъ по законамъ, съ искусствомъ и мудростію. Будучи человѣкомъ просвѣщеннымъ, мужественнымъ, кроткимъ и справедливымъ, онъ умѣлъ соединить съ этими качествами еще одно, которое было въ то время необходимою принадлежностію мудраго правителя: онъ оцѣнилъ справедливо то значеніе, которое должна была имѣть церковь и вообще духовенство. Великодушный къ знатнымъ пастырямъ, онъ равно

былъ милосердъ къ бѣднымъ: его распоряженія относительно бѣдныхъ его владѣній, истинно трогательны.

Ательстанъ умеръ 940, послѣ шестнадцати лѣтъ правленія, и былъ погребенъ съ большимъ великолѣпіемъ въ монастырѣ Мальмесбюри. Ему наслѣдовалъ его брата Эдмондъ, прозванный Древнимъ, который царствовалъ только шесть лѣтъ (940—946), со славою боролся съ датчанами и умеръ среди своихъ побѣдъ. Онъ оставилъ послѣ себя собраніе законовъ, которое носитъ его имя и которое, по сравненію съ законодательствомъ его предшественниковъ, обнаруживаетъ цивилизацію уже болѣе зрѣлую.

Послѣ Эдмонда осталось двое малолѣтнихъ сыновей, Эдви и Эдгаръ; тотъ и другой были слишкомъ молоды, чтобы управлять государствомъ, а по обычаю англо-саксовъ, въ случаѣ неспособности сыновей послѣдняго короля, отдавать предпочтеніе брату, былъ избранъ Эдредъ (946—955), братъ Эдмонда. Такъ какъ нортумберландцы сдѣлали при немъ новое возстаніе, то онъ сравнялъ ихъ съ прочими владѣніями англо-саксовъ, раздѣлилъ ее на графства, округи и кантоны и ввѣрилъ управленіе ими своимъ чиновникамъ подъ начальствомъ Осульфа, перваго графа Нортумберландіи.

Епископъ Туркетулъ, канцлеръ Эдреда, поддерживалъ спокойствіе въ государствѣ, въ теченіе девяти лѣтъ его правленія. Эдреду наслѣдовалъ племянникъ его Эдви (955—959), сынъ Эдмонда, едва только достигшій 16-лѣтняго возраста.

Въ теченіи болѣе столѣтія, двѣ стихіи общественнаго порядка того времени, королевская власть и духовенство, у англо-саксовъ дѣлали постоянный прогрессъ. Церковь, разсматриваемая съ точки зрѣнія своего матеріальнаго значенія, находилась въ періодѣ развитія: въ ней обнаруживались, въ Британіи какъ и во всей Европѣ, два весьма противоположныя движенія, и изъ которыхъ одно, говоря справедливо, было только реакціей другому. Свѣтское духовенство въ X столѣтіи почти вездѣ забыло свои добродѣтели, составлявшія его славу въ эпоху паденія з. р. имперіи и до конца VIII вѣка. Самый Римъ, гдѣ недостойные папы слѣдовали другъ за другомъ на престолѣ св. Петра и Григорія Великаго, сдѣлался средоточіемъ беззаконія и растлѣнія нравовъ. Императоры и чернь попеременно располагали папской короной. Соблазны, совершаемые предъ лицомъ свѣта, въ нѣдрѣ самаго католичества, были одной изъ причинъ ослабленія нравовъ въ церкви. Были и другія причины: духовенство сдѣлалось чрезвычайно богатымъ, вслѣдствіе королевскихъ даровъ; короли, давая ихъ церкви, вѣрили, что они даютъ самому Богу и искупляются такимъ образомъ отъ вѣчныхъ мукъ. Когда церковь сдѣлалась обширнымъ поприщемъ для достиженія вліянія и богатствъ, толпа людей безъ призванія устремилась къ ней, болѣе всего прельщенная стяжаніями и легкостью существованія. Пастыри забыли свои обѣты самоотверженія и воздержанія. Феодальная система, которая привязывала человѣка къ его землѣ, къ его ленному владѣнію, и обхватила своею обширною сѣтью континентальную Европу, начинала развиваться и въ Англіи. Духовенство принуждено было, подобно прочимъ вассаламъ, подчиниться требованіямъ этой системы;

по своимъ феодальнымъ землямъ и бенефиціямъ, оно должно было нести военныя повинности: это обстоятельство развило въ немъ новые привычки и нравы, существенно отличные отъ привычекъ и нравовъ жизни набожной и смиренной.

Строгая дисциплина, святой уставъ Августина, его сподвижниковъ и ихъ преемниковъ въ VII и VIII столѣтіяхъ, пострадали также отъ датскихъ вторженій, въ теченіе IX вѣка, и ослабленіе христіанскихъ нравовъ въ свѣтскомъ духовенствѣ было въ то время сопровождаемо потрясеніемъ и паденіемъ монастырскихъ учрежденій.

Въ половинѣ X столѣтія, при такомъ состояніи церковнаго общества, явился человѣкъ, который задумалъ помочь такому двойному бѣдствію. Задача была большая, трудная и требовала характера далеко не обыкновеннаго закала: и такую-то задачу принялъ съ успѣхомъ на себя Дунстанъ, котораго церковь и причла къ лику святыхъ. Превознесенный безъ всякой мѣры писателями католическими какъ лицо, одаренное сверхъ-естественными силами, и непризнанный протестантами, которые хотѣли видѣть въ немъ только честолюбиваго лицемѣра, Дунстанъ соединялъ въ себѣ двойной характеръ великаго человѣка и святого. Онъ былъ человѣкъ плодотворнаго генія, съ характеромъ пылкимъ и увлекающимся, чистыхъ и строгихъ нравовъ, полный энтузіазма и одаренный, сверхъ того, твердой волей, какая была ему необходима для совершенія великихъ дѣлъ.

Бывъ другомъ и совѣтникомъ короля Эдреда, онъ отказался отъ епископскаго престола въ Винчестерѣ, и при смерти того государя оставался попрежнему аббатомъ гластонбюрійскимъ; но всякое другое достоинство не дало бы ему бо̀льшаго вліянія, какимъ онъ уже пользовался за свои познанія, строгій образъ жизни и свое благочестіе. Въ это-то время онъ задумалъ преобразовать англо-саксонскую церковь, сдѣлать духовенство болѣе сильнымъ, болѣе независимымъ отъ свѣтской власти, и для достиженія того преслѣдовалъ три главныя цѣли, а именно: онъ хотѣлъ принудить духовенство къ воздержанію, ввести во всѣхъ монастыряхъ уставъ святого Бенедикта и изгнать изъ каѳедральныхъ церквей всѣхъ женатыхъ духовныхъ, замѣщая ихъ бенедиктинцами.

Король своею волей, своимъ примѣромъ, могъ бы способствовать успѣху подобныхъ реформъ; но молодой Эдви, преемникъ Эдреда, изъ всѣхъ занимавшихъ престолъ, былъ наименѣе способенъ содѣйствовать такому предпріятію. Человѣкъ корыстный и распущенныхъ нравовъ, Эдви, если вѣрить хроникамъ того времени, обременялъ народъ налогами, грабилъ могущественныхъ тановъ, и отнималъ у церквей богатые дары своихъ предшественниковъ, съ необузданностію предаваясь своимъ безпорядочнымъ наклонностямъ.

Онъ заключилъ непозволительную связь и вступилъ въ запрещенный бракъ съ одной чрезвычайно красивой женщиной, которую звали Эльгивой, и отказался разойтись съ нею. По легкомыслію ли, или по необузданности своего характера, онъ не побоялся въ самый день своего помазанія оскорбить нравственное чувство присутствовавшихъ, покинулъ свой тронъ, и, сложивъ съ себя корону, удалился въ покои Эльгивы. Оскорбленные внезапнымъ исчезновеніемъ короля, вельможи

послали за нимъ двухъ прелатовъ, и однимъ изъ нихъ былъ Дунстанъ. Онъ вошелъ къ нему, вырвалъ его изъ рукъ Эльгивы, и, возложивъ на короля корону, упрекалъ его въ легкомысліи. Эдви, раздраженный, въ свою очередь, приказалъ лишить Дунстана всего и изгнать изъ аббатства. Дунстанъ обратился въ бѣгство, и въ то самое время, когда онъ покидалъ берегъ, явились вооруженные, которымъ было приказано лишить его жизни. Такъ, онъ ушелъ отъ нихъ и удалился во Фландрію, гдѣ нашелъ радушный пріемъ; но Дунстанъ оставилъ по себѣ мстителя. Это былъ архіепископъ канторберійскій Одо; онъ захватилъ Эльгиву, велѣлъ обжечь ей лицо раскаленнымъ желѣзомъ и изгналъ изъ королевства. Часть подданныхъ Эдви, въ Мерсіи и Нортумбріи, въ то время возстала противъ него и тѣмъ самымъ, вѣроятно, воспрепятсвовала королю защитить Эльгиву и отомстить за нее: Эдви затаилъ свою ненависть къ архіепископу. Мятежъ, однако, распространялся, и всѣ усилія Эдви остановить его были напрасны. Инсургенты провозгласили своимъ королемъ Эдгара, его брата, имѣвшаго отъ роду всего 23 года; такимъ образомъ, Англія раздѣлилась между двумя братьями, и Темза отдѣляла ихъ владѣнія. Между тѣмъ, Эльгива излечилась отъ своихъ ранъ и даже успѣла возвратить себѣ прежнюю красоту; она поспѣшила, къ своему несчастью, явиться къ королю во время его борьбы съ противниками, и попалась въ руки послѣднихъ. По жестокому имъ приговору, ей были перерѣзаны жилы подъ колѣномъ, и, нѣсколько часовъ спустя она умерла въ мученіяхъ. Эдви пережилъ ее; одинъ древній составитель хроники говоритъ, что онъ былъ убитъ, другіе приписываютъ его смерть скорби; онъ правилъ всего 4 года.

Эдгаръ (959—975), его братъ и преемникъ, имѣлъ рѣдкое счастіе поддерживать въ теченіе шестнадцати лѣтъ, не обнажая меча, англо-саксонскую монархію на высочайшей степени могущества и согласія, до которой когда-либо она достигала, и трудно сказать, что больше дѣлало ему честь, блескъ ли, украшавшій его корону, или титулъ *Миролюбиваго*, полученный имъ отъ своихъ современниковъ, и который утвердило за нимъ потомство.

Воспитанный по смерти короля Эдмонда, его отца, родственникомъ Ательстаномъ,графомъ Мерсіи, онъ былъ, такъ сказать, усыновленъ народомъ этой страны: жители Мерсіи принудили его брата признать его ихъ государемъ, и когда, по смерти Эдви, Эдгаръ вступилъ на вессекскій престолъ, мерсійцы и датчане, которые въ предшествовавшей войнѣ дѣйствовали за одно, смотрѣли на этого государя, какъ на человѣка, избраннаго ими, и оставались ему вѣрными.

Такимъ образомъ, древнія королевства англо-саксовъ, нортумберландцевъ и мерсійцевъ, въ его царствованіе, соединились мирно въ одно цѣлое.

Эдгаръ сдѣлалъ много полезнаго для благоденствія своего государства: онъ покровительствовалъ торговлѣ и иностранцамъ, которыхъ коммерческія предпріятія привлекали въ Англію съ береговъ Саксоніи, Даніи и Фландріи; установилъ въ своихъ владѣніяхъ одинаковую монету и однообразную мѣру и вѣсъ; строго слѣдилъ за правосудіемъ и предохранялъ свою страну отъ чужеземнаго наше-

ствія устройствомъ многочисленнаго флота, который былъ имъ раздѣленъ на три эскадры, по тремъ сторонамъ Британіи, и ежегодно самъ объѣзжалъ островъ на одной изъ такихъ эскадръ. Наконецъ, онъ предотвратилъ возстанія и внутреннія междоусобія, оказывая уваженіе обычаямъ датчанъ и постоянную заботливость о ихъ благосостояніи.

Къ числу полезныхъ мѣръ управленія Эдгара, должно отнести также совершенное истребленіе волковъ, которые бывъ изгнаны изъ его земель, убѣжали въ Валлисъ. Эдгаръ уничтожилъ ихъ и тамъ, замѣнивъ денежный налогъ, возложенный на валлійцевъ королемъ Ательстаномъ, ежегодною податью въ триста волчьихъ головъ. Такимъ образомъ, эти вредныя животныя исчезли въ нѣсколько лѣтъ на англійской почвѣ.

Самымъ замѣчательнымъ событіемъ правленія этого государя была реформа духовенства, произведенная Дунстаномъ, который при Эдгарѣ безгранично пользовался его милостями. Почти въ одно и тоже время возведенный на два епископскихъ престола, въ Ворчестерѣ и Лондонѣ, а позже и на метропольный престолъ въ Канторбери, Дунстанъ, поддерживаемый епископами Освальдомъ и Этельсвальдомъ, могъ наконецъ привести въ исполненіе свой великій планъ реформы. Онъ выкупилъ земли, конфискованныя или проданныя у множества монастырей, возстановилъ церковныя зданія, разрушенныя или опустошенныя; въ нѣсколько лѣтъ, великія аббатства Гластонбюрійское, Аббингтонское, Элійское, Петерборгское и Малмесбюрійское — снова сдѣлались цвѣтущими или вышли изъ своихъ развалинъ. Дунстанъ построилъ много новыхъ монастырей и вездѣ ввелъ бенедиктинскій уставъ, повсюду подчиняя духовенство древней дисциплинѣ, преслѣдовалъ священниковъ женатыхъ или жившихъ съ наложницами, изгонялъ ихъ и замѣщалъ монахами устава св. Бенедикта или священниками, принявшими этотъ уставъ. Трудное предпріятіе Дунстана было поддержано авторитетомъ римскаго двора, и для своего успѣха нуждалось не только во власти, какою пользовался архіепископъ канторберійскій, но и въ томъ вліяніи, которое ему доставляла слава о его строгихъ добродѣтеляхъ и силѣ творить чудеса. Король Эдгаръ принималъ чрезвычайно дѣятельное участіе въ дѣлѣ реформы Дунстана, безъ сомнѣнія, слишкомъ насильственной, но которую упадокъ духовнаго сословія и ослабленіе его нравовъ дѣлали необходимою.

Признательные монахи отзывались съ большими похвалами объ Эдгарѣ, но они не могли совершенно умолчать о его недостаткахъ, ибо онъ съ высокими качествами соединялъ великіе пороки. Его приключеніе съ прекрасной Эльфридой прославлено романистами и поэтами. Эльфрида была дочь Адгара, графа девонширскаго; слухъ о ея красотѣ дошелъ до короля, и онъ поручилъ одному изъ своихъ приближенныхъ, Ательвальду, отправиться для удостовѣренія въ томъ. Ательвальдъ увидѣлъ Эльфриду и былъ увлеченъ ея красотой. Страсть сдѣлала его вѣроломнымъ въ отношеніи къ королю; онъ отозвался неблагопріятно о красотѣ Эльфриды, а потомъ секретно просилъ ея руки и женился на ней. Король подозрѣвалъ истину, но, скрывая

свой гнѣвъ, и желая самъ быть судьей, изъявилъ желаніе посѣтить молодыхъ. Испуганный Ательвальдъ объявилъ своей женѣ то, что онъ зналъ одинъ, и заклиналъ ее исказить или скрыть, на сколько возможно, свою поразительную красоту; но Эльфрида, оскорбленная потерей короны, не пренебрегла, напротивъ, ничѣмъ, чтобы явиться передъ королемъ во всемъ блескѣ своей красоты и успѣла его очаровать. Король сначала скрылъ свой гнѣвъ, но, проѣзжая однажды лѣсомъ съ Ательвальдомъ, онъ пронзилъ его дротикомъ и потомъ женился на его вдовѣ.

Король Шотландіи Кеннетъ получилъ отъ щедротъ Эдгара провинцію Лотію, которая прежде составляла часть Нортумберландіи. Она была бѣдна, непроизводительна, и открыта частымъ нападеніямъ; Эдгаръ, присоединяя ее къ шотландской коронѣ, именно постановилъ, чтобы жители ея сохранили свои законы, свои нравы и свои обычаи. Кеннетъ получилъ еще отъ Эдгара двѣнадцать леновъ, расположенныхъ въ разныхъ провинціяхъ Англіи, и по которымъ онъ далъ ему присягу.

Гордый своимъ могуществомъ и своимъ величіемъ, Эдгаръ присвоилъ себѣ титулы: „короля англійскаго и сосѣднихъ націй, монарха Альбіона и верховнаго властителя королей острововъ". Приводятъ относящуюся ко времени его пребыванія въ Честерѣ замѣчательную черту его могущества или его гордости. На одной прогулкѣ, предпринятой имъ по рѣкѣ Ди, изъ Честера въ аббатство св. Іоанна, онъ занялъ мѣсто у руля и заставилъ восемь королей, своихъ вассаловъ, сѣсть за весла: прелаты и придворные слѣдовали на своихъ баркахъ, тогда какъ толпа на берегу наполняла воздухъ восклицаніями: „Мои преемники, сказалъ, въ свою очередь, Эдгаръ, могутъ считать себя королями только тогда, когда будутъ повелѣвать столькими же государями".

Эдгаръ умеръ два года спустя послѣ своего помазанія, въ 975 г. Онъ былъ два раза женатъ и оставилъ отъ Эльфледы, первой своей жены, сына Эдуарда, бывшаго его преемникомъ. Честолюбивая Эльфрида, вдова Ательвальда, принесла ему двухъ сыновей, изъ которыхъ только одинъ, Этельредъ, пережилъ своего отца и впослѣдствіи царствовалъ къ несчастію своему и своей страны.

Царствованіе Эдгара было если не самое блестящее, то, по крайней мѣрѣ, самое счастливое въ исторіи англо-саксовъ. Эпоха, въ которую это королевство казалось достигло высшаго круга своего развитія, соотвѣтствовала по времени эпохѣ паденія Карловинговъ и великаго униженія королевской власти на континентѣ.

Однако, во многихъ отношеніяхъ, величіе и благоденствіе англосакской монархіи имѣли болѣе внѣшности, нежели прочности. Все зависѣло отъ случайныхъ причинъ и въ особенности отъ рѣдкаго достоинства нѣсколькихъ лицъ, которыя почти въ теченіе столѣтія послѣдовательно занимали тронъ. Этотъ блескъ, чисто внѣшній, скрывалъ отъ глазъ многочисленные зачатки распаденія, которые скоро обнаружились, и нѣсколько лѣтъ управленія личности слабой и неспособной достаточны были для того, чтобы отнять у монархіи и націи часть выгодъ, пріобрѣтенныхъ длиннымъ рядомъ славныхъ

царствованій. Начало наслѣдственной передачи короны, слѣдуя порядку первородства, не было признаваемо англо-саксами, и уже въ половинѣ X вѣка, въ царствованіе Эдви, народъ много потерялъ изъ основаннаго на преданіи довѣрія къ поколѣнію Одина и Цердика. Могущество религіи, разсматриваемое съ точки зрѣнія духовной и въ его дѣйствіи на душу, было также сильно ослаблено.

Была, кромѣ того, постоянная опасность для этой монархіи въ различныхъ элементахъ, изъ которыхъ она составилась. Датчане не только населяли провинціи на сѣверѣ и востокѣ, они также были распространены въ южныхъ провинціяхъ, оставаясь всегда готовыми составлять заговоры и воевать за-одно съ соплеменниками, приходившими изъ Даніи и Норвегіи; наконецъ нація, во время продолжительнаго вполнѣ миролюбиваго царствованія, потеряла значительную долю своей воинственной энергіи.

Роковыя слѣдствія подобнаго состоянія дѣлъ не замедлили обнаружиться, и общество сдѣлалось добычею нравственныхъ болѣзней, которыя, сначала будучи незамѣтными, вдругъ возрасли съ неимовѣрною быстротою. Всѣ эти причины паденія и разрушенія, скрытыя подъ блестящимъ царствованіемъ Эдгара, вышли на наружу въ царствованіе его сыновей, Эдуарда Мученика (975—978), убитаго вскорѣ по проискамъ своей мачихи, и Этельреда II (978—1004), при которомъ датскій король Свенъ, отецъ Канута Великаго, завоевалъ всю Англію.

Бонньшозъ.

Hist. d'Angleterre. I, 117—129.

Бонньшозъ (Emile de Bonnechosse, род. 1801) родился и воспитывался въ Голландіи, въ семействѣ французскихъ эмигрантовъ. Съ 1830 г. и до послѣдняго времени онъ былъ библіотекаремъ въ С.-Клу и Версали, Изъ его историческихъ сочиненій болѣе замѣчательно „Исторія Англіи“ въ 4 томахъ (Par. 1858—59), которой предшествовалъ большой этюдъ подъ заглавіемъ: Les quatres conquêtes de l'Angleterre jusqu'à la mort de Guillaume le Conquerant. 2 vol. Послѣднее было написано въ опроверженіе „Исторіи завоеванія Англіи“ Авг. Тьерри и главной ея идеи о борьбѣ расъ. Исторія Англіи Бонньшоза доведена до конца прошедшаго столѣтія.

43.—Жизнь св. Дунстана въ пещерѣ. 945.

(Въ 1074 г.).

Епископъ, посвятивъ нѣсколько дней на бесѣду съ Дунстаномъ, наставилъ его противъ козней дьявола, подкрѣпилъ его силы и дозволилъ ему возвратиться на родину [1]). Дома онъ поселился при церкви св. Дѣвы и исполнялъ въ точности всѣ правила благочестія. Своими руками Дунстанъ устроилъ себѣ келью, нору или пещеру, что можетъ быть правильнѣе слѣдовало бы и иначе назвать; не знаю

[1]) Въ Соммерсетѣ, въ Гластонбюри, гдѣ родился Дунстанъ, 924 г. † 968.

только, какое названіе могло бы ближе подходить къ жилищу подобнаго рода, потому что его келья не столько походила на человѣческое обиталище, сколько на могилу. Но такъ какъ я самъ видѣлъ эту келью, то и постараюсь описать ея наружность по собственному моему наблюденію: длина этой кельи не превышала пяти футовъ, а шириною была не болѣе двухъ съ половиною. Вышина ея доходила до пояса, когда стоитъ человѣкъ въ ямѣ, и много-что она достигала до груди; однимъ словомъ, какъ я сказалъ, эта келья болѣе походила на могилу, нежели на человѣческое жилище. Тамъ, онъ, когда ложился, имѣлъ видѣнія, а когда стоялъ, то постоянно молился Богу. Дверь въ келью была въ то-же время и стѣной; для входящаго это—дверь, а для вошедшаго—стѣна. Впрочемъ, въ такомъ маленькомъ жилищѣ, дверь могла быть не иначе какъ во всю стѣну. По срединѣ двери находилось окошечко, чрезъ которое мерцалъ свѣтъ. Признаюсь, я, ничтожный грѣшникъ, видѣлъ святое мѣсто его жительства, разсматривалъ дѣла его рукъ, дотрогивался до нихъ своими нечистыми руками, разглядывалъ, омывалъ слезами и, преклонивъ колѣни, покланялся имъ. Я вспомнилъ тогда, какъ часто онъ внималъ моимъ мольбамъ въ тяжелыя минуты жизни и всемилосердно помогалъ мнѣ; а потому я не могъ удержать слезъ, и, если бы возможно, не хотѣлъ бы оттуда уйти. Вотъ домъ юноши, вотъ его ложе, но это былъ цѣлый міръ. Съ этими узкими стѣнами не могутъ сравниться обширныя и широкія стѣны городовъ, потому что отнынѣ въ тѣхъ узкихъ стѣнахъ молящіе получаютъ спасеніе, болящіе—исцѣленіе и освобожденіе отъ ярости злого духа.

Впрочемъ, дьяволъ не пощадилъ его убожества; сначала онъ преслѣдовалъ Дунстана въ богатыхъ палатахъ, а потомъ старался изгнать его и изъ бѣдной хижины. Этотъ отецъ лжи, принявъ на себя видъ человѣческій, подъ-вечеръ явился къ кельи юноши, и, просунувъ голову въ окошко, облокотился. Видя, что Дунстанъ занятъ ручною работой, дьяволъ попросилъ у него занятій для себя. Святой, не замѣтивъ ухищренія сатаны и не видя ничего предосудительнаго въ самой просьбѣ, выслушалъ его. Между тѣмъ, дьяволъ завелъ соблазнительный разговоръ, упомянулъ нѣсколько женскихъ именъ, заговорилъ о богатствахъ, потомъ переходилъ къ религіознымъ вопросамъ и снова возвращался къ тѣмъ предметамъ. Тогда подвижникъ Христа догадался и, положивъ въ огонь желѣзные щипцы, шепотомъ призвалъ имя Христа. Увидя, что концы щипцовъ зардѣлись, онъ захватилъ ими рожу дьявола и, упершись ногами, потащилъ его въ келью. Но дьяволъ удержался за стѣну, вырвался изъ рукъ и убѣжалъ съ дикими завываніями: „О, что надѣлалъ мнѣ этотъ лысый!“

Рано утромъ, къ Дунстану собралось не малое количество сосѣдняго народа, и всѣ разспрашивали, откуда происходилъ этотъ шумъ, напугавшій ихъ во время сна. „Это былъ ревъ дьявола, отвѣчалъ онъ; сатана не даетъ мнѣ нигдѣ жить и пытается теперь выгнать изъ кельи. Берегитесь его; если вы не могли перенести голоса раздраженнаго дьявола, то какимъ образомъ выдержите свиданіе съ нимъ?“ Съ того дня Дунстанъ оставался, такъ сказать, въ оборонительномъ положеніи; онъ утомлялъ дьявола, въ борьбѣ съ нимъ, сво-

ими добродѣтелями, тѣло истощалъ голодомъ, а душу укрѣплялъ молитвами. Ему было извѣстно, что, по слову господню, дьявола можно осилить только однимъ: постомъ и молитвою. Такъ онъ пріобрѣлъ цѣломудріе для тѣла и чистоту для сердца, и дьяволъ не могъ болѣе скрывать отъ него своихъ коварныхъ замысловъ.

Осбернъ.

Vita s. Dunstani, archiep. Cantuariensis.

Осбернъ (Osbernus), монахъ въ Канторбери, жилъ во второй половинѣ XI столѣтія и вмѣстѣ со многими другими жизнеописаніями оставилъ біографію знаменитаго архіепископа Канторберійскаго Дунстана, современника Одилона Клюнійскаго, Бруно Кёльнскаго и Адальбера Реймскаго — всѣ они сдѣлали единовременную попытку преобразовать церковь и чрезъ нее весь міръ, и тѣмъ подготовили поприще для дѣятельности Григорія VII Гильдебранда въ послѣдующемъ столѣтіи. Біографія св. Дунстана, написанная Осберномъ, служитъ свидѣтельствомъ того глубокаго впечатлѣнія, которое произвелъ Дунстанъ на современниковъ и ближайшее потомство, а вмѣстѣ съ тѣмъ явившись на свѣтъ какъ разъ въ эпоху дѣятельности Григорія VII, она показываетъ какую связь имѣли идеи Дунстана съ реформою Гильдебранда. „Жизнь св. Дунстана“ издана въ Acta Sanctorum, IV, 359—384, подъ 19 мая, когда умеръ архіепископъ, и у Wharton Anglia sacra, II, 88—120 стр.

---

45. Норманны въ Испаніи. 966—971.

(Въ 1860 г.).

Договоръ, заключенный въ Сенъ-Клерѣ (912 г.; см. о томъ выше, въ ст. 38, на стр. 580) Карломъ Простымъ съ норманнами, упрочилъ за Роллономъ и его сподвижниками владѣніе пріобрѣтенною отъ Франціи провинціею, и которая съ того времени получила названіе Нормандіи. Но миръ французовъ съ норманнами былъ непродолжителенъ, и во время войнъ, которыя были ведены первыми герцогами, къ нимъ являлись на помощь ихъ соотечественники изъ Норвегіи и Даніи. Герцоги охотно пользовались ими, но не такъ было легко освободиться отъ нихъ, когда они не были болѣе необходимы. Ричардъ I, внукъ Роллона, сдѣлалъ однако такую попытку въ 966 г. Ему пришла счастливая идея сбыть въ Испанію своихъ докучливыхъ союзниковъ, и такимъ образомъ Нормандія направила на Апеннинскій полуостровъ избытокъ своего варварства. Въ войнѣ съ Тибо, графомъ Шатрскимъ, котораго поддерживалъ король Франціи Лотарь, Ричардъ I, прозванный Безстрашнымъ, просилъ помощи у короля Даніи Гаральда Блатанда (Черный-Зубъ), который за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ принималъ его подъ свое покровительство. Гаральдъ послалъ ему цѣлую армію датскихъ язычниковъ. Подняв-

шись по теченію Соны подъ предвотельствомъ Ричарда, эти грозные воины опустошили страну до того, что графъ и король просили о мирѣ. Ричардъ былъ вполнѣ расположенъ принять предлагаемыя ему мирныя условія; но надобно было имѣть согласіе датчанъ, а тѣ не хотѣли и слышать о какой нибудь сдѣлкѣ. „Мы не хотимъ ни мира, ни перемирія, кричали они всѣ въ одинъ голосъ: мы желаемъ подчинить всю Францію твоей власти. Если ты не согласенъ, мы возьмемъ ее для себя". Убѣжденія, просьбы, мольбы, все было напрасно: датчане настаивали на своемъ. Тогда посланные французами, какъ люди болѣе находчивые, посовѣтовали герцогу призвать къ себѣ каждаго изъ предводителей датскихъ по одиночкѣ, и попытаться склонить ихъ подарками и обѣщаніями. Ричардъ исполнилъ это, и уговоривъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, склонилъ и остальныхъ датчанъ миру, но они поставили ему условіемъ, чтобъ онъ далъ имъ много денегъ и указалъ страну, которую они могли бы завоевать. Герцогъ посовѣтовалъ имъ идти въ Испанію и далъ имъ проводниковъ.

Отойдя отъ береговъ Нормандіи, датчане, по своему обычаю, раздѣлились на нѣсколько партій. Одна изъ такихъ партій напала на западные берега мусульманской Испаніи, и вотъ какъ разсказываетъ о томъ Ибнъ-Адгари, почерпавшій, безъ сомнѣнія, свои свѣдѣнія у современнаго составителя хроники Ариба, у котораго онъ заимствуетъ обыкновенно всѣ свѣдѣнія относительно *маджусовъ* (такъ мавры называли норманновъ) временъ калифа Гакама II.

„Перваго реджеба 355 года (23 іюня 966 г.), Гакамъ II получилъ письмо изъ Касръ-аби-Даниса. Оно извѣщало о томъ, что флотъ маджусовъ показался въ западномъ морѣ, близь вышеназваннаго мѣста, что жители тѣхъ береговъ сильно встревожены, зная, что маджусы и прежде имѣли обычай нападать на Испанію, и наконецъ, что флотъ ихъ состоитъ изъ 28 кораблей". Судя по словамъ Титмара Мерзебургскаго, норманскій корабль принималъ на себя около 80 человѣкъ; слѣдовательно, въ 966 г. на Испанію напало около 2240 человѣкъ. „Вскорѣ были получены и другія письма съ извѣстіями о маджусахъ; они начали грабить мѣстами и дошли до Лиссабона. Мусульмане выступили противъ нихъ и дали имъ битву, въ которой многіе наши погибли мученическою смертью; но не мало было убито и невѣрныхъ. Послѣ выступилъ изъ севильской гавани флотъ мусульманскій, и напалъ на маджусовъ въ рѣкѣ Сильвѣ. Наши истребили много непріятельскихъ кораблей, освободили плѣнныхъ мусульманъ, избили великое число невѣрныхъ, а другихъ обратили въ бѣгство. Съ того времени извѣстія о вторженіи маджусовъ приходили въ Кордову съ западнаго берега безпрерывно, пока Аллахъ не удалилъ ихъ. Въ томъ же году Гакамъ далъ приказаніе Ибнъ-Фотаису ввести флотъ въ Гвадалквивиръ и построить тамъ корабли по образцу маджусовъ (да погубитъ ихъ Аллахъ!). Онъ разсчитывалъ, что они примутъ эти корабли за свои и приблизятся"...

О той же битвѣ при Лиссабонѣ говоритъ и Дудо, первый составитель норманской хроники (см. о немъ, у насъ, выше, въ ст. 39 на стр. 584). Онъ разсказываетъ, что поселяне были повсюду перерѣзаны, и наконецъ противъ норманновъ выступила мусульманская

армія; что эта армія была разбита, и что, когда норманны, три дня спустя, пришли на поле битвы грабить мертвыхъ, они увидѣли, что нѣкоторыя части черныхъ труповъ были бѣлы, какъ снѣгъ, между тѣмъ какъ другія сохраняли первобытный цвѣтъ. „Я желалъ бы знать, прибавляетъ Дудо, какъ діалектики объяснятъ это дѣло, такъ какъ они увѣряютъ, что эѳіопы имѣютъ черную кожу, которая не измѣняется никогда". Въ сагахъ сѣвера, сарацины носятъ названіе *Blamenn*, т.-е. черныхъ людей, ибо въ Скандинавіи считали всѣхъ сарацинъ неграми. Грабя мертвыхъ на полѣ битвы, норманны весьма удивились, увидя, что, не смотря на смуглый цвѣтъ рукъ и лица, мавры имѣютъ такую же бѣлую кожу, какъ и они сами.

Такимъ образомъ, Дудо свидѣтельствуетъ, что норманны одержали побѣду, и Ибнъ-Адгари намекаетъ на то же; но ему тяжело было прямо сказать, что мусульмане были разбиты. Впрочемъ, позже норманны претерпѣли большія неудачи. Какъ они ни были мужественны, но имъ было трудно бороться съ превосходнымъ войскомъ и флотомъ Гакама II. Галисія представляла имъ болѣе надежды на успѣхъ. Отдѣльныя ихъ партіи, повидимому, прямо изъ Нормандіи, напали на Галисію. Хроника Ирія разсказываетъ по крайней мѣрѣ, что Сизенандъ, епископъ С. Жака-ди-Кампостела, просилъ у короля Санхо (ум. 966 г.) позволеніе укрѣпить свою столицу для защиты противъ норманновъ, нападавшихъ тогда часто на Галисію. Его просьба была принята королемъ: онъ окружилъ Кампостеллу стѣнами, башнями и рвами.

Къ этой же эпохѣ, я полагаю, относится погибель цѣлой норманнской эскадры близь Санъ-Мартино-ди-Мондоньедо; ни одинъ памятникъ не говоритъ о томъ, но устное преданіе сохранило намъ это событіе.

Небольшой городъ Санъ-Мартино лежитъ на сѣверномъ берегу Галисіи, около Фаза, и нынѣ имѣетъ около 1500 жителей; но отъ 866 до 1112, это было мѣстомъ пребыванія епископовъ Думіо. Близь города расположена часовня *святого епископа*, куда ходятъ на поклоненіе моряки. Особое уваженіе къ ней основано на древнемъ мѣстномъ преданіи. По этому преданію, Гонзальво, епископъ Санъ-Мартино, стоялъ съ духовенствомъ и паствою на холмѣ, гдѣ построена часовня, и съ котораго видно море на большомъ пространствѣ; когда норманны старались сдѣлать высадку на берегъ, епископъ молился объ истребленіи варваровъ, и всѣ ихъ корабли пошли на дно, за исключеніемъ одного, именно предводителя эскадры, который могъ сообщить извѣстіе о катастрофѣ прочимъ. Съ того времени народъ всегда считалъ Гонзальво святымъ, не смотря на все сопротивленіе духовенства, которое, наконецъ утомленное распрею съ мірянами, согласилось его канонизировать...

Но главный походъ норманновъ въ Галисію относится только ко второму году правленія Рамиро III, т.-е. къ 968. Всѣ отдѣльные отряды соединились, и пираты имѣли до 100 судовъ, слѣдовательно до 8000 человѣкъ. Ихъ вождь назывался Гундередъ, лѣтописцы испанскіе называютъ его королемъ, но подъ этимъ должно разумѣть титулъ *морского короля*—vikingue. Онъ произвелъ страшныя опустоше-

нія, и правительство не могло сопротивляться, потому что находилось въ феодальной анархіи. Король Рамиръ III былъ еще ребенкомъ; за него управляла его тетка, монахиня Эльвира; но бароны не хотѣли повиноваться женщинѣ и ребенку и провозгласили себя независимыми. Норманны воспользовались такимъ положеніемъ дѣлъ, и цѣлыхъ полтора года не встрѣчали себѣ отпора. Только въ мартѣ 970 года, когда они приблизились къ Кампостеллѣ, епископъ Сизенандъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу. Но въ битвѣ при Форнеллахъ онъ былъ пораженъ на смерть стрѣлою, войско его обратилось въ бѣгство, и по всей вѣроятности Кампостелла попала въ руки пиратовъ. Послѣ этой побѣды норманны ограбили всю Галисію, и, по свидѣтельству Дудо, сожгли до 18 городовъ.

Въ 971 г. пираты оставили Галисію, но не съ тѣмъ, чтобъ возвратиться домой, а чтобы напасть на мусульманскую Испанію. При своемъ отступленіи они испытали большую неудачу. Сначала имъ пришлось имѣть дѣло съ Рудезиндомъ, родственникомъ Сизенанда. Рудезиндъ, причтенный къ лику святыхъ и почитаемый въ Испаніи подъ именемъ Санъ-Розендо, былъ прежде епископъ въ Санъ-Мартино. Въ 942 г., онъ сложилъ съ себя свое достоинство и удалился въ основанный имъ монастырь. По смерти Сизенанда, правительство обратилось къ нему; совѣтники Эльвиры видѣли, что въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ Галисія имѣетъ нужду не только въ хорошемъ пастырѣ, но и въ человѣкѣ, котораго авторитетъ могъ бы возстановить потрясенный порядокъ, и который съумѣлъ бы соединить всѣ силы провинціи для обращенія ихъ противъ скандинавовъ. Рудезиндъ, знаменитый и своимъ происхожденіемъ, и умомъ и добродѣтелями, былъ необходимъ при томъ положеніи дѣлъ, и его просили на время принять на себя управленіе епархіею Кампостеллы. Отшельникъ съ сожалѣніемъ оставилъ свою пустыню, и, уступая просьбамъ молодого короля и грандовъ, взялъ на себя почетную и тяжелую обязанность. Король назвалъ его своимъ намѣстникомъ въ Галисіи съ полновластіемъ принять всѣ мѣры, какія ему будетъ угодно, для возстановленія спокойствія и освобожденія страны отъ пиратовъ. Епископу удалось собрать армію; поручая себя Богу, онъ повелъ ее противъ норманновъ и повторялъ безпрестанно слова псалмопѣвца: „У нихъ и кони, у нихъ и колесницы, а мы, мы призовемъ имя господне“. Рудезиндъ вступилъ въ битву и одержалъ побѣду.

Съ своей стороны и правительство поставило цѣлую армію. Графъ Гонзальво-Санхецъ принялъ надъ нею начальство. Онъ напалъ на норманновъ и одержалъ надъ ними блестящую побѣду; въ числѣ убитыхъ былъ и король Гундередъ. Но испанскія хроники, говоря, что въ этой битвѣ погибли всѣ норманны до одного, и что ихъ корабли были сожжены до послѣдняго, слишкомъ уже преувеличили побѣду, потому что норманновъ осталось еще достаточно для того, чтобы напасть на западные берега мусульманской Испаніи. „Въ началѣ мѣсяца рамадана 360 г. (конецъ іюня 971 г.), говоритъ тотъ же арабскій писатель Ибнъ-Адгари, въ Кордовѣ получено было извѣстіе о томъ, что въ морѣ показались маджусы (да проклянетъ ихъ Аллахъ!), и что они имѣютъ намѣреніе напасть на западные берега Андалузіи.

Гакамъ II приказалъ своему адмиралу поспѣшить въ Альмерію и отвести оттуда флотъ въ Севилью, гдѣ должны были соединиться всѣ эскадры западнаго берега". Но за тѣмъ арабскій писатель не упоминаетъ болѣе о норманнахъ. Надобно полагать, что эти „пѣнители моря", испуганные приготовленіями калифа, возвратились на родину; и на этотъ разъ прибрежные жители отдѣлались однимъ страхомъ.

Если я говорилъ съ такими подробностями объ этихъ вторженіяхъ норманновъ, то меня должна извинить новизна самаго предмета. Датскій ученый Верлауфъ [1]), написалъ объ этомъ двѣ-три хорошія страницы; но довольно сказать одно, что этотъ ученый, составившій себѣ другими трудами весьма солидную репутацію, въ настоящемъ вопросѣ, не имѣлъ въ соемъ распоряженіи почти ни одного документа. Арабскіе источники были ему неизвѣстны, а что касается до латинскихъ, то онъ, не справившись даже, какъ кажется, съ извѣстнымъ сборникомъ Espana sagrada, гдѣ ихъ можно найти, говоритъ о нихъ изъ вторыхъ рукъ. Не имѣя предъ собою этого драгоцѣннаго памятника, онъ не могъ также воспользоваться превосходными изслѣдованіями весьма ученаго и правдолюбиваго Флореца объ этомъ періодѣ исторіи Компостельскаго епископства; а между тѣмъ, всякій, кто говоритъ о тѣхъ временахъ, долженъ предварительно хорошо изучить ихъ, и именно потому, что изъ этихъ изслѣдованій прямо видно, съ какою осторожностью должно пользоваться „Исторіею Компостелльскою", „Хроникою Ирія" и „Жизнеописаніемъ святого Рудезинда"; авторы этихъ произведеній имѣли свои причины клеветать на епископовъ той эпохи.

Судя по словамъ Верлауфа, можно подумать, что вторженія норманновъ въ Испанію, о которыхъ мы выше говорили, были единственными, о которыхъ упоминаютъ латинскія хроники. Эти хроники во всякомъ случаѣ говорятъ и о многихъ другихъ вторженіяхъ, продолжавшихся и въ XI вѣкѣ, и о которыхъ древніе историки сѣвера сообщаютъ намъ весьма полезныя извѣстія.

Дози.
Recherches sur l'hist. et la litterature de l'Espagne pendant le moyen âge. II, 300—315 стр.

О Дози и его сочиненіяхъ см. выше, томъ I, стр. 397. Нападеніе норманновъ на Испанію до сихъ поръ было изслѣдуемо исключительно по латинскимъ источникамъ и скандинавскимъ сагамъ; въ первый разъ, нашъ академикъ Куникъ въ 1845 г. (Die Berufung der Schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen, t. II, 285—320) принимаетъ въ соображеніе при этомъ вопросѣ арабскія свидѣтельства, но только по двумъ писателямъ. Дози, наконецъ, пополнилъ этотъ пробѣлъ самымъ подробнымъ изслѣдованіемъ показаній мусульманскихъ писателей о самыхъ отдаленныхъ набѣгахъ скандинавскихъ пиратовъ.

---

[1]) Верлауфъ помѣщалъ свои изслѣдованія о вторженіяхъ норманновъ въ Испанію въ Annaler for Nordisk Oldkyndighed, гг. 1836—37, стр. 18—61.

III.

ВѢКЪ ГРИГОРІЯ VII ГИЛЬДЕБРАНДА

И

НАЧАЛО БОРЬБЫ ПАПЪ СЪ ИМПЕРАТОРАМИ.

(XI-е СТОЛѢТІЕ).

Историческій очеркъ эпохи.

Отъ вступленія на престолъ дома Капета во Франціи, въ 987 г., и до начала крестовыхъ походовъ, въ 1096 г., прошло съ небольшимъ еще сто лѣтъ, которыя составляютъ *третью* и послѣднюю эпоху второго періода среднихъ вѣковъ.

Предшествовавшая ей эпоха Оттона Великаго, создала священную римскую имперію, и первые преемники его, въ особенности Оттонъ III, употребили всѣ усилія, чтобы стереть съ лица земли „саксонскую дикость", которая между тѣмъ была дѣйствительностью, и построить фантастическую всемірную монархію, въ подражаніе древней римской имперіи, ограничиваясь при этомъ возстановленіемъ придворныхъ титуловъ и чиновъ ея канцеляріи. Между тѣмъ, живая дѣйствительность, оставленная безъ вниманія, находилась въ ужасномъ положеніи и не имѣя надежды на правительство, искала себѣ опоры внѣ его. То, чего не могъ дать ей пышный дворъ, устроенный на Авентинской горѣ въ Римѣ Оттономъ III, она нашла въ кельѣ небольшого монастыря Клюньи, заброшеннаго въ лѣсахъ Бургундіи. Тамъ началась общественная реформа, цѣли которой были понятнѣе для массы, потому что онѣ были направлены къ защитѣ слабаго, утвержденію закона и исправленію испорченныхъ нравовъ, между тѣмъ какъ учено-политическая доктрина Оттоновъ была доступна однимъ лицамъ, подобнымъ Герберту. Такой аббатъ, какъ Одилонъ Клюнійскій, не имѣя никакой публичной власти, тѣмъ не менѣе правилъ въ XI столѣтіи умами, въ силу одной идеи, которой онъ былъ представителемъ. Наконецъ, во второй половинѣ этого вѣка, одинъ изъ учениковъ клюнійской школы вступаетъ на папскій престолъ; это былъ Григорій VII Гильдебрандъ. Но и идеи клюнійской реформы, достигнувъ публичной власти въ лицѣ Григорія VII, впали въ то же преувеличеніе, какъ и доктрина Оттоновъ. Если Оттоны, полные презрѣнія къ дѣйствительности, искали своего идеала въ прошедшемъ, то Григорій VII съ неменьшимъ презрѣніемъ къ той же дѣйствительности, заимствовалъ свой идеалъ изъ недостижимаго будущаго и мечталъ на землѣ устроить теократическую монархію, царство божіе, намѣстникомъ котораго былъ бы папа. Для достиженія того, ему нужно было вступить въ борьбу не только съ историческимъ

порядкомъ вещей, но даже съ самыми законными инстинктами человѣческой природы; ему пришлось не только въ одномъ мѣстѣ свергать королей, какъ въ Германіи и Франціи, въ другомъ порабощать народы мечу завоевателя, какъ въ Англіи, въ южной Италіи, но даже запретить бракъ тому, кто хотѣлъ бы быть слугою церкви. Хотя и на короткое время, но Григорій вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы, и такимъ образомъ, какъ въ X столѣтіи, Оттоны создали св. римскую имперію, такъ въ XI вѣкѣ явилась еще болѣе обширная теократическая монархія Гильдебранда, потому что ея власти подчинялись не только Германія и Италія, но даже болѣе или менѣе вся Франція, Англія и Испанія.

Германія и Италія. По смерти Оттона III (1002 г.), снова открылся антагонизмъ Германіи и Италіи: каждая страна избрала себѣ своего короля, а Германія—даже нѣсколькихъ; и только послѣ продолжительной борьбы, *Гейнрихъ II* (1002 — 1024), послѣдняя отрасль саксонской династіи, былъ признанъ всѣми и коронованъ въ Римѣ императорскою короною (1014 г.). Остальное время его правленія было посвящено имъ на борьбу съ славянами, въ особенности же съ Польшею, гдѣ его противникомъ былъ Болеславъ Храбрый, и на возстановленіе порядка въ церкви и главномъ ея центрѣ, въ Римѣ. Ему удалось усмирить возстанія герцоговъ славянскихъ и поставить своего папу Бенедикта VIII, въ Римѣ, но смерть помѣшала Гейнриху II привести въ исполненіе общую реформу церкви. Точно также онъ не дожилъ до смерти послѣдняго короля Бургундскаго Рудольфа III, который объявилъ его своимъ наслѣдникомъ. Со смертью Гейнриха II прекратился саксонскій домъ, и чины германскіе избрали франконскаго герцога *Конрада II* (1024—1039), потомка по женской линіи Оттона Великаго. При Конрадѣ II повторились тѣ же событія, но еще съ большимъ успѣхомъ для имперіи: новая попытка Польши къ возстанію окончилась ея раздѣленіемъ; Богемія признала снова ленную зависимость; ахенскій декретъ о наслѣдственности леновъ склонилъ на сторону короля нисшее дворянство, поддержавшее его противъ князей; смерть короля Бургундскаго соединила его государство съ Германіей; только въ Италіи, первое возстаніе городовъ противъ феодализма вовлекло Конрада въ опасную войну, которую онъ кончилъ съ большими усиліями; папы повиновались ему безусловно, тѣмъ болѣе, что въ то время былъ возведенъ на папскій престолъ 12-лѣтній мальчикъ Бенедиктъ IX (1033—44). При сынѣ его, *Гейнрихѣ III Черномъ* (1039—1056), могущество имперіи достигло самаго высшаго развитія: не только восточные славяне должны были окончательно подчиниться его власти, но и западные, благодаря дѣятельности Адальберта архіепископа Бременскаго, вошли въ составъ германской имперіи. Въ Италіи, Гейнриху III благопріятствовало положеніе римскаго престола, гдѣ безпорядки дошли до того, что въ 1044 г. трое папъ купили себѣ свое званіе, и въ томъ числѣ Григорій VI, совѣтникомъ котораго былъ Гильдебрандъ. Гейнрихъ III низложилъ всѣхъ, и съ того времени самъ назначалъ папъ изъ нѣмецкихъ епископовъ (Климентъ II, Дамазъ II, Левъ IX и Викторъ II). Но Гейнрихъ III умеръ, оставивъ

5-лѣтняго сына *Гейнриха IV* (1056 — 1106) и въ малолѣтство его распалось все, приготовленное отцемъ; Ганно, архіеписк. Кёльнскій, отнялъ сына у матери его Агнесы, но нашелъ скоро себѣ соперника въ другѣ Гейнриха III, Адальбертѣ Бременскомъ. Ганно былъ вождемъ феодальной партіи, а Адальбертъ отстаивалъ народную монархію и историческую власть императора. Удаленный однажды отъ двора, онъ возвратился снова и указалъ Гейнриху IV на Саксонію, гдѣ феодализмъ былъ развитъ болѣе, нежели гдѣ нибудь, и положеніе населенія было самое ужасное. Война Гейнриха съ Саксонскими князьями, которыхъ поддержали и остальные, заставила побѣжденныхъ искать помощи у папы Григорія VII Гильдебранда, а дома противопоставить ему антикоролей. Смиреніе Гейнриха (1077 г.) примирило его съ Гильдебрандомъ, но новые успѣхи короля противъ князей вызвали вторичную борьбу съ папою: Римъ былъ взятъ (1084 г.). Гильдебрандъ бѣжалъ къ норманскому герцогу Роберту Гвискару въ южную Италію, гдѣ и умеръ (1085 г.), а на мѣсто его былъ возведенъ Климентъ III. Но по удаленіи Гейнриха IV изъ Италіи, враги его избрали въ Римѣ, одного за другимъ, Виктора III (1086—88) и Урбана II, а королемъ провозгласили сына императора, Конрада: въ Германіи, возсталъ противъ отца второй сынъ Гейнрихъ, свергнувшій отца съ престола и вступившій на его мѣсто (1105 г.). Годъ спустя послѣ того, Гейнрихъ IV умеръ въ Люттихѣ (1106 г.); но къ этому времени борьба папъ съ императорами утратила на время свое значеніе, потому что все общественное вниманіе было уже направлено къ крестовымъ походамъ.

Императоры: *Гейнрихъ II* (1002—1024); *Конрадъ II* (1024—1039); *Гейнрихъ III* (1039—1056); *Гейнрихъ IV* (1056—1106).

Папы: *Сильвестръ II* (999—1003); *Іоаннъ XVII* и *Іоаннъ XVIII* (1003); *Сергій IV* (1008); *Бенедиктъ VIII* (1012); *Іоаннъ XIX* (1024); *Бенедиктъ IX* (1033); *Григорій VI* (1044); *Климентъ II* (1046); *Дамазъ II* (1048); *Левъ IX* (1049); *Викторъ II* (1055); *Стефанъ IX* и *Бенедиктъ X* (1058); *Николай II* (1058); *Александръ II* (1061); *Григорій VII* (1073); *Викторъ III* (1086); *Урбанъ II* (1088—1099).

Англія въ самомъ началѣ XI вѣка была завоевана датчанами, и при королѣ Свенѣ, его сынѣ Канутѣ Великомъ, и его дѣтяхъ, Гарольдѣ и Гардиканутѣ, оставалась подъ ихъ властью отъ 1002 до 1042 г. Внукъ Этельреда II, свергнутаго Свеномъ, Эдуардъ Исповѣдникъ нашелъ себѣ убѣжище у своего родственника Вильгельма, герцога Нормандіи. Къ нему-то и обратились англы, пользуясь слабостью дѣтей Канута, и возстановили національную династію. *Эдуардъ Исповѣдникъ* (1042—1066) поставилъ Англію на прежнюю дорогу, и его правленіе было самымъ спокойнымъ и вмѣстѣ послѣднимъ временемъ для англо-саксовъ. Онъ не оставилъ дѣтей, и престоломъ послѣ его смерти овладѣлъ Гарольдъ, сынъ Годвина, любимца Эдуарда. Но Вильгельмъ Нормандскій, основываясь на родствѣ и обѣщаніи короля, сдѣлалъ высадку въ Англію, и, разбивъ Гарольда въ битвѣ при Гастингсѣ (1066 г.), овладѣлъ всѣмъ государствомъ. Все правленіе *Вильгельма I Завоевателя* (1066—1087) и его сына *Виль-*

гельма II Рыжаго (1087—1100) прошло въ борьбѣ съ туземцами для окончательнаго утвержденія власти нормандской династіи, и въ войнахъ съ французскимъ королемъ Филиппомъ I, который требовалъ отъ нихъ вассальной присяги, какъ отъ герцоговъ Нормандіи.

Короли: *Этельредъ II* († 1016); *Эдмундъ* (1017); *Свенъ* (1002—1017); *Канутъ В.* (1017—1036); *Гаральдъ* (1036—1040); *Гардиканутъ* (1040—42); *Эдуардъ Исповѣдникъ* (1042—66); *Гарольдъ* (1066); *Вильгельмъ I* (1066—87); *Вильгельмъ II* (1087—1100).

Испанія. Въ XI столѣтіи начинается паденіе господства мавровъ на Пиринейскомъ полуостровѣ, и главнымъ героемъ этой борьбы христіанъ съ мусульманами былъ *Родриго Сидъ*.

При преемникахъ Гакама II, Гакамѣ III (975—1009) и Гакамѣ IV (1009—31), Кордовскій Калифатъ достигъ такого паденія, что эмиры, низложивъ послѣдняго (1031), раздѣлили между собою государство на 9 самостоятельныхъ владѣній: Гренада, Мурсія, Сарагосса, Толедо, Бадайосъ, Майорка, Кордова, Севилья и Валенсія.

Между тѣмъ всѣ христіанскія владѣнія Испаніи соединились въ рукахъ двухъ братьевъ: *Санхо III Великаго* (1000—1035), короля Наварры и Кастиліи, и Фердинанда I, получившаго по наслѣдству Леонъ (1037). При дворѣ *Фердинанда I* (1037—1065) и его сына *Альфонса VI* (1065—1109) жилъ Сидъ, при помощи котораго они успѣли расширить значительно свои владѣнія на счетъ распавшагося Калифата. Но зависть Альфонса VI и призваніе мусульманами изъ Африки своихъ соотечественниковъ Альморавидовъ (божьихъ людей) остановили успѣхи христіанъ; предводитель послѣднихъ Юсуфъ, въ началѣ XII столѣтія, не только отразилъ Альфонса VI, но и соединилъ подъ своею властью всѣ эмирства, на которыя былъ подраздѣленъ Калифатъ (1103 г.).

Франція, въ XI столѣтіи, при первыхъ преемникахъ Гуго Капета, *Робертъ* (996—1031), *Гейнрихъ I* (1031—1060) и *Филиппъ I* (1060—1108) почти не имѣетъ исторіи, какъ цѣлаго государства; власть Капетинговъ ограничивается тѣмъ же небольшимъ родовымъ герцогствомъ, которое принадлежало основателю династіи; всѣ остальныя герцогства имѣютъ каждое свою исторію. Потому внутреннее состояніе Франціи въ XI столѣтіи дошло до наибольшаго разстройства, и нигдѣ крестовые походы не нашли столько свободныхъ рукъ и охотниковъ оставить родину, какъ во Франціи; вслѣдствіе того же самаго нигдѣ крестовые походы не оказали такой услуги монархіи, и потому начиная съ XII вѣка, королевская власть во Франціи дѣлаетъ болѣе успѣха, нежели въ какой-либо странѣ западной Европы. „Божій-миръ“, нанесшій первый ударъ своеволію феодализма, во Франціи былъ принятъ съ величайшимъ энтузіазмомъ, и явился первою попыткою къ утвержденію порядка со стороны самаго общества, когда правительственная власть была еще слишкомъ слаба, чтобы оказывать съ своей стороны покровительство своимъ подданнымъ. По уставу „Божьяго-мира“, западная Европа, послѣ 300 лѣтъ хаотической борьбы, выговорила себѣ на первый разъ неприкосновенность лица и имущества по крайней мѣрѣ на нѣсколько недѣль въ году, если еще не было возможности пользоваться безопасностью въ теченіе всего года.

45.—Германія и Италія въ правленіе императора Гейнриха II св. 1004—1014 г.

(Въ 1014 г.).

Содержаніе первыхъ трехъ книгъ этой хроники и вся четвертая изложены нами выше, въ ст. 34, на стр. 509 и слѣд. Въ 34 главѣ четвертой книги (см. выше, на стр. 529), авторъ обѣщаетъ въ слѣдующей книгѣ, т.-е. пятой, разсказать исторію правленія Гейнриха II, при которомъ онъ самъ жилъ и дѣйствовалъ, какъ епископъ Мерзебургскій. Послѣднія четыре книги потому обнимаютъ собою время Гейнриха II отъ вступленія его на престолъ (1002 г.) до 1018 г., на которомъ останавливается хроника. Въ пятой книгѣ, авторъ ограничивается первыми двумя годами правленія Гейнриха II (1002—1004 г.), наполненными борьбою его съ претендентами, а именно, съ Эккигардомъ Мейссенскимъ, „украшеніемъ имперіи и грозою славянъ", и Гериманомъ, герцогомъ Алеманніи. Эккигардъ былъ вскорѣ убитъ по личной ненависти (1002 г.), а Гериманъ увидѣлъ себя въ необходимости признать Гейнриха II королемъ Германіи. Всѣми этими несогласіями воспользовался герцогъ польскій, Болеславъ Храбрый, составившій планъ соединить всѣхъ западныхъ славянъ въ одну монархію и получить королевскій титулъ отъ папы. Въ 1003 г., онъ, по поводу смутъ въ Богеміи, присоединилъ къ Польшѣ эту страну; въ Богеміи, по смерти Болеслава II (999). вступилъ на престолъ Болеславъ III Рыжій; его жестокость заставила брата его Яромира бѣжать къ Гейнриху II, а народъ изгналъ его самого и избралъ герцогомъ сведеннаго его брата Владивоя. Но Болеславъ III бѣжалъ въ Польшу и просилъ Болеслава Храбраго о помощи; сначала герцогъ польскій возстановилъ Болеслава Рыжаго, но, по жалобамъ его вельможъ, снова свергнулъ и ослѣпилъ, присоединивъ Богемію къ своимъ владѣніямъ. Притязанія Болеслава на независимость и его союзъ съ однимъ графомъ Баваріи Гейнрихомъ, двоюроднымъ братомъ автора, требовавшимъ отъ короля уступки ему герцогства Баваріи, поставили Гейнриха II въ затруднительное положеніе, но дѣла въ Италіи угрожали ему еще большею опасностью. Еще въ 1002 г., въ Италіи провозгласилъ себя королемъ Гардуинъ, маркизъ Иврейскій (см. выше, на стр. 529): родственникъ Гейнриха II Оттонъ Каринтійскій былъ разбитъ Гардуиномъ; но тѣмъ не менѣе противники Гардуина просили короля снова о помощи, и Гейнрихъ II рѣшился въ 1004 г. предпринять лично походъ въ Италію. Дѣла итальянскія и польскія составляютъ потому главное содержаніе шестой книги хроники, которая обнимаетъ собою пространство 14 лѣтъ, отъ 1004 до 1018 г., когда Гейнрихъ былъ уже коронованъ императорскою короною.

Шестая книга.

1. Когда исполнилась тысяча лѣтъ всеспасительному рожденію Господа отъ непорочной дѣвы, и наступила пятая недѣля четвертаго года нынѣшняго вѣка (т.-е. 1004 г.), въ мѣсяцѣ февралѣ, который обыкновенно называется мѣсяцомъ очищенія, міръ узрѣлъ свое прекрасное утро [1]); въ это время Гейнрихъ (II), по милости

[1]) Подъ этимъ прекраснымъ утромъ, авторъ хроники, будущій епископъ Мерзебургскій (съ 1009 г.), разумѣлъ не что иное, какъ возстановленіе епископства Мерзебургскаго въ 1004 г., упраздненнаго еще Оттономъ II, по проискамъ магдебургскихъ архіепископовъ. См. о томъ, выше, у Титмара, IV, 28, на стр. 525.

божіей король, заботясь исправить ошибки своихъ предшественниковъ [1]) и заслужить вѣчное спасеніе, и устроивъ все необходимое для исполненія своего намѣренія, отправился къ мѣсту своего обыкновеннаго жительства [2]); тамъ онъ старался доставить тѣлу своему отдыхъ, а вмѣстѣ освѣжить нѣсколько и душу за долгое лишеніе ея духовной пищи. Туда созвалъ онъ всѣхъ князей имперіи и вручилъ епископство святой церкви Мерзебургской своему капеллану, именемъ Вигберту; это поставленіе совершилось жезломъ архіепископа Магдебургскаго Тагино; содѣйствуя возстановленію этой церкви, Гейнрихъ снова возвратилъ все, несправедливо отнятое у нее его предшественниками, на что согласились также епископы Арнульфъ (Гальберштадскій), Эйдо (Мейссенскій) и Гильдевардъ (Цейцскій), между которыми была раздѣлена епархія Мерзебургская, и что одобрилъ весь народъ. Послѣ своего избранія Вигбертъ былъ возведенъ на епископскую каѳедру съ церковнымъ торжествомъ, и въ тотъ же самый день получилъ благословеніе отъ Тагино, своего архіепископа, и своихъ духовныхъ братій Гиллерика и Виго (епископа Бранденбургскаго) и названныхъ выше епископовъ.

2. Между тѣмъ, Болеславъ (герцогъ Польскій), побужденный свойственною ему яростію и увлекаемый графомъ Гейнрихомъ (баварскимъ), страшно притѣснялъ баварцевъ и всѣхъ своихъ совассаловъ. Потому вслѣдствіе прежнихъ угрозъ, король сдѣлалъ нападеніе на область мильциновъ, и еслибы не сильный снѣгъ и послѣдовавшая за тѣмъ оттепель, то вся область была бы опустошена и обезлюдена. Возвращаясь съ досадою оттуда, онъ усилилъ вездѣ гарнизоны и тѣмъ оказалъ помощь маркграфу Гунцелину (Мейссенскому) и прочимъ защитникамъ отечества, а потомъ пошелъ въ Мерзебургъ. Тамъ къ нему явились посланные отъ графа Гейнриха, и отъ нихъ король узналъ, что его братъ Бруно убѣжалъ къ королю Венгріи, чтобы оттуда просить о помилованіи, и что Гейнрихъ чувствуетъ глубокое раскаяніе. Хотя неохотно, однакожъ король выслушалъ настоятельную просьбу посланныхъ и особенно любимаго имъ Тагино и герцога Бернгарда (Саксонскаго); графу Гейнриху обѣщалъ помилованіе, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ снова возвратилъ ему и его приверженцамъ помѣстья съ ихъ населеніемъ, а самъ въ то же время сдался бы и оставался въ заключеніи, пока будетъ угодно королю; графу принесъ лично отвѣтъ въ одеждѣ и съ полнымъ выраженіемъ кающагося, признаваясь со слезами на глазахъ, что онъ во всякомъ случаѣ заслуживаетъ наказанія. По приказанію короля онъ былъ отведенъ архіепископомъ въ замокъ Иви-Канстенъ (Гибихенштейнъ) и тамъ день и ночь тщательно стерегли его вооруженные люди. Между прочимъ, онъ совершилъ тамъ то доброе дѣло, что однажды пропѣлъ весь псалтырь съ 150 земными поклонами.

3. Король, не забывая, между тѣмъ, нарушенія своихъ правъ въ Италіи, созвалъ всѣхъ своихъ вѣрныхъ, и въ предстоящій постъ рѣшился отправиться туда съ войскомъ. Изъ Мерзебурга онъ напра-

---

[1]) Т.-е. Оттона II.

[2]) Т.-е. въ Магдебургъ.

вился въ Магдебургъ и молилъ тамъ св. Маврикія о его заступничествѣ предъ Богомъ и о счастливомъ походѣ. Потянувшись оттуда чрезъ владѣнія Турингскія и Остфранкскія, прибылъ онъ въ Регенсбургъ. Тамъ, созвавъ государственные чины, 21 марта вручилъ знамя, съ одобренія всѣхъ присутствовавшихъ, своему вассалу и шурину Гейнриху, и тѣмъ самымъ передалъ ему герцогство Баварію. Достигши на пути Аугсбурга, онъ съ полною честію былъ принятъ и угощенъ епископомъ Сигфридомъ. Тамъ провелъ только двѣ ночи, и королевѣ, съ которою наконецъ совсѣмъ простился, далъ дозволеніе отправиться въ Саксонію, довѣряя ее покровительству вѣрнаго себѣ Тагино. Самъ же потянулся съ войскомъ далѣе къ мѣстечку Тингу (Тингау). Въ томъ мѣстѣ представился ему Бруно, его братъ, сопровождаемый своими приверженцами изъ венгровъ, и былъ принятъ имъ милостиво. Въ Аугсбургъ, между прочимъ, прибылъ и я, по требованію архіепископа Тагино, съ которымъ немедленно и возвратился. На пути мы зашли въ Гернеродъ, гдѣ съ достопочтенною аббатиссою Гатуи торжественно проводили недѣлю Вайй. Въ среду, королева прибыла въ Магдебургъ и праздновала тамъ вечерю Господню и ближайшій за тѣмъ праздникъ воскресенія Христова (1004 г.).

4. Съ великими трудностями король, между тѣмъ, достигнулъ города Тридента, гдѣ встрѣтилъ праздникъ Вайй; войску, которое было истощено чрезвычайными усиліями, онъ дозволилъ отдохнуть нѣсколько въ день такого высокаго торжества. Король Гардвигъ (т.-е. Гардуинъ Иврейскій), узнавъ о томъ и опасаясь прибытія Гейнриха (II), отправилъ вѣстниковъ въ горные проходы, а самъ съ собранными войсками расположился лагеремъ на долинѣ Веронской и надѣялся, что ближайшее будущее его счастіе не уступитъ ничѣмъ прошедшему. Король Гейнрихъ, получивъ вѣрныя свѣдѣнія о томъ, что тѣ горные проходы едва ли и даже совершенно не могутъ быть завоеваны, взялъ поэтому другое направленіе, и совѣтовался съ своими приближенными, будетъ ли возможность съ помощію жителей Каринтіи напередъ занять самыя отдаленныя ихъ ущелія. Хотя для многихъ такой планъ казался затруднительнымъ, однако же онъ былъ выполненъ съ благоразумною осмотрительностію. Каринтійцы тотчасъ повиновались приказаніямъ короля и раздѣлились на два отряда. Одинъ изъ нихъ, пѣшій, еще до разсвѣта занялъ горы возвышающіяся надъ ущеліями, другой же слѣдовалъ за нимъ и утромъ отъ посланныхъ впередъ лазутчиковъ получилъ знакъ къ нападенію, который былъ данъ съ умысломъ громко, чтобы сокрытый назади непріятель услышалъ его. Съ полною увѣренностію напасть съ тыла, противники съ оружіемъ въ рукахъ бросились на каринтійцевъ. Но наши ударили на непріятеля съ фланга и частію обратили его въ бѣгство, частію принудили его кидаться съ высотъ, или низвергнуться въ протекающую Бренту, и такимъ образомъ искать смерти. Побѣдоносные каринтійцы охраняли послѣ того ущелія до прибытія короля. Узнавши о томъ отъ пословъ, онъ оставилъ весь обозъ и съ великими трудностями потянулся чрезъ тѣснины, приказавъ слѣдовать за нимъ лучшимъ изъ своихъ рыцарей, по берегу вышеназванной рѣки, среди роскошныхъ нивъ, и разбить лагерь, чтобы тамъ

по возможности отпраздновать вечерю Господню, освященіе святого елея, страданія и воскресеніе Господа. Подъ страхомъ наказанія изгнаніемъ пфальцъ-графъ запретилъ всѣмъ тайно уходить оттуда; а тѣмъ, которые бы ему мужественно сохранили вѣрность, была обѣщана награда въ будущемъ. Во вторникъ король перешелъ чрезъ Бренту и снова приказалъ разбить палатки и отдохнуть войску, выславъ соглядатаевъ, которые тщательно должны были осмотрѣть убѣжище Гардвига.

5. Лонгобарды, обнаруживавшіе до тѣхъ поръ единодушіе во злѣ, наконецъ, по святой волѣ всемогущаго Бога впали въ разногласіе; оставивъ презрѣннаго похитителя трона, своимъ бѣгствомъ они открыли дорогу въ свою страну вѣнчанному по милости божіей королю Гейнриху. Прежде всего приняла его Верона, и радовалась о Господѣ, своемъ Богѣ, что пришелъ защитникъ отечества и прогналъ виновника всякаго зла. Затѣмъ поспѣшилъ на встрѣчу ему, давно желанному, маркграфъ Тидольтъ, пользуясь тѣмъ, что пришло наконецъ время, когда ему можно было заявить предъ королемъ свое доброе расположеніе, которое онъ прежде скрывалъ. Съ такою свитою король отправился въ Бриксенъ, гдѣ былъ встрѣченъ архіепископомъ Равенскимъ, мѣстнымъ епископомъ Эпильберомъ и всѣмъ населеніемъ области. Достигши въ своемъ дальнѣйшемъ пути Пергама (н. Бергамо), который нѣкогда завоеванъ былъ королемъ Арнульфомъ, король принялъ архіепископа Миланскаго, заставивъ его съ клятвою присягнуть на вѣрность. Потомъ посѣтилъ онъ Папію (н. Павію), гдѣ встрѣтили его архіепископъ и вельможи той страны; съ необыкновеннымъ торжествомъ отвели его въ церковь, и по единодушному выбору подняли и поставили на королевскій тронъ (1004 г.).

6. Но въ тотъ же день обнаружилось, какъ непостоянно измѣнчивое поприще этого міра, и какъ оно всегда влечетъ къ погибели. Среди всеобщихъ радостей, внезапно началъ свирѣпствовать врагъ мира—разногласіе, которое, вслѣдствіе неумѣреннаго употребленія вина, по ничтожному поводу, повело къ нарушенію вѣрности и присяги. Граждане вооружились противъ своего новоизбраннаго короля и бросились на его дворецъ; преимущественно это были тѣ, которымъ не нравилась въ Гейнрихѣ его любовь къ справедливости, и которымъ пріятно было слабое правленіе Гардвига. Услышавъ шумъ, Гейнрихъ приказалъ поспѣшно развѣдать, что это значитъ, и получилъ въ отвѣтъ: какой-то неистовый простолюдинъ и исполненный ограниченныхъ предразсудковъ поднялъ весь этотъ мятежъ, а за нимъ, къ собственному стыду и вреду, пошло и остальное населеніе. Когда возмутители готовы были напасть, Герибертъ, знаменитый архіепископъ Кельнскій, попытался укротить ихъ, спрашивалъ изъ окошка о причинѣ возстанія, но градъ камней и стрѣлъ заставилъ его удалиться. Дворецъ, подвергшійся нападенію со стороны непріятеля, мужественно отстаивала малочисленная прислуга короля. Наши были раскиданы по разнымъ отдаленнымъ частямъ города, а силы враговъ возрастали; но, наконецъ, и люди короля услышали страшный шумъ, и всѣ поспѣшили къ нему; хотя они нѣсколько отбили съ яростью наступавшаго непріятеля, но по случаю наступившей

ночи, не могли обороняться отъ тучи стрѣлъ и камней. Чтобы освѣтить себѣ мѣстность, они зажгли зданія города. Тѣже изъ нашихъ, которые находились за городомъ, мужественно взобрались на стѣны, причемъ они встрѣтили ничтожное сопротивленіе. Въ этой схваткѣ смертельно былъ пораженъ лонгобардами прекрасный юноша Гизильбертъ, братъ королевы, что сильно увеличило скорбь и досаду его сподвижниковъ. За него тотчасъ отомстилъ рыцарь Вульфрамъ; бросившись въ среду непріятельской толпы, онъ поранилъ тамъ одного съ тылу, а самъ возвратился невредимъ. Такой оборотъ дѣлъ измѣнилъ любезный всѣмъ покой мира въ бранную тревогу. Непріятели, доставшіеся нашимъ въ руки живыми, были представлены королю. Между тѣмъ, внезапно обрушился домъ, подожженный лонгобардами, и который отстаивали наши, не смотря на всю потерю силъ; но это обстоятельство только побудило ихъ защищаться тѣмъ съ большимъ отчаяніемъ, ибо они не могли болѣе разсчитывать ни на какое убѣжище. Аллеманы, между тѣмъ, вмѣстѣ съ франками и жителями Лотарингіи, получивъ извѣстіе о бѣдствіи своихъ, разбили стѣны, ворвались въ Павію и стѣснили гражданъ до того, что никто не осмѣливался выйти изъ своего дома, и запирался у себя. Чтобъ повредить нашимъ, они бросали съ кровель стрѣлы; но скоро дома были зажжены, что и погубило ихъ. Тяжело описывать, какъ велико было бѣдствіе, которое испытали при этомъ граждане различнымъ образомъ. Побѣдоносные воины короля, не находя болѣе противниковъ, занялись грабежемъ убитыхъ. Гейнрихъ, пораженный этимъ зрѣлищемъ, приказалъ щадить переживщихъ и, отправляясь назадъ на праздникъ св. Петра, милостиво даровалъ прощеніе, на колѣняхъ умолявшему непріятелю. Всѣ, которые до тѣхъ поръ не явились, поспѣшили тогда къ королю, получивъ извѣстіе о его побѣдѣ, чтобы отвратить подобную участь или отъ себя, или отъ своихъ заложниковъ, и обѣщали клятвенно вѣрность, содѣйствіе и покорность.

7. Когда бѣдственное дѣло въ Павіи было окончено, король пошелъ въ Понтелонго и принялъ присягу отъ остальныхъ лонгобардовъ; совѣщавшись тамъ со всѣми и мудро устроивъ важнѣйшія дѣла, онъ отправился въ Миланъ, изъ любви къ святѣйшему епископу Амвросію, но скоро снова возвратился въ окрестности Понтелонго, и, неожиданно уѣзжая оттуда, утѣшалъ собравшійся по этому случаю народъ и сожалѣвшій о его отъѣздѣ обѣщаніемъ еще разъ возвратиться назадъ. Ближайшій праздникъ Пятидесятницы, онъ торжествовалъ въ мѣстечкѣ, именуемомъ Громмо. Потянувшись оттуда далѣе, онъ принялъ тосканцевъ въ число своихъ вѣрныхъ подданныхъ. Но, спѣша на родину, онъ возвратился оттуда въ область аллемановъ, чтобы тамъ устроить и усилить правительство, тѣмъ болѣе, что жители той страны незадолго передъ тѣмъ, потеряли своего герцога Гериманна и находились подъ управленіемъ малолѣтняго его сына того же имени. Отправившись оттуда въ Эльзасъ—въ Страсбургъ—24 іюня онъ праздновалъ рожденіе Предтечи Христова. Наканунѣ этого дня явилъ Богъ ему чудо, котораго не смѣю опустить, потому что оно для добрыхъ можетъ служить назиданіемъ и устрашитъ злыхъ. Внезапно обрушился домъ, въ которомъ король

творилъ народу судъ; никто при этомъ не потерпѣлъ вреда, за исключеніемъ священника, который непозволеннымъ образомъ жилъ вмѣстѣ съ женою одного отлученнаго, Вслѣдствіе того, бывъ виновнѣе всѣхъ тамъ находившихся, онъ и поплатился жизнію за свое злодѣяніе: ему переломало всѣ кости. Какъ пріятно описаніе дѣлъ благочестивыхъ! Какъ возвышаютъ они нашъ духъ! Какъ радуютъ они насъ, когда мы ихъ воспринимаемъ и слухомъ нашимъ и зрѣніемъ. И однакоже по ожесточенію своего сердца, мы, несчастные, остаемся при своей лѣни; не смотря на извѣстныя наказанія за зло, мы не отстаемъ отъ вкоренившихся въ насъ пороковъ и не находимъ никакого пріятнаго побужденія стремиться къ безцѣннымъ наградамъ праведныхъ.—Отправившись оттуда, король пошелъ въ Майнцъ, гдѣ онъ, какъ жаждущій благодати, переступилъ порогъ церкви св. епископа Мартина и съ благоговѣніемъ праздновалъ тамъ рожденіе апостоловъ (29 іюня 1004 г.).

8. Пройдя далѣе на своемъ пути земли остфранковъ, король снова посѣтилъ Саксонію, которую онъ такъ часто называлъ цвѣтущимъ садомъ рая, по причинѣ безопасности жизни въ ней и по изобилію ея всѣми мірскими благами. Тамъ онъ выразилъ, наконецъ, давно скрываемый въ его простомъ сердцѣ гнѣвъ, и приказалъ всѣмъ своимъ вассаламъ собираться къ походу въ половинѣ августа, чтобы укротить высокомѣрнаго и свирѣпаго Болеслава [1]). Въ назначенное время въ Мерзебургѣ собралось войско и оттуда двинулось противъ непріятеля. Гейнрихъ распространилъ слухъ будто идетъ въ Польшу и распорядился поэтому сосредоточить суда въ Боруцѣ (Борицъ) и Низани, чтобы такимъ образомъ тѣ изъ нашихъ, расположеніе которыхъ было подозрительно, не могли сообщить непріятелю, что онъ будетъ окруженъ. Но проливные дожди причинили необыкновенное замедленіе нашему войску въ переходѣ чрезъ рѣки, и потому король быстро повернулъ въ Богемію, гдѣ менѣе всего можно было ожидать его. Но ярый левъ (т.-е. Болеславъ), съ рыканіемъ поражая себя хвостомъ, старался воспрепятствовать ему вступленіе, и въ лѣсу, который называютъ Мириквидуи (н. Эрцгебирге), занялъ одно возвышеніе стрѣлками такъ, что оно сдѣлалось неприступно. Король, узнавъ о томъ, тайно выслалъ впередъ отборныхъ панцырныхъ воиновъ; не обращая вниманія на противодѣйствіе непріятеля, они бросились по крутой тропинкѣ и легко проложили дорогу войску, слѣдовавшему за ними. Около этого времени Болеславъ, садясь за столъ, услышалъ, что одинъ изъ нашихъ земляковъ, рейнбернскій капелланъ, спросилъ своего епископа, когда придетъ королевское войско; герцогъ заставилъ повторить отвѣтъ и при этомъ замѣтилъ: „Конечно, еслибы они прыгали, по крайней мѣрѣ, какъ лягушки, то могли бы быть уже здѣсь“. Впрочемъ это было справедливо; не одушевляй

[1]) Т.-е. герцога польскаго. Гейнрихъ II хотѣлъ возобновить прежнюю попытку поставить Болеслава Храбраго въ тѣ же отношенія къ себѣ, въ какихъ стоялъ его отецъ Мизеко, который, по словамъ нашего автора (V, 6), „не смѣлъ входить въ шубѣ въ тотъ домъ, гдѣ находился маркграфъ (Бранденбургскій), ни оставаться сидѣть, если тотъ поднимался съ мѣста“.

короля любовь къ Богу, и не овладѣй герцогомъ гордость и высокомѣріе, счастіе побѣды не было бы такъ неожиданно нашимъ удѣломъ. Дѣлу короля помогло и то обстоятельство, что въ его свитѣ былъ изгнанный герцогъ Яромиръ (богемскій), и что войско богемцевъ радостно приняло его, когда онъ, по его желанію, прибылъ въ страну. По совѣту и настоянію богемцевъ, самъ Яромиръ открылъ королю доступъ во владѣнія и охотно передалъ ему замокъ, который по всей справедливости служилъ воротами богемской земли. Король, замедленный нѣсколько въ своемъ походѣ поздно прибывшими баварцами, явился потомъ предъ городомъ Заци (н. Заацъ); его гражданъ, которые не медля отворили ему ворота и избили польскій гарнизонъ, онъ призналъ своими друзьями. Увидѣвъ предъ собою кровавое побоище, король, проникнутый состраданіемъ, приказалъ всѣмъ оставшимся въ живыхъ собраться въ церковь. Въ это время кто-то объявилъ за вѣрное, что Болеславъ былъ убитъ своими людьми. Радовались этому о Господѣ приверженцы короля, а преступные союзники лжегерцога, казалось, скорбѣли. Толкуя между собою, въ коварствѣ своего сердца, они тайно распространяли позорную ложь; когда король, говорили они, окончательно утвердится, то, какъ совершенно безсильные, они должны будутъ предаться ему и въ наказаніе себѣ не мало вытерпѣть отъ него. Такъ тлѣлъ подъ пепломъ огонь, и, хуже неразумныхъ звѣрей, эти люди предпочли врага всѣхъ вѣрныхъ своему королю; они совсѣмъ упустили изъ виду то, что Богъ Отецъ, взирая съ высоты небесъ на земной міръ, избавитъ наконецъ своего намѣстника на землѣ отъ ихъ козней.

9. Герцогъ Яромиръ съ лучшими воинами короля и съ приверженными къ нему туземцами былъ посланъ въ Прагу, чтобы схватить или умертвить ту ядовитую змѣю. Но прежде того, явились къ королевскому врагу вѣстники и предупредили обо всемъ Болеслава, который нисколько не предчувствовалъ своей опасности. Вслѣдствіе того онъ тайно приготовился и, услышавъ въ близлежащемъ городѣ Вышеградѣ звукъ колоколовъ, призывавшихъ гражданъ къ борьбѣ, въ полночь удалился съ первымъ отрядомъ войска и побѣжалъ на свою родину. Преслѣдовавшій его Зебиславъ, братъ епископа и мученика Адельберта, палъ на мосту, пораженный смертельно; непріятелямъ это причинило большую радость, нашимъ же несказанную печаль. На другой день явился и Яромиръ; жителямъ города, которые просили его о законной защитѣ и о прощеніи всего прошедшаго, онъ клятвенно обѣщалъ то и другое, находясь еще у воротъ города; за тѣмъ немедленно впущенный во внутрь, онъ былъ съ великими почестями возведенъ на тронъ при всеобщемъ ликованіи; сбросивъ тогда свое обычное платье, онъ былъ украшенъ драгоцѣнными одеждами. Потомъ ему было поднесено въ даръ все, что каждый воинъ успѣлъ отнять у бѣжавшаго или убитаго непріятеля. Обрадовавшись многочисленнымъ подаркамъ, Яромиръ отправился въ Вышеградъ, и тамъ, провозглашенный государемъ, объявилъ всѣмъ милость короля, но тѣмъ, которые были почти неотлучно при немъ, за долгіе труды, обѣщалъ сверхъ того достойную награду. Тогда со всѣхъ сторонъ начало стекаться множество знатныхъ и незнатныхъ,

чтобы присягнуть новому герцогу и дождаться прибытія славно-вѣнчаннаго короля. Когда онъ, наконецъ, явился, то былъ встрѣченъ епископомъ Пражскимъ Тиддегомъ и герцогомъ Яромиромъ при величайшемъ торжествѣ народа и всего духовенства, и отведенъ въ церковь св. Георгія (1004).

Въ послѣдующихъ главахъ, 10, 11 и 12, авторъ дѣлаетъ сначала отступленіе по поводу проповѣди, которую сказалъ предъ королемъ въ Вышеградѣ Годескалькъ, епископъ Фрейзингенскій, упрашивая его простить графа Гейнриха; потомъ авторъ разсказываетъ, какъ король съ Яромиромъ напали на польскія владѣнія и разорили г. Будиссинъ, и какъ наконецъ, видя утомленіе войска, Гейнрихъ II возвратился на зиму въ Мерзебургъ для занятія внутренними дѣлами; при этомъ онъ простилъ того графа Гейнриха и одарилъ новыми привилегіями епископовъ Мерзебургскихъ, уступивъ имъ сборъ податей съ купцовъ и евреевъ. Въ началѣ 13-й главы, авторъ записываетъ дошедшее до него извѣстіе о сгорѣвшей церкви въ Падерборнѣ, что наводитъ его на мысль внести въ лѣтопись о соборѣ Дортмундскомъ, на которомъ Гейнрихъ II хотѣлъ принять мѣры къ улучшенію церковнаго быта.

13. Вскорѣ послѣ пожара въ Падерборнѣ, въ мѣстечкѣ Тротмунни (н. Дортмундъ) былъ созванъ великій соборъ (іюль 1005 г.), на которомъ король жаловался собравшимся тамъ епископамъ и другимъ членамъ на бѣдствія церкви, и рѣшился по всеобщемъ совѣщаніи предотвратить такое зло; съ этою цѣлью онъ издалъ нижеслѣдующее превосходное постановленіе, которое должно было облегчить тяжкую ношу и его собственныхъ грѣховъ: „Въ 1005 году отъ воплощенія Христова, въ четвертый годъ правленія государя Гейнриха II, четвертаго іюля, въ Тротмунни, было издано такое постановленіе славнаго короля и его супруги, королевы Кунигунды, равно какъ и архіепископовъ Гериберта Кельнскаго, Ливицо Бременскаго и третьяго архіепископа Дагино Магдебургскаго; епископовъ Ноткера Люттихскаго, Зуитгера Мюнстерскаго, Ансфрида Утрехтскаго, Тидриха Метцскаго, Титмара Оснабрюкскаго, Беренгарія Верденскаго, Беренварда Гильдесгеймскаго, Бургарда Вормсскаго, Ретари Падерборнскаго, *Вигберта Мерзебургскаго*, Эккигарда Шлезвигскаго и Отинкера (Риппенскаго): по смерти кого нибудь изъ названныхъ, каждый епископъ, если не препятствуетъ ему болѣзнь, въ продолженіе тридцати дней, долженъ совершать мессу за усопшаго, и каждый священникъ въ главной церкви того епископа долженъ дѣлать подобное; священники приходскихъ церквей обязаны прочитать три мессы, наконецъ, діаконы и прочіе духовные нисшаго чина десять разъ должны отпѣть псалтырь. Далѣе, король и королева, въ продолженіе тридцати дней, для спасенія души будутъ раздавать тысячу-пятьсотъ пфениговъ и кормить равное число бѣдныхъ. Каждый епископъ будетъ содержать триста бѣдныхъ, вносить тридцать пфениговъ, и возжигать тридцать восковыхъ свѣчей. Герцогъ Бернгардъ будетъ кормить пятьсотъ бѣдныхъ и вносить пятнадцать шиллинговъ. Наканунѣ св. Іоанна Крестителя и св. апостоловъ Петра и Павла, равно наканунѣ праздниковъ св. Лаврентія и всѣхъ святыхъ мы опредѣляемъ поститься однимъ хлѣбомъ, солью и водою; наканунѣ возне-

сенія Маріи (т.-е. Успеньевъ день) и на всѣ кануны прочихъ апостоловъ, будемъ поститься, какъ въ обычный постъ; во всѣ дни четырехъ постовъ—то же самое, за исключеніемъ пятницы предъ Рождествомъ Христовымъ, когда должно ограничиваться хлѣбомъ, солью и водою".

14. Послѣ того король посѣтилъ страну фризовъ, и принудилъ ихъ отложить свои непріязненные планы, а вмѣстѣ съ тѣмъ примирился съ сестрою королевы, Ліудгардою (графинею Голландской). Въ тоже время въ свою резиденцію [1]) и во всѣ графства имперіи онъ послалъ приказаніе подъ страхомъ опалы явиться для похода въ Польшу и на совѣщаніе въ Лицку (н. Лейскау). Въ назначенное время, именно 15 августа (1005 г.), войско собралось въ опредѣленное мѣсто, а король, который праздновалъ въ Магдебургѣ вознесеніе матери Божіей, въ тотъ же день послѣ обѣдни и пиршества, въ сопровожденіи королевы на суднѣ переправился чрезъ Эльбу.

15. Въ тотъ же день архіепископъ Магдебургскій Тагино на основаніи нѣкоторыхъ жалобъ лишилъ сана Ригдага, аббата въ Іоаннисбергѣ; его мѣсто занялъ Альфкеръ, настоятель монаховъ, которые служили Христу въ Палити (н. Пёльте); но утвержденный порядокъ церковнаго служенія грустнымъ образомъ былъ тѣмъ самымъ уничтоженъ, и аббатство обратилось въ пріорство; это обстоятельство дало почувствовать тѣ бѣдствія, которыя оно должно было повлечь за собою. О, еслибы десница всевышняго измѣняла то, что вкрадывается само собою въ теченіи временъ! Такимъ образомъ, основаніе того святого учрежденія, которое своимъ благочестіемъ далеко превосходитъ современныхъ людей, и которое всѣми силами устроивали наши предшественники и по своему крайнему разумѣнію исправляли и проводили къ совершенству, въ наше время, по побужденію нечестивыхъ измѣнено не къ добру, и—боюсь—не ко злу ли. О еслибы того не случилось ради нашей пользы! Къ сожалѣнію то справедливо, что тѣ, которые, по своей блистательной обстановкѣ, прославляются за свои внѣшніе поступки и образъ жизни, въ дѣйствительности бываютъ часто не тѣмъ, чѣмъ они окажутся. И писаніе учитъ: „Лицемѣрная праведность — не праведность, а двойное нечестіе". Каждый пріятный Господу плодъ добродѣтели заключается въ добромъ сердцѣ; но это доброе сердце даже и у истинно благочестивыхъ подъ ихъ великолѣпными одеждами и при соблюденіи золотой средины въ пищѣ и питьѣ, остается сокрытымъ [2]). Но если отнять богатства у тѣхъ, которые уже по своему уставу должны соблюдать необыкновенное воздержаніе и ходить въ грубыхъ ризахъ, то кому его отдать? Отдадимъ все это подлежащимъ церквамъ; и польза будетъ отсюда двойная: во первыхъ, душамъ братіи, которые терпятъ всѣ лишенія Господа ради, а потомъ имѣнію и владѣніямъ церковнымъ, которыя пріобрѣтаются ихъ добрыми дѣлами.... Что не

---

[1]) Т.-е. въ Магдебургъ.

[2]) Не надобно забывать, что эта жалоба на архіепископа Магдебургскаго и вообще на высшее духовенство того времени была писана авторомъ уже тогда, когда онъ былъ самъ епископомъ.

будетъ крѣпко утверждено и поднято на высоту, то печальнымъ образомъ падетъ и низвергнется. Пускай умалчиваютъ объ истинѣ, которая есть самъ Христосъ, пусть проповѣдники Его слова не открываютъ своихъ устъ, но что выиграется чрезъ это? Труба евангелія гласитъ: „Нѣтъ ничего сокровеннаго, что не открылось бы“ (Мѳ. 10, 26). Удовлетворивъ своей волѣ, мы часто, стараясь затаить преступленіе, тѣмъ не менѣе испытываемъ несказанное страданіе. Мы всѣ смертные слабой природы, и знаемъ хорошо, что все вѣсовое къ силу своей тяжести стремится къ землѣ. Позвольте намъ обращаться къ лучшимъ намѣреніямъ, не презирать добрыхъ совѣтовъ, и тогда всѣ вѣрующіе получатъ награду за исполненіе божественныхъ заповѣдей. Позвольте намъ не казаться лучше своихъ предшественниковъ, потому что мы всѣ безъ различія, при кажущейся своей правотѣ, ошибаемся, и далеко на нихъ не похожи. Пусть никто не гнѣвается, когда ему кто нибудь укажетъ его недостатокъ, имени божьяго ради. Каждый пусть охотно принимаетъ такое доказательство любви и носитъ въ себѣ чистую истину для небеснаго вознагражденія. Общество вѣрующихъ пусть на колѣняхъ молитъ Господа о милости и прощеніи, въ чемъ мы всѣ нуждаемся, какъ за дѣла вышеупомянутаго рода, такъ и за другіе проступки. Теперь послѣ длиннаго отступленія я опять возвращаюсь на путь начатаго мною изложенія (т.-е. войны съ Польшею).

16. Устроивъ войско, король изъ Лейскау отправился далѣе, а королева немедленно возвратилась, и въ Саксоніи нетерпѣливо ожидала прибытія своего возлюбленнаго супруга. Наше войско счастливо достигло до мѣста называемаго Добрилугъ (Добрый-Лугъ), въ области лузичей (Лаузицъ). Туда поспѣшили съ подкрѣпленіемъ герцогъ Гейнрихъ (Баварскій) и Яромиръ (Богемскій); они исполнили нашихъ радостію и возбуждали надежду на бо́льшій успѣхъ, такъ какъ всѣ были увѣрены въ ихъ мудрости и храбрости. Между тѣмъ, наше войско, вслѣдствіе того, что проводники были подкуплены и старались укрыть непріятеля, проведенное по пустынямъ и мѣстамъ болотнымъ, и перенесши большія трудности, завистливою злобою того человѣка было постоянно задерживаемо, и едва могло наносить вредъ непріятелю. Наконецъ въ своемъ походѣ наши достигли провинціи Ници (Нейссе) и расположились лагеремъ на рѣкѣ Шпрѣ. Тамъ знаменитый рыцарь, графъ Тидбернъ, узналъ, что непріятелъ вознамѣрился съ тыла произвесть на нашихъ нападеніе, и потому рѣшился, созвать и выбравъ тайно лучшихъ изъ своихъ всадниковъ, хитростію поймать непріятеля, чтобы одному себѣ пріобрѣсть славу. Но непріятель, чтобы удобнѣе напасть на преслѣдующихъ, убѣжалъ за кучи поваленнаго лѣса и, бросая оттуда, по своему обыкновенію стрѣлы, убилъ и ограбилъ неожиданнымъ образомъ прежде всего графа Тидберна, потомъ Бернгарда, Иси и Бенно, славныхъ вассаловъ Арнульфа, епископа Гальберштадтскаго, со многими другими участниками экспедиціи. Это случилось 6 сент. (1005 г.) и огорчило не только короля и его спутниковъ, но даже и герцога Болеслава (польскаго), какъ увѣряютъ въ томъ многіе достовѣрные свидѣтели.

Послѣ этого лузичи соединились съ нашими за день до ихъ при-

хода на Одеръ. Они слѣдовали за своими богами, которые имъ предшествовали. Хотя я чувствую отвращеніе при одномъ воспоминаніи объ этихъ язычникахъ, однакожъ, чтобы ты, любезный читатель, могъ познакомиться съ пустымъ суевѣріемъ и ничтожнымъ богослуженіемъ этого народа я хочу коротко разсказать тебѣ о томъ и объяснить, откуда нѣкогда они пришли въ эти страны.

17. Въ округѣ Ридирирунѣ [1]) лежитъ городъ, называемый Ридегостъ (Ретра) трехъ-угольной формы; онъ имѣетъ трое воротъ, и со всѣхъ сторонъ окруженъ рощею, свято и тщательно охраняемою туземцами. Двое изъ этихъ воротъ открыты каждому приходящему въ городъ, но третьи самые малые, обращенные на востокъ, ведутъ къ озеру и представляютъ страшное зрѣлище. Около этихъ воротъ стояло не что иное, какъ искусно устроенное изъ дерева капище, кровля котораго лежала на рогахъ различныхъ звѣрей, служившихъ для нихъ подпорою. Внѣшняя сторона этого зданія была украшена различными изображеніями боговъ и богинь, которые, насколько можно было разсмотрѣть, съ удивительнымъ искуствомъ были вырѣзаны изъ дерева; внутри же стояли, съ своими именами на пьедесталѣ, истуканы боговъ, сдѣланные рукою человѣка, страшные на видъ, потому что они были въ полномъ вооруженіи, со шлемомъ и въ латахъ. Замѣчательнѣйшій изъ нихъ называется Зуаразици и преимущественно всѣми язычниками почитается и уважается. Тамъ же хранились ихъ военные значки, которые выносятся оттуда только въ случаѣ необходимости, когда идутъ на войну, и несутъ ихъ пѣшіе воины; чтобы тщательно сберечь все это, туземцы поставляютъ для того особыхъ жрецовъ, которые, во время собранія народа для пронесенія идоламъ жертвъ и умилостивленія ихъ гнѣва, одни сидятъ, тогда какъ всѣ прочіе стоятъ. Тайно бормоча между собою, съ яростью роются они въ землѣ, чтобы посредствомъ выкинутаго жребія узнать исходъ сомнительнаго дѣла. Кончивъ это, они покрываютъ жребій зеленымъ дерномъ и подъ двумя на крестъ воткнутыми въ землю копьями съ краткою молитвою проводятъ коня, котораго всѣ считаютъ священнымъ; потомъ снова ищутъ тотъ знакъ, по которому они заключаютъ о дѣлѣ, и посредствомъ этого какъ бы божественнаго животнаго находятъ предвѣщанія для будущаго. Когда при обоихъ испытаніяхъ послѣдуетъ одинаковый знакъ, тогда рѣшаются начать дѣло; если же нѣтъ, то смущенные туземцы отказываются отъ предпріятія. Обманываемые различными заблужденіями, они съ давнихъ временъ убѣждены, что когда имъ угрожаетъ внутренняя жестокая и продолжительная война, тогда изъ вышеупомятаго моря выходитъ большой кабанъ съ бѣлыми, блестящимми клыками, изъ волнъ, и при страшномъ землетрясеніи забавляется предъ глазами всѣхъ, рыская по болоту.

18. Сколько округовъ въ этой области, столько тамъ и храмовъ, и столько же почитается невѣрными отдѣльныхъ божествъ; но между

---

[1]) Т.-е. племени редаріевъ, которые жили въ юго-восточной части нынѣшняго Мекленбургъ-Стрелица. Эта и слѣдущая глава особено замѣчателены по обстоятельному описанію древняго быта западныхъ славянъ.

ними выше названный городъ занимаетъ первое мѣсто. Они заходятъ въ него, отправляясь на войну, чтятъ его должными дарами, возвращаясь счастливо, и посредствомъ жребія и коня, какъ-то было описано, заботливо изслѣдуютъ, какая жертва, какъ благоугодная богамъ, должна быть принесена жрецами. Самый великій гнѣвъ боговъ смягчается кровью людей и звѣрей.

Всѣми этими племенами, которыя въ совокупности называются лутичами, не управляетъ ни одинъ отдѣльный владѣтель. Въ общемъ совѣтѣ разсуждаютъ они о необходимости принятія различныхъ мѣръ и входятъ въ согласія относительно общихъ предпріятій. Если въ собраніи одинъ изъ сочленовъ противится постановленнымъ рѣшеніямъ, то его подвергаютъ побоямъ; когда и внѣ собранія онъ говоритъ объ открытомъ противодѣйствіи, то вслѣдствіе сожженія или опустошенія невозвратимо теряетъ свой домъ и дворъ, или предъ собравшимся народомъ, уплачиваетъ сумму денегъ, предписанную ему по его состоянію.

Хотя сами они вѣроломны и непостоянны, однакоже отъ другихъ требуютъ вѣрности и постоянства. Миръ заключаютъ они, отрѣзывая на головѣ нѣсколько волосъ, смѣшивая ихъ съ травою и подавая правую руку. Но деньгами легко склонить ихъ къ нарушенію мира.

Такимъ образомъ эти воины, которые прежде были нашими рабами, а теперь за наше безбожіе сдѣлались свободны, пришли на помощь королю съ своими ужасными спутниками (т.-е. идолами).

Мой читатель, бѣги общенія съ ними и съ ихъ богами; внимай и слѣдуй божественнымъ заповѣдямъ, и если ты изучишь и носишь въ памяти то исповѣданіе, которое оставилъ св. епископъ Аѳанасій, то по истинѣ ты можешь доказать, что ничтожны всѣ тѣ вещи, о которыхъ я только что упомянулъ.

19. Руководимые худыми и всякаго рода проводниками какъ большіе, такъ и малые отряды наши достигли Одера. Они разбили свои палатки на берегу рѣки Боберъ, которая по-славянски называется *Поберъ*, а по-латынѣ *Castor*. Болеславъ, укрѣпивъ ея берега, и съ сильнымъ войскомъ расположившись при Кросни (Кроссенъ), по возможности преграждалъ нашимъ переходъ. Но король, простоявъ въ продолженіи семи дней, уже приказалъ строить корабли и мостъ, какъ Богъ, покровительствующій нашимъ, указалъ высланнымъ впередъ лазутчикамъ прекрасный переходный пунктъ. Тотчасъ по приказанію короля въ бродъ отправились съ разсвѣтомъ шесть отрядовъ и перешли благополучно. Стража Болеслава, издали увидѣвъ то, принесла своему государю печальную и невѣроятную вѣсть. Онъ отправилъ туда трехъ, и даже болѣе, вѣстниковъ, и увѣрившись въ фактѣ, поспѣшно снялся съ лагеря и убѣжалъ съ своими, оставивъ на мѣстѣ большой обозъ. Король, выслушавъ съ смиреннымъ сердцемъ донесеніе о случившемся, съ духовенствомъ и со всею свитою вознесъ славословіе Господу и невредимо перешелъ чрезъ рѣку. Выступившіе впередъ изъ лагеря настигли бы непріятеля и могли бы разбить его, еслибы не ждали медленно тянувшихся лутичей. Съ радостью въ душѣ слѣдовали наши за войскомъ Болеслава, но не могли догнать ихъ, утекавшихъ подобно оленямъ, и возвратились къ своимъ.

20. Возвратившись оттуда и дойдя до аббатства Мецерицы (Мезерицъ), король рѣшился съ великимъ благоговѣніемъи торжественностью отпраздновать годовой праздникъ Ѳиваидскаго легіона (22 сен.). При этомъ онъ позаботился, чтобы его сподвижниками не было причинено никакого вреда ни тамошней соборной церкви, ни обителямъ монаховъ. Потомъ, опустошая окрестную страну, онъ преслѣдовалъ далѣе непріятеля, такъ что тотъ не осмѣливался ночевать ни въ одномъ изъ своихъ городовъ, и по просьбѣ своихъ князей сдѣлалъ стоянку не далѣе, какъ въ двухъ миляхъ отъ города Познани. Но королевское войско, раздѣлившееся для того, чтобы собрать хлѣба и удовлетворить необходимымъ потребностямъ, понесло большую потерю отъ засады непріятеля. Болеславъ же, между тѣмъ, чрезъ одного вѣрнаго посредника просилъ короля о милости, чего скоро и успѣлъ достигнуть. Архіепископъ Магдебургскій Тагино, по предложенію Болеслава, отправился съ другими повѣренными короля въ вышеназванный городъ и заключилъ съ ними прочный миръ, скрѣпленный клятвою и подъ условіемъ извѣстнаго вознагражденія. Радостно возвратились послѣ того наши домой, такъ какъ они претерпѣли большія трудности при недостаткѣ въ пищѣ и при продолжительности похода, сопряженнаго со всѣми тревогами войны.

21. Послѣ этого дѣла, король поспѣшилъ въ нашу область, чтобы прочнѣе утвердить счастіе желаемаго порядка и безопасности, и занялся истребленіемъ виновниковъ всякаго зла. Вслѣдствіе того онъ приказалъ повѣсить въ Велереслевѣ (Валлерслебенъ) Брунціо, знаменитаго вассала въ Мерзебургѣ, и двухъ лучшихъ мужей изъ славянъ, Бориса и Нецемуискла, съ остальными ихъ приверженцами. Въ частыхъ собраніяхъ вмѣстѣ съ славянами, въ Вирибенѣ (Вербенъ) на Эльбѣ, король разсуждалъ о нуждахъ своей имперіи и настаивалъ силою на своемъ, не смотря на то, согласны ли славяне или нѣтъ. Для защиты отечества онъ приказалъ снова возстановить Арнабургъ, который предъ этимъ былъ разрушенъ, и возвратить ему все то, что съ давняго времени несправедливо было отнято отъ него. На церковномъ соборѣ, гдѣ король присутствовалъ лично, онъ запретилъ на основаніи каноническихъ и апостольскихъ правилъ, заключать противозаконные браки и продавать христіанъ язычникамъ, а тѣхъ, которые пренебрегли судомъ божіимъ, приказалъ поражать духовнымъ мечемъ.

Въ 22 и 23 гл., авторъ, упомянувъ коротко о возстаніи и усмиреніи Гейнрихомъ II герцога Фландрскаго Балдуина, говоритъ весьма подробно о томъ, какъ король рѣшился привести въ исполненіе задушевную свою мысль объ основаніи особаго Бамбергскаго епископства, и не смотря на всѣ интриги Вюрцбургскаго епископа, достигъ своей цѣли въ 1007 г. Но послѣ торжествъ, по поводу открытія новой епископской каѳедры, пришло извѣстіе о новыхъ происках Болеслава Храбраго, къ объясненію чего авторъ и обращается послѣ сдѣланнаго имъ отступленія.

24. Но рѣдко солнце остается свѣтлымъ на чистомъ небѣ безъ того, чтобы вскорѣ не подернули его мрачныя облака. Въ то время, когда король праздновалъ пасху въ Регенсбургѣ, явились послы отъ

лутичей, изъ большого города Ліуильны, и отъ герцога Яромира (Богемскаго) съ извѣстіемъ, что Болеславъ (Польскій) замышляетъ дурное и старается обольстить ихъ рѣчами и деньгами. Послы говорили, что, если Гейнрихъ будетъ продолжать жаловать его и оставитъ въ покоѣ, то они не ручаются за то, чтобы могли остаться его подданными. Король тщательно обсудилъ все съ своими князьями, выслушалъ ихъ различныя мнѣнія, и, не смотря на ихъ дурное расположеніе, успѣлъ склонить къ тому, чтобы они согласились отправить къ Болеславу его зятя маркграфа Гериманна (изъ Бауцена) и объявить ему о расторженіи мирнаго договора. Болеславъ, узнавъ еще прежде объ этомъ посольствѣ отъ переметчиковъ, принялъ графа, самъ пригласивъ его къ себѣ, совсѣмъ не хорошо, и, выслушавъ его рѣчь, распространился въ оправданіи себя, а въ заключеніе воскликнулъ: „Одинъ Христосъ, знающій все, знаетъ, какъ неохотно я дѣлаю то, что принужденъ теперь сдѣлать". Послѣ того, онъ собралъ свое войско, опустошилъ округъ Морецины (Мортсани, Марзанъ) у Магдебурга и вражескимъ нападеніемъ нарушилъ союзъ, который онъ заключилъ-было съ гражданами его. Оттуда пошелъ онъ въ городъ, называемый Цирвисты (Цербстъ) и увелъ съ собою мѣстныхъ жителей, частью наведеннымъ на нихъ ужасомъ, частью льстивыми предложеніями. Наши, узнавъ о томъ, съ нерѣшительностью отправились туда и медленно слѣдовали за врагомъ. Ими предводительствовалъ архіепископъ Тагино (Магдебургскій); хотя онъ и зналъ обо всемъ случившемся, однакожъ не сдѣлалъ надлежащихъ приготовленій. Я самъ находился при немъ въ этомъ походѣ, и когда мы всѣ пришли на мѣсто, называемое Ютрибогъ (н. Ютербокъ), то остановились на томъ мнѣніи, что было бы неблагоразумно преслѣдовать непріятеля съ такими малыми силами, и возвратились домой. Но Болеславъ вновь овладѣлъ округами лутичей, Царою и Сельпулами, а вскорѣ враждующій тесть взялъ городъ Будишинъ (Бауценъ), въ которомъ оставилъ гарнизонъ маркграфъ Гериманнъ. Болеславъ отправилъ переговорщиковъ и приказалъ имъ спросить въ городѣ, желаютъ ли жители сдаться ему, не дѣлая дальнѣйшаго труда ни себѣ, ни ему, и совѣтовалъ имъ не разсчитывать на содѣйствіе со стороны своего владѣтеля. На семь дней заключено было перемиріе. Затѣмъ, Болеславъ приготовился къ штурму города; чрезъ посланныхъ жители умоляли своего государя и князей имперіи о помощи, обѣщаясь оказывать противодѣйствіе непріятелю только въ теченіе семи дней послѣ перемирія. Маркграфъ Гериманнъ, прибывъ въ Магдебургъ, явился къ пріору Вальтеру и, чрезъ нарочнаго приказавъ также пригласить другихъ князей, горько жаловался на ихъ медлительность, а въ тоже время поручилъ ободрять и утѣшать свои войска въ Бауценѣ. Перенося постоянныя нападенія Болеслава и мужественно сопротивляясь, они сдали наконецъ городъ герцогу, увидѣвъ, что графъ не пришелъ освободить ихъ; но они получили право свободнаго выѣзда для себя и всего, чѣмъ они владѣли и съ печальнымъ сердцемъ потянулись во свояси.

25. Послѣ пасхи 1008 г., скончался высокоуважаемый епископъ Трирскій Людольфъ; его преемникомъ единодушно былъ провозгла-

шенъ, болѣе изъ боязни къ королю, чѣмъ по религіознымъ побужденіямъ, его капеланъ Этельберъ, братъ королевы, юноша, еще недостигшій зрѣлаго возраста. Узнавъ объ этомъ, король, который еще не забылъ недавняго безразсуднаго поставленія епископомъ Метцскимъ другого ея брата, не обратилъ вниманія на усиленныя просьбы своей возлюбленной супруги и другихъ членовъ своей фамиліи, желавшихъ доставить молодому человѣку епископскій санъ, передалъ его Мейнгавду, келейнику архіепископа Виллигиса, мужу благороднаго происхожденія. Этимъ было возмущено сердце злыхъ. Городской замокъ (Кенигсбургъ) былъ укрѣпленъ трирцами противъ короля. До сихъ поръ спокойная страна обратилась въ пепелище, и все, что совершили эти безчувственные люди противъ кроткаго короля, было воздано имъ въ полной мѣрѣ. Но что могутъ сдѣлать эти злодѣи здѣсь на землѣ, и тамъ, въ день суда? За несказанную ихъ вину пречистая мать наша, церковь, такъ часто воздыхая объ убійствѣ и похищеніи своихъ чадъ, проливаетъ предъ лицемъ мстительнаго Бога горькія слезы, текущія по ея ланитамъ! Возмущенный этою дерзостью, король поспѣшилъ въ Триръ съ войскомъ и приказалъ посвятить избраннаго имъ на епископскую каѳедру, а Этельбера отлучить. Защищавшихъ же замокъ онъ довелъ осадою до того, что они, ослабленные голодомъ и постоянными нападеніями, должны были или погибнуть въ его стѣнахъ, или противъ воли сдаться королю. Но чтобы не случилось послѣдняго, герцогъ Баварскій Гейнрихъ началъ дѣйствовать съ необыкновенною хитростію и выхлопоталъ имъ у короля свободный пропускъ. Король, узнавъ потомъ, какъ все это было устроено, остался очень недовольнымъ и впослѣдствіи отомстилъ за эту продѣлку.

Описавъ подъ 1008 годомъ приключеніе въ Трирѣ, нашъ авторъ дошелъ до знаменитаго въ своей жизни 1009 г., когда умеръ епископъ Мерзебургскій Вигбертъ, и онъ самъ былъ возведенъ на его престолъ. Такое событіе заставило автора забыть ходъ всемірной исторіи и сдѣлать большое отступленіе по поводу своего избранія, отъ 26 главы и до 32 включительно (см. этотъ эпизодъ ниже, въ ст. 46). Въ слѣдующихъ главахъ, отъ 33 до 39, авторъ отмѣчаетъ подъ 1010 г. мелкія междоусобія князей имперіи; въ 40 главѣ, авторъ въ трехъ-четырехъ строчкахъ говоритъ о 1011 г.: „Лѣтомъ, 10 августа, 1011 г., за мои грѣхи сгорѣлъ монастырь Вальбекъ съ 4 церквами, причемъ погибли всѣ колокола и окрестныя зданія“. Но начиная съ 40 гл. и до 53, авторъ останавливается на одномъ 1012 г., описывая съ мельчайшими подробностями смерть архіепископа Магдебургскаго Тагино и его преемника Вальтера, правившаго нѣсколько дней. Перемѣны на архіепископскомъ престолѣ ободрили Болеслава, и онъ снова поставилъ въ опасность владѣнія Гейнриха II. Это обстоятельство напомнило и автору необходимость возвратиться къ разсказу. Въ 54 главѣ, онъ разсказываетъ, какъ Болеславъ согласился на возобновленіе мира и послалъ для предварительныхъ переговоровъ, въ самомъ началѣ 1013 года, своего сына Мизеко и какъ милостиво онъ былъ принятъ королемъ, и наконецъ доходитъ до личнаго свиданія Гейнриха II съ Болеславомъ Храбрымъ.

55. Въ великомъ посту (1013 г.), король Гейнрихъ прибылъ въ мѣстечко Верлу, гдѣ онъ долго прострадалъ коликою; во время

этой болѣзни ему было многое открыто свыше посредствомъ видѣній. Наконецъ вылечившись слезными мольбами — такъ какъ у него было не много времени, чтобы поспѣть въ Мерзебургъ—онъ отпраздновалъ пасху у своего друга Мейнверка, епископа Падербонскаго, а Троицынъ день провелъ у насъ. Вечеромъ того же дня прибылъ сюда и герцогъ Болеславъ, получивъ въ обезпеченіе заложниковъ, оставленныхъ имъ у себя, и былъ принятъ наилучшимъ образомъ. Въ самое воскресенье онъ, въ вознагражденіе за извѣстныя права, призналъ себя вассаломъ короля (miles efficitur), и, давъ ему надлежащую присягу, послѣдовалъ, какъ оруженосецъ (armiger), за королемъ, когда онъ отправился въ церковь въ королевскихъ украшеніяхъ. Въ понедѣльникъ Болеславъ старался расположить къ себѣ короля и королеву большими подарками и въ замѣнъ того получилъ отъ королевскихъ щедротъ еще большіе многочисленнѣйшіе дары и былъ пожалованъ давно ему желанными ленами [1]). Выставленныхъ заложниковъ онъ возвратилъ назадъ съ честью. Потомъ Болеславъ, подкрѣпленный нами, напалъ на Русь (Rusia), опустошилъ большую часть ея земель и приказалъ избить всѣхъ печенеговъ, когда между ними и его сподвижниками возникло несогласіе, не смотря на то, что печенеги помогали ему.

56. Въ эти дни былъ низложенъ Бронгагъ, аббатъ Фульдскій. Его мѣсто занялъ на время Попо, аббатъ въ Лоршѣ, и это обстоятельство потрясло монастырь, потому что всѣ монахи разошлись. — Въ Линебургѣ, городѣ герцога саксонскаго Бернгарда, въ томъ же самомъ году произошло удивительное измѣненіе и движеніе въ воздухѣ и ужасная разсѣлина въ землѣ. Жители много дивились этому и увѣряли, что прежде имъ не случалось видѣть ничего подобнаго.

Въ этомъ же году (1013), король Гейнрихъ предпринялъ путешествіе въ западныя страны государства, и, отдавъ тамъ приказаніе изготовиться къ походу въ Ломбардію [2]), снова возвратился къ намъ, въ Мерзебургъ. Отправившись отсюда 12 сентября (1013), онъ прибылъ, чрезъ Баварію и Швабію, въ мѣстечко, называемое...... [3]), Туда же стекались со всѣхъ сторонъ войска, и всякій видѣлъ, что они шли весьма охотно на помощь королю. Изъ того мѣста король, сопровождаемый королевою, безъ всякихъ препятствій прибылъ въ Римъ. Для поддержанія предпріятія туда же былъ вытребованъ и Болеславъ, но, по своему обычаю, онъ вѣроломно нарушилъ данное имъ обѣщаніе.

Кромѣ того, онъ еще прежде писалъ папѣ, съ сожалѣніемъ высказывая, что ему нѣтъ возможности посылать условленную дань св.

---

[1]) По Мерзебургскому миру, Польша получила въ ленъ отъ имперіи Лузацію (страну лузичей) и Бранденбургскую марку, въ замѣнъ чего Магдебургъ былъ признанъ метрополіею всей Польши.

[2]) Причина вторичнаго похода Гейнриха въ Италію заключалась въ томъ, что его соперникъ Гардуинъ получилъ снова большой перевѣсъ, и въ Римѣ были избраны двое папъ: Бенедиктъ VIII и Григорій; первый бѣжалъ въ Германію и просилъ о помощи императора.

[3]) Въ оригиналѣ пропущено названіе мѣстечка.

Петра, вслѣдствіе тайныхъ представленій короля. Въ то же время послалъ соглядатаевъ въ Римъ, приказавъ имъ узнавать подъ рукою, какъ думаютъ о королѣ въ Италіи. Съ помощью ихъ онъ старался всѣми средствами, гдѣ только могъ, сдѣлать его ненавистнымъ. Вотъ какъ велико было уваженіе къ Богу этого лицемѣрнаго безбожника! Вотъ какъ воспользовался онъ ходатайствомъ за него добрыхъ людей! Вотъ какіе опыты своей непоколебимой вѣрности представлялъ этотъ благородный вассалъ! И вотъ насколько исполнялъ свою страшную клятву! Да будетъ тебѣ извѣстно, мой читатель, что дѣлалъ еще этотъ безсовѣстный человѣкъ, при всѣхъ своихъ многочисленныхъ и постыдныхъ преступленіяхъ; если ему или собственная совѣсть или кто нибудь другой указывалъ на его тяжкія прегрѣшенія, то онъ требовалъ себѣ книги церковныхъ каноновъ, чтобы найти возможность передѣлать свои злыя дѣла на добрыя, и затѣмъ, на основаніи этихъ же книгъ, домогался признанія себя чистымъ и свободнымъ отъ грѣховъ. По своей же природѣ онъ былъ гораздо болѣе склоненъ подвергаться опасности преступленій, нежели искать спасенія въ раскаяніи.

57. Во всемъ подобенъ ему былъ, такъ сказать, товарищъ его, Гардвигъ, которому лонгобарды несправедливо давали королевскій титулъ. Прибытіе великаго короля и его громадное войско очень тревожили его, и потому онъ, не надѣясь на свои силы, чтобы вредить королю, заключился въ укрѣпленномъ своемъ замкѣ. Сидя тамъ, онъ всякому жаловался, что король пришелъ этотъ разъ въ Италію только для пріобрѣтенія имъ самой высшей почести. Въ тревожномъ состояніи духа долго обдумывалъ онъ, какъ поступить въ этомъ случаѣ. Наконецъ, отправилъ къ королю посольство, прося у него себѣ какого нибудь графства и обѣщая за себя и своихъ сыновей безпрекословную уступку короны. Король не хотѣлъ согласиться на это и отказалъ ему, руководясь въ этомъ случаѣ совѣтомъ своихъ приближенныхъ, хотя самъ чувствовалъ, какъ то въ послѣдствіи я покажу ясно, какимъ опасностямъ онъ подвергалъ чрезъ то всѣхъ своихъ сподвижниковъ. Но прежде нежели я примусь за это повѣствованіе, считаю обязанностью описать то, что пропущено и не разъяснено мною выше.

Авторъ, вспомнивъ, такимъ образомъ, случайно о нѣкоторыхъ частныхъ событіяхъ жизни, окружавшей его непосредственно, оставляетъ Гейнриха II и Гардуина въ Италіи, и въ слѣдующихъ трехъ главахъ, 58, 59 и 60, разсказываетъ, какъ еще въ 1009 г. его школьный товарищъ Бруно отправился миссіонеромъ въ Пруссію и тамъ принялъ мученическій вѣнецъ; какъ поссорился маркграфъ славянскихъ земель Геро съ Арнульфомъ, епископомъ Гальберштадтскимъ за то, что послѣдній схватилъ одного изъ его духовныхъ, выѣхавшаго въ праздникъ на соколиную охоту, и какъ произошло между ними примиреніе; послѣ того, авторъ упоминаетъ о жестокомъ характерѣ новаго герцога Богемскаго Отельриха, который выгналъ еще прежде своего брата Яромира изъ его владѣній, при помощи и съ согласія Гейнриха II.

Перелистывая еще свою хронику, авторъ замѣчаетъ, что въ одномъ ея мѣстѣ онъ упомянулъ о папѣ Сильвестрѣ II, но забылъ сказать о немъ по-

дробнѣе; потому въ 61 гл. онъ обращается къ Сильвестру и, такимъ образомъ, незамѣтно переходитъ къ главному предмету своего разсказа, т.-е. къ отношенію Гейнриха II къ папамъ, которое и привело его въ Италію.

61, Нѣсколько выше [1]) я говорилъ о папѣ Бруно и назвалъ только по имени преемника его Сильвестра II, котораго собственно называли Гербертомъ. Полагаю, что въ этомъ мѣстѣ прилично будетъ сказать о немъ нѣсколько больше [2]). Онъ родился въ западныхъ странахъ. Съ ранней юности обогативши себя учеными познаніями, онъ неправильнымъ образомъ достигъ, наконецъ, званія Реймскаго архіепископа. Онъ умѣлъ отлично распознавать теченіе звѣздъ, и ученостью превосходилъ всѣхъ своихъ современниковъ. Бывъ изгнанъ изъ отечества, Гербертъ явился ко двору императора Оттона III и проживалъ тамъ долгое время. Въ Магдебургѣ онъ устроилъ солнечные часы, и при повѣркѣ ихъ дѣлалъ наблюденія надъ полярною звѣздой, служащей руководствомъ для моряковъ, посредствомъ зрительной трубы [3]). Возведенный по милости императора въ папское достоинство по смерти Бруно, онъ возсѣдалъ на папскомъ престолѣ подъ именемъ Сильвестра, до временъ короля Гейнриха († 1003). Ему наслѣдовалъ Іоаннъ (XVIII) Фазанъ, который въ продолженіе Богомъ ему опредѣленнаго времени (1003—1009) оставался на престолѣ. Въ его время Мерзебургская епархія была возстановлена и утверждена папскою буллою. Преемникомъ ему былъ Сергій (IV, 1009—1012), по фамиліи *Букка-Порчи* (свинное рыло), а ему наслѣдовалъ Бенедиктъ (VIII, 1012—1024). Оба они были превосходнѣйшими людьми, и равно оба служили крѣпкою опорою нашей епархіи. Оба нетерпѣливо ожидали пріѣзда короля въ Римъ, замедлявшагося отъ противодѣйствія столь многихъ враговъ. Хвала всемогущему Богу во всѣхъ Его дѣлахъ, онъ успокоилъ и умиротворилъ Римъ, послѣ долговременныхъ и тяжкихъ испытаній, ниспославъ ему такихъ пастырей, каковы нынѣшніе! Папа Бенедиктъ, при выборѣ, получилъ первенство надъ Григоріемъ; это побудило его посѣтить лично со всѣмъ папскимъ великолѣпіемъ короля Гейнриха, праздновавшаго Рождество Христово въ Палити (н. Pölde), гдѣ онъ и принесъ публично жалобу на свое изгнаніе. Король принялъ его подъ свое покровительство и просилъ не дѣлать до времени никакихъ дальнѣйшихъ предпріятій, обѣщая уладить дѣло какъ можно лучше, по обычаю римскому, тогда, когда прибудетъ въ Римъ. Желаемое время наступило, и, наконецъ, папа Бенедиктъ, пріобрѣвшій болѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ могущества, принималъ въ февралѣ (1014 г.) съ величайшими почестями короля Гейнриха и объявилъ его защитникомъ св. Петра.

---

[1]) См. выше, кн. IV, 27, у насъ на стр. 525.

[2]) Ср. вышесказанное о Гербертѣ у монаха Рикера, въ ст. 36, на стр. 560.

[3]) Per *fistulam*. Каково было устройство этой трубы, неизвѣстно; если она и не имѣла еще существенной части нашихъ телескоповъ, то во всякомъ случаѣ была ея прототипомъ.

Принимаясь за описаніе вторичной коронаціи, считаю обязанностью сказать предварительно нѣсколько словъ въ похвалу того, который дарилъ насъ такимъ счастьемъ, какъ тому научаетъ насъ апостолъ язычниковъ, Павелъ [1]). Король Гейнрихъ по истинѣ заслуживаетъ нашей похвалы, такъ какъ *мы* [2]) благодатію и милостію вѣчнаго царя весьма многимъ одолжены ему. Онъ обогатилъ мерзебургскую нашу церковь многими самыми полезными вещами. А именно, доставилъ всю необходимую при общественномъ богослуженіи утварь. Изъ всѣхъ своихъ помѣстій въ Турингіи и Саксоніи онъ далъ намъ въ собственность по двѣ семьи. Кромѣ того, подарилъ евангеліе, украшенное золотомъ и доскою изъ слоновой кости, золотую съ бриліантами чашу, дискосъ и лжицу, два серебряные креста, чашу и большой сосудъ для вина изъ того же металла, вмѣстѣ съ дискосомъ и лжицею. Наконецъ все то, что утрачено было моими предшественниками по должности, въ отношеніе епископскихъ имуществъ, было возвращено и утверждено этимъ королемъ.

Подъ вліяніемъ своего восторга, авторъ заключаетъ эту послѣднюю главу своей шестой книги стихами, въ которыхъ онъ прославляетъ заслуги Гейнриха II и говоритъ о всеобщей радости по поводу его возведенія на императорскій престолъ, а описаніемъ церемоніи по этому случаю онъ начинаетъ седьмую книгу.

Седьмая книга.

1. Когда по истеченіи 1000 лѣтъ отъ воплощенія Господа нашего I. X, прошло 13 лѣтъ, и наступила третья недѣля второго мѣсяца слѣдующаго года (т.-е. 14 февраля, 1014 г.), въ воскресенье, четырнадцатаго февраля, въ 13 годъ своего правленія, Гейнрихъ, божіею милостью преславный король, вступилъ вмѣстѣ съ возлюбленною супругою Кунигундою въ церковь св. Петра. Они шли окруженные 12 сенаторами, изъ которыхъ, по таинственному обычаю, шесть были безъ бороды, а у шестерыхъ борода была отпущена. Въ дверяхъ собора ожидалъ ихъ папа. Но прежде нежели король былъ введенъ въ святыню, папа Бенедиктъ обратился къ нему съ вопросомъ: намѣренъ ли онъ остаться защитникомъ и покровителемъ римской церкви, и неизмѣнно преданнымъ ему, папѣ, и всѣмъ его преемникамъ? На что король отвѣчалъ со всѣмъ смиреніемъ и ревностью, и былъ затѣмъ вмѣстѣ съ супругою коронованъ и помазанъ. Прежнюю же свою корону онъ приказалъ повѣсить надъ алтаремъ князя апостоловъ. Въ тотъ же самый день папа въ Латеранѣ далъ блестящій пиръ.

Восемь дней спустя, между римлянами и нашими произошло великое побоище на тибрскомъ мосту, и съ обѣихъ сторонъ многіе остались на мѣстѣ; только ночь разлучила бойцевъ. Виновниками

[1]) При этомъ авторъ цитируетъ посланіе къ Ефес. V. 10 и I къ Ѳессал. V 13.

[2]) Авторъ употребляетъ это „мы" въ самомъ тѣсномъ смыслѣ, т.-е. мерзебургскіе монахи.

этой распри были три брата, Гуго, Гецилъ и Эцелинъ, которые впослѣдствіи были схвачены и заключены; одинъ изъ нихъ бѣжалъ; другого отвели въ Фульду, а третій уже давно содержится въ замкѣ Ивиканстенъ (Гибихенштейнъ).

2. Императоръ оставилъ въ Римѣ своего брата Арнульфа, котораго онъ еще прежде поставилъ епископомъ Равенны, и папа снова благословилъ его. Противника же его, Этельберта, который уже давно утвердился тамъ незаконнымъ образомъ, онъ хотѣлъ сначала лишить достоинства, но по неотступнымъ просьбамъ благочестивыхъ людей, далъ ему другую церковь, именно въ Ариціи (Ареццо).

Папа на соборѣ въ Равеннѣ низложилъ двухъ духовныхъ, и въ Римѣ столько же; они были поставлены архіепископомъ Львомъ безъ всякихъ обрядовъ. Бенедиктъ, угрожая отлученіемъ, дошелъ до того, что опредѣленіе св. отцовъ о назначеніи въ духовныя должности, которыя, къ сожалѣнію, тамъ, какъ и у насъ, давно оставались въ пренебреженіи, снова были возстановлены и соблюдаемы. Каноническіе законы запрещаютъ именно, чтобы дьяконъ былъ поставленъ ранѣе 25 лѣтъ отъ роду, а священникъ и епископъ ранѣе 30. А такъ какъ мы не соблюдали того, то, какъ жалкіе нарушители законовъ, и подпали отлученію.

3 Пасху Христову императоръ праздновалъ въ Павіѣ (5 апр. 1014), и успѣлъ при этомъ снискать себѣ любовь непостоянныхъ лонгобардовъ.—Возстановивъ вездѣ спокойствіе, императоръ возвратился изъ Италіи. Обрадованный тѣмъ, Гардвигъ немедленно напалъ на г. Верчелли, такъ что епископъ тамошній, Левъ, едва успѣлъ убѣжать. Гардвигъ же овладѣлъ всѣмъ городомъ и началъ злодѣйствовать по прежнему; впослѣдствіи (1015 г.) божеское всемогущество, какъ я разскажу о томъ ниже, довело его до того, что онъ униженно созналь свое преступленіе [1]).

Авторъ дѣлаетъ при этомъ же случаѣ мимоходную замѣтку объ основаніи Гейнрихомъ епископства въ Боббіо, что онъ считаетъ однимъ изъ трехъ величайшихъ подвиговъ его правленія, относя къ первымъ двумъ: возобновленіе Мерзебургскаго епископства и основаніе Бамбергскаго.

Съ величайшимъ счастьемъ и славою Гейнрихъ преодолѣлъ всѣ трудности альпійскаго перехода, и наконецъ увидѣлъ наши равнины, какъ онѣ ему весело улыбались; а воздухъ и жители Италіи не гармонируютъ съ нашей природой. Въ области Рима и въ Ломбардіи, къ сожалѣнію, господствуютъ козни и коварство. Всѣ, кто ни являлся туда, находили себѣ мало любви; за все, въ чемъ чужеземецъ могъ нуждаться, тамъ приходилось платить, и при этомъ еще опасаться обмана: многіе умирали отъ яда.

Остальныя главы седьмой книги, отъ 4 до 53, и первыя 8 главъ неоконченной восьмой книги и послѣдней, авторъ посвящаетъ описанію послѣдующихъ четырехъ лѣтъ правленія Гейнриха II, отъ апрѣля 1014 г., когда онъ возвратился изъ Италіи, до апрѣля 1018 г., на которомъ останавливается хроника. Въ этихъ послѣднихъ двухъ книгахъ, авторъ, повидимому, собиралъ одни

[1]) Онъ былъ схваченъ и заключенъ въ монастырь.

матеріалы, предоставляя себѣ впослѣдствіи, какъ онъ часто то дѣлалъ, развить обстоятельнѣе свою тему; потому въ седьмой и восьмой книгѣ мы находимъ скученными самыя разнообразные факты, замѣтки о смерти различныхъ епископовъ и аббатовъ, чудесныя явленія, и все это перемежается разсказами о новыхъ попыткахъ Болеслава возвратить самостоятельность, причемъ аккуратно отмѣчается, гдѣ Гейнрихъ праздновалъ Пасху, Рождество и другіе праздники. Потому у автора съ одинаковою краткостью записано, напримѣръ, какъ 17 февраля 1018 г. совершилось какое-то чудо въ Мальцинѣ (н. Eissdorf), и какъ въ то же время Гейнрихъ II, вслѣдствіе бездѣтности своего родственника, Рудольфа III, получилъ по духовному завѣщанію всю Бургундію и приготовилъ соединеніе этой страны съ Германіею (VIII, 5). Рѣдко авторъ выходитъ изъ тѣсныхъ предѣловъ своей епархіи и вноситъ въ свою лѣтопись долетѣвшіе до него слухи изъ чужихъ земель. Такъ въ VII, 26 гл. и слѣд. онъ говоритъ о завоеваніи Англіи датскимъ королемъ Свеномъ, подъ 1015 г.; ниже, въ VII, 52 гл., онъ дѣлаетъ отступленіе по поводу сомнительныхъ извѣстій, дошедшихъ до него, о Кіевскомъ великомъ князѣ Владимірѣ, и прерываетъ на время начатый имъ разсказъ о различныхъ чудесныхъ явленіяхъ. Для насъ эта глава имѣетъ особый интересъ по отношенію ея къ отечественной исторіи:

„Теперь я намѣренъ идти въ своемъ разсказѣ далѣе и осудить короля руссовъ Владиміра за его несправедливый образъ дѣйствій. Онъ взялъ себѣ жену изъ Греціи, по имени Елену, которая была обѣщана прежде Оттону III и коварно отнята у него; по ея убѣжденію Владиміръ принялъ христіанскую вѣру, которую онъ однако не украсилъ добрыми дѣлами, ибо былъ безмѣрно чувственъ и кровожаденъ, и причинилъ въ особенности изнѣженнымъ грекамъ много вреда. У него было три сына, изъ которыхъ одному (Святополку) онъ далъ въ жены дочь герцога Болеслава Польскаго, нашего гонителя. Поляки назначили въ спутники ей Рейнберна, епископа Кольбергскаго. Рожденный въ округѣ Гассегунъ и воспитанный хорошими наставниками, Рейнбернъ, какъ я полагаю, справедливо достигъ архіепископскаго достоинства. А какъ велики были труды, понесенные имъ при отправленіи своей должности, для описанія того у меня не достанетъ ни знанія, ни краснорѣчія. Онъ истребилъ и сжегъ истуканы; очистилъ море отъ обитавшихъ его демоновъ, бросивъ въ него четыре камня, помазанные елеемъ, и наливъ святой воды; онъ привилъ къ безплодному дереву ростокъ въ честь Бога, а именно, онъ посадилъ святое слово среди дикаго народа. Утомляя свое тѣло безпрерывнымъ ночнымъ бдѣніемъ, постами и молчальничествомъ, онъ взиралъ сердцемъ въ зерцало благочестія. Когда король Владиміръ услышалъ рѣчи этого мужа, онъ приказалъ схватить его вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, котораго Болеславъ возмутилъ противъ отца, и вмѣстѣ съ его женою, и посадилъ въ темницѣ каждаго отдѣльно. Почтенный отецъ въ заключеніе довершилъ то, чего онъ не могъ выполнить предъ глазами всего свѣта: обливаясь потоками слезъ и принося жертву молитвы изъ уничиженнаго сердца, онъ примирился съ Богомъ, и, освободившись изъ тѣснаго заключенія въ тѣлѣ, съ радостью перешелъ къ свободѣ вѣчной славы. Вышеупомянутый король носитъ названіе *Владимира*, что значитъ въ переводѣ „Сила мира“, но онъ носитъ такое имя несправедливо, ибо нельзя назвать миромъ того мира, въ которомъ живутъ другъ съ другомъ безбожные люди, или которымъ наслаждаются вообще обитатели земли; этотъ послѣдній миръ всегда непроченъ; только тотъ истинно радуется о мирѣ, который, смиряя всѣ порывы духа, дѣлаетъ себя достойнымъ царства небеснаго при помощи все-

побѣждающаго смиренія. Тотъ епископъ, наслаждаясь теперь небеснымъ миромъ, смѣется надъ угрозами того несправедливаго короля, и взираетъ въ своемъ тѣлесномъ и духовномъ цѣломудріи на того сластолюбца, какъ онъ страждетъ въ огнѣ мести, и какъ о томъ свидѣтельствуетъ нашъ наставникъ св. Павелъ: „Блудниковъ и прелюбодѣевъ будетъ судить Богъ“ (Евр. 13, 4). Едва Болеславъ узналъ о случившемся, какъ позаботился о мести. Между тѣмъ, умеръ тотъ король въ глубокой старости, оставивъ всѣ свои владѣнія двумъ сыновьямъ, а третій оставался въ темницѣ. Позже ему удалось уйти, но безъ жены, къ своему тестю. Владимиръ носилъ на чреслахъ перевязь..... но не съ тою цѣлью, для которой повелѣлъ то Іисусъ Христосъ, когда онъ говорилъ: „Да будутъ чресла ваши препоясаны“ (Лука 12, 35), а именно, чтобъ стянуть вмѣстилище нашего сластолюбія. Впрочемъ король, услышавъ отъ своихъ проповѣдниковъ о „горящихъ свѣтильникахъ“ (Лука 12, 35), очистилъ себя отъ пятна прошедшаго раздачею щедрой милостыни. Ибо въ писаніи сказано: „Подавайте милостыню, и все будетъ въ васъ чисто“. Послѣ долгой жизни и продолжительнаго царствованія онъ умеръ. Его похоронили въ Куіевѣ (Кіевъ), большомъ городѣ, въ церкви св. мученика папы Климента, рядомъ съ женою Еленою; и ихъ саркофаги стоятъ на виду по срединѣ церкви. Государство его было раздѣлено между сыновьями. Но слово Христа подтверждается на всемъ, и потому я боюсь, что и на этотъ разъ исполнится изрѣченное устами вѣчной Истины: „Всякое царство, раздѣлившееся само въ себѣ, опустѣетъ“ (Лука 11, 17). Но да помолится все христіанство, чтобы Богъ отвратилъ такой приговоръ отъ тѣхъ земель (т.-е. отъ Руси).—Послѣ такого отступленія, возвращусь къ своему предмету“.

Но авторъ напрасно сдѣлалъ это воззваніе къ себѣ, потому что за тѣмъ, въ 53 гл., онъ говоритъ еще о нѣсколькихъ пожарахъ, о поѣздкѣ Гейнриха во Франкфуртъ, о крушеніи венеціанскихъ кораблей съ пряностями, и въ 54 гл. подобными же извѣстіями заключаетъ седьмую книгу.

Восьмая книга.

Тотъ же характеръ сохраняетъ и послѣдняя, восьмая книга, которую авторъ писалъ еще за двѣ недѣли до смерти (въ половинѣ ноября 1018 г.) и довелъ собственно до 8 главы, въ началѣ которой онъ упоминаетъ объ одномъ аббатѣ Альфкерѣ, прославившемъ себя тѣмъ, что за обѣднею всякій разъ онъ плакалъ такъ, что дѣлался весь мокрымъ; упомянувъ въ предъидущихъ главахъ о подобныхъ же подвигахъ другихъ своихъ современниковъ, авторъ обращается въ заключеніе къ самому себѣ.

8. О, горе мнѣ, недостойному служителю божію, который ни въ чемъ не можетъ сравняться съ тѣми вышеупомянутыми братіями. Я много видѣлъ примѣровъ добродѣтельной и благочестивой жизни, много о томъ читалъ, но ничего не привялъ къ своему сердцу; я охотно подвергался искушеніямъ, которымъ слѣдовало противиться, и падалъ, потому что недостаточно сопротивлялся. Кому слѣдовало быть полезнымъ, я только вредилъ, и свое дурное дѣло скрывалъ, какъ какую-нибудь драгоцѣнность. Ты, мой читатель, или ты, мой дорогой преемникъ, не обращай вниманія на то, что будетъ тебѣ

говорить о моей полезной дѣятельности благосклонная молва измѣнчивой толпы, и такъ какъ я съ каждымъ днемъ слабѣю, то поспѣши ко мнѣ на помощь своими неутомимыми мольбами и раздачею милостыни, и исторгни меня изъ пасти яростнаго волка, который меня грызетъ. (Затѣмъ авторъ пишетъ длинную исповѣдь, наставленіе будущему преемнику, распоряжается относительно имущества, указываетъ на свой календарь, гдѣ имъ были записаны различныя пріобрѣтенія, и въ заключеніе исчисляетъ дары, полученные Мерзебургскою церковью отъ Гейнриха II).

Но такъ какъ я не могъ довольно сказать о благости короля Гейнриха, текущей подобно меду, то горю теперь ревностнымъ желаніемъ изложить въ порядкѣ всю его жизнь, какъ то я еще прежде предположилъ себѣ.

Этотъ годъ, которому я посвятилъ сію книгу (т.-е. 1018) есть 41-й годъ моей жизни, или немного болѣе; а въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, именно 27-го числа, начался десятый годъ моего возведенія въ епископы.

Эти строки авторъ писалъ незадолго до смерти († дек. 1018 г.); ему не удалось исполнить свое любимое намѣреніе, о которомъ онъ выше сказалъ; между тѣмъ онъ въ послѣдніе дни своей жизни продолжалъ еще заносить различныя событія 1018 года, что и составило послѣднія главы *восьмой* книги (отъ 9 до 17). Въ предпослѣдней, 16 главѣ, онъ записываетъ войну Болеслава съ Ярославомъ Мудрымъ; въ этой послѣдней замѣткѣ, заключающей ето хронику, обращаетъ на себя вниманіе только одно описаніе Кіева: „Въ большомъ городѣ Китавѣ (Кіевѣ), столицѣ того государства, находится болѣе нежели 400 церквей и 8 рынковъ. Жители же его, которыхъ число трудно опредѣлить, состоятъ главнымъ образомъ изъ бѣглыхъ славянъ, которые туда устремляются со всѣхъ сторонъ, и въ особенности изъ быстроногихъ дановъ (норманновъ); они до сихъ поръ счастливо отражаютъ частые набѣги печенеговъ и одерживаютъ побѣды надъ многими врагами". Въ 17 гл., и послѣдней, авторъ выражаетъ еще разъ намѣреніе говорить о Гейнрихѣ II, но на этомъ и остановила его смерть.

Титмаръ, епископъ Мерзебургскій.
Chronici libri VIII. — Кн. V—VII.

О Титмарѣ и его сочиненіяхъ см. выше, въ примѣчаніи къ ст. 34, на стр. 532, и всю слѣдующую статью 46.

46.—Изъ автобіографіи Титмара, епископа Мерзебургскаго, 1002—1009 г. [1]).

(Въ 1018 г.).

Въ это время (24 марта 1009 г.), мой предшественникъ по должности (Вигбертъ, епископъ Мерзебургскій), захваченный тяжкою бо-

[1]) Этотъ отрывокъ составляетъ часть шестой книги хроники нашего автора, отъ 26 гл. до 32 включительно. См. выше, на стр. 655. Для объясненія отношеній этого отдѣльнаго и важнѣйшаго событія въ жизни автора къ предъидущему, см. очеркъ его біографіи, выше, въ примѣч. къ ст. 34, на стр. 532.

лѣзнью, шелъ на встрѣчу смерти, нетерпѣливо ожидая конца своей жизни. Но прежде нежели мы простимся съ нимъ, я долженъ сказать, хотя коротко, нѣсколько словъ въ его воспоминаніе. Онъ происходилъ изъ лучшей фамиліи въ Остъ-Турингіи, а воспитаніе получилъ въ Магдебургѣ, подъ руководствомъ монаха Отрика. Архіепископъ Магдебургскій Гизилеръ взялъ этого превосходно обученнаго юношу на службу и долго держалъ его при себѣ, наградилъ особою пребендою и почтилъ его достоинствомъ архипастыря. Но въ концѣ, Гизилеръ, побуждаемый неутомимымъ наушничествомъ злыхъ людей, лишилъ Вигберта части пожалованнаго и удалилъ отъ себя, такъ что онъ оставилъ все, что имѣлъ, и сдѣлался приверженцемъ Гейнриха (II) и былъ имъ весьма любимъ. Вигбертъ былъ очень красивъ и статенъ, имѣлъ пріятный голосъ, хорошо говорилъ и разсуждалъ, былъ веселаго нрава въ кругу своихъ, и ко всему этому щедръ. А потому, божіею милостію, за свои добродѣтели онъ и достигъ достоинства епископа Мерзебургскаго. Во время своего управленія и Богомъ дарованной ему жизни, онъ сдѣлалъ слѣдующія пріобрѣтенія для своей церкви: Сидегезгузунъ, Вирибены, девять дворовъ въ Дерлингунѣ, семь въ Даливахъ , и три въ Нинстедахъ. Изъ своего же имущества онъ подарилъ церкви семь дворовъ и „Красную-Гору". Епископъ Вигбертъ много надавалъ книгами и сосудами для богослуженія. Лѣтъ десять онъ страдалъ вслѣдствіе отравы частыми головными болями, и въ мартѣ онѣ достигли высшаго предѣла. Если онъ бывалъ несправедливъ съ своими или гостями, то причина того заключалась въ его тѣлесныхъ страданіяхъ.

Ввѣренныхъ ему прихожанъ онъ старался отклонить отъ заблужденій суевѣрія постоянною проповѣдью и поученіемъ. Такъ до основанія истребилъ онъ рощу, именемъ Зутибуру, которую обитатели почитали божественною и съ давняго времени не рубили ее; на ея же мѣстѣ создалъ церковь св. мученику Роману. Кромѣ того, имъ воздвигнута была еще третья и четвертая церковь въ Магдебургѣ, и много другихъ домовъ божіихъ. Если непостоянная толпа и болтаетъ о немъ иное къ его вреду, то, я увѣренъ, что у богомыслящихъ такіе толки не находили себѣ никакой вѣры. Никто не думаетъ, обвиняя другого, что и онъ самъ не безъ грѣха. Этотъ достопочтенный мужъ сидѣлъ на епископскомъ престолѣ пять лѣтъ, шесть недѣль и пять дней; совершивъ нѣсколько разъ свою исповѣдь и обливаясь слезами, онъ получилъ отпущеніе грѣховъ отъ посѣтившихъ его на смертномъ одрѣ епископовъ Виго Бранденбургскаго и Герика Гавельбергскаго, и во вторникъ, 24 марта (1009 г.), въ Мерзебургѣ отошелъ къ Господу изъ этой жизни, путемъ, какъ я надѣюсь, блаженства. Онъ былъ положенъ на томъ мѣстѣ, которое въ видѣніи было указано ему однимъ изъ избранниковъ Христовыхъ, бывшимъ постояннымъ его спутникомъ и руководителемъ.

Преемникомъ, этого достойнаго мужа, былъ *я*, который пишу о томъ; меня избралъ благочестивый пастырь душъ Тагино [1]). Празднуя еще Рождество Христово въ Пöльдѣ, король совѣтовался съ этимъ,

[1]) Архіепископъ Магдебургскій, въ епархіи котораго лежалъ Мерзебургъ.

своимъ довѣреннымъ, какому доброму пастырю могъ бы онъ поручить Мерзебургскую церковь въ случаѣ смерти епископа Вигберта. Архіепископъ сказалъ: „Есть въ моемъ монастырѣ братъ, именемъ Титмаръ, котораго вы сами хорошо знаете; этотъ мужъ, благоразумно исполняющій свое дѣло, я надѣюсь, будетъ хорошъ, съ помощью божіею, для этой должности“. Тогда король воскликнулъ: „Еслибы онъ принялъ это! а во мнѣ онъ имѣлъ бы самаго надежнаго споспѣшника во всемъ, въ чемъ бы онъ ни нуждался“. Ко-мнѣ тотчасъ былъ посланъ мой двоюродный братъ Тидрихъ (епископъ Мюнстерскій) сообщить о томъ, именемъ архіепископа и короля, и по возможности убѣдить меня принять предложеніе. Я принялъ посланнаго въ Магдебургѣ, гдѣ я находился въ то время [1]), и отвѣтилъ слѣдующимъ образомъ: „Пусть всемогущій Богъ вознаградитъ моего возлюбленнаго отца и начальника, что онъ вспомнилъ меня добромъ. Но я считаю себя недостойнымъ того, что обо мнѣ думаетъ, и потому не смѣю принять предложенія, и изъявить свое согласіе. Еще въ рукахъ Бога исторгнуть изъ пасти смерти епископа, который еще въ живыхъ. Совершенно отказаться отъ чести я боюсь, чтобы не утратить добраго расположенія дорогого моего начальника, а кромѣ его мнѣ нельзя разсчитывать ни на чью другую поддержку; съ помощью же его могу получить не только это, но и гораздо болѣе. Такимъ образомъ, по смерти епископа, если Богъ сохранитъ мою жизнь, я выполню то, что угодно ему и поставленнымъ отъ него властямъ“. Получивъ во Франкфуртѣ извѣстіе о смерти епископа, король приказалъ совершить подобающія торжественныя поминки. Подъ вліяніемъ извѣстныхъ лицъ король отклонилъ отъ меня свои мысли и принялъ другое, лучшее рѣшеніе. Онъ хотѣлъ отдать этотъ санъ извѣстному Этельгеру, заслуженному мужу. Но довѣренный короля, архіепископъ Тагино, узнавъ о томъ, ревностно противодѣйствовалъ его плану, и неусыпными настоятельными просьбами достигъ того, что король согласился вызвать меня къ себѣ чрезъ пріора Гальберштадтскаго Гецо, который и явился ко-мнѣ въ мое имѣніе Ретмерслево (Ротмерслебенъ). Въ эту же ночь онъ имѣлъ видѣніе, что надъ моимъ ложемъ виситъ епископскій жезлъ, и слышалъ, какъ будто меня кто-то спрашивалъ: „Хочешь ли ты принять Мерзебургскую церковь?“ — Я отвѣчалъ: „Если то угодно Богу и архіепископу, который меня призываетъ на это, я согласенъ“. Голосъ продолжалъ: „Берегись! кто возбуждаетъ нерасположеніе св Лаврентія, тотъ на мѣстѣ теряетъ разсудокъ“.—Я отвѣтилъ: „Пусть сохранитъ меня защитникъ всѣхъ сыновъ человѣческихъ, Іисусъ Христосъ, если я здѣсь, или гдѣ нибудь осмѣлюсь оскорбить величіе всемогущаго Бога и за свою вину лишусь ходатайства святыхъ“. Пробудившись, я изумился, вскочилъ съ ложа, и въ окошко увидѣлъ свѣтлый день, и вотъ! смотрю, идетъ въ мою келью выше названный пріоръ Гецо и объявляетъ мнѣ, съ предъявленіемъ двухъ писемъ, что меня приглашаютъ явиться въ Аугсбургъ въ воскресенье, на святой недѣлѣ. Я пошелъ въ Магдебургъ и, отправившись оттуда въ не-

---

[1]) Титмаръ былъ до того времени пріоромъ въ Вальбекѣ.

дѣлю Вайй съ дозволенія пріора и своихъ духовныхъ собратій, во вторникъ послѣ Христова Воскресенья (на третій день праздника) я достигъ мѣста своего назначенія, былъ милостиво принятъ архіепископомъ, хотя онъ гнѣвался, что я такъ опоздалъ. На слѣдующій день онъ пригласилъ меня къ себѣ, и по приказанію короля спрашивалъ, расположенъ ли я одарить церковь изъ своего имущества по мѣрѣ своихъ силъ? — Я отвѣчалъ: „Я пришелъ сюда по вашему приказанію, а не по собственному побужденію, и дать опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ я теперь не въ силахъ и не желаю. Если по волѣ божіей и милости короля ваше расположеніе ко-мнѣ также велико, какимъ оно было нѣкогда, то ваша цѣль достигнута, и я охотно исполню все, что только могу сдѣлать какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ, для спасенія своей души и воисполненіе ввѣренной мнѣ обязанности“. Архіепископъ благосклонно выслушалъ мои слова, одобрилъ ихъ, повелъ потомъ въ капеллу епископа Бруно, гдѣ ожидалъ его король, и передалъ меня ему на руки, самъ же сталъ приготовляться къ совершенію мессы. Когда король, по избранію присутствовавшихъ, посредствомъ жезла передалъ мнѣ епископское достоинство, и я, на колѣняхъ, молилъ о благодати, начальникъ хора возгласилъ: „Пріидите, благословенніи Отца моего“. Въ большой церкви, между тѣмъ, раздался звонъ всѣхъ колоколовъ къ обѣдни, и хотя это произошло случайно, а не по какому либо приказанію или для чествованія меня, король однакоже счелъ это добрымъ предзнаменованіемъ. Потомъ высокопочтенный епископъ Бруно устроилъ великій пиръ, и въ ближайшую субботу мы пришли въ Нейбургъ. Тамъ въ воскресенье послѣ Пасхи (24 апрѣля) я былъ помазанъ на епископство святымъ елеемъ, рукою вышеназваннаго архіепископа, при содѣйствіи нашего собрата Гилливарда (епископа Цейцскаго), въ присутствіи не менѣе четырехъ епископовъ и самого короля. Оттуда на кораблѣ по Дунаю отправились мы въ Регенсбургъ...

Потомъ, по приказанію короля, я поѣхалъ въ свою епископію. Но сначала я посѣтилъ свое помѣстье, которое, по-славянски, называется Мальцинъ, а по-нѣмецки Эгисдорфъ (Эйсдорфъ), и на слѣдующій день по прибытіи, вблизи р. Эльстера и города Итеры, бесѣдовалъ съ подданными моей церкви, чтобы доставить утѣшеніе и надежду присутствовавшимъ, а отсутствовавшихъ привлечь. А именно, въ то время, большое число тамошнихъ монастырскихъ людей убѣжало, или по непостоянству своихъ нравовъ, или по слабости управленія моихъ предковъ. Оттуда я отправился въ Мерзебургъ, гдѣ меня встрѣтило съ честью духовенство, и Эрикъ, епископъ Гавельбергскій, возвелъ на престолъ. На слѣдующій день, въ воскресенье, я служилъ обѣдню за согрѣшившихъ, училъ собравшихся христіанъ, жаждавшихъ назиданія, и божескою властью отпустилъ грѣхи кающимся, хотя я и самъ человѣкъ со слабостями. Въ понедѣльникъ (23 мая) начались дни молитвы, и я, по приказанію моего архіепископа, отправился въ Магдебургъ, а въ среду былъ принятъ своими духовными собратіями не по своимъ заслугамъ, а по ихъ любвеобилію. Мы праздновали (26 мая) потомъ совокупно, по мѣрѣ своихъ силъ, таинственное Вознесеніе Христа на небо.

Изъ Магдебурга я отправился въ Валлибицы (Вальбекъ), гдѣ я пребывалъ до того времени 7 лѣтъ, три недѣли и три дня, пріоромъ духовной братіи, служившей Богу и св. приснодѣвѣ Маріи; но къ сожалѣнію это бремя я купилъ себѣ посредствомъ симоніи, правда, не за деньги, но за уступку помѣстья своему дядѣ. И въ этомъ я тяжко виноватъ, хотя и надѣюсь на милосердіе всевышняго Судіи, потому что я дѣйствовалъ такъ для защиты стада господня и для сохраненія того, что было основано моими родителями. А потому, мой читатель, заклинаю тебя, прими въ соображеніе, представляемыя въ моемъ разсказѣ обстоятельства, при сужденіи моихъ поступковъ, и слезными мольбами смягчи гнѣвный ликъ моего будущаго Судіи. Мой дядя, Лотарь, сдѣлавъ проступокъ въ отношеніи своего государя и короля, заботливо думалъ о смытіи съ себя такого пятна. Вслѣдствіе того, на мѣстѣ, называемомъ „Лѣсной-Ручей“ (Вальбекъ, отъ Waldbach), построилъ онъ монастырь въ честь богоматери, и поставилъ тамъ пріоромъ Виллигиса, а братіи подарилъ на одежду и содержаніе десятую часть своего имущества. По смерти его, его жена Матильда, при содѣйствіи своихъ обоихъ сыновей, старалась выполнить волю своего мужа, и когда умеръ Виллигисъ, назначила его преемникомъ Регинберта, родомъ остъ-франка. По смерти моего отца и его матери, когда прошло много лѣтъ тому, Регинбертъ, по старанію моего дяди Лотаря, былъ возведенъ Оттономъ III въ епископы Альтенбурга (Ольденбурга).

Въ то время, по сосѣдству съ нами жилъ духовный благороднаго происхожденія, по имени Тидрихъ, который, по убѣжденію вышеназваннаго графа Лотаря, купилъ себѣ то пріорство за десять десятинъ земли. Тидрихъ оставался въ этой должности столь же долго, и даже еще дольше Регинберта; между тѣмъ, умерла моя мать, и я, какъ третій наслѣдникъ, получилъ отъ своихъ братьевъ половину того помѣстья, которое дѣдъ посвятилъ тому монастырю. Вслѣдствіе того я нѣсколько разъ ходилъ къ моему дядѣ, не дозволитъ ли онъ мнѣ принять на себя званіе пріора, и если того нельзя сдѣлать даромъ, то не возьметъ ли онъ съ меня умѣренной цѣны. Но Лотарь, не взирая на свои родственныя обязанности и любовь, послѣ долгихъ и упорныхъ переговоровъ, требовалъ отъ меня значительной жертвы. Не найдя поддержки въ своихъ братьяхъ, я съ сожалѣніемъ согласился на его требованіе и сдѣланъ былъ настоятелемъ той церкви, которой я былъ леннымъ владѣтелемъ въ силу одного наслѣдственнаго права, переданнаго мнѣ отцомъ. Это случилось въ годъ воплощенія господня 1002, 7 мая, когда мой предшественникъ, на основаніи полюбовнаго размѣна, далъ на то свое согласіе. Въ этой должности, какъ негодный работникъ, я служилъ болѣе неправдѣ, нежели правдѣ, и никогда я не давалъ себѣ труда приготовить труды покаянія. Говоря такъ, я не хочу жаловаться на своихъ родственниковъ, но я пламенно желаю, чтобы имъ было воздано за зло добромъ. Послѣ смерти жены моего брата, онъ просилъ меня приготовить ей мѣсто покоя въ моей церкви. Зная, что тамъ уже погребенъ почтенный Виллигисъ, сначала я воспротивился, но наконецъ, уступилъ, оскорбивъ тѣмъ и право, и совѣсть; о, я несчастный, я согла-

сился на то, чего не должно бы случиться! То, что считаютъ святотатствомъ даже язычники, я, христіанинъ, сдѣлалъ это: я приказалъ открыть могилу своего брата по должности и выбросить оттуда его кости, а серебряную чашу, найденную тамъ, продать и полученное раздѣлить между бѣдными; но впослѣдствіи я нигдѣ не могь ее найти. Конечно, болѣзнь, вскорѣ постигшая меня, указала мнѣ достаточно, какъ тяжко я прегрѣшилъ предъ Господомъ. Но превозмогши съ божіею помощью болѣзнь, я отправился въ Кельнъ съ благочестивою цѣлью. Тамъ, ночью, услышавъ необыкновенные звуки, я спросилъ, что это такое? Мнѣ отвѣчалъ голосъ: „Я, Виллигисъ, блуждаю теперь, потому что твоею виною оставленъ безъ пристанища". Я проснулся и страхъ овладѣлъ мною; до сегодня я дрожу, сознавая свое преступленіе, и никогда не перестану дрожать . . . . .

Такъ какъ мнѣ казалось неудобнымъ оставить свою церковь въ Вальбекѣ безъ особеннаго настоятеля, то я и поставилъ, по совѣщаніи со всею монастырскою братіею, Виллигиса, своего брата, служителя того алтаря. За тѣмъ я возвратился въ Мерзебургъ, гдѣ и встрѣтилъ Троицынъ-День, вмѣстѣ съ моимъ государемъ королемъ, 5 іюня 1009 г.

Титмаръ, епископъ Мерзебургскій.

Chronici libri VIII. Кн. VI, 26—32.

О Титмарѣ и его сочиненіяхъ, см. выше, въ примѣчаніи къ ст. 34, на стр. 532, и разсѣянно въ самой хроникѣ: о смерти отца (IV, 11, на 516 стр.); воспоминаніе изъ школьной жизни (IV, 16, на стр. 519, и 516); нравственный характеръ и наружность автора, описанная имъ самимъ (IV, 51, на стр. 531) и въ другихъ мѣстахъ хроники.

47.—Славянскій міръ въ правленіе импер. Гейнриха II. 1002 — 1024.

(Въ 1170 г.).

Предисловіе автора.

Достопочтеннымъ владыкамъ и отцамъ, настоятелямъ св. Любекской церкви, посвящаетъ *Гельмольдъ*, недостойный служитель церкви, что въ Бозовѣ, какъ добровольную дань должнаго повиновенія.

Долго думалъ я, какой бы трудъ предпринять мнѣ, чтобы отблагодарить матерь свою, св. Любекскую церковь, и почтить приношеніемъ за дарованную мнѣ должность; но ничего лучшаго не могъ сдѣлать, какъ описать въ честь ея обращеніе славянскаго народа и изобразить, трудами какихъ государей и какихъ ревностныхъ проповѣдниковъ въ странахъ этого народа первоначально была насаждена христіанская вѣра и потомъ снова возстановлена. Къ этому труду

меня побуждаетъ достойная подражанія забота прежнихъ писателей, изъ коихъ многіе по особенной любви къ литературнымъ занятіямъ, отказывались отъ всѣхъ тревогъ общественной жизни, чтобы въ уединенномъ созерцаніи найти путь къ мудрости, которую они предпочитали блестящему злату и всѣмъ драгоцѣнностямъ. Они направляли свой пытливый взоръ даже на неосязаемыя дѣла Провидѣнія и старались проникнуть въ тайны сокровенныя въ нихъ, и въ этомъ отношеніи они предпринимали то, что превышало ихъ силы. Другіе же, не заходя такъ далеко въ своихъ намѣреніяхъ и цѣляхъ, держались въ предѣлахъ доступнаго имъ; но и они, не смотря на свою скромность, содѣйствовали къ увеличенію сокровищницы писаній, заключающей въ себѣ великія тайны. Они начинали даже съ исторіи сотворенія міра, разсказывали многое о царяхъ, пророкахъ и объ измѣнчивомъ ходѣ войнъ, и предъ лицомъ всего міра платили постоянно дань похвалы добродѣтельной и пороки осыпали проклятіемъ. Если бы среди мрака этого міра не блисталъ лучъ наукъ, то все покрылось бы ночью. Потому достойны порицанія тѣ безпечные современники, кои, хотя и видѣли, что многое какъ прежде, такъ и теперь, совершается по опредѣленію божества, но, тѣмъ не менѣе, замкнули свои уста и предались скользкой суетѣ міра сего. Я же, на страницахъ этого труда, считаю себя обязаннымъ превознести похвалою тѣхъ, которые въ различное время содѣйствовали просвѣщенію славянъ или оружіемъ, или словомъ, проливая даже свою кровь; ихъ заслугъ нельзя пройти молчаніемъ уже и потому, что, по разрушеніи Ольденбургской церкви, они, при помощи божіей, довели до такого верха славы знаменитый городъ Любекъ, что между всѣми замѣчательнѣйшими городами славянскими онъ сталъ выше другихъ, какъ по богатству, такъ и по своей религіозности. Такимъ образомъ, опустивъ все прочее, я, при помощи божіей, рѣшился вѣрно описать все, что случилось въ наше время, и что я или слышалъ отъ старожиловъ, или самъ видѣлъ, и, что естественно, описать позднѣйшіе годы тѣмъ подробнѣе, чѣмъ большее число событій совершилось въ наше время. Къ этому труду меня побуждала не моя смѣлость, но убѣжденіе моего достопочтеннаго наставника, епископа Герольда [1]), прославившаго Любекскую церковь и своими назиданіями, и своею братіею.

Книга первая.

1. Я думаю, что неизлишне будетъ при началѣ этого труда въ краткомъ историческомъ обзорѣ сказать о бытѣ и нравахъ славянъ, и о томъ, въ какомъ глубокомъ заблужденіи утопали они, чтобы изъ этого, судя по качеству болѣзни, тѣмъ легче заключить о силѣ божественнаго ихъ врачеванія. Славянскіе народы весьма многочисленны. Они живутъ по берегамъ Балтійскаго моря. Одинъ рукавъ этого моря разливается отъ западнаго океана къ Востоку и называется *Балти-*

[1]) Герольдъ былъ первымъ Любекскимъ епископомъ и умеръ 1163 г., вскорѣ послѣ перенесенія престола изъ Ольденбурга въ Любекъ.

ческимъ, потому что онъ на подобіе *balteus*, т.-е. пояса, тянется длинною полосою чрезъ Скиѳскія земли до Греціи (т.-е. Руси). Это море называется также варварскимъ или Скиѳскимъ оттого, что омываетъ страны варварскихъ народовъ. Около него живутъ многіе народы: даны и шведы, называемые у насъ норманнами, занимаютъ сѣверный берегъ и всѣ прилежащіе къ нему острова, а южный населяютъ славянскіе народы, изъ коихъ первые отъ востока руцы (руссы), далѣе поляне (поляки), съ которыми граничатъ къ сѣверу пруссы, къ югу богемы и морганы (моравы) или каринты, сосѣдніе сорабамъ. Если же и Венгрію считать за часть славянской земли, какъ нѣкоторые того хотятъ на томъ основаніи, что она ни нравами, ни языкомъ не отличается отъ нее, въ такомъ случаѣ область славянскаго языка такъ увеличится, что невозможно того и представить. Всѣ эти народы, кромѣ пруссовъ — христіане. Давно уже и Русь увѣровала. У дановъ она называется Острогардомъ, потому что она, находясь на востокѣ, изобилуетъ всякимъ добромъ. Ее называютъ также Гунигардомъ, потому что тамъ прежде жили гунны. Главный же городъ ея Кіевъ (Chue). Но я не могъ нигдѣ узнать съ точностью, какими проповѣдниками она обращена въ христіанскую вѣру; знаю одно, что въ своихъ обрядахъ она, кажется, болѣе подражаетъ грекамъ, чѣмъ латинамъ, такъ какъ Русское море (т.-е. Черное) служитъ близкимъ путемъ сообщенія ея съ Греціею.

Пруссы еще не просвѣщены вѣрою, но одарены добрыми природными качествами; такъ, они весьма сострадательны къ терпящимъ нужду, спѣшатъ на встрѣчу погибающимъ на морѣ и преслѣдуемымъ пиратами. Золото и серебро они цѣнятъ мало, и богаты одними неизвѣстными у насъ мѣхами, запахъ которыхъ влилъ смертоносный ядъ гордости въ наше общество. Сами они считаютъ эти мѣха не дороже всякой дряни, и тѣмъ, я думаю, произносятъ приговоръ надъ нами, которые домогаются куничьихъ мѣховъ, какъ величайшаго блаженства. Поэтому они и вымѣниваютъ намъ своихъ драгоцѣнныхъ куницъ на простыя полотняныя одежды, называемыя у насъ фальдонами (faldones). Вообще много можно было бы сказать похвальнаго о ихъ нравахъ, если бы только они исповѣдывали христіанскую вѣру, проповѣдниковъ которой они жестоко преслѣдуютъ: у нихъ украсился мученическимъ вѣнцомъ знаменитый епископъ Богемскій Адальбертъ. Будучи въ тѣсномъ сношеніи съ нами во всемъ, они даже и теперь воспрещаютъ намъ доступъ въ священныя дубравы и къ источникамъ, думая, что они оскверняются посѣщеніемъ христіанъ. Въ пищу употребляютъ мясо вьючнаго скота, изъ молока и крови котораго приготовляютъ одуревающій напитокъ. Глаза у нихъ голубые, лицо красноватое, а волоса длинные. Неприступные въ своихъ болотахъ, они не хотятъ признавать никакихъ господъ надъ собою.

Венгры прежде были народомъ очень сильнымъ и искуснымъ въ бою, опаснымъ даже для самой римской имперіи. Такъ, послѣ пораженія гунновъ и дановъ, венгры свирѣпствовали въ третій разъ и опустошили и разорили всѣ пограничныя области. Собравши многочисленное войско, они вооруженною рукою овладѣли всей Баваріей

или Швабіей, кромѣ того опустошили пограничныя Рейнскія страны, а Саксонію прошли огнемъ и мечемъ до Британскаго океана. Какихъ усилій и какой потери стоило укрощеніе этого народа и подчиненіе его божескому закону для императоровъ и христіанскаго воинства, о томъ многіе знаютъ и ясно говорится въ исторіи. Каринты пограничны съ баварцами. Они усердны къ богослуженію, и нѣтъ ни одного народа, который былъ бы болѣе честенъ и болѣе оказывалъ почтенія священникамъ. Богемія имѣетъ короля и людей воинственныхъ, наполнена церквами, и народъ ея богобоязненъ. Она раздѣляется на два епископства: Прагское и Ольмюцское.

Польша обширная славянская страна; граница ея, говорятъ, прикасается владѣніямъ руссовъ; раздѣляется же она на восемь епископствъ. Прежде она имѣла короля, а теперь управляется герцогами и подвластна императору также, какъ и Богемія. Какъ у поляковъ, такъ и у богемцевъ, одинаковый образъ вооруженія и способъ веденія войны. Всякій разъ, какъ ихъ вызываютъ на войну другіе народы, они храбро дерутся, но послѣ того дѣлаются жестоки своими убійствами и грабежемъ: не щадятъ ни церквей, ни монастырей, ни кладбищъ. Впрочемъ они неиначе соглашаются идти на войну съ чужеземными народами, какъ договорившись предварительно о своемъ правѣ на разграбленіе сокровищъ, которыя охраняются въ святыхъ мѣстахъ благочестіемъ, какъ стѣною. Вслѣдствіе такой жадности часто случается, что они и съ лучшими своими друзьями обращаются какъ съ врагомъ, отчего весьма рѣдко призываютъ ихъ на помощь во время войны. Этого и достаточно будетъ сказать о богемцахъ, полякахъ и прочихъ восточныхъ славянахъ.

Въ слѣдующихъ главахъ, отъ 2 до 15, авторъ хроники излагаетъ сначала вкратцѣ географическія свѣдѣнія того времени о западныхъ славянахъ, а потомъ разсказываетъ подробнѣе исторію завоеванія ихъ и обращенія въ христіанство, начиная отъ Карла В., при его преемникахъ, въ теченіе IX и X столѣтія, до смерти Оттона III, 1002 г. Но эта часть хроники мало замѣчательна, какъ простое сокращеніе труда Адама Бременскаго, жившаго ближе къ описываемому имъ времени (см. объ Адамѣ Бремен. и его сочиненіяхъ, ниже въ ст. 51).

Начиная съ 16 гл., авторъ приходитъ къ эпохѣ Гейнриха II, и хотя продолжаетъ пользоваться Адамомъ Бременскимъ, но уже дополняя его другими источниками, а потому съ этого мѣста хроника нашего автора пріобрѣтаетъ относительно бо́льшую важность.

Сосредоточеніе Оттономъ III всего вниманія на Италію, было причиною ослабленія господства нѣмцевъ въ славянскихъ земляхъ, по чему по смерти его славяне возстали и вмѣстѣ отказались отъ христіанства, которое въ ихъ представленіи было тѣсно связано съ идеею о нѣмецкомъ игѣ. На этомъ-то возстаніи славянъ, въ началѣ XI вѣка, и останавливается нѣсколько долѣе нашъ авторъ.

16. Въ это время приходилъ къ концу 1001 годъ, отъ воплощенія Бога слова [1]), когда императоръ Оттонъ III, послѣ того, какъ

[1]) Оттонъ III умеръ собственно 24 янв. 1002 г.

въ третій разъ онъ вошелъ въ Римъ побѣдителемъ, преждевременно умеръ. Престолъ его наслѣдовалъ Гейнрихъ (II) благочестивый, прославившійся своимъ правосудіемъ и святостію, тотъ самый, который основалъ Бамбергское епископство и заботился великою щедростью о церквахъ и богослуженіи. Въ десятый годъ его правленія умеръ Саксонскій герцогъ Бенно, мужъ знаменитый своимъ правосудіемъ и ревностный защитникъ церквей. Преемникомъ ему былъ сынъ его Бернгардъ уже не столь счастливый, какъ отецъ. Съ того времени, какъ онъ сдѣлался герцогомъ, распри и возмущенія въ этой странѣ никогда не прекращались, потому что онъ осмѣлился возстать противъ императора Гейнриха и возмутилъ противъ него всю Саксонію; потомъ вооружился противъ самого Христа, и всѣ саксонскія церкви, особенно тѣ, которыя во время упомянутаго возстанія не хотѣли подчиниться ему, привелъ въ страхъ и смятеніе. Кромѣ того, этотъ же герцогъ совершенно забылъ то доброе расположеніе къ славянамъ, какое питали къ нимъ его отецъ и предки: онъ такъ жестоко угнеталъ винуловъ по своему корыстолюбію, что принудилъ ихъ принять язычество. Славянами въ то время владѣли маркграфъ Теодорикъ и герцогъ Бернардъ, одинъ восточною страною, а другой западною; и ихъ неразуміемъ обѣ страны принуждены были отложиться. Тогда какъ прежніе добрые императоры кротко обращались съ грубыми языческими племенами, смягчая ихъ суровые нравы и обращая на путь спасенія, Теодорикъ и Бернардъ угнетали ихъ до того, что онѣ увидѣли себя въ необходимости свергнуть иго рабства и защищать свою свободу оружіемъ. У винуловъ въ то время были князьями *Мистивой* и *Мициидрагъ* [1]); подъ ихъ-то руководствомъ и вспыхнуло то возстаніе. А старое преданіе говоритъ, будто бы Мистивой просилъ руки племянницы Бернгарда, и послѣдній обѣщалъ ему. Чтобы заслужить обѣщанное, Мистивой съ тысячью всадниковъ сопровождалъ Бернгарда въ Италію, гдѣ герцогъ и почти все его войско погибло. По возвращеніи изъ похода Мистивой сталъ просить обѣщанной ему невѣсты; но маркграфъ Теодорикъ помѣшалъ этому дѣлу и объявилъ, что кровная родственница герцога не можетъ быть выдана за собаку! Выслушавъ это, Мистивой съ негодованіемъ удалился. Герцогъ впрочемъ измѣнилъ свое мнѣніе и вслѣдъ за Мистивоемъ отправилъ пословъ объявить ему, чтобы онъ взялъ обѣщанную невѣсту; но Мистивой, говорятъ, далъ ему слѣдующій отвѣтъ: „Такъ какъ благородной родственницѣ великаго герцога слѣдуетъ вступить въ супружество съ знаменитымъ мужемъ, то нельзя отдать ее за собаку. Насъ довольно отблагодарили за оказанныя услуги тѣмъ, что отнесли къ собакамъ, а не къ людямъ. Но когда собака сдѣлается сильною, то она больно укуситъ“. Затѣмъ онъ возвратился къ славянамъ и прежде всего зашелъ въ городъ Ретру, находящійся въ области лутичей. Тамъ предъ собраніемъ славянъ, жившихъ на востокѣ, онъ объявилъ о нанесенномъ ему оскорбленіи и сказалъ, что на языкѣ саксонцевъ, славяне называются собаками. Славяне ему

---

[1]) Т.-е. Меставой и Мечиславъ.

отвѣчали: „Ты и стоишь того за то, что покинулъ своихъ соотечественниковъ и служилъ саксонцамъ, народу вѣроломному и корыстному. Поклянись же теперь передъ нами, что ты бросишь ихъ, и мы будемъ съ тобою“. Мистивой поклялся.

Когда герцогъ Бернгардъ, пользуясь случаемъ, поднялъ оружіе противъ императора, славяне сочли такое время благопріятнымъ для себя, собрали войско и опустошили всю Нордалбингію огнемъ и мечемъ; за тѣмъ прошли по всей славянской землѣ, сожгли всѣ храмы и разрушили ихъ до основанія, а священниковъ и другихъ церковнослужителей умертвили, подвергнувъ ихъ разнымъ мученіямъ, и по сю сторону Эльбы не оставили даже слѣдовъ христіанства.

Въ Гамменбургѣ (н. Гамбургъ), тогда и послѣ того, было взято много духовныхъ и мірянъ въ плѣнъ, а еще болѣе истреблено, по ненависти къ христіанству. Славянскіе старожилы, которые помнятъ все совершонное въ ту пору варварами, разсказываютъ, что въ городѣ Ольденбургѣ, населенномъ многими христіанами, по избіеніи прочихъ, какъ скотовъ, шестьдесятъ священниковъ были пощажены для большого надъ ними посмѣянія; старшаго между ними звали Оддаромъ. Ему, какъ и другимъ, крестообразно разрѣзали на головѣ кожу, и оголили черепъ. Потомъ исповѣдниковъ господнихъ, съ завязанными на спину руками, волочили по всѣмъ славянскимъ городамъ, пока они не умерли. Такимъ образомъ, доставивъ собою и ангеламъ, и людямъ, зрѣлище, достойное удивленія, они на дорогѣ испустили свой побѣдоносный духъ. Подобныхъ примѣровъ разсказываютъ много по всѣмъ странамъ славянъ и нордалбинговъ, которые нынѣ, такъ какъ они не записаны, считаются баснями. Да, таковыхъ мучениковъ въ славянской землѣ было много и послѣ, такъ что едва ли можно записать ихъ въ одну книгу. Такимъ образомъ, всѣ славяне, жившіе между Эльбою и Одеромъ и исповѣдывавшіе христіанство болѣе 70 лѣтъ, а именно, во все время Оттоновъ, отреклись отъ тѣла Христова и церкви, съ которой прежде были соединены. О, какъ непостижимо правосудіе божіе въ отношеніи людей! „Господь кого хочетъ милуетъ, и кого хочетъ ожесточаетъ“. Удивляясь его всемогуществу, мы видимъ, что иногда тѣ, которые уже увѣровали, снова впадаютъ въ язычество, а тѣ, которые оставались послѣдними, обращаются ко Христу [1]). Итакъ, Господь, праведный судія, силенъ и долготерпѣливъ. Какъ нѣкогда онъ истребилъ, для испытанія Израиля, на его глазахъ семь ханаанскихъ племенъ и оставилъ однихъ только чужеземцевъ, такъ и нынѣ ему угодно было ожесточить небольшую часть язычниковъ, чтобы наказать насъ за наше невѣріе. Это случилось въ послѣдніе годы правленія престарѣлаго архіепископа Либенція (Гамбургскаго) и при герцогѣ Бернгардѣ, сынѣ Бенно, жестоко угнетавшемъ славянъ. Славянскій же маркграфъ Теодорикъ, такой же корыстолюбивый и жестокій, какъ выше упомянутый герцогъ, былъ лишенъ званія и всего наслѣдства,

[1]) Авторъ обратился къ богословскимъ причинамъ, объясняющимъ возстаніе славянъ, какъ бы забывъ настоящую причину, которую онъ указалъ самъ же, говоря выше о притѣсненіи славянъ нѣмцами.

сдѣлался прихожаниномъ въ Магдебургѣ и кончилъ жизнь несчастною смертію, чего и былъ достоинъ. Славянскій князь Мистивой раскаялся наконецъ и обратился въ концѣ своей жизни къ Господу, но за то, что онъ не хотѣлъ отречься отъ христіянства, его изгнали изъ отечества; онъ убѣжалъ къ бардамъ, и тамъ дожилъ до глубокой старости, оставаясь вѣрнымъ христіаниномъ.

Въ 17 главѣ авторъ дѣлаетъ отступленіе по поводу перемѣны въ лицахъ епископовъ Бременскихъ или Гамбургскихъ и сокращаетъ Адама Бременскаго. Но возстановленіе ими Ольденбургскаго епископства, только что разореннаго славянами, назначеніемъ туда главою церкви славянскихъ земель Бенно, доставляетъ автору поводъ снова обратиться къ исторіи отношеній нѣмцевъ къ славянамъ въ правленіе того же Гейнриха II.

18. Бенно, человѣкъ весьма благочестивый, началъ съ величайшимъ рвеніемъ возстановлять Ольденбургское епископство и изслѣдовать, какія владѣнія и доходы предоставлены были въ его пользу, на основаніи грамотъ великаго императора Оттона. Такъ какъ послѣ уничтоженія Ольденбургской епархіи, прежнія поставленія о приношеніяхъ князей въ пользу церкви были забыты, и всѣ доходы отошли въ пользу славянъ, то епископъ лично жаловался герцогу Бернгарду, что вагиры, ободриты и другіе славяне отказались платить должную ему дань. Вслѣдствіе того были призваны къ объясненію по этому вопросу князья винуловъ. Когда ихъ спросили, почему они отказались платить епископу десятину съ полей, то они начали жаловаться на тяжесть податей вообще, и объявили, что они лучше оставятъ землю, чѣмъ обременятъ себя бóльшими налогами. Герцогъ, видя, что нельзя возстановить церковнаго права въ той силѣ, въ какой оно было при Оттонѣ В., успѣлъ, по крайней мѣрѣ (и то съ величайшимъ трудомъ), склонить славянъ на одно, чтобы по всей странѣ ободритовъ съ каждаго дома, богатаго и бѣднаго, уплачивалось по два пфеннинга, какъ должное епископу. Кромѣ того всѣмъ извѣстные дворы въ Бозовѣ и Нецениѣ и другія владѣнія въ землѣ вагировъ постановлено было возвратить епископу, съ тѣмъ, чтобы снова ихъ отстроить. Что же касается до помѣстьевъ, лежащихъ въ отдаленныхъ странахъ славянской земли, и которыя относились, по древнимъ сказаніямъ, къ Ольденбургскому епископству, напр. Деришевы, Морицы, Кучины со своими угодьями, то епископъ Бенно, какъ ни старался, никакъ не могъ возвратить ихъ отъ герцога. А когда благочестивому императору Гейнриху вздумалось сдѣлать всеобщій сеймъ въ Вербенахъ, что на Эльбѣ, съ цѣлью развѣдать о расположеніи славянъ, всѣ князья винуловъ явились туда и въ присутствіи императора объявили, что они намѣрены ему повиноваться и жить мирно. При этомъ случаѣ Ольденбургскій епископъ представилъ императору свою старую жалобу объ имѣніяхъ своей церкви; когда славянскихъ князей спросили о такихъ владѣніяхъ, принадлежавшихъ прежде той епархіи, они признали, что упомянутые города съ ихъ предмѣстьями дѣйствительно должны принадлежать церкви и епископу. Послѣ этого всѣ ободриты, кучины, полабы, вагиры и другіе славянскіе народы, жившіе въ предѣлахъ Ольденбургской церкви, обѣ-

щали вносить всю дань, какую Оттонъ В. постановилъ вмѣсто десятины, какъ церковный доходъ. Впрочемъ, это обѣщаніе было притворное, потому что едва только императоръ распустилъ собраніе и занялся другими дѣлами, славяне перестали и думать объ исполненіи обѣщаннаго. Между тѣмъ столько же храбрый, сколько и своекорыстный Саксонскій герцогъ началъ обременять славянъ такими налогами, что они должны были и совсѣмъ забыть о жертвахъ Богу и о приношеніяхъ въ пользу духовенства. Тогда исповѣдникъ Христовъ Бенно, видя, что свѣтскіе князья ему не только не помогаютъ, но даже всѣми мѣрами препятствуютъ, утомленный тщетными усиліями и не имѣя нигдѣ спокойнаго мѣста, отправился къ Беренварду, епископу Гильдесгеймскому, разсказалъ ему о своемъ печальномъ положеніи и искалъ утѣшенія въ своемъ горѣ. Какъ мужъ благодѣтельный, тотъ пастырь принялъ радушно Бенно, предложилъ ему, утомленному, всѣ дружескія услуги, и изъ доходовъ своей церкви далъ часть на содержаніе, пока не окажется ему возможность вступить снова въ свою должность, возвратиться и найти безопасное убѣжище, гдѣ бы онъ могъ оставаться спокойно. Въ то время вышеупомянутый епископъ Беренвардъ въ наслѣдственныхъ своихъ владѣніяхъ построилъ, съ значительными издержками, большой храмъ въ честь св. архангела Михаила, и при немъ основалъ обширную обитель иноковъ для служенія Богу. По окончаніи постройки храма, на обрядъ его освѣщенія, собралось несмѣтное множество народа; когда епископъ Бенно освящалъ лѣвый придѣлъ храма, то былъ такъ стѣсненъ и сдавленъ толпою, что спустя немного дней, такъ какъ болѣзнь его все увеличивалась, кончилъ свою жизнь (13 авг. 1023). Его съ честію погребли въ томъ же храмѣ, въ его сѣверной капеллѣ. Ему наслѣдовалъ Мейнгеръ, рукоположенный Либенціемъ II [1]), а Мейнгеру—Абелинъ, поставленный архіепископомъ Алебрандомъ [2]).

Въ послѣднихъ главахъ первой книги, отъ 19 до 94, авторъ обнимаетъ пространство времени отъ смерти Гейнриха II и вмѣстѣ Бенно, епископа Ольденбургскаго, въ 1024 г., до смерти перваго Любекскаго епископа Герольда и назначенія ему преемника, 1 февр. 1164 года. Но все XI столѣтіе, до смерти Гейнриха IV, въ 1106 г., авторъ описываетъ коротко, вмѣщая все это пространство времени въ 15 главахъ (отъ 19 до 33); хроника пріобрѣтаетъ свое настоящее значеніе только съ XII столѣтія, т.-е. съ 34 главы и до 94: авторъ пишетъ эту часть или, какъ свидѣтель и дѣйствующее лицо, по собственному наблюденію, или по показаніямъ очевидцевъ.

Вторая книга, состоящая вся изъ 14 главъ, должна была служить продолженіемъ начатаго труда, но она останавливается на 1172 г. и посвящена, большею частью, событіямъ епархіи Рацебурга и Шверина и дѣятельности Гейнриха-Льва Вельфа.

Священникъ Гельмольдъ.

Chronicon Slavorum, I, 1, 16—18.

---

[1]) Либенцій былъ епископомъ Гамбургскимъ отъ 1029 до 1032 г.

[2]) Алебрандъ наслѣдовалъ предыдущему и правилъ отъ 1035 до 1043.

Гельмольдъ, священникъ въ Бозовѣ (Helmoldus, presbyter Bosoviensis, † 1175) жилъ и писалъ во второй половинѣ XII вѣка, самой важной эпохѣ въ исторіи сѣвера Европы, когда было основано Любекское епископство, послужившее центромъ великаго Ганзейскаго союза, и такой замѣчательный моментъ нашелъ для себя не менѣе замѣчательнаго историка. Гельмольдъ умѣлъ соединять достовѣрность съ необыкновенною привлекательностью и оживленностью изложенія, и сверхъ того писалъ на превосходномъ латинскомъ языкѣ. Жизнь его намъ мало извѣстна. Изъ того, что его другъ и наставникъ, епископъ Герольдъ былъ каппелланомъ Гейнриха Льва и преподавателемъ наукъ въ Браунгшвейгской школѣ, заключаютъ, что и Гельмольдъ былъ родомъ изъ того же города. Когда Герольдъ сдѣлался епископомъ Любекскимъ, онъ отдалъ Гельмольду приходъ въ Бозовѣ на Плёнскомъ озерѣ въ землѣ вагировъ (н. южная Голштинія). *Изданія:* Leibnitz, Script. rer. Brunsw. II, 537—751.—*Переводы:* Нѣмецк. Laurent (Berl. 1852), въ Geschichtsschr. d. d. Vortzeit. Lief. 19.—*Критика:* Lappenberg, Ueber Helmold und Arnold, помѣщ. въ Pertz'Archiv, VI, 554—584 стр.

48.—Жизнь Конрада II, императора. 1024—1039 г.

(Въ 1048 г.).

Посланіе къ королю Гейнриху (III), сыну императора Конрада (II).

Випонъ, божіею милостью, пресвитеръ и служитель королевскихъ слугъ. славнѣйшему императору и королю Гейнриху Третьему, мудрому какъ въ мирѣ, такъ и на войнѣ, обладателю земного шара.

Я счелъ нужнымъ, государь императоръ, описать славную жизнь и знаменитыя дѣянія отца твоего имератора Конрада; ибо не слѣдуетъ, чтобы свѣтильникъ скрывался подъ спудомъ, а солнечный лучь прятался въ облакахъ, такъ точно не слѣдуетъ, чтобы достопамятная добродѣтель покрывалась ржавчиною забвенія. Впрочемъ, какъ бы ни были прекрасны и блистательны подвиги его, но предъ необыкновеннымъ блескомъ твоихъ доблестей они, повидимому, тускнѣютъ. Но если Богъ позволитъ, я, смиренный слуга твой, постараюсь изложить царственныя дѣянія обоихъ васъ, какія совершены при моей жизни, и покажу, въ чемъ состоитъ между вами различіе, а именно, какимъ образомъ одинъ изъ васъ нанесъ ударъ республикѣ или римской имперіи, къ ея же благу, а другой своею мудростію исцѣлилъ ту же республику. Если я въ своемъ описаніи скажу или больше, или меньше, или иначе, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ, въ этомъ случаѣ обвиненіе должно пасть не на пишущаго, а на разсказывавшихъ; потому что, подвергаясь очень часто недугамъ, я не могъ неопустительно бывать въ капеллѣ [1]) государя моего, Конрада. На то, что я

[1]) Подъ придворною капеллою того времени должно разумѣть не домашнюю церковь, но скорѣе то, что мы нынѣ называемъ Собственною Канцеляріею. Нашъ авторъ именно и служилъ въ такой канцеляріи.

самъ видѣлъ, или заимствовалъ отъ другихъ, изложу предъ вами, опираясь на истину, если вы пожелаете вкусить моихъ плодовъ. И такъ какъ нѣкоторыя достохвальныя дѣла совершены тобою еще при жизни отца, то я рѣшилъ помѣстить ихъ между его дѣяніями; что же касается до того, что ты славно совершилъ уже по кончинѣ отца,—то объ этомъ я намѣренъ разсказать отдѣльно [1]). Если бы кто нибудь изъ моихъ недоброжелателей замѣтилъ мнѣ, что настоящій мой трудъ напрасенъ, когда уже другіе писали о томъ же предметѣ, то (хотя я не видѣлъ ни одного сочиненія объ этомъ) отвѣчу: „Голосъ двухъ или трехъ свидѣтелей утверждаетъ всякое свидѣтельство" [2]). Вотъ почему и ученіе Христово, заключенное въ евангеліи, изложено не однимъ лишь, но четырьмя достовѣрными свидѣтелями. Я посвящаю тебѣ, верховный императоръ, свой трудъ и раскрываю предъ тобою дѣянія твоего отца съ тѣмъ, чтобы всякій разъ, какъ ты будешь предпринимать совершеніе какого нибудь знаменитаго подвига, напередъ могъ видѣть, какъ въ зеркалѣ, отцовскія добродѣтели; и да процвѣтетъ въ тебѣ роскошно то, что ты наслѣдовалъ отъ родительскаго корня, и—чѣмъ болѣе ты превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ въ подвигахъ религіозныхъ и мірскихъ, тѣмъ дольше всѣхъ ихъ, по милости Всемогущаго Бога, удостоишься удержать свое царство и власть. Будь здоровъ!

Прологъ.

Чтобы не пройти нѣмымъ молчаніемъ славу христіанской имперіи и увѣковѣчить имя тѣхъ, которые въ этой жизни благоразумно управляли, передавъ потомкамъ, если тѣ захотятъ подражать предкамъ, хорошій образецъ для жизни—такъ какъ добрый примѣръ укрѣпляетъ бодрость и силу—я счелъ удобнымъ и приличнымъ отпечатлѣть письменно легко ускользающія изъ памяти дѣла минувшихъ дней. Притомъ, часто случается, что слава предковъ производитъ въ потомкахъ хоть изумленіе и совѣстливость, если они и не уподобляются имъ, не смотря на изученіе ихъ подвиговъ. Какъ добродѣтель облагороживаетъ многихъ людей низкаго происхожденія, такъ порочность для многихъ и благородныхъ служитъ къ большему ихъ униженію. Наконецъ, я считаю неприличнымъ умалчивать о побѣдахъ православныхъ государей, и въ тоже время провозглашать во всеуслышаніе о тріумфахъ невѣрныхъ тиранновъ. Было бы довольно неразумно писать и читать о дѣяніяхъ какого нибудь Тарквинія Гордаго, Тулла и Анка, отца Энея, свирѣпаго Рутула, оставляя въ совершенномъ забвеніи нашихъ Карловъ и трехъ Оттоновъ, императора Гейнриха II, императора Конрада, отца славнѣйшаго короля Гейнриха III, и самого короля Гейнриха, торжествующаго во имя Христа. Должно опасаться, чтобы наши новѣйшіе писатели, по своей лѣности, не потеряли значенія въ глазахъ Бога, ибо и ветхій завѣтъ, въ которомъ

---

[1]) Авторъ никогда не исполнилъ своего намѣренія.

[2]) Второзак. 19, 15.

тщательно и обильно изложены дѣянія отцовъ, оставилъ намъ образецъ и вмѣстѣ указалъ на необходимость храненія въ сокровищницѣ памяти вновь совершающихся дѣлъ.

Затѣмъ авторъ цитируетъ важнѣйшіе факты библейской исторіи, ссылается на мнѣнія языческихъ мудрецовъ, и дѣлаетъ большое риторическое отступленіе о пользѣ исторіи, что въ концѣ и резюмируетъ въ нѣсколькихъ словахъ:

Итакъ, писать исторію своего времени можно потому, что того не воспрещаетъ ни одна религія; это одобряется разсудкомъ, и наконецъ такой трудъ приноситъ пользу отечеству и назидаетъ потомство. Прошедшее становится, такимъ образомъ, присущимъ намъ, а что̀ произойдетъ въ будущемъ — то останется неизвѣстнымъ. Въ этихъ видахъ, и я рѣшился писать къ общей пользѣ читателей, что доставитъ удовольстіе и слушателямъ. Если въ моихъ разсказахъ найдется что нибудь доброе, читатель увидитъ, чему онъ долженъ подражать; что же касается меня лично, то я считаю этотъ трудъ выгоднымъ и для себя, потому именно, что, предавшись занятіямъ, я буду въ состояніи, если Богъ подкрѣпитъ мои силы, удалить отъ своего тѣла, изнуреннаго многочисленными болѣзнями, столь враждебную душѣ праздность. И такъ, вознамѣрившись говорить объ общественныхъ дѣлахъ, я займусь преимущественно изложеніемъ дѣяній двухъ государей, т.-е. императора Конрада (II) и сына его, короля Гейнриха (III), которому почти всѣ лучшіе люди усвоили прозваніе: „Путь-Правды" (Lineam Justitiae). Дѣянія отца, которыя случились въ мое время, и изъ которыхъ одни я самъ видѣлъ, а другія узналъ чрезъ разговоры съ разными лицами, я постараюсь изобразить живописными чертами для несвѣдущихъ потомковъ. А славнѣйшія дѣянія сына, который, благодареніе Богу, продолжаетъ нынѣ царствовать, я не перестану записывать до тѣхъ поръ, пока буду живъ. Если же мнѣ случится разстаться съ этою жизнію раньше короля, и такимъ образомъ оставить трудъ неоконченнымъ, — то умоляю своего продолжателя не стыдиться на положенномъ мною фундаментѣ воздвигнуть свои стѣны, не пренебречь исправленіемъ неровностей моего слога, и не завидовать положенному мною началу, если онъ не желаетъ, чтобы другіе, въ свою очередь, завидовали ему. Кто началъ, тотъ дошелъ уже до середины, и потому, если кому нибудь достанется мой трудъ уже начатый, онъ не долженъ оставаться неблагодарнымъ къ нему. Сказанное доселѣ составляетъ краткое предисловіе: теперь я приступлю къ дѣяніямъ Конрада, но напередъ разскажу въ немногихъ словахъ объ избраніи его, которое было весьма благополучно, а затѣмъ, чтобы придать своему повѣствованію больше вѣроятія, я считаю необходимымъ предварительно упомянуть объ епископахъ и другихъ князьяхъ, составлявшихъ въ то время опору королевства.

1. Въ лѣто отъ воплощенія Господа 1024, императоръ Гейнрихъ II, устроивши надлежащимъ образомъ дѣла государства, въ то самое время, когда послѣ продолжительнаго труда начиналъ уже пожинать зрѣлый плодъ мира, съ неприкосновенною властію, въ здра-

вомъ умѣ, былъ пораженъ тѣлеснымъ недугомъ, который до того усилился, что онъ окончилъ свою жизнь за три дня до іюльскихъ Идъ (т.-е. 13 іюля). Тѣло его привезли для погребенія изъ Саксоніи на мѣсто, называемое Бабенбергъ (Бамбергъ), гдѣ его благочестивымъ усердіемъ и ревностію было основано епископство и украшено всѣми церковными принадлежностями. На посвященіе новаго епископа онъ исходатайствовалъ согласіе апостолическаго владыки Бенедикта; а чтобы обезпечить его положеніе, подтвердилъ торжественно своею властью его привилегіи. Послѣ кончины императора, государство, потерявъ въ немъ отца, какъ будто опустѣло и на короткое время поколебалось. Добрымъ людямъ причинило то страхъ и заботу, а злые радовались, что имперія была потрясена. Но, къ счастію, божественное провидѣніе ввѣрило якорь церкви первосвятителямъ и правителямъ, какихъ только можно было желать въ то время, чтобы привести отечество безъ треволненій въ пристань спокойствія. Такъ какъ умершій императоръ не оставилъ послѣ себя сыновей, то каждый свѣтскій властитель, хотя бы онъ славился болѣе силою, чѣмъ умомъ, старался сдѣлаться первымъ. или, по крайней мѣрѣ, вторымъ послѣ перваго. Поэтому все почти королевство подверглось раздорамъ, такъ что во многихъ мѣстахъ распространились бы убійства, пожары и грабительства, если бы ихъ не успѣли потушить энергическія дѣйствія знаменитыхъ мужей. Королева Кунигунда, вдова Гейнриха II. хотя и не обладала мужескими силами, однако, по совѣту своихъ братьевъ, Теодорика, епископа Метцскаго, и Гецило, герцога Баваріи, по своимъ средствамъ поддерживала государство, и направляла весь свой умъ и заботы на возстановленіе имперіи.

При этомъ будетъ кстати здѣсь перечислить поименно первосвятителей и свѣтскихъ князей, имѣвшихъ въ то время силу въ государствѣ, и избирать—

Quorum consiliis consuevit Francia reges [1]).

Слѣдуетъ списокъ поименный 12 архіепископовъ и епископовъ съ прибавленіемъ къ каждому эпитетовъ: „добрый", „дѣятельный", „благочестивый", „смиренный" и т. д.; только при имени аугсбургскаго епископа Бруно сказано: „разсудителенъ и здравоуменъ, если бы не запятналъ себя ненавистью къ брату" (т.-е. имп. Гейнриху II). Далѣе, германскіе князья, о которыхъ, по словамъ автора, онъ не знаетъ ничего, кромѣ ихъ именъ; итальянскихъ пропускаетъ, потому что они не участвовали въ избраніи и подчинились позже; не говоритъ и о бургундскихъ, потому что Бургундія была окончательно присоединена къ имперіи только при Гейнрихѣ III; по той же причинѣ, замѣчаетъ авторъ, опущены имъ и князья Венгріи. Затѣмъ, біографъ приступаетъ къ дѣлу, и съ слѣдующей главы говоритъ о самомъ ходѣ избранія Конрада II.

2. На рубежѣ владѣній Майнца и Вормса находится мѣстность удобная и выгодная по своей обширности и ровности, для помѣщенія

---

[1]) „Которыхъ совѣтомъ привыкла Францiя королей" избирать. Авторъ цитируетъ стихъ какого-то древняго поэта, когда подъ Францiею разумѣли вообще землю франковъ.

огромнаго числа людей, а острова (на Рейнѣ), лежащіе въ сторонѣ, весьма полезны для обсужденія секретныхъ дѣлъ; впрочемъ, о названіи (Камба) и расположеніи этой мѣстности я предоставляю говорить топографамъ, самъ же возвращаюсь къ начатому мною. И такъ, когда собрались всѣ примасы и, такъ сказать, силы и внутренности государства, они расположились лагеремъ по сю и по ту сторону Рейна. Такъ какъ эта рѣка отдѣляетъ Галлію отъ Германіи, то со стороны Германіи собрались туда саксы съ своими сосѣдями славянами, франки восточные, норики и аллеманы, со стороны же Галліи соединились франки, обитавшіе на Рейнѣ, рипуаріи, и лотаринги [1]). Дѣло шло о важномъ вопросѣ; избраніе было сомнительно; находясь между страхомъ и надеждою, они успѣли, наконецъ, развѣдать обоюдныя желанія, и вступили въ продолжительное совѣщаніе другъ съ другомъ. А совѣщаться было нужно не о маловажномъ дѣлѣ, такъ что если бы оно не переварилось предварительно въ пламенной груди, то привело бы государственный организмъ къ совершенному разстройству. Выражусь по этому случаю общеупотребительными поговорками [1]): „Нужно хорошо пережевывать пищу во рту, потому что проглоченная цѣликомъ причиняетъ вредъ“; или: „Лекарство нужно ставить предъ глазами, и тщательно заготовлять его“. Такимъ образомъ, послѣ долгихъ совѣщаній о томъ, кому слѣдуетъ быть королемъ, когда одного устранялъ отъ выбора возрастъ, или чрезмѣрно незрѣлый, или слишкомъ преклонный, другой не былъ извѣстенъ никакою доблестью, а нѣкоторые успѣли уже обнаружить свою неспособность — князья рѣшили изъ многихъ выбрать немногихъ, и изъ числа послѣднихъ остановились только на двухъ; по тщательномъ обсужденіи своего строгаго выбора, верховные владыки дошли до единства въ мнѣніяхъ. Было въ то время два *Куно* [2]); одинъ изъ нихъ, какъ старшій лѣтами, назывался Куно старшій, а другой — Куно младшій; оба они происходили изъ знаменитѣйшаго рода во Франціи Тевтонской (т.-е. Франконіи), родившись отъ двухъ братьевъ, изъ которыхъ одинъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Гецило, а другой Куно; эти же, въ свою очередь, родились отъ Оттона, герцога франковъ, вмѣстѣ съ двумя другими — Бруно и Вильгельмомъ; первый изъ нихъ сдѣлался впослѣдствіи папою апостольскаго престола римской церкви, подъ именемъ Григорія (V), Вильгельмъ же, поставленный епископомъ Страсбургской церкви, возвысилъ ее удивительнымъ образомъ. Оба эти Куно, бывъ, какъ я сказалъ, благороднѣйшими по мужской линіи, не менѣе славились своимъ происхожденіемъ

---

[1]) Авторъ употребляетъ отчасти древнюю номенклатуру географіи, какъ напр.: *норики*, вмѣсто каринтійцы, *рипуарскіе франки*, вмѣсто того, чтобы сказать: брабантцы, жители Фландріи.

[2]) Авторъ славился умѣньемъ составлять риѳмованныя поговорки, proverbia; см. о томъ ниже, въ примѣчаніи къ этой статьѣ.

[3]) *Chuono*, *onis*, лат. форма имени Конрадъ. Оба эти Конрада были двоюродные братья. Ихъ дѣдъ Оттонъ, герцогъ Каринтіи, родился отъ Конрада герцога Лотарингіи, женатаго на дочери Оттона В., Лiудгардѣ. См. о немъ выше, у Росвиты, на стр. 462

и по женской линіи. Мать младшаго Куно, Матильда, родилась отъ дочери Бургундскаго короля Конрада; Аделаида же, мать Куно старшаго, происходила изъ знаменитой фамиліи въ Лотарингіи, и была сестрою графовъ Гергарда и Адальберта, которые, ведя постоянную борьбу съ королями и герцогами, едва, наконецъ, примирились съ свойственникомъ своимъ, королемъ Конрадомъ; родители ихъ, говорятъ, вели свое происхожденіе отъ древняго рода Троянскихъ царей, и при блаженномъ Ремигіѣ исповѣдникѣ (кон. V в.) склонили свои выи подъ иго вѣры. Остальные чины (nobilitas) долго колебались въ нерѣшительности, кому изъ этихъ двухъ Куно отдать предпочтеніе — старшему, или младшему; и хотя въ тайныхъ помыслахъ и душевномъ желаніи всѣ почти были расположены въ пользу Куно старшаго, уважая въ немъ его мужество и справедливость, но въ тоже время, принимая въ соображеніе могущество младшаго и опасаясь, что честолюбіе можетъ привести къ разрыву, каждый старался всѣми мѣрами скрыть свое мнѣніе. Наконецъ, божественное Провидѣніе устроило такъ, что они сами договорились другъ съ другомъ, какъ только было то возможно въ такомъ щекотливомъ вопросѣ, что тотъ, кого превознесетъ большинство собранія, безъ сопротивленія уступитъ другому.

Считаю достойнымъ привести ту рѣчь, въ которой Куно старшій выказалъ свой умъ, и говорилъ такъ не потому, чтобы самъ онъ не надѣялся сдѣлаться королемъ, — онъ думалъ, что Богъ то внушитъ сердцу князей—но ему было желательно укрѣпить духъ своего родственника, чтобы онъ не смущался въ послѣднюю минуту. Все это онъ выразилъ въ слѣдующей превосходной рѣчи: „Радость въ счастіи позволительна; она не нарушаетъ солидности человѣка, напротивъ, она препятствуетъ ему остаться неблагодарнымъ за пріобрѣтенныя блага; ибо какъ вредно малодушіе въ тяжелыхъ обстоятельствахъ, и какъ оно влечетъ за собою еще бо̀льшее зло, такъ приличная радость въ счастьи приводитъ человѣка къ бо̀льшему добру; поэтому мало имѣетъ цѣны тотъ плодъ пріобрѣтеннаго благополучія, который не питаетъ нашу душу въ ея стремленіяхъ умѣреннымъ весельемъ. Я чувствую, что бодрость моего духа возрасла отъ радости при одной мысли, что въ такомъ многочисленномъ собраніи выборъ остановился на насъ двухъ съ тѣмъ, чтобы одного возвысить въ королевское достоинство. Впрочемъ, мы не должны думать, что своею знатностью или богатствомъ мы превосходимъ своихъ ближнихъ; точно также намъ не слѣдуетъ гордиться предъ ними, какъ будто мы своими рѣчами или поступками совершили что нибудь достойное выпадающей на нашу долю чести. Предки наши доказывали свою славу болѣе дѣлами, чѣмъ словами; въ обыкновенной жизни каждому слѣдуетъ довольствоваться равнымъ съ другими. Но каковы бы ни были причины, по которымъ намъ отдаютъ преимущество предъ прочими, за это мы должны благодарить виновника всего, Господа. Намъ должно подумать о томъ, чтобы родственная и домашняя распря не сдѣлала насъ недостойными той чести, которую мы получили, благодаря согласію постороннихъ, и вообще безразсудно было бы распорядиться чужою властью, какъ будто бы она была наша собственная.

Во всякомъ избраніи никто не долженъ произносить сужденія о самомъ себѣ, а можетъ судить лишь о другомъ. Если бы каждый позволялъ себѣ имѣть о себѣ собственное мнѣніе, то сколько бы у насъ явилось, не говорю королей, а корольковъ? Не въ нашей власти было изъ многихъ выбрать въ это достоинство только двухъ. Желанія, заботы, единодушіе, словомъ, что только имѣли наилучшаго въ своей волѣ франки, лотаринги, саксы, норики, аллеманы—сосредоточилось около насъ, какъ около вѣтвей одного корня, какъ потомковъ одной фамиліи, и какъ неразрывныхъ родственниковъ; никому изъ нихъ и въ голову не приходило, чтобы такія многочисленныя связи могли быть порваны враждою.

То, что природа связала, должно быть связано вмѣстѣ;
Что началося родствомъ, то въ дружбу она обращаетъ.

„Если мы воспрепятствуемъ другъ другу въ достиженіи предлагаемой чести, иначе говоря, если станемъ спорить другъ съ другомъ, то можно ожидать, что народъ покинетъ насъ, и изберетъ себѣ какого нибудь третьяго; чрезъ это мы только лишимся высшихъ почестей, но—что хуже для насъ самой смерти—потеряемъ всю добрую славу, и впадемъ въ презрѣніе, какъ будто мы, не желая уступить другъ другу первенство (что я считаю совершенно неприличнымъ для кровныхъ), не имѣли нисколько доблести, чтобы удержать за собою верховную власть. Мы стоимъ уже вблизи величайшей почести, и теперь дѣло въ томъ, захотимъ-ли мы сами, чтобы она кому изъ насъ двухъ досталась. А мнѣ кажется, что если власть сосредоточится въ одномъ изъ насъ, то и другой нѣкоторымъ образомъ сдѣлается ея участникомъ. Ибо, какъ отъ королей разливаются королевскія почести и на ихъ родственниковъ, хотя эти послѣдніе сами и не короли, такъ и тѣ, которые были призваны и предназначены къ избранію въ короли, хотя бы они и не достигли этого достоинства, все же не лишаются той чести, которая вытекаетъ сама собою изъ ихъ избранія въ кандидаты, такъ какъ и для того, чтобы быть кандидатомъ, нельзя не имѣть заслугъ.

„Кромѣ того, если чрезъ королей пользуются уваженіемъ и ихъ родственники, если притомъ всѣ желаютъ, чтобы мы были согласны между собою, какъ всѣ были согласны относительно насъ, такъ что возвышеніе одного зависѣло отъ другого, то, кто можетъ быть счастливѣе насъ: одинъ будетъ царствовать, а другой скажетъ себѣ, что царствующій получилъ свою власть отъ меня одного? Будемъ же осмотрительны, чтобы намъ не пришлось предпочесть своему чужого, и неизвѣстнаго извѣстному, и чтобы сегодняшній день, столь радостный и счастливый для насъ, по случаю нашего избранія, не обратился въ день продолжительнаго несчастія, если мы дурно воспользуемся тою благосклонностью, которою почтилъ насъ народъ. Возлюбленнѣйшій изъ всѣхъ моихъ родственниковъ! Чтобы, съ своей стороны, не подать повода къ чему нибудь подобному, я намѣренъ высказать тебѣ прямо то, что я думаю относительно тебя. Какъ только я узнаю, что воля народная призываетъ тебя, и тебя желаетъ имѣть своимъ господиномъ и королемъ, то не только не буду стараться

какимъ нибудь злымъ умысломъ устранить отъ тебя этого достоинства, но даже самъ подамъ голосъ за тебя и притомъ тѣмъ съ бòльшею охотою предъ другими, что разсчитываю на твою благодарность болѣе другихъ. Если же Богъ обратитъ свое лицо на меня, то я не сомнѣваюсь въ томъ, что ты заплатишь мнѣ тѣмъ же".

На эти слова Куно младшій отвѣчалъ, что онъ совершенно согласенъ съ этимъ мнѣніемъ, и дастъ клятву въ вѣрности государю, какъ любезному своему родственнику, если на его долю выпадетъ верховная власть. При этихъ словахъ, Куно старшій, въ виду многочисленныхъ зрителей, наклонясь нѣсколько къ своему родственнику, поцѣловалъ его; этотъ поцѣлуй показалъ, что они оба даютъ согласіе въ пользу другъ друга. Видя подобный знакъ дружелюбія, князья возсѣли, толпы же народа стояли вокругъ:

> Радостно каждому было помыслить, что время настало
> Высказать ясно предъ всѣми, что въ сердцѣ таилось до тѣхъ поръ.

Когда народъ обратился съ просьбою къ архіепископу Майнцскому, который первый долженъ былъ высказать свое мнѣніе по поводу избранія, онъ отъ полноты сердца, громкимъ голосомъ, объявилъ и избралъ Конрада старшаго своимъ государемъ и королемъ, правителемъ и защитникомъ отечества. Мнѣніе это приняли, безъ всякаго прекословія, всѣ архіепископы и остальные духовные чины. Младшій Куно, послѣ короткаго совѣщанія съ лотарингами, поспѣшно вернулся отъ нихъ и, съ выраженіемъ особеннаго радушія, выразилъ свое согласіе на избраніе старшаго Куно государемъ и королемъ; король же, подозвавъ его къ себѣ движеніемъ руки, посадилъ рядомъ съ собою. Вслѣдъ за тѣмъ, всѣ области по-одиночкѣ стали повторять другъ за другомъ то же самое; раздались крики народа; всѣ, за одно съ властями, изъявляли свое полное и единодушное согласіе на избраніе старшаго Куно; настаивая на томъ, они, ни мало не колеблясь, признавали его главою всѣхъ правящихъ, считая его мужемъ вполнѣ достойнымъ королевской власти и, требуя, чтобы надъ нимъ совершенъ былъ, какъ можно скорѣе, обрядъ посвященія. Вышеупомянутая императрица Кунигунда радушно поднесла Куно королевскія регаліи, оставленныя ей императоромъ Гейнрихомъ, и, насколько она могла по своему полу, поощряла его къ принятію правленія. Я вполнѣ убѣжденъ, что это избраніе не обошлось безъ участія небесныхъ силъ, потому что Куно былъ выбранъ изъ числа лицъ, имѣвшихъ одинаковую съ нимъ силу, изъ числа такихъ же герцоговъ и маркграфовъ, какъ и онъ, безъ всякой зависти и раздора, хотя онъ никому не уступалъ своимъ происхожденіемъ, мужествомъ и добродѣтелями, но тѣмъ не менѣе, сравнительно съ указанными выше лицами, въ обществѣ онъ мало имѣлъ состоянія и власти (parum beneficii et potestatis). Конечно, архіепископъ Кёльнскій и герцогъ Фридерикъ, съ нѣкоторыми другими лотарингами, держа, какъ говорятъ, сторону младшаго Куно, а болѣе по внушенію тайнаго врага мира—дьявола, разошлись недовольные избраніемъ, но въ скоромъ времени и они начали заискивать милости у короля—кромѣ тѣхъ изъ нихъ, которые умерли—и съ благо-

дарностью принимали отъ него все, чѣмъ онъ ихъ ни почтилъ. Архіепископъ же Пилегринъ, какъ бы желая загладить свою виновность предъ королемъ, просилъ у него позволенія вѣнчать на царство королеву въ кельнской церкви. О ней я скажу послѣ, а теперь возвращусь къ королю. Дѣйствительно, онъ былъ избранъ по соизволенію божію, и доказательствомъ тому послужило все, что впослѣдствіи онъ заслужилъ у людей. Былъ же онъ человѣкомъ великаго смиренія, предусмотрителенъ, правдивъ словомъ, крѣпокъ дѣломъ, безъ малѣйшей скупости, а щедростью превосходилъ всѣхъ королей; впрочемъ, подробнѣе его характеръ я опишу послѣ. Считаю нужнымъ замѣтить только одно, что, во всякомъ случаѣ, не могло обойтись безъ того, чтобы онъ не былъ избранъ властителемъ, и притомъ величайшимъ изъ всѣхъ, такъ какъ въ немъ совмѣщались величайшія доблести. Если написано: „Смиреніе предшествуетъ славѣ", то и онъ по правдѣ сталъ впереди всѣхъ славныхъ міра сего, и къ нему благоволила царица добродѣтелей. Поэтому было бы беззаконно, если бы кто нибудь захотѣлъ бороться на землѣ съ тѣмъ, кому всемогущій Богъ предопредѣлилъ повелѣвать всѣми.

3. Послѣ того, какъ выборъ былъ конченъ, король отправился въ Майнцъ, гдѣ долженъ былъ принять святое помазаніе, и куда спѣшили всѣ съ величайшею быстротою. Всѣ шли, радуясь; клерики пѣли псалмы, пѣли и міряне, каждый по своему; я и не слыхивалъ, чтобы Богъ въ одинъ день и въ одномъ мѣстѣ получилъ столько похвалы себѣ отъ людей. Если бы ожилъ самъ Карлъ Великій и явился со скипетромъ въ рукѣ, то и тогда бы народъ не выразилъ бы большаго восторга, и не обрадовался бы столько возвращенію того мужа, сколько онъ торжествовалъ прибытіе новаго короля. Наконецъ, король въ Майнцѣ; пріемъ его совершился съ подобающею честью, а затѣмъ онъ изготовился съ смиреніемъ къ своему посвященію, нетерпѣливо ожидаемому всѣми.

Къ этой церемоніи, въ день рождества св. Маріи (8 сент. 1024), явились архіепископъ Майнцскій [1]) и весь клиръ, и при святомъ помазаніи, архіепископъ произнесъ слѣдующаго рода рѣчь: „Всякая власть этого преходящаго міра происходитъ изъ одного чистѣйшаго источника, но нерѣдко случается, что ручьи, берущіе свое начало изъ одного и того же мѣста, въ иное время бываютъ мутными, а въ иное—чистыми, хотя главный ихъ источникъ одинаково во всѣ времена остается невозмутимымъ и свѣтлымъ. Точно такимъ же образомъ, на сколько человѣку дозволено сравнивать творца и твореніе, мы можемъ сопоставить Бога, безсмертнаго царя, и земныхъ властителей. Въ писаніи же сказано: „Всякая власть отъ Бога". Этотъ всемогущій царь царей, виновникъ и источникъ всякой славы, по своей милости, поставляя властителей надъ всякою страною, ущедряетъ ихъ благодатію, смотря потому, на сколько природа ихъ подходитъ къ чистой и свѣтлой природѣ божества. Если же столь

---

[1]) Арибонъ, родомъ изъ Каринтіи, „мужъ благороднаго происхожденія и большого ума, говоритъ авторъ въ своемъ спискѣ духовныхъ князей (гл. 1), для королевскихъ же совѣтовъ полезный".

высокій санъ выпадетъ на долю такихъ лицъ, которыя будутъ недостойно проходить свое званіе и запятнаютъ его высокомѣріемъ, ненавистію, плотскими удовольствіями, корыстью, вспыльчивостію, гнѣвомъ и жестокостію, то какъ имъ, такъ и ихъ подданнымъ, предстоитъ испить чашу неправды, если только они не очистятъ себя покаяніемъ. Да вознесетъ молитву къ Господу вся церковь святыхъ, и да будетъ услышана молитва ея о томъ, чтобы государь нашъ Конрадъ сохранилъ, на сколько то дано человѣку, незапятнаннымъ санъ, который даруетъ ему Богъ чистымъ нынѣшній день. Государь! Къ тебѣ и для тебя наша рѣчь. Господь, избравшій тебя королемъ своего народа, самъ восхотѣлъ предварительно подвергнуть тебя испытанію и потомъ вручить тебѣ власть: Онъ удостоиваетъ наказанія всякаго, кого пріемлетъ; ему бываетъ угодно сначала унизить того, кого Онъ положилъ возвысить. Такъ Богъ унизилъ раба своего Авраама, и, унизивъ, прославилъ. Такъ допустилъ онъ рабу своему Давиду, котораго впослѣдствіи сдѣлалъ знаменитѣйшимъ царемъ во Израилѣ, претерпѣть гнѣвъ царя Саула, его преслѣдованіе, зависть; по допущенію божію, Давидъ долженъ былъ скрываться отъ Саула въ пещерѣ, спасаться бѣгствомъ и оставить отечество. Счастливъ тотъ человѣкъ, который перенесетъ испытаніе, потому что онъ будетъ увѣнчанъ. Не безъ причины Богъ испытывалъ и тебя, содѣлавъ теперь плодъ испытанія сладкимъ. Онъ попустилъ тебя лишиться милости предшественника твоего, императора Гейнриха, и опять получить ее съ тѣмъ, чтобы чрезъ то ты научился миловать тѣхъ, которые теряютъ твою милость, чтобы ты могъ переносить обиды и съумѣлъ въ настоящую минуту быть милостивымъ къ виновнымъ предъ тобою; воля божія восхотѣла оставить тебя несвѣдущимъ въ наукѣ [1]), чтобы ты, получивъ впослѣдствіи небесное наставленіе, пріобрѣлъ христіанскую имперію. Ты сталъ на высочайшую степень величія; ты—намѣстникъ Христовъ. А таковымъ лицемъ никто не можетъ быть, какъ только тотъ, кто дѣйствительно подражаетъ Ему: на этомъ царскомъ тронѣ ты мысли о вѣчной славѣ. Велико счастіе царствовать въ мірѣ, но несравненно больше быть увѣнчаннымъ на небесахъ. Въ то время, какъ Богъ потребуетъ отъ тебя во многомъ отчета, онъ больше всего пожелаетъ того, чтобы ты творилъ судъ, правду и миръ отечеству, всегда обращающему къ тебѣ свои взоры, былъ защитникомъ церкви и клира, заступникомъ вдовъ и сиротъ; посредствомъ этихъ и подобныхъ тому благочестивыхъ подвиговъ упрочится за тобою престолъ теперь и навсегда. А въ эти минуты, государь, вся святая церковь вмѣстѣ со мною проситъ у тебя милости за тѣхъ, которые нѣкогда оказались виновными предъ тобою и лишились твоего благоволенія, оскорбивъ тебя. Между ними есть одинъ человѣкъ, благороднаго происхожденія, по имени Оттонъ. Какъ за него, такъ и за всѣхъ другихъ мы просимъ твоей милости; будь къ нимъ милосерднымъ изъ любви къ Господу, котораго, ради сегодня, сталъ ты другимъ человѣкомъ и содѣлался при-

---

[1]) Какъ видно изъ послѣдующихъ словъ біографа (гл. 6), Конрадъ II былъ просто безграмотенъ.

частникомъ божества; да отпустится и тебѣ равномѣрно за твои прегрѣшенія“.

Растроганный этою рѣчью и подвигнутый къ состраданію, король тяжело вздыхалъ и, чему съ трудомъ можно вѣрить, проливалъ слезы. Послѣ того, такъ какъ епископы и герцоги со всѣмъ народомъ настаивали на томъ-же, онъ простилъ всѣхъ, кто чѣмъ либо былъ виновенъ предъ нимъ. Народъ съ благодарностью услышалъ о томъ, и всѣ отъ радости проливали слезы, бывъ тронуты объявленными милостями короля:

Было-бъ желѣзное сердце того, кто не тронулся-бъ, видя,
Какъ великая власть не помнитъ великихъ проступковъ.

Конрадъ могъ бы отмстить за всѣ оскорбленія въ томъ случаѣ, если бы онъ никогда не сдѣлался королемъ, но пріобрѣтенное имъ могущество не оставляло мѣста для мщенія.

По окончаніи священнодѣйствія и посвященія, совершеннаго самымъ торжественнымъ образомъ, король вышелъ; и какъ читаемъ о царѣ Саулѣ, онъ, превышая всѣхъ головою, какъ бы преобразованный невиданнымъ до того образомъ, съ веселымъ лицомъ, сопровождаемый священною свитою, шелъ благородною поступью во внутренніе покои. Оттуда съ королевскою честію онъ отправился на обѣдъ, и первый день вступленія на престолъ провелъ самымъ торжественнымъ образомъ.

4. Не считаю нужнымъ говорить о присягѣ, которую давали королю, потому что часто приходится слышать разсказы о томъ, какъ всѣ епископы, герцоги и прочіе князья, старшіе и простые вассалы (milites primi, milites gregarii), и даже простые люди (ingenui), если имѣютъ какое нибудь значеніе, присягаютъ вообще королямъ; объ одномъ, впрочемъ, упомяну: всѣ присягали этому королю съ большею, чѣмъ кому-либо, искренностію и охотою. Также точно нѣтъ нужды долго останавливаться на составѣ двора, кого король сдѣлалъ майордомомъ (majorem domus), кого поставилъ главою постельничихъ, кого ловчимъ или кравчимъ, и т. д.; а скажу и объ этомъ коротко: я не помню, и мнѣ не случалось читать разсказовъ о составѣ двора кого либо изъ его предшественниковъ, который былъ бы лучше и болѣе блестящъ. Въ этомъ отношеніи много было сдѣлано совѣтами и умомъ Аугсбургскаго епископа, Бруно, Верингарія, епископа Страсбургскаго, и Верингарія вассала, котораго король зналъ съ давнихъ поръ, какъ человѣка, отличавшагося предусмотрительностію въ совѣтахъ, и неустрашимостію на войнѣ. Кромѣ указанныхъ нами лицъ, славилась умомъ и совѣтомъ его возлюбленная супруга Гизела. Отецъ ея былъ Гериманнъ, герцогъ Алеманніи, а мать Кербирга, дочь Конрада (III), короля Бургундіи, которая происходила изъ фамиліи Карла Великаго. Отъ того одинъ изъ нашихъ въ своемъ сочиненіи, названномъ *Тетралогъ* [1]), и впослѣдствіи поднесенномъ королю Гейнриху III,

---

[1]) Этотъ „одинъ изъ нашихъ“ былъ самъ авторъ. См. ниже примѣчаніе.

когда онъ въ Страсбургѣ праздновалъ день рождества Христова, помѣстилъ, между прочимъ, слѣдующіе стихи [1]):

Если напишешь четвертую линію послѣ десятой,
То и получишь Гизелы родство и великаго Карла.

Но бывъ столь славною по своему происхожденію, своей весьма красивой наружности, она нисколько не была заносчива; воспитанная въ страхѣ божіемъ, была она привѣтлива ко всякому, постоянно раздавала милостыню, и старалась дѣлать то втайнѣ, помня слово евангельское — не творить добра предъ человѣками. Она была необыкновенно щедра (liberalis ingenii), искусна, любила добрую славу, но не похвалы, отличалась стыдливостію, терпѣливо занималась женскими работами, презирая всякія пустыя развлеченія; а потому была охотница заниматься добрыми и полезными дѣлами, обладала большими богатствами, и умѣла вести себя съ особеннымъ достоинствомъ. Зависть нѣкоторыхъ личностей, которыя часто любятъ коптить все, что̀ надъ ними, послужила на нѣсколько дней препятствіемъ къ ея посвященію въ королевы. Впрочемъ справедливо-ли, или несправедливо, испытала она ту ненависть, это вопросъ; но мужественный характеръ въ женщинѣ, одержалъ, наконецъ верхъ, и она, получивъ посвященіе, по согласію и желанію князей, сдѣлалась необходимою спутницею короля. Сказавъ вкратцѣ о королевѣ, обратимся теперь къ прежнему предмету.

5. Приступая къ болѣе обширному описанію дѣяній преславнаго короля Конрада, считаемъ нужнымъ прежде всего сказать о томъ, что онъ совершилъ въ самый день своего посвященія; конечно, все это можетъ показаться бездѣлицей, но оно представляетъ удивительное внутреннее значеніе. Такъ какъ общественная исторія (historia publica) пишется для того, чтобы занимать читателя больше новостію предмета, чѣмъ фигуральными выраженіями, то и я полагаю, что въ этомъ случаѣ гораздо лучше изложить въ цѣлости самыя событія, нежели пускаться въ толкованіе таинственнаго ихъ значенія. Во время самой процессіи, при посвященіи явились къ королю трое, каждый съ жалобами: одинъ изъ нихъ былъ крестьянинъ (colonus), принадлежавшій Майнцской церкви, другой — сирота, и еще какая-то вдова. Когда государь сталъ выслушивать причины ихъ жалобъ, то нѣкоторые изъ князей напоминали ему, говоря, что это обстоятельство замедлитъ обрядъ его посвященія и помѣшаетъ внимательно выслушать божественную службу; на это Конрадъ, какъ намѣстникъ Христовъ, по-христіански отвѣчалъ, обративъ взоры свои на епископовъ: „Если мнѣ вручается управленіе государствомъ, и если человѣкъ съ характеромъ обязанъ никогда не откладывать до другого раза то, что можетъ легко сдѣлать на мѣстѣ, то и мнѣ кажется болѣе справедливымъ сдѣлать самое дѣло, нежели идти выслушивать отъ кого-либо проповѣдь о томъ, что̀ мнѣ слѣдуетъ еще сдѣлать. Я помню, какъ вы сами часто говаривали: *оправдываются не слушатели, но творцы закона*. Если же, какъ вы говорите, я долженъ поспѣшать

---

[1]) Ст. 159 и 160.

къ посвященію, то тѣмъ съ большею заботливостью мнѣ слѣдуетъ утверждать свои стопы въ дѣлѣ божіемъ, чѣмъ ближе я подхожу къ возложенію на себя тяжелаго достоинства". Говоря такъ, онъ остановился на томъ мѣстѣ, гдѣ въ первый разъ явились къ нему несчастные, и—

Ставъ неподвижно, началъ творить имъ судъ и расправу.

Едва сдѣлалъ онъ нѣсколько шаговъ впередъ, какъ подходитъ къ нему какой-то человѣкъ, съ жалобою на то, что онъ совершенно безвинно изгнанъ изъ отечества; король, взявъ его за руку, въ виду всѣхъ, притянулъ даже къ своему креслу, и тутъ же поручилъ одному изъ своихъ князей тщательнымъ образомъ изслѣдовать причину его бѣдствія. Счастливо начало царствованія того, кто больше спѣшилъ исполнять законъ, кѣмъ короноваться....

6. Не считаю слишкомъ необходимымъ разсказывать о всѣхъ путешествіяхъ короля, а равно и о томъ, въ какія мѣста онъ каждогодно отправлялся на праздники Рождества Христова и Пасхи; скажу, по своему обыкновенію, только о томъ, что случилось достопримѣчательнаго и особенно важнаго; если же я захотѣлъ бы говорить обо всемъ, то скорѣе обнаружился бы недостатокъ въ моихъ силахъ, нежели въ матеріалѣ. Я прямо приступлю къ тѣмъ замѣчательнѣйшимъ дѣяніямъ короля, которыя представляютъ столько славы, что никто не пожалѣетъ, если я умолчу о менѣе важныхъ. Въ сопровожденіи своей свиты, король Конрадъ отправился въ область рипуаріевъ и прибылъ въ Ахенскій дворецъ, гдѣ находился престолъ древнихъ королей, въ особенности Карла Великаго, и древняя столица всего государства. Возсѣдая тамъ, Конрадъ устроилъ во всемъ превосходный порядокъ; на народномъ собраніи (publico placito) и на всеобщемъ соборѣ (generali concilio), онъ справедливо рѣшилъ и церковныя и свѣтскія дѣла. Слава Конрада вытекала изъ его добродѣтелей; съ каждымъ днемъ онъ дѣлался тверже въ дѣлѣ поддержанія мира, и становился всѣми любимѣе за свое добродушіе, и почтеннѣе за свое управленіе. Хотя онъ и былъ безграмотенъ, но умѣлъ благоразумно управлять духовенствомъ, наружно показывая ему любезность и щедрость, а втайнѣ подчиняя его приличной дисциплинѣ. Свѣтскихъ же вассаловъ (milites) онъ склонилъ на свою сторону главнымъ образомъ тѣмъ, что ни у кого не отнялъ древнія бенефиціи ихъ предковъ (antiqua beneficia parentum [1]). Кромѣ того, его вассалы не могли найти въ цѣломъ мірѣ никого, кто награждалъ бы ихъ такъ часто дарами (donariis) и возбуждалъ бы тѣмъ къ отважнымъ предпріятіямъ. Можно даже заподозрить разсказы о Конрадѣ: такъ онъ былъ щедръ, обходителенъ, твердъ, неустрашимъ, привѣтливъ ко всѣмъ добрымъ людямъ, строгъ къ худымъ, благо-

---

[1]) Это было одно изъ замѣчательнѣйшихъ распоряженій Конрада II, которое утвердило наслѣдственность леновъ въ Германіи, какъ Кьерсійскій капитулярій Карла II Лысаго, еще въ IX вѣкѣ сдѣлалъ тоже самое во Франціи (см. о томъ выше, ст. 13, на стр. 197). Текстъ закона Конрада помѣщенъ въ Monum. Germ. Leg. II, стр. 38 и 39.

склоненъ къ гражданамъ, жестокъ къ врагамъ, неутомимъ въ дѣлахъ; насколько онъ отличался неусыпною дѣятельностью во время своего замѣчательнѣйшаго царствованія, объ этомъ можно судить потому, что весьма скоро никто уже не сомнѣвался, что послѣ временъ Карла Великаго едва-ли кто занималъ королевскій престолъ столь достойнымъ образомъ, какъ Конрадъ. Явилась даже пословица: *У Конрада сѣдло съ стременами Карла* (sella Chuonradi habet ascensoria Caroli). Намекая на эту пословицу, одинъ изъ нашихъ (т.-е. самъ авторъ), въ книжкѣ, названной *Gallinarium*, въ четвертой сатирѣ, вставилъ стихъ такого рода:

Конрадъ король сидитъ въ стременахъ великаго Карла.

Такими добрыми качествами имя государя, или слава его распространилась по окрестнымъ государствамъ и перешла моря; добрыя дѣла Конрада, истекавшія изъ неизчерпаемаго источника, становились все болѣе и болѣе общеизвѣстными. Возвратясь изъ страны рипуаріевъ, онъ отправился въ Саксонію (1025 г.), гдѣ, по желанію саксонцевъ, подтвердилъ своею властью ихъ жестокіе законы. Потомъ потребовалъ дань отъ варваровъ, сопредѣльныхъ съ Саксоніею (т. е. славянъ), и, собравъ должное въ казну, переѣхалъ оттуда въ Баварію и въ восточную Францію (т. е. Франконію) и прибылъ въ Аллеманію. На этомъ пути, заключая союзы и бдительно наблюдая за всѣмъ, онъ крѣпко сплотилъ свое государство.

Въ послѣдующихъ главахъ, отъ 7 до 29, авторъ дѣлаетъ краткій обзоръ важнѣйшихъ событій правленія Конрада II, между 1026 г. и 1032 г. Въ этотъ періодъ времени короля занимали итальянскія дѣла, славянскія, и въ особенности дѣло о наслѣдствѣ бургундскомъ, завѣщанномъ его предшественнику, Гейнриху II. Въ 1026 г., Конрадъ сдѣлалъ походъ въ Италію и усмирилъ жителей Павіи, которые ссылались на то, что короля, которому они присягали, нѣтъ болѣе въ-живыхъ. Конрадъ II отвѣчалъ имъ: „Если король умеръ, то королевство осталось“, и заставилъ ихъ подчиниться. На обратной дорогѣ онъ принудилъ Рудольфа III, короля Бургундскаго, ссылавшагося на такіе же доводы, признать его власть надъ собою. Въ Польшѣ, Болеславъ Храбрый получилъ отъ папы королевскую корону (1025 г.), но вскорѣ за тѣмъ умеръ, и потому Конрадъ, отложивъ подчиненіе его преемника Мизеко II (Мечислава), вторично отправился въ Италію, и въ 1027 г. короновался императорскою короною. Но возстаніе въ Германіи его пасынка, Эрнста Швабскаго, принудило Конрада возвратиться въ Германію; Эрнстъ домогался для себя Бургундіи. Борьба кончилась погибелью пасынка (1030 г.). Вскорѣ послѣ того, умеръ Рудольфъ III Бургундскій (1032 г.), и, не смотря на договоры съ нимъ, его племянникъ Одо, графъ Шампани, овладѣлъ Бургундіею. Это обстоятельство обратило на себя все вниманіе Конрада II, и авторъ останавливается на немъ нѣсколько долѣе, какъ на самомъ важномъ событіи правленія Конрада II.

29. Въ лѣто господне 1032, скончался въ мирѣ Рудольфъ (III) король Бургундскій, дядя императрицы Гизелы [1]); графъ его коро-

[1]) Гизела была дочь Герберги, родной сестры Рудольфа III; она была въ первый разъ за-мужемъ за Гериманномъ, герцогомъ Швабскимъ, и имѣла отъ него сына Эрнста, а вторично за императоромъ Конрадомъ II.

левства (т. е. Шампанскій) и племянникъ Одо, родомъ франкъ, вторгся въ его владѣнія, и захватилъ нѣкоторыя сильнѣйшія крѣпости или города, какъ силою, такъ и хитростію. Впрочемъ, онъ не осмѣливался объявить себя королемъ, но не хотѣлъ и отказаться отъ престола. Разсказывали, какъ онъ часто говаривалъ, что никогда не желалъ бы быть королемъ, но всегда предпочелъ бы оставаться совѣтникомъ короля. Такимъ образомъ, онъ завладѣлъ большею частью Бургундіи, не смотря на то, что престолъ бургундскій уже давно король Рудольфъ клятвенно отказалъ императору Конраду и сыну его королю Гейнриху [1]). Но пока дѣйствовалъ такъ въ Бургундіи графъ (consul) Одо, императоръ Конрадъ оставался съ войскомъ въ землѣ славянской. Чѣмъ онъ былъ занятъ тамъ, и какъ потомъ выгналъ изъ Бургундіи Одо, разскажу по порядку. Болеславъ, герцогъ польскій (Bolanorum), умирая, оставилъ двухъ сыновей — Мизеко и Оттона. Мизеко, преслѣдуя своего брата, изгналъ его въ Русь (Ruzzia). Оттонъ, проживши тамъ нѣсколько времени въ самомъ жалкомъ положеніи, сталъ искать милости императора Конрада, чтобы при его ходатайствѣ и помощи возвратиться въ отечество. Императоръ благосклонно принялъ эту просьбу и составилъ слѣдующій планъ для дѣйствія: самъ онъ съ войсками своими нападетъ на Мизеко съ одной стороны, а съ другой—его братъ, Оттонъ. Мизеко не выдержалъ такого нападенія, убѣжалъ въ Богемію къ герцогу Удальрику, бывшему въ то время въ немилости императора. Удальрикъ—съ цѣлію умилостивить его, рѣшился выдать ему Мизеко; но цезарь отказался отъ такой постыдной сдѣлки, говоря, что онъ не желаетъ покупать врага у врага. Такъ Оттонъ возвратился въ отечество, и императоръ сдѣлалъ его герцогомъ (польскимъ). Но вскорѣ, за неосторожный образъ дѣйствія, одинъ изъ домашнихъ тайно умертвилъ его. Послѣ этого Мизеко всѣми силами старался угодить императрицѣ Гизелѣ и вельможамъ — съ цѣлію снова пріобрѣсти благосклонность императора. Цезарь, по своему добродушію, простилъ его и, раздѣливъ Польшу (provincia Bolanorum) на три части, сдѣлалъ Мизеко тетрархомъ; двѣ же остальныя части поручилъ двумъ другимъ. Такъ, съ уменьшеніемъ власти уменьшилось и безразсудство Мизеко. По смерти Мизеко, сынъ его Газмеръ и до сего времени [2]) вѣрно служитъ императору.

30. Въ лѣто господне 1033, императоръ Конрадъ съ своимъ сыномъ королемъ Гейнрихомъ праздновалъ въ городѣ Страсбургѣ день Рождества Христова. Оттуда, собравши войско, онъ явился въ Бургундію, пройдя Солодаръ (Солотурнъ), и прибылъ въ Патернійскій монастырь (Петерлингенъ). Тамъ, въ день очищенія святой Маріи (февр. 2), онъ былъ избранъ въ короли Бургундіи какъ высшими, такъ и низшими членами, и въ тотъ же самый день коронованъ. Затѣмъ, онъ осадилъ нѣкоторыя крѣпости, захваченныя Одо; впрочемъ необыкновенная суровость тогдашней зимы много помѣшала

---

[1]) Гейнрихъ III былъ коронованъ еще при жизни отца, въ 1028 году.

[2]) Въ 1050 г., онъ оказался непокорнымъ, изъ чего слѣдуетъ, что авторъ писалъ до того времени.

ему. Одинъ изъ нашихъ (т. е. нашъ авторъ) написалъ сто стиховъ по поводу этихъ жестокихъ морозовъ и поднесъ ихъ императору; въ нихъ разсказываются удивительныя вещи; напр., если ноги лошади продавливали землю, нѣсколько растаявшую въ теченіе дня, — это было въ лагерѣ подъ крѣпостью Муратъ (н. Муртенъ) — то ночью они такъ примерзали къ землѣ, что никакимъ образомъ, развѣ только съ помощью топора и лома, можно было освободить ихъ оттуда. А кто не могъ и этого сдѣлать, тотъ такъ и убивалъ своего примерзшаго къ землѣ коня, сдиралъ съ него кожу выше колѣнъ, а остальное бросалъ, какъ есть, вмерзшимъ въ землю. Люди тоже много страдали отъ этой стужи. И юноши, и старцы имѣли одинъ видъ, и днемъ и ночью украшаясь инеемъ; всѣ были сѣды и бородаты, хотя тамъ было много молодыхъ и безбородныхъ. Впрочемъ,—

Это едва ли заставило цезаря снять ту осаду.

Оттуда императоръ перенесъ лагерь къ Турику (н. Цюрихъ). Тамъ многіе изъ бургундцевъ, вдовствующая королева бургундская, графъ Гупертъ и другіе, которые по проискамъ Одо, не могли явиться къ императору въ Бургундію, поспѣшили къ нему чрезъ Италію и возвратились щедро одаренные за свою присягу на вѣрность императору и его сыну, королю Гейнриху.

31. Въ томъ же году (1034), императоръ съ войскомъ пошелъ на графа Одо въ Галлію франкскую, говоря: если Одо несправедливо овладѣлъ въ Бургундіи чужимъ, то теперь онъ долженъ по правосудію божію потерять часть своего. Такимъ образомъ, въ государствѣ короля франковъ, Гейнриха (I), но только въ помѣстьяхъ и бенефиціяхъ Одо, императоръ произвелъ такія опустошенія, что самъ Одо по необходимости явился къ нему просить пощады, обѣщая оставить Бургундію и удовлетворить его по требованію. Такъ возвратился императоръ съ честью для себя и съ позоромъ для Одо.

32. Въ лѣто господне 1034, императоръ праздновалъ Святую Пасху въ Баваріи, въ городѣ Регенсбургѣ. Лѣтомъ того же года, такъ какъ Одо не обращалъ вниманія на прежнія свои обѣщанія и продолжалъ владѣть несправедливо захваченною имъ частью Бургундіи, императоръ Конрадъ быстро вторгся въ Бургундію съ отважными тевтонцами и итальянцами. Съ одной стороны, тевтонцы, съ другой архіепископъ Миланскій Герибертъ и прочіе итальянцы подъ продводительствомъ графа Гуперта изъ Бургундіи, сошлись у рѣки Роны. А императоръ, подойдя къ Женевѣ, подчинилъ себѣ князя этой страны, Герольда, архіепископа Ліонскаго, и многихъ другихъ. На возвратномъ пути онъ осадилъ крѣпость Муратъ, защищаемую храбрыми вассалами Одо, овладѣлъ ею и взялъ въ плѣнъ ея защитниковъ. Прочіе приверженцы Одо, услышавъ о такомъ несчастіи, бѣжали въ страхѣ. Преслѣдуя ихъ, цезарь изгналъ противниковъ изъ государства, и, наконецъ, взявъ заложниковъ у князей Бургундіи, возвратился чрезъ Алзацію (зарейнская Швабія) къ императрицѣ. Еще когда онъ шелъ въ Бургундію, императрица провожала его до Базеля, а потомъ, вернувшись въ Страсбургъ, ожидала тамъ прибытія императора. Въ это время умерла

въ Вормсѣ—гдѣ и погребена, Матильда, дочь императора Конрада и императрицы Гизелы, дѣвица необыкновенной красоты; она была обручена съ Гейнрихомъ (I), королемъ франковъ.

33. Въ то время, какъ императоръ занимался въ Бургундіи вышеупомянутыми дѣлами, сынъ его Гейнрихъ король, хотя еще былъ въ юношескихъ лѣтахъ (17 лѣтъ отъ роду), не хуже отца распоряжался въ Богеміи и прочихъ земляхъ славянскихъ. Быстро покорилъ онъ и Удальрика, герцога Богемскаго, и другихъ противниковъ цезаря, число которыхъ было очень велико; и такимъ образомъ встрѣчая возвращающагося отца, онъ доставилъ народамъ сугубую радость. Потомъ собравши войско изъ саксонцевъ, императоръ пошелъ на такъ называемыхъ лутичей, которые были когда-то полухристіанами, а теперь, благодаря беззаконному своему отступничеству, окончательно стали язычниками, и замѣчательнымъ образомъ прекратилъ непримиримую вражду ихъ съ саксонцами. Между саксонцами и язычниками въ то время происходили постоянные раздоры и набѣги другъ на друга. Цезарь, прибывъ на мѣсто, сталъ разузнавать, чья сторона первая нарушила миръ, который сохранялся столь долгое время. Язычники говорили, что саксонцы первые были виноваты, и что, если согласится цезарь, они готовы доказать то поединкомъ. Саксонцы, съ своей стороны, хотя и несправедливо, старались, однако, опровергнуть язычниковъ и увѣрить императора въ противномъ. Императоръ, по совѣщанію съ своими князьями, довольно неосмотрительно позволилъ рѣшить дѣло поединкомъ. Тотчасъ вышли два борца; тотъ и другой былъ выбранъ своими. Христіанинъ, полагаясь только на вѣру, которая „безъ правыхъ дѣлъ мертва“, и не размысливъ внимательно о томъ, что Богъ, который есть истина, все разсудитъ своимъ правымъ судомъ, что солнце его восходитъ одинаково надъ добрыми и злыми, а дождь ниспадаетъ на праведныхъ и неправедныхъ, гордо вышелъ на битву. Язычникъ же противопоставилъ ему смѣло сознаніе справедливости своего дѣла, за которое дрался. И вотъ, христіанинъ палъ, сраженный язычникомъ. Послѣ того, язычники такъ ободрились и одушевились, что тотчасъ напали бы на христіанъ, если бы не было тамъ императора. Императоръ же построилъ крѣпость Вирбину (Бирбенъ) для защиты страны отъ ихъ набѣговъ. Въ ней онъ помѣстилъ гарнизонъ, клятвою и императорскимъ приказомъ обязавъ князей Саксоніи единодушно противиться язычникамъ, и затѣмъ возвратился во Францію (т.-е. Франконію).

Въ слѣдующемъ году (1035), язычники взяли эту крѣпость обманомъ и избили многихъ изъ нашихъ, находившихся въ ней. Это заставило императора снова отправиться съ войскомъ къ рѣкѣ Эльбѣ. Язычники препятствовали переправѣ, но императоръ тайно перевелъ часть войска черезъ другой бродъ. Обративши враговъ въ бѣгство и освободивъ берегъ, онъ вошелъ во внутренность страны и до такой степени смирилъ ихъ страшными опустошеніями и пожарами, за исключеніемъ мѣстъ, неудобныхъ къ завоеванію, что они съ избыткомъ заплатили императору Конраду дань, наложенную прежними императорами. Много трудовъ положилъ, какъ прежде, такъ и въ

то время императоръ Конрадъ на славянское племя. Одинъ изъ нашихъ (т.-е. нашъ авторъ) изложилъ въ стихахъ перечень этихъ трудовъ и поднесъ императору. Тамъ находится разсказъ о томъ, какъ императоръ, стоя по поясъ въ болотѣ, сражался самъ и убѣждалъ сражаться воиновъ, и какъ потомъ, побѣдивши язычниковъ, онъ жестоко умерщвлялъ ихъ за одно ихъ гнусное суевѣріе. Разсказываютъ, что когда-то эти язычники злодѣйски издѣвались надъ деревяннымъ изображеніемъ распятаго Господа нашего І. Христа: плевали на него, били по ланитамъ и, наконецъ, исторгли глаза и обрубили руки и ноги. Мстя за это, императоръ порубилъ громаднѣйшее число плѣнныхъ язычниковъ, примѣняясь въ казни къ тому, какъ они рубили изображеніе Христово, и истреблялъ ихъ смертію различнаго рода. Въ означенныхъ стихахъ цезарь за это названъ „мстителемъ за вѣру" и сравненъ съ римскими государями Титомъ и Веспасіаномъ, которые, въ отмщеніе за Господа, проданнаго іудеями за 30 денаріевъ, положили, за каждую монету по 30 іудеевъ. Возвратившись, императоръ нашелъ въ своемъ государствѣ нѣкоторые безпорядки и силою своей власти уничтожилъ ихъ. Въ этомъ же году Адальбертъ, герцогъ Каринтіи, потерявъ расположеніе императора, былъ лишенъ своего достоинства и отправленъ въ ссылку.

34. Въ это же время (1035 г.) въ Италіи произошло великое и неслыханное въ новѣйшія времена волненіе, вслѣдствіе клятвенныхъ заговоровъ (conjurationes) *народа* [1]) противъ князей. Всѣ вальвассоры (valvasores: отъ *val*, городская стѣна, и *vassus*, вассалъ, т.-е. подданные горожане) и мелкіе вассалы gregarii milites) составили заговоръ противъ своихъ господъ (dominos), всѣ нисшія противъ высшихъ, не желая ничего отъ нихъ терпѣть противъ своихъ желаній, безъ отмщенія. Они говорили: „Если ихъ императоръ не хочетъ придти, то они сами добудутъ себѣ законъ." Когда извѣстили о томъ императора, онъ, говорятъ, сказалъ: „Если только Италія алчетъ закона, то—

Съ божіей помощью, досыта я накормлю ихъ закономъ".

И приготовясь, въ слѣдующемъ году (1036), Конрадъ вступилъ въ Италію съ войскомъ. Между тѣмъ князья Италіи, зная, что не вполнѣ созрѣвшій заговоръ можетъ погубить заговорщиковъ, вступили въ переговоры съ младшими вассалами и старались напередъ

---

[1]) До XI вѣка, какъ мы видѣли постоянно, всѣ составители хроникъ употребляютъ слово populus, *народъ*, въ смыслѣ одного феодальнаго сословія, а что мы разумѣемъ подъ этимъ словомъ, называютъ plebs. Нынѣшній разъ авторъ подъ словомъ *народъ* разумѣетъ массу городского населенія, и, дѣйствительно, это былъ первый случай возстанія итальянскихъ городовъ противъ бароновъ, а потому авторъ и прибавляетъ, что это было modernis temporibus *inaudita* confusio, т.-е. *неслыханное* въ новѣйшее время волненіе. Такимъ образомъ, нашъ авторъ, самъ того не сознавая, отмѣтилъ подъ 1035 г. появленіе первыхъ признаковъ средневѣковой *коммюны*, назвавъ ее *conjuratio*, клятва, что въ Галліи называлось *communio*, пріобщеніе; откуда и самое названіе факта.

прекратить это новое зло убѣжденіями и увѣщаніями, а когда это не удалось, прибѣгли къ силѣ; но народъ (minores) однимъ натискомъ своей невѣроятной громады побѣдилъ ихъ въ началѣ сраженія. При этомъ погибъ недостойно своего сана епископъ г. Асти, прочіе же обратились въ бѣгство и въ смятеніи съ прискорбіемъ ждали прихода императора.

35. Въ лѣто господне 1036, король Гейнрихъ, сынъ императора, взялъ въ супружество Кунегильду, дочь англійскаго короля Канута (Chnuto), и сдѣлалъ ее королевою, послѣ торжественнаго бракосочетанія. Въ томъ же году, какъ сказано, императоръ Конрадъ съ своимъ сыномъ, королемъ Гейнрихомъ, пошелъ съ войскомъ въ Италію, и въ Веронѣ праздновалъ Рождество Христово, въ 1037 году отъ воплощенія господня. Оттуда онъ отправился въ Миланъ и былъ великолѣпно встрѣченъ архіепископомъ Герибертомъ въ церкви св. Амвросія. Въ этотъ самый день, не знаю по чьему наущенію, народъ миланскій едва не произвелъ опаснаго возстанія, требуя отъ императора отвѣта, желаетъ-ли онъ принять подъ свое покровительство ихъ *заговоръ* (conjuratio, т.-е. коммюну). Вслѣдствіе того императоръ предписалъ, чтобы всѣ собрались на сеймъ (generale colloquium) въ Павію. Когда это было исполнено, императоръ, не смотря на все сопротивленіе, издалъ свой законъ. Нѣкто графъ Гуго и многіе другіе итальянцы, на этомъ же самомъ сеймѣ (placitum), обвиняли архіепископа Миланскаго въ различныхъ оскорбленіяхъ. Императоръ, призвавъ архіепископа, приказалъ ему удовлетворить всѣхъ недовольныхъ. Но такъ какъ архіепископъ не соглашался, то императоръ понялъ, что именно по его наущенію и произошелъ тотъ заговоръ въ Италіи, и, немедленно схвативъ его, удержалъ сначала при себѣ, а потомъ отдалъ подъ надзоръ Попо, патріарху Аквилейскому, и Куно, герцогу Каринтіи. Они вели его за императоромъ до города Плацентины (н. Піаченца). Въ одну ночь нѣкто изъ друзей архіепископа подмѣнилъ его собою, легши на его постель, и вдобавокъ спрятался, закрывшись одѣяломъ, чтобы, такимъ образомъ, обмануть стражей. Архіепископъ же досталъ у кого-то коня и убѣжалъ; въ Миланѣ очень обрадовались его возвращенію, а онъ никогда не упускалъ случая вредить императору. Императоръ же, разрушивъ всѣ непріязненныя ему крѣпости, уничтожилъ тѣ беззаконные заговоры въ Италіи изданіемъ справедливыхъ законовъ. Св. Пасху праздновалъ онъ въ Равеннѣ. Въ томъ же году въ Италіи обвинены были предъ императоромъ три епископа: Верчельскій, Кремонскій и Плацентинскій. Схвативъ ихъ, императоръ сослалъ виновныхъ въ ссылку. Безъ суда осуждать пастырей Христовыхъ,—это не понравилось многимъ. Говорили нѣкоторые мнѣ, что благочестивѣйшій нашъ король Гейнрихъ, сынъ императора, глубоко уважая въ немъ отца, тайно осуждалъ предубѣжденія цезаря противъ архіепископа Миланскаго и тѣхъ трехъ епископовъ. И совершенно справедливо, потому что, съ одной стороны и званіе пастыря не можетъ быть почитаемо, если надъ его лицомъ произнесенъ судебный приговоръ, но съ другой—пастырямъ должно оказывать глубокое уваженіе до такого приговора. Въ томъ же году, вышеупомянутый графъ Одо изъ Франціи дѣлалъ

нападенія на области, принадлежавшія императору. Гоцело, герцогъ Лотарингскій, и его сынъ Готфридъ, графъ Гергардъ и войско (militia) епископа города Мецца, вступивъ съ нимъ въ битву, во время бѣгства убили Одо, и знамя его, принесенное цезарю въ Италію, увѣрило его въ смерти врага. Въ это же время императоръ стѣснилъ миланцевъ, и такъ какъ не могъ взять города, по его древнимъ укрѣпленіямъ и многочисленности жителей, то опустошилъ огнемъ и мечемъ его окрестности.

36. Въ то же время императоръ осаждалъ близъ Милана одну изъ крѣпостей св. Амвросія, по имени Курбитъ [1]). Тамъ произошло нѣчто такое, что многіе сочли за чудо. Въ св. господню Пятидесятницу, предъ 3 часомъ, вдругъ, изъ совершенно яснаго неба, стали вырываться такія ужасныя молніи и съ такимъ ужаснымъ громомъ, что въ крѣпости погибла значительная часть людей и лошадей. Нѣкоторые отъ такихъ ужасовъ впали въ умоизступленіе и, только спустя нѣсколько мѣсяцевъ, пришли въ себя. А тѣ, которые были внѣ крѣпости (пришедшіе съ императоромъ), говорили, будто они ничего подобнаго не видали и не слыхали. Въ это время императоръ отдалъ архіепископство Миланское Амвросію, тамошнему канонику; впрочемъ этотъ подарокъ мало принесъ ему пользы. Миланскіе граждане разоряли все, чѣмъ владѣлъ Амвросій въ ихъ территоріи и оказывали полный почетъ своему архіепископу Герибертѹ, до самой его кончины, впрочемъ, сохраняя все уваженіе къ королю Гейнриху, о чемъ, если то будетъ угодно Богу, я разскажу послѣ подробнѣе въ исторіи его дѣяній. Въ тоже время папа вышелъ на встрѣчу императору до Кремоны и, будучи принятъ ими и отпущенъ съ честію, возвратился въ Римъ. Распустивши войско по областямъ, самъ императоръ ушелъ въ прохладныя горныя мѣста для отдохновенія, потому что лѣто тогда было очень знойное.

37. Въ томъ же году (1037), собравши войско и перейдя По, императоръ пришелъ въ городъ Парму. Тамъ онъ праздновалъ Рождество Христово, предъ началомъ 1038 года отъ воплощенія господня. Въ самый день Рождества Господня произошла сильная распря между тевтонцами и гражданами Пармы; при этомъ былъ убитъ одинъ добрый мужъ Конрадъ, поваръ императора, и другіе. Войско, раздраженное этимъ, съ огнемъ и мечемъ напало на гражданъ; послѣ пожара, императоръ повелѣлъ разрушить бо́льшую часть стѣнъ, съ тою цѣлію, чтобы эти развалины внушили и другимъ городамъ убѣжденіе, что ихъ мятежи не останутся безнаказанными. Затѣмъ императоръ, перейдя Аппенины, пришелъ въ Апулію, а императрица прибыла для молитвы въ Римъ и оттуда возвратилась къ императору. Дойдя до предѣловъ своего государства, императоръ установилъ законы и правду въ Тройѣ беневентинской, Капуѣ и другихъ городахъ Апуліи, однимъ словомъ своимъ прекратилъ раздоры между чужеземными норманнами и туземцами, и, счастливо уничтоживъ всѣ безпорядки, возникшіе въ государствѣ, возвратился въ Равенну. Потомъ, устроивъ гарнизоны и укрѣпленія противъ миланцевъ, которые

---

[1]) Corbetha, на западъ отъ Милана.

еще продолжали мятежи, и расположивъ всѣ дѣла, согласно своей волѣ, онъ вознамѣрился повидать отечество. Въ это время, вслѣдствіе чрезвычайнаго зноя, въ войскѣ открылась моровая язва, не щадившая ни возраста, ни лицъ. Іюля 18 дня 1038 года, жертвою язвы, пала еще въ цвѣтѣ лѣтъ, королева Кунегильда, супруга короля Гейнриха. Она оставила только одну дочь, которую отецъ впослѣдствіи обручилъ Христу, посвятивъ въ аббатиссы. Гериманнъ, сынъ императрицы, герцогъ аллеманновъ, юноша съ хорошими способностями, отважный на войнѣ, умеръ, пораженный тою же язвою, на рукахъ искуснѣйшихъ медиковъ, 28 іюля; это была великая потеря для имперіи. Въ этомъ и въ слѣдующемъ мѣсяцѣ погибло отъ заразы очень много войска. Прекрасное нѣжное тѣло королевы, набальзамированное, отвезено, въ сопровожденіи короля и императрицы, въ Германію и погребено въ Лимбургскомъ склепѣ. Относительно герцога, было приказано отвезти его въ аллеманскій городъ Констанцъ; но по случаю страшнаго зноя, его похоронили въ Тридентѣ.

38. Въ томъ же году умеръ Стефанъ, король венгерскій, оставивъ государство своему племяннику Петру. Императоръ, возвратившись въ Баварію, укрѣплялъ больное войско совѣтомъ и медицинскою помощію. Когда, такимъ образомъ, надъ всѣмъ государствомъ простерся безоблачный миръ, онъ пошелъ осенью того же года въ Бургундію. Тамъ онъ созвалъ на сеймъ всѣхъ князей государства, и Бургундію первую заставилъ отвѣдать давно забытыхъ и едва ли не уничтоженныхъ законовъ. По прошествіи трехъ дней сейма, въ четвертый день, императоръ, по просьбѣ и съ одобренія князей и всего народа, передалъ управленіе Бургундіею своему сыну. королю Гейнриху, и заставилъ снова присягнуть ему. Епископы съ прочими князьями отвели его въ церковь св. Стефана, которая была капеллою царя Солодура (откуда г. Солотурнъ), и славословили тамъ Бога въ божественныхъ гимнахъ и кантахъ; а народъ восклицалъ, говоря, что миръ родитъ миръ, если король съ цезаремъ будутъ править. На возвратномъ пути императоръ прошелъ чрезъ Базель, восточную Францію (т.-е. Франконію), Саксонію и Фризію,—

Миръ вездѣ утверждая и судъ творя по закону.

39. Въ лѣто отъ воплощенія господня 1039, когда императоръ Конрадъ увидѣлъ въ своемъ сынѣ Гейнрихѣ опору королевства и твердую надежду имперіи и замѣтилъ, что все въ государствѣ устраивается по его желанію, онъ праздновалъ священнѣйшій день св. Пятидесятницы въ Утрехтѣ, городѣ Фризійскомъ; но выходя къ столу съ сыномъ и императрицею, украшенный короною, онъ почувствовалъ небольшую боль. Однакожъ, чтобы не омрачать радости такого дня, онъ скрылъ свою болѣзнь. На слѣдующій день, почувствовавъ сильный припадокъ, онъ велѣлъ императрицѣ съ сыномъ королемъ выйти изъ спальни къ обѣду; тогда онъ увидѣлъ, что приближается его конецъ. Будучи при жизни всегда бодръ, въ дѣлѣ твердъ и распорядителенъ, онъ и при кончинѣ обнаружилъ не меньшую вѣру. Призвавъ епископовъ, онъ попросилъ ихъ принести тѣло и кровь

господню и св. крестъ съ мощами святыхъ. Очистивъ себя горькими слезами искренняго покаянія и усердною молитвою, принявъ св. таинъ и получивъ отпущеніе грѣховъ, онъ простился съ императрицею и сыномъ, королемъ Гейнрихомъ, и перешелъ въ вѣчную жизнь, 4 іюня, въ понедѣльникъ, 7 индикта. Внутренности императора погребены въ Утрехтѣ, и король украсилъ мѣсто погребенія дарами и помѣстьями. Самое же тѣло императрица и сынъ ея, король, закрыто и сохранно доставили въ Кельнъ, провезли по всѣмъ монастырямъ этого города и по монастырямъ Майнца и Вормса, т.-е. по тѣмъ, которые находились въ этихъ городахъ. Его сопровождалъ весь народъ, вознося молитвы и раздавая милостыню за спасеніе его души. Въ 30-й день послѣ кончины, тѣло было погребено въ городѣ Шпейерѣ, которому оказывалъ свое расположеніе и самъ императоръ, и послѣ его сынъ. Вотъ какую благодать Богъ послалъ императору Конраду! Я не видалъ и не слыхалъ, чтобы надъ непогребеннымъ еще тѣломъ какого-нибудь императора пролито было столько слезъ народныхъ, вознеслось столько молитвъ и разсыпано столько благотвореній. Я слыхалъ разсказы епископа Лозаннскаго Гейнриха и прочихъ бургундовъ, провожавшихъ тѣло отъ смертнаго одра до гробницы, что сынъ цезаря Гейнрихъ при всѣхъ входахъ въ церкви и у мѣста погребенія поддерживалъ на своихъ плечахъ тѣло отца съ глубокимъ благоговѣніемъ и оказывалъ умершему не только сыновнее почтеніе, но и святой страхъ раба предъ своимъ господиномъ.

Вотъ все, что́ я могъ вкратцѣ написать о дѣяніяхъ императора Конрада; и если что опустилъ, того, значитъ, я не слыхалъ. Если же о чемъ нибудь сказано короче, чѣмъ того требовалъ размѣръ событій, то, увѣряю, при этомъ я имѣлъ въ виду выгоды читателя [1]).

Капелланъ Випонъ.
Vita Chuonradi II imperatoris.

Випонъ (Wipo, capellanus—секретарь) писалъ въ первой половинѣ XI вѣка; онъ былъ родомъ бургундъ и получилъ отличное, по тому времени, классическое образованіе. По смерти Гейнриха II, его преемникъ Конрадъ II взялъ Випона въ свою капеллу (т.-е. канцелярію) и потому онъ былъ неотлучно при дворѣ императора. Онъ былъ въ большой дружбѣ съ сыномъ императора, Гейнрихомъ III, и ему посвящалъ многочисленныя свои литературныя произведенія. Въ приведенномъ выше его сочиненіи попадаются часто ссылки на различныя сочиненія Випона, автора которыхъ онъ называетъ „одинъ изъ нашихъ". Но всѣ они потеряны за исключеніемъ трехъ: Proverbia, Tetralogus и Vita Chuonradi imperatoris. *Proverbia* есть собраніе 100 пословицъ съ риѳмованными изреченіями мудрости, которыя онъ поднесъ 11-лѣтнему Гейнриху при его короновании въ 1028 г. Въ этихъ поговоркахъ конецъ стиха риѳмуетъ съ своею серединою; вотъ ихъ образчикъ:

Incipit *inventum*, referens proverbia *centum*.
Pax Heinrico, Dei amico.

Decet regem discere legem.
Audiat rex, quod praecipit lex.
Legem servare, hoc est regnare, и т. д.

Т.-е. „Начинается сборникъ, содержащій 100 пословицъ—Миръ Гейнриху, божьему другу.—Королю слѣдуетъ изучать законы. — Пусть король внемлетъ, чему учитъ законъ.— Блюсти законъ значитъ царствовать“, и т. д.

Tetralogus—родъ программы царствованія, поднесенной тому же Гейнриху III въ стихахъ; названо такъ по 4 дѣйствующимъ лицамъ: Поэтъ, Муза, Законъ и Милосердіе. Самое важное произведеніе Випона есть „Жизнь Конрада II“, какъ написанное очевидцемъ, за исключеніемъ немногаго, слышаннаго имъ отъ епископа Лозаннскаго. Обѣщанная же имъ жизнь Гейнриха III или не дошла до насъ, или, быть можетъ, и не была начата авторомъ.—*Изданія:* Pertz, Monum. XI, 247—254.—*Переводы:* Ж. Конрада II, перев. на нѣм. Buchholtz, Francf. a. M. 1819.—*Критика:* Pertz, Wipo's Leben und Schriften, помѣщ. въ Abhandlung. d. Berl. Acad. 1851.

49.—Жизнь св. Одилона, аббата Клюньи. 962—1049.

(Въ 1050 г.).

Прологъ біографа.

Высокопочтенному отцу Стефану, сообразно значенію имени своего *увѣнчанному* (στεφανος, въ перев. съ греч. вѣнецъ) первосвятительскимъ достоинствомъ, нижайшій рабъ изъ рабовъ божіихъ, *Лотсальдъ*, монахъ только по имени, желаетъ блаженства и въ нынѣшней и въ будущей жизни.

Труды древнихъ писателей были направлены къ тому, чтобы произведеніями письменности создать памятники въ честь и на прославленіе своихъ предшественниковъ; они думали тѣмъ обезсмертить ихъ, хотя и знали, что они смертны. Послѣ того, съ теченіемъ вѣковъ, церковь, ставъ на высшую точку зрѣнія, предприняла описывать знаменитыя дѣянія святыхъ, съ цѣлью дать потомству примѣры жизни, которымъ оно должно слѣдовать, и научить его обращаться къ тому, отъ кого исходитъ всякая добродѣтель, разумъ, сила и мудрость.

Съ такою же цѣлью и я, ничтожный по себѣ человѣкъ, воспитанникъ великаго учителя Одилона и осыпанный его благодѣяніями, вознамѣрился написать посмертное слово (epitaphium) о его кончинѣ и добродѣтеляхъ, какъ писалъ св. Іеронимъ о Блезиллѣ и Непоціанѣ; пусть мой трудъ послужитъ цвѣтами, которыми я усыплю его могилу, и распространитъ предъ читателями благоуханіе его кроткой и добродѣтельной жизни. Я хочу своимъ трудомъ выполнить душевный долгъ и доставить матеріалъ тѣмъ, которые пожелали бы сдѣлать что-нибудь больше.

Свой трудъ предназначаю тебѣ, о святѣйшій владыко, какъ племяннику его, который, знаю, чрезъ него достигъ святительскаго сана; я отдаю на твой судъ все, что я написалъ для прославленія его, найдешь-ли ты мой слогъ обработаннымъ или грубымъ.

1. Отецъ Одилона былъ знатнѣйшимъ изъ вельможъ (proceres) Оверня, отличался въ военныхъ дѣлахъ, обладалъ огромнымъ имуществомъ и богатствами, въ совѣтѣ доказалъ умъ и не уступалъ никому изъ современниковъ въ чистотѣ нравовъ. За свое вліяніе и въ знакъ уваженія онъ назывался Беральдъ *Старшій* (Major); довѣренность къ нему была такъ безгранична, что въ тѣхъ случаяхъ, когда съ трудомъ вѣрили клятвамъ другихъ, для него достаточно было одного простого слова. Была у него жена Гирберга, не уступавшая ему ни родомъ, ни нравами; послѣ ея смерти всѣ увидѣли, какъ она была воздержна, цѣломудренна и въ какой степени повиновалась мужу. Дѣйствительно, оставивъ родину, родственниковъ, дѣтей, владѣнія и богатство, она, какъ св. Павлина, послѣдовала за Христомъ и приняла схиму въ монастырѣ св. Іоанна въ Августудунѣ (н. Autun). О ея жизни, ласковомъ обращеніи со всѣми и преславной кончинѣ я слышалъ, какъ разсказывали со слезами немногіе изъ переживших ее. У нихъ были и другіе сыновья, достигшіе власти и не уступавшіе никому въ свѣтскомъ значеніи. Къ этому припомнимъ и сестру аббатиссу Блисмоду, которая, сохранивъ дѣтство въ дневномъ и въ ночномъ бдѣніи, дожила до ста лѣтъ. Упомянувъ о всемъ этомъ вкратцѣ, обращаю свое перо (stylum) къ тому, на котораго указываетъ намъ и его высокій умъ, и его знатное происхожденіе.

2. Блаженный Одилонъ, родившись среди знатной фамиліи, еще въ дѣтствѣ былъ посвященъ Христу, какъ новый Исаакъ или Самуилъ. Будучи ребенкомъ, онъ обнаруживалъ наклонность къ смиренію, цѣломудрію, невинности и чистотѣ нравовъ и, на сколько позволялъ его возрастъ, занимался дѣлами милосердія. Одилонъ превосходилъ своихъ сверстниковъ мудростью и характеромъ, такъ что, если не по времени, то по зрѣлости его уважали, какъ старца. Выйдя изъ отроческихъ лѣтъ и достигнувъ юношескаго развитія, онъ помышлялъ втайнѣ удалиться въ египетскія пустыни и жить въ землѣ обѣтованной. О благій Іисусе, какъ сладокъ твой призывъ, какъ высоко твое вдохновленіе, когда ты, едва коснувшись души, превращаешь жаръ вавилонской печи въ любовь къ небесной отчизнѣ..... Пока Одилонъ помышлялъ о томъ, великій Майолъ (аб. Клюньи), уже прославленный во всемъ мірѣ, явился въ предѣлы Оверня, и по божественному опредѣленію къ нему привели того, о комъ мы говоримъ. Обративъ вниманіе на его тѣлесную красоту и знатность рода и провидя въ немъ, внутреннимъ окомъ, нѣчто великое и божественное, Майолъ привязался къ нему всѣмъ сердцемъ; огонь божеской благодати возгаралъ между ними все съ большею и съ большею силою. Они вступили въ дружескую бесѣду: младшій сообщилъ старшему свои желанія; старецъ, какъ могъ, укрѣпилъ юношу въ его стремленіяхъ осуществить задуманное. По совершеніи этого, старецъ возвратился домой, а юноша приготовился къ исполненію своихъ предначертаній. Немного времени спустя, новый ратникъ божій, подобно тому, какъ Бенедиктъ оставилъ Римъ, удалился изъ Оверня, не посмотрѣлъ на отцовское наслѣдство, родныхъ и братьевъ, и, какъ Авраамъ вышелъ изъ земли Халдейской, явился въ Клюньи, въ свою обѣтованную

землю; тамъ онъ принялъ монашескую одежду, сложивъ съ себя одежды клерика.....

3. Но недолго скрывался этотъ драгоцѣнный камень, недолго оставался незамѣченнымъ могучій атлетъ. По истеченіи 4 лѣтъ, св. Майолъ, понеся тяжкіе труды во имя Христа, исшелъ изъ египетскаго мрака и переплывъ житейское море, вступилъ въ Іерусалимъ вѣчной жизни, съ миромъ во Христѣ. Чувствуя приближеніе смерти, онъ избралъ своимъ преемникомъ Одилона и предоставилъ ему и Господу Богу своихъ овецъ. Приглашенный на такое мѣсто сверхъ всякаго чаянія, онъ былъ поставленъ въ новомъ званіи по всеобщему избранію и приговору, и, какъ новый Моисей, сталъ во главѣ божьяго народа.....

4. Принявъ на себя управленіе дѣлами, онъ все болѣе и болѣе укрѣплялся примѣромъ святыхъ и украшался всячески божественною мудростью. Въ немъ было что-то особенное, что внушало подчиненнымъ, чему они должны подражать и чего бояться. Еще прежде насъ было сказано, что качество души можно познать изъ качествъ тѣла. Если же это такъ, то скажемъ сначала о его наружности. Онъ былъ средняго роста; лицо преисполнено было и власти, и прелести; съ кроткими веселъ и ласковъ, съ гордыми и обидчиками невыносимо грозенъ. Его глаза блестѣли и внушали вмѣстѣ страхъ и благоговѣніе; они часто омочались слезами, потому что онъ былъ весьма сострадателенъ..... Въ немъ ничего не было напыщеннаго и придуманнаго, но вся душа была во всемъ тѣлѣ. Хотя мы, вмѣстѣ съ блаженнымъ Амвросіемъ, и не принимаемъ тѣлесную красоту за добродѣтель, но ей нельзя отказать въ пріятномъ впечатлѣніи.

5. Обратимся теперь къ описанію его нравовъ, которыми онъ былъ украшенъ по божественной благодати. По принятому исчисленію добродѣтелей, святой мужъ обладалъ четырьмя самыми главными изъ нихъ: разумъ, правдолюбіе, твердость духа и воздержаніе. Философы опредѣляютъ разумъ, какъ силу, стремящуюся къ изслѣдованію истины и жаждущую полноты познанія. Въ этомъ отношеніи Одилонъ былъ замѣчателенъ именно тѣмъ, что ни днемъ, ни ночью не переставалъ трудиться надъ изслѣдованіемъ истины. Въ рукахъ у него всегда божественныя книги, рѣчь одна—о священномъ писаніи, и назиданіе всякаго—единственная забота..... Я скажу объ одномъ удивительномъ обстоятельствѣ, но тѣмъ не менѣе истинномъ. Часто во время пѣнія псалмовъ въ постелѣ имъ овладѣвалъ сонъ, но пѣніе его не прекращалось, такъ что, кто не зналъ, принималъ его за бодрствующаго. Пробудившись, онъ продолжалъ пѣніе безъ всякаго перерыва. Такимъ образомъ, Одилонъ могъ сказать, вмѣстѣ съ невѣстою въ Пѣсняхъ Пѣсней: „Я сплю, но сердце мое бодрствуетъ“ (Пѣсн. Пѣсн. V, ст. 2). О его учености и краснорѣчіи, что не мѣшало ему быть вѣрнымъ православію, свидѣтельствуютъ его слова и многочисленныя посланія, дышащія мудростью, кротостью и благостью.

6. Правдолюбіе, по опредѣленію философовъ, состоитъ въ томъ, чтобы каждому воздавать свое, не присвоивать чужого, не заботиться о собственной пользѣ и сохранять во всемъ безпристрастіе. И всѣмъ этимъ онъ обладалъ въ высшей степени; каждому воздавалась имъ

должная честь, не смотря на возрастъ, лицо и состояніе, и Одилонъ до того расположилъ къ себѣ всѣхъ, что его считали милымъ ангеломъ. Властямъ христіанскимъ и королямъ, по апостольскому предписанію, онъ ни въ чемъ не противорѣчилъ и снискалъ такую ихъ дружбу, что, какъ новый Іосифъ, былъ всѣми любимъ и почитаемъ. Такъ, его любилъ Робертъ, король франковъ (т.-е. Франціи, сынъ Гуго Капета), Аделаида, мать Оттоновъ, Гейнрихъ, римскій императоръ (II, король Германіи), Конрадъ (II) и Гейнрихъ (III), то-есть, отецъ и сынъ (Салическаго дома), оба цезари непобѣдимые; Одилонъ былъ почтенъ ихъ дружбой, услугами и дарами такъ, какъ будто бы у нихъ и у него было одно сердце и одна душа. То же должно сказать о Стефанѣ, королѣ венгровъ, и о Санхо (III), королѣ народовъ Испаніи (Hespiridum populorum). Хотя эти послѣдніе и не видали его лично, но, по молвѣ о его святости, сносились съ нимъ чрезъ пословъ и переписку и склонили его въ свою пользу пожертвованіями и богатыми дарами, поручая себя униженно его молитвамъ..... Нельзя умолчать при этомъ объ апостольскихъ первосвятителяхъ (т.-е. папахъ), Сильвестрѣ, Бенедиктѣ, Іоаннѣ и Климентѣ, блаженной памяти; онъ заслужилъ такую ихъ любовь, что считался какъ бы ихъ братомъ. Кто и гдѣ въ то время не желалъ имѣть Одилона, подобно новому Соломону, другомъ, отцомъ и предстателемъ у Всевышняго? Италія торжествовала, когда въ ней появлялся Одилонъ; особенно же любили его въ Павіи, которая его мольбами и ходатайствомъ была спасена въ эпоху императоровъ Гейнриха (II) и Конрада (II) отъ опустошенія огнемъ и мечемъ.....

7. То же самое должно сказать и въ отношеніи нисшихъ Одилона: старшихъ онъ почиталъ, какъ отцовъ, младшихъ, какъ братьевъ, пожилыхъ женщинъ, какъ матерей, молодыхъ, какъ сестеръ, и всѣхъ считалъ выше себя. Всякій имѣлъ къ нему доступъ и могъ спасительно бесѣдовать съ нимъ. Никого не отягощая, никому не мѣшая и не завидуя, Одилонъ не покушался на чужое и даже съ удовольствіемъ уступалъ свое.... Въ послѣднемъ отношеніи онъ былъ до того расточителенъ, что многіе безразсудные упрекали его. Но онъ на ихъ возраженія имѣлъ прекрасный отвѣтъ: „Я желаю лучше, чтобы меня снисходительно судили за мое снисхожденіе, нежели сурово осуждали за мою суровость“..... Однажды, когда ему случилось отправляться въ Парижъ къ св. Діонисію (монаст. С. Дени), онъ увидѣлъ двухъ мальчиковъ, павшихъ отъ голода и морозу; они (странно сказать) валялись посреди дороги голые и безъ погребенія. А въ то время былъ сильный голодъ, угнетавшій всю Галлію и Аквитанію (Гвіень). Пораженный ужасомъ, святой мужъ соскочилъ съ лошади, снялъ съ плечъ шерстяную одежду, называемую въ народѣ stamina, и своими руками прикрылъ ихъ наготу; потомъ похоронилъ, отслужилъ должную панихиду и затѣмъ продолжалъ путь. Если Мартинъ прославляется во всемъ мірѣ за то, что отдалъ половину плаща бѣдному, то какъ не прославлять Одилона, когда онъ отдалъ цѣлый плащъ, и не одному живому, а двумъ мертвымъ?..... Не было такого несчастія, которому онъ не поспѣшилъ бы на помощь, такой бѣдности, которой бы не призрѣлъ, ни такой болѣзни, которая могла бы его

оттолкнуть. Въ Клермонтской церкви Богородицы одинъ клерикъ получилъ проказу и вслѣдствіе такой болѣзни удалился на берега Лоары, гдѣ и жилъ по сосѣдству съ монастыремъ Вольта. Туда зашелъ нашъ служитель божій и, узнавъ о больномъ, почувствовалъ къ нему состраданіе; онъ приказалъ братіи доставлять ему все необходимое, а несчастный началъ просить святого мужа, чрезъ посредство посланнаго, чтобы онъ допустилъ его къ себѣ. Святой не отказалъ ему, припоминая примѣръ Іисуса, который безъ зова хотѣлъ навѣстить раба центуріона. Придя къ нему, Одилонъ не только не убоялся взойти къ нему, но къ удивленію нашему поцѣловалъ его, обнялъ и долго бесѣдовалъ съ нимъ.....

8. Одилонъ до самой своей смерти употреблялъ всѣ старанія къ поддержанію братства своего монастыря. О, съ какою радостью онъ озиралъ свое стадо! съ какимъ торжествомъ стоялъ онъ, окруженный святымъ сонмомъ, бросая взгляды кругомъ на новые отпрыски и вспоминая при этомъ стихъ изреченія Давида: „Сыны твои, какъ побѣги оливы, вокругъ твоего стола!“ И чѣмъ болѣе увеличивалось число братіи, тѣмъ бо̀льшую радость души выражалъ Одилонъ. Когда многіе видѣли въ подобномъ увеличеніи бремя для монастыря, онъ обыкновенно говаривалъ: „Не печальтесь, братія, о возрастаніи нашего стада: чьимъ внушеніемъ они собираются сюда, милосердіемъ того будутъ и управляться. Господь собираетъ монаховъ изъ разныхъ состояній, разныхъ возрастовъ и принимаетъ однихъ изъ среды дѣтей, другихъ изъ юношей, третьихъ изъ старцевъ. И, не смотря на то, онъ управляетъ и кормитъ ихъ съ одинаковою материнскою заботливостью и отеческимъ попеченіемъ, и составляетъ одно тѣло изъ многообразныхъ частей и различныхъ нравовъ“. Гдѣ бы ни появлялся Одилонъ, куда бы онъ ни шелъ, вездѣ слѣдовала за нимъ братія толпами, такъ что его принимали не только вождемъ и княземъ, но *архангеломъ монаховъ*. Такъ называлъ его въ своихъ рѣчахъ и письмахъ другъ его Фульбертъ [1]), епископъ Карнотскій, знаменитый своею святостью и ученостью, со смертью котораго погибло изученіе философіи во Франціи и пала слава святительскаго достоинства.

9. Переходя теперь къ твердости душевной и тѣлесной Одилона, опредѣлимъ сначала значеніе этой добродѣтели, какъ то представляли себѣ древніе писатели. Быть твердымъ душою значитъ дѣйствовать безбоязненно и не страшиться ничего, кромѣ постыднаго; переносить одинаково и счастіе, и несчастіе. Трудно описать всю силу этой добродѣтели въ Одилонѣ, когда онъ отражалъ преслѣдованіе враговъ и переносилъ неудачи. Его терпѣніе было такъ велико, что онъ, подобно Давиду, оскорблявшимъ его воздавалъ благодѣяніями и къ ненавидящимъ его оказывалъ еще большее благоговѣніе. Непріятности не убивали его, и счастіе не возгоржало. .

10. Умѣренность, помѣщаемая въ концѣ списка добродѣтелей,

---

[1]) Фульбертъ, епископъ Шартрскій, принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ ученыхъ первой половины XI вѣка изъ школы Герберта (папа Сильверстъ II); его сочиненія служатъ однимъ изъ главныхъ источниковъ для изученія нравовъ той эпохи.

состоитъ по своему опредѣленію въ умѣньи сохранять мѣру и порядокъ въ словахъ и поступкахъ. Въ отношеніи этого качества, Одилонъ превосходно владѣлъ собою, зналъ мѣру словамъ и дѣйствіямъ, держался порядка и былъ удивительно скроменъ. Онъ умѣрялъ ревность къ посту, подобно возницѣ, какъ выразился блаженный Іеронимъ, чтобы не истощить силъ тѣла, и принималъ все предлагаемое такъ, чтобы сохранять правила умѣренности и вмѣстѣ избѣжать фанатизма. Суровость своихъ нравовъ онъ смягчалъ улыбкою на лицѣ. Строгій по обстоятельствамъ въ исправленіи порока, онъ легко прощалъ...

11. Но кромѣ этихъ внутреннихъ добродѣтелей, онъ вмѣнялъ въ славу построеніе церквей, обновленіе ихъ и пріобрѣтеніе всякихъ украшеній. Доказательствомъ тому служитъ его главное мѣстопребываніе, монастырь Клюньи; кромѣ стѣнъ, онъ передѣлалъ все заново и внутри, и внѣ, и всячески украсилъ. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ отстроилъ новое зданіе съ мраморными колоннами, которыя съ большимъ трудомъ были доставлены изъ отдаленныхъ частей провинціи и привезены по быстрымъ рѣкамъ, Дюрансу и Ронѣ. Потому онъ въ веселыя минуты любилъ хвалиться тѣмъ, что нашелъ монастырь деревяннымъ, а оставляетъ мраморнымъ, по примѣру цезаря Октавіана, который, по словамъ историковъ, оставилъ кирпичный Римъ мраморнымъ...

12. Тѣмъ, которые занимаются собираніемъ извѣстій о чудесахъ и измѣряютъ заслугу того или другого лица новостью чуда, слѣдуетъ замѣтить, что божественная благодать заключается не въ дарѣ чудесъ, но въ совершенствованіи себя добродѣтелями. Ибо Богъ требуетъ отъ насъ не чудесъ и не знаменій, а утвержденія въ добрыхъ дѣлахъ. И Іуда вмѣстѣ съ прочими апостолами дѣлалъ знаменія, и осужденные въ день суда скажутъ: „Господи, не твоимъ-ли именемъ мы пророчествовали и не твоимъ-ли именемъ творили чудеса?“ Самъ Господь сказалъ отходившимъ на проповѣдь: „Не радуйтесь тому, что духи вамъ повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесахъ“ (Лук. X, 20). Если же это справедливо, то было бы суетно цѣнить высоко то, чѣмъ послѣ будутъ гордиться осужденные вмѣстѣ съ избранными. Впрочемъ, чтобы показать, что и нашъ Одилонъ не былъ лишенъ благодати, скажемъ немного изъ всего, что́ удостоилъ Господь Богъ заявить до его смерти и послѣ того, для славы своего имени и для засвидѣтельствованія предъ людьми о заслугахъ своего святого.

13. Начнемъ съ того, что́ случилось съ нимъ еще въ его дѣтствѣ. Для бо̀льшаго же вѣроятія прибавлю, что я слышалъ все отъ тѣхъ, кому онъ самъ разсказывалъ. Еще ребенкомъ въ домѣ отца, до поступленія въ школу, Одилонъ лишился употребленія почти всѣхъ членовъ и не могъ ни ходить, ни двигаться. Случилось однажды его семейству перемѣнить мѣсто жительства, а ребенка понесли слуги, подъ надзоромъ няни. На дорогѣ они расположились отдохнуть у церкви Богородицы и положили ребенка вмѣстѣ съ помочами предъ дверями той церкви. По близости ея стоялъ домъ, гдѣ можно было запастись съѣстнымъ, и когда прислуга промедлила нѣсколько тамъ,

ребенокъ, увидя себя оставленнымъ, началъ, по вдохновенію свыше, пытаться приблизиться къ дверямъ и войти въ церковь Богородицы. Употребивъ всѣ усилія, ползкомъ онъ добрался до дверей, вошелъ въ церковь, добрался до алтаря, досталъ руками его покровъ и, вытянувшись, пытался встать, но ему мѣшали перевязи. Наконецъ, помощью свыше и заступничествомъ Богородицы, онъ всталъ на ноги и началъ бѣгать вокругъ алтаря. Дядьки, возвратившись къ люлькѣ, не нашли, къ своему удивленію, ребенка и пустились его отыскивать; долго не находя, они случайно входятъ въ церковь и видятъ, какъ онъ бѣгаетъ по полу. Познавъ могущество божіе, они радостно обняли ребенка, отправились дальше и вручили родителямъ, къ величайшему ихъ счастью, сына цѣлымъ и невредимымъ...

14. Теперь перейдемъ къ тѣмъ чудесамъ, которыя Одилонъ совершилъ божьею помощью въ зрѣломъ возрастѣ и въ санѣ аббата. Но большую часть тѣхъ, которыя помѣщены въ началѣ, самъ я не видѣлъ, но узналъ изъ разсказовъ двухъ монаховъ, а именно: Петра изъ монастыря св. Майола, что близъ Павіи, и Сиронна, аббата какого-то монастыря; они не мнѣ разсказывали, а одному изъ нашей братіи, Бозіону, человѣку удивительной простоты ума и невинности сердца. Тѣ два вышеупомянутыя лица были весьма близки къ Одилону, во многомъ знали все его сокровенное и раздѣляли его странствованія и труды; а потому разсказы ихъ заслуживаютъ вѣроятія тѣмъ болѣе, что извѣстно, они передавали только то, что видѣли своими глазами, слышали своими ушами и руками осязали. Мы нарочно указываемъ на источникъ своихъ извѣстій, чтобы наши завистники не объявили, что мы все выдумали изъ лести и угожденія...

Въ рукописяхъ слѣдуетъ большой пропускъ; но у другого автора біографіи Одилона, а именно у Петра Даміана, кардинала римской церкви (XI стол.), это полняется разсказомъ о чудесахъ, совершенныхъ Одилономъ, какъ-то: о возвращеніи зрѣнія слѣпому, о двукратномъ претвореніи воды въ вино и т. д. Въ концѣ главы, нашъ авторъ, какъ видно, началъ дѣлать переходъ къ разсказу о смерти Одилона.

О чемъ мы помышляемъ въ душѣ? къ чему медлимъ? Мы стараемся отдалить смерть и заботимся о продолжительности жизни, какъ будто боимся конца. Но неизмѣнно то, что было сказано первому человѣку: „Земля еси и въ землю отъидешь". Всѣ приходившіе въ міръ послѣ того погибали и подчинились закону смерти. Умерли и патріархи, и пророки, и апостолы, и цари, и императоры, и князья, большіе и малые; кто родился, тотъ и умеръ. Исключены только Илія и Энохъ, но и они умрутъ ко временамъ антихриста. Умеръ и Сынъ божій. Конечно, Онъ умеръ иначе, нежели мы; Онъ того пожелалъ, мы же къ тому обязаны; такова была Его воля, а для насъ смерть необходимость: конечно, и Онъ имѣлъ необходимость, потому что умеръ, вслѣдствіе убѣжденія, что, если бы Онъ не умеръ...

Въ рукописяхъ слѣдуетъ новый небольшой пропускъ.

15. Въ послѣднія пять лѣтъ своей жизни Одилонъ, блаженной памяти, началъ испытывать сильные недуги. Чувствуя близость смерти, онъ отправился на поклоненіе къ св. апостоламъ, въ надеждѣ умереть подъ ихъ покровительствомъ, какъ того всегда желалъ. Но жизнь человѣка не въ его рукахъ, и случилось иначе, нежели онъ думалъ. Въ Римѣ Одилонъ оставался 4 мѣсяца, удерживаемый тяжкою болѣзнью. Тамъ онъ сблизился съ папою Климентомъ, блаженной памяти, и получилъ его благословеніе... Послѣ того, сверхъ чаянія, онъ выздоровѣлъ и возвратился домой. Цѣлый годъ въ Клюньи Одилонъ, насколько позволяли его силы, изнурялъ себя молитвою и постомъ, наставлялъ братію и предсказывалъ свою скорую смерть. Потомъ посѣтилъ всѣ кельи и вездѣ дѣлалъ увѣщанія жить по правиламъ. Даже посѣтилъ Сильвиніакъ (н. Sauvigny en Bourbonnois), гдѣ скончался и былъ погребенъ его предшественникъ св. Майолъ. Вскорѣ послѣ его прибытія туда наступили святки (Adventus Dominicae Nativitatis), и онъ каждый день поучалъ народъ; но внезапно ему возвратились прежнія боли, и, о горе, всѣ начали отчаяваться за его жизнь... Онъ поспѣшно принялъ Тѣло Христово, исповѣдался со всѣмъ смиреніемъ, и затѣмъ, безъ всякихъ страданій, закрывъ глаза, почилъ въ мирѣ. Умеръ же, святой мужъ, въ ночь на праздникъ Обрѣзанія Господа нашего Іисуса Христа (т.-е. 1 января), въ первую стражу ночи, 87 лѣтъ отъ роду, въ 56-й годъ своего поставленія. Въ годъ же отъ воплощенія господня тысячу-сорокъ-девятый (1049).

Монахъ Лотсальдъ.

Vita S. Odilonis, abbatis V Cluniacensis. У Bolland., Acta Sanct. I, 65—71 (изд. 1863 года).

Монахъ Лотсальдъ (Lotsaldus, Sylviniacensis monachus) жилъ и писалъ во второй половинѣ XI вѣка, вскорѣ послѣ смерти своего наставника Одилона, жизнеописаніе котораго онъ посвящаетъ его племяннику Стефану, пріору своего монастыря Сильвиніака (н. Sauvigny въ Бурбонэ). О значеніи Одилона и его мѣстѣ въ исторіи XI в. см. выше, къ ст. 32, на стр. 488, и ниже въ ст. 74. *Изданія:* Bollandi Acta Sanctorum. Par. 1863. I. 65—71 [1]).

---

[1]) Объ этомъ изданіи Болландистовъ, см. выше въ томѣ I, стр. XXVIII. Въ 1863 году, предпринято второе изданіе колоссальнаго сборника, начатаго въ XVII вѣкѣ Болландомъ; въ первыхъ двухъ томахъ содержатся жизнеописанія святыхъ, память которыхъ празднуется отъ 1 до 20 января (цѣна каждаго тома 7 р. 50 к.).

50. — Первые годы правленія императора Гейнриха III. 1039—1041.

(Около 1125 г.).

Въ послѣдніе годы правленія Конрада II, отца Гейнриха III, герцогъ Богемскій Брячиславъ старался поставить свою страну во главѣ славянскаго міра и повторить ту же попытку, которую незадолго предъ тѣмъ сдѣлалъ Болеславъ Храбрый въ отношеніи Польши. Узнавъ о смерти Конрада II, Брячиславъ вторгся съ большимъ войскомъ въ Польшу, опустошилъ ее и подчинилъ; мощи Адальберта изъ Гнѣзно были перенесены въ Прагу; въ Богеміи распространилась кирилловская литургія вмѣсто латинской; къ папѣ было отправлено посольство съ просьбою отдѣлить Богемію отъ Майнцской епархіи и дать ея герцогамъ королевскій титулъ. Такъ, Брячиславъ однимъ ударомъ уничтожилъ весь трудъ германизированія Богеміи, на который потратили столько силъ предшественники Гейнриха III. Потому Гейнрихъ III долженъ былъ въ первые годы своего правленія сосредоточить все свое вниманіе на богемскомъ вопросѣ, и въ 1039 г. принудилъ Брячислава смириться и дать заложниковъ. Но возстаніе Венгріи противъ нѣмцевъ дало ему возможность нарушить договоромъ и вынудило Гейнриха III предпринять въ 1040 г. вторичный походъ въ Богемію.

Молва, которая въ мірѣ цвѣтетъ легче всякаго зла, бухнетъ ложью, и, примѣшивая къ бездѣлицѣ цѣлую кучу, къ истинѣ ложь, растетъ на лету, доставила императору Гейнриху (III) извѣстіе, въ сто разъ больше, нежели было на дѣлѣ, что богемцы вынесли изъ Польши массу золота и серебра. Вслѣдствіе того императоръ началъ искать предлога, чтобы отнять у нихъ золото, о которомъ ему было донесено, приказалъ богемцамъ чрезъ своихъ сборщиковъ къ опредѣленному сроку выдать ему до послѣдняго обола серебро, похищенное ими въ Польшѣ, грозя въ противномъ случаѣ войною. На это славяне отвѣчали: „Мы всегда точно исполняли ваши законы, и теперь считаемъ себя подъ властью короля Карла (т.-е. Великаго); нашъ народъ не бунтовалъ никогда противъ его преемниковъ, да и тебѣ пребылъ вѣрнымъ во всѣхъ войнахъ и всегда пребудетъ такимъ, если только самъ ты захочешь быть къ намъ правосуднымъ. Пипинъ, сынъ короля Карла Великаго, постановилъ такой законъ, чтобы мы ежегодно платили его преемникамъ на императорскомъ престолѣ 120 отборныхъ быковъ и 500 марокъ. Въ нашей же маркѣ мы считаемъ 200 монетъ. Это исполняется съ нашей стороны изъ вѣка въ вѣкъ, мы безпрекословно выплачиваемъ тебѣ ту дань и будемъ выплачивать твоимъ преемникамъ. А если когда нибудь ты захотѣлъ бы положить на насъ иго сверхъ обычнаго закона, то мы готовы лучше умереть, нежели нести ярмо“. На это императоръ отвѣчалъ: „Короли всегда имѣютъ обычай прибавлять что нибудь новое къ прежнему закону. Никакой законъ не устанавливался вдругъ, но всегда рядъ законовъ постепенно увеличивался послѣдующими королями. Тѣ, отъ которыхъ зависятъ законы, сами не зависятъ отъ

нихъ [1]), потому что у закона, какъ говорится, носъ изъ воску (cereum habet nasum), а у короля желѣзная и длинная рука, такъ что онъ можетъ погнуть его, куда ему угодно. Король Пипинъ сдѣлалъ то, чего хотѣлъ, а если вы не исполните моей воли, то я покажу вамъ, каковы у меня крашеные щиты, и какъ я силенъ на войнѣ". Разославши тотчасъ послѣ того указы по всему государству, онъ собралъ весьма сильное войско. Саксонцамъ же приказалъ идти въ Богемію другою дорогою, которая лежитъ чрезъ Цирбію и ведетъ въ ту страну лѣсомъ, мимо укрѣпленія Глумека. Въ то время герцогомъ былъ Окардъ, которому вся Саксонія повиновалась во всемъ, какъ королю. Былъ же онъ человѣкъ весьма умный, одаренный умѣньемъ управлять государственными дѣлами и отъ юности преданный воинскимъ занятіямъ, но никогда не имѣлъ счастливыхъ успѣховъ на войнѣ. Самъ же цезарь расположился лагеремъ по той и другой сторонѣ р. Резны. На слѣдующій день, пройдя мимо укрѣпленія Камбо (н. Cham) и придвинувъ свои орлы къ лѣсу (т.-е Böhmerwald), который отдѣляетъ Баварію отъ Богеміи, онъ узналъ, что богемцы загородили дороги въ лѣсу; приведенный въ негодованіе, послѣ нѣкотораго молчанія, покачавъ трижды головою, онъ воспламенился гнѣвомъ, достойнымъ цезаря, и произнесъ слѣдующія слова: „Хотя бы они построили стѣны выше лѣсу и вывели бы башню до облаковъ, но, какъ бываютъ напрасны тенета, раскидываемыя на глазахъ птицъ, такъ и ихъ укрѣпленія не могутъ имѣть никакого значенія для нѣмцевъ. Если даже они поднимутся выше облаковъ, или спрячутся между звѣздами, то и это не послужитъ въ пользу погибшему и несчастному народу". Сказавъ это, онъ всѣмъ приказалъ вступить въ лѣсъ, а самъ, предшествуя другимъ, взошелъ на высокую гору, находившуюся въ срединѣ лѣса, и, возсѣвъ на походный стулъ (tripode), замѣтилъ окружавшимъ его князьямъ всего государства: „Въ этой долинѣ скрывается презрѣнное войско богемцевъ, какъ полевая мышь въ своихъ норахъ". Но цезарь обманулся, ибо укрѣпленія ихъ были за другою горою. Тогда Гейнрихъ, называя каждаго по имени и пославъ впередъ сначала маркграфовъ, а потомъ всѣхъ знатныхъ въ полномъ оружіи мужей, приказалъ имъ идти пѣшими въ сраженіе, обнадеживая побѣдою въ слѣдующихъ словахъ: „Вамъ нетрудно, говорилъ онъ, сражаться; только покажитесь, и они сами побѣгутъ отъ страха, потому что имъ не выдержать вашего натиска. Идите, идите мои соколы на робкихъ дикихъ голубей, какъ свирѣпые львы, и поступайте по обычаю воиновъ, которые, когда нападаютъ на овечій хлѣвъ, не считаютъ овецъ и не начинаютъ пожирать своей добычи, доколѣ не уничтожатъ всего стада". Немедленно, по приказанію короля, потянулись многочисленные воины, одѣтые въ латы; князья спорятъ за первое мѣсто въ сраженіи; остріе мечей блеститъ, какъ прозрачный ледъ; солнечные лучи, отражаясь на ихъ оружіи, освѣщаютъ вѣтви деревъ и вершины горъ.

---

[1]) Nam qui regunt leges, non reguntur legibus. Срав. эти слова Гейнриха III, какъ ихъ приводитъ нашъ авторъ, съ наставленіями Випона ему же, въ его юности, въ формѣ пословицъ, выше на стр. 697.

Но, спустившись въ долину, они не находятъ тамъ никого, между тѣмъ со всѣхъ сторонъ имъ представляется густой лѣсъ и непроходимыя мѣста. Тогда, какъ обыкновенно бываетъ во всякомъ дѣлѣ, задніе напираютъ на переднихъ и противъ ихъ воли тѣснятъ къ мѣсту битвы, и слѣдовавшіе за князьями принуждаютъ ихъ подниматься на другую гору.

Между тѣмъ, князья были такъ утомлены, что уже языкъ ихъ прилипалъ къ нёбу, силы совершенно измѣняли, руки отказывались служить, изъ груди вылетали тяжелые вздохи; однакоже остановиться нельзя было ни на шагъ. Одни бросаютъ свои латы на щиты, другіе облокачиваются на деревья, и ловятъ тщетно дуновеніе вѣтерка; иные же падаютъ. какъ пни: это люди толстые и непривыкшіе къ походамъ. Приблизившись къ укрѣпленію, они подняли крикъ, а паръ съ ихъ усталаго тѣла поднимался надъ лѣсомъ какъ облако. Видя это, богемцы недолго колебались и тотчасъ, замѣтивъ ихъ утомленіе, смѣло выскочили изъ засады. Непобѣдимая сестра Фортуны, Беллона, придала имъ смѣлости. О, судьба Фортуна! Ты никогда не бываешь постоянно благосклонна, и на верткомъ колесѣ опускаешь внизъ сильныхъ земли. Подкованнымъ копытомъ лошадей топчетъ она осчастливленныхъ ею, раздавливаетъ имъ животы, утопавшіе въ наслажденіяхъ, и чресла, подпоясанныя пурпуровыми шарфами, извлекаетъ кишки и ломаетъ голени. Стыдно разсказывать подробнѣе о внезапной смерти столь благородныхъ мужей, и недостойно то лѣтописи.

Козьма Пражскій.

Chronicae Bohemorum libri III.

Козьма Пражскій (Cosmas, Pragensis ecclesiae decanus, † 21 окт. 1125) былъ древнѣйшимъ національнымъ писателемъ западныхъ славянъ, писавшимъ въ той средѣ, гдѣ онъ жилъ. См. о его жизни, сочиненіи и продолжателяхъ до 1283 г., ниже, въ томѣ III. Лучшее изданіе его „Трехъ книгъ Богемской хроники“ сдѣлалъ проф. берл. унив. Кёпке, у Пертца, въ Monum. Germ. IX, 1—209 стр.; и Пельцель и Добровскій въ Script. rer. Bohem. I, 1—282 стр.

51.—Гамбургская эпархія при Гейнрихѣ III и въ малолѣтство Гейнриха IV: Адальбертъ Бременскій. 1043—1072.

(Въ 1075 г.).

Предисловіе автора.

Блаженному отцу и небесному избраннику, Гамбургскому архіепископу Лимару (преемнику Адальберта, съ 1072 г.) посвящаетъ *Адамъ*, ничтожнѣйшій служитель св. Бременской церкви, свой малый даръ безпредѣльной преданности.

Когда еще прежде (въ 1068 г.) я былъ пріобщенъ вашимъ предшественникомъ, евангелическимъ пастыремъ (т.-е. Адальбертомъ Бременскимъ) къ числу его паствы, я ни о чемъ такъ не думалъ, какъ о томъ, чтобы не оставаться неблагодарнымъ за оказанное мнѣ благодѣяніе и милость. Изъ своего опыта и разсказовъ другихъ я вскорѣ убѣдился, что первенство древней славы вашей церкви весьма умалилось, и что она нуждается въ содѣйствіи многихъ строителей, а потому я давно уже размышлялъ, какимъ трудомъ можно было бы и мнѣ подать помощь нашей метропольной церкви, при истощеніи ея силъ. Иное перечитывая, а иное выслушивая отъ разскащиковъ, я узналъ многое изъ дѣяній твоихъ предшественниковъ, которыя, и по своей важности и по крайнему положенію нашей церкви, заслуживаютъ быть предметомъ повѣствованія. Память объ этихъ дѣяніяхъ угасла, и исторія тѣхъ архіепископовъ никѣмъ еще не написана, а потому иной подумаетъ, что они не сдѣлали ничего достопримѣчательнаго, или не нашлось для нихъ трудолюбиваго историка. Убѣдившись же въ необходимости такой исторіи, я рѣшился самъ написать ее въ порядкѣ Бременскихъ или Гамбургскихъ архіепископовъ; такое намѣреніе не можетъ противорѣчить ни моимъ обязанностямъ по службѣ, ни вашей волѣ: какъ сынъ этой церкви, я хочу вывести на свѣтъ жизнь св. отцовъ, которыми она возвысилась и распространилась между язычниками. Конечно, я долженъ тѣмъ болѣе просить снисхожденія къ труду тяжелому и превышающему мои средства, что я не побоялся, почти не имѣя для себя предшественниковъ, пойти ощупью въ потьмахъ по незнакомой дорогѣ, и предпочелъ переносить бремя дней и жаръ въ виноградникѣ Господа (т.-е. въ монастырѣ), нежели оставаться празднымъ внѣ его стѣнъ... Я знаю, что у меня не будетъ недостатка въ порицателяхъ, какъ то издревле бывало со всѣми, кто брался за что нибудь новое; они скажутъ, что все, приведенное мною, выдумка и ложь, какъ тотъ „Сонъ Сципіона" у Туллія (т.-е. Цицерона); пусть такъ, они могутъ даже сказать, если имъ угодно, что мой сонъ притомъ вышелъ изъ „воротъ слоновой кости" Марона (т.-е. Виргилія; см. Энеид. VI, 894 ст. и слѣд.). Но я и не имѣлъ въ виду понравиться всѣмъ, и желалъ бы угодить одному тебѣ, мой отецъ, и твоей церкви; удовлетворить же завистниковъ весьма трудно. Если же несправедливость ихъ того требуетъ, то я открою тебѣ, съ какихъ полей я собиралъ цвѣты для своего вѣнка (т.-е. какими пользовался источниками), чтобы меня нельзя было обвинить въ томъ, что я подъ видомъ истины вплеталъ и ложь. О томъ, что я писалъ, я заимствовалъ иное въ разсѣянныхъ листахъ хроникъ, многое же изъ историческихъ сочиненій и папскихъ грамотъ, но болѣе всего изъ разсказовъ опытныхъ старожиловъ; и призываю истину въ свидѣтели, что мною ничего не выдумано изъ головы, ничего не сказано безъ основанія, и все изложенное подкрѣплено такими вѣрными свидѣтельствами, что если иной не повѣритъ мнѣ, то по крайней мѣрѣ окажетъ довѣріе моимъ поручителямъ. Но пусть знаютъ всѣ, что я своимъ предпріятіемъ не дѣлаю никакихъ притязаній на званіе историка, и также мало боюсь, если кто назоветъ меня лжецомъ;

я собралъ матеріалы, и предоставляю другому изобразить то лучше, что я не могъ хорошо выразить. Я начну съ св. Виллегада (VIII в.), когда франки покорили саксовъ и подчинили ихъ служенію Богу, а кончу твоимъ спасительнымъ вступленіемъ въ должность (1072 г.), и молю при этомъ всемогущаго Бога, чтобы Онъ, поставивъ тебя во главѣ народа, долго заблуждавшагося и стѣсненнаго, исправилъ твоими трудами, въ теченіе твоихъ дней, то, что извратилось среди насъ, и исправленное сохранилъ на вѣки; чтобы евангеліе, при обращеніи язычниковъ, начатомъ давно твоими предшественниками, пронеслось по всему сѣверу въ возможно скоромъ времени, и да ниспошлетъ намъ то Іисусъ Христосъ, нашъ Господь, его же царствію не будетъ конца отнынѣ и до вѣка. Аминь!

Первая книга.

Вся первая книга (65 главъ) посвящена авторомъ древнѣйшему періоду исторіи Гамбургской церкви, начиная отъ перваго ея епископа *Виллегада*, ученика св. Бонифація, котораго престолъ утвердилъ въ Бременѣ Карлъ Великій, 788 г., и до смерти епископа *Унни*, умершаго въ годъ вступленія Оттона В, на престолъ, 936 года. Въ этой книгѣ авторъ сначала говоритъ вообще о древней Саксоніи, о ея завоеваніи Карломъ В., объ основаніи епископства Бременскаго, и о дѣятельности его преемниковъ по распространенію христіанства на сѣверѣ между данами, изъ которыхъ въ IX столѣтіи особенно прославились *Анскарій* (847—765), *Адальгаръ* (888—909) и *Унни* (918—936). Изложивъ ихъ неутомимые труды въ безвѣстномъ краѣ, авторъ въ заключеніе первой книги обращается къ другимъ епископамъ западной Европы, не знавшимъ подобныхъ трудовъ, и говоритъ: „Хорошо вамъ, прочимъ епископамъ! вы возсѣдаете тамъ спокойно, и въ вашихъ епископскихъ обязанностяхъ первое мѣсто занимаютъ наслажденія кратковременной славой, корыстью, желудкомъ и сномъ. Оглянитесь [1]), прошу васъ, назадъ на этого бѣднаго, но почтеннаго и великаго пастыря Христова, заключившаго такъ славно свою жизнь и доказавшаго потомству, что нельзя оправдывать свою лѣность трудностями времени и мѣста, ибо онъ, подвергая себя опасности и на морѣ, и на сушѣ, ходилъ къ дикимъ народамъ сѣвера, и съ такою ревностью отправлялъ свои обязанности, что умеръ, предавъ свой духъ Христу, на самыхъ отдаленныхъ оконечностяхъ земли" (гл. 65). Такъ авторъ говоритъ объ епископѣ Унни, который ходилъ на проповѣдь въ Швецію и умеръ тамъ въ Биркѣ, близъ Упсалы.

Вторая книга.

Теперь послушай, читатель, что гласитъ моя вторая книга.

Содержаніе второй книги обнимаетъ собою исторію Гамбургской епархіи отъ вступленія на престолъ *Адальдага* (936 г.) и до вступленіи Адальберта, знаменитѣйшаго изъ всѣхъ Бременскихъ епископовъ (1043 г.). Въ первыхъ 14

[1]) Этотъ укоръ весьма замѣчателенъ въ устахъ автора, при жизни котораго, какъ онъ самъ говоритъ, описывая ниже нравы своего современника, епископа Адальберта, и Бременскіе епископы съ трудомъ могли бы оглянуться назадъ.

глав., авторъ говоритъ о тѣсныхъ отношеніяхъ, въ которыхъ стоялъ Адальдагъ съ Оттономъ В., при которомъ открылось новое поприще для дѣятельности Гамбургскихъ епископовъ, а именно, обращеніе славянъ и подчиненіе ихъ нѣмцамъ, для прочности котораго Оттонъ В. открылъ новое архіепископство въ Магдебургѣ, 971 г. съ пятью епископствами: Мерзебургъ, Цейцъ, Мейссенъ, Бранденбургъ, а шестое, Ольденбургъ, подчинилъ Гамбургскимъ епископамъ. Это послѣднее обстоятельство доставило автору случай сдѣлать весьма важное для насъ отступленіе для описанія земель славянскихъ.

15. Такъ какъ теперь зашла рѣчь объ этихъ странахъ, (т. е. славянскихъ), то, кажется, небезполезно будетъ при этомъ показать, какіе именно народы по ту сторону Эльбы принадлежатъ къ Гамбургскому діоцезу. Съ западной стороны этотъ діоцезъ омывается Британскимъ (н. Нѣмецкое море) океаномъ, съ юга рѣкой Эльбой, съ востока р. Пѣною (н. Pene), впадающею въ Варварское море (т. е. Балтійское), а съ сѣвера рѣкою Эгдоръ (н. Эйдеръ), отдѣляющей датчанъ отъ саксонцевъ. Заэльбскіе же саксы состоятъ изъ трехъ народовъ: первые изъ нихъ, *тедмарсгофы* (дитмарсы), живутъ у Океана и главная ихъ церковь въ Мелиндорнѣ (Мельдорфъ); вторые — *голзаты* (голштинцы), такъ названные по лѣсамъ (Holz), при которыхъ они обитаютъ. Чрезъ ихъ землю протекаетъ р. Стурія (Стёръ), а главная церковь ихъ въ Сканафельдѣ (Шёнфельдъ). Третьи и замѣчательнѣйшіе изъ нихъ—*штурмары*, такъ названные по ихъ склонности къ частымъ возмущеніямъ. Между ними, какъ метрополія, возвышаетъ главу свою Гамбургъ (Hammaburg), прежде могущественный по воинамъ и оружію, богатый землей и плодами, теперь же (въ 1075 г.) въ наказаніе за свои грѣхи, превращенный въ пустыню. Гамбургская метрополія хотя и перестала быть украшеніемъ города, но она еще сильна и въ своемъ вдовствѣ, и утѣшается ревностною дѣятельностію чадъ своихъ, которые съ каждымъ днемъ своею проповѣдью распространяютъ ея власть по далекому сѣверу.

Мы нашли также и границу Саксоніи, лежащей по ту сторону Эльбы, какъ она опредѣлена Карломъ (Великимъ) и другими императорами, и въ какомъ видѣ существуетъ и до сихъ поръ. Она простирается отъ восточнаго берега Эльбы до маленькаго ручейка, называемаго славянами Месценрейца; отъ него граница идетъ чрезъ дельвундерскій лѣсъ до рѣки Дельвунды; дойдя до Горгенбищъ (Горнбекъ) и Биленыспринга (Bilquelle), она поворачиваетъ къ Ліудвинштейну, Виспиркону (Везенбергъ) и Бирцнигу (Бизенницъ). Оттуда же, идя на Горбинстенонъ до Травенскаго лѣса (Травенгорстъ) и вверхъ по нему вплоть до Булилункина (Блункъ), потомъ до Агримессгофа, постепенно поднимается до такъ называемаго Агримесвидильскаго брода (Штокъ-зее), гдѣ Бургвидо бился на поединкѣ съ славянскимъ воиномъ и умертвилъ его. Въ память того тамъ положенъ камень. Отъ этого мѣста граница идетъ на озеро Кользе (Плёнерзее), и доходитъ на востокѣ до свентифельдскаго поля (Борнгофъ) вплоть до самой рѣки Свентины (Schwentine), по теченію которой границы саксовъ достигаютъ Скиѳскаго или Восточнаго моря.

Въ слѣдующей, 16 главѣ, авторъ въ подтвержденіе своихъ словъ ссылается на жизнеописаніе Карла В. у Эгингарда и переписываетъ оттуда 12 главу, начиная отъ словъ: „Отъ западнаго океана протягивается“ и т. д. См. это мѣсто у насъ, выше, на стр. 18.

17. Вотъ, что говоритъ Эгингардъ; но мы, такъ какъ о славянахъ упоминается часто, считаемъ неизлишнимъ сдѣлать историческій очеркъ славянскихъ племенъ и ихъ быта, тѣмъ болѣе, что, какъ я покажу, въ тѣ времена (X ст.) ревностью нашего архіепископа Адальдага почти уже всѣ славяне были обращены въ христіанскую религію.

18. Земля славянъ, обширная область Германіи, населена винулами, которыхъ прежде называли вандалами. Если причислить къ славянамъ, ничѣмъ не отличающихся отъ нихъ ни по наружности ни по языку, богемцевъ и живущихъ по ту сторону Одера полянъ (поляковъ), то ихъ земля вдесятеро будетъ больше нашей Саксоніи. Эта страна, сильная войскомъ и оружіемъ, изобилующая всякаго рода произведеніями, со всѣхъ сторонъ окружена горами, покрытыми лѣсомъ, и рѣками, образующими ея прочныя, естественныя границы. Широта ея простирается отъ юга къ сѣверу, т.-е. отъ Эльбы до Скиѳскаго моря. Длина же ея такова, что начинаясь въ нашей Гамбургской епархіи и простираясь по неизмѣримому пространству, она доходитъ до Бегуаріи (Баваріи), Венгріи и Греціи. Славянскіе народы многочисленны. Между ними на востокѣ мы видимъ сперва пограничныхъ съ трансальбіанцами *вагировъ*, приморскимъ городомъ Альдинбургомъ (Ольденбургъ). За ними слѣдуютъ *ободриты*, нынѣшніе ререги; ихъ городъ Мекленбургъ. Далѣе — за ними живутъ *полабинги*, городъ которыхъ называется Раціспургомъ (Раценбургъ). Далѣе, *лингоны* и *варнабы*. Еще дальше, сидятъ *хицицины* и *цирципаны*; рѣка Пѣна (Пене) отдѣляетъ ихъ отъ *толозантовъ* и *ретеровъ*; у нихъ городъ Диминъ (Демминъ). Такова граница гамбургскаго діоцеза. Есть и еще славянскія племена, живущія между Эльбой и Одеромъ, напр., *гевельды*, обитающіе при рѣкѣ Габолѣ (Гавель), *доксаны*, *леубуццы*, *вилины*, *стодеране* и другіе; *ретаріи*, помѣстившіеся въ срединѣ между ними, самые сильные изъ нихъ. Ихъ городъ, извѣстный всему свѣту, Ретра [1]), служитъ центромъ идолослуженія, гдѣ демонамъ—знаменитѣйшій между коими Редигастъ—построенъ огромный храмъ. Его изображеніе сдѣлано изъ золота, а пьедесталъ изъ пурпура. Самый городъ имѣетъ девять воротъ, окруженъ глубокимъ озеромъ, а чрезъ него перекинутъ деревянный мостъ, но по немъ позволяется проходить только приносящимъ жертвы и желающимъ вопросить оракула; я полагаю, что самое положеніе этого города указываетъ на то, что дѣйствительно погибшія души идолопоклонниковъ,

Девятикратно Стиксъ обтекая въ себѣ заключаетъ [2]).

Изъ Гамбурга до этого храма четыре дня пути [3]).

---

[1]) Близъ нынѣшней деревни Прильвитцъ, въ Ней-Стрелицѣ.

[2]) Энеида, VI, 439.

[3]) Ср. объ этомъ храмѣ у Титмара, VI, 17, выше, на стр. 651.

19. За лутичами, извѣстными еще подъ именемъ вильцевъ, мы встрѣчаемъ рѣку Одеръ, самую богатую изъ славянскихъ рѣкъ. На ея берегахъ, тамъ, гдѣ она соединяется съ Скиѳскими водами (Балтійское море), стоитъ знаменитый городъ Юмна (Іомсбургъ), любимое мѣстопребываніе варваровъ и грековъ, живущихъ вокругъ нея [1]). Такъ какъ объ этомъ городѣ разсказываютъ много великаго и едва ли даже вѣроятнаго, то и я считаю нужнымъ сказать о немъ по крайней мѣрѣ то, что заслуживаетъ упоминовенія [2]). Дѣйствительно, это самый обширный изъ всѣхъ городовъ, существующихъ въ Европѣ (т.-е. языческой). Въ немъ живутъ славяне и другія націи, греки (т.-е. руссы) и варвары. На равныхъ правахъ съ прочими жителями тамъ позволяется жить и пріѣзжимъ саксамъ; разумѣется во время всего пребыванія въ городѣ, они не могутъ открыто исповѣдывать христіанство, ибо всѣ его жители еще ослѣплены идолопоклонническимъ безбожіемъ. Впрочемъ, во всемъ, что касается нравовъ и гостепріимства, не найдется ни одного народа почтительнѣе и услужливѣе жителей Юмны. Этотъ городъ, куда стекаются товары всѣхъ сѣверныхъ націй, владѣетъ всевозможными удобствами и рѣдкостями. Тамъ есть и *вулкановъ горшокъ* (olla Vulcani), называемый туземцами греческимъ огнемъ, о которомъ упоминаетъ Солинусъ. Нептунъ изображенъ въ трехъ видахъ, соотвѣтственно тремъ водамъ, омывающимъ этотъ островъ, зеленой, бѣлой и мутной, отъ волненія и безпрерывныхъ бурь.

Отъ Юмны плывутъ внизъ короткимъ переѣздомъ къ городу Димину, лежащему при устьѣ рѣки Пѣны, гдѣ живутъ руны (ругіи), а оттуда въ провинцію Земландъ (Самогитія), которою владѣютъ пруссы.

Путешествіе это дѣлается слѣдующимъ образомъ: отъ Гамбурга, или Эльбы, до Юмны ѣдутъ сухимъ путемъ 7 дней; если же отправиться водою, то, чтобы прійти въ Юмну, нужно сѣсть на корабль въ Шлезвигѣ или Ольденбургѣ. Изъ Юмны, слѣдуя далѣе, черезъ 14 дней высаживаются на берегъ въ Острогардѣ въ Руціи (Россіи), гдѣ главный городъ Киве (Кіевъ), соперникъ константинопольскаго скипетра, одно изъ великолѣпнѣйшихъ украшеній Греціи (т.-е. Руси).

Одеръ, о которомъ шла рѣчь выше, беретъ свое начало въ глубинѣ моравскаго лѣса, въ одномъ мѣстѣ съ нашей Эльбой; но потомъ они текутъ недолго вмѣстѣ и скоро расходятся по различнымъ направленіямъ. Одеръ, поворачивая, къ сѣверу, течетъ по землѣ винуловъ до Юмны, гдѣ отдѣляетъ померановъ отъ вильцовъ; а Эльба, направляясь къ западу, въ своемъ первоначальномъ теченіи, омываетъ страну богемовъ и сорабовъ, въ среднемъ—раздѣляетъ язычниковъ отъ саксовъ, а въ нижнемъ—ея волнистое русло отдѣляетъ гамбургскій приходъ отъ бременскаго діоцеза, и наконецъ, она побѣдительницею впадаетъ въ Британскій океанъ.

---

[1]) Подъ *греками* авторъ здѣсь разумѣетъ русскихъ купцовъ изъ Кіева, потому что ниже онъ причисляетъ Кіевъ къ городамъ Греціи.

[2]) Критическій разборъ этого важнаго мѣста въ хроникѣ Адама см. у *Грановскаго*, Волинъ, Іомсбургъ и Винета; помѣщ. въ Полн. собр. его сочин. I, 213 стр. и слѣд.

20. Мы потому такъ много говорили о славянахъ и ихъ странѣ, что, благодаря мужеству Оттона Великаго, они уже всѣ обращены въ христіанство. Теперь перейдемъ къ тому, что случилось по смерти императора (послѣ 973 г.), въ остальное время правленія нашего архіепископа Адальдага (т.-е. до 988 г.).

Отъ 21 главы и до конца этой книги авторъ ограничивается тѣснымъ кружкомъ дѣятельности Адальдага и его преемниковъ (Либенцій I, 988—1013; Унванъ, 1013—1029; Либенцій II, 1029—1032; Гериманнъ, 1032—1035; и Безцелинъ, прозванный Алебрандомъ, 1035—1043) на приведеніе въ порядокъ своей эпархіи, прерываемой борьбою съ славянами и сношеніями съ Даніею. Но результатомъ этой дѣятельности было утвержденіе власти Гамбургскихъ епископовъ почти по всему прибрежью Балтійскаго моря, такъ что къ половинѣ XI стол. Гамбургъ сдѣлался столицею огромнаго теократическаго государства. Въ 1043 году на престолъ епископовъ Гамбургскихъ вступаетъ *Адальбертъ* (1043—1072), одинъ изъ самыхъ блестящихъ людей XI вѣка; онъ задумалъ основать сѣверное папство и стать во главѣ Германіи. Такимъ образомъ, благодаря его честолюбію, Гамбургскій епископъ (или Бременскій) становится первымъ лицомъ въ имперіи. Нашъ авторъ посвящаетъ его дѣятельности свою третью книгу, самую главную, въ отношеніи которой первыя двѣ могутъ быть разсматриваемы, какъ введеніе къ ней.

Третья книга.

Третья книга разсуждаетъ о дѣяніяхъ Адальберта.

1. Архіепископъ *Адальбертъ* сидѣлъ на престолѣ двадцать-девять лѣтъ (1043—1072). Пастырскій жезлъ онъ получилъ отъ императора Гейнриха (III), сына Конрада (II), который отъ Цезаря Августа былъ девятидесятымъ императоромъ, считая при этомъ и соправителей. Архіепископскую же мантію ему, какъ и прежде его преемникамъ, прислалъ папа Бенедиктъ (IX), который, какъ то я нашелъ, въ ряду римскихъ святителей былъ, считая отъ апостоловъ, сто-сорокъ-седьмой. Его поставленіе происходило въ Ахенѣ, въ присутствіи императора и князей; при этомъ находилось 12 епископовъ, и всѣ они возложили на него руки. Впослѣдствіи Адальбертъ часто ссылался на такой избытокъ благословенія тѣмъ, которые его проклинали, и смѣясь говорилъ, что онъ не можетъ быть никѣмъ отлученъ послѣ того, какъ въ началѣ своей должности успѣлъ получить торжественное благословеніе столькихъ пастырей церкви.

Но, мой достопочтенный архіепископъ Лимаръ, хотя и трудно мнѣ описать, какъ слѣдуетъ, дѣянія и характеръ этого мужа, однако я нахожу себя вынужденнымъ къ тому, такъ какъ мною обѣщано довести трудъ до дней твоего вступленія въ должность (т.-е. до 1072 г.). Пустившись разъ, по своему безразсудству и дерзости, въ это море, я считаю благоразумнымъ снова поспѣшить къ берегу; не вижу только, гдѣ бы мнѣ неопытному спокойно пристать. До того все преисполнено подводныхъ камней зависти, до того все мелко-

водно, что если ты вздумаешь, что-нибудь похвалить, тебя обнесутъ льстецомъ, если же осудишь дурное, объявятъ злымъ человѣкомъ.

Этотъ замѣчательный человѣкъ можетъ быть превознесенъ всевозможными похвалами, потому что онъ былъ благороднаго происхожденія, красивой наружности, обладалъ большою мудростью, краснорѣчіемъ, воздержностью и цѣломудріемъ; всѣ эти преимущества онъ соединялъ въ себѣ; но кромѣ того онъ имѣлъ и другія, пріобрѣтаемыя нами извнѣ, а именно, богатство и счастье, чѣмъ добывается слава и власть; и всѣмъ этимъ Адальбертъ обладалъ съ избыткомъ. Въ распространеніи христіанства среди язычниковъ—а это составляетъ главное призваніе Гамбургской церкви—онъ обнаружилъ такую дѣятельность, какой никто не показалъ до него. Относительно торжественности богослуженія, уваженія къ апостольскому престолу, вѣрности государству, заботъ о своей епархіи, не было ему подобнаго, кто въ званіи духовнаго пастыря дѣйствовалъ бы съ бо̀льшимъ рвеніемъ, и о, еслибы онъ остался такимъ до конца! Выказавъ себя такимъ въ началѣ своей дѣятельности, въ послѣдніе годы жизни онъ отличался уже гораздо менѣе. Правда, такое ослабленіе въ его дѣятельности произошло не отъ одной его непредусмотрительности и небрежности, но и отъ внушенія злобы другихъ. Но объ этомъ будетъ сказано ниже. Такъ какъ мнѣ трудно изложить всѣ дѣянія этого мужа съ надлежащею полнотою, обстоятельно и въ порядкѣ, то я желаю, коснувшись однихъ главныхъ сторонъ его дѣяній, перейти съ болѣзненнымъ чувствомъ къ описанію тѣхъ бѣдствій, вслѣдствіе которыхъ богатая Гамбургская и Бременская епархія пали до того, что Гамбургъ былъ ограбленъ язычниками, а Бременъ разбитъ лжехристіанами. Я начну свой разсказъ съ описанія характера Адальберта, который объяснитъ намъ все остальное.

2. Онъ былъ весьма знатнаго происхожденія; въ Гальберштадтѣ дали ему первое его званіе священника; умъ его былъ проницателенъ и снабженъ всякаго рода способностями. Въ дѣлахъ мірскихъ и церковныхъ Адальбертъ обладалъ большою мудростью, славился своею страшною памятью, хранившею все, что онъ разъ слышалъ или серьезно изучалъ, и необыкновеннымъ даромъ краснорѣчія въ изложеніи однажды усвоеннаго. Далѣе, онъ былъ одинаково знаменитъ тѣлесною красотою и считался другомъ цѣломудрія. Его щедрость была такова, что онъ съ большою готовностью и радостью награждалъ богатыми дарами даже такихъ, которые о томъ не просили, но самъ считалъ недостойнымъ просить другихъ о чемъ нибудь, съ затрудненіями принималъ подарки и чувствовалъ себя при этомъ униженнымъ. Такой же характеръ носило на себѣ его смиреніе: онъ обнаруживалъ его только по отношенію рабовъ божіихъ, бѣдныхъ и странниковъ, и притомъ въ такой степени, что, отправляясь ко сну, онъ часто мылъ, ставъ на колѣни, ноги у тридцати и болѣе нищихъ; за то его смиреніе исчезало, когда приходилось имѣть дѣло съ сильными земли, или лицами равнаго съ нимъ достоинства. Противъ нихъ онъ обнаруживалъ такую нетерпимость, что въ глаза указывалъ одному его расточительность, другому—корыстолюбіе, невѣріе, и никого не щадилъ, кто только казался ему достойнымъ порицанія.

При такомъ рѣдкомъ соединеніи въ *одинъ* вѣнецъ столькихъ добродѣтелей, Адальберта можно было бы назвать счастливымъ, если бы туда не замѣшался *одинъ* порокъ, ненавистность котораго омрачала весь блескъ славы, которою могъ бы сіять архіепископъ: это, именно —любовь къ суетѣ, довѣренная служанка знатныхъ людей. Она сдѣлала этого мудраго въ другихъ отношеніяхъ мужа столь нелюбимымъ, что многіе говорили, если онъ и сдѣлалъ много хорошаго, то только для пріобрѣтенія земной славы. Но разсуждающіе такъ должны остерегаться осуждать его безусловно, ибо имъ извѣстно, что въ сомнительныхъ случаяхъ не слѣдуетъ произносить рѣшительнаго приговора, а помнить, что „тѣмъ же судомъ, которымъ судишь другого, осуждаешь себя" (Римл. 2. 1.).

Намъ, которые жили вмѣстѣ съ этимъ мужемъ и наблюдали за нимъ каждый день, извѣстно, что, какъ человѣкъ, онъ дѣлалъ иное для мірской славы, но многое совершено имъ по истинному страху господню. Конечно, его щедрость превышала всякую мѣру, но я всегда находилъ, что она имѣла хорошія побужденія, а именно, чтобы обогатить церкви, онъ располагалъ къ ней иныхъ своею щедростью, наприм., королей и ихъ ближайшихъ совѣтниковъ; за то другихъ, сколько нибудь опасныхъ для церкви, онъ преслѣдовалъ всею ненавистью, наприм., нашихъ (т.-е. саксонскихъ) герцоговъ и нѣкоторыхъ епископовъ. Часто, мы слышали, говаривалъ онъ, что, для блага церкви, готовъ пожертвовать собою и своими родными; „ибо, объявлялъ онъ, я никого не пощажу, ни себя, ни братьевъ, ни денегъ, ни самую церковь, только чтобы свергнуть иго съ моего епископства и сдѣлать его равнымъ другимъ". Впрочемъ, лучше будетъ все это изложить по порядку, чтобы люди разумные могли понять какъ достохвально многое совершено имъ, и притомъ безъ всякаго легкомыслія, а скорѣе, поневолѣ, что другимъ, непонимающимъ дѣла, кажется безразсуднымъ и даже безсмысленнымъ.

Въ послѣдующихъ главахъ, отъ 4 и до 26, авторъ описываетъ довольно сжато первые шесть лѣтъ правленія Адальберта (1043—1049), когда онъ дѣлалъ приготовленія для будущей своей знаменитой роли и укрѣплялъ внутри свою власть, стараясь расположить къ себѣ и императора Гейнриха III, и папъ. Руками императора онъ старался связать опаснаго для его видовъ герцога саксонскаго Бернгарда, ходилъ съ императоромъ въ походы противъ венгровъ, фризовъ, итальянцевъ, даже былъ избранъ въ папы, но отказался. Болѣе всего, въ этотъ періодъ, дѣятельность Адальберта была посвящена Скандинавіи и славянамъ, а потому и авторъ долго останавливается на сношеніяхъ съ сосѣдями, которыя кончились подчиненіемъ Даніи, Швеціи, Норвегіи и славянъ гамбургскому епископству. Наконецъ, авторъ разсказываетъ, какъ Адальбертъ выстроилъ на одной сторонѣ Гамбурга первую крѣпость, и какъ на другой сторонѣ (н. Alster) его соперникъ Бернгардъ устроилъ подобное же, такъ что старый городъ принадлежалъ епископу, а новый—герцогу. Вмѣстѣ съ тѣмъ Адальбертъ особенно заботился о внѣшней обстановкѣ богослуженія, приготовляя тѣмъ обращеніе Гамбурга въ сѣверный Римъ. „Онъ, говоритъ авторъ (гл. 26), такъ былъ преданъ внѣшнему блеску, что отправлялъ богослуженіе не по латинскимъ обрядамъ, но, опираясь на какіе-то, не знаю, римскіе или гре-

ческіе обычаи....... И многое другое дѣлалъ онъ, что невѣжественнымъ людямъ нашего времени казалось страннымъ, между тѣмъ, какъ онъ ничего не устроивалъ помимо писанія, и имѣлъ въ виду богатствами и славою поставить свою церковь на первое мѣсто, лишь только ему удастся склонить на свою сторону короля и папу. Ихъ-то расположеніе онъ и старался пріобрѣсть всѣми мѣрами". Къ описанію этихъ мѣръ авторъ и переходитъ за тѣмъ.

27. Около этого времени (1049 г.), король Гейнрихъ (III), употребивъ несмѣтныя государственныя сокровища, основалъ въ Саксоніи Госларъ, обративши его, какъ разсказываютъ, изъ маленькой мельницы, или охотничьяго шалаша, въ такой огромный городъ, какимъ теперь мы его видимъ. Въ немъ для себя онъ построилъ дворецъ, и во славу всемогущаго Бога открылъ два монастыря; управленіе же и высшій надзоръ надъ однимъ изъ нихъ поручилъ нашему архіепископу, такъ какъ онъ во всемъ былъ его неразлучнымъ спутникомъ и сотрудникомъ. Въ то же время ему подана была надежда на пріобрѣтеніе или покупку графствъ, аббатствъ и помѣстьевъ, въ послѣдствіи дѣйствительно купленныхъ нами къ великому несчастію для церкви, это были монастыри Лоршъ и Корби (Корвей), графства Бернгарда и Экибрехта, помѣстья Синцигъ (н. Sinzig) Плисна, Гренингенъ, Диспаргъ (н. Duisburg) и Лисмона. Пріобрѣвъ эти владѣнія уже въ сомнительныя минуты своего господства, нашъ первосвятитель возмечталъ, какъ-то прекрасно сказано о Ксерксѣ, „перейти море и переплыть землю", и думалъ, что онъ можетъ сдѣлать все, что ни захотѣлъ бы.

28. При этомъ онъ разсчитывалъ, въ особенности, на то обстоятельство, что папа Левъ (IX) по крайнимъ дѣламъ церкви прибылъ въ Германію; и Адальбертъ былъ увѣренъ, что папа, по старой дружбѣ, не откажетъ ему ни въ чемъ, чего каждый можетъ достигнуть законнымъ порядкомъ.

Въ то время, въ Майнцѣ былъ созванъ знаменитый соборъ подъ предсѣдательствомъ апостолическаго государя и короля Гейнриха, при содѣйствіи епископовъ—Бардо майнцскаго, Эбергарда трирскаго, Гериманна кельнскаго, *Адальберта гамбургскаго*, Энгильгарда магдебургскаго и прочихъ провинціальныхъ церковныхъ настоятелей. На этомъ соборѣ епископъ шпейерскій Сибико былъ оправданъ, подвергнувшись испытанію св. причастіемъ (см. выше, на 194 стр.), а его обвиняли въ обольщеніи замужней женщины. Далѣе, на томъ же соборѣ сдѣлано было много постановленій, клонившихся къ утвержденію порядка церкви; главное же, тамъ вмѣстѣ съ нечестивыми священническими браками навсегда было осуждено собственноручною подписью всѣхъ членовъ собора ересь симоніи. Нашъ архіепископъ, воротившись домой, разумѣется, не сталъ молчать объ этомъ. Касательно женщинъ онъ подтвердилъ опредѣленіе, сдѣланное его знаменитымъ предшественникомъ Алебрандомъ и еще прежде того Либенціемъ, по которому женщины должны были жить за чертой церкви и города, чтобы сосѣдство обольстительницъ съ ихъ вольными рѣчами не оскорбляло цѣломудреннаго взгляда.

Этотъ соборъ былъ въ 1051 году, т.-е. въ седьмомъ году прав-

ленія архіепископа. Въ это же время былъ посвященъ самый большой алтарь въ честь Божіей матери.

30. Объ этомъ соборѣ я упомянулъ именно потому, что владыка Адальбертъ превзошелъ на немъ своею мудростію и дарованіями почти всѣхъ славныхъ мужей церкви. И папа, и король, считали его за великаго человѣка, такъ что въ публичныхъ дѣлахъ никогда не обходились безъ его совѣта. Король же нуждался въ немъ даже и въ военныхъ вопросахъ, гдѣ духовное лицо вовсе не у мѣста; умъ Адальберта онъ не разъ испыталъ въ борьбѣ съ врагами; искусный итальянскій полководецъ Бонифацій (тосканскій), Готфридъ (лотарингскій), Оттонъ (баварскій) Балдуинъ (фландрскій) и другіе, производившіе мятежи въ имперіи и старавшіеся, казалось, утомить короля трудной борьбой, знали хорошо Адальберта, и даже покорившись королю, хвастались тѣмъ, что только одинъ умъ архіепископа могъ побѣдить ихъ.

Что же касается варварскихъ народовъ, венгровъ, датчанъ, славянъ или, по крайней мѣрѣ, норманновъ, то вообще нужно замѣтить, что императоръ чаще побѣждалъ ихъ благоразуміемъ, чѣмъ войной, слѣдуя правилу внушенному ему нашимъ архіепископомъ:

Кто лежитъ, ты щади, непокорнаго-жъ бей безпощадно [1])!

Къ довершенію нашего счастія случилось еще одно обстоятельство: храбрый греческій императоръ Мономахъ (Константинъ X, 1042—1054) и Гейнрихъ (I) французскій прислали нашему императору дары, а архіепископу нашему привѣтъ за его мудрость и преданность, въ благодарность за счастливо оконченную по его совѣту войну; вслѣдствіе того и онъ, въ своемъ отвѣтномъ посланіи константинополитанамъ, между прочимъ, съ особенною гордостію указывалъ на свое происхожденіе отъ греческихъ императоровъ, такъ какъ его родоначальниками были Ѳеофанія и храбрый Оттонъ, и говорилъ, что послѣ того нисколько не удивительно, если онъ любитъ грековъ и старается подражать имъ въ нравахъ и обычаяхъ, а онъ именно это дѣлалъ.

Подобное же письмо послалъ онъ къ королю французскому и другимъ.

32. Итакъ, нашъ глава, возгордясь своимъ успѣхомъ и внѣ, и видя, что папа и король содѣйствуютъ его планамъ, съ горячею ревностію принялся трудиться надъ учрежденіемъ въ Гамбургѣ *патріархата*. На этотъ планъ навело его то крайнее обстоятельство, что датскій король, такъ какъ христіанство у него распространилось до послѣднихъ предѣловъ земли, желалъ учредить архіепископство въ своемъ королевствѣ. Это дѣло, съ разрѣшенія апостольскаго престола и согласно съ каноническими правилами, почти уже состоялось; ожидали только рѣшенія нашего архіепископа. Онъ обѣщалъ дать свое согласіе, если ему и его церкви прислана будетъ изъ Рима грамота на патріаршее достоинство. Этому патріархату, вмѣстѣ съ провинціальными епископами нашей церкви въ Даніи и другихъ стра-

---

[1]) Виргил. Энеид. VI, 854.

нахъ, онъ намѣревался подчинить двѣнадцать епископствъ, которыя хотѣлъ образовать изъ раздѣленія своей епархіи: первый епископъ долженъ былъ находиться въ Палымѣ (Pahlen) на рѣкѣ Эгдорѣ (р. Эйдеръ), второй въ Гелиганштадѣ, третій въ Рацебургѣ, четвертый въ Ольденбургѣ, пятый въ Мекленбургѣ, шестой въ Штаде, седьмой въ Лисмонѣ, восьмой въ Вильдегаузенѣ, девятый въ Бременѣ, десятый въ Верденѣ, одиннадцатый въ Рамзолѣ, двѣнадцатый въ Фрисландіи. Подчинивъ себѣ безъ особеннаго труда Верденское епископство, онъ тѣмъ не рѣдко хвалился.

33. Между тѣмъ какъ это дѣло съ обѣихъ сторонъ тянулось, умеръ святѣйшій папа Левъ (IX), и въ томъ же самомъ году преставился и храбрый императоръ Гейнрихъ (III) [1]). Послѣ ихъ смерти не только церковь пришла въ замѣшательство, но и самое государство, казалось, стало на край погибели.

Все зло, какое испытало въ то время Гамбургское архіепископство, произошло отъ того, что архіепастырь нашъ весь предался придворнымъ дѣламъ.

Управленіе государствомъ, по праву наслѣдства, перешло, къ великому ущербу для всѣхъ, въ руки женщины и дитяти [2]). Князья, отвергая съ негодованіемъ правленіе женщины и власть дитяти, сначала, чтобы не остаться подъ игомъ такого рабства, возвратили себѣ прежнія вольности, а потомъ начали между собою споръ, кто изъ нихъ могущественнѣе, и наконецъ дерзнули поднять оружіе противъ своего государя съ намѣреніемъ свергнуть его съ престола. Все это легче было видѣть глазами, чѣмъ теперь описать перомъ.

Наконецъ, когда волненіе уступило мѣсто спокойствію, архіепископы Адальбертъ и Анно [3]) были провозглашены *консулами* [4]), и съ того времени все зависѣло отъ нихъ. Не смотря на благоразуміе этихъ мужей и ревностную ихъ дѣятельность въ заботахъ о государствѣ, оказалось, что они пользовались не одинаковымъ вліяніемъ. Потому видимое согласіе обоихъ епископовъ продолжалось не долго, и хотя на словахъ они были миролюбивы, но сердца ихъ бились смертельною ненавистью другъ къ другу. Справедливость, конечно, была на сторонѣ Бременскаго архіепископа, такъ какъ онъ обнаруживалъ больше мягкосердечія и объявилъ, что нужно до гроба хранить вѣрность своему королю и государю; Кельнскій же владыка, человѣкъ нрава жестокаго, былъ даже обвиненъ въ нарушеніи вѣрности королю, и участвовалъ во всѣхъ заговорахъ, составлявшихся въ его время.

34. Поэтому, корыстолюбивый Анно употребилъ все, что могъ собрать дома и при дворѣ на украшеніе своей церкви, такъ что она, бывъ уже прежде великою, не имѣла себѣ равной во всемъ королевствѣ. Онъ покровительствовалъ своимъ родственникамъ, друзьямъ и капелланамъ, замѣщалъ ими высшія, почетныя мѣста, съ тѣмъ,

---

[1]) Левъ IX ум. собственно еще 19 апр. 1054, а Гейнрихъ III 5 окт. 1056 г.

[2]) Т.-е. малолѣтняго Гейнриха IV и матери его Агнесы.

[3]) Анно или Ганно, архіепископъ Кельнскій, 1056—1075.

[4]) Со времени Оттона III утвердился обычай употреблять римскіе титулы (см. стр. 552): консулъ—правитель.

чтобы они въ свою очередь устраивали своихъ друзей на высшихъ мѣстахъ. Изъ нихъ извѣстнѣйшіе были: братъ архіепископа, Вецель, архіепископъ магдебургскій, и ихъ двоюродный братъ, Буркгардъ, епископъ гальберштадскій, также Куно, назначенный-было въ Триръ епископомъ, но прежде поступленія на эту каѳедру, завистью духовенства украшенный мученическимъ вѣнцомъ. Равнымъ образомъ Гильбертъ, епископъ Минденскій и Вильгельмъ Утрехтскій. Кромѣ того въ Италіи патріархъ Аквилейскій, епископъ Пармскій и другіе — всѣхъ не перечтешь; всѣ они, возвысясь по милости и стараніямъ Анно, наперерывъ старались заплатить своему благодѣтелю содѣйствіемъ въ его предпріятіяхъ и разсчетахъ. Впрочемъ до насъ дошло, что этотъ мужъ сдѣлалъ нѣсколько и хорошаго, какъ въ свѣтскомъ, такъ и въ духовномъ отношеніи.

35. А нашъ глава, увлекаемый мірскою славою и почестями, считалъ недостойнымъ себя покровительствовать своимъ, хотя и держалъ при себѣ цѣлую толпу алчущихъ; ему казалось позорнымъ, если король или кто нибудь изъ вельможъ оказывалъ благодѣяніе его приближеннымъ, „которыхъ, по его словамъ, онъ могъ наградить также хорошо, если не лучше“. Поэтому очень немногіе изъ его приближенныхъ получали епископское достоинство съ его одобренія; за то впрочемъ, многихъ изъ нихъ, хорошо владѣвшихъ языкомъ и ловко успѣвшихъ исполнять его порученія, онъ осыпалъ золотомъ. Такимъ образомъ, произошло то, что ради мірской славы онъ принималъ къ себѣ людей всякаго сорта и всякихъ художествъ, въ особенности же лицемѣровъ [1]). Густая толпа такихъ людей постоянно окружала его при дворѣ; онъ таскалъ ее съ собою всюду, куда ни отправлялся, и увѣрялъ другихъ, что она не только не тяготитъ его, но даже увеселяетъ (см. ниже гл. 37).

Между тѣмъ, деньги, полученныя имъ съ своихъ подчиненныхъ, отъ друзей и съ тѣхъ, которые посѣщали дворъ или подвергались королевскому наказанію, эти деньги, и весьма значительныя, расточалъ онъ на негодяевъ, шарлатановъ, лекарей, комедіантовъ и другія лица подобнаго рода, неблагоразумно разсчитывая на любовь такихъ людей, чтобы понравиться при дворѣ, стать во главѣ своего управленія и такимъ образомъ достичь цѣлей, которыя онъ преслѣдовалъ для блага своей церкви. Сверхъ того, онъ дѣлалъ своими вассалами всѣхъ мужей прославившихся, или отличившихся въ Саксо-

---

[1]) Вся хроника Адама Бр. покрыта, какъ и произведенія древнихъ классиковъ, замѣчаніями схоліастовъ, числомъ до 152, которые пополняли отъ себя то, что было у автора выражено коротко. Такъ, по поводу этого мѣста, 78 схолія замѣчаетъ: „Между такими находился одинъ пришелецъ Павелъ, обращенный еврей, который, послѣ своего странствованія по Греціи, не знаю, изъ любознательности, или по любостяжанію, по возвращеніи своемъ, присталъ къ нашему архіепископу, хвалясь, что онъ можетъ сдѣлать мудрецовъ въ три года изъ людей, которые не знали бы даже читать, и изъ мѣди добыть красное золото. Безъ всякаго труда онъ заставилъ архіепископа вѣрить всему, что бы онъ ни говорилъ, и ко всей своей лжи присоединилъ то, что онъ вскорѣ позаботится о томъ, чтобы учредить въ Гамбургѣ общественную золотую монету и пустить ее въ ходъ вмѣсто византійскаго денарія“.

ніи и другихъ странахъ: однимъ изъ нихъ отдавалъ то, что имѣлъ, другимъ обѣщалъ то, чего и не имѣлъ, и такимъ образомъ, къ великому вреду для души и тѣла, покупалъ себѣ пустой звонъ суетной славы. Разъ заразившись этимъ недугомъ, съ теченіемъ времени и до самаго конца нравы архіепископа дѣлались все хуже и хуже.

36. Въ то самое время, когда Адальбертъ такъ возгордился почестями, оказываемыми ему при дворѣ, и сдѣлался невыносимымъ бременемъ для своей бѣдной эпархіи, прибылъ онъ въ Бременъ, по обыкновенію, въ сопровожденіи огромной толпы вооруженныхъ, чтобы обременить народъ и землю новыми налогами. Тогда же построены были имъ и тѣ зáмки, которые возбуждали въ нашихъ герцогахъ такое сильное негодованіе; но къ устройству монастырей у него уже не было болѣе прежней ревности. Удивителенъ былъ нравъ этого человѣка: бездѣйствіе для него было невыносимо, и не смотря на множество дѣлъ дома и внѣ, ожидавшихъ его рѣшенія, онъ никогда не утомлялся. Поэтому, наше епископство, и безъ того обѣднѣвшее вслѣдствіе его расточительности и безумныхъ усилій пріобрѣсть расположеніе ненасытнаго двора, теперь постройкой зáмковъ и пріорствъ было доведено до погибели. Онъ даже приказалъ развесть сады и виноградники на нашей дурной почвѣ (т.-е. около Гамбурга), и не смотря на безполезность и невыполнимость этой причуды, усердно выплачивалъ огромныя суммы исполнителямъ своихъ плановъ. Такимъ образомъ, высокій умъ этого мужа боролся даже и съ природой своего отечества и желалъ владѣть всѣмъ, что гдѣ либо видалъ замѣчательнаго. Послѣ долгаго и тщательнаго размышленія о причинахъ такой слабости, я нашелъ, что иногда и столь мудрые люди отъ чрезмѣрной привязанности къ мірской славѣ могутъ ослабѣть въ своемъ характерѣ. Кичась во дни своего земного богатства и величія, онъ не зналъ мѣры въ своемъ стремленіи къ высокомѣрію, а въ несчастіи, совершенно падая духомъ, безъ мѣры поддавался гнѣву и скорби. Такимъ образомъ, онъ переступалъ границы въ обоихъ случаяхъ, какъ въ добрѣ, когда принималъ участіе въ страданіяхъ другихъ, такъ и въ злѣ, когда выходилъ изъ себя.

37. Доказательствомъ тому служитъ то, что въ гнѣвномъ бѣшенствѣ онъ своими собственными руками билъ нѣкоторыхъ до крови, напр., такъ поступилъ онъ съ своимъ пріоромъ и другими. Между тѣмъ въ хорошемъ расположеніи духа, которое въ этомъ случаѣ лучше назвать страстью дѣлать подарки, онъ былъ до того расточителенъ, что, считая фунтъ серебра за одинъ пфеннингъ, самымъ ничтожнымъ людямъ бросалъ сотни фунтовъ серебра, а болѣе знатнымъ дарилъ и бóльшія суммы. Потому, когда онъ былъ гнѣвенъ, всѣ бѣжали отъ него, какъ отъ льва, когда же опять успокоивался, его можно было гладить какъ ягненка. Приближенные и даже посторонніе особенно легко утишали его гнѣвъ льстивыми похвалами; тогда онъ становился другимъ человѣкомъ, и начиналъ улыбаться своему льстецу. Я самъ часто видѣлъ, какъ пользовались этой слабостію лицемѣры, со всего свѣта стекавшіеся въ его покои, какъ словно въ какую нибудь помойную яму, и которые, по его мнѣнію, необходимы князьямъ для внѣшняго блеску. Всякаго чѣмъ нибудь

извѣстнаго при дворѣ или самому королю, онъ удостоивалъ своего общества, а прочихъ придворныхъ отпускалъ съ подарками. Такимъ образомъ, онъ обольщалъ даже людей почтенныхъ и занимавшихъ высокія духовныя должности; изъ честолюбиваго стремленія попасть въ его кругъ, они дѣлались постыдными льстецами. Между тѣмъ какъ людей, неумѣвшихъ, или просто не хотѣвшихъ льстить, на нашихъ глазахъ выпроваживали изъ архіепископскаго дворца, какъ простыхъ и глупыхъ, желая, вѣроятно, тѣмъ самымъ сказать:

Бѣги отъ жизни придворной,
Если желаешь себя сохранить.

Или:

Тотъ зовется доносщикомъ, правду кто говоритъ намъ.
(Ювен. I. 161).

Лжецы же у насъ получили такой перевѣсъ, что и говорившимъ правду нельзя было вѣрить, хотя бы они клялись. Вотъ, какими людьми наполненъ былъ епископскій домъ.

38. Кромѣ того, къ нимъ каждый день приходили и другіе льстецы, дармоѣды, снотолкователи, разнощики новостей, и то, что они выдумывали, и что, полагали, можетъ понравиться намъ, выдавали за откровеніе, сообщенное имъ ангелами. Такъ, они всенародно предсказывали, что *Гамбургскій патріархъ* (какъ позволялъ называть себя нашъ архіепископъ) скоро будетъ папой, его соперники должны быть удалены отъ двора; что онъ одинъ и долгое время будетъ управлять государствомъ и достигнетъ такой глубокой старости, что останется болѣе пятидесяти лѣтъ архіепископомъ, и наконецъ, въ правленіе этого мужа настанетъ для свѣта золотой вѣкъ. И все это, внушенное лицемѣріемъ и корыстью, Адальбертъ принималъ за истину, за гласъ свыше, основываясь на томъ, что по св. писанію человѣкъ, на основаніи нѣкоторыхъ знаменій, какъ-то, сновидѣній, гаданій и ходившихъ въ народѣ изреченій, или необыкновенныхъ явленій природы,—можетъ предугадывать будущее. Вслѣдствіе того, у него былъ обычай, отходя ко сну, забавляться сказками, пробудившись—снами, а при отъѣздѣ въ путь—астрологіей. Иногда онъ цѣлый день спалъ, а ночь всю напролётъ просиживалъ или за игрой въ кости, или за столомъ. Во время пира онъ приказывалъ предлагать гостямъ всего въ избыткѣ, а самъ часто вставалъ изъ-за стола, ни къ чему не прикоснувшись; онъ нарочно заранѣе наказывалъ людямъ, обязанностью которыхъ было принимать и угощать гостей, не обращать на него никакого вниманія. Гостепріимствомъ онъ хвалился, какъ великою добродѣтелію, которая, не лишая насъ божеской награды, доставляетъ великую славу уже между людьми. За обѣдомъ онъ находилъ удовольствіе не столько въ пищѣ и питьѣ, сколько въ остроумныхъ рѣчахъ, разсказахъ о короляхъ и въ мѣткихъ изреченіяхъ философовъ. Когда же былъ одинъ дома, а такіе случаи, когда ему приходилось обѣдать безъ гостей и королевскихъ посланныхъ, были рѣдки,—то все время проводилъ въ слушаніи сказокъ, снотолкованій, но всегда съ соблюденіемъ благопристойности. Музыкантовъ допу-

скалъ къ себѣ рѣдко, развѣ по нуждѣ, для облегченія горести и заботъ. Пантомимовъ же, старающихся потѣшить толпу неприличными тѣлодвиженіями, никогда не принималъ къ себѣ. Постоянно находились при немъ только одни врачи; другіе же, если не требовало какое-нибудь важное обстоятельство, чтобы къ нему были допущены свѣтскія лица, съ трудомъ получали на то позволеніе. Такимъ образомъ, двери его спальни, которыя мы видѣли прежде открытыми всякому незнакомцу и чужестранцу, впослѣдствіи окружены были такой сильной стражей, что послы съ важными порученіями и люди, имѣвшіе высокое положеніе въ свѣтѣ, по-неволѣ должны были иногда цѣлую недѣлю стоять за дверями.

39. Сверхъ того, Адальбертъ имѣлъ обычай за обѣдомъ подсмѣиваться надъ лицами, занимавшими важныя должности, издѣвался надъ ихъ жадностью и глупостью, а многихъ изъ нихъ попрекалъ низкимъ происхожденіемъ. Всѣхъ вообще онъ поносилъ за невѣрность къ королю, поднявшему ихъ изъ ничтожества, и высказывалъ то, что только онъ одинъ защищаетъ короля изъ любви къ государству, а не для своей пользы. Доказательствомъ того въ его глазахъ служило то, что тогда какъ первые, какъ люди низкіе, грабили чужое добро, онъ, какъ человѣкъ благороднаго происхожденія, сыпалъ на всѣ стороны свое. Такія оскорбительныя выходки онъ дѣлалъ противъ всѣхъ, не щадилъ никого, лишь бы поставить себя выше другихъ. Однимъ словомъ, этотъ человѣкъ, не любя ничего, кромѣ мірской славы, такъ сильно испортился, что потерялъ даже и тѣ добродѣтели, которыя имѣлъ прежде. Вышеприведенные нами его поступки и многое другое въ этомъ родѣ относятся именно къ тому времени, когда суевѣріе, хвастовство, или, лучше сказать, безпечность, покрыли его къ тому великимъ позоромъ и возбудили къ нему всеобщую ненависть, особенно со стороны знатныхъ.

Въ 40 гл., авторъ называетъ, въ числѣ такихъ враговъ Адальберта, на первомъ мѣстѣ герцога Саксонскаго Бернгарда и его дѣтей, которыхъ онъ, не смотря на все вышесказанное, обвиняетъ, и, въ доказательство правоты архіепископа, приводитъ слѣдующій случай:

41. Герцогъ, увлекаемый своею корыстью, пошелъ въ Фрисландію, гдѣ ему не была выплачена установленная подать; ему сопутствовалъ и архіепископъ съ цѣлью примирить отпавшій фрисландскій народъ съ его герцогомъ. Но когда алчный къ мамонѣ герцогъ, получивъ сполна все, не хотѣлъ довольствоваться семью-стами марокъ серебра, этотъ дикій народъ пришелъ въ ярость и,

Мечь обнаживши, въ битву вступилъ, защищая свободу [1]).

Многіе изъ нашихъ были убиты тогда, другіе разбѣжались, лагерь герцога и епископа былъ разграбленъ, и, такимъ образомъ, огромныя суммы денегъ изъ церковныхъ доходовъ погибли тамъ безвозвратно. Однакожъ, оказанная въ опасности дружеская вѣрность герцогу не принесла намъ на столько пользы, чтобы онъ и его дѣти

[1]) Виргил. Эн. VIII, 648.

перестали преслѣдовать церковь. Герцогъ, какъ бы предвидя, что будетъ послѣ него, часто со вздохами говорилъ, что его сыновья самой судьбой предназначены къ разоренію Бременской церкви. Такъ, ему представилось во-снѣ, будто вышедшіе изъ его дома, сперва медвѣди и кабаны, потомъ олени, и, наконецъ, зайцы, устремились къ церкви; по этому поводу, онъ сказалъ: „Медвѣди и кабаны, вооруженные клыками—наши храбрые предки; олени, украшенные только рогами — это мы съ братомъ; а зайцы — наши малохрабрыя и даже трусливыя дѣти; я боюсь, прибавлялъ онъ, что они станутъ нападать на церковь и этимъ навлекутъ на себя небесное мщеніе“. Поэтому онъ увѣщевалъ ихъ и заклиналъ страхомъ божіимъ не дѣлать нечестивыхъ злоумышленій противъ церкви и ея пастырей, потому что оскорбленіе, нанесенное имъ — наносится самому Христу и влечетъ за собою неминуемую кару. Но они были глухи къ подобнымъ увѣщаніямъ. Мы сейчасъ увидимъ, какъ они были наказаны за свои грѣхи.

Въ 42, 43 и 44 гл., авторъ разсказываетъ, какъ, по смерти Бернгарда, его дѣти, Ордульфъ и Гериманнъ, ограбили Бременскую церковь, и какъ оба были за то наказаны: Гериманна приговорили къ ссылкѣ, а Ордульфъ поплатился 50 помѣстьями въ пользу Бремена. По этому поводу, авторъ исчисляетъ и другія пріобрѣтенія Адальберта, увеличившія богатство его епархіи.

45. Наша церковь могла быть столь богатою, что нашему архіепископу нечего было завидовать архіепископамъ Майнцкому и Кёльнскому. Только епископъ Вюрцбургскій превышаетъ его своимъ положеніемъ, потому что вмѣстѣ съ графскими обязанностями округа въ его рукахъ было и самое герцогство. Нашему архіепископу сильно хотѣлось сравняться съ нимъ, и онъ всячески старался пріобрѣсть церкви всѣ графскія мѣста своей епархіи, съ которыми связывалось право суда. Такъ, онъ добился у императора самой важной графской должности въ Фрисландіи, въ Фивельгоэ, бывшее прежде за герцогомъ Готфридомъ, а теперь принадлежащее Экиберту. За нее платили тысячу марокъ серебра, изъ коихъ двѣсти вносилъ Экибертъ, признававшій вмѣстѣ съ тѣмъ себя вассаломъ церкви. Архіепископъ удерживалъ это графство десять лѣтъ, до времени своего изгнанія. Вторая его графская должность была въ графствѣ, принадлежавшемъ Уто, и разсѣянномъ по разнымъ мѣстамъ бременской епархіи, преимущественно же около Эльбы. За нее архіепископъ платилъ Уто церковными имуществами столько, что плата эта равняется годичному доходу, — въ тысячу фунтовъ серебра, между тѣмъ, какъ на такія церковныя деньги можно было принести большую пользу; а намъ все мало для мірской славы, и мы лучше желаемъ быть бѣдными, лишь бы имѣть много подданныхъ. Третье графство, по названію Эмизгое, находится во Фрисландіи, неподалеку отъ нашей эпархіи. Право нашей церкви на него защищалъ противъ Бернгарда Годескалькъ (славянскій князь), и былъ убитъ. За это графство нашъ архіепископъ обязался платить королю тысячу фунтовъ серебра. Не имѣя такой суммы денегъ, онъ взялъ изъ церкви (о, горе!) кресты, алтари, вѣнцы и другія украшенія церковныя, продалъ ихъ, и вы-

рученными деньгами заплатилъ условленную сумму. Онъ хвастался въ скоромъ времени вдесятеро заплатить церкви за взятыя вещи, и изъ серебряной сдѣлать ее золотою, какъ обѣщалъ и прежде при разграбленіи монастыря. О, какое святотатство! Два золотыхъ креста съ драгоцѣнными камнями, главный жертвенникъ и чаша — оба изъ блестящаго краснаго золота, осыпанные драгоцѣнными камнями, были разломаны. Они стоили двадцать марокъ золота; ихъ принесла въ даръ бременской церкви вмѣстѣ съ другими подарками госпожа Эмма. Расплавливавшій эти вещи золотыхъ дѣлъ мастеръ разсказывалъ, что съ великимъ прискорбіемъ онъ долженъ былъ ломать эти кресты, и нѣкоторымъ тайно открывалъ, что при каждомъ ударѣ молотка ему слышался жалобный плачъ младенца. Такимъ образомъ, сокровище бременской церкви, съ величайшими усиліями собранное отъ благочестивыхъ пожертвованій вѣрующихъ прошлаго и нынѣшняго времени, въ одну несчастную минуту пропало за ничто. И отъ продажи этихъ вещей едва-ли составилась и половина должной суммы. Мы слышали, что драгоцѣнные камни, вынутые изъ священныхъ крестовъ, были употреблены нѣкоторыми людьми на подарки своимъ любовницамъ.

46. Признаюсь, мнѣ страшно передать все, какъ было; разсказанное выше считалось только еще началомъ горя, а страшное мщеніе послѣдовало позже. Съ того времени счастіе начало насъ покидать; все пошло противъ насъ и церкви; на нашего епископа и его приверженцевъ стали смотрѣть какъ на еретика. Впрочемъ, онъ не обращалъ никакого вниманія на общее мнѣніе, и между тѣмъ, какъ его собственныя дѣла оставлялись безъ вниманія, онъ весь страстно предался двору, упорно добиваясь себѣ славы; преимущественно онъ стремился къ управленію государственными дѣлами, потому что, какъ самъ онъ разсказывалъ, для него невыносимо было видѣть своего короля и государя связаннымъ въ рукахъ его окружавшихъ. Онъ уже достигъ консульства, и, удаливши соперниковъ, одинъ владѣлъ Капитоліемъ, но зависть, всегда преслѣдующая славу, не оставила и его въ покоѣ. Нашъ глава, рѣшившись во время своего консульства возстановить золотой вѣкъ, старался всѣми силами искоренить въ царствѣ божіемъ всякую неправду, уничтожить всѣхъ поднимавшихъ руки противъ короля, всѣхъ злоумышленниковъ и грабителей церкви. Но, какъ такія преступленія сознавали за собою всѣ епископы и вельможи, то они единодушно поклялись съ тѣмъ, чтобы погубить его одного, а прочихъ избавить отъ опасности. Потому собравшись въ Трибурѣ, гдѣ былъ и самъ король, они изгнали нашего архіепископа отъ двора, какъ чародѣя и обольстителя. Такъ была „его рука на всѣхъ и руки всѣхъ на него“ (1 Моис. 16, 12); борьба кончилась пролитіемъ крови (янв. 1066 г.).

Послѣднія главы третьей книги, отъ 47 до 70, авторъ разсказываетъ, какъ всѣ вооружились противъ Адальберта, какъ онъ бѣжалъ въ Госларъ и потомъ заключилъ миръ съ Магнусомъ, герцогомъ Саксонскимъ, по условіямъ котораго архіепископъ удержалъ за собою одну треть своихъ владѣній. Послѣ отступленія по поводу дѣлъ шведскихъ и датскихъ, авторъ возвращается къ описа-

нію печальнаго положенія Бремена и весьма коротко упоминаетъ о томъ, что въ 1069 году Адальберту удалось снова получить консульство и прежнюю власть; затѣмъ, въ 10 послѣднихъ главахъ подробно останавливается на исчисленіи различныхъ предзнаменованій, говорившихъ о близости смерти Адальберта, разсказываетъ, какъ онъ скончался въ Госларѣ (1072 г.) и былъ погребенъ въ Бременѣ. Къ третьей книгѣ присоединено авторомъ или кѣмъ-нибудь постороннимъ небольшое приложеніе съ описаніемъ миссіонерской дѣятельности Адальберта.

Четвертая книга и послѣдняя, изъ 42 главъ, посвящена исключительно географическому описанію Скандинавіи и острововъ отдаленнаго сѣвера съ показаніями, какъ и когда было распространено тамъ христіанство. Авторъ, начавъ съ Даніи, въ концѣ приходитъ къ описанію Исландіи и Гренландіи, на чемъ и останавливается лѣтопись.

Адамъ Бременскій.

Gesta Hammenburgensis ecclesiae pontificum Libri IV.

Адамъ Бременскій (Adamus Bremensis, род. около 1040 г., ум. около 1075 г.) былъ родомъ изъ Мейссена, и въ 1068 г. явился ко двору Гамбургскаго или Бременскаго архіепископа Адальберта, наканунѣ его вторичнаго возвышенія. Болѣе мы почти ничего не знаемъ о его жизни. Его сочиненіе „О дѣяніяхъ святителей Гамбургской церкви" въ 4 книгахъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ имѣлъ случай получить превосходное классическое образованіе и особенно былъ знакомъ съ Саллустіемъ. Но текстъ его хроники, испещренный позднѣйшими и ему современными схоліями (замѣтками), представляетъ и до сихъ поръ много трудностей для исторической критики. *Изданія:* Лучшее и очищенное у Pertz, Monum. VII, 280—389. *Переводы:* Нѣмецк. Laurent (Berl. 1850) въ Geschichtsschr. d. d. Vorzeit. Lief. 7.—*Критика:* Assmussen, De fontibus Adami. Kiliae. 1834.

52.—Состояніе западной церкви въ XI вѣкѣ, и характеръ реформы и борьбы Григорія VII съ свѣтскою властью.

(Въ 1860 г.).

Призваніе церкви и ея господство основаны на власти духовной. Чтобы такое призваніе было выполнено на дѣлѣ, чтобы церковь имѣла дѣйствительную власть надъ умами, необходимо, чтобы она осуществила въ себѣ ту идею, на которой покоится ея власть; необходимо, чтобы она жила духомъ и идеаломъ христіанства; говоря современнымъ языкомъ, она должна оправдать свое господство высокою нравственностью и образованностью своихъ членовъ. Въ XI вѣкѣ, церковь стояла въ прямой противуположности съ такимъ идеаломъ; ее пятнали всѣ пороки, заражавшіе міръ варваровъ того времени. Представители духовной власти, епископы, выбирались изъ феодальной аристократіи, и потому церковь стояла на одномъ уровнѣ

съ варварскимъ обществомъ; невѣжество шло рука-объ-руку съ развратомъ. Униженная, загрубѣлая, могла ли церковь называться духовною властью! Еще нѣсколько шаговъ по этой же дорогѣ, и образованію угрожала бы важная опасность. Чтобы убѣдиться въ томъ, разсмотримъ подробности церковнаго быта въ XI вѣкѣ; власть духовная представится намъ въ полномъ разложеніи. Картина того объяснитъ намъ и задачу Григорія VII. Онъ нашелъ церковь въ развалинахъ и насильно возвратилъ ее къ христіанскому идеалу, обезпечивъ при этомъ власть папъ; и нельзя не сознаваться, что, спасая церковь, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ спасалъ и цивилизацію.

Со времени вторженія варваровъ и до XI вѣка церковь была въ зависимости отъ государства. Это время было эпохою насилія; церковь нуждалась во внѣшней опорѣ и искала покровительства королей; но кто покровительствуетъ, тотъ и властвуетъ; духовная власть подчинилась государству: Карлъ В. былъ и папою, и императоромъ. Распаденіе Карловингской монархіи не принесло пользы церкви; среди анархіи, предшествовавшей феодализму, она была жертвою сильнаго. Въ феодальную эпоху, она испытала іерархическую зависимость, бывшую условіемъ владѣнія землею. Назначеніе епископовъ дѣлалось королями, въ противность канонамъ, предоставлявшимъ свободу избранія клиру и мірянамъ. Въ одной хроникѣ разсказывается, что Оттонъ Великій, когда пришло извѣстіе объ епископской вакансіи, видѣлъ сонъ, по которому ему слѣдовало назначить епископомъ перваго, кто ему утромъ попадется на-встрѣчу; императоръ довѣрялъ болѣе подобному способу назначенія, нежели каноническому избранію, хотя, впрочемъ, вставъ, онъ пошелъ по направленію къ аббатству, чтобы имѣть болѣе вѣроятности встрѣтить духовное лице (Титмаръ Мерзеб. II, 17). Благочестивый Гейнрихъ II нѣсколько разъ уничтожалъ избранія, производимыя капитулами, и назначалъ епископовъ по своему выбору. Гейнрихъ III возводилъ и низводилъ папъ и распоряжался епископствами наравнѣ съ графствами. Во Франціи и Англіи осталась одна тѣнь выборовъ, но жалобы церковныхъ писателей доказываютъ, что и тамъ, какъ въ Германіи, епископы достигали своихъ престоловъ неправильными путями. Зло было всеобщее, потому что корень его существовалъ вездѣ: епископство разсматривалось, какъ феодъ, которымъ короли и сильные бароны считали себя вправѣ распоряжаться. Сліяніе духовныхъ достоинствъ съ мірскими видно всего болѣе въ странномъ обычаѣ X вѣка давать епископства дѣтямъ. Ребенокъ могъ быть графомъ, почему же ему не быть епископомъ? Въ 926 г., Гебертъ, графъ Вермондоа, назначилъ пятилѣтняго своего сына епископомъ Реймса; такое назначеніе было утверждено королемъ и папою. Аттонъ Верчельскій (писатель X вѣка) разсказываетъ намъ странную процедуру поставленія малолѣтнихъ прелатовъ; ребенку предлагались вопросы, на которые отвѣтъ былъ имъ заученъ предварительно, и онъ читалъ его, дрожа отъ страха не столько потерять епископство, сколько получить розги отъ своего наставника. Этотъ скандалъ достигъ самаго престола св. Петра: въ X вѣкѣ видѣли ребенка намѣстникомъ Іисуса Христа! (см. выше, у насъ, ст. 31).

Въ феодальную эпоху, зависимость духовной власти была облечена даже въ легальную форму. Епископы, предъ посвященіемъ, получали отъ короля *инвеституру* (облеченіе): король вручалъ имъ *жезлъ*, символъ пастырской власти, и *кольцо*, знакъ внутренней связи пастыря съ своимъ стадомъ. Епископы и аббаты были членами феодальной аристократіи; они пользовались правами графовъ и несли потому ихъ обязанности; и тѣ, и другіе, были вассалами короля и должны были давать одинаковую присягу... Вотъ свидѣтельства современниковъ, которыя дадутъ намъ понятіе, къ чему долженъ былъ привести такой порядокъ вещей во Франціи, Италіи, Германіи и Англіи.

Монахъ Глаберъ (XI вѣка) говоритъ такъ о церкви во Франціи: „Наши короли, которымъ слѣдовало бы избирать для служенія св. религіи лица самыя способныя къ такой должности, считаютъ болѣе достойными, для управленія душами, тѣхъ, отъ которыхъ они ожидаютъ наибольшихъ подарковъ... Сдѣлавшись епископами, такіе корыстные люди даютъ полную свободу своей жадности, стараются только объ удовлетвореніи ея, и поклоняются ей, какъ идолу“ (Hist. II, 6)...

Въ Германіи продолжительное малолѣтство Гейнриха IV предоставило церковь въ руки его опекуновъ. Честолюбіе и жадность потеряли всякій стыдъ; продажа духовныхъ должностей дѣлалась съ публичнаго торга... Если аббатство становилось вакантнымъ, то ему назначали цѣну въ дворцѣ; потомъ являлись монахи и надбавляли цѣну другъ передъ другомъ: „Они сулили, говоритъ лѣтописецъ Ламбертъ (Annal. ad a. 1071, у Pertz, V, 189), золотыя горы; продавецъ не смѣлъ и думать о томъ, что̀ ему предлагалъ иногда покупатель. Міръ спрашивалъ съ изумленіемъ, откуда текутъ рѣки богатствъ, какимъ образомъ сокровищницы Креза попались въ руки людей, которымъ законъ не позволялъ считать даже одежды своею собственностью“ (см. у насъ, ниже въ ст. 61). Въ лѣтописяхъ Ламберта изображено постыдное зрѣлище, которое представилось князьямъ и королю при избраніи Фульдскаго аббата. Ученый анналистъ восклицаетъ вмѣстѣ съ Цицерономъ: „О времена, о нравы“! онъ повторяетъ слова Даніила: „О отвращеніе, о позоръ!“ [1]).

Въ Италіи было еще хуже. Всѣ церковныя должности были продажны, какъ товаръ на рынкѣ: не было ни одного мѣста, незапятнаннаго симоніею. Левъ IX хотѣлъ удалить купившихъ свои должности; ему отвѣчали, что церкви останутся безъ пастырей. Но и самъ св. престолъ былъ продажнымъ. Бенедиктъ IX предлагалъ публично продать свое мѣсто тому, кто можетъ заплатить; продавецъ посвятилъ самъ покупателя и вышелъ изъ Латерана. Но получивъ деньги, Бенедиктъ воспользовался ими, чтобы удержаться въ Римѣ. Между тѣмъ, враги его избрали третьяго папу. Тѣмъ не кончился еще скандалъ: никто не имѣлъ силы одержать верхъ надъ двумя противниками, и Бенедиктъ напалъ на счастливую мысль приступить

---

[1]) Ср. это съ картиною дворца Бременскихъ архіеп. того времени, у насъ, выше въ ст. 51, IV, 38, на стр. 722.

къ обоюдной сдѣлкѣ: къ чему спорить объ исключительномъ владѣнiи престоломъ, доходовъ съ котораго можетъ хватить на всѣхъ трехъ? Такъ, въ 1045 г. явилось три папы, вслѣдствiе той неслыханной сдѣлки...

Безпредѣльность зла вызвала сильную реакцiю. Императоры, вѣрные своему признанiю быть защитниками церкви, взяли на себя иницiативу реформы. Гейнрихъ III привелъ въ порядокъ избранiе папъ; но до вступленiя Григорiя VII симонiя продолжалась. Усилiя Климента и Льва относились къ частнымъ случаямъ, но корень зла существовалъ: именно *феодальный характеръ епископства*. Нужны были сильныя мѣры: Григорiй VII попытался запретить королямъ раздавать инвеституру.

Зависимость церкви должна была развращать духовную власть въ самой ея сущности. Епископы и аббаты шли за королемъ на поля битвы вмѣстѣ съ прочими баронами. Въ XI вѣкѣ военная служба сдѣлалась неоспоримою ихъ обязанностью; сами папы призывали епископовъ въ лагерь, какъ на соборъ. Прелаты бились и командовали полками; воинскiе подвиги дѣлали ихъ знаменитыми; быть хорошимъ воиномъ значило то же, что быть хорошимъ пастыремъ: bonus miles et optimus pastor, говоритъ Титмаръ (V, 23) объ одномъ духовномъ лицѣ...

Епископы и аббаты не довольствовались отправленiемъ феодальныхъ обязанностей, но и сами объявляли войну, мстя обиды, распространяя территорiю и даже поддерживая свои духовныя права. „Это не епископы, восклицаетъ одинъ изъ современниковъ, а тираны, окруженные войскомъ; съ руками, запятнанными непрiятельскою кровью, они приступаютъ къ совершенiю таинствъ“...

Церковь призвана господствовать надъ свѣтскимъ обществомъ; но всякая власть должна быть оправдана нравственнымъ и умственнымъ превосходствомъ своихъ органовъ. Но чѣмъ стояло выше духовенство XI вѣка надъ свѣтскимъ обществомъ? Оно, по выраженiю одного современника, отличалось отъ него только тѣмъ, что брило бороду. Архiепископъ Вероны, собравъ своихъ подчиненныхъ, имѣлъ случай замѣтить, что присутствующiе не знали Символа вѣры. Кардиналъ Дамiанъ (современникъ Григорiя VII) утверждаетъ, что священники сами не понимаютъ того, что читаютъ, и едва могутъ разбирать писанное. Невѣжество встрѣчалось часто и на епископскомъ престолѣ. Епископъ Бамберга былъ низложенъ папою за симонiю; молодой клерикъ подалъ низложенному псалтырь и сказалъ: „Если ты можешь понять эти строки, не говорю, объяснить ихъ мистическое и аллегорическое значенiе, но только перевести слово въ слово, то я буду считать тебя оправданнымъ отъ взведенныхъ на тебя преступленiй и объявлю достойнымъ епископскаго сана“ (Ламб. Annal. ad. a. 1075, y Pertz, V, 211). Епископъ не могъ воспользоваться такимъ способомъ оправданiя.

Приверженцы слѣпые старины съ сожалѣнiемъ говорятъ о вѣкахъ невиннаго невѣжества; они полагаютъ, что чистота нравовъ была удѣломъ того блаженнаго времени, какъ будто бы истинная мораль можетъ встрѣтиться тамъ, гдѣ разумъ блуждаетъ во мракѣ. Въ оди-

надцатомъ вѣкѣ, невѣжество было крайнее, а развратъ нравовъ доходилъ до того, что въ наше время нельзя безъ оскорбленія чувства стыдливости разсказывать о дѣяніяхъ тѣхъ, которые должны были служить образцомъ чистой жизни, какъ избранники Господа... Но развратъ нигдѣ не былъ такъ отвратителенъ, какъ у самаго подножія папскаго престола. Женщины дѣлали папами своихъ любовниковъ или дѣтей, прижитыхъ въ распутствѣ. Ліутпрандъ представляетъ живую картину состоянія папской власти въ X вѣкѣ [1])...

Но корень всего зла таился въ рабствѣ церкви; надобно было оторвать ее отъ такого общества, какимъ оно было въ XI вѣкѣ. Въ этомъ-то и состояла задача церковной реформы, предпринятой Григоріемъ VII...

Никогда еще столь трудная и столь высокая задача не возлагалась на одного человѣка. Въ древности, когда церкви угрожала опасность со стороны аріанства, св. Аѳанасію приходилось бороться съ мнѣніями теологическими или философскими. Григорію предстояло вести войну съ самыми необузданными страстями, соединенными съ самымъ живымъ интересомъ. Для основанія духовной власти, слѣдовало реформировать церковь и сдѣлать ее независимою отъ государства. Первое предпріятіе ставило папу въ оппозицію съ епископствомъ и вообще съ духовенствомъ; второе—съ свѣтскою властью. Одинъ человѣкъ долженъ былъ выдержать борьбу съ цѣлымъ міромъ. Онъ не обманывалъ себя относительно громадности задачи, и вотъ какимъ образомъ выражалъ свои взгляды на окружающій порядокъ вещей:

„Князья и сильные міра сего потеряли всякое уваженіе къ церкви; они обращаются съ нею, какъ съ негодною рабою. Даже тѣ, которые стоятъ при кормилѣ церковнаго управленія, забыли божескій законъ, упустивъ изъ виду свои обязанности въ отношеніи къ Богу и ввѣренной имъ паствѣ. Что станется съ народомъ, покинутымъ своими пастырями? Не будетъ узды, которая направила бы его на путь правды; даже тѣ, которые должны служить ему примѣромъ, представятъ собою образчики распутства“ (Epist. I, 42).... „Пробѣгая мыслью по странамъ запада, отъ сѣвера до юга, я съ трудомъ могу найти епископа, который законно достигъ своего званія, велъ бы христіанскую жизнь и управлялъ бы народомъ съ любовью ко Христу. Я напрасно искалъ бы между королями одного, который предпочелъ бы воздавать честь Богу, а не самому себѣ, быть справедливымъ, вмѣсто того, чтобы быть корыстнымъ.... Тѣмъ же, среди которыхъ я живу, римлянамъ, ломбардамъ, норманнамъ, я говорю каждый день, что они хуже евреевъ и язычниковъ“ (Epist. II, 49)...

Григорій стремится привести людей къ вѣчной жизни; будучи монахомъ до вступленія на престолъ, онъ черпалъ въ монашеской жизни идеалъ всякой другой жизни и говорилъ королямъ и вельможамъ: „Мѣсто нашего здѣшняго обитанія не наше жилище; истинное наше жилище въ будущей жизни, которую мы должны искать въ Богѣ. Развѣ вы не видите каждый день, какъ жизнь смертныхъ

[1]) Это мѣсто Ліутпранда см. выше, у насъ, въ ст. 27, на стр. 394.

хрупка и эфемерна, какъ надежды людей тщетны и обманчивы.... Подумайте, что, выйдя изъ этого міра, вы обратитесь въ прахъ и тлѣніе; подумайте, что вамъ придется отдать строгій отчетъ въ вашихъ дѣлахъ и приготовьтесь къ будущимъ опасностямъ. Употребите ваше оружіе, ваши богатства, вашу власть на служеніе вѣчному царю. Управляйте такъ, чтобы ваша любовь къ правдѣ и истинѣ сдѣлалась пріятною жертвою Всемогущему. Тогда онъ васъ спасетъ изъ рукъ смерти, онъ замѣнитъ ваши временныя почести вѣчною славою въ царствѣ, гдѣ блаженство безконечно, почесть безъ сожалѣнія, достоинство несравненно" (Epist. IV, 28, ad Hispanos).

Сравните этотъ христіанскій спиритуализмъ съ дѣйствительною жизнью XI вѣка, представьте себѣ обязанности папы, какъ главы церкви, и тогда убѣдитесь, что борьба Григорія съ своимъ временемъ была неизбѣжною. Чтобы бороться съ желѣзнымъ вѣкомъ, надобно самому быть желѣзнымъ, и Григорій былъ человѣкъ необыкновенной энергіи и силы. Впрочемъ, и онъ былъ знакомъ съ внутренними страданіями, не смотря на всю свою твердость и крѣпость, за которую его другъ Даміанъ называетъ „святымъ сатаною" (Dam. Epist. I, 16). Едва вступивъ на престолъ св. Петра, Григорій восклицаетъ: „Я выступилъ въ море, и бури меня охватили..... Страхъ и трепетъ овладѣваютъ душею, мракъ потемняетъ мой умъ". Еще до того времени, онъ былъ уже душею папскаго престола и имѣлъ ясныя идеи о церковной реформѣ; онъ видѣлъ необходимость исторгнуть церковь у государства. Но кто не пришелъ бы въ ужасъ наканунѣ такой борьбы? Между тѣмъ, дѣйствительность превзошла всѣ опасенія. Папа писалъ Одилону, аббату Клюньи, своему первому другу: „Я часто просилъ Христа взять меня изъ этого міра, или дозволить, чтобы моя жизнь было полезною нашей общей матери; между тѣмъ, Онъ не избавилъ меня отъ тревогъ, а жизнь моя не была полезна на столько, на сколько я разсчитывалъ" (Epist. II, 49).....

Подобныя внутреннія муки великихъ людей среднихъ вѣковъ, въ особенности же Григорія, этого великаго изъ великихъ, внушаютъ чувство глубокаго прискорбія. Тотъ Іисусъ Христосъ, какимъ представлялъ его папа, не былъ словомъ божіимъ; папа самъ не былъ его органомъ; духовная власть, какъ онъ хотѣлъ ее устроить, и за которую боролся всю жизнь, не была божескимъ учрежденіемъ..... Но, не смотря на всѣ его заблужденія, въ нихъ преобладаетъ сильное чувство, это именно, сознаніе права и обязанности, твердая воля поставить людей на путь божій, т.-е. путь правды и добра. Потому не будемъ отчаяваться, видя ошибки, затемнявшія лучшіе умы прошедшаго времени; онѣ не препятствуютъ имъ остаться великими. Будемъ имѣть предъ собою идеалъ будущаго, и постараемся не уклониться отъ него сознательно: это единственное заблужденіе, котораго потомство не проститъ.

Реформа церкви, предложенная Григоріемъ VII, была встрѣчена въ обществѣ, какъ гибельное нововведеніе, не смотря на то, что симонія и конкубинатство духовенства были преслѣдуемы издавна соборами, папами и королями. Духовенство чувствовало, что оно имѣетъ во главѣ своей человѣка съ желѣзною волею, который не ограни-

чится словами, угрозами, и исполнитъ то, что̀ предпишетъ. Декреты Григорія имѣли большую важность: короли и бароны располагали аббатствами и епископствами; они ихъ продавали и раздавали. Папа кладетъ предѣлъ постыдной торговли: одни клерики получатъ церковныя мѣста, и не по своимъ связямъ, богатству или вліянію, а по святости жизни. Нужно, чтобы они отказались даже отъ законныхъ чувствъ семьянина: все ихъ существованіе должно быть рядомъ самоотверженія. И съ такими-то требованіями папа обратился къ варварскому духовенству, жившему въ безпорядкахъ и сплетенному съ обществомъ мірянъ, отъ котораго его хотятъ оторвать. Предпріятіе было неслыханное: легче было проповѣдывать ангельскую жизнь въ аду. На самомъ дѣлѣ, едва декретъ былъ обнародованъ, какъ онъ вызвалъ страшное негодованіе. Вотъ, что говоритъ одинъ изъ лучшихъ средневѣковыхъ историковъ, современникъ и приверженецъ Григорія VII: „Все духовенство возстало противъ декрета, объявляя его очевидною ересью, противною словамъ Спасителя и апостоловъ. Григорій, говорило духовенство, хочетъ принудить насъ жить по подобію ангеловъ, но, противясь закону природы, онъ спускаетъ съ цѣпи всякую мерзость и распутство“ (Ламбертъ, Annal. ad a. 1074, y Pertz, V 218).....

Епископъ Пассаускій, осмѣлившійся объявить декретъ Григорія VII, былъ бы разорванъ на куски, если бы его не спасли отъ ярости духовенства свѣтскіе бароны. Въ Констанцѣ, самъ епископъ принялъ сторону конкубината.... Еще хуже того было во Франціи: весь соборъ возсталъ противъ папы; епископы, аббаты, собравшіеся въ Парижѣ, объявили почти единогласно, что не слѣдуетъ повиноваться новому декрету, что онъ противенъ разуму, потому что противенъ природѣ. Одинъ человѣкъ осмѣлился поддержать св. престолъ, это—Галтерій (Готье), аббатъ Понтоаза; но всѣ поднялись противъ несчастнаго монаха, выгнали его изъ собора; волочили по городу, били, плевали, и онъ спасъ жизнь, благодаря вмѣшательству свѣтскихъ лицъ....

Однимъ словомъ, вся церковь возстала противъ своего главы и отвергла реформу Григорія. Какимъ образомъ могъ бы Григорій восторжествовать надъ подобною оппозиціею? Онъ обратился къ совѣсти мірянъ. Декреты, запрещавшіе бракъ духовенству и осуждавшіе симонію, запрещали вѣрнымъ слушать обѣдню, которую могли служить духовные, державшіеся конкубинатства и симоніи: „Ихъ благословеніе обратится въ проклятіе, ихъ молитва—грѣхъ, какъ Богъ сказалъ устами пророка: „Я прокляну ваши благословенія“. Григорій, слѣдовательно, ожидалъ сопротивленій, и потому хотѣлъ заставить глухихъ къ голосу долга уступить народному гласу. Такое обращеніе къ мірянамъ противъ клера было дѣломъ неслыханнымъ; оно вооружало ихъ противъ помазанниковъ божіихъ и подчинило пастырей своему стаду. Но для церкви дѣло шло о томъ, быть или не быть: лучше, говорилъ Григорій, возстановить правду божію новыми средствами, нежели погубить душу людей.

Григорій не ошибся, разсчитывая на народъ противъ духовенства..... Все христіанство возстало противу тѣхъ, которые, презирая св. престоломъ, Богомъ, продавали и покупали святыню, пятная ее

своимъ развратомъ. Народъ изгонялъ священниковъ изъ церквей и преслѣдовалъ ихъ оскорбленіями и побоями. Увлеченія были неизбѣжны въ эпоху варварства; многихъ увѣчили, многіе погибали среди мученій. Епископы горько упрекали Григорія за его обращеніе къ страстямъ толпы, и надобно сознаться, что папа подобнымъ обращеніемъ вызвалъ на сцену силу, мало благопріятную церкви, силу демократическую. Страсти, разъ возбужденныя, не остановятся предъ чертою, которую захотѣлъ бы провести тотъ, который ихъ возбудилъ. Отъ презрѣнія къ духовенству до презрѣнія ко всей церкви было не больше одного шага....

Потому новѣйшіе протестантскіе историки, не принимая въ соображеніе различія нашего времени отъ XI вѣка, напрасно рукоплещутъ оппозиціи, которую встрѣтилъ декретъ Григорія о безбрачіи духовенства. Положеніе вещей въ ту эпоху было таково, что если бы Григорій претерпѣлъ неудачу, то это было бы ударомъ для всей церкви. Перенесемся въ XI вѣкъ. Феодализмъ начинаетъ укореняться: всѣ должности, обязанности, права дѣлаются наслѣдственными; все стремится къ этому неудержимо, и увлекаетъ за собою цѣлое общество, начиная отъ большихъ феодовъ до самыхъ скромныхъ должностей. Какимъ образомъ могла бы церковь не подчиниться закону, который опредѣлялъ всѣ земныя отношенія въ теченіе вѣковъ? Она спаслась отъ всеобщаго потока именно закономъ безбрачія. До Григорія уже случалось, что женатые священники передавали свое достоинство и приходъ своимъ дѣтямъ.... Что̀ могло бы произойти, если бы бракъ былъ признанъ нормою для духовенства? Духовенство сдѣлалось бы наслѣдственнымъ, епископства и приходы обратились бы въ феодальныя владѣнія, явились бы священники, епископы, папы, получившіе свое званіе по наслѣдству. Чѣмъ сдѣлалась бы церковь?—кастою!

Но говорить такимъ образомъ, не значитъ ли защищать безбрачіе духовенства и утверждать его необходимость для всякой религіи, для всякой церкви? Безбрачіе было жизненною силою для духовной власти, которую хотѣлъ создать Григорій VII; но его идея духовной власти страдала уже въ своей сущности, ломая природу человѣка и раздѣляя то, что нераздѣлимо, т.-е. душу и тѣло. Потому безбрачіе могло имѣть значеніе на столько, на сколько имѣлъ значеніе принципъ, изъ котораго оно развилось; такая же духовная власть, какая нужна была Григорію для извѣстной цѣли, могла быть только временнымъ явленіемъ; то же должно сказать и о безбрачіи: оно могло быть необходимымъ для церкви только въ такую эпоху, когда было необходимо разлучить клерика съ окружающимъ его міромъ.

Если безбрачіе отторгало духовенство отъ мірского общества, то для него оставалась еще одна связь,—*инвеститура*, связь съ государствомъ. Обычай инвеституры восходитъ къ первымъ временамъ утвержденія франковъ въ Галліи. До Григорія, папы не протестовали противу права королей *облекать* (investire) епископовъ и аббатовъ въ извѣстныя права и привилегіи, связанныя съ ихъ должностями, какъ поземельныхъ собственниковъ. Григорій съ удивительною смѣлостью хотѣлъ прервать эту связь: онъ запретилъ духовнымъ при-

нимать инвеституру изъ рукъ императора, королей или другихъ свѣтскихъ лицъ [1]). Но папа не оспаривалъ обязанностей вѣрности и службы, которыя лежали на епископахъ, какъ на поземельныхъ собственникахъ: „Что же касается до службы и вѣрности королю, то мы не намѣрены ей противиться и препятствовать“ (Epist. V, 5). Почему же Григорій началъ упорную и кровавую борьбу за инвеституру? На соборѣ 1078 г. онъ объявилъ, что инвеститура ведетъ церковь къ погибели, что для спасенія церкви онъ запрещаетъ инвеституру..... Инвеститура открывала двери симоніи; она служила предлогомъ облечь ее въ законную форму и отдавала церковь въ свѣтскія руки.... Вотъ почему Григорій напалъ на инвеституру. Съ его точки зрѣнія, онъ требовалъ самого естественнаго дѣла: „Я не хочу ничего новаго, и то, чего я домогаюсь, не моя выдумка“ (Epist. V, 5). Но въ дѣйствительности декретъ Григорія былъ цѣлою революціею. А потому онъ и произвелъ рядъ войнъ, раздиравшихъ Германію и Испанію и вынудившихъ папъ прибѣгнуть къ сдѣлкѣ и уступкамъ.

Запрещеніе инвеституры направлялось на разрушеніе всякой феодальной связи, всякой зависимости между церковью и мірянами. Если декреты Григорія оставляютъ сомнѣніе относительно его намѣреній, то декреты его преемниковъ ясно говорятъ о цѣли, преслѣдуемой папизмомъ. Урбанъ II издавалъ декретъ за декретомъ съ запрещеніемъ духовнымъ давать ленную присягу свѣтскимъ лицамъ и что нибудь получать отъ нихъ; онъ желалъ лишить государство всякаго права на церковь. Но что̀ такое было государство и церковь въ XI вѣкѣ? Церкви принадлежали три-четверти государства, само же государство было разбито на мелкіе феоды, въ которыхъ отношенія гражданина къ государству замѣнились отношеніями вассала къ сузерену. Освободить церковь отъ подобныхъ отношеній значило бы объявить церковь отдѣльнымъ цѣлымъ, безъ всякой связи съ государствомъ, но удерживающимъ за собою большую часть земли. На кого перешло бы то вліяніе, которое учреждалось до того времени инвеститурою?—на папу. Запретить инвеституру, значило сказать императору и королямъ: „Папа будетъ назначать епископовъ и аббатовъ безъ вашего вмѣшательства, и слѣдовательно, распорядится вашею землею; назначенные имъ будутъ его выссалами, что не помѣшаетъ имъ занимать первое мѣсто въ аристократіи, тяготѣющей надъ вами. Епископы и аббаты будутъ пользоваться одинаковыми правами съ графами и всѣми привилегіями верховной власти, но они не будутъ зависѣть отъ васъ и дадутъ присягу въ вѣрности папѣ“.

---

[1]) Первый декретъ былъ изданъ въ 1075, но его текстъ не сохранился. На соборѣ 1078 г., онъ былъ возобновленъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Такъ какъ дошло до нашего свѣденія, что, въ противность постановленіямъ святыхъ отцовъ, во многихъ мѣстахъ свѣтскими людьми производится инвеститура духовныхъ, что производить большіе безпорядки въ церкви, оскорбляющіе христіанскую религію, то мы постановляемъ, чтобы никто изъ духовныхъ не принималъ инвеституры на епископство, аббатство или церковь изъ рукъ императора, короля, или другого свѣтскаго лица обоего пола“ (Cap. II).

Не значило ли бы это предать всѣхъ королей и императоровъ въ руки папъ? Могла ли свѣтская власть согласиться на такое самоубійство....

Изъ ближайшихъ преемниковъ Григорія VII, нашелся одинъ, который, будучи проникнутъ чистыми христіанскими идеями самоотверженія, хотѣлъ, не обращая вниманія на историческое положеніе дѣлъ, отказаться отъ временныхъ богатствъ и возвратить ихъ свѣтской власти. Это былъ Пасхалій II (1099—1118). Онъ съ грустью смотрѣлъ на епископовъ и аббатовъ, поглощенныхъ мірскими заботами: „Служители божіи, говорилъ онъ, сдѣлались служителями придворными; они получаютъ отъ королей графства, герцогства, города, замки и всѣ права верховной власти. Между тѣмъ божественный законъ запрещаетъ духовнымъ вмѣшиваться въ мірскія дѣла, каноны не дозволяютъ имъ носить оружіе и участвовать въ произнесеніи судебныхъ приговоровъ. Для епископовъ и аббатовъ наступаетъ время возвратиться къ своимъ церквамъ; пусть они сложатъ съ себя гражданскія должности и позаботятся о спасеніи людей, ибо имъ предстоитъ отдать отчетъ за души, ввѣренныя ихъ попеченію" (Epist. 22 ad Heinricum V Imper.). Папа считалъ церковное имущество бременемъ; онъ готовъ былъ возвратить его императору, если тотъ согласится признать свободу церкви. Но Пасхалій остался одинъ съ своимъ мнѣніемъ. Епископы не желали пріобрѣтать независимость такою цѣною; они обвиняли папу въ покушеніи на святотатство, такъ какъ онъ замышлялъ отдать императору подаренное церкви, что не могло имѣть другого назначенія, и заявили, что они пожертвуютъ скорѣе жизнью, нежели своими бенефиціями. Напрасно Пасхалій напоминаетъ имъ о евангельскихъ началахъ, ученіи св. отцовъ; епископы оставались непоколебимыми; они пошли далѣе и обвинили папу въ ереси. Вслѣдствіе такой оппозиціи, трактатъ не состоялся.

Дѣйствительно, при тогдашнемъ порядкѣ вещей, идеи Пасхалія были великодушною утопіею: церковь для управленія обществомъ XI столѣтія нуждалась въ дѣйствительной силѣ, а въ средніе вѣка сила была связана съ поземельнымъ владѣніемъ; отказаться отъ вліянія чрезъ землю, значило въ то время отказаться отъ всякаго вліянія. Такимъ образомъ, церковь увидѣла себя въ противорѣчіи: она искала независимости, какъ условія своей святости и власти, съ другой же стороны получить независимость можно было, отказавшись отъ имущества и поставивъ себя тѣмъ въ опасное положеніе, когда въ обществѣ господствовала одна грубая сила. Личный интересъ въ согласіи съ общимъ интересомъ не могли потому допустить предложенія Пасхалія. Церковь не желала свободы подъ условіемъ нищеты, и по тому времени была права; но, удержавъ за собою поземельную собственность, она должна была смягчить притязанія Григорія VII, и удержать за собою землю не иначе, какъ подъ условіемъ остаться въ феодальной іерархіи. Таковъ былъ смыслъ Вормскаго конкордата (1122 г.), которымъ пріостановлена была борьба, начатая Гильдебрандомъ. Императоръ по этому договору отказался отъ инвеституры кольцомъ и посохомъ, предоставивъ дѣлать свободный выборъ, хотя въ своемъ присутствіи; избранный получалъ отъ него скипетръ

въ знакъ тѣхъ обязанностей, которыя налагаются на него по феодальному праву.

Папа Каликстъ II, заключившій конкордатъ, воздалъ хвалу Богу, который въ безконечной своей благости смягчилъ сердце короля Гейнриха V; церковь торжествовала миръ, дарованный христіанству. Но истинные ревнители осуждали конкордатъ, и даже многіе упорно отказывались отъ всякой ленной присяги въ вѣрности; они говорили, что такая присяга есть преступленіе, потому что она принуждала класть руки помазанниковъ въ руки, обагренныя кровью. Эти ревнители были правы, не раздѣляя всеобщей радости, потому что Вормскій конкордатъ былъ отступленіемъ отъ системы Григорія VII . . . Конкордатъ утверждалъ политическую зависимость духовенства; онъ предоставлялъ имперіи огромное вліяніе на судьбу церкви, и выборы, дѣлаемые въ присутствіи императора, не могли быть еще свободными. Отчего же папизмъ согласился на такую сдѣлку? Только потому, что Каликстъ долженъ былъ уступить силѣ обстоятельствъ. Въ духовной реформѣ, Григорій нашелъ опору въ мірянахъ; онъ переломилъ упорство епископовъ и духовенства, поднявъ на нихъ массы. Но въ вопросѣ объ инвеститурѣ задѣты были интересы свѣтскаго общества, и папство должно было уступить такой огромной оппозиціи. Папы не могли бороться съ общественнымъ мнѣніемъ, потому что на немъ только и покоился ихъ нравственный перевѣсъ......

Историки обыкновенно называютъ борьбу императора Гейнриха IV съ Григоріемъ VII Гильдебрандомъ войною за *инвеституру*, т.-е. за право назначенія и утвержденія лицъ на духовныя мѣста, но, собственно говоря, инвеститура и симонія (продажа духовныхъ мѣстъ) послужили только поводомъ къ окончательному разрыву между главою имперіи и главою церкви; существенная причина самой борьбы была несравненно важнѣе, потому что дѣло шло не больше и не меньше какъ о томъ, быть или не быть свѣтской власти. Дѣятельность Григорія VII, въ чемъ бы она ни обнаруживалась, была направлена къ совершенному уничтоженію *государственности*: короли и императоры, по его политической теоріи, были только вассалами папскаго престола. Свѣтскіе государи не могли принять на себя такой роли, потому борьба папъ съ императорами продолжалась долго и по окончаніи вопроса объ инвеститурѣ; конкордатъ Вормскій (1122 г.), имѣвшій цѣлью умиротворить христіанство, на дѣлѣ былъ однимъ перемиріемъ. Вражда папства и имперіи разжигалась силою обстоятельствъ; она пріостановилась послѣ Гейнриха IV, чтобы тѣмъ съ большею силою возобновиться при императорахъ послѣдующаго Швабскаго дома (XII и XIII в.). Гогенштауфены имѣли высокое понятіе объ императорскомъ достоинствѣ. Гейнрихъ IV еще преданный католикъ; какъ католикъ, онъ преклонился предъ Григоріемъ VII; Фридрихъ II Гогенштауфенъ, при своей религіозной терпимости, выступилъ за предѣлы католичества и явился предвѣстникомъ идей новаго времени. Люди будущаго всегда падаютъ уже потому, что они превышаютъ мѣру потребностей современнаго имъ общества. Папство торжествуетъ при Григоріѣ VII; оно господствуетъ при Иннокентіѣ и преслѣдуетъ Гогенштауфеновъ, пока послѣдняя

ихъ отрасль не сложила своей головы на эшафотѣ. Но торжество папъ не могло быть прочно, потому что ихъ побѣда была бы разрушеніемъ всякаго государства, смертью національныхъ индивидуальностей. Дѣло Гейнриха IV и Гогенштауфеновъ было дѣломъ будущаго, и если люди, защищавшіе его, погибли, то самое дѣло не могло погибнуть. Настанетъ день, когда государство пріобрѣтетъ свою независимость отъ церкви, даже пойдетъ далѣе: включитъ ее въ свои предѣлы, сохранивъ, однако, все уваженіе къ отдѣльнымъ вѣрованіямъ. Папство можетъ исчезнуть, но государство сохранится; какъ преходящая форма, папство имѣетъ временную задачу. Государство коренится въ самой природѣ человѣка; оно вѣчно на столько, на сколько его призваніе будетъ совпадать съ существованіемъ человѣческаго рода.

Такой взглядъ на вѣковую борьбу, раздѣлявшую имперію отъ папизма, даетъ намъ возможность безпристрастно взглянуть на героевъ обоихъ враждебныхъ становъ. Страсти, взволновавшія тогдашнее общество, долго раздавались въ исторіи. Гибелины (Гогенштауфены) и съ ними всѣ дорожившіе гражданскою свободой, говорятъ съ ужасомъ о тираніи Гильдебранда, честолюбіи Иннокентія и узурпаціи папъ. Гвельфы и съ ними всѣ вѣрующіе въ католичество и папизмъ, какъ въ отраженіе вѣчной истины, проклинаютъ Гейнриха IV и Гогенштауфеновъ. Но эти обоюдныя проклятія свидѣтельствуютъ о заблужденіи партій: исторія не должна проклинать. Мы владѣемъ безусловною истиною не больше, какъ и наши отцы; за что мы будемъ вмѣнять имъ въ преступленіе ихъ ошибки, когда мы должны сами признаться, что принимаемое нами за истину заключаетъ также въ себѣ долю заблужденія? Папы имѣли причину защищать независимость церкви, потому что зависимая церковь не могла бы выполнять своей высокой задачи. Но развѣ изъ этого одного слѣдуетъ, что противники ея независимости въ XI вѣкѣ должны быть осуждены на проклятіе? Церковь въ то время разумѣла подъ своею независимостью и свободою безусловную власть въ дѣлахъ духовныхъ и безпредѣльное вліяніе на свѣтскія дѣла: независимость церкви обращалась въ зависимость государства. Но государство, по своей сущности, должно быть свободно, потому что оно выражаетъ собою національную независимость. Такимъ образомъ, Гибелины, борясь съ папизмомъ, боролись за священное дѣло, за свободу гражданской власти. Несчастный Гейнрихъ IV, скептическій Фридрихъ II, должны быть оба возстановлены въ своей чести. Реактивныя стремленія и восторганіе предъ средними вѣками много содѣйствовали успѣхамъ папизма: Григоріи и Иннокентіи были слишкомъ идеализированы. Мы отдаемъ имъ справедливость, но мы хотимъ остаться справедливы и къ императорамъ, которые, помимо своихъ страстей и заблужденій, расчищали дорогу будущему. Справедливая оцѣнка прошедшаго не есть еще оправданіе всего, что было совершено прошедшимъ; такъ можетъ поступать фатализмъ. Объяснять прошедшее не значитъ еще его принимать. Мы не возводимъ заблужденія людей на степень закона; мы осуждаемъ пороки Гейнриха IV и гордыню Гогенштауфеновъ. Но мы не оправдываемъ и доктринъ прошедшаго

наше время не средніе вѣка; оно не можетъ желать ни тиранніи папъ, ни тиранніи свѣтской власти. Деспотизмъ, въ какой бы формѣ ни являлся, достоинъ осужденія уже потому, что онъ оскорбляетъ достоинство человѣческой природы. Если онъ и приводитъ къ добру, то такова воля божія; если же божеству угодно обращать и дурныя страсти людей на пользу человѣчества, то это не препятствуетъ намъ бичевать дурныя страсти. Слава добра принадлежитъ Богу; отвѣтственность за зло тяготѣетъ надъ человѣкомъ.

Григорій VII реформируетъ церковь, обязавъ духовенство къ безбрачію; но онъ не довершилъ бы своего дѣла, если бы церковь осталась въ зависимости отъ свѣтской власти; потому Григорій нападаетъ на симонію и инвеституру. Папа совершенно правъ, и съ перваго раза не совсѣмъ понятно, почему императоръ противится реформѣ, клонящейся къ независимости церкви. Но вникнемъ въ самую глубь идеи Григорія. Какое онъ имѣлъ представленіе о духовной и о свѣтской власти? Каковы, по его понятіямъ, должны быть ихъ взаимныя отношенія?

По теоріи Григорія [1]), свѣтская власть опирается на демона, а папа исходитъ отъ Сына Божія, совѣчнаго Отцу. Эта гордая доктрина вызвала негодованіе даже въ такомъ писателѣ, какъ Боссюэтъ (XVII в.): „Общество человѣческое, говоритъ онъ, подчиненіе, власть королей надъ подданными, установлены не гордынею, но разумомъ, не дьяволомъ, но божествомъ“. Чтобы объяснить себѣ источникъ презрѣнія Григорія VII къ свѣтской власти, достаточно представить то положеніе, въ которомъ она находилась въ XI вѣкѣ: это была свирѣпая сила, одержимая самыми дурными страстями. Кто могъ признать перстъ божій въ ежедневныхъ насиліяхъ, хищничествѣ, развратѣ и преступной роскоши? Ко всему этому, Григорій въ своихъ сужденіяхъ опирался на принципъ болѣе глубокій; его сужденія были логическимъ выводомъ христіанскаго спиритуализма. Область свѣтской власти составляетъ внѣшній міръ, оружіе, побѣды, земныя блага; область же церкви относится къ душѣ и Богу. Потому спиритуализмъ болѣе терпитъ, нежели признаетъ внѣшнюю жизнь; онъ бѣжитъ ея, какъ царства сатаны. Чѣмъ же могло представиться такому ученію достоинство, вызывающее честолюбивые виды, почести, гордость, однимъ словомъ, все то, что̀ христіанство бичуетъ подъ именемъ пороковъ? Не былъ-ли Григорій послѣдователенъ, когда онъ объявилъ демона источникомъ свѣтской власти? Христіанскій спиритуализмъ Григорія VII обнаруживается особенно въ сравненіи, которое онъ проводитъ между королемъ и пастыремъ церкви: „Посмотрите на королей, когда они на одрѣ смерти; чтобы уйти отъ ада, чтобы свергнуть съ себя иго своихъ грѣховъ въ день судный, они ищутъ и умоляютъ о помощи пастыря церкви. Покажите мнѣ, не говорю духовное лицо, но мірянина, который просилъ бы короля о спасеніи

[1]) См. его посланія ниже, въ ст. 57.

своей души? Можетъ ли самъ императоръ, посредствомъ таинства крещенія, исторгнуть младенца изъ власти демона? Есть ли на землѣ такой властитель, который своимъ словомъ претворилъ бы хлѣбъ и вино въ тѣло и кровь господню? Могутъ ли они вязать и рѣшить на землѣ и на небѣ? Все это доказываетъ превосходство и преимущество пастырскаго сана". Далѣе, онъ продолжаетъ параллель между королями и церковными пастырями въ ихъ жизни. „Если мы, пишетъ Григорій, разсмотримъ всю исторію отъ начала міра и до нашихъ дней, то не найдемъ ни одного короля, ни императора, который сравнился бы своимъ благочестіемъ съ безчисленными святыми, презрѣвшими міръ. Не говоря объ апостолахъ и мученикахъ, кто изъ нихъ можетъ сравниться съ св. Антоніемъ, св. Мартиномъ, св. Бенедиктомъ? Гдѣ видѣли императора, который воскрешалъ бы мертвыхъ, возвращалъ зрѣніе слѣпымъ, исцѣлялъ бы прокаженныхъ?...... Такое ничтожество сильныхъ земли происходитъ отъ того, что божьи люди пренебрегали пустою славою и предпочитали вѣчное спасеніе мірскимъ дѣламъ, между тѣмъ, какъ короли и императоры, увлеченные ложною славою, болѣе любили земныя наслажденія, нежели духовную радость" (Epist. VIII, 21).

Григорій, называя съ упрекомъ сильныхъ земли дѣтьми гордыни, самъ страдаетъ гордостью въ своемъ сравненіи королей съ пастырями. Но опять въ его гордости нѣтъ ничего личнаго; имъ руководитъ сознаніе божественности церкви. Еще св. Амвросій (De dignitate sacerdotali) сказалъ, что „высота епископскаго званія не можетъ быть сравнена ни съ чѣмъ; міръ преклоняется предъ блескомъ свѣтской власти, но, по сравненію съ достоинствомъ пастыря, оно то же, что олово предъ золотомъ". Григорій былъ, слѣдовательно, вѣренъ этой логикѣ, когда писалъ Вильгельму Завоевателю, что Богъ поставилъ двѣ власти для управленія всѣмъ міромъ: апостольскую и королевскую; папа выразилъ классически ихъ взаимныя отношенія: „Міръ физическій освѣщается двумя свѣтилами болѣе значительными прочихъ, солнцемъ и луною: въ нравственномъ порядкѣ вещей, папа изображаетъ солнце, а король занимаетъ мѣсто луны" (Epist. VII, 26). Позднѣйшіе богословы приняли это сравненіе весьма серьезно и пустились высчитывать размѣры солнца и луны, чтобы вывести отсюда съ точностью, во сколько папа превышаетъ свѣтскаго государя. Одинъ изъ нихъ нашелъ, что папа больше императора въ 1744 раза, но Боденъ (Bodin, извѣстный публицистъ французскій XVI в.), въ насмѣшку надъ богословами, поправилъ вычисленіе и доказалъ, что по Птоломею и арабскимъ астрономамъ, папа выше императора въ 6645 разъ и $^{7}/_{8}$.........

Однимъ словомъ, доктрина Григорія VII вела къ уничтоженію всякой свѣтской власти. Отлученіе и сверженіе Гейнриха было не самою большею узурпаціею, которую только позволилъ себѣ папа; въ его письмахъ находятся образцы несравненно большихъ притязаній. Изъ нихъ видно, что Григорій думалъ не объ одномъ подчиненіи себѣ свѣтской власти; онъ имѣлъ въ виду быть государемъ всѣхъ государствъ Европы. Когда послѣ смутъ, послѣдовавшихъ за сверженіемъ Гейнриха, князья германскіе повергли императорскую

корону къ стопамъ Григорія, папа воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы наложить на главу имперіи такую присягу, которая не оставляла бы никакого сомнѣнія объ отношеніи двухъ властей. Король Германіи далъ папѣ присягу, обѣщая ему вѣрность *вассала*. Формула, заимствованная по этому случаю у феодальнаго права, дѣлала императора *человѣкомъ* (homo) папы. Итакъ, весь христіанскій міръ сдѣлался папскимъ феодомъ.

Но Григорій не довольствовался одною неопредѣленною властью сузерена; онъ искалъ прямой власти надъ всѣми христіанскими государствами. По его словамъ, „Карлъ Великій предложилъ всю Саксонію папамъ, съ помощью которыхъ онъ завоевалъ ее“ (Epist. VIII, 23). На авторитетъ того же Карла ссылался онъ, когда заявлялъ требованія дани отъ Франціи; онъ писалъ туда своимъ легатамъ: „Надобно сказать всѣмъ французамъ и строго приказать, чтобы каждый домъ платилъ св. Петру, по крайней мѣрѣ, одинъ денарій въ годъ, если они признаютъ его своимъ отцомъ и пастыремъ, на основаніи древняго обычая, установленнаго Карломъ Великимъ“. Въ Испаніи притязанія Григорія были еще обширнѣе: „Вамъ не безъизвѣстно, что со временъ глубокой древности ваше королевство считается собственностью св. Петра; права св. Петра не утратились, и если Испанія занята язычниками, то права папъ не потеряли силы“. Притязанія Григорія не были пустыми словами: онъ предписываетъ, чтобы христіане, отнимая земли у язычниковъ, присягали въ вѣрности св. престолу. Онъ идетъ далѣе и объявляетъ, что для него лучше видѣть Италію подъ игомъ невѣрныхъ, нежели въ рукахъ христіанъ, которые отказались бы платить дань св. Петру (Epist. I, 7).

Англія была завоевана Вильгельмомъ Нормандскимъ. Завоеватель, будучи настолько же хорошимъ политикомъ, какъ и храбрымъ воителемъ, искалъ нравственной поддержки въ Римѣ. Папа былъ очень доволенъ вмѣшаться въ свѣтскія дѣла и разрѣшилъ герцогу Нормандіи вступить въ Англію для приведенія этой страны въ повиновеніе св. престолу. Король англо-саксскій и его приверженцы были отлучены отъ церкви; знамя римской церкви и перстень были чѣмъ-то въ родѣ инвеституры, которая ставила завоеванную страну въ зависимость отъ папъ. Григорій, еще какъ архидіаконъ, принялъ дѣятельное участіе въ переговорахъ по этому дѣлу; сдѣлавшись папою, онъ требовалъ вассальной присяги отъ новаго короля. Въ этомъ отказалъ ему гордый завоеватель, но тѣмъ не менѣе согласился платить дань, какую вносили англо-саксскіе короли.

Требовательность Григорія объясняется духомъ самаго времени. Папа считался намѣстникомъ Христа; короли, препоручая свои государства св. Петру, думали, что они тѣмъ самымъ ставятъ себя подъ покровительство Бога. Въ Римъ въ то время прибылъ сынъ Дмитрія, русскаго князя; онъ объявилъ Григорію свое желаніе получить княжество изъ его рукъ, какъ даръ св. Петра, и предлагалъ дать ему присягу въ вѣрности. Папа согласился и надѣлъ на него корону именемъ Петра; онъ присоединилъ къ этому, что глава апостоловъ не преминетъ покровительствовать ему своимъ заступничествомъ предъ Богомъ, и что онъ дастъ ему славу въ этой жизни

и вѣчное спасеніе за гробомъ (Epist. II, 74). Сохранилась присяга графовъ Прованса, которою они отдавались во власть Богу, св. апостоламъ Петру и Павлу, и господину папѣ. Григорій даже дѣлалъ королей, въ знакъ своего свѣтскаго могущества: на синодѣ въ Далмаціи, легаты Григорія представили герцогу этой страны знамя, мечъ, скипетръ и корону вмѣстѣ съ королевскимъ титуломъ отъ имени св. престола. Дѣло шло о томъ, чтобы оторвать Далмацію отъ Константинополя и греческой церкви...

Подобныя притязанія Григорій VII высказывалъ вездѣ, гдѣ могъ, и осуществлялъ ихъ то силою, какъ завоеватель, то союзомъ съ другими завоевателями: весь западъ долженъ былъ сдѣлаться данникомъ и вассаломъ св. престола. Притязанія его были такъ огромны, что трудно понять, какъ даже и въ XI столѣтіи человѣкъ, обладавшій высокимъ умомъ, могъ мечтать о чемъ нибудь подобномъ. Новѣйшіе защитники Григорія VII, какъ наприм. нѣмецкій ученый Фогтъ [1]), говорятъ, что не надобно буквально понимать словъ Григорія, что великій папа не думалъ быть монархомъ вселенной, но только искалъ независимости церкви. По нашему мнѣнію, подчиненіе западныхъ народовъ, котораго требовалъ себѣ Григорій, не должно считать чѣмъ нибудь оригинальнымъ; въ этомъ подчиненіи папа искалъ не гарантій церковной независимости; это подчиненіе вытекало само собою изъ идей христіанскаго спиритуализма объ отношеніи свѣтской власти къ духовной, а потому и доктрина Григорія VII пришла къ заключенію о необходимости сдѣлать папу верховнымъ сузереномъ всѣхъ государей, т.-е. основать всемірную монархію въ христіанской формѣ...

Конечно, дѣйствительное вліяніе Григорія далеко не соотвѣтствовало его безграничному честолюбію. Три государя властвовали въ ту эпоху на западѣ, короли Франціи, Англіи и Германіи: всѣ трое были противъ папы. Григорій самъ говоритъ, что никто изъ тогдашнихъ королей не заходилъ такъ далеко въ симоніи, какъ Филиппъ I, король Франціи. Съ самаго вступленія на престолъ, папа писалъ самыя грозныя письма епископамъ Галліи: „Или король откажется отъ симоніи, или французы, пораженные мечемъ отлученія, откажутъ ему въ повиновеніи, если не предпочтутъ бросить христіанскую вѣру“. Папа требуетъ отъ епископовъ, чтобы они осуждали короля; если же онъ не послушаетъ, то и они должны прекратить повиноваться ему и запретить церковное богослуженіе во всей Франціи: „Если же и послѣ такого наказанія, король не исправится, то мы, съ божіею помощью, будемъ стараться лишить его короны всѣми мѣрами, какія только находятся въ нашемъ распоряженіи“. Никогда еще папа не обращался такъ дерзко съ королемъ Франціи, но Григорію пришлось ограничиться одними угрозами. Быть можетъ, онъ боялся, что галликанское духовенство, мало благосклонное притязаніямъ Рима, откажется слѣдовать за нимъ въ случаѣ борьбы съ королемъ, или война съ имперіею не позволила ему завязать новой борьбы, но вражда Григорія VII съ Филиппомъ осталась безъ дальнѣйшихъ послѣдствій.

---

[1]) *Voigt*, Hildebrand, als Papst Gregorius VII, und sein Zeitalter. Weimar. 1815.

Римъ оказалъ нравственную помощь Вильгельму Завоевателю; обвиняютъ даже Григорія, какъ соучастника тѣхъ насилій, которыя позволили себѣ нормандцы въ отношеніи англо-саксскаго духовенства. Но новый король Англіи не былъ способенъ служить орудіемъ папъ. Онъ не отвергъ папскаго декрета о безбрачіи духовенства, но удержалъ за собою инвеституру, не смотря на всѣ соборныя запрещенія: „Я желаю, говорилъ онъ, держать въ своей рукѣ всѣ пастырскіе жезлы Англіи“. Когда папа, напоминая ему обѣщанія, сдѣланныя, быть можетъ, предъ вторженіемъ, требовалъ вассальной присяги, Вильгельмъ отвѣчалъ ему: „Я посылаю вамъ сборъ св. Петра, потому что такъ поступали и мои предшественники. Но дать присягу вѣрности я не хочу и не могу, потому что не обѣщалъ, и не вижу, чтобъ мои предшественники дѣлали что нибудь подобное въ отношеніи вашихъ“. Такой отказъ долженъ былъ оскорбить папу, но онъ скрылъ свое неудовольствіе. Король Англіи пошелъ далѣе: онъ запретилъ епископамъ и архіепископамъ посѣщать Римъ. Григорій горько жаловался на то своему легату: „Ни одинъ государь, даже языческій, никогда не смѣлъ подумать о томъ, что сдѣлалъ нынѣ Вильгельмъ. Легатъ долженъ ему сдѣлать по этому поводу замѣчанія, но *весьма осторожно;* папа прощаетъ королю его заблужденія, въ воспоминаніе прежней дружбы; но если король не остановится, то тѣмъ привлечетъ на себя гнѣвъ св. Петра“ (Epist. VII, 1)..

Очевидно, обстоятельства были сильнѣе Григорія VII: не смотря на все его могущество, онъ долженъ былъ щадить королей Франціи и Англіи; если онъ рѣшился напасть на Генриха IV, то только потому, что въ Германіи нашлись ему союзники, которые ожидали повода къ возстанію противъ императора.

Лоранъ.

La papautè et l'empire. Стр. 64--100; 167—181.

Лоранъ (F. Laurent), новѣйшій историкъ и профессоръ въ Гентскомъ университетѣ въ Бельгіи. Онъ составилъ себѣ извѣстность обширнымъ трудомъ, которое носитъ заглавіе: Histoire du droit des gens et de relations internationales, т.-е. „Исторія народныхъ правъ и международныхъ отношеній“. La Papautè et l'empire, т.-е. „Папство и имперія“, откуда заимствовано нами извлеченіе, составляетъ шестой томъ того труда.

---

53. Статутъ объ избраніи папъ Николая II. 1059 г.

Во имя Господа Бога и Спасителя нашего І. Христа, въ лѣто отъ воплощенія его 1059, мѣсяца апрѣля, индикта 12. По прочтеніи святѣйшаго евангелія, подъ предсѣдательствомъ достопочтеннѣйшаго и блаженнѣйшаго *Николая* апостолическаго владыки, въ патріаршемъ Латеранскомъ соборѣ, именуемомъ Константиновскимъ, въ присутствіи

уважаемыхъ архіепископовъ, епископовъ, аббатовъ, и достопочтенныхъ пресвитеровъ и діаконовъ. Вышеупомянутый, достопочтенный первосвятитель, постановляя правила, относительно избранія верховныхъ папъ, изрекъ: „Извѣстно вашей святости, возлюбленные братія и соепископы, а равно и вамъ, младшіе члены Христовы, не безъизвѣстно, сколько потерпѣлъ послѣ смерти, блаженной памяти, господина Стефана, предшественника нашего, этотъ апостольскій престолъ, которому я служу, по милости божіей, и какимъ частымъ ударамъ и потрясеніямъ онъ подвергался въ послѣднее время со стороны торгашей симоновской ереси (simoniacae haeresis), вслѣдствіе чего столпъ Бога живого, казалось, уже почти поколебался, и мрежа верховнаго ловца, отъ поднявшихся бурь, принуждена была погрузиться въ бездну крушенія. Поэтому если благоугодно вашему братству, мы должны, при помощи божіей, благоразумно позаботиться о томъ, чтобы это зло, оживъ—чего Боже избави — не одержало верха. Такимъ образомъ, властью, полученною нами отъ нашихъ предшественниковъ и другихъ святыхъ отцовъ, опредѣляемъ и постановляемъ, чтобы по смерти первосвятителя Римской вселенской церкви, сначала кардиналы приступали къ соглашенію относительно новаго избранія, тщательно напередъ обсудивъ дѣло, съ соблюденіемъ должной чести и уваженія (salvo debito honore et reverentia) къ возлюбленнѣйшему сыну нашему, Гейнриху (IV), нынѣшнему королю и будущему, по волѣ божіей, императору, на что уже чрезъ его посла, канцлера Лонгобардіи, мы дали согласіе; также къ его преемникамъ, которые получили бы этотъ санъ отъ апостольскаго престола. Принявъ предосторожность, чтобы недугъ купли не вторгся какимъ либо образомъ, благочестивые мужи съ свѣтлѣйшимъ сыномъ нашимъ королемъ Гейнрихомъ должны избрать, а остальные признать новаго первосвятителя. Избрать же его должны изъ нѣдра этой самой церкви, если найдется достойный; а если не найдется въ ней, то изъ другой. Если же развращенность порочныхъ и мятежныхъ людей усилится до такой степени, что безпристрастный, искренній и согласный выборъ въ городѣ будетъ невозможенъ, то съ согласія непобѣдимаго короля могутъ избрать первосвятителя въ такомъ мѣстѣ, гдѣ то будетъ удобнѣе, и хотя бы на лицо было мало избирателей. По окончаніи выбора, въ случаѣ военнаго времени (bellica tempestas), или злобнаго возстанія, если избранный не можетъ вступить (intronisari) на апостольскій престолъ, то онъ тѣмъ неменѣе, какъ истинный папа, долженъ управлять св. Римскою церковью и распоряжаться всѣми ея средствами: мы знаемъ, что такъ поступилъ и блаженный Григорій, прежде своего посвященія. Если кто вступитъ на престолъ противъ этого нашего декрета, обнародованнаго по согласію собора, будучи избранъ, вслѣдствіе возстанія, интригъ, или хитрости, и посвященъ, то такой долженъ считаться не папою, но сатаною, не апостольскимъ мужемъ, но апостатомъ и, по отлученіи отъ св. Римской церкви, божественною властью и вѣчною анаѳемою отъ св. апостоловъ Петра и Павла, вмѣстѣ съ своими помощниками, покровителями и приверженцами долженъ быть низвергнутъ, какъ антихристъ, возмутитель и нарушитель всего христіанства, и не только не можетъ пользоваться

никакою почестью, но долженъ быть немедленно лишенъ всякой церковной степени, какую бы онъ ни имѣлъ прежде. Всякій вступившійся за него, или оказавшій ему, какъ первосвятителю, честь, или отважившійся защищать его, долженъ быть преданъ подобному же осужденію. Всякій, кто нарушитъ этотъ нашъ декретъ и рѣшится возмутить спокойствіе Римской церкви, и покусится идти противъ этого нашего постановленія, да осужденъ будетъ вѣчною анаѳемою и отверженіемъ, и къ нечестивымъ, которые не воскреснутъ на судѣ, да причтется; да испытаетъ онъ на себѣ гнѣвъ всемогущаго Бога Отца и Сына и Духа св. и св. апостоловъ Петра и Павла, церковь которыхъ онъ отважился возмутить, въ сей жизни и въ будущемъ вѣкѣ; да будетъ жилище его пусто, и въ шатрѣ его да не обитаетъ никто; да будутъ сыновья его сироты и жена его вдовой; да поколеблется онъ до конца, и сыновья его да будутъ нищими и изгонятся изъ жилищъ своихъ; ростовщикъ да возьметъ все имущество его, и чужіе люди да расхитятъ всѣ труды его; вся вселенная да возстанетъ противъ него и всѣ стихіи да будутъ враждебны ему, и заслуги всѣхъ святыхъ усопшихъ да смутятъ его. Повинующихся же этому нашему декрету да хранитъ благодать всемогущаго Бога; да благословитъ ихъ власть блаженныхъ князей апостоловъ Петра и Павла, и да разрѣшитъ отъ узъ всякаго грѣха. Аминь".

Изъ декретовъ папы Николая II.
У Pertz, Monum. Leg. II. 2. 176—180.

Николай II, папа (1059—61), былъ родомъ изъ Бургундіи и занималъ мѣсто епископа Флоренціи. По смерти Виктора II, послѣдняго нѣмецкаго папы, который умеръ вслѣдъ за своимъ покровителемъ, Гейнрихомъ III (1056), въ Римѣ ожила національная партія и подъ вліяніемъ монаха Гильдебранда избрала Стефана X (1057—58), но Ломбардія не признала его и онъ вскорѣ умеръ отъ отравы. Римская знать избрала Бенедикта X, но Гильдебрандъ, склонивъ на свою сторону нѣмецкій дворъ, утвердилъ на престолѣ Николая II, принудивъ его соперника отречься. Для предупрежденія безпорядковъ при избраніи папъ и для устраненія нѣмецкаго вліянія, новый папа и издалъ свой знаменитый декретъ. Николаю II наслѣдовалъ Александръ II (1061 — 1073), послѣ котораго вступилъ на престолъ самъ Григорій VII Гильдебрандъ. *Изданіе:* Pertz, Monum. II. 2, 176—180, подъ заглавіемъ: Statutum Nicolai II papae de electione papae, a. 1059.

54.—Жизнь императора Гейнриха IV. 1056—1106.

(Въ 1106 г.).

1. „Кто дастъ главѣ моей воду, и очамъ моимъ источникъ слезъ", (Іерем. 9, 1), чтобы оплакать не паденіе покореннаго города, не плѣнъ какого нибудь народа, не потерю моего достоянія, но смерть Гейнриха (IV) великаго императора, который былъ *моею надеждою и единственнымъ утѣшеніемъ,* который — но за чѣмъ говорить только

о себѣ — былъ гордостію Рима, украшеніемъ государства, свѣтомъ міра! Что пріятнаго можетъ обѣщать мнѣ жизнь въ будущемъ? Проведу ли я одинъ день, одинъ часъ безъ слезъ? Могу ли я его вспомнить, мой возлюбленный [1]), въ своихъ бесѣдахъ съ тобою, не сѣтуя о немъ. И теперь, когда я пишу эти строки подъ диктовку скорби своей, слезы катятся изъ глазъ моихъ, орошаютъ тетрадь мою, и смываютъ то, что̀ начертано рукою.

Но, можетъ быть, ты будешь порицать порывы моей горести; можетъ быть ты пожелаешь, чтобы я прекратилъ свои вопли; ибо они могутъ поразить слухъ иныхъ, которые радуются смерти императора. Твой совѣтъ хорошъ; я сознаюсь въ томъ. Но я не могу скрыть своего горя, я не могу не обнаружить своей печали, хотя бы устремилась на меня вся ярость враговъ, хотя бы они грозили разорвать меня на части. Скорбь не знаетъ страха, скорбь не разсуждаетъ о томъ, что ее ждетъ месть.

Но не я одинъ оплакиваю кончину императора; Римъ плачетъ о немъ, вся римская имперія опечалена, и кромѣ завистливыхъ враговъ его власти и его жизни, скорбитъ всякій, и бѣдный, и богатый. И не личныя отношенія рождаютъ мою печаль; любовь заставила меня стенать о всеобщемъ несчастіи. Со смертію императора, не стало на землѣ справедливости, отлетѣлъ миръ, и мѣсто вѣрности заняло вѣроломство. Умолкъ хоръ пѣвцовъ, славословившихъ Всевышняго; оскудѣло богослужебное величіе; голосъ счастія и ликованія не слышенъ теперь въ обиталищахъ праведныхъ, потому что нѣтъ больше Гейнриха, который все это основалъ. Соборы лишились своего покровителя, монастыри своего отца; какое расположеніе питалъ къ нимъ императоръ, какъ много содѣйствовалъ ихъ славѣ, они узнали лишь тогда, когда больше не было съ ними почившаго. Особенно монастыри имѣютъ всѣ причины скорбѣть, потому что вмѣстѣ съ императоромъ погребенъ и ихъ блескъ.

Но, Майнцъ! какого украшенія ты лишился, когда отходилъ отъ міра сего этотъ зиждитель, столь необходимый тебѣ для возстановленія разрушеннаго собора [2]). Еслибъ онъ довелъ до конца начатую имъ постройку, то, конечно, новый соборъ могъ бы соперничать съ тѣмъ славнымъ соборомъ Шпейерскимъ, который построенъ отъ основанія до вершины самимъ Гейнрихомъ, и по чудному величію и художественности исполненія болѣе достоинъ удивленія и славы, нежели всѣ постройки прежнихъ королей. Какъ роскошно украшенъ этотъ соборъ золотомъ, серебромъ, драгоцѣнными каменьями и шелковыми ризами, едва ли это можетъ вообразить тотъ, кто не имѣлъ счастія видѣть его лично.

И вы, о бѣдные люди, имѣете основательное побужденіе къ своей печали; потому что только теперь вы въ первый разъ обѣднѣли, когда вы лишились утѣшителя своей бѣдности! Онъ питалъ васъ, мылъ своими руками, покрывалъ вашу наготу. Не у воротъ, но за его

---

[1]) Такъ авторъ обращается къ неизвѣстному намъ лицу, которому онъ посвятилъ свое сочиненіе.

[2]) Соборъ въ Майнцѣ сгорѣлъ еще 1081 г.

столомъ возлежалъ Лазарь, и питался не крупицами, а царскими яствами. За столомъ императоръ не гнушался безобразіемъ и зловоніемъ гноеточивыхъ, тогда какъ самые слуги морщились и зажимали себѣ носъ. Въ опочивальнѣ Гейнриха лежали слѣпые, хромые, и всякаго рода болящіе; самъ императоръ разувалъ ихъ, укладывалъ спать; ночью вставалъ и покрывалъ ихъ, не опасаясь прикасаться и къ такимъ, которые, по самому свойству болѣзни, марали свою постель. Когда Гейнрихъ путешествовалъ, бѣдные встрѣчали его, сопровождали и слѣдовали за нимъ, и хотя онъ поручалъ ихъ попеченію своихъ приближенныхъ, но заботился и самъ, какъ если бы они никому не были поручены.

Въ его помѣстьяхъ также давалось вспоможеніе бѣднымъ; Гейнрихъ заботился знать о числѣ ихъ и смерти каждаго, какъ для того, чтобы помянуть покойнаго, такъ и для того, чтобы имѣть увѣренность въ его замѣщеніи. Когда неурожайный годъ приносилъ голодъ, король давалъ содержаніе многимъ тысячамъ народа, въ силу божественнаго предписанія: „Пріобрѣтайте себѣ друзей богатствомъ неправеднымъ, чтобы они, когда обнищаете, приняли васъ въ вѣчныя обители“ (Лука, XVI, 9).

Какую глубокую скорбь должны теперь ощущать бѣдствующіе, вспоминая, какъ они пользовались нѣкогда исчисленными мною благодѣяніями и многими другими, сверхъ тѣхъ, которыя названы нами; теперь же они не могутъ больше ими пользоваться! Кто предложитъ имъ свои любвеобильныя заботы о нихъ? Кто захочетъ знать, гдѣ лежитъ больной, и какой пищи онъ требуетъ? Кто посвятитъ себя такъ дѣламъ милосердія, какъ императоръ Гейнрихъ? О, что это былъ за человѣкъ, какъ безгранично его благочестіе и смиренномудріе! Онъ обладалъ свѣтомъ, бѣдные обладали имъ; ему служилъ міръ, а онъ—бѣднымъ.

Мы сказали прежде всего о сострадательности Гейнриха къ бѣднымъ, которой онъ не могъ укрыть отъ людей, не потому, чтобы это была самая достойная его черта, но потому, что это одно было доступно нашему наблюденію; а кто знаетъ, чѣмъ онъ еще служилъ Богу? Также и о другихъ, украшавшихъ его достоинствахъ, мы скажемъ только немногое, потому что всего сказать не въ состояніи. Но пусть не удивляется никто, если я, оплакивая смерть императора, вспоминаю и о веселыхъ минутахъ его жизни: кто тоскуетъ объ отшедшемъ другѣ, тотъ невольно вспоминаетъ всю его прошедшую жизнь, всякое его дѣло и поступокъ, чтобы еще болѣе распалить свое горе. Я охотно пишу о немъ, и съ наслажденіемъ предаюсь весь своей скорби, оплакивая почившаго, который при жизни былъ моею радостію.

Гейнрихъ являлся предъ другими то императоромъ, то простымъ воиномъ, и въ одномъ выражалъ все свое достоинство, въ другомъ—смиреніе. Онъ былъ такъ проницателенъ и мудръ, что когда князья недоумѣвали при какомъ нибудь судебномъ случаѣ, или въ разсужденіи того или другого государственнаго дѣла, онъ тотчасъ распутывалъ узелъ, и, какъ бы почерпая изъ самого источника мудрости, объяснялъ, что́ справедливо и полезно. Гейнрихъ внимательно слу-

шалъ чужія рѣчи, но самъ говорилъ мало, и только, выждавъ мнѣнія другихъ, высказывалъ и свое. Когда онъ вперялъ свои взоры въ чье нибудь лицо, то проникалъ въ сокровеннѣйшія движенія его души, и видѣлъ, какъ бы глазами рыси, у кого на сердцѣ къ нему любовь, у кого—ненависть. Замѣчательно еще то, что въ толпѣ князей онъ видимо выдавался надъ всѣми и казался выше, а въ грозныхъ чертахъ лица проглядывало какое-то достоинство, поражавшее взгляды присутствовавшихъ, какъ молніею, между тѣмъ, какъ дома, въ своемъ близкомъ кружкѣ, онъ не отличался отъ другихъ по виду, и сіялъ кротостію.

Не только нѣмецкіе князья боялись Гейнриха, но и на государей востока и запада одно имя его производило такой трепетъ, что они посылали ему дань прежде, нежели онъ побѣждалъ ихъ. Даже король греческій, желая скрыть свой страхъ, искалъ его дружбы; и изъ опасенія, чтобъ Гейнрихъ не сдѣлался его врагомъ, предупреждалъ его подарками. Объ этомъ свидѣтельствуетъ золотой жертвенникъ Шпейерскаго собора, вызывавшій удивленіе какъ по искусству работы, такъ и по массивности. Греческій король поднесъ этотъ даръ, достойный и подносившаго, и принимавшаго, императору Гейнриху, услышавъ о необыкновенной любви и привязанности императора къ Шпейерскому собору. Также значительно увеличивалъ сокровищницу Гейнриха король Африканскій (т.-е. Египетскій султанъ); могущество Гейнриха приводило его въ ужасъ.

Гейнрихъ угнеталъ только тѣхъ, которые угнетали бѣдныхъ; хищникамъ давалъ достойное возмездіе, а мятежниковъ, сопротивлявшихся его власти, наказывалъ такъ, что послѣдствія его царственнаго наказанія испытываются и доселѣ ихъ потомствомъ. Жизнь и правленіе Гейнриха полезны были для будущаго времени тѣмъ, что научили людей дорожить миромъ и не истощать государство войною.

На этомъ я и желалъ бы прервать рѣчь, ибо теперь приходится коснуться раздоровъ, коварства, злодѣяній, о которыхъ писать правду опасно, а лгать преступно. Съ одной стороны, волкъ, съ другой— собака (Горац. Сат. II, 2, 64). Что же тутъ дѣлать? Говорить мнѣ, или молчать? Рука начинаетъ и колеблется, пишетъ и останавливается, чертитъ и вымарываетъ, и почти не знаю, чего хочу. Однакожъ, безславно оставлять неоконченнымъ начатое, нарисовать голову безъ туловища. И такъ буду продолжать, какъ началъ, мужественно и безтрепетно. Мнѣ извѣстна твоя честность; и я увѣренъ, что ты никому не покажешь моего труда, а, если случайно его найдутъ, то не выдашь имени автора.

2. Когда императоръ Гейнрихъ, о которомъ идетъ теперь рѣчь, наслѣдовалъ (1056 г.), еще дитятей, своему преславному отцу, императору Гейнриху Третьему, — а отецъ умеръ именно во время его перваго дѣтства—государство находилось въ томъ же состояніи, какъ оставилъ его прежній императоръ: войны не нарушали мира, военные крики не возмущали спокойствія, разбой не свирѣпствовалъ, и вѣрность была непоколебима; правда имѣла силу, и власть — право. Такому счастливому состоянію государства весьма много содѣйство-

вала свѣтлѣйшая императрица Агнеса, женщина мужественнаго характера, управлявшая кормиломъ государства совокупно съ сыномъ.

Но дѣтскій возрастъ мало внушаетъ страха, а съ ослабленіемъ страха всегда возрастаетъ дерзость; потому юность короля увидѣла себя окруженною людьми преступныхъ намѣреній. Каждый старался сравняться съ болѣе сильнымъ или даже превзойти его; многіе увеличивали свою силу злодѣяніями и справедливость, которая имѣетъ такъ мало значенія въ правленіе дитяти, потеряла свой вѣсъ. Чтобы быть свободнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, прежде всего похитили ребенка у матери (1062 г.), которая устрашала ихъ своимъ здравымъ умомъ и строгими нравами. Они поступали такъ подъ тѣмъ предлогомъ, что неприлично женщинѣ управлять государствомъ, хотя о многихъ королевахъ разсказываютъ, что они управляли государствомъ съ благоразуміемъ, свойственнымъ мужчинѣ. Когда же юный король, отнятый у матери, попалъ для воспитанія къ князьямъ, тогда онъ долженъ былъ дѣлать то, что ему указывали; онъ возвышалъ и свергалъ, кого они хотѣли, и справедливо можно сказать, что не столько они были его слугами, сколько онъ—ихъ слугою. Совѣщаясь о дѣлахъ государства, они имѣли въ виду не государственные, но свои интересы, и во всѣхъ дѣлахъ руководились своими выгодами. Но хуже всего было то, чтó они давали полную свободу его юношескимъ увлеченіямъ, вмѣсто того, чтобы хранить его, какъ за печатью. Такимъ средствомъ они выманивали себѣ то, чего искали.

Между тѣмъ, Гейнрихъ развился до такой степени, что могъ, наконецъ, различать честное отъ постыднаго и полезное отъ вреднаго. Сдѣлавшись самостоятельнымъ, онъ осудилъ многое изъ своего прошлаго, и исправилъ то, что было возможно. Началъ преслѣдовать вражду, насиліе, хищничество; ревностно стремился къ водворенію мира и справедливости, къ возстановленію нарушенныхъ законовъ, къ обузданію распространившагося развращенія. Упорныхъ злодѣевъ, которыхъ нельзя было удержать однимъ закономъ, обращалъ онъ къ порядку мѣрами строгости; но поступалъ въ этомъ случаѣ вполнѣ законно и справедливо, и въ то же время милостиво.

Но враги его называли это несправедливостію и беззаконіемъ, и недовольные тѣми предѣлами, какими ихъ ограничивалъ законъ, и той уздой, которую наложилъ на нихъ король, готовые на всякое преступное дѣло, они составили планъ или уничтожить императора, или свергнуть его съ престола, не разсуждая о томъ, что они обязаны вѣрностію государю, миромъ—согражданамъ, справедливостію—государству.

3. Саксонцы, народъ грубый, суровый, воинственный и дерзкій, сдѣлали тогда нападеніе на императора (1073 г.), относя свое безумное дѣло къ славнымъ дѣяніямъ. Король сознавалъ свою погибель, которую ожидаетъ малочисленность въ борьбѣ съ массами, считалъ свою жизнь выше славы, спасеніе выше безумной отваги, и по необходимости бѣжалъ. Когда саксонцы потерпѣли неудачу въ своемъ предпріятіи, то они вырыли (1074 г.)—какая безчеловѣчность, какая низкая месть!—изъ земли тѣло сына короля (Гейнрихъ не былъ еще

императоромъ). Раздраженный этимъ двойнымъ оскорбленіемъ, Гейнрихъ собралъ войство противъ саксонцевъ, далъ имъ сраженіе, и побѣдилъ (1075 г.). Но побѣдилъ онъ войско, выставленное противъ него, а не упорство бунтовщиковъ. И хотя въ сраженіи онъ ихъ опрокинулъ, обратилъ въ бѣгство, и преслѣдовалъ бѣгущихъ, хотя опустошилъ ихъ владѣнія, разрушилъ крѣпости и вообще располагалъ ими, какъ побѣдитель, но саксонцы не хотѣли подчиниться........

Они видѣли, что возмущеніемъ можно только раздражить короля, но не побѣдить, что возстаніе огорчитъ его, но не переломитъ, ибо войска его неодолимы. А потому, чтобы поколебать власть Гейнриха, они стали выдумывать и приписывать ему злодѣянія и постыдные поступки, какіе только можетъ изобрѣсти ненависть и злоба. Все это было бы чрезвычайно тяжело мнѣ писать, а тебѣ читать, если бы я рѣшился повторить эти выдумки. Перемѣшавъ правду и ложь, они жаловались на Гейнриха римскому первосвятителю Григорію (VII); не прилично, говорили они, чтобы владѣлъ государствомъ человѣкъ болѣе извѣстный преступленіями, нежели именемъ, и которому притомъ не Римъ вручилъ королевскій вѣнецъ; Римъ, по ихъ словамъ, долженъ возобновить свое право поставлять королей; римскій папа, по совѣщанію съ князьями, обязанъ позаботиться о королѣ, котораго характеръ и жизнь соотвѣтствовали бы его высокому достоинству.

Обольщенный такою низкою лестью, и вмѣстѣ принявъ на себя честь наименованія королей, какъ-то саксонцы коварно ему предлагали, папа отлучилъ Гейнриха (22 февр. 1076 г.) и запретилъ епископамъ, равно какъ и другимъ князьямъ, всякое сношеніе съ отлученнымъ королемъ. Григорій обѣщалъ скоро прибыть въ Германію, и тамъ посовѣтоваться о церковныхъ дѣлахъ, преимущественно же о правленіи. Онъ пошелъ еще дальше: разрѣшилъ всѣхъ отъ присяги, данной въ вѣрности Гейнриху, дабы тѣхъ, кого связывало такое обязательство, освободить въ силу даруемаго разрѣшенія. Эта мѣра многимъ не понравилась, если только могутъ не нравиться папскія распоряженія. Многіе объявили, что такъ какъ это сдѣлано въ противность праву, то и останется безъ послѣдствій. Но я не дерзаю повторять ихъ доводы, чтобы не бросить на себя подозрѣнія, будто и я вмѣстѣ съ ними опровергаю дѣйствія папы.

Большая часть епископовъ, которые, по любви, или по страху, держали сторону короля, начали опасаться за свои должности, и отказали Гейнриху въ поддержкѣ. То же сдѣлало большинство свѣтскихъ владѣтелей. Король увидѣлъ себя въ стѣсненномъ положеніи, и задумалъ втайнѣ весьма ловкое дѣло. Нежданно и негаданно идетъ онъ на встрѣчу папѣ, и чрезъ то достигаетъ двухъ цѣлей: во-первыхъ, получаетъ разрѣшеніе (27 янв. 1077 г.), во-вторыхъ, личнымъ своимъ участіемъ, разстроиваетъ опасное соглашеніе папы съ своими противниками. Приписываемые ему проступки онъ оставляетъ почти безъ отвѣта, говоря, что онъ не имѣетъ нужды защищаться противъ обвиненія своихъ враговъ, еслибъ даже они и были основательны.....

Авторъ заканчиваетъ главу длиннымъ и прозаическимъ обращеніемъ къ князьямъ Германіи, осмѣивая ихъ неудачную попытку противъ императора, и затѣмъ въ послѣдующихъ двухъ главахъ, 4 и 5, разсказываетъ довольно коротко, какъ Гейнрихъ, по возвращеніи изъ Италіи и примирившись съ папою, долженъ былъ въ теченіи трехъ лѣтъ (1077—1088) бороться съ анти-королями, Рудольфомъ Швабскимъ, Германномъ Луксембургскимъ и Экбертомъ Мейссенскимъ. Все трое пали въ борьбѣ, и тогда германскіе князья, не надѣясь болѣе на свои силы, вторично обратились къ Григорію VII съ жалобою на императора (1080 г.).

6. Видя, что ни война, ни избраніе другихъ королей, не посчастливилось имъ, германскіе князья снова обратились къ оружію клеветы. Въ числѣ многихъ преступленій они обвинили предъ папой короля въ томъ, будто онъ умертвилъ тѣхъ христіаннѣйшихъ королей, которыхъ они сами не безъ папскаго согласія избрали, между тѣмъ, какъ онъ самъ былъ свергнутъ съ престола за свои преступленія; что Гейнрихъ достигъ власти кровопролитіемъ, и опустошая все огнемъ, грабительствомъ и мечемъ, домогается теперь утвердить свою неограниченную власть въ церкви и государствѣ. На основаніи такого обвиненія, какъ они его представили, папа вторично предалъ короля проклятію (7 мар. 1080 г.).

Впрочемъ, это проклятіе не имѣло большого значенія, такъ какъ всѣ видѣли, что оно было внушено не разумомъ, но произволомъ, не любовью, а ненавистью. Между тѣмъ, король, узнавъ, что папа замышляетъ свергнуть его съ престола, не соглашаясь ни на какую уступку, кромѣ отреченія, принужденъ былъ перейти отъ покорности къ сопротивленію, отъ смиренія къ высокомѣрію, и вознамѣрился приготовить папѣ тоже самое, что́ папа ему приготовлялъ.

Оставь, достославный король, заклинаю тебя, оставь твой замыселъ низвергнуть главу церкви съ его высоты, не умножай своей вины несправедливымъ возмездіемъ: терпѣть несправедливость—блаженство, платить же несправедливостью—беззаконіе.

И такъ, король искалъ причинъ и повода къ низложенію папы и скоро нашелъ ихъ—въ томъ, что будто онъ домогался папскаго престола незаконно, потому что, еще бывши архидіакономъ, при жизни папы, употреблялъ на то подкупъ. Правда это, или ложь, я не могъ дознаться. Одни утверждаютъ, что это — правда, другіе называютъ—выдумкой, и обѣ стороны въ доказательство того ссылаются на Римъ. По словамъ послѣднихъ, Римъ, владыка міра, никогда не потерпитъ подобныхъ клятвопреступныхъ беззаконій; а первые говорятъ, что Римъ—рабъ корыстолюбія, и за деньги охотно допуститъ всякое злодѣяніе. Съ своей стороны, я оставляю этотъ вопросъ неразрѣшеннымъ, потому что не хочу ни опровергать, ни утверждать того, что неизвѣстно.

Король съ войскомъ двинулся въ Римъ (1081 г.), подавляя на своемъ пути всякое сопротивленіе. Онъ бралъ приступомъ города, смирялъ высокомѣрныхъ и упорныхъ и уничтожалъ партіи. Но раздраженный Римъ, вмѣсто почетной встрѣчи по его прибытіи туда, взялся за оружіе, какъ бы имѣя предъ собою карѳагенца Аннибала,

перешедшаго Альпы, и затворилъ ворота своему государю. Тогда король повелъ правильную осаду города, и такъ какъ ему заперли входъ, то онъ загородилъ выходъ изъ Рима. Въ окрестности же посланы были отряды для разрушенія зàмковъ и разоренія селеній; такъ, онъ наказывалъ Римъ извнѣ, если городъ заперся внутри. Внѣ города была война, внутри страхъ. Повсюду виднѣлись осадныя орудія; тамъ пробивалъ стѣну таранъ, въ другомъ мѣстѣ, воинъ старался по лѣстницѣ взобраться на нее. Осажденные, съ своей стороны, бросали стрѣлы, камни, горящія бревна и огонь, иногда дѣлали вылазку и вступали въ рукопашный бой. Съ обѣихъ сторонъ битва велась мужественно; однихъ воодушевляло ихъ предпріатіе, другихъ опасность (май, 1081 г.).

Однажды въ полдень (іюнь, 1083 г.), когда обѣ стороны, утомленныя битвой и жарой, предавались покою, нашъ воинъ, покрывшись щитомъ, приблизился для сбора стрѣлъ къ стѣнѣ. Увидавъ, что стѣна и бойни никѣмъ не заняты, что ни внутри, ни вблизи ихъ нѣтъ никого, онъ, при помощи своей отваги и тѣлесной ловкости, карабкаясь на рукахъ и ногахъ, взобрался на верхъ стѣны. Осмотрѣвшись на всѣ стороны и никого не видя, въ тоже время, колеблясь между страхомъ и надеждой, различными тѣлодвиженіями старался онъ дать знать о томъ своимъ товарищамъ. Но тѣ поздно замѣтили его знаки, и онъ принужденъ былъ кричать. На его крикъ, тотчасъ схвативъ оружіе и лѣстницы, другіе воины поспѣшили къ нему, и „быстрѣе, какъ говорится, слова", взлѣзли на стѣну, перебили, связали и разогнали защитниковъ взятаго ими города [1]).

Король не хотѣлъ войти въ городъ чрезъ открытые ворота, такъ какъ передніе всегда замедляютъ ходъ заднимъ, а задніе тѣснятъ переднихъ. Въ наказаніе за дерзость, съ которою римляне отказали ему войти въ городъ, онъ велѣлъ разрушить стѣну на такое разстояніе, чтобы все его войско могло развернутымъ фронтомъ вступить чрезъ это отверстіе (21 мар. 1084). Смерть и плачъ господствовали повсюду, и дрогнулъ Римъ, когда пали его разрушенныя высокія башни. Папа (Григорій VII) бѣжалъ; ввергнувъ всѣхъ въ опасность, онъ и оставилъ всѣхъ въ опасности. Наконецъ, Римъ раскаялся въ своей дерзости; если бы сдѣлалъ онъ это прежде, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, то былъ бы почтенъ за то отъ короля подарками, теперь же самъ долженъ былъ заплатить королю огромную сумму денегъ, чтобы онъ не уничтожилъ его совершенно.

Когда миръ былъ возстановленъ, король объявилъ, за чѣмъ онъ пришелъ, и въ чемъ состоитъ его жалоба на папу. Дѣло было многими засвидѣтельствовано. Затѣмъ, по единогласному выбору, онъ возвелъ на папскій престолъ Климента (III) и, при общемъ одобреніи, самъ былъ посвященъ имъ въ императоры и названъ патриціемъ. Послѣ того онъ еще нѣсколько времени пробылъ въ Римѣ, съ цѣлью привести все въ спокойное состояніе.

---

[1]) При этомъ случаѣ, Гейнрихъ овладѣлъ только Леоніанскою частью города, а самый Римъ, за Тибромъ, сдался только 21 марта, 1084 г.

Въ началѣ 7 главы, авторъ дѣлаетъ большое отступленіе, разсказывая объ одномъ покушеніи, сдѣланномъ на жизнь императора въ церкви, когда онъ пришелъ туда для молитвы; затѣмъ, авторъ возвращается къ своему главному предмету.

7. Наконецъ, когда римскія дѣла были устроены, и въ городѣ поставленъ гарнизонъ, чтобы Римъ не колебался въ своей вѣрности, императоръ, облеченный новымъ, высокимъ саномъ, возвратился въ Германію. Но счастье непостоянно. Оставленный императоромъ въ Римѣ гарнизонъ подвергся болѣзни, причиною которой были и мѣсто, и время года: это было лѣто; ни одинъ изъ его воиновъ не избѣгъ смерти. Римъ, освободившись отъ ига, взялся за прежнее своеволіе, еще разъ возмутился противъ императора, выгналъ папу (Климента III) и избралъ новаго (Виктора III); прежній же папа Григорій уже умеръ (25 мая, 1085).

Получивъ объ этомъ извѣстіе, императоръ вторично (1090 г.) двинулся съ войскомъ въ Римъ. Когда онъ прибылъ въ Италію, его встрѣтили тамъ, съ одной стороны, римскіе послы съ мирнымъ предложеніемъ, а съ другой стороны, къ нему пришла вѣсть о враждебныхъ замыслахъ противъ него въ Германіи, вслѣдствіе чего онъ воротился назадъ, въ Италіи же оставилъ (1093) сына своего, Конрада, уже провозглашеннаго наслѣдникомъ престола. Этотъ послѣдній долженъ былъ освободить свое будущее государство, находившееся тогда въ рукахъ женщины, Матильды (Тосканской), владѣнія которой простирались почти по всей Италіи.

Но что́ остается дѣлать врагамъ, когда дѣти возстаютъ противъ своихъ собственныхъ родителей? Или гдѣ искать вѣрности, когда не сохраняютъ ее и тѣ, кого мы родили? Теперь наступило время, когда прекратятся браки, и пусть никто не желаетъ имѣть себѣ наслѣдника! Наслѣдникъ твой сдѣлается твоимъ врагомъ и не только выгонитъ тебя изъ дому, лишитъ имѣнія, но и самой жизни! Сынъ императора, о которомъ мы сейчасъ сказали, что онъ оставленъ былъ отцемъ въ Италіи, и для чего былъ оставленъ, прельстился Матильдою; но кого не прельститъ и не лишитъ разсудка женская хитрость! Онъ вступилъ въ союзъ съ противниками своего отца, возложилъ на себя корону, присвоилъ власть, осквернилъ законъ, ниспровергъ порядокъ, пошелъ противъ природы, искалъ крови отца, такъ какъ безъ пролитія отцовской крови ему нельзя было бы господствовать.

Когда быстрая молва донесла эту новость до императорскихъ враговъ, они возрадовались, рукоплескали его сыну, воспѣвали его поступокъ, а въ особенности ту женщину, виновницу всего дѣла. Для возбужденія отваги въ новомъ королѣ, чтобы подлить масла въ огонь, они немедленно отправили къ нему пословъ и клялись чрезъ нихъ въ неизмѣнной и вѣчной преданности ему, не смотря на то, что уже давно поклялись другъ другу не повиноваться ни отцу, ни сыну.

Между тѣмъ, король, какъ ни сильно огорчило его это извѣстіе, по наружности сохранялъ свое достоинство, и не столько жаловался

на свою судьбу, сколько жалѣлъ объ участи сына. Не успѣвъ отклонить его отъ замысла, онъ старался собственно не о наказаніи за настоящее зло, а о предотвращеніи его на будущее время, и потому рѣшился старшаго сына лишить наслѣдства, а на его мѣсто объявить своимъ преемникомъ еще младенца, брата его, Гейнриха (V, 1097 г.). Въ многочисленномъ собраніи князей, императоръ жаловался на своего сына Конрада, обвиняя его въ томъ, что онъ вошелъ въ сношеніе съ врагами имперіи и присвоилъ себѣ власть; что онъ имѣетъ намѣреніе лишить своего отца не только короны, но и самой жизни; что зло, причиненное ему, должно оскорблять всѣхъ; если же оно и никого изъ нихъ не трогаетъ, все же въ видахъ общаго блага, на будущее время, нужно принять мѣры противъ всякаго насилія; что было бы лучше, если бы они избрали въ наслѣдники престола его младшаго сына, чего по закону лишился старшій. Многіе воспротивились этому, опираясь болѣе на выдумки, чѣмъ на законъ и истину. Но дорожившіе общественнымъ благомъ согласились съ мыслью и желаніемъ императора. Наконецъ, и всѣ сошлись на томъ же мнѣніи. Прежде всего приговоромъ князей былъ осужденъ мятежникъ; затѣмъ, съ общаго, единодушнаго согласія императоръ назначилъ своимъ наслѣдникомъ младшаго сына, и взялъ съ него клятву въ томъ, что онъ никогда не пойдетъ по пути своего брата, и при жизни отца, безъ его согласія, не простретъ своей руки ни къ власти, ни къ отцовскимъ владѣніямъ (1089 г.).

Въ то время говорили между собою и боялись, чтобы между братьями, во вреду государства, не произошла ссора. Но Тотъ, кто всѣмъ управляетъ, уничтожилъ это опасеніе смертію старшаго брата (1101 г.) и далъ возможность государству сохранить согласіе. Послѣ того, враги императора, потерявъ столь многихъ руководителей возстанія, и не имѣя болѣе никого на мѣсто ихъ, подъ извѣстными условіями покорились ему, и, что всего лучше, замѣнили вражду миромъ, и шумъ лагерной жизни—домашнею тишиной.

8. Когда повсюду водворились миръ и безопасность, императоръ созвалъ ко двору (Майнцъ) князей (6 янв. 1103 г.), взялъ съ нихъ клятву въ сохраненіи спокойствія въ государствѣ, и чтобы противодѣйствовать всякому насилію, опредѣлилъ большія наказанія для нарушителей мира. Такой законъ о мирѣ былъ столько же полезенъ несчастнымъ и добрымъ людямъ, сколько вреденъ негодяямъ и хищникамъ. Однимъ онъ доставлялъ кусокъ хлѣба, другимъ—голодъ и нищету. Тѣ, которые растратили свою собственность на военныя предпріятія, стараясь окружить себя значительнымъ числомъ сподвижниковъ и превзойти въ этомъ отношеніи другихъ, должны были, по лишеніи своего права на грабежъ—съ ихъ позволенія будь сказано—вступить въ борьбу съ нищетою, и ихъ погребами овладѣли бѣдность и недостатокъ. Скакавши прежде на вспѣненномъ конѣ, теперь принуждены были довольствоваться деревенскою клячей. Кто недавно еще носилъ одежды, не иначе, какъ яркопурпуроваго цвѣта, теперь находилъ превосходнымъ, если онъ имѣлъ какую нибудь одежду, какъ ее окрасила природа. Золото радовалось, что его больше не топтали въ грязь, потому что бѣдность заставила носить

шпоры изъ желѣза. Однимъ словомъ, все, что дурныя наклонности развили въ тѣхъ людяхъ суетнаго и излишняго, все это отняла у нихъ учительница—нужда. Теперь корабельщикъ плылъ мимо небольшихъ мѣстечекъ, жившихъ грабежемъ судовъ, совершенно спокойно, не опасаясь ничего со стороны голодныхъ ихъ обитателей. Все это изумительно и въ тоже время смѣшно!

Другіе за зло платятъ зломъ, а императоръ за прошлыя оскорбленія платилъ миромъ. Не смотря на то, вельможи съ своими соучастниками, года два обуздываемые тѣмъ закономъ о мирѣ, не могли долѣе переносить стѣсненія своей свободы, и опять начали строить козни королю, распространяя о немъ дурные слухи. Какое же преступленіе онъ сдѣлалъ, спрашиваю я васъ? Безъ сомнѣнія, именно то, что онъ предотвращалъ всякое насиліе и своевольство, водворялъ миръ и правду, не позволялъ скитаться по дорогамъ и скрываться въ лѣсу разбойникамъ; ему мстили за то, что, благодаря его усиліямъ, купецъ и корабельщикъ свободно и спокойно могутъ теперь продолжать свой путь, а разбойникъ, вслѣдствіе запрещенія грабежа, долженъ умереть съ голоду. Почему же, мнѣ хочется знать, вы не желаете жить ничѣмъ, кромѣ грабежа? Истратьте на ваши поля то, что вы взяли съ нихъ для военныхъ издержекъ; соразмѣрьте число своей рати со своими средствами; пріобрѣтите опять свои имѣнія, которыя вы безразсудно растратили на наемъ многочисленныхъ воиновъ, и ваши житницы и подвалы наполнятся до́-верху; а когда у каждаго будетъ довольно своего добра, вамъ не будетъ больше необходимости покушаться на чужую собственность. Не нужно тогда ни гнусной клеветы на императора, ни войнъ въ государствѣ; тогда и плоти своей удовлетворите, и что, всего важнѣе, спасете душу свою. Но напрасны мои убѣжденія: я предлагаю ослу играть на арфѣ!

9. Но съ трудомъ и даже почти никогда не оставляются дурныя привычки. Любя грабежъ, вельможи искали повода къ своей дѣятельности, помышляли о новомъ возстаніи и рѣшились снова противопоставить императору соперника. Его же сынъ (Гейнрихъ V) казался имъ болѣе другихъ пригоднымъ для такой роли. Чтобы подѣйствовать на него съ этой стороны, они взялись за первыя средства къ обольщенію: брали его часто на охоту, приглашали на веселыя пирушки, развлекали шутками и доводили его до всякихъ продѣлокъ, на которыя юность такъ охотно поддается. По обычаю молодежи, они заключили, наконецъ, такую тѣсную дружбу между собою, что клятвою и рукобитіемъ скрѣпляли свои тайные замыслы. Окруживъ его такими сѣтями, они признали его, наконецъ, созрѣвшимъ для лести. Однажды, какъ-бы случайно, удалось имъ свести разговоръ на его отца: удивительно, говорили они, какъ онъ можетъ переносить такого строгаго отца; онъ испытываетъ одно съ рабомъ, и ничѣмъ не отличается отъ послѣдняго;—отецъ уже старъ и слабо держитъ бразды правленія; если же онъ хочетъ ждать своего наслѣдства до смерти отца, то нѣтъ сомнѣнія, что другіе у него то отнимутъ; — онъ можетъ пріобрѣсти многихъ друзей, при всеобщей ненависти къ его отцу;—весь міръ покорится ему, если онъ не бу-

детъ медлить захватить въ свои руки кормило правленія, тѣмъ болѣе, что и церковь и вельможи давно уже свергли его отлученнаго отца, —данную же имъ неосмотрительно клятву онъ можетъ выбросить изъ головы; скорѣе онъ поступитъ свято, если не придастъ силы клятвѣ, данной отлученному.

Отецъ не замѣчалъ ничего худого въ сынѣ и даже радовался его дружбѣ съ знатными, въ надеждѣ, что впослѣдствіи они окажутъ ему тѣмъ болѣе важную помощь, чѣмъ болѣе будутъ связаны съ нимъ любовью.

Говоря коротко, замѣтимъ, что сынъ императора, воспріимчивый по своей юности и оглушенный страстью, поддался всѣмъ сердцемъ коварнымъ внушеніямъ. Онъ ждалъ минуты къ возстанію противъ отца, когда оно было бы для него всего опаснѣе. Императоръ пошелъ (12 дек. 1104 г.) съ войскомъ противъ саксонскихъ мятежниковъ, и уже послы ихъ поспѣшили къ нему на встрѣчу для переговоровъ, какъ внезапно сынъ оставилъ его вмѣстѣ со многими мятежниками—но безъ сомнѣнія тѣ, которые увлекли его къ вѣроломству, не преминутъ скоро и сами его оставить. Императоръ послалъ за нимъ гонцовъ, звалъ его назадъ со слезами и мольбою и заклиналъ не повергать въ печаль своего престарѣлаго отца; просилъ еще болѣе не оскорблять Бога, не подвергать себя осужденію людей и не подпасть ихъ приговору. Напоминалъ ему данную имъ присягу, и говорилъ, что увлекшіе его не друзья ему—но враги, не совѣтники—но лжецы.

Гейнрихъ (V) не обратилъ вниманія ни на что, и объявилъ, что съ нимъ онъ не желаетъ имѣть, какъ съ отлученнымъ, никакого дѣла. Такъ началъ онъ домогаться своихъ интересовъ, подъ предлогомъ защиты божьяго дѣла. Затѣмъ онъ проѣхалъ всю Баварію, Швабію и Саксонію; вступилъ въ сношеніе съ князьями, склонилъ ихъ на свою сторону—а они, подобно всѣмъ людямъ, были охотники до всего новаго—и овладѣлъ королевскою властью, какъ будто бы онъ уже похоронилъ своего отца (іюль, 1105 г.).

Конецъ 9 главы и послѣднія главы (10—13) заключаютъ въ себѣ подробное описаніе борьбы отца съ сыномъ, отъ іюля 1105 г. до 7 авг. 1106 г., когда умеръ Гейнрихъ IV, накануне своего торжества надъ сыномъ: сначала, послѣ неудачнаго сраженія при Нюрнбергѣ, Гейнрихъ IV бѣжалъ въ Богемію, а оттуда на Рейнъ; сынъ предложилъ ему коварный миръ и позвалъ его для примиренія въ Майнцъ, но на дорогѣ объявилъ плѣннымъ и принудилъ отказаться отъ престола (31 дек. 1105 г.). Гейнрихъ IV удалился въ Люттихъ, къ епископу Отберту, нашему автору; но сынъ не оставилъ его и тамъ въ покоѣ однако, епископъ не впустилъ въ городъ Гейнриха V, разбилъ его войско, и онъ бѣжалъ въ Боннъ, а оттуда въ Вюрцбургъ. Въ началѣ іюля 1106 г., Гейнрихъ V пошелъ на отца съ новымъ войскомъ и осадилъ преданный императору Кельнъ. Изнуренный недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ и болѣзнями, Гейнрихъ V готовъ уже былъ отступить, какъ неожиданно пришло извѣстіе о смерти отца (7 авг. 1106 г.). Оплакавъ смерть своего друга, авторъ заключаетъ свое сочиненіе слѣдующимъ образомъ:

При такомъ оборотѣ дѣла, когда умерла надежда тѣхъ, которые предприняли войну противъ враговъ королевскаго величія, храбрость и силы ихъ пали, и они поступили такъ, какъ то было необходимо въ такомъ печальномъ положеніи; а именно, каждый поспѣшилъ своею покорностью, дарами и всякими другими средствами снискать у новаго короля помилованіе.

И такъ, прими это описаніе дѣяній, кротости, судьбы и кончины императора Гейнриха (IV); какъ я не могъ писать о томъ безъ слезъ, такъ безъ слезъ и ты не прочтешь моего труда.

Епископъ Отбертъ.
Historia de vita Heinrici imp.
(1056—1106).

Епископъ Отбертъ (Otbertus ep. Leodiensis, т.-е. Люттихскій), отъ 1091 года и до своей смерти въ 1119 г., былъ самымъ ревностнымъ и непоколебимымъ приверженцемъ Гейнриха IV до послѣднихъ его дней. Какъ видно изъ словъ автора (смотри выше, на стр. 747), онъ самъ считалъ свое произведеніе весьма запрещеннымъ и опаснымъ для него въ правленіе Гейнриха V, возставшаго противъ отца, и потому просилъ своего друга, которому посвящался трудъ, скрыть его имя. Вслѣдствіе того, имя автора осталось дѣйствительно неизвѣстнымъ, и только въ началѣ XVII столѣтія ученый того времени Гольдастъ пустилъ въ ходъ догадку, что авторомъ „Исторіи жизни Гейнриха императора“ былъ его же другъ, епископъ Люттихскій, Отбертъ. Но Пертцъ полагаетъ, что авторъ долженъ былъ жить въ Майнцѣ, или его окрестностяхъ. Кому бы ни принадлежалъ этотъ трудъ, во всякомъ случаѣ, онъ остается однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ памятниковъ исторической средневѣковой литературы; по свидѣтельству знатоковъ, языкъ его напоминаетъ собою лучшую эпоху классической литературы; самый обзоръ правленія Гейнриха IV сдѣланъ мастерски, и не представляетъ себѣ ничего подобнаго въ хроникахъ того времени; наконецъ, не менѣе обращаетъ на себя вниманіе нравственное значеніе писателя, имѣвшаго гражданское мужество отстать отъ клерикальной партіи и писать съ похвалою о павшемъ величіи въ виду его торжествующихъ враговъ. — *Изданія:* Pertz. Monum. XII, 268—283. — *Переводы:* Нѣмецк. Jaffé (Berl. 1858), въ Geschichtsschr. d. d. Vorzeit, Lief. 37.—*Критика:* Wattenbach, Deutschlands Geschichtsquel. 260 стр.

55.—Дѣтство и юность императора Гейнриха IV до начала его войнъ съ саксонцами. 1056—1073 г.

(Въ 1082 г.).

Предисловіе автора.

Возлюбленному и всегда сердечно уважаемому владыкѣ Вернеру (Werinherus), достопочтенному епископу святой Мерзебургской церкви—*Бруно*, слуга его, и можетъ быть, слуга самый послѣдній, приноситъ ему посильную дань своей преданности душою и тѣломъ!

Когда кто-нибудь, желая принести даръ, избираетъ для того самое драгоцѣнное изъ своего достоянія, то долгъ справедливости требуетъ, чтобы и тотъ, кому даръ приносится, принялъ его съ особенною благосклонностью. Такъ думалъ я, являясь предъ вами, высокопочтенный отецъ, кому я всегда желалъ бы служить по мѣрѣ силъ своихъ и даже сверхъ силъ, съ приношеніемъ дара, который долженъ выразить внѣшнимъ образомъ всю полноту моего усердія. Я осмотрѣлъ всѣ углы своей сокровищницы, и не нашелъ между своими богатствами ничего, что бы въ такой мѣрѣ соотвѣтствовало и вашему достоинству, и моему чувству уваженія, какъ наука. Я считаю этотъ даръ драгоцѣннѣйшимъ изъ всѣхъ возможныхъ приношеній; потому что нѣтъ ничего благороднѣе науки по происхожденію, ничего возвышеннѣе—по пользѣ, ничего достойнѣе—по прочности. Золото и все то, что люди считаютъ за драгоцѣннѣйшее, добывается изъ земли, и не приноситъ никакой пользы душѣ, доставляя одну нѣкоторую помощь бренному тѣлу, даже служитъ иногда постыднѣйшимъ страстямъ. Оставляя же богатства безъ всякаго употребленія, нельзя имѣть увѣренности въ сохраненіи ихъ, потому что земныя сокровища, поѣдаемыя молью и пожираемыя ржавчиною, никогда не бываютъ вѣчны. Но наука помощію разсудка добывается изъ сокровеннѣйшей глубины духа; она не обязана заботиться о пользѣ бреннаго тѣла; но за то ею образуется и обогащается умъ того, кто преданъ ей; она не боится старости и смерти, потому что сильнѣе самого времени, и держитъ предъ глазами читателя, какъ новое, то, что увлекается круговоротомъ времени въ пропасть забвенія.

Я хочу кратко и правдиво описать войну короля Гейнриха (IV) съ саксонцами, на сколько я знаю ее отъ принимавшихъ участіе въ ней. Эта война замѣчательна своими громадными размѣрами, а больше всего, милосердіемъ божественнымъ, какое мы испытали на себѣ въ продолженіи этой войны. Это ясно увидитъ каждый, кто не погнушается прочитать предлагаемое мною повѣствованіе. Исполняя судъ свой надъ нами, Господь претворилъ вино гнѣва въ елей милосердія, дабы мы познали истину словъ, которыя сказалъ пророкъ: „Внегда смутитися души моей во гнѣвъ, милость твою помянеши“ (Авв. 3, 2), и апостолъ: „Вѣренъ Богъ, иже не оставитъ васъ искуситися, паче еже можете“ (I Кор. 10, 13).

Но прежде нежели я начну повѣствованіе о войнѣ, мнѣ необходимо сказать нѣсколько словъ о дѣтствѣ и юности Гейнриха, чтобы читатель, узнавъ объ этой эпохѣ жизни императора, не удивлялся, что онъ въ зрѣломъ возрастѣ могъ предпринять гражданскую войну. А чтобы кто нибудь не наругался надъ моимъ трудомъ, я прикрываю его щитомъ вашего имени: пусть первая страница, которая имъ украсится, защититъ отъ оскорбленія всѣ слѣдующія за нею! И да найдетъ благоговѣйное приношеніе у васъ, достопочтенный отецъ, благосклонный пріемъ!

---

1. Когда императоръ Гейнрихъ (III) мирно почилъ отъ здѣшней жизни (1056), общимъ избраніемъ германскихъ князей на престолъ его государства вступилъ сынъ Гейнрихъ Четвертый (1056—1106),

котораго онъ, къ несчастью, оставилъ послѣ себя въ живыхъ. Но Гейнрихъ былъ еще пятилѣтнимъ ребенкомъ, и управлять, какъ-то слѣдуетъ, государствомъ не могъ; почему князья сдѣлали такое распоряженіе, чтобы мать юнаго государя, почтенная императрица Агнеса, заботилась и о воспитаніи императора, и о дѣлахъ имперіи. Гейнрихъ подросталъ, но не преуспѣвалъ въ мудрости ни предъ людьми, ни предъ Богомъ, и кичась своимъ королевскимъ достоинствомъ, ни во что не ставилъ наставленія своей матери. Тогда достопочтенный Анно, архіепископъ Кельнскій силою отнялъ Гейнриха у матери (1062) и со всею заботливостію, какъ то слѣдовало по отношенію сына императора, занялся его воспитаніемъ, причемъ, имѣя въ виду не столько пользу короля, сколько выгоды имперіи. Анно зналъ слово писанія, что „царь ненаказанный погубитъ люди своя“ (Іис. Сир. 10, 3). Небезъизвѣстно ему также было и то, что многіе люди низкаго происхожденія прославились великими добродѣтелями, тогда какъ люди происхожденія высокаго, но неполучившіе добраго образованія и наставленія, своими пороками возбуждали къ себѣ всеобщее презрѣніе.

Когда же король переступилъ возрастъ простодушнаго дѣтства, и достигъ юности, которая имѣетъ такой просторъ для всего дурного, и когда, такимъ образомъ, увидѣлъ себя на томъ пунктѣ, гдѣ *самосская буква* расходится въ двѣ стороны, онъ, оставляя безъ вниманія ея правую, но тѣсную и крутую линію, избралъ для себя лѣвую дорогу, но широкую и удобную [1]); онъ уклонился рѣшительно отъ стези добродѣтели, и вознамѣрился вполнѣ и всецѣло отдаться своимъ страстямъ. Такъ какъ Анно сдерживалъ порочныя наклонности Гейнриха, то императоръ желалъ прежде всего освободиться отъ опеки своего учителя: а подъ его властью ему не все было дозволено, что нравилось. Гейнриху было ненавистно всякое попечительство надъ собою, такъ какъ онъ считалъ самого себя опекуномъ всего государства. Отдѣлавшись отъ епископа, король началъ жить самостоятельно, и тогда уже стало ясно, что онъ не намѣренъ слѣдовать путямъ истинной жизни. Если терніе страстей опасно даже для тѣхъ, которые изсушаютъ ихъ частыми постами и искореняютъ изъ своего сердца усердною молитвой, то можно представить, какъ роскошно оно развивалось въ душѣ Гейнриха, если ни онъ самъ, пылавшій огнемъ первой юности и насыщенный довольствомъ царственныхъ наслажденій, не принималъ никакихъ мѣръ для очищенія нивы своего сердца, и никто другой не осмѣливался взять въ руки заступъ для искорененія зла въ королѣ, нетерпѣвшемъ никакого назиданія.

2. Въ то время архіепископомъ Бременскимъ былъ Адальбертъ [2]), человѣкъ гордый и надутый до такой степени, что никого не почиталъ равнымъ себѣ ни по благородству происхожденія, ни по свя-

---

[1]) Самосскою буквою называлось греческое *ипсилонъ* Y, съ которымъ самосецъ Пиѳагоръ сравнивалъ дорогу жизни: сначала общая дорога дѣтства, а потомъ, направо тонкая и узкая линія добра, и налѣво—широкій путь зла.

[2]) См. его жизнь выше, у Адама Бременскаго, въ ст. 51, на стр. 714.

тости жизни. Разъ, совершая въ присутствіи короля торжественную обѣдню, и взошедши, по обыкновенію, на каѳедру для проповѣдыванія слова божія, Адальбертъ выразилъ свое сожалѣніе о томъ, что добрые и благородные люди перевелись на этой землѣ, и что изъ всего стараго дворянства (nobiles) остались только онъ, да король—себя онъ поставилъ впереди—и это Адельбертъ утверждалъ въ присутствіи двухъ родныхъ своихъ братьевъ. „Хотя, прибавилъ Адальбертъ, я и не ношу имени своего брата, князя апостоловъ, Петра, однакожъ имѣю одинаковую съ нимъ власть, или даже еще бо́льшую, такъ какъ я никогда, подобно Петру, не отрекался отъ Христа“.

3. Однажды, какая-то аббатисса его епархіи (т.-е. Гамбургской) оскорбила чѣмъ-то Адальберта, и за это должна была, въ знакъ своего послушанія, по его одному слову, въ четырнадцать дней разстаться съ этой жизнію. Адальбертъ зналъ, что она лежитъ больная, и потому въ своей суетности разсчитывалъ, что его приказаніе можетъ легко исполниться, и если только аббатисса умретъ, то онъ будетъ всѣхъ увѣрять, что она умерла по его слову. Но черезъ четырнадцать дней аббатисса, выздоровѣвъ, послала за чѣмъ-то вѣстника къ епископу. Едва лишь Адальбертъ увидалъ посланнаго ею, какъ, исполненный радости, обратился къ окружавшимъ его съ такою рѣчью: „Развѣ власть моя надъ этой женщиной—меньше, чѣмъ власть брата моего Петра (апостола) надъ Сапфирою? Смотрите! эта несчастная умерла по моему повелѣнію“. Но когда посолъ приблизился, и Адальбертъ узналъ, что аббатисса жива и здорова, то, пристыженный въ своей гордости, онъ умолкъ.

4. Когда Адальбертъ жилъ при королевскомъ дворѣ, и ежедневно уставлялъ королевскій столъ самыми изысканными кушаньями, то однажды случилось, что всѣ запасы были истощены, и стольникъ Адальберта не имѣлъ ничего столь вкуснаго, что́-бы можно было подать къ королевскому столу. Денегъ также не было для покупки дорогихъ кушаній, потому что все было израсходовано. Епископъ зналъ о томъ хорошо, и спрятался въ тотъ день такъ, что стольникъ не могъ нигдѣ его найти. Онъ долго искалъ своего господина, и наконецъ, все же нашелъ его въ капеллѣ, гдѣ укрывался Адальбертъ. Стольникъ сталъ стучать въ дверь, и просилъ, чтобы его впустили. Епископъ, узнавъ его по голосу, бросился тотчасъ же на полъ, какъ бы для молитвы. Стольникъ, однакожъ, вошелъ, и, увидѣвъ епископа распростертымъ, сталъ кашлять и харкать, чтобы обратить на себя его вниманіе. Но такъ какъ все было напрасно, то стольникъ самъ наконецъ, распростерся рядомъ съ епископомъ, какъ бы желая помолиться съ нимъ вмѣстѣ, и сталъ шептать Адальберту на ухо: „Помолитесь-ка о томъ, чтобы вамъ было что сегодня поѣсть, потому что до сихъ поръ у насъ нѣтъ ничего, что̀ бы можно было съ честію поставить на вашъ столъ“. При этихъ словахъ, епископъ вскочилъ, какъ бы внезапно пробужденный, и воскликнулъ: „Дуракъ! что ты сдѣлалъ? ты дерзнулъ прервать мою бесѣду съ моимъ Богомъ! Если бъ ты видѣлъ то, что допущено было увидѣть брату Трансмунду, ты никогда бы не осмѣлился приближаться ко мнѣ во время молитвы“. Трансмундъ же былъ тутъ, и такъ какъ онъ зналъ, чѣмъ

можно понравиться епископу, то и объявилъ, что онъ давно уже замѣчаетъ, что во время молитвы Адальберта съ нимъ бесѣдуетъ ангелъ. Трансмундъ былъ живописецъ, родомъ изъ Италіи.

5. Когда Гейнрихъ, подобно невзнузданному коню, пустился во всю прыть по дорогѣ разврата, Адальбертъ старался сдѣлаться его довѣреннымъ соучастникомъ. Онъ желалъ того не съ тою цѣлью, чтобы назиданіемъ исторгнуть изъ сердца короля терніе беззаконія, и насадить въ немъ сѣмена добродѣтели; но чтобы омочить ростки порока росою лести, и малые зародыши правды заглушить горечью злого ученія. Не являлся Адальбертъ къ королю, когда онъ замышлялъ беззаконіе, съ словами Товіи: „Сохраняй себя отъ всякаго студнаго дѣла; благодари за все Господа; моли его, чтобъ онъ руководилъ тебя, и чтобы ты слѣдовалъ слову Его во всѣхъ своихъ начинаніяхъ". Не являлся Адальбертъ къ королю съ мечемъ упрека, прикрытымъ завѣсою притчи пророка Наѳана, чтобы самъ король слезами смылъ совершенное имъ преступленіе; и не поражалъ душевной язвы короля быстрымъ ударомъ, чтобы разомъ очистить совѣсть его отъ зловреднаго начала. Нѣтъ! Адальбертъ выдавалъ ему за апостольское ученіе такія злыя внушенія: „Дѣлай все, что тебѣ угодно, и заботься объ одномъ, чтобы умереть въ православіи". А писаніе говоритъ: „Не слѣдуй злымъ пожеланіямъ", и еще: „Не посѣвай сѣменъ неправды, дабы не пожать ихъ седмерицею". Но Адальбертъ стоялъ на своемъ, какъ будто бы можно въ одинъ часъ измѣнить свою жизнь, и забывалъ сказанное: „Къ чему привыкъ человѣкъ въ дѣтствѣ, того онъ не оставитъ и въ старости" (Солом., 22, 6); и еще: „Запахъ, который вберетъ въ себя новый сосудъ, надолго сохранится въ немъ" (Горац. Письм. I, 2, 70). Это недостойное ученіе епископа укрѣпляло короля въ его злыхъ нравахъ; онъ кинулся въ бездну наслажденій, подобно неразумному коню или лошаку; Гейнрихъ, повелитель многихъ народовъ, основалъ въ собственномъ сердцѣ престолъ злому вожделѣнію, которое есть начало всѣхъ пороковъ.

6. Въ одно и тоже время Гейнрихъ имѣлъ по двѣ и по три наложницы. Но и этимъ онъ не довольствовался. Когда бы онъ ни услышалъ, что кто нибудь имѣетъ молодую и красивую дочь или жену, то, въ случаѣ неудачи обольщенія, приказывалъ брать силою. Часто, въ сопровожденіи одного или двухъ товарищей, ночною порою онъ отправлялся всюду, гдѣ надѣялся увидѣть кого нибудь; иногда ему все удавалось, но въ другое время жизнь его находилась въ серьезной опасности со стороны родственниковъ или мужей. Благородная и прекрасная супруга Гейнриха (Берта Савойская), которую онъ противъ своей воли взялъ за себя по совѣту князей, была такъ ему ненавистна, что онъ не могъ охотно видѣть ее послѣ свадьбы, да и свадьбу едва праздновалъ. Гейнрихъ всячески старался развестись съ своею женою, чтобъ потомъ оправдывать свои беззаконные поступки нѣкоторымъ видомъ законности, если бъ ему было отказано во вторичномъ бракѣ [1]).

---

[1]) Впослѣдствіи Гейнрихъ примирился съ нею и жилъ потомъ всегда хорошо.

7. Наконецъ, онъ велѣлъ одному изъ своихъ сверстниковъ пріобрѣсть особенное расположеніе королевы, и обѣщалъ ему великую награду, если онъ съумѣетъ достигнуть такой цѣли. Гейнрихъ надѣялся, что со стороны королевы не будетъ противодѣйствія, потому что она, недавно еще вступивъ въ бракъ, была совершенно брошена своимъ мужемъ. Но королева въ женскомъ тѣлѣ имѣла мужественное сердце, и тотчасъ поняла источникъ всей интриги. Потому сначала она старалась показать какъ бы неудовольствіе, видя знаки особеннаго вниманія приставленнаго къ ней, но когда тотъ, сообразно желанію короля, упорно добивался своей цѣли, то королева обѣщала ему, повидимому, свою благосклонность. Онъ доложилъ обо всемъ королю, и сказалъ ему часъ, который былъ предназначенъ ему для свиданья. Въ условленное время, король, внѣ себя отъ радости, идетъ вмѣстѣ съ нимъ въ покои королевы, чтобы быть свидѣтелемъ ея преступленія, и потомъ или требовать формальнаго развода, или же, что казалось ему лучше, убить свою жену. Лишь только его спутникъ стукнулъ въ дверь, и королева быстро отворила ее, король, испугавшись, чтобъ ему не остаться одному за дверьми, поспѣшно проскользнулъ впередъ въ комнату. Королева узнала его тотчасъ же, и прихлопнула дверь такъ сильно, что товарищъ короля остался за дверью. Потомъ призвавъ своихъ служанокъ, она приказала имъ бить Гейнриха палками и скамейками, которыя для того нарочно были приготовлены заранѣе. „Подлый человѣкъ!“ говорила королева, „откуда родилась въ тебѣ дерзкая мысль оскорбить королеву, которая имѣетъ такого сильнаго мужа?“ Король кричалъ, что онъ именно и есть Гейнрихъ, мужъ ея, и хотѣлъ только навѣстить ее. Жена возражала на это, что тотъ не можетъ быть мужемъ, кто воровскимъ образомъ крадется къ женѣ; что еслибъ онъ дѣйствительно былъ Гейнрихъ, то пришелъ бы къ ней совершенно открыто. Гейнрихъ былъ избитъ до полусмерти, а потомъ выгнанъ изъ спальни; королева же заперла дверь, и легла спать. Гейнрихъ никому не смѣлъ разсказать о случившейся непріятности, но выдумалъ другую болѣзнь и пролежалъ цѣлый мѣсяцъ въ постелѣ. Королева не щадила ни его головы, ни остального тѣла; била его, какъ ни попало, но, однако, такъ, чтобы не нанести ему ни одной раны. Когда Гейнрихъ поправился, то, не взирая на полученный имъ жестокій урокъ, продолжалъ свою беззаконную жизнь.

Въ 8 и 9 гл., авторъ приводитъ еще примѣры распущенной юности Гейнриха и затѣмъ переходитъ къ другимъ его порокамъ, занося въ свою хронику все, что только могъ собрать злѣйшій врагъ короля.

10. Обыкновенно и случается такъ, что чѣмъ постыднѣе нарушеніе брака, тѣмъ гнуснѣйшими злодѣяніями оно сопровождается. Гейнрихъ не одной Вирсавіей пожертвовалъ своей страсти, а потому и не одного Урію погубилъ. Онъ совершилъ такъ много безчеловѣчныхъ убійствъ, что нужно сомнѣваться, было ли то сдѣлано по безстыдной страсти, или вслѣдствіе неслыханной жестокости. Вообще онъ былъ страшно жестокъ; но еще жесточе свирѣпствовалъ онъ по отношенію къ своимъ приближеннымъ. Случалось, что человѣкъ, при-

нимавшій участіе во всѣхъ его секретныхъ подвигахъ, знавшій всю его низость и всѣ его злодѣянія, и оказывавшій ему всевозможное содѣйствіе, внезапно подвергался смертной казни въ то самое время, какъ онъ беззаботно подавалъ свой голосъ въ пользу какого-нибудь новаго убійства, задуманнаго королемъ. И за что Гейнрихъ наказывалъ смертью? За одно слово, сказанное противъ его воли, за одно безмолвное движеніе, выражавшее неудовольствіе на предпріятіе короля. Потому, хотя Гейнрихъ имѣлъ и много совѣтниковъ, но никто не дерзалъ поднимать голосъ, противный его волѣ. Если же ктонибудь по невѣденію давалъ королю непріятный ему совѣтъ, то и за эту безсознательную ошибку платился своею кровію. Никто изъ подвергавшихся казни не замѣчалъ гнѣва Гейнриха до самаго момента казни.

11. Разскажу при этомъ исторію одного изъ приближенныхъ Гейнриха, именемъ Конрада. Это былъ юноша хорошаго происхожденія и хорошаго образа жизни; на немъ лежало только одно пятно участія въ совѣтахъ королевскихъ. Однажды Конрадъ находился въ Госларѣ, вполнѣ увѣренный, что пользуется полною благосклонностію короля. Король въ это время жилъ въ крѣпости Гарцбургѣ, куда, кромѣ товарищей Гейнриха и соучастниковъ его замысловъ, никто не могъ явиться безъ зова. Вдругъ Конрадъ получаетъ отъ короля приглашеніе немедленно прибыть въ Гарцбургъ въ сопровожденіи не болѣе, какъ одного оруженосца: Конрадъ, полагая, что онъ приглашается для какого нибудь тайнаго совѣта, въ которомъ, кромѣ его, никто не можетъ участвовать, дѣлаетъ даже больше, нежели ему приказано: чтобы показать свою довѣренность къ Гейнриху, онъ самъ дѣлается своимъ оруженосцемъ, и ѣдетъ въ Гарцбургъ безъ всякой свиты. Въѣзжая въ лѣсъ, Конрадъ замѣтилъ засаду, но не думалъ, чтобы это было приготовлено противъ него; однакожъ будучи совершенно одинъ, онъ смутился предъ толпою, и поспѣшно направился къ близь лежащей церкви. Бургардъ, бургграфъ Мейссенскій, презрѣнный исполнитель порученнаго ему преступленія, слѣдовалъ за Конрадомъ въ церковь, и далъ ему честное слово, что ничего непріятнаго съ нимъ не случится, если онъ выйдетъ изъ церкви. Конрадъ конечно не повѣрилъ, но зналъ, что святость церкви не остановитъ злодѣевъ; а потому вышелъ и отдался Бургарду, Злодѣи загнали его въ уединенное мѣсто, и жестоко замучили до смерти, какъ имъ было то приказано. За что онъ долженъ былъ умереть, это не сказано ему было даже въ послѣднія минуты, да и до сихъ поръ остается неизвѣстнымъ въ точности; былъ впрочемъ слухъ, что король мстилъ ему за его отношенія къ одной изъ своихъ наложницъ? Чтобы отклонить отъ себя подозрѣніе, король приказалъ всѣмъ своимъ друзьямъ преслѣдовать злодѣевъ, которымъ между тѣмъ велѣно было скрываться. Конрада же велѣлъ похоронить съ почетомъ; самъ присутствовалъ печальный на его похоронахъ, и пролилъ не мало слезъ: онъ былъ мастеръ притворяться. Но при всемъ томъ никто не хотѣлъ думать, чтобы убійство Конрада совершено было безъ повелѣнія императора, какъ то и было на самомъ дѣлѣ.

12. Разсказываютъ, что Гейнрихъ умертвилъ своими руками одного изъ своихъ товарищей, юношу весьма благороднаго происхожденія, между тѣмъ какъ, повидимому, онъ съ нимъ шутилъ. Тайно похоронивъ убитаго, на другой день онъ раскаялся въ своемъ поступкѣ передъ наставникомъ своимъ Адальбертомъ, и епископъ, не требуя никакого покаянія отъ него, немедленно далъ ему разрѣшеніе. Но такъ какъ я не могъ достаточно изслѣдовать это происшествіе, то и желалъ бы лучше считать его сомнительнымъ, хотя о немъ говоритъ весь свѣтъ.

13. Но я слыхалъ отъ одного изъ приближенныхъ къ Гейнриху, который пришелъ отъ двора къ своему брату—а братъ былъ епископъ—и желая похвалиться предъ нимъ, разсказывалъ, что при дворѣ никто не пользуется такою благосклонностію короля, какъ онъ. Епископъ, братъ его, слушалъ все это съ удовольствіемъ и усердно увѣщевалъ его, чтобы онъ всячески старался поддержать расположеніе короля, доказывая ему, что такое расположеніе очень почетно для него и полезно для всего ихъ родства; тогда пришедшій возразилъ: „Я постарался бы объ этомъ, если бъ вмѣстѣ съ милостію земного царя я могъ сохранить также милость царя небеснаго; но я знаю, что кто пользуется довѣренностію и милостію нашего властителя, тотъ не получитъ жизни вѣчной". Когда этотъ благоразумный человѣкъ сталъ мало-по-малу удаляться отъ двора, рѣже и рѣже посѣщать тайный совѣтъ короля, не покидая впрочемъ дворца совсѣмъ, тогда король, замѣтивъ въ своемъ слугѣ такое охлажденіе, не сталъ разспрашивать о причинѣ того, и не далъ ничѣмъ замѣтить своего неудовольствія; не трогая своего меча, онъ хотѣлъ погубить своего слугу чужою рукою. Вслѣдствіе того Гейнрихъ послалъ его съ какимъ-то порученіемъ къ королю руссовъ: не знаю впрочемъ, не было ли это порученіе однимъ предлогомъ. Тотъ охотно взялся за предложенное ему, съ одной стороны, находя въ томъ вѣрное доказательство прежней милости короля, такъ какъ онъ продолжаетъ довѣрять ему свои тайны, съ другой—надѣясь выслужить у короля своими трудами порядочный ленъ, въ случаѣ успѣшнаго исхода дѣлъ. Наконецъ, не менѣе пріятно было ему и самое удаленіе отъ двора. И такъ онъ отправился, вовсе не предчувствуя той участи, какая была ему изготовлена. Послѣ нѣсколькихъ дней путешествія, посольство остановилось ночевать въ одной гостинницѣ, и устроило тамъ богатую пирушку. Когда общество достаточно разгулялось, бывшій съ ними славянинъ, человѣкъ низкаго состоянія, обращается къ присутствовавшимъ съ такими словами. „Я имѣю при себѣ секретъ: мнѣ вручилъ грамоту епископъ Эппо (Наумбургскій), съ тѣмъ, чтобы я передалъ ее тому государю, къ которому вы отправляетесь въ качествѣ пословъ". Посолъ просилъ показать ему то, и увидалъ письмо, запечатанное королевскою печатью. Не думая долго, онъ сломалъ печать, и велѣлъ своему писцу объяснить ему содержаніе письма. Писецъ прочиталъ и перевелъ; содержаніе было слѣдующее. „Знай, что ты ничѣмъ лучше не докажешь своей дружбы ко мнѣ, какъ устроивъ все такъ, чтобы этотъ посолъ мой никогда не возвращался въ мое государство. Мнѣ все равно, какое бы средство

ты ни избралъ для того, вѣчное ли заключеніе въ темницѣ, или смерть". Но посолъ, бросивъ это письмо въ огонь, весело продолжалъ свое путешествіе, отлично исполнилъ порученіе, и возвратился домой самъ богато одаренный и съ царскими подарками для короля.

Въ главѣ 14, авторъ снова обращается къ одной скандалезной исторіи двора Гейнриха IV.

15. Ко всему этому злу Гейнрихъ присоединялъ еще одно качество, которое поддерживало его въ старыхъ грѣхахъ, и давало поводъ ко множеству новыхъ. Именно, онъ поставлялъ епископовъ не по предписаніямъ церковнаго законодательства и повышалъ ихъ не помѣрѣ заслугъ; но чѣмъ кто больше давалъ денегъ, и чѣмъ кто былъ снисходительнѣе къ его порокамъ, тотъ почитался у Гейнриха болѣе достойнымъ епископства. Если такимъ образомъ кто нибудь уже достигъ епископскаго званія, а за тѣмъ являлся другой искатель, который давалъ денегъ еще больше, и еще безсовѣстнѣе льстилъ страстямъ короля, то Гейнрихъ низлагалъ перваго, какъ виновнаго въ симоніи, а на его мѣсто поставлялъ другого, какъ достойнѣйшаго. Такимъ образомъ происходило то, что въ то время во многихъ мѣстахъ было по два епископа, изъ которыхъ ни одинъ не былъ достоинъ своего сана. Епископство Бамбергское столько же доходное, сколько и славное нѣкогда ученостію своего клира, Гейнрихъ отдалъ, или лучше сказать продалъ за неимовѣрную сумму одному ростовщику, который гораздо лучше понималъ относительную цѣнность различныхъ монетъ, нежели текстъ какой нибудь книги —не говорю уже о пониманіи и истолкованіи текста: онъ съ трудомъ могъ разбирать его. Однажды за вечерней службой наканунѣ Пасхи онъ слѣдующимъ образомъ прочелъ въ собраніи своего просвѣщеннаго духовенства извѣстныя начальныя слова библіи: Terra autem erat inanis et *vacca* [1]). По истинѣ, самъ епископъ былъ нечто иное, какъ двуногая *корова*, безсмысленная и чуждая всякаго сознанія. Впрочемъ, не смотря на то, что этотъ епископъ не щадилъ ни своихъ, ни церковныхъ денегъ для поддержанія благосклонности короля, Гейнрихъ низложилъ его, а мѣсто отдалъ другому, который также мало былъ достоинъ своего поста по образованію и образу жизни, и еще постыднѣе потворствовалъ королю въ его злыхъ дѣлахъ.

16. Между тѣмъ среди такихъ обстоятельствъ король уже достигъ юношескаго возраста. Когда Бременскій епископъ Адальбертъ сдѣлался могущественнѣйшимъ изъ его совѣтниковъ, Гейнрихъ, по его наставленію, началъ отъискивать въ пустынныхъ мѣстахъ высокія и отъ природы неприступныя горы и на этихъ горахъ строить укрѣпленія, которыя могли бы служить прекрасною защитою и украшеніемъ государства, если бы были поставлены на болѣе приличныхъ мѣстахъ. Первый и обширнѣйшій изъ этихъ новопостроенныхъ замковъ былъ названъ Гарцбургомъ. Онъ былъ отлично укрѣпленъ

---

[1]) Вмѣсто, *vacua*, пуста; а *vacca* зн. корова.

снаружи, и обнесенъ крѣпкою стѣною, съ башнями и прочными воротами. Внутри замка построенъ былъ роскошный королевскій дворецъ. Тамъ же соорудили великолѣпный монастырь, обладавшій богатыми сокровищами. Въ этотъ монастырь Гейнрихъ собралъ изо всѣхъ странъ многочисленное и знатное духовенство. Многія епископства со всѣми своими учрежденіями едва равнялись этому монастырю, а иныя даже уступали ему. Всякое драгоцѣнное церковное украшеніе, которое Гейнрихъ видѣлъ у какого нибудь епископа, старался онъ добыть себѣ просьбою или силою, и потомъ отдавалъ въ гарцбургскій монастырь. Въ другихъ замкахъ Гейнрихъ заботился не столько о красотѣ и роскоши, сколько о твердости. Благословенно, трижды благословенно было бы имя его, если бъ онъ устроилъ эти твердыни, чтобы противодѣйствовать язычникамъ. Если бъ это было такъ, то конечно всѣ язычники давно бы приняли св. крещеніе, или по крайней мѣрѣ платили бы на вѣчныя времена дань христіанскимъ князьямъ. Но всѣ эти постройки Гейнриха сначала казались нашимъ соотечественникамъ (т.-е. саксонцамъ) дѣтскою забавою; ибо никто не зналъ злыхъ намѣреній короля. И такъ какъ они не видѣли въ томъ никакой опасности для себя, то не только не препятствовали Гейнриху, когда то еще было возможно, но даже помогали ему работою и деньгами, ожидая, что онъ послѣ докажетъ свое мужество въ войнѣ съ чуждыми народами. Но когда по замкамъ были разставлены гарнизоны, которые начали дѣлать набѣги на окрестности, чтобы собирать жатву тамъ, гдѣ не сѣяли, принуждать къ рабской работѣ свободныхъ, и оскорблять ихъ женъ и дочерей,—тогда только они поняли, что значили эти замки, но не отважились ни на сопротивленіе, ни на защиту себя. Только тѣ, которые сами страдали, жаловались втайнѣ жителямъ отдаленныхъ мѣстностей, не испытавшимъ потому хищничества королевскихъ гарнизоновъ. Но эти послѣдніе не думали помогать угнетеннымъ, и такимъ образомъ усиливали тиранію, которая потомъ охватила и ихъ. Отъ поселянъ король перешелъ потомъ къ рыцарскому сословію, и отъ похищенія предметовъ сельской промышленности, къ похищенію свободы. Такъ, Гейнрихъ поступилъ, какъ съ рабомъ, съ Фридрихомъ, который, занималъ видное мѣсто между свободными людьми и даже въ средѣ дворянства. Также жестоко король преслѣдовалъ Вильгельма, который былъ весьма богатъ деньгами, но слишкомъ въ умственномъ отношеніи скуденъ. Эти-то два поступка и вооружили всю Саксонію противъ Гейнриха. Впрочемъ, когда саксонцы начали открытую войну противъ короля, то Фридрихъ и Вильгельмъ оба забыли свои клятвы, оставили отечество и жалкими перебѣжчиками явились на сторонѣ враговъ. Но объ этомъ я скажу ниже.

Въ послѣдующихъ главахъ, отъ 17 до 22, авторъ разсказываетъ коротко тайныя приготовленія съ обѣихъ сторонъ къ войнѣ; Генрихъ изгоняетъ изъ Швабіи ея герцога Оттона, который бѣжалъ къ Магнусу, герцогу Саксонскому, но оба они были принуждены сдаться (1071 г.), и Гейнрихъ заключилъ ихъ въ темницу; въ то же время онъ заключилъ союзъ съ Даніею, но нападеніе саксонцевъ на Люнебургъ принудило короля выпустить Магнуса и обѣщать

Саксонскимъ князьямъ, въ день Петра и Павла, 29 іюня 1073 года, созвать сеймъ въ Госларѣ для устройства дѣлъ [1]).

23. Когда за тѣмъ приблизился праздникъ князей апостоловъ, а именно, Петра и Павла (29 іюн. 1073), король назначилъ всѣмъ саксонскимъ князьямъ собраться въ Госларѣ, съ тѣмъ, чтобы, если случилось что нибудь достойное обсужденія въ государственныхъ дѣлахъ, онъ могъ рѣшить по всеобщему совѣщанію съ князьями. Всѣ радостно поспѣшили туда въ надеждѣ, что бѣдствія, давно уже испытываемыя Саксоніею, получатъ свой конецъ. Въ самый день праздника, назначенный для совѣщанія, на разсвѣтѣ собрались у дворца епископы, герцоги, графы и другіе князья, и сидя, напрасно ожидали, чтобы король или вышелъ къ нимъ, или ихъ позвалъ къ себѣ. Но двери его покоевъ оставались запертыми: онъ игралъ въ кости съ своими сверстниками, ни мало не заботясь, что столь знатные люди, какъ послѣдніе слуги, ждутъ у его дверей. Такъ прошелъ весь день, и никто не выходилъ къ нимъ извѣстить о случившемся. Когда же наступила ночь, одинъ изъ придворныхъ вышелъ къ нимъ и съ насмѣшкою спрашивалъ князей, какъ долго они думаютъ еще ждать, потому что король другимъ выходомъ уже ушелъ изъ дворца и поспѣшилъ въ зàмокъ. Тогда всѣ они, испытавъ такое униженіе со стороны короля, пришли въ такое негодованіе, что, если бы не остановилъ ихъ маркграфъ (Лаузицкій) Деди, то они въ ту же минуту безъ всякаго страха, отказались бы отъ присяги на вѣрность. Съ этого дня и по той причинѣ началась война; этотъ день былъ началомъ всѣхъ послѣдовавшихъ бѣдствій. Въ ту же ночь, всѣ князья, подкрѣпивъ себя пищею, вмѣстѣ съ своими совѣтниками, пока другіе спали, собрались въ церкви и объявили, проливъ предварительно слезы, что они предпочтутъ жесточайшую смерть, нежели останутся жить послѣ такого безчестія. Они опредѣлили день и мѣсто для собранія всего саксонскаго народа, гдѣ сообща посовѣтуются о возстановленіи свободы, которую хотятъ у нихъ очевидно похитить; послѣ же того всѣ возвратились домой съ твердымъ намѣреніемъ никогда болѣе не являться по королевскому призыву на службу.

Въ послѣдующихъ главахъ, отъ 24 и до 131, авторъ излагаетъ ходъ военныхъ дѣйствій до вторичнаго отправленія Гейнриха въ Италію съ войскомъ, 1081 г., противъ Григорія VII, который еще въ 1076 г. принялъ сторону саксонцевъ, и обратилъ внутреннее междоусобіе Германіи въ борьбу папской власти съ императорскою. Авторъ останавливается на началѣ 1082 г., когда саксонцы, воспользовавшись удаленіемъ короля, вмѣстѣ съ прочими князьями провозгласили антикоролемъ Германа Люксембургскаго.

Клерикъ Бруно.

Liber de bello Saxonico. 1 — 23.

---

[1]) Нашъ авторъ вообще страдаетъ анахронизмами: Магнусъ былъ выпущенъ гораздо позже сейма въ Госларѣ.

Клерикъ Бруно (Bruno, clericus Magdeburgensis) былъ природный саксъ и состоялъ, въ эпоху возстанія Саксоніи противъ Гейнриха IV, при лицѣ Магдебургскаго епископа Вернера, родного брата архіепископа Кельнскаго, Анно. По одному своему родству и по главному положенію среди національной саксонской церкви, Вернеръ, когда герцогъ саксонскій Магнусъ былъ схваченъ королемъ, сталъ во главѣ возстанія страны. Въ 1078 г., Вернеръ Магдебургскій, разбитый войсками Гейнриха IV, едва спасся отъ ненависти поселянъ, стоявшихъ на сторонѣ короля, и вмѣстѣ съ нашимъ историкомъ бѣжалъ къ Вернеру, епископу Мерзебургскому. Тамъ-то въ изгнаніи, Бруно и писалъ свою „Книгу о саксонской войнѣ“ съ приложеніемъ очерка жизни Гейнриха IV, посвятивъ свой трудъ тому, у кого враги короля нашли себѣ убѣжище. Все это достаточно уже опредѣляетъ отношеніе нашего автора къ описываемому имъ предмету: на исторію Бруно должно смотрѣть, какъ на голосъ извѣстной части общества; изъ Бруно мы узнаемъ, что и какъ говорили о Гейнрихѣ IV въ Саксоніи, но не то, кѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ Гейнрихъ IV. Авторъ не могъ однако совершенно скрыть истину; изъ его же разсказовъ о войнѣ видно, что патріотизмъ саксонцевъ былъ только сословный; одна феодальная аристократія, выдававшая себя въ средніе вѣка за народъ, возстала противъ короля, и потому угнетенное сельское сословіе не сочувствовало этому возстанію. Такъ какъ Бруно писалъ по памяти, то его изложеніе исполнено анахронизмовъ, но главное значеніе его труда состоитъ въ томъ, что авторъ имѣлъ счастливую мысль скопировать и помѣстить въ свою исторію всѣ письма Гейнриха IV и Григорія VII, какія ему попались подъ руку, изъ эпохи борьбы папы съ королемъ. Это послѣднее обстоятельство сдѣлало особенно драгоцѣннымъ трудъ Бруно (см. ниже, въ ст. 57).—*Изданія*: Pertz, Monum. V, 327—384.—*Переводы*: Нѣм. Wattenbach (Berl. 1853), въ Geschichtsschr. d. d. Vorzeit. Lief. 21.—*Критика*: Smolka, De Brunonis bello Saxonico. Wrat. 1856; ср. въ превосходномъ сочиненіи объ исторіи того времени Stenzel, Geschichte der fränkisch. Kaiser II, 55—67.

56.—О политическомъ характерѣ Григорія VII Гильдебранда.

(Въ 1860 г.).

Учрежденія, какъ и всякое другое дѣло рукъ человѣческихъ, имѣютъ свой идеалъ; но такъ какъ ихъ развитіе по самой сущности неравномѣрно и порывисто, то весьма часто они бываютъ принуждены молчать о немъ и отлагать его достиженіе до болѣе удобнаго времени. Въ весьма немногихъ случаяхъ имъ представляется возможность открыто поставить свой идеалъ и громко высказать свои затаенныя стремленія; въ такой только моментъ и мы можемъ изучать до основанія духъ, нравственное значеніе и вліяніе того или другого учрежденія. Вся его сила и живучесть въ скрытомъ состояніи сосредоточиваются, такъ сказать, въ этотъ непродолжительный

моментъ, и тогда только можно произнести о немъ рѣшительный приговоръ точно также, какъ и индивидуумы могутъ быть справедливо оцѣнены только по главной мысли, которая руководила ими. Учрежденіе папства имѣло два такихъ момента, одинъ—при Григоріѣ VII, другой—при Иннокентіѣ III. Въ послѣдующее время своей исторіи папство было тѣмъ, что оно *могло* быть; тогда оно явилось тѣмъ, чѣмъ *хотѣло* быть.

Гильдебрандъ, папа, подъ столь извѣстнымъ именемъ Григорія VII, представляетъ самое высокое и самое полное олицетвореніе теократическаго идеала въ такомъ видѣ, о какомъ прежде только мечтали римскіе первосвященники. Если онъ не осуществилъ всѣхъ практическихъ условій, то, по крайней мѣрѣ, онъ первый формулировалъ и поддержалъ притязанія папъ во всей ихъ силѣ и до послѣдняго дня своей жизни. Его устами папство осмѣлилось, наконецъ, сказать всему міру, что оно понимало подъ неопредѣленнымъ словомъ свѣтской власти папъ; оно сбросило съ себя мелкое честолюбіе, которое придавали ему по слухамъ, и которое служило маской для его слабости; оно смѣло провозгласило себя законодателемъ человѣчества, одною законною верховною властью надъ народами. Положеніе полное опасности и величія, которое, однако, дало самую лучшую страницу исторіи папъ. Разсуждая о томъ, должно отказаться отъ всякихъ предвзятыхъ мнѣній и суда партій. Можно порицать тираническую систему, которой Гильдебрандъ былъ ревностнымъ приверженцемъ, и средства, часто не совсѣмъ честныя, которыми онъ пользовался для достиженія своихъ цѣлей, но было бы несправедливо съ нашей стороны не признать самопожертвованія, мужества и генія, которые онъ проявлялъ съ непоколебимой увѣренностью въ правоту своего дѣла. Долгъ всякаго отдавать справедливость такимъ доблестнымъ качествамъ вездѣ, гдѣ они бы ни встрѣтились; поступая такъ, мы платимъ дань уваженія не лицу человѣка, а человѣческой природѣ.

Если мы говоримъ, что Гильдебрандъ былъ искрененъ, то это не относится къ отдѣльнымъ его дѣйствіямъ и его политическимъ предпріятіямъ, коварство которыхъ часто, очевидно, но къ главному убѣжденію, которое служило для него вмѣстѣ и цѣлью, и извиненіемъ въ его глазахъ. Жизнь его всецѣло была посвящена идеи, а вѣрное служеніе идеи невольно поражаетъ даже и тогда, когда самая идея ложна. Человѣкъ достигаетъ истины только вслѣдствіе постепеннаго приближенія къ ней; и какого рода заслугу можно было бы приписать ему, если его самопожертвованіе не имѣло бы своего достоинства независимо отъ полноты истины его цѣлей, которыя онъ преслѣдовалъ? У Гильдебранда было единство и безкорыстіе высокаго честолюбія. Еще въ его юности можно было видѣть исключительное преобладаніе принципа, который былъ для него второй религіей, и онъ подчиняетъ ему неизмѣнно свое собственное возвышеніе. Онъ ищетъ личнаго успѣха, но не иначе какъ ради торжества принципа. Извѣстно необыкновенное вліяніе, которое онъ оказывалъ на папъ, бывшихъ его непосредственными предшественниками и избраніе которыхъ зависѣло отъ его рѣшенія. Спрашивается, какимъ образомъ

этотъ „поставщикъ папъ“ не мечталъ самъ сдѣлаться папой? Но болѣе внимательное изслѣдованіе сейчасъ откроетъ побужденія, по которымъ онъ столь мало искалъ этой чести. Прежде начала великой борьбы, которую онъ задумалъ, онъ хочетъ исподволь приготовить къ ней средства; руками другихъ онъ создаетъ мѣры, которыя, происходя отъ него, можетъ быть, возбудили бы непреодолимое недовѣріе, и потому онъ предпочитаетъ ставить на папскій престолъ своихъ предвѣстниковъ и слугъ. Онъ внушаетъ имъ и распространяетъ напередъ всѣ существенные принципы своей реформы. По его внушенію, папы поражаютъ тяжелыми ударами епископскій феодализмъ, стараются снять съ духовной бенефиціи зависимость ея отъ королей и сдѣлать безбрачіе основнымъ закономъ церкви. Но болѣе важною его заботою было освободить папскій престолъ отъ вліянія императорской власти, бывшей тогда во всей ея силѣ—предпріятіе щекотливое, въ которомъ его изворотливость и дипломатія несравненны. При каждомъ новомъ избраніи онъ становится посредникомъ между народомъ римскимъ и императоромъ, съ цѣлью показать свое уваженіе къ послѣднему и вмѣстѣ уравновѣсить то властью перваго, облегчая какъ бы при томъ затруднительность избранія.

Такимъ образомъ, въ 1059 году, Николаю II, своей креатурѣ, Гильдебрандъ внушаетъ декретъ, составленный на соборѣ Латеранскомъ (см. выше, ст. 53), который передаетъ избраніе папъ коллегіи кардиналовъ, оставляя народу только право согласія, и который упоминаетъ о правѣ утвержденія императора, какъ о простой почести (salvo honore et reverentia dilecti filii). При слѣдующемъ избраніи онъ призналъ за этимъ декретомъ безусловный авторитетъ, и императоръ, не имѣя возможности или не осмѣливаясь уничтожить его, принужденъ былъ признать его закономъ.

Съ этого времени онъ съ удивительной предусмотрительностью пріобрѣтаетъ различныя связи, которыя предназначаются поддерживать его въ минуты опасности. На югѣ онъ снискиваетъ дружбу Роберта Гвискара и норманновъ, давая ихъ завоеваніямъ апостольское освященіе, которое имѣло силу обращать насиліе въ право, похищеніе—въ законъ. На сѣверѣ онъ располагаетъ къ себѣ Матильду, графиню Тосканскую, приставивъ къ ней умнаго и преданнаго духовника; онъ плѣнилъ превосходствомъ своего генія эту мужественную и страстную душу. Такъ подготовлялъ онъ трудолюбиво, медленно и терпѣливо всѣ тѣ средства, которыя позже будутъ для него опорою; а когда, наконецъ, старость и слабость Александра II возвѣстили, что его день кончины близокъ, онъ открываетъ враждебныя дѣйствія тѣмъ, что издаетъ, неслыханное дотолѣ, приказаніе молодому германскому королю Генриху IV явиться въ Римъ, чтобы дать тамъ отчетъ въ своемъ поведеніи, и оправдаться отъ обвиненія въ симоніи предъ трибуналомъ верховнаго первосвященника — прелюдія, удивительно выбранная для того, чтобы приготовить умы къ задуманному имъ предпріятію.

Гильдебрандъ заставляетъ избрать себя коллегію кардиналовъ и народъ римскій, съ которымъ совѣщались только тогда, когда предстояло сдѣлать торжественную манифестацію. Онъ обошелся безъ

голоса императора, недавно еще необходимаго для утвержденія избранія, но не чувствовалъ себя еще довольно сильнымъ, чтобы посвятиться безъ его согласія, и пріобрѣлъ его совершеннымъ повиновеніемъ, не смотря на оппозицію германскихъ епископовъ, которые ненавидѣли его, какъ врага епископской аристократіи.

Съ перваго года его первосвященничества открылась его цѣль: она выразилась въ его словахъ и дѣйствіяхъ. Григорій VII стремился къ всемірной монархіи и достигалъ того съ полной увѣренностью пастыря, готоваго дѣйствовать для добраго дѣла и оправдывать свои дѣйствія цѣлью. Такая фальшивость удивительна въ такой высокой душѣ, и подобное тому не разъ встрѣчается въ исторіи среднихъ вѣковъ. Спрашивается, какого рода насиліямъ должны были подвергнуться эти души духовныхъ не только для того, чтобы пріобрѣсти такое безстрастіе къ клеветѣ, но и для того, чтобы сохранить неизмѣнную ясность ума среди стольких ужасовъ, оставаясь притомъ недоступными угрызеніямъ совѣсти, подобно жреческому ножу, послѣ закланія гекатомбы. Между Гильдебрандомъ и его преемниками есть, по крайней мѣрѣ, то различіе, что козни, которыя онъ употребляетъ, не имѣютъ въ себѣ ничего кроваваго и представляются только благочестивымъ обманомъ.

„Вы не знаете, писалъ онъ испанскимъ графамъ, что съ самыхъ древнихъ временъ испанское государство составляетъ собственность святого Петра, и что оно принадлежитъ папскому престолу, а никому другому, хотя бы даже находилось въ рукахъ язычниковъ; ибо что однажды сдѣлалось собственностью церкви, то не можетъ никогда не принадлежать ей“. Такимъ образомъ, онъ объявляетъ свое право на Испанію, о которомъ никто никогда не слыхалъ, и пускаетъ въ ходъ смѣлую ипотезу, разсчитывая на невѣжество, суевѣріе и хаотическое состояніе, въ которое была погружена Испанія; онъ требуетъ у графовъ, вмѣстѣ съ годовой данью, верховной власти надъ землями, которыя они пріобрѣтутъ у врага.

Трудно было заставить повѣрить басни такого рода во Франціи, гдѣ недавніе споры Гинкмара и епископства противъ претензій папскаго престола оставили въ умахъ идеи, довольно опредѣленныя относительно взаимныхъ правъ государства и церкви; а потому во Франціи Григорій довольствуется духовными угрозами, и всячески старается доказать королю, что онѣ могутъ ниспровергнуть его точно также, какъ и всякое возстаніе подданныхъ: „Если король не отказывается отъ преступленія симоніи, то французы, пораженные анаѳемой, откажутся повиноваться ему“. Но къ королю Венгріи папа обращается съ прежнею своею любимою темою:

„Вы могли знать отъ своихъ предшественниковъ,—писалъ онъ къ нему съ полною увѣренностью,—что ваше государство составляетъ собственность святой церкви римской съ тѣхъ поръ, какъ король Стефанъ передалъ всѣ права и всю власть надъ своею церковью св. Петру... Не смотря на то, мы узнали, что вы получили свои владѣнія, какъ феодъ, отъ короля Гейнриха (IV). Если это такъ, то вы должны знать, какимъ образомъ вы можете заслужить нашу благосклонность и милость св. Петра. Вы не можете получить ни той, ни

другой, и даже оставаться королемъ, не навлекая на себя первосвященническаго негодованія, если не исправите своей ошибки и не объявите, что владѣете своимъ феодомъ не отъ королевскаго достоинства, но отъ достоинства апостольскаго".

Онъ предлагаетъ новое государство Свену, королю Датскому:

„Есть близь насъ очень богатая провинція (т.-е. южная Италія), которою владѣютъ презрѣнные еретики. Мы желали бы, чтобы одинъ изъ вашихъ сыновей поселился въ ней, чтобы быть ея княземъ, и сдѣлаться тамъ защитникомъ религіи, если, впрочемъ, какъ обѣщалъ намъ епископъ вашей страны, вы согласитесь посылать его съ отборными войсками на служеніе апостольскому престолу".

Подобнымъ образомъ онъ передаетъ царство Дмитрію, русскому князю, подъ предлогомъ, что его просили о томъ, если онъ не найдетъ нескромною такую просьбу; а просителемъ былъ собственный сынъ Димитрія: „Вашъ сынъ, посѣтивъ могилу апостоловъ, прибылъ къ намъ и объявилъ, что онъ желалъ бы получить ваше государство отъ насъ, какъ даръ св. Петра, давши клятву намъ въ вѣрности; онъ увѣрилъ насъ, что вы согласились бы на его просьбу. Такъ какъ она показалась намъ справедливою, то мы и отдали ваши владѣнія отъ имени святого Петра".

Онъ употребляетъ формы гораздо менѣе деликатныя въ слѣдующемъ письмѣ къ Орзоку, герцогу Кагліарскому въ Сардиніи, владѣтелю мало опасному:

„Ты долженъ знать, что многіе просятъ у насъ твоей страны, и обѣщаютъ намъ большія выгоды, если мы позволимъ имъ овладѣть ею. Не только норманны, тосканцы, ломбарды, но даже и нѣмцы настойчиво просятъ насъ о томъ; мы не хотѣли, однако, рѣшиться на то прежде, чѣмъ узнаемъ твое мнѣніе черезъ нашего посла. Если ты захочешь оставаться преданнымъ апостольскому престолу, то мы не только не дадимъ позволенія нападать на тебя, но защитимъ даже духовнымъ и свѣтскимъ оружіемъ отъ всякаго нападенія"...

Трудно найти человѣка, который столько пользовался бы своимъ положеніемъ и своимъ словомъ противъ слабыхъ. Но какое большое различіе между всѣмъ, что мы видѣли, и тѣмъ ласкающимъ и отеческимъ тономъ, съ которымъ Григорій обращается къ Вильгельму Завоевателю, когда проситъ у него клятвы въ вѣрности, и даже послѣ того, когда тотъ отказалъ ему въ ней! Наконецъ, онъ раздаетъ въ короткое время короны Польши, Венгріи и Германіи, низлагаетъ императора Никифора Ботаніата, заставляетъ платить дань Вратислава, короля Богемскаго, вручаетъ верховную власть надъ Гаэтою графу Аверсы, чтобы приготовить себѣ защитника, на случай возможнаго отпаденія Роберта Гвискара. Такъ что уже въ самомъ началѣ его правленія не было въ Европѣ государя, у котораго онъ не похитилъ бы или не поколебалъ верховной власти. Только Гейнрихъ IV, молодой король Германскій, для защиты себя, выходитъ на сцену и защищаетъ свое право.

Гейнрихъ, котораго такъ прославила его борьба съ Гильдебрандомъ, и котораго мы знаемъ только по пристрастнымъ разсказамъ

духовныхъ историковъ, жилъ въ эпоху, когда его соперникъ былъ избранъ папою, и когда онъ самъ рѣшился на опасную борьбу съ вождями германскаго феодализма. Но за то его союзниками были всѣ города Германіи, и это обстоятельство лучше всего характеризуетъ борьбу Гейнриха IV съ князьями, весьма похожую на то время, когда позже (въ XII ст.) во Франціи королевская власть подала свою руку коммунамъ. Хотя церковные хронографы сравнивали Гейнриха IV съ Нерономъ, однако, въ цѣлости его поведеніе и жизнь докаваютъ, что онъ стоялъ выше большей части государей того времени. Странная смѣсь мужества и слабости, законности и духа хитрости, стойкости и нерѣшимости, которыя замѣчаются въ немъ, достаточно поясняется неопытностью его юности, самыми рѣзкими крайностями, въ которыя онъ такъ рано былъ поставленъ, и суевѣріемъ, которое поселяло разладъ въ его сердцѣ. Противъ него-то Гильдебрандъ направилъ свои удары съ нѣкоторою страстностью, оправдываемою тѣми узами подчиненія, которыя такъ долго дѣлали изъ папства императорскій феодъ. Сверхъ того Гейнрихъ для того врага королей былъ самою славною жертвою, какую онъ могъ принести. Ему прежде всего нужно было мѣтить въ самыя высокія личности. Унижая его, онъ унижалъ не одного короля, но и его королевство вмѣстѣ съ нимъ.

Политическая партія, къ которой присталъ на этотъ случай Гильдебрандъ въ Германіи, показываетъ ясно, какъ нужно смотрѣть на фантастическую картину современнаго намъ неокатолицизма, которую этотъ хочетъ наложить на исторію, когда изображаетъ Григорія VII демократомъ, вооруженнымъ анаѳемою, чтобы освободить народы отъ феодальнаго гнета. Это общее мѣсто не выдерживаетъ серьезной критики. Если смотрѣть съ точки зрѣнія теоріи, то система, которою Григорій VII рѣшился замѣнить волю королей, была еще въ тысячу разъ болѣе тиранническою; а съ точки зрѣнія фактовъ, мы чаще всего увидимъ, что гнетъ, который лежалъ на народахъ, еще болѣе увеличился отъ идей Григорія VII, вмѣсто того, чтобы сдѣлаться легче.

Григорій VII не ввелъ новой политики на папскомъ престолѣ, онъ придалъ только больше блеска политикѣ своихъ предшественниковъ и папъ вообще, которые всегда дѣйствовали по очень страннымъ убѣжденіямъ относительно демократическихъ интересовъ. Они постоянно были заняты только тѣмъ, чтобы усилить свое собственное могущество, которое далеко не гармонировало съ такими интересами, потому что оно исключало всякое свободное учрежденіе. Между тѣмъ нужно признать, что элементами, изъ которыхъ состояла древняя ogранизація церкви, папы удовлетворяли нѣкоторымъ образомъ духу равенства и другимъ демократическимъ стремленіямъ; но власть папъ сама старалась уничтожить эти остатки почти забытыхъ преданій. Облегченіе народовъ было всего менѣе цѣлью, которую они имѣли въ виду. Они поддерживали поочередно народъ противъ королей, королей противъ народовъ, соображаясь съ выгодами своего собственнаго положенія; и Григорій дѣйствовалъ не иначе. Если былъ чей нибудь демокретическій интересъ въ борьбѣ, доставившей папѣ возможность вмѣшаться въ дѣла германскія, то неоспоримо это былъ

интересъ императора,соединеннаго съ свободными городами противъ саксонскаго феодализма.

Утвержденіе, которое повторяютъ иногда: онъ былъ врагомъ императора, слѣдовательно другомъ народа,—историческая нелѣпость. Въ этомъ случаѣ, какъ и почти въ продолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, такія слова нужно принимать въ обратномъ смыслѣ и говорить: другъ короля—другъ народа, потому что въ то время, императорскій принципъ далеко не былъ такъ стѣснителенъ, какъ теократическая централизація, придуманная римскими первосвященниками. Григорій столь мало заботился о пользѣ народа, что вездѣ, гдѣ совершался грабежъ, онъ оправдывалъ похитителя, въ надеждѣ сдѣлать изъ него опору. Неужели изъ ревности къ защитѣ угнетенныхъ онъ потверждаетъ завоеваніе въ Англіи Вильгельма Завоевателя; въ обѣихъ Сициліяхъ—вторженіе Роберта Гвискара,—Гейзы въ Венгріи, —Рудольфа въ Германіи,—Болеслава въ Польшѣ,—Звонимира въ Далмаціи?—Нѣтъ; оказывается, что, утверждая законность ихъ правъ, онъ надѣется, что эти владѣтели будутъ покорными вассалами папскаго престола; онъ заботится о политикѣ, которая всегда составляла свѣтское могущество папъ; онъ подражаетъ Захарію, утвердившему узурпацію Пипина,—Адріану, вѣнчавшему Карла Великаго, Григорію VI, низложившему Людовика Благочестиваго въ пользу его сыновей.

Точно также въ своей борьбѣ съ Гейнрихомъ IV, Григорій занятъ только тѣмъ, чтобы усилить свою власть, и не имѣетъ въ виду народныхъ интересовъ, точно также, какъ и самъ императоръ, который опирается на нихъ въ интересѣ своего собственнаго честолюбія. Такимъ образомъ, они оба безъ малѣйшей добросовѣстности стараются найти въ станѣ своего врага помощь той партіи, съ которою сражаются въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ. Папа, который въ церковномъ управленіи борется съ неумолимой ненавистью противъ епископскаго феодализма, не затрудняется поддерживать въ Германіи тотъ же феодализмъ, а императоръ, для котораго была опасна аристократія герцоговъ и графовъ германскихъ, ищетъ себѣ твердой опоры въ аристократіи церковной.

Изъ всего сказаннаго нами должно заключить, что споръ за инвеституру, которая дала свое имя борьбѣ духовной власти съ свѣтскою, при Григоріѣ VII, Гейнрихѣ IV и ихъ преемникахъ, былъ только случаемъ и временною формою; при отсутствіи подобнаго предлога, ихъ вражда нашла бы тысячу другихъ.....

Послѣ кратковременнаго торжества, для Гильдебранда наступилъ періодъ бѣдствій. Но онъ перенесъ ихъ съ рѣдкимъ стоицизмомъ души, привыкшей къ великимъ замысламъ. Онъ оспаривалъ каждый шагъ, вооружалъ противъ Гейнриха поочередно, то норманновъ и римлянъ, то графиню Матильду, неустрашимую воительницу, характеръ которой онъ возвысилъ своимъ геройствомъ; искалъ для него враговъ во Франціи, въ Англіи и даже между сарацинами. Все было безполезно. Короли, большая часть которыхъ были недовольны его повелительными требованіями, не отвѣчали на его зовъ. Самъ Вильгельмъ, который отчасти былъ обязанъ ему быстрымъ успѣхомъ своего завоеванія, отказалъ ему въ своей помощи:

„Вспомни ты, говорилъ ему Григорій, вспомни ты, какою искренней любовью я любилъ тебя еще прежде полученія первосвященническаго достоинства, какъ дѣятельно заботился о твоихъ интересахъ, и съ какимъ усердіемъ я употреблялъ всѣ зависящія отъ меня средства, чтобы возвести тебя на тронъ! Сколько я перенесъ упрековъ со стороны своей братіи, негодовавшей на меня за то, что я покровительствовалъ столькимъ убійствамъ! Но Богъ свидѣтель, что я дѣлалъ это съ добрымъ намѣреніемъ, полный надежды на его милость и довѣрія къ твоимъ великимъ добродѣтелямъ". Гильдебрандъ вѣрно изображается въ этихъ словахъ: смѣсь маккіавелизма въ средствахъ и искренности въ цѣли есть черта всей его жизни. Но если по справедливости должно назвать его фанатикомъ, то нельзя не присоединить, что фанатизмъ его былъ фанатизмомъ великой души. Онъ никогда не имѣлъ безчувственной холодности любимыхъ героевъ теократіи, и его нельзя упрекнуть ни въ одной изъ тѣхъ кровавыхъ жертвъ, которыми запятнали послѣ него римскую багряницу. Въ немъ ничего не было посредственнаго; онъ почти всегда являлся милостивымъ и великодушнымъ по отношенію къ своимъ личнымъ врагамъ.

Читая его письма (см. ниже, въ ст. 57), нельзя не замѣтить той гуманности, которая ставила его выше своихъ современниковъ; нельзя не замѣтить въ нихъ того достоинства краснорѣчія, которое вытекаетъ изъ самой души, и не дается риторикой; въ нихъ не найдете ни одного изъ тѣхъ качествъ, столь свойственныхъ его современникамъ, которыя съ перваго же раза обличаютъ въ авторѣ дикаря въ маскѣ ритора, и напоминаютъ, что передъ вами стоятъ едва проклюнувшіяся существа, принадлежащія къ міру чуждому васъ. Онъ принадлежитъ къ славной семьѣ умовъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ странъ. Это превосходство, такъ рѣзко выдѣлявшее его изъ толпы современниковъ, возмущало ихъ и вмѣстѣ плѣняло; не имѣя возможности скрыть того, они обвиняли Гильдебранда въ колдовствѣ и магіи, какъ обвиняли въ томъ Герберта (см. ниже ст. 58). Даже самые друзья его находились съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ, кажется, скорѣе вслѣдствіе ослѣпленія его достоинствомъ, чѣмъ по естественной склонности, и это чувство въ нихъ смѣшивалось съ какимъ-то суевѣрнымъ отвращеніемъ. Самъ Петръ Даміанъ [1]) боится Григорія и между тѣмъ не можетъ оторваться отъ него; онъ называетъ его своимъ *святымъ сатаною*, своимъ *вражескимъ другомъ* (hostilis amicus).

Отсутствіе великихъ страстей всегда умѣряетъ жестокость непреклоннаго сердца, въ которомъ не безъ удивленія встрѣчаешь глубокую любовь къ справедливости, смѣшанную съ величайшею неправдой. Однако нельзя допустить, что среди страшнаго хаоса, этого основнаго характера среднихъ вѣковъ, принятая Григоріемъ система казалась лучшею формой управленія; но онъ принялъ единообразіе за порядокъ, неподвижность—за равновѣсіе, дисциплину—за гармонію и всеобщее угнетеніе—за миръ. Нѣтъ нужды слѣдить слишкомъ далеко за политическимъ и общественнымъ состояніемъ, которое

---

[1]) Кардиналъ-епископъ Остіи, другъ Григорія VII, † 1072 г.

было бы результатомъ успѣха его дѣятельности. Магометанство, которое тогда было въ апогеѣ своего могущества, представляетъ въ своемъ развитіи всѣ ступени, по которымъ проходятъ унитарныя общества: сначала непреодолимое движеніе, потомъ быстрый упадокъ силъ, и наконецъ долгая дремота въ рабствѣ.

Странное самообольщеніе! Ту самую человѣческую природу, которую Гильдебрандъ не считалъ ни достойною, ни способною пользоваться властію, въ предѣлахъ существовавшей въ то время феодальной организаціи, онъ считалъ въ тоже время способною для того, чтобы въ своемъ лицѣ возложить на нее, и притомъ на личность одного человѣка, свѣтскую и духовную власть надъ всей землей. Онъ воображалъ, что посвященіе въ папы будетъ предохранительнымъ средствомъ, достаточнымъ для того, чтобъ гарантировать собою такого смертнаго, имѣющаго возможность дѣлать ошибки и погрѣшности, въ которыхъ онъ укорялъ королей, какъ будто исторія его предшественниковъ не опровергла подобныхъ фантазій (см. выше, ст. 31).

Умирая, онъ увидѣлъ свое дѣло полуразрушеннымъ и могъ сомнѣваться, чтобы папство возстало когда-нибудь отъ ужасныхъ ударовъ, нанесенныхъ ему его врагами; но онъ ни на минуту не усомнился въ святости своего дѣла. При своей кончинѣ остался такимъ же, какимъ онъ былъ въ продолженіи всей своей жизни: строгимъ, неукротимымъ, рѣшительнымъ. Побѣжденный, оставленный, преслѣдуемый изъ города въ городъ, увлекаемый скорѣе, какъ плѣнникъ, чѣмъ союзникъ, толпою полуварварской орды, состоявшей изъ норманновъ и сарацинъ, онъ смотрѣлъ на свое паденіе съ гордостію великой души, пораженной незаслуженнымъ несчастіемъ,—обыкновенною наградою справедливаго. „Я любилъ правду,—говорилъ онъ, умирая,—ненавидѣлъ неправду, и потому умираю въ изгнаніи“.

П. Ланфре.

Hist. polit. des papes. 1860. Стр. 103—134.

Ланфре (Pierre Lanfrey, род. въ Шамбери, 1828 г.) получилъ воспитаніе у іезуитовъ на родинѣ, которую онъ долженъ былъ оставить, преслѣдуемый своими наставниками, и кончилъ свое образованіе въ Парижѣ, въ Ecole de droit. Въ 1857 г., онъ сдѣлалъ свое имя извѣстнымъ первымъ трудомъ: L'eglise et les philosophes au XVIII siècle, отличающееся большою независимостью мнѣнія Не менѣе замѣчательна его „Политическая исторія папъ“, написанная имъ съ цѣлью объяснить исторически современный намъ вопросъ о свѣтской власти римскихъ папъ, который „продолжаетъ разрѣшаться людьми партій и дилеттантами“.

57. — Изъ переписки Гейнриха IV и Григорія VII. 1076 — 1081.

I. Посланіе Гейнриха IV къ римской церкви.

(Отъ 24 янв. 1076 г.).

Въ 1075 г., усмиренные Гейнрихомъ IV саксонскіе князья и епископы жаловались Григорію VII на короля, и въ тоже время король отправилъ папѣ жалобу на нихъ. Григорій VII отвѣчалъ Гейнриху требованіемъ обсудить дѣло на соборѣ, а въ противномъ случаѣ угрожалъ проклятіемъ. Вслѣдствіе того Гейнрихъ IV созвалъ въ январѣ 1076 г. сеймъ въ Вормсѣ, объявилъ папу низложеннымъ и отправилъ римскому духовенству посланіе, приложивъ къ тому оффиціальное письмо отъ себя къ Григорію VII Гильдебранду.

Гейнрихъ, божіею милостію король, изъявляетъ духовенству и мірянамъ всей священной римской церкви свою благосклонность и свой привѣтъ, и желаетъ имъ всякаго добра!

„Вѣрность тогда только считается твердою и непоколебимою, когда она сохраняется и въ присутствіи и въ отсутствіи лица, которому ею обязаны, и не ослабляется ни отдаленностію, ни продолжительностію его отсутствія. Мы знаемъ, что вы всегда и питали къ намъ именно такую вѣрность, и благодаримъ васъ за то; но просимъ также, чтобы вы и на будущее время неуклонно пребывали въ ней, и какъ то было до сихъ поръ, нашихъ друзей считали своими друзьями, и нашихъ непріятелей своими врагами. Къ послѣднимъ мы причисляемъ монаха Гильдебранда, и призываемъ васъ подняться противъ него; потому что мы узнали въ немъ хищника и гонителя церкви, коварнаго врага римской имперіи и нашей короны, какъ то ясно можно усмотрѣть, изъ слѣдующаго письма, отправленнаго нами къ Гильдебранду:

„Гейнрихъ, божіею милостію король, къ Гильдебранду. До сего времени я надѣялся найти въ тебѣ истиннаго отца, и слѣдовалъ твоимъ наставленіямъ всегда, не взирая на живое неудовольствіе вѣрныхъ моихъ совѣтниковъ; но за все это я получилъ отъ тебя такое возмездіе, какое можно только ожидать отъ ожесточеннаго врага моей жизни и моего государства. Сначала ты съ безумною дерзостію похитилъ у меня всю честь, которая всегда мнѣ подобала отъ апостольскаго престола; а потомъ пошелъ еще дальше, и низкими ухищреніями пытался отнять у меня обладаніе Италіею. Но недовольный и этимъ, ты не побоялся простереть руку свою на достопочтенныхъ епископовъ, которые связаны съ нами, какъ драгоцѣннѣйшіе члены нашего тѣла; ты преслѣдовалъ ихъ, какъ говорятъ они сами, высокомѣрнѣйшими притязаніями и жесточайшими обидами, вопреки божественному и человѣческому праву. И такъ какъ я переносилъ все это съ кротостію, ты принялъ кротость мою за слабость, и дерзнулъ возстать противъ самого главы: я разумѣю послѣднее посольство, хорошо тебѣ извѣстное. Говоря собственными твоими словами, ты

рѣшился или умереть, или лишить меня жизни и власти. Размышляя объ этой неслыханной дерзости, я увидѣлъ, что ее слѣдуетъ отразить не словами, но дѣломъ, и вслѣдствіе того созвалъ всеобщій сеймъ (въ Вормсѣ) князей по ихъ просьбѣ. Все, что до сихъ поръ изъ страха и уваженія покрывалось молчаніемъ, было тогда выставлено на видъ; сами князья своимъ приговоромъ, который ты узнаешь изъ ихъ собственныхъ писемъ, громогласно объявили, что ты никакимъ образомъ не можешь долѣе оставаться на апостольскомъ престолѣ. Съ этимъ рѣшеніемъ я соглашаюсь вполнѣ; потому что оно справедливо и достохвально предъ Богомъ и людьми. На основаніи того, я лишаю тебя всѣхъ папскихъ правъ, которыми ты до сихъ поръ несправедливо пользовался, и повелѣваю тебѣ оставить престолъ города, котораго патриціемъ я сдѣлался (съ 1061 г.), по милости божіей и по клятвенному согласію на то римлянъ".

„Таково содержаніе нашего письма къ монаху Гильдебранду. Мы сообщаемъ вамъ это письмо для того, чтобы наша воля встрѣтила ваше сочувствіе, а ваша любовь удовлетворила насъ, или лучше— Бога и насъ. И такъ, любезные мои вѣрные, возстаньте противъ Гильдебранда, и кто изъ васъ первый по вѣрности, тотъ пусть первымъ и броситъ его! Но мы не заставляемъ васъ пролить его кровь; ибо по низложеніи жизнь будетъ для него мучительнѣе смерти. Мы требуемъ только, чтобы вы принудили Гильдебранда оставить престолъ, если онъ самъ добровольно не сдѣлаетъ того, и приняли вмѣсто него другого, кого мы изберемъ по общему совѣту всѣхъ епископовъ и по соглашенію съ вами, чтобы онъ своею доброю волею и усиліями исцѣлилъ раны, нанесенныя церкви рукою Гильдебранда".

II. Посланіе Гейнриха IV къ Гильдебранду.

(Въ 1076 г.).

Это письмо было отправлено въ тоже время и оттуда же, какъ и предъидущее, но, помимо римскаго духовенства, прямо въ руки Григорія VII.

„**Гейнрихъ,** не насиліями, но премудрымъ соизволеніемъ божіимъ король—Гильдебранду, больше не папѣ, но лжемонаху!

„Ты заслужилъ, къ своему стыду, такое привѣтствіе, потому что не щадилъ никакого состоянія въ церкви, но каждое позорилъ, вмѣсто того, чтобы прославлять,—проклиналъ, вмѣсто того, чтобы благословлять. А чтобы изъ многаго выбрать немногое и особенно важное, укажу на то, что ты не только безбожно коснулся правъ помазанниковъ божіихъ, настоятелей св. церкви, архіепископовъ, епископовъ и священниковъ, но ты попиралъ ихъ самихъ ногами, какъ рабовъ, не вѣдущихъ воли господина. Попирая ихъ, ты хотѣлъ заслужить похвалу народа. Ты возмечталъ, что они ничего не знаютъ, и что одинъ ты знаешь все. Но это знаніе ты прилагалъ не къ созиданію, но къ разрушенію. По-истинѣ, мы имѣемъ право относить къ тебѣ пророческія слова св. Григорія, имя котораго ты себѣ присвоилъ: „Обширность власти обыкновенно ведетъ главу къ высокомѣрію; и если онъ видитъ, что онъ сильнѣе всѣхъ, то начинаетъ

думать, что онъ и умнѣе всѣхъ". Но мы все сносили терпѣливо; ибо мы хотѣли поддержать честь апостольскаго престола. Ты же наше смиреніе принялъ за трусость, и дерзнулъ возстать противъ королевской власти, которая намъ дарована отъ Бога; ты осмѣлился угрожать мнѣ лишеніемъ этой власти, какъ будто мы получили ее отъ тебя, какъ будто королевская и императорская корона въ твоей рукѣ, а не въ господней. Нѣтъ! наша власть въ руцѣ Господа Іисуса Христа, который призвалъ насъ къ управленію, а тебя не призывалъ къ священству. Я знаю, какими средствами ты возвышался: хитростію ты пріобрѣлъ деньги, столь противныя монашескимъ обѣтамъ, деньгами—любовь толпы, и помощію толпы—средства къ насилію. Силою оружія ты возсѣлъ на престолѣ мира, и отогналъ отъ него всякій миръ; возбуждалъ подчиненныхъ противъ старшихъ и, будучи самъ непризваннымъ, поучалъ презирать призванныхъ отъ Бога епископовъ, отрѣшалъ священниковъ отъ ихъ должностей и отдавалъ ихъ въ руки мірянъ, съ тѣмъ, чтобы они судили и отрѣшали тѣхъ людей, которые, властью Господа, чрезъ рукоположеніе епископовъ, были поставлены для ихъ же назиданія. Наконецъ, ты коснулся меня, хотя и недостойно, можетъ быть, помазаннаго и вѣнчаннаго на царство самимъ Богомъ. Ты забылъ преданіе святыхъ отцовъ, что цари могутъ быть судимы только Богомъ, и не могутъ быть низлагаемы ни за какія преступленія, если бы даже отступили отъ правой вѣры—и чего насъ Боже избави. Св. отцы не присвояли себѣ права судить и низлагать даже Юліана отступника: они предоставили его суду божію. Самъ истинный папа, святой Петръ восклицаетъ: *Бога бойтеся, царя чтите.* Ты не боишься Бога, и потому безчестишь меня, Его помазанника. Святой Павелъ, не хотѣвшій пощадить даже ангела, если бъ онъ сталъ проповѣдывать иное, нежели онъ, не исключилъ тебя, если ты будешь проповѣдывать иначе. Онъ говоритъ: „Хотя бы и мы, или ангелъ съ неба, сталъ благовѣствовать вамъ не то, что мы вамъ благовѣствовали, да будетъ анаѳема"! И такъ, осужденный этимъ проклятіемъ, равно какъ нашимъ приговоромъ и осужденіемъ всѣхъ епископовъ, сойди, оставь несправедливо присвоенный престолъ св. Петра! Да вступитъ на апостолическій тронъ другой, который не будетъ скрывать насилія подъ маскою благочестія, но преподастъ чистое ученіе Петра. Я, Гейнрихъ, божіею милостію король, со всѣми моими епископами приказываю тебѣ: „Сойди, сойди"!

Вслѣдствіе этого письма, Гейнрихъ былъ объявленъ на Латеранскомъ соборѣ (22 февр. 1076 г.) самъ свергнутымъ съ престола и отлученнымъ отъ церкви. Въ то же время Гильдебрандъ отправилъ посланіе епископамъ Германіи слѣдующаго содержанія:

III. Посланіе Гильдебранда къ епископамъ Германіи.

(Отъ 22 февр. 1076 г.).

Григорій, рабъ рабовъ божіихъ, посылаетъ всѣмъ тѣмъ, которые причисляютъ себя къ овцамъ, врученнымъ Петру Іисусомъ Христомъ, свой привѣтъ и апостольское благословеніе!

„Узнайте, любезные братія, новую и неслыханную до сихъ поръ дерзость; послушайте гласа о безумномъ посягательствѣ и наглости еретиковъ, которые поносятъ имя Господа въ имени Петра; увѣдайте гордыню, которая поднимаетъ голову свою для нанесенія позора и оскорбленія св. апостольскому престолу; узнайте то, чего не слыхали и не видали ваши отцы, чего не терпѣла, какъ извѣстно, церковь ни отъ язычниковъ, ни отъ еретиковъ. Но еслибъ когда нибудь отъ основанія церкви и распространенія вѣры христіанской и случился примѣръ подобной дерзости, то всѣ вѣрные должны опечалиться и воздыхать о такомъ пренебреженіи и оскорбленіи апостольскаго, и тѣмъ больше божественнаго, авторитета. И такъ, если вѣруете, что св. Петру вручены отъ Господа Іисуса Христа ключи царства небеснаго, и если вы питаете желаніе, при пособіи св. апостола, найти доступъ къ радостямъ жизни вѣчной, то понятно, какую глубокую скорбь вы должны чувствовать по поводу оскорбленія, нанесеннаго князю апостоловъ. Если вы здѣсь на землѣ, гдѣ среди опасностей и соблазновъ испытывается ваша вѣра и ваши сердца, не будете участвовать въ страданіяхъ апостольскихъ, то, безъ сомнѣнія, также не будете достойны участвовать и въ будущемъ утѣшеніи, не получите небеснаго вѣнца и владычества, которые уготованы сынамъ вѣчнаго царства. Посему мы просимъ васъ, любезные братія, взывать непрестанно къ божественному милосердію, да обратятся сердца нечестивыхъ къ покаянію, или да обратятся въ ничто ихъ дерзостные замыслы; пусть вѣдомо будетъ всему свѣту, какъ глупы и безразсудны тѣ, которые хотятъ ниспровергнуть зданіе, основанное на Христѣ, и попереть права, дарованныя Богомъ!

„Святый Петръ, князь апостоловъ! молю тебя, преклони ухо твое, и услышь меня, раба твоего, котораго ты охранялъ съ дѣтства, и даже до сего дня спасалъ отъ руки нечестивыхъ, ненавидѣвшихъ и ненавидящихъ меня, тебя ради! Ты мнѣ свидѣтель, и владычица моя матерь Божія, святой Павелъ, твой братъ, и всѣ святые, что священная римская церковь призвала меня для управленія вопреки моему желанію, и что я не силою вступилъ на каѳедру св. Петра, и лучше желалъ бы странникомъ скитаться на чужбинѣ, нежели пещись о мірской славѣ и мірскими недостойными средствами присвоять себѣ римскій престолъ. Потому я вѣрую, что не ради моихъ заслугъ, но по твоей милости, св. Петръ, по твоему устроенію и желанію, я обладалъ и обладаю христіанскою церковію, которая поручена твоему особенному попеченію; я вѣрую, что по твоей милости мнѣ дарована отъ Бога власть вязать и рѣшить на небеси и на землѣ. И такъ, основываясь на этой вѣрѣ, для славы и защиты твоей церкви, во имя всемогущаго Бога Отца, Сына и св. Духа, по силѣ твоей власти, отказываю я королю Гейнриху, сыну императора Гейнриха, возставшему съ неслыханною гордостію на твою церковь, отказываю въ господствѣ надъ соединеннымъ государствомъ Германіи и Италіи, и разрѣшаю всѣхъ христіанъ отъ присяги, которую они давали или будутъ давать Гейнриху, и запрещаю каждому служить ему, какъ королю. Ибо справедливость требуетъ, чтобы тотъ, кто безчеститъ церковь твою, самъ лишился твоей церкви, которою онъ, повидимому, поль-

зуется. А такъ какъ Гейнрихъ не хочетъ повиноваться, и не возвращается къ Богу, котораго онъ оставилъ, но пребываетъ въ общеніи съ отлученными, творитъ многія преступленія, и презираетъ мои увѣщанія, которыя я дѣлалъ ему для его исцѣленія; такъ какъ онъ самъ удаляется отъ твоей церкви, поселяя въ ней расколъ; то я связываю его, отъ твоего имени, проклятіемъ, и связываю для того, дабы всѣ народы знали и вѣдали, что ты—Петръ, и что на семъ камнѣ Сынъ Бога живого основалъ свою церковь, и врата адовы не одолѣютъ ее".

IV. Письмо Гильдебранда ко всѣмъ сословіямъ Германіи.

(Въ мартѣ 1076 г.).

Григорій, рабъ рабовъ божіихъ, всѣмъ епископамъ, герцогамъ и графамъ и всѣмъ другимъ вѣрующимъ германскаго государства, которые ратуютъ за вѣру Христову, посылаетъ свой привѣтъ и апостолькое благословеніе.

„Мы слышали, что нѣкоторые изъ васъ сомнѣваются относительно отлученія, изреченнаго нами на короля, и желали бы знать, справедливо ли поступили мы, и былъ ли нашъ приговоръ, сообразный съ закономъ, зрѣло обдуманъ. Посему мы взяли на себя трудъ открыть и объяснить во всеобщее свѣденіе, какія обстоятельства расположили насъ къ осужденію Гейнриха, и какъ мы остались при этомъ вполнѣ вѣрными правдѣ. Мы сдѣлали это, впрочемъ, не для того, чтобы протрубить въ народѣ о преступленіяхъ короля, которыя, къ сожалѣнію, слишкомъ хорошо извѣстны; но чтобы успокоить тѣхъ, которые думаютъ, что мы необдуманно обратились къ духовному мечу, и дѣйствовали больше по страсти, нежели изъ страха господня и ревности къ правдѣ. Когда мы носили еще санъ діакона, до насъ доносился уже дурной и нелестный слухъ о дѣяніяхъ короля; и тогда же мы, ради его королевскаго достоинства, равно какъ и изъ благоговѣнія къ его родителямъ, а также въ надеждѣ на его исправленіе часто увѣщевали его чрезъ письма и посланниковъ, чтобы онъ оставилъ порочную жизнь, и, не упуская изъ виду своего высокаго происхожденія и собственнаго достоинства, обратился къ такому образу жизни, который приличенъ королю и, можетъ быть, будущему императору. Мы недостойные заняли послѣ того престолъ св. Петра, а король, между тѣмъ, зрѣлъ лѣтами и преступленіями; тогда мы поняли, что при той власти и правѣ, которыя намъ дарованы, всемогущій Богъ потребовалъ бы отъ насъ еще болѣе строгаго отчета за поступки короля; а потому мы тѣмъ съ большею ревностію увѣщевали его къ исправленію всячески, упреками, просьбами, обличеніями. И король часто посылалъ намъ свой смиренный привѣтъ, писалъ намъ посланія, въ которыхъ оправдывался слабостію и увлеченіями юности, и также коварствомъ своихъ совѣтниковъ, управлявшихъ дворомъ, и обѣщалъ со дня на день слѣдовать на будущее время нашимъ увѣщаніямъ, а на дѣлѣ презиралъ ихъ, учащая свои

преступленія. Между тѣмъ, мы призывали нѣкоторыхъ изъ его приближенныхъ людей, по совѣту и побужденію которыхъ онъ позорилъ епископства и многіе монастыри продажею, симоніей, поставленіемъ волковъ вмѣсто пастырей; мы призывали этихъ людей къ оправданію и требовали, чтобы они, пока есть время для покаянія, возвратили церковныя имѣнія, пріобрѣтенныя ихъ святотатственными руками посредствомъ безстыднаго торга, тѣмъ священнымъ мѣстамъ, которымъ они принадлежали, а сами оплакали такую свою дерзость слезами покаянія. Когда же мы увидѣли, что они пренебрегли даннымъ имъ срокомъ, и упорно пребывали въ своемъ обычномъ безстыдствѣ, тогда мы отлучили ихъ отъ тѣла церкви, какъ святотатцевъ, слугъ и членовъ діавола, и вмѣстѣ просили короля, чтобы онъ ихъ, какъ отлученныхъ, изгналъ изъ своего дома, своего совѣта, и прекратилъ съ ними всякое общеніе. Но такъ какъ король стѣсненъ былъ тогда саксонскимъ дѣломъ, и замѣчалъ большое нерасположеніе къ себѣ въ государствѣ, то опять послалъ къ намъ жалобное и смиреннѣйшее письмо, въ которомъ каялся, что онъ тяжко согрѣшилъ противъ всемогущаго Бога и св. Петра, и присовокуплялъ свою просьбу, чтобы мы постарались своею апостольскою заботою и своимъ апостольскимъ авторитетомъ поправить то, что̀ по его винѣ произошло въ церкви противнаго каноническому праву и постановленіямъ св. отцовъ; наконецъ, онъ обѣщалъ намъ во всемъ послушаніе, повиновеніе, и готовность къ содѣйствію. То-же потомъ подтвердилъ онъ нашимъ братіямъ и посламъ, Гумберту, епископу Пренесты, и Геральду, епископу Остіи, когда они принимали отъ него покаяніе: Гейнрихъ повторилъ свои обѣщанія подъ священными сто̀лами епископовъ. Спустя же нѣкоторое время, когда король одержалъ побѣду надъ саксонцами, онъ отблагодарилъ Бога за побѣду тѣмъ, что снова нарушилъ данный имъ обѣтъ исправленія: вопреки своимъ обѣщаніямъ, онъ принялъ опять отлученныхъ въ свое общеніе и свой кругъ, и производилъ тѣ же безпорядки въ церкви. Тогда объятые тяжкою скорбію, ибо исчезла почти всякая надежда на исправленіе короля, презрѣвшаго благодать царя небеснаго, мы тѣмъ не менѣе рѣшили еще разъ испытать его чувство, потому что мы лучше хотѣли, чтобъ онъ испыталъ апостольскую кротость, нежели строгость наказанія. Тогда мы послали ему письмо, въ которомъ увѣщевали его, чтобы онъ подумалъ о своихъ обѣщаніяхъ, чтобы онъ не воображалъ обмануть Бога. Мы писали ему, что гнѣвъ божій тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ долговременнѣе его терпѣніе; мы объясняли ему, что нельзя лишить чести Бога, который самъ даруетъ честь, что безсильны всѣ попытки къ презрѣнію Бога и поношенію его апостола, потому что Богъ гордымъ противится и смиреннымъ даетъ благодать. Кромѣ того, мы послали къ королю трехъ благочестивыхъ и совершенно преданныхъ ему мужей, чрезъ которыхъ мы тайно увѣщевали его принести покаяніе въ своихъ преступленіяхъ, которыя страшно вымолвить, но которыя, къ сожалѣнію, слишкомъ извѣстны и слишкомъ далеко извѣстны, а потому не могутъ быть наказаны однимъ отлученіемъ, но также и лишеніемъ всей королевской чести безъ всякой надежды на возстановленіе ея по божественному или человѣческому праву. Наконецъ, мы

объявили ему, что если онъ не удалитъ отлученныхъ отъ своего общенія, то мы не иначе можемъ поступить, какъ отлучить его самого, и тогда онъ, какъ отлученный, пусть остается въ общеніи съ отлученными, которые для него пріятнѣе Христа. Конечно, еслибъ онъ послѣдовалъ нашимъ увѣщаніямъ, и перемѣнилъ образъ жизни, даже если бъ онъ сдѣлалъ это теперь, то, призываемъ Бога во свидѣтели, мы сердечно обрадовались бы его исцѣленію и его славѣ, и въ совершенною любовію приняли бы его въ нѣдро св. церкви; потому что онъ, будучи поставленъ главою народа и уполномоченъ на управленіе величайшимъ государствомъ, долженъ быть защитникомъ мира и правды для всего христіанскаго міра. Но какъ мало давалъ Гейнрихъ значенія нашимъ посланіямъ и посольствамъ, это показываютъ его дѣла. Негодуя на всякое обличеніе и наставленіе, онъ не только презрѣлъ голосъ, обличавшій его въ порокахъ и призывавшій къ покаянію, но еще болѣе ожесточился во злѣ: онъ не успокоился до тѣхъ поръ, покуда не поколебалъ въ христовой вѣрѣ всѣхъ епископовъ Италіи и многихъ въ Германіи, принудивъ ихъ отказать въ повиновеніи и св. Петру, и апостольскому престолу, которому они подчинены и поручены самимъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ.

„Когда такимъ образомъ мы увидѣли, что злоба Гейнриха достигла высшей степени, мы положили: во-первыхъ, за то, что онъ не хотѣлъ прекратить общенія съ людьми, отлученными отъ церкви за святотатство и симонію; дальше за то, что онъ, нѣсколько разъ обѣщавъ исправить свой образъ жизни и поклявшись въ томъ передъ нашими послами, постоянно нарушаетъ свои клятвы; наконецъ, за то, что онъ посягнулъ на единство церкви, которая есть тѣло христово;—за всѣ эти преступленія положили мы предать его анаѳемѣ по духовному суду. Мы рѣшились на то, чтобы, напрасно потративъ кротость, обратить его съ помощію божіею на путь истинный мѣрами строгости, и чтобы, по крайней мѣрѣ, быть свободными отъ упрека въ нерадѣніи и трусости, если, чего не дай Богъ, Гейнрихъ не смягчится даже и суровымъ наказаніемъ.

„Если же кто нибудь думаетъ, что этотъ приговоръ противенъ правдѣ и разуму, то, какъ неспособный понимать священныхъ изреченій церкви, пусть онъ вступитъ съ нами въ преніе, и терпѣливо послушаетъ, какъ говоритъ и чему учитъ св. писаніе, и что утверждаетъ общее согласіе св. отцовъ, и тогда такой успокоится. Мы не думаемъ, впрочемъ, чтобы кто нибудь изъ вѣрующихъ, зная церковныя правила, могъ до такой степени заблуждаться. Мы увѣрены, что всякій, если не дерзнетъ открыто исповѣдать, то, по крайней мѣрѣ, сознаетъ въ сердцѣ своемъ, что приговоръ нашъ надъ Гейнрихомъ сообразенъ съ справедливостію. Если бы даже, чего Боже упаси, мы и произнесли свой приговоръ неосновательно, безъ достаточныхъ причинъ, то и въ такомъ случаѣ, по правиламъ св. отцовъ, онъ долженъ сохранить все свое значеніе, и можетъ быть отмѣненъ только послѣ смиреннаго прошенія о разрѣшеніи. Но вы, возлюбленные, вы, не измѣнявшіе правдѣ божіей ради милости королевской, не оставлявшіе Бога—ради земного счастія, мужайтесь, и

утѣшайтесь сердцемъ, зная, что вы защищаете дѣло Того, кто есть непобѣдимый царь и всесильный побѣдитель, который будетъ судить живыхъ и мертвыхъ, и воздастъ каждому по дѣламъ его. Отъ него вы получите сугубую награду, если до конца вѣрно и непоколебимо устоите въ истинѣ. Потому мы просимъ непрестанно Господа, дабы онъ укрѣпилъ силы ваши духомъ своимъ, и дабы онъ преклонилъ сердце короля къ покаянію, чтобы онъ позналъ, наконецъ, что мы и вы по истинѣ любимъ его искреннѣе тѣхъ, которые теперь слѣдуютъ его неправдамъ, и утверждаютъ его въ беззаконіи. Если же Гейнрихъ, возбужденный Духомъ божіимъ, захочетъ обратиться на путь истины, тогда, забывъ всѣ козни его противъ насъ, мы съ полною готовностью примемъ его въ общеніе святыхъ, какъ то посовѣтуетъ намъ и ваша любовь".

Результатомъ этого посланія Гильдебранда ко всѣмъ сословіямъ Германіи было то, что большинство князей и епископовъ отложились отъ Гейнриха IV и въ октябрѣ того же года, на сеймѣ въ Трибурѣ, низложили его, пригласивъ папу къ веснѣ будущаго года въ Аугсбургъ для устройства дѣлъ. Вслѣдствіе того, Гейнрихъ рѣшился предупредить князей, и зимою съ 1076 на 77 годъ отправился въ Италію и примирился съ папою въ Каноссѣ (см. ниже, у Ламберта, въ ст. 60). Но по возвращеніи его въ Германію, враги Гильдебранда и друзья короля возобновили прежнюю борьбу: князья противопоставили Гейнриху IV антикороля Рудольфа Швабскаго и снова обратились къ Григорію VII. Вслѣдствіе того, въ 1081 году, Гильдебрандъ писалъ новое посланіе къ Германну, которое было циркулярно разослано и прочимъ епископамъ Германіи.

V. Посланіе Гильдебранда къ Герману, епископу Метца.

(Отъ 15 марта 1081 г.).

Григорій, рабъ рабовъ божіихъ, возлюбленному во Христѣ брату, епископу Метца, посылаетъ свои привѣтъ и апостольское благословеніе!

Если ты, какъ мы слышали, выразилъ готовность испытать труды и опасности на защиту истины, то это безъ сомнѣнія есть знакъ господней благодати, неизреченная сила которой и чудодѣйственность обнаружилась именно въ томъ, что она не допустила избранныхъ своихъ погрязнуть до конца въ заблужденіи, вполнѣ поколебаться и совершенно пасть; если эта благодать и соизволила подвергнуть васъ цѣлительному искушенію, за то, послѣ минуты малодушія, она укрѣпила васъ больше прежняго [1]). Потому и мы рѣшились поддержать твою любовь голосомъ увѣщанія, чтобы ты тѣмъ съ большею радостію спѣшилъ въ передовые ряды воинствъ церкви христовой, чѣмъ непоколебимѣе твое убѣжденіе въ томъ, что она всего ближе и драгоцѣннѣе всемогущему Богу; среди трусовъ,

---

[1]) Говоря такъ, Григорій намекаетъ на то, что этотъ епископъ, въ прежнее время, былъ противъ него и принялъ участіе въ его низложеніи.

одинъ, оглушенный страхомъ, бѣжитъ, и за нимъ другъ передъ другомъ бѣгутъ остальные, а между храбрыми, отвага одного возбуждаетъ пламенное соревнованіе и прочихъ.

Если же желаешь, чтобы мы снабдили и подкрѣпили тебя письменнымъ оружіемъ противъ презрѣннаго пустословія тѣхъ мечтателей, которые объявляютъ. что апостольскій престолъ не имѣетъ права ни отлучить короля Гейнриха, гонителя христіанской вѣры, опустошителя церквей и государства, виновника и участника ересей, ни разрѣшить кого бы то ни было отъ данной Гейнриху присяги; то намъ, признаюсь, не представляется это даже необходимымъ, потому что мы находимъ на то многія и несомнѣнныя доказательства въ св. писаніи. Мы думаемъ даже, что люди, безстыдно сопротивляющіеся истинѣ и свидѣтельствующіе противъ нея, поступаютъ такимъ образомъ не по невѣденію, но изъ жалкаго отчаянія, какъ-бы желая преисполнить мѣру своего развращенія. И это нисколько неудивительно: такъ поступаютъ всѣ распутные, желая для защиты своего ничтожества опереться на людей одинаковаго съ ними характера; и для нихъ уже ничего не стоитъ навлечь на себя новое осужденіе, осужденіе за ложь. Но, не говоря о многихъ другихъ свидѣтельствахъ, спрашиваемъ, кто не знаетъ слѣдующихъ словъ Господа нашего и Спасителя Іисуса Христа, которыя читаются въ евангеліи: „Ты—Петръ, и на этомъ камнѣ я созижду мою церковь, и врата адовы не одолѣютъ ее. И дамъ тебѣ ключи царства небеснаго; все, что свяжешь ты на землѣ, будетъ связано и на небѣ; и все, что разрѣшишь на землѣ, будетъ разрѣшено и на небѣ“. Развѣ отсюда исключены короли? развѣ и короли не принадлежатъ къ тѣмъ овцамъ, которыхъ Господь поручилъ Петру? Кто можетъ думать, что Гейнрихъ исключенъ изъ круга людей подчиненныхъ св. Петру и его власти вязать и рѣшить, если только онъ не тотъ нечестивецъ, который свергнулъ съ себя иго Христово, чтобы подвергнуться рабству діавола, и который не хочетъ принадлежать къ стаду Христову? И при всемъ томъ нѣтъ никакой пользы для него не подчиняться власти, дарованной Петру отъ Бога; потому что чѣмъ дольше онъ противится этой власти, тѣмъ болѣе осужденіе падаетъ на него въ день суда.

Это божественное установленіе, это твердое основаніе церковнаго чина, это преимущество, дарованное князю апостоловъ, святому Петру, отцы церкви съ полнымъ благоговѣніемъ принимали и свято его хранили; на вселенскихъ соборахъ, и во всѣхъ своихъ посланіяхъ и разсужденіяхъ они называли св. римскую церковь общею матерію всѣхъ церквей; далѣе—такъ какъ они принимали наставленія римской церкви для утвержденія вѣры и поученія въ св. писаніи, то чтили также и ея судейскіе приговоры, единодушно и какъ бы едиными устами и единымъ сердцемъ исповѣдуя, что всѣ важнѣйшія событія и значительнѣйшія дѣла, равно какъ и опредѣленія каждой церкви въ отдѣльности, должны быть повергаемы на разсмотрѣніе матери и главы всѣхъ церквей; однимъ словомъ, никто не могъ и не смѣлъ считать себя свободнымъ отъ юрисдикціи римской церкви; никто не дерзалъ ослушаться ея распоряженій, или уничтожить ихъ. Посему св. папа Геласій въ своемъ посланіи къ императору Анастасію (493 г.)

наставляетъ его, на основанiи слова божiя, какъ онъ долженъ разсуждать о преимуществѣ святого и апостольскаго престола. „Если", пишетъ св. епископъ, „вѣрные обязаны преклоняться предъ всякимъ безъ исключенiя пастыремъ, правоправящимъ божественную должность; то не должны ли они тѣмъ болѣе подчиняться епископу, котораго Господь поставилъ превыше всѣхъ пастырей, и котораго всегда почитала вселенская церковь? Отсюда ясно для твоего разсудка, что никогда и никто не можетъ никакимъ образомъ сравняться въ правахъ и преимуществахъ съ тѣмъ, котораго слово Христово поставило надъ всѣми, котораго превосходство всегда исповѣдывала и донынѣ смиренно признаетъ св. церковь". Также и папа Юлiй (337—352) говоритъ въ своемъ посланiи къ восточнымъ епископамъ о власти св. апостольскаго престола слѣдующее: „Было бы достойно васъ, любезные братiя, говорить уважительно о св. апостольской церкви римской, а не насмѣшливо; потому что такъ выразился о ней и самъ Христосъ, говоря: „Ты—Петръ, и на семъ камнѣ я созижду церковь, и врата адовы не одолѣютъ ее, и дамъ тебѣ ключи царства небеснаго". И такъ, по особенному полномочiю, церковь римская можетъ, когда пожелаетъ, отверзать и замыкать двери царства небеснаго". Кому же дана власть отверзать и замыкать небо, развѣ тотъ не можетъ судить и на землѣ? Безъ сомнѣнiя! Или вы забыли, что говоритъ св. апостолъ Павелъ: „Развѣ не знаете, что мы ангеловъ судить будемъ, а тѣмъ болѣе дѣла житейскiя" (I Коринѳ. 6. 3).

Подобно тому и св. папа Григорiй († 604) постановилъ, что короли должны лишаться своего достоинства, если они дерзаютъ оскорблять рѣшенiя апостольскаго престола. Онъ именно пишетъ такъ Сенатору: „Если какой нибудь король, священникъ, судiя или свѣтскiй сановникъ, зная это наше постановленiе, дерзнетъ поступить противно ему, то да лишится онъ своей должности и своего сана, и да познаетъ, что онъ подлежитъ суду божiю за содѣланное имъ преступленiе; и если онъ не дастъ никакого удовлетворенiя, и не оплачетъ своего грѣха въ покаянiи, то да не имѣетъ онъ никакой части въ всесвятомъ тѣлѣ и крови Господа и Спаса нашего Iисуса Христа, и наконецъ да поразитъ его духовный судъ достойнымъ наказанiемъ". И такъ, если блаженный Григорiй, самый кроткiй изъ учителей церкви, осуждаетъ королей, оскорбляющихъ его постановленiя, не только на низложенiе, но и на отлученiе и осужденiе на послѣднемъ судѣ, то кто дерзнетъ упрекнуть насъ, что мы низложили и отлучили Гейнриха, не только оскорбившаго апостольскiя постановленiя, но поправшаго матерь-церковь своими ногами, какъ безбожнѣйшiй хищникъ и постыднѣйшiй опустошитель государства и церкви; кто, говорю, дерзнетъ осудить насъ за это, кромѣ подобнаго ему? Послушаемъ, что говоритъ св. Петръ въ посланiи о поставленiи Климента: „Кто будетъ въ дружбѣ съ тѣми, съ кѣмъ не имѣетъ общенiя Климентъ, тотъ враждуетъ противъ церкви христовой и, сохраняя видимое общенiе съ нами, въ душѣ расположенъ противъ насъ; и этотъ скрытный врагъ опаснѣе для насъ, нежели открытые противники. Ибо подъ видомъ дружбы онъ дѣйствуетъ, какъ врагъ,—разстроиваетъ и разрушаетъ церковь". И такъ, мой

возлюбленный, внимай! Если св. Петръ тяжкимъ осужденіемъ поражаетъ тѣхъ, которые состоятъ въ дружбѣ или сношеніяхъ съ людьми, заслужившими гнѣвъ св. отца своими поступками, то не достоинъ ли тѣмъ болѣе осужденія тотъ, кто отвратилъ отъ себя папу своими дѣйствіями?

Но возвращаюсь къ самому дѣлу. Можетъ ли достоинство, изобрѣтенное свѣтскими людьми, не вѣдущими Бога, можетъ ли это достоинство не подчиняться другому достоинству, установленному по волѣ всемогущаго Бога для славы божіей, и данному міру по божественному милосердію? Мы вѣруемъ, что Спаситель нашъ есть Богъ и человѣкъ, и въ тоже время высочайшій первосвященникъ и глава всѣхъ священниковъ, сидящій одесную Бога Отца и предстательствующій за насъ. Мы знаемъ также, что Онъ презрѣлъ царство міра сего, потому что сыны сего вѣка надменны, и избралъ крестное первосвятительство. Кто не знаетъ, что короли и князья ведутъ свое начало и происхожденіе отъ тѣхъ, которые не знали ничего о Богѣ, но гордостію, хищничествомъ, коварствомъ, убійствомъ, короче, преступленіями всякаго рода пріобрѣли власть отъ князя вѣка сего, именно —отъ діавола, чтобы съ слѣпою страстію и невыносимою неправдою господствовать надъ подобными себѣ? Если же эти короли и князья попираютъ ногами служителей Господа, то съ кѣмъ ихъ можно сравнить, какъ не съ тѣмъ, кто есть глава всѣмъ сынамъ противленія, —съ діаволомъ, искушавшимъ высочайшаго первосвятителя, главу всѣхъ епископовъ, Сына Вышняго, говоря: „Я дамъ тебѣ всѣ царства міра сего, если ты, падши, поклонишься мнѣ".

Кто можетъ сомнѣваться, что священники христовы должны быть почитаемы отцами и учителями королей, князей и всѣхъ вѣрующихъ? И такъ, не есть ли это явный знакъ печальнаго ослѣпленія, если сынъ хочетъ подчинить отца, ученикъ учителя, если онъ стремится поставить въ зависимость отъ своей власти того, который, какъ ему извѣстно, имѣетъ право вязать и рѣшить его не только на землѣ, но и на небѣ? Это ясно признавалъ, какъ то видно изъ посланія св. Григорія къ императору Маврикію, великій императоръ, государь и обладатель почти всего свѣта, Константинъ [1]), когда онъ на св. соборѣ Никейскомъ занялъ мѣсто позади всѣхъ епископовъ, не дерзнулъ вымолвить ни одного слова касательно ихъ постановленій, и даже называлъ ихъ богами, понимая вполнѣ, что они могутъ не подчиниться его рѣшенію, но что самъ онъ зависитъ отъ ихъ суда. Точно также и вышеупомянутому императору Анастасію папа Геласій писалъ слѣдующее: „Двоякаго рода, высокій императоръ, есть верховная власть, которой ввѣрено управленіе міромъ, именно: св. власть епископская и власть царская [2]), но изъ нихъ власть священническая важнѣе, потому что она, на судѣ божіемъ, должна будетъ от-

---

[1]) Въ существующемъ письмѣ св. Григорія (IV, 31) ни слова о томъ не сказано. См. вообще разборъ этого посланія, у Лорана, въ ст. 52, на стр. 738.

[2]) Страстность Григорія VII заставила его забыть нелѣпую свою прежнюю теорію о происхожденіи свѣтской власти, и онъ приводитъ, какъ бы въ опроверженіе себя, слова Геласія.

дать отчетъ и за царей міра". Далѣе, св. Геласій прибавляетъ: „Ты видишь такимъ образомъ, что ты зависишь отъ суда этой власти, но самъ отнюдь не можешь управлять ею по своей волѣ".

И такъ, сообразно такому постановленію и, слѣдуя своимъ предшественникамъ, многіе епископы отлучили отъ церкви королей и императоровъ. Если ты хочешь знать отдѣльные примѣры, то скажу тебѣ, что, такимъ образомъ, блаженный папа Иннокентій отлучилъ императора Аркадія за то, что послѣдній далъ свое согласіе на удаленіе Іоанна Златоуста съ его престола. Подобнымъ же образомъ и другой римскій епископъ низложилъ короля франковъ не за какія нибудь преступленія, а просто потому, что онъ былъ недостоинъ своего званія, и на его мѣсто поставилъ Пипина, отца великаго императора Карла, причемъ всѣ франки разрѣшены были отъ присяги, данной прежнему королю. Вообще св. церковь поступаетъ такъ часто, когда она снимаетъ присягу съ вассаловъ, и это же самое повторяется при низложеніи епископовъ, признанныхъ апостолическою церковью недостойными своего сана. И блаженный Амвросій, который хотя и былъ святымъ епископомъ, но не имѣлъ власти надъ всею церковію, однако, и онъ отлучилъ великаго императора Ѳеодосія за вину, которая не была даже слишкомъ важною въ глазахъ другихъ епископовъ. Этотъ блаженный епископъ поучаетъ также въ своихъ писаніяхъ, что не столько олово уступаетъ въ драгоцѣнности золоту, сколько царская власть святительскому сану. Въ началѣ своего пастырскаго посланія, онъ говоритъ: „Епископская честь и высота, братія, превосходитъ всякое сравненіе. Если ты поставишь рядомъ съ епископствомъ блескъ королевской власти и діадему князей, то ты найдешь царскую власть еще болѣе низкою, нежели олово по сравненію съ блескомъ золота. Ибо вы видите, что короли и князья преклоняются лицомъ къ ногамъ священниковъ, и цѣлуютъ ихъ руки, въ надеждѣ молитвами ихъ пріобрѣсть покровительство Всевышняго". И дальше: „Но вы должны знать, братія, что все это приведено нами съ тою цѣлію, чтобы показать, что въ семъ мірѣ нѣтъ ничего сильнѣе пастыря, ничего выше епископа".

Ты долженъ также помнить, любезный братъ, какая высокая власть дается заклинателю, когда онъ поставляется духовнымъ вождемъ для изгнанія злыхъ духовъ. Эта власть гораздо выше всякой власти мірской. Всѣ короли и князья земные, которые ведутъ безбожную жизнь и не обнаруживаютъ въ своихъ поступкахъ страха божія, подпадаютъ, увы! власти злыхъ духовъ, и находятся у нихъ въ рабскомъ подчиненіи. Не желая руководиться духомъ божественной любви, какимъ руководятся благочестивые священники, чтобы направлять свою власть къ славѣ божіей и спасенію людей, князья принимаютъ власть только для того, чтобы обнаружить невыносимое высокомѣріе и служить своимъ страстямъ. О нихъ говоритъ блаженный Августинъ въ первой книгѣ (г. 23) своего изложенія христіанской вѣры: „Кто стремится къ обладанію себѣ подобными, своими ближними, того должно считать невыносимымъ гордецомъ". Но заклинателямъ, какъ мы сказали, дается отъ Бога власть надъ злыми духами; и такъ не имѣютъ ли они тѣмъ болѣе власти надъ тѣми,

которые сами рабы и члены злыхъ духовъ? Если же заклинатели такъ далеко превосходятъ своею властію князей и королей, то что̀ сказать о священникахъ? Вотъ оттого-то каждый христіанскій король, приближаясь къ своему концу, слезно молитъ о помощи священника, чтобы избѣжать адской темницы, изъ тьмы достигнуть свѣта, и свободнымъ отъ грѣховныхъ узъ явиться на судъ божій. Но какой— не говорю священникъ—какой даже міранинъ когда нибудь въ смертный часъ, для спасенія души, взывалъ къ помощи земного короля? Какой король или императоръ можетъ своею властію исторгнуть христіанина изъ-подъ власти діавола, посредствомъ таинства крещенія, поставить его между чадами божіими, и укрѣпить его духовныя силы таинствомъ мvропомазанія? Кто изъ нихъ можетъ совершить своимъ словомъ важнѣйшее изъ христіанскихъ таинствъ—пресуществленіе хлѣба и вина въ тѣло и кровь Господа? Или кому изъ нихъ дана власть вязать и рѣшить на землѣ и на небѣ? Отсюда ясно видно, какія высокія преимущества заключаетъ въ себѣ власть священническая. Можетъ ли кто нибудь изъ свѣтскихъ князей сообщить благодать служителю св. церкви? А если того не можетъ, то какъ-же возможно для него низложить его за какую нибудь вину? Для низложенія духовныхъ лицъ была бы потребна власть еще бо́льшая, нежели для поставленія. Епископы могутъ посвящать епископовъ, но низлагать и они не могутъ безъ полномочія апостольскаго престола. И такъ, кто имѣетъ хотя немного здраваго смысла и хотя нѣкоторыя свѣденія, тотъ можетъ не сомнѣваться въ превосходствѣ священническаго сана надъ королевскимъ? Если же короли отвѣчаютъ за свои грѣхи передъ священниками, то кто имѣетъ больше права судить ихъ, какъ не римскій папа? Короче сказать, каждый добрый христіанинъ имѣетъ гораздо больше права на королевскій титулъ, нежели дурные князья. Потому что христіанинъ ищетъ славы божіей, и имѣетъ надъ самимъ собою твердую властъ; а тѣ ищутъ не божеской чести, а своей собственной: они враги самихъ себя и жестокіе утѣснители своихъ ближнихъ. Тотъ есть членъ тѣла христова, истиннаго царя, а они члены діавола. Тотъ владычествуетъ надъ самимъ собою, чтобы потомъ вѣчно царствовать съ царемъ царей; а они со всею своею властію пойдутъ на вѣчное мученіе вмѣстѣ съ княземъ тьмы, который есть царь надъ всѣми сынами противленія.

И такъ, нисколько не удивительно, что недостойные епископы поддерживаютъ безбожнаго короля; они любятъ и боятся его, потому что недостойнымъ образомъ получили отъ него свое достоинсто, и, посвящая за деньги всякаго, продавали за ничтожную цѣну самого Бога. Какъ избранные состоятъ въ тѣсной связи съ своимъ главою, такъ соединяются и нечестивцы, особенно противъ благочестивыхъ, съ тѣмъ, который есть глава всякаго зла. Впрочемъ, о нихъ не столько нужно говорить, сколько вздыхать и слезно молить, чтобы всемогущій Богъ исхитилъ ихъ изъ сѣтей діавольскихъ, и привелъ, наконецъ, къ познанію истины.

Вотъ, что должно сказать о короляхъ и императорахъ, которые, надмѣваясь суетнымъ тщеславіемъ, забываютъ Бога. Но такъ какъ

мы имѣемъ обязанность обращаться со словомъ увѣщанія, смотря по сану или достоинству каждаго, то мы стараемся также вооружить и королей, императоровъ и всѣхъ государей оружіемъ смиренія, дабы они укрощали имъ воздымающіяся морскія волны и стремительный потокъ высокомѣрія. Ибо мы знаемъ, что временная слава и свѣтская власть особенно располагаютъ къ высокомѣрію; такъ что обладающіе ею обыкновенно презираютъ смиренномудріе, и гонятся за собственною славою, стремясь къ власти надъ ближними. Потому-то королямъ и императорамъ особенно полезно, чтобы ихъ сердце, всегда готовое кичиться великими дѣлами и услаждаться собственною славою, знало дорогу къ смиренію, и понимало, что именно того-то и должно имъ всегда болѣе страшиться, чтó доставляетъ наслажденіе. Такимъ образомъ, они могли бы уразумѣть, какъ опасно и страшно королевское или императорское достоинство, и что очень немногіе изъ облеченныхъ этимъ достоинствомъ обрѣли спасеніе, и получили по милосердію божію благодать; но и тѣ изъ нихъ не были такъ прославлены духомъ божіимъ въ церкви, какъ весьма многіе изъ людей низкаго состоянія. Отъ начала міра и до нашихъ дней мы не найдемъ въ достовѣрныхъ писаніяхъ даже и семи императоровъ или королей, которыхъ бы жизнь была запечатлѣна такимъ благочестіемъ и такою силою чудесъ, какъ жизнь многихъ другихъ, отказавшихся отъ благъ міра сего; хотя мы охотно вѣримъ, что большая часть изъ нихъ обрѣла спасеніе у всемогущаго Бога по Его милосердію. Я не буду сравнивать ихъ съ апостолами и мучениками; но спрошу, какой императоръ или король сотворилъ такія чудеса, какъ св. Мартинъ, Антоній или Бенедиктъ? Какой императоръ или король воскрешалъ мертвыхъ, очищалъ прокаженныхъ, возвращалъ зрѣніе слѣпымъ? Взгляни на благочестиваго императора Константина, Ѳеодосія и Гонорія, Карла и Людовика, этихъ почитателей правды, споспѣшниковъ христіанской вѣры и покровителей церкви; ихъ превозноситъ и прославляетъ св. церковь, но не признаетъ за ними особенной силы чудесныхъ знаменій. Много ли королей и императоровъ, которымъ, по опредѣленію св. церкви, посвящаются храмы и алтари, въ честь которыхъ отправляется церковная служба?

Потому короли и всѣ государи тѣмъ болѣе должны опасаться огня геенны, чѣмъ больше они здѣсь, на землѣ, къ собственному наслажденію, имѣютъ преимуществъ предъ своими ближними. „Сильные сильно и истязаны будутъ", говоритъ св. писаніе [1]). Чѣмъ больше людей подчинено имъ, тѣмъ большій они должны отдать Господу отчетъ. Если же для каждаго богобоязненнаго человѣка составляетъ немаловажную задачу спасти одну свою душу, то какъ тяжела задача князей, обладающихъ тысячами душъ? И далѣе, если св. церковь требуетъ строгаго покаянія за убіеніе одного человѣка, то какъ будетъ поступлено съ тѣми, которые губятъ тысячи людей изъ честолюбивыхъ видовъ; они, правда, говорятъ: „виноваты"! но въ душѣ радуются кровопролитію, произведенному для поддержа-

---

[1]) Пр. Сол. 6, 7.

нія того, что̀ они называютъ своею честію, и не принимаютъ никакихъ мѣръ для предотвращенія подобнаго несчастія, отправляя своихъ ближнихъ съ совершеннымъ спокойствіемъ въ геенну огненную. Если же они не приносятъ чистосердечнаго покаянія, и удерживаютъ за собою то, что̀ пріобрѣтено или утверждено цѣною крови, то и самое покаяніе ихъ остается безплоднымъ въ глазахъ Всевѣдущаго. У нихъ есть много дѣйствительныхъ причинъ для страха; и потому-то имъ часто нужно приводить на память, что, какъ выше сказано, изъ безчисленнаго множества царей земныхъ только весьма немногіе достигли святости, между тѣмъ, какъ въ одномъ епископскомъ преемствѣ, именно римскомъ, около ста епископовъ отнесены къ числу величайшихъ святыхъ. Какая можетъ быть причина того, какъ не то, что короли и князья земные, по сказанному мною, услаждаются суетною славою, и свои интересы предпочитаютъ дѣламъ духовнымъ; между тѣмъ, какъ богобоязненные епископы презираютъ суетную славу, и царство божіе предпочитаютъ всему мірскому? Одни наказываютъ немедленно того, кто совершилъ что нибудь противъ нихъ, и равнодушно переносятъ преступленіе противъ Бога; другіе прощаютъ обиды, нанесенныя имъ лично, и не щадятъ никого, кто оскорбилъ Бога. Одни мало занимаются духовными дѣлами, и преданы земнымъ; другіе думаютъ только о небесномъ, и презираютъ временное. И такъ, должно увѣщевать всѣхъ христіанъ, желающихъ царствовать со Христомъ, чтобы они не добивались мірской власти, но помнили бы слова бл. Григорія, святого папы, который говоритъ въ своемъ пастырскомъ посланіи: „Въ такихъ обстоятельствахъ, къ чему должно стремиться, и чего должно избѣгать?—чтобы добродѣтельный только по принужденію брался за власть, а нечестивый, даже и по принужденію, не приближался къ ней“ [1]). Если же такимъ образомъ трепетали власти люди, избранные на престолъ апостольскій, престолъ, который, по заслугамъ блаженнаго апостола Петра, очищаетъ человѣческую природу, если эти люди страшились и вступали на престолъ только по принужденію, то съ какимъ трепетомъ должно приближаться къ престолу королевскому, гдѣ даже добрые и смиренные люди становятся хуже, какъ это видно изъ примѣра Саула и Давида? Что касается до апостольскаго престола, то сказанное нами (т.-е. принужденіе) мы извѣдали собственнымъ опытомъ; другое же подтверждается декретами блаженнаго папы Симмаха: „Св. Петръ, говоритъ онъ, вмѣстѣ съ непогрѣшимостію даровалъ въ наслѣдство своимъ преемникамъ и свои заслуги“. И нѣсколько далѣе: „Кто можетъ сомнѣваться въ томъ, что тотъ долженъ быть святымъ мужемъ, кто носитъ такой высокій санъ, когда ему вмѣняются заслуги и подвиги его предшественника, въ случаѣ недостатка собственныхъ? Св. Петръ или самъ возвышаетъ людей на такую высоту, или прославляетъ восшедшихъ“. О, если бы тѣ, которыхъ *св. церковь по зрѣломъ разсужденіи призы-*

---

[1]) I, 9. Замѣчательно то, что эти слова св. Григорій сказалъ именно о епископахъ.

ваетъ [1]) къ императорству или королевству, не для суетной славы, но для спасенія многихъ людей, были послушны церкви, и всегда остерегались, чтобы не сбылось на нихъ то, что̀ говоритъ св. Григорій въ упомянутомъ пастырскомъ посланіи: „Падшему ангелу уподобляется человѣкъ, когда онъ думаетъ, что слишкомъ важно быть подобнымъ человѣку. Такъ, смиренномудраго Саула высота власти довела до высокомѣрной гордости. Ради своего смиренія онъ былъ возвышенъ, а за гордость низвергнутъ", какъ свидѣтельствуетъ самъ Господь, говоря: „Не справедливо ли то, что когда ты былъ малъ въ своихъ глазахъ, ты былъ поставленъ во главѣ колѣнъ Израиля, и Вѣчный не помазалъ ли тебя царемъ Израиля" (I Цар. 15, 17). И нѣсколько ниже: „Чуднымъ образомъ онъ былъ великъ у Бога, покуда казался малъ самому себѣ, но какъ скоро онъ самъ почелъ себя за великаго, умалился у Господа".

Также и то нужно тщательно сохранять въ памяти, что̀ говоритъ Господь въ евангеліи: „Я не ищу своей славы", и „Кто хочетъ изъ васъ быть большимъ, да будетъ всѣмъ слуга". О, если бы цари земные предпочитали славу божію своей собственной славѣ! О, если бы они творили и сохраняли правду, защищая право каждаго! О, если бы они не ходили на совѣтъ нечестивыхъ, но всегда были послушны людямъ богобоязненнымъ, и слѣдовали бы въ сердцѣ своемъ по ихъ стопамъ? О, если бы они не пытались покорить и подчинить себѣ св. церковь, какъ рабыню! О, еслибы они всегда знали и должнымъ образомъ чтили пастырей церкви, какъ учителей и отцовъ, какъ намѣстниковъ божіихъ! Ибо если мы почитаемъ нашихъ отцовъ и матерей по плоти, то не тѣмъ ли болѣе должны почитать духовныхъ? И если тотъ, кто проклинаетъ плотскаго отца или матерь, достоинъ смерти, то чего заслуживаетъ проклинающій духовнаго отца или духовную матерь? Руководимые плотскою любовію, цари земные даже неспособны пожертвовать своимъ сыномъ для того стада, которое Христосъ пріобрѣлъ кровію своею, не смотря на то, что могли бы найти другого, лучшаго и способнѣйшаго; потому-то, любя сына больше, нежели Бога, они причиняютъ святой церкви великій вредъ. Но ясно, что тотъ не любитъ Бога и ближнихъ, какъ должно христіанину, кто не стремится по мѣрѣ силъ удовлетворять высокимъ и настоятельнымъ нуждамъ матери-церкви. А кто не имѣетъ любви, тому не принесутъ никакой пользы никакія добрыя дѣла. И такъ, о, если бы цари земные проникнуты были смиреніемъ, если бы всегда питали въ сердцѣ своемъ любовь къ Богу и ближнимъ, и наконецъ, если бы они всегда разсчитывали на милосердіе того, кто сказалъ: „Научитесь отъ меня, Я кротокъ и смиренъ сердцемъ" (Мат. 11, 23). Послѣдуя этому ученію во всемъ смиреніи, они изъ этого раболѣпнаго и скоропреходящаго царства перешли бы въ царство истинной свободы и вѣчности. Аминь!

---

[1]) Григорій VII вторично забываетъ свою прежнюю теорію о происхожденіи свѣтской власти.

Тутъ кончается посланіе къ Германну, епископу г. Метца; говоря вообще, нельзя не замѣтить, что въ этомъ посланіи Григорій VII сбросилъ съ себя совершенно маску „раба рабовъ божіихъ", которою онъ обыкновенно любилъ прикрываться, и высказалъ свои замыслы во всей ихъ наготѣ. Объявляя себя не карателемъ заблужденій Гейнриха IV, но врагомъ всего общественнаго порядка, и приписывая его изобрѣтенію нечистой силы, Гильдебрандъ, своимъ посланіемъ, произнесъ жестокій приговоръ надъ самимъ собою, и вполнѣ оправдалъ Гейнриха IV, вступившагося за права человѣчества, оклеветанныя папою.

Такъ какъ это посланіе предназначалось вмѣстѣ и для циркуляра всѣмъ епископамъ, то къ нему было приложено слѣдующее прибавленіе:

Увѣщеваемъ васъ, наши братія и епископы, не трепещите по малодушію предъ лицомъ князей, и не бойтесь говорить имъ истину, чтобы не подвергнуться тому, чѣмъ угрожаетъ св. Григорій: „Кто страшится исповѣдывать истину на землѣ предъ людьми, того постигнетъ гнѣвъ самой истины на небѣ".

Изъ переписки
Гейнриха IV и Григорія VII.

Вся эта переписка сохранилась, благодаря усердію магдебургскаго клерика Бруно, который, найдя всѣ эти посланія въ своей церкви, терпѣливо вписалъ ихъ въ свою „Исторію Саксонской войны" и занялъ ими 8 главъ, отъ 66 до 74. См. о Бруно и его сочин. выше, примѣчаніе къ ст, 55, на стр. 767.

58.—Характеристика Гильдебранда, по показаніямъ его враговъ.

(Въ 1098 г.).

Въ тѣ дни (около 1080 г.) папа готовилъ погибель императору (т.-е. Гейнриху IV), при помощи тайныхъ измѣнниковъ, но Богъ сохранилъ короля. Какъ думали нѣкоторые въ то время и были убѣждены, что Гильдебрандъ зналъ и самъ устраивалъ эту погибель, потому что онъ на тѣхъ же дняхъ, немного раньше измѣны, ложнымъ образомъ пророчествовалъ о смерти короля. Такое пророчество сильно возмутило сердца многихъ. А послѣ всѣ увидѣли, что Гильдебрандъ собственными устами изрекъ себѣ осужденіе на церковномъ соборѣ, когда провозгласилъ, что онъ не папа, и что его должно считать скорѣе измѣнникомъ и лжецомъ, чѣмъ папой, если императоръ не умретъ до ближайшаго праздника св. Петра, или не лишится своего сана, такъ что не будетъ въ состояніи собрать около себя и шести воиновъ. А на дѣлѣ, по божественному опредѣленію, вышло то, что этотъ еретикъ (т.-е. Гильдебрандъ) такими словами осудилъ только самого себя. Ибо вотъ что говорилъ о подобныхъ пророчествахъ апостолъ: „Господь изрекъ: пророкъ, который, заразившись высокомѣ-

ріемъ, захотѣлъ бы сказать именемъ моимъ то, чего я не повелѣлъ, или именемъ другихъ боговъ, смертью да умретъ. Чтобы ты отвѣтилъ самому себѣ на вопросъ: какимъ образомъ я могу отличить пророчество, которое не внушено Богомъ — вотъ тебѣ на то средство: что было предсказано пророкомъ во имя Господне и не исполнилось, то не Господь внушилъ, но самъ пророкъ выдумалъ по тщеславію души своей, и потому не бойся его".

По прошествіи же того срока, который Гильдебрандъ опредѣлилъ въ своемъ предсказаніи, ни король не умеръ, ни войско его не уменьшилось; тогда Гильдебрандъ, опасясь попасться съ своимъ пророчествомъ и осудить самого себя собственными устами, прибѣгнулъ къ хитрой уловкѣ, увѣряя необразованную толпу, что его слова относились не къ тѣлу короля, а къ его душѣ; спрашивается, какимъ же образомъ, въ такомъ случаѣ, умерла въ тотъ срокъ душа короля, и какъ она потеряла всѣхъ воиновъ, кромѣ шести? Такими словами онъ дѣйствительно обманулъ необразованную толпу. Но противъ пророковъ такого рода св. Григорій выразился такъ, говоря объ Іезекіилѣ: „Между истинными и ложными пророками то различіе, что истинные пророки, если что нибудь иногда говорятъ отъ себя, то съ поспѣшностью оговариваютъ, а ложные пророки возвѣщаютъ ложь, и, будучи чуждыми св. Духа, настаиваютъ на своей лжи".

Гильдебрандъ безъ участія свѣтскихъ судей приговорилъ къ смерти трехъ человѣкъ неизобличенныхъ и несознавшихся, и приказалъ, чрезъ повѣшеніе, умертвить ихъ, подлѣ церкви св. Петра на мѣстѣ, которое называется *Palatiolum*, безъ отсрочки, безъ разсужденій, вопреки законамъ, предписывающимъ казнить даже сознавшихся въ винѣ не иначе, какъ по истеченіи тридцати дней. Такой законъ существуетъ даже у язычниковъ, и они соблюдаютъ его, какъ говоритъ св. Амвросій, и какъ то видно изъ исторіи страданій св. мучениковъ Марцелла и Марка.

Онъ же заключилъ въ темницу Ценція [1]), бывшаго однимъ изъ его вассаловъ, сына префекта Стефана, и мучилъ въ бочкѣ, пробитой гвоздями, тысячью тысячъ страданій. Освободившись, Ценцій захватилъ послѣ въ плѣнъ самого Гильдебранда. Получивъ свободу, папа всенародно простилъ всѣхъ виновниковъ своего плѣна, между тѣмъ, послѣ вѣроломно наказалъ. Ценція, которому также было все прощено, онъ началъ преслѣдовать и умертвилъ девятерыхъ изъ его людей, повѣсивъ предъ дверьми св. Петра. Папа опредѣлилъ сыну одной вдовы, участвовавшему при плѣненіи его, и многимъ другимъ наказаніе и ссылку на одинъ годъ. Когда исполнился этотъ срокъ, вдова, желая вполнѣ умилостивить сердце Гильдебранда, положила на шею своего сына веревку, и, приведши его такимъ образомъ къ папѣ, вмѣстѣ съ нимъ пала къ его ногамъ, говоря: „Государь, папа! отъ руки твоей хочу получить сына моего, который понесъ наказаніе, наложенное тобой, и ссылку въ продолженіи года".

---

[1]) Ценцій былъ назначенъ отъ Генриха IV бургграфомъ Рима, и предъ началомъ борьбы папы съ королемъ, 24 дек. 1075 г., схватилъ Григорія VII въ церкви и посадилъ въ башню; но на слѣдующее утро граждане освободили его.

Гильдебрандъ, скрывъ гнѣвъ въ ту минуту ради присутствовавшихъ, отдалъ ей сына, сказавъ съ строгостію: „Иди, иди, жена, и оставь меня въ мирѣ“. Между тѣмъ, послѣ, отправивъ своихъ тѣлохранителей, онъ приказалъ схватить сына той вдовы и предписалъ судьямъ приговорить его къ смерти; но они единодушно отвѣчали, что не могутъ осудить того, который прибѣгнулъ къ папскому суду, уже раскаялся и претерпѣлъ въ продолженіи года ссылку, опредѣленную самимъ папою. Разгнѣванный судьями, этотъ знаменитый Гильдебрандъ повелѣлъ отрубить ногу у сына вдовы, которая напрасно думала, что для Гильдебранда много значитъ покаяніе, законы и клятвы. Лишенный ноги, сынъ вдовы, спустя три дня, умеръ отъ увѣчья.

Много и другого подобнаго совершилъ Гильдебрандъ; противъ него вопіетъ кровь церкви, пролитая мечемъ, языкомъ его и низкимъ предательствомъ; поэтому церковь весьма справедливо отступила отъ сообщенія съ нимъ, какъ и наши предки дѣлали то во времена отступниковъ Либерія и Анастасія.

Онъ же повелѣлъ праздновать память Либерія, и такимъ предписаніемъ утвердилъ ересь того, который достойно за свои дѣла умеръ осужденнымъ.

Однажды, отправившись изъ Албано въ Римъ, онъ забылъ взять съ собою любимую свою книгу объ искусствѣ чародѣевъ, безъ которой онъ рѣдко или почти никогда не выходилъ. Вспомнивъ о томъ на пути, при входѣ въ ворота Латерана, онъ поспѣшно подозвалъ двухъ изъ своихъ приближенныхъ, вѣрныхъ клевретовъ его злодѣяній, и приказалъ имъ принести ту книгу, какъ можно скорѣе, и строго наказывалъ, чтобы они по дорогѣ не отваживались глядѣть въ нее, и не дѣлали попытокъ удовлетворить тайному любопытству. Но чѣмъ болѣе онъ запрещалъ, тѣмъ сильнѣе возбуждалъ въ нихъ желаніе проникнуть въ секреты этой книги. Такимъ образомъ, когда на обратномъ пути они раскрыли эту книгу и по любопытству прочли правила дьявольскаго искусства, мгновенно явились предъ ними ангелы сатаны, многочисленностью которыхъ и страшнымъ видомъ двое этихъ юношей были приведены въ такой ужасъ, что почти обезумѣли и едва пришли въ себя. Между тѣмъ, какъ они сами разсказывали, духи злобы настойчиво спрашивали ихъ, говоря: „Для чего вы призывали насъ? что́ вамъ нужно? мы немедленно исполнимъ все, что вы хотите; въ противномъ же случаѣ мы бросимся на васъ, если вы насъ будете задерживать“. На это одинъ изъ юношей отвѣчалъ: „Тотчасъ же уничтожьте эти укрѣпленія“. Сказавъ это, онъ показалъ рукою на сосѣднія высокія стѣны Рима, которыя духъ злобы и опрокинулъ въ минуту. Юноши, творя крестное знаменіе, въ страхѣ и трепетѣ, едва дошли до Рима къ своему господину.

Кардиналъ Бенно.

Vita et gesta Hildebrandi, seu
Gregorii VII papae. 1073—85.

Бенно (Benno, presbyter-cardinalis † 1098 г.) былъ родомъ изъ Германіи, и въ эпоху борьбы Гильдебранда съ королемъ получилъ званіе кардинала отъ соперника изгнаннаго Григорія VII, Климента III. Это обстоятельство вполнѣ отразилось и на его сочиненіи: „Жизнь и дѣянія Гильдебранда, или Григорія VII папы". Бенно самъ даетъ читателю средство оцѣнить его отношенія къ истинѣ, и потому, хотя составленная имъ біографія своего врага представляетъ много интереснаго, но ею должно пользоваться съ большою разборчивостью. *Изданія*: До сихъ поръ нѣтъ ни одного хорошаго изданія и потому должно довольствоваться сборникомъ начала XVII вѣка, которое сдѣлалъ Goldast въ своей Replicatio pro sacra caesarea majestate etc. cum Apologiis pro Henrico IV, Hannov. 1611 г.

59.—Католики и еретики въ эпоху борьбы Гейнриха IV съ Гильдебрандомъ. 1070—73 г.

(Въ 1086 г.).

Гильдебрандъ, онъ же и Григорій папа, сидѣлъ на престолѣ 12 лѣтъ. Онъ, на основаніи ученія ап. Петра, св. Климента и каноновъ отцовъ церкви, именемъ Бога, Петра и Павла и своимъ собственнымъ, по опредѣленію большинства епископовъ, не обращая вниманія ни на что, запретилъ пресвитерамъ, діаконамъ и всему духовенству имѣть женъ и вообще жить вмѣстѣ съ женщинами, исключая тѣхъ, которыхъ допускаетъ правило или соборъ Никейскій. Далѣе, онъ постановилъ также, что, по приговору св. Петра, осуждается съ Симономъ не только покупающій, но и продающій какую бы то ни было церковную должность, епископскую, пресвитерскую, діаконскую, или другую, относящуюся къ управленію или къ церковному сбору; осуждается также и всякій участникъ этого преступленія. Ибо Господь сказалъ: „Даромъ получили, даромъ и дайте". Отъ имени этого собора были посланы къ Гейнриху (IV), королю Римскому, въ качествѣ папскихъ легатовъ, два епископа вмѣстѣ съ императрицею, матерью королю, и на вселенскомъ соборѣ въ присутствіи Гейнриха, по общему приговору всѣхъ епископовъ, объявили браки клериковъ и особенно пресвитеровъ расторгнутыми, и не хотѣли даже вмѣстѣ съ королемъ провести праздникъ пасхи, въ городѣ Бамбергѣ, вкушать пищу и имѣть общеніе съ Германномъ, епископомъ того города, который купилъ себѣ свое званіе. Многіе клерики охотнѣе желали быть отлученными папой, нежели разойтись съ женами, но папа, чтобы косвенно наказать ихъ, въ томъ же году соборнымъ посланіемъ предписалъ, чтобы ни одинъ христіанинъ не смѣлъ слушать обѣдню, отправляемую женатымъ пресвитеромъ. Въ тоже время, но не въ томъ же году, произошелъ въ Германіи весьма важный и жестокій раздоръ между королемъ Гейнрихомъ и князьями Саксоніи. Причина того, какъ говорятъ, была слѣдующая: король Гейнрихъ

хотѣлъ подчинить рабству всѣхъ саксонцевъ; но исполнить это было не такъ легко, какъ то ему казалось, почему онъ, на основаніи даннаго ему совѣта, рѣшился сначала отнять власть и лишить достоинства однихъ князей, а потомъ подчинить и остальныя сословія провинціи своей власти. Для болѣе удобнаго приведенія въ исполненіе своего замысла, онъ построилъ укрѣпленіе внутри самой земли саксонцевъ, на горѣ, которая называется Гартисбергъ, откуда получила свое наименованіе и самая крѣпость (Гарцбергъ). Окончивъ это и устроивъ по своей волѣ всѣ государственныя дѣла, онъ направилъ всѣ свои усилія къ достиженію давно уже имъ задуманной цѣли: а именно, отнялъ Баварское герцогство у Оттона, потому что онъ былъ родомъ саксонецъ, и немедленно вручилъ его Вельфу, къ бóльшему оскорбленію саксонцевъ. Послѣ того, стоя однажды на возвышенномъ мѣстѣ своей крѣпости, и обозрѣвая со всѣхъ сторонъ красивую и упроченную за нимъ мѣстность, Гейнрихъ, говорятъ, сказалъ: „Саксонія превосходная страна, но что это за презрѣнные рабы“! такъ именно назвалъ онъ ея жителей. Услышавъ то, упомянутый герцогъ Оттонъ въ высшей степени оскорбленный выраженіемъ короля, и, переговоривъ съ саксонскими князьями, возмутилъ всю страну, и справедливо.

Гейнрихъ не страшился осквернить грѣшниками, то есть, еретиками, единственную и возлюбленную невѣсту Господа, которую Онъ искупилъ цѣною драгоцѣнной свой крови, производя, по обычаю Симона, неправедный и противный католической вѣрѣ торгъ церковными должностями, некупленными дарами св. Духа. Видя и слыша такія и подобныя имъ ужасныя и неслыханныя преступленія короля Гейнриха, истинные католики, стоявшіе въ то время во главѣ церкви, воодушевились ревностію пророка Иліи о Господѣ и домѣ Израиля, отправили въ Римъ къ первосвятителю апостольскаго престола Александру (II) вѣстниковъ донести, какъ объ этомъ, такъ и о весьма многомъ другомъ, что совершалось и писалось въ Германіи, подъ покровительствомъ Гейнриха, неистовыми симоническими еретиками, и съ соболѣзнованіемъ и скорбью жаловались, какъ письменно, такъ и словесно. Горя тою же ревностію по Богѣ, они собрались и взяли крѣпость Гарцбургъ, расхитивъ все, что находилось тамъ. Говорятъ даже, что въ одинъ день они выкинули изъ укрѣпленія больше тридцати женщинъ, которыя всѣ были поруганы и одежды ихъ были разорваны до нижней части тѣла, чѣмъ *саксонцы* [1]) были очень обижены: разсвирѣпѣвъ духомъ, они до основанія разрушили крѣпость и всѣ ея пристройки, вмѣстѣ съ монастыремъ, изъ котораго духовенство разбѣжалось, и вырывъ изъ гроба кости королевскаго сына разбросали ихъ по распутіямъ. Между тѣмъ вмѣсто апостольскаго мужа Александра, къ которому посылали вѣстниковъ, на апостольскій престолъ, вступилъ Григорій VII, Гильдебрандъ, по званію

---

[1]) Нигдѣ, какъ въ этомъ мѣстѣ, авторъ, самъ не сознавая того, не высказалъ такъ ясно, что возстаніе Саксоніи было дѣломъ одной свѣтской и духовной аристократіи страны; на этотъ разъ подъ саксонцами онъ разумѣетъ низшій классъ населенія страны, между тѣмъ, какъ выше это же самое выраженіе онъ употреблялъ для аристократіи. Ср. примѣчаніе на стр. 767.

монахъ. Онъ, выслушавъ справедливыя жалобы и вопли католиковъ противъ Гейнриха и великихъ его злодѣяній, воспламенился божескою ревностію и объявилъ поименованнаго короля лишеннымъ всякаго общенія, особенно за симонію. Этотъ поступокъ былъ пріятенъ католикамъ, но симонистамъ и клевретамъ короля чрезвычайно не нравился; они говорили, никогда не слыхано, чтобы когда нибудь короля лишали церковнаго общенія. Такимъ образомъ, произошелъ величайшій раздоръ въ церкви божіей, потому что католики весьма усердно содѣйствовали папѣ, а еретики, то-есть, Гейнрихъ и его сообщники, совершенно отказали въ повиновеніи его предписаніямъ. Въ числѣ первыхъ находился князь и хранитель печати, возлюбленный Богомъ и людьми блаженный Ганно (или Анно), епископъ Кельнскій (да будетъ благословенна память его), съ уважаемыми правителями церквей, Сигфридомъ Майнцскимъ, Вецелиномъ Магдебургскимъ (или Вернеромъ), Рукеріемъ Гальберштадскимъ и другими епископами и аббатами, монахами и клериками, а также князьями всей Саксоніи, великимъ герцогомъ Оттономъ, маркграфомъ Удо, графомъ Людовикомъ и другими безчисленными высшими и нисшими вассалами [1]). Услышавъ о ихъ клятвѣ въ вѣрности и ревности къ правдѣ. и видя, что не только противъ нихъ, но противъ его самого возстаетъ безуміе Гейнриха и приверженцевъ его, достопочтенный папа Григорій чтобы саксонцы не ослабли въ несчастіяхъ, которыя они терпѣли отъ несправедливаго и болѣе сильнаго врага, напротивъ сдѣлались тверже въ доблестномъ постоянствѣ, поразилъ смѣлость, хвастливость и гордость еретиковъ, направленную на оскорбленіе и посмѣяніе святого апостольскаго престола, вмѣстѣ съ самымъ главой и защитникомъ ихъ; связавъ короля узами анаѳемы, онъ внушилъ католикамъ своими посланіями твердую рѣшимость сопротивляться нечестивымъ еретикамъ.

Монахъ Маріанъ-Скотъ.
Chronicon ab. O. C.—1082.

Монахъ Маріанъ-Скотъ (Marianus Scotus, monachus, † 1086) былъ родомъ ирландецъ и переселился въ Германію, въ эпоху борьбы Григорія VII съ Гейнрихомъ IV; онъ былъ извѣстенъ своими астрономическими и математическими трудами, которые доставили ему возможность исправить запутанную хронологію прежнихъ временъ въ его „Хроникѣ отъ сотворенія міра“, которую онъ довелъ до 1082 года; но кромѣ своего хронологическаго значенія, этотъ трудъ можетъ служить источникомъ только для послѣднихъ лѣтъ, когда авторъ писалъ о современныхъ ему событіяхъ, начиная съ 70-хъ годовъ XI вѣка. Какъ видно изъ приведеннаго отрывка, Маріанъ былъ совершенно на сторонѣ папы, но по наивности средневѣковыхъ лѣтописцевъ высказалъ многое, что служитъ къ оправданію врага папъ, Гейнриха IV, а именно, онъ весьма точно указалъ на составъ лагеря непріязненнаго королю.—*Изданія*: Pertz, Monum. Germ. V, 481—562.—*Критика*: Stenzel, Ueber Marianus Scotus, помѣщ. у Pertz, Archiv, V, стр. 768.

---

[1]) *Nobiles*, quam *infimi militares* viri; въ этихъ терминахъ авторъ опредѣляетъ классификацію феодальнаго сословія того времени, и эти-то двѣ части и составляли то, что средневѣковые писатели обыкновенно называютъ populus, т.-е. народъ.

60.—Свиданіе Гейнриха IV съ Григоріемъ VII Гильдебрандомъ въ замкѣ Каноссѣ. 1077 г.

(Въ 1080 г.).

Вся хроника нашего автора сама собою подраздѣляется на два отдѣла, а по господствовавшей въ то время исторической теоріи она изложепа въ порядкѣ 6 *временъ*, изъ которыхъ каждое состоитъ изъ извѣстнаго числа *поколѣній*. Авторъ и начинаетъ свою хронику объясненіемъ читателю составныхъ частей исторіи человѣчества:

„*Первое время*, говоритъ онъ, отъ Адама до Ноя, продолжается 1656 лѣтъ и заключаетъ въ себѣ *10 поколѣній*. Это время погибло въ потопѣ и остается въ забвеніи, какъ безсловесный младенческій возрастъ.

„*Второе время*, отъ Ноя до Авраама, обнимая равнымъ образомъ *10 поколѣній*, продолжалось 292 года; въ ту пору произошло раздѣленіе языковъ; съ возраста ребенка человѣкъ начинаетъ говорить, послѣ эпохи безсловесности, которая оттого и получила свое имя.

„*Третье время*, отъ Авраама до Давида, *14 поколѣній* и 942 года. Такъ какъ въ юношескомъ возрастѣ человѣкъ получаетъ способность дѣторожденія, то потому Матѳій начинаетъ родословіе съ Авраама.

„*Четвертое время*, отъ Давида до Вавилонскаго плѣненія, содержитъ по Матѳію *14 поколѣній* и 483 года. Тогда началась эпоха царей, потому что достоинство юноши предназначено для власти.

„*Пятое время* продолжается до воплощенія господня, заключаетъ одинаково *14 поколѣній*, но обнимаетъ собою 588 лѣтъ. Въ эту эпоху, народъ, еврейскій какъ бы ослабленный отягчающею старостью, потрясается различными бѣдствіями.

„*Шестое время*, въ которое мы и теперь живемъ, не ограничено никакимъ числомъ поколѣній или годовъ, и окончится по достиженіи надлежащаго возраста, вмѣстѣ съ окончаніемъ всего временного“.

Первые пять временъ до Р. Х. и шестое время до дней самого автора, а именно до половины XI столѣтія, когда умеръ Гейнрихъ III и вступилъ на престолъ Гейнрихъ IV, можно принять за первый отдѣлъ хроники, по ея особой формѣ: авторъ въ этомъ отдѣлѣ приводитъ одни собственныя имена сначала патріарховъ отъ Адама, потомъ судей, царей, императоровъ до самаго начала VIII вѣка по Р. Х. съ хронологическими указаніями, а съ VIII вѣка и до 1056 года съ отмѣтками нѣкоторыхъ событій. Съ 1056 года начинается второй отдѣлъ хроники, который одинъ собственно и составляетъ настоящій историческій источникъ; какъ показанія очевидца (о значеніи и достоинствахъ хроники, см. ниже въ примѣч.).

Начиная съ перваго года правленія Гейнриха IV (1056 г.), авторъ начинаетъ подробно слѣдить за всѣми событіями своего времени, описываетъ дѣтство короля и эпоху регентства, его войну съ саксами, вмѣшательство Гильдебранда, вормскій сеймъ, на которомъ папа былъ низложенъ, отлученіе Гейнриха отъ церкви (1075 г.), и такимъ образомъ доходитъ до 16 октября 1076 года, когда враждебные королю князья собрались въ Трибурѣ, а на другой сторонѣ Рейна, въ Оппенгеймѣ, расположились король и его приверженцы. Послѣ переговоровъ цѣлаго дня, когда на слѣдующее утро обѣ стороны изготовились къ бою, князья

Швабіи и Саксоніи прислали къ королю парламентеровъ съ предложеніемъ ему удалиться въ Шпейеръ, не пользуясь до окончанія дѣла никакими прерогативами королевской власти, сдать немедленно Вормсъ его епископу, и 2 февраля 1077 года, явиться на вселенскій соборъ въ Аугсбургъ, куда былъ приглашенъ и Гильдебрандъ для рѣшенія распри между королемъ и князьями и для устройства дѣлъ государства и церкви. Октября 17 дня 1076 г., король, принявъ всѣ эти условія, отправился въ Шпейеръ, а вслѣдъ за нимъ возвратились по домамъ и князья Швабіи и Саксоніи. Описаніе послѣдующихъ событій, отъ ноября 1076 г. до февраля 1077 г. составляетъ, не смотря на короткое пространство времени, значительную часть второго отдѣла хроники и вмѣстѣ самую любопытную какъ по важности происшествій, такъ и по достоинству самаго описанія ихъ.

Швабы и саксы съ торжествомъ и радостію возвратились на родину (нояб. 1076г.), послѣ того какъ жители Вормса покорились и съ совершеннымъ спокойствіемъ передали свой городъ епископу; а затѣмъ немедленно послали къ папѣ пословъ съ извѣстіемъ о случившемся и съ настоятельною просьбой позаботиться объ утишеніи такой сильной тревоги въ Галліи (т.-е. въ Германіи) и посѣтить ихъ въ опредѣленный день (т.-е. 2 февраля 1077 г., въ Аугсбургѣ). Между тѣмъ, король, вѣроятно понимая, что спасеніе его заключается въ снятіи съ него къ концу года церковнаго отлученія, и считая невыгоднымъ для себя ожидать прибытія папы въ Галлію, гдѣ придется передать свое дѣло на разсмотрѣніе враждебному судьѣ и своимъ безпощаднымъ обвинителямъ, счелъ за лучшее въ своемъ тогдашнемъ положеніи встрѣтить папу еще въ Италіи, смириться предъ нимъ, и этимъ путемъ получить отъ него освобожденіе отъ церковной анаѳемы. Если бы то удалось ему, то и другія затрудненія будетъ легко побѣдить; не боясь ничего со стороны церкви, онъ переговоритъ и посовѣтуется съ князьями, а въ случаѣ неудачи, призоветъ къ себѣ на помощь своихъ друзей. За нѣсколько дней до Рождества Христова (1076 г.), онъ оставилъ Шпейеръ и отправился въ путь съ своей женой и маленькимъ сыномъ. Никто изъ свободныхъ нѣмцевъ не провожалъ его, кромѣ одного, незамѣчательнаго ни своимъ происхожденіемъ ни своею властью. Когда онъ, не имѣя собственныхъ средствъ къ покрытію издержекъ такого дальняго путешествія, обратился съ просьбой о вспоможеніи ко многимъ изъ тѣхъ, которыхъ онъ нѣкогда облагодѣтельствовалъ, нашлись очень немногіе, которые, въ благодарность за его прежнія благодѣянія и изъ состраданія къ превратности его судьбы, до нѣкоторой степени облегчили его нужду. Въ такую бѣдность поверженъ былъ онъ съ высоты своей славы и могущества. Подобнымъ же образомъ, спѣшили въ Италію и прочіе отлученные, горя желаніемъ, какъ можно скорѣе, освободиться отъ церковнаго отлученія; но они не осмѣливались принять короля въ свое общество, боясь князей и въ особенности папы римскаго.

Зима въ томъ году продолжалась такъ долго и была до того сурова, что, начиная съ праздника св. Мартина (нояб.) почти до начала

апрѣля, по Рейну, покрытому льдомъ, можно было ходить, и во многихъ мѣстахъ по Рейну виноградники совсѣмъ погибли, такъ какъ корни лозъ вымерзали.

Въ 1077 г., возсталъ герцогъ польскій, издавна бывшій данникомъ нѣмецкихъ королей, и въ старые годы его владѣнія обращены были нѣмецкою храбростію въ провинцію. Теперь же, видя, что нѣмецкіе князья, занятые внутренними раздорами, не имѣютъ времени воевать съ чужеземными народами, онъ принялъ королевскій санъ и титулъ, надѣлъ корону, и въ день Рождества Христова былъ посвященъ въ короли пятнадцатью епископами. Извѣстіе о томъ сильно поразило тѣхъ изъ князей, которые дорожили достоинствомъ и могуществомъ своего государства; они начали упрекать другъ друга въ томъ, что своимъ междоусобіемъ дали время усилиться варварамъ, что въ то время, какъ они неистово раздирали свои внутренности, герцогъ Богемскій уже въ третій разъ прошелъ по Германіи съ огнемъ и мечемъ, а теперь къ позору нѣмецкаго государства, герцогъ польскій, поправъ права и законы предковъ, наглымъ образомъ присвоилъ себѣ королевское имя и королевскую корону.

На пути своемъ въ Италію, король Гейнрихъ праздновалъ день Рождества Христова въ Бургундіи, въ мѣстечкѣ Бизенцунѣ (Безансонъ), въ гостяхъ у графа Вильгельма, родственника своей матери по женской линіи, который пользовался въ тѣхъ странахъ большою властью. Принимая въ соображеніе его тогдашнее несчастіе, онъ провелъ этотъ праздникъ довольно блистательно. Свернуть же съ прямого пути въ Италію и идти по Бургундіи его заставило извѣстіе, что герцоги Рудольфъ, Вельфъ и Бертольдъ, съ цѣлію отнять у него всякую возможность пройти въ Италію, по всѣмъ дорогамъ и проходамъ, ведущимъ туда и обыкновенно называемымъ *клузами*, поставили стражу. Изъ Безансона онъ отправился послѣ Новаго года; въ мѣстечкѣ Цинисъ (Монъ-Сени) его встрѣтила теща (Аделаида Савойская) съ своимъ сыномъ Амедеемъ, имѣвшимъ въ этой странѣ большое значеніе, обширныя владѣнія и громкую славу. Приняли его они съ надлежащими почестями; но соглашались пропустить чрезъ свои владѣнія не иначе, какъ за уступку имъ пяти епископствъ въ Италіи, смежныхъ съ своими владѣніями, въ уплату за проводы. Приближеннымъ короля казалось слишкомъ жестокимъ такое требованіе. Но крайняя необходимость заставила его купить пропускъ даже и такимъ единственно-возможнымъ соглашеніемъ; ихъ не трогали ни родственныя чувства, ни состраданіе къ его несчастному положенію, и, послѣ долгихъ переговоровъ, большой траты времени и усилій, ему едва-едва удалось склонить ихъ на сдѣлку, по которой онъ уступилъ имъ одну бургундскую провинцію, изобиловавшую всякаго рода добромъ, за свой проходъ чрезъ ихъ владѣнія. И такъ, гнѣвъ божій, отвратилъ отъ него не только связанныхъ съ нимъ клятвою и его благодѣяніями, но и друзей, даже ближайшихъ родственниковъ. Устранивъ одно препятствіе, онъ встрѣтилъ множество и другихъ. Была чрезвычайно суровая зима, и обширныя горы, чрезъ которыя лежалъ ему путь, съ вершинами, уходящими въ облака, до того покрыты были снѣгомъ и льдомъ, что ни на лошади, ни пѣшкомъ безъ

опасности нельзя было спуститься съ нихъ по ихъ скользкимъ и совершенно отвѣснымъ крутизнамъ. Между тѣмъ, день годовщины его отлученія былъ уже близокъ и не позволялъ ему мѣшкать въ пути. Если бы къ этому дню онъ не освободился отъ церковнаго отлученія, то князья, по общему приговору, объявили-бы его дѣло проиграннымъ, и онъ навсегда лишился бы королевскаго достоинства. Потому за хорошее вознагражденіе онъ нанялъ нѣсколько туземцевъ, хорошо знакомыхъ съ страною и жившихъ на Альпахъ, въ проводники по страшно крутымъ обрывамъ и снѣжнымъ глыбамъ, чтобы помогать слѣдовавшимъ за ними всѣми зависившими отъ нихъ средствами и расчищать дорогу. Съ этими проводниками съ трудомъ добрались они до горной вершины; но далѣе не было никакой возможности продолжать путь, потому что совершенно отвѣсный склонъ горы до того былъ покрытъ льдомъ, что нельзя было и думать спуститься внизъ. Мужчины должны были побѣждать трудности своими собственными усиліями,—и то ползкомъ, то опираясь па плечи проводниковъ, на каждомъ шагу скользя и скатываясь внизъ, съ опасностью жизни достигли, наконецъ, равнины; королеву же съ женщинами, бывшими при ней въ услуженіи, посадили на воловью шкуру и, при помощи проводниковъ спустили внизъ. Изъ лошадей,—нѣкоторыхъ спустили также при помощи извѣстныхъ средствъ, другихъ скатили, перевязавъ имъ ноги; не мало ихъ при этомъ погибло, большая часть была изувѣчена, и очень немногія избѣжали опасности безъ поврежденія.

Какъ только разнесся по Италіи слухъ о прибытія короля, и что онъ перешелъ крутыя скалы и находится уже въ предѣлахъ Италіи, къ нему со всѣхъ сторонъ на-перерывъ начали стекаться всѣ итальянскіе графы и епископы. Вездѣ принимали его съ почестями, приличными его королевскому сану, и въ теченіе нѣсколькихъ дней около него составилось огромное войско. Давно, еще съ самаго дня вступленія Гейнриха на престолъ, его ожидали тамъ съ нетерпѣніемъ, потому что страна эта страдала отъ безпрестанныхъ междоусобныхъ войнъ, разбоевъ и всякаго рода распрей. Князья надѣялись, что безпорядки, причиненные безбожными людьми, будутъ уничтожены силою королевской власти, а законъ и права предковъ возстановлены. Сверхъ того, до нихъ дошли слухи, что король спѣшитъ туда въ гнѣвѣ, съ цѣлью свергнуть съ престола папу, и они обрадовались представлявшемуся случаю отмстить за свое безчестіе папѣ, уже давно отлучившему ихъ отъ общенія церкви (янв. 1077 г.).

Между тѣмъ, папа, получивъ отъ нѣмецкихъ князей, собравшихся въ Оппенгеймѣ (Трибурѣ), посланіе, въ которомъ тѣ просили его пріѣхать ко дню Срѣтенія Божіей Матери въ Аугсбургъ, для совѣщанія по дѣлу короля, оставилъ Римъ, въ противность желаніямъ римскихъ князей, сомнѣвавшихся въ исходѣ этого дѣла и отсовѣтовавшихъ ему такое путешествіе, и, въ сопровожденіи Матильды, вдовы герцога Гоцело Лотарингскаго, дочери маркграфа Бонифація и графини Беатрисы, спѣшилъ прибыть туда въ назначенный день. Графиня Матильда и при жизни своего мужа, будучи раздѣлена отъ него далекимъ разстояніемъ, еще прежде вела вдовью жизнь. Ей не хотѣлось оставить равнину и переѣхать съ своимъ мужемъ въ Ло-

тарингію; а онъ, связанный дѣлами своего герцогства, едва ли и одинъ разъ въ три или четыре года посѣщалъ свою итальянскую марку. Послѣ его смерти, она сдѣлалась неразлучною спутницей римскаго епископа и уважала его съ необыкновенною преданностью. Владѣя бо́льшею частью Италіи и имѣя, въ сравненіи съ другими князьями этой страны, въ избыткѣ все то, чѣмъ дорожатъ смертные, какъ высочайшимъ благомъ, она являлась всюду, гдѣ папа нуждался въ ея присутствіи, и, какъ отцу своему или господину, оказывала ему самыя важныя услуги. Вслѣдствіе того, она не избѣжала подозрѣнія въ нецѣломудренной любви, и приверженцы короля, преимущественно же духовные, которымъ папа запретилъ вступать въ непозволительные и противные каноническимъ постановленіямъ браки, повсюду распространяли слухъ, будто папа день и ночь проводитъ съ нею, и что потому самому, связанная съ папой предосудительною тайною любовію, она отказывается отъ вторичнаго брака. Но для всѣхъ благоразумныхъ людей было ясно, какъ день, что это ложь. Ибо папа такъ заботился о чистотѣ своей апостольской жизни, что никакая клевета не могла оставить пятна на его безукоризненномъ и высокомъ поведеніи, и было совершенно невозможно сдѣлать что-нибудь неблагопристойное въ такомъ многолюдномъ городѣ и при такомъ многочисленномъ дворѣ, безъ того, чтобы то не было кѣмъ-нибудь замѣчено. Знаменія и чудеса, во множествѣ совершавшіяся его молитвами въ папской области, его горячая любовь къ Богу и церковнымъ законамъ, достаточно защитили его отъ ядовитаго нареканія злыхъ языковъ. Теперь, когда папа, на пути въ Галлію, нечаянно узналъ, что король уже въ Италіи, то, по совѣту Матильды, онъ удалился въ крѣпкій замокъ Канузій (Каносса), желая оттуда вѣрнѣе узнать о цѣли прибытія короля: за тѣмъ ли онъ пришелъ, чтобы просить прощенія за свои проступки, или чтобы съ оружіемъ въ рукахъ отмстить за позоръ своего церковнаго отлученія.

Дидрикъ, епископъ Вердюнскій, одинъ изъ преданнѣйшихъ королю мужей, во время своего приготовленія сопутствовать королю въ походѣ его въ Италію, былъ взятъ въ плѣнъ графомъ Адальбертомъ изъ замка Калево, который отнялъ у него все, что́ онъ успѣлъ приготовить для далекаго пути. Послѣ долгаго заключенія епископъ согласился отдать ему въ выкупъ все, чего бы тотъ ни потребовалъ съ него, и далъ ему клятву, что не будетъ ему мстить за обиду ни духовнымъ, ни мірскимъ оружіемъ. Равнымъ образомъ, Робертъ, епископъ Бамбергскій, былъ схваченъ на пути въ Италію, въ Баварію, герцогомъ Вельфомъ Баварскимъ, который отнялъ у него всю его собственность, епископскія же одежды и другія церковныя украшенія, находившіяся въ его дорожныхъ узлахъ, въ цѣлости доставилъ Бамбергской церкви, а его самого, со дня Рождества Христова до праздника св. ап. Варѳоломея, держалъ въ неприступной крѣпости, подъ сильной стражей, не соглашаясь выпустить его, ни по просьбамъ, ни за подарки его друзей. Остальные епископы и міряне, вмѣстѣ съ королемъ отлученные папой отъ церкви и вслѣдствіе того обстоятельства принужденные удалиться изъ его свиты, избѣжавъ стражи, поставленной въ проходахъ, благополучно пришли въ Италію,

нашли папу въ Канузіѣ и униженно, босикомъ и во власяницахъ просили у него себѣ прощенія за свое возстаніе и освобожденія отъ проклятія. Папа объявилъ имъ, что искренно кающимся и оплакивающимъ свои грѣхи въ милосердіи нѣтъ отказа, но долговременное непослушаніе и глубоко въѣвшаяся грѣховная порча, могутъ быть истреблены только огнемъ долговременнаго покаянія; и потому, если они дѣйствительно покаялись, то должны съ готовностію вынести очистительный огнь церковнаго наказанія, который онъ приложитъ для исцѣленія ихъ язвъ, чтобы легкость прощенія ихъ тяжкой вины не сдѣлала въ ихъ глазахъ маловажнымъ или вовсе ничтожнымъ ихъ проступокъ противъ апостольскаго престола. Когда же они изъявили готовность перенести все, что́ онъ наложитъ на нихъ, онъ приказалъ разсадить епископовъ по отдѣльнымъ кельямъ, запретилъ имъ говорить другъ съ другомъ, позволилъ питаться только маленькой порціей пищи и питья, и то только по вечерамъ. На мірянъ же онъ наложилъ эпитимію, сообразную съ возрастомъ каждаго и силами. Послѣ такого испытанія, продолжавшагося нѣсколько дней, онъ, наконецъ, призвалъ ихъ къ себѣ, далъ имъ кроткій выговоръ за прошлое, увѣщевалъ впередъ не дѣлать ничего подобнаго; потомъ снялъ съ нихъ церковное отлученіе, и, отпуская, наказалъ имъ предъ всѣми избѣгать всякихъ сношеній съ королемъ Гейнрихомъ, пока онъ не принесетъ покаянія апостольскому престолу въ нанесенныхъ ему оскорбленіяхъ, и не помогать ему ни въ его стремленіяхъ къ государственнымъ переворотамъ, ни въ нарушеніи церковнаго мира; однакожъ, папа позволилъ всѣмъ имъ безъ исключенія говорить съ нимъ, съ цѣлію побудить его къ раскаянію и свести съ дурного пути, по которому онъ, повидимому, шелъ уже нетвердо.

Между тѣмъ, король Гейнрихъ пригласилъ къ себѣ для совѣщанія графиню Матильду, и, надававши ей просьбъ и обѣщаній, послалъ ее, свою тещу съ сыномъ, также маркграфа Аццо (гр. Эсте, отецъ Вельфа Баварскаго), аббата Клюнійскаго и другихъ знатнѣйшихъ итальянскихъ князей, о которыхъ король зналъ, что они имѣютъ большое значеніе у папы, съ настоятельною просьбой освободить его отъ церковнаго отлученія и не довѣрять нѣмецкимъ князьямъ, которые взводятъ на него обвиненія, болѣе по зависти, чѣмъ по внушенію справедливости. Выслушавъ эту просьбу, папа сказалъ, что разсматривать дѣло обвиненнаго въ отсутствіе обвинителей ни съ чѣмъ несообразно и совершенно чуждо духа церковныхъ законовъ; а если король увѣренъ въ своей невинности, то безъ всякаго недоумѣнія и боязни пусть лучше явится къ назначенному дню въ Аугсбургъ, гдѣ рѣшились собраться всѣ прочіе князья; тамъ по разсмотрѣніи дѣла обѣихъ сторонъ, безъ ненависти и лицепріятія, отдѣливъ правое отъ неправаго, согласно церковнымъ законамъ на данный случай, онъ произнесетъ свой безпристрастный приговоръ. На это посланные отвѣчали, что король дороже всего на свѣтѣ цѣнитъ его мнѣніе, и увѣренъ, что папа—неумолимый каратель неправды и неподкупный защитникъ правды; а такъ какъ скоро наступитъ годъ его отлученію, имперскіе же князья только того и желаютъ, чтобы въ случаѣ, если онъ не будетъ освобожденъ отъ отлученія къ этому

сроку, объявить его по имперскимъ законамъ не достойнымъ королевскаго сана и впредь не принимать отъ него больше никакихъ оправданій; потому онъ покорнѣйше проситъ теперь же снять съ него церковное проклятіе, снова принять въ благодатное общеніе съ церковію,—ради чего онъ готовъ нести всякую эпитимію, какую ни наложитъ на него папа; потомъ, чтобы ни случилось, въ назначенный папою день и въ извѣстномъ мѣстѣ, онъ опровергнетъ всѣ взводимыя на него обвиненія, и, по приговору папы, или вступитъ въ управленіе королевствомъ, — если освободится отъ всѣхъ обвиненій, или, если проиграетъ дѣло, кротко перенесетъ то. Долго противился этому папа, опасаясь юношескаго непостоянства короля и его легкости увлекаться всѣмъ, на что наводили его льстецы, но наконецъ, побѣжденный твердостью переговорщиковъ и силою ихъ доводовъ, папа сказалъ: „Если онъ дѣйствительно раскаялся въ своемъ поступкѣ, то пусть передастъ намъ, въ доказательство искренности своего раскаянія,—корону и всѣ другіе знаки королевскаго сана, и, въ наказаніе за свое преступленіе, пусть объявитъ самъ себя недостойнымъ королевскаго имени и сана“. Посланнымъ это показалось слишкомъ жестоко. Вслѣдствіе ихъ просьбы смягчить приговоръ, и своею справедливостью не ломать сокрушенной трости (Ис. 42, 3), папа, наконецъ, позволилъ ему явиться къ себѣ, и, если онъ принесетъ искреннее раскаяніе, обѣщалъ простить ему проступокъ, который учинилъ онъ поношеніемъ апостольскаго престола и неисполненіемъ его постановленій.

Король, по приказанію, явился (25 янв. 1077 г.). Такъ какъ замокъ былъ окруженъ тройною стѣной, то короля приняли за второй стѣной, а свита его осталась внѣ. Тамъ, снявъ всѣ королевскія украшенія, безъ всякой пышности, съ босыми ногами стоялъ онъ, во-ожиданіи приговора римскаго епископа, постясь съ утра до вечера. Цѣлыхъ три дня провелъ онъ такимъ образомъ. На четвертый (28 янв.), онъ былъ допущенъ къ папѣ, и, послѣ многихъ рѣчей съ одной—и отвѣтовъ съ другой стороны, съ него снято было церковное отлученіе подъ слѣдующими условіями: въ назначенный папою день въ извѣстномъ мѣсяцѣ, въ общемъ собраніи всѣхъ князей, онъ долженъ явиться и отвѣчать на приводимыя противъ него обвиненія, а папѣ предоставитъ рѣшеніе этого дѣла, чтобы, или удержать за нимъ, по его приговору, королевство, если онъ освободится отъ всякихъ упрековъ, или, вслѣдствіе доказанныхъ обвиненій, сообразно церковнымъ законамъ, безъ всякаго прекословія съ его стороны, объявить его недостойнымъ королевскихъ почестей; во всякомъ случаѣ, удержитъ ли, или потеряетъ онъ королевство, онъ никому ни долженъ мстить за свое униженіе; до того же дня, какъ дѣло его подвергнется законному изслѣдованію, онъ не долженъ употреблять никакихъ украшеній и знаковъ королевскаго достоинства, не предпринимать ничего въ управленіи государствомъ, по установленному порядку; наконецъ, не пользоваться ни королевскимъ, ни общественнымъ имуществомъ, исключая поземельныхъ доходовъ, необходимыхъ ему и его семейству; равнымъ образомъ, всѣ должны быть освобождены какъ отъ узъ присяги, такъ и отъ обязанности сохранять ему вѣрность. Ро-

берта, епископа Бамбергскаго, Удальрика Косгеймскаго и другихъ, по внушенію коихъ онъ ввергъ въ бѣдствіе и себя, и свое государство, онъ долженъ навсегда лишить своей довѣренности. Если, по опроверженіи всѣхъ обвиненій, онъ вновь утвердится въ государствѣ, то долженъ подчиняться римскому епископу, повиноваться его внушеніямъ и по возможности помогать ему въ искорененіи всего противнаго ученію и постановленіямъ церкви, что могло укорениться въ его королевствѣ по какому либо дурному обычаю. Наконецъ, если онъ нарушитъ хоть одинъ изъ этихъ пунктовъ, то состоявшееся разрѣшеніе отъ проклятія должно считать недѣйствительнымъ; отъ него не будетъ принято никакихъ оправданій, и имперскіе князья, освободившись отъ всѣхъ клятвенныхъ обязательствъ ему, безъ дальнѣйшаго излѣдованія, могутъ тогда общимъ голосомъ избрать себѣ новаго короля. Король съ радостью принялъ эти условія, обѣщаясь подъ священнѣйшей клятвой все исполнить. Но его увѣреніямъ папа невполнѣ вѣрилъ; поэтому аббатъ Клюнійскій, отказавшись дать клятву по своему монашескому обѣту, далъ свое слово, въ залогъ его вѣрности, предъ очами всевидящаго Бога; равнымъ образомъ, епископъ Цейцскій, епископъ Верчельскій, маркграфъ Аццо, и другіе князья на костяхъ святыхъ, которыя принесены были туда, клятвенно подтвердили, что Гейнрихъ сдѣлаетъ все, что обѣщалъ, и никакая превратность судьбы не заставитъ его отступить отъ своего слова.

Когда, такимъ образомъ, церковное покаяніе было снято, папа совершилъ литургію, и во время ея, по принесеніи безкровной жертвы, подозвалъ къ алтарю короля и многихъ другихъ присутствовавшихъ, и, держа въ своей рукѣ тѣло господне, произнесъ: „Уже давно я получилъ отъ тебя и твоихъ приверженцевъ письмо, въ которомъ ты обвиняешь меня въ томъ, что будто я достигъ апостольскаго престола симоніей, и что еще прежде моего вступленія въ епископство мое тѣло запятнано было разными другими преступленіями, которыя по каноническимъ правиламъ не допускали меня до посвященія. Я могъ бы опровергнуть эти упреки единогласнымъ показаніемъ вполнѣ достойныхъ свидѣтелей, какъ изъ тѣхъ людей, которые съ ранней юности знаютъ мою жизнь, такъ и тѣхъ, которые были виновниками моего поступленія въ епископскій санъ; но чтобы не показать, что я болѣе полагаюсь на человѣческое, чѣмъ на божеское свидѣтельство, для скорѣйшаго и полнѣйшаго устраненія всякаго соблазна, пусть тѣло господне, которое у меня въ рукахъ, будетъ камнемъ испытанія моей невинности, пусть всемогущій Богъ праведнымъ судомъ своимъ или освободитъ меня отъ подозрѣнія въ взводимыхъ на меня поступкахъ, если я невиненъ, или здѣсь же поразитъ меня внезапною смертью, если я виновенъ“. И много еще въ этомъ смыслѣ говорилъ онъ, какъ обыкновенно въ торжественныхъ случаяхъ призываютъ Бога судіей и защитникомъ своей невинности. Затѣмъ онъ взялъ и вкусилъ тѣло господне. Народъ, видя что онъ вкушаетъ таинство въ полномъ спокойствіи и безопасности, началъ славить Бога и громко выражать папѣ желаніе счастья въ его невинности. Когда все стихло, папа снова обратился къ королю и сказалъ: „Теперь, сынъ мой, если тебѣ угодно, сдѣлай и ты тоже, что я сейчасъ сдѣ-

лалъ. Германскіе князья ежедневно осыпаютъ насъ жалобами на тебя, обвиняя тебя въ столь тяжкихъ проступкахъ, по которымъ ты, по ихъ мнѣнію, навсегда долженъ быть удаленъ не только отъ управленія общественными дѣлами, но и отъ общенія церковнаго и свѣтскаго. Они настоятельно просятъ назначить день и мѣсто для разсмотрѣнія по каноническимъ правиламъ обвиненій, которыя они дѣлаютъ противъ себя. Ты самъ хорошо знаешь, что человѣческій судъ въ большей части случаевъ погрѣшимъ и даже иногда при публичномъ судебномъ изслѣдованіи ложь принимается за истину, по той причинѣ, что судьи, по своей любви къ красивому изложенію дѣла, охотно принимаютъ на вѣру раскрашенную ложь, оставляя безъ всякаго вниманія голую, безъ прикрасъ, истину. Искренно желая тебѣ добра,—за то, что ты въ своемъ несчастіи смиренно искалъ себѣ защиты у апостольскаго престола,—я прошу тебя поступить по моему примѣру. Если ты увѣренъ въ моей невинности и если ты сознаешь, что твоя честь оскорблена злостными обвиненіями враговъ, то поспѣши освободить и церковь божію отъ соблазна, и самого себя отъ неизвѣстности исхода продолжительной распри, прими вотъ эту часть тѣла господня для подтвержденія своей невинности свидѣтельствомъ божіимъ и для загражденія устъ твоимъ клеветникамъ; послѣ того я буду ревностнѣйшимъ поборникомъ твоего дѣла, и твоей невинности, — князья примирятся съ тобой, ты снова получишь королевство, и буря гражданской войны, отъ которой такъ давно неспокойно твое государство, утихнетъ навсегда". Король началъ колебаться, отговариваться, и въ сторонѣ отъ прочихъ, совѣтоваться съ своими приближенными, всячески стараясь отыскать предлогъ къ избѣжанію необходимости испытанія чашею. Возвративъ себѣ присутствіе духа, онъ началъ извиняться предъ папой отсутствіемъ князей, оказывавшихъ ему неизмѣнную преданность въ несчастіи; безъ ихъ совѣта и особенно въ отсутствіи обвинителей, испытаніе, которое онъ перенесетъ въ доказательство своей невинности въ присутствіи только немногихъ свидѣтелей, не будетъ имѣть никакого значенія въ глазахъ маловѣровъ. Затѣмъ онъ усерднѣйше просилъ папу передать это дѣло на публичное обсужденіе княжескаго собранія, гдѣ бы, разсмотрѣвъ напередъ по церковнымъ законамъ какъ жалобы, такъ и лица истцовъ, онъ могъ опровергнуть обвиненія подъ всѣми тѣми условіями, которыя всегда признавались имперскими князьями, какъ справедливыя. Папа согласился на это безъ всякаго затрудненія. По окончаніи божественной литургіи онъ пригласилъ короля на завтракъ, потомъ, угостивъ его самымъ радушнымъ образомъ, заботливо предупреждая при томъ всѣ его желанія, отпустилъ его въ мирѣ къ своей свитѣ, оставшейся внѣ замка. Изъ благой же предусмотрительности, чтобы король не осквернилъ только-что возстановленное общеніе съ церковью, онъ послалъ впередъ епископа Эппо Цейцскаго съ тѣмъ, чтобы тотъ заблаговременно снялъ отлученіе со всѣхъ, составлявшихъ свиту короля.

Когда епископъ вышелъ и объяснилъ итальянцамъ цѣль своего посольства, на него поднялась цѣлая буря гнѣва и неудовольствій. Въ ярости всѣ неистовствовали и руками, и языкомъ, осыпали апо-

стольское посольство наглыми насмѣшками и самою гнусною бранью и проклятіями, какія только приводило имъ на память ихъ бѣшенство: „Мы не обращаемъ, говорили они, ни малѣйшаго вниманія на разрѣшеніе папы, такъ какъ его самого итальянскіе епископы давно уже предали проклятію какъ за то, что онъ взошелъ на апостольскій престолъ симоніей, запятналъ себя смертоубійствомъ, прелюбодѣяніемъ и другими достойными смерти преступленіями [1]); король же поступилъ не такъ, какъ то прилично его сану, и запятналъ свою честь несмываемымъ пятномъ, потому что подчинился еретику, человѣку, загрязненному всевозможными пороками; тотъ, кого они признавали защитникомъ справедливости и блюстителемъ законовъ церковныхъ, своимъ постыднымъ смиреніемъ унизилъ католическую вѣру и значеніе церкви; нанося папѣ оскорбленія, они старались отмстить за него, а онъ, стыдно даже сказать, оставилъ ихъ и, заботясь только о своей безопасности, вступилъ въ связь съ ихъ общимъ врагомъ". Такія рѣчи итальянскихъ князей, распространяемыя ими повсюду въ народѣ, возбуждали во всѣхъ сильное презрѣніе къ королю. Наконецъ, смуты зашли такъ далеко, что всѣ соединились въ одномъ желаніи—отца, сдѣлавшагося недостойнымъ королевской власти, свергнуть съ престола, а сына, не смотря на его малолѣтство и еще незрѣлость для государственныхъ занятій, провозгласили королемъ, и, явясь вмѣстѣ съ нимъ въ Римъ, выбрать новаго папу, чтобы его рукой помазать и новаго короля въ императоры, а всѣ дѣянія свергнутаго папы объявить недѣйствительными.

Получивъ извѣстіе объ этомъ заговорѣ, король поспѣшилъ отправить бывшихъ при немъ князей съ порученіемъ употребить всѣ усилія и средства къ успокоенію взволнованныхъ умовъ и объяснить имъ, что онъ дѣйствовалъ, вынужденный крайней необходимостію для общаго блага, и что потому они не должны ни оскорбляться, ни думать, что онъ чѣмъ нибудь опозорилъ ихъ; что, не освободившись отъ церковнаго отлученія, онъ ничего не могъ бы добиться ни у германскихъ князей, которые стараются лишить его короны разными козвями и клеветами, ни у римскаго папы, который на защиту святой церкви держитъ въ рукахъ своихъ духовное оружіе; что теперь онъ разрушилъ всѣ преграды, какія поставили на пути его враги, и всю свою заботливость и дѣятельность обратить на мщеніе за сдѣланную ему неправду. Съ трудомъ успѣли, наконецъ, не загасить, а нѣсколько утишить вспыхнувшій пожаръ. Большая часть князей въ гнѣвѣ оставили лагерь и безъ позволенія возвратились на родину. Другіе на время скрыли свое неудовольствіе и хотя принимали возвратившагося короля миролюбиво, но, при этомъ, ни оказывали ему должнаго почтенія, ни доставляли ему продовольствія въ приличномъ его сану количествѣ. Повсюду жаловались на его легкомысліе и неспособность, ругали его за безпечность, съ которою онъ совершенно обманулъ надежды Италіи, и ничего не сдѣлалъ для облегченія ея страданій. Когда онъ ѣздилъ по Италіи, по королев-

---

[1]) Всѣ эти народныя обвиненія собралъ Бенно; см. у насъ, выше, ст. 58, на стр. 792.

скому обычаю, съ цѣлію оказать справедливость притѣсненнымъ и обиженнымъ, его не принимали и не провожали, какъ прежнихъ королей, съ факелами и радостными восклицаніями, но заставляли за городомъ разбивать палатки, и туда доставляли ему и его войску продовольствіе, и то въ незначительномъ количествѣ, скорѣе для удовлетворенія необходимѣйшихъ потребностей, чѣмъ для приличествующей королевскому столу роскоши, и то для того только, чтобы до времени не прибѣгать къ совершенному разрыву. Повсюду ставили стражу, чтобы вооруженной рукой обуздать тѣхъ изъ королевскаго войска, которые надѣялись кое-чѣмъ поживиться въ поляхъ и деревняхъ.

Король, испуганный такимъ настроеніемъ умовъ, поздно увидалъ, что, необдуманно довѣрившись неизвѣстному для него народу, и удалившись отъ границъ Германіи, попалъ на новаго врага. Теперь ему не оставалось другого выхода изъ такого опаснаго положенія, какъ искать примиренія съ итальянцами, и, если то удастся, снова расположить къ себѣ ихъ оскорбленныя сердца. Но чтобы достичь того, ему оставалось одно единственное средство опять разорвать связь съ папою и такимъ образомъ возстановить согласіе тѣмъ же самымъ обстоятельствомъ, изъ-за котораго произошелъ раздоръ. Поэтому онъ опять призвалъ къ себѣ Удальрика Косгеймскаго и прочихъ, удаленныхъ изъ его свиты подъ строгимъ церковнымъ отлученіемъ, и поставивъ ихъ на прежнюю степень своей милости и довѣрія, возвратилъ имъ прежнее значеніе и преимущества въ совѣтѣ какъ по своимъ собственнымъ, такъ и по общественнымъ дѣламъ. Затѣмъ безотлагательно обвинилъ папу въ томъ, что онъ поддерживаетъ бурю мятежа въ государствѣ, объявилъ его виновникомъ и зачинщикомъ всѣхъ волненій, какія перенесла въ послѣднее время церковь божія; вмѣстѣ съ этимъ онъ убѣждалъ всѣхъ идти подъ его предводительствомъ и знаменемъ мстить ему за столь великое зло. Потомъ разорвавъ всѣ условія и ограниченія церковныхъ законовъ, которыми папа связалъ его, по своему апостольскому полномочію, ради его же спасенія, какъ паутинную ткань, и безъ страха божія кинулся на все, что позволяли ему его страсти, порочность и необузданное своеволіе. Все это тотчасъ разсѣяло неудовольствіе итальянскихъ князей и потушило ихъ ярость; ихъ преданность къ нему опять ожила, и они ежедневно въ огромномъ количествѣ начали стекаться къ нему и обѣщали ему полнѣйшую свою помощь и преданность во всемъ, что онъ ни прикажетъ имъ. Изъ нѣмецкихъ князей при немъ тогда были: Лимаръ, архіепископъ Бременскій, Эппо, епископъ Цейцскій, Бенно, епископъ Оснабрюкскій, Бургардъ, епископъ Лозанскій, Бургардъ, епископъ Базельскій; изъ міранъ: Удальрикъ, Эбергаръ, Бертольдъ и почти всѣ тѣ, которыхъ, въ Оппенгеймѣ, апостольскіе послы подъ церковнымъ проклятіемъ удалили отъ общенія съ нимъ; возвративъ себѣ церковное общеніе и узнавъ, что и онъ примирился съ церковью, они всѣ собрались къ нему и съ того времени были его неразлучными спутниками во всѣхъ его странствованіяхъ.

Между тѣмъ (февр. 1077), епископы Майнцскій, Вюрцбургскій и Метцскій, герцоги Рудольфъ, Вельфъ и Бертольдъ собрались для со-

вѣщанія объ общемъ благѣ и положили, чтобы саксонскіе князья и всѣ, кому дорого общественное дѣло, явились 13 марта въ Форгеймъ, чтобы рѣшить тамъ по общему согласію, что дѣлать; это тѣмъ болѣе было нужно, что, въ отсутствіе короля, господствовало всюду спокойствіе, и время было самое благопріятное для совѣщаній и устройства дѣлъ. Равнымъ образомъ, они написали письмо къ папѣ, въ которомъ говорилось, что если онъ, поддавшись хитрости короля, не прибылъ по уговору въ Аугсбургъ ко дню Срѣтенія Божіей Матери, то по крайней мѣрѣ пусть постарается теперь явиться въ извѣстный день лично въ Форгеймъ, и тамъ принять кормило апостольскаго правленія для прекращенія гражданскаго мятежа, который уже давно грозитъ опасностью государству. Папа былъ еще въ Канузіѣ и другихъ близкихъ къ нему за̀мкахъ, и намѣревался не прежде возвратиться въ Римъ, какъ по совершеніи начатаго путешествія, и исполнивъ съ божьей помощью свое предпріятіе—возвратить миръ церкви божіей. Онъ давно и многократно уже слышалъ, что король измѣнилъ свое намѣреніе, таитъ въ своемъ сердцѣ вражду къ нему, и, пренебрегши условіями, подъ которыми онъ былъ освобожденъ отъ церковнаго проклятія, твердо рѣшился противиться церковнымъ законамъ вооруженною рукой. Получивъ же письмо отъ князей, онъ послалъ къ королю одного изъ кардиналовъ-епископовъ и другихъ, способныхъ къ тому лицъ, объявить ему, что пришло время исполнить обѣщаніе; 13 марта соберутся въ Форгеймѣ германскіе имперскіе князья, чтобы, если угодно будетъ Богу, привести тамъ въ порядокъ государственныя дѣла; по своему обѣщанію, онъ долженъ явиться туда и отвѣтить на обвиненія, безвинно, по его словамъ, взнесенныя на него клеветниками; между тѣмъ, онъ, папа, какъ предсѣдатель, приметъ тамъ на себя изслѣдованіе и рѣшеніе дѣла; этимъ, продолжалъ папа, король много бы сдѣлалъ для улучшенія своего положенія и спасенія, какъ въ очахъ божіихъ, такъ и предъ людьми; освободилъ бы церковь отъ соблазна, государство отъ междоусобія, и себя самого отъ пятенъ позорной молвы; тамъ, по церковно-каноническому изслѣдованію и рѣшенію дѣла, которое будетъ начато противъ него, онъ или удержитъ за собой королевство, или безвозвратно потеряетъ его. Король уклончиво отвѣчалъ на это посламъ: со дня вступленія своего на престолъ, онъ еще въ первый разъ пришелъ въ Италію, отчего въ ней во многихъ государственныхъ дѣлахъ произошла большая запутанность; не устранивши того, онъ не можетъ скоро оставить страны, тѣмъ болѣе, что этимъ онъ нанесъ бы оскорбленіе итальянцамъ, которые съ давняго времени и нетерпѣливо ожидали его прибытія къ нимъ; кромѣ того день имперскаго сейма слишкомъ уже близокъ, такъ что ко времени его ни на какой быстрой лошади не успѣешь проѣхать такое обширное пространство, если даже и не встрѣтится другихъ препятствій. Съ этими словами онъ отпустилъ пословъ.

Тогда папа, убѣдившись въ непостоянствѣ короля и во всемъ, о чемъ до того времени зналъ только по слухамъ, не медля послалъ аббата Массилійскаго (Марсельскій) Бернгарда, человѣка безукоризненнаго поведенія и многихъ добродѣтелей во Христѣ, вмѣстѣ съ

другимъ Бернгардомъ, кардиналомъ-діакономъ святой римской церкви, къ нѣмецкимъ князьямъ, — имѣвшимъ намѣреніе, какъ выше было сказано, собраться въ Форгеймѣ, — передать все случившееся и сказать, что онъ всячески старался прибыть для совѣщанія объ общемъ благѣ по уговору въ назначенный день и въ извѣстное мѣсто, но король Гейнрихъ занялъ стражею всѣ проходы, чрезъ которые ему нужно ѣхать, такъ что нельзя безъ опасности ни пройти въ Германію, ни воротиться оттуда; поэтому онъ совѣтуетъ пока позаботиться объ устройствѣ своихъ собственныхъ дѣлъ и о королевствѣ франковъ, которое уже давно страдаетъ отъ ребяческаго легкомыслія одного человѣка, а тамъ, если угодно будетъ Богу, онъ, можетъ быть, и самъ явится къ нимъ по устраненіи препятствій къ пути, чтобы съ общаго согласія, на основаніи церковныхъ законовъ, рѣшить все то, что касается общаго блага, ихъ чести и мира церкви (февр. 1077).

А я, между тѣмъ, по примѣру утомленнаго лѣнью поэта, чувствуя въ концѣ своего труда усталость, и подавленный тяжестью своего неизмѣримаго труда, считаю наконецъ себя достигшимъ цѣли въ разсказѣ, который, повидимому, растянулся очень далеко; быть можетъ кому нибудь другому будетъ угодно приложить свою руку къ описанію остальной части этой исторіи, въ такомъ случаѣ онъ весьма удобно можетъ начать свой трудъ избраніемъ короля Рудольфа (Швабскаго, анти-короля).

Ламбертъ Герсфельдскій.

Annales ab O. C.—1077.—Подъ 1076 и 77 годами.

Ламбертъ Герсфельдскій (Lambertus Hersfeldensis) родился 1034—38 года, въ Гессенѣ, былъ впослѣдствіи тамъ же монахомъ въ монастырѣ Герсфельдъ; въ 1058 г. онъ получилъ священство въ Ашаффенбургѣ (почему онъ извѣстенъ также подъ именемъ Ашаффенбургскаго); въ томъ же году ходилъ на поклоненіе въ Іерусалимъ; съ 1060 г., Ламбертъ оставался при своемъ монастырѣ до самой смерти, послѣдовавшей вскорѣ послѣ 1080 г., и слѣдовательно, проживая въ странѣ, которая была въ ту эпоху театромъ военныхъ дѣйствій по поводу саксонской войны, могъ потому близко наблюдать все происходившее около него. Къ этому важному условію достовѣрности Ламбертъ присоединялъ и другія преимущества, которыя его поставили на первое мѣсто въ ряду бытописателей XI вѣка: онъ получилъ отличное образованіе на классической литературѣ, превосходно владѣлъ латинскимъ языкомъ, что было необходимо въ эпоху исключительнаго господства латыни, обладалъ талантомъ изображать описываемое имъ съ чрезвычайною живостью, наглядностью и въ строгомъ порядкѣ, но что всего важнѣе, умѣлъ сохранить до извѣстной степени безпристрастіе въ эпоху, когда писали такія лица, какъ Бенно. Хотя онъ и остается вѣрнымъ сыномъ римской церкви, но это не мѣшаетъ ему сознаваться, что порча духовенства происходила не отъ одного вліянія свѣтской власти на церковь, а и отъ внутреннихъ причинъ; потому среди самаго разгара страстей, когда врагъ папы, Гейнрихъ IV, торжествовалъ въ 1075 г. свою побѣду надъ саксами, Ламбертъ съ величайшимъ безпристрастіемъ приводитъ любопытную сцену избранія Фульдскаго аббата, которая, въ противность утвержденіямъ Гильдебранда, доказываетъ, что причина симоніи лежала далеко не въ Гейнрихѣ

IV (см. слѣд. ст. 61). Анализъ содержанія „Хроники отъ С. М. до 1077 г.“, см. выше въ началѣ статьи, на стр. 798:—*Изданія*: Pertz, Mon. V, 134—236, и особое изданіе in usum scholarum: Hannov. 1843 (27½ згр.). — *Переводы*: Нѣмец. Hesse (Berl. 1855) въ Geschichts. d. d. Vorzeit. Lief. 24. — *Критика*: Ranke, Zur Kritik fränk. deutsch. Reichsannal. (Einhard und Lambert). Berl. 1854 (Abhandl. d. Acad. d. Wissenschaft. p. 436—458).

---

61. — Сцена назначенія въ духовную должность при Гейнрихѣ IV. 1075.

(Въ 1080 г.).

После побѣды надъ саксами, Гейнрихъ IV сдѣлалъ сеймъ въ 1075 г., въ Шпейерѣ, а оттуда прибылъ на зиму въ Вормсъ, гдѣ и занялся государственными дѣлами, въ числѣ которыхъ было нѣсколько вакантныхъ замѣщеній духовныхъ мѣстъ; потому король приказалъ 30 ноября того же года созвать князей на слѣдующій день для выборовъ.

На слѣдующій день (1 дек. 1075 г.), когда король вмѣстѣ съ князьями открылъ засѣданіе для избранія аббата Фульдскаго монастыря, поднялось страшное соперничество между аббатами и монахами, которые собрались туда изъ различныхъ мѣстъ во множествѣ. Подобно тому, какъ бываетъ на торжественныхъ игрищахъ, каждый изъ нихъ всѣми силами оспаривалъ добычу: одинъ обѣщалъ золотыя горы, другой намекалъ на щедрыя раздачи леновъ изъ имущества Фульды, третій обѣщалъ оказать большія услуги государству, но всѣ въ своихъ обѣщаніяхъ превышали всякую мѣру. И—„о времена, о нравы“ (Горац.)! „О мерзость запустѣнія“ (пр. Даніилъ)!—въ наши дни маммонъ всенародно возсѣлъ въ храмѣ божіемъ и сталъ надъ Богомъ и божественною службой. Аббаты и монахи до того увлечены духомъ корысти, что подъ его вліяніемъ не питаютъ уваженія къ имени Христову и къ своей собственной одеждѣ и обѣтамъ; ихъ не пугаетъ свѣжій примѣръ епископа Бамбергскаго (изгнаннаго недавно за симонію), котораго за день предъ тѣмъ не только лишили должности, но и отлучили отъ церкви, потому что онъ достигъ епископства незаконнымъ путемъ. Безстыдство искателей внушило сильнѣйшее отвращеніе королю, какъ то и было справедливо; осаждаемый со всѣхъ сторонъ просьбами, онъ неожиданно, какъ бы вдохновленный свыше, поставилъ аббатомъ Фульды гервельдскаго монаха Розелина, прибывшаго ко двору по дѣламъ своего монастыря и по порученію собственнаго аббата. Король вызвалъ его на средину собранія, когда тотъ нисколько не догадывался и чудомъ неожиданности былъ безконечно пораженъ, вручилъ ему посохъ, подалъ за него голосъ и потомъ убѣдительно просилъ другихъ, какъ монаховъ, такъ и вассаловъ, дать свое согласіе на этотъ выборъ. Когда всѣ присутствовавшіе съ радостью согласились, ему было повелѣно принять аббат-

ство; онъ долго отговаривался своею неопытностію, плохимъ здоровьемъ, отсутствіемъ своего аббата, но, наконецъ, хотя и съ трудомъ, согласился принять званіе по убѣжденію епископовъ. Подобное случилось незадолго передъ тѣмъ, вслѣдствіе смерти Удальрика, аббата Лорессона; монахи и вассалы собрались ко двору и избрали того, который еще какъ пріоръ пользовался милостію короля и своею услужливостію подкупилъ его расположеніе, а потому всѣ и были увѣрены въ согласіи. Но король внезапно избралъ другого монаха того же монастыря, Адальберта, который пришелъ съ остальною братіей и ни о чемъ подобномъ не думалъ; ко всеобщему удивленію Гейнрихъ передалъ ему посохъ, такъ что тотъ самъ отъ неожиданности почти потерялъ разсудокъ.

Ламбертъ Герсфельдскій.
Annales ab O. C.—1077.—Подъ 1075 годомъ.

О Ламбертѣ и его сочиненіи см. выше, въ примѣчаніи къ ст. 60, на стр. 810

62.—О завоеваніи Англіи норманнами. 1066 г.

(Въ 1828 г.).

По сверженіи датскаго ига, въ 1045 г., въ Англію возвратился представитель національной династіи Альфреда В., Эдуардъ Исповѣдникъ, укрывавшійся при дворѣ своего родственника Вильгельма Побочнаго, герцога Нормандіи. Главнымъ виновникомъ его возвращенія былъ любимецъ народный, графъ Годвинъ, и его дѣти, Гарольдъ и Тости. Они стояли во главѣ національной партіи, между тѣмъ, какъ съ Эдуардомъ явилось много норманновъ, съ которыми король сблизился во время изгнанія. Потому между Эдуардомъ и Годвиномъ скоро произошло охлажденіе: Годвинъ смотрѣлъ недовѣрчиво на новое административное иго норманновъ, занимавшихъ государственныя должности, а норманны ненавидѣли королевскаго министра; дѣло дошло до междоусобія, и Годвинъ принужденъ былъ дать королю заложниковъ въ обезпеченіе своей вѣрности, а Эдуардъ препроводилъ ихъ въ Нормандію къ Вильгельму. Въ 1053 г. умеръ Годвинъ, и мѣсто его занялъ сынъ Гарольдъ, ставшій во главѣ англо-саксонскихъ патріотовъ. Гарольдъ былъ сначала озабоченъ однимъ характеромъ своего брата Тости, который возмущалъ даже соотечественниковъ своею жестокостью; но Гарольдъ изгналъ его во Фландрію и возстановилъ въ странѣ совершенное спокойствіе.

По изгнаніи Тости (1063 г.), внутренній миръ въ Англіи продолжался уже два года безъ всякихъ смутъ. Нерасположеніе короля Эдуарда къ сыновьямъ Годвина исчезало по отсутствію поводовъ къ неудовольствіямъ и по привычкѣ жить между ними. Гарольдъ, новый глава въ этомъ семействѣ, любимомъ народомъ, воздавалъ королю искомыя имъ уваженіе и повиновеніе. Нѣкоторыя изъ древнихъ пре-

даній говорятъ, что Эдуардъ любилъ его и обходился съ нимъ какъ съ роднымъ сыномъ; по крайней мѣрѣ, не замѣтно было, чтобъ онъ сохранилъ къ нему то робкое зложелательство, которое внушалъ ему къ себѣ Годвинъ, а потому королю не было уже надобности задерживать, въ видахъ обезпеченія противъ сына, заложниковъ, взятыхъ имъ отъ отца. Эти заложники были ввѣрены подозрительнымъ Эдуардомъ надзору герцога Нормандіи. Около десяти лѣтъ они жили внѣ своей родины, какъ бы въ плѣну. Къ концу 1065 года, Гарольдъ, братъ одного и дядя другого заложника, считая наступившее время благопріятнымъ для исходатайствованія имъ освобожденія, просилъ у короля позволить ему ѣхать за ними, отъ его имени, и возвратить ихъ изъ ссылки. При совершенномъ согласіи на освобожденіе заложниковъ, Эдуардъ былъ, однакожъ, очень озабоченъ намѣреніемъ Гарольда лично отправиться въ Нормандію. „Не запрещаю тебѣ“, сказалъ онъ ему, „но если ты поѣдешь, то поступишь противъ моего согласія, потому что, безъ сомнѣнія, твое путешествіе навлечетъ какое-нибудь несчастіе на тебя и на нашу страну. Я знаю герцога Вильгельма и его коварный умъ; онъ тебя ненавидитъ и ничего для тебя не сдѣлаетъ иначе, какъ за большія выгоды для себя. Единственное средство къ возвращенію отъ него заложниковъ есть посылка за ними кого нибудь другого, а не тебя“.

Отважный и довѣрчивый саксъ не принялъ этого предостереженія: онъ отправился въ путь, какъ на прогулку, окруженный веселыми спутниками, съ соколомъ на рукѣ и стаей собакъ предъ собою. Онъ отплылъ изъ одной пристани области Суссекской. Неблагопріятный вѣтеръ отбросилъ два его корабля къ устьямъ рѣки Соммы, на землю Гюи, графа Понтіё. Въ этой приморской странѣ, какъ и во многихъ другихъ, существовалъ въ древніе вѣка обычай, по которому всякій чужестранецъ, брошенный на берегъ бурею, не только не находилъ человѣколюбивой помощи, но подвергался плѣну и требованію выкупа. Гарольдъ и его товарищи испытали на себѣ этотъ жестокій обычай: отнявъ все лучшее изъ ихъ имущества, Гюи заключилъ путешественниковъ въ свою крѣпость Бельрамъ, нынѣ Борень, близъ Монтрёля.

Желая избавиться отъ тоски долговременнаго заключенія, саксъ объявилъ себя посланнымъ съ извѣщеніемъ отъ короля англійскаго къ герцогу Нормандіи, и просилъ Вильгельма высвободить его изъ плѣна, чтобъ онъ могъ явиться къ нему по назначенію. Вильгельмъ, не колеблясь, съ угрозою потребовалъ отъ своего сосѣда освобожденія плѣнника, даже не упоминая о выкупѣ. Графъ Понтіё былъ глухъ къ угрозамъ, и уступилъ своихъ заключенныхъ за большую сумму денегъ и хорошую землю по рѣчкѣ Омѣ. Гарольдъ прибылъ въ Руанъ, и, такимъ образомъ, въ рукахъ герцога Нормандіи очутился сынъ величайшаго врага норманновъ, одинъ изъ предводителей народнаго союза, изгнавшаго изъ Англіи друзей и родственниковъ Вильгельма, его представителей въ домогательствѣ на англійское королевство. Герцогъ Вильгельмъ принялъ саксонскаго предводителя съ большимъ почетомъ и съ видомъ искренняго дружелюбія; онъ сказалъ, что одной Гарольдовой просьбы достаточно для совершеннаго освобожденія

обоихъ заложниковъ, и что они могутъ отправиться съ нимъ немедленно, но ему, какъ вѣжливому гостю, не слѣдуетъ такъ торопиться, а должно посвятить хотя нѣсколько дней на то, чтобъ полюбоваться городами и праздниками Нормандіи. Гарольдъ разгуливалъ изъ города въ городъ, изъ за́мка въ за́мокъ, и съ молодыми своими спутниками принималъ участіе въ военныхъ играхъ. Герцогъ пожаловалъ ихъ рыцарями, т.-е. членами высшаго норманскаго военнаго сословія. Богатые люди, посвящавшіе себя оружію, вводились въ это братство однимъ изъ заслуженныхъ въ немъ товарищей и торжественно принимали отъ него мечъ, перевязь съ серебряными бляхами и копье, украшенное значкомъ. Саксонскіе воины получали отъ своего воспріемника въ рыцарство прекрасное оружіе и весьма цѣнныхъ лошадей. Потомъ Вильгельмъ предложилъ своимъ гостямъ, для испытанія данныхъ имъ новыхъ шпоръ, сопутствовать ему въ военной экспедиціи противъ бретонскихъ сосѣдей. Со времени договора въ Сен-Клерѣ на Эптѣ (912 г.; см. выше на стр. 228), каждый изъ герцоговъ Нормандіи пытался осуществить мнимое право господства надъ Бретанью, уступленное Роллѣ Карломъ Простымъ. Отсюда постоянныя войны и народная вражда между обѣими странами, отдѣляемыми одна отъ другой маленькой рѣчкой Коэноной.

Гарольдъ и его товарищи, по тщеславію, желавшіе пріобрѣсть между норманнами славу людей храбрыхъ, отличались въ схваткѣ съ бретонцами на пользу своего гостепріимнаго хозяина, не думая о томъ, что придетъ время, когда и они сами и ихъ отчизна поплатятся за эти подвиги. Сынъ Годвина, сильный и ловкій, спасъ многихъ норманновъ, погибавшихъ въ сыпучихъ и подвижныхъ пескахъ, при переправѣ черезъ Коэнону. И онъ, и Вильгельмъ, во все время войны, имѣли одинъ общій шатеръ и общій столъ. На обратномъ пути они скакали другъ возлѣ друга, сокращая время дружескими разговорами, и Вильгельмъ однажды свелъ рѣчь на воспоминанія о своихъ юношескихъ связяхъ съ англійскимъ королемъ. Когда „Эдуардъ и я", сказалъ онъ саксу, „жили, какъ два брата, подъ одною кровлей, онъ обѣщалъ мнѣ, если когда-нибудь сдѣлается королемъ Англіи, назначить меня наслѣдникомъ своей короны. Гарольдъ, желалъ бы я, чтобъ ты содѣйствовалъ къ исполненію этого обѣщанія, и будь увѣренъ, что если твоей помощью я получу королевство, то чего бы ты отъ меня ни попросилъ, все тебѣ дамъ". Гарольдъ, до крайности удивленный такимъ нежданнымъ открытіемъ, не могъ отвѣчать иначе, какъ неопредѣленными выраженіями одобренія, а Вильгельмъ продолжалъ: „Такъ-какъ ты соглашаешься мнѣ служить, то обяжись укрѣпить Дувръ, вырой тамъ колодезь для ключевой воды и сдай это укрѣпленіе моимъ людямъ. Довѣрь мнѣ твою сестру: я выдамъ ее замужъ за одного изъ моихъ бароновъ; а самъ ты женись на моей дочери, Аделизѣ. Сверхъ того, оставь мнѣ порукою въ выполненіи твоего обѣщанія одного изъ двухъ просимыхъ тобою заложниковъ: онъ останется пока у меня, а я возвращу его тебѣ въ Англіи, когда пріѣду туда королемъ". При этихъ словахъ, Гарольдъ почувствовалъ всю грозящую ему опасность, которой онъ невольно подвергъ и двухъ молодыхъ своихъ родственниковъ. Чтобъ выйти изъ

своего затруднительнаго положенія, онъ голословно согласился на всѣ требованія норманна; и такъ, предводитель, два раза принимавшійся за оружіе, чтобъ изгнать чужестранцевъ изъ своей отчизны, обѣщалъ передать такому же чужестранцу главнѣйшую крѣпость той же отчизны. Полагая найти во лжи спасеніе и покой, онъ предоставилъ себѣ нарушить впослѣдствіи это постыдное обязательство. Вильгельмъ болѣе не настаивалъ, но далъ этотъ покой саксу не надолго.

По прибытіи въ замокъ Байё, герцогъ Вильгельмъ созвалъ свой дворъ и великій совѣтъ высокихъ бароновъ Нормандіи. Старинныя преданія говорятъ, что наканунѣ дня, назначеннаго для собранія, Вильгельмъ велѣлъ взять изъ городскихъ и окрестныхъ церквей всѣ хранившіяся въ нихъ мощи. Части мощей и цѣлыя тѣла святыхъ, вынутыя изъ ракъ, были, по его приказанію, положены въ просторное вмѣстилище, въ родѣ чана, накрыты богатѣйшею золотою парчею и поставлены въ залѣ совѣта. Герцогъ сѣлъ на свой тронъ, имѣя на головѣ корону, а въ рукѣ обнаженный мечъ: его окружила норманская знать, въ числѣ которой былъ и саксъ Гарольдъ. Принесли два небольшіе останка и положили ихъ на золотую парчу, покрывавшую всю кадь, наполненную мощами. „Гарольдъ,“ сказалъ тогда Вильгельмъ, „приглашаю тебя, въ кругу этого благороднаго собранія, подтвердить клятвою данныя тобою мнѣ обѣщанія, а именно: помочь мнѣ получить въ наслѣдство, по смерти короля Эдуарда, королевство Англію, жениться на дочери моей Аделизѣ и прислать ко мнѣ твою сестру для выдачи въ замужество за одного изъ моихъ“. Англосаксъ, опять застигнутый врасплохъ и не смѣя отречься отъ прежнихъ своихъ словъ, подошелъ къ мощамъ, простеръ на нихъ руку и поклялся выполнить, по силѣ и возможности, свои условія съ герцогомъ, если только будетъ живъ, и Богъ ему въ томъ поможетъ. Все собраніе повторило: „Помоги ему, Боже!“ Вильгельмъ далъ знакъ: подняли золотую парчу, и открылись мощи святыхъ, наполнявшія чанъ до самыхъ его краевъ. Надъ ними-то произнесъ клятву сынъ Годвина, неподозрѣвавшій такой святыни подъ парчевымъ покровомъ. Замѣтили, что, при видѣ открытыхъ мощей, Гарольдъ затрепеталъ и измѣнился въ лицѣ, устрашенный произнесеніемъ священнѣйшей клятвы. Нѣсколько времени спустя, онъ уѣхалъ вмѣстѣ съ своимъ племянникомъ, оставивъ, вопреки своему желанію, во власти норманскаго герцога младшаго своего брата, Ульфнота. Вильгельмъ проводилъ его до взморья, опять одарилъ его на разставаньи, радуясь, что вырвалъ у англосакса, наиболѣе способнаго противодѣйствовать норманскимъ замысламъ, торжественное обѣщаніе, скрѣпленное страшнѣйшею клятвою, содѣйствовать и служить норманну.

Когда Гарольдъ, прибывъ въ Англію, явился къ королю Эдуарду и разсказалъ ему все происшедшее между нимъ и герцогомъ Нормандіи, король задумался, и потомъ сказалъ: „Не предупреждалъ ли я тебя, что знаю Вильгельма, и что твое путешествіе навлечетъ большія несчастія и на тебя и на нашъ народъ? Дай Богъ, чтобы несчастія случились не при моей жизни.“ Эти печальныя слова какъ будто высказываютъ, что дѣйствительно, въ дни молодости и неопытности,

Эдуардъ безразсудно обѣщалъ иностранцу королевство, ему самому непринадлежавшее. Неизвѣстно, поддержалъ ли онъ, по вступленіи своемъ на престолъ, какимъ либо намекомъ властолюбивые замыслы Вильгельма; но если и не было объ этомъ рѣчи, то постоянная дружба къ норманну замѣняла послѣднему положительныя увѣренія и обнадеживала въ добромъ расположеніи короля къ его видамъ.

Какіе бы ни были прежде тайные переговоры норманскаго герцога съ римскимъ дворомъ, но съ этого времени они получаютъ прочное основаніе и опредѣленное направленіе. Клятва, произнесенная надъ мощами, какъ бы ни была нелѣпа эта клятва, въ случаѣ ея нарушенія, требовала мщенія церкви, и въ подобныхъ обстоятельствахъ, согласно понятіямъ вѣка, церковь карала законно. По предчувствію ли бѣдствій, которыми угрожалъ Англіи гнѣвъ духовной власти съ алчностью норманновъ, или по неопредѣленнымъ впечатлѣніямъ суевѣрнаго ужаса, англійскимъ народомъ овладѣло уныніе. Ходили странные слухи; пугались и страшились, не имѣя дѣйствительныхъ поводовъ къ страху; разъискивали предсказанія, будто-бы сохранившіяся отъ святыхъ прежнихъ временъ. Одинъ пророчилъ такія бѣдствія, какихъ не испытывали саксы со временъ своего отбытія съ береговъ Эльбы; другой предсказывалъ вторженіе народа невѣдомаго языка и рабство англовъ подъ властителями, идущими изъ-за моря. Всѣ подобные слухи, которымъ прежде не вѣрили, а также и вновь изобрѣтаемыя вѣсти начали слушать жадно и ожидали совершенія какого-то неизбѣжнаго несчастія.

Здоровье короля Эдуарда, слабаго по природѣ и кажется начинавшаго принимать большее участіе въ судьбахъ своего народа, начало, послѣ этихъ событій, замѣтно упадать. Онъ не могъ утаить отъ самого себя, что привязанность его къ иностранцамъ была единственною причиною гибели, ожидающей Англію; онъ упалъ духомъ еще болѣе, нежели народъ. Чтобы заглушить свои печальныя мысли, а можетъ быть и угрызенія совѣсти, онъ предался вполнѣ подробнѣйшему выполненію церковныхъ обрядовъ, роздалъ много вкладовъ по монастырямъ, и послѣдній часъ застигъ его среди такой праздной и скучной жизни. На смертномъ одрѣ онъ безпрестанно предавался мрачнымъ предчувствіямъ; его посѣщали страшныя видѣнія, и, въ болѣзненномъ бреду, грозящія библейскія сказанія, невольно и безпорядочно, приходили ему на память: „Господь натянулъ свой лукъ", говорилъ онъ: „Господь извлекъ свой мечъ и потрясаетъ имъ какъ воитель; пламенемъ и желѣзомъ разразится гнѣвъ господень." Слова эти леденили ужасомъ приближенныхъ, окружавшихъ постелю короля; а Стигандъ, архіепископъ канторберійскій, не удержался и со смѣхомъ укорялъ людей, трепетавшихъ отъ бреда больного старика.

Какъ ни былъ слабъ умомъ старикъ Эдуардъ, ему однакожъ достало духа объявить, передъ смертью, знатнѣйшимъ лицамъ, совѣтовавшимся съ нимъ о выборѣ ему преемника, что, по его мнѣнію, преимущественно передъ всѣми достоинъ царствовать Гарольдъ, сынъ Годвина. Назвавъ въ этотъ часъ Гарольда, умирающій король сталъ выше своихъ прежнихъ предупрежденій и даже выше связей

кровнаго родства: въ Англіи былъ въ то время внукъ Эдмунда Желѣзный-Бокъ, рожденный въ Венгріи, куда укрылся его отецъ во время датскихъ гоненій. Молодой этотъ человѣкъ, по имени Эдгаръ, не имѣлъ ни дарованій, ни достаточной извѣстности и едва говорилъ по-саксонски, потому-что провелъ молодость въ чужой странѣ. Подобный наслѣдникъ не могъ соперничать съ Гарольдомъ, храбрымъ, богатымъ, разрушителемъ чужестраннаго владычества. Гарольдъ былъ человѣкъ, наиболѣе способный противостать опасностямъ, откуда бы онѣ ни угрожали странѣ. Если бы даже умиравшій король не указалъ на него прочимъ вождямъ, то и въ такомъ случаѣ общій голосъ назвалъ бы его королемъ. Онъ былъ выбранъ на другой день послѣ похоронъ Эдуарда и коронованъ архіепископомъ Стигандомъ, котораго римская церковь не признавала въ этомъ санѣ. Внукъ пастуха Ульфнота, съ самаго вступленія своего на престолъ, показалъ себя справедливымъ, мудрымъ, доступнымъ, дѣятельнымъ на пользу страны и, говоритъ древней историкъ, не щадившимъ себя ни въ какихъ трудахъ ни на землѣ, ни на морѣ.

Много ему предстояло заботъ и трудовъ, чтобы пересилить выказывавшееся съ разныхъ сторонъ всеобщее уныніе. Явленіе кометы, видимой въ Англіи въ теченіе цѣлаго мѣсяца, произвело на умы чрезвычайное впечатлѣніе ужаса и удивленія. Народъ сходился на улицахъ и площадяхъ городовъ и селеній, чтобы разсматривать это чудо, въ которомъ видѣли подтвержденіе общихъ предчувствій. Монахъ изъ Мальмесбюри, занимавшійся астрономіей, сочинилъ родъ поэтическаго воззванія къ новой кометѣ, въ которомъ между прочимъ сказано: „Наконецъ ты опять появилась, ты, которая заставишь плакать столькихъ матерей! Много лѣтъ не видалъ я твоего блеска; но теперь, предвѣщая разореніе моей отчизны, ты мнѣ кажешься болѣе грозною".

Начало новаго царствованія обозначилось совершеннымъ возвращеніемъ къ народнымъ обычаямъ, пренебреженнымъ въ предшествовавшее царствованіе. Въ хартіяхъ короля Гарольда старинная саксонская подпись имени замѣнила норманскія привѣсныя печати. Однакожъ, при всѣхъ преобразованіяхъ, король не отрѣшилъ отъ должности и не удалилъ изъ Англіи тѣхъ норманновъ, которые были тамъ оставлены, вопреки закону, по снисхожденію къ нимъ короля Эдуарда. Эти чужестранцы продолжали пользоваться всѣми гражданскими правами; но, мало благодарные за великодушіе Гарольда, они пустились работать, какъ внутри, такъ и внѣ Англіи, для норманнскаго герцога. Они послали къ Вильгельму съ извѣстіемъ о смерти Эдуарда и выборѣ въ короли Годвинова сына.

Герцогъ Нормандіи узналъ эту новость въ своемъ паркѣ близъ Руана. Онъ держалъ въ рукахъ лукъ и пробовалъ на немъ новыя стрѣлы, когда пришло къ нему важное извѣстіе. Вдругъ онъ задумался, отдалъ лукъ одному изъ приближенныхъ и, переправясь черезъ Сену, вошелъ въ свой руанскій дворецъ. Онъ началъ ходить вдоль и поперекъ по большой залѣ, то садился, то вставалъ, перемѣнилъ мѣсто и положеніе, и никакъ не могъ успокоиться. Никто не смѣлъ къ нему подойти: всѣ стояли поодаль и посматривали въ

молчаніи. Тогда вошелъ одинъ изъ военачальниковъ, ближайшій довѣренный герцога. Къ нему обратились прочіе, спрашивая о причинѣ тревожнаго состоянія, въ которомъ они видѣли Вильгельма. „Ничего не знаю навѣрно“, отвѣчалъ онъ, „но скоро узнаемъ все“. Потомъ, подойдя одинъ къ Вильгельму, онъ сказалъ: „Государь, къ чему скрывать отъ насъ извѣстіе? Какая оттого вамъ польза? По всему городу ходитъ слухъ, что англійскій король умеръ, что Гарольдъ овладѣлъ престоломъ, солгавъ вамъ противъ своей присяги“. —„Это правда“, отвѣчалъ герцогъ, „меня огорчаютъ смерть Эдуарда и обида, нанесенная мнѣ Гарольдомъ“.—„Такъ что же, государь“, продолжалъ придворный, „не огорчайтесь дѣломъ, поправимъ: нѣтъ средствъ противъ смерти короля Эдуарда, такъ есть средство противъ Гарольдовой обиды. На вашей сторонѣ право, у васъ добрые рыцари: начинайте отважнѣй. Дѣло, хорошо предпринятое, вполовину сдѣлано...“.

Въ это время къ Гарольду, сыну Годвинову, спокойно правившему Англіею, изъ южныхъ областей прибылъ посланный изъ Нормандіи съ такими словами: „Вильгельмъ, герцогъ норманновъ, припоминаетъ тебѣ клятву, которою ты ему поклялся своими устами и своею рукою, надъ истинными и святыми мощами“.—„Правда“, отвѣчалъ саксонскій король, „я поклялся такъ Вильгельму, но сдѣлалъ это подъ вліяніемъ насилія. Я обѣщалъ то, что́ мнѣ не принадлежало, и чего я никакъ не могъ исполнить: королевская власть не есть моя собственность, и я не могу сложить ее съ себя безъ согласія моей страны; точно также, безъ согласія страны, не могу взять въ супруги женщину иностранку. А что до моей сестры, требуемой герцогомъ въ замужество за одного изъ своихъ бароновъ, то она въ этомъ году умерла: хочетъ ли онъ, чтобъ я послалъ ему ея тѣло“? Норманскій посланникъ возвратился съ этимъ отвѣтомъ, и Вильгельмъ, черезъ вторичнаго посла, возразилъ укоризнами мягкими и умѣренными, прося короля, если уже онъ не хочетъ выполнить всѣхъ клятвенныхъ условій, то, по крайней мѣрѣ, чтобы онъ выполнилъ хотя одно обѣщаніе и принялъ въ супруги молодую дѣвушку, на которой хотѣлъ жениться. Гарольдъ опять отвѣчалъ, что не сдѣлаетъ и того, а въ доказательство вступилъ въ бракъ съ женщиной саксонской, сестрою Эдвина и Моркара. Послѣ этого были произнесены послѣднія слова разрыва: Вильгельмъ поклялся, что въ томъ же году придетъ требовать весь долгъ и будетъ преслѣдовать клятвопреступника даже въ тѣхъ мѣстахъ, которыя его врагъ признаетъ самой вѣрной и твердой опорой своимъ ногамъ.

Насколько было возможно распространеніе гласности въ XI вѣкѣ, герцогъ Нормандіи огласилъ то, что̀ онъ называлъ чрезвычайною недобросовѣстностью сакса. Всеобщее вліяніе суевѣрія не дало возможности и безпристрастнымъ свидѣтелямъ этого спора понять неукоризненность самостоятельныхъ, патріотическихъ дѣйствій Годвинова сына и его искреннее уваженіе къ правамъ народа, выбравшаго его въ короли. Мнѣніе большинства, на материкѣ, было въ пользу Вильгельма противъ Гарольда, то есть за человѣка, употребившаго святыню какъ ловушку и обвинявшаго въ предательствѣ того, который

не хотѣлъ поступить предательски. Съ принесеніемъ въ Италію дьякономъ изъ Лизіё извѣстія о мнимомъ преступленіи Гарольда и всего англійскаго народа, переговоры, начатые еще прежде съ римскою церковью Робертомъ Жюмьежскимъ и монахомъ Ланфранкомъ, продолжались съ бòльшею дѣятельностью. Герцогъ Нормандіи началъ, передъ папскимъ дворомъ, противъ своего соперника, тяжбу за святотатство. Онъ просилъ, чтобъ Англія была осуждена церковью и объявлена собственностью перваго, кто ее займетъ, по одобренію папы. Основаніемъ его жалобы были три главныя обвиненія: умерщвленіе молодаго Альфреда и норманновъ, его спутниковъ, изгнаніе архіепископа Роберта съ каѳедры канторбёрійской и клятвопреступленіе короля Гарольда; сверхъ того, онъ признавалъ за собою неоспоримыя права на королевство, какъ по родству съ королемъ Эдуардомъ, такъ и по тѣмъ намѣреніямъ, которыя, говорилъ герцогъ, покойный король заявлялъ передъ смертью. Вильгельмъ разъигрывалъ лицо истца, ожидающаго правосудія, съ тѣмъ, чтобы судъ выслушалъ и его противника. Но напрасно повѣщали Гарольда о защитѣ себя передъ римскимъ дворомъ: онъ не согласился признать себя подсудимымъ этому двору и даже не отправилъ туда посла, считая унизительнымъ подчинить иностранцамъ независимость своей короны и, по здравому смыслу, не довѣряя безпристрастію судей, къ которымъ обратился его непріятель.

Консисторіей святого Іоанна Латеранскаго управлялъ тогда человѣкъ, знаменитѣйшій между всѣми дѣятелями среднихъ вѣковъ: то былъ Гильдебрандъ, монахъ клюнійскій, возведенный папою Николаемъ II въ достоинство архидіакона римской церкви. Господствовавъ нѣсколько лѣтъ именемъ этого папы, Гильдебрандъ на столько усилился, что могъ направить избраніе, по своему усмотрѣнію, преемника Николаю II, на Александра II, и поддержать новаго папу, когда онъ не былъ одобренъ императорскимъ дворомъ. Всѣ стремленія этого человѣка, одареннаго неутомимою дѣятельностію, обратились къ измѣненію духовной власти римскаго престола на всемірную монархію надъ христіанскими государствами. Это направленіе, начавшееся съ IX вѣка подчиненіемъ многихъ городовъ средней Италіи папской власти, продолжалось и въ двухъ послѣдующихъ столѣтіяхъ. Всѣ города Кампаніи, непосредственнымъ митрополитомъ которыхъ былъ первосвященникъ Рима, перешли, добровольно или по насилію, подъ его правительственную власть, и, по странной случайности, въ первой половинѣ XI вѣка, норманскіе рыцари, покинувшіе родную страну, водили, подъ знаменемъ святого Петра, римскія ополченія на эти завоеванія. Въ то же время другіе норманны, изъ авантюристовъ и богомольцевъ, нанялись въ службу къ мелкимъ владѣльцамъ южной Италіи; потомъ, какъ нѣкогда саксы, нанимавшіеся у бриттовъ, они нарушили свои обязательства, захватили укрѣпленныя мѣста и утвердили свое владычество надъ страною. Эта новая сила, положившая конецъ если не притязаніямъ, то по крайней мѣрѣ, дѣйствительному владѣнію Греческой имперіи надъ городами Апуліи и Калабріи, приходилась, какъ нельзя лучше, къ религіозной нетерпимости Рима и льстила папскому властолюбію

надеждою легко пріобрѣсти вліяніе на воиновъ простодушныхъ и полныхъ уваженія къ апостольскому престолу. Дѣйствительно, многіе изъ этихъ новыхъ герцоговъ и графовъ постепенно признавали себя вассалами князя апостоловъ и пожелали получить хоругви отъ римской церкви, въ знакъ инвеституры надъ землями, ими самими завоеванными. Такимъ образомъ, церковь пользовалась успѣхами норманскаго оружія для распространенія своего господства надъ Италіею и привыкла видѣть въ норманнахъ людей, какъ бы предназначенныхъ сражаться на ея службѣ или признавать себя ея вассалами въ своихъ завоеваніяхъ.

Таковы были странныя отношенія, созданныя случайностью событій, когда поступили къ римскому двору жалобы и просьбы герцога Нормандіи. Полный своей любимой мыслью, архидіаконъ Гильдебрандъ счелъ это время благопріятнымъ для попытки надъ Англіею того самого, чтò удалось въ Италіи: онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы замѣнить духовныя разсужденія о недостаткѣ усердія къ церкви въ англійскомъ народѣ, о симоніи епископовъ и клятвопреступленіи короля, настоящими переговорами о завоеваніи цѣлаго государства, на общій страхъ и для общей выгоды. Несмотря на очевидность этихъ замысловъ, чисто политическихъ, тяжба Вильгельма противъ Гарольда была разсматриваема въ засѣданіи кардиналовъ, гдѣ и происходили разсужденія только о наслѣдственномъ правѣ, о святости присяги и уваженіи, подобающемъ мощамъ. Многимъ изъ присутствовавшихъ подобные поводы показались недостаточными для одобренія церковью нападенія вооруженною рукою на народъ христіанскій; а какъ архидіаконъ настаивалъ, то поднялся ропотъ, и несоглашавшіеся сказали ему, что позорно дозволять и поощрять убійство; но онъ этимъ не смутился, и мнѣніе его восторжествовало.

По силѣ приговора, произнесеннаго самимъ папою, дозволено было герцогу Нормандіи, Вильгельму, вступить въ Англію, чтобы привести это королевство въ послушаніе апостольскому престолу и возстановить тамъ навѣчно сборъ деньги святого Петра. Булла, отлучавшая отъ церкви Гарольда и всѣхъ его сообщниковъ, была вручена Вильгельмову посланнику, и къ этой посылкѣ добавили хоругвь римской церкви и перстень, со вложеніемъ въ немъ, подъ дорогимъ алмазомъ, вòлоса святого Петра. Въ этихъ добавленіяхъ заключались знаки военной и духовной инвеституры; а благословенная хоругвь, освящавшая вторженіе въ Англію герцога Нормандіи, была та самая, которую, въ недавніе годы, норманны Рауль и Гильйомъ Монтрѐльскіе, во-имя церкви, водружали на зàмкахъ Кампаніи.

До привоза буллы, хоругви и перстня, Вильгельмъ собралъ тайный совѣтъ изъ преданныхъ себѣ людей, для полученія отъ нихъ совѣта и помощи. Въ числѣ ихъ были: двое сводныхъ его братьевъ Эвдъ, епископъ Байё, и Робертъ, графъ Мортенскій, Гильйомъ, сынъ Осберта, сенешаль Нормандіи, то-есть помощникъ герцога по гражданскому управленію, и нѣкоторые другіе изъ высшихъ бароновъ. Всѣ они подали голосъ за вторженіе въ Англію и обѣщали служить Вильгельму лично и имуществомъ, съ готовностью продать или заложить свои наслѣдія. „Но этого еще недостаточно“, прибавили они,

„вамъ надо попросить помощи и совѣта вообще у обитателей этой страны. Справедливость требуетъ, чтобъ платящій на предпріятіе былъ призванъ и для соглашенія объ уплатѣ". Тогда, говорятъ лѣтописцы, Вильгельмъ велѣлъ созвать большое собраніе людей изъ всѣхъ сословій Нормандіи: военныхъ, духовныхъ, торговыхъ, и всѣхъ наиболѣе уважаемыхъ и богатыхъ. Онъ сообщилъ имъ о своемъ предпріятіи и просилъ ихъ содѣйствія; потомъ собраніе удалилось, чтобъ разсуждать на свободѣ, внѣ всякаго вліянія.

Въ послѣдовавшемъ затѣмъ совѣщаніи, мнѣнія до крайности раздѣлялись: одни хотѣли, чтобъ герцогу помогли кораблями, припасами и деньгами; другіе отказывали во всякой помощи, говоря, что ихъ долги и безъ того превышаютъ средства уплаты. Разсужденія не обошлись спокойно: члены собранія сошли со своихъ мѣстъ, раздѣлились на круги; говоръ и тѣлодвиженія становились очень шумны. Посреди этого безпорядка, сенешаль Нормандіи, Гильйомъ, сынъ Осберта, возвысилъ голосъ и сказалъ: „Зачѣмъ вы такъ спорите? Онъ вашъ сеньйоръ и нуждается въ васъ; ваше дѣло самимъ предложить ему помощь, а не ожидать его просьбы. Если вы его теперь выдадите, а онъ достигнетъ своей цѣли, то — оборони Боже — онъ вамъ это припомнитъ. Покажите же, что вы его любите, и порадѣйте ему".—„Нѣтъ сомнѣнія", кричали несоглашавшіеся, „что онъ нашъ сеньйоръ; да развѣ не довольно съ насъ платить ему должную подать? Мы не обязаны помогать ему на заморскіе походы; онъ для своихъ войнъ обременяетъ насъ податями. Не удайся ему новое предпріятіе, и наша страна совсѣмъ разорена". Послѣ долгихъ переговоровъ и разныхъ возраженій, рѣшили, чтобы сынъ Осберта, знавшій средства каждаго, говорилъ герцогу отъ имени собранія, съ извиненіемъ въ ограниченности пожертвованій.

Норманны возвратились къ герцогу, и сынъ Осберта говорилъ такъ: „Не думаю, чтобъ были на свѣтѣ люди усерднѣе этихъ людей. Вы знаете, какъ они всегда помогали вамъ своими пожертвованіями, какъ они несли на себѣ всѣ наши службы; а вотъ теперь они хотятъ сдѣлать еще болѣе прежняго и предлагаютъ служить вамъ за-моремъ, какъ и здѣсь. Идите же впередъ, государь, и не щадите никого. Кто доселѣ вамъ давалъ на двухъ добрыхъ всадниковъ, теперь будетъ давать на четверыхъ" — „О! о! нѣтъ, нѣтъ!" вскричали разомъ пришедшіе, „мы не уполномочили васъ на такой отвѣтъ; мы такъ не говорили, и этого не будетъ! Если мы понадобимся ему здѣсь, то станемъ служить, какъ слѣдуетъ; но мы не обязаны помогать ему завоевывать чужую страну. Впрочемъ, если мы теперь сослужимъ ему двойную службу, отправясь съ нимъ за море, онъ обратитъ это себѣ въ право и обычай на будущее время; онъ обременитъ этимъ обычаемъ нашихъ дѣтей. Этого не будетъ!!!" Опять начали собираться кружки по десяти, двадцати, тридцати человѣкъ; опять многіе шумѣли, и разошлись.

Герцогъ Вильгельмъ, удивленный и раздраженный какъ нельзя болѣе, скрылъ однакожъ свой гнѣвъ и употребилъ хитрость, которая почти всегда удается лицамъ могущественнымъ, желающимъ побѣдить общественныя сопротивленія. Онъ призывалъ къ себѣ отдѣльно

каждаго изъ тѣхъ самыхъ людей, которыхъ прежде собралъ вдругъ. Начавъ съ лицъ самыхъ вліятельныхъ и богатыхъ, онъ просилъ ихъ оказать ему помощь добровольно и безвозмездно, утверждая, что онъ вовсе не желаетъ стѣснять ихъ впредь, ни злоупотреблять ихъ щедростью противъ нихъ же, а потому готовъ дать имъ письменное въ томъ удостовѣреніе, скрѣпленное его большою печатью. Никто не имѣлъ духа произнести отказа, стоя глазъ-на-глазъ съ властелиномъ страны. Между тѣмъ, обѣщаемыя ими пожертвованія немедленно записывались въ особый списокъ. Примѣру прежде позванныхъ слѣдовали и всѣ остальные. Одинъ подписался на корабли, другой на людей вооруженныхъ, иные обязались идти лично; духовенство дало деньги, купцы—товары, земледѣльцы—съѣстные припасы.

Вскорѣ привезли изъ Рима освященную хоругвь и буллу, одобрявшую вторженіе въ Англію. При извѣстіи объ этомъ, усердіе удвоилось. Каждый понесъ, что̀ только могъ. Матери посылали своихъ сыновей въ войско, для пріобрѣтенія ими царства небеснаго. Вильгельмъ объявилъ свой призывъ на войну и въ сосѣднихъ странахъ; онъ предлагалъ большое жалованье и разграбленіе Англіи каждому крѣпкому человѣку, рѣшавшемуся служить ему копьемъ, мечемъ или арбалетомъ. Пришло множество, всѣми дорогами, изблизи и издали, съ сѣвера и юга. Пришли изъ Мэна и Анжу, изъ Пуату и Бретани, изъ Франціи и Фландріи, изъ Аквитаніи и Бургундіи, съ Альповъ и съ береговъ Рейна. Всѣ пришлецы по ремеслу, всѣ блудные сыны западной Европы шли безъ устали къ герцогу; иные были рыцари и воинскіе начальники, другіе простые пѣшеходы и воины, одни просили денежнаго жалованья, прочіе только перевоза и добычи, какая имъ попадется. Многіе хотѣли земли въ Англіи, замка, города; наконецъ, нѣкоторые просили себѣ въ замужество богатыхъ саксовокъ. Обнаружились всѣ похоти, всѣ страсти человѣческой алчности. Вильгельмъ не отказывалъ никому, говоритъ норманнская хроника, и по возможности удовольствовалъ каждаго. Онъ далъ заранѣе какому-то Реми епископство въ Англіи—за корабль и двадцать воиновъ.

Весной и лѣтомъ, во всѣхъ гаваняхъ Нормандіи, всевозможные рабочіе строили и снаряжали корабли; кузнецы и оружейники работали копья, мечи и кольчуги, а носильщики безпрестанно сновали взадъ и впередъ, перетаскивая оружіе изъ мастерскихъ на корабли. Покуда производились, съ величайшею поспѣшностью, всѣ эти приготовленія, Вильгельмъ отправился въ Сен-Жерменъ къ Филиппу, королю французовъ, и привѣтствовалъ его почтительною рѣчью, какую не всегда соблюдали его предки въ отношеніяхъ къ королямъ французскимъ: „Вы — мой сеньйоръ“, говорилъ онъ, „если вамъ угодно будетъ мнѣ пособить, а Богъ даруетъ мнѣ милость получить мое право на Англію, то обѣщаю поклониться вамъ ею, какъ бы получилъ ее отъ васъ“. Филиппъ собралъ своихъ бароновъ на совѣтъ, безъ котораго не могъ рѣшать никакихъ важныхъ дѣлъ, и бароны высказали мнѣніе, что никакъ не слѣдуетъ помогать Вильгельму въ предпринимаемомъ имъ завоеваніи. „Вы знаете“, сказали они королю, „какъ мало подчиняются вамъ нынѣ норманны; будетъ еще хуже, когда они завладѣютъ Англіей. Сверхъ того, помощь Виль-

гельму дорого бы стоила нашей странѣ; а если предпріятіе его не удастся, то англійскій народъ останется нашимъ врагомъ навсегда". Вильгельмъ съ неудовольствіемъ удалился отъ короля Филиппа и обратился съ такою же просьбою къ шурину своему, графу Фландріи; тотъ также отказалъ...

Не смотря на все это, сборнымъ мѣстомъ для кораблей и войска было назначено устье рѣки Дивы, впадающей въ Океанъ, между Сеной и Орной. Цѣлый мѣсяцъ дули противные вѣтры и задерживали тамъ норманскій флотъ. Потомъ южный вѣтеръ двинулъ корабли до устья Соммы къ Сен-Валери. Тамъ застигла ихъ непогода, и надобно было простоять нѣсколько дней. Корабли бросили якоря, а войска расположились на берегу, подъ непрестанными проливными дождями.

Во время этой остановки, нѣсколько судовъ, разбитые жестокою бурею, погибли съ своими экипажами. Этотъ случай подалъ поводъ къ сильному ропоту въ войскахъ, утомленныхъ долгой стоянкой. Цѣлый день праздные воины проводили время, подъ палатками, въ разговорахъ, разсуждая другъ съ другомъ объ опасностяхъ и трудностяхъ предпріятія. Еще не было сраженій, говорили они, а уже погибло много людей; считали и преувеличивали число труповъ, выброшенныхъ моремъ на берегъ. Такіе слухи уменьшали отважность пришлецовъ, вначалѣ полныхъ усердія; нѣкоторые изъ нихъ даже нарушили свои обязательства и удалились. Чтобы не дать усилиться такому расположенію, вредному для предпріятія, герцогъ Вильгельмъ велѣлъ тайно хоронить умершихъ и увеличилъ отпускъ съѣстныхъ припасовъ и крѣпкихъ напитковъ. Но недостатокъ дѣятельности поддерживалъ уныніе; ропотъ продолжался; воины говорили: „Безразсуденъ человѣкъ, желающій завладѣть чужою землею. Богу противны такіе замыслы, и Онъ насъ вразумляетъ, не посылая намъ благопріятнаго вѣтра".

Вильгельмъ, не смотря на свои душевныя силы и всегдашнее присутствіе духа, самъ мучился безпокойствомъ и съ трудомъ подавлялъ собственныя опасенія. Часто являлся онъ въ церковь мѣстнаго покровителя, святого Валерія, долго оставался тамъ на молитвѣ, а выходя оттуда посматривалъ на пѣтуха, вертѣвшагося по направленію вѣтра на церковной колокольнѣ. Если вѣтеръ казался съ юга, лицо герцога прояснялось; но, при поворотѣ пѣтуха на сѣверъ или на западъ, оно опять принимало печальное выраженіе. По искреннему ли чувству вѣры, или для доставленія какого нибудь развлеченія унывающимъ и малодушнымъ, онъ велѣлъ торжественно поднять изъ церкви раку святого и крестнымъ ходомъ пронесъ мощи по всему лагерю. Войско стало на молитву; начальники пожертвовали богатые вклады; каждый воинъ, до послѣдняго, внесъ свою лепту; а въ слѣдующую ночь, какъ будто небеснымъ чудомъ, подулъ благопріятный вѣтеръ и погода прояснилась. На разсвѣтѣ 27 сентября (1066), солнце, дотолѣ затемняемое тучами, явилось въ полномъ блескѣ. Лагерь немедленно снялся, всѣ работы по нагрузкѣ исполнены были съ большимъ одушевленіемъ и не меньшею быстротой, такъ что за нѣсколько часовъ до солнечнаго заката флотъ поднялъ якорь. Четыреста большихъ парусныхъ кораблей и болѣе тысячи перевозныхъ

судовъ поплыли въ море, при звукѣ трубъ и радостномъ крикѣ шестидесятитысячнаго войска.

Корабль, на которомъ плылъ герцогъ Вильгельмъ, шелъ впереди. Наверху мачты у него развѣвалась хоругвь, присланная папой; а на флагѣ виднѣлось изображенiе креста. На разноцвѣтныхъ парусахъ этого корабля было нарисовано по три льва, представлявшихъ гербъ Нормандiи; передняя часть корабля оканчивалась фигурою ребенка съ натянутымъ лукомъ въ рукахъ и стрѣлою, готовою къ спуску. Наконецъ, большiе фонари, поднятые на марсы, какъ необходимая предосторожность во время ночного плаванiя, служили для флота маякомъ, котораго должны были держаться прочiя суда. Этотъ корабль, наилучшiй ходокъ изъ всего флота, предшествовалъ другимъ кораблямъ, пока длился день. Въ ночь онъ далеко оставилъ ихъ за собою. На утро, герцогъ послалъ одного изъ моряковъ на вершину большой мачты, посмотрѣть, идутъ ли другiе корабли. „Ничего не вижу, кромѣ воды и неба“, сказалъ матросъ, и потому тотчасъ бросили якорь. Герцогъ казался веселымъ, и, желая отстранить отъ своихъ спутниковъ заботы и страхъ, велѣлъ подать обильный обѣдъ и крѣпкiя, настоянныя на пряностяхъ вина. Матросъ опять влѣзъ на мачту и сказалъ, что въ этотъ разъ видитъ четыре корабля; въ третiй разъ онъ закричалъ: „Вижу цѣлый лѣсъ мачтъ и парусовъ“....

По несчастной случайности, англiйскiя суда, долго крейсировавшiя вдоль этихъ береговъ, вошли въ гавань за съѣстными припасами. Войска Вильгельма, не встрѣтивъ сопротивленiя, пристали у Певенси, близъ Гастингса, 28 сентября 1066 года. Сначала высадились стрѣлки. Они носили короткую одежду, а волосы ихъ были выбриты. Потомъ спустились всадники. На нихъ надѣты были кольчуги и желѣзные блестящiе шлемы, почти конической формы; вооружены они были длинными, крѣпкими копьями и прямыми обоюдуострыми палашами. Послѣ нихъ вышли рабочiя войска, пiонеры, плотники, кузнецы. Они выгрузили на берегъ, по частямъ, три деревянныхъ замка, срубленныхъ и изготовленныхъ заранѣе. Герцогъ сошелъ на землю послѣднiй. Какъ только нога его коснулась берега, онъ споткнулся и упалъ внизъ лицемъ. Поднялся говоръ; раздались голоса: „Храни насъ Боже! дурной знакъ“. Но Вильгельмъ, вскочивъ, тотчасъ сказалъ: „Что съ вами? чему вы дивитесь? Я обнялъ эту землю моими руками, и, клянусь божiимъ величiемъ, сколько ея ни есть, она ваша“. Это быстрое возраженiе мгновенно уничтожило впечатлѣнiе дурного предзнаменованiя. Войско направилось къ городу Гастингсу; вблизи этого мѣста устроили лагерь и поставили два деревянные замка, въ которые сложили припасы. Отряды, посланные во всѣ окрестности, грабили и жгли домы. Англо-саксы бѣжали изъ своихъ жилищъ, прятали свое имущество и свой скотъ и толпами спѣшили укрываться по церквамъ и кладбищамъ, въ надеждѣ спастись тамъ отъ враговъ, такихъ же христiанъ, какъ они. Но, порываясь на добычу, норманны не обращали вниманiя на святость мѣстъ и не уважали священныхъ убѣжищъ.

Гарольдъ находился въ Iоркѣ. Онъ былъ не задолго предъ тѣмъ раненъ и отдыхалъ отъ трудовъ, когда запыхавшiйся гонецъ извѣ-

стилъ его, что Вильгельмъ-Норманскій высадился и поставилъ свое знамя на землѣ англо-саксовъ. Гарольдъ немедленно пустился къ югу съ своимъ побѣдоносным войскомъ и на походѣ объявлялъ и разсылалъ повелѣнія всѣмъ правителямъ областей вооружить войска и вести ихъ къ Лондону. Западныя ополченія пришли вскорѣ; сѣверныя, по дальности разстоянія, опоздали. Однакожъ можно было ожидать, что въ непродолжительномъ времени всѣ силы страны соберутся вокругъ короля англичанъ. Одинъ изъ тѣхъ норманновъ, въ пользу которыхъ было допущено изъятіе изъ закона о всеобщемъ ихъ изгнаніи, и которые теперь стали шпіонами и тайными слугами завоевателя, предупредилъ герцога, чтобъ онъ былъ наготовѣ, потому что, чрезъ четыре дня, сынъ Годвина приведетъ съ собою сто-тысячъ человѣкъ. Нетерпѣливый Гарольдъ не выждалъ четырехъ дней: онъ не могъ преодолѣть желанія поскорѣе вступить въ бой съ чужестранцами, особенно, когда узналъ, что они во всѣхъ отношеніяхъ разоряютъ окрестную страну. Надежда защитить отъ бѣдствій хотя нѣкоторыхъ изъ своихъ соотечественниковъ, можетъ быть, желаніе попытать противъ норманновъ непредвидимое и внезапное нападеніе побудили Гарольда спѣшить къ Гастингсу съ войскомъ вчетверо слабѣйшимъ противъ силъ горцога Нормандіи.

Но станъ Вильгельма зорко охранялся отъ нечаяннаго нападенія, и передовые его караулы охватывали большое пространство. Конные отряды, отступая передъ непріятелемъ, извѣстили о приближеніи короля саксовъ, который, говорили они, мчится, какъ бѣшеный. Видя неудачу намѣренія внезапно ударить на непріятеля, саксъ былъ вынужденъ умѣрить свою запальчивость; онъ остановился въ семи миляхъ отъ лагеря норманновъ и, вдругъ измѣнивъ планъ дѣйствія, для отраженія нападеній норманновъ устроилъ окопы и сталъ ихъ ожидать за рвами и палисадами. Шпіоны, говорившіе по-французски, были посланы въ заморское войско для развѣдки о силѣ и диспозиціи непріятеля. По возвращеніи, они разсказывали, что въ лагерѣ Вильгельма болѣе священниковъ, нежели у англовъ воиновъ. Они приняли за священниковъ всѣ тѣ лица въ норманской арміи, которыя имѣли бритыя бороды и коротко остриженные волосы, тогда какъ англо-саксы, по своему обычаю, носили тогда длинные волосы и бороду. При такомъ разсказѣ, Гарольдъ не могъ удержаться отъ улыбки. „Тѣ, которыхъ мы видѣли въ такомъ значительномъ числѣ“, сказалъ онъ, „не священники, а храбрые военные люди, готовые показать намъ, чего они стоютъ“. Многіе изъ саксонскихъ предводителей совѣтовали королю избѣгать сраженія и отступить на Лондонъ, опустошивъ всю между-лежащую страну, чтобъ переморить голодомъ чужестранцевъ. „Чтобъ я опустошилъ страну, которая мнѣ довѣрена въ охраненіе! Да это было бы предательство“, отвѣчалъ Гарольдъ, „и я скорѣе долженъ пытать счастія въ бою съ малымъ числомъ моихъ людей, съ моею храбростью и моимъ правымъ дѣломъ“.

Герцогъ Нормандіи, по совершенно противоположному характеру, во всѣхъ обстоятельствахъ, не пренебрегалъ никакими средствами и ставилъ выгоду выше личной своей гордости; поэтому онъ воспользовался неблагопріятнымъ положеніемъ своего противника, чтобъ во-

зобновить свои требованія. Монахъ, по имени Домъ Гуга Мегро, явился къ королю саксонскому и отъ лица Вильгельма предложилъ ему выбрать и выполнить одно изъ трехъ слѣдующихъ предложеній: или отказаться отъ королевства въ пользу нормандскаго герцога, или принять посредничество папы и положиться на его рѣшеніе, которому изъ двухъ быть королемъ, или, наконецъ, рѣшить этотъ вопросъ поединкомъ. Гарольдъ отвѣчалъ строптиво: „Я не отрекусь отъ королевскаго титула, не хочу посредничества и папы и не принимаю поединка“. Не смотря на эти положительные отказы, Вильгельмъ опять послалъ своего норманскаго монаха и далъ ему наставленіе въ слѣдующихъ словахъ: „Ступай, скажи Гарольду, что если онъ будетъ вѣренъ своему прежнему договору со мною, то я оставлю ему всѣ земли за рѣкою Гумберомъ, а брату его Гурту дамъ всю страну, бывшую въ управленіи Годвина; если же онъ станетъ упорствовать противъ моихъ предложеній, то скажи ему, передъ его дружиной, что онъ лжецъ и клятвопреступникъ, что какъ онъ, такъ и всѣ его сообщники отлучены отъ церкви приговоромъ папы, и булла объ этомъ отлученіи у меня въ рукахъ“.

Домъ Гуга Мегро произнесъ эти слова передъ Гарольдомъ съ нѣкоторою торжественностію, и норманская лѣтопись упоминаетъ, что при словахъ: „отлучены отъ церкви“, англійскіе предводители переглянулись между собою, какъ бы при видѣ большого бѣдствія. Тогда одинъ изъ нихъ сказалъ: „Мы должны сражаться, какъ бы велика ни была предстоящая намъ опасность: дѣло идетъ не о томъ только, чтобъ подчиниться новому королю, какъ бы по смерти нашего короля; нѣтъ, дѣло идетъ совсѣмъ о другомъ. Герцогъ Нормандіи отдалъ наши земли своимъ баронамъ, своимъ рыцарямъ, всѣмъ своимъ воинамъ, и бо́льшая часть изъ нихъ уже поклялись ему въ вѣрности за эти земли. Всѣ они захотятъ своихъ долей, если ихъ герцогъ станетъ нашимъ королемъ; онъ самъ долженъ будетъ отдать имъ наши имущества, нашихъ женъ, нашихъ дочерей, потому что все имъ заранѣе обѣщано. Они пришли не для того только, чтобъ разорить насъ, но чтобъ разорить также и наше потомство, чтобъ отнять у насъ землю нашихъ предковъ; а что станется съ нами, ку́да пойдемъ мы, когда у насъ не будетъ болѣе отечества?“ Англо-саксы положили единодушною клятвою не заключать ни мира, ни перемирія, ни договора съ пришельцами, и умереть или выгнать норманновъ.

На эти безполезные переговоры былъ потраченъ цѣлый день. Спѣшный походъ Гарольда на югъ поставилъ другіе отряды войскъ въ невозможность поспѣть въ его лагерь. Эдвинъ и Моркаръ, оба правителя сѣвера, были еще въ Лондонѣ или на дорогѣ къ Лондону; къ Гарольду присоединялись только волонтеры, поодиночкѣ и малыми отрядами, поселяне и горожане, наскоро вооруженные, монахи, покидавшіе монастыри и спѣшившіе на зовъ отчизны. Въ числѣ этихъ послѣднихъ прибылъ Леофрерикъ, аббатъ большого Петерборугскаго монастыря, близъ Эли, и аббатъ Гидскій, изъ окрестности Винчестера. Онъ привелъ двѣнадцать монаховъ изъ своего монастыря и двадцать воиновъ, вооруженныхъ на его счетъ. Часъ сраженія наступалъ. Двое младшихъ братьевъ Гарольда, Гуртъ и Леоф-

винъ, заняли свои мѣста при немъ. Гуртъ хотѣлъ убѣдить старшаго брата не участвовать въ сраженіи, а отправиться въ Лондонъ за новыми подкрѣпленіями, пока его приверженцы будутъ отражать нападенія норманновъ. „Гарольдъ“, говорилъ молодой человѣкъ, „ты не можешь отречься отъ того, чтобы, по насилію или добровольно, ты не клялся герцогу Вильгельму надъ мощами святыхъ; зачѣмъ же тебѣ идти въ бой, имѣя на себѣ преступленіе клятвы? Для насъ, не клявшихся ни въ чемъ, война вполнѣ законна, потому что мы защищаемъ свою родину. Оставь насъ сражаться теперь однихъ. Если не устоимъ, ты намъ поможешь; если умремъ, ты за насъ отмстишь“. На эти братскіе совѣты Гарольдъ отвѣчалъ, что долгъ запрещаетъ ему уклоняться отъ сраженія, тогда какъ его соотечественники жертвуютъ жизнью. Увѣренный въ себѣ и въ своемъ правѣ, онъ расположилъ войска къ сраженію.

На мѣстности, которая, съ тѣхъ поръ и донынѣ, называется *Мѣстомъ битвы*, ряды англо-саксовъ занимали длинную гряду холмовъ, укрѣпленныхъ палисадами и ивовыми плетнями. Въ ночь 13 октября, Вильгельмъ объявилъ норманнамъ, что на другой день будетъ сраженіе. Священники и монахи, прибывшіе въ большомъ числѣ вмѣстѣ съ завоевателями, въ надеждѣ, какъ и тѣ, на добычу, собрались на пѣніе молебновъ, а воины занялись приготовленіемъ къ бою своего оружія. Оставшееся имъ затѣмъ время они употребили на исповѣдь въ своихъ грѣхахъ и причащались. Въ противоположномъ войскѣ ночь прошла совсѣмъ въ другихъ занятіяхъ: саксы шумно веселились и пѣли старинныя народныя пѣсни, опоражнивая, вокругъ своихъ огней, рога, полные пива и вина.

По утру, въ норманскомъ лагерѣ, епископъ Байёскій, братъ по матери герцогу Вильгельму, служилъ обѣдню и благословлялъ войска, вооруженный панцыремъ подъ своимъ епископскимъ облаченіемъ; потомъ онъ сѣлъ на великолѣпнаго бѣлаго коня, взялъ начальническій жезлъ и распорядился построеніемъ кавалеріи. Армія раздѣлилась на три аттакующія колонны: въ первой были воины изъ графствъ Булони и Понтіё, а также бо́льшая часть авантюристовъ, пришедшихъ воевать за плату, во второй были союзники британскіе, манскіе и пуатевинскіе; надъ третьей колонной, состоявшей изъ норманскаго рыцарства, начальствовалъ лично самъ Вильгельмъ. Впереди и по флангамъ этихъ боевыхъ отрядовъ шла многочисленными рядами пѣхота, легко вооруженная съ длинными деревянными луками и стальными арбалетами; одѣты они были въ кафтаны на толстой подкладкѣ. Герцогъ ѣхалъ на конѣ, приведенномъ ему изъ Испаніи богатымъ норманномъ, бывшимъ на богомольѣ у святого Іакова въ Галисіи. Онъ надѣлъ себѣ на шею наиболѣе уважаемые изъ тѣхъ мощей, надъ которыми клялся Гарольдъ; а освященное папой знамя несъ при немъ молодой человѣкъ, по имени Тустенъ ле-Бланъ. Прежде, нежели войска тронулись, Вильгельмъ сказалъ имъ такую рѣчь:

„Старайтесь хорошо сражаться и всѣхъ ихъ бейте на смерть. Если побѣдимъ, всѣ будемъ богаты. Что́ добуду я, добудете вы; если завоюю я, завоюете вы; если я возьму землю, она будетъ ваша. Знайте однакожъ, что я пришелъ сюда не затѣмъ только, чтобъ

взять то, что́ мнѣ слѣдуетъ, но и для того, чтобъ отмстить за весь нашъ народъ этимъ англо-саксамъ ихъ вѣромство, клятвопреступленія и измѣны. Они умертвили датчанъ, мужчинъ и женщинъ, въ ночь святого Брикія. Они замучили спутниковъ моего родственника Альфреда и погубили его самого. Пойдемъ же и, съ божіею помощью, накажемъ ихъ за всѣ сдѣланныя ими злодѣянія".

Вскорѣ войско стало въ виду саксонскаго лагеря, на сѣверо-западъ отъ Гастингса. Сопровождавшіе священники и монахи отдѣлились и взошли на сосѣдній холмъ, чтобы молиться и смотрѣть на сраженіе. Норманнъ Талльеферъ выскакалъ впереди войсковаго строя и запѣлъ знаменитую по всей Галліи пѣсню Карла Великаго и Роланда. Распѣвая, онъ игралъ своимъ мечемъ, высоко его подбрасывалъ и ловилъ на лету правою рукою; норманны вторили его припѣвамъ или кричали: Боже, помоги! Боже, помоги!

По сближеніи войска на полетъ стрѣлы, стрѣлки начали пускать стрѣлы, а арбалетчики—свои четырегранки (quadrelli), но большая часть этого метательнаго оружія засѣдала въ высокой оградѣ саксонскихъ укрѣпленій. Пѣхотинцы, вооруженные копьями, и кавалерія подошли къ укрѣпленіямъ и пытались ворваться въ ворота. Англосаксы, всѣ пѣшіе вокругъ своего знамени, водруженнаго въ землю, составляли за своими палисадами сплошной и твердый строй; они встрѣтили нападающихъ топорами, однимъ размахомъ разсѣкая копья и пробивая желѣзныя кольчуги. Норманны не успѣли ни разрушить палисадовъ, ни ворваться въ укрѣпленія и, утомленные безполезнымъ нападеніемъ, отступили къ колоннѣ Вильгельма. Герцогъ опять выдвинулъ своихъ стрѣлковъ и велѣлъ имъ, вмѣсто прицѣльной стрѣльбы, стрѣлять навѣсно, для того, чтобы ихъ метательное оружіе, перелетая черезъ укрѣпленія, поражало непріятелей сверху. Тогда многіе англо-саксы были ранены, и большею частью въ лицо. Стрѣла пронзила Гарольду глазъ; но онъ продолжалъ начальствовать и сражаться. Возобновилось нападеніе пѣшихъ и конныхъ норманновъ, при крикахъ: Божія Матерь, помоги! Боже, помоги! Норманны были опять отбиты и, отступая отъ однихъ воротъ, попали къ крутому оврагу, прикрытому кустарниками и высокой травой: лошади ихъ тамъ оступались, они падали стремглавъ въ оврагъ, и многіе погибли. Мгновенный ужасъ распространился въ заморскомъ войскѣ. Разнесся слухъ, что герцогъ убитъ: началось бѣгство. Вильгельмъ бросился на бѣгущихъ и грозно пересѣкъ имъ дорогу; онъ поражалъ бѣглецовъ своимъ копьемъ и, снявъ шлемъ, кричалъ имъ: „Я здѣсь, смотрите на меня, я живъ, и, Богъ поможетъ, мы побѣдимъ".

Всадники возвратились къ укрѣпленіямъ, но не могли ни отбить воротъ, ни сдѣлать пролома: тогда герцогъ прибѣгнулъ къ хитрости, чтобы выманить англо-саксовъ изъ ихъ укрѣпленій и разстроить ихъ ряды; онъ велѣлъ тысячному отряду всадниковъ произвести нападеніе и удариться въ бѣгство. Видя это безпорядочное отступленіе, саксы потеряли хладнокровіе: они бросились въ погоню, повѣсивъ на шеи свои топоры. Въ нѣкоторомъ разстояніи, другой отрядъ, нарочно подготовленный, присоединился къ мнимымъ бѣглецамъ,

которые тотчасъ повернули лошадей и со всѣхъ сторонъ встрѣтили ударами копій и мечей нестройно бѣжавшихъ англо-саксовъ, которымъ тѣмъ труднѣе было обороняться, что они бились огромными топорами, подымая ихъ обѣими руками. Въ это время былъ сдѣланъ проломъ въ укрѣпленіи: туда ворвались всадники и пѣшіе, и пошла рукопашная свалка. Подъ Вильгельмомъ убита лошадь; король Гарольдъ и оба его брата пали мертвыми къ подножію своего знамени, которое было вырвано и замѣнено хоругвью, присланною изъ Рима. Остатки англо-саксксаго войска, безъ вождя и безъ знамени, продолжали борьбу до ночи, такъ что въ темнотѣ сражающіеся обоихъ войскъ узнавали другъ друга по языку.

Тогда кончилось это отчаянное сопротивленіе. Товарищи Гарольда разсѣялись и большею частію погибли на дорогахъ отъ ранъ и боеваго изнуренія. Норманскіе всадники преслѣдовали ихъ неотступно и никому не давали пощады. Норманны провели ночь на мѣстѣ битвы. Поутру, съ разсвѣтомъ дня, Вильгельмъ выстроилъ свои войска и велѣлъ сдѣлать перекличку всѣмъ людямъ, переплывшимъ съ нимъ море; выкликали по спискамъ, составленнымъ передъ отплытіемъ изъ стоянки при Сен-Валери. Значительное ихъ число лежало мертвыми и умирающими вмѣстѣ съ побѣжденными. Счастливцы, оставшіеся въ-живыхъ, для первой добычи за побѣду, обобрали убитыхъ непріятелей. Перебирая трупы, они нашли между ними тринадцать въ монашескихъ одеждахъ подъ воинскимъ вооруженіемъ: это былъ аббатъ Гиды и двѣнадцать его монаховъ. Названіе ихъ монастыря было внесено первымъ въ черную книгу завоевателей.

Матери и жены воиновъ, пришедшихъ изъ окрестностей сражаться и умереть при своемъ королѣ, собрались отыскивать и хоронить тѣла своихъ родныхъ. Тѣло короля Гарольда оставалось довольно долго на мѣстѣ битвы; никто не рѣшался просить о выдачѣ этого трупа. Наконецъ Гита, вдова Годвина, превозмогая свою горесть, послала къ Вильгельму просить дозволенія отдать послѣднюю почесть ея сыну. Норманскіе историки говорятъ, что она предлагала золота на вѣсъ его тѣла. Но герцогъ жестко отказалъ, говоря, что человѣкъ, солгавшій противъ своей вѣры и закона, не стоитъ другой могилы, какъ въ прибрежномъ пескѣ. Потомъ, если вѣрить стариннымъ преданіямъ, онъ смягчился на просьбы монаховъ Вальтгамскаго аббатства, основаннаго и обогащеннаго Гарольдомъ. Два саксонскіе монаха, Осгодъ и Айльрикъ, посланные аббатомъ вальтгамскимъ, просили и получили дозволеніе похоронить въ своей церкви останки ихъ благодѣтеля. Они пошли къ громадѣ обнаженныхъ мертвыхъ тѣлъ, тщательно разсматривали ихъ одно за другимъ и не могли отличить того, котораго искали: такъ былъ онъ обезображенъ. Не надѣясь успѣть въ своихъ розыскахъ, они обратились къ женщинѣ, которую любилъ Гарольдъ еще прежде, нежели былъ выбранъ королемъ, и просили ее принять участіе въ ихъ печальномъ трудѣ. Имя ея было Эдиѳь; ее прозвали красавица-лебядиная-шея. Она согласилась идти за монахами на розыскъ и нашла трупъ любимаго человѣка.

Всѣ эти событія разсказаны лѣтописцами англо-саксонскаго племени съ такимъ уныніемъ и отчаяніемъ, которыя трудно передать. Они называютъ день этой битвы днемъ горькимъ, днемъ смерти, днемъ, обагреннымъ кровью храбрыхъ. „Англія, что скажу я о тебѣ“, восклицаетъ историкъ элійской церкви, „что разскажу я слѣдующимъ поколѣніямъ? что ты лишилась своего народнаго короля и подпала власти иностранца, что твои дѣти бѣдственно погибли; что твои правители и совѣтники побѣждены, ограблены, умерщвлены“. Долго спустя послѣ этого бѣдственнаго сраженія, народное суевѣріе видѣло слѣды свѣжей крови на мѣстѣ боя; кровавыя пятна, говорили, показываются, лишь только дождь смочитъ землю, на высотахъ къ сѣверозападу отъ Гастингса.

Немедленно послѣ своей побѣды, Вильгельмъ далъ обѣтъ построить на этомъ мѣстѣ монастырь во имя святой Троицы и святого Мартина, покровителя галльскихъ воиновъ. Исполненіе этого обѣщанія не замедлилось, и главный алтарь новаго монастыря былъ воздвигнутъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояло и было сокрушено знамя короля Гарольда. Окружность внѣшнихъ стѣнъ была назначена по холму, который храбрѣйшіе изъ англо-саксовъ устлали своими тѣлами, и вся окрестная мѣстность, на которой происходили ужасы битвы, отдана въ собственность этому аббатству, названному по-нормански аббатствомъ Битвы (Abbatia de Bello). Монахи изъ большого Мармутіёсскаго монастыря близъ Тура прибыли и основались въ новомъ монастырѣ для моленья по душамъ всѣхъ убитыхъ въ сраженіи.

Говорятъ, что когда началась закладка строенія, архитекторы убѣдились въ невозможности добыть воды на этомъ мѣстѣ и пришли къ Вильгельму съ этимъ непріятнымъ извѣстіемъ. „Работайте, работайте“, возразилъ весело завоеватель, „если Богъ продлитъ мнѣ вѣку, то у монаховъ Битвы будетъ больше вина, чѣмъ чистой воды въ любомъ христіанскомъ монастырѣ“.

Авг. Тьерри.

Hist. d. l. conq. d. l'Angleterre. I, 124—264.

Объ Авг. Тьерри см. выше, т. I, стр. 450 и 502; и т. II, 232 и 579 стр.

63.—Гарольдъ и Вильгельмъ Завоеватель. 1066 г.

(Въ 1160 г.).

Анализъ содержанія всей поэмы нашего автора и разсказы изъ предъидущаго времени см. выше, въ ст. 38, на стр. 580 и слѣд.

Король Эдуардъ (Исповѣдникъ, 1042—1066) жилъ счастливо и царствованіе его было продолжительно; но грустно ему было то,

что онъ не имѣлъ дѣтей, ни близкаго родственника [1]), который бы могъ наслѣдовать его королевство и сохранить его. Онъ размышлялъ про себя, кто, въ случаѣ его смерти, наслѣдуетъ Англію. Думалъ онъ о томъ и часто говорилъ, что слѣдуетъ Вильгельму (Нормандскому), его родственнику, лучшему изъ всей фамиліи, наслѣдовать его страну. Робертъ, отецъ герцога, воспитывалъ его, а самъ Вильгельмъ оказалъ ему добрую услугу. Всѣмъ, что Эдуардъ ни имѣлъ хорошаго въ жизни, онъ обязанъ тому дому. Какое ни оказывалъ онъ расположеніе другимъ, но такъ сильно онъ не любилъ ни одного человѣка. Чтобы почтить такихъ добрыхъ родныхъ, заботами которыхъ онъ былъ воспитанъ, и вслѣдствіе могущества Вильгельма, Эдуардъ желаетъ сдѣлать его наслѣдникомъ своего королевства. Въ его землѣ былъ сенешаль, по имени, Гарольдъ; онъ былъ благородный вассалъ; его мужество и доброта доставили ему въ королевствѣ большую власть; это былъ человѣкъ самый сильный въ странѣ. Онъ былъ могущественъ своими вассалами и друзьями; Англія находилась на его попеченіи, какъ то и вмѣняется въ обязанность сенешалю. По отцу онъ былъ англо-саксъ, а по матери, датчанинъ. Гита, его мать, была изъ Даніи и считалась весьма знаменитою дамой: сестра ея была матерью короля Канута; мать же Гарольда была женою Годвина, дочь котораго вышла за Эдуарда. Гарольдъ былъ любимцемъ своего короля, женатаго на его сестрѣ.

Когда умеръ отецъ Гарольда, онъ захотѣлъ ѣхать въ Нормандію, чтобы освободить оттуда заложниковъ [2]), которыхъ онъ очень жалѣлъ. Онъ прощается съ королемъ Эдуардомъ, но король усиленно отговариваетъ его, запрещаетъ и молитъ всѣмъ святымъ не ѣхать въ Нормандію и не вступать въ сношеніе съ герцогомъ Вильгельмомъ, потому что Вильгельмъ, какъ человѣкъ весьма хитрый, можетъ легко запутать его въ свои сѣти. Если же онъ желаетъ воз-

---

[1]) Эдуардъ Исповѣдникъ былъ сынъ изгнаннаго датчанами Этельреда II и Эммы, сестры Роберта, герцога Нормандіи, слѣдов., тетки Вильгельма Завоевателя. Вотъ таблица, объясняющая родство домовъ Вильгельма, Эдуарда Исповѣдника и Гарольда:

Роллонъ (Робертъ I), первый герц. Нормандіи. † 917. — Альфредъ В. король Англіи. † 900.

Роллонъ → Вильгельмъ I. → Ричардъ I. → Ричардъ II.

Ричардъ II → Робертъ II Дьяволъ; Эмма ж. Этельредъ II.

Альфредъ В. → Эдуардъ Древній → Эдмундъ, Эдредъ.

Эдмундъ → Эдгаръ, Эдви.

Эдгаръ → Этельредъ II; Эдуардъ Мучен.

Годвинъ ж. Гита (сестра ж. Свена).

Робертъ II Дьяволъ → **Вильгельмъ Завоеватель.**

Этельредъ II → Эдмундъ Ж. Б.; **Эдуардъ Исповѣдникъ** ж. Эдита.

Годвинъ → Эдита; **Гарольдъ.**

Эдмундъ Ж. Б. → Эдуардъ. → Эдгаръ, претендентъ.

[2]) См. о томъ выше, въ ст. 62, на стр. 812.

вратить тѣхъ заложниковъ, то долженъ отправить другихъ пословъ. Такъ я читалъ то въ одной лѣтописи; но другая лѣтопись утвердительно говоритъ, что самъ король отправилъ его къ герцогу Вильгельму, своему двоюродному брату, для удостовѣренія его въ томъ, что онъ получитъ королевство Англію, послѣ его смерти.

Я не знаю этого обстоятельства; но въ лѣтописяхъ мы находимъ и то, и другое извѣстіе. Во всякомъ случаѣ, вѣрно одно, что Гарольдъ отправился въ путь, что бы тамъ ни ждало его. Чему быть, того не миновать, и какъ ни старайся, но, что должно быть, то будетъ. Гарольдъ приказалъ приготовить два корабля, и въ Бодгамѣ [1]) вышелъ въ море. Не могу вамъ сказать, кто тутъ былъ виноватъ: тотъ ли кто держалъ руль, или вѣтеръ сильно поворачивалъ, но я хорошо знаю, что дѣло шло худо; Гарольду пришлось идти на Понтьё (Ponthieu), и онъ не могъ ни повернуть назадъ, ни утаить свою личность. Рыбакъ той страны, бывавшій въ Англіи и часто видѣвшій Гарольда, замѣтилъ его и узналъ тотчасъ по наружности и разговору. Онъ далъ знать о томъ по секрету Гюи, графу Понтьё, говоря, что доставитъ ему большую добычу, если онъ послѣдуетъ за нимъ; пусть графъ дастъ двадцать ливровъ, а ему будетъ случай пріобрѣсти сто, потому что онъ найдетъ такого плѣнника, который за выкупъ дастъ ему сто и болѣе ливровъ. Графъ увѣрилъ рыбака, что исполнитъ его желаніе; и тотъ, разсчитывая на награду, указываетъ ему Гарольда. Они ведутъ плѣнника въ Аббевиль. Гарольдъ, чрезъ друзей, извѣщаетъ герцога Нормандскаго, какъ онъ попался въ Понтьё, между тѣмъ какъ шелъ изъ Англіи къ нему, но не могъ прямо взойти въ портъ. Онъ шелъ къ герцогу посломъ, но сбился съ дороги. Графъ Понтьё схватилъ его и безъ причины посадилъ въ темницу. Гарольдъ проситъ освободить его, если то возможно, и обѣщаетъ сдѣлать все, что герцогъ ни пожелаетъ. Гюи же смотрѣлъ за плѣнникомъ весьма зорко и отправилъ его въ Боренъ (Beaurain, городъ на р. Canche), чтобы отвести дальше отъ герцога Вильгельма.

Герцогъ же думалъ, хорошо бы овладѣть Гарольдомъ, тогда можно будетъ отлично устроить свое дѣло. Онъ обѣщалъ и предлагалъ графу такъ много, грозилъ и льстилъ ему до того, что Гюи выдалъ Гарольда герцогу въ руки. И герцогъ подарилъ ему по теченію рѣки Олнь (Eaulne) прекрасное помѣстье. Вильгельмъ нѣсколько дней держалъ у себя Гарольда, какъ должно, въ большой чести; водилъ его почетно по многимъ прекраснымъ турнирамъ; дарилъ ему лошадей и оружіе и бралъ съ собою въ Бретань, когда ему пришлось сражаться съ бретонцами. Все это время герцогъ обходился съ нимъ такъ хорошо, что Гарольдъ обѣщалъ ему выдать Англію, когда умретъ король Эдуардъ, и, если герцогу угодно жениться на Адели, дочери его, и подтвердить все то клятвою. Вильгельмъ согласился на то. Для принятія клятвы, герцогъ созвалъ парламентъ (т.-е. сеймъ вассаловъ). Обыкновенно разсказываютъ, что онъ въ Байё, собравъ этотъ совѣтъ, потребовалъ всѣ мощи и соединилъ ихъ въ одно мѣсто,

[1]) Босгамъ, нынѣ деревня близъ Чичестера, а въ то время портъ, весьма часто посѣщаемый.

потомъ наполнилъ ими цѣлый чанъ, приказалъ покрыть его шелковою матеріею, чтобы Гарольдъ ничего не зналъ и не видѣлъ; ему мощей не показали и не говорили о нихъ. Сверху же поставили маленькій ковчегъ съ мощами, самый лучшій и самый драгоцѣнный, какой только могли найти: я слыхалъ, этотъ ковчегъ называли бычачьимъ глазомъ [1]). Когда Гарольдъ поднялъ руку вверхъ, рука задрожала, тѣло вздрогнуло, но потомъ онъ поклялся и обѣщалъ утвердительно, что возьметъ за себя Адель, дочь герцога, уступитъ ему Англію, и для исполненія того употребитъ всю свою властъ, силу и умѣнье, если умретъ Эдуардъ, а онъ самъ переживетъ его; а въ томъ да поможетъ ему Богъ и эти мощи! Нѣкоторые при этомъ воскликнули: пусть Богъ дозволитъ ему исполнить клятву! Когда Гарольдъ поцѣловалъ ковчегъ и приподнялся, герцогъ подвелъ его къ чану и поставилъ возлѣ; тогда сняли то покрывало; герцогъ показываетъ Гарольду, на какихъ святыхъ мощахъ онъ далъ клятву. Гарольдъ пришелъ въ ужасъ отъ тѣхъ мощей, которыя ему показали.

Когда Гарольдъ приготовился къ возвращенію, и прощался съ герцогомъ Вильгельмомъ, послѣдній просилъ его сохранить втайнѣ данное слово. Потомъ, при отъѣздѣ, поцѣловалъ его въ знакъ вѣрности и дружбы, соединявшей ихъ. Гарольдъ счастливо переплылъ море и безъ препятствій прибылъ въ Англію.

Наступилъ и тотъ день, который никого не минуетъ, когда кому нужно умереть; король Эдуардъ умеръ (1066). Онъ хотѣлъ передать Вильгельму свое королевство; но Вильгельмъ—далеко, и слишкомъ опоздалъ своимъ прибытіемъ, а Эдуардъ не можетъ отложить своей кончины; онъ страдалъ такою болѣзнію, что долженъ былъ умереть; онъ былъ при смерти и уже ослабѣлъ. Гарольдъ же собралъ своихъ родственниковъ, пригласилъ друзей и другихъ, вошелъ въ комнату короля и съ собою ввелъ только тѣхъ, которые были на его сторонѣ. По наущенію Гарольда, одинъ англо-саксъ началъ говорить такъ: „Государь, мы въ большой скорби, потому что скоро должны лишиться тебя; это приводитъ насъ въ ужасъ, и мы боимся потерять разсудокъ. Намъ невозможно продлить твою жизнь, ни перемѣнить твою смерть на другую: каждый долженъ умереть за себя, одинъ человѣкъ не можетъ умереть за другого. Мы не можемъ спасти тебя отъ смерти, и ты не можешь ее избѣжать; прахъ долженъ обратиться въ прахъ. Намъ не остается послѣ тебя никакого наслѣдника, который поддержалъ бы насъ. Ты уже старъ; жилъ ты долго, но не имѣлъ дѣтей, ни сына или дочери, ни другого преемника, который могъ бы замѣнить тебя, который охранялъ бы и поддерживалъ насъ, и сдѣлался королемъ по наслѣдству. По всей странѣ англы плачутъ и вопятъ, что не станетъ тебя, и всѣ мы погибли; они не надѣятся болѣе на миръ, и я полагаю, что они правы: потому что безъ короля намъ миръ не возможенъ, а короля мы можемъ имѣть только отъ тебя. Отдай при жизни свое королевство тому, который утвердилъ

[1]) Судя по словамъ поэта, этотъ ковчегъ имѣлъ форму нашихъ овальныхъ бонбоньерокъ. Герцогъ ловилъ своего гостя и хотѣлъ заставить его думать, что онъ даетъ клятву надъ небольшимъ количествомъ мощей.

бы миръ и послѣ тебя. Не допусти Боже, и избавь насъ имѣть короля, который намъ не далъ бы мира. Худо то королевство и малаго стоитъ оно, когда въ немъ нѣтъ ни правды ни мира.... Вотъ предъ тобою лучшіе люди изъ твоего королевства, лучшіе изъ твоихъ друзей; они всѣ пришли просить тебя, и ты, конечно, долженъ исполнить ихъ просьбу. Мы съ прискорбіемъ видимъ, что ты такъ скоро оставляешь насъ, и утѣшаемся только мыслію, что идешь къ Богу. Сюда же всѣ собрались сегодня просить тебя, чтобы Гарольдъ былъ королемъ нашей страны. Мы не можемъ лучшаго тебѣ совѣтовать, а ты не можешь лучше поступить". Едва произнесено было имя Гарольда, какъ во всеуслышаніе закричали англы, что онъ хорошо говорилъ и хорошо сказалъ, и король долженъ быть увѣренъ въ томъ: „Государь, говорятъ они, если ты не сдѣлаешь того, мы въ продолженіе всей своей жизни не будемъ больше имѣть мира". Тогда король сѣлъ на своей постели и повернулся къ англамъ: „Господа, сказалъ онъ, что я отдалъ свое королевство послѣ смерти своей герцогу Нормандскому, вы знаете то хорошо; но ни одинъ изъ васъ не утвердилъ того клятвою".—„Хотя это и сдѣлано тобою, государь, отвѣчалъ стоявшій Гарольдъ, но мнѣ предоставь быть королемъ, и пусть твоя земля будетъ моею".—„Гарольдъ, сказалъ король, ты получишь желаемое, но хорошо знаю, что ты погибнешь; мнѣ извѣстенъ герцогъ, его бароны и великое число воиновъ. которыхъ онъ можетъ поставить: никто, кромѣ Бога, не будетъ въ состояніи защитить тебя отъ него".—Гарольдъ отвѣчалъ: что бы ни говорилъ король, онъ исполнитъ свое дѣло и не страшится ни норманна, ни кого другого. Тогда король повернулся и сказалъ (не знаю, отъ чистаго ли сердца): „Теперь пусть англы сдѣлаютъ королемъ герцога или Гарольда, или кого нибудь другого; я согласенъ на все".

Робертъ Васэ.

Le roman de Rou et des ducs de Normandie.

О Робертѣ Васэ и его сочиненіяхъ см. выше, въ примѣчаніи къ ст. 38 на стр, 583.

---

64. О причинѣ завоеванія Англіи норманнами. 1066 г.

(Въ 1130 г.).

Для того, чтобы понять первоначальную причину, вслѣдствіе которой Вильгельмъ пошелъ на Англію войною, необходимо привести вкратцѣ предшествовавшее тому. Когда произошелъ большой разрывъ между королемъ Эдуардомъ и графомъ Годвиномъ, графъ былъ изгнанъ изъ Англіи со всѣми своими приверженцами. Хотя со временемъ онъ снискалъ милость короля, однако послѣдній никакимъ образомъ не хотѣлъ согласиться на его возвращеніе въ отечество,

если тотъ не дастъ ему заложниковъ. Вслѣдствіе того, графъ выдалъ заложниками Влнота (Ульфнота), своего сына, и Гака, своего внука, отъ сына Свана, которые и были препровождены для надзора въ Нормандію къ графу Вильгельму побочному (bastard), сыну Роберта, сына Ричарда и брата матери Эдуарда. Спустя нѣсколько времени по смерти графа Годвина, Гарольдъ, сынъ его, испросилъ у короля позволеніе отправиться въ Нормандію, чтобы освободить брата и племянника, которые были тамъ заложниками и, по освобожденіи, возвратить ихъ въ отечество. Ему король на это отвѣчалъ: „Пусть это сдѣлается помимо меня; однакожъ, чтобы не думали, будто я хочу препятствовать тебѣ, я позволяю, иди, куда угодно, и сдѣлай все, что можешь; но я предчувствую, что ты стремишься ни къ чему иному, какъ нанести вредъ всему англійскому государству, а себѣ безчестіе. Я не думаю, чтобы такой умный графъ, какимъ я знаю Вильгельма, захотѣлъ отпустить тебѣ ихъ, не извлекши для себя изъ того великой пользы“. Гарольдъ сѣлъ на корабль, который со всѣмъ, что было на немъ, былъ выброшенъ сильною бурею въ устье рѣки Понтьё (Pontivus), которая называется также Майя, и по мѣстному обычаю, владѣтель той страны объявилъ его своимъ плѣнникомъ. Такимъ образомъ, Гарольдъ, попавшись въ неволю, подкупилъ обѣщаніемъ награды какого-то простолюдина и тайно отправилъ его къ герцогу Нормандіи, чтобы извѣстить о случившемся съ нимъ. Послѣдній, услышавъ то, немедленно шлетъ пословъ къ владѣтелю Понтьё, съ требованіемъ, какъ можно скорѣе освободить Гарольда со всѣми его людьми, не нанося ему никакого безчестія, если онъ желаетъ сохранить прежнюю его дружбу; но тотъ не захотѣлъ отпустить Гарольда, и получилъ отъ Вильгельма вторичное требованіе, съ угрозой, что въ противномъ случаѣ Вильгельмъ, герцогъ Нормандскій, для освобожденія плѣнника, пойдетъ войною на Понтьё вмѣстѣ съ своими вассалами. Устрашенный такими угрозами, владѣтель Понтьё отпускаетъ Гарольда съ его свитою, а Вильгельмъ дѣлаетъ ему почетный пріемъ, и, выслушавъ, съ какою цѣлію онъ прибылъ, отвѣчаетъ, что онъ сдѣлаетъ со своей стороны все, что отъ него зависитъ. Вильгельмъ продержалъ Гарольда нѣсколько дней у себя и былъ къ нему весьма внимателенъ и любезенъ, чтобы такимъ образомъ завлечь гостя въ свои планы. Наконецъ, онъ открылъ ему, что у него было на умѣ, говоря, что король Эдуардъ, еще юношею, жилъ въ Нормандіи и обѣщалъ ему клятвенно, если получитъ корону Англіи, передать ее ему послѣ себя по наслѣдственному праву. Къ этому онъ прибавилъ: „Если ты торжественно пообѣщаешь мнѣ помогать въ этомъ дѣлѣ, и кромѣ того построишь для меня въ Дуврѣ (Dofra) крѣпость съ колодцемъ, доставишь ко мнѣ свою сестру во всякое время, когда мнѣ будетъ угодно выдать ее замужъ за одного изъ моихъ князей, и дашь слово жениться на моей дочери, въ такомъ только случаѣ ты получишь теперь же своего племянника, а послѣ, когда я явлюсь въ Англію для полученія престола,—и своего брата. Если я, при твоей помощи, успѣю тамъ утвердиться, то обѣщаю, что ты будешь имѣть все, чего бы разумно ни попросилъ отъ меня“. Гарольдъ чувствовалъ всю свою опасность и не могъ выйти

изъ нея иначе, какъ согласившись во всемъ съ волею Вильгельма, и потому онъ согласился. Вильгельмъ, принесши мощи святыхъ, заставилъ Гарольда дать клятву надъ ними, что онъ исполнитъ все вышесказанное, на что они согласились. Послѣ того, получивъ племянника, Гарольдъ возвратился въ отечество. Когда онъ разсказалъ королю обо всемъ, что съ нимъ случилось, и что онъ вытерпѣлъ, тогда король сказалъ: „Не говорилъ ли я тебѣ, что я знаю Вильгельма, и что твое путешествіе принесетъ весьма много бѣдствій для нашего государства? Я предчувствую, что оно навлечетъ на нашъ народъ великія бѣдствія, и да не попуститъ Всевышній, чтобы они начались въ мои дни". Спустя немного времени послѣ того, король Эдуардъ умеръ, и при этомъ самъ предъ смертію постановилъ, чтобы его преемникомъ былъ Гарольдъ. Вильгельмъ объявилъ ему, что хотя онъ вѣроломно нарушилъ прочія условія, но если возьметъ его дочь въ супружество, то онъ не обратитъ на то вниманія; въ противномъ же случаѣ угрожалъ съ оружіемъ въ рукахъ требовать обѣщаннаго ему королевскаго достоинства. А Гарольдъ отвѣтилъ, что онъ требованія его исполнить не желаетъ, а угрозъ не боится. Вильгельмъ пришелъ въ негодованіе; такая несправедливость Гарольда воодушевила его полною надеждою на месть. Такимъ образомъ, онъ, снарядивъ не малый флотъ изъ 900 судовъ, отправился въ Англію. Послѣ жестокой битвы, во время которой палъ Гарольдъ, побѣдитель Вильгельмъ овладѣлъ государствомъ.

Монахъ Симеонъ Дургамскій.

Historia de regibus Anglorum et Danorum.

Симеонъ Дургамскій (Simeon Dunelmensis monachus, ум. послѣ 1130 г.) жилъ, какъ видно изъ его прозванія, далеко отъ сцены дѣйствія (Дургамъ леж. въ св. Англіи, близь Ньюкестля), и писалъ лѣтъ 60 спустя послѣ завоеванія Англіи, но онъ пользовался хорошими источниками для ближайшаго къ нему времени, и подробнѣе остановился на 66 годѣ XI вѣка. Его „Исторія о короляхъ англовъ и датовъ", начинается съ 616 года и доходитъ до 1129 г. *Изданія*: Monum. Hist. Britann. I, 645 стр. и слѣд.

65.—Приготовленіе къ походу и отплытіе Вильгельма въ Англію. 1066 г.

(Въ 1090 г.).

Внезапно узнали у насъ (въ Нормандіи) навѣрное, что Англія лишилась своего короля Эдуарда, и что Гарольдъ овладѣлъ его короною. Прежде нежели народъ, погруженный въ печаль, рѣшилъ вопросъ о наслѣдствѣ избраніемъ, въ тотъ самый день, когда погребали короля, этотъ жестокій англосаксъ, этотъ измѣнникъ, провозглашенный нѣсколькими друзьями, овладѣлъ трономъ, и Стигандъ

(арх. Канторбёрійскій), лишенный священнаго званія анаѳемою папы [1]), ложно помазалъ его, Вильгельмъ посовѣтовался съ своими приближенными и рѣшилъ отмстить оружіемъ нанесенную ему обиду; не смотря на противорѣчіе нѣкоторыхъ, считавшихъ такое предпріятіе весьма труднымъ и превышающимъ силы Нормандіи, онъ рѣшился возвратить силою наслѣдство, котораго его лишили.

Было бы длинно говорить, какимъ образомъ устраивали и вооружали корабли, снабдили ихъ съѣстными припасами и всѣмъ необходимымъ для войны, и какое усердіе выказали норманны, дѣлая всѣ эти приготовленія. Вильгельмъ, съ своей стороны, употребилъ всѣ свои старанія, чтобы обезпечить управленіе и безопасность Нормандіи на время своего отсутствія. Его войско увеличилось большимъ числомъ рыцарей, привлеченныхъ молвою о щедрости герцога и справедливости его дѣла. Онъ запретилъ грабежъ и на свой счетъ содержалъ 50,000 воиновъ и рыцарей, въ продолженіе цѣлаго мѣсяца, когда онъ задержанъ былъ вѣтрами въ устьѣ р. Дивы; взялъ на свой счетъ все содержаніе арміи, и не дозволялъ ничего отнимать у жителей. Стада крестьянъ продолжали пастись въ поляхъ съ такою безопасностію, какъ будто бы эти поля были священными; жатвы, пощаженныя гордымъ презрѣніемъ рыцарей, ожидали серпа жнецовъ. Слабый и безоружный человѣкъ свободно путешествовалъ, распѣвая на своей лошади, и безъ страха смотрѣлъ на вооруженныя толпы.

Тогда на престолѣ св. Петра въ Римѣ находился папа Александръ (II), вполнѣ достойный и покорности и послушанія католической церкви, потому что его совѣты всегда были справедливы и полезны. Герцогъ просилъ у папы его покровительства; и когда онъ извѣстилъ его о своихъ приготовленіяхъ къ походу, папа далъ ему знамя и благословеніе св. Петра, чтобы онъ напалъ на своего врага съ полною увѣренностію.......

Наконецъ, цѣлый флотъ, собранный съ такими стараніями, оставилъ устье р. Дивы и сосѣднія гавани, гдѣ онъ такъ долго ожидалъ попутнаго вѣтра, и направился къ Санъ-Валери. Ни замедленіе, причиненное вѣтрами, ни крушенія, ни дезертирство трусовъ, клявшихся ему въ вѣрности, не могли поколебать герцога; совершенно увѣренный въ успѣхѣ, онъ положился на божественное покровительство, и ему возсылалъ свои обѣты, свои молитвы и свои жертвы. Желая благоразуміемъ побѣдить бѣдствія, онъ скрылъ, по возможности, смерть тѣхъ, которые погибли во время бурь, приказавъ тайно похоронить ихъ, а нужды другихъ облегчилъ, увеличивая раздачу съѣстныхъ припасовъ. Онъ умѣлъ всегда своими рѣчами ободрить отчаявавшихся и боязливыхъ. Задерживаемый безпрестанно противными вѣтрами, Вильгельмъ умолялъ небо послать ему попутный вѣтеръ и приказалъ вынести изъ церкви тѣло блаженнаго Валерія, возлюбленнаго Богомъ. Все его войско присутствовало при этой рели-

---

[1]) Національное духовенство въ Англіи и его глава Стигандъ оказывали мало повиновенія Риму, и потому папы всѣми силами поддерживали норманновъ противъ англосаксовъ, какъ въ VI вѣкѣ они поощряли англо-саксовъ противъ непокорныхъ бриттскихъ епископовъ. См. т. I, ст. 66.

гіозной церемоніи. Наконецъ, такъ долго ожидаемый вѣтеръ подулъ, и всѣ голосомъ и движеніемъ руки возблагодарили небо, и ободряя другъ друга, шумно и поспѣшно оставили землю и усердно приготовлялись начать свое опасное плаваніе. Въ этой толкотнѣ, одинъ кричалъ своего вассала, другой—товарища, большая же часть, забывъ вассаловъ, товарищей и все, что для нихъ можетъ быть необходимо, думали только, какъ можно скорѣе, отправиться, чтобы не остаться на берегу. Герцогъ, болѣе другихъ торопясь, ободряетъ и укоряетъ тѣхъ, которые наименѣе торопятся. Опасаясь, чтобы они не пристали прежде извѣстнаго дня къ берегу и въ непріятельскій или мало извѣстный портъ, Вильгельмъ чрезъ глашатая отдалъ распоряженіе, чтобы корабли, когда они будутъ въ открытомъ морѣ, останавливались ночью и бросали якорь, пока не увидятъ знака на его мачтѣ; тогда звукъ трубы дастъ сигналъ къ отъѣзду..... Ночью, послѣ стоянки, корабли подняли якорь. Корабль, на которомъ былъ герцогъ, съ большою ревностію стремясь къ побѣдѣ, тотчасъ, вслѣдствіе своей быстроты, опередилъ остальной флотъ, отвѣчая скоростію хода нетерпѣнію своего вождя. При появленіи солнца, гребецъ получилъ приказаніе посмотрѣть съ вершины мачты, не идутъ ли прочіе корабли; но онъ отвѣчалъ, что ничего не видно, кромѣ неба и моря. Герцогъ приказалъ тогда бросить якорь; а чтобы его люди не предались страху и печали, съ бодростью и веселостью, какъ бы въ залѣ своего дворца, сѣлъ за обильный столъ, гдѣ не было недостатка въ винѣ, и увѣрялъ, что скоро остальной флотъ, сопровождаемый рукою божіею, подъ покровительствомъ которой онъ находится, присоединится къ нимъ. Посмотрѣвъ въ другой разъ, гребецъ сказалъ, что видитъ четыре корабля; въ третій же разъ, возвѣстилъ, что ихъ идетъ такое множество, что безчисленныя и сближенныя между собою мачты казались лѣсомъ. Пусть всякій самъ догадается, въ какую радость обратилась надежда герцога, и какъ онъ отъ глубины сердца возблагодарилъ Бога за его благость. Съ помощію попутнаго вѣтра, флотъ безпрепятственно вошелъ въ портъ Певенсей (близъ Гастингса, 28 сент. 1066 г.).

Капелланъ Вильгельмъ Поатье.

Gesta Guilelmi II, ducis Normannorum, regis Anglorum, I.

Капелланъ Вильгельмъ Поатье (Guilelmus Pictaviensis, capellanus), родомъ изъ Поатье, служилъ въ капеллѣ, т.-е. въ канцеляріи самого Вильгельма Завоевателя и принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ людей того времени; написанная имъ книга: „Дѣянія Вильгельма II, герцога норманновъ, I, короля англовъ“, считается однимъ изъ лучшихъ историческихъ произведеній среднихъ вѣковъ. Весьма понятно, что авторъ былъ ревностный приверженецъ Вильгельма Завоевателя.—*Изданія*: Duchesne, Scr. histor Norm. 178—213 стр. *Переводы*: У Гизо, Collect. XXIX, 326—439 стр.

66.—Вильгельмъ I, король Англіи. 1066—1087.

(Въ 1259 г.).

Въ началѣ своей хронографіи, или описанія временъ минувшихъ, я намѣренъ прежде всего дать отвѣтъ тѣмъ завистливымъ порицателямъ, которые считаютъ мой трудъ безполезнымъ; потомъ я объяснюсь и изложу кратко, свои основанія предъ тѣми, которыхъ благосклонность послужила для меня побудительною причиною къ этому труду. Дурные люди говорятъ: „Какая надобность записывать жизнь и смерть людей, а также различныя событія, происходившія въ мірѣ? Зачѣмъ доводить до свѣдѣнія потомства и упрочивать въ его памяти столько удивительныхъ событій"? Пусть же узнаютъ они, что отвѣтитъ имъ на это мудрецъ: „Природа вложила въ душу каждаго человѣка стремленіе познавать. Безъ познанія, безъ воспоминанія обо всемъ, случившемся до него, человѣкъ доходитъ до тупости, составляющей удѣлъ безсловесныхъ. Его существованіе походитъ на положеніе человѣка, заживо зарытаго въ землю. И если вы станете забывать и презирать тѣми, которые умерли въ древнія и давноминувшія времена, то кто вспомнитъ о васъ самихъ? Память праведнаго не погибнетъ, имя праведнаго будетъ вѣчно возноситься къ небу, сопровождаемое благословеніемъ всѣхъ; тогда какъ имя нечестиваго сопутствуется проклятіями и укоризной". Жизнь, избѣгающая примѣра злыхъ людей и направленная всецѣло по слѣдамъ добрыхъ—исторію которыхъ я преимущественно намѣренъ изложить—вотъ счастливый результатъ книгъ и вѣрное изображеніе обязанностей человѣка. Этими побужденіями руководился законодатель Моисей, хотя у него были и другія, когда въ ветхозавѣтныхъ книгахъ прославилъ невинность Авеля, зависть Каина, умъ Іакова, безпечность Исава, терпѣніе Іова, коварство одиннадцати сыновей Израиля, доброту двѣнадцатаго, т.-е. Іосифа, казнь пяти городовъ, покаяніе ниневитянъ; и посредствомъ письма онъ увѣковѣчилъ тѣ лица и событія въ памяти потомства. Моисей хотѣлъ внушить стремленіе къ подражанію добрымъ, а также объяснить опасность увлеченія примѣромъ злыхъ людей. Святые евангелисты и священные писатели, каковы: іудейскій историкъ Іосифъ, Кипріанъ епископъ Карѳагенскій и мученикъ, Евсевій Кесарійскій, Іеронимъ, пресвитеръ Сульпицій, Севе́ръ, Фортунатъ, Бэда преподобный и Просперъ Аквитанскій, описывая дѣла божіи и разсказывая событія изъ языческой исторіи, очевидно, стремились къ той же цѣли. Изъ новѣйшихъ—Маріанъ Скотъ, монахъ Фульдскій, Сигисбертъ, монахъ Гемблахскій, и многіе другіе глубокомысленные писатели были въ то же время правдивыми лѣтописцами. Что же касается до насъ, то мы намѣрены начать свою хронику Англіи разсказомъ о прибытіи въ нее Вильгельма, герцога Нормандскаго, — когда тотъ, бывъ оскорбленъ Гарольдомъ, вѣроломнымъ королемъ англовъ, вызвалъ его на борьбу, а впослѣдствіи свергнулъ съ престола. Я разскажу читателямъ коротко, какъ произошло это событіе.

Во время одной морской поѣздки, Гарольдъ, еще юноша, но уже стремившійся къ англійской коронѣ, весело пустился въ открытое море, какъ противный вѣтеръ сбилъ его съ пути, отбросивъ къ берегамъ провинціи Понтье, тогда какъ онъ разсчитывалъ пристать къ Фландріи. Графъ Понтье захватилъ его и выдалъ Вильгельму, герцогу Нормандскому. Гарольдъ сталъ утверждать, что онъ имѣлъ твердое намѣреніе прибыть въ Нормандію, съ тою цѣлью, чтобы сблизиться съ герцогомъ ея и получить руку его дочери. Онъ обязался даже присягою, данною имъ на мощахъ многихъ святыхъ, въ назначенный срокъ, выполнить съ точностію свое обѣщаніе. Съ нимъ обходились тѣмъ съ бо́льшею почтительностію, чѣмъ неожиданнѣе былъ его пріѣздъ, такъ какъ, до сихъ поръ, Вильгельмъ и Гарольдъ были въ открытой враждѣ между собою. Сверхъ того, онъ далъ клятву, что по смерти короля Эдуарда. уже старца и бездѣтнаго, передастъ королевство Англію герцогу Нормандскому, имѣвшему на нее право. По истеченіи нѣсколькихъ торжественно проведенныхъ дней, Гарольдъ, надѣленный богатыми подарками, возвратился въ Англію. Но, видя себя въ безопасности, онъ сталъ хвастаться тѣмъ, что ускользнулъ, посредствомъ ловкаго обмана, отъ ловушки своего врага. Между тѣмъ, наступила пора, когда нужно было сдержать всѣ свои обѣщанія; но Гарольдъ не обратилъ на то вниманія и ничего не сдѣлалъ изъ того, что обѣщалъ. Тогда герцогъ отправилъ къ нему торжественное посольство, требуя отъ него отчета въ его поведеніи по отношенію къ нему; но высокомѣрный и лживый Гарольдъ торжественно отвергнулъ то, въ чемъ прежде клятвенно увѣрялъ, грубо обошелся съ послами, велѣлъ изувѣчить ихъ лошадей, на которыхъ они пріѣхали—и затѣмъ отпустилъ обратно. Итакъ, герцогъ имѣлъ справедливыя основанія принять этотъ поступокъ за вызовъ, и призвалъ, къ отмщенію за эту кровавую обиду короля Франціи (Филиппа I), всѣхъ своихъ родныхъ, друзей и сосѣдей. Сокрушивши напередъ власть Гарольда, Вильгельмъ, съ божіею помощію, скоро достигъ завоеванія всей Англіи,—какъ то видно будетъ изъ дальнѣйшаго разсказа.

Въ 1066 году по Рождествѣ Христовѣ, въ пятую ферію [1]) наканунѣ крещенія Господа нашего, слава Англіи король Эдуардъ Миролюбивый, сынъ короля Этельреда, послѣ двадцати-четырехлѣтняго царствованія, перемѣнилъ временное царство на царство небесное. Тѣло скончавшагося святого короля на слѣдующій день было предано землѣ, близъ Лондона, въ построенной имъ, по новому архитектурному плану, церкви, послужившей моделью для большей части тѣхъ церквей, на сооруженіе которыхъ впослѣдствіи потрачены были огромныя суммы, и которыя возвысились до соперничества съ нею. Со смертію Эдуарда пресѣклась королевская линія въ Англіи. Начавшись Цердикомъ I, королемъ Весекса, она не прерывалась въ продолженіе пятисотъ-шестидесяти лѣтъ, если исключить изъ нея нѣсколькихъ королей изъ Даніи, которые были посланы Богомъ на народъ

[1]) Феріями назывались дни недѣли: первая ферія—воскресеніе, вторая—понедѣльникъ и т. д. Слѣдовательно. пятая ферія—четвергъ.

англовъ за ихъ грѣхи. По смерти благочестивѣйшаго короля Эдуарда, закончившаго собою королевскій родъ въ Англіи, вельможи недоумѣвали, кого избрать государемъ и вождемъ. Одни склонялись на сторону Вильгельма, герцога Нормандскаго, другіе требовали Гарольда; сына Годвина—были и такіе, которые стояли за Эдгара, сына Эдуарда; потому что, король Эдмундъ Желѣзный-Бокъ, хотя и побочный, но королевской крови, былъ отцемъ Эдуарда, отца Эдгара (см. у насъ, родосл., выше на стр. 831). Эдгару принадлежало право на англійскую корону. Но Гарольдъ, какъ человѣкъ ловкій и хитрый, понялъ, что ему незачѣмъ мѣшкать, когда представляется хорошій случай, и потому въ день Богоявленія, который былъ также днемъ похоронъ Эдуарда, онъ выманилъ у вельможъ клятву на вѣрность себѣ и, занявъ тронъ, возложилъ на себя безъ церковнаго благословенія корону: это служило довершеніемъ его несправедливости, и онъ навлекъ на себя гнѣвъ папы Александра (II) и всѣхъ англійскихъ прелатовъ. Этотъ же самый Гарольдъ побѣдилъ другого Гарольда, короля Норвежскаго, приходившаго воевать съ нимъ на 1,000 корабляхъ и, упоенный побѣдою, сталъ угнетать своихъ подданныхъ. Скоро изъ короля онъ превратился въ тирана, и ни мало не заботился о выполненіи клятвы, данной герцогу Нормандскому. Смерть дочери Вильгельма, которая была помолвлена за него, еще болѣе увеличила его опасность; онъ зналъ, сверхъ того, что Вильгельмъ былъ занятъ войною съ сосѣдними герцогами, и потому разсчитывалъ, что за его угрозами никогда не послѣдуетъ дѣла. Что же касается до вынужденной у него клятвы, то, по его словамъ, она не имѣла ровно никакого значенія; потому что невозможно же было, въ самомъ дѣлѣ, отдавать королевство другому, когда самъ Эдуардъ былъ еще живъ, равно какъ нельзя было, безъ согласія короля, завѣщать его въ чью-бы-то ни было пользу. Впрочемъ Вильгельмъ и Гарольдъ думали объ этомъ неодинаково. Въ самомъ дѣлѣ, лишь только Вильгельмъ узналъ, что Гарольдъ увѣнчался діадемой, какъ немедленно отправилъ къ нему посольство, съ кроткимъ упрекомъ за то, что онъ пренебрегаетъ своею клятвою; къ этому онъ присоединилъ обѣщаніе, вмѣстѣ съ угрозой, явиться лично къ Гарольду и потребовать у него удовлетворенія. Гарольдъ отправилъ къ герцогу свой отвѣтъ черезъ его же пословъ: въ немъ заключался отказъ. Возвратившись послѣ неудачной попытки въ отечество, послы явились къ герцогу Вильгельму и донесли ему слѣдующее: „Гарольдъ, король англовъ, доводитъ до вашего свѣденія, что, бывъ заброшенъ помимо собственной воли на ваши берега, онъ дѣйствительно обручился въ Нормандіи съ одною изъ вашихъ дочерей, а вамъ поклялся передать королевство Англію; но, онъ увѣренъ также въ томъ, что никто не обязанъ соблюдать вынужденную у него силою присягу. Ибо, если слѣдуетъ считать ничтожнымъ обѣщаніе и даже добровольное обязательство молодой дѣвицы, которая, живя въ отцовскомъ домѣ, распорядится собою, безъ согласія своихъ родителей: то, не гораздо ли основательнѣе —такъ казалось по крайней мѣрѣ Гарольду—считать пустою и недѣйствительною присягу, данную имъ вслѣдствіе насилія и безъ вѣдома короля, подъ властію котораго присягавшій находился?

Сверхъ того, онъ обвиняетъ себя въ поспѣшности, которая была причиною того, что онъ, не дождавшись согласія народа, обѣщалъ вамъ наслѣдство въ государствѣ, которое не принадлежало ему. Наконецъ, заключаетъ онъ, несправедливо было бы ему отказываться отъ власти, которая признана за нимъ единодушнымъ голосомъ вельможъ государства".

Вильгельмъ, герцогъ Нормандіи, выслушавъ отвѣтъ пословъ, пришелъ въ сильное негодованіе; но, чтобы не дѣлать ничего легкомысленно и не лишить законности своего дѣла, онъ отправилъ пословъ къ папѣ Александру, прося его утвердить своимъ апостольскимъ авторитетомъ задуманное имъ завоеваніе. Папа, подвергнувъ изслѣдованію права обоихъ претендентовъ, послалъ Вильгельму знамя, какъ предвѣстіе побѣды. По полученіи этого, Вильгельмъ собралъ въ Лилльбонѣ бароновъ и выспросилъ у каждаго изъ нихъ порознь мнѣніе касательно настоящей экспедиціи. Всѣ они обязались дѣйствовать съ усердіемъ, надавали герцогу много обѣщаній и уговорились между собою, разойдясь теперь, вновь собраться съ лошадьми и оружіемъ въ августѣ, около гавани св. Валерія, для того, чтобы выйти оттуда въ открытое море. Хотя въ назначенный срокъ они дѣйствительно прибыли туда, но принуждены были выжидать тамъ благопріятнаго вѣтра, для переправы въ Англію. Чтобы получить такой вѣтеръ, герцогъ приказалъ открыть и провести по лагерю тѣло св. Валерія. Вдругъ вѣтеръ, такъ давно желаемый, раздулъ паруса; послѣ завтрака, всѣ взошли на корабли и, быстро несомые вѣтромъ, пристали къ Гастингсу. Выходя изъ своего судна, король споткнулся; но стоявшій при немъ вассалъ обратилъ это паденіе въ счастливое предзнаменованіе. „Герцогъ! воскликнулъ онъ, вы держали землю англовъ, и будете ея королемъ". Послѣ высадки, Вильгельмъ, желая отвлечь свою армію отъ грабежа, сказалъ ей: „Пощадите то, что въ скоромъ времени будетъ принадлежать вамъ". Въ теченіе слѣдующихъ пятнадцати дней, герцогъ былъ такъ спокоенъ, какъ будто мысль о войнѣ всего менѣе занимала его. Вся его заботливость ограничилась сооруженіемъ замка на мѣстѣ самой высадки.

Гарольдъ возвращался съ сраженія съ норвежцами въ то время, когда до него дошла вѣсть о прибытіи Вильгельма. Онъ немедленно поспѣшилъ къ Гастингсу, въ сопровожденіи весьма незначительнаго военнаго отряда, такъ какъ за исключеніемъ небольшой арміи, набранной изъ наемныхъ солдатъ и провинціальныхъ новобранцовъ, у него было такое ничтожное число настоящихъ военныхъ людей, что пришельцы могли безъ труда разбить его. Тогда Гарольдъ выслалъ впередъ соглядатаевъ, съ порученіемъ развѣдать о числѣ и силѣ непріятельскаго войска. Они были схвачены въ лагерѣ Вильгельма, но этотъ, предложивъ имъ обозрѣть свою армію, сдѣлалъ имъ великолѣпное угощеніе и отослалъ ихъ цѣлыми и невредимыми къ своему вождю. Когда они возвратились къ Гарольду, онъ немедленно спросилъ ихъ—что новаго принесли они? Соглядатаи не могли вдоволь наговориться о благородной довѣрчивости Вильгельма, потомъ стали серьезно утверждать, что солдаты его арміи похожи съ виду на

священниковъ, такъ какъ у нихъ были выбриты борода и усы. Гарольдъ улыбнулся, видя наивность разсказчиковъ. „Это не священники, сказалъ онъ, а храбрые и непобѣдимые въ сраженіяхъ воины". На это, братъ его, Гуртъ, еще молодой, но уже обладавшій мужествомъ и благоразуміемъ, возразилъ ему слѣдующее: „Если ты самъ восхищаешься храбростію нормандцевъ, то не безразсудно ли тебѣ вступать въ бой съ ними, когда, притомъ, на твоей сторонѣ нѣтъ —ни силы военной, ни права? Ты не можешь отрицать того, что, добровольно ли, или по принужденію, но ты далъ клятву Вильгельму: и такъ, ты поступишь благоразумнѣе, если, при столь опасныхъ обстоятельствахъ, не доведешь себя до бѣгства или смерти, съ пятномъ клятвопреступника. Для насъ же, недававшихъ ни въ чемъ клятвы, война дѣло совершенно законное, потому что мы защищаемъ свою страну. И такъ, предоставь намъ однимъ сражаться. Если мы отступимъ, подавленные непріятельскою силою, ты будешь въ состояніи поправить дѣло, а если намъ придется умереть, ты отмстишь за насъ". Но безразсудный Гарольдъ не внялъ этимъ рѣчамъ. „Я бы опозорилъ всю свою прошедшую жизнь, говорилъ онъ, если бы обратилъ тылъ предъ какимъ бы то ни было врагомъ".

Когда братья вели между собою этотъ разговоръ, къ нимъ явился монахъ, посланный Вильгельмомъ. Ему поручено было предложить на выборъ Гарольду одно изъ слѣдующихъ трехъ предложеній: или, согласно съ данною имъ клятвою, отказаться отъ своего достоинства въ пользу Вильгельма, или владѣть своимъ королевствомъ въ качествѣ вассала герцога, или, наконецъ, въ присутствіи обѣихъ армій, рѣшить дѣло поединкомъ. У Гарольда насупились брови при такихъ рѣчахъ посла Вильгельма, и онъ не могъ удержаться, чтобы не отвѣтить ему дерзско, и съ гнѣвомъ отпустить назадъ; но Гарольдъ сказалъ только, что Богъ разсудитъ между нимъ и Вильгельмомъ. На это монахъ замѣтилъ ему съ твердостію, что, такъ какъ онъ упорствуетъ въ своемъ отрицаніи правъ Вильгельма, то Вильгельмъ готовъ доказать или ихъ посредствомъ суда святого апостольскаго престола, или—битвы, въ случаѣ если ему то будетъ болѣе угодно. Не взирая на всѣ доводы монаха, Гарольдъ оставался при своемъ первомъ отвѣтѣ. Послѣ этого нормандцы были одушевлены единственно стремленіемъ къ бою.

Напослѣдокъ съ обѣихъ сторонъ сдѣланы были всѣ къ тому приготовленія. Англы провели цѣлую ночь среди пѣсней и попойки. Поутру — еще пьяные — они безтрепетно выступили на встрѣчу непріятелю. Пѣшіе, вооруженные своими обоюдоострыми топорами, и сблизивъ щиты, они образовали непроницаемую стѣну. При такомъ построеніи, они могли бы хорошо защищаться въ этотъ день, если бы нормандцы, предавшись, по своему обыкновенію, притворному бѣгству, тѣмъ самымъ не разъединили ту плотную массу. Гарольдъ —также пѣшій—стоялъ вмѣстѣ съ братьями у своего знамени, чтобы, при этой общей и равной для всѣхъ опасности, никому не могла прійти въ голову мысль о бѣгствѣ. Напротивъ, нормандцы посвятили всю ночь на исповѣданіе своихъ грѣховъ, а по утру укрѣпились принятіемъ тѣла и крови Спасителя. Ставъ твердо, они

выжидали непріятельскаго нападенія. Вильгельмъ вооружилъ свой передовой отрядъ, составленный изъ пѣхотинцевъ, луками и дротиками; всадники, расположенные двумя крыльями, шли за ними. Герцогъ, съ сіяющимъ лицомъ, громко возгласилъ, что Богъ будетъ благопріятствовать его дѣлу, какъ совершенно правому. Когда онъ потребовалъ свое вооруженіе, то прислуживавшіе, въ торопяхъ, надѣли ему кирасу задомъ напередъ; поправивъ ее, онъ замѣтилъ съ улыбкой: „Такъ своимъ мужествомъ вы обернете мое герцогство въ королевство“. Чтобы воспламенить сердца своихъ воиновъ, онъ запѣлъ пѣснь о Роландѣ, и вслѣдъ затѣмъ, при крикахъ: „Боже помоги“!—началась борьба. Бились съ остервенѣніемъ, потому что обѣ стороны одинаково не хотѣли уступить, а между тѣмъ день былъ уже на исходѣ. Вдругъ показался Вильгельмъ и далъ своимъ войскамъ сигналъ къ мнимому бѣгству. При видѣ того, англы разстроили свои плотные ряды и быстро погнались за бѣжавшими въ той увѣренности, что безъ труда истребятъ ихъ. Между тѣмъ нормандцы, оборотившись противъ непріятеля, напали на него и, въ свою очередь, заставили бѣжать англовъ. Но тѣ успѣли занять возвышеніе, и тогда какъ нормандцы, утомленные жарою, упорно взбирались на него—англы опрокидывали ихъ по скалистому отвѣсу, неутомимо пускали въ нихъ ихъ же стрѣлы, бросали въ нихъ каменьями и произвели ужасное опустошеніе. Окопы, весьма удобные для защиты, были захвачены англами, и при этомъ они перерѣзали столько норманновъ, что яма, заваленная ихъ трупами, была въ уровень съ краями. Впрочемъ побѣда не склонялась рѣшительно, ни на ту, ни на другую сторону, до тѣхъ поръ, пока у Гарольда не разлучилась душа съ тѣломъ. Этотъ послѣдній, мало того, что одушевлялъ свои войска: онъ отлично исполнялъ службу простого воина. Ни одинъ непріятель не могъ безнаказанно подойти къ нему на близкое разстояніе; того, который осмѣливался на то, онъ убивалъ, не разбирая, былъ ли онъ пѣшій, или конный. Что же касается до Вильгельма, то онъ ободрялъ воиновъ своими рѣчами, подбѣгалъ къ первымъ рядамъ и пускался въ самую свалку. Въ тотъ день, когда онъ—раздраженный и съ стиснутыми зубами—носился по всему полю битвы, подъ нимъ убиты были одна за другою три лучшія лошади. Тѣ, которые оберегали его, напрасно просили его умѣрить свой пылъ, но его великодушное мужество было неутомимо; наконецъ Гарольдъ, раненый стрѣлою въ голову, палъ на полѣ сраженія, и тѣмъ доставилъ побѣду нормандцамъ. Когда онъ распростертый, лежалъ на землѣ, одинъ нормандецъ нанесъ ему мечемъ ударъ въ бедро: за этотъ низкій поступокъ Вильгельмъ опозорилъ этого человѣка, исключивъ его изъ числа вассаловъ. Пораженіе англовъ продолжалось до самой ночи. При наступленіи ея, нормандцы, какъ мы уже сказали, могли считать себя побѣдителями. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что во время этой битвы Вильгельму покровительствовалъ промыслъ божій: это можно видѣть изъ того уже, что испытавши въ тотъ день столько опасностей, онъ не потерялъ ни одной капли крови. Достигнувъ такого счастливаго конца, Вильгельмъ похоронилъ съ честію своихъ убитыхъ, предоставивъ и врагамъ полную свободу

совершить тотъ же обрядъ надъ своими павшими. Когда мать Гарольда просила у Вильгельма тѣло своего сына, онъ отдалъ ей безъ выкупа, не смотря на то, что она предлагала ему весьма значительную сумму денегъ. Трупъ Гарольда похоронили въ аббатствѣ Вальтамъ, которое онъ построилъ на собственный счетъ во славу св. Креста и помѣстилъ тамъ канониковъ. День, который измѣнилъ всю поверхность Англіи, и въ который пролилось такъ много крови, былъ предзнаменованъ появившеюся въ началѣ этого года большою кометою, кроваваго цвѣта и съ длиннымъ хвостомъ. Роковое предвѣстіе, какъ о немъ выразился одинъ писатель: „Тысяча шестьдесятъ-шестого года земля англовъ почувствовала на себѣ огонь кометы“.

Сраженіе произошло при Гастингсѣ, въ день св. Каликста, папы, наканунѣ октябрьскихъ идъ (14 октября).

Въ 1067 году по Рождествѣ Христовѣ, Вильгельмъ, герцогъ Нормандіи, вступилъ въ Лондонъ среди восторговъ духовенства и народа, а также—радостныхъ кликовъ привѣтствовавшей его толпы. Въ праздникъ Рождества нашего Спасителя, архіепископъ Іоркскій Эльдредъ возложилъ на него корону. Онъ не хотѣлъ, чтобы коронованіе его совершилъ архіепископъ Канторбѐрійскій Стигандъ, потому что этотъ послѣдній незаконно присвоилъ себѣ высокій санъ. Затѣмъ онъ получилъ вассальную присягу и клятву на вѣрность отъ бароновъ; наконецъ, взявъ заложниковъ, онъ могъ считать себя уже упроченнымъ на своемъ тронѣ, и грознымъ для всѣхъ тѣхъ, которые имѣли притязанія на верховную власть. Овладѣвъ городами и зàмками, и поставивъ въ нихъ своихъ правителей, Вильгельмъ, обремененный заложниками и несмѣтными сокровищами, отплылъ въ Нормандію. Заложники и сокровища были заключены въ крѣпости и отданы подъ бдительный надзоръ. Потомъ онъ снова возвратился въ Англію, съ тою цѣлію, чтобы наградить своихъ нормандскихъ сподвижниковъ, содѣйствовавшихъ ему на поляхъ Гастингса завоевать всю страну, и раздѣлилъ между ними земли и владѣнія, отнятыя у англовъ, незначительная часть которыхъ, оставшаяся еще въ живыхъ, была осуждена на вѣчное рабство. Этотъ дѣлежъ раздражилъ дворянство страны. Поэтому — одни изъ числа его стали искать убѣжища у короля шотландскаго Малькольма, а другіе, занявъ пустыни и лѣса и ведя тамъ бродячую жизнь, не разъ тревожили безопасность нормандцевъ. Братья, графы Эдвинъ и Моркаръ, оставили Англію; за ними послѣдовали Мертеръ, Вельтеръ, дворяне, епископы, клерики и цѣлая толпа другихъ, перечисленіе которыхъ поименно потребовало бы много времени. Всѣ они пришли къ королю Шотландіи Малькольму и получили отъ него хорошій пріемъ. Законный наслѣдникъ королевства Англіи, Эдгаръ этелингъ (т.-е. принцъ; см. выше родосл. на стр. 831), видя опустошеніе страны, сѣлъ на корабль, вмѣстѣ съ своею матерью, Агатою, и двумя сестрами, Маргаритою и Христиною, съ цѣлію, достигнуть Венгріи, гдѣ онъ родился, и куда хотѣлъ возвратиться, но буря заставила его пристать къ Шотландіи. Эта неудача была причиною только того, что Маргарита вышла замужъ за короля Малькольма. Примѣрная жизнь и святая кон-

чина этой королевы подробно описаны въ особо составленной о ней книгѣ. Сестра ея Христина, почитаемая за свою религіозность, была обручена небесному жениху. Королева Маргарита имѣла шесть сыновей и двухъ дочерей: трое изъ ея сыновей, именно, Эдгаръ, Александръ и Давидъ сдѣлались впослѣдствіи королями по праву рожденія. Въ ихъ царствованіе Шотландія стала убѣжищемъ для всѣхъ тѣхъ, которыхъ гнали изъ родной страны жестокости нормандцевъ; но не будемъ забѣгать впередъ.

Такъ кончилось владычество англовъ въ нашемъ прекрасномъ отечествѣ. Было время, когда эти первые завоеватели показались въ нашей странѣ съ своими варварскими лицами и привычками, съ своими военными нравами и языческимъ суевѣріемъ; объявляя при всякомъ случаѣ войну, они покоряли противную сторону оружіемъ и хитростію. Но лишь только они приняли христіанство, какъ отложили въ сторону военныя занятія и стали предаваться исполненію обязанностей религіи. Такимъ образомъ, короли оставили прежній образъ жизни; одни изъ нихъ въ Римѣ, другіе въ Англіи удостоились небеснаго вѣнца и перемѣнили временное царство на вѣчное. Они строили монастыри и церкви, завѣщали свои сокровища въ пользу бѣдныхъ и вообще предавались дѣламъ благотворительности; такъ что молва о ихъ святой жизни прогремѣла по всему міру. Нашъ островъ прославленъ столькими мучениками, исповѣдниками, благочестивыми дѣвственницами, что вы не встрѣтите теперь селенія, даже самаго незначительнаго, въ которомъ бы не произносилось знаменитое имя какого нибудь новаго святого. Впрочемъ, ко времени прибытія въ Англію Вильгельма, ревность къ благотворительности охладѣла, вѣкъ золотой смѣнился вѣкомъ грязнымъ, уваженіе къ святынѣ притупилось,—и тогда-то англы (подобно тому какъ въ предшествовавшее время даны), бывъ изгнаны нормандцами, испытали ту гибель, которую они навлекли на себя своими беззаконіями. Ибо вельможи королевства, преданные обжорству и сластолюбію, не ходили по утру въ церковь, какъ требовалъ того долгъ добраго христіанина, но заключившись въ объятія своихъ женъ, сидѣли по домамъ, слушая только—и то разсѣянно—мессы и заутрени, читаемыя священникомъ наскоро. Клерики, получавшіе даже духовный санъ, были до такой степени необразованны, что тотъ изъ нихъ, который зналъ грамматику, служилъ предметомъ удивленія для прочихъ. Всѣ они, ни мало не стыдясь, пили публично: это одно занимало ихъ и днемъ и ночью. Плотно поѣвши, они принимались пить; а хорошо попивши, они возбуждали свои, уже переполненные желудки, къ новой ѣдѣ. Впрочемъ, я не намѣренъ относить этихъ упрековъ ко всѣмъ безъ различія: я знаю, что народъ имѣлъ немало богобоязненныхъ людей, во всякомъ званіи и состояніи. Въ это самое время король Вильгельмъ осаждалъ городъ Оксфордъ, оказавшій ему сопротивленіе. Во время осады, одинъ изъ осажденныхъ, ставъ на стѣну, обнажилъ нижнюю часть своего тѣла, и оскорбилъ слухъ норманновъ неприличной насмѣшкой надъ ними (stans nudata inguine sonitu partis inferioris auras turbavit). Такое оскорбленіе пробудило сильнѣйшее негодованіе въ Вильгельмѣ, и онъ безъ труда овладѣлъ городомъ.

Оттуда онъ пошелъ на Іоркъ, и совершенно разоривши городъ, истребилъ его обитателей, огнемъ и мечемъ. Успѣвшіе спастись отъ этого несчастія бѣжали въ Шотландію, къ королю Малькольму, который охотно принималъ къ себѣ всѣхъ изгнанныхъ англовъ, во уваженіе того, что Маргарита, его супруга, была сестрою Эдгара. Онъ далъ имъ даже позволеніе опустошать посредствомъ грабежа и огня пограничныя владѣнія Англіи. Вильгельмъ собралъ многочисленный отрядъ и направился съ ними въ сѣверныя графства, разоряя поля, города, селенія, укрѣпленныя мѣста, и предавая огню все растительное; такъ поступалъ онъ преимущественно въ приморскихъ провинціяхъ, подъ вліяніемъ какъ гнѣва, такъ и слуха, будто король датскій Канутъ намѣревается прійти туда: онъ имѣлъ въ виду, чтобы этотъ разбойникъ не могъ добыть себѣ на берегу моря никакихъ жизненныхъ припасовъ. Въ то время король Малькольмъ призналъ надъ собою власть Вильгельма, объявивъ ему свою покорность. Наконецъ Вильгельмъ, завоевавъ города и замки и назначивъ имъ отъ своего имени правителей, прибылъ въ Нормандію, въ сопровожденіи заложниковъ англовъ и безчисленной добычи; но немного спустя опять возвратился въ Англію и раздѣлилъ владѣнія и земли между своими соратниками, помогавшими ему въ сраженіи при Гастингсѣ. Оставшаяся незначительная часть англовъ была обращена въ вѣчное рабство. Тогда Эдгаръ этелингъ, сынъ Эдуарда и законный наслѣдникъ трона, покинулъ Англію, вмѣстѣ съ двумя братьями, Эдвиномъ и Моркаромъ, и графами Нортумберландскими, Мертеромъ и Вельтеромъ. Было бы слишкомъ долго перечислять по именамъ епископовъ, клериковъ и другихъ всякаго рода знатныхъ людей, бѣжавшихъ въ тѣ времена.

Далѣе авторъ разсказываетъ случаи безпрерывныхъ возстаній англо-сакской расы противъ побѣдителей, поддерживаемой Шотландіею и Даніею; дѣлаетъ отступленія по поводу борьбы Гейнриха IV съ Гильдебрандомъ; описываетъ мѣры Вильгельма къ порабощенію Англіи, и такимъ образомъ доходитъ до знаменитаго въ его правленіи 1083 года, когда онъ нанесъ послѣдній ударъ англо-саксамъ и облекъ право завоеванія въ форму закона.

Въ то время (когда умерла жена Вильгельма, Матильда, т.-е. 1083 г.) король Вильгельмъ разослалъ по всей Англіи судей и далъ имъ предписаніе развѣдать, сколько акровъ (десятинъ) земли въ каждомъ помѣстьи (villa) можетъ быть обработываемо въ годъ однимъ плугомъ, и сколько нужно скота для запашки одного гида (hyda — тягло). Они были обязаны сверхъ того отобрать извѣстія о годовомъ доходѣ городовъ, зàмковъ, селеній, мѣстечекъ, рѣкъ, болотъ, лѣсовъ, и о числѣ вооруженныхъ людей, находящихся въ каждой мѣстности. Эта опись [1]) была отправлена на храненіе въ Вестминстеръ въ королевскую казну, гдѣ она лежитъ и по настоящее время (т.-е.

---

[1]) Хотя авторъ не называетъ памятника, но очевидно онъ говоритъ о Doomsday-book, книгѣ суда; см. о ней ниже въ ст. 68.

XIII стол.). Наконецъ, Вильгельмъ потребовалъ со всего королевства безъ различія шесть серебряныхъ солидовъ съ каждаго гида.

Слѣдуетъ новое отступленіе о низложеніи Гильдебранда.

Въ годъ господень 1085, когда нормандцы довершили страшный приговоръ, произнесенный Богомъ надъ народомъ англовъ, трудно было найти во всемъ королевствѣ хоть одного могущественнаго человѣка изъ англо-сакcской расы; все распростерлось въ страхѣ и впало въ рабство; имя англо-сакса сдѣлалось браннымъ, и королевство было осуждено на множество несправедливыхъ налоговъ и покорилось безчеловѣчнымъ законамъ. Чѣмъ болѣе знатнѣйшіе изъ туземцевъ старались поддержать свое право, тѣмъ болѣе тяготѣло надъ ними насиліе. Такъ называемые судьи были первыми виновниками всякой неправды. Тотъ, кто осмѣливался убить оленя или козу, лишался зрѣнія; и никто не рѣшался возстать противъ подобныхъ законовъ, потому что этотъ грозный король (Вильгельмъ) любилъ дикаго звѣря, какъ отецъ любитъ своихъ дѣтей. Наконецъ, по своему тираническому своеволію, онъ предписалъ сравнять съ землею мѣстечки, гдѣ жили цѣлыя семейства, церкви, гдѣ молились, чтобы дать больше простора оленямъ и дичи. Преданіе говоритъ, что до 30 тысячъ пахотной земли было обращено въ лѣса для убѣжища дикимъ звѣрямъ. Одинъ Вильгельмъ построилъ болѣе за̀мковъ, чѣмъ всѣ его предшественники. Нормандіею онъ правилъ по наслѣдству, завоевалъ Мэнъ; Бретань зависѣла отъ него; въ Англіи онъ господствовалъ одинъ; Шотландія и Валлисъ подчинились ему; и миръ общественный сохранялся такъ, что молодая дѣвушка, имѣя при себѣ множество золота, могла спокойно проѣхать по всей Англіи........

Вильгельмъ имѣлъ много дѣтей отъ королевы Матильды: Роберта, Ричарда, Вильгельма и Гейнриха. Старшій Робертъ, еще при жизни отца, видя себя обманутымъ относительно Нормандіи [1]) и огорченный тѣмъ, ушелъ въ Италію и женился на дочери маркграфа Бонифація, чтобы при помощи такого союзника объявить войну своему отцу. Но ошибившись въ своемъ разсчетѣ, онъ вооружилъ противъ него Филиппа (I), короля Франціи. Лишенный вслѣдствіе того благословенія и отцовскаго наслѣдства, онъ не могъ ни вступить на престолъ Англіи по смерти отца, ни удержать Нормандію. Благородный Ричардъ, юноша, подававшій большія надежды, погибъ нечаянно еще въ цвѣтѣ лѣтъ. Разсказываютъ, что несчастное приключеніе положило предѣлъ его днямъ, когда онъ охотился за оленемъ въ новомъ лѣсу, и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, какъ мы сказали, Вильгельмъ разрушилъ дома и церкви, чтобы сдѣлать густую чащу и убѣжища дикимъ звѣрямъ. Дочерей у Вильгельма было пять: Цецилія—аббатисса въ Канѣ; Констанція—замужемъ за Алэномъ, графомъ Бретани; Адель—за Стефаномъ Блоа, она пошла въ монахини по смерти мужа; четвертая была обручена Гарольду, бывшему королю Англіи;

---

[1]) Вильгельмъ, предъ завоеваніемъ Англіи, обязался королю французскому, въ случаѣ успѣха, отдать Нормандію старшему сыну, но не исполнилъ того.

пятая—невѣста короля Галисіи Альфонса; но именъ послѣднихъ я не могъ узнать. Въ юности своей, король Вильгельмъ до того пренебрегалъ цѣломудріемъ, что о немъ говорили, какъ о человѣкѣ, который производилъ большое впечатлѣніе на женщинъ; но женившись, какъ о томъ свидѣтельствуютъ его же придворные, онъ не подавалъ ни малѣйшаго повода къ невыгоднымъ слухамъ о себѣ. Онъ былъ кротокъ, мягокъ съ подчинившимися, но неумолимъ въ отношеніи мятежниковъ. Каждый день слушалъ обѣдню; съ точностью присутствовалъ на заутренѣ, вечернѣ и часахъ. Впрочемъ, этого и довольно сказать о его характерѣ.—Въ томъ году, папа Григорій (VII), называемый также Гильдебрандомъ, умеръ въ Салерно (1085 г.). Онъ созвалъ около себя кардиналовъ и каялся во многихъ грѣхахъ по обязанности пастыря, а именно, въ томъ, что онъ, по внушенію дьявола, навлекъ на человѣчество гнѣвъ и кару божію [1]........

Въ то время (1086 г.) король англовъ, Вильгельмъ, находился въ Нормандіи, отложивъ на нѣкоторое время войну, задуманную имъ противъ Франціи. Разсказываютъ, что король Франціи, Филиппъ (I), злоупотребляя терпѣніемъ Вильгельма, сказалъ однажды въ шутку: „Король Англіи лежитъ въ Руанѣ (Вильгельмъ въ то время былъ боленъ) и какъ женщина въ родахъ [2]) остается въ постелѣ; когда онъ пойдетъ въ церковь для очищенія (по обычаю рожениць), я провожу его съ сотнею тысячъ свѣчей (т.-е. воиновъ)". Такія рѣчи и другія шутки раздражили Вильгельма, и онъ, собравъ сильную армію, въ началѣ августа (1087 г.), когда поспѣваютъ и жатвы на поляхъ, и виноградъ, и плоды на деревьяхъ, вражески напалъ на Францію. Все было разрушено и опустошено; ничто не могло укротить его бѣшенства; страшное опустошеніе было единственнымъ удовлетвореніемъ, которое онъ получилъ за насмѣшки Филиппа. Наконецъ, онъ предалъ огню городъ Мантъ, сжегъ его и вмѣстѣ съ нимъ церковь св. Маріи, гдѣ сгорѣли двѣ монахини, которыя во время разгрома города не подумали оставить свои кельи. Этотъ пожаръ развеселилъ короля; онъ самъ поощрялъ воиновъ разносить пламя, но жаръ огня, къ которому онъ приблизился, и перемѣна осенней температуры были причиною его болѣзни. Нездоровье увеличилось еще и оттого, что лошадь, перепрыгивая чрезъ широкій ровъ, ударила короля въ животъ. Это послѣднее обстоятельство до того увеличило болѣзнь, что Вильгельма отвезли въ Руанъ, и такъ какъ слабость дѣлалась съ каждымъ днемъ опаснѣе, то онъ долженъ былъ слечь. Доктора, посовѣтовавшись, объявили, на основаніи урины, что смерть близка. Тогда Вильгельмъ, придя въ память, отдалъ Нормандію своему сыну Роберту, а Англію—Вильгельму Рыжему; Гейнриху же завѣщалъ владѣнія его матери и большую сумму денегъ. Всѣ плѣнные были выпущены на свободу; изъ сокровищницы онъ приказалъ надѣлить церкви, и достаточная сумма была отпущена на возстановленіе церкви св. Маріи, бывшей жертвою пламени. Наконецъ, приведя все въ по-

[1]) Это извѣстіе противорѣчитъ всему, что извѣстно о смерти Григорія VII; см. выше, на стр. 775.

[2]) Вильгельмъ былъ извѣстенъ своею тучностью.

рядокъ, Вильгельмъ умеръ за восемь дней до сентябрьскихъ идъ (8 сент.), бывъ королемъ Англіи 22 года, герцогомъ Нормандіи 52, на 57 году жизни, въ 1088 г. отъ воплощенія. На суднѣ перевезли тѣло короля по Сенѣ (и по морю) въ Канъ, гдѣ оно и было погребено въ присутствіи множества прелатовъ. Робертъ, старшій сынъ Вильгельма, въ минуту смерти отца, велъ съ нимъ войну при помощи Франціи; Вильгельмъ Рыжій, не дождавшись его кончины, отправился въ Англію, полагая, что будетъ полезнѣе удалиться немедленно, нежели присутствовать при погребеніи отца. При Вильгельмѣ оставался одинъ изъ его сыновей, Гейнрихъ, и ему пришлось заплатить сто фунтовъ серебра, чтобы удовлетворить притязанія одного вассала, который утверждалъ, что мѣсто, гдѣ погребли тѣло короля, принадлежало ему по наслѣдственному праву.

Монахъ Матвѣй Парижскій.
Historia major Angliae, seu Chronicon ab. a. 1066—1259.

Матвѣй Парижскій (Matthaeus Paris, benedictinus monachus St. Albani; † 1259) родился въ началѣ XIII вѣка, но происхожденіе его неизвѣстно; самое прозваніе „Парижскій,“ по обычаю того времени, могло явиться вслѣдствіе того, что онъ получилъ воспитаніе въ школахъ Парижа. Въ молодости своей авторъ дѣлается извѣстнымъ прямо, какъ монахъ С. Альбанса (на сѣв. отъ Лондона, гдѣ было римское укрѣпленіе Веруламъ), монастыря, славившагося ученостью членовъ своей общины. „Великая исторія Англіи, или хроника отъ 1066—1259 г.“, не есть трудъ исключительно Матвѣя Парижскаго, а носитъ только его фирму; вся первая его часть, отъ 1066 г. до 1240 г. была написана его предшественникомъ Рогеромъ изъ Вендовера (мѣстечко въ Нормандіи), монахомъ того же монастыря, и только послѣднія 20 лѣтъ принадлежатъ Матвѣю. Достоинство этого труда было оцѣнено еще въ средніе вѣка, когда уже его называли „Золотою книгою.“ О подробностяхъ жизни авторовъ и значеніи ихъ „Великой исторіи Англіи“ см. въ III томѣ, которому они собственно принадлежатъ по своему времени. Послѣднее лучшее *изданіе* было сдѣлано въ Лондонѣ Уатсомъ (Wats) 1684 г. *Переводы*: Англ. Giles, подъ заглавіемъ: Roger of Wendower flowers of the history. Lond. 1849. 2 vol.; франц. Huillard-Bréholles. Par. 1840—41. 9 vol. *Изслѣдованіе:* Pauli въ продолженіи Лаппенберга исторіи Англіи, III, 881; и герцогъ de Luynes въ обширномъ предисловіи къ французскому переводу хроники.

67.—Расправа норманновъ въ Англіи. 1066—87.

(Въ 1109 г.).

Многіе англо-саксонскіе князья нѣсколько времени сопротивлялись новому королю, побѣдоноснѣйшему Вильгельму, но будучи совершенно разбиты, подчинились наконецъ власти норманновъ. Изъ нихъ два брата, графы Эдвинъ и Моркарій, были коварно умерщ-

влены своими же; Рогеръ графъ Герфордскій былъ навѣки заключенъ въ темницу; Радульфъ графъ Сусфолькскій бѣжалъ изъ своей земли, а графъ Вальденъ смирился, женившись на его племянницѣ; Агельвинъ, епископъ Дургамскій, заключенъ въ темницу въ Абендоніи; братъ его и предшественникъ Эгельрикъ подобнымъ же образомъ былъ брошенъ въ темницу близъ Вестминстера; всѣ остальные, за свое упорство, лишились прелатствъ, или были сосланы за море въ ссылку, или посажены въ монастырскія темницы, и наконецъ поневолѣ покорились новому королю. Я повѣствую о дѣлахъ побѣдоноснѣйшаго короля только вообще, такъ какъ не имѣю достаточно силъ, чтобы погодно слѣдить за нимъ и описывать всѣ его походы. Затѣмъ король раздѣлилъ между своими норманнами англійскія графства и баронства, епископства, прелатства, а англо-саксовъ почти всѣхъ лишилъ права достигать почетныхъ мѣстъ и имѣть владѣнія. Одному только Геварду удалось произвесть успѣшное возстаніе. Услышавъ во Фландріи, что англійское государство подчинилось чужеземцамъ, и что его наслѣдство, по смерти отца его Леофрика, отдано въ даръ какому-то нормандцу, а мать вдова терпитъ много обидъ и великія бѣдствія, онъ былъ пораженъ достойною скорбію и поспѣшилъ въ Англію съ своею женою Турфридою; составивъ изъ родственниковъ значительное войско, онъ поразилъ притѣснителей матери мечемъ и прогналъ ихъ далеко отъ своего наслѣдства. Тогда видя себя вождемъ храбрѣйшихъ мужей и, главное, значительнаго числа вассаловъ, онъ, чтобы получить законное препоясаніе по военному обычаю, выбралъ нѣсколько воиновъ изъ своей свиты, чтобы и они вмѣстѣ съ нимъ получили освященіе, и пришелъ къ дядѣ, аббату мѣстечка Бранда, человѣку весьма религіозному, и какъ слышалъ я отъ предшественника своего господина аббата Вулькетула и многихъ другихъ, любившему подавать милостыню и украшенному всякими добродѣтелями. Исповѣдавшись въ своихъ грѣхахъ и получивъ разрѣшеніе, онъ весьма настойчиво умолялъ аббата посвятить его въ рыцари (legitimum militem fieri). У англосаксовъ было обыкновеніе, чтобы посвящаемый въ военное званіе наканунѣ того съ чувствомъ сердечнаго сокрушенія и раскаянія исповѣдывался во всѣхъ грѣхахъ предъ епископомъ, или аббатомъ, или монахомъ, или какимъ нибудь священникомъ, и проводилъ ночь въ церкви съ молитвой, сокрушеніемъ и благовѣйными мыслями; въ день же посвященія онъ приносилъ мечъ къ алтарю и слушалъ божественную литургію. По прочтеніи Евангелія, священникъ возлагалъ съ благословеніемъ мечъ на шею война; затѣмъ посвящаемый пріобщался святыхъ Христовыхъ таинъ и становился рыцаремъ. Норманны презирали этотъ обычай воинскаго посвященія, и не признавали такихъ людей рыцарями, а считали ихъ извращенными глупцами. И не одинъ этотъ обычай, но и другіе они старались уничтожить. Такъ, осуждая англійское собраніе документовъ, которое еще прежде временъ короля Эдуарда было утверждено подписями съ золотыми крестами и другими священными знаками присутствовавшихъ вѣрныхъ, норманны называли ихъ просто бумагой, и опредѣлили, чтобы документы утверждались восковою печатью, приложенною каждымъ изъ 3 или 4 свидѣтелей. Но въ пер-

вое время они отнимали многія помѣстья, по одному словесному приказанію короля, безъ всякаго указа, представляя только его мечъ, или шлемъ, или рогъ, или чашу; а иногда предъявляли одни его шпоры, лукъ, или даже только его стрѣлу. Но это было только въ началѣ его правленія: въ слѣдующіе же годы такой способъ завладѣнія измѣнился. Норманны выказывали такое презрѣніе къ англосаксамъ, что лишали ихъ мѣстъ, какъ бы ни были они достойны, между тѣмъ, какъ чужеземцамъ всякой другой націи давали ихъ съ съ удовольствіемъ. Они презирали самый языкъ англовъ до того, что законы и постановленія англійскихъ королей писались на галльскомъ языкѣ (т.-е. французскомъ), и даже въ школахъ дѣти выслушивали уроки грамоты и грамматики не на англійскомъ, а на галльскомъ языкѣ; даже самый англійскій шрифтъ (modus scribendi) въ хартіяхъ и во всѣхъ книгахъ былъ изгнанъ и замѣненъ галльскимъ. Но довольно объ этомъ.

Аббатъ Ингульфъ.

Historiae abbatiae Croylandensis ab a. 626—1091.

Аббатъ Ингульфъ (Ingulfus, abbas Croylandensis) родомъ англосаксъ, но служилъ секретаремъ при Вильгельмѣ Завоевателѣ, и умеръ аббатомъ монастыря Кройландъ (н. Crownland, вблизи Петерборуга, на с.-з.); онъ написалъ собственно „Исторію аббатства Кройланда,“ которая сама по себѣ вовсе не замѣчательна, но имѣетъ много замѣтокъ относительно видѣннаго авторомъ въ эпоху завоеванія Англіи. Личныя отношенія къ Вильгельму перевѣшивали у него надъ чувствомъ національнымъ, но не смотря на то изъ его словъ можно заключить о характерѣ самого господства норманновъ въ Англіи. *Изданія*: Fell, Rer. angl. script. p. 1—107; перев. англ. Riley. Lond. 1849, въ собраніи Bohn's antiq. library t. 29. *Изслѣдованіе*: Лаппенберга, Истор. Англіи, т. I, стр. LXII.

68.—О „Думсдэйбукъ“ Вильгельма Завоевателя. 1086 г.

(Въ 1834 г.)

По усмиреніи возстанія англо саксихъ бароновъ внутри, и по прекращеніи внѣшнихъ попытокъ со стороны Шотландіи и Даніи потревожить власть Вильгельма въ новопріобрѣтенной странѣ, новый король увидѣлъ, что одни военныя экзекуціи не могутъ быть достаточны для упроченія его господства въ Англіи. Чужеземные наемники были распущены; вскорѣ за тѣмъ и Эадгаръ ателингъ (претендентъ) съ нѣсколькими сотнями воиновъ получилъ отъ него позволеніе оставить Нормандію и отправиться въ Апулію. Въ томъ же году (1086) въ Троицынъ день, во время пребыванія своего въ Вестминстерѣ, Вильгельмъ торжественно пожаловалъ сыну своему

Гейнриху рыцарское званіе, и къ первому августа назначилъ общее государственное собраніе въ Сарѣ. Это собраніе, по своимъ размѣрамъ, означеннымъ въ приглашеніи, походило на громадный военный смотръ, на которомъ оказалось, что у Вильгельма въ Англіи содержится до 60.000 воиновъ. Онъ заставилъ своихъ сподвижниковъ принести присягу на вассальную вѣрность королю, что въ военное время по необходимости отлагалось, и за то утвердилъ за ними ихъ владѣнія въ Англіи. При составленіи того присяжнаго акта и при приведеніи его въ выполненіе въ первый разъ служила руководствомъ извѣстная книга *Думсдэйбукъ* (Domesdaybook), или „Книга суднаго дня", задуманная еще въ предшествовавшіе годы и оконченная въ 1086 году. Подъ этимъ именемъ разумѣется исключительно та перепись, которая была составлена (см. выше, стр. 947) въ отдѣльныхъ графствахъ королевскими чиновниками относительно всѣхъ имуществъ, какъ полученныхъ непосредственно отъ короля (tenentes in capite), и посредственно (undertenans), равно какъ и о земляхъ свободныхъ всельниковъ, о доходахъ, до и послѣ завоеванія, о возможности улучшенія доходовъ, о податяхъ, о состояніи скотоводства, лѣсного, рыбнаго и горнаго промысловъ, и преимущественно всего того, что казалось необходимымъ для точнаго кадастра и взиманія доходовъ. Содержаніемъ своимъ эта книга не обязана никакимъ прежнимъ матеріаламъ, такъ какъ сказаніе о томъ, что подобный трудъ былъ составленъ уже Альфредомъ, лишено доказательствъ, а именно, опровергается самой Думсдэйбукъ Вильгельма, въ которой не говорится ничего подобнаго, и, сколько намъ извѣстно, ни одно изъ тогдашнихъ государствъ не представляло у себя никакого образца для составленія такой работы.

При существованіи до того времени не многихъ актовъ о королевскихъ, частныхъ и монастырскихъ имуществахъ, и наслѣдственныхъ книгъ въ городахъ и подобныхъ росписей, которыя пополнялись преданіемъ и народною молвой, даже необходимо было завоевателю собрать достовѣрныя и точныя свѣдѣнія о своемъ владѣніи въ чужой землѣ, что и побудило его къ такому труду, значеніе котораго было признано другими государствами только по прошествіи многихъ столѣтій, при постепенномъ улучшеніи государственнаго хозяйства. Главная цѣль этой книги заключалась въ обезпеченіи королевскихъ доходовъ и охраненіи общественнаго благосостоянія, такъ какъ конфискація англо-саксонскихъ владѣній, запустѣніе цѣлыхъ графствъ, добровольное бѣгство англо-саксонскихъ землевладѣльцевъ, споры жадныхъ норманновъ съ монастырями, неопредѣленность въ самомъ правѣ наслѣдства между норманнами, которыхъ родственники жили въ различныхъ мѣстахъ Британіи, Франціи и Италіи, и другія обстоятельства, происшедшія отъ насильственной перемѣны владѣльцевъ, вслѣдствіе завоеванія, все это даже и въ другое время должно было увеличить тогдашнія неопредѣленныя понятія о правѣ собственности. Роспись имуществъ производилась важными лицами, которыя, объѣзжая различныя графства, въ назначенный для этой цѣли присутственный *день* (day), на мѣстѣ снимали присяжныя показанія съ шерифовъ, поземельныхъ владѣльцевъ, священниковъ и другихъ ува-

жаемыхъ гражданъ, и записывали отвѣты ихъ относительно выше означенныхъ предметовъ. Результатъ этихъ засѣданій въ *судебный день*, какъ публичное свидѣтельство, получилъ навсегда значеніе показаній, сдѣланныхъ предъ лицемъ, уполномоченнымъ властью, и потому, кажется, такая роспись земель и оброковъ получила названіе *Думсдэйбукъ* [1]) Эта книга хранилась вмѣстѣ съ другими сокровищами въ Винчестерѣ (откуда названіе Rotulus Wintoniae, т.-е. Винчестерскій свертокъ); иногда однакожъ ее брали съ собою во время путешествія короля и въ должностные разъѣзды его судей. Многія изъ сѣверныхъ графствъ, какъ-то: Нортумберландъ (Nortumberland), Ланкаширъ (Lancashire), Кумберлендъ (Cumberland), Уэстморлендъ (Westmoreland) и Дургамъ (Durham), не упоминаются въ ней, быть можетъ потому, что они были слишкомъ сильно опустошены и не пришли еще въ порядокъ; а южныя части тѣхъ графствъ приписаны даже къ Чеширу и Іоркширу (Cheshire и Iorkshire). Недостаетъ также Лондона, Винчестера (Winchester) и другихъ значительныхъ городовъ, можетъ быть потому, что королевскіе коммиссары не могли вступить въ ихъ стѣны съ тою цѣлію, которая составляла задачу *суднаго дня*, или, вѣроятнѣе, по моему мнѣнію, потому, что необходимыя о нихъ свѣденія, насколько то нужно было королю, имѣлись уже въ королевской канцеляріи или казнохранилищѣ. Многія указанія сдѣланы пристрастно въ пользу нормандскихъ монастырей, другія могли быть пропущены изъ поспѣшности, по недостатку времени. Въ послѣдующіе затѣмъ годы мы находимъ много начатыхъ такихъ работъ, хотя только для нѣкоторыхъ округовъ, но ни одна изъ нихъ своимъ достоинствомъ не превосходитъ знаменитый Думсдэйбукъ короля Вильгельма. Эта книга на долго остается неистощимымъ источникомъ для уразумѣнія англо-саксонскихъ и нормандскихъ учрежденій, въ особенности права и доходовъ короля и его вассаловъ, городскихъ постановленій, всевозможныхъ статистическихъ данныхъ, и безчисленныхъ замѣтокъ, неизвѣстныхъ историку тѣхъ временъ или же пропущенныхъ имъ, какъ слишкомъ извѣстное и неимѣвшее въ ту пору значенія, но въ высшей степени интересное для любознательнаго потомства. Болѣе точное пониманіе этой книги останется навсегда основою всякаго историческаго изслѣдованія объ Англіи, въ особенности же для ея средневѣковой исторіи. Это—картина, написанная большею частію цифрами; тѣмъ не менѣе она представляетъ не краткій очеркъ цѣлаго, но скорѣе обложку и толкованіе лѣтописей и юридическихъ актовъ. Въ ней, не смотря на пропуски и недостатки, живыми красками изображено политическое состояніе Англіи подъ конецъ царствованія Вильгельма Завоевателя, и ярко просвѣчиваютъ нѣкоторыя статистическія и касающіяся государственнаго устройства данныя, которыя доставляютъ намъ наглядныя понятія о бѣдствіяхъ Англіи и положеніи ея завоевателей.

---

[1]) *Domesdaybook* — книга суднаго дня, собственно, божьяго; слово на половину латинское (domini), и на половину саксонское (day, нѣм. Tag; book, нѣм. Buch). Въ 1783 г., по приказанію Георга III, она была напечатана въ первый разъ въ 2 том. Новѣйшее изданіе съ католоюгомъ и дополненіями издалъ Kelham, въ 1833.

Во всѣхъ графствахъ находимъ мы многочисленныя упоминанія объ имуществахъ, присвоенныхъ себѣ норманнами, не смотря на споръ, предъявленный королемъ или прежними норманскими владѣтелями (clamores et invasiones). Если владѣніе даже и не было оспариваемо, коммиссарамъ нерѣдко случалось замѣчать, что новый владѣлецъ не предъявилъ ни грамоты съ печатью на присвоенный себѣ ленъ, ни законнаго документа на право владѣнія отъ мѣстныхъ властей графства.

Число свободныхъ владѣльцевъ и непосредственныхъ вассаловъ (tenentes in capite) короля, со включеніемъ духовенства, простиралось до 1,400. Изъ нихъ большая часть имѣла по одному помѣстью, другіе же, а именно, братья короля владѣли большими имѣніями, разсѣянными по всей Англіи; помѣстья епископа Байё (Bayeux, во Франціи) находились въ 17, Роберта изъ Мортеня въ 19 графствахъ и въ Валлисѣ (Wales). Знаменоносецъ Эвдъ (Eudo) имѣлъ владѣнія въ 12 графствахъ; Гуго Авраншскій, по прозванію „Волкъ", считалъ за собою значительныя помѣстья въ 21 графствѣ, помимо своего собственнаго графства Честера.

Второстепенныхъ вассаловъ записалось въ тогдашней Англіи до 8,000. Цифра въ этомъ случаѣ опредѣлена, однакожъ, не точно, въ особенности потому, что имя отца или прозвище встрѣчается рѣже у англо-саксовъ, чѣмъ у норманновъ. Число остальныхъ, упоминаемыхъ въ Думсдэйбукъ, владѣльцевъ или хозяевъ, за исключеніемъ рабовъ, счетомъ около 25,000, простиралось до 250,000. Пропущены въ Думсдэйбукъ монахи, крѣпостные гарнизоны, горожане; всѣ они не записаны нормандскими коммиссарами. Но къ той цифрѣ принадлежитъ 1,000 священниковъ и 8,000 жителей отмѣченныхъ городовъ. Болѣе 10,000 называются свободными людьми (liberi homines), болѣе 2,000 свободными, но подъ покровительствомъ (commendati). Не смотря на то, какъ первыхъ, такъ и вторыхъ, нельзя считать безусловно свободными поземельными собственниками, и названіе, данное имъ, служитъ только для того, чтобы опредѣлить ихъ личныя отношенія къ тѣмъ вассаламъ, во владѣніи (dominium) которыхъ состоятъ они сами или ихъ помѣстья. Оба эти класса находятся почти исключительно въ старой восточной Англіи или въ графствахъ Norfolk и Suffolk; кромѣ того, до 300 въ Essex, и до 50 въ Cheshire и Stafford; явленіе, объяснимое единственно только густотою датскаго неселенія, сохранившагося въ древнемъ королевствѣ Гутрума.

По правамъ своимъ, къ классу свободныхъ людей ближе всѣхъ подходилъ классъ такъ-называемыхъ *сокеманновъ* (sokemannen). Они для наслѣдственнаго укрѣпленія за собою помѣстьевъ, приносили вмѣстѣ съ своими 15-лѣтними сыновьями, какъ совершеннолѣтними, присягу въ вѣрности и вассальной преданности (homagium), и вслѣдствіе того обязаны были военной службой, платою при передачѣ владѣній наслѣднику и другими извѣстными по договору повинностями и податями. Неравноправность этого класса съ классомъ вышеупомянутыхъ свободныхъ людей видна уже изъ того, что сокеманны находились даже въ Суффолькѣ и Норфолькѣ; въ послѣднемъ граф-

ствѣ ихъ было до 4,600,—цифра, составляющая пятую часть всего населенія, упоминаемаго подъ именемъ сокеманновъ (23,072). Весьма важно, однакожъ, то, что ни объ одномъ свободномъ человѣкѣ не упоминается ни въ сосѣднемъ графствѣ Линкольнѣ, ни даже въ Кентѣ, къ которому они принадлежатъ по пословицѣ, а въ этихъ графствахъ находилась цѣлая половина всѣхъ живущихъ въ Англіи сокеманновъ. Болѣе 1,000 было ихъ въ Суффолькѣ, столько же въ Нортгемптонѣ, до 2,000 въ Лейстерѣ, болѣе 1,500 въ Ноттингамѣ, 520 въ Эссексѣ, и до 450 въ опустѣвшемъ пространномъ Іоркширѣ; остальная часть сокеманновъ въ небольшомъ числѣ помѣщается въ графствахъ, лежащихъ къ сѣверу отъ Ветлингской дороги (Wätlinga-Strasse), исключая Чешира и Стаффордшира. Къ югу отъ большой военной дороги совсѣмъ не обозначено жительство сокеманновъ.

Въ графствахъ западной Англіи находился классъ людей, подъ названіемъ *колиберты* (coliberti); числительность этого класса самая большая въ графствѣ Вильтширѣ, до 260, а всего вмѣстѣ до 858. Мы могли бы сказать, что эти колиберты были разсѣяны по всѣмъ южнымъ и западнымъ графствамъ отъ Ветлингской дороги, если бы въ прилежащихъ къ ней графствахъ Суссексѣ, Сурреѣ, Мидльсексѣ, Оксфордѣ, а также и въ прежде упомянутыхъ графствахъ Чеширѣ и Стаффордширѣ не находилось ихъ также мало, какъ и сокеманновъ. Кажется, однакожъ, что названіе Coliberti, которое ни разу не встрѣчается въ этихъ графствахъ до завоеванія и не упоминается ни въ одномъ достовѣрномъ документѣ англо-саксонскихъ монастырей, значитъ тоже, что и сокеманны, и что оно дано сокеманнамъ норманскими коммиссарами, какъ слово, употребительное въ ихъ отечествѣ. Догадка эта вѣроятна тѣмъ болѣе, что въ источникахъ англо-саксонскихъ законовъ ни разу не упомянуты колиберты.

Въ юридическихъ актахъ приводится иногда особый англо-саксонскій классъ людей — Geburen или Bures. Въ Думсдэйбукъ мы встрѣчаемъ ихъ только 62, живущихъ въ шести графствахъ къ югу отъ Ветлингской дороги, а именно, въ Букингамѣ, Оксфордѣ, Герфордѣ, Берксѣ, Ворчестерѣ и Девонширѣ. Они не находятся вмѣстѣ съ сокеманнами ни въ одномъ графствѣ, за исключеніемъ Букингамскаго, составляющаго для нихъ границу; считать же ихъ за одно съ сокеманнами и колибертами невозможно потому, что и тѣ, и другіе встрѣчаются вмѣстѣ въ графствахъ Берксъ, Девонъ, Герсфордъ и Ворчестеръ. Они принадлежатъ къ классу крѣпостныхъ, изъ которыхъ большая и самая свободная часть называется крестьянами (villani). Послѣднихъ записано до 110,000; большую часть насчитываютъ въ Кентѣ, 6,597,—цифра, превосходящая болѣе чѣмъ на половину все остальное населеніе графства; въ Линкольнѣ 7,723 крестьянъ на 25,305 населенія, и въ Девонѣ гдѣ 8,070 крестьянъ и 3,294 рабовъ, на 17,434 всѣхъ записанныхъ жителей. Классъ населенія, извѣстный подъ норманскимъ названіемъ *vilains,* вѣроятно относится къ англо-саксонскимъ ceorlas: это были потомки древняго римско-британскаго населенія. Нѣтъ никакихъ доказательствъ тому, что норманны измѣнили общественное положеніе этого класса, обремененнаго множествомъ податей и служебныхъ обязанностей; напро-

тивъ, даже прежнее ихъ положеніе получило на самомъ дѣлѣ новый стѣснительный характеръ, вслѣдствіе строгости и неумолимости новыхъ владѣльцевъ; между тѣмъ какъ при тогдашнемъ состояніи края, отягченнаго общественными поборами, постоями и многими другими разореніями, причиненными войной и возстаніями, заключалась живѣйшая потребность сбереженія сельскаго рабочаго сословія.

Отъ сельскихъ жителей отличенъ классъ такъ-называемыхъ coscets или cotsäten, въ числѣ 1,749, который соотвѣтствуетъ нѣмецкимъ болотнымъ жителямъ. Этотъ классъ, равно какъ и предыдущій, поселялся болѣе всего въ Мерсіи, за исключеніемъ 9 въ Шропширѣ. Они также какъ и vilains не были свободными, однакожъ служебныя обязанности несли менѣе, нежели *гебуры*.

Классъ *котаріевъ*, большій числомъ, а именно, 5,054, имѣетъ по нашему мнѣнію, сходство съ нѣмецкими Käthner, но мы не знаемъ для нихъ никакого англо-саксонскаго названія. Они находятся во всѣхъ графствахъ, лежащихъ къ югу отъ Ветлингской дороги, даже въ тѣхъ, въ которыхъ вовсе не упоминается колибертовъ, такъ напр., 765 въ Суссексѣ.

Какъ особенность Чешира, указывающую на завоеваніе его датчанами, находимъ мы въ этомъ графствѣ небольшое число такъ-называемыхъ drenghs, названіе, сходное по значенію съ оруженосцами и подобными должностями; оно давалось у датчанъ сыну, а впослѣдствіи и прислугѣ. Они упоминаются иногда даже спустя нѣсколько столѣтій.

Пропустимъ названія нѣкоторыхъ другихъ классовъ населенія, представляющихъ мало интереса какъ по своей малочисленности, такъ и по своимъ характеристическимъ чертамъ; намъ остается упомянуть еще 82,609 *бордаріевъ* (со включеніемъ bordarii pauperes), которые находятся во всѣхъ упомянутыхъ въ Думсдэйбукъ графствахъ, въ пропорціи, довольно соразмѣрной съ общимъ числомъ записаннаго въ этой книгѣ населенія. Они образуютъ классъ, поставляемый обыкновенно послѣ крестьянъ и впереди рабовъ. Если названіе этого класса производить отъ хижинъ съ небольшими садами или огородами, служившихъ для нихъ помѣщеніемъ, то оно получило бы одинаковый смыслъ съ названіемъ cotsäten и cotarii; но въ Думсдэйбукъ эти три класса различаются между собою. Названіе этого класса, какъ кажется, едва ли найдется въ безспорныхъ англо-саксонскихъ документахъ, между тѣмъ какъ во Франціи оно обыкновенно. Изъ этого мы можемъ заключить, что названіе это принесли къ англосаксамъ норманны, такъ какъ его на родномъ англо-саксонскомъ языкѣ нѣтъ, или же, что классъ этотъ составленъ былъ изъ норманновъ, которые на родинѣ находились въ такомъ же положеніи и жили въ помѣстьяхъ своихъ господъ въ ихъ покояхъ, а первоначально и на ихъ содержаніи (по-датски и англо-саксонски bord, поанглійски board). Этотъ взглядъ подтверждается еще и тѣмъ, что невозможно указать, куда дѣвались норманны нисшаго разряда, во множествѣ переселившіеся въ Англію; между тѣмъ какъ число бордаріевъ соотвѣтствовало тому числу 60,000 человѣкъ, завоевавшихъ Англію, если исключить убитыхъ и не считать прибывавшихъ впо-

слѣдствіи новыми массами. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ мы находимъ число ихъ въ круглыхъ цифрахъ, обстоятельство, подтверждающее тотъ взглядъ, что они поселились тамъ недавно. Ясно и то, что съ простымъ норманскимъ сословіемъ и дворнею нисшаго разряда не всегда спорили изъ-за своихъ владѣній англо-саксонскіе ceorle, такъ какъ первые должны были постоянно носить оружіе и не обязаны заниматься земледѣліемъ.

Сумма всего населенія, записаннаго въ Думсдэйбукъ, доходитъ до 283,000, а со включеніемъ горожанъ, пропущенныхъ въ этой книгѣ, до 300,000 главъ семействъ. То мнѣніе, что нѣкоторыя податныя лица могли быть пропущены съ намѣреніемъ, должно показаться крайне невѣроятнымъ, если принять въ соображеніе главную цѣль Думсдэйбукъ—интересы королевской казны. Изъятіе церковныхъ имуществъ отъ всякихъ податей представляется только рѣдкимъ исключеніемъ. Напротивъ того, монахи упоминаются какъ бы случайно, и потому именно, что они обязаны были личною податью королю. Утверждаютъ, что нерѣдко не записывались и нѣкоторые несвободные классы народа, такъ, напримѣръ, вовсе не упомянуты пастухи въ весьма многихъ графствахъ, въ которыхъ разводились свиньи. Мы знаемъ, однакожъ, что пастухи избирались большею частію изъ рабовъ, и потому въ тѣхъ графствахъ, въ которыхъ эта часть скотоводства не процвѣтала особенно, мы должны искать ихъ между бордаріями, податными или рабами. Затѣмъ, если бы мы хотѣли составить сумму всѣхъ тогдашнихъ жителей Англіи, то 2,000,000 душъ скорѣе слишкомъ много, нежели слишкомъ мало.

Лѣсныя пространства въ Англіи были еще очень обширны; огромное количество земли было необработано, и многія мѣстности въ послѣдніе годы или опустошены, или оставлены. Деревни того времени очень малы, почему впослѣдствіи многія изъ нихъ вмѣстѣ считались за одну деревню. Болѣе всего былъ опустошенъ Іоркширъ, гдѣ изъ 411 человѣкъ всего населенія осталось только 35 сельскихъ жителей и 8 бордаріевъ. Города имѣли немного домовъ и то весьма небольшихъ; до завоеванія, только Іоркъ и Лондонъ насчитывали болѣе 10,000 постоянныхъ жителей, изъ коихъ въ послѣднемъ было даже нѣсколько болѣе. Большое число городовъ сильно пострадало частію отъ грабежа и пожаровъ, частію отъ построекъ крѣпостей, при сооруженіи которыхъ нерѣдко разрушались дома съ цѣлію воспользоваться старыми каменными стѣнами. Въ Экзетерѣ, не смотря на оказанную этому городу пощаду, изъ 463 разрушено 50 домовъ, въ Дорчестерѣ изъ 172 на половину, въ богатомъ Норвичѣ, жители котораго имѣли 43 церкви, изъ 1,320 домовъ—также половина. Въ Линкольнѣ изъ 1,150 домовъ 166 пожертвовано на устройство крѣпости, 100 другихъ лишились своихъ обитателей. Въ Кембриджѣ разломано 27 домовъ для устройства новой крѣпости; въ Честерѣ изъ 487 домовъ разрушено 205; въ Дерби изъ 243 пострадало не менѣе 103. Въ Стаффордѣ изъ 131 дома разрушено 38; въ Іоркѣ изъ 1,800 исчезло 800. Но ни одинъ городъ не пострадалъ такъ сильно, какъ Оксфордъ, въ которомъ съ 243 домовъ взяты подати, а остальные 478 или разрушены, или разграблены. Только одинъ го-

родъ значительно расширился послѣ завоеванія, это—Дунвичъ, въ которомъ 120 жителей временъ короля Эдуарда Исповѣдника при Вильгельмѣ размножились до 236,—явленіе, которое ближе всего можно объяснить упадкомъ сосѣдняго ему Норвича.

Общій итогъ королевскихъ доходовъ въ Англіи, которымъ пользовался Эдуардъ Исповѣдникъ, доходилъ до 60,000 марокъ. Пожертвованія на церкви и другія благотворительныя даренія уменьшали этотъ доходъ почти на половину. Сто лѣтъ послѣ завоеванія, доходы составляли только пятую долю, 12,000 марокъ; относительное значеніе этой цифры мы поймемъ тогда, если примемъ въ разсчетъ, что современные доходы германскаго императора простирались тогда до 300,000 марокъ.

Лаппенбергъ.

Geschichte von England. II, 142—154.

Лаппенбергъ (Lappenberg, род. въ Гамбургѣ 1794 г.), знаменитый археологъ и историкъ нѣмецкій, позже архиваріусъ Гамбургскаго сената, получилъ свое воспитаніе въ Англіи, и въ 1816 г. пріобрѣлъ степень доктора правъ въ Берлинѣ. Изъ многочисленныхъ его трудовъ, особенную славу составили ему: Urkundliche Geschichte des Ursprungs des deutschen Hansa. Hamb. 1830. 2 v.; и Geschichte von England. Hamb. 1834, въ 2 томахъ, доведенныхъ до завоеванія Англіи нормандцами исключительно; этотъ трудъ былъ продолженъ Paoli, еще въ трехъ томахъ, до конца XV столѣтія.

69.—Сидъ, какъ историческое лице. 1045—1099 г.

(Въ 1860 г.).

Во многихъ отношеніяхъ трудно найти въ исторіи что нибудь менѣе сходное, какъ характеръ тѣхъ двухъ народовъ, которые въ одиннадцатомъ столѣтіи оспаривали другъ у друга развалины Кардовскаго калифата. Живые, умные и образованные, но изнѣженные и скептическіе мавры жили только для удовольствій, тогда какъ сѣверные испанцы, еще полуварвары, но храбрые и одушевленные пламеннымъ фанатизмомъ, любили одну войну, и войну кровавую. Однако, двѣ эти націи, повидимому, столь различныя, въ сущности имѣли много общаго: та и другая были нравственно испорчены, вѣроломны и жестоки; если мавры вообще обнаруживали равнодушіе въ дѣлѣ вѣры, если они охотнѣе обращались за совѣтами къ астрологамъ, нежели къ своимъ мусульманскимъ теологамъ, если они не стыдились поступать на службу къ христіанскимъ князьямъ, то также было много и между кастильскими рыцарями такихъ, которые не слишкомъ стѣснялись жить со дня на день — *vivre à augure*, какъ тогда выражались, брать мусульманъ къ себѣ на жалованье, сражаться противъ своей религіи и отечества подъ знаменемъ какого-либо арабскаго князька, или грабить и жечь монастыри и церкви.

Если бы не случилось чего нибудь непредвидѣннаго, то мавры, какъ менѣе храбрые и менѣе воинственные, нежели ихъ противники, съ теченіемъ времени должны были бы пасть сами собою. Фердинандъ I нанесъ имъ страшные удары. Онъ отнялъ у нихъ Визё, Ламего и Коимбру; наложилъ подать на четырехъ ихъ королей: сарагосскаго, толедскаго, бадайоскаго и севильскаго, и только смерть воспрепятствовала ему овладѣть Валенсіей. Но раздѣленіемъ королевства между пятью своими дѣтьми, онъ самъ разрушилъ свое дѣло. Мавры свободно вздохнули: они предвидѣли, что на сѣверѣ должна возгорѣться гражданская война, и не ошиблись.

Фердинандъ I отдалъ старшему своему сыну, *Санхо*, Кастилію, Нажеру и Пампелуну, *Альфонсу VI*—Леонъ и Астурію, *Гарсію*—Галисію и часть Пуртугаліи, отнятую имъ у мавровъ; *Уррака* получила Замору и *Эльвира*—Торо. Санхо первый нарушилъ миръ. Въ 1068 году онъ напалъ на своего брата Альфонса VI и побѣдилъ его въ сраженіи при Алантадѣ; но побѣда, имъ одержанная, кажется, не была рѣшительною, ибо Альфонсъ VI сохранилъ свои владѣнія, и миръ былъ возстановленъ между братьями.

Три года спустя они снова взялись за оружіе и, назначивъ день битвы, условились, что побѣжденный уступитъ свое королевство. Сраженіе произошло на границѣ обоихъ государствъ, близъ деревни Гольпейары. Кастильцы потерпѣли пораженіе и принуждены были отдать свой лагерь непріятелю; но Альфонсъ запретилъ своимъ воинамъ преслѣдовать побѣжденныхъ, ибо, согласно условіямъ сраженія, онъ уже считалъ себя владѣтелемъ Кастиліи. *Родриго Діацъ де Биваръ* [1]) сдѣлалъ тщетными его надежды.

Этотъ Родриго, происходившій изъ древней кастильской фамиліи (родъ его производили отъ Лаина Кальво, одного изъ двухъ судей, которымъ кастильцы поручили въ царствованіе Фройлы II (924) покончить ихъ распри миролюбивымъ образомъ), котораго имя въ первый разъ встрѣчается въ грамотѣ Фердинанда I, отъ 1064 года, успѣлъ уже отличиться въ войнѣ, которую Санхо Кастильскій велъ противъ Санхо Наваррскаго. Онъ побѣдилъ тогда наваррскаго рыцаря на поединкѣ, и этотъ поединокъ доставилъ ему имя Кампеадора (воителя). Въ это время онъ былъ знаменоносцемъ у Санхо, т.-е. главнымъ начальникомъ его арміи, ибо во всей Европѣ въ ту эпоху два эти названія были синонимами.

Замѣтивъ, что непріятель не думаетъ о преслѣдованіи, Родриго возбудилъ павшій духъ короля, и сказалъ ему: „Смотри, какъ послѣ побѣды, только-что одержанной надъ нами, леонцы покоятся въ нашихъ же палаткахъ, какъ будто имъ нечего опасаться: ударимъ на нихъ на разсвѣтѣ и мы одержимъ побѣду". Санхо одобрилъ это предложеніе и, чуть свѣтъ, бросился на леонцевъ, еще спавшихъ. Большая часть изъ нихъ были перерѣзаны; нѣкоторые, однакожъ, спаслись бѣгствомъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ Альфонсъ, который старался укрыться въ Сентъ-Мари, соборной церкви города Карріона, но его

---

[1]) Мавры называли его просто *Сидъ*, т.-е. господинъ, и это имя его перешло въ исторію.

насильно вытащили изъ этого святого мѣста и отвели плѣнникомъ въ Бургосъ.

Итакъ, благодаря совѣту Родриго, Санхо сдѣлался обладателемъ королевства Леона. Это неоспоримо былъ большой успѣхъ; но недостаточно одной хорошей цѣли, нужно, чтобы и средства были законны: совѣтъ же, данный Родриго его королю, былъ не что иное какъ измѣна, нарушеніе условій, постановленныхъ между двумя королями.

Уступая просьбамъ Урраки и графа Леонскаго, Петра Анзуреца, Санхо позволилъ своему брату выйти изъ тюрьмы съ условіемъ, что онъ вступитъ въ монашество. Альфонсъ согласился на это, но скоро бѣжалъ изъ монастыря и нашелъ себѣ убѣжище у Толедскаго короля Мамуна.

Впослѣдствіи Санхо обратилъ свое оружіе сперва противъ своего брата Гарсіи, у котораго онъ отнялъ его владѣнія, потомъ противъ двухъ своихъ сестеръ. Эльвира уступила ему Торо, но Уррака храбро защищалась въ Заморѣ. Осада продолжалась уже нѣсколько времени, какъ одинъ отважный рыцарь изъ Заморы, Беллидо Долфосъ, вышедши изъ города, внезапно поразилъ своимъ копьемъ Санхо, который прогуливался по своему лагерю, и спасся въ городъ съ тою же быстротой, съ какой сдѣлалъ нападеніе. Родриго, во время осады показавшій чудеса храбрости, видѣлъ убійство своего короля. Онъ немедленно бросился преслѣдовать Беллидо и едва не поразилъ его у самыхъ воротъ Заморы; но Беллидо успѣлъ уйти. Убійство короля произвело замѣшательство въ войскѣ. Леонцы, насильно подчиненные господству короля Кастильскаго, поспѣшили разойтись по своимъ домамъ; кастильцы, напротивъ того, съ твердостію оставались на своемъ постѣ; положивъ затѣмъ тѣло своего короля въ саркофагъ, они перенесли его, съ громкимъ плачемъ, въ монастырь Онья, гдѣ и погребли со всѣми королевскими почестями.

Исполнивъ эту печальную церемонію, знатнѣйшіе кастильцы соединились въ Бургосѣ для избранія новаго короля. Имъ не хотѣлось отдавать корону Альфонсу, бывшему королю Леонскому, ибо они сознавали, что въ такомъ случаѣ они потеряютъ перевѣсъ и вмѣсто того, чтобы предписывать законы леонцамъ, сами должны будутъ получать отъ нихъ; однако такъ какъ некого было избрать на престолъ, пришлось имъ побѣдить свое отвращеніе. И такъ, они изъявили свою готовность признать Альфонса, но съ условіемъ, чтобы послѣдній поклялся въ томъ, что онъ не принималъ никакого участія въ убіеніи Санхо,—а Родриго Діацъ взялся привести его къ присягѣ. Съ тѣхъ поръ Альфонсъ его возненавидѣлъ, но изъ осторожности скрывалъ свои чувства, ибо Родриго былъ слишкомъ могущественъ, чтобы не быть опаснымъ. Желая привязать его къ своему семейству и въ тоже время возстановить добрыя отношенія между кастильцами и леонцами, онъ даже предложилъ ему жениться на своей двоюродной сестрѣ, Хименѣ, дочери Діего, графа Овіедскаго, одного изъ первостепенныхъ вельможъ его прежнихъ подданныхъ (19 іюля 1074 г.).

Спустя нѣсколько времени, Родриго получилъ отъ Альфонса на-

значеніе отправиться ко двору Севильскаго короля Мотамида, чтобы истребовать подать, которую этотъ владѣтель долженъ былъ уплатить. Мотамидъ велъ тогда войну съ Абдаллахомъ Гренадскимъ, и въ минуту прибытія Родриго, ему угрожало вторженіе непріятелей; Абдаллахъ принялъ въ себѣ на службу многихъ христіанскихъ рыцарей, между которыми находился Гарсія Ордонецъ, принцъ крови, носившій королевское знамя при Фердинандѣ I. Родриго велѣлъ сказать королю Гренадскому, чтобы онъ не осмѣливался нападать на Мотамида, потому что тотъ былъ союзникомъ Альфонса VI; но его просьбы и угрозы не были приняты и, предавая огню и мечу все, что встрѣчалось на пути, гренадцы дошли до Кабры, гдѣ Родриго, сопровождаемый своими собственными рыцарями и севильской арміей, рѣшился дать имъ сраженіе. Онъ разбилъ ихъ на-голову—и множество христіанскихъ рыцарей, въ числѣ которыхъ находился и Гарсія Ордонецъ, попали въ его руки. Отнявъ у нихъ все, что они имѣли, чрезъ три дня онъ возвратилъ всѣмъ имъ свободу. Потомъ получивъ отъ Мотамида подать и много подарковъ, которые онъ долженъ былъ доставить Альфонсу, Родриго вернулся въ Кастилію; но тогда враги его, и, главнымъ образомъ, Гарсія Ордонецъ, обвинили его, справедливо или нѣтъ, въ присвоеніи себѣ части подарковъ, слѣдовавшихъ императору [1]). Альфонсъ, который не могъ забыть ни измѣны Родриго,—измѣны, стоившей ему двухъ королевствъ, — ни унизительной присяги, которую онъ принужденъ былъ дать по его настоянію, повѣрилъ этимъ обвиненіямъ, и въ 1081 году, когда Родриго сдѣлалъ нападеніе на мавровъ, не испросивъ на то у него согласія, изгналъ его изъ своихъ владѣній.

Начиная съ этой эпохи, Родриго повелъ жизнь *кондотьера* и сражался съ своей шайкой то подъ знаменами какого либо маврскаго князя, то для своихъ личныхъ цѣлей.

Проведя нѣсколько дней при дворѣ графа Барселонскаго, который, повидимому, не хотѣлъ принимать его услугъ, Родриго отправился въ Сарагоссу, гдѣ въ то время правилъ Мактадиръ, изъ фамиліи Бени-Гудъ. Жизнь этого князя состояла изъ ряда набѣговъ и сраженій; между его врагами, старшій братъ его Модгаффаръ, владѣтель Лериды, превосходившій его мужествомъ и образованіемъ, былъ самый упорный и самый опасный. Желая покорить его, Мактадиръ сначала призвалъ къ себѣ на помощь каталонцевъ и норманцевъ, а потомъ, покинутый своими союзниками, передавшимися на сторону его противника, онъ прибѣгнулъ къ вѣроломству. Условившись съ своимъ братомъ на свиданіе, на которое должны были явиться только они вдвоемъ и безъ оружія, онъ предварительно приказалъ одному наварскому рыцарю, служившему въ его войскѣ, во время ихъ разговора убить его брата. Модгаффаръ былъ обязанъ своимъ спасеніемъ только кольчугѣ, которую онъ всегда носилъ на себѣ подъ платьемъ; съ своей стороны, Мактадиръ наказалъ наварца за его неловкость, приказавъ отрубить ему голову. Послѣ тридцатилѣтней

---

[1]) Альфонсъ VI, по возстановленіи своемъ на престолѣ, принялъ титулъ императора.

войны, Мактадиру, наконецъ, удалось овладѣть своимъ братомъ, и въ то время, когда Родриго прибылъ въ Сарагоссу, Модгаффаръ былъ уже плѣнникомъ въ Руедѣ. Но, обезпечивъ себя съ этой стороны, Мактадиръ долженъ былъ вести борьбу еще со многими врагами, и такъ какъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, онъ отдавалъ предпочтенiе христiанскимъ воинамъ предъ маврскими, то охотно принялъ Родриго и сопровождавшихъ его рыцарей.

Немного спустя, въ октябрѣ 1081 года, Мактадиръ умеръ, раздѣливъ свои владѣнiя между двумя сыновьями: старшiй, Мутаминъ, получилъ Сарагоссу, а его братъ, хаджибъ Мондиръ—Денiю, Тортозу и Лериду. Но такiе раздѣлы (Мактадиру слѣдовало бы то лучше знать, чѣмъ кому либо другому) всегда бывали неисчерпаемымъ источникомъ смутъ и войнъ; такимъ образомъ неудивительно, что два брата скоро поспорили между собой—и Мондиръ соединился съ Санхо-Рамирецъ, королемъ Аррагонскимъ, и Беренгаромъ, графомъ Барселонскимъ. Родриго сражался за Мутамина, который считалъ его самой надежной своей опорой. Неоднократно дѣлалъ онъ набѣги на землю непрiятелей своего повелителя, и внушенный имъ страхъ былъ такъ великъ, что въ виду ихъ войска онъ вступилъ въ Монзонъ, хотя Санхо готовъ былъ поклясться, что Родриго никогда не осмѣлится на то. Въ другой войнѣ, между этими маврскими князьями, Мондиръ и его союзники: Беренгаръ, графъ Серданьскiй, братъ графа Ургельскаго, владѣтели—Виха, Ампурдана, Руссильона и Каркассоны осадили старый замокъ Альменару (между Леридой и Тамарицемъ), который Родриго и Мутаминъ велѣли перестроить и укрѣпить; такъ какъ осажденные начинали чувствовать недостатокъ въ водѣ, то Родриго, находившiйся тогда въ только-что завоеванной имъ крѣпости Эскарпо, послалъ гонцевъ къ Мутамину, чтобы извѣстить его объ отчаянномъ положенiи гарнизона. Мутаминъ явился самъ въ Тамарицъ, гдѣ имѣлъ съ нимъ свиданiе. Онъ хотѣлъ, чтобы Родриго атталовалъ непрiятеля и принудилъ его снять осаду; но кастилецъ совѣтовалъ ему не начинать сраженiя, въ которомъ храбрость должна будетъ уступить многочисленности, и скорѣе уплатить дань союзникамъ. Мутаминъ согласился на это, но союзники, получивъ такое предложенiе, отвергли его. Тогда Родриго, приведенный въ негодованiе ихъ заносчивостью, рѣшился напасть на нихъ, не взирая на свою малочисленность. Успѣхъ оправдалъ его смѣлый подвигъ: онъ разбилъ непрiятеля, овладѣлъ богатой добычей и взялъ въ плѣнъ графа Барселонскаго. Мутаминъ заключилъ миръ съ этимъ княземъ и чрезъ пять дней послѣ сраженiя возвратилъ ему свободу.

Вступленiе Родриго въ Сарагоссу было настоящимъ трiумфомъ. Народъ принялъ его съ живыми выраженiями радости и съ почетомъ; съ своей стороны Мутаминъ осыпалъ его почестями и подарками, и былъ такъ къ нему внимателенъ, что Родриго, повидимому, пользовался верховною властью. Но не смотря на свое блестящее положенiе, онъ не могъ забыть своего отечества, и въ 1084 г. нашелъ средство вернуться на родину. Въ предъидущемъ году правитель Руеды возсталъ противъ Мутамина и призналъ своимъ верховнымъ властителемъ своего плѣнника Модгаффара, брата Мактадира. Модгаффаръ

обратился за помощью къ Альфонсу VI, и этотъ послалъ ему въ концѣ сентября отрядъ войска, подъ начальствомъ своего двоюроднаго брата Рамира, сына Гарсіи Наварскаго, и правителя Старой Кастиліи, Гонзало Сальвадора, котораго за его храбрость прозвали *Четверорукимъ.* Но такъ какъ Модгаффаръ немного спустя умеръ, то правитель Руеды, не желая сдѣлаться подданнымъ христіанскаго государя, тайно примирился съ Мутаминомъ и пообѣщалъ ему завлечь Альфонса въ западню. Ему едва не удалось привести въ исполненіе свой замыселъ. Лично явившись къ императору, онъ говорилъ, что предастъ въ его руки Руеду, и просилъ его прибыть туда. Альфонсъ изъявилъ на то свое согласіе; но не довѣряя вполнѣ мавру, онъ хотѣлъ, чтобы Гонзало Сальвадоръ и другіе предводители прежде него вошли въ городъ. Едва только прошли они ворота, какъ мавры умертвили ихъ, бросивъ въ нихъ градъ камней (9 іюня 1084 г.).

Измѣна удалась, но только въ половину. Раздосадованный неудачей и взбѣшенный, вернулся король въ свой лагерь. Туда явился къ нему Родриго. Онъ хотѣлъ убѣдить его въ томъ, что не принималъ никакого участія въ заговорѣ правителя Руеды, и попытаться въ тоже время снова снискать его довѣріе. Альфонсъ принялъ его съ почтеніемъ и предложилъ ему сопровождать его въ Кастилію. Родриго охотно согласился на это; но, замѣтивъ на дорогѣ, что императоръ все еще питалъ злобу къ нему, немедленно покинулъ его и снова предложилъ свои услуги Мутамину. Этотъ князь, обрадовавшись его возвращенію, тогда же далъ ему приказъ сдѣлать нападеніе на Аррагонію. Родриго выполнилъ его порученіе съ чрезвычайной быстротой; для него было достаточно пяти дней, чтобы опустошить страну на значительномъ разстояніи, и прежде чѣмъ успѣвали поднимать тревогу, его шайки умѣли уже скрыться. Недовольствуясь этимъ успѣхомъ, онъ, кромѣ того, сдѣлалъ вторженіе во владѣнія Мондира, напалъ на Мореллу и, ограбивъ всю окрестную страну, перестроилъ и укрѣпилъ Алкалу. Санхо Аррагонскій выступилъ тогда на помощь Мондиру и, ставъ лагеремъ на берегахъ Эбро, потребовалъ отъ Родриго немедленнаго очищенія земли своего союзника. Родриго отвѣтилъ на это насмѣшкой: онъ предложилъ ему конвой, на случай если бы тотъ пожелалъ продолжать свое путешествіе. Раздраженные этимъ отвѣтомъ, Санхо и Мондиръ напали на него. Оба войска долго оспаривали другъ у друга побѣду; но, наконецъ, союзники были принуждены обратиться въ бѣгство. Родриго преслѣдовалъ ихъ; одинадцать дворянъ и двѣ тысячи простыхъ воиновъ попались въ его руки, и когда съ огромной добычей онъ возвращался въ Сарагоссу, къ нему вышли на встрѣчу Мутаминъ и его сыновья, сопровождаемые толпой мужчинъ и женщинъ, оглашавшихъ воздухъ радостными кликами.

Немного спустя, Мутаминъ умеръ (въ 1085). Сынъ его, Мостаинъ наслѣдовалъ ему—и Родриго поступилъ на службу къ новому князю; но мы ничего не знаемъ о его военной дѣятельности въ періодъ отъ 1085 по 1088 годъ, кромѣ того, что онъ заключилъ съ Мостаиномъ договоръ, цѣлью котораго было покореніе Валенсіи. Съ этого времени начинается самая интересная часть его поприща; но чтобы по-

нимать роль его въ тотъ моментъ, намъ нужно будетъ предварительно бросить бѣглый взглядъ на исторію Валенсіи.

Послѣ раздробленія калифата, внукъ знаменитаго Альмансора [1]), называвшійся Абдалазисъ, который носилъ прозваніе своего дѣда, царствовалъ въ королевствѣ Валенсіи въ теченіи сорока лѣтъ. Сынъ его, Абдальмеликъ-Модгаффаръ, наслѣдовалъ ему въ январѣ 1061 года; но четыре года спустя, ему измѣнилъ первый его министръ, Абу-Бекръ ибнъ-Абдалазисъ [2]), и онъ былъ лишенъ престола своимъ тестемъ, Мамуномъ Толедскимъ, который заключилъ его въ крѣпость Куенку.

Такимъ образомъ, Валенсія была присоединена къ Толедскому королевству; но послѣ смерти Мамуна, въ 1075 году, она снова отдѣлилась. Князю этому наслѣдовалъ внукъ его Кадиръ; а такъ какъ послѣдній былъ слишкомъ слабъ, чтобы держать своихъ вассаловъ въ повиновеніи, то Абу-Бекръ ибнъ-Абдалазисъ, назначенный Мамуномъ для управленія Валенсіей, въ награду за оказанную имъ помощь дѣду, поспѣшилъ объявить себя независимымъ и отдался подъ покровительство Альфонса VI, которому онъ обѣщалъ платить ежегодную дань. Но покровительство императора было ненадежно. Въ виду личныхъ интересовъ Альфонсъ не стѣснялся продавать своихъ кліентовъ и ихъ владѣнія. Ибнъ-Абдалазисъ испыталъ это на себѣ, ибо Альфонсъ, въ 1076 году, продалъ Валенсію Моктадиру Сарагосскому за сто-тысячъ червонцевъ, и чтобы вручить ее ему, выступилъ съ войскомъ въ походъ. Не въ состояніи будучи защищаться, ибнъ-Абдалазисъ вышелъ одинъ безъ войска на встрѣчу монарху. Онъ умѣлъ быть на столько краснорѣчивымъ, говорятъ арабскіе историки, что склонилъ Альфонса отступить отъ своего намѣренія и нарушить договоръ, заключенный имъ съ Моктадиромъ; но все заставляетъ думать, что это краснорѣчіе состояло въ звонкой монетѣ, или, быть можетъ, князю удалось убѣдить короля въ томъ, что продать Валенсію все равно, что заколоть курицу, несущую золотыя яйца.

Девять лѣтъ спустя, Альфонсъ снова продалъ Валенсію, и на этотъ разъ онъ ее продалъ Кадиру. Подъ предлогомъ помощи противъ его непріятелей, онъ мало-по-малу лишилъ этого несчастнаго князя его золота и его крѣпостей, пока, наконецъ, Кадиръ, безъ средствъ и опасаясь ужаснаго дѣйствія отчаянія со стороны своихъ подданныхъ, которыхъ онъ угнеталъ налогами, предложилъ ему Толедо съ условіемъ, что Альфонсъ сдѣлаетъ снова его владѣтелемъ Валенсіи. Альфонсъ принялъ предложеніе, и 25 мая 1085 года вступилъ въ древнюю столицу королевства визиготовъ, между тѣмъ какъ Кадиръ оскорблялъ мусульманъ и подвергалъ себя насмѣшкамъ со стороны христіанъ, пытаясь узнать по астролябіи часъ благопріятный для своего отъѣзда. Когда по его мнѣнію этотъ часъ наступилъ, онъ

---

[1]) Альмансоръ былъ первымъ министромъ послѣднихъ калифовъ, и при ихъ слабости неограниченно управлялъ всѣмъ калифатомъ. Онъ умеръ въ 1000 году.

[2]) *Ибнъ*, значитъ сынъ; у арабовъ былъ обычай называть часто по одному отечеству, какъ наприм., ибнъ-Абдалазисъ, т. е. Абдалазисовъ сынъ.

отправился въ путь; но тщетны были его усилія проникнуть въ замки: онъ нашелъ себѣ убѣжище только въ Куенкѣ, гдѣ начальствовалъ слѣпо ему преданный Бенинъ-Фараджъ. Желая напередъ испытать намѣренія ибнъ-Абдалазиса, онъ послалъ въ Валенсію одного изъ членовъ фамиліи Бенинъ-Фараджа. Посланный завелъ-было тамъ переговоры, но они ни къ чему не привели. Справедливо встревоженный договоромъ, который Кадиръ заключилъ съ Альфонсомъ, ибнъ-Абдалазисъ искалъ и нашелъ себѣ могущественнаго союзника. Это былъ Мутаминъ Сарагосскій, сыну котораго, Мостаину, онъ предложилъ свою дочь. Мутаминъ, надѣясь, что такимъ образомъ сынъ его со временемъ сдѣлается владѣтелемъ Валенсіи, поспѣшилъ принять такое предложеніе, и желая придать свадьбѣ своего сына чрезвычайный блескъ, пригласилъ на свадебное пиршество всѣхъ особъ, высоко стоявшихъ въ арабской Испаніи, для которыхъ въ теченіи нѣсколькихъ дней онъ дѣлалъ великолѣпные праздники.

Немного спустя ибнъ-Абдалазисъ умеръ послѣ десятилѣтняго царствованія. Онъ оставилъ двухъ сыновей, которые еще при жизни отца были врагами, и которые послѣ его смерти оспаривали другъ у друга правленіе. Каждый изъ нихъ имѣлъ своихъ сторонниковъ. Третья сторона желала отдать Валенсію королю Сарагосскому, четвертая Кадиру.

Кадиръ, извѣщенный ибнъ-аль-Фараджемъ, который вернулся къ нему, о томъ, что происходило въ Валенсіи, увидѣлъ благопріятную минуту для приведенія своихъ плановъ въ исполненіе. Онъ собралъ свое войско и, упросивъ Альфонса исполнить на дѣлѣ свое обѣщаніе, получилъ отъ него отрядъ подъ начальствомъ Альваро-Фанеза, родственника Родриго и одного изъ храбрѣйшихъ воиновъ той эпохи.

Приближеніе кастильцевъ сразу усмирило раздоры въ Валенсіи. Не желая подвергать городъ грабежу этихъ страшныхъ воителей, собраніе знатнѣйшихъ гражданъ поспѣшило низложить Отмана, сына ибнъ-Абдалазиса, который успѣлъ было захватить власть, и послало нѣкоторыхъ изъ своихъ членовъ, къ которымъ присоединился правитель замка, Абу-Иза ибнъ Лаббунъ, въ Серра-де-Накера, гдѣ Кадиръ остановился лагеремъ, сообщить ему, что городъ будетъ считать за счастье имѣть его своимъ верховнымъ властителемъ. Сопровождаемый кастильцами, бывшій король Толедскій вступилъ наконецъ въ Валенсію, гдѣ толпа привѣтствовала его восклицаніями; но энтузіазмъ этотъ далеко не былъ искренній: онъ былъ вызванъ ужасающимъ зрѣлищемъ всѣхъ этихъ рыцарей, закованныхъ въ желѣзо, длинные мечи которыхъ сверкали на солнцѣ.

Жителямъ Валенсіи приходилось позаботиться о содержаніи кастильскихъ войскъ: они должны были стоить имъ ежедневно шестьсотъ золотыхъ монетъ. Какъ ни старались они убѣдить Кадира въ безполезности его арміи, на томъ основаніи, что они будутъ служить ему вѣрно,—Кадиръ не былъ на столько довѣрчивъ, чтобы поддаться ихъ обѣщаніямъ; зная, что его ненавидятъ, и что кромѣ того старыя партіи не отказались отъ своихъ надеждъ, онъ удержалъ кастильцевъ. Чтобы быть въ состояніи платить имъ жалованье, онъ обложилъ городъ и все государство необыкновеннымъ налогомъ,

подъ видомъ, что онъ нуждается въ деньгахъ для покупки ячменя. Валенсійцы сильно роптали на такой налогъ, который падалъ безъ различія на богатыхъ и бѣдныхъ, и которыйо ни коротко называли *ячмень*. „Дайте ячменю"! говорили, встрѣчаясь на улицѣ. Въ мясной лавкѣ была собака, которую пріучили лаять, когда говорили ей: „дайте ячменю!"—Слава Богу, восклицаетъ одинъ поэтъ, мы имѣемъ такихъ много въ нашемъ городѣ, которые походятъ на эту собаку; когда имъ говорятъ: „дайте ячменю!" это столько же ихъ раздражаетъ, какъ и ее".

Несчастная война увеличила недовѣріе, въ которое Кадиръ успѣлъ уже впасть. Между правителями крѣпостей, одинъ, ибнъ-Макуръ, правитель Ксативы, не смотря на полученное имъ формальное приказаніе, отказался лично явиться для принесенія присяги новому королю; онъ ограничился тѣмъ, что послалъ отъ себя посла съ письмами и подарками. Раздраженный его непослушаніемъ, Кадиръ обратился къ ибнъ-Лаббуну, котораго назначилъ онъ первымъ министромъ, за совѣтомъ, что слѣдовало предпринять въ такомъ случаѣ. Ибнъ-Лаббунъ совѣтовалъ ему не ссориться съ ибнъ-Макуромъ и отослать Альваро-Фанеза и его армію. Но Кадиръ, недовѣрявшій своему министру за то, что онъ былъ другомъ его предшественника, счелъ за лучшее послѣдовать совѣту сыновей ибнъ-Абдалазиса, и, собравъ большую армію, направился противъ Ксативы. Безъ труда онъ овладѣлъ самою нижнею частью города, но въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ тщетно осаждалъ замокъ. Тогда весь его гнѣвъ обратился на сыновей ибнъ-Абдалазиса, и такъ какъ ячмень приносилъ недостаточно выгодъ, то онъ присудилъ одному изъ нихъ содержать на свой счетъ кастильскую армію въ теченіе цѣлаго мѣсяца.

Между тѣмъ ибнъ-Макуръ, доведенный до крайности, послалъ сказать Мондиру, князю Деніи, Лериды и Тортозы, что уступаетъ ему Ксативу и всѣ прочіе замки, если онъ окажетъ ему пособіе. Мондиръ принялъ предложеніе и, пославъ къ ибнъ-Макуру своего предводителя аль-Эзара съ подкрѣпленіемъ, собралъ войско, взялъ къ себѣ на жалованье каталонца Жиро д'Аламана, барона Сервельонскаго, и направился къ Ксативѣ. При его приближеніи, король Валенсіи со всею поспѣшностію обратился въ бѣгство, и Мондринъ овладѣлъ Ксативой. Ибнъ-Макуръ пошелъ на жительство въ Денію, и Мондиръ всегда относился къ нему съ большимъ почтеніемъ.

Когда, покрытый стыдомъ, Кадиръ вступилъ въ Валенсію, жители этого города и правители замковъ захотѣли сбросить съ себя власть этого презрѣннаго деспота и отдаться Мондиру, палатки котораго были уже совершенно близко отъ столицы. Но этотъ планъ не удался, ибо спустя немного времени Мондиръ возвратился въ Тортозу, потому ли, что долженъ былъ идти защищать свои собственныя владѣнія, или потому что не имѣлъ больше денегъ, чтобы платить барону Сервельонскому, своей главной опорѣ. Освободившись отъ своего врага, Кадиръ могъ теперь снова начать свои безсовѣстные сборы. Онъ уже извлекъ насиліемъ огромныя суммы у сыновей ибнъ-Абдалазиса, у одного богатаго еврея, ихъ маіоръ-дома, и у

многихъ знатнѣйшихъ гражданъ; такъ какъ никто съ тѣхъ поръ не считалъ себя безопаснымъ относительно имущества или жизни, то валенсійцы толпами покидали отечество. И не смотря на эти дѣйствія ужаснѣйшаго деспотизма, Кадиръ, понуждаемый Альваро-Фанезомъ къ уплатѣ остальнoго его жалованья, находился однажды совсѣмъ безъ средствъ. Тогда онъ предложилъ кастильцамъ селиться въ его королевствѣ, предоставляя имъ весьма обширныя земли. Они согласились на это; но, заставляя рабовъ обрабатывать свои обширныя поземельныя владѣнія, они продолжали обогащать себя набѣгами на окрестныя страны. Шайки ихъ пополнялись арабскою чернью. Толпы рабовъ, людей порочныхъ и опозоренныхъ судомъ, вступали подъ ихъ знамена, и скоро эти шайки пріобрѣли печальную извѣстность за свои неслыханныя жестокости. Они убивали мужчинъ, оскорбляли женщинъ и часто продавали плѣннаго мусульманина за хлѣбъ, за бутылку вина или за фунтъ рыбы. Когда плѣнникъ не хотѣлъ или не могъ уплатить выкупа, они рѣзали у него языкъ, выкалывали глаза или отдавали на растерзаніе псамъ.

Прибытіе короля Марокскаго, Юсуфа ибнъ-Текуффина, Альморавида, котораго андалузскіе князья призвали къ себѣ на помощь, освободило наконецъ Валенсію отъ ея кровожадныхъ гостей. Альфонсъ, принужденный вступить въ сраженіе съ тучами африканскихъ варваровъ, отозвалъ къ себѣ Альваро-Фанеза, и когда былъ разбитъ въ знаменитомъ сраженіи при Саллакѣ, произшедшемъ въ четвергъ 23 октября 1086 года, то не могъ болѣе вмѣшиваться въ дѣла Валенсіи. Въ тоже самое время правители крѣпостей подоспѣли съ возстаніемъ противъ Кадира, и съ своей стороны сосѣдніе князья старались свернуть его съ престола въ свою пользу. Мондиръ первый рѣшился сдѣлать на него нападеніе. Получивъ обѣщаніе въ помощи со стороны главныхъ вельможъ Валенсіи, онъ собралъ войско въ 1088 году, нанялъ каталонцевъ и послалъ впередъ одного изъ своихъ дядей, который долженъ былъ пройти чрезъ Денію, и которому онъ назначилъ время для соединенія съ нимъ подъ стѣнами Валенсіи. Дядя Мондира прибылъ къ Валенсіи днемъ ранѣе условленнаго. Кадиръ его атаковалъ; но онъ отразилъ его и принудилъ возвратиться въ городъ, Вскорѣ послѣ того къ нему присоединился самъ Мондиръ, который въ то время, когда получилъ извѣстіе объ этой побѣдѣ, находился на разстояніи одного дня пути. Кадиръ не зналъ, что дѣлать; онъ хотѣлъ сдаться, но ибнъ-Тагиръ, бывшій король Мурсіи, и жившій въ то время въ Валенсіи, отклонилъ его отъ этого намѣренія. Потому онъ обратился за помощью къ Альфонсу и Мостаину Сарагосскому,

Но королю Сарагосскому сильно хотѣлось не столько помочь Кадиру, сколько ограбить его. Какой-то предводитель Валенсіи, ибнъ-Каннунъ, въ то самое время обѣщалъ ему устроить дѣло такимъ образомъ, что Валенсія ему будетъ сдана; кромѣ того онъ увѣрялъ, что братъ его, правитель Сегорбы, уступитъ ему эту крѣпость. Мостаинъ, постоянно обѣщая Кадиру прійти для его освобожденія, въ тоже время тайно заключилъ съ *Родриго Сидомъ* договоръ, по

которому они обязались помогать другъ другу въ дѣлѣ завоеванія Валенсіи, съ условіемъ, что вся добыча будетъ принадлежать Сиду, а самый городъ достанется Мостаину. У послѣдняго было четыреста рыцарей, а у Сида—три тысячи (1088 г.). Такъ началась знаменитая эпоха дѣятельности Сида.

Не желая ожидать ихъ прибытія, Мондиръ объявилъ Кадиру, что онъ не только готовъ снять осаду, но что кромѣ того желаетъ быть его другомъ и союзникомъ—съ условіемъ, если онъ не сдастъ города Мостаину. Король Валенсіи хотя очень хорошо понималъ, что Мондиръ только ожидаетъ другого болѣе благопріятнаго случая, чтобы завладѣть его княжествомъ, но тѣмъ не менѣе принялъ предложенное ему.

Когда Мондиръ вернулся въ Тортозу, а Мостаинъ и Сидъ подошли къ Валенсіи, то Кадиръ вышелъ имъ на встрѣчу и поблагодарилъ ихъ за освобожденіе его отъ осады. Во всякомъ случаѣ надежды короля Сарагосскаго не осуществились. Онъ тщетно ожидалъ, что ему сдадутъ Сегорбу, какъ то было обѣщано ему ибнъ-Каннуномъ. Кромѣ того онъ былъ обманутъ своимъ союзникомъ Сидомъ. Послѣдній позволилъ подкупить себя великолѣпными подарками, сдѣланными ему Кадиромъ помимо Мостаина, и когда этотъ напомнилъ ему его обѣщаніе, то Сидъ отвѣтилъ, что для того, чтобы овладѣть Валенсіей, слѣдовало бы прежде всего объявить войну Альфонсу, такъ какъ Кадиръ только вассалъ этого монарха. Онъ очень хорошо зналъ, что король Сарагосскій не будетъ на столько неостороженъ, чтобы вооружить противъ себя могущественнаго императора.

Обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, Мостаинъ возвратился въ Сарагоссу. Онъ оставилъ въ Валенсіи одного изъ своихъ вождей съ отрядомъ всадниковъ, подъ предлогомъ подать при случаѣ помощь Кадиру, а на самомъ дѣлѣ для того, чтобы самому всегда имѣть помощниковъ въ Валенсіи, въ случаѣ если бы опять представилась ему возможность овладѣть этимъ городомъ. Потомъ, желая наказать ибнъ-Лаббуна, который обязался сдать ему Мурвьедро, но не сдержалъ своего обѣщанія, онъ приказалъ Родриго осадить крѣпость Ксерику, которая принадлежала владѣтелю Мурвьедро и находилась на большой дорогѣ между Сарагоссой и Валенсіей, въ десяти льё (40 верстахъ) отъ послѣдняго города и въ двухъ льё (8 верстахъ) отъ Сегорбы. По нерадѣнію правителя, Ксерика не была снабжена оружіемъ и жизненными припасами; но ибнъ-Лаббунъ объявилъ Мондиру, что если онъ придетъ на помощь, то признаетъ себя его вассаломъ по этой крѣпости. Прельщенный этимъ предложеніемъ, Мондиръ во-время явился на помощь и принудилъ Родриго снять осаду.

Тогда Сидъ, опасаясь, чтобы Мондиръ не успѣлъ въ своихъ видахъ на Валенсію, тайно посовѣтовалъ Кадиру не сдавать города кому бы то ни было. Въ одно съ этимъ время онъ объявилъ Мостаину, что поможетъ ему овладѣть Валенсіей, то же самое пообѣщалъ и Мондиру: наконецъ послалъ сказать Альфонсу, что онъ признаетъ себя его вассаломъ, что войны, которыя онъ поддерживаетъ, выгодны для Кастиліи, потому что онѣ ослабляли мавровъ и давали

возможность содержать христіанское войско на счетъ мусульманъ; онъ присовокупилъ, что надѣется скоро доставить Альфонсу обладаніе всей страной. Альфонсъ поддался этимъ фальшивымъ увѣреніямъ и позволилъ Родриго удержать при себѣ свою армію.

Имѣя теперь руки свободными, Родриго воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы сдѣлать нашествіе на окрестности; и когда его спрашивали, зачѣмъ онъ такъ дѣйствуетъ, онъ давалъ въ отвѣтъ, что дѣлаетъ это для того, чтобъ имѣть что̀ ѣсть. Послѣ онъ явился въ Кастилію (1089) для заключенія условій съ Альфонсомъ. Король очень хорошо принялъ его, подарилъ ему нѣсколько за̀мковъ и даровалъ грамоту, въ которой объявлялъ, что всѣ земли и всѣ крѣпости, какія со временемъ будутъ отняты Родригомъ у мавровъ, будутъ принадлежать на правахъ собственности ему и его потомкамъ. Затѣмъ, Родриго вернулся въ Валенсію, сопровождаемый своей арміей, которая состояла изъ семи-тысячъ человѣкъ. Его присутствіе было тамъ необходимо, ибо въ то время пока онъ еще находился въ Кастиліи, Мостаинъ, убѣдившись, что если ему придется расчитывать на помощь Сида, то никогда не удастся овладѣть Валенсіей, заключилъ союзъ съ Беренгаромъ Барселонскимъ. Послѣдній обложилъ въ это время столицу Кадира; съ своей стороны король Сарагосскій построилъ два укрѣпленія, одно въ Лиріи, городѣ отданномъ ему въ ленное владѣніе королемъ Валенсіи, когда онъ приходилъ къ нему на помощь, другое въ Цеболлѣ; онъ намѣревался построить третье—въ за̀мкѣ близъ Альбуферы, такъ чтобы никто не могъ вступить въ Валенсію, ни выйти изъ нея. Но когда Сидъ приблизился къ Валенсіи, Беренгаръ не осмѣлился его ждать и рѣшился снять осаду. Прежде чѣмъ уйти, его воины позволили себѣ сдѣлать разныя дерзкія выходки и угрозы противъ Сида, который зналъ обо всемъ этомъ, но не хотѣлъ вступать съ ними въ сраженіе, потому что Беренгаръ былъ родственникомъ Альфонса, его повелителя. Наконецъ Беренгаръ выступилъ на Реквену и возвратился въ Барселону. Прибывъ въ Валенсію, Сидъ обѣщалъ Кадиру привести въ его повиновеніе мятежные за̀мки, охранять его отъ всѣхъ враговъ, какъ мавровъ, такъ и христіанъ, самому утвердиться въ Валенсіи, сносить въ этотъ городъ всю добычу, какую онъ получитъ, и продавать ее тамъ. Съ своей стороны Кадиръ обязался платить ему за то ежемѣсячную подать въ десять-тысячъ денаріевъ. Ибнъ-Лаббунъ Мурвьедрскій купилъ также его покровительство.

Потомъ Сидъ сдѣлалъ нашествіе на землю Альпуента, гдѣ царствовалъ въ это время Джанахъ-адъ-дола Абдалахъ, и заставилъ правителей крѣпостей платить Кадиру постоянную подать. Но скоро послѣ того онъ получилъ посольство отъ Альфонса. Этотъ государь владѣлъ въ то время за̀мкомъ Аледо, недалеко отъ Лорки, а такъ какъ войско, составлявшее въ немъ гарнизонъ, дѣлало по временамъ набѣги на мусульманскія земли, то король Марокскій, сопровождаемый многими андалузскими князьями, осадилъ его въ 1090 году. Тогда Альфонсъ написалъ Сиду приказаніе идти вмѣстѣ съ нимъ на помощь осажденнымъ. Сидъ отвѣчалъ, что онъ готовъ, и просилъ короля извѣстить его о времени своего выступленія въ походъ. Затѣмъ

онъ выступилъ изъ Реквены и прибылъ въ Ксативу, куда явился посланный короля сказать ему, что послѣдній находится въ Толедо съ арміей около восемнадцати тысячъ человѣкъ. Альфонсъ велѣлъ также ему сказать, чтобы онъ ожидалъ его въ Билленѣ, потому что онъ разсчитывалъ проходить чрезъ это мѣсто; но такъ какъ Сиду недоставало въ Вилленѣ жизненныхъ припасовъ, то онъ отправился въ Онтиванту, позаботившись во всякомъ случаѣ оставить въ Вилленѣ и Чинчиллѣ нѣсколько войска, которое должно было извѣстить его о прибытіи короля. Между тѣмъ Альфонсъ направился не по тому пути, на который указывалъ, а по другому; и когда Сидъ узналъ, что король находится уже впереди, что очень опечалило его, то немедленно покинулъ Геллинъ, въ которомъ онъ былъ тогда, и, оставивши назади главную часть арміи, съ незначительнымъ отрядомъ явился въ Молину.

Альфонсу не пришлось вступить въ сраженіе. При его приближеніи Юсуфъ и короли андалузскіе ушли въ Лорну; но враги Родриго скоро обвинили его въ измѣнѣ передъ королемъ: они утверждали, что онъ съ намѣреніемъ медлилъ своимъ прибытіемъ, чтобы такимъ образомъ армія кастильская была изрублена въ мелкіе куски сарацинами. Альфонсъ повѣрилъ этимъ доносамъ: онъ отнялъ у Сида всѣ земли и всѣ за́мки, которые даровалъ ему въ предъидущемъ году, конфисковалъ его родовыя имѣнія и заключилъ въ тюрьму жену его и сыновей. Извѣщенный объ этихъ мѣрахъ, Родриго послалъ одного изъ своихъ рыцарей для оправданія себя передъ королемъ; онъ предложилъ доказать свою невинность лично чрезъ одного изъ своихъ на судебномъ поединкѣ. Король отвергнулъ это предложеніе, но отослалъ къ Родриго его жену и дѣтей. Тогда послѣдній представилъ королю четыре оправданія, каждое въ различныхъ выраженіяхъ. Король однакожъ остался непреклоннымъ.

Поссорившись снова съ Альфонсомъ и не состоя болѣе на службѣ у короля Сарагосскаго, Родриго былъ теперь предводителемъ войска, которое зависѣло только отъ его одного, и которое существовало лишь на счетъ добычи. Предводитель его въ избыткѣ доставлялъ ему случаи для пріобрѣтенія средствъ. Отправившись изъ Эльши послѣ праздника Р. Х. 1090 года, онъ подошелъ къ крѣпости Полопъ (въ восьми льё на св. отъ Аликанте), гдѣ находилось подземелье, наполненное деньгами и дорогими матеріями. Желая овладѣть этими богатствами, Родриго осадилъ за̀мокъ и въ короткое время принудилъ гарнизонъ сдаться. Потомъ, разоривъ все кругомъ, такъ что отъ Оригуелы до Ксативы не оставалось на мѣстѣ ни одной каменной стѣны, онъ направился къ Тортозѣ, овладѣлъ Миаветомъ (къ сѣверу отъ Тортозы) и тамъ остановился. Мондиръ, находясь въ затруднительномъ положеніи, пообѣщалъ большія суммы Беренгару графу Барселонскому, если онъ придетъ къ нему на помощь и освободитъ его отъ Сида. Графъ не заставилъ много себя просить, ибо онъ сгаралъ нетерпѣніемъ отомстить Сиду, овладѣвшему доходами, которые онъ нѣкогда получалъ отъ королевства Валенсіи. Онъ собралъ большую армію и, остановившись лагеремъ у Каламохи, въ провинціи Альбаррасинъ, отправился съ нѣсколькими товарищами къ Мостаину Сарагосскому, который тогда находился въ Дарокѣ, и

у котораго онъ хотѣлъ просить помощи. Мостаинъ далъ ему денегъ и вмѣстѣ съ нимъ отправился къ Альфонсу просить послѣдняго поддержать ихъ въ войнѣ, которую они предпринимали противъ Сида. Но они совершили это путешествіе даромъ, и графъ Барселонскій вернулся въ Каламоху, не получивъ отъ императора ни одного воина. Не больше получилъ онъ и отъ Мостаина. Этотъ король не осмѣлился отказать графу въ деньгахъ, которыхъ тотъ просилъ у него, но слишкомъ старался сохранить миръ со всѣми сосѣдними князьями и военачальниками, и въ то самое время, когда Беренгаръ приготовился атаковать Сида, онъ тайно извѣстилъ послѣдняго о приготовленіяхъ его врага. Сидъ, который тогда стоялъ лагеремъ въ долинѣ, окруженной высокими горами, и входъ въ которую былъ чрезвычайно узкій, отвѣтилъ ему, что благодаритъ его за предупрежденіе, но что онъ не страшится своего противника и ожидаетъ его. Впрочемъ, письмо, въ которомъ онъ говорилъ это, было наполнено ругательствами противъ Беренгара, и, въ довершеніе всего, Сидъ просилъ Мостаина показать его графу. Мостаинъ такъ и сдѣлалъ,—тогда-то Беренгаръ, задѣтый за живое, написалъ Сиду, что отомститъ ему за его оскорбленія. „Ты вообразилъ, говорилъ онъ ему, что я и мои сотоварищи не больше какъ женщины: если Богъ поможетъ, то мы тебѣ скоро покажемъ, до какой степени ты ошибаешься..... Мы знаемъ, что горы, вòроны, ястребы, орлы, однимъ словомъ, почти всѣ птицы у тебя боги, и что ты больше полагаешься на гаданія по этимъ животнымъ, чѣмъ на помощь Всемогущаго; мы же, напротивъ, мы вѣримъ. что есть только одинъ Богъ, и что этотъ Богъ отомститъ тебѣ за насъ, предавши тебя въ наши руки. Завтра, при первыхъ солнечныхъ лучахъ, ты увидишь насъ у себя, и если ты тогда же покинешь свои горы, чтобы прійти помѣряться съ нами силами на равнинѣ—мы будемъ считать тебя за Родриго, прозваннаго Воителемъ; но если ты не придешь, мы будемъ считать тебя за низкаго измѣнника. Мы не покинемъ тебя до тѣхъ поръ пока будемъ имѣть тебя въ нашихъ рукахъ, живого или мертваго. Съ тобой мы поступимъ такъ какъ ты намѣреваешься поступить съ нами, *забіяка* (albarraz)! Богъ отомститъ за свои церкви, которыя ты осквернилъ и разрушилъ“.

Выслушавши чтеніе этого письма, Родриго тотчасъ же отвѣчалъ: „Да, Беренгаръ, говорилъ онъ, я оскорбилъ тебя, но вотъ тому причины: когда ты былъ съ Мостаиномъ въ Калатайодѣ, ты его увѣрялъ, что я, страшась тебя, не осмѣливаюсь сдѣлать нападеніе на его владѣнія. Нѣкоторые изъ твоихъ вассаловъ, подобные Раймонду Баранскому, утверждали тоже самое предъ королемъ Альфонсомъ въ присутствіи кастильскихъ рыцарей. Самъ ты наконецъ сказалъ королю Альфонсу, при Мостаинѣ, что ты непремѣнно изгналъ бы меня изъ страны гаджиба (Мондира), но что я не осмѣлился ожидать тебя, и что кромѣ того ты не хотѣлъ сражаться съ вассаломъ короля. Вотъ, за что я поносилъ тебя! И такъ, теперь ты не имѣешь больше предлога не нападать на меня; напротивъ, тебѣ обѣщана гаджибомъ огромная сумма, и ты съ своей стороны обязался передъ нимъ изгнать меня изъ его владѣній. Держи же свое слово! выходи, если

ты смѣешь, сразиться со мной. Я нахожусь на равнинѣ самой обширной, какая только есть въ этой странѣ, и лишь только завижу тебя, расплачусь съ тобой по обыкновенію".

Раздраженные до крайности и взбѣшенные, Беренгаръ и его каталонцы поклялись отомстить за себя. Пользуясь темнотою ночи, они заняли, не будучи замѣчены, горы, окружавшія лагерь Родрига, и чуть свѣтъ внезапно устремились на непріятелей. Нападеніе было такъ неожиданно, что воины Сида едва имѣли время вооружиться. Предводитель ихъ, дрожавшій отъ негодованія и бѣшенства, не теряя ни минуты, построилъ ихъ въ боевой порядокъ; затѣмъ, поведя ихъ въ дѣло, устремился на первые ряды непріятелей и опрокинулъ ихъ; но въ жаркой схваткѣ онъ довольно опасно ранилъ себя, упавши съ лошади. Воины его тѣмъ не менѣе продолжали храбро сражаться и, одержавъ побѣду, ограбили непріятельскій лагерь, взяли кромѣ того въ плѣнъ графа барселонскаго и около пяти-тысячъ его сподвижниковъ, въ числѣ которыхъ находился Жиро д'Аламанъ.

Беренгаръ велѣлъ проводить себя въ палатку Родрига и просилъ у него прощенія. Сидъ сначала поступилъ съ нимъ сурово, не позволяя ему садиться возлѣ себя въ палаткѣ, и приказалъ своимъ людямъ держать его подъ карауломъ за чертою лагеря; но снабдилъ его, равно какъ и другихъ плѣнниковъ, достаточнымъ количествомъ жизненныхъ припасовъ. Спустя нѣкоторое время онъ согласился на выкупъ, предложенный ему Беренгаромъ и Жиро д'Аламаномъ, который состоялъ въ восьмидесяти-тысячахъ золотыхъ марокъ. Прочіе плѣнники также получили свободу, обѣщая дать за себя выкупы, и, вернувшись домой, собрали денегъ сколько могли; но, не имѣя ихъ въ достаточномъ количествѣ, предложили въ заложники своихъ сыновей и родственниковъ. Тронутый ихъ несчастіемъ, Родриго имѣлъ благородство отказаться отъ ихъ выкупа.

Да будетъ позволено намъ оставить здѣсь на минуту историческіе документы и позаимствовать изъ героической поэмы одно мѣсто, интересное своей драматической формой и выразительной простотой. Авторъ, разсказавъ о томъ, какъ графъ Барселонскій, котораго онъ называетъ Раймондомъ, попалъ въ плѣнъ, продолжаетъ слѣдующимъ образомъ:

„Идетъ большая стряпня у Монъ-Сида [1]) донъ-Родриго. Только графъ донъ-Раймондъ не обращаетъ на это вниманія; ему приносятъ кушанья, ставятъ ихъ передъ нимъ: онъ не хочетъ ихъ ѣсть, онъ отталкиваетъ всѣ блюда. „Я не съѣмъ ни одного куска хлѣба за всѣ блага, какими владѣетъ цѣлая Испанія! Я скорѣе истощаю тѣломъ и испущу духъ, потому что такіе разбойники побѣдили меня въ сраженіи"! Монъ-Сидъ Рюи-Діазъ, послушайте, что на это ему говоритъ: „Кушай графъ этотъ хлѣбъ и пей это вино; если ты исполнишь мое требованіе, то перестанешь быть плѣнникомъ; если же нѣтъ, ты не увидишь въ свою жизнь христіанской земли". Графъ донъ-Раймондъ ему отвѣчаетъ: "Кушай

---

[1]) Mon Cid т.-е. mon seigneur, monsieur.

ты самъ, донъ-Родриго, и помышляй о своихъ удовольствіяхъ; но что касается меня, то позволь мнѣ умереть, ибо я вовсе не хочу ѣсть". До третьяго дня они не могутъ поколебать его рѣшимости, и пока они дѣлятъ свою богатую добычу, не могутъ заставить его съѣсть куска хлѣба. Монъ-Сидъ говоритъ: „Скушай что нибудь графъ, ибо если не будешь ѣсть, не увидишь христіанъ; но если ты станешь ѣсть и сдѣлаешь мнѣ угодное, я возвращу свободу тебѣ и двумъ твоимъ рыцарямъ". Услышавъ это графъ повеселѣлъ: „Сидъ, если ты исполнишь то, что сказалъ, я буду удивляться тебѣ во всю мою жизнь".—„И такъ, кушай же графъ, а когда пообѣдаешь, я отпущу тебя и двухъ другихъ. Но изъ того, чего ты лишился, и что я пріобрѣлъ на полѣ битвы, знай, ты не получишь даже фальшиваго динарія. Я не отдамъ тебѣ ничего изъ того, что ты потерялъ, ибо оно мнѣ нужно для тѣхъ моихъ вассаловъ, которые при мнѣ находятся въ бѣдности; ничего изъ того я тебѣ не дамъ. Беря отъ тебя и отъ другихъ, мы должны имъ платить; мы будемъ вести такую жизнь, пока это будетъ угодно вѣчному Отцу, потому что я человѣкъ, навлекшій на себя гнѣвъ своего короля и изгнанный изъ своего отечества". Графъ веселъ: онъ спрашиваетъ воды, чтобы умыть себѣ руки; ему ее подносятъ, тотчасъ ее подаютъ. Съ двумя рыцарями, которыхъ Сидъ ему далъ, графъ садится кушать. Боже! съ какимъ удовольствіемъ онъ это дѣлаетъ! Противъ него сидитъ тотъ, который родился въ счастливую минуту. „Если ты не будешь хорошо ѣсть, графъ, такъ чтобы я могъ удовольствоваться, мы останемся вмѣстѣ, мы не покинемъ другъ друга". Тогда графъ говоритъ: „Охотно и отъ чистаго сердца"! Торопливо обѣдаетъ онъ съ своими двумя рыцарями; Монъ-Сидъ, который смотритъ на него, доволенъ, потому что графъ донъ-Раймондъ такъ проворно работаетъ руками. „Если ты позволишь, Монъ-Сидъ, то мы готовы отправиться въ дорогу. Прикажи намъ подать лошадей нашихъ, и мы тотчасъ же поѣдемъ. Съ тѣхъ поръ какъ я графъ, я не обѣдалъ съ такимъ аппетитомъ. Я никогда не забуду хорошаго обѣда, какой сейчасъ имѣлъ". Имъ подаютъ трехъ прекрасно осѣдланныхъ породистыхъ коней, хорошую одежду, шубы и плащи. Графъ донъ-Раймондъ ѣдетъ посреди двухъ своихъ рыцарей; до границы лагеря ихъ сопровождаетъ кастилецъ. „Вы поѣзжайте, графъ, совершенно свободно. Я вамъ остаюсь признательнымъ за то, что вы меня оставляете. Когда вы пожелаете отомстить и будете искать меня, то найдете меня. Но если вы не пойдете меня искать, если вы оставите меня въ покоѣ, то между мною и вами не будетъ ничего общаго".—„Будьте веселы, Монъ-Сидъ, и здоровы; я уплатилъ вамъ за весь этотъ годъ; идти же васъ искать, мнѣ даже и въ голову не придетъ". Графъ пришпорилъ лошадь и отправился въ путь; уѣзжая онъ оборачивалъ голову и смотрѣлъ назадъ, опасаясь, чтобы Монъ-Сидъ не отмѣнилъ своего рѣшенія, и чего послѣдній не сдѣлалъ бы ни за какія блага въ мірѣ; вѣроломство было ему чуждо".

Благородство, которое доказалъ Родриго, глубоко тронуло графа барселонскаго, такъ что спустя нѣсколько времени онъ объявилъ ему, что желаетъ быть его другомъ и союзникомъ. Родриго, кото-

рый сохранялъ еще вражду, отвергнулъ сначала это предложенie; но когда полководцы его представили ему, что графъ, у котораго похищено все, что только стоило взять, ничего не значилъ, какъ врагъ, но какъ союзникъ могъ еще быть полезнымъ, Родриго уступилъ наконецъ ихъ совѣтамъ и согласился заключить договоръ съ своимъ старымъ противникомъ. Беренгаръ послѣ того прибылъ въ лагерь Родриго, и, подписавши договоръ, отдалъ часть своихъ владѣнiй подъ покровительство своего союзника, что значило, сдѣлался его данникомъ.

Княжество Тортоза послѣдовало его примѣру. При извѣстiи о продѣлкѣ своего союзника, Мондиръ умеръ отъ огорченiя, оставивъ малолѣтняго сына, опеку надъ которымъ поручилъ бени-бетирамъ. Послѣднiе поняли, что они нуждались въ покровительствѣ Сида, и купили его за пятьдесятъ-тысячъ динарiевъ годовой подати. Благодаря страху, какой внушало его оружiе, Сидъ въ ту эпоху пользовался очень значительнымъ доходомъ, ибо кромѣ суммъ, которыя ему выплачивали Беренгаръ и бени-бетиры, онъ получалъ ежегодно 120,000 динарiевъ отъ князя Валенсiи, 10,000 отъ владѣтеля Альбаррасина, столько же отъ владѣтеля Альпуенты, 6,000 отъ владѣтеля Мурвьедро, столько же отъ владѣтеля Сегорбы, 4,000 отъ владѣтеля Ксерики, и 3,000 отъ владѣтеля Альменары. Лирiа, принадлежавшая королю Сарагосскому, которая должна была платить 2,000 динарiевъ, не вносила тогда этой подати. Потому Сидъ осадилъ этотъ городъ въ 1092 году, какъ вдругъ получилъ отъ своихъ друзей и отъ Кастильской королевы письма, въ которыхъ они говорили, что онъ снова легко можетъ войти въ милость Альфонса, если только приметъ участiе въ походѣ, который этотъ послѣднiй приготовлялъ противъ Альморавидовъ. Родриго, хотя Лирiа была близка къ сдачѣ, счелъ однако должнымъ послѣдовать совѣту, который ему давали и, выступивъ въ походъ, присоединился къ императору въ Мартозѣ, на западъ отъ Жаёны. Альфонсъ, который вышелъ къ нему на встрѣчу, принялъ его съ большимъ почтенiемъ; но съ наступленiемъ ночи, когда онъ расположилъ свой лагерь на горахъ, разсердился, увидѣвъ, что Родриго раскинулъ свой станъ болѣе впереди, на равнинѣ. Поступая такимъ образомъ, Родриго имѣлъ въ виду совершенно уважительную причину: онъ хотѣлъ защитить императора отъ нападенiя, и первый натискъ непрiятеля принять на себя; но вмѣсто того, чтобы смотрѣть съ этой точки зрѣнiя, императоръ хотѣлъ видѣть въ этомъ новое доказательство его надменности. „Смотрите, говорилъ онъ своимъ придворнымъ, какое поношенie дѣлаетъ намъ Родриго! Когда онъ присоединился къ намъ, то говорилъ, что усталъ отъ долгаго похода, а теперь онъ не уступаетъ намъ первенства и ставитъ свои палатки впереди нашихъ". Какъ надобно было ожидать, придворные вполнѣ согласились съ нимъ.

Исходъ кампанiи не былъ такого рода, чтобы привести Альфонса въ лучшее расположенie духа. Въ сраженiи, которое началось между Жаёною и Гренадою, сначала войска его имѣли большой успѣхъ; но позже они потерпѣли полное пораженie, и самъ Альфонсъ едва избѣжалъ непрiятельскаго меча.

При такомъ настроеніи Альфонсъ естественно обвинилъ Родриго въ тяжеломъ уронѣ, который онъ понесъ, и въ своемъ гнѣвѣ не ограничился однимъ словеснымъ поношеніемъ: онъ хотѣлъ еще задержать его. Родриго однако ушелъ; пользуясь темнотою ночи, онъ со всевозможною поспѣшностью вернулся въ Валенсію, но не привелъ съ собою всѣхъ своихъ воиновъ: многіе изъ нихъ покинули его, чтобы поступить на службу къ императору.

Не будучи въ состояніи овладѣть личностью Родрига, Альфонсъ рѣшился наказать его другимъ способомъ. Онъ вознамѣрился отнять у него Валенсію. Этотъ городъ дѣйствительно находился во владѣніи Сида и ему платилъ подать; а когда распространился слухъ, что существовавшій только по имени король, Кадиръ, и который въ то время былъ серьезно боленъ, скончался, Валенсія смотрѣла на Сида какъ на своего государя. Аттаковать и взять Валенсію, это значило бы отнять у Сида самое лучшее его владѣніе, это значило бы нанести ему рану въ самое чувствительное мѣсто его самолюбія. Альфонсъ очень хорошо понялъ это и, заключивъ союзъ съ пизанцами и генуэзцами, которые ему прислали четыреста судовъ, онъ воспользовался отсутствіемъ Сида, занятаго въ то время поддержкою короля Сарагосскаго противъ короля Аррагонскаго, и осадилъ Валенсію съ сухого пути и съ моря, объявивъ правителямъ замковъ провинціи, что они должны уплачивать ему подать, въ пять разъ бо́льшую той, которую они платили Сиду.

Столько-же удивленный сколько и раздраженный, Родриго, сначала сдѣлалъ почтительныя представленія; но видя, потомъ, что императоръ не обращаетъ вниманія, онъ прибѣгнулъ къ другому средству. Выступивъ изъ Сарагоссы со своимъ войскомъ, онъ, подобно грому разразился надъ графствами Нажерой и Калагоррой, и, предавая огню и мечу все, что́ встрѣчалось ему на пути, взялъ приступомъ Альберитъ, Логроно и Альфаро. Въ то время, когда онъ еще находился въ послѣдней крѣпости, послы графа Гарсіи-Ордонеца, правителя провинціи, пришли объявить ему отъ имени своего господина, чтобы онъ оставался тамъ только семь дней, по истеченіи которыхъ графъ явится дать ему сраженіе.—Такъ какъ Гарсія, второе лицо въ государствѣ по своему знатному происхожденію, по своимъ связямъ съ королевскою фамиліею, по своему богатству и высокимъ заслугамъ, былъ непримиримымъ врагомъ Сида,—то послѣдній сгоралъ нетерпѣніемъ наказать его. Потому онъ велѣлъ отвѣчать ему, что ждетъ его. Прибывъ въ Альберитъ, Гарсія, который успѣлъ раздумать, внезапно возвратился назадъ. Сидъ оставался въ Альфаро до истеченія срока, назначеннаго непріятелемъ; а потомъ, видя, что онъ не приходитъ, вернулся въ Сарагоссу, не ожидая прибытія Альфонса, который снялъ осаду Валенсіи, чтобы идти защищать свои собственныя владѣнія (1092 г.).

Такимъ образомъ, попытка Альфонса имѣла весьма дурной успѣхъ. Вмѣсто того, чтобы радоваться взятію Валенсіи, ему пришлось оплакивать опустошеніе одной изъ своихъ собственныхъ провинцій. А это опустошеніе было полное: Сидъ, когда принимался грабить и жечь, то не дѣлалъ дѣла вполовину. Логроно, напримѣръ,

былъ разрушенъ совершенно до основанія,—и три года прошли, прежде нежели императоръ могъ подумать о возстановленіи этого города.

Послѣдніе годы жизни Сида по удаленіи Альфонса VI, отъ 1092 до 1099 г., прошли въ безпрерывной борьбѣ его съ Альморавидами, покушавшимися овладѣть Валенсіею, и съ внутренними возстаніями его собственныхъ подданныхъ. Но Сидъ восторжествовалъ надъ всѣми врагами, и, по смерти Кадира, сдѣлался настоящимъ королемъ Валенсіи

Но не задолго до его смерти, армія его была разбита Альморавидами, и это ускорило смерть Сида, послѣдовавшую въ іюлѣ 1099 года. Его жена, Химена, два года защищала городъ отъ мусульманъ, но въ 1101 г. должна была по совѣту Альфонса VI, удалиться; выходя изъ города, христіане сожгли Валенсію до основанія, увезя съ собою останки Сида, которые и были погребены его женою около Бургоса. Въ 1104 умерла и Химена.

Дози.

Recherches sur l'hist. et la liter. de l'Espagne, pendant le moyen âge. II, 109—152 стр.

О Дози и его сочиненіяхъ см. выше въ т. I, стр. 397. Превосходный анализъ изслѣдованій Дози о Сидѣ былъ написанъ Грановскимъ въ его статьѣ: „Испанскій Эпосъ“ (Полн. собр. соч, II, стр. 210 и слѣд.). Въ концѣ своего анализа авторъ говоритъ: „Нѣтъ никакого сомнѣнія, что изъ современныхъ ученыхъ никто не можетъ сдѣлать изданіе полной исторіи средневѣковой Испаніи съ такимъ успѣхомъ, какъ Дози. Да будетъ намъ позволено выразить еще одно желаніе. Русская литература крайне бѣдна переводами произведеній средневѣковой поэзіи. Поэма о Сидѣ принадлежитъ къ числу первоклассныхъ памятниковъ этой поэзіи и способна возбудить участіе всякаго образованнаго читателя. Простотою формы, значительностью содержанія она несравненно выше рыцарскихъ романовъ XII и XII столѣтій, написанныхъ въ остальной Европѣ: это чисто эпическое произведеніе. Неужели никто изъ нашихъ молодыхъ поэтовъ и ученыхъ не возьметъ на себя труда подарить насъ переводомъ замѣчательнаго памятника, изъ котораго лучше, чѣмъ изъ многотомныхъ разсужденій, можно понять жизнь Пиринейскаго полуострова, въ одинъ изъ самыхъ любопытныхъ періодовъ его исторіи“?

Древнѣйшая поэма о Сидѣ была написана на латинскомъ языкѣ въ XII стол. (см. Du Maril, Poésies populaires latines du Moyen âge. Par. 1847); а національная El poema del Cid и Cronica rimada del Cid возникли въ XIII вѣкѣ. Лучшее изданіе послѣдней съ превосходнымъ введеніемъ сдѣлалъ нѣмецкій ученый Huber, 1844, Marburg.

Въ представленномъ нами извлеченіи, Дози въ первый разъ изображаетъ Сида лицемъ историческимъ, которое не имѣетъ ничего общаго съ поэтическимъ Сидомъ, безукоризненнымъ героемъ, какъ его изобразило XIII столѣтіе. Трудно даже сказать, какой Испаніи принадлежалъ Сидъ болѣе, мусульманской или христіанской, и чьей крови онъ пролилъ больше, кастильцевъ или мавровъ? Сидъ поэтическій принадлежитъ по своему времени послѣднему періоду среднихъ вѣковъ, и потому см. о немъ въ III томѣ.

70.—Первые Капетинги во Франціи.

(Въ 1834 г.).

Первый моментъ сознанія Франціи, какъ самостоятельной національности, въ ряду прочихъ европейскихъ народовъ, относится къ X столѣтію, когда Капетинги утвердились окончательно на королевскомъ престолѣ. Но политическое единство страны сначала и выражалось только однимъ этимъ фактомъ. На дѣлѣ, каждая провинція имѣла свою исторію, такъ сказать, свой голосъ, и сама разсказывала свою судьбу. Этотъ громадный хоръ наивныхъ и варварскихъ сказаній, подобно церковному пѣнію въ мрачной каѳедральной церкви въ рождественскую ночь, былъ сначала дикъ и раздирателенъ для историческаго слуха. Въ немъ слышались странные, безобразные звуки, едва напоминающіе собою человѣческій голосъ, такъ что, читая исторію того времени, не знаешь, празднуется ли то рождество Спасителя, или это—средневѣковой праздникъ глупости, процессія осла. Фантастическій оркестръ, которому нѣтъ ничего подобнаго, и на которомъ можно было услышать всякій гимнъ, и *Dies irae*, и *Alleluia*!

Въ средніе вѣка было всеобщимъ вѣрованіемъ, что міръ должена окончиться вмѣстѣ съ 1000 годовъ отъ воплощенія Богочеловѣка. Еще до христіанства, этруски точно также опредѣляли свой конецъ десятью вѣками, и предсказаніе ихъ исполнилось надъ ними. Западное христіанство легко усвоило сѳбѣ эти вѣрованія. Средневѣковой міръ не имѣлъ внѣшней правильности классическаго общества, и очень трудно было подмѣтить въ немъ внутреннюю и глубокую гармонію. Этотъ міръ видѣлъ только хаосъ въ себѣ; онъ жаждалъ порядка и ожидалъ найти его только за гробомъ. Въ тѣ времена чудесъ и легендъ, когда все казалось въ странномъ свѣтѣ, какъ бы сквозь мутное стекло, люди могли сомнѣваться въ томъ, чтобы эта видимая дѣйствительность была чѣмъ другимъ, а не сновидѣніемъ. Самая обыкновенная жизнь была преисполнена чудеснаго. Войско Оттона видѣло солнце въ омраченіи и желтымъ, какъ шафранъ. Король Робертъ (сынъ Гуго Капета), отлученный отъ церкви за вступленіе въ бракъ съ родственницею, при разрѣшеніи королевы отъ бремени, принялъ въ свои руки чудовище. Дьяволъ не старался болѣе скрываться; въ Римѣ видѣли, какъ онъ торжественно явился передъ волшебникомъ папой (Сильвестромъ II). Среди столькихъ явленій, видѣній, чудныхъ голосовъ, между чудесами божіими и прельщеніями дьявола—кто могъ сказать, что завтра земля не обратится въ прахъ при звукѣ послѣдней трубы. По тогдашнимъ понятіямъ, легко могло случиться, что то, что мы называемъ жизнію, на дѣлѣ есть смерть, и міръ, погибнувъ, какъ извѣстный святой въ легендѣ, только *начнетъ тогда жить и перестанетъ умирать*: Et tunc vivere incipit, morique desiit.

Такимъ образомъ, печальный конецъ міра былъ вмѣстѣ и надеждою, и ужасомъ среднихъ вѣковъ. Всмотритесь въ старинныя статуи

каѳедральныхъ соборовъ десятаго и одиннадцатаго вѣковъ, сухощавыя, нѣмыя, съ застывшею на лицѣ гримасою, съ видомъ страдальческимъ, какъ жизнь, и безобразныя, какъ смерть. Посмотрите, какъ онѣ умоляютъ, всплеснувъ руками, объ этомъ желанномъ и страшномъ моментѣ, объ этой второй смерти воскресенія, которая выведетъ ихъ изъ неизреченной печали, возвратитъ изъ ничтожества къ бытію, отъ могилы къ Богу.

Это вѣрное изображеніе того несчастнаго міра, сидѣвшаго безъ надежды на стольких развалинахъ. Древняя римская имперія пала; имперія Карла Великаго также исчезла; христіанство, по всеобщему убѣжденію, должно было здѣсь на землѣ облегчить наши несчастія, а они продолжались. Бѣдствія за бѣдствіемъ, развалины на развалинахъ! Необходимъ былъ переворотъ, и его ожидали. Плѣнный ждалъ въ мрачной башнѣ зáмка, въ гробовой *in pace;* рабъ ждалъ на своей нивѣ, подъ тѣнью ненавистной ему башни; монахъ ждалъ, среди своихъ монастырскихъ воздержаній, уединенныхъ тревогъ сердца, посреди искушеній и паденій, угрызеній совѣсти и чудныхъ видѣній, служа жалкою игрушкой дьявола, который жестоко шутилъ надъ нимъ, и вечеромъ стаскивая съ него покрывало, съ хохотомъ говорилъ ему на ухо: „Ты осужденъ“!

Всѣ желали выйти, во чтобы то ни стало, изъ мучительнаго положенія. Для нихъ было лучше сразу предаться въ руки божіи и навсегда успокоиться — хотя бы то пришлось на огненномъ одрѣ. Мысль о той минутѣ, когда раздастся въ ушахъ феодальнаго тирана звукъ трубы архангела, не могла имѣть своего очарованія; тогда, изъ глубины подземелья башни, изъ монастыря, въ нивы понесется страшный хохотъ среди всеобщаго плача.

Эта ужасающая надежда на послѣдній судъ возрастала вмѣстѣ съ бѣдствіями, которыя предшествовали 1000 году и непосредственно слѣдовали за нимъ. Казалось, что порядокъ временъ года извратился, что стихіи стали слѣдовать новымъ законамъ. Страшная чума опустошила Аквитанію; тѣло больныхъ, какъ бы обожженное, лепестьями отдѣлялось отъ костей и гнило. Несчастные покрывали собою дороги ведущія къ мѣстамъ поклоненія, и осаждали церкви, въ особенности св. Мартина въ Лиможѣ; они задыхались у дверей и тутъ же ложились кучами. Зловоніе, которое окружало церковь, не отталкивало ихъ. Бóльшая часть епископовъ съ юга направлялась въ то мѣсто и приносила мощи изъ своихъ церквей. Толпа умножалась, а съ нею и зараза; несчастные умирали на мощахъ святыхъ.....

Но при всеобщемъ ужасѣ, большинство, если и находило себѣ какое-нибудь успокоеніе, то только подъ кровомъ церкви. Кучами несли и клали на алтарь дары отъ земли, домовъ и работъ. Всѣ акты того времени носятъ на себѣ отпечатокъ одного и того же вѣрованія: „Вечеръ міра приближается, говорятъ они; каждый день навлекаетъ новыя бѣдствія; я, графъ, или баронъ, отдалъ потому въ такую-то церковь для спасенія своей души“.... Или еще: „Разсуждая, что рабство противно христіанской свободѣ, я освобождаю такого-то, моего раба по плоти, его, дѣтей его и наслѣдниковъ“.

Но весьма часто и это не успокоивало ихъ. Они спѣшили бро-

сить мечъ, перевязь, всѣ военные доспѣхи сего міра, искали убѣжища въ средѣ монаховъ и подъ ихъ одѣяніемъ, и просили себѣ небольшого угла въ ихъ кельѣ, гдѣ бы можно было укрыться. Монахамъ ничего другого не оставалось, какъ только препятствовать герцогамъ и королямъ поступать въ ихъ сословіе. Вильгельмъ I, нормандскій герцогъ, все бы оставилъ, только чтобы удалиться въ Жюмьежъ, но аббатъ не согласился на то. Вильгельму удалось одно: похитить клобукъ и рясу; онъ унесъ ихъ съ собою, спряталъ въ небольшой ящикъ и ключъ отъ него носилъ всегда на поясѣ.

Гуго I, герцогъ бургундскій, а прежде него германскій императоръ Гейнрихъ II, также сильно желали сдѣлаться монахами. Гуго не былъ допущенъ къ тому папою. Гейнрихъ, вступая однажды въ церковь аббатства св. Ванна, въ Вердюнѣ, воскликнулъ съ псалмопѣвцемъ: „Вотъ тотъ покой, который я избралъ, и жилище мое отъ вѣка до вѣка“. Одинъ монахъ, услышавъ такія слова, извѣстилъ о томъ аббата. Послѣдній призвалъ императора въ капитулъ монаховъ и спросилъ его, какія онъ имѣетъ намѣренія. „Я желаю, божіею милостью, отвѣтилъ онъ со слезами, отказаться отъ мірской одежды, облечься въ схиму, и служить одному Богу вмѣстѣ съ вашей братіей“.—„А пообѣщаете ли вы, возразилъ аббатъ, слѣдуя нашему уставу и примѣру Іисуса Христа, быть въ послушаніи даже до смерти“.—„Согласенъ“, отвѣтилъ императоръ.—„Ну, хорошо, я считаю васъ монахомъ; съ этого дня принимаю на себя попеченіе о вашей душѣ, и все, чтó я прикажу, желаю, чтобы вы исполнили то со страхомъ божіимъ. И такъ, я повелѣваю вамъ возвратиться къ управленію имперіей, которую Богъ вамъ ввѣрилъ, и пещись со страхомъ и трепетомъ о спасеніи всего королевства“. Императоръ, связанный обѣтомъ, долженъ былъ противъ воли повиноваться. Впрочемъ, онъ съ давнихъ поръ въ душѣ былъ монахъ; всегда жилъ съ своей женой какъ братъ, и церковь чтитъ его подъ именемъ Генриха святого.

Такимъ же святымъ, хотя и неканонизированнымъ, можетъ считаться нашъ Робертъ, король Франціи, сынъ Гуго Капета. „Робертъ, говоритъ составитель Сенъ-Бертинской хроники, былъ весьма благочестивъ, уменъ и начитанъ, довольно хорошій философъ и превосходный музыкантъ. Онъ сочинилъ гимнъ святому Духу: *Adsit nobis gratia;* пѣсни: *Judaea et Hierusalem*, *Concede nobis quae sumus*, и *Cornelius centurio*, которыя онъ, переложивши на музыку и ноты, послалъ на алтарь святого Петра въ Римѣ, равно какъ антифонъ *Eripe*, и многія другія превосходныя произведенія. У него была жена Констанція, которая однажды попросила его сочинить что либо въ память ея; и онъ написалъ гимнъ: *O, constantia martyrum*, первое слово котораго было именемъ его жены. Самъ король ходилъ въ церковь, въ Сенъ-Дени, въ королевскомъ облаченіи и украшенный короной, чтобы управлять хоромъ во время утрени, вечерни и обѣдни, пѣлъ вмѣстѣ съ монахами и соперничалъ съ ними голосомъ. Такъ, когда онъ осаждалъ какой-то замокъ въ день св. Ипполита, особенно имъ почитаемаго, онъ оставилъ лагерь и отправился въ Сенъ-Дени управлять хоромъ за обѣдней; въ то время, когда онъ набожно пѣлъ съ монахами: *Agnus Dei, dona nobis pacem*, стѣны замка внезапно пали, и

войско короля овладѣло имъ, что Робертъ всегда приписывалъ заслугамъ св. Ипполита". Біографъ Роберта, Гельгальдъ, разсказываетъ намъ еще одну черту изъ жизни короля: „Однажды, вернувшись съ молитвы, на которой Робертъ, по обыкновенію, проливалъ потоки слезъ, онъ нашелъ свое копье оправленнымъ его тщеславной супругой въ серебряныя украшенія. Разсматривая это копье, онъ въ тоже время оглядывался, не увидитъ ли кого на дворѣ, кто могъ нуждаться въ деньгахъ, и, замѣтивъ одного нищаго въ рубищѣ, попросилъ у него какого, нибудь инструмента, чтобы снять серебро. Нищій не понималъ, что́ онъ хотѣлъ сдѣлать; но служитель божій велѣлъ ему отыскать что-нибудь поскорѣй. Между тѣмъ, Робертъ предался молитвѣ, а вскорѣ и посланный вернулся, неся инструментъ. Король и нищій оба запираются вмѣстѣ, и отдираютъ серебро отъ копья. Потомъ король своими святыми руками складываетъ его въ суму нищаго, совѣтуя ему остерегаться, чтобы королева не увидала его. Когда явилась королева, она была поражена при видѣ ободраннаго копья; Робертъ же въ шутку поклялся именемъ Господа, что онъ не знаетъ, какъ это случилось.

„Онъ имѣлъ сильнѣйшее отвращеніе ко лжи. Такъ, для оправданія какъ тѣхъ, отъ которыхъ онъ принималъ присягу, такъ и самого себя, онъ приказалъ сдѣлать кристальную раку, всю позолоченную, въ которую, однако, онъ не положилъ никакихъ мощей: надъ этой ракой онъ заставлялъ клясться своихъ вельможъ, которые вовсе не знали о его благочестивомъ обманѣ. Точно также онъ заставлялъ клясться простой народъ надъ ракой, въ которую онъ положилъ яйцо. О! съ какою точностію относятся къ этому человѣку слова пророка: „Водворится въ кровѣ Всевышняго тотъ, кто говоритъ правду, по влеченію своего сердца, тотъ, чей языкъ не знаетъ и лжи, и кто никогда не сдѣлалъ зла своему ближнему".

Благотворительность Роберта распространялась на всѣхъ грѣшниковъ безъ различія. „Когда онъ ужиналъ въ Этампѣ, говоритъ тотъ же біографъ, въ замкѣ, который Констанція только что построила для него, онъ приказалъ отворить двери для всѣхъ нищихъ. Одинъ изъ нихъ помѣстился у ногъ короля, который кормилъ его подъ столомъ. Но нищій, не забывая себя, отрѣзалъ у него ножемъ золотое украшеніе въ шесть унцій, которое свѣшивалось съ его колѣнъ, и проворно убѣжалъ. Когда всѣ встали изъ-за стола, королева увидѣла своего государя ограбленнымъ, и, въ негодованіи, позволила себѣ обратиться къ святому въ сильныхъ выраженіяхъ: „Какой врагъ Бога, добрый государь, обезчестилъ ваше золотое платье"?!—„Никто, отвѣтилъ онъ, не обезчестилъ меня; безъ сомнѣнія, тотъ кусокъ нужнѣе былъ тому, кто его взялъ, чѣмъ мнѣ, и пусть отрѣзанное послужитъ ему съ помощью божіей въ пользу". Когда другой разъ одинъ воръ отрѣзалъ у него половину бахромы отъ его мантіи, Робертъ обернулся и только сказалъ: „Иди, иди, и довольствуйся тѣмъ, что взялъ; остальное можетъ понадобиться кому нибудь другому". Воръ ушелъ совершенно смущенный. Такое же снисхожденіе онъ оказывалъ тѣмъ, которые похищали священныя вещи. Однажды, молясь въ своей капеллѣ, онъ увидѣлъ церковника по имени Оггера, кото-

рый воровски подошелъ къ алтарю, положилъ на полъ восковую свѣчу, а подсвѣчникъ унесъ подъ своимъ платьемъ. Клерики рѣшительно не знали, кто бы могъ замѣтить это воровство, и спросили у короля; но онъ увѣрилъ, что ничего не видѣлъ. Слухъ объ этомъ дошелъ до королевы Констанціи; въ своемъ гнѣвѣ, она клянется памятью своего отца, что прикажетъ выколоть глаза у блюстителей, если они не возвратятъ того, что̀ похищено изъ сокровища ея святого и праведнаго. Лишь только узналъ о томъ король, это живое вмѣстилище благочестія, онъ позвалъ къ себѣ вора и сказалъ ему: „Другъ Оггеръ, уходи отсюда, пока не съѣла тебя моя непостоянная Констанція. Того, что̀ ты имѣешь, достаточно будетъ тебѣ, чтобы достигнуть мѣста рожденія твоего. Да будетъ Господь съ тобою"! Онъ даже далъ ему денегъ на дорогу; и когда считалъ вора уже въ безопасности, весело сказалъ приближеннымъ: „Зачѣмъ вамъ такъ безпокоиться о подсвѣчникѣ? Господь отдалъ его своему нищему".

Таково было кроткое и невинное настроеніе души перваго короля Капетинга. Я говорю перваго, потому что его отецъ, Гуго *Капетъ*, не довѣрялъ своему праву, и никогда не носилъ короны; онъ ограничивался только тѣмъ, что имѣлъ на головѣ *каппу* (cappa, головной уборъ) [1]), подобно аббату св. Мартину Турскому. При сынѣ его, добромъ Робертѣ, прошла страшная эпоха 1000-го года, и казалось, что божественный гнѣвъ былъ обезоруженъ этимъ простосердечнымъ человѣкомъ, въ которомъ какъ бы воплотился божій миръ. Человѣчество ободрилось и надѣялось еще просуществовать немного; оно увидѣло, подобно Эзекіи, что Богу угодно было продлить его дни. Оно пробудилось отъ своей агоніи, снова принялось за жизнь, начало трудиться и строить—прежде всего храмы божіи. „Около трехъ лѣтъ, послѣ 1000-го года, говоритъ Глаберъ, почти во всей вселенной, особенно въ Италіи и Галліи, базилики церквей возобновлялись, хотя большая часть ихъ была еще довольно хороша и не нуждалась въ передѣлкѣ. А между тѣмъ, христіанскіе народы, казалось, соперничали въ томъ, кто воздвигнетъ болѣе великолѣпные соборы. Говорили, что міръ встрепенулся и стряхнулъ съ себя свою старость, чтобы облечься въ бѣлыя одежды церквей"......

Съ такимъ религіознымъ настроеніемъ общества вполнѣ гармонировала личность первыхъ Капетинговъ; но они были дороги для массы и по своему простонародному происхожденію. Капеты были въ глазахъ своихъ современниковъ плебеями, саксонскаго происхожденія. Предокъ ихъ, Робертъ Сильный (Robert-le-Fort) защитилъ страну отъ норманновъ; Одо безпрестанно сражался съ германскими императорами, которые поддерживали послѣднихъ Карловинговъ; но преемники Одо до самого Лудовика VI Толстаго, въ XII стол., не имѣютъ ничего воинственнаго. Правда, хроники не пропускаютъ никогда случая замѣтить при вступленіи на престолъ каждаго изъ пер-

---

[1]) *Cappa*, фр. Chapet, шапка, родъ клобука, давшаго названіе всей фамилій, какъ и у насъ В. Кн. Іоаннъ назывался по другому, подобному же, случаю калитою. Но во франц. хроникахъ иногда прозваніе Капета было браннымъ, въ смыслѣ колпака; такъ, Карлъ Простой назывался также Капетомъ.

выхъ Капетинговъ, что они отличались воинственностью, но на дѣлѣ эти короли поддерживали себя при помощи нормандцевъ и епископовъ, въ особенности реймскихъ. Вѣроятно, епископы платили, а нормандцы сражались за нихъ. Бывъ въ дружбѣ съ духовенствомъ, которому они одолжены были своимъ величіемъ, Капетинги, безъ сомнѣнія, по совѣту епископовъ, старались примкнуть къ прошедшему, и посредствомъ отдаленныхъ связей съ греческимъ міромъ соперничать съ Карловингами древностію. Гуго Капетъ просилъ для своего сына руки константинопольской принцессы. Его внукъ Генрихъ I-й женился на дочери русскаго великаго князя (Ярослава Мудраго), происходившей по женской линіи отъ византійскихъ императоровъ Македонскаго дома. А этотъ домъ имѣлъ притязаніе восходить до Александра Великаго и Филиппа, а чрезъ нихъ и до Геркулеса. Король Франціи назвалъ своего сына Филиппомъ, и это имя удерживалось до нашего времени между Капетами. Такія генеалогіи еще болѣе льстили романическому воображенію среднихъ вѣковъ, которое по-своему объясняло дѣйствительное родство европейскихъ народовъ съ индо-германскими расами, производя франковъ отъ троянъ, саксонцевъ отъ македонянъ, воиновъ Александра Великаго.

Возвышеніе этой династіи было, такимъ образомъ, дѣломъ духовенства, которому Гуго Капетъ возвратилъ его многочисленныя аббатства, также дѣломъ и герцога Нормандіи, Ричарда Безстрашнаго. Послѣдній, съ которымъ такъ дурно обращался въ его дѣтствѣ Людовикъ Заморскій, неоднократно обманутый и его сыномъ Лотаремъ, имѣлъ основательныя причины ненавидѣть Карловинговъ. Гуго Капетъ былъ его воспитанникомъ и его шуриномъ...

Внукъ Гуго Капета, Генрихъ I, и его сынъ Филиппъ I, въ теченіе всего XI столѣтія оставались бездѣйственными и безсильными зрителями великихъ событій, которыя въ ту эпоху потрясали Европу. Они не принимали участія ни въ нормандскихъ походахъ въ Неаполь и Англію, ни въ европейскомъ крестовомъ походѣ въ Іерусалимъ, ни въ борьбѣ папъ съ императорами; они спокойно дозволили императору Генриху III установить свое верховное господство въ Европѣ и отказались помочь графамъ Фландріи, Голландіи, Брабанта и Лотарингіи въ великой войнѣ Нидерландъ противъ имперіи. Французское королевство было пока не что иное какъ надежда, одинъ титулъ, одно право. Феодальная Франція, поглощенная въ самой себѣ, до начала XII вѣка, представляетъ одни стремленія отъ центра. На это время, историку не остается ничего, какъ оставить этотъ безсильный центръ въ сторонѣ, и слѣдить за колоссальною борьбою имперіи и папства, за походами нормандцевъ въ Сицилію и Англію подъ знаменами церкви, и наконецъ отправиться вмѣстѣ съ Франціею въ св. землю. Тогда только можно будетъ снова заговорить о Капетингахъ, и увидѣть, какъ церковь избрала ихъ своимъ орудіемъ на мѣсто мало покорныхъ нормандцевъ, какъ она составила ихъ судьбу и возвысила до того, что была вынуждена сама склониться предъ ними.

Мишле.

Hist. de France. Par. 1835. т. II, 131—159 стр.

О Мишле и его сочиненіяхъ, см. въ томѣ I, на стр. 72.

71.—Первые еретики во Франціи.

(1047).

Въ 1017 г., въ городѣ Орлеанѣ, открылась грубая и неистовая ересь, которая, оставаясь долгое время потаенною и посѣвая гибель, успѣла поймать многихъ сѣтями своего ослѣпленія. Разсказываютъ, что эта безумная ересь была начата въ Галліи какою-то женщиною, явившеюся изъ Италіи и преисполненною дьявола, съ помощью котораго она увлекала всѣхъ, кого угодно, не только глупыхъ и безмысленныхъ людей, но даже и такихъ, которые повидимому были ученѣйшими изъ духовенства. Появившись въ городѣ Орлеанѣ, и оставаясь тамъ нѣкоторое время, она заразила многихъ ядомъ своего нечестія. Принявшіе въ себя зачатки ея ученія старались распространить ихъ всѣми мѣрами. Такими ересіархами того развращеннаго ученія сдѣлались двое, о ужасъ, о горе! изъ духовныхъ лицъ города, самые славные и родомъ, и своею ученостью, а именно, Герибертъ и Лизой. Они, пока ихъ ученіе распространялось втайнѣ, снискали приверженцевъ между людьми, близкими къ королю, и придворною знатью. Имъ легче было увлечь подобнаго рода людей, потому что умы ихъ были менѣе проникнуты любовью къ истинной вѣрѣ. Они попытались посѣять свое пагубное ученіе не только въ вышесказанномъ городѣ, но даже и въ сосѣднихъ мѣстахъ; такъ они вознамѣрились сдѣлать участникомъ своего безумія одного здравомыслящаго священника въ Руанѣ, и отправили къ нему людей, которые изложили бы предъ нимъ всю тайну ихъ превратнаго толка. Они говорили, что въ непродолжительномъ времени ихъ ученіе будетъ принято всѣмъ народомъ. Выслушавъ все это, священникъ поспѣшилъ къ христіаннѣйшему графу того города, Ричарду, и изложилъ ему дѣло по порядку, какъ слышалъ. Въ свою очередь графъ отправилъ немедленно вѣстника къ королю, извѣщая его о готовящейся погибели овецъ въ самомъ стадѣ Христа. Развѣдавъ о томъ, король, а именно Робертъ (сынъ Гуго Капета), какъ мужъ ученѣйшій и христіаннѣйшій, весьма опечалился, опасаясь погибели и отечества, и душъ человѣческихъ; отправившись немедленно въ Орлеанъ, куда были созваны епископы, аббаты, монахи и нѣкоторые свѣтскіе, онъ началъ тщательно изслѣдовать, кто были виновниками такого превратнаго ученія, и кто, обманутый ими, раздѣляетъ его. По испытаніи каждаго изъ духовныхъ, какъ кто понимаетъ и вѣритъ въ то, что католическая вѣра неизмѣнно блюдетъ и проповѣдуетъ по апостольскому ученію, оказалось, что только тѣ двое, Лизой и Герибертъ, не отрицая своего образа мыслей, открыто выразили то, что до того времени было ими скрываемо. А за ними и многіе признались ихъ единомышленниками, подтверждая, что они ни въ какомъ случаѣ не отдѣлятся отъ нихъ. Узнавъ это, король и епископы, пораженные печалью, допрашивали тѣхъ двухъ секретно, какъ людей до тѣхъ поръ весьма уважаемыхъ за чистоту своихъ нравовъ; а одинъ изъ нихъ, Лизой, жившій въ монастырѣ св. Креста, былъ чрез-

вычайно любимъ всею братіею; другой же Герибертъ, по прозванію дѣвственникъ, завѣдывалъ школою при церкви св. Петра. На вопросъ, отъ кого или откуда они заимствовали свое лжеученіе, они отвѣчали: „Мы уже давно принадлежимъ этой сектѣ, о которой вы узнали только что теперь; но мы ожидаемъ, что и вы, и всѣ другіе, какого бы закона или ордена кто ни былъ, присоединитесь къ ней, и до сихъ поръ вѣримъ въ то“. Послѣ того, они изложили сущность своей ереси, далеко превосходящей всѣ древнія своею нелѣпостью. Ихъ разглагольствованіе тѣмъ труднѣе передать въ приличной рѣчи, что оно во всемъ противорѣчило истинѣ. Такъ, они отрицали троичность и единичность божества. Далѣе, они утверждали, что земля и небо, какъ мы ихъ видимъ, существовали всегда безъ того, чтобы быть кѣмъ нибудь сотворенными. Такъ лаяли эти безсмысленнѣйшіе изъ всѣхъ еретиковъ, подобно псамъ, и только въ одномъ походили на послѣдователей эпикурейской ереси: они также полагали, что не будетъ никакого возмездія тѣмъ, которые предаются наслажденіямъ страстей. Всѣ убѣжденія христіанъ о благонравіи и правдѣ, о вѣчномъ вознагражденіи за трудъ земной, они не признали. Между тѣмъ, когда они безстыдно утверждали такія и многія другія безумства, въ числѣ вѣрныхъ поборниковъ правды не нашлось такихъ, которые, заботясь объ истинѣ и спасеніи, могли бы хорошо отвѣчать на ихъ слѣпое заблужденіе.

Потому я рѣшился самъ, не смотря на свое скудоуміе, отвѣтить хотя въ нѣсколькихъ словахъ на ихъ лжеученіе. Прежде всего мнѣ должно обратить вниманіе на тѣ слова апостола, которыя онъ произнесъ въ своемъ предвидѣніи будущаго: „Ереси нужны, говорилъ онъ, чтобы испытать тѣхъ, которые пребываютъ въ вѣрѣ“. Вотъ, изъ чего главнымъ образомъ видно ихъ безуміе и отсутствіе въ нихъ всякихъ познаній и ума, когда они утверждаютъ, что Богъ не есть творецъ всего существующаго. Всякій понимаетъ, что каждая вещь, какой бы она ни была тяжести или величины, но если существуетъ что нибудь другое еще большее, то она должна происходить отъ того, что превосходитъ величиною все остальное. И это справедливо одинаково и для вещей тѣлесныхъ, и для предметовъ безтѣлесныхъ, потому что и тѣлесное и безтѣлесное, подвергаясь перемѣнамъ по закону случайности, движенія, развитія, одинаково отличается отъ неизмѣняющаго виновника всякаго существованія, а потому должно происходить отъ него и имѣть конецъ, какъ только что придетъ въ спокойное состояніе. А такъ какъ одинъ творецъ по своей сущности неизмѣняемъ, по своей сущности благъ и вмѣстѣ справедливъ, и онъ одинъ могъ въ своемъ всемогуществѣ устроить разнообразность природы и распредѣлить все въ порядкѣ, то кромѣ его существующее нигдѣ не можетъ найти своего первоначальнаго спокойствія, и возвращается туда, гдѣ возъимѣло свое начало. Извѣстно также и то, что во вселенной у творца ничто не погибло, кромѣ того, что дерзновенно преступило начертанные имъ предѣлы природы. А потому всякая вещь тѣмъ лучше и истиннѣй, чѣмъ тверже и прочнѣе она состоитъ въ порядкѣ предназначенномъ для собственной ея природы. Потому же самому все то, что неизмѣнно повинуется предписаніемъ

творца, будетъ постоянно ему служить. Если же что нибудь, уклоняясь отъ его воли, приходитъ къ паденію, то оно тѣмъ служитъ урокомъ для всего остальнаго. Между всѣми тварями, родъ человѣческій занимаетъ средину, а именно, человѣкъ выше всѣхъ прочихъ животныхъ, и ниже небесныхъ духовъ. Занимая средину между высшими и низшими существами, человѣкъ дѣлается подобнымъ тѣмъ или другимъ, смотря потому, къ кому онъ болѣе склоняется. Вслѣдствіе того же, человѣкъ становится тѣмъ выше и лучше животныхъ, чѣмъ болѣе подражаетъ качествамъ небесныхъ духовъ.

Одному человѣку дано достигать блаженства сравнительно предъ прочими животными, но за то, если онъ его не заслужитъ, ему предназначено сдѣлаться болѣе жалкимъ, чѣмъ послѣднее животное. Благость всемогущаго творца, предвидя отъ начала временъ, что при такомъ условіи своего существованія, человѣкъ очень часто можетъ ниспадать до глубины, назначила время отъ времени совершать чудеса для искупленія падшаго человѣчества. Доказательствомъ тому служитъ каждая книга св. Писанія, каждая его страница.... Но всего болѣе то явствуетъ изъ особеннаго милосердія всемогущаго отца, съ которымъ Онъ ниспослалъ добровольно на землю сына, единаго съ нимъ по величію и божественности, то есть Іисуса Христа; вмѣстѣ съ Отцемъ, служа началомъ всякой жизни, истины и блага, Онъ предоставилъ себя на спасеніе всѣмъ вѣрующимъ. Своимъ истиннымъ ученіемъ и чудесами. Онъ доказалъ, что Онъ и его Отецъ и ихъ духъ составляютъ въ трехъ отдѣльныхъ лицахъ одно божество, одной вѣчности и могущества, одной воли и дѣйствія, одно благости и одной сущности. Имъ, чрезъ него и въ немъ все существуетъ; всегда полный и неизмѣнный, Онъ былъ прежде нежели началось время. Все имъ преисполнено и въ немъ будетъ имѣть свой конецъ... Этотъ же самый творецъ послалъ въ міръ для преобразованія человѣчества Сына, одно изъ лицъ своего божества; но его не оцѣнили и не захотѣли вѣрить и любить такъ, чтобы въ немъ найти для себя спасеніе; даже многіе, подъ вліяніемъ грѣха, тѣмъ болѣе возстали противъ истины, чѣмъ болѣе думали его знать. Къ разряду послѣднихъ безъ сомнѣнія относятся всѣ ереси и различныя секты на земномъ шарѣ. И лучше было бы имъ не существовать, если только онѣ обратившись не исповѣдаютъ Іисуса. Умъ, полный любви и вѣры, повинуется ему, и тѣмъ болѣе совершенствуется, чѣмъ ближе становится къ тому, кто есть начало и конецъ всякаго добра. Къ числу такихъ принадлежатъ всѣ святые, память о которыхъ украшаетъ собою всѣ вѣка. Имъ дано жить и пребывать вѣчно съ творцомъ, вселенной и блаженствовать отъ лицезрѣнія. Его. Мы же полагаемъ, что это немногое сказанное нами служитъ достаточнымъ отвѣтомъ на возраженія тѣхъ еретиковъ.

Когда были употреблены всѣ усилія, чтобы отвратить ихъ умъ отъ вѣроломства и наставить ихъ въ истинахъ вселенской вѣры, а они противились всѣми мѣрами, тогда имъ было объявлено: если они не обратятся къ истинной вѣрѣ, то, по приказанію короля и опредѣленію всего народа, будутъ сожжены на кострѣ. Но еретики въ своемъ безуміи не только не убоялись того, но еще хвастались, что

выйдутъ изъ огня невредимы и надсмѣхались надъ убѣждавшими ихъ. Король и съ нимъ всѣ другіе, видя, что ихъ нельзя образумить, приказалъ не вдалекѣ отъ города развести большой огонь, въ надеждѣ, что страхъ переломитъ ихъ упорство. Когда ихъ повели туда, они въ одурѣніи кричали, что сами желаютъ того, и торопили свою стражу. Огню было предано 13 человѣкъ; когда ихъ начало палить, они стали кричать съ костра, что ихъ обманулъ дьяволъ, что они ложно не признавали творца вселенной, и теперь за свое нечестіе подвержены временнымъ и вѣчнымъ мукамъ. Многіе изъ близко стоявшихъ, услыхавъ ихъ слова и побуждаемые человѣколюбіемъ, вознамѣрились спасти ихъ, хотя полу-живыхъ, но было поздно: пламень мести обратилъ ихъ въ пепелъ. Послѣ того, гдѣ бы ни отыскивались послѣдователи этого ученія, они вездѣ подвергались той же казни. А вслѣдствіе того католическая вѣра, искоренивъ безуміе безумныхъ, во всѣхъ странахъ пріобрѣла новый блескъ.

Монахъ Радульфъ Глаберъ.
Historiarum sui temporis libri V.

О Радульфѣ Глаберѣ и его сочиненіяхъ, см. ниже, въ примѣчаніи къ ст. 72.

72.—Общественныя бѣдствія въ XI вѣкѣ.

(1047 г.).

Въ 1027 г., землю началъ опустошать голодъ, и родъ человѣческій былъ угрожаемъ близкимъ разрушеніемъ. Погода сдѣлалась до того худа, что невозможно было найти минуты ни для посѣва, ни для уборки хлѣба, вслѣдствіе залитія полей водою. Казалось, что всѣ стихіи обрушились и вступили въ борьбу другъ съ другомъ, а между тѣмъ, собственно они повиновались божьей карѣ, наказывавшей людей за ихъ злобу. Вся земля была залита непрерывными дождями до того, что въ теченіе трехъ лѣтъ нельзя было имѣть пяди земли, удобной для посѣва. Зерновая мѣра на самыхъ плодородныхъ земляхъ не давала болѣе самъ-шестъ. Этотъ мстительный бичъ начался на востокѣ, опустошилъ Грецію, потомъ Италію, распространился по всей Галліи и, наконецъ, постигъ Англію. Его удары обрушились на всѣхъ безъ различія. Сильные земли, люди средніе и бѣдняки равно испытывали голодъ, и чело у всѣхъ покрывалось блѣдностью; насилія и жестокости бароновъ смолкли предъ всеобщимъ голодомъ. Если кто нибудь хотѣлъ продать съѣстное, то могъ спросить самую высокую цѣну и получилъ бы все безъ малѣйшаго затрудненія. Почти вездѣ мѣра зерноваго хлѣба продавалась по 60 золотыхъ солидовъ; иногда шестую часть мѣры покупали за 15 солидовъ. Когда переѣли весь скотъ и птицъ, и когда этотъ запасъ исто-

щился, голодъ сдѣлался чувствительнѣе, и для укрощенія его приходилось пожирать падаль и тому подобную отвратительную пищу; иногда еще для избавленія отъ смерти, выкапывали изъ земли древесные коренья, собирали травы по берегамъ ручьевъ; но все было тщетно, ибо одинъ Богъ можетъ быть убѣжищемъ противъ божьяго гнѣва. Но, о ужасъ, повѣрятъ-ли тому, свирѣпство голода породило примѣры жестокости, столь рѣдкой въ исторіи, и люди ѣли мясо людей. Путникъ, подвергнувшись нападенію на дорогѣ, падалъ подъ ударами убійцъ, они разрывали его члены на части, жарили ихъ и пожирали. Другіе, убѣгая изъ своей страны, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ убѣжать и отъ голода, были принимаемы въ дома, и хозяева душили ихъ ночью, чтобы послѣ съѣсть. Нѣкоторые показывали дѣтямъ яйцо или фруктъ, заманивали ихъ въ сторону и пожирали. Во многихъ мѣстахъ отрывались трупы для подобной же ужасной цѣли. Наконецъ, это безуміе, эта ярость дошли до того, что существованіе животнаго было безопаснѣе, нежели человѣка, потому что, повидимому, ѣсть мясо людей начало обращаться въ обычай. Одинъ злодѣй въ г. Турнюсъ (на р. Сонѣ, близъ Макона) осмѣлился выставить на рынкѣ для продажи вареное человѣческое мясо, какъ то обыкновенно дѣлалось съ мясомъ животныхъ. Его схватили, и онъ не запирался; судъ приказалъ связать его и сжечь; но нашелся другой, который въ ту же ночь укралъ это самое мясо, выставленное тѣмъ на продажу и зарытое въ землю; онъ пожралъ его, но и былъ точно также сожженъ.

Близъ Макона, въ лѣсу Шатене, стоитъ уединенная церковь, посвященная св. Іоанну. Какой-то негодяй построилъ близъ нея хижину, гдѣ онъ рѣзалъ всѣхъ, которые искали у него убѣжища на ночь. Случилось однажды, что къ нему зашелъ путникъ съ своею женой; но, заглянувъ въ уголъ хижины, онъ замѣтилъ тамъ головы мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Смущенный и поблѣднѣвшій, онъ хотѣлъ уйти, но кровожадный хозяинъ воспротивился и силою хотѣлъ удержать его; страхъ смерти придалъ ему силы, и кончилось тѣмъ, что путникъ спасся вмѣстѣ съ женою и поспѣшно отправился въ городъ. Дано было знать о всемъ графу Оттону и другимъ жителямъ города; въ ту же минуту послали большое число людей, чтобъ повѣрить показанія путника; они поспѣшили ва мѣсто и нашли тамъ того звѣря въ своемъ логовищѣ, а въ хижинѣ его было 48 головъ зарѣзанныхъ и пожранныхъ имъ жертвъ. Злодѣя привели въ городъ и сожгли; я самъ присутствовалъ при его казни.

Въ это время, придумали въ той провинціи одно новое средство для питанія, о которомъ, я полагаю, прежде никогда не думали. Многіе начали мѣшать послѣдніе остатки муки и отрубей съ бѣлой землею, похожею на глину, и дѣлали изъ такой смѣси хлѣбъ для утоленія голода. Эта пища служила имъ послѣднею надеждою на спасеніе отъ смерти, но успѣхъ не соотвѣтствовалъ ихъ желаніямъ. Лица ихъ дѣлались блѣдными, кожа натягивалась и пухла, голосъ слабѣлъ и напоминалъ собою жалобный крикъ издыхающихъ птицъ. Умирающихъ было такъ много, что не успѣвали ихъ погребать, и волки, привлекаемые запахомъ труповъ, начали нападать на людей.

Такъ какъ нельзя было имѣть для каждаго покойника отдѣльной могилы, по ихъ большому числу, то люди богобоязненные открывали свои запасныя ямы, въ которыя складывалась солонина, и клали туда по 500 труповъ, а иногда и больше, если яма была значительнаго размѣра. Тамъ валялись трупы, перемѣшанные другъ съ другомъ, полунагіе, часто безъ всякаго савана. Нерѣдко полевыя ямы замѣняли кладбища.

Случалось, что несчастные, узнавъ, что другія провинціи въ лучшемъ положеніи, оставляли свою страну, но они погибали на дорогѣ. Этотъ ужасный голодъ свирѣпствовалъ въ теченіе 3 лѣтъ, въ наказаніе за грѣхи людей. Въ пользу бѣдныхъ жертвовали церковныя украшенія и богатства, имѣвшія такое назначеніе; но мщеніе небесъ не удовлетворилось тѣмъ, и сокровищницы церквей были недостаточны, чтобы помочь всѣмъ бѣднымъ. Часто случалось, что тѣ несчастные, истомленные голодомъ, находили для себя пищу, но они, вслѣдъ за тѣмъ, пухли и мгновенно умирали.

Монахъ Радульфъ Глаберъ.
Historiarum sui temporis libri Y.

Монахъ Радульфъ Глаберъ (Radulphus monachus † 1050 г.; Glaber—Лысый; во франц. фор. Raoul) былъ родомъ изъ Бургундіи и жилъ въ эпоху правленія Роберта I и Гейнриха I. Въ молодости извѣстный своею распущенною жизнью, онъ былъ отданъ дядею въ монастырь, но и тамъ его преслѣдовали за тѣ же нравы, такъ что онъ, бывъ пять разъ изгоняемъ, наконецъ, утвердился въ Клюньи. Раскаявшись въ прежнемъ образѣ жизни, онъ предался литературнымъ занятіямъ, плодомъ которыхъ и были „Пять книгъ исторіи своего времени“. Его самостоятельный трудъ обнимаетъ собою только эпоху отъ Гуго Капета (987 г.) до 1047 г. и замѣчателенъ прежде всего по новой попыткѣ изобразить всемірную исторію въ четырехъ періодахъ только на томъ основаніи, что на свѣтѣ существуютъ четыре стихіи, четыре главныя добродѣтели и четыре евангелія. Вообще его хроника, какъ хроника, не можетъ идти въ сравненіе съ подобными же произведеніями того времени, но она полна драгоцѣнныхъ вставокъ, гдѣ авторъ касается современныхъ ему нравовъ. Кромѣ приведенныхъ нами выше извлеченій, особенно замѣчательна третья книга, заключающая въ себѣ сатиру на дворъ короля Роберта.

Изданія: Duchesne, Scr. hist. Franc. IV, 1—58, и у Bouquet, Rec. VIII, 238.— *Переводы*: Guizot, Coll. VI, 169—355.—*Критика*: La Curne de St. Palaye, Mémoire concernant la vie et les ouvrages de Glaber, помѣщ. въ Mém. de l'Acad. des inscript. VIII, 549.

73.—О происхожденіи Божьяго-Мира и его значеніе.
(1857 г.).

Право *частной войны* въ зап. Европѣ было освящено древними обычаями германцевъ. Тацитъ свидѣтельствуетъ о томъ положительно, говоря: „Наслѣдовать дружбу и вражду своихъ отцовъ и ближнихъ составляетъ нашу обязанность“. Это понятіе не исчезло и при

первыхъ двухъ династіяхъ, Меровингской и Карловингской, отъ V до X вѣка; доказательства тому можно найти вездѣ, начиная съ Григорія Турскаго. Но если король былъ могуществен и твердъ, онъ укрощалъ на время эту варварскую вражду, вредившую и его власти и благосостоянію народовъ. Пока Карлъ В. пытался востановить порядокъ введеніемъ римской администраціи, частныя войны затихли; § 32 капитулярія отъ 802 г. запретилъ ихъ окончательно; но система правленія Карла, опиравшаяся на геній и волю одного человѣка, обрушилась быстро, и уже при первыхъ его преемникахъ частныя войны не только появляются снова, но обращаются въ право и становятся принадлежностью верховной власти каждаго феодала. Бомануаръ, писатель XIII вѣка, свидѣтельствуетъ, что даже въ его время, не смотря на постоянныя усилія церкви и королей, право частной войны признается. Онъ даже посвящаетъ цѣлую главу, а именно 59, на изложеніе такого права, и даетъ ей слѣдующее заглавіе: „Какъ можно вести войну на основаніи обычая, и какъ то слѣдуетъ, и какъ можно пользоваться правомъ войны“. Это право войны принадлежало всѣмъ членамъ высшаго сословія; ни горожане, ни сельское сословіе не имѣли такого права. Первоначально оно было безпредѣльно и зависѣло отъ произвола сузерена; но во времена Бомануара его ограничили усилія королей и духовенства, и имъ можно было пользоваться только въ случаѣ кровной обиды. Даже всякіе споры за владѣніе и по наслѣдству также продолжали разрѣшаться путемъ войны, и примѣры того между значительными вассалами встрѣчаются до самыхъ временъ Людовика IX Святого. А если и въ XIII вѣкѣ, при Людовикѣ IX Св., послѣ того, какъ Людовикъ Толстый и Филиппъ-Августъ поставили высоко монархію, частныя войны не оспаривались самими юристами, заботившимися объ одномъ упорядоченіи ихъ, то можно себѣ представить, до чего доходила анархія и злоупотребленія права частныхъ войнъ при послѣднихъ Карловингахъ и въ началѣ господства третьей династіи Капетовъ. Война одной провинціи съ другою, города съ городомъ, замка съ замкомъ, деревни съ деревней, и разбои на дорогахъ должны были разрушить въ самомъ корнѣ всякую торговлю, промышленность, всякую надежду на успѣхъ. Часто мы не знаемъ, можно ли вѣрить разсказамъ о томъ историковъ-очевидцевъ. Даже принимая въ соображеніе возможность преувеличивать, мы все же получимъ такую печальную картину общественнаго состоянія въ X вѣкѣ и въ началѣ XI вѣка, что готовы скорѣе сомнѣваться въ подлинности показаній, нежели довѣрять имъ. Рауль Глаберъ [1]), напримѣръ, приводитъ въ ужасъ своимъ разсказомъ о томъ, чтó ежедневно совершалось на его глазахъ.

Но въ ту эпоху центральная власть оставалась безъ всякой силы: король не имѣлъ даже права судить внѣ собственныхъ помѣстій, и если это право иногда признавалось за нимъ, то у него не было силы привести въ исполненіе своего приговора. Такимъ образомъ,

---

[1]) См. подробности о томъ у самого Глабера, выше, въ ст. 72, на стр. 887.

всякій феодальный баронъ, если онъ считалъ себя оскорбленнымъ, не имѣлъ другого судьи, кромѣ Бога и своего меча; и дѣйствительно, при отсутствіи публичной власти, достаточно сильной, чтобы творить судъ и расправу, казалось вполнѣ позволительнымъ силу отражать силою и наказывать хищниковъ и убійцъ. Но какое благоденствіе могло родиться среди такой анархіи! При первыхъ короляхъ третьей династіи, безпорядки дошли до крайнихъ предѣловъ. Полтора вѣка, отъ конца X до половины XII, въ теченіи долгаго правленія Роберта, Гейнриха I и Филиппа I, короли не имѣли никакого вліянія внѣ своихъ помѣстій и не могли противодѣйствовать бичу частныхъ войнъ. Одна церковь пыталась положить имъ предѣлъ. Но какъ она могла достигнуть такой цѣли?

Въ исторіи того времени совершилось великое явленіе, на которое не довольно обращаютъ вниманіе; наши историки, даже самые новые, посвящаютъ ему едва нѣсколько страницъ, а между тѣмъ это явленіе служило единственнымъ отпоромъ тому злу, которое ужаснымъ образомъ бичевало тогдашнее общество. Оно называлось *Божій-миръ* и *Божій договоръ* (Pax Dei и Treuga Dei [1]); la paix et treve de Dieu). Это учрежденіе научило народы соединяться вмѣстѣ для сопротивленія угнетеніямъ, для покровительства торговлѣ, имуществу, промысламъ, для охраненія правъ и обычныхъ постановленій, и потому въ немъ надобно искать первоначальный источникъ того поразительнаго благосостоянія, котораго, напримѣръ, достигла Франція во времена Филиппа-Августа и Людовика IX, и тѣхъ чудесъ, которымъ мы изумляемся въ XIII вѣкѣ, именно потому, что не достаточно понимаемъ ихъ причину.

Церковь одна въ X вѣкѣ сознавала глубину общественныхъ бѣдствій и желала облегчить ихъ, но не имѣя возможности обратиться къ королямъ, она сначала искала опоры въ самой себѣ, и дѣйствовала путемъ проповѣдей и соборовъ, а потомъ прибѣгла къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ, именно сдѣлала воззваніе къ самому народу, вызвала въ немъ вооруженную ассоціацію, чтобы наблюдать за исполненіемъ законовъ, и въ виду безсилія публичной власти поддерживала сама общественную тишину и спокойствіе. Большая часть историковъ хотятъ видѣть начало Божьяго-Мира въ 1031 или даже 1041 году; но надобно возвратиться къ X вѣку, и именно къ 988 г., чтобъ встрѣтить первыя къ нему попытки. Церковь начала съ покровительства самой себѣ и вооружилась анаѳемою. Такъ какъ разбои и грабежи церквей происходили особенно часто въ Поату, то въ 989 г., въ монастырѣ Шарру (Charroux) [2]) созванъ былъ соборъ, на которомъ въ первый разъ были преданы анаѳемѣ хищники церковнаго имущества и всѣ тѣ, которые нападутъ на безоружныхъ клериковъ:

---

[1]) *Treuga*, *Trevia*, *Treva*—отъ древ. саксон. *Trewa*, откуда новѣйшее *treu*, вѣрный. Въ средніе вѣка давали имъ такое опредѣленіе: *Treuga*, securitas praestita rebus et personis, discordia nondum finita. *Pax* vero est finis discordiae, vel plena discordiarum sedatio. Потому *treuga* означаетъ собственно *перемиріе*.

[2]) Въ Поату.

„Дано сіе съ утвержденія власти нашихъ предшественниковъ, во имя Господа и Іисуса Христа нашего Спасителя, въ іюльскія календы, мною, Гомбодомъ, архіепископомъ Второй-Аквитаніи, совокупно съ епископами провинціи, прибывшими ко мнѣ въ Шарру, и въ присутствіи клериковъ, монаховъ и *христіанъ обоего пола*“. Такъ начиналось соборное постановленіе; особенно замѣчателенъ второй его канонъ: „Анаѳема тому, кто грабитъ имущество бѣдныхъ: если кто завладѣетъ овцой, быкомъ, осломъ, коровой, козломъ, поросенкомъ земледѣльца или другого бѣднаго, безъ всякой вины съ его стороны, и если не вознаградитъ за убытокъ, то да будетъ проклятъ“.

Это дѣло, разъ начатое церковью, было преслѣдуемо ею съ настойчивостью. Въ 990 г. созванъ былъ новый соборъ въ Нарбоннѣ, разразившійся противъ бароновъ, которые грабили церковное имущество и не давали пощады никому. Но всѣ эти первыя попытки сопротивленія варварству и неограниченному произволу феодаловъ имѣли сомнительный успѣхъ и привели къ ничтожному результату: но когда народы поражены были болѣзнями и голодомъ, религія получила больше вліянія, и голосъ церкви заставилъ себя уважать. Уже въ концѣ X вѣка начинаютъ встрѣчаться документы болѣе значительные и говорящіе ясно о цѣли, которую себѣ поставила церковь, и о энергическихъ мѣрахъ, къ которымъ она рѣшилась прибѣгнуть.......

Но во всякомъ случаѣ, до начала XI вѣка, церковь ограничивалась тѣмъ, что проповѣдывала евангельскій миръ вообще на землѣ для всѣхъ и каждаго, какъ идеалъ, къ которому должно стремиться человѣчество. Съ того же времени, не опуская изъ виду своей прежней высокой цѣли, она рѣшилась на первый разъ избрать себѣ цѣль болѣе практическую и болѣе удобостижимую, а именно, она, предоставляя послѣдующимъ вѣкамъ установить *миръ* (pax), взяла на себя дать по крайней мѣрѣ немедленное *перемиріе* во имя Бога, получившее особое названіе *Treuga Dei*. Вотъ, въ чемъ состоитъ различіе между первымъ и вторымъ: церкви, клерики, монахи, монахини, кладбища, монастыри, дѣти, странники, женщины, земледѣльцы и ихъ орудія пользовались, по соборнымъ постановленіямъ, вѣчнымъ *миромъ*; но *treuga* было нѣчто другое: церковь не могла запретить частную войну безусловно для феодаловъ, потому что она составляла въ то время необходимость и вмѣстѣ ихъ право, но она старалась по крайней мѣрѣ ограничить продолжительность этихъ войнъ извѣстнымъ срокомъ. Церковь, облекаясь въ роль законодателя хаотическаго общества, оставалась вѣрною положительному и практическому духу врача, который щадитъ своего больнаго.

Первое постановленіе, извѣстное подъ именемъ Treuga Dei, было сдѣлано на синодѣ въ епархіи Эльна, около Тюлюжа, въ области Руссильонъ, 16 мая 1027 г. Такъ какъ древнія постановленія о мирѣ были забыты, то было опредѣлено, чтобы на всемъ пространствѣ графства Руссильона никто не смѣлъ нападать на своего непріятеля, начиная отъ девятаго часа (т.-е. 3 часовъ по-полудни) субботы до перваго часа (т.-е. 6 ч. утра) понедѣльника, для оказанія подобающей чести воскресенью; чтобы никто никакимъ образомъ не нападалъ

на монаха, безоружнаго клерика, человѣка идущаго въ церковь или возвращающагося, или сопровождающаго женщинъ; чтобы никто не нападалъ на церкви, ни на дома въ ихъ окрестности на 30 шаговъ; нарушители будутъ поражены проклятіемъ. Ивонъ, епископъ шартрскій, жившій въ концѣ этого вѣка, объясняетъ намъ, какъ составлялся подобный миръ и каковъ былъ характеръ этого союза или братства мира: „Божій миръ установлялся не общимъ закономъ, но былъ отдѣльнымъ договоромъ для каждаго города, утвержденнымъ со стороны епископа и церкви; приговоры о нарушеніи мира должны быть различны, смотря по условіямъ и опредѣленіямъ, которыя установила церковь съ согласія своихъ прихожанъ". Такимъ образомъ, народъ, всѣ прихожане, подъ покровительствомъ церкви, соглашаются на законъ и клянутся сами исполнять его и принудить другихъ къ тому же. Иногда подобный договоръ дѣлался письменно и носилъ на себѣ подписи; но очень часто ограничивались словеснымъ согласіемъ......

Изъ подобныхъ договоровъ самый обстоятельный и важный былъ тотъ, который заключили въ Лиможѣ, 15 ноября 1031 года, подъ предсѣдательствомъ архіепископа Іордана. На соборѣ разсуждали о различныхъ предметахъ: должно ли, наприм., относить св. Марціала къ числу апостоловъ? По разрѣшеніи этого недоумѣнія и по осужденіи ереси эбіонитовъ, предметомъ совѣщаній были мѣры къ охраненію церквей, поддержанію мира и прекращенію частныхъ войнъ. Когда засѣданіе кончилось, всѣ отправились въ церковь, и послѣ чтенія Евангелія, архіепископъ Іорданъ сталъ на верхнюю ступень алтаря, повернулся къ народу и сказалъ ему проповѣдь на текстъ: „Сынъ человѣческій пришелъ взыскать и спасти погибшихъ". Приводя въ примѣръ Закхея, возвратившаго взятое вчетверо, онъ пригласилъ всѣхъ захватившихъ церковное имущество и угнетавшихъ бѣдный народъ, послѣдовать тому святому примѣру, и заключилъ такъ:

„Друзья мои, для ниспосланія вамъ мира собрались сюда пастыри сосѣднихъ церквей, наши братья епископы; они хотятъ помочь мнѣ спасти васъ и даровать спокойствіе, по примѣру Господа нашего Іисуса Христа, который пришелъ взыскать и спасти погибшихъ. Вмѣстѣ съ ними я напоминаю вамъ одно, и прошу васъ на будущее время не остаться глухими къ нашему призыву; пусть никто не извиняется тѣмъ, что онъ не участвовалъ въ этомъ собраніи, и чтобы завтра или въ теченіи трехъ дней, всѣ князья и сеньоры народовъ провинціи Лиможа соединились около насъ въ одинъ миръ, и да не отлучится никто отъ нашего единенія, если не получитъ на то отъ насъ разрѣшенія.

„Да не дерзнетъ никто, мстя за свою обиду, вредить кому нибудь изъ участвующихъ на этомъ соборѣ; пусть его имущество и домъ остаются неприкосновенными, пока онъ засѣдаетъ съ нами или возвращается домой, и въ теченіе 7 дней по возвращеніи. Никакое возмущеніе не должно происходить въ городѣ или внѣ его, и никто не долженъ заниматься грабежемъ; запрещено вступать въ войну, какъ то дѣлается обыкновенно, и даже по поводу, признаваемому законнымъ; нельзя налагать податей несправедливо; и всякій долженъ

искать здѣсь мира, если только Господь захочетъ намъ его дать, потому что наше собраніе есть собраніе божеское для установленія мира и утѣшенія святой церкви божіей.

„Кто соблюдаетъ все сіе, мы даемъ ему какъ сыну мира, т.-е. Бога, во имя Господа нашего Іисуса Христа и его апостоловъ, отпущеніе грѣховъ и благословеніе вѣчное..... Тѣ же напротивъ, которые не примутъ мира, и которые вмѣсто Бога слѣдуютъ за дьяволомъ, подвергнутся осужденію, какъ то будетъ провозглашено. Нашъ же миръ останется при насъ, какъ сказалъ Господь въ Евангеліи: Если онъ сынъ мира, то вашъ миръ возляжетъ на немъ, если же нѣтъ, онъ возвратится къ вамъ“.

Тогда по приказанію епископовъ, дьяконъ, читавшій Евангеліе, громогласно провозгласилъ предъ народомъ слѣдующее проклятіе:

„Властью Бога, Всемогущаго Отца, Сына и св. Духа, Богоматери Дѣвы Маріи, св. Петра, отца апостоловъ, блаженнаго Марціала и другихъ апостоловъ и всѣхъ святыхъ: Мы, епископы, соединенные именемъ Бога (слѣдуютъ имена 10 епископовъ) отлучаемъ рыцарей этого Лиможскаго епископства, которые не захотѣли или не захотятъ обѣщать правды и мира ихъ епископу, какъ онъ того требовалъ. Прокляты они и ихъ соучастники во злѣ, проклято ихъ оружіе, проклято ихъ вооруженіе; да пребудутъ они вмѣстѣ съ Каиномъ братоубійцею, Іудою измѣнникомъ, Даѳаномъ и Авирономъ, ниспавшимъ за-живо въ адъ, и какъ эти свѣточи погаснутъ въ вашихъ глазахъ, такъ да погаснетъ ихъ радость предъ лицемъ св. ангеловъ, если только передъ смертью они не явятся къ своему епископу для удовлетворенія правосудія и не принесутъ покаянія“.

Въ этотъ самый моментъ всѣ епископы и священники, державшіе въ своихъ рукахъ зажженныя свѣчи, опрокинули ихъ и бросили на землю. Народъ предавался великой радости и громкими криками повторялъ: „Да угаситъ Богъ такъ радость тѣхъ, которые не примутъ ни мира ни правды“. Хотя церковь давала этому народу, раздавленному подъ тяжестью бѣдствій и страданій, однѣ такія короткія минуты восторга и слабую надежду мира и правосудія, но благодѣяніе было велико. Великолѣпная обстановка богослуженія, мрачная церемонія живо поражали воображеніе и оставляли глубокіе слѣды. Въ толпѣ изъ устъ въ уста переходили ужасающіе разсказы; епископъ Кагора разсказалъ самъ, какъ недавно послѣ собора въ Буржѣ (за двѣ недѣли предъ Лиможскимъ) отлученный баронъ въ его діоцезѣ былъ убитъ. Не смотря на просьбы его друзей, епископъ отказалъ тѣлу въ христіанскомъ погребеніи, чтобы внушить страхъ другимъ на будущее время; но его похоронили друзья близь церкви св. Петра, безъ дозволенія духовенства. Утромъ нашли трупъ вдалекѣ отъ кладбища голый и лицемъ къ землѣ, а платье осталось въ могилѣ. Люди его снова похоронили и завалили землей и камнями. На слѣдующій день они увидѣли снова трупъ выброшеннымъ далеко, а могила осталась нетронутою. Пять разъ повторялось это чудо, и наконецъ страхъ принудилъ похоронить убитаго внѣ кладбища. Къ этому прибавлено было, что бароны, пораженные страхомъ, не осмѣливались болѣе нарушать мира.

За этимъ разсказомъ епископа Кагорскаго, выступилъ аббатъ Одельрикъ:

„Надобно позаботиться, мои дорогіе друзья, объ уврачеваніи тѣхъ золъ, которыя насъ окружаютъ отвсюду. Если бароны Лиможа не вступятъ въ *миръ*, опредѣленный нами, какъ мы должны тогда дѣйствовать? Наложите въ такомъ случаѣ отлученіе на всю землю Лиможа и отказывайте въ погребеніи каждому, и клерику, и бѣдному, и страннику, и ребенку. Обѣдня пусть служится въ тайнѣ; только одно крещеніе позволить; въ третьемъ часу дня (9 ч. утра) пусть колокола звонятъ во всѣхъ церквахъ, и всякій распростершись долженъ молиться повсюду о возстановленіи мира и облегченіи нашихъ бѣдствій. Умирающимъ дозволить напутствіе, но крестъ и украшенія должны быть покрыты въ знакъ траура...... Браки не должны праздноваться; никто не смѣетъ касаться мяса, и на всѣхъ налагается воздержаніе, какъ въ посту; всѣ должны отпустить волоса и бороду“...

Соборъ одобрилъ предложеніе аббата и осудилъ тѣхъ епископовъ, которые по своей слабости не хотѣли привести въ исполненіе опредѣленій собора........ Но не должно думать, что глубокая вѣра того времени совершенно обезпечивала власть церкви: тѣ духовныя наказанія, анаѳема и отлученіе были часто безсильны противъ нарушителей мира. Потому ассоціаціи, составленныя для поддержанія мира, поняли необходимость для себя сложиться болѣе прочно и искать иныхъ опоръ, кромѣ проповѣди и клятвъ. Сами бароны поступали тогда на жалованье къ союзамъ такого мира, чтобы приводить въ исполненіе опредѣленія собора, а для вознагражденія ихъ были наложены подати, собираемыя епископами и феодальными сеньорами подъ именемъ pagiagium или paxiagium (отъ pax, миръ)....

Эти мировыя учрежденія быстро распространялись даже и внѣ предѣловъ Франціи. Такъ, Канутъ, король Англіи, въ первой половинѣ XI вѣка, обнародовалъ свои опредѣленія „о мирѣ божескомъ, королевскомъ и церковномъ“.... Но при всемъ томъ до половины XI вѣка, тѣ постановленія мира, какъ они ни были важны, повидимому, не достигали вполнѣ цѣлей, которыя предполагались ихъ составителями. Тѣмъ не менѣе они дали первый толчекъ и призвали населеніе къ дѣятельности: миръ, спокойствіе и тишина въ городѣ и деревнѣ сдѣлались потребностью народовъ. Впрочемъ, такъ дѣйствуютъ во всѣ эпохи зарождающіяся идеи новаго порядка вещей. Сначала онѣ увлекаютъ за собою одни лучшіе умы, потомъ мало по малу проникаютъ въ массы, и наконецъ претворяются въ фактъ и становятся закономъ общественной жизни. Такъ это и случилось въ половинѣ XI вѣка, когда новое учрежденіе проникло въ самыя массы населенія, и *Божій-Миръ* сдѣлался предметомъ не мѣстныхъ собраній гражданъ и провинціальныхъ епископовъ, но вселенскихъ соборовъ, и охватилъ собою весь западный христіанскій міръ. Таковъ былъ Божій-Миръ, провозглашенный на Клермонтскомъ соборѣ 1096 г., наканунѣ отбытія пилигримовъ въ первый крестовой походъ (см. ниже, ст. 74, IV).

Семишонъ.

La Paix et la Trêve de Dieu, etc. Par. 1857, стр. 1—48.

Семишонъ (Ern. Semichon) ученый юристъ и историкъ, составившій себѣ извѣстность своимъ трудомъ: Lapaix et la trêve de Dieu. Авторъ изслѣдовалъ въ первый разъ такъ всесторонне вопросъ о Божьемъ-Мирѣ, и показалъ ясно тѣсную его связь съ происхожденіемъ коммюнъ XII и XIII вѣка, для которыхъ Божій-Миръ послужилъ началомъ и первообразомъ.

74.—Первыя постановленія Божьяго-Мира въ XI столѣтіи.

I. Декретъ о Божьемъ-Мирѣ Тюлюжскаго [1]) собора въ 1041 г.

§ 1. Этотъ миръ былъ установленъ епископами, аббатами, графами, виконтами и другими благородными лицами, боящимися Бога, въ нашемъ епископствѣ, съ тѣмъ, чтобы на будущее время, начиная съ сего дня, никто не дерзалъ вторгаться силою въ церковь, ни въ ея ограду, пользующуюся одинаковыми привилегіями, ни на кладбище, ни въ зданія, которыя построены или построятся около церквей на разстояніи 30 церковныхъ шаговъ.

§ 2. Мы не относимъ сюда церквей, которыя укрѣплены или укрѣпятся на подобіе зáмковъ, ни тѣ церкви, въ которыя грабители и воры сложатъ добычу своего хищничества или воспользуются ими для своего убѣжища; впрочемъ, мы повелѣваемъ, чтобы и такія церкви оставались въ охранности, пока не будетъ подана жалоба епископу или капитулу. Когда же епископъ или капитулъ потребуетъ къ себѣ грабителей, и они не явятся на его судъ, въ такомъ случаѣ, по опредѣленію епископа и капитула, грабители и все ихъ имущество лишаются права церковнаго убѣжища. Тотъ, кто вторгнется въ церковь или мѣсто, окружающее ее на 30 шагахъ, и причинитъ кому нибудь зло, за исключеніемъ вышеупомянутыхъ грабителей, заплатитъ пеню за святотатство и вдвое истцу.

§ 3. Опредѣлено также, чтобы никто не дерзалъ нападать на невооруженныхъ клериковъ, монаховъ и монахинь, причинять имъ зло, грабить общины канониковъ, монаховъ и монахинь, церковныя земли, находящіяся подъ покровительствомъ церкви, и клериковъ, не имѣющихъ при себѣ оружія: если кто нибудь преступитъ запрещеніе, то заплатитъ двойную пеню.

§ 4. Епископы издали также повелѣніе, запрещающее отнимать кобылицъ и жеребятъ моложе 6 мѣсяцевъ, быковъ, коровъ, ословъ, барановъ, овецъ, козъ, козловъ и ихъ малолѣтнихъ.

---

[1]) *Tuluges*, городъ въ графствѣ Руссильонѣ, въ 3 мил. отъ Перпиньяна.—На Тюлюжскомъ соборѣ въ первый разъ положенія Божьяго-Мира были развиты подробнѣе и послужили образцомъ для послѣдующихъ соборовъ.

§ 5. Никто не смѣетъ сожигать или разрушать жилища крестьянъ или клериковъ, ихъ голубятни и сушильни. Никто не смѣетъ умерщвлять, бить, увѣчить крестьянина, раба и его жену, ни брать ихъ и уводить, если они не сдѣлали преступленія, но и въ этомъ случаѣ они должны быть представляемы на судъ, къ чему прежде всего должны ихъ пригласить добровольно. Одежда крестьянина не можетъ быть отнимаема; никто не смѣетъ сожигать ихъ плуги, лопаты и оливковыя рощи.

§ 6. Было постановлено, чтобы никто не овладѣвалъ чужими вещами для удержанія ихъ въ залогѣ или другого какого нибудь дѣла. Кто же нарушитъ миръ и въ теченіе двухъ недѣль не заплатитъ двойной пени тому, кому нанесъ вредъ, внесетъ по истеченіи того срока двойную пеню, которая будетъ принадлежать епископу и графу, завѣдующему правосудіемъ.

§ 7. Епископы наистрожайше постановили, чтобы Божій-Миръ, къ которому обязаны всѣ христіане, соблюдался отъ заката солнца четвертаго дня, т.-е. среды, до восхода солнца второго дня, т.-е. понедѣльника. Такой же миръ предписанъ отъ перваго дня *адвента* (adventus, l'Avent, послѣдніе дни предъ Новымъ-годомъ) до восьмого дня послѣ Богоявленія, когда празднуется день св. Гиларія. Тоже самое отъ понедѣльника, предшествующаго великому посту, до перваго понедѣльника послѣ св. недѣли, въ канунъ и праздникъ обрѣтенія и воздвиженія Креста, въ кануны и три праздника св. Маріи, въ кануны и праздники всѣхъ апостоловъ, въ канунъ и праздникъ св. Лаврентія; туда же были отнесены кануны и праздники св. Павла Нарбонскаго, св. Іоанна Крестителя, святыхъ апостоловъ, св. Михаила архангела, кануны и праздники всѣхъ святыхъ, также дни „Четырехъ временъ года“ [1]). Къ этому они присоединили предшествующія ночи отъ заката солнца и ночи послѣдующія до солнечнаго восхода. Если кто нибудь во время, назначенное для Божьяго-Мира, причинитъ кому нибудь зло, то платитъ двойную пеню и подвергнется суду „холодной-воды“ (per judicium aquae frigidae) [2]). Если во время Божьяго-Мира кто нибудь убьетъ человѣка, то опредѣлено съ согласія всѣхъ христіанъ, что за намѣренное убійство онъ будетъ изгнанъ на всю жизнь; если убійство случайно, то на время, опредѣленное епископами и капитуломъ. Если кто нибудь въ періодъ мира сдѣлаетъ или заставитъ сдѣлать засаду, чтобы овладѣть

---

[1]) Въ католической церкви les Quatre-Temps называются тѣ четыре дня, въ которые назначено поститься въ каждое изъ четырехъ временъ года.

[2]) Осужденные на испытаніе холодною водою выслушивали сначала обѣдню въ присутствіи друзей и родныхъ. Во время причастія, священникъ убѣждалъ ихъ не приступать къ таинству, если они чувствуютъ себя виноватыми или знаютъ виноватыхъ. По причащеніи имъ давали пить освященную воду, затѣмъ раздѣвали и послѣ приложенія къ евангелію и кресту кропили св. водой; наконецъ, связавъ правую руку съ лѣвою ногой, бросали въ рѣку или въ прудъ въ присутствіи всего народа. Того, кто шелъ прямо на дно, что естественнѣе, считали невиннымъ; если же кто выплывалъ, то говорили, что его не принимаетъ вода, и объявляли виновнымъ.

человѣкомъ или его за́мкомъ, то онъ заплатитъ пеню епископу или капитулу, какъ будто бы онъ совершилъ замыселъ.

Они запретили также, чтобы во время мира, то есть адвента и великаго поста, никто не строилъ за́мка или другого укрѣпленія, если только онъ не началъ ихъ за двѣ недѣли до эпохи мира. Они повелѣли, чтобы разбирательства и тяжбы по дѣлу мира происходили во всякое время предъ епископомъ и капитуломъ, также и по дѣлу охраненія церквей, о чемъ было сказано выше. А тѣ, противу которыхъ епископъ и капитулъ произнесли приговоры для приведенія ихъ къ миру, также поручители и залогодатели, если они обнаружатъ чувство злобы на епископа или капитулъ, будутъ отлучены епископомъ и капитуломъ вмѣстѣ съ своими укрывателями и единомышленниками, какъ нарушители мира господня, и они сами, равно какъ и ихъ имущества, исключались изъ Божьяго-Мира.

II. Посланіе о Божьемъ-Мирѣ св. Ивона, въ 1041 г.

Ивонъ, милостью божіей служитель церкви въ Шартрѣ, всѣмъ вѣрнымъ своего діоцеза привѣтъ!

О мирѣ.

Знайте, мои дражайшіе братья, если вы вѣрите въ достиженіе небеснаго Іерусалима, что для достиженія такого дара верховнаго владыки, вы должны хранить миръ, удаляя отъ васъ далеко бичъ раздора. Христосъ, вступая въ миръ, открылъ ему ученіе мира, при пѣснопѣніи ангеловъ: „Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ, къ человѣкамъ благоволеніе!“. Христосъ, готовый оставить миръ и возвратиться на небо, совѣтовалъ тоже ученикамъ, говоря имъ: „Я даю вамъ мой миръ, я оставляю вамъ мой миръ“. Апостолъ повелѣваетъ сохранять его: „Сохраните со всѣми святость и миръ, безъ чего никто не узритъ Бога“. Пришествіе Христа имѣло цѣлью не только примирить небо съ землею, но и установить миръ на землѣ, чтобы люди содѣлались единымъ тѣломъ во Христѣ въ единеніи вѣры. Какъ можетъ быть полезно сошествіе Христа для того, кто остается внѣ мира? Вы сами исповѣдали миръ, когда ставъ предъ лицемъ Господа, виновника и друга всякаго мира, отказались у купели крещенія отъ дьявола, виновника и друга всякаго раздора, и отъ всѣхъ его дѣлъ. Итакъ, братія, если вы не хотите нарушить своихъ обязательствъ, то вы должны сохранять миръ, такъ-какъ вы клялись предъ царемъ небеснымъ, и Онъ раздастъ вамъ за то вѣчною наградой. Знайте, братія, что нѣтъ раздоровъ въ царствѣ небесномъ. Эти раздоры пришли къ намъ отъ виновника зла; христіанское государство должно сохранять вѣчный миръ, удалять всякую злую мысль, воздерживаться отъ всякаго дурного поступка. Посмотрите, какъ вы далеки отъ такого совершенства, проводя дни, назначенные

для спасенія и добрыхъ дѣлъ, въ томъ, чтобы наносить и совершать дѣла, достойныя осужденія.

Скажите, братія, если кто нибудь изъ васъ употреблялъ бы свою жизнь на то, чтобы увѣчить свое тѣло желѣзомъ, огнемъ и подвергать всякимъ мученіямъ, а потомъ прекратилъ бы такія жестокости на четыре дня, то какъ вы думаете, не связали-ли бы его друзья, и какъ умопомѣшаннаго не отвели-ли бы къ врачу? Не должно-ли еще болѣе связывать святыми правилами религіи того, кто является убійцею своей души? Но всякій возрастъ склоненъ ко злу, и извращенность людей заставляетъ ихъ предпочитать злодѣевъ друзьямъ мира, а потому, подобно сумасшедшимъ, они обращаются противъ врачей. Вслѣдствіе такой причины мы хотимъ снизойти къ вашей слабости, разсчитывая на лучшее поведеніе съ вашей стороны, когда вы будете болѣе способны къ спасенію; мы закрываемъ глаза на ваше нечестіе, и въ этомъ потокѣ несправедливостей не имѣя возможности исцѣлить васъ совершенно, мы предпочитаемъ видѣть васъ лучше изнуренными и израненными, нежели полумертвыми.

Мы умоляемъ и просимъ васъ, властью Господа нашего Іисуса Христа, кого мы считаемся представителями, хотя и недостойными, мы повелѣваемъ вамъ подумать о своемъ спасеніи и сохранить миръ по крайней мѣрѣ въ теченіи четырехъ дней, когда нашъ Господь и Спаситель учредилъ таинство нашего искупленія, и пусть ваши сердца, ваши руки и вашъ языкъ воздержатся отъ всякаго оскорбленія друзей и даже враговъ.

Кто повинуется предписаніямъ христіанской религіи, тотъ знаетъ, что въ пятый день (четвергъ) Господь Іисусъ совершилъ послѣднюю вечерю съ своими учениками, что на этой вечери онъ далъ имъ свое тѣло и кровь въ знакъ примиренія и исцѣленія насъ отъ золъ, и повелѣлъ совершать такую вечерь въ память о немъ. Вечерь кончилась; онъ омылъ ученикамъ ноги въ знакъ покаянія и отпущенія грѣховъ; этимъ обрядомъ онъ показалъ, что сердца людей, даже преданныхъ религіи, замараны пылью міра сего, и что нѣтъ смертнаго, который не нуждался бы въ покаяніи и снисходительности другихъ. Въ концѣ того же дня, выданный своимъ ученикомъ, онъ былъ преданъ въ руки евреевъ; но и при этомъ онъ обнаружилъ столько кротости, что нисколько не сопротивлялся и исцѣлилъ ухо служителю первосвященника. Точно также въ концѣ пятаго дня, окончивъ свою земную жизнь, Онъ преславно вознесся на небо въ виду своихъ учениковъ. Онъ молитъ за насъ предъ Отцемъ, чтобы смиренное стадо послѣдовало за славою своего божественнаго пастыря. Что хотѣлъ сказать всѣми этими дѣяніями нашъ Учитель? Въ чемъ Онъ не подалъ намъ примѣра мирной жизни? Потому надобно въ этотъ день, когда предложено было такое исцѣленіе христіанамъ, чтобы никто не ранилъ себя, нанося рану брату, чтобы никто не осудилъ себя на вѣчную смерть, лишая жизни брата, и чтобы Іисусъ не погибъ въ его сердцѣ.

Въ шестой день (пятница), первый Адамъ былъ сотворенъ изъ праха земли, и второй Адамъ, пріидя искупить родъ человѣческій, воплотился въ утробѣ Дѣвы. Въ этотъ же день произошли страсти

Христа, и падшій человѣкъ кровью Іисуса воспринялъ на себя образъ божій. Въ такой день, когда на землю былъ ниспосланъ миръ, всякій человѣкъ обязанъ заботиться о мирѣ, чтобы не впасть въ руки смерти, которую принесъ злой духъ.

Въ седьмой день (суббота), Богъ опочилъ отъ дѣлъ своихъ; тѣмъ самымъ св. Духъ поучаетъ насъ, что мы должны воздерживаться отъ всякаго дурного поступка и ожидать того дня, когда должно избѣгать тяжелыхъ работъ. А любить Бога и воспѣвать ему хвалу не можетъ быть названо тяжелою работой. Въ знакъ того же покоя, въ этотъ день тѣло Іисуса опочило въ гробницѣ, а духъ его, поправъ адъ, одержалъ побѣду надъ древнимъ враговъ. Христіанинъ, искупленный кровью Христа, не будь неблагодарнымъ къ Іисусу, твоему благотворителю! въ этотъ день спасенія не призывай ада, похищая имущество ближняго и преслѣдуя Того, кто не только не похищалъ чужого, но и своимъ пожертвовалъ за тебя.

Въ восьмой день и вмѣстѣ первый (воскресенье), несомнѣнно для всякаго христіанина Богъ воскресъ и своимъ воскресеніемъ прообразилъ наше воскрешеніе, когда избраннымъ будетъ данъ вѣчный миръ, и плоть не будетъ бороться съ духомъ, ни духъ съ плотью.

Вслѣдствіе этихъ причинъ и другихъ, которыя я не могу привести по краткости своего посланія, наши отцы опредѣлили, чтобы миръ сохранялся особенно въ эти дни, и нарушителей приговорили къ тяжкимъ наказаніямъ, смотря по качествамъ лица и тяжести проступка. Слѣдуя по ихъ стопамъ, мы повелѣваемъ прося, и просимъ повелѣвая, чтобы вы сохранили миръ, учрежденія котораго мы послали вамъ письменно, и сохраненіе его обѣщайте намъ съ клятвою надъ святыми мощами. Это будетъ спасительно для вашихъ земныхъ благъ и для пріобрѣтенія благъ небесныхъ. Повинующимся миръ и благодать именемъ Бога, тѣмъ же, которые не послушаются нами постановленнаго, анаѳема, *marathanata*!

Будьте здравы!

III. Посланіе о Божьемъ-Мирѣ св. Одилона, въ 1042 г.

Всѣмъ архіепископамъ, епископамъ, священникамъ и клерикамъ, обитающимъ въ Италіи:

Милость и Божій миръ, и Отецъ всемогущій, который есть, былъ и будетъ, да пребудутъ съ вами!

Мы васъ просимъ, мы молимъ васъ, которые боитесь Бога, искупившаго человѣка своею кровью, позаботьтесь о спасеніи души и тѣла, послѣдуйте примѣру божію и сохраните миръ среди васъ, чтобы тѣмъ заслужить миръ вѣчный. Мы посылаемъ вамъ Божій миръ, полученный нами свыше милосердіемъ божіимъ, котораго мы держимся крѣпко, и который былъ постановленъ слѣдующимъ порядкомъ: отъ середы вечера, между всѣми христіанами, друзьями и врагами, близкими и дальними, миръ долженъ царствовать до восхода

солнца въ понедѣльникъ, и въ теченіе этихъ четырехъ дней и ночей должна господствовать полная безопасность; каждый можетъ предаться своимъ дѣламъ, безъ малѣйшаго страха враговъ, подъ покровомъ того Божьяго мира; и всѣ, которые соблюдутъ его, будутъ отпущены Богомъ, Отцомъ всемогущимъ, Іисусомъ Христомъ, его Сыномъ, и св. Духомъ, св. Дѣвою и хоромъ Дѣвъ, св. Михаиломъ и хоромъ ангеловъ, св. Петромъ, княземъ апостоловъ, вмѣстѣ со всѣми святыми и всѣми вѣрными, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Тѣ же, которые признали Божій-Миръ и намѣренно нарушили его, будутъ осуждены Богомъ, Отцомъ всемогущимъ, Сыномъ Іисусомъ Христомъ, Св. Духомъ и всѣми святыми; да будутъ они прокляты на вѣки, осуждены, какъ Даѳанъ и Авиронъ, какъ Іуда, предавшій Господа, повергнуты во глубину тартара, какъ Фараонъ среди моря, если не принесутъ покаянія по постановленію. Если кто нибудь въ тѣ дни, которые назначены для Божьяго-Мира, совершитъ человѣкоубійство, то да будетъ изгнанъ изъ своего отечества и отправится въ Іерусалимъ, гдѣ подвергнется продолжительной ссылкѣ. Если кто нибудь нарушитъ миръ другимъ какимъ образомъ, то по приговору свѣтскихъ законовъ пусть заплатитъ простую пеню, а по святымъ законамъ двойную; ибо мы полагали у себя, что нарушеніе подобнаго обѣта влечетъ за собою двойное наказаніе и мірскою властью, и властью церковной. Мы думаемъ, что наши опредѣленія внушены намъ свыше, потому что ничего не было добраго на землѣ, когда Богъ открылъ своему народу это цѣлительное средство. Мы обѣщали Богу и мы ему посвятили четыре дня: пятый день недѣли въ честь Вознесенія; шестой въ честь страстей; субботу въ честь погребенія, и воскресный для празднованія св. Воскресенія; въ этотъ день запрещаются полевыя работы и нападенія на непріятеля. По власти, ниспосланной намъ Богомъ и дарованной чрезъ апостоловъ, мы благословляемъ и разрѣшаемъ всѣхъ тѣхъ, которые возлюбятъ Божій-Миръ; тѣхъ же, которые ему противятся, отлучаемъ, проклинаемъ и извергаемъ изъ нѣдръ церкви. Тѣ, которые накажутъ нарушителей закона и Божьяго-Мира, не будутъ обвинены, но получатъ благословеніе, какъ друзья божескаго дѣла. Если вещь, похищенная во время тѣхъ дней, когда дозволена война, будетъ перевозиться въ дни, назначенные для Божьяго-Мира, то нельзя пользоваться этимъ обстоятельствомъ для насильственнаго возвращенія ея. Сверхъ того, мы просимъ васъ, братія, чтобы вы торжествовали Божій-Миръ во имя св. Троицы, когда бы ни былъ онъ учрежденъ; чтобы вы изгнали изъ страны всякихъ грабителей, и предали ихъ проклятію и отлученію во имя вышепоименованныхъ святыхъ; чтобы вы принесли Богу десятину и первые плоды своихъ работъ; чтобы вы дали часть вашего имущества церквамъ для спасенія душъ живущихъ и умершихъ, и дабы Богъ избавилъ васъ отъ печалей въ здѣшней жизни и по смерти ввелъ въ царство небесное ко Господу, который живетъ и правитъ во вся вѣки вмѣстѣ съ Богомъ Отцомъ и Св. Духомъ.

IV Декретъ о Божьемъ-Мирѣ Клермонтскаго собора, 1096 г. [1]).

§ 1. Сначала было постановлено, чтобы Божій-Миръ соблюдался отъ заката солнца, въ среду, до восхода, въ понедѣльникъ, и кто въ этотъ промежутокъ времени овладѣетъ имуществомъ, или полонитъ человѣка, или сдѣлаетъ что нибудь подобное, тотъ долженъ все возвратить. Если кто сдѣлаетъ набѣгъ днемъ въ среду и не успѣетъ вернуться въ свое убѣжище до заката солнца, тотъ возвратитъ все унесенное имъ.

§ 2. Всякій, кто въ тѣ дни ударитъ, ранитъ или полонитъ женщину или мужчину, будетъ считаться нарушителемъ мира, исключая случаевъ законной защиты. Если такое лицо, бывъ призвано епископомъ или его служителями, явится въ теченіе 7 дней, то оно заплатитъ только за убытокъ; если же не явится въ теченіе 7 дней, то будетъ отлучено, и затѣмъ заплатитъ, по приговору епископскаго суда, за убытокъ, а епископу внесетъ пени 100 солидовъ.

§ 3. Тотъ, кто во время Божьяго-Мира убьетъ человѣка, будетъ изгнанъ на семь лѣтъ изъ своей страны, если онъ не удовлетворитъ родственниковъ убитаго въ такой степени, чтобы они сами пришли просить епископа за него; но и послѣ того онъ заплатитъ пеню въ 30 фунтовъ, которая будетъ раздѣлена между епископомъ и графомъ, въ судебномъ округѣ котораго было совершено убійство.

§ 4. Если купцы придутъ въ какое нибудь безопасное мѣсто и останутся тамъ, то пусть они ждутъ дней Божьяго-Мира. Если кто нибудь захватитъ ихъ силою или ихъ имущество, то такой будетъ считаться нарушителемъ Божьяго-Мира.

§ 5. Церкви и кладбища находятся вполнѣ подъ покровительствомъ Божьяго-Мира; если кто нибудь въ ихъ оградѣ построитъ новое укрѣпленіе и не сроетъ его по требованію епископа, то онъ нарушитъ Божій-Миръ, и тотъ, кто разрушитъ такое укрѣпленіе, поступитъ не худо.

§ 6. Быки, ослы, коровы, рабочія лошади, бараны и ихъ малолѣтки—на всѣхъ ихъ постоянно распространяется миръ; сельскіе старосты вмѣстѣ съ ихъ домами, собиратели десятины, скотъ и люди вмѣстѣ съ жилищемъ и со всѣмъ въ немъ находящемся, принадлежатъ въ цѣлости миру. Кто ихъ захватитъ, убьетъ, сожжетъ, разрушитъ дома, унесетъ и предастъ огню вещи, въ нихъ находящіяся, тотъ нарушитъ Божій-Миръ.

§ 7. Каноники, клерики, монахи, священники, женщины съ ихъ провожатыми, и странники пользуются миромъ во всѣ дни.

§ 8. Божій-миръ продолжается безпрерывно отъ того воскресенья, когда поется *Aspiciens a longe* (т.-е,. первое воскресенье предъ адвентомъ) и до восьмого дня послѣ Богоявленія, и отъ перваго дня поста до восьмого дня Пятидесятницы. Если кто нибудь изъ баро-

---

[1]) На этомъ же соборѣ былъ опредѣленъ первый крестовый походъ.

новъ графства совершитъ дурной поступокъ противъ кого бы то ни было, и обиженный, не нападая на обидчика съ оружіемъ, обратится къ архіепископу, и если обвиненный, получивъ охранный листъ, пожелаетъ явиться ко двору архіепископа, то графъ по приговору архіепископа приметъ удовлетвореніе; въ противномъ случаѣ графъ будетъ преслѣдовать съ своимъ войскомъ обидчика и тѣмъ не нарушитъ мира; когда же онъ возвратится, всѣ обязаны снова сохранять миръ по отношенію другъ къ другу.

§ 9. Божій-Миръ обязываетъ графа и всѣхъ прочихъ (т.-е. членовъ союза Божьяго-Мира) преслѣдовать барона, нарушившаго миръ, въ случаѣ если архіепископъ извѣститъ о такомъ нарушеніи.

§ 10. Тѣмъ же миромъ постановлено, чтобы всѣ бароны и чиновники графовъ два раза въ годъ, а именно въ началѣ Поста и въ восьмой день Пятидесятницы, должны запираться въ своихъ за́мкахъ и жить тамъ безвыходно три дня.....

§ 11. Если купцы пройдутъ по землѣ, не заплативъ дорожнаго сбора, и если они могутъ присягнуть, что поступили такъ, не зная обычая, то заплатятъ 60 солидовъ, и болѣе ничего отъ нихъ требовать нельзя.

§ 12. Въ отношеніи замковъ и укрѣпленій опредѣлено, чтобы всякое такое убѣжище, изъ котораго выйдетъ нарушитель мира, обязывалось заплатить пеню за нарушенный миръ. Если какой нибудь тиранъ или другой злодѣй, не смѣя нарушить мира изъ своего за́мка, перейдетъ въ другое убѣжище и оттуда нарушитъ миръ, то онъ не можетъ быть принятъ въ своемъ за́мкѣ, прежде нежели удовлетворитъ правосудіе и исполнитъ постановленіе Божьяго-Мира. Нынѣ учреждаемый Божій-Миръ будетъ продолжаться до Пятидесятницы, и послѣ того въ теченіе трехъ лѣтъ.

§ 21. Никто изъ свѣтскихъ не долженъ дѣлать покушенія на чужое наслѣдство. Если же онъ поступитъ такъ, то ни одинъ священникъ не можетъ дать ему отпущенія.

§ 23. Никто изъ христіанъ не долженъ ѣсть мяса отъ начала поста до Пасхи.

§ 26. Воздержаніе отъ пищи въ страстную субботу продолжается до вечера.

§ 27. Весенній постъ назначается въ первую недѣлю Великаго поста, а лѣтній спустя недѣлю Пятидесятницы.

§ 29. Если кто нибудь, преслѣдуемый непріятелемъ, будетъ искать убѣжища у креста [1]), то онъ получаетъ свободу, какъ если бы онъ находился въ церкви.

§ 30. Если кто нибудь нанесъ оскорбленіе церкви и искалъ убѣжища у креста, то такой предается суду, съ условіемъ сохранить ему жизнь и не подвергать увѣчью.

---

[1]) Этотъ параграфъ Божьяго-Мира произвелъ обычай, который сохраняется въ католическихъ земляхъ и до настоящаго времени, а именно, ставить кресты по проѣзжимъ дорогамъ, какъ можно чаще.

§ 31. Анаѳема тѣмъ, которые, въ случаѣ смерти клерика, овладѣютъ его имуществомъ.

§ 32. Если кто нибудь схватитъ епископа и посадитъ его въ темницу, то онъ предается вѣчному безчестію, и на будущее время лишается права носить оружіе.

И всѣ воскликнули:—Да будетъ такъ!

Изъ постановленій о Божьемъ-Мирѣ.

Dom Martene, Thesaur. anecdot. novus. Par. 1717. IV, 121–124.

Объ историческомъ значеніи Божьяго-мира см. выше, въ ст. 73, на стр. 889.

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ТОМА.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

БІОГРАФИЧЕСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ, ПОМѢЩЕННЫХЪ ВО ВТОРОМЪ ТОМѢ.

	стр.
Аббонъ	235
Адамъ Бременскій	726
Алкуинъ	79
Ассерій	337
Астрономъ	139
Бенно	795
Боньшозъ	628
Бруно Магдеб.	767
Васэ, Робертъ	583
Видукиндъ	446
Вильгельмъ Поатье	838
Випонъ	697
Гельмольдъ	676
Гизебрехтъ, В.	554
Гизо	49, 221 и 369
Грановскій, Т. Н.	269
Дози	346 и 877
Дудо	589
Ингульфъ	852
Козьма Праж.	708
Ламбертъ Герсф.	810
Ланфре, П.	775
Лаппенбергъ	859
Ліутпрандъ	475
Лоранъ	742
Лотсальдъ	705
Маріанъ-Скотъ	797
Матвѣй Парижскій	850
Нитгардъ	183
Одилонъ Клюн.	488
Осбернъ	630
Отбертъ	756
Радульфъ Глаберъ	889
Регино	196
Рено	242
Рикеръ	620
Росвита, монахиня	462
Руотгеръ	508
Сангалленскій монахъ	109
Семишонъ	896
Семундъ-Сигфуссонъ	246
Симеонъ Дург.	836
Снорро-Стурлесонъ	258
Теганъ	153
Терульдъ	126
Тьерри Авг.	232 и 579
Титмаръ Мерзеб.	532 и 668
Эгингардъ	31
Эрмольдъ-Черный	164
Памятники:	
Капитуляріи Карла В.	50
Капитул. Карла Лысаго	197
Поэма о Нибелунгахъ	292
Статутъ Николая II	744
Изъ писемъ Гейнриха IV и Гильдебранда	792
Изъ постановленій о Божьемъ мирѣ	904

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОГО ТОМА

стр.

Изъ предисловія къ первому изданію V

ВТОРОЙ ПЕРІОДЪ:

ОТЪ КАРЛА В. ДО НАЧАЛА КРЕСТОВЫХЪ ПОХОДОВЪ

(IX, X и XI столѣтія).

Историческій очеркъ періода 3

I. Вѣкъ Карла Великаго и распаденіе его монархіи.

(IX-ое столѣтіе).

Историческій очеркъ эпохи 9
1. Жизнь Карла Великаго, императора. **Эгингардъ** 12
2. О значеніи дѣятельности Карла В. и характеръ его законадательства. **Гизо** 34
3. Извлеченіе изъ капитулярій **Карла Великаго**:
   I. Капитулярій объ императорскихъ помѣстьяхъ 50
   II. Капитулярій о церковномъ порядкѣ 58
   III. Капитулярій о занятіяхъ науками 67
   IV. Капитулярій Падерборнскій 68
4. Изъ переписки **Алкуина**:
   I. Письмо къ Карлу В. 796 г. 69
   II. Письмо къ Карлу В. 796 г. 72
   III. Письмо къ наслѣднику Карла В., Карлу Юному. 800—811 . . 75
   IV. Письмо къ Карлу В. 800 г. 76
   V. Письмо къ государю королю 77

5. Преподаванie наукъ въ Палатинской школѣ **Алкуина**:
I. Алкуинъ и Пипинъ 81
II. Алкуинъ и ученики 84
III. Алкуинъ и два ученика 86
6. Народныя легенды о Карлѣ В., ближайшія къ нему по времени. **Монахъ Санталленскій** 88
7. Извлеченie изъ поэмы: Пѣснь о Роландѣ. **Терульдъ** 110
8. Юность Людовика Благочестиваго и послѣднie годы его жизни. **Астрономъ** 126
9. Жизнь Людовика Благочестиваго. **Теганъ** 140
10. Людовикъ Благочестивый и норманны. **Эрмольдъ Черный** . . . 153
11. Междоусобія дѣтей Людовика I имп. **Графъ Нитгардъ** 165
12. Отношенія папъ къ свѣтской власти при преемникахъ Карла В.: процессъ Лотаря II. **Аббатъ Регино** 184
13. Кьерсійскій капитулярій **Карла II Лысаго** 197
14. Время Карла III Толстаго и распаденie Карловой монархіи. **Аббатъ Регино** 206
15. О внутреннемъ и внѣшнемъ распаденіи монархіи Карла В. **Гизо** . 213
16. Основанie Нормандскаго герцогства во Франціи. **Авг. Тьерри** . . 223
17. Осада парижской башни Шателе норманнами. **Монахъ Аббонъ** . 233
18. О характерѣ религіи Одина. **Рено** 236
19. Извлеченie изъ древней Эдды. **Семундъ-Сигфуссонъ** 243
20. Извлеченie изъ новой Эдды. **Снорро-Стурлесонъ** 247
21. Пѣсни Эдды о Нифлунгахъ. **Т. Грановскій** 258
22. Извлеченie изъ **Поэмы о Нибелунгахъ** 272
23. Состоянie Италіи, Германіи и Бургундіи, по сверженіи Карловинговъ и до начала X вѣка. **Епископъ Ліутпрандъ** 292
24. Жизнь Альфреда Великаго. **Епископъ Ассерій** 306
25. Мусульманская Испанія въ IX вѣкѣ. **Дози** 337
26. О происхожденіи феодальной системы и ея основныя начала. **Гизо**. 346

II. Вѣкъ Оттона Великаго и возстановленie священной римской имперіи.

(X-ое столѣтie).

Историческій очеркъ эпохи 373
27. Состоянie Италіи, Германіи и Бургундіи въ первой половинѣ X вѣка до Оттона Великаго. **Еп. Ліутпрандъ** 379
28. Время Гейнриха I Птицелова и первые годы правленія Оттона В. **Видукиндъ** 417
29. Послѣднie національные короли въ Италіи: Гуго и Беренгарій II. **Ліутпрандъ** 447
30. Изъ поэмы объ Оттонѣ Великомъ. **Монахиня Росвита** 457
31. О дѣяніяхъ Оттона В., императора. **Ліутпрандъ** 463
32. Жизнь императрицы св. Аделаиды. **Одилонъ, аббатъ Клюньи** . 477
33. Жизнь св. Бруно, архіеп. Кельнскаго. **Монахъ Руотгеръ** . . . 489
34. Время Оттона III. **Титмаръ, епископъ Мерзебургскій** 509

35. О планахъ церковной и государственной реформы при Оттонѣ III. **Гизебрехтъ** . . . 532
36. Церковныя реформы во Франціи и Гербертъ. **Монахъ Рикеръ** . . 554
37. О причинахъ паденія Карловинговъ во Франціи и возвышенія Капетинговъ. **Авг. Тьерри** . . . 569
38. Карлъ Простой и Роллонъ, герцогъ Нормандіи. **Робертъ Васэ** . . 580
39. Людовикъ IV Заморскій, король Франціи, и Ричардъ I, герцогъ Нормандіи. **Дудо** . . . 584
40. Время послѣднихъ Карловинговъ во Франціи и вступленіе на престолъ дома Капета. **Монахъ Рикеръ** . . . 589
41. Изъ автобіографіи **Монаха Рикера** . . . 617
42. Англія въ X вѣкѣ. **Боньшозъ** . . . 621
43. Жизнь св. Дунстана въ пещерѣ. **Осбернъ** . . . 628
44. Норманны въ Испаніи. **Дози** . . . 630

III. Вѣкъ Григорія VII Гильдебранда и начало борьбы папъ съ императорами.

(XI-ое столѣтіе).

Историческій очеркъ эпохи . . . 637
45. Германія и Италія въ правленіе императора Гейнриха II Св. **Титмаръ, епископъ Мерзебургскій** . . . 641
46. Изъ автобіографіи **Титмара, епископа Мерзебургскаго** . . . 663
47. Славянскій міръ въ правленіе имп. Гейнриха II. **Свящ. Гельмольдъ** . . . 668
48. Жизнь Конрада II, импер. **Капелланъ Випонъ** . . . 676
49. Жизнь св. Одилона, аббата Клюньи. **Монахъ Лотсальдъ** . . . 698
50. Первые годы правленія императора Гейнриха II. **Козьма Пражскій** . . . 706
51. Гамбургская эпархія при Гейнрихѣ III и въ малолѣтство Гейнриха IV. **Адамъ Бременскій** . . . 708
52. Состояніе западной церкви въ XI вѣкѣ и характеръ реформы и борьбы Григорія VII съ свѣтскою властью. **Лоранъ** . . . 726
53. Статутъ объ избраніи папъ, **Николая II** . . . 742
54. Жизнь императора Гейнриха IV. **Епископъ Отбертъ** . . . 744
55. Дѣтство и юность имп. Гейнриха IV до начала его войнъ съ саксонцами. **Клерикъ Бруно** . . . 756
56. О политическомъ характерѣ Григорія VII Гильдебранда. **П. Ланфре** . . . 767
57. Изъ переписки **Гейнриха IV и Григорія VII** . . . 776
58. Характеристика Гильдебранда, по показаніямъ его враговъ. **Кардиналъ Бенно** . . . 792
59. Католики и еретики въ эпоху борьбы Гейнриха IV съ Гильдебрандомъ. **Монахъ Маріанъ-Скотъ** . . . 795
60. Свиданіе Гейнриха IV съ Гильдебрандомъ въ замкѣ Каноссѣ. **Ламбертъ Герсфельдскій** . . . 798
61. Сцена назначенія въ духовныя должности при Гейрихѣ IV. **Ламбертъ Герсфельдскій** . . . 811

62. О завоеванiи Англiи норманнами. **Авг. Тьерри** 812
63. Гарольдъ и Вильгельмъ Завоеватель. **Робертъ Васэ** 830
64. О причинѣ завоеванiя Англiи норманнами. **Монахъ Симеонъ Дургамскiй** 834
65. Приготовленiя къ походу и отплытiе Вильгельма въ Англiю. **Капелланъ Вильгельмъ Поатье** 836
66. Вильгельмъ I, король Англiи. **Монахъ Матвѣй Парижскiй** . . . 839
67. Расправа норманновъ въ Англiи. **Аббатъ Ингульфъ**. 850
68. О „Думсдэйбукѣ" Вильгельма Зав. **Лаппенбергъ**. 852
69. Сидъ, какъ историческое лицо. **Дози**. 859
70. Капетинги во Францiи въ XI вѣкѣ. **Мишле** 878
71. Первые еретики во Францiи. **Монахъ Радульфъ Глаберъ** . . . 884
72. Общественныя бѣдствiя въ XI вѣкѣ. **Монахъ Радульфъ Глаберъ**. 887
73. О происхожденiи Божьяго-мира и его значенiе. **Семишонъ** . . . 889
74. Первыя постановленiя Божьяго-мира въ XI столѣтiи:
I. Декретъ Тюлюжскаго собора, въ 1041 году 896
II. Посланiе о Божьемъ-мирѣ св. Ивона, въ 1041 году 898
III. Посланiе о Божьемъ-мирѣ св. Одилона, въ 1042 году . . . 900
IV. Декретъ о Божьемъ-мирѣ Клермонтскаго собора, 1096 г.. . 902

Алфавитный указатель бiографическихъ извѣстiй, помѣщенныхъ во второмъ томѣ.
Родословныя таблицы № 1 и 2.
Карта св. Германской имперiи, ея вассалы и сосѣди въ XI вѣкѣ.

Типографія М. М. Стасюлевича. Спб. Вас. Остр., 2 линія, 7.